

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Росн: ...

ПЪСНИ

Мор: ...

СОБРАННЫЯ П. В. КИРЪЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

МОСКВА.
Въ типографіи Вахметова.
1863.

Одобрено Ценсурой. Москва, Июня 5-го, 1863 года.

PG3313

K53

1860

v. 5-7

MAIN

~~557x~~
~~K53~~
~~v. 5-7~~

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1862 года, Марта 6-го, 131 засѣданіе; пунктъ 6. Д. Членъ П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что Коммиссіею для изданія «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ,» изготовленъ къ печатанію 5-й выпускъ. Положено: «Выпускъ 5-й, который будетъ заключать въ себѣ Былевья пѣсни Новгородскія и Княжескія. «Приложенія,» какъ-то объяснительныя замѣтки, преданія, сказки, и «Указатель,» а слѣдовательно будетъ объемомъ приближаться къ 4-му выпуску, продавать также, какъ и сей послѣдній, по 1 руб. сер. за экземпляръ. — Всѣ распоряженія по печатанію 5 выпуска и продажѣ его, не ожидая новаго постановленія, возложить на прежнемъ основаніи, на Д. Члена П. А. Безсонова.»

*

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1862-й годъ.

ВЫПУСКЪ 5.

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ: I. Новгородскія. — II. Княжескія.

Пѣсни Былевыя:

I

Новгородскія.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ.

*

I.

1 *).

(Арханг. губ., Шенкурскаго уѣзда).

- Садился Васька на ременчатой стуль,
Писалъ ярлыки скорописчаты,
Отъ мудрости слово поставлено:
«Кто хочеть пить и ѣсть изъ готоваго,
5. «Валися къ Васькѣ на широкой дворъ,
«Тотъ пей и ѣшь готовое,
«И носи платье разноцвѣтное!»
Разсымалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
10. И на тѣ частые переулочки.
Въ то же время
Поставилъ Васька щанъ среди двора **),
Наливалъ щанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.
15. Во славномъ было во Новѣ-градѣ
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,

*) Начало пѣсни такое же, какъ ниже изъ Кириши Давидова. — О.

**) Вѣроятно стихи таковы:

Во ту же пору во то время
Поставилъ Васька щанъ среди двора...
Щанъ—чанъ.—О.

- Пошли ко Васькѣ на широкой дворъ.
 Ко тому шану—зелену вину *)....
20. Вылѣзають добры молодцы изъ—подъ избицы,
 Котельная Пригарина да Потанюшко Хроменькій,
 Бѣжать они, добры молодцы,
 Ко Васькѣ Буслаеву.
 Котельная Пригарина напередъ бѣжить,
25. Потанюшко Хроменькій позадѣ бѣжить,
 Позадѣ бѣгучи, онъ одно **) спѣшитъ:
 На праву ножку Потанюшко припадываетъ,
 На лѣву ножку Потанюшко прихрамываетъ,
 Изъ—подъ рученьки Потанюшко посматриваетъ.
30. Прибѣгали братаны ни широкой дворъ:
 На широкомъ дворѣ три шанѣ вина.
 Размахнули ребята на шаняхъ зелено вино,
 Выпивали ребята по пивному по ковшику,
 А пивной—то ковшикъ полтора ведра.
35. Увидаль Васька удалыхъ ребятъ,
 Соходилъ Васька со красна крыльца,
 Погонилъ братановъ со двора долой.
 Замолились братаны рѣчьми хорошими:
 ««Хоть ты дай намъ, Васька, опохмѣлиться.»»
40. Захватилъ онъ ихъ за бѣлы руки,
 Потанилъ онъ ихъ во нову избу:
 Тамъ онъ ихъ угощаль, тамъ и чествоваль.

- Мужики Новогорѣдчана, на питье они завидные,
 Никола Зиновьевичъ, Ѳома Родионовичъ,
45. Засмѣкали они собирать братовщины Никольщины:
 Насобирали они хлѣба семнадцать мѣръ,
 Накурили они зелена вина:
 Пьютъ—веселятся мужики Новогорѣдчана.

Правятся Васька Буслаевъ сынъ

*) Отселъ собственно начинается Шенкурское разпорѣчье пѣсн.—О.

**) Одвакаво; все таки.—О.

50. Съ Котельной Пригариной да съ Потанюшкой Хромень-
кинь

На пиръ на трапезу *).

Тутъ они на пиру напивались,

Тутъ они на пиру наѣдались,

Тутъ они другъ другу поперечили.

55. Подходилъ Васька къ чану зелено вина,

Размахнулъ Васька въ чанъ зелено вино,

Охлеснулъ Васька посудину полтретья ведра,

Самъ проговорилъ Васька таково слово:

«Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичъ,

60. «Не боюсь я тебя, Ѳома Родионовичъ,

«Не боюсь я всего Новгорода!

«Лишо¹ **) боюсь я крестоваго батюшка,

«Матераго Старчища Игнатыща,

«Да боюсь я крестоваго брѣтелка,

65. «Молода Григорья Игнатыча:

«Имъ отъ меня и честь и почётъ;

«А что по чему пойдетъ ***),—такъ и всёхъ не боюсь!»

И ударилъ Васька о великъ закладъ,

Не остъ рублей, не о тысячѣ,

70. Ударилъ Васька о своей буйной головѣ:

За утро битъся Васькѣ со всёми Новымъ-городомъ.

Пришелъ Васька Буслаевъ ко родимой ко матушкѣ,

Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимошеевнѣ;

Приводилъ съ собой товарищей,

75. Котельную Пригарину да Потанюшку,

Посадилъ онъ ихъ за дубовый столъ,

Учалъ онъ ихъ, Васька, чествовать,

Самъ сталъ матушкѣ своей рассказывать:

«Родна матушка, Амелѣа Тимошеевна!

*) Стихъ долженъ быть таковъ:

Правятся они на пиръ на трапезу.—О.

**) Лишь.—О.

***) А коли дойдетъ до настоящей расцѣпки, коли ужъ на то пойдетъ.—О.

80. «Ударился я не о мѣль закладъ,
 «Съ Николой Зиновьевичемъ да съ Ѳомой Родіоновичемъ,
 «Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
 «Ударился о своей буйной головѣ:
 «За утро мнѣ биться со всѣмъ Новымъ-городомъ.»
85. Заплакала матера вдова Амелѣа Тимоѣевна,
 Садила она Ваську въ погреба глубокіе,
 Замыкала замками крѣпкими,
 Заметывала рогатками булатными.

Котельная Пригарина да Потанюшко Хроменькій,

90. Ото сна встають, братаны, пробужаються,
 Умываются они бѣлешенько,
 На востокъ они, братаны, Богу кланяются,
 Биться со всѣмъ Новымъ-городомъ сряжаются.
 Сутки быются они съ Новымъ-городомъ:
95. Не подходит Васька Буслаевичъ;
 Другія они быются съ Новымъ-городомъ:
 Не подходит Васька Буслаевичъ;
 Третья они быются съ Новымъ-городомъ:
 Васьки Буслаева въ очю нѣтъ.
100. Говорять мужики Новогородчана:
 ««Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой?
 ««Измѣнилъ, братцы, Васька своимъ товарищамъ,
 ««Продалъ за дешево, братцы, Васька своихъ товарищей:
 ««Трой сутки быются братаны за Ваську Буслаева,
105. ««Молотами у нихъ головы испроломаны,
 ««Кушаками у нихъ головы испривязаны,
 ««А Васьки Буслаева въ явѣ нѣтъ.
 ««Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой?»»

Въ погребу учуль Васька эту говорю похульную *),

110. Заторчалъ **) Васька за дверями дубовыми,
 Тутъ бросился Васька на ободверины укладныя ***):

*) Рѣчь бранную, а вмѣстѣ похвальную—хвастливую.—О.

**) Рванулся.—О.

***) Изъ закаленного желѣза.—О.

Высадилъ онъ дѣрн на вѣту,
Разметалъ онъ рогатины булатныя.
Не пала Васькѣ никакая ураина *)),

115. Захватилъ онъ осѣще телѣжное,
Бѣжить онъ съ осѣщемъ на улицу:
«Садитесь вы, братны, на лавочку!
«Продалъ васъ не я, добрый молодець,
«Продала васъ моя матушка родимая:
120. «Теперь я съ вами одинъ побратаюсь!»
Заходило червѣнное **) осѣще по мужикамъ Новгород-
чанамъ:

Побѣжали мужики Новгородчана,
На часу одинъ всю силу выгубилъ.
Въ стрѣту палъ ему крестовый брателко:

125. На головѣ держитъ мѣдный колоколь,
Не величекъ колоколь—девяносто пудъ.
Засвѣтилъ ***) Васька осью въ мѣдный колоколь,--
Разбилъ колоколь въ мелко жеребѣ;
Тялъ ****) брата осью телѣжною,—
130. Зашибъ его до смерти до скорыя.

Идетъ Васькѣ въ стрѣту Старчище Игнатьище:
Къ землѣ Игнатьище поклящяется *****),
Костылемъ Игнатьище подпирается,
На головѣ несетъ мѣдный колоколь,

135. Не величекъ колоколь—полтора пудъ.
Говоритъ Васька Буслаевичъ:
«Ужъ ты здравствуешь крестовый батюшко!
«Ты за чѣмъ идешь, старъ человекъ?»
Отвѣчаетъ Старчище Игнатьище:
140. —Ты молодой, Васька *****)!.....—

*) Орудіе битвы.—О.

**) Червѣное, прозвище вяза, которымъ бились.—О.

***) Блеснулъ, махнулъ.—О.

****) Ударилъ.—О.

*****) Сгибается.—О.

*****) Здѣсь записавшій пѣсню, къ сожалѣнію, изъ мнѣнаго приличія выпустилъ строки.—О.

- Отвѣчаетъ Васька Буслаевъ сынь:
 «Не корись ты, старая шлея бросовая *),
 «Не корись ты, корзина дертюжкая **),
 «Дертюжкая корзина, вѣковалая!
 145. «Колько я тебя Крѣстнымъ ни назывывалъ,
 «На вѣку ты мнѣ яичка не даывалъ:
 «Вотъ тебѣ красное яичко,—Христось воскресь!»
 Ударилъ онъ колоколъ осьей телѣжкою,—
 Разкроилъ онъ колоколъ въ мелко жеребѣ;
 150. Застегнулъ онъ Старчища Игнатьища,
 Разъ ударилъ осью,—грязейъ сдѣлалъ.
 Еще сердце въ емъ не уходилося,
 Еще граеть ***) надъ тѣломъ Васька Буслаевъ сынь:
 «Лежи ты здѣсь, сучнище облѣзлое,
 155. «Вотъ тебѣ яичко,—Христось воскресь!»

(Записано А. Харитоновимъ, доставлено В. И. Далемъ).

*

2.

(Тамъ же).

- Наварилъ Васька пива пьянаго,
 Накурилъ Васька зелена вина,
 Разоставилъ чаны посередь двора,
 Спускаеть чару—полтора ведра,
 5. Ко чарочкѣ приговариваетъ:
 «Кто вы́здынетъ ****) чару единой рукой.
 «Выпьеть чару на единый духъ,
 «Будеть Васькѣ тотъ милый другъ,
 «Милый другъ будетъ, названный братъ.»
 10. Приходили мужики Новгородчана

*) Негодная, брось.—О.

**) Изъ дращицы.—О.

***) Играеть, наемѣхается. О.

****) Вы́здыкуть—поднять.—О.

Ко Васькѣ на почестенъ пирь:
Они на питье были завидные.
Не то *) имъ чарочка эта выпити,
Не могли они чарочку выдѣнуть;

15. Шатаются день до вечера.

Туть-то Васькѣ за бѣду стало,
За бѣду стало за великую;
Пошелъ Васька на широкій дворъ,
Схватилъ Васька червеный вязъ,

20. Побѣгъ Васька на широкій дворъ,
Взялъ туть мужиковъ битъ-окѣтывать,
За заплоти **) взялъ—всѣхъ повыметалъ.

Пошли мужики—сами зашлакали:
««Были у Васьки на честномъ пиру,

25. ««Не упили мы, не уѣли,
««А въ безвѣчье ***)) залѣзали у Васьки на вѣки!»»

Бѣжить на встрѣту Котельная Пригарина,
Говоритъ мужикамъ таковы рѣчи:

—Были вы у Васьки на честномъ пиру,

30. —Каково у Васьки упили,
—Каково у Васьки вы уѣли?—

««Мы не упили, не уѣли,
««Мы въ безвѣчье залѣзли на вѣки.
««Ты куда бѣжишь, ты куда спѣшишь?»»

35. Котельная Пригарина тому не бардуетъ ****),
Онъ одно бѣжить, онъ одно спѣшнить.

Прибѣгалъ ко Васькѣ на широкій дворъ,
Размахнулъ на чанѣ зелено вино,
Зачернаетъ чара *****)—полтора ведра,

40. Воздымаетъ чарочка единой рукой,

*) Не только что.—*О.*

**)) *Заллотъ*—заборъ, ограда.—*О.*

***)) *Увѣчье*.—*О.*

****)) Не обращаетъ на то вниманія.—*О.*

*****)) Весьма рѣдкое словосочиненіе.—*О.*

- Выпиваетъ чарочка на единой духъ;
 Крутѣхонько *) и во второй разъ—
 Воздымаетъ чара единой рукой,
 Выпиваетъ чара на единой духъ;
45. Онъ крутѣхонько и въ третій разъ—
 Захотѣлъ выпить чара зелена вина.
 И пошолъ Васька на широкій дворъ,
 И схватилъ Васька чернеый влзъ,
 Билъ Васька дѣтину въ буйну голову:
50. Дѣтина стоитъ—не ворóхнется,
 На ѓмъ синь кафтанъ не кольхнется,
 Кудри черныя не тряхнутся,
 Полна чарочка въ рукахъ не всплѣнется;
 Не мало ведро выпилъ,—полпятá ведра.
55. —Окатилъ ты меня, Васька Буслаевичъ,
 —Окатилъ ты мнѣ ретиво сердце,
 —Возвеселилъ ты мнѣ буйну голову:
 —Ужь ты дашь ли мнѣ опохмѣлиться?—
 Онъ бралъ его за бѣлы руки
60. И повелъ его во свѣтлицу:
 «Будь ты мнѣ милый другъ,
 «Милый другъ да и названный братъ!»
 Посадилъ его за дубовый столъ
 И учалъ его въ тѣ поры чествовать.
65. Въ тѣ поры въ то времячко
 Увидѣли мужики Новгородчана,
 Бѣжить на встрѣту Потанюшко Хроменькій;
 Спрашаетъ онъ у мужиковъ у Новгородчанъ:
 —Были ли у Васьки на честномъ шпру?—
70. Онъ одно бѣжить, онъ одно сгѣшитъ:
 На праву ножку онъ припадываетъ,
 На лѣву ножку онъ прихрамываетъ,
 Изъ-подъ рученьки Потанюшко посматриваетъ.
 Прибѣгалъ ко Васькѣ на широкій дворъ,

*) Крутѣхонько—скорѣховько, отъ *круто*—скоро.—О

75. Размахнулъ на чанѣ зелено вино,
 Зачерпаетъ чара—полтора ведра,
 Выздынаетъ чарочка единой рукой,
 Выпиваетъ чарочка на единой духъ;
 Крутѣхонько и во второй разъ—
80. Выздынаетъ чара единой рукой,
 Выпиваетъ чара на единой духъ;
 Онъ крутѣхонько и въ третій разъ—
 Захотѣлъ выпить чара зелена вина.
 Пошолъ Васька на широкій дворъ
85. И схватилъ Васька черненый вязъ,
 Билъ Васька дѣтину въ буйну голову:
 Дѣтина стоимъ—не ворóхнется,
 На ѓмъ синь кафтанъ не кольхнется,
 Кудри черныя не тря́хнутся,
90. Полна чарочка въ рукахъ не всплѣщется.
 Говорить дѣтина Васькѣ Бусланчу:
 —Окатилъ ты меня, Васька Буслаевичъ,
 —Возвеседилъ ты мнѣ буйну голову:
 —Хоть ты дай мнѣ, Васька, опохмѣлиться!—
95. Онъ бралъ его за праву руку
 И повелъ его во свѣтлицу:
 «Будь ты мнѣ милый другъ,
 «Милый другъ да и названный братъ!»
 Посадилъ его за дубовый столъ
100. И учалъ его въ тѣ поры потчивать.

Мужики Новгородчана,
 На питье они были завидные,
 Никола Зиновьевичъ, Ѡма Родіоновичъ,
 Вздумали они собирать брѣтщины Никольщины:

105. Насбирали они двѣнадцать мѣръ,
 Наварили зелена вина;
 Тутъ они заприраждовали,
 Никола Зиновьевичъ, Ѡма Родіоновичъ.
 Тутъ Васька Буслаевичъ съ своими товарищами,
110. Съ Котельной Пригариной, съ Потанюшкой Хромень-

кинъ,

- Пошли на честной пиръ.
 Тутъ на пиру наѣдалися,
 Тутъ на пиру напивалися,
 Тутъ они другъ другу перече́чили.
115. И говоритъ Васька Буслаевичъ:
 «Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичъ,
 «Не боюсь я тебя, Ома Родіоновичъ,
 «Не боюсь я всего Нова-города,
 «Окромѣ крестоваго батюшка,
120. «Старичища Игнатьища,
 «И крестоваго брателка Григорья Игнатьича:
 «А что по чему поидеть,—такъ и всѣхъ не боюсь!»
 И ударился Васька о великъ закладъ,
 Не о ста рубляхъ, не о тысячѣ,
125. Ударился Васька о своей буйной головѣ:
 За утро́ битися Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ.

- Тутъ пришолъ Васька Буслаевъ къ матушкѣ родной,
 Къ матерой вдовѣ къ Амелѣѣ Тимошеевнѣ,
 Пришолъ онъ со своимъ товарищима,
130. Посадилъ онъ ихъ за дубовый столъ;
 Учаль онъ ихъ потчивать—чувствовать,
 А самъ сталъ матушкѣ своей рассказывать:
 «Родимая матушка, Амелѣа Тимошеевна!
 «Ударился я съ Николой Зиновичемъ и съ Омой Роді-
 оновичемъ,
135. «Ударился я о великъ закладъ,—
 «За утро́ мнѣ битися со всѣмъ Новымъ-городомъ!»
 Тутъ матерà вдова Амелѣа Тимошеевна заплакала,
 Садила она Ваську въ погреба глубокіе,
 Запирала замками крѣпкими,
140. Замѣтывала рогатками булатными.

За утро́ встають Котельная Пригарина,
 Потанюшко Хроменькій ранѣшенько,
 Умываються бѣлѣшенько,
 И идуть добры молодцы—сряжаются

145. Со всѣмъ биться съ Новымъ-городомъ.
 Дерутся они съ Новымъ-городомъ трои сутоки:
 Молотами у ихъ головы испроломаны,
 Кушаками головы завязаны.
 «Что ты, Васька Буслаевичь,
 150. «Измѣнилъ ты своимъ товарищамъ!»»

- Тутъ бросился Васька на двери съ ободвѣринами,
 Бросился—двери высадилъ;
 На пути Васькѣ не пало черное вѣзище,
 Не пала Васькѣ никакая урэзина,
 155. Схватилъ Васька тѣлѣжное ощице:
 «Садитесь вы, братцы, на лавочку:
 «Измѣнилъ вамъ не я, добрый молодецъ,
 «Измѣнила вамъ моя родна матушка;
 «Теперь я съ ними побрѣтаюсь!»
 160. На часу силу всю выгубилъ;
 Онъ дошелъ до крестоваго брателка:
 Идетъ онъ—несетъ колоколъ на головѣ сорокъ пудъ.
 Ударилъ Васька Буслаичъ въ мѣдный колоколъ, —
 И расшибъ колоколъ въ мелки жѣребы;
 165. Тутъ его тягъ о бѣлы груди осью тѣлѣжною, —
 Покатился за́ мертво крестовый брателко.
 Идетъ Старичище Игнатьище:
 Костылемъ онъ подпирается,
 На головѣ несетъ колоколъ—девяносто пудъ.
 170. «На что ты идешь, крестовый батюшко?»
 Говоритъ Васька Буслаевичъ.
 Отвѣчаетъ Старичище Игнатьище:
 —Ты Васька, молодойне.....!—
 «Колько я тебя Хрѣстнымъ ни назывывалъ,
 175. «На вѣку ты мнѣ яичка не даывалъ;
 «Теперь мы съ тобой похристосуемся:
 «Вотъ тебѣ красно яичко—Христось воскресъ!»
 Васька ударилъ колоколъ осью тѣлѣжною, —
 Расшибъ колоколъ въ мелки жѣребы;
 180. Онъ застегнулъ Старичищу Игнатьищу,

Застегнулъ осью телѣжною,—
На единойъ разѣ грязью сдѣлалъ.

(Записано г. Н. Борисовымъ въ 1844 г.).

*

3.

(Кирша Даниловъ).

- Въ славномъ Великомъ Новѣ-градѣ,
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ—не перечился,
Со мужики Новгородскими
5. Поперегъ словечка не говаривалъ;
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалось его житье-бытье
10. И все имѣніе дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Амелѣа Тимоѣевна,
И оставалось чадо милое
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
15. Будеть Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелѣа Тимоѣевна,
Учить его во грамотѣ,—
А грамота ему въ наукъ пошла;
20. Присадила перомъ его писать,—
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному,—
Пѣтье Василью въ наукъ пошло.
А и нѣтъ у насъ такова пѣвца,
25. Во славномъ Новѣ-городѣ,
Сопротивъ Василья Буслаева!

Поводился вѣдь Васька Буслаевичъ
 Со пьяницы, съ безумницы,
 Съ веселыми удалыми-добрыми молодцы:

30. До пьяна ужь сталъ напиватися;

А и ходя въ городѣ уродуетъ:
 Котораго возметъ онъ за руку,
 Изъ плеча тому руку выдернетъ;
 Котораго задѣнетъ за ногу,

35. То изъ..... ногу выломить;

Котораго хватить поперегъ хребта,
 Тотъ кричить-реветъ, окарачь ползеть.
 Пошла-то жалоба великая.

А и мужики Новгородскіе,

40. Посадскіе, богатые,

Приносили жалобу они великую
 Матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимошеевнѣ
 На того на Василья Буслаева;
 А и мать-то стала его журить-бранить,

45. Журить-бранить, его на умъ учить:

Журьба Васькѣ не влюбилася.

Пошелъ онъ, Васька, во высокъ теремъ,

Садился Васька на ременчатой стулъ,

Писалъ ярлыки скорописчаты,

50. Отъ мудрости слово поставлено:

«Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго,

«Валися къ Васькѣ на широкой дворъ,

«Тотъ пей и ѣшь готовое,

«И носи платье разноцвѣтное!»

55. Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ

На тѣ улицы широкія

И на тѣ частые переулочки.

Въ то же время

Поставилъ Васька чанъ среди двора *),

60. Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,

Опускалъ онъ чару въ полтора ведра.

*) См. № 1-й.—О.

- Во славномъ было во Новѣ-градѣ
 Грамотны люди шли,
 Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
 65. Пошли ко Васькѣ на широкой дворѣ
 Къ тому чану, зелену вину.
 Въ началѣ былъ Костя Новоторженнымъ;
 Пришелъ онъ, Костя, на широкой дворѣ:
 Василий тутъ его опробовалъ,
 70. Сталъ его бити червленымъ вязомъ,—
 Въ половинѣ было наамто
 Тяжела свинцу Чебурацкаго,
 Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ; —
 А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ:
 75. Стоить тутъ Костя—не шевельнется
 И на буйной головѣ кудри не тряхнутся;
 Говорилъ Василий сынъ Буслаевичъ:
 «Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
 «А и будь ты мнѣ названой братъ,
 80. «И паче мнѣ брата родимаго!»
 А и мало время позамѣшавши,
 Пришли два брата боярченка,
 Лука и Моисей Дѣти Боярскіе,
 Пришли ко Васькѣ на широкой дворѣ:
 85. Молодой Василий сынъ Буслаевичъ
 Тѣмъ молодцамъ сталъ радошень и веселешенежъ.
 Пришли тутъ мужики Залѣшена:
 И не смѣлъ Василий показатися къ нимъ.
 Еще тутъ пришло семь братовъ Збродовичи.
 90. Собиралися—сходилися
 Тридцать молодцовъ безъ единого,
 Онъ самъ Василий тридцатой сталъ:
 Какой зайдетъ,—убьютъ его,
 Убьютъ его, за ворота бросать.
95. Послышалъ *) Васинька Буслаевичъ

*) Вѣроятно: „прислышалъ“, „заслышалъ“.—О.

- У мужиковъ Новгородскихъ
 Канунъ *) варенъ, пива ячныхъ:
 Пошелъ Василій со дружиною.
 Пришелъ во братчину въ Никольщину:
 100. ««Не малу мы тебѣ сыпь **) платимъ,
 ««За всякого брата по пяти рублевъ!»»
 А за себя Василій даетъ пятьдесятъ рублевъ.
 А и тотъ-то староста церковной ***)
 Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину.
 105. А и зачали они тутъ канунъ варенъ пить,
 А и тѣ-то пива ячныхъ.
 Молодой Василій сынъ Буслаевичъ
 Бросился на царевъ кабакъ
 Со своею дружиною хороброю ****):
 110. Напилися они туто зелена вина
 И пришли во братчину въ Никольщину.
 А и будетъ день ко вечеру:
 Отъ малаго до старого,
 Начали ужъ ребята боротися,
 115. А въ иномъ кругу въ кулаки битися;
 Отъ тое борьбы отъ ребячя,
 Отъ того бою отъ кулачнаго,
 Началася драка великая;
 Молодой Василій сталъ драку разнимать:
 120. А иной *****) дуракъ зашолъ съ носка,
 Его по уху опмелъ,—
 А и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ:

*) Церковное празднованіе известнаго дня начинается съ вечера, съ вечера, съ *канона* или *кануна*, откуда наше *какануль*, а самыя кушанья и питья, заготовленныя съ вечера подъ праздникъ, назывались—и называются—*сладкимъ, честнымъ кануномъ*. Здѣсь разумѣется Николинъ день и то, что было заготовлено къ Никольской братчинѣ, къ пиру, который дѣлали въ складчину со всего прихода.—*О*.

**) Доля складчины, ссыпаемая или сливаемая вмѣстѣ со всякомъ приноса.—*О*.

***) Начальникъ братчины.—*О*.

****) Должно быть: „хороброу.“—*О*.

*****) Одинъ, какой-то; случилось, что какой-то.—*О*.

- «Гой еси ты, Костя Новоторженинъ
 «И Лука, Моисей, Дѣти Боярскіе!
 125. «Уже Ваську меня бьютъ!»
 Поскакали удалы-добры молодцы,
 Скоро они улишу очистили,
 Прибили уже много до смерти,
 Вдвое, втрое перековеркали,
130. Руки-ноги переломали;
 Кричать-ревать мужики посадскіе;
 Говорить тутъ Василій Буслаевичъ:
 «Гой еси вы, мужики Новгородскіе!
 «Бьюсь съ вами о великъ закладъ:
135. «Напушаюсь я на весь Новгородъ
 «Битися-дратися,
 «Со всею дружиною хораброю;
 «Тако *) вы меня съ дружиною побьете Новымъ-горо-
 домъ,—
 «Буду вамъ платить дани-выходы по смерти своєю,
140. «На всякой годъ по три тысячи;
 «А буде же я васъ побью,
 «И вы мнѣ покоритесь,—
 «То вамъ платить мнѣ такову же дань.»
 И въ томъ-то договорѣ руки они подписали.
145. Началась у нихъ драка-бой великая.
 А мужики Новгородскіе,
 И все кушцы богатые,
 Всѣ они вмѣстѣ сходилися,
 На млада Васютку напушались,
150. И дерутся они день до вечера;
 Молодой Василій сынъ Буслаевичъ,
 Со своею дружиною хораброю,
 Прибили они во Новѣ-градѣ,
 Прибили уже много до смерти.
155. А и мужики Новгородскіе догадаться,
 Пошли они съ дорогими подарки

*) Должно быть: „только,“ если.—О.

- Къ матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимошеевнѣ:
 «Матера вдова Амелѣѣ Тимошеевна!
 «Прими у насъ дороги подарочки,
 160. «Уйми свое чадо милое,
 «Василья Буслаевича!»»
 Матера вдова Амелѣѣ Тимошеевна
 Принимала у нихъ дороги поларочки,
 Посылала дѣвушку—чернавушку
 165. По того Василья Буслаева.

- Прибѣжала дѣвушка—чернавушка,
 Сохватила Ваську во бѣлы руки,
 Потщила къ матушкѣ родимыя,
 Притащила Ваську на широкой дворѣ:
 170. А и та старуха неразмьшлена
 Посадила въ погребѣ глубокіе
 Молода Василья Буслаева,
 Затворяла дверьми желѣзными,
 Запирала замки булатными.

175. А его дружина хорабрая
 Со тѣми мужики Новгородскими
 Дерутся—бьются день до вечера;
 А и та-то дѣвушка—чернавушка
 На Волхъ—рѣку ходила по воду,
 180. А взмолятся ей тутъ добры молодцы:
 «Гой еси ты, дѣвушка—чернавушка!
 «Не подай *) насъ у дѣла у ратнаго,
 «У того часу смертнаго!»»

- И тутъ дѣвушка—чернавушка,
 185. Бросала она ведро клешовое,
 Брала коромысло кипарисово,
 Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати
 По тѣмъ мужикамъ Новгородскимъ:
 Прибила ужъ много до смерти.

*) Не выдай.—О.

190. И тутъ дѣвка запыхалася,
 Побѣжала ко Василью Буслаеву,
 Срывала замки булатные,
 Отворяла двери желѣзные:
 —А и спишь ли, Василій, или такъ лежишь?
195. —Твою дружину хорабрую
 —Мужики Новгородскіе
 —Всѣхъ прибили—переранили,
 —Булавами буйны головы пробиваны!—
 Ото сна Василій пробуждается,
200. Онъ выскочилъ на широкой дворъ,—
 Не попала палица желѣзная,
 Что попала ему ось телѣжная;
 Побѣжалъ Василій по Нову-городу,
 По тѣмъ по широкимъ улицамъ;
205. Стоитъ тутъ Старецъ Пилигримища,
 На могучихъ плечахъ держитъ колоколъ,
 А вѣсомъ тотъ колоколъ во триста пудъ;
 Кричитъ тотъ Старецъ Пилигримища:
 —А стой ты, Васька, не попорхивай;
 —Молодой глудырь, не полетывай:
210. —Изъ Волхова воды не выпити,
 —Во Новѣ-градѣ людей не выбити,
 —Есть молодцовъ сопровтивъ тебя,
 —Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ!—
 Говорилъ Василій таково слово:
215. «А и гой еси, Старецъ Пилигримища!
 «А и бился я о великъ закладъ
 «Со мужики Новгородскими,
 «Опричь *) почестнаго монастыря,
 «Опричь тебя, Старца Пилигримища:
220. «Во задоръ войду—тебя убью!»
 Ударилъ онъ Старца во колоколъ
 А и той-то осью телѣжною,—
 Начается, Старецъ не шевѣлится,—

*) Не считая въ уговорѣ.—О.

Заглянулъ онъ, Василій, Старца подъ колоколомъ,
225. А и во лѣбъ глазъ—ужь въку нѣтъ *).

Пошелъ Василій по Волхъ-рѣкъѣ.

А идетъ Василій по Волхъ-рѣкъѣ,
По той Волховой по улицѣ,
Завидѣли добрые молодцы,

230. А его дружина хорабрая,
Молода Василья Буслаева,—
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
У нихъ-то молодцовъ думушки прибыло;
Молодой Василій Буслаевичъ

235. Пришелъ-то молодцамъ на выручку;
Со тѣми мужики Новгородскими
Онъ дерется-бьется день до вечера;
А ужь мужики покорилися,
Покорилися и помирилися.

240. Понесли они записи крѣпкія
Къ матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимоѣевнѣ;
Насыпали чашу чистаго серебра,
А другую чашу краснаго золота,
Пришли ко двору дворянскому,

245. Бьютъ челомъ—поклоняются:
««Осударыня матушка!
««Принимай ты дороги подарочки,
««А уйми свое чадомилое,
««Молода Василья со дружиною;

250. ««А и ради мы платить
««На всякой годъ по три тысячи,
««На всякой годъ будемъ тебѣ носить
««Съ хлѣбниковъ по хлѣбнику,

*) *Качается*—есть исправленіе К. Ф. Калайдовича, очевидно противорѣчащее выраженію „не шевелится;“ въ рукописи было, какъ оставляемъ и мы, *качается*, надѣется, думаетъ, полагаетъ; ударилъ Василій въ колоколь и думаетъ, старецъ отъ того не шевельнется, а какъ заглянулъ подъ колоколь,—глаза ужь закрылись давно, давно умеръ отъ удара.—Думаемъ такъ же, что вѣрнѣе чтеніе—„старцу подъ колоколь.“—О.

- «Съ кадачниковъ по калачику,
 255. «Съ молодицъ повѣнчаное,
 «Съ дѣвицъ повалешное,
 «Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
 «Опричь поповъ и дьяконовъ *).»»

Втапоры матера вдова

260. Амелѣа Тимоѣевна

Посылала дѣвушку-чернавушку
 Привести Василья со дружиною.
 Пошла та дѣвушка-чернавушка,
 Бѣжавши та дѣвка запыхалася:

265. Не лязя пройти дѣвкѣ по улицѣ,
 Что полтеи **) по улицѣ валяются
 Тѣхъ мужиковъ Новгородскихъ.
 Прибѣжала дѣвушка-чернавушка,
 Сохватила Василья за бѣлы руки,

270. А стала ему рассказывати:

—Мужики пришли Новгородскіе,
 —Принесли они дороги подарочки
 —И принесли записи заручныя
 —Ко твоей сударынѣ матушкѣ,

275. —Къ матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимоѣевнѣ.—

Повела дѣвка Василья со дружиною
 На тотъ на широкой дворъ,
 Приведа-то ихъ къ зелену вину.

А сѣли они молодцы во единой кругъ,

280. Выпили вѣдъ по чарочкѣ зелена вина,

Со того уразу ***) молодецкаго

Отъ мужиковъ Новгородскихъ;

Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ:

*) Разряды древнихъ податей, исключая безподатныхъ церковниковъ: *повѣнчаное*—подать съ брака, *вѣнца*; *повалешное*—съ валька, съ портомойни, съ плоту.—О.

**) Туши убитыхъ, половники, окорока разорванныхъ; *одинаково* среднее и съ *дѣлотъ*, *плотъ*, и *лазъ*, *половина* (корень словъ *одна*).—О.

***) Удара, побойща.—О.

- «У мота и у пьяницы,
 285. «У млада Васютки Буслаевича,
 «Не ушито, не уѣдено,
 «Въ краснѣ хорошо *) не ухожено,
 «А цвѣтнаго платя не уношено,
 «А увѣче на вѣкъ загѣчено **)!»»
290. И повель ихъ Васильи обѣдати
 Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимошеевнѣ;
 Втапоры мужики Новгородскіе
 Приносили Василью подарочки,
 Вдругъ сто тысячей;
295. И за тѣмъ у нигъ мирова ***) пошла;
 А и мужики Новгородскіе
 Покорилися и сами поклонилися.

* *

II.

4.

(Оттуда же).

- Подъ славнымъ Великимъ Новымъ-городомъ,
 По славному озеру по Ильмену,
 Плаваеъ-поплаваеъ сѣръ селезень,
 Какъ бы ярой гоголь поныриваеъ:
5. А плаваеъ-поплаваеъ черменъ корабль
 Какъ бы молода Василья Буславьевича,
 А и молода Василья, со его дружиною хороброю ****),

*) Должно быть: „въ краснѣ-хорошѣ.“—О.

**) Прежніе неосторожные надатели, какъ на примѣръ г. Сахаровъ, исправили—„загѣчено.“ Но „загѣтъ“ значитъ—добыть, приобрьсть, и предыдущій образецъ пѣсни доказываетъ, что такое чтеніе правильно: не выпить, не проѣсть всего, что есть у Васютки, не износить платя цвѣтнаго, за то и увѣче добыто на вѣкъ!—О.

***) Мировая (сдѣлка).—О.

****) Стихи должны быть:

А и молода Василья со его дружиною,
 Со его дружиною хороброю.—О.

- Тридцать удалыхъ молодцовъ.
 Костя Никитинъ корму держить,
 10. Маленькой Потаня на носу стоитъ,
 А Василій—то по кораблю похаживаетъ,
 Таковы слова поговариваетъ:
 «Свѣтъ моя дружина хорабрая,
 «Тридцать удалыхъ—добрыхъ молодцовъ!
 15. «Ставьте корабль поперегъ Ильмена,
 «Приставайте, молодцы, ко Нову—городу.»
 А и тычками къ берегу притыкались,
 Сходни бросали на крутой бережокъ,
 Походилъ тутъ Василій ко своему онъ двору дворян-
 скому *)),
 20. И за нимъ идетъ дружинишка хорабрая,
 Только караулы оставили.

- Приходить Василій Буслаевичъ
 Ко своему двору дворянскому,
 Ко своей сударынѣ матушкѣ,
 25. Матерой вдовѣ Амелеѣ Тимоѣевнѣ;
 Какъ вьюнъ около ея убивается **) ,
 Просить благословеніе великое:
 «А свѣтъ ты моя сударыня матушка,
 «Матера вдова Амелеа Тимоѣевна!
 30. «Дай мнѣ благословеніе великое,
 «Итти мнѣ Василью въ Ерусалимъ градъ,
 «Со всею дружиною хораброю,
 «Мнѣ ко Господу помолитися,
 «Святой святынѣ приложитися,
 35. «Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися.»
 Что взговорить матера вдова,
 Матера Амелеа Тимоѣевна:

*) Стихи должны быть:

Походилъ тутъ Василій ко своему двору,
 Къ своему онъ двору ко дворянскому.—О.

**) Должно быть: „убивается.“—О.

- Гой еси ты, мое чадо милое,
 —Молодой Василий Буслаевич!
40. —То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
 —Тебѣ дамъ благословеніе великое;
 —То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
 —И не дамъ благословенія великаго,
 —А и не носи Василья сыра земля!—
45. Камень отъ огня разгорается,
 А булатъ отъ жару разтопляется:
 Материно сердце распушается;
 И даетъ она много свинцу—пороху,
 И даетъ Василью запасы хлѣбныя,
50. И даетъ оружье долгожѣрное:
 —Побереги ты, Василий, буйну голову свою!—
 Скоро молодцы собираются
 И съ матерой вдовой прощаются;
 Походили они на червленъ корабль,
55. Подымали тонки парусы полотняные,
 Побѣжали по озеру Ильменю.

- Бѣгутъ они ужь сутки другія,
 А бѣгутъ уже недѣлю другую,
 Въ стрѣчу имъ гости корабельщики:
60. «Здравствуй, Василий Буслаевич!
 «Куда, молодецъ, поизволилъ погулять?»»
 Отвѣчаетъ Василий Буслаевичъ:
 «Гой еси вы, гости корабельщики!
 «А мое-то вѣдь гулянье неохотное *)»
65. «Съ молоду бито много, граблено,
 «Подъ старость надо душа спасти **)»
 «А скажите вы, молодны, мнѣ прямаго путя
 «Ко святому граду Іерусалиму?»
 Отвѣчаютъ ему гости корабельщики:
70. «А и гой еси, Василий Буслаевич!

*) По веволь.—О.

**) Обычный древній оборотъ словосочиненія.—О.

- «Прямымъ путемъ въ Иерусалимъ градъ
 «Бѣжать семь недѣль,
 «А окольной дорогой полтора года.
 «На славномъ морѣ Каспійскимъ,
 75. «На томъ острову на Кумнискіимъ,
 «Стоитъ застава крѣпкая,
 «Стоять атаманы козаціе,
 «Не много, не мало ихъ—три тысячи:
 «Грабятъ бусы-галеры,
 80. «Разбиваютъ червлены корабли *)»
 Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
 «А не вѣрую я, Василька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
 «А и вѣрую въ свой червеной вазъ:
 «А бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ!»
85. И завидѣлъ Василій гору высокую,
 Приставалъ скоро ко круту берегу,
 Походилъ Василій сынъ Буслаевичъ
 На ту ли гору Сорочинскую,
 А за нимъ летитъ дружина хорабрая.
90. Будетъ Василій въ полу-горѣ,
 Тутъ лежитъ пуста голова,
 Пуста голова, человѣчья кость:
 Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
 Провѣщитъ пуста голова человѣческая:
95. —Гой еси ты, Василій Буславевичъ!
 —Ты къ чему меня, голову, побрасываешь?
 —Я, молодець, не хуже тебя былъ,
 —Умѣю я, молодець, валятися;
 —А на той горѣ Сорочинскія,
100. —Гдѣ лежитъ пуста голова,
 —Пуста голова молодецкая,
 —И лежать будетъ головѣ Васильевой!—
 Пякнулъ Василій, прочь пошелъ:
 «Али, голова, въ тебѣ врагъ говорить,

*) Должно быть: „карабли.“—О.

105. «Или нечистой духъ!»
 Пошелъ на гору высокую.
 На самой сопкѣ тутъ камень стоитъ:
 Въ вышину три сажени печатныя,
 А и черезъ его только топоръ подать,
 110. Въ долину три аршина съ четвертью;
 И въ томъ-то подпись подписана:
 «А кто, де, у камня станетъ тѣшиться,
 «А и тѣшиться-забавлятися,
 «Вдоль скакать по каменю,»
 115. «Сломить будетъ буйну голову.»»
 Василий тому не вѣруетъ;
 Приходилъ со дружиною хораброю,
 Стали молодцы забавлятися,
 Поперегъ того каменю поскакивати:
 120. А вдоль-то его не смѣютъ скакать.

- Пошли со горы Сорочинскія,
 Сходятъ они на червленъ корабль,
 Подымали тонки парусы полотняны,
 Побѣжали по морю Каспійскому
 125. На ту на заставу корабельную,
 Гдѣ-то стоятъ козаки разбойники,
 А стары атаманы козачіе:
 На пристани ихъ стоятъ сто человекъ.
 А и молодой Василий на пристань сталъ;
 130. Сходни бросали на круть бережокъ,
 И скочилъ-то Буслай на круть бережокъ,
 Червленымъ вязомъ подпирается.
 Тутъ караульщики, удалы-добры молодцы,
 Всѣ на караулъ испугалися;
 135. Много его не дожидаются:
 Побѣжали съ пристани корабельныя
 Къ тѣмъ атаманамъ козачіимъ.
 Атаманы сидятъ—не дивуются,
 Сами говорятъ таково слово:
 140. «Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ,

- «Не видали страху великаго!
 «Это, де, идетъ Василій Буслаевичъ:
 «Знать, де, полетка соколиная,
 «Видѣтъ, де, поступка молодецкая *)!»»
145. Пошагаль-то Василій со дружиною,
 Гдѣ стоятъ атаманы козачіе;
 Пришли они, стали во единой кругъ;
 Тутъ Василій имъ поклоняется,
 Самъ говоритъ таково слово:
150. «Вздравствуйте, атаманы козачіе!
 «А скажите вы мнѣ прямаго пута
 «Ко святому граду Іерусалиму?»
 Говорятъ атаманы козачіе:
 «Гой еси, Василій Буслаевичъ!
155. «Милости тебя просимъ за единой столъ хлѣба ку-
 шати **)!»»
- Втапоры Василій не ослушался:
 Садился съ ними за единой столъ.
 Наливали ему чару зелена вина въ полтора ведра ***):
 Принимаетъ Василій единой рукой
160. И выпилъ чару единымъ духомъ;
 И только атаманы тому дивуются,
 А сами не могутъ и по полу-ведру пить.
 И хлѣба съ солью откушали ****),
 Сбирается Василій Буслаевичъ
165. На свой червленъ корабль,—
 Даютъ ему атаманы козачіе подарки свои:
 Первую мису чиста серебра,
 И другую красна золота,

*) Замѣтно по полету сокола, видно по поступкѣ молодца.—О.

**) Стихи должны быть:

«Милости тебя просимъ за единой столъ,
 «За единой столъ хлѣба кушати!»—О.

***) Стихи:

Наливали ему чару зелена вина,
 Зелена вина въ полтора ведра.—О.

****) Т. е. когда откушали.—О.

Третью скатнаго жемчуга.

170. За то Василій благодарить и кланяется,
Просить у нихъ до Ерусалима провожатаго:
Туть атаманы Василью не отказывали,
Дали ему молодца провожатаго,
И сами съ нимъ прощалися.

175. Собрался Василій на свой червленъ корабль
Со своею дружиною хораброю,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по морю Каспійскому.

Будуть они во Ердань-рѣкъ,

180. Бросали якори крѣпкіе,
Сходни бросали на круть бережокъ,
Походили туть Василій Буслаевичъ,
Со своею дружиною хораброю,
Въ Іерусалимъ градъ.

185. Пришелъ во церкву соборную:
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя Василья Буслаевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ

190. И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ-добрыхъ молодцовъ,
Что съ молоду бито много, граблено.
И ко святой святынѣ приложился онъ,

195. И въ Ерданѣ рѣкъ искупался.
И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами;
И которые старцы при церкви живутъ *),
Дасть золотой казны не считаючи;
И походить Василій ко дружинѣ

200. Изъ Ерусалима на свой червленъ корабль.

Втапоры его дружина хорабрая

*) Богородице старцы, въ богадымъ, стравнопринимци и больницѣ.—О.

Купались во Ерданѣ рѣкѣ;
 Приходила къ нимъ Баба Залѣсная,
 Говорила таково слово:

205. —Почто вы купаетесь во Ерданѣ рѣкѣ?

—А некому купатися опричь Василья Буслаевича!

—Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самъ Господь Исусъ Хри-
 тось *):

—Потерять его вамъ будеть,

—Большаго атамана Василья Буслаевича **)! —

210. И они говорятъ таково слово:

«Нашъ Василій тому не вѣруеть, ни въ сонъ, ни въ
 чохъ ***)»»

И мало время поизойдучи,

Пришелъ Василій ко дружинѣ своей,

Приказалъ выводить корабль

215. Изъ устья Ердань-рѣки.

Подняли тонки парусы полотняны,

Побѣжали по морю Каспійскому,

Приставали у острова Куминскаго;

Приходили тутъ атаманы козачіе,

220. И стоять всѣ на пристани корабельныя;

А и выскочилъ Василій Буслаевичъ

Изъ своего червленаго корабля,

Поклонились ему атаманы козачіе:

«Здравствуй, Василій Буслаевичъ!

*) Стихи:

—Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самъ Господь,

—Самъ Господь Исусъ Христось.—О.

**) Изъ другихъ разнорѣчій пѣсни знаемъ, что не купаться въ Ерданѣ считалось грѣхомъ, а грѣхомъ было купаться „нагимъ тѣломъ“, ибо такъ крестился только Господь; Баба догадывается, что некому было сдѣлать эту дерзость кромѣ Василья, и за то предсказываетъ, что путники потеряютъ своего атамана.—О.

***) Стихи:

«Нашъ Василій тому не вѣруеть,

«Не вѣруеть Василій ни въ сонъ, ни въ чохъ.»—О.

225. «Здорово ли създилъ въ Ерусалимъ градъ?»
 Много Василій не бантъ съ вами,
 Подалъ письмо въ руку мнѣ,
 Что много трудовъ за нхъ положилъ,
 Служилъ обѣдни съ молебнами за нхъ, молодцовъ;
230. Втапоры атаманъ козачіе
 Звали Василья обѣдати:
 И онъ не пошелъ къ нимъ,
 Прощался со всѣми тѣми атаманы козачіи.
 Подымали тонки парусы полотняные,
235. Побѣжали по морю Каспійскому къ Нову-городу.

А и ѣдутъ недѣлю споряду,
 А и ѣдутъ уже другую,
 И завидѣлъ Василій гору высокую Сорочинскую:
 Захотѣлось Василью на горѣ побывать.

240. Приставали къ той Сорочинской горѣ,
 Сходни бросали на ту гору,
 Пошелъ Василій со дружиною.
 И будетъ онъ въ полъ-горы,
 И на пути лежить пуста голова, человѣчья кость *):
245. Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь:
 Провѣщитъ пуста голова:
 —Гой еси ты, Василій Буслаевичъ!
 —Къ чему меня, голову, попинываешь
 —И къ чему побрасываешь?
250. —Я, молодець, не хуже тебя былъ,
 —Да умѣю валитися на той горѣ Сорочинскій;
 —Гдѣ лежить пуста голова,
 —Лежать будетъ и Васильевой головѣ!—
 Ппнулъ Василій, прочь пошелъ.

*) Стихи:

И завидѣлъ Василій гору высокую,
 Высокую гору Сорочинскую...
 И на пути лежить пуста голова,
 Пуста голова, человѣчья кость.—0.

255. Взшелъ на гору высокую,
 На ту гору Сорочинскую,
 Гдѣ стоитъ высокой камень:
 Въ вышину три сажени печатныя,
 И черезъ его только топоромъ подать,
260. Въ долину три аршина съ четвертью;
 И въ томъ-то подпись подписана:
 «А кто, де, у камня станетъ тѣшиться,
 «А и тѣшиться-забавляться,
 «Вдоль скакать по камению,—
265. «Сломить будетъ буйну голову.»»
 Василий тому не вѣруеть;
 Сталь со дружиною тѣшиться и забавляться,
 Поперегъ камению поскакивати;
 Захотѣлось Василью вдоль скакать,—
270. Разбѣжался—сочилъ вдоль по камению:
 И не доскочилъ только четверти,
 И тутъ убился подъ каменемъ.
 Гдѣ лежитъ пуста голова,
 Тамъ Василья схоронили.
275. Побѣжала дружина съ той Сорочинской горы
 На свой червленъ корабль,
 Подымали тонки парусы полотняные,
 Побѣжали къ Нову-городу.
- И будутъ у Нова-города,
280. Бросали съ носу якорь и съ кормы другой,
 Чтобы крѣпко стоялъ и не шатался онъ.
 Пошли къ матерой вдовѣ къ Амелѣѣ Тимоеевнѣ.
 Прошли *) и поклонилися,
 Всѣ письмо въ руки подали;
285. Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
 Говорила таковы слова:
 «Гой вы еси, удалы-добры молодцы!
 «У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего;

*) Пришли?—О.

- «Подите въ подвалы глубокіе,
 290. «Берите золотой казны не считаючи!»
 Повела ихъ дѣвушка-чернавушка
 Къ тѣмъ подваламъ глубокимъ,
 Брали они казны по малу числу;
 Пришли они къ матерой вдовѣ,
 295. Возговорили таковы слова:
 ««Спасибо, матушка Амелѣа Тимошеевна,
 ««Что пошла-кормила, обувала и одѣвала добрыхъ мо-
 лодцовъ *)!»»
 Втапоры матера вдова Амелѣа Тимошеевна
 Приказала наливать по чарѣ зелена вина;
 300. Подносить дѣвушка-чернавушка
 Тѣмъ удалымъ-добрымъ молодцамъ;
 А и выпили они, сами поклонилися,
 И пошли добры молодцы,
 Кому куда захотѣлося.

*
* *

*) Стихи:

Прочитала письмо матера вдова,
 Прочитала письмо, сама заплакала...
 ««Что пошла-кормила, обувала-одѣвала,
 ««Обувала-одѣвала добрыхъ молодцевъ!»» — О.

САДКО КУПЕЦЪ, БОГАТЫЙ ГОСТЬ.

I.

1.

(Оловецк. губ., Повѣнецк. уѣзда, деревни Кляжицъ).

- Будучись Садко Купецъ, Богатый Гость,
Подъ славнымъ Новымъ-городомъ,
Похвасталъ онъ съ оными своей буйной головой,
Что «Я у васъ повикуплю товары всѣ,
5. «Съ Нова-города на свои корабли всѣ повигружу;
«Если не могу товаровъ всѣхъ повикупить,
«Да на свои корабли повигрузить,—
«Отдамъ отсѣчь свою буйную голову!»
И сталъ онъ въ Новѣ-городѣ гулять,
10. Сталъ онъ товаровъ покупать
И на свои корабли нагружать:
И всѣ товары съ Нова-города повикупилъ,
И на свои черны корабли онъ повигрузилъ.
И вскричалъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
15. «Дружки и братья корабельщики!
«Катайте-ко якори съ синя моря,
«Распушайте-ко парусы полотнянны!»
И всѣхъ кораблей были тридцать три:
Единой корабль передомъ пошолъ,
20. На которомъ ѣдетъ Садко Купецъ, Богатый Гость.

И ѣдетъ Садке Купецъ, Богатый Гость, среди моря,
И остановился корабль Садки Купца Богатаго.
И вскричалъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
Дружьямъ-братьямъ корабельщикамъ:

25. «Ай же вы, дружги-братя корабельщики!
«Берите-ко щупы желѣзныи,
«Щупайте во синѣмъ мори:
«Нѣтъ ли луды *) или каменя,
«Нѣтъ ли отмели песочныя?»
30. Они щупали во синѣмъ мори:
Не нашли они ни луды, ни каменя,
И не нашли отмели песочныя.
Туть скрычалъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Эй вы, дружья-братя корабельщики!
35. «Вы спускайте во синѣ морѣ якори мѣртвыи
«И становитесь всѣ по пѣряди.»
Оны кидали якори мѣртвыи
И становились всѣ по пѣряди.
И собиралися на одинъ корабль,
40. И говоритъ Садке Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же вы, дружья-братя корабельщики!
«Вы насыпьте одну мису чиста серебра,
«Другую насыпьте красна золота,
«А третью насыпьте скатна жемчуга,
45. «Положите на дощечку золоту казну
«И бросьте дощечку во синѣ морѣ:
«Я двѣнадцать лѣтъ по морю ѣзживалъ,
«А Поддѣнному Царю пошлыны не плачивалъ,—
«Вѣрно пошлыны онъ отъ меня требуетъ!»
50. Положили на дощечку золоту казну:
Туть дощечка не тонетъ, а гоголѣмъ плыветъ.
Туть говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же вы, дружья-братя корабельщики!
«Вѣрно не пошлыны Поддѣнной Царь требуетъ,
55. «А требуетъ онъ голову человѣческу!
«Возмите-тко дерево сосновое,
«Нарѣжьте жеребьи понмянно всѣмъ,
«Подпишите подпись по отечеству,
«Бросьте жеребьи во синѣ морѣ

*) Подводнаго камня: который лудитъ, обманываетъ плывущихъ. — О.

60. «Ко тому Царю ко Поддѣнному.»
 Оны бросили жеребьи во синѣ морѣ:
 Все жеребьи гоголѣмъ плывуть,
 А который жеребей Садки Купца Богатаго,
 Тотъ пошелъ каменѣмъ ко дну. •
65. Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «Это есть дерево не правое,
 «Не правое дерево—сосновое!
 «А возьмите вы дерево еловое,
 «Нарѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
70. «И подпишите подпись по отечеству,
 «Бросьте жеребьи во синѣ морѣ
 «Ко тому Царю ко Поддѣнному.»
 Оны бросили жеребьи во синѣ морѣ:
 Все жеребьи гоголѣмъ плывуть,
75. А который жеребей Садки Купца Богатаго,
 Тотъ пошелъ каменѣмъ ко дну.
 Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «Это дерево есть не правое,
 «Не правое дерево—еловое!
80. «Возьмите—ко дерево ольховое,
 «Вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ
 «И подпишите подпись по отечеству:
 «Кому у насъ, братцы, итти во синѣ морѣ
 «Ко тому Царю ко Поддѣнному?»
85. Оны бросили жеребьи во синѣ морѣ;
 Все жеребьи гоголѣмъ плывуть,
 А которой жеребей Садки Купца Богатаго,
 Тотъ пошелъ каменѣмъ ко дну.
 Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:
90. «Это есть дерево не правое!
 «А возьмите—ко дерево дубовое,
 «Вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
 «Подпишите подпись по отечеству.»
 Подписали жеребьи поимянно всѣмъ
95. И бросили жеребьи во синѣ морѣ:
 Все жеребьи гоголѣмъ плывуть,

А которой жеребей Садки Купца Богатаго,
Тоть пошоль каменёмъ ко дну.

Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:

100. «Это есть дерево не правое,
«Не правое дерево—дубовое!
«А возьмите—ко дерево кипарисное,
«И вырѣжьте жеребьи помянно всѣмъ,
«И подпишите жеребьи по отечеству:
105. «На томъ вѣдъ деревѣ Христось распять есть,
«Это есть дерево правое,
«Правое дерево—кипарисное.»
Оны брали дерево кипарисное,
Вырѣзали жеребьи помянно всѣмъ,
110. Подписали подпись по отечеству
И бросили жеребьи во синѣ морѣ:
Всѣ жеребьи тоголѣмъ плывуть,
А которой жеребей Садки Купца Богатаго,
Тоть пошоль каменёмъ ко дну.
115. Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Видно, бѣда пришла мнѣ немнучая:
«Самому Садку, Купцу Богатому
«Иттить будетъ во синѣ морѣ!
«Насыпьте—ко, братцы, мису чиста серебра,
120. «Другу насыпьте красна золота,
«А третью насыпьте скатна жемчуга.»
Туть онъ взялъ во праву руку
Образъ Миколы Угодника,
А во лѣвую гусли ярѣвчеты *)),
125. Камочку **) Сибирскую да заморскую,
Въ которой наигрыши есть неадѣшніи,
А неадѣшніи наигрыши—Сибирскіи.
И приказалъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
Мисы класть на дощечку,

*) Яворчеты, яворовы.—О.

**) Вѣроятно ошибка пѣвца, соблазненнаго прозвищемъ „Сибирскую“: дѣло идетъ о гуслихъ и ихъ наигрышахъ.—О.

130. И самъ садился на тую же:
И быдо въ сонъ заснулъ,
Ушелъ онъ каменёмъ ко дну.

И приняло *) дощечку во синёмъ морѣ
Ко той полаты бѣлокаменны,

135. А корабли его всѣ въ ходъ пошли,
А онъ пришелъ въ полату бѣлокаменну
Ко тому Царю ко Поддонному.
Онъ ему съ Царицею билъ челомъ,
Челомъ билъ и низко кланялся,
140. Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же ты, Поддонный Царь!
«За чѣмъ ты меня сюда требовалъ?»
Говорить Поддонной Царь:
—Я за тѣмъ тебя сюда требовать,—
145. —Ты скажи-скажи и повѣдай мнѣ,
—Что у васъ на Руси есть дорого:
—У насъ съ Царицею разговоръ идетъ,
—Злато или серебро на Руси есть дорого,
—Или булатъ-жельзо есть дорого?—
150. Говорить ему Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же ты, Поддонной Царь!
«Я скажу тебѣ и повѣдаю:
«У насъ злато-серебро на Руси дорого,
«А булатъ-жельзо не дешевлѣя;
155. «Потому оно дорого,
«Что безъ злата-серебра сколько можно жить;
«А безъ булату-жельза жить-то нѣ можно,
«А нѣ можно жить вѣдь никакому званію.»
Говорить ему Поддонной Царь:
160. —Что у тебя есть во правой руни
—И что у тебя есть во лѣвой руки?—
Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Есть у меня во правой руки

*) Принесло: какъ въ языкѣ Сербскомъ.—О.

«Образъ Миколы Угодника,

165. «А во лѣвой руки гусли яровчеты.»

Туть беретъ Садко Купецъ, Богатый Гость,

Беретъ онъ гусельшки яровчеты:

Туть Поддонной Царь распотѣшилъ

И началъ плясать по полаты бѣлокаменной,

170. Онъ полами бьетъ и шубой машеть,

И шубой машеть по бѣлымъ стѣнамъ.

Проигралъ Садко ровно три часу.

Говоритъ ему Царица Поддонная:

«Ай же ты, Садко Купецъ, Богатый Гость!

175. «Сломай—ко ты гусли яровчеты:

«Тебѣ кажется, что скачеть по полатамъ Царь,

«А скачеть Царь по крутымъ берегамъ;

«Отъ его отъ пляски тонуть—гинуть

«Безповинныя буйны головы.»»

180. Туть сломалъ Садко гусли яровчаты

И прирвалъ струны золочѣныя.

Туть Поддонной Царь велитъ играть,

Велитъ играть друго три-часу;

Туть отвѣтъ держитъ Садко Купецъ, Богатый Гость:

185. «У меня сломались гусли яровчаты.»

Говоритъ ему Поддонной Царь:

—У насъ есть слесаря и починять ихъ.—

Говоритъ Садке Купецъ, Богатый Гость:

«Ай же ты, Поддонной Царь!

190. «Не починить здѣсь моихъ гусельшекъ яровчатыхъ:

«Надобно починить—на Русь сходить.»

Говоритъ ему Поддонной Царь:

—Не хочешь ли ты здѣсь пожениться?—

Говоритъ ему Садко Купецъ, Богатый Гость:

195. «Надо бы жениться мнѣ, да невѣсты нѣтъ.»

Туть пошелъ Поддонной Царь по хорошихъ дѣвицъ.

Говоритъ ему Царица Поддонная:

«Ай же ты, Садко Купецъ, Богатый Гость!

«Первую толпу дѣвицъ приведетъ Поддонной Царь,—

200. «Такъ въ той толпы княгини *) ты не выбери,
 «А скажи Царю ты Поддонному,
 «Что «въ этой толпы мнѣ княгини нѣтъ по разуму;»
 «Такъ приведетъ Царь толпу другую,—
 «И въ другой толпы княгини ты не выбери;
205. «А третью толпу приведетъ Поддонной Царь,—
 «Въ третьей толпы княгиню себѣ выбери,
 «Которая идетъ позади всѣхъ,
 «Поменьше она и почернѣя всѣхъ:
 «Тогда ты будешь на Святой Руси,
210. «Ты увидишь тамъ бѣлый свѣтъ,
 «Увидишь и солнце красное.»»
 Тутъ привелъ Царь хорошихъ дѣвицъ
 И потребовалъ Садка Купца Богатаго
 Выбрать себѣ княгиню по разуму.
215. Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «Въ этой толпы нѣтъ княгини мнѣ по разуму.»
 И привелъ тутъ Поддонной Царь толпу другую,
 И говоритъ онъ Садку Купцу Богатому:
 —Выберай княгиню ты по разуму.—
220. Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «И въ этой толпы нѣтъ княгини мнѣ по разуму.»
 И привелъ тутъ Поддонной Царь
 Толпу дѣвицъ третьюю,
 И говоритъ Садку Купцу Богатому;
225. —Ай же ты, Садко Купецъ, Богатый Гость!
 —Выберай теперь княгиню ты по разуму.—
 Въ этой толпы Садко Купецъ, Богатый Гость,
 Сталъ выбирать себѣ княгиню по разуму,
 И выбралъ дѣвицу по разуму,
230. Которая шла позади всѣхъ и чернѣя всѣхъ.
 И говоритъ тутъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «Ай же ты, Поддонной Царь!
 «Эта мнѣ дѣвица полюбилася.»
 И тую дѣвицу Царь за его отдалъ,

*) Молодой, молодицы въ бракъ.—О.

235. И далъ ему во приданныхъ
 Одну бочку чиста серебра,
 Другу бочку красна золота,
 Третью бочку красна *) жемчуга.
 Отвели Садка во ложню спать,
 240. Заспалъ Садко Купецъ Богатый во крѣпкой сонъ.

Какъ проснулся онъ со сна крѣпкаго,
 И увидѣлъ онъ свѣтъ бѣлый и солнце красное,
 И увидѣлъ, что встаетъ на крутомъ крежу **),
 На крутомъ крежу, у быстрой рѣки,
 245. И бочки съ имѣніемъ лежатъ подли его,
 А невѣсты его и въ слыху нѣтъ.
 И тутъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
 Съ имѣніемъ и домой пошелъ.

(Записано П. Н. Рыбниковымъ въ июнѣ 1862 г. отъ Корѣяна, крестьянина
 Василья Лазарева).

*

2.

(Кирша Даниловъ).

Какъ по морю—морю по синему,
 Бѣгутъ—нобѣгутъ тридцать кораблей,
 Тридцать кораблей—единъ Соколь корабль
 Самого Садки, Гостя Богатаго.
 5. А всѣ корабли что соколы летять:
 Соколь корабль на морѣ стоитъ.
 Говорить Садко Купецъ, Богатой Гость:
 «А ярыжки ***) вы, люди наемные,
 «А наемны люди, подначальные!

*) Скатна?—О.

***) Каменнстомъ берегу.—О.

***) Матросы, гребцы.—О.

10. «А въ мѣсто всѣ вы собирайтесь,
 «А и рѣжте жеребья вы валжены,
 «А и всякъ—то пиши на имена *),
 «И бросайте вы ихъ на сине море.»
 Садко покинулъ хмѣлево перо,
15. И на немъ—то подпись подписана,
 А и самъ Садко приговариваетъ:
 «А ярыжки, люди вы наемные!
 «А слушай рѣчи праведныхъ **):
 «А бросимъ мы ихъ на сине море,—
20. «Которые бы ***) по веру плывутъ,
 «А и тѣ бы душеньки правыя;
 «Что которые—то во морѣ тонутъ,
 «А мы тѣхъ спихнемъ во сине море.»
 А всѣ жеребья по веру плывутъ,
25. Кабы яры гоголи по заводямъ:
 Единъ жеребій во морѣ тонетъ,
 Во морѣ тонетъ хмѣлево перо
 Самого Садки, Гостя Богатаго.
 Говорилъ Садко Купецъ, Богатой Гость:
30. «Вы ярыжки, люди наемные,
 «А наемные люди, подначальные!
 «А вы рѣжте жеребья ветляные,
 «А пишите всякъ себѣ ****) на имена,
 «А и сами къ нимъ приговаривай:
35. ««А которы жеребьи во морѣ тонутъ,
 ««А и то бы душеньки правыя!»»
 А и Садко покинулъ жеребій булатной,
 Синяго булату вѣдь заморскаго,
 Вѣсомъ—то жеребій въ десять пудъ.
40. И всѣ жеребьи во морѣ тонутъ:
 Единъ жеребій по веру плыветъ
 Самого Садки, Гостя Богатаго.

*) По имени, поименно.—О.

**) Рѣчій, т. е. рѣчей, или „рѣчи праведны.“—О.

***) Буде, будетъ, если.—О.

****) Кромѣ такого чтенія можно допустить: „себе, себя.“—О.

Говорить тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость:

«Вы ярыжки, люди наемные,

45. «А наемны люди, подначальные!

«Я, Садъ—Садко, знаю—вѣдаю:

«Бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ,

«Тому Царю Заморскому

«Не платилъ я дани—пошлины

50. «И во то сине море Хвальинское

«Хлѣба съ солью не опускавалъ, —

«По меня, Садку, смерть пришла!

«И вы, купцы, гости богатые,

«А вы, цѣловальники любимые,

55. «А и всѣ прикащики хорошие!

«Принесите шубу соболиную.»

И скоро Садко наряжается,

Береть онъ гусли звончаты

Со хороши струны золоты,

60. И беретъ онъ шахматницу дорогу

Со золоты тавлестми,

Со тѣми дороги, вальятаты *)).

И спускали сходню вѣдъ серебряну,

Подъ краснымъ золотомъ:

65. Походилъ **) Садко Купецъ, Богатой Гость,

Спускался онъ на сине море,

Садился на шахматницу золоту;

А и ярыжки, люди наемные,

А наемны люди, подначальные,

70. Утащили сходню серебряну,

И серебряну подъ краснымъ золотомъ,

Ее на Соколь корабль;

А Садко остался на синемъ морѣ,

А Соколь корабль по морю пошелъ;

75. А всѣ корабли какъ соколы летять,

А единъ корабль по морю бѣжитъ,

*) См. выш. 2, стр. 85.—О.

**) Т. е. на сходню, пустелся, отпривился.—О.

Какъ бѣль кречеть *),
Самого Садки, Гостя Богатаго.

- Отца-матери молитвы великія **),
80. Самого Садки, Гостя Богатаго,
Подымалася погода тихая,
Понесло Садку, Гостя Богатаго,
Не видалъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Ни горы, ни берегу,
85. Понесло его, Садку, къ берегу,
Онъ и самъ Садко туто дивуется.
Выходилъ Садко на круты береги,
Пошелъ Садко подлѣ синя моря,
Нашелъ онъ избу великую,
90. А избу великую—во все дерево,
Нашелъ онъ двери и въ избу пошелъ.
И лежить на лавкѣ Царь Морской:
—А и гой еси ты, Купецъ, Богатой Гость!
—А что душа радѣла ***), того Богъ мнѣ далъ:
95. —И ждалъ Садку двѣнадцать лѣтъ,
—А нынѣ Садко головой ****) пришелъ!
—Поиграй, Садко, въ гусли ты звончаты.—
И сталъ Садко Царя гѣшити,
Заигралъ Садко въ гусли звончаты:
100. А и Царь Морской зачалъ скакать, зачалъ плясать *****).
И того Садку, Гостя Богатаго,
Напоилъ питьями разными;
Напивался Садко питьями разными,
И развалился Садко, и пьянъ онъ сталъ,

*) Вѣроятно опущено „летить“, „перепархиваетъ“ или что либо въ этомъ родѣ.—О.

***) По молитвамъ отца-матери Садка: подымалася погода тихая, и проч.—О

****) Чего душа желала.—О.

*****) Лично, самъ.—О.

*****) Стихи:

А и Царь Морской зачалъ скакать,
Зачалъ скакать, зачалъ плясать.—О.

105. И уснулъ Садко Купецъ, Богатой Гость.
 А во снѣ пришелъ Святитель Николай къ нему,
 Говорить ему таковы рѣчи:
 ««Гой еси ты, Садко Купецъ, Богатой Гость!
 ««А рви ты свои струны золоты
110. ««И бросай ты гусли звончаты:
 ««Разплясался у тебя Царь Морской,—
 ««А сине море всколебалося,
 ««А и быстры рѣки разливались,
 ««Топять много бусы—корабли »),
115. ««Топять души напрасныя
 ««Того народу православнаго.»»
 А и тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
 Изорвалъ онъ струны золоты
 И бросаетъ гусли звончаты,
120. Пересталъ Царь Морской скакать и плясать:
 Утихло море синее,
 Утихли рѣки быстрыя.

- А по утру сталъ тутъ Царь Морской,
 Онъ сталъ Садку уговаривать:
125. А и хочеть Царь Садку женить,
 И привелъ ему тридцать дѣвиць.
 Никола ему во снѣ наказывалъ:
 ««Гой еси ты, Купецъ, Богатой Гость!
 ««А станеть тебя женить Царь Морской,
130. ««Приведеть онъ тридцать дѣвиць,—
 ««Не бери ты изъ нихъ хорошую **)», бѣлыя—румяныя,
 ««Возми ты дѣвушку поваренную ***),
 ««Поваренную, что котора хуже всѣхъ.»»
 А и тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,

*) Бусы—известный видъ судна: см. Словарь В. И. Даля.—О.

**) Сообразно съ послѣдующимъ, вѣроятно родительный: „хорошія,“ хорошей.—О.

***) Черную, чернавку.—О.

135. Онъ думался *)—не продумался,
 И беретъ онъ дѣвушку поваренную,
 А котора дѣвушка похуже всѣхъ.
 А и тутъ Царь Морской
 Положилъ Садку на подклѣтъ **) спать,
140. И ложился онъ съ новобрачною.
 Николай во снѣ наказывалъ Садкѣ
 Не обнимать жену, ««не цѣлуй ее.»»
 А и тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
 Съ молодой женой на подклѣтъ спитъ,—
145. Свои рученьки ко сердцу прижагъ ***);
 Со полуночи, въ просоньи, ногу лѣву
 Накинулъ онъ на молодую жену:
 Ото сна Садко пробуждался,
 Онъ очутился подъ Новымъ-городомъ,
150. А лѣвая нога во Волхъ-рѣкѣ.

И скочилъ Садко, испужался онъ,
 Взглянулъ Садко онъ на Новгородъ,—
 Узналъ онъ церкву, приходъ свой,
 Того Николу Можайскаго;

155. Перекрестился крестомъ своимъ,
 И глядитъ Садко по Волхъ-рѣкѣ,—
 Отъ того синя моря Хвалынскаго,
 По славной матушкѣ Волхъ-рѣкѣ,
 Бѣгутъ-побѣгутъ тридцать кораблей,
160. Единъ корабль самого Садки, Гостя Богатаго;
 И встрѣчаетъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
 Цѣловальниковъ любимыхъ.
 Всѣ корабли на пристань стали,
 Сходни метали на крутой берегъ,
165. И вышли цѣловальники на крутъ берегъ:
 И тутъ Садко поклоняется:

*) *А*я прибавлено по соответствію съ „не продумался (притяженіе, аттракція).“—*О.*

**) Гдѣ кладутъ обычно молодыхъ.—*О.*

***) Чтобъ не обнять.—*О.*

«Здравствуйте, мои цѣловальники любимые
«И прикащики хорошіе!»

И тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Со всѣхъ кораблей въ таможеню положилъ
170. Казны своей сорокъ тысячей *):
По три дни не **) осматривади.

* *

II.

3 ***).

(Оттуда же).

По славной матушкѣ Волгѣ рѣкѣ,
А гулялъ Садко молодецъ тутъ двѣнадцать лѣтъ:
Никакой надъ собой притки ****)
И скорби Садко не видывалъ,
5. А все молодецъ во здоровьи пребывалъ.
Захотѣлось молодцу побывать во Новѣ-городѣ;
Отрѣзалъ хлѣба великой сукрой,
А и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ:
«А спасибо тебѣ, матушка Волга рѣка!
10. «А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
«Никакой я притки-скорби не видывалъ надъ собой,
«И въ добромъ здоровьи отъ тебя отошелъ;
«А иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать.»

*) Т. е. вступивши въ городскую пристань.— О.

**) Ее, казну?— О.

***) Эта былина, по нѣкоторымъ чертамъ содержанія, должна бы помѣститься
первою: см. въ Приложеніяхъ „Замѣтку.“— О.

****) Лихой встрѣчи, несчастнаго случая, который наталкивается на чело-
вѣка или челоувѣкъ на него.—

Стихи должны быть:

Никакой надъ собой притки и скорби,
Притки и скорби Садко не видывалъ.— О.

Проговорить ему matka Волга рѣка:

15. —А и гой еси, удалой-доброй молодець!
 —Когда придешь ты во Новгородъ,
 —А стань ты подь башню проѣзжую *),
 —Поклонися оть меня брату моему,
 —А славному озеру Ильмену.—
20. Втапоры Садко молодець отошедь поклонися.

Подошелъ ко Нову-городу,
 И будетъ у тоя башни проѣзжя,
 Подлѣ славнаго озера Ильменя,
 Править челобитье великое

25. Отъ тоя-то матки Волги рѣки,
 Говорить таково слово:
 «А и гой еси, славной Ильмень-озеро!
 «Сестра тебѣ Волга челобитье посылаетъ двою **).»
 Говорилъ самъ и кланялся.

30. Малое время замѣшкавши,
 Приходилъ тутъ отъ Ильмень-озера
 Удалой-доброй молодець,
 Поклонился ему, добру • молодцу:

—Гой еси, съ Волги удалъ молодець!

35. —Какъ ты, де, Волгу сестру знаешь мою?—
 А и тотъ молодець Садко отвѣтъ держить:
 «Что, де, я гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ,
 «Со вершины знаю и до устья ее—
 «А и нижняго царства Астраханскаго.»

40. А сталъ тотъ молодець наказывати,
 Которой посланъ отъ Ильмень-озера:
 —Гой еси ты, съ Волги удалъ молодець!
 —Проси бошлыковъ ***) во Новѣ-городѣ,

*) Такъ доселѣ называется на Руси всякая башня съ воротами, черезъ которые проѣзжаютъ по суху ли, или по водѣ.—О.

**) Вдвойнѣ, двойное.—Здѣсь также, можетъ быть, ослышка записавшаго вмѣсто „мною“, „черезъ меня?—О.

***) Восточное: голова, атаманъ, особенно рыболовный, неводный; правильнѣе *башлыкъ*, отъ *башъ*—голова.—О.

—Ихъ *) со тремя неводами

45. —И съ тѣми людьми со работными,
—И замечывай ты неводы во Ильмень-озеро.
—Что будетъ тебѣ Божья милость.—

Походили онъ молодецъ

Къ тѣмъ бошлыкамъ Новгородскимъ,

50. А пришелъ онъ, самъ кланяется,

Самъ говоритъ таково слово:

«Гой вы еси, бошлыки, добры молодцы!

«А и дайте мнѣ тѣ три невода

«Со тѣми людьми со работными,

55. «Рыбы половити во Ильменѣ озерѣ:

«Я вамъ, молодцамъ, за труды заплачу.»

А и втапоры ему бошлыки не отказывались,

Сами пошли бошлыки со работными людьми,

А закинули три невода во Ильмень-озеро:

60. Первой неводъ къ берегу пришелъ,—

И тутъ въ немъ рыба бѣлая,

Бѣлая вѣдь рыба мелкая;

И другой—то вѣдь неводъ къ берегу пришелъ,—

Въ томъ—то рыба красная **);

65. А и третій неводъ къ берегу пришелъ,—

А въ томъ—то вѣдь рыба бѣлая.

Бѣлая рыба въ три четверти.

Перевозился Садко молодецъ на гостинной дворъ

Со тою рыбою ловленою:

70. А и перву рыбу перевозили всю,

Клали они рыбу въ погребы;

Изъ другаго же невода онъ въ погребъ же возилъ,

Та была рыба вся красная;

Изъ третьяго невода возили они

75. Въ тѣ же погребы глубокіе,

*) Неолово. Вообще въ этой былинѣ стихи записаны дурно и раздѣлены неправильно.—О.

**) Известное русское дѣленіе видовъ рыб.—О.

Запирали они погребы на крѣшко,
Ставили караулы на гостинномъ на дворѣ.
А и отдавъ тутъ молодецъ тѣмъ бошлыкамъ
За ихъ за труды сто рублевъ.

80. А не ходить Садко на тотъ на гостинной дворъ по три
дни *)),

На четвертой день погулять захотѣлось;
А и первой въ погребъ заглянетъ онъ,—
А на силу Садко туто двери отворить:
Котора была рыба мелкая,

85. Тѣ-то вѣдь стали деньги дробныя;
И скоро Садко опять запираетъ.
А въ другомъ погребу заглянулъ онъ:
Гдѣ была рыба красная,
Очутились у Садки—червонцы лежать.

90. Въ третьемъ погребу заглянулъ Садко:
Гдѣ была рыба бѣлая,
А и тутъ у Садки все монеты лежать.

Втапоры Садко Купецъ, Богатой Гость,
Сходилъ Садко на Ильмень-озеро,

95. А бьетъ челомъ, поклоняется:
«Батюшко мой, Ильмень-озеро!
«Поучи меня жить во Новѣ-градѣ?»
А и тутъ ему говорилъ Ильмень-озеро:
—А и гой еси, удалой-доброй молодецъ!
100. —Поводись ты со людьми со таможенными,
—А и только про ихъ ты обѣдь доспѣй,
—Позови молодцовъ, посадскихъ людей:
—А стануть те **) знать и вѣдати.—
Тутъ молодецъ догадается,

*) Стихи:

А не ходить Садко на тотъ на гостинной дворъ,
На гостинной дворъ не ходить по три дни.—О.

**) Вѣроятнѣе это не *ты*, а *те*—тебя: будешь съ ними въ знакомствѣ, а
они больше всего тебѣ нужны.—О.

105. Сдѣлалъ обѣдъ про таможныхъ людей,
 А сталъ онъ водиться со посадскими людьми.
 И будетъ *) во Новѣ-городѣ,
 У того ли Николы Можайскаго **) ,
 Тѣ мужики Новгородскіе соходилися
110. На братчину Никольщину,
 Начинають пить канунъ, пива ячныя ***);
 И пришелъ тутъ къ нимъ удалой-доброй молодець,
 Удалой молодець былъ Волгской сурь ****),
 Бьетъ челомъ, поклоняется:
115. «А и гой вы еси, мужики Новгородскіе!
 «Примите меня во братчину Никольщину:
 «А и я вамъ сысь *****) плачу не малую.»
 А и тѣ мужики Новгородскіе
 Примали его во братчину Никольщину:
120. Далъ молодець имъ пятьдесятъ рублевъ.
 А и зачали пить пива ячныя,
 Навивались молодцы уже до пьяна,
 А и съ хмѣлю тутъ Садко захвастался:
 «А и гой еси вы, молодцы, славны купцы!
125. «Припасите вы мнѣ товаровъ во Новѣ-городѣ,
 «По три дни и по три уповода *****):
 «Я выкуплю тѣ товары по три дни, по три уповода,
 «Не оставлю товаровъ ни на денежку,
 «Ни на малу разну полушечку;
130. «А то коли я товары не выкуплю,
 «Заплачу казны вамъ сто тысячей.»

*) Случится, случилось.—О.

**) Рѣзной образъ Святителя, особенно чтимый въ народѣ: онъ есть во многихъ старыхъ городахъ, между прочимъ въ Можайскѣ, откуда и привилъ свое имя; впоследствии Садко построилъ ему на свой счетъ церковь.—О.

***) Слѣчи выше.—О.

****) См. „Замѣтку“ къ 4-му выпуску, стр. LXIV, LXV.—О.

*****) Слѣчи выше.—О.

*****) Изъ многихъ значеній этого слова по областямъ, здѣсь оно, вѣроятно, имѣетъ смыслъ вообще—„въ три пріема,“ а пріемъ — разстояніемъ времени съ утра до обѣда или съ обѣда до вечера, сколько рабочій человѣкъ можетъ протянуть свой трудъ не ѣвши и не отдыхая.—О.

- А и тутъ мужики Новгородскіе
Тѣ-то, де, рѣчи его записывали *).
- А и выпили канунъ, пива ячныя,
135. И заставили Садку ходить по Нову-городу,
Закупати товары во Новѣ-городѣ
Тою ли цѣною повольною.
А и ходитъ Садко по Нову-городу,
Закупаетъ онъ товары повольной цѣною:
140. Выкупилъ товары во Новѣ-городѣ,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце:
А и шедъ Садко, Божій храмъ соорудилъ
145. А и во имя Стефана Архидьякона,
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Онъ мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы. чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
150. А и ходитъ Садко по второй день по Нову-городу:
Во Новѣ-градѣ товару больше стараго;
Онъ выкупилъ товары и по второй день,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
155. И вложивалъ ему Богъ желанье въ ретиво сердце:
Шедъ Садко, Божій храмъ соорудилъ
А и, во имя Софїи Премудря,
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Мѣстны иконы изукрашивалъ,
160. Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко по третій день,
По третій день по Нову-городу:
Во Новѣ-городѣ товару больше стараго.
165. Всякіихъ товаровъ заморскіихъ;
Онъ выкупилъ товары въ половину дня,

*) Сдѣлали по его рѣчамъ запись, письменное условіе.— О.

- Не оставилъ товару ни на денежку,
 Ни на малу разну полущечку.
 Много у Садки казны осталось,
170. Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце:
 Шедъ Садко, Божій храмъ соорудилъ
 Во имя Николая Можайскаго,
 Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
 Мѣстны иконы изукрашивалъ,
175. Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
 Царскія двери вызолочивалъ.
 А и ходить Садко по четвертой день,
 Ходилъ Садко по Нову-городу,
 А и цѣлой день онъ до вечера:
180. Не нашелъ онъ товаровъ во Новѣ-городѣ
 Ни на денежку, ни на малу разну полущечку.
 Зайдетъ Садко онъ во темной *) ряль:
 И стоять тутъ черепаны, гнилые горшки,
 А всѣ горшки уже битые;
185. Онъ самъ Садко усмѣхается,
 Даетъ деньги за тѣ горшки,
 Самъ говорить таково слово:
 «Пригодятся—ребятамъ черепками играть,
 «Поминать Садку, Гостя Богатаго!
190. «Что не я, Садко, богатъ,—богатъ Новгородъ
 «Всякими товарами заморскими
 «И тѣми черепанами, гнилыми горшки!»

* *
 *

*) Обычное прозвание всякаго русскаго торговаго ряда, который, какъ лавство, съ нафренною цѣлю дѣлается темнымъ.—О.

ГОСТЬ ТЕРЕНТЬИЩЕ.

(Оттуда же).

- Въ стольномъ Новѣ-городѣ,
Было въ улицѣ во Юрьевской,
Въ слободѣ было Терентьевской,
А и жилъ-былъ богатой гость,
5. А по имени Терентьище.
У него дворъ на цѣлой верстѣ,
А кругомъ двора желѣзной тынъ,
На тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ;
10. Ворота были вальшчатые *) ,
Верей хрустальныя,
Подворотина—рыбій зубъ **).
Среди двора гридня стоятъ:
Покрыша сѣдыхъ бобровъ,
15. Потолокъ черныхъ соболей,
А и матица-то валженая ***),
Была печка муравленая,
Середа ****) была кирпичная;
А на среди кроватка стоитъ,
20. Да кровать слоновыхъ костей:
На кровати перина лежитъ,
На перинѣ зголовье лежитъ,
На зголовьѣ молодая жена
Авдотья Ивановна.

*) См. въ прежнихъ выпускахъ.—О.

***) См. тамъ же.—О.

****) Ср. вып. 4, стр. 81.—О.

****) Полъ.—О.

25. Она съ вечера трудна-больна,
 Со полуночи недужна вся:
 Разходился недугъ въ головѣ,
 Разыгрался утинъ *) въ хребтѣ,
 Пустился недугъ къ сердцу **),

30. Говорила молодая жена Авдотья Ивановна:

«А и гой еси, богатой гость,
 «И по имени ***) Терентьище!
 «Возми мои золоты ключи,
 «Отмыкай окованъ сундукъ,

35. «Вынимай денегъ сто рублей,
 «Ты поди—дохтуровъ добывай,
 «Волхи-то ****) спрашивати.»

А втапоры Терентьише,
 Онъ жены своей слушался

40. И жену-то во любви держалъ:

Онъ взялъ золоты ея ключи,
 Отмыкалъ окованъ сундукъ,
 Вынималъ денегъ сто рублей
 И пошелъ дохтуровъ добывать.

45. Онъ будетъ ****), Терентьище,
 У честна Вздвиженья *****),

*) Боль въ поясницѣ, чаще въ спинѣ, съ нервнымъ волненіемъ, особенно когда что-то словно бьется или переливается, иначе въ народѣ жмичи.—О.

**) Хотя скромный издатель, К. Ф. Калайдовичъ, опустил въ слѣдъ за симъ нѣсколько стиховъ, за пропажею рукописи Кирши Данилова теперь для насъ также утраченныхъ, но, по сравненію съ другими былинами, мы можемъ предположительно возстановить ихъ:

Пустился недугъ къ сердцу (животу),
 Опустился недугъ ниже пояса,
 Во тѣ ли во нижни во черева.—О.

***) Вѣроятнѣе: „изъ-по имени.“—О.

****) Тѣхъ, которые лѣчатъ волшебствомъ, заговорами, наузами.—О.

*****) По нѣмѣшнему: когда онъ будетъ, когда былъ онъ.—О.

*****) Церкви или прихода.—О.

- У жива моста калинова,
 Въ стрѣчу Терентьищу Веселые Скоморохи.
 Скоморохи люди вѣжливые,
50. Скоморохи очестливые *),
 Обь ручку Терентью челомъ:
 «Ты здравствуй, богатой гость,
 «И по имени Терентьище!
 ««Доселѣ-ва те **) слыхомъ не слыхать
55. «И доселѣ-ва видомъ не видать:
 ««А и нонѣ ты, Терентьище,
 ««А и бродишь по чисту полю,
 ««Что корова заблудящая,
 ««Что ворона залетающая?»»
60. А и на то-то онъ не сердится,
 Говорить имъ Терентьище:
 —А и вы гой, Скоморохи Молодцы!
 —Что не самъ я, Терентій, зашелъ
 —И не конь-то богатаго ***) завезъ,
65. —Завела нужда-бѣдность:
 —. . . (?) у меня есть молодая жена:
 —Авдотья Ивановна;
 —Она съ вечера трудна-больна,
 —Со полуночи недужна вся:
70. —Разходился недугъ въ головѣ,
 —Разыгрался утинъ въ хребтѣ,
 —Пустился недугъ къ сердцу,
 —.
 —А кто бы, де, недугамъ пособилъ,
 —Кто недуги бы прочь отгонилъ
75. —Отъ моей молодой жены,
 —Отъ Авдотьи Ивановны,
 —Тому дамъ денегъ сто рублейъ

*) Знающіе, кого и какъ почестъ или уважить.—О.

***) Тебя.—О.

***) Меня, богатаго гостя.—О.

—Безъ единыхъ денежки *).—

Веселые Молодцы **) догадалися,

80. Другъ на друга оглянулися,

А сами усмѣхнулися:

«А и ты гой еси, Терентьище!

«Ты намъ что за труды заплатишь?»»

—Вотъ вамъ даю сто рублей.—

85. Повели его, Терентьища,

По славному Нову-городу;

Завели его, Терентьища,

Во тотъ во темной рядъ,

А купили шелковой мѣхъ:

90. Дали два гроша мѣшокъ:

Пошли они во червеной рядъ **),

Да купили червеной вязъ,

А и дубину ременчатую,

Половина свинцу налиту:

95. Дали за нее десять алтынъ:

Посадили Терентьища

Во тотъ шелковой мѣхъ,

Мѣхоноша за плеча взялъ ****),

Пошли они, Скоморохи,

100. Ко Терентьеву ко двору.

Молода жена опасливая,—

Въ окошечко выглянула:

*) Этотъ отрицательный оборотъ значить напротивъ: сполна, всѣ до денежки; это-то до и выражается словомъ *безъ* или *разъ* (ср. Сербск. и Болгарск. *язки*).—*О.*

**) Обыкновенныя прозвища Скомороховъ: *Веселые молодцы* или просто *Веселые*.—*О.*

***) Ниче „красный рядъ,“ съ „краснымъ товаромъ,“ къ которому, оказывается, въ старину причисляли особый галантерейный товаръ—вязъ, дубны и т. п., въ родѣ нынѣшнихъ тросточекъ, зонтиковъ и т. п.—*О.*

****) Мѣхоноша закинуть мѣшокъ за свои плеча. Это лицо, *мѣхоноша*, известное и нынѣ въ артели Волочобняковъ, медвѣжьихъ поводчиковъ и т. п., тащить обыкновенно за плечами мѣшокъ съ разными орудіями, иногда пещеръ и т. п.—*О.*

- «А и вы гой еси, Веселые Молодцы!
 «Вы къ чему на дворъ идете,
 105. «Что *) хозяйна въ дому нѣтъ?»
 Говорятъ Веселые Молодцы:
 ««А и гой еси, молодая жена
 ««Авдотья Ивановна!
 ««А и мы тебѣ челобитье несемъ
 110. ««Отъ гостя богатаго,
 ««И по имени Терентьица.»»
 И она спохватилася за то:
 «А и вы гой еси, Веселые Молодцы!
 «Гдѣ его видѣли,
 115. «А гдѣ про него слышали?»
 Отвѣчаютъ Веселые Молодцы:
 ««Мы его слышали,
 ««Сами доподлинно видѣли
 ««У честна креста Воздвиженья,
 120. ««У жива моста калинова:
 ««Голова по себѣ **) его лежитъ
 ««И вороны въ едюють.»»
 Говорила молодая жена
 Авдотья Ивановна:
 125. «Веселые Скоморохи!
 «Вы подите во свѣтлую гридню,
 «Садитесь на лавочки,
 «Пуиграйте во гусельцы
 «И пропойте-ко пѣсенку
 130. «Про гостя богатаго,
 «Про стараго сына,
 «И по имени Терентьица!
 «Во дому бы его вѣкъ не видать!»
 Веселые Скоморохи
 135. Садилися на лавочки,
 Заиграли во гусельцы,

*) Тогда какъ.— О.

**) Отдѣльно, оторванна.— О.

Запѣли они пѣсенку:

«Слушай, шелковой мѣхъ,
«Мѣхоноша за плечами »),
«А слушай, Терентій гость,

140. «Что про тебя говорятъ!

«Говорить молодая жена
«Авдотья Ивановна
«Про стара мужа Терентьища,
«Про стараго сына:

145. «—Во дому бы тебя вѣкъ не видать!—

«Шевелись, шелковой мѣхъ,
«Мѣхоноша за плечами,
«Вставай—ко, Терентьище,
«Лѣчить молодую жену,

150. «Бери червеной вязъ,
«Ты дубину ременчатую!
«Походи—ко, Терентьище,
«По своей свѣтлой гридни
«И по среди кирпичатой

155. «Ко занавѣсу бѣлому,
«Ко кровати слоновыхъ костей,
«Ко перинѣ ко пуховыя!
«А лѣчи—ко ты, Терентьище,
«А лѣчи—ко ты молодую жену

160. «Авдотью Ивановну!»»
Вставалъ же Терентьище,
Ухватилъ червеной вязъ,
А дубину ременчатую,
Половина свинцу налиту,

165. Походилъ онъ, Терентьище,
По своей свѣтлой гриднѣ,
За занавѣсу бѣлую,
Ко кровати слоновыхъ костей,
Онъ сталъ молодую жену лѣчить

170. Авдотью Ивановну:

*) Слушай ты, шелковой мѣхъ, что виситъ у мѣхоноши за плечами.—О.

- Шлыкъ съ головы у нея спибуь;
 Посмотрить Терентьице
 На кровать слоновыхъ костей,
 На перину на пуховую:
175. А недуго-тъ *) пошевеливается
 Подъ одѣяломъ соболинымъ.
 Онъ-то, Терентьице,
 Недуга-то вонъ погваля
 Что дубиною ременчатою;
180. А недуго-тъ не путемъ въ окошко скотилъ:
 Чуть головы не сложилъ,
 На корачкахъ ползаетъ,
 Одва отъ окна отполозъ.
 Онъ оставилъ **), недужище,
185. Кафтанъ хрущатой ***) камки,
 Камзолъ бабереквой ****),
 А и денегъ пятьсотъ рублей.

Втапоры Терентьице

Даль еще Весельмъ другое сто рублей

190. За правду великую.

* *
 *

*) Молодецъ, лежавшій съ Авдотьей Ивановной: ради него она, подъ предлогомъ недуга, выпроводила мужа; Скоморохи вскрыли тайну.— О.

***) Послъ себя.— О.

****) См. прежніе выпуски.— О.

****) Шелковая парча; см. Словарь В. И. Дала. О.

Пѣсни Вылевыя:

II.

Княжескія.

ДИМИТРІЙ КНЯЗЬ.

(Сибирск. губ., Сызранск. уезда, с. Ямково).

- Какъ идѣтъ—то Димитрій Князь ко заутрени;
Увидала его въ окно Домна Фалелеевна,
Закричала она громкимъ голосомъ:
«Охъ вы мои нянюшки—мамушки!
5. «Ужъ не этотъ ли Димитрій Князь,
«Ужъ не этотъ ли жениха-тъ мой?
«Онъ идѣтъ ко заутрени—
«Онъ сутуль-горбать,
«У него носъ курносъ, косые глаза,
10. «У него-то зубы—что соломенны пучки *)»,
«А. ногами-то онъ загребаеть,
«И весь-то снѣгъ по улицѣ заметаеть!»

- Какъ услыхалъ туто Димитрій Князь
Насмѣшку своей невѣсты Домны Фалелеевны,
15. Онъ пришелъ домой отъ заутрени,
И пошелъ ко своей сестрѣ ко Оленѣ Степановнѣ:
—Ты сестрица моя, Олѣнушка!
—Ты сдѣлай для дѣвицъ пиръ
—И позови же туто Домну Фалелеевну.—
20. ««Ты любезный, родимый мой братецъ!
««И я все для тебя могу сдѣлать.»»
Стала сестра его готовиться
И за своими подругами стала посылать пословъ,
Послала посла къ Домнѣ Фалелеевнѣ.

*) Пучки или торчки отбитой соломы.—О.

25. Ужь какъ первый посоль, онъ на дворъ взошелъ,
И онъ шляпы не скинулъ, не поклонился:
««Вы пожалуйста, Домна Фалелеевна,
««Ко нашей ко Оленъ Степановнъ,
««Хлѣба—соли къ ней кушати.»»
30. «Не пойду я, не подумаю:
«У Олѣнушки братецъ холость—неженать.»
Другой посоль на крыльцо взошелъ,
Онъ шляпы не скинулъ, не поклонился:
««Вы пожалуйста, Домна Фалелеевна,
35. ««Ко нашей ко Оленъ ко Степановной,
««Хлѣба—соли кушати.»»
«Не пойду я, не подумаю:
«У Олѣнушки братецъ холость—неженать.»
Ужь какъ третій посоль, онъ въ горницу взошелъ,
40. Шляпу скинулъ, поклонился:
««Вы пожалуйста, Домна Фалелеевна,
««Ко нашей ко Оленъ ко Степановнъ,
««Хлѣба—соли кушати:
««Она безъ вась хлѣба—соли не кушаетъ
45. ««И бѣлаго лебедя на столѣ не разрушиваетъ *)»»
«Не пойду я, не подумаю:
«У Олѣнушки братецъ холость—неженать.»
Услыхала ее родимая матушка:
—Ты поди, моё дитятко,
50. —Ты поди, моё чадо милое.—
«Государыня моя, родимая матушка!
«Не хорошъ мнѣ нынѣшнюю ночь сонъ видѣлся:
«Бархатная моя юпка вся изодраная
«И золотъ—то мой перстень распаянъ лежитъ.»
55. —Ты дитё ль мое, дитятко!
—Ужь какъ нынче снамъ не вѣрують.—
Ужь какъ тутъ Домна Фалелеевна
Убралася—снарядилася
И пошла ко Оленъ ко Степановнъ.

*) Должно быть: „не рушаетъ.“—0.

60. Какъ встрѣчаетъ Олёна Степановна
 Домну Фалелеевну,
 Посадила Домну Фалелеевну по конецъ стола,
 Ниже всѣхъ подруженекъ.
 Ужь не сами-то двери растворилися:
65. Растворялъ двери Димитрій Князь.
 Какъ возговорить Домна Фалелеевна:
 «Охъ ты, Димитрій Князь!
 «Ужь какъ ты сутуль-горбать,
 «У тебя носъ курносъ, косые глаза,
70. «У тебя-то зубы какъ соломенны пукли,
 «И ты ногами-то загребаешь,
 «И всѣ-то ковры въ кучу сметаешь!»
 Ужь какъ взялъ-то Димитрій Князь
 Домну Фалелеевну за правую руку,
75. Онъ повелъ ее во свою спальню,
 И онъ билъ Домну до полусмерти.

- Ужь какъ посылаетъ посла Домна къ своей матушкѣ,
 Чтобъ прислала ей матушка три платица:
 Ужь какъ первое платье—дѣвичье,
 80. А другое-то—подвѣчное,
 А третіе-то—смертное.
 Ужь тутъ возговорить ей матушка:
 —Ужь я буду нынче снамъ вѣровать!—

* *
 *

ВАСИЛІЙ КНЯЗЬ.

(Арханг. губ., Шенкурскъ.)

На синѣмъ было на морѣ,
На тихомъ было заводѣ,
Потонулъ тутъ Василій Князь
Отъ злата вѣнца идуци.

5. Оставалась молода Княжна:

«Ужь вы бѣяра, бѣяра!

«Воротите вы комоня *)

«На родимую сторону

«Ко родимому батюшкѣ,

10. «Къ государынѣ матушкѣ.»

Они прѣхали къ батюшкѣ;

Посмотрѣла въ окошечко

Молодая невѣстушка:

—Богоданая матушка!

15. —Къ намъ не гостыюшка прѣхала,

—Къ намъ прѣхала подворница,

—Вѣковая постельница.—

«Ой вы гой еси, бояра!

«Воротите вы комоня

20. «Ко святому монастырю,

«Къ саомобольшей игуменьѣ.—

«Ты цестная игуменья!

*) Ковя.—О.

- «Постриги меня въ старши,
 «Ты построй швѣ-ка кѣлейку
 25. «Просѣки три окошецько:
 «Первое-то окошецько
 «Ко святому Благовѣщенью,
 «А второе-то окошецько
 «На родимую сторону,
 30. «А какъ третьё-то окошецько
 «На синѣе на море,
 «На тихое на заводь:
 «Потонулъ тутъ мой вѣнцанной мужъ,
 «Мой вѣнцанной мужъ—Василій Князь!»

(Доставлено г. Борисовымъ.)

* *
 *

КНЯЗЬ МИХАЙЛО.

I.

1.

(Тульск. губ. и уезда, с. Покровское).

- Какъ поѣхалъ Князь Михайло
Во царскую во службу,
Какъ приказывалъ Княгиню
Своей матушкѣ родимой:
5. «Береги жь мою Княгиню
«И корми мою Княгиню
«Бѣль-крупичатыми колачами,
«И ты пой мою Княгиню
«Сладкою сѣтою.»
10. Не успѣлъ Князь Михайло
Съ широка съ двора съѣхати,
Его матушка родима
Жарко мыленку *) топила,
Жарко мыленку топила,
15. Горючій камень разжигала:
—Ты пойдѣтъ-ко, моя невѣстка,
—Въ мыленку—помою,
—Въ мыленку—помою,
—Твой животикъ поправлю.—
20. Какъ клала ее матушка

*) Баню.—О.

На бѣлую лавочку,
 Какъ клала горючъ камень
 На бѣлую грудь.

Ужь какъ первый разъ она закричала,—

25. Добрый конь его спотыкнулся:
 «Ахти, братцы, нездорово!
 «Либо матушки не стало,
 «Либо молодой Княгини!»

Какъ къ воротамъ подъѣзжаетъ,

30. Его слуги встрѣчаютъ:
 «Охъ вы вѣрны мои слуги,
 «Всё ли дома здорово?»
 ««Слава Богу, да не само *)!»»
 На высоко крыльце входить,

35. Его нянюшки встрѣчаютъ:
 «Охъ вы няньки мои, мамки,
 «Всё ли дома здорово?»
 ««Слава Богу, да не само!»»
 Во новыя сѣни входить,

40. Сѣнны дѣвушки встрѣчаютъ:
 «Охъ вы сѣнны мои дѣвушки,
 «Всё ли дома здорово?»
 ««Слава Богу, да не само!»»
 Во высокъ теремъ входить,

45. Его матушка встрѣчаетъ:
 «Государыня матушка!
 «Да гдѣ жъ моя Княгиня?»
 —Твоя Княгиня во свѣтлой свѣтлицѣ,
 —Въ дубовой гробницѣ.—

50. Скоры ноги подгибались,
 Бѣлы руки опускались,
 Бѣлы руки опускались,
 Ясны очи закрывались.

*) Не совсѣмъ, не очень, не весьма.—0.

Его матушка родима

55. Позили *) гуляеть:

—Ахти, братцы, согрѣшила,

—Я три души погубила:

—И я сына, я невѣстку,

—Молоденца я во чревѣ!—

(Записано П. В. К. отъ старухи).

*

2.

(Тульск. губ., Алексинскаго уѣзда).

Собирался Князь Михайло

Онъ во царскую во службу,

Онъ приказывалъ свою молоду Княгиню

Своей матушкѣ родимой:

5. «Не покинь мою молоду Княгиню

«Да при нужномъ при времѣ!»»

Какъ съѣхалъ Князь Михайло

Со широкаго подворья,

Велѣла она банюшку топить,

10. Горючь камень разжигати:

Молодой Княгинѣ

На бѣлыя груди клала;

Она первый разъ закричала,

А въ другой—то застонала,

15. А въ третій замолчала.

*) П. В. К. оставилъ это слово съ знакомъ вопроса. Вѣроятно: *по землѣ*; *земь*—зелень, зелена, могила, обросшая новой травой, иначе „буевка.“—О.

Воротился Князь Михайло

Со пути ли со дорожки

Ко широкому подворью;

Его матушка встрѣчала,

20. Во сахарныя уста цѣловала:

«Охъ ты, мать ты мнѣ родная!

«Да гдѣ жъ моя молода Княгиня?»

—Твоя молода Княгиня

—Съ няньками-мамками играетъ.—

25. Какъ кинулся Князь Михайло

Свою молодую Княгиню искати:

«Охъ ты, матушка мнѣ родная!

«Ты скажи, не утой,

«Гдѣ жъ моя молода Княгиня?»

30. Какъ взговорять Князю

Красны дѣвушки:

««Мы бѣ сказали тебѣ,

««Гдѣ твоя молода Княгиня,

««Да мы боимся

35. ««Твоей матушки родимой?»»

«Охъ вы дѣвушки-голубушки!

«Вы скажите, не утайте,

«Гдѣ жъ моя молода Княгиня?»

««Твоя молода Княгиня

40. ««Въ грановитой *) во палатѣ:

««Тамъ твоя молода Княгиня!»»

Какъ кинулся Князь Михайло:

«Ужъ не мать ты мнѣ, злодѣйка!

«Три души ты загубила:

45. «И ты сына со невѣсткой,

«И младенца во утробѣ!»

*

*) Грановой, угольчатой, т. е. въ гробницѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ сопоставленіе и съ грановою палатою, какая бывала у князей и осталась понятна въ Москвѣ.—О.

3.

(Шевкурскъ).

Какъ собирався Князь Михайло
 На грозную службу царскую;
 Онъ наказываетъ родной матушкѣ:
 «Охъ ты матушка родимая!

5. «Береги мою молодѹ Княжну:
 «Клади ее спать во соборную вечерню,
 «Подымай ее во соборную обѣдню;
 «Ты корми ее крупичатыми калачами,
 «Ты пой ее медовой сытой.»
10. Онъ садился на добра коня,
 Соѣзжаетъ со широкаго двора.

Не успѣлъ Князь со двора съѣхать,
 Его матушка родимая
 Приказала жарко мыленку топити:

15. Горючъ камень разжигала,
 На бѣлыя груди Княгини клала.

Выѣзжаетъ онъ на чисто поле,—
 Подъ Княземъ конь спотыкнулся,
 Подъ правой рукой

20. Ясный соколъ встрепенулся,
 Съ Князя шапочка свалилась;
 Какъ возговорить Михаилъ Князь:
 «Ахти, дома всѣ здоровы ль?
 «Вѣрно матушки не стало
25. «Или молодой моей Княгини!»

Какъ воротился Князь Михайло,
 Онъ въѣзжаетъ на широкой дворъ,
 Ево матушка встрѣчаетъ:
 «Ахъ ты матушка моя родная!

30. «Гдѣ моя молода Княгиня?»

—Пошла твоя Княгиня во высокъ теремъ,
 —Во высокъ теремъ бѣлится—румянится.—
 Пошелъ Князь Михайло во высокъ теремъ:
 Бѣлилки всѣ не тронуты,

35. Румяночки не ворохнуты,
 Всѣ дѣвочки въ черномъ платьѣ наряжены,
 Русы косы расплетены.

«Гдѣ моя молодая Княгиня?»

««Ахъ ты батюшко нашъ, Михайлъ Князь!

40. ««Мы не смѣемъ вамъ сказать:

««Наша молодая Княгиня переставилась,

««Она стоитъ во соборной церкви.»»

Какъ бросился Князь Михайло во соборну церковь,
 Увидаль свою молоду Княгиню.

45. Какъ взговорить Князь Михайло:

«Ахти, ты матушка родная!

«По родству—то ты мнѣ мать родная,

«По разлукѣ *) же змѣя лютая!»

Вынимаетъ шпагу острую **),

50. Онъ пронзаетъ свое ретиво сердце.

Его матушка раскаялась,

Со слезами слово молвила:

—Передъ Богомъ согрѣшила я,

—Три души я погубила вдругъ:

55. —Первую душеньку—сыновнюю,

—Другую душу—невѣсткину,

—А третью—младенца во утробѣ!—

(Записано г. Кузьмищевымъ.)

*

*) Что разлучила мужа съ женою.—О.

***) Поздѣйшая передѣлка.—О.

(Орловск. г., Малоарханг. уезда, с. Сабурово).

Какъ женился Князь Михайло
Онъ на душеньки на Княгинѣ,
На молодой душѣ Катеринѣ.

Князь у службу собирався,
5. Его матушка провожала:
«Ужь ты матушка родная!
«Ты корми мою Княгиню,
«Молоду душу Катерину!»

Во пути во дороженьки несчастье случилось,—
10. Подъ нимъ воронъ конь споткнулся,
Пухова шляпа упала:
«Вы постойте жь, мои братцы,
«Знать, что дома нездорово:
«Жива ли моя Княгиня,
15. «Молода душа Екатерина?»

«Ужь ты матушка родная!
«Гдѣ жь моя Княгиня?»
—Ужь твоя, сударь, Княгиня
—Во бѣлыхъ палатахъ:
—Во тесовой во гробницѣ.—
20. Вынимаетъ Князь саблю остру,
Съ себя голову снимаетъ.

—Ахти, Боже, согрѣшила,
—Я три души погубила:
—Я сына и невѣстку,
25. —А третьяго младенца!—

*

5.

(Вологодск. губ.).

Собирался Князь Михайло
 Въ государеву во службу;
 Онъ приказывалъ своей матушкѣ,
 Онъ приказывалъ своей государынѣ:

5. «Ужь ты матушка моя родная!
 «Береги ты мою Княгиню,
 «Береги мою молодую:
 «Ужь ты пой-корми Княгиню,
 «Ужь ты пой-корми молодую,
 10. «Все сытою медовою,
 «Все крупищатымъ калачами *)»»

Это матушкѣ за досаду.
 Со двора Князя проводили **),
 Его матушка говорила:

15. —Ужь вы няньки, вы мамки!
 —Истошите баню жарко,
 —Накалите вы горючъ камень!
 —Ты поидемъ-ко со мной, невѣстка,
 —Мы поидемъ съ тобой въ банку!—
 20. Въ трои рученьки сноху держали,
 Въ четвертыя грудь пороли,
 Горючъ камень опускали.

- Она въ первой разъ возмолилась,—
 У Князя Михайла шляпа спала,
 25. На сажень прочь отлетѣла;
 Она въ другой разъ возмолилась,—
 У Князя Михайла конь споткнулся:

*) Начиная съ этого стиха и всѣ слѣдующіе повторяются по два раза.—О.

***) Проводила?—О.

«Ахти, братцы—государь!
 «У меня въ домъ нездорово:
 30 «Либо матушки не стало,
 «Либо молодой Княгини!»
 Съ половины съ дорожки воротился.

Его матушка встрѣчаетъ,
 И со нянькамъ, со мамкамъ,
 35. А безъ молодой Княгини:
 «Ужь ты мать моя родная!
 «Ужь какъ гдѣ же моя Княгиня,
 «Ужь какъ гдѣ моя молодая?»
 —Что твоя—то ли Княгиня,
 40. —Что твоя—то ли молодая
 —Всю ноченьку не съпала,
 —Все съ друзьями просидѣла;
 —Она топеречи почиваетъ
 —Что во свѣтлой во свѣтлицѣ:
 45. —Во дубовой во гробницѣ.—

«Ужь вы няньки, ужь вы мамки!
 «Вы подайте мнѣ саблю острую!»
 Онъ срубилъ себѣ буйную голову.
 Ево матушка закричала:
 50. —Ахти, я, сука, согрѣшила,
 —Ровно три души погубила:
 —Ужь я сына со невѣсткой,
 —Я младенца во утробѣ!—

(Ср. «Народныя пѣсни Вологодск. и Олонецк. губ., собран. Ѳ. Студитскимъ
 С. П. Б., 1841 г.).

* *

СМЕРТЬ КНЯЗЯ МИХАЙЛА.

II.

1.

(Тульск. губ., Чернскаго у.).

Изъ за горь—то изъ за горь крутыихъ,
Изъ за лѣсовъ—то лѣсовъ дремучиихъ,
Не краснѣ солнушко выкаталося,
Выкаталися войска Рускія,

5. Войска Рускія—козаки Украинскіе;
Командиромъ былъ армеюшки Князь Михайло.
Ужь и взговорилъ Князь Михайло своимъ добрымъ вои-
нань:

«Охъ вы братцы мнѣ родные, солдатюшки бодрые!
«Не робѣйте вы—ступайте на злыхъ—чёрныхъ Молда-
вань,

10. «Вы рубите—не щадите злыхъ—безбожныхъ Татарь!»
Какъ ни бились, ни рубились, не смогли ихъ одолѣть:
А самъ—то Князь Михайло во полонъ къ нимъ попалъ.
Какъ ни мучили, ни били, души его не выняли:
И умеръ Князь Михайло на тридцатомъ на году.

* *

Король-Королевичъ *).

III.

1.

(Орловск. губ. в уѣзда).

Поѣхалъ Королевичъ на воёваньяца.

Не доѣхалъ Королевичъ до воёваньяца,
Становился Королевичъ на гореваньяцѣ,
Ложился Королевичъ спать на гореваньяцѣ

5. Во бѣломъ шатрѣ.

Привидился Королевичу одинъ дивенъ сонъ:

«Изъ правой моей рученьки ясенъ соколъ вылеталъ,

«Изъ лѣвой моей рученьки сѣрая утица.»

Поѣхалъ Королевичъ къ старой бабѣ ворожить:

10. «Скажи, скажи, бабусенька, мнѣ правду-истинну:

«Вечеръ я Королевичъ ложился спать

«На крутой на горѣ, во бѣломъ шатрѣ;

«Изъ правой моей ручки ясенъ соколъ вылеталъ,

«Изъ лѣвой моей ручки сѣрая утица?»

15. —Скажу тебѣ, Королевичъ, правду-истинну:

—Вечеръ твоя Марусенька сына родила,

—По утру ранешенько сама померла.

*) Слѣдующія Безымянныя пѣсни, тѣсно связанныя съ предыдущими о Князѣ Михайлѣ, помѣщены при нихъ для сравненія; см. ниже „Замѣтку.“—О.

—Косищеты окошечки всё въ траворѣ висятъ,
—Генералы твои всё въ тровурѣ стоятъ.—

20. Воротился Королевичъ съ воеваньянца.

*

2.

Поѣхалъ же Королевичъ на гуляньеце,
Оставляетъ свою жену на гореваньеце.

Въѣхалъ же Королевичъ на круту гору,
Раскинулъ же Королевичъ свой бѣлый шатеръ,
5. Ложился спать Королевичъ подь бѣлымъ шатромъ;
Не хороша-тъ сонъ Королевичу привидѣлся:
Со праваго со плечика соколъ солетѣлъ,
Со лѣваго со плечика сѣрая уточка.
На встрѣчу же Королевичу старушка идеть:
10. «Постой, постой, старушенька, я спрошу тебя,
«Разсуди мой сонъ:
«Со праваго со плечика соколъ солетѣлъ,
«Со лѣваго со плечика сѣрая утица?»
—Будто твоя Королевна сына родила,
15. —Сама померла.—

Подъѣзжаетъ Королевичъ къ широку двору:
Стеколчатыя окошечки повывставлены,
Генералы-фельдмаршалы въ трубы трубятъ,
Всѣ нянюшки и мамушки въ троурѣ стоятъ,
20. Его жена Королевна во гробу лежить.

*

3.

Сбирается Королевичъ на воеваньянце,
Оставляетъ жену свою на гореваньянце.

- Поѣхалъ Королевичъ во чисто поле,
 Раскинулъ Королевичъ свой тонкой-бѣлый шатеръ,
 5. Пустилъ своего добраго коня въ зелены луга,
 Ложился спать Королевичъ подъ бѣлымъ шатромъ.
 Привидѣлся Королюшка дивнѣхонекъ сонъ:
 Изъ подъ праваго рукава соколъ вылеталъ,
 Изъ подъ лѣваго сѣра утушка.
10. Испугался Королюшка, вставалъ скоро отъ сна,
 Сѣдалъ онъ скоро, Королюшка, своего добраго коня,
 Поѣхалъ же Королевичъ въ зеленые луга.
 На встрѣчу тутъ ему старушка идетъ:
 «Старушнѣйка, баушнѣйка *), рассуди мой сонъ?»
15. —Королюшка молоденькой, расскажи мнѣ сонъ.—
 «Изъ подъ правой руки соколъ вылеталъ,
 «Изъ подъ лѣвой руки сѣра утица?»
 —Королинѣйка молоденькой, расскажу твой сонъ:
 —Твоя жена, Королевна, сына родила,
20. —Ко бѣлой ко зореньки сама померла.—
 Испугался Короленѣйка, поѣхалъ домой.

- Подъѣзжаетъ Короленѣйка ко широкому двору:
 Генералы-фельдмаршалы все въ черномъ стоять,
 «Одна моя Королева вся въ бѣломъ лежить.»
25. Сплеснулъ Короленѣйка бѣлыми руками,
 Залился же Короленѣйка горячими слезами:
 «Бывало, Королева встрѣчала меня,
 «А нынче Марусинѣйка не встрѣтила!»

*

4.

(Москва)

Какъ поѣхалъ Королевичъ на воеваньце,
 Оставилъ свою Королеву на гореваньце.

*) Вабушенька.—О.

- Становился Королевичъ при пути большой,
 При пути большой становился, при крутой горѣ;
 5. Пустилъ своего коня въ зеленѣ луга,
 Ложилися спать въ бѣломѣ шатрѣ,
 Въ бѣломѣ шатрѣ, на крутой горѣ.
 Привидѣлся Королевичу чудень-явень сонъ:
 Изъ подъ правой его ручки соколикъ вылеталъ,
 10. Изъ подъ лѣвой изъ подъ бѣлой лебедь бѣлый.
 «Поѣду я, Королевичъ, къ старой бабѣ въ домъ!—
 «Скажи, скажи, Марусенька *)), всю правду мнѣ;
 «Вечеръ я спалъ въ бѣломѣ шатрѣ,
 «Въ бѣломѣ шатрѣ, на крутой горѣ:
 15. «Привидѣлся мнѣ чудень-явень сонъ.»
 —Вечеръ твоя Королева сына родила,
 —По утру ранѣхонько сама померла.—
 «Ворочусь ли я, Королевичъ, къ дому своему!»

- Широкія ворѣточки растворены стоятъ,
 20. Всѣ красныя окошечки подъ бѣлымъ полотномъ,
 Генералы—сенаторы всѣ въ троурѣ стоятъ,
 «Одна моя Королева въ червѣнномѣ лежитъ!»
 Ударился Королевичъ объ дубовый гробъ,
 Заливался Королевичъ горячьимъ слезамъ:
 25. «А свѣтъ моя хорошая Королева!
 «Еслибъ зналъ, еслибъ вѣдалъ, не ѣздилъ бы я!
 «Пущай моя Королевна при мнѣ бѣ родила.
 «Пущай моя хорошаа при мнѣ бѣ померла!
 «Подломилась Королевнѣ **) рѣзвы ноженьки еѣ,
 30. «Опустилися Королевнѣ бѣлы рученьки еѣ,
 «Закрылися Королевнѣ ясныя очи еѣ!»

*

*) Ошибка вмѣсто „бабусенька.“—О.

**) Вѣроятно „Королевнѣ.“ королевичу: рѣчь объ его смерти.—О.

5.

Отъѣзжаетъ Королевичъ на разгуляньице,
Покидаетъ Марусеньку на гореваньице.

- Пустилъ своего добраго коня во зеленые луга,
Ложился спать въ бѣломъ шатрѣ,
5. Въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.
Привидѣлся Королевичу явншунѣкъ сонъ:
Изъ подъ ручки изъ подъ правой соколъ вылеталъ,
Изъ подъ лѣвой изъ подъ ручки сѣрая утица.
Сказали вѣсть Королевичу—и радость, и печаль:
10. —Твоя жена Марусенька сына родила,
—По утрицу ранѣшенько сама померла.—

- Воротился Королевичъ къ дому своему:
Широкіе воротички растворены стоятъ,
Косячетыя окошечки повывставлены,
15. Генералы-полковнички въ черномъ убраны:
—Твоя жена Марусенька въ цвѣтномъ убрана.—
Ударился Королевичъ объ дубовый столъ:
«Ахъ свѣтъ моя Марусенька, опустѣлъ домокъ!
«Очи ея прекрасныя не ўзрѣли меня,
20. «Ножки ея рѣзвѣшуньки не встрѣтили меня,
«Ручки ея бѣлѣшуньки не обняли меня,
«Уста ея сахарныя не промолвили!»

*

6.

Сбирался Королюшка на воеваньицо,
Береть съ собой силы множество.

Выходилъ-выступалъ въ поле чистое,
Разкидывалъ-разметывалъ бѣлъ-танкѣй шатеръ,

5. Ложился же Королюшка во шатряки спать.
 Нехорошъ-та Королюшки сонъ привидился:
 Во снѣ изъ праваго рукавчика соколъ вылеталъ,
 Изъ лѣвой изъ полочки сѣра утычка.
 На встрѣчу же Королюшки старушка идетъ:
10. «Старушинька, бабушинька, разсуди-ка мой сонъ?»
 —Королюшка, военной сынъ, рассказывай.—
 «Изъ праваго у меня рукавчика соколъ вылеталъ,
 «Изъ лѣвой изъ полочки сѣра утычка.»
 —Жена ль твоя хозяйюшка сына родила,
15. —Въ третій день, Королюшка, сама померла;
 —Воротись-ка ты, Королюшка, возвратно назадъ!—

Домой подъѣзжаетъ жа Королюшка къ широкому двору:
 У воротъ-та притворщички печальны стоятъ,
 Всѣ окошачки распечатаны.

*

7.

(Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда, с. Языково).

- Собирается Королѹшка на гуляньице,
 Оставляетъ свою хозяйюшку на гореваньице:
 «Прости, моя хозяйюшка, до свиданьица!»
- «Самъ я пошелъ, Королюшка, во чисто поле гулять,
 5. «Пустилъ я, Королюшка, своего добра коня въ зеленые луга.»
 А самъ пошелъ Королюшка на круту гору,
 На крутенкой на горочкѣ раскинулъ шатерь,
 Подъ шатрикомъ Королюшка самъ легъ почивать;
 Онъ спитъ—не спитъ, Королюшка, больше такъ лежать.
10. Привидѣлся Королюшкѣ двнѣшенекъ сонъ:
 Со правой со рученьки соколъ вылеталъ,
 Со лѣвой со бѣлой сѣрая утица.
 «И туто-то я, Королюшка, задумался,

- «Садился я, Королюшка, на добра коня,
 15. «Подъехал я, Королюшка, во Питеръ городокъ.»
 Во Питеръ во городъ старушка живетъ:
 «Старушенька, бабушенька, разгадай мой сонъ?»
 —Ты еси, Пруцкой Король, рассказывай свой сонъ.—
 «Со правой со ручушки соколъ вылеталъ,
 20. «Со лѣвой со бѣлой сѣра утица.»
 —Въ твоёмъ дому, Королюшка, есть радость и печаль:
 —Твоя жена Королевна сына родила,
 —Во третій день Королевна сама померла.—»

- Пѣхотны солдаты разставлены,
 25. Генералы-половнички у гроба стоятъ,
 «Моя жена во гробъ лежитъ,
 «Сыночикъ мой любезный на бѣлой груди!»

*

8.

(Саратовск. губ.)

- Король молодой собрался,
 Королюшка во нну землю.
 Покинулъ Королюшекъ
 Молодую жену,
 5. Какъ горькую кукушечку
 Въ темнымъ лѣсу,
 Какъ горькую полынушку
 Въ чистомъ полѣ.

- Подъехалъ Королюшка
 10. Къ крутой горѣ,
 Пристигла же здѣсь Королюшку
 Здѣсь темная ночь;
 Раскинулъ же Королюшка

- Бѣлѣ-тонкой шатерѣ,
 15. Ложился Королюшка
 Внизъ бѣлымъ лицомъ.
 Привидѣлся Королюшкѣ
 Чуденѣ-страшенѣ сонъ:
 Изъ правой его рученьки
 20. Ясенѣ соколѣ выметалѣ,
 Изъ лѣваго изъ бѣлаго
 Сѣра утушка.
 «Знать, моя хозяйшка
 «Сынка родила
 25. «И сама померла!
 «Знать, мнѣ Королюшкѣ
 «Воротиться назадъ!»

- Подѣхалѣ Королюшка
 Къ широкому двору:
 30. Широки воротички
 Растворенныя,
 Косяцеты окошечки
 Всѣ повскрытыя;
 Коней шестерочка
 35. Заложенная,
 Всѣ кучера и фореиторы
 Приневеселые;
 Сѣнны дѣвушки
 Всѣ наряженныя,
 40. Во черныхъ во платьицахъ,
 Во печальныхъ.
 «Знать, моя хозяйшка
 «Впередѣ лежитъ
 «Подъ черной тѣлой!»
 45. Ваошелѣ Королюшка
 Въ нову гореньку,
 Восплакнулся Королюшка
 Горючими слезами.

А дѣвушки-служанушки

50. Разговариваютъ:

« Не плачь, не плачь, Королюшка,
 « Не воротись ее назадъ! » »

(Ср. „Быть Р. нар.“ Торощанин, ч. II).

*

9.

(Тамъ же).

Поѣхалъ нашъ Королевичъ на воеваньице,
 Оставилъ свою Марьяшечку на гореваньице.

Не доѣхалъ Королевичъ до воеваньица,
 Становился Королевичъ среди пути,

5. Среди путь-дороженьки, близъ крутой горы;
 Какъ самъ пошелъ Королевичъ на круту гору,
 Пустилъ свою добра коня въ зеленые луга,
 Раскинулъ же Королевичъ свой бѣлый шатеръ,
 Ложился спать Королевичъ подъ бѣлымъ шатромъ.

10. Увидѣлъ же Королевичъ явный сонъ во снѣ:

Изъ подъ правой полушки соколъ вылеталъ,
 Изъ подъ лѣвой полушки сѣрая утица;
 Вылетывалъ соколушка—онъ высвистывалъ,
 Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:

15. —Въ твоёмъ дому, Королевичъ, несчастье случилось!—

Какъ тутъ же нашъ Королевичъ призадумался:
 « Пойду, пойду къ старушечкѣ, къ своей ворожеѣ! »

Пошелъ же нашъ Королевичъ путемъ-дорогой,
 На встрѣчу Королевичу старушка идетъ;

20. Какъ сталъ же онъ старушечку выпрашивать:

« Старушенька, бабушенька, разсуди мой сонъ,
 « Скажи, скажи, старушенька, всею правду мнѣ! »

—Королюшка, мой батюшка, какой же твой сонъ?—

«Изъ подъ правой полушки соколъ вылеталъ,

25. «Изъ подъ лѣвой полушки сѣрая утица;

«Вылеталъ соколушка—онъ высвистывалъ,

«Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:

«—Въ твоёмъ дому, Королевичъ, несчастье случилось!—»

—Королюшка, мой батюшка, не хорошъ твой сонъ:

30. —Твоя жена Марьяшечка сына родила,

—Ко бѣлой зарѣ ранехонько сама померла.—

Поѣхалъ же Королевичъ къ дому своему:

Въ саду его всѣ пташечки приунывъ сидятъ,

Слуги его вѣрные всѣ въ черномъ траурѣ.

35. Жена его Марьяшечка вся въ златѣ убрана.

Вся въ златѣ убрана и въ гробъ положена.

«Ахъ свѣтъ моя Марьяшечка, не встрѣтила меня,

«За бѣлыя за рученьки не приняла меня,

«За убранны за столжки не посадила,

40. «Сахарными конфетами не потчивала *)!»

(Ср. „Лѣтоп. Р. литер. и др.“ Т. IV, запис. гг. Мордовцевой и Костомаровой).

* *

*) Такая же точно пѣсня поется со вставкою вмѣсто „Королевичъ“, „Королюшка“,— „Козаченька:“ ср. тамъ же, „Лѣтоп. Р. лит. и др.“ Н. Костомарова въ „Современникѣ“ за 1856 г. № 10 и въ „Пам. стар. Р. литер.“ выш. I; см. также слѣдующій за симъ IV-й отдѣлъ пѣсень.—О.

Козаченька

IV.

1.

Военный казаченько
Во службу пошелъ.
Сходилъ казаченько
На широкій на дворъ,
5. Остдывалъ-обратывалъ *)
Свого добраго коня,
Поѣхалъ же во чисто поле.

Пускалъ своего коня
Во зелены луга,
10. Самъ взошелъ
На высокъ бугоръ,
Раскидывалъ-развертывалъ
Бѣлъ-тонкой шатеръ,
Ложился спать
15. Во бѣломъ шатрѣ.
Дивнѣхонекъ ему
Сонъ привидѣлся:
Со праваго со плечика
Соколь солеталъ,
20. А изъ лѣваго рукавчика
Сѣра уточка.
Пошелъ путь-дорожкой,

*) Отъ *обротать*, обуздать.—О.

- На встрѣчу казаченькѣ
Старушка идетъ,
25. Онь баать *) ее:
«Старушенька, стряпушенька,
«Разсудливая!
«Разсуди ты мой сонъ.»
—Военный сынъ, казачишка,
30. —Разскажи свой сонъ.—
«Старушенька, стряпушенька,
«Разскажу свой сонъ:
«Со права ео плечика
«Соколь солеталъ,
35. «Со лѣваго рукавчика
«Сѣра утушка.»
—Военный казачишка!
—Несчастье во домъ:
—Въ третій день жена твоя
40. —Сына родила,
—Черезъ часъ сама померла.—
Пошелъ казачишка
Во домикъ назадъ.

Подходить ко своему

45. Широкому двору:
Широкія воротишка
Растворенныя стоять,
Окошечки повывставлены;
Всходить казаченька
50. На высокъ крылецъ:
На встрѣчу ему
Жену-хозяйшку
Хоронить несутъ.
«Прости-прощай,
55. «Жена моя Марусенька!»

*

*) Уговариваетъ. О.

(Русь Юго-западная).

Похавъ козакъ на полюбавьдѣ *),
Зоставывъ жону свою на горюваньдѣ.

Пустывъ ковыченька на попасаньдѣ,

А самъ прилгъ къ сырий земли на сладывавьдѣ.

5. Пришывся козакови дивнесенький сонъ:

Эъ-пидъ рученьки вылынувъ **) ясненъкий соколъ,

Эъ-пидъ другой билон сира утинка.

Похавъ козаченько до вороженьки:

«Вороженько, голубонько, одгадай мий сонъ,

10. «Шчо вынувъ ***) эъ-пидъ рученьки ясненъкий соколъ,

«Эъ-пидъ другой билон сира утинка.»

—Бжи, бжи, козаченьку, и не стоючи ****),

—А вже твой мыльничком не застаючи:

—Учора изъ вечера *****) сына привела,

15. —Сама молоденька до гробу лягла.—

Призжае козаченько къ новымъ воротамъ, —

Ажъ выходить-выбгасе найменьшая свить *****)

И выносить козакови недобрую висть:

—Чоломъ, чоломъ *****), пане зятю, чужий та не мамъ!

20. —А уже твоеи мыльничком на свити не мамъ *****):

—А учора изъ вечера сына привела,

—Сама молоденька до гробу лягла.—

*) Полеванье—воеванье.—О.

**) Выскользнуть, выпорхнуть. О.

***) Вылынуть?—О.

****) Не мѣшка.—О.

*****) Изъ вечера, зъ вечера?—О.

*****) Невѣстка.—О.

*****) Здравствуй, кланяюсь.—О.

*****) Не имѣешь, нѣтъ ея.—О.

- Принужае козаченько на новенький дивирь:
 Ударил по мыленький у голосный дзвирь *);
25. Увиходить козаченько у нову свитлыцю:
 Лежить его мыленькая на усю скамницю;
 Няньки-мамки молоденьки за столомъ сидятъ,
 Дыти его коханое **) на ручкахъ держать.
 «Ножки мои воходящии, чомъ ***) не ходыте?»
30. «Ручки мои роботящии, чомъ не робыте?
 «Уста мои сахарныи, чомъ не мовыте?
 «Очъки мои чорненькыи, чомъ не глянете?»
 — Не той же, козаченько, теперь свить наставъ,
 — Шчобъ умершый еще зъ навы ****) вставъ;
35. — А не тая, козаче, теперь година,
 — Шчобъ умершая еще говорила!—

(Ср. Нам. стар. Р. литер., вып. I, и «Литоп. Р. литер. и др.» Т. IV).

*
 * *

*) Громкий, церковный звонъ.—О.
 **) Любимое.—О
 ***) За чъмъ?—О.
 ****) Изъ мертвыхъ.—О.

КНЯЗЬ РОМАНЪ.

I.

1.

(Архангельской губ.).

- Жилъ—былъ Князь Романъ Митріёвичъ,
Съ женкой спалъ и ей прищавилось *) ночью,
Что у ней перстень спалъ съ правой руки,
Съ права перстечка, съ мезёночка,
5. И рассыпался на мелкія зёрночка.
«Дашь **) мы знать по всѣмъ землямъ,
«[По всѣмъ землямъ] по всѣмъ ордамъ,
«Чтобы твой сонъ разсудили,
«Чтобы твой сонъ разсказали ***)?»
10. —Я свой сонъ сама разсужу,
—Я свой сонъ сама разскажу:
—Прибѣгутъ ко мнѣ изъ за моря
—Три червленыехъ три корабля ****),
—Увезутъ меня, Марью, за сине море,
15. —За сине море за Соленое,
—Къ тому Мануилу сынъ—Ягайлову.—
Онъ не слушалъ тѣхъ рѣчей,
Онъ ушелъ скорѣй въ тихи—мелки заводи,

*) Представилось.—О.

**) Дадимъ?—О.

***) По всему видно, что это слова Романа. О.

****) Скорѣе, по складу пѣсни всей, „карабли.“—О.

Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
20. Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ утокъ.

Она сѣла къ окошечку косивчиту *)
И глядитъ: бѣжать изъ за моря,
Изъ за моря изъ за снѣга,
Три черныхъ три корабля,
25. Приворачиваютъ къ нимъ въ гавань корабельную.

И видитъ Марья—Увезутъ меня
—За сини моря за Соленыя!—
Она заширала окошечко кошивчето **),
Пошла по палатѣ бѣлокаменной,
30. Изъ бѣлыхъ палатъ на новы снѣга,
Съ новыхъ снѣга на красно крыльцо,
Съ краснаго крыльчика на дубовый мостъ ***),
Съ дубоваго моста на тропиночку,
По тропиночкѣ Марья въ чисто поле:
35. И засѣла подъ яблонь кудреватую.

И прибѣгали три кораблика три черныхъ
Прямо въ гавань корабельную,
Подбирали парусы полотняны,
И метали якоря булатные,
40. И вышущали шенки ****) шелковыя,
И спушали на воду шляпку легкую,
И сажались въ шляпочку, прѣхали
Прямо въ гавань корабельную.
И шли въ палаты бѣлокаменны,
45. И искали Марью: не могуть найти.
Одинъ былъ воръ, поваренный дѣтинушка,
Не искомъ ищетъ—слѣдочки выправливаетъ,
Выправливаетъ да вырѣзываетъ:
По тропиночкѣ Марья слѣдочки выправливаетъ,

*) Косяцету.—О.

***) Ошибка вмѣсто: „кошивчето, косивчето.“—О.

****) Помость, мостовую.—О.

*****) Отъ шайма: якорные канаты.—О.

50. Дѣтинушка поваренный вырѣзываетъ:
И нашель ее подѣ яблоню кудреватую.
«Ты ли есть Марья Юрьевна?»
—Я не Марья Юрьевна,
—Я Марьяна служаночка.—
55. «Скажи, ты ли есть Марья Юрьевна?»
—Я есть Марья Юрьевна, Лебидь Вѣлая.—
Онъ и брагъ ее за ручки бѣлыя
И за тѣ ли перстни злаченныя,
И увозилъ на червленомъ на корабль
60. За сине море за Соленое.

- И пришелъ дѣтинушка поваренный
Къ Мануилу сыну Ягайлову.
Онъ встрѣчаетъ его съ честью съ радостью,
Онъ брагъ Марью за руки за бѣлыя,
65. За тѣ ли перстни злаченныя,
Онъ хочеть цаловать ее въ сахарны уста;
Говорить ему Марья Юрьевна:
—У насъ до трехъ годовъ не цалуются,
—[Не цалуются,] не обнимаются.—
70. И ушелъ Мануило Ягайловичъ
На тихи-мелки заводи,
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ уточекъ;
Пойдучи матери наказывалъ:
75. «Дай ей нянюшекъ-служаночекъ,
«Ежели она закручинится.»

- Она сидѣла у окошечка носивчата,
Глядѣла въ околенку стекольчату;
Вотъ мать его идетъ—спрашиваетъ:
80. ««Чего ты сидишь у окошечка у кошивчата,
««Чего плачешь—уливаешься?»»
—Сегодня у меня, на Руси, Великъ праздникъ,
—Великъ праздникъ—Свѣтло Христово Воскресеніе,

- Гуляють жєны христіянскія *),
85. —Купеческія, министерскія, крестьянскія,
—И послѣднія жєны солдатскія,
—И голі кабацкія:
—А я сижу у окошечка,
—Проливаю свои слєзы горючія!—
90. Мать дала ей нянчекъ—служаночекъ[†]
[Няничекъ—служаночекъ] въ сады гулять,
И дала напитоковъ всякихъ разныхъ,
И дала козла любимова Моналинова **).
- Она напоила нянекъ до пьяна,
95. Что няньки лежатъ сами бѣзъ себя;
Вотъ она взяла козла—зарѣзала,
Пришла Марья на гору высокую,
Скидала свое платьє цвѣтнєе,
Надѣвала на лѣсиночку.
100. И пошла съ горы,
Ей на встрѣчу быстра рѣка:
И быстра рѣка идетъ,
Что громъ гремитъ.
И взмолилась Марья быстрой рѣкѣ:
105. —Ой же ты, мать Дарья рѣка!
—Сдѣлайся по женскимъ перебрѣдницамъ ***),
—Станьте переходы узкіе, перебрѣды мелкіе,
—Пропустите меня, Марью Юрьевну!—
И рѣка Марью послушалась:
110. Сдѣлалась по женскимъ перебрѣдницамъ,
Перебрѣла она черезъ быстру рѣку,
Пошла она впередъ попадать ****):
И пришла ей больше того рѣка,
Она видитъ, что перейти нельзя;
115. Смотритъ—плаваєтъ на другой сторонѣ

*) Крестьянскія, хотя ниже онѣ и поминавтєся особо.—О.

***) Мануйлинова, мужиго; ср. „Замѣтку.“—О.

****) Перебрѣдницею по женскому, какъ бы можно было перебрести женщинѣ.—О.

*****) Начала итти дальше.—О.

- [Плаваеъ] колода бѣлодубова;
 И взмолился Марья той колодѣ бѣлодубовой:
 —Ой же ты, колода бѣлодубова!
 —Перевези меня черезъ быстру рѣку:
 120. —А выйду на Святую Русь,—
 —Вырѣжу тебя на мелки кресты,
 —[На мелки кресты] на чудны образы,
 —И вызолочу червоннымъ—краснымъ золотомъ.—
 И колода ее послушалась:
 125. Перевезла ее черезъ быстру рѣку.

- И пришла Марья Юрьевна
 Къ Роману Митріевичу,
 Сама взговоритъ таковы рѣчи:
 —Ой еси ты, Романъ Князь Митріевичь!
 130. —Вывеземъ мы колоду бѣлодубову
 —На Святую Русь:
 —Вырѣжемъ на мелки кресты
 —И на чудны образы,
 —И вызолотимъ червоннымъ—краснымъ золотомъ.—
 135. И вывезли ту колоду бѣлодубову
 На святую Русь,
 И вырѣзали на мелки кресты
 И на чудны образы,
 И вызолотили червоннымъ—краснымъ золотомъ,
 140. И разослали по церквамъ.

(Запис. г. Максимовымъ, ср. Сборникъ П. И. Якушкина, Отеч. Зап. 1860, Апрель).

*

2.

(Калгалакша; на Бѣломъ морѣ).

Романъ Князь Митріевичъ младъ,
 Поѣзжалъ онъ въ чисто поле,

- Сбирать дани за тѣ годы за старье;
И унимаеть его Княгиня Марья Юрьевна:
5. «Душенька, Романъ Князь сударь Митріевичъ!
«Ни *) уѣдь ты въ далеко-чисто поле,
«Сбирать тѣ дани, сударь, пошлинны;
«Какъ ночесъ мнѣ, Марьѣ Юрьевнѣ,
«Мало спалось, много видѣлось,
10. «Много видѣлось, во снѣ грезилось!
«Будто спалъ у меня, у Марьюшки, злаченъ перстень
«Съ меньшова перста, съ шизѣночка,
«И разсыпался на мелкія зѣрнотка **) , на мушенки;
«Тутъ изъ далѣча-далѣча, изъ чиста поля
15. «Прилетѣло стадо черныхъ вороновъ,
«Расклевали мой, Марьюшкинъ, злаченъ перстень.
«Кто бы могъ мой сонъ теперь розсудить?»
Говорить Князь Романъ сударь Митріевичъ:
—Ты не плачь, Княгиня Марья Юрьевна,
20. —Юрьевна ты, Лебедь Бѣлая!
—Я какъ съѣзжу въ далеко-чисто поле,
—Такъ същу тамъ много знахарей,
—Что могутъ тебѣ розсудить твой сонъ.—
Говорить Княгиня Марья Юрьевна:
25. «Ты душенька, Романъ Князь сударь Митревичъ!
«Не надо мнѣ твоихъ много знахорей! ***);
«Я могу этотъ сонъ сама весь розсудить:
«Какъ ты уѣдешь въ далече-чисто поле,
«Такъ изъ той земли изъ бусурманскія
30. «Наѣдутъ многи поганы Татарове,
«На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ,
«Увезутъ меня, Княгиню Марью Юрьевну.»
Ничего Князь Романъ не побароваль ****)
И уѣзжалъ въ далече-чисто поле!

*) Не?—О.

**) Зерночка?—О.

***) Знахарей?—О.

****) Не поспорилъ, не поспорилъ; не обратилъ вниманія, не жаль. О.

35. Въ ту пору въ то время
 Приѣзжали поганы Татарове
 На трехъ червленыхъ новыхъ жорабляхъ.
 Тутъ Княгиня въ побѣгъ пошла:
 Выходила изъ висока-нова терема
40. На новыя сѣни,
 Съ новыхъ сѣней на широкій дворъ,
 Съ широка двора въ зеленый садъ,
 Тамъ призынула *) яблонь кудреватую,
 И садилась подъ яблонь кудреватую.
45. А тѣ поганы Татарове
 Выѣзжали на крутой-красенъ бережокъ,
 Приходили въ высокъ теремъ:
 Туто ходитъ Марыина протомойница;
 Они туто взяли плеточки шелковыя,
50. Стали туто битъ Марыину протомойницу:
 «Ты скажи намъ, скажи, не утай-скажи,
 «Ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»
 И говорила имъ Марыина протомойница:
 —Я есть не Княгиня Марья Юрьевна,
55. —Я есть Марыина протомойница.—
 Они стали туто битъ Марыину клюшницу:
 «Ты скажи намъ, скажи, не утай-скажи,
 «Ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»
 И говорила имъ Марыина клюшница:
60. —Я есть не Княгиня Марья Юрьевна,
 —Я есть Марыина клюшница.—
 И стали они Марью отыскивать:
 Выходили они изъ висока-нова терема
 На новы сѣни,
65. Со новыхъ сѣней на широкій дворъ,
 Съ широка двора во зеленый садъ,
 Призынули тутъ яблонь кудреватую,

*) Приподняла.—О.

И нашли Княгиню Марью Юрьевну.

Стали Марьюшку допрашивать:

70. «Скажи: ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»

«Нѣтъ, я не Княгиня есть Марья Юрьевна,

«Я есть Марьяина постельница.»

Тутъ они брали плѣточки шелковыя,

Стали ее бить не жалѣючись

75. И стали ее снова допрашивать:

«Скажи, скажи, не утай—скажи:

«Ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»

Тутъ она и сказалась имъ:

«Я есть Княгиня Марья Юрьевна.»

80. Взяли они Княгиню за бѣлы руки

И вели на пристань корабельную.

И привезили *) къ Батышу на червленъ корабль;

Береть ее Батыша за бѣлы руки

И цалуетъ Княгиню въ сахарны уста;

85. Говорить Княгиня Марья Юрьевна:

«Ой же ты, Батышъ царь Батурьевичь!

«Не цалуй ты меня въ сахарны уста,

«Не скверни устовъ моихъ сахарныхъ:

«Когда привезешь въ землю бусурманскую...»

(1-го августа 1856 г. записано тѣмъ же. Дальше пѣвецъ не зналъ, а ссылался на второй вариантъ. Ср. Отеч. Зап.).

* *

*) „Привозили“ или „привези?“—0.

КНЯЗЬ РОМАНЪ: ЖЕНУ ТЕРЯЛЪ.

П.

(Москва).

Ужъ какъ Князь Романъ тутъ жену терялъ **),
Онъ терялъ-терялъ и тѣло терзаль,
Онъ терзаль-терзаль, во рѣку бросаль,
Во тоё ль рѣку во Смородинку.
5. Что летѣла туто птица грозная,
Птица грозная, младъ-сизой орель,
Онъ схватилъ туто что праву руку
Въ золотыхъ перстняхъ, въ золотыхъ перстняхъ.

*) Начало этой пѣсни такъ записано М. П. Лисицынымъ въ Волховъ, Орловской губ.:

Во чистомъ полѣ подь явкою,
Подь явкою, подь ракеткою,
Князь Романъ тутъ жену терялъ **),
Пускалъ руду *** во сыру землю,
Металь тѣло по чисту полю.
Летѣль-пролетѣль тутъ ясной соколь,
Онъ взялъ-поднялъ праву руку,
Праву руку съ золотымъ перстнемъ...—О.

***) Губиль.—О.

***) Кровь.—О.

Что пошла Марья дочь Романовна

10. Къ своему къ отцу къ родимому:
 «Ты родимый мой, родной батюшка!
 «Да и гдѣ же, гдѣ жь моя родна матушка?»
 — Что твоя матушка во высокомъ терему,
 — Она бѣлится и румянится,
 15. — Она въ гости снаряжается
 — Ко своему къ отцу, къ твоему дѣдушки.—
 Какъ пошла Марья дочь Романова
 Во высокъ терѣмъ,
 Она смотрѣть-глядѣть свою матушку:
 20. Ужь и нѣтъ, и нѣтъ ея матушки.

Какъ пошла Марья дочь Романовна

Ко своему къ отцу къ родимому:

«Ты родимый мой, родной батюшка!
 «Да ужь гдѣ жь моя родна матушка?»

25. — Твоя матушка поѣхала къ батюшки,
 — Къ своему отцу, къ твоему дѣдушки.—
 Какъ пошла Марья дочь Романовна
 На [паратно] крыльцо смотрѣть-глядѣть матушку:
 Ужь и нѣтъ ея матушки.

30. Что летитъ-летитъ птица грозная,
 Птица грозная, младъ-сизой орѣль:
 Во когтяхъ держитъ онъ праву руку,
 Что праву руку въ золотыхъ перстняхъ.
 Увидѣла Марья дочь Романовна,

35. Закричала она громкимъ голосомъ:
 «Ой же ты, птица грозная,
 «Птица грозная, младъ-сизой орѣль!
 «И ты гдѣ же взялъ ты праву руку,
 «Ты правую руку въ золотыхъ перстняхъ?»

40. ««Ой же ты, Марья дочь Романовна!
 ««Ужь какъ Князь Романъ тутъ жену терялъ,
 ««Онъ терялъ-терялъ и тѣло терялъ,
 ««Онъ терзаль-терзаль, во рѣку бросаъ,
 ««Во тоё ль во рѣку во Смородинку.»»

45. Залилася Марья горячьми слезми,
И пошла дочь Романовна
Къ своему къ отцу къ родимому:
«Ты родиный мой, родной батюшка,
«Потеряль—погубилъ мою матушку!»
50. —Ты не плачь, Марья дочь Романовна:
—Я сострою тебѣ новъ—высокъ терёмъ,
—Я складу тебѣ печь муравленую,
—Я солью тебѣ золоть перстень,
—Я сошью тебѣ кунью шубу;
55. —Приведу я къ тебѣ молодую мать,
—Молодую мать, злую мачиху.—
«Ты сгори, сгори, новъ—высокъ терёмъ,
«Провалися ты, печь муравленая,
«Растопися, мой золоть перстень,
60. «Ты соглѣй, моя шуба кунья,
«Ты умри, моя молодая мать,
«Молодая мать, злая мачиха,
«И ты встань—проснись, родная матушка!»

(Отъ 70-тилтней старухи мѣщанки).

*

2.

(Тульск. губ., Черискаго уѣзда).

Какъ Князь Романъ—онъ жену терялъ,
Онъ жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
Во Смородину бросалъ, во калинникъ.

Какъ встревожится и всплачется

5. Любезная дочка Аннушка:
«Родиный мой батюшка!
«Куда дѣвалъ мою матушку?»

- Твоя матушка во чистомъ полѣ,
 —Во чистомъ полѣ цвѣточки рветь,
 10. —Цвѣточки рветь, вѣночки вьетъ.—
 Вскидалася—взбросалася любезная дочка Аннушка:
 «Родимый же мой батюшка!
 «Куда дѣвалъ мою матушку?»
 —Твоя матушка во чистомъ полѣ,
 15. —Во чистомъ полѣ цвѣточки рветь,
 —Цвѣточки рветь, вѣночки вьетъ.—
 Вскидалася—взбросалася любезная дочка Аннушка:
 «Родимой же мой батюшка!
 «Куда дѣвалъ мою матушку?»
 20. «Цвѣточки растутъ нерватые,
 «Вѣночки лежать невитые!»
 —Твоя матушка во высококомъ теремѣ,
 —Бѣлится—румянится, въ цвѣтно платьѣ одѣвается.—
 Вскидается—взбрасается любезная Аннушка:
 25. «Родимый же мой батюшка!
 «Куда дѣвалъ мою матушку?»
 «Бѣлилы стоять небѣленные,
 «Румяны стоять нерумянные!»

- Какъ летить тутъ орелъ—птица,
 30. Онъ несетъ въ когтяхъ праву руку,
 Онъ кричитъ звонкимъ голосомъ:
 ««Какъ Князь Романъ—онъ жену терялъ,
 ««Онъ жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
 ««Во Смородину бросалъ, во калинникъ.»»
 35. Какъ вскидается любезная дочка Аннушка:
 «Родимый же мой батюшка!
 «Куда дѣвалъ мою матушку?»
 —Не плачь, не тужи, дочка Аннушка:
 —Сострою тебѣ высокой теремъ,
 40. —Складу тебѣ хрущатую *) печь,

* Хрящеватую.—Подозрительно, не сбито ли это вмѣсто „сошью платье—хрущатую камку?“—О.

- Солью тебѣ золотую цѣпь,
 —Приведу тебѣ молодую мать.—
 «Сгори, сгори, мой высокой теремъ,
 «Упади, упади, хрустатая печь,
 45. «Растопись, растопись, золотая цѣпь,
 «Ты умри, умри, молодая мать,
 «А ты встань—проснись, моя матушка!»

*

3.

Жилъ Князь Романъ: жену терялъ,
 Терялъ—терзалъ, во Двину бросаъ.

У него дочка была Марьюшка,
 Она слезно заплакала:

5. «Ты сударь, ты мой батюшка!
 «Ты куда дѣвалъ мою матушку?»
 —Ты не плачь—ка, дочка Марьюшка:
 —Я куплю тебѣ золотъ перстень,
 —Золотъ перстень со алмазами.—
 10. «Мнѣ не надо золота перстня,
 «Золота перстня со алмазами:
 «Ты куда дѣвалъ мою матушку?»
 —Твоя мать въ новой горницѣ,
 —Она бѣлится и румянится,
 15. —Во цвѣтно платьѣ наряживатся.—

- Пошла дочь въ нову горницу:
 Въ новой горницѣ нѣту матушки,
 Бѣльнички стоятъ на окошечкѣ,
 Румянички стоятъ на столикѣ,
 20. Цвѣтно платьѣ въ золотой казнѣ.
 «Ты сударь, ты мой батюшка!
 «Въ новой горницѣ нѣту матушки:
 «Ты куды дѣвалъ мою матушку?»

—Ты не плачи, дочь Марьюшка:

25. —Я куплю тебѣ село крестьянъ.—

«Мнѣ не надо села крестьянъ:

«Ты куды дѣвалъ мою матушку?»

—Твоя мать въ зеленомъ саду,

—Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.—

30. Пошла дочь во зеленый садъ:

Въ зеленомъ саду нѣту матушки,

Всѣ цвѣточки на стѣбелечкахъ.

Э, пошла дочь къ своему батюшкѣ:

«Э, ты, сударь, ты мой батюшко!

35. «Ты куды дѣвалъ мою матушку?

«Въ зеленомъ саду нѣту матушки.»

—Ты не плачи, дочи Марьюшка:

—Твоя мати во темнымъ лѣсу,

—Подъ зеленой сосною, гдѣ волки сидятъ,

40. —Гдѣ волки сидятъ, гдѣ львы ревутъ.—

Пошла дочь во темный лѣсъ;

На встрѣчу ей волки сѣрые,

Волки сѣрые несутъ руку бѣлую,

Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ:

45. «Вы постоитъ же, волки сѣрые!

«Ужь вы гдѣ взяли руку бѣлую,

«Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ?»

«Быль Князь Романъ: жену терялъ,

«Терялъ-терзалъ, во Двину бросалъ.»»

50. «Вы подайте жъ руку бѣлую,

«Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ!»

Пришла дочка съ своему батюшкѣ:

«Ты сударь, ты мой батюшка!

«Въ темнымъ лѣсу {подъ зеленой сосною},

55. «Подъ зеленой сосною нѣту матушки.»

—Охъ ты, дочка моя Марьюшка!

—Твоя мать во быстрой рѣкѣ,

—Во матушкѣ во Двинѣ рѣкѣ!—

4.

Какъ князь Романъ жену терялъ,
Терялъ-терзаль, въ рѣку бросаль,
Во ту рѣку во Смородину.

- Приѣхаль къ своему широку двору,
5. Встрѣчаетъ его дочь любимая,
Принимаетъ [изъ кареты] за бѣлы руки,
Стала у батюшки выпрашивать:
«Государь мой, родной батюшко!
«Куда ты дѣваль мою матушку?»
10. — Не плачь, не плачь, дочь любезная:
— Пошла твоя матушка во высокъ теремъ,
— Бѣлитися и румянитися,
— Во цвѣтное платье наряжатися.—

- Пошла Княжна во высокъ теремъ,
15. Искать своей матушки родимыя:
Бѣлилочки *) стоять не бѣлены,
Румянечки и не тронуты,
Цвѣтно **) платье на грядочкѣ.
Идетъ Княжна — какъ рѣка льется:
20. «Государь ты мой, родной батюшко!
«Куда дѣваль мою матушку?»
— Не плачь, не плачь, дочь любимая:
— Поѣхала матушка въ чисто поле ***)
— Цвѣточки рвать, вѣночки вить.—

25. Выходила Княжна на крылечушко,
Закричала своимъ громкимъ голосомъ:

*) Разнорѣчіе пѣсенника Чулковскаго: „бѣлилочки.“—О.

**) Чулк. „цвѣтное.“—О.

***) Чулк. „поѣхала твоя матушка въ чистое поле.“—О.

- «Ахъ вы слуги мои, слуги вѣрные!
 «Запрягайте скорѣе колясочку,
 «Повезите меня къ матушкѣ родимой,
 30. «Ахъ далече-далече, во чисто *) поле,
 «Цвѣточки рвать, вѣночки вить.»
 Пріѣхала далече во чисто поле:
 Цвѣточки стоятъ не сорваны,
 А вѣночки и не свиваны,
 35. «Ахъ нѣтъ моей матушки родимыя!»
 Какъ билася Княжна объ сыру землю,
 Она плакала громкимъ голосомъ.
 Надъ ней леталь младъ орель-птица,
 Орель-птица, птица царская,
 40. Спускался къ ней на бѣлы руки,
 Въ когтяхъ держаль руку бѣлую,
 Со перстнями со алмазными;
 Что возговорить **) орель-птица:
 ««Не плачь ***)», молода Княжна,
 45. ««Не ищи ты своей родной матери:
 ««Какъ Князь Романъ жену теряль,
 ««Теряль-терзалъ, во рѣку бросалъ,
 ««Во ту рѣку во Смородину.
 ««Вотъ твоей матушки права рука
 50. ««Со перстнями со алмазными!»»

Пріѣхала Княжна къ широкому ****) двору,
 Восходила она во высокъ теремъ,
 Она била руки о дубовой столъ.
 Услышаль ея *****) батюшка родимой,
 55. Бѣжить къ Княжнѣ во высокъ теремъ:
 —Ты о чемъ плачешь, дочь любимая?—
 «Государь ты мой, родной батюшко!

*) Чулк. „въ чистомъ.“—О.

**) Чулк. „заговорить.“—О.

***) Чулк.: „не плачь, не плачь.“—О.

****) Должно быть: „къ широку.“—Чулк. „къ широку.“—О.

*****) Чулк. „се.“—О.

«За что погубилъ мою матушку?»

—Ахъ, свѣтъ моя дочь любезная!

60. — Не я терялъ, не мои руки:

—Потеряло ея *) слово противное,

—Приведу я тебѣ матушку любезную. —

Что возговорить молода Княжна:

«Не желаю матушки любезныя,

65. «Желала бъ свою матушку родимую!»

(Ср. Новиковскій псалтырь, ч. II, 1780 г., № 128, стр. 143—145; то же в Чулковскомъ, откуда приведенъ разрывчій, 1770, ч. II, № 128, стр. 177—179)

5.

(Сиринъ Давыловъ).

А Князь Романъ жену терялъ,

Жену терялъ—онъ тѣло терзаль,

Тѣло терзаль—во рѣку бросаль,

Во ту ли рѣку во Смородину.

5. Слеталися птицы равныя,

Сбѣгалися звѣри дубравныя**);

Откуль взялся младъ-сизой орелъ,

Унесъ онъ рученьку бѣлую,

А праву руку съ золотымъ перетнемъ.

10. Схватилася молода Княжна,

Молода Княжна Анна Романовна:

«Ты гой еси, сударь мой батюшка,

«А Князь Романъ Васильевичъ!

«Ты гдѣ дѣваль мою матушку?»

15. Отвѣтъ держить ей Князь Романъ,

* Погубило ее. Чулк. „ее.“—О.

**) Вѣроятно: „дубравныя.“—О.

А Князь Романъ Васильевичъ:

—Ты гой еси, молода Княжна,
—Молода душа Анна Романовна!
—Ушла твоя матушка мыться,

20. —А мыться и ѡблится,
—А въ цвѣтно платьѣ наряжаются.—

Кидалась молода Княжна,
Молода душа Анна Романовна:

«Вы гой еси, мои нянюшки—мамушки,

25. «А сѣнныя красны дѣвушки!
«Пойдемъ—то *) со мной на высокіе теремы,
«Смотрѣть мою сударыню матушку,
«Каково она моется—ѡблится,
«А въ цвѣтно платьѣ наряжается.»

30. Пошла она, молода Княжна,
Со своими няньки—мамками:
Ходила она по всѣмъ высокимъ теремамъ,
Не могла—то найти своей матушки.

Опять пристуила къ батюшкѣ:

35. «Ты гой еси, сударь мой батюшка,
«А Князь Романъ Васильевичъ!
«А гдѣ ты дѣвалъ мою матушку?
«Не могли мы сыскать въ высокіхъ теремахъ.»
Проговорить ей Князь Романъ,

40. А Князь Романъ Васильевичъ:

—А и гой еси ты, молода Княжна,
—Молода душа Анна Романовна
—Со своими няньками—мамками,
—Со сѣнными красными дѣвицами!

45. —Ушла твоя матушка родимая,
—Ушла гулять во зеленой садъ,
—Во вишенье, въ орѣшенье.—

Пошла вѣдь тутъ молода Княжна

*) „Пойдемъ-ко?—О.

Со няньками-мажками во зеленой садъ:

50. Весь повыгуляли, никого не нашли въ зеленомъ саду *)
 Лишь только въ зеленомъ саду увидѣли,
 Увидѣли новую диковинку:
 Ниотколь взялся младъ-сизой орелъ,
 Въ когтяхъ несетъ руку бѣлую,
55. А и бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ;
 Уронилъ онъ, орелъ, бѣлу руку,
 Бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ,
 Во тотъ ли зеленой садъ;
 А втапору нянюшки-мамушки,
60. Подхватили они рученьку бѣлую,
 Подавали они молодой Княжнѣ,
 Молодой душѣ Аннѣ Романовнѣ;
 А втапору Анна Романовна,
 Увидѣла она бѣлу руку,
65. Опознавала она хорошъ-золотъ перстень
 Ея родимыя матушки;
 Ударилась о сыру землю,
 Какъ бѣлая лебедушка скрикнула,
 Закричала тутъ молода Княжна:
70. «А и гой еси вы, нянюшки-мамушки,
 «А сѣнныя красныя дѣвушки!
 «Бѣгите вы скоро на быстру рѣку,
 «На быстру рѣку Смородину:
 «А что тамо птицы слетаются,
75. «Дубравныя звѣри сбѣгаются?»
 Бросалися нянюшки-мамушки,
 А сѣнныя красныя дѣвушки:
 По край рѣки Смородины
 Дубравныя звѣри кости дѣлать,
 80. Сороки-вороны кишки ташать.

*) Стихи должны быть:

Зеленой садъ весь повыгуляли,
 Никого не нашли въ зеленомъ саду.—0.

- А ходить тутъ въ зеленомъ саду
 Молода душа Анна Романовна,
 А носить она руку бѣлую,
 А бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ;
 85. А только вѣдь нянюшки,
 Нашли они пусту голову,
 Сбирали они съ пустою головой
 А всѣ тутъ кости и ребрушки:
 Хоронили они и пусту голову
 90. Со тѣми костями, со ребрушки,
 И ту бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ.

*

6.

(Саратовск. губ.).

- Князь Демьянъ *) жену терялъ:
 Отрубилъ у нея руку правую,
 Руку правую съ золотымъ кольцомъ,
 Кидалъ—бросалъ во Неву рѣку,
 5. Во Неву вѣку самородную **).
 Гдѣ ни взялся младъ-сизой орелъ,
 Унесъ—укралъ руку правую,
 Руку правую съ золотымъ кольцомъ.

- Хватилася молода Княжна:
 10. «А. папоянка! Гдѣ же мамонька?»
 —Твоя мамонька въ новой горницѣ,
 —Въ новой горницѣ убирается,
 —Во цвѣтно платьице наряжается.—
 Пошла Княжна въ нову горницу:
 15. Цвѣтно платье [въ шкапу] висить.

*) Испорчено вмѣсто „Романъ.“—О.

**) Ошибка вмѣсто „Смеродину.“—О.

Пошла Княжна—заплакала:

«Папонька, нѣту мамоньки!»

—Не плачь, не плачь, молода Княжна:

—Твоя мамонька въ Божьей церкви,

20. —Въ Божьей церкви Богу молится.—

Пошла Княжна въ Божью церковь:

Божья церковь пустымъ пуста.

Пошла Княжна—заплакала:

«А папонька, нѣту мамоньки!»

25. —Не плачь, не плачь, молода Княжна:

—Твоя мамонька во чистомъ полѣ,

—Во чистомъ полѣ *)—гулять пошла.—

«Заложите мнѣ легки дрожечки,

«Поѣду я во чисто поле,

30. «Погляжу—посмотрю свою мамоньку!»

Гдѣ ни взялся младъ—сизой орель,

Подаетъ Княжнѣ руку правую,

Руку правую съ золотымъ кольцомъ.

«А папонька, все обманывалъ!»

35. —Не плачь, не плачь, молода Княжна:

—Я сострою тебѣ новъ—высокъ теремъ,

—Я со красными со оконцами,

—Со хрустальными со стеклышками;

—Я возьму тебѣ молодую мать.—

40. «Возстань, возстань, моя мамонька!»

(Ср. „Лэтон. Р. лэтер. н др.“ Т. IV, записк. гт. Костомаровицъ н Мордовцевой).

* *

*) Во чисто поле?—О.

Донской Козакъ *).

III.

1.

Охъ ты матушка, раздвѣкая степь Саратовска,
Далекохонько протянулася,
Далѣ города и Саратова!

У ключа было у гремячаго

5. Донской Козакъ коня поилъ,
Гдѣ коня поилъ, тутъ жену терялъ.
Жена мужу возмолилася,
Ниже пояса поклонилася:
«Мужь мой, батюшко, Донской Козакъ!

10. «Не теряй меня рано съ вечера,
«Потеряй меня во глуху полночь,
«Какъ добры люди спать полягутся,
«Наши дѣтушки угомонятся.»

Большая дочка Аннушка,

15. Дочка Аннушка догадалася:
«Ты родимый нашъ батюшка!
«Гдѣ родимая наша матушка?»»
—Ваша матушка въ свѣтлой свѣтлицѣ,
—Она бѣлится и руманится,

* Слѣдующія пѣсни, сами по себѣ Былевыхъ Безъименныхъ, присоединены сюда по ближайшему родству: ср. „Замѣтку.“—О.

20. — Во цвѣтно платьѣ наряжается,
 — Ко заутрени собирается. —
 «Охъ ты батюшко, ты насъ обманываешь:
 «Отъ чего же ты невесель ходишь,
 «Невесель ходишь и нерадошень?»»
25. — Чѣму же мнѣ веселитися
 — И на что глядя радоватися?
 — Ваша матушка распутная:
 — Пошла гулять съ подлюбовникомъ. —

*

2.

(Новгородъ).

- У колодезя у глыбокаго
 Не Донской Козакъ коня поилъ,
 Не коня поилъ *), онъ жену губилъ.
 Что жена мужу возмолилася,
 5. Во скорыя ноги поклонилася:
 «Ахъ ты мужъ ты, мужъ мой, Донской Козакъ!
 «Не губи меня съ вечера рано,
 «Погуби меня со полуночи:
 «Все добрыя люди спать улягутся.
 10. «Малы дѣтушки поразбѣсятся,
 «Поутру прѣснутся, матушки схватятся **).»
- «Рѣднѣй батюшко, гдѣ наша матушка?»»
 — Ваша матушка
 — Во высококъ-новомъ теремѣ,
 15. — Она бѣлится и румянится,

*) Отрицательный оборотъ: на самомъ дѣлѣ „Донской Козакъ“ и „коня поилъ.“ — О.

***) Изнаменна постепенно забиваетъ, что это слова жены и беретъ ихъ уже какъ разговоръ, послѣ коего выводится дѣтя. — О.

—Въ цвѣтно платьице надѣвается.—

«Охъ вы нянюшки, охъ вы мамушки!

«Посмотрите вы, гдѣ наша матушка?»»

«Вашей матушки нѣтъ въ новомъ терѣмѣ.»

20. «Родный батюшко, куда дѣвалъ матушку?»»

—Ваша матушка во темномъ лѣсу,

—Во темномъ лѣсу, во сырѣмъ борѣ,

—Во сырѣмъ борѣ берётъ ягоды.—

«Охъ вы нянюшки, охъ вы мамушки!

25. «Вы сходите—посмотрите, гдѣ наша матушка?»»

«Вашей матушки нѣту въ темномъ лѣсу.»

«Родный батюшко, куда дѣвалъ матушку?»»

—Ваша матушка во сырѣй землѣ,

—Во сырѣй землѣ, въ гробовой доскѣ,

30.—Въ гробовой доскѣ, въ золотѣй парчѣ.—

(Записано 10 Сент. 1834 г., отъ крестьянки Обѣды).

*

3.

(Москва).

У столба-столба новоточенаго,
У колодезя у студенаго,
Молодая-ть Казакъ онъ коня поилъ,
Не коня-то поилъ, онъ жену губилъ.

5. Какъ жена-то мужу возмолилася,

Во рѣзвыя ноги поклонилася:

«Не губи же ты меня, мужъ, со вечера:

«Погуби со полуночи,
«Когда дѣтушки спать улягутся.»

40. Просыпалися малы дѣтушки.
Взыскались своей матушки:
««Охъ вы нянюшки, охъ вы мамушки!
««Ужь и гдѣ же наша матушка?»»
—Ваша матушка въ новой горницѣ,
45. —Въ новой горницѣ Богу молится.—
««Ужь и тамъ-то нѣту нашей матушки!»»
—Ваша матушка въ высокѣмъ терему:
—Она бѣлится-румянится.—
««Ужь и нѣтъ тамъ нашей матушки!»»
20. —Ваша матушка въ зеленѣмъ саду,
—Рветъ алы вишенья.—
««Ужь и тамъ нѣтъ нашей матушки!»»
--Пошла ваша матушка на Дунай-рѣку,
—Съ ведрами по воду.—
25. Какъ пошли-то наши дѣтушки на Дунай-рѣку:
Изъ за горъ-горъ высокѣихъ
Вылеталъ-то младъ-сизой орелъ,
Во когтяхъ-то несеть правую рученьку.
Воскричали-то малыя дѣтушки:
30. ««Охъ вы нянюшки, наши мамушки!
««Ужь какъ несеть-то орелъ рученьку,
««Несеть рученьку нашей матушки
««И со перстнемъ обрученнымъ!
««Ужь и Богъ же суди нашему батюшкѣ,
35. ««Что оставилъ насъ безъ родимой матушки!»»

(Отъ мѣщанъ Рогожской части).

4.

(Саратовск. губ.).

- На степи-то степи на Саратовской,
 На другой-то степи на Камышинской.
 У лѣсика было у дремучаго,
 У ключа-то было у текучаго,
 5. У колодезя у студенаго,
 Младъ Донской Казакъ коня поилъ.
 Коня чорнаго, возбочѣнаго *).
 Не коня-то онъ поилъ, онъ жену журилъ,
 Онъ жену журилъ, погубить хотѣлъ.
 10. Какъ жена-то мужу возмолилася,
 Во рѣзвы ноженьки поклонилася:
 «Ужь ты мужь мой, младъ Донской Казакъ!
 «Не губи ты меня рано съ вечера:
 «Погуби ты меня со полуночи.
 15. «Когда дѣтушки спать полягутся,
 «Шабры **) ближніе припокоются.»

- Просыпалися малы дѣтушки,
 Хватилися они родной матушки:
 «Ты скажи, скажи, родной батюшка.
 20. «Гдѣ дѣвалася наша матушка?»»
 —Ваша матушка въ новой горницѣ,
 —Она бѣлится и румянится,
 —Во цвѣтно платьѣ наряжается,
 —Въ Божью церковь собирается.—
 25. Пошли дѣтушки во Божью церковь:
 А и всѣхъ людей они видѣли,
 Ичей матушки тамъ нѣтъ какъ нѣтъ.

*) Крутобокаго.—О.

**) Сосѣди. О.

- «Охъ ты батюшка, ты родимой нашъ!
 «Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»»
30. —Ваша матушка во сыромъ бору,
 —Во сыромъ бору беретъ ягодки.—
 Какъ пошли малы дѣтушки во сырой боръ:
 А и всѣхъ людей они видѣли,
 Берутъ ягодки, берутъ красныя,
35. Ихней матушки все нѣтъ какъ нѣтъ.

- Какъ расплакались малы дѣтушки,
 Какъ ударились объ сыру землю,
 Завопили громкимъ голосомъ:
 «Не обманывай насъ, родной батюшка:
40. «Наша матушка во темномъ лѣсу,
 «Во темномъ лѣсу подь колодою,
 «Подь колодою подь дубовою.
 «Ужъ и Богъ тебѣ судья, родной батюшка:
 «Ты убилъ—убилъ нашу матушку!»»
45. —Вы не плачьте, малыя дѣтушки:
 —Я сострою вамъ нову горницу,
 —Я складу вамъ муравлену печь,
 —Я собью вамъ дубовую дверь,
 —Я собью *) вамъ золотую цѣпь,
50. —Я возьму вамъ молодую мать.—
 «Загорись, загорись, нова горница,
 «Развались, развались, муравлена печь,
 «Расколись, расколись, дубовая дверь,
 «Растопнись, растопнись, золотая цѣпь,
55. «Ты умри, умри, злая мачиха,
 «Ты возстань, возстань, родна матушка!»»

Ср. «Лѣтоп. Р. литер. и др.», т IV, записанное гг. Костомаровымъ и Мордовцевой).

*

*) Солью.—О.

5.

Охъ ты матушка, степь Саратовска,
 Широка-долга протянулася,
 Дальше города Саратова,
 До того ключа до гремячаго,
 5. До колодезя до студенаго!

У того ключа у гремячаго,
 Тутъ Донской Козакъ коня пойлъ,
 Пойлъ коня—выглаживалъ
 И самъ коню наказывалъ:
 10. «Ужь ты стой-постой, мой добрый конь,
 «И до той поры, до бѣлой зари,
 «Какъ красная дѣвка за водой поидеть.»

У того у ключа у гремячаго,
 Тутъ Донской Козакъ жену губилъ:
 15. Какъ жена-то мужу возмолилася,
 Въ рѣзвы ноженьки поклонилася.

*

6.

Охъ ты матушка, степь Саратовска,
 Далеко ты, степь, протянулася,
 Далѣ города—далѣ Питера,
 Далѣ матушки каменной Москвы!
 5. Ничего въ степи не уродилося:
 Уродилася тутъ часть-ракитовъ кустъ,
 Изъ подъ кустика тутъ колодець бьетъ.

У ключа, у ключа у гремячаго,

- У колодезя у студенаго,
 10. Добрый Молодец тут коня поилъ,
 Онъ поилъ коня, самъ выглаживалъ,
 Онъ выглаживалъ, выхорашивалъ *):
 «Охъ ты стой-постой, мой добрый конь!»

- Во кусту, во кусту во ракитовомъ,
 15. Тутъ Донской Козакъ жену терялъ.
 Что жена мужу возмолилася,
 Во рѣзвы ноги поклонилася:
 «Охъ ты гой еси, мужъ, Донской Козакъ!
 «Не теряй меня поздно вечеромъ:
 20. «Охъ ты дай уснуть дочкѣ Аннушкѣ!»

- Дочка Аннушка догадалася,
 На шеюшку она кидалася:
 ««Охъ ты гой еси, родной батюшка!
 ««Нетеряй-ка ты родиму матушку:
 25. ««Возкують тебя во желѣзушки,
 ««Отдадутъ тебя во солдатушки!»»

*

7.

Далекохонько степь протянулася,
 Далѣ города—далѣ Питеру,
 Далѣ матушки каменной Москвы.

- У ключа-то было у гремучаго,
 5. У колодезя было у студенаго,
 Добрый молодецъ коня поилъ;
 Онъ бьетъ по крутымъ бедрамъ:

*) Долженъ быть еще стихъ:

Выхорашивалъ, выговаривалъ.—О.

«Охъ ты конь мой, конь,

«Ты добра лошадь!

10. «Что же ты, конь, спотыкаешься,

«За ковыль—траву запинаешься?»

—То-то я, конь, спотыкаюсь:

—Какъ со вечера мужъ жену терялъ,

—Какъ жена мужу возмолилася,

15. —Ниже пояса поклонилася:

—«Охъ ты мужъ мой, Донской Козакъ!

—«Не теряй меня, мужъ, со вечера,

—«Теряй меня, мужъ, близь полуночи:

—«Чтобы дѣти наши приуспули,

20. —«А чужи люди не слыхали бы!»

—Потерялъ мужъ жену близь полуночи *).—

Поутру малы дѣти догадалися,

Пришли малыя дѣти къ своему батюшкѣ:

««Ты сударь ты, нашъ батюшко!

25. ««Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»»

—Охъ вы дѣти мои малыя, глупые!

—Ваша матушка въ зеленомъ саду гуляетъ.—

««Ты сударь ты, нашъ батюшко!

««Все неправда ваша:

30. ««Наша матушка во гробу лежитъ,

««Во сырой землѣ *»).»»

*

8.

(Тульской губ., Чернского уѣзда.)

Изъ-подъ бережку изъ-подъ крутова,

Изъ-подъ камушка изъ-подъ бѣлаго

*) Стихъ этотъ изъ рѣчи лица дѣйствующаго переходитъ въ разсказъ о событїи также, какъ выше.—О.

*) Стихи во многомъ сокращены: какъ слѣдуетъ ихъ дополнить, указаны примѣры выше. О.

- Течеть рѣчка быстрая.
 Во той рѣчкѣ дѣвка мылася,
 5. Во цвѣтно платьѣ одѣвалася,
 Она бѣлилася и румянилася,
 Набѣлѣвши она, на румянивши, на гору взошла,
 Диво видѣла—дивовалася:
 Какъ Донской Козакъ коня поилъ,
 10. Онъ коня поилъ, съ дѣвкой рѣчи говорилъ,
 Съ дѣвкой рѣчи говорилъ, какъ жену погубить:
 «Не губи жену рано съ вечера,
 «Погуби жену ко полуночи:
 «Малы дѣтушки спать полягутся.»
 15. Малы дѣтушки расплачутся:
 ««Государь батюшка, гдѣ наша матушка?»»
 —Ваша матушка на Дунай пошла—утопилася).—

* *

* Здѣсь, какъ и въ предыдущихъ образцахъ, непрерывно рассказъ переходитъ въ рѣчь дѣйствующихъ лицъ и обратно.—О.

Добрый Молодецъ.

IV.

1.

На степи-степи на Саратовской,
У ключа была у гремчаго,
Добрый Молодецъ тутъ коня повлъ,
Повлъ—кормилъ, выглаживалъ,

5. Выглаживалъ, охоранивалъ:

«Отъ ты батюшка, конь, добра лошадь!
«Увези ты меня отъ побѣдушки *):
«Отъ худой жены—отъ любовницы!»

Онъ не коня повлъ,

10. Тутъ повлъ мужъ—жену терялъ **).

Жена мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноги ему поклонилася:
«Не губи ты меня, мужъ, на дикой степи:
«Потеряй ты меня на большой дороженьки,

15. «Близъ кустика ракидова,

«Подъ мостикомъ подь калиновымъ!»

Подъѣзжаетъ мужъ ко широкому двору,
Встрѣчаютъ его малы дѣтушки,
Малы дѣтушки, голубятушки:

20. ««Государь ты нашъ, родной батюшка!

* Отъ бѣды.—О.

**) Сообразно ближайшимъ стихамъ, здѣсь должно быть: „губилъ.“—О.

«Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»»

—Охъ вы мои малые дѣти!

—Ваша матушка ушла во чисто поле,

—Во чисто поле, въ боръ по ягоды.—

25. Побѣжали же малы дѣтушки,

Искать свою матушку:

«Государь ты нашъ, родной батюшка!

«Не нашли мы свою матушку!»»

—Подите-ка вы во чисто поле:

30.—Ваша матушка лежитъ подь кустикомъ,

—Подь мостикомъ подь калиновымъ.—

Побѣжали малые дѣти:

Нашли они свою мать убитую.

*

2.

Изъ подь камушка-камня бѣлова,

Протекала тутъ рѣка быстрая,

Какъ по той ли по рѣченьки

Плыла легка лодочка, 2.

5. За той ли за лодочкой

Плылъ тамъ корабличекъ,

Въ томъ ли корабличкѣ

Душа красна дѣвица.

Она мылася и бѣлилася, 2.

10. И бѣлилася, и румянилася, 2.

Нарумянившись на гору взшла. 2.

Какъ увидѣла она Добраго Молодца 2.

У колодезя у студенаго:

Онъ стоялъ тутъ и коня поилъ, 2.

15. Не коня поилъ—онъ жену терялъ *). 2.

*) Должно быть: „губилъ.“—О.

- Какъ жена мужу возмолилася: 2.
 «Не губи ты меня со вечеру, 2.
 «Потеряй меня ко бѣлу свѣту: 2.
 «Ко бѣлу свѣту малыхъ дѣтушекъ
 20. «[Малыхъ дѣтушекъ] прибаюкаю.» 2.

(Пѣсенникъ 1803 г.).

*

3.

(Саратовск. губ.).

- Полетѣлъ орелъ черезъ сырой боръ,
 Во кохтахъ-то держитъ востру саблицу,
 Подъ правымъ крыломъ слезну грамотку,
 Въ этой грамоткѣ есть написано,
 5. [Есть написано,] нарисовано
 «Родной матушкѣ разнизкой поклонъ,
 «Родному батюшкѣ на заботище,
 «На заботище—на работище,
 «Молодой женѣ на загульбище.»
10. Добрый Молодецъ коня повѣлъ,
 Напоевши коня во луга пустилъ,
 Во луга пустилъ, за ворота сталь,
 За ворота сталь, думу думаетъ,
 Думу думаетъ, думу крѣпкую:
15. —Ужь и какъ-то мнѣ жену убить?
 —Я убью жену не со вечера,
 —Я убью жену со полуночи,
 —Когда дѣтушки спать полягутся,
 —Всѣ народушки приугомонятся.—

(Ср. „Лѣтоп. Р. литер. и др.“ т. IV, записавное гг. Костомар. и Мордовц.).

* *

Молодой Маіоръ.

V.

1.

Вы луга мои зелёные, вы колодези ключёвые!
Во колодезяхъ Молодой Маіоръ самъ коня поилъ,
Напоя коня сталъ думу думати,
Думу крѣпкую, съ красною дѣвкою:

5. «Красная дѣвушка, какъ мнѣ быть,
«Какъ мнѣ быть, какъ мнѣ жену сгубить?
«Я со вечера со полуночи
«Малыхъ дѣтушекъ прилюлюкавши,
«Прилюлюкавши, прибаюкавши!»

10. Бóльшая дочь просыпалася,
Рóдной матушки взыскалася:
«Сударь батюшка, гдѣ наша рóдная матушка?»
—Ваша матушка въ зелёномъ саду,
—Въ зелёномъ саду, въ новой горенки.
15. —Въ новой горенки, подъ краснымъ окномъ,
—Подъ краснымъ окномъ умывается *),
—Шелковымъ платкомъ утирается.—

(Пѣсня *тягальная*).

*

* Умывается?—О.

(Москва).

У колодца у студеного
Молодой Маиоръ коня пошлъ,
Красная дѣвица воду черпала.

- Добрый Молодецъ у воротъ стоитъ,
5. У воротъ стоитъ, думу думаетъ.
Думу думаетъ, какъ жену убить.
А жена-то его уговариваетъ:
«Ты не губи меня, другъ, со вечера,
«Погуби ты меня со полуночи:
10. «И ты дай уснуть малыиъ дѣтушкамъ.»

- Какъ заря-то занимается,
Малыя дѣтушки просыпаются:
«Ты родимый—родной батюшка!
«Да и гдѣ же наша родна матушка?»»
15. —Вы не плачьте, малыя дѣтушки:
—Я сострою вамъ новъ-высокъ терѣмъ,
—Я складу вамъ печь муравую.
—Я солью вамъ цѣпь серебряную,
—Приведу я къ вамъ молодую мать,
20. —Молодую мать, злую мачиху.—
«Ты родимый нашъ батюшка!
«Все-то ты говоришь намъ неправдушку!
«Ужъ сгори, новъ-высокъ терѣмъ,
«Провалися, печь муравая,
25. «Растопись ты, цѣпь серебряная,
«Ты умри, наша молодая мать,
«Молодая мать, злая мачиха,
«И ты встань-проснися, наша родимая матушка!
«Ужъ мы безъ тебя холоднѣхоньки,
30. «Холоднѣхоньки, голоднѣхоньки!»»

(Отъ мѣщанки, 70-лѣтней старухи).

* * *

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ
и
ВАНЯ КЛЮШНИЧЕКЪ.

I.

1.

Какъ у Князя было, Князя,
У Князя Волоконскаго,
Собиралася бесѣда,
Бесѣда веселая.

5. Они шли и гуляли,
Прохлаждалися,
Молодыми женами
Князя похвалялися.
Выхвалялся Князь Волконскій,

10. Молодой Княгинейю:
«Не хвалися, Князь Волконской,
«Ты своей Княгиней:
«Какъ твоя ли Княгиня
«Живеть съ Ваней Ключничкомъ,

15. «Живеть—поживаетъ
«Ровно три годочка *).»»

На четвертый на годочикъ
Князечикъ дождався.
Какъ вышелъ Волконской Князь

*) Известный изъ предыдущихъ примѣровъ переходъ отъ рѣчи къ со-
бытiю.—С.

20. На свой на высокъ [балконъ],
 Да кричалъ Волконской Князь
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ужь вы слуги мои, слуги,
 «Слуги мои вѣрные,
25. «Вы послы мои, послочки,
 «Послы мои скорые!
 «Вы пойдите—приведите
 «Ко мнѣ Ваню Ключничка;
 «Ужь какъ стану я Ваню—
30. «Ванюшку допрашивать *):
 «Ты скажи, скажи, Ванюша,
 «Скажи, варваръ мой!
 «Со которой поры—времени
 «Ты живешь съ Княгинею?»
35. —Ужь я знать тово не знаю,
 —Вѣдать, Князь, не вѣдаю,
 —Со которой поры—времени
 —Живу я съ Княгинею.—
 Закричалъ Волконской Князь
40. Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ужь вы слуги мои, слуги,
 «Слуги мои вѣрные,
 «Вы послы мои, послочки,
 «Послы мои скорые!
45. «Вы берите лопатки,
 «Лопатки желѣзные,
 «Вы берите веревки,
 «Веревки куровы **),
 «Ужь вы роите—копайте
50. «Ямочки глубокия,
 «Становите столбики,
 «Столбики точёные,
 «Вы кладите переклады,

*) То же.—О.

***) То же, что „суровыя“, корявыя, жесткія.—О.

- «Перекладины дубовыя,
 55. «Вяжите петельку,
 «Петельку куровую,
 «Въшайте-цѣпляйте
 «Ванюшку за ножку.»

Какъ возговорить Ванюша

60. Тихимъ голосомъ:
 —Прикажи жь ты мнѣ, Волконской Князь,
 —При смертной кончинѣ
 —Заиграть въ послѣдній разъ
 —Любимую пѣсню:
 65. —«Во саду ли во садочкѣ,
 —«Въ садику зеленомъ,
 —«Съ молодой Княгиней
 —«Было тамъ погуляно
 —«И во сахарныя уста
 70. —«Было поцѣловано!»—

Какъ со вечера Ванюшу—

- Ванюшку повѣсили;
 Сы полуночи Ванюша—
 Ванюшка качается:
 75. Молодая же Княгиня
 Въ постели кончается.

*

2.

(Арханг. губ., Шенкурск. уѣзда).

У славнаго Князя у Волхонскаго
 Тутъ живетъ да поживаетъ Ваня Ключничёкъ,
 Молодой его Княгини полюбѣвничёкъ.

Ваня годъ живётъ, онъ другой живётъ,—Князь не вѣ-
дасть.

5. На третій годчикъ Князь навѣдался
Черезъ малую дѣвчѣнку, черезъ чѣрную,
Черезъ самую служку послѣднюю.
Видитъ Князь: ведётъ дѣвка Ваню изъ палатушки,
Изъ палатушки, со кроватишки;
10. Тутъ сзычалъ—скрычалъ Князь громнымъ голосомъ:
«Вы берите, слуги, Ваню Ключника!»
За бѣлыя руки взяли Ваню—подхватили,
Повели Ваню ко Князю во палатушки.

Идѣтъ Ваня широкимъ дворомъ,

15. На всѣ стороны Ванюша поклоняется,
На головкѣ жѣлты кудри рассыпаются,
На нёмъ синенькой кафтанчикъ раздувается,
На нёмъ красенька рубашка словно жаръ горитъ.
Привели Ванюшу во палатушки,
20. Сталъ тутъ Князь Ванюшу допытывати;
Ваня часъ стоялъ—не спокаялся,
Онъ другой стоялъ—не спокаялся,
На третій часочикъ спокаялся:
—Я живу со твоей Княгиней третій годъ,
25. —Третій годъ живу, каждый часъ хожу.—
Показался Князю за досадушку:
Онъ ударилъ Ваню по бѣлѣ лицу,—
У Вани съ бѣла лица руда *) пробрызнула,
Изъ ясныхъ очей слѣзы покатились.
30. Говоритъ Князь Волхонскій слугамъ своимъ:
«Слуги, беритѣ у Вани золотыя ключи,
«Беритѣ золотыя ключи, отпирайте окованныя ларцы,
«Подоитѣ-ко, слуги, на Дунай-рѣку,
«Постройте столбъ на Дунай-рѣкѣ!»

*) Кровь.—О.

35. Построили столбы на Дунай-рѣкѣ,
 Поставили веревочки дубовыѣ,
 Заложили грядочки таловыѣ *),
 Повѣсили петелки шелковыѣ,
 Повели Ванюшеньку на вѣсьльницу
40. Идѣтъ Ванюшенька на вѣсьльницу,
 Ступилъ Ванюшенька на пѣрву ступень,
 Таково слово Ванюша проговорилъ:
 —Вы позволѣте, братцы, нову пѣсню спѣтъ
 —Про славнаго про Князя про Волхонскаго:
45. —«Какъ доселѣва я жилъ со Княгиней,
 —«Какъ я жилъ съ ёю, три годочка жилъ!—»

Въ эту пору ходила молодá Княгиня по новыѣмъ (нямъ):

Она съ горя со кручины упала со новыѣхъ снѣгъ
 И сломила себѣ буйну голову;

50. Въ эту пору въ это времячко
 Ванюшу повѣсили на шелковыя петли.
 Тутъ дался Князь Волхонскій во тоску во кру
 нушку.

(Записано г. Кузьмичевымъ).

*

3.

У нашего Князя у Волхонскаго
 Солучилося несчастьецо великое,
 Разбранилась красна дѣвица со Ключничкомъ:
 ««Ты собака, вѣрной Ключничекъ!»

*) Гладкія перекладыны.—О.

5. «Ты живешь, воръ—собака, непорядками,
 «Ты и дѣлаешь дѣла незаконныя,
 «И живешь ты, воръ—собака, со Книгинейю:
 «Донесу на тебя самому Князю Волхонскому!»
 Какъ возговорить красна дѣвица:
10. «Охъ ты гой еси, Волхонской Князь!
 «У тебя ли есть вѣрной Ключничекъ,
 «Онъ живетъ, вѣрной Ключничекъ, не порядочно,
 «И дѣлаешь дѣла—та незаконныя,
 «И живетъ онъ со Книгинейю.»»
15. Закидался—заметался нашъ Волхонской Князь:
 «Ужъ вы гой еси, слуги вѣрные,
 «Слуги вѣрные и злые палачи!
 «Ведите Ключничка скоро—немедленно!»

Вѣрной Ключничекъ по сѣночкамъ похаживаетъ:

20. Ево личико пермѣняется,
 Миткалинова рубашечка тускнѣть стала;
 Брани палачи за бѣлыя руки,
 За тѣ ли перстни позлачонныя,
 Повели ево въ палату бѣлокаменну
25. Къ тому ли Князю Волхонскому:
 —Не прикажи казнить—вѣшать,
 —Прикажете слово говорить:
 —Поставленную хлѣбъ—соль кто не кушаетъ?
 —Налитую чару и дуракъ пьетъ!—

*

4.

На зарѣ было, на зорьки, на зарѣ утренней,
 Ой утренней, ой выходилъ Князь Волхонской
 Со своею со Книгинейю;
 Ваня Ключничекъ

5. Молодой Книгини забавничекъ:
 Выходилъ Князь Волхонской на высь [балконъ],
 Закричалъ—завопилъ
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Копайте ямы глубокиа,
 10. «Становите столбы точеные,
 «Въшайте петельки шелковыя!...»

*

5.

- Долинка—долинушка!
 На этой долинушки
 Стояли палаты,
 У этихъ у палатахъ
 5. Живеть Князь Волхонской;
 У него былъ Ванюша
 Вѣрной Ключничикъ,
 Молодой Книгини
 Полюбовникъ ея.
 10. Жилъ Ванюша
 Съ Книгиней три года;
 У четвертомъ году вѣрной Князь
 Довѣдалси
 Черезъ тое черезъ шельму
 15. Черезъ Ванюшину первую любовницу.
 Посылаить къ Ванюши
 Свою молодова хлопчика:
 «Ты поди—сходи, молодой хлопчикъ,
 «За Ванюшою,
 20. «Ты скажи Ванюши:
 «Тобе, Ваня, Князь зоветъ,
 «Онъ хочить тобе, Ванюша,
 «Подарить и пожаловать,

«По большимъ чинамъ Ванюшу—

25. «Сёлаши-дерёвнями!»

Надѣвалъ Ванюша зеленъ кафтанъ

На распашачку,

Надѣвалъ сафьянъ сапогъ

На босу ножку,

30. Надѣвалъ красну шапичку

На одно ушечко:

Идетъ Ванюша вдоль по уллицы—

Словно маковъ цвѣтъ твѣтеть.

Входитъ Ванюша къ Князю Волхонскому;

35. Сталъ Князь Волхонской

У Вани допрашивать:

«Ты скажи, Ванюша,

«Скажи, злодѣй-варваръ мой:

«Много ли лѣтъ, Ванюша,

40. «Сы Княгиней жилъ?»

—Вольно, сударь, Князь Волхонской,

—Людымъ сказать,

—Вольно жа имъ

—Понапраслину!—

45. Взялъ жа Князь Волхонской

Ваню за русы кудри,

Ударилъ объ дубовый полъ:

Прошибъ онъ Ванюши

Буйную голову;

50. Русы кудри по полу валяются,

Миткаливая рубашичка кровью заливается:

Молодая Княгиня слезьми обливается.

Закричалъ Князь Волхонской

Своимъ гордкимъ *) голосомъ:

55. «Ужь вы слуги мои, слуги,

«Слуги вѣрныи мои!

«Вы берите-ка заступы востры,

*) Высокимъ, громкимъ.—О.

- «Вы роите двѣ ямы глубоки,
 «Становьте два столба дубовые,
 60. «Вы вейте два мотка шалковые,
 «Вы ведите Ванюшу во чисто поле,
 «Вы стравите Ванюшу злыми собаками,
 «Вы повѣсьте Ванюшу на релмпы *)!»

- Позвольте, сударь, Князь Волховской,
 65. —При послѣднемъ концу мнѣ грѣшно спать:
 —«Что попито было и поѣдино,
 —«На кроватишкахъ съ Княгиней
 —«Много посыпано,
 —«Въ садахъ съ нею много погулено!»—
 70. Повѣсили жь Ванюшу на релмпы.

Виситъ Ванюша—качанца:
 Молодая Княгиня на ножу кончанца.

*

6.

- Воздалече—воздалече, во чистомъ полю,
 Стояли тамъ хоромы высокіе,
 Во тѣхъ ли во хоромахъ жилъ—былъ молодой Князь,
 Сы молодою своею сы Княгинею.
 5. Улюбился у Княгиню Ваня Ключничикъ;
 Онъ и жилъ годъ сы Княгинею, онъ и два живеть:
 Вотъ на третій ли годочикъ Князь довѣдался,
 Посылаетъ онъ хлопца сы новыхъ сѣней:
 «Ты поди—ка ты, хлопецъ, пошли Ключничка,
 10. «Ты скажи же ему, что я жаловать хочу.»

*) Качели, висятія петли.—0.

- Приходилъ же ли хлопцемъ сы помылъ сѣней,
 Говорилъ ли онъ Ванюшѣ громкимъ голосомъ:
 «Ты поди-ка ты, Ключникъ, тебе Князь зоветъ,
 «Вотъ и хочеть тебя ли Князь жаловать,
 15. «Онъ такой тебе казноу—все несмѣтноу.»»
 Вотъ идетъ же ли Ключникъ—убирается,
 Двумя мылами Ключникъ умывается,
 У сафьянные сапожки обувается,
 Онъ зеленый свой кафтанъ на распашичку,
 20. Соболью онъ шапку на бекрень держить.
 Приходилъ же ли Ключникъ на новы сѣни;
 Вотъ какъ сталъ-та ево ли Князь жаловать,
 Онъ во три во кнута во ременные,
 Во четвертую плетку Калмыцкую;
 25. Закричалъ ли вѣдь Князь—та громкимъ голосомъ:
 «Отведите вы его, шельму, на конюшій дворъ!»

- Вотъ идетъ оттыль Ключникъ—утирается,
 Свой зеленый кафтанъ за рукавъ тащить,
 Сафьянные сапожки полны крови,
 30. Онъ соболью онъ шапку подъ мышкой нестеть.
 Закрычалъ же ли Ключникъ громкимъ голосомъ:
 —Не водите вы меня, братцы, на конюшій дворъ,
 —Вы сведите вы меня, братцы, въ приворотную избу,
 —Ну подайте мнѣ гусельки звончатые,
 35. —Заиграю я пѣсню заунывную:
 —«Што и то-то и попито, и погуляно,
 —«Сы младою-та Княгинею поѣзжано,
 —«За бѣлы груди Княгинины подержано!»—

*

7.

(Псковск. губ.).

Тутъ жилъ-поживалъ господинъ Волковскій Князь,
 У этого у Князя жилъ Ванюша Ключничикъ.

- Ваня годъ живётъ, другой живётъ,
 На третій годъ Князь довёдался:
 5. Закричалъ Князь Волконскій своимъ громкимъ голосомъ:
 «Какъ есть ли у меня слуги вѣрные при мнѣ?
 «Вы подите—приведите вора Ваньку Ключничка!»

- Какъ ведутъ Ванюшу широкимъ дворомъ,
 Какъ у Ванюшки головка вся проломана,
 10. Коленкоровая рубашка на немъ изорвана,
 Сафьянные сапожки кровью принаполнены.
 Закричалъ-та господинъ Волконскій Князь громкимъ
 голосомъ:
 «Вы подите-ка,—вы выройте двѣ ямы глубокіихъ,
 «Вы поставьте-ка два столбика дубовыхъ,
 15. «Положите перекладець сосновыйй,
 «Повѣсьте двѣ петли шелковья:
 «Пускай Ваня покачается,
 «Молодая-то Княгиня попечалится!»

(Записано А. С. Пушкинымъ).

*

8.

- Какъ на горкѣ на гóрушкѣ
 Стоитъ новъ-высокъ теремъ, 2.
 Какъ во этомъ теремочкѣ
 Живетъ онъ Бояринъ-Князь;
 5. Не одинъ-то онъ живетъ, Князь-Бояринъ,—
 Съ молодой съ Княгинею.
 Какъ у этого ли Князя
 Жиль-быль Ванька Ключничекъ,
 Молодой его Княгини вѣрный помобовничекъ;
 10. Молодая его душа Княгиня

- Полюбила Ванюшку;
 Она его не годъ любила,
 Ой да и не два года;
 Какъ на третій годъ, Князь-Бояринъ,
 15. Онъ только довѣдался,
 Онъ дознался только, догадался
 Черезъ красную дѣвушку.
 Какъ и выходилъ Князь-Бояринъ
 На свое красно крыльцо,
 20. Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
 «Слуги мои вѣрные!
 «Вы подите—ко мнѣ приведите
 «Охъ да ворона коня,
 «Охъ приведите ко мнѣ воронова
 25. «Съ Черкасскими новыми сѣдлами,
 «Да подите—ко мнѣ приведите
 «Ивана Ключничка:
 «Ужь я его подарю ли
 «Охъ да воронымъ конемъ,
 30. «Воронымъ его конемъ ли
 «Съ Черкасскими сѣдлами!»

- Какъ идетъ-идетъ Ванюша,
 Ваня усмѣхается:
 Молодая его душа Княгиня
 35. Слезьми обливается.
 Какъ и сталъ онъ, Князь-Бояринъ,
 Ванюшку допрашивать:
 «Ты скажи мнѣ, скажи, Ванюша,
 «Съ какихъ поръ съ Княгинею живешь?»
 40. —Я не годъ съ нею, сударь, живу ли,
 —Охъ да не два года.—
 Какъ и вышелъ Князь-Бояринъ
 На свое красно крыльцо,
 Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
 45. «Слуги мои вѣрные!
 «Вы подите, мои слуги,

- «Во кузницу новую,
 «Вы возьмите, мои слуги,
 «Лопатки острые,
 50. «Вы поройте, мои слуги,
 «Двѣ ямы глубокіе,
 «А во ямы-то поставьте,
 «Столбники точеныя,
 «На столбахъ на тѣхъ положите
 55. «Матицу кленовую,
 «На матицу повѣсьте
 «Мотки шолковые,
 «А на этихъ на моткахъ повѣсьте
 «Иванушку Ключничка!»
60. Какъ идетъ-идетъ Ванюша—
 Ваня спотыкается:
 Молодая его Княгиня
 Слезьми обливается;
 Охъ виситъ-виситъ Ванюша—
65. Ванюшка качается.

(Ср. Сборникъ П. И. Якушкина, Отеч. Зап. 1860 г., Апрель).

* *

II.

1.

Въ томъ ли во городѣ живетъ Ванька Ключничкомъ,
 Во того ли живетъ во Князя, во Князя Волконскаго;
 Онъ не годъ живетъ Ванюша, Ванюшка другой жи-
 ветъ,
 Да на третій годъ-годочикъ самъ Князь доведется

5. Черезъ тую дѣвку-дѣвчонку Аннушку,
 Черезъ такую подлость—самаго послѣдняго *);
 Какъ воскрикнулъ Князь Волконскій
 Своимъ грохкинь голосомъ:
 «Ужъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
 10. «Вы подите-ка, вы слуги, во чистое поле,
 «Вы ройте, вы копайте, вы, ямы глубокиа,
 «Вы становте столбочки дубовые,
 «Вы кладите перекладны—кладите кленовыя,
 «Да вы вѣшайте-цѣпляютъ вы петельку шелковую,
 15. «Вы подите—приведите ко мнѣ Ваню Ключничка,
 «Да вы вѣшайте-цѣпляютъ въ петельку шелковую!»

Какъ Ванюшкина головка качается:
 Молода его Княгинья—Княгинья кончается.

* * *

III.

1.

Какъ во славной во Москвѣ было, на Большой на
 Дмитровкѣ,
 Вотъ живеть ли—поживантъ, тамъ живеть Волконскій
 Князь.
 У того ли было вѣдь у Князя—былъ Ванька Ключни-
 чикъ,
 Молодой его жены—Княгини Ваня полюбовничикъ.
 5. Онъ и жилъ-былъ со Княгиней—онъ ровно й три года;
 На четвертый ли годочикъ—Князь-то довѣдался,

*) Самую посылку.—О.

Онъ черезъ ту ли дѣвку, дѣвку сѣнную,
Черезъ подлугу паскуду, паскуду послѣднюю.

Приходила же та сѣнная дѣвка къ самому Князю,

10. Закричала же та дѣвка своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь ты батюшка, ты Князь нашъ, покровитель мой!
«Ты отслушай отъ меня, дѣвки, усю правду сущую:
«Што живетъ твоя Княгиня со Ванюшей Ключничкомъ.»»

«Ты послушай, ты разшельма, слушай, разканалья!

15. «Если правду ты сказала, буду жаловать тебя,
«Если правды не сказала мнѣ, повѣшаю.»
«Ужь ты батюшка, ты Князь нашъ, ты отецъ ли мой!
«Когда хочешь ты, Князь,—жалуешь, хочешь,—вѣшаешь меня!»»

Закричалъ ли Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:

20. «Вы подите, вы пошлите Ваньку Ключничка мово,
«Вы поставьте его, шельму, супротивъ мово лица!»

Вотъ только и сталъ Князь Волхонскій Ваню допрашивать:

«Ты скажи же мнѣ, Ванюшка, Ванька Ключничикъ,
«Ты скажи же, варваръ-воръ, со которыхъ любишь поръ?»

25. Отвѣчаютъ же Ванюша, Ваня Ключничикъ:
—Што и знать-то я не знаю и вѣдать не вѣдаю!—
Закричалъ тутъ Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:

«Ужь вы люди, мой слуги, слуги вѣрные мои!

- «Ужь вы ройте, мои слуги, канавы глубокия,
30. «Вы становьте, мои слуги, вы столбы дубовые,
«Перекладинки кладите все ильмовыя,
«Вы идите—приведите Ваньку Ключничка мово,
«Ну повѣсьте вы Ванюшку, Ваньку Ключничка!»

Закричалъ же Ваня Ключничикъ громкимъ голосомъ своимъ:

35. —Прикажите вы Ванюшѣ съ горя пѣсню спѣть:

- «Што ужь те-то и попито, и погуляно,
 —«Ужь со младою Княгинею поѣзжано,
 —«За бѣлы груди Княгинины подержано,
 —«На пуховыхъ перинахъ со Княгинею полежано!»—

2.

- Какъ въ Москвѣ-то было въ городѣ,
 На Большой-то было—было на Дмитровкѣ,
 Тамъ живетъ ли—споживаитъ да тамъ Волхонскій Князь.
 Во ево-то живетъ, живетъ Ванька Ключничикъ;
 5. Онъ и годъ Ванька живетъ, и другой идетъ,
 Какъ на третій-то годочекъ Князь доведомъ сталъ
 Черезъ самую разшельму да послѣднюю:
 Дарить дѣвку, дѣвку, да вотъ дѣвку...
 Выходилъ-ли Князь Волхонскій да Князь на высокъ
 [балконъ],
 10. Закричалъ-ли Князь Волхонскій своимъ громкимъ го-
 лосомъ:
 «Да вы слуги мои, слуги, да вы слуги вѣрные!
 «Вы подите—приведите ко мнѣ Ваньку Ключничка,
 «Молодой шельмы этой полюбовничка!»
- ««Ты поди, поди, Ванюша, да ко Князю Волхон-
 скому:
15. ««Какъ тебе, тебе, Ванюша, хочетъ Князь пожаловать
 ««Воронымъ тебе конемъ, золотымъ сѣдломъ!»»
 Приходилъ-то Ванюша да ко Князю Волхонскому,
 Какъ и сталъ-то Князь у Ваньки спрашивать:
 «Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, варваръ мой:
20. «Со которой поры-время, Ваня, въ полюбовь пришолъ?»
 —Я ни знаю, я ни вѣдаю за собою ничево.—
 Закричалъ-то Князь Волхонскій своимъ громкимъ го-
 лосомъ:

«Ужь вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
 «Вы берите-тка лопаты, лопаты желѣзные,
 25. «Ужь вы ройте-тка—копайте вы ямы глубокия,
 «Становите-тка столбочки, столбочки точоные,
 «Перекладочку кладите вы тонку-дубовую,
 «Ужь вы вѣшайте моточикъ да шелковинькой,
 «Ужь вы вѣшайте Ваньку за бѣлу шею!»

30. —Ты позволъ-ка, Князь Волхонскій, позволъ Ванькѣ
 пѣсню спѣть:
 —«Тутъ было попито, погуляно,
 —«Не одново ли съ тобой платья было поношено,
 —«Молодую-то Княгиню за груди да подержано!»—

Какъ въ вечеру Ванюшу да Ваню повѣсили,
 35. Со полуночи Ванюша-Ванюшка да кончанца:
 Молодая-то Княгиня слезьми заливанца;
 Какъ у Ванюшки рубашечка кровью наливалася:
 Молодая ли Княгиня въ теремѣ кончалася.

«Если-бъ я зналъ Князь то, вѣдалъ, Ваньку-бъ я не
 вѣшалъ!»

*

3.

Какъ во славномъ было въ Москвѣ-городѣ,
 Какъ по Дмитровской было по улицѣ,
 Стояли палаты бѣлокаменные,
 Жилъ въ нихъ Князь Волхонскій со Княжною.
 5. У нихъ былъ вѣрный слуга Ваня Ключничекъ,
 Его женѣ, шельмѣ, полюбовничекъ.
 Любилъ ее годъ, и любилъ ее и два,
 Но на третьемъ году Князь довѣдался
 Отъ еѣ ли отъ дѣвки отъ сѣнной.

10. Выходилъ Князь Волхонскій на крыльцы высокія,
Вскрычалъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли у меня такіе слуги вѣрные!
«Пошлите ко мнѣ Ваню Ключничка,
«Княгини шельмы полюбовничка!»
15. «Ты про то ли, Ваня, знаешь ли, вѣдаешь ли,
«Кто мѡей жены, шельмы, полюбовничекъ?»
—Я про то не знаю и не вѣдаю,
—Кто молодой Княгини, шельмы, полюбовничекъ!—
Выходилъ Князь на крыльцы высокія,
20. Воскрычалъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли у меня такіе мастера!
«Дѣлали-бъ заступы желѣзные,
«Рыли бы ямы глубокія,
«Ставили бы столбы дубовые,
25. «Переклады клади бы кленовые,
«Повѣсили бы Ваню Ключничка!
«Позовите ко мнѣ Ваню Ключничка!»

—Прикажите мнѣ спѣть пѣсеньку:

—«Нопшто было, погулено,

30. —«Во золотой-то колясочкѣ вѣстѣ поѣзжано,
—«На пуховымъ перинахъ было вѣстѣ полежано,
—«Во сахарныя уста было поцѣловано,
—«На бѣлой-то ружѣ на еѣ было полежано!»—

Повѣсили Ваню Ключничка.

35. Виситъ Ваня и качается:
А подъ окешечкомъ Княгиня растетъ и качается;
Къ вечеру Княгиня переставилась.

Ну а послѣ Князь Волхонскій спокаялся.

*

Не далеча, не далеча, близко каменной Москвы,
 Какъ на славной улицѣ, улицѣ на Дмитровкѣ,
 Здѣсь живеть—поживаетъ, живеть Волхонскій Князь.
 У Волхонскаго у Князя былъ Ваня Ключничекъ,
 5. Молодой моей *) Княгини вѣрный полюбовничекъ.
 Онъ ни годъ живеть, и другой Ваня годъ живеть,
 Какъ на третій годочикъ вѣрно Князь довѣдался,
 Черезъ этаку дѣвчоночку, дѣвку сѣнную;
 Закричалъ же Князь Волхонскій своимъ громкимъ го-
 лосомъ:

10. «Ужь вы слуги, слуги, слуги мои вѣрные!
 «Вы подите—приведите вора Ваню Ключничка,
 «Молодой моей Княгини вѣрнаго любовничка!»

Што ведутъ, ведутъ Ванюшу,—Ваня спотыкается,
 Надъ Ванюшиной головкой надругаются,
 15. Што Ванюшина головка вся проломана,
 Коленкорова рубашка вся на немъ изорвана,
 Што сафьяновы сапожки кровью понаполнились.
 Закричалъ же Князь Волхонскій своимъ громкимъ го-
 лосомъ:

- «Ужь вы слуги, слуги, слуги мои вѣрные!
 20. «Вы подите—ка—возмите лопаты желѣзныя,
 «Вотъ вы роить—вы копать двѣ ямы глубокия,
 «Вы ставьтя—постановьтя два столба, два дубовые,
 «Ужь вы вейтя—повивайтя двѣ петли шелковыя,
 «Ужь вѣсьтя—ка—повѣсьтя вора Ключника,
 25. «Молодой моей Княгини вѣрнаго любовничка!
 «Вотъ пушай, пушай Ванюша—Ваня покачатся,
 «Молодая—то Княгиня пушай попечалится!»

Вотъ Ванюша—то качаются, Княгиня кончатся.

*

*) Замѣченный выше переходъ отъ событія къ рѣчи лица дѣйствующаго.—0.

5.

(Новгородск. губ., Валдайск. уезда, деревня Сосница).

Какъ во городѣ было въ каменной Москвѣ,
 Какъ во ўлочкѣ было во Дмитровской,
 Жилъ тутъ—поживалъ тутъ батюшка Волконскій Князь
 Со своей ли то вѣрною со Княгинею.

5. Жилъ тутъ—поживалъ тутъ Ванюшка Ключничикъ:

Онъ не годъ живё со Княгинею,
 Онъ не годъ живё,—ровно два года;
 Какъ на третій на годочикъ Князь—то все дождався
 Черезъ сѣнную дѣвчонку, черезъ сѣнную послѣднюю.

10. Какъ вышелъ—то Князь на крыльцѣ ца (парадное),

Онъ вскричалъ—то громкимъ голосомъ:
 «Ахъ вы слуги мои вѣрные!
 «Вы подите—приведите Ваню Ключничка,
 «Вы поскуйте ему скорые ножёньки,

15. «Вы свяжите назадъ бѣлыя ручушки!»

Посковали Ванюшкѣ скорыя ножёньки,

Какъ связали ему назадъ—то бѣлыя ручушки,
 Какъ ведутъ ли то Ванюшку подъ бѣлы—то руки:
 На Ванюшкѣ коленкорова рубамка вся изорвана,

20. Какъ буйная—то головушка въ трехъ мѣстахъ пролом-
 лена,

Какъ у Ванюшки скорыя—то ножёньки поскованы,
 Какъ сафьянные сапожки кровью понаполнены.
 Вотъ стоитъ—ли то Князь на крыльцѣ—то (поратномъ),
 Увидѣлъ же то Ванюшка Князя—то Волхонскаго:

25. —Ахъ ты батюшка, Князь ты Волхонскій!

—Ты прости меня большой—то випой,
 —Я не буду, я не стану никакихъ я дѣлъ—то дѣ-
 лать!—

Какъ вскричалъ Князь Волхонскій своимъ громкимъ го-
 лосомъ:

«Ахъ вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!»

30. «Вы подите—вы возьмите заступы желѣзные,
 «Вы роите—тко—копайте двѣ ямы глыбокія,
 «Вы поставьте два столба высокіе,
 «Положите переводы—то дубовые,
 «Вы повѣсьте—тко двѣ петли шелковья,
 35. «Вы сдѣлайте крючья—то золочёные,
 «Три ступени тесовыя,
 «Вы покройте—тко ступени черныиъ сукномъ,
 «Вы ведите—тко Ванюшу на крутой—то крылецъ,
 «На крутой крылецъ на тесовый!»
40. Идетъ ли Ванюшенька—поклоняется,
 Со всиъ добрыиъ людяиъ прощается:
 —Прости батюшка, прости матушка,
 —Прости ты меня, мать сыра́ земля!—
 Какъ вошёлъ да то Ванюшко на крутой крылецъ на
 тесовый,
45. Онъ вскричалъ ли тутъ громкимъ голосомъ:
 —Ахъ ты батюшка, Волхонскій Князь!
 —Ты позволъ—ко—ся мнѣ надъ послѣднимъ краюшкомъ
 —Или пѣсенку спѣть, или на рожкѣ сыграть?—
 «Вѣшайте вы Ванюшеньку:
 50. «Пускай Ванюшка качается,
 «Моя молодая—то Княгиня пуцай не печалится!
 «Какъ дознается моя—то вѣрная Княгиня,
 «То—то она попечалится!»

Со печали—то тоски на третій денекъ,
 55. Какъ на третій на денѣчикъ вѣрная Княгиня по-
 жѣрла.

(Записано 6 Сент. 1834 г., отъ Новгорода Саволя).

*

6.

(Саратовск. губ.).

Далеко было, далече,
 Въ бѣлокаменной Москвѣ,
 Во второй было во улицѣ *)
 Во славной Митревской,

5. Что у Князя было у Волконскаго
 Солучилася пирь-бесѣдушка,
 Тиха и смиренна, зѣло радошна.
 Соѣзжались къ нему князья-боири,
 Пили-ѣли, прохлаждалися,
10. Разговорами они занимались.
 Богатый хвалится богатствомъ,
 Бѣдный хвалится своей бѣдностью **),
 Сильный хвалится своей силою,
 А Волконскій Князь своей Княгиницею:
15. «У меня Княгиня умная,
 «Она умная-разумная,
 «Она тихая-смиренная,
 «До рабовъ она милостлива,
 «Передо мной она очестлива.»
20. У дверей стоитъ слуга вѣрная,
 Слуга вѣрная, дѣвушка сѣнная;
 Какъ возговорить сѣнна дѣвушка:
 ««Ужъ ты батюшка нашъ, Волконскій Князь!
 ««Не приказывай меня казнить-вѣшати,
25. ««Прикажи ты мнѣ слово молвити?»»
 «Говори ты мнѣ, слуга вѣрная,
 «Ты скажи мнѣ правду-истину.»
 ««Похвалялся ты своей Княгиницею:
 ««Твоя ли Княгинюшка нечестная,

*) Т. е. во первыхъ въ Москвѣ, во вторыхъ—далѣе—на Дмитровку.—О.

***) Весьма странно и необычно.—О.

30. «Твоя ли Княгинюшка невѣрная!
 ««Что живетъ она съ младымъ Ключникомъ,
 ««Со твоимъ ли со харечникомъ,
 ««Со моимъ ли братцемъ роднымъ:
 ««Что живетъ она не теперича,
 35. ««А не много, не мало—ровно девять лѣтъ.»»
 На десятомъ-то году Князь дождался.
 Посылаетъ онъ за Ключникомъ
 Своего ли слугу вѣрнаго:
 «Ты скажи: батюшка—Князь требуетъ,
 40. «Ты скажи: хочеть тебя дарить—жаловать.»»

- Какъ встаетъ Ключникъ съ постелюшки,
 Собирается онъ, снаряжается,
 Обуваетъ онъ сапожки сафьянные,
 Надѣваетъ онъ лисью шубу до́ долу *),
 45. Шуба лисья словно лѣсъ шумить
 И золотъ перстень ровно жаръ горить,
 На немъ шапочка рытаго бархата,
 Во правой рукѣ тонка тросточка,
 А во тросточкѣ ала ленточка;
 50. Идетъ Ключникъ—что соколъ летить.
 Онъ восходитъ во палаты бѣлокаменны,
 Отдаетъ Князю низкой поклонъ:
 —Ужь ты здравствуй, нашъ батюшка—Князь!
 —Ты почто меня скоро требовалъ,
 55. —Ужь чѣмъ хочешь меня дарить—жаловать?—
 «Подарю я тебя хоромами высокими,
 «Не мощенными, не свершенными **),
 «Ты скажи мнѣ только правду-истину:
 «Ты который годъ живешь со Княгинюсю?»
 60. —Ужь ты батюшка нашъ, Волконскій Князь!
 —Я живу съ нею ровно девять лѣтъ:
 —Много было попито, поѣдено,

*) Конечно: «до полу.»—О.

**) Безъ верху, безъ крыши.—О.

—На пуховыхъ перинахъ полежано!—
Князь Волконскій *) прогнѣвался,

65. Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы гой есте, мои слуги вѣрные!
«Вы берите лопатки желѣзныя,
«Ужь вы ройте—ка двѣ ямы глубокия,
«Вы постройте рельюшки **) высокия,
70. «Вы столбы—то дѣлайте точеныя,
«Перекладныя положите вы кленовыя,
«Вы колечки вверните позлащенные,
«А петельки повѣсьте вы шелковыя,
«Вы возьмите моего млада Ключника,
75. «Вы повѣсьте на рельы высокия:
«Да пускай же онъ, воръ, покачается,
«Молодая—то Княгиня на него показнится!»

- Подхватили Ключника за бѣлы руки,
Повели его на рельюшки высокия,
80. Повѣсили на петельки шелковыя.
На петелькахъ виситъ Ключникъ—мотается:
А впереди—то лежитъ Княгиношка—кончается.

- Какъ ударится батюшка Волконскій Князь
Объ дубовый столъ:
85. «Ужь ты гой еси, дѣвушка сѣнная,
«Ты моя ли слуга вѣрная!
«Погубила ты младаго Ключника,
«Умертвила ты молоду мою Княгиношку!»

(Ср. „Лютш. Р. лѣтер. и др.“ Т. IV, запис. гг. Костомаровымъ и Мордочевой).

*

*) Волконскій?—О.

**) См. пѣсни выше.—О.

(Орловск. губ.).

Въ Москвѣ было во городѣ, на Сѣнной было площади,
 Тамъ стояли-то хорошы, хорошы высокіе,
 Что и того ли то Князя, Князя-Боярина.
 Что и жилъ-то тамъ Князь со своей Княгиней,
 5. Что и жилъ-то тамъ Ванюша-Ваня, Князю Ключни-
 чикъ,
 Молодой его Княгини вѣрной полюбвничикъ.

Что и годъ живеть Ванюша съ Княжней *), другой
 живеть,
 Вотъ на третій годъ-годочекъ самъ Князь да довѣдался
 Что отъ самой отъ послѣдней дѣвки сѣнной-горьнишной.
 10. Вотъ выходитъ Князь-Бояринъ на свой красенъ крылецъ,
 Какъ возгаркнетъ Князь—воскликнетъ своимъ громкимъ
 голосомъ:

«Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя!
 «Вы идите—приведите вора Ваньку Ключника!»

Какъ идетъ Ванюша-Ваня черезъ Княжій дворъ,
 15. Какъ на Ванюшкѣ рубашка вѣтромъ раздувается,
 Какъ у Ванюшки кудерцы-кудри завиваются.....
 Какъ возговорить **) Князь—воскликнетъ своимъ гром-
 кимъ голосомъ:
 «Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, варваръ,сынъ:
 «Ты съ которой поры-время живешь со Княжней?»
 20. —Что я знать того не знаю, вѣдать я не вѣдаю.—
 Какъ и сталь-то Князь Ванюшу пытать—крѣпко спра-
 шивать:

Не добился Князь-Бояринъ таей правды-истины.

*) Княгиней? И ниже то же.—О.

**) Возгаркнетъ?—О.

Какъ воскликнетъ Князь—возгаркнетъ своимъ громкимъ
голосомъ:

«Ужь вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя!

25. «Вы берите-тко, берите заступы желѣзныя,
«Ужь вы ройте-тко—копайте двѣ ямы глубокия,
«Ужь вы ставьте-тко—ставьте два столба точоныя,
«Перекладину кладите, слуги, вы кленоваю,
«Вы идите—приведите вора Ваньку Ключника!»

30. Вотъ ведутъ—ведутъ Ванюшу—Ваню черезъ Княжій
дворъ,

Какъ у Ванюшки—Ванюши руки—ноги скованы,
Руки—ноги въ Вани скованы, да все переломаны *).

Вотъ идетъ—идетъ Ванюша—Ванюшка—шатается:

А и Князь—то стоитъ—ухмыляется,

35. Молодая—то Княгиня въ теремъ слезами заливаётся.
Какъ воскликнетъ Князь—возгаркнетъ своимъ громкимъ
голосомъ:

«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду—истину?»

—Ужь позволъ ты, Князь—Бояринъ, позволъ Вани пѣсню
спѣть,

—Что и пѣсню Вани, пѣсню, пѣсенку послѣднюю:

40. —«Что и было, Князь—Бояринъ, попито—поѣдено,
—«Въ краснѣ было, Бояринъ, въ хорошгѣ похожено,
—«На кроватушкѣ тесовой въ насъ **) было полежено,
—«Да за бѣлыя—то за груди въ насъ было похадатано,
—«Во уста—то во сахарны было поцаловано,
45. —«Съ одного плеча было въ насъ поношено ***)!»—

*) Прибавка въ разпорѣчїи:

А сабянные сапожки кровью понаполнены.—*Примѣчаніе записавшаго.*

**) У насъ.—*О.*

***) Въ разпорѣчїи прибавка:

Про твою ля, сударь, милость много было ругано.—*Примѣч. записавшаго.*

Какъ воскликнетъ Князь—возгаринетъ своимъ грохкимъ
голосомъ:

«Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!

«Ужь вы вѣшайте Ванюшу, вора Ваньку Ключничка!»

Вотъ повѣсили Ванюшу, Ванюшка качается:
50. Молодая—то Княгиня въ теремѣ кончается.

(Ср. сборникъ П. И. Якушина, Отеч. Зап. 1860 г. Апрель).

* *

IV.

1.

Было въ городѣ, было на Митровкѣ,
Тутъ жилъ—проживалъ Волхонскій Князь.
Какъ во Князя во Волхонскаго былъ Ваня Ключничкомъ,
Молодой его Княгини полюбовничкомъ.

5. Онъ и годъ живетъ Ванюша, онъ и два года,
Какъ на третій годочикъ Князь дождався
Черезъ ту ли дѣвку, дѣвку сѣнную,
Черезъ самую подлячку, черезъ п...ю *).

Закричалъ Князь Волхонскій грохкимъ голосомъ:

10. «Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
«Вы подите—приведите Ваню Ключничка,
«Молодой моей Княгини полюбовничка!»

Все ведутъ—ведутъ Ванюшу къ самому Князю:
У него шубенка вся изорвана,

*) Последнюю, последнюю.—О.

15. Его буйная голова вся проломана,
 А миткалева рубашка вся съ кровью помѣшана.
 Приведуть все Ванюшу къ самому Князю:
 «Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, Ванюша:
 «Со которыхъ поръ живешь со Княгиньею?»»
20. — Ужь я знать того не знаю, сударь, не вѣдаю.—
 Какъ простилъ всё Ванюшѣ Князь Волхонскій.

Какъ пошелъ Ванюша прочь отъ Князя,
 Опъ пошелъ ли Ванюша вдоль и по двору,
 Все заплѣлъ Ванюша пѣсню новую;

25. Какъ услышала Княгиня Ванюшинъ голосокъ,
 Выходила Княгиня, выходила на [балконъ]:
 ««Ты не вѣшай-ка, Ванюша, своей буйной головы!»»
 Услышалъ ли Князь Волхонскій голосокъ Княгини той,
 Закричалъ ли Князь Волхонскій громкимъ голосомъ:
30. «Ужь вы слуги мои, слуги мои вѣрные!
 «Вы берите-ка топоры желѣзные,
 «Ужь вы ройте-ка, копайте ямы всё глубокия,
 «Становите-ка столбы всё дубовые,
 «Перекладины кладите всё кленовыя,
35. «Ужь вы вѣшайте ремни *) всё шелковые,
 «Ужь вы вѣшайте Ванюшу вора Ключничка!»

- Все ведутъ Ванюшу-Ваню вѣшати;
 Какъ со всѣми-то Ваня кланяется,
 Опъ со всѣми Ваня распрощаетъ,
40. Распрощавшись Ваня, слово вымолвилъ:
 — Вы позвольте вы, братцы, пѣсню нову снѣтъ:
 — «То-то, братцы, было попито,
 — «Было попито-поѣдено,
 — «На тесовой на кроваткѣ было полежено,
45. — «У сахарны усточки было поцѣловано!»—

Какъ повѣсили Ванюшку—удавить хотять,

*) Ошибка вмѣсто «ремля», петли. О.

- Всѣ висить Ванюша, висить,—всѣ мотается:
 Молодая Королевна *) всѣ кончается;
 Молодой ли Ванюша удавляется:
 50. Молодая Королевна по немъ перставляется;
 Всѣ Ванюша удавился:
 Молодая Княгиня всѣ перставилась.

- Какъ и Князь Волхонскій по ней сумлѣвается:
 «Скверная дѣвчонка! На что ты донашивала?
 55. «Что и лучше бы тово—самъ Князь перенесъ бы я!»

*

2.

(Звенигородск. уѣзда. село Ильинское).

На улицѣ Вѣтрѡвицѣ **)

 Живѣтъ—проживаетъ Иванъ Ключничикъ,
 Молодой нашей Княгини полюбовничикъ.

- Живѣтъ онъ годочикъ, живѣтъ онъ другой,
 5. Спозналъ Князь, довѣдался.
 Выходилъ же Князь Волхонскій на своѣ ново крыльцѣ,
 Какъ воскрикнулъ Князь Волхонскій громкимъ голосомъ:
 «Ой вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
 «Вы подите—приведите Ваню Ключничка,
 10. «Молодой нашей Княгини полюбовничка!»

- По двору широкому ведутъ Ванюшу,
 У нашего Ванюшеньки ноженьки путляются:
 А стоитъ же Князь Волхонскій—усмѣхается.
 Закричалъ Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
 15. «Принесите вы лопаты широкія,

*) Ср. ниже пѣсни.—О.

**) Митровицѣ, Митровкѣ.—О.

«Ужь вы ройте, вы копайте ямы глубокиа,
 «Становите вы стобѣчки точёныя,
 «Вы давайте *) переводы ильмѣвые **),
 «И вы вѣшайте—цѣпляйте пѣтельки шелковья,
 20. «И вы вѣшайте—цѣпляйте Ваню Ключничка!»

Ваня Ключничикъ въ пѣтелькѣ болтается:
 Молодая—то Княгиня слезьми обливаётся;
 Ваня Ключничикъ въ пѣтелькѣ болтаётся:
 Молодая—то Княгиня въ перинахъ кончается.

25. Понапрасну Князь Волхонскій двѣ души загиналъ ***),
 Черезъ самую такую дѣвочку скверную,
 Черезъ самую такую подлячку послѣднюю.
 Приказываетъ Князь Волхонскій сыграть пѣсенку,

30. Что «Попито было—поѣдено,
 «Съ молодой своей Княгиней въ коляскѣ поѣзжено,
 «На тесѣвой кровати полѣжано
 «И за бѣлыя за груди подержано!»

(Пѣсня *дротажная*; записана 5 Юля 1831 г.).

*

3.

(Москва).

Что на славной было улицѣ на Димитровкѣ,
 Что у славнаго ли у Князя у Боярина,
 Побранилася кухарка съ младымъ Ключничкомъ:
 «Ты не лайся, не бранися, младой Ключничекъ:
 5. «Я пойду ли—донесу Князю—Боярину!»»

*) Дѣлаете?—*О.*

***) Ср. *Утка, Утка*.—*О.*

***) Загубилъ.—*О.*

«Ужь ты батюшко ты нашъ, ты Бояринъ—Князь!
 «Ничего же ты не знаешь да не вѣдаешь:
 «Что живеть—то твоя Княгиня съ молодымъ Ключни-
 комъ!»»

Что возговорить нашъ батюшка Бояринъ—Князь:

10. «Ужь какъ есть ли у меня да слуги вѣрныя!
 «Вы подите—приведите млада Ключничка,
 «Вы поставьте млада Ключника въ среди двора,
 «Что подъ то ли подъ косяцато окошечко;
 «Ужь я стану младаго Ключника доспрашивать *):
 15. «Ты скажи, скажи, младый Ключничекъ, не утай грѣха,
 «Коли да правду ты мнѣ скажешь,—я помилую,
 «А неправду ты мнѣ скажешь,—я подъ кнутъ да подъ
 кнутъ отдамъ:
 «Что живеть ли моя Княгиня съ твоей милостью?»
 —Что живеть ли твоя Княгиня со мною да три, ахъ
 да три года.—
 20. Что возговорить нашъ батюшка да Бояринъ, ахъ да Боя-
 ринъ—Князь:
 «Ужь какъ есть ли у меня скорые конюхи!
 «Ужь вы ройте мнѣ ямки глубокия,
 «Вы поставьте два столба вы да два высокия,
 «Перекладинку вы поставьте **) вы кленовую,
 25. «Ужь вы петельку повѣсьте вы шелковую!»

Молодой Ключникъ на петелькѣ качается:
 Молодой—то ли Княгини жизнь кончается ***).

(Записано А. А. Григорьевымъ отъ цыгана Антона Сергѣева; ср. Отеч. Зап., 1860.
 Апрель).

* * *

*) Отсезъ переходъ изъ рѣчи кт. описанію самого событія, отъ перваго
 лица къ третьему.—О.

***) Положите?—О.

***; Или:

Молодая ли Княгиня на ножѣ кончается.—Примѣч. П. И.
 Якушкина.

Г.

1.

(Сарат. губ., Сердобск. уѣзд., село Ивановское, Пята тожъ).

Какъ во славномъ—то городѣ Саратовѣ,
 Въ улицѣ во Дмитровской,
 Какъ тутъ живеть—то—поживаетъ
 Батюшка Волхонскій Князь;
 5. Какъ у этого у Князя
 Живеть Ванька Ключничкомъ.

Какъ и вышелъ батюшка Волхонскій Князь
 На крылечко на новое,
 Закричалъ—то батюшка Волхонскій Князь
 10. Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ахъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои!
 «Вы подите—приведите ко мнѣ Ваню Ключничка!»

Какъ ведутъ—то Ваню Ключничка:
 Бѣлыя куделюшки разчѣсаны,
 15. Бархатный кафтанчикъ раздувается;
 Привели—то Ванюшу ко Князю Волхонскому:
 «Ахъ ты Ванька, сынъ!
 «Ты скажи, сколько лѣтъ со моей Княгиней жилъ?»
 —Отъ кого вы узнали, батюшка Волхонскій Князь?—

20. «Я узналъ отъ дѣвчонки сѣнной,
 «Отъ самой послѣдней.»
 —Скажу вамъ, батюшка Волхонскій Князь:
 —Ровно только девять лѣтъ.—
 Закричалъ—то Князь Волхонскій

25. Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ахъ слуги мои, служеньки, слуги вѣрные!
 «Какъ вы сдѣлайте хоромы, хоромы не мшѣныя,
 «Совсѣмъ не свершѣныя,

- «Вы сдѣлайте въ хоромахъ релюшки *) точеныя,
30. «Релюшки точёныя, петельки шелковыя,
«Вы подите—приведите сюда Ваню Ключничка!»

Стали Ваню жаловать релюшками точёными,
Релюшками точёными, петельками шелковыми:
—Ахъ ты батюшка, Волхонскій Князь!
35. —Прикажи инѣ слово молвити!....—

Какъ и Ванюшка—то на реляхъ качается:
Молодая Княгиня во теремѣ кончается.

*

2.

- Какъ во славнѣмъ городѣ во Питерѣ,
Тутъ живетъ ли—поживаитъ
Батюшка Волконскій Князь;
Какъ у этого у Князя есть Ванюшка Ключничекъ,
5. Молодой его Княгинѣ вѣрный полюбовничекъ;
Какъ не годъ живетъ Ванюша и не два живетъ,
А живетъ—поживаитъ съ ней ровно три годочка;
На четвертомъ на годочкѣ самъ Князёкъ довлѣдся,
А не самъ узналъ Князёчикъ, сказала дѣвчѣночка,
10. Дѣвчѣночка сѣнная, самая послѣдняя.

*

3.

(Сибирск. губ., село Усть-Урала).

Какъ у Князя было у Волхонскаго
Случилось большое несчастье:
Повелась его жена съ Ваней Ключничкомъ.

*) См. выше.—О.

- Во селѣ-то было во Измайловѣ,
 5. Протекала рѣчка быстрая,
 Рѣчка быстрая, Волга матушка;
 Какъ по рѣчушкѣ растеть часть ракитничекъ:
 Разливалась Волга широкохонько, •
 Потопаляла всѣ горы-домы и сухіе острова,
 10. Оставлялся *) одинъ часть-ракитовъ кустъ;
 Какъ на кустикѣ сидитъ пташка вольная,
 Пташка вольная, младъ-ясенъ соколъ:
 «Полеги-ко, младъ-ясенъ, на родимую сторону,
 «Къ моему батюшкѣ на широкій дворъ»,
 15. «Скажи батюшкѣ низкой поклонъ,
 «Родной матушкѣ челобитьице **)!»

(Отъ ратника Николая Картавенко, записано П. В. Шейномъ).

*

4.

(Той же губ., Буневскаго уѣзда, дер. Козловка).

- Во селѣ-то во селѣ было Измайловѣ,
 У Князя было у Волхонскаго,
 Изъ терема было изъ високова,
 Изъ окошечка было изъ косяшева **),
 5. Изъ стекольца изъ хрустальнаго,
 Вылеталъ тутъ вылеталъ младъ-ясенъ соколъ,
 Младъ-ясенъ соколъ, пташка вольная.
 За соколомъ бѣжитъ слуга вѣрная ****),
 Онъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
 10. «Охъ ты ой еси, младъ-ясенъ соколъ!
 «За тебя ли меня, сокола, казнить хотять *****),

*) Оставляли?—О.

***) Слова Книжки или Ключника?—О.

****) Косящета?—О.

*****) Ключникъ?—О.

*****) Вѣроятнѣ такъ:

«За тебя ли, сокола, меня казнить хотять.—О.

«Казнить—то хотять, хотять вѣшати.»

Онъ кричить—то ему кричить громкимъ голосомъ:

—Воротись ты, воротись, слуга вѣрная!

15. —Я теперь соколъ на своей волѣ;

—Вечеръ—то вы надо мною надругались:

—Кормили вы меня, сокола, мертвою вороною,

—Поили сокола водою болотною!—

(Записано тѣмъ же отъ Максима Щербанова).

*

5.

(Болговъ).

Во городъ было во Питерѣ,
Во главной улицѣ Митревской,
Живеть тутъ—поживаетъ Волконскій Князь
Со своею молодою Книгинею.

5. Влюбился въ Книгиню Иванушка Ключничекъ,
Молодой моей *) Книгини, шельма, полюбовничекъ.

Ужь онъ годъ живеть, Ванюша, и другой живеть,
А на третій годъ Князь довѣдался,
Что на шельму на Ваню—на Ваню прогнѣвался,
10. Черезъ тоё черезъ дѣвку, дѣвчѣнку сѣнную,
Черезъ самую подлячку, подлячку послѣднюю.
Закричалъ же Князь Волконскій своимъ громкимъ го-
лосомъ:

«Ужь вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные,

«Ужь вы други мои, други неизмѣнные!

15. «Вы подите—приведите ко мнѣ Ваню Ключничка,
«Молодой моей Книгини полюбовничка!»

*) Перенесено со словъ Князя.—О.

- «Ты поди, поди, Ванюша, тебя Князь зоветъ:
 «Ужь онъ хочетъ тебя жаловать
 «Селами-деревнями, третьими кнутами ременными.»»
20. «Слуги мои, слуги! Вы копайте-ка двѣ ямы,
 «Двѣ ямки глубокиа,
 «Становите столбочки все точеные,
 «Вбивайте-ка колечки, кольца золочѣныя,
 «Вѣшайте моточки, моточки шелковыя,
25. «Ужь вы вѣшайте Ванюшку и Ванюшу Ключни...»
 —Вы послушайте, братцы, дайте нову пѣсню спѣть:
 —«Что во городѣ во Питерѣ,
 —«На главной на улицѣ на Митревской,
 —«У того ли Князя—у Князя Волконскаго,
30. —«Было пошито, было и погуляно,
 —«На пуховыхъ перинахъ было полежано,
 —«За бѣлыя груди было подержано!—»

Какъ Иванушку повѣсили:

А молодая Княгиня въ хоромахъ зарѣзалась:

35. А Иванушка качается:

А молодая Княгиня во хоромахъ кончается.

(Записано М. П. Лисицынымъ).

* * *

Молодецъ у Короля въ службѣ *).

VI.

Сравни выпускъ 3, пѣсни о богатырѣ Дунаѣ Ивановичѣ.

1.

(Новгородъ).

Молодецъ у Короля на вѣстѣхъ служилъ:
Что Король-то его любилъ-жаловалъ,
Королевна его при себѣ держала.

Еще сталъ Молодецъ упиваться,

5. При хмѣлю удадой похвалялся:
«Много было хожено, погулено,
«И въ крашнѣ въ хорошѣ похожено,
«Много красныхъ дѣвушекъ цѣловано!
«Поцѣлована дочь прекрасная,
10. «Дочь прекрасная Королевская!»
За досаду Королю показалоя,
За досадушку такъ за великую;
Закричалъ тутъ Король на своихъ вѣрныхъ слугъ:
«Ахъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные,
15. «Слуги вѣрные и неизмѣнные!
«Вы подите далече въ чисто поле:

*) Значеніе этихъ Пѣсень, тѣсно связанныхъ съ предыдущими, объяснено ниже въ „Замѣткѣ.“—О.

- «Ужь вы ройте ямы глыбокія,
 «Становите столбы дубовые,
 «Перекладинку кладите кленовую,
 20. «Вы повѣсьте петли шелковыя,
 «Вы повѣсьте Добра Молодца!»

Молодѣць палачамъ по рублю сулить:

- Не ведите меня позадь горницы,
 —Поведите меня вдоль по улицѣ,
 25. —Чтобъ увидѣла дочь прекрасная,
 —Дочь прекрасная Королевична!—

Попросилася дочь у батюшки:

- «Ты пусти, пусти родный батюшка,
 ««Молодецкой смерти поглядѣти!»»
 30. Молодѣць на петляхъ качается:
 Королевна подъ рѣлю кончается.

(Записано 11 Сент. 1834 г. отъ Акулины).

*

2.

(Москва).

Какъ Короля-ть Молодця любилъ-жаловалъ,
 Съ одного плеча платьице нашивалъ.

- Ужь и сталъ Молодѣць пьянъ ушиватися,
 Во хмѣлю сталъ Молодѣць похвалятися:
 5. «Ужь и то-то попито, братцы, погумено,
 «Въ хорошствѣ-то въ краснѣ много хожено,
 «Что на мягкихъ перинахъ много лёжано,
 «Королевну за ручку много дѣржано!»
 Донесли-то на Молодца своя братья.

10. Какъ Короля-ть на Мѣлодца прогнѣвался,
 Закричалъ Король громкимъ голосомъ:
 «Ужь вы слуги вы, слуги мои вѣрные!
 «Вы подите далѣче во чисто поле,
 «Ужь вы выройте двѣ ямушки глыбокія,
 15. «Становите вы релюшки высокія,
 «Поведите Молодцѣ казнить-вѣшати!
 «Не водите Молодцѣ впереди могѣ дворца,
 «Поведите Молодцѣ позади могѣ дворца.»

Молодецъ солдатъ по рублю дарилъ:

20. —Поведите Молодцѣ впереди меня дворца!—
 Какъ увидѣла Молодца Королевна изъ окна.
 Закричала Королевна громкимъ голосомъ:
 ««Ахъ ты батюшка, сударь мой, пусти меня гулять,
 ««Да двѣ ямушки глыбокія посмотри!»»
 25. Какъ пошла Королевна въ чисто поле гулять,
 Да двѣ ямушки глыбокія посмотри!»
 Молодѣца-ть на релюшкахъ качается:
 Королевна подъ релями скончалася.

(7 Октября 1834 г. отъ мѣщанки Татьяны Андреевны).

*

3.

(Симбирск. губ., село Головино).

Изшелъ я *) всеѣ землю Свято-Русскую,
 Я сине море исплавалъ изъ края въ край.
 Изъ самова изъ устья до вершиночки.
 Я зашелъ-загулялъ къ самому Корѣлю,

*) Извѣстное намъ перенесеніе событія на лицо или 3-го лица въ 1-е.—0.

5. Къ самому Королю ко Латинскому *)).

А за то меня Король любилъ-жаловалъ,
Посадилъ меня Король во вѣрны Ключники:
Я сидѣлъ у него ровно тридцать лѣтъ,
Служилъ Королю вѣрой-правдою **).

10. Никто про то не знаетъ и не вѣдаетъ.

Только знаетъ одинъ маленькой дѣтинушка,
Одинъ маленькой дѣтинушка, поваренной;
Онъ дополь-донесъ собака самому Королю:
«Ой ты гой еси, нашъ батюшка, Литонской Король!

15. «Ничего, сударь, не знаешь и не вѣдаешь:

«Твой-то Ключничикъ до пьяна напивается,
«Во хмѣлю Ключникъ негоже похваляется,—
«Похваляется мизирной ***) твоей дочерью.»»

За досаду Королю показалось;

20. Выходилъ тутъ Король на красенъ крылецъ,

Восклицалъ онъ—возгаркнулъ громкимъ голосомъ:

«Ище есть ли у меня таки мастера,
«А по нашему по русскому грозенъ палачъ!
«Онъ бы ѣхалъ далече во чисто поле,

25. «Дѣлалъ бы релюшки высокіе,

«Становилъ бы онъ столбики дубовые,
«Перекладники клалъ бы кленовые,
«А петельки вязалъ бы шелковыя,
«Онъ бы велъ мово Ключника къ повѣшанью.

30. «Не водилъ бы онъ кремль-городомъ ****).

«Провелъ бы онъ позадь города!»

Молодецъ молодцу *****) крѣпко кланялся:

—Ой ты гой еси, нашъ батюшка, грозенъ палачъ!

*) Ляховинскому.—О.

**) Послѣ этого должно было слѣдовать затерянное въ пѣсни описа
любви.—О.

***) Меньшою.—О.

****) Разумѣется не Московскій, а всякій кремль, вышгородъ, Вург.—О.

*****) Ключникъ палачу.—О.

- Дай ты мнѣ, Молодцу, звончаты гусли,
 35. —Передъ смертью Молодцу навгратиса!
 —Не води ты меня, добрый молодець, позадь города,
 —Проведи ты меня кремлемъ-городомъ,
 —Мимо тѣхъ ли палатъ Королевниныхъ.—
 Онъ повелъ Молодца кремлемъ-городомъ,
 40. Мимо свѣтлинкой свѣтлицы Королевниной.
 Онъ и сталъ тутъ навгрышки навграть:
 —Бывало меня Король любилъ-жаловалъ,
 —А нынче на меня скоро прогнѣвался,—
 —Ведеть-то Молодца ко повѣшенью!—
45. Услыхала ево мила дочь мизиная,
 Выходила она на красенъ крылецъ,
 Воскричала она своимъ громкимъ голосомъ:
 ««Ой ты гой еси, нашъ батюшка, Литонской Король!
 ««Ты за что на Ключничка прогнѣвался?»
 50. ««Я сама-то, красна дѣвица, пойду ко повѣшанью!»»
 Услыхалъ то ея батюшка, Литонской Король:
 «Еще Богъ его прощаетъ, Сударь жалуетъ!»

(Доставлено П. М. Языковымъ).

*

4.

(Тамъ же).

Изшелъ я Волгу матушку изъ конца въ конецъ,
 Изплавалъ я сине море изъ краю въ край,
 Не нашолъ я лучше-краше-краснѣй города *),—
 Ой зашелъ я, Молодець, къ Королю въ Литву.

*) Т. е. Литовскаго, Литвы.—О.

5. Он за то меня Король любилъ-жаловалъ,
Посадилъ же Молодца въ вѣрны Ключнички.

Онъ до пѣна, Молодецъ, напивается,
Во хмѣлю-то онъ негоже похваляется,—
Онъ и хвалится его мизирной дочерью.

10. За досаду Королю показалось;
Онъ выходитъ, Король, на красенъ крылецъ,
Онъ вскричалъ громкимъ своимъ голосомъ:
«Ище есть ли у меня такіе мастера,
«А по вашему по русскому грозенъ палачъ!»
15. «Ище скоро бы онъ ѣхалъ во чисте поле,
«И сохи *) ты бы ставилъ дубовыя,
«Переклады бы клалъ кленовыя,
«А петли бы вѣшалъ шелковыя,
«Не водите Молодца кремль-городомъ»,
20. «А ведите Молодца позадь гумешъ!»

Увидала ● Королева дочь;
««Поведите ево кремль-городомъ,
««Кремль-городомъ, славой доброй!»»

(Доставлено тѣмъ же).

*

5.

Вотъ ходилъ ли я, Молодчикъ, по чистомъ я полю,
Я билъ я побивалъ я гусей-лебедей,
Застрѣлилъ ли я, удалый, сизаго голубя;
Опоздалъ ли я, Молодчикъ, иттить-ѣхати:

5. Всему городу воротички были заперты,
Караульщички молоденьки—они крѣпко спать.

*) Высокіе козлы, на которые кладутся перекладыши.—0.

- Што одна ли не спала ли — красная дѣвушка,
 Она такая Перекраса Королевишна;
 Вынимала изъ [комода] золоты ключи,
 10. Успущала Добра Молодца, все наказывала:
 «Ты дворомъ иди, Молодчикъ, — не закашляйся,
 «Къ новымъ сѣнямъ подходи, — не застукайся,
 «Не услышалъ бы родимый сударь батюшка,
 «Не сказалъ бы онъ родимой моей матушкѣ;
 15. «Ты на утрѣ жь ли, Молодчикъ, не упейся пьянъ,
 «Во хмѣлю-та, разудалый, не похвастайся!»»

- Какъ на утрѣ-та Молодецъ напиваяся пьянъ,
 Во хмѣлю-та разудалый похваляться сталъ:
 —Какъ вечеръ ли я, Молодчикъ, у гостяхъ гостилъ:
 20. —Я въ такой ли Перекрасы Королевишны! —
 Што по утру про удалова дозналися;
 Призывалъ Король Молодчика во палатушки:
 «Ты скажи, скажи, Молодчикъ, гдѣ въ гостяхъ гостилъ?
 «Я за то тебя удалова пожалую,
 25. «Я пожалую Молодчика все палатушками,
 «Вотъ такими ли палатами — на двухъ столбахъ,
 «Я построю тебѣ релюшки точеные,
 «Я повѣшу тебѣ петельку шелковую.»»

- Ужъ какъ Добрый Молодецъ сталъ качатися:
 30. Перекраса во саду стала кончатися.

*

6.

Крапива-крапивушка, крапива стрекучая,
 Одолѣла крапивушка поле чистое!

Охочь былъ Молодецъ по полямъ ѣздить,
 Онъ охочь былъ стрѣлять гусей-лебедей;

5. Опоздалъ же Молодецъ домой ъхати.

Въ чистомъ въ полѣ было три дороженьки:

Первая дорога къ отцу къ матери,

Вторая дорога къ роду къ племени,

Третья къ своему городу.

10. Въ городѣ ворота были заперты;

У воротъ караульщики крѣпко спать да не прѣснутя;

Выходила Королевна на небо крыльце,

Отшirlала Королевна городскіе воротечки,

Она впускала удалова-добрава Молодца:

15. «Ты иди со мной полегоничку,

«Говори со мной потихоничку.»»

Королева на утро стала спрашивать:

«Ужь ты дочь моя, дочь любимая!

«Ужь съ кѣмъ же ты нынче ночью разговаривала?»»

20. «Ужь ты милая моя мать родимая!

«Нынче ночью мало мнѣ спалось,

«Мало мнѣ спалось, во снѣ много видѣлось:

«Будто ты, моя мать, во гробу лежишь,

«Предъ тобой стоять пошы, дьяконы,

25. ««Они поють память вѣчную.»»

У стола, стола государева

Служилъ Добрый Молодецъ.

Добрый Молодецъ хмѣлень напивается,

Во хмѣлю Королевской дочерью похваляется:

30. —Ужь я спалъ-почивалъ съ Королевской дочерью

—На одной кровати!—

Были люди донощики,

Донесли самому Королю;

Какъ вскричить Король громкимъ голосомъ:

35. «Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!

«Вы подите—приведите Добрава Молодца!»

Сталъ Король у него спрашивать:

«Сколько же ты жилъ съ моею дочерью?»»

—Я не мало, не много,—ровно три года.—

40. Какъ вскричалъ Король громкимъ голосомъ:

«Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!

«Вы подите въ чисто поле,

«Копайте двѣ ямы глубокія,

«Становите два столба еловые,

45. «Кладите перекладыны дубовыя,

«Въшай петельку шелковую,

«Вы возьмите—приведите Доброва Молодца,

«Не ведите Молодца переди дворца,

«Вы ведите Молодца позади дворца!»

50. Молодецъ въ петелькѣ качается:

• Королевская дочь въ терему кончается.

*

7.

(Тульск. губ. и узда).

Ты крапиво ли крапиво, зла-стрекучая,

Одолѣла ты, крапива, поле чистое,

Что ни конному, ни пѣшему пройтить нельзя,

Что ни мнѣ ли, Доброму Молодцу, проѣхать!

5. Проходилъ тутъ—проѣзжалъ удалъ-добрый Молодецъ,

Что во тѣ ли во снѣга-снѣга глубокиѣ,

Это въ тѣ ли во морозы въ Крещенскіѣ.

Загуляю я, Молодѣцъ, къ Королю въ гости.

Что Король то меня, Молодца, любилъ-жаловалъ,

10. Королевская дочка во любви жила.

Что у города были ворóты крѣпко заперты,

Караульные вкругъ города всѣ крѣпко спятъ;

Не спала только Елена дочь Королевская:

Отшпирала у города ворóтчки,

15. Что брала Добраго Молодца за руки,

Повела Добраго Молодца въ новую горницу,
Посадила Добраго Молодца въ новую спаленку...

(Отъ солдата, записано въ Новгородѣ, 11 Сент. 1834 г.).

*

8.

(Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда, село Языково).

- Передрогъ-перезябъ Добрый Молодецъ,
За стѣною стоючи бѣлокаменной,
Красну дѣвицу дожидаячи,
Что Прекрасную Елену, дочь Королевскую.
5. Что со сна-то пробуждалася красная дѣвица,
Что Прекрасная Елена, дочь Королевская,
Она брала со столыку золотые ключи,
Она пошла къ широкимъ воротамъ желѣзнымъ,
Отпирала ворота желѣзные,
10. Принимала Молодца за бѣлыя руки,
Вела его во высокъ терѣмъ,
Вела да приказывала:
«Ты иди, мой миленькій, потихонечку,
«Говори, милъ-сердечный другъ, полегонечку,
15. «Чтобы не слышали наши солдаты
«И всѣ наши караульщики,
«Не пробуди со сна мою матушку!»»

- Какъ со сна-то ея матушка просыналася:
«Ты дитѣ ль мое, дитятко,
20. «Ты дитѣ ль мое, чадо милое,
«Ты Прекрасная Елена, дочь Королевская!
«Ты кого называешь милымъ,
«Ты кого величаешь: милъ-сердечный другъ?»
«Ахъ, государыня моя матушка!

25. «Не хорошь-то мнѣ сонъ видѣлся:
 «Будто ты, моя матушка, переставилася,
 «Надъ тобою горять свѣчи воску яраго,
 «Надъ тобою поють всё пошы, дяконы:
 «Я тебя называла милынигъ,
 30. «Я тебя величала: милг-сердечный другъ!»»

*

9.

Что гулягъ Молодецъ по Украйны,
 Загулягъ Молодецъ Королю въ Литву.
 Онъ служилъ Королю вѣрой-правдою,
 Онъ въ очью за очью нешамѣною.

5. Что Король Молодца любилъ-жаловалъ,
 Королевна любила паче Короля:
 Пили-ѣли съ Королевной съ одного блюда,
 Цвѣтно платьице носили одные парчи.

- Загулягъ Молодецъ во трактирной домъ,
 10. Еще пьетъ Молодецъ зелено вино,
 Запиваетъ Молодецъ пивомъ пьянымигъ,
 Затѣдаетъ Молодецъ бѣлымъ сахаремъ,
 Во хмѣлю онъ, Доброй Молодецъ, похваляется:
 —Я живу съ Королевной, красной дѣвнцой,
 15. —Пили-ѣли съ Королевной съ одного блюда,
 —Цвѣтное платьице носили одные парчи!—

- Еще лихи на Молодца дѣвичьи братья,
 Они скоро доносили самому Королю.
 Что Король на Добра Молодца прогнѣвался,
 20. Посадилъ Добра Молодца во темницу,
 Еще призвалъ два плотничныхъ мастера:
 «Вы подите во далече—чисто поле,
 «Вы поставьте два столбичка дубовые,
 «Перекладинку кладите вы кленовую,

25. «Вы вяжите двѣ петелки шелковыя,
«Вы ведите Добраго Молодца во чисто поле!»

Добрый Молодец во петелки качается:
Королевна скорой смертію кончается.

(Изъ рукописнаго сборника пѣсень, П. В. Кир.).

*

10. .

Гулялъ Молодец по Украинѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Загулялъ Молодец къ Королю въ Литву.

- Король Молодца любилъ—жаловалъ,
5. Королевна не могла наглядѣться
На его красоту молодецкую.
Какъ сталъ Молодец упиватися,
Буйными словесами похвалятися:
—Ужь пошито, братцы, поѣдено,
10. —Въ краснѣ въ хорошѣ похожено,
—Съ одного плеча платья поношено,
—Королевну за ручку повожено,
—Съ Королевной на перивушкѣ полежено!—

- Ужь какъ злы—лихи на Молодца своя братья,
15. Доносили на Молодца самому Королю:
«Ты гой еси, нашъ батюшко, грозной Король!
«Не знаешь про то дѣло, не вѣдаешь:
«Живеть Королевна съ Добрымъ Молодцемъ »).»»
Король на Молодца вдругъ прогнѣвался,
20. Закричалъ—завопилъ громкимъ голосомъ:

• *) Чулковскій пѣсєвникъ: „молодцомъ.“—О.

- «Какъ есть ли у меня слуги вѣрные?
 «Вы возьмите удалова—добра Молодца,
 «Посадите его въ темну темницу,
 «А сами подите во чисто поле,
 25. «Вы ройте двѣ ямы глубокиа
 «И вы ставьте два столбичка высокіе,
 «Перекладинку положите кленовую,
 «Вы петельку повѣсьте шелковую,
 «Поведите удалова—добра Молодца,
 30. «Не водите вы его вдоль по улицѣ,
 «Поведите вы его позадь дворца,
 «Не увидѣла бы Королевишна!»

На первую ступень ступилъ Молодецъ:

—Прости, прости, мой отецъ и мать!—

35. На другую ступень ступилъ Молодецъ:

—Прости, прости, весь родъ-племя!—

На третью ступень ступилъ Молодецъ:

—Прости, мой свѣтъ Королевишна!—

Далеко Королева голосъ слышала,

40. Бѣжала во свой во высокъ теремъ,

Брала она свои золоты ключи,

Отпирала [шкатулу] серебряну,

Вынимала два ножичка булатные,

Порала свои груди бѣлыя.

45. Молодецъ въ чистомъ полѣ качается:

Королевишна на ноженькахъ *) кончается.

Пришолъ къ ней скоро родной батюшка,

Не успѣлъ Король лише возрети **).

Увидѣлъ убиту Королевишну.

50. И онъ билъ свои руки о дубовой столѣ:

*) На ножичкахъ.—Такъ въ „Новѣйшемъ избранномъ пѣсенникѣ.“— У Сахорова: „на ножечкахъ.“— О.

** Чулк.: „возрети.— О.

- «Ахъ, свѣтъ ты мой дочь любезная!
 «Для чего мнѣ заранѣе не повѣдала,
 «Что жила во любви съ Добрынь Молодцемъ?
 «Ужь я бы Доброва Молодца пожаловалъ,
 55. «Отъ смерти бѣ Добра Молодца помиловалъ!»
 Закричалъ-завопилъ громкимъ голосомъ:
 «Ужь есть ли у меня слуги вѣрные?
 «Пошлите ко мнѣ двухъ грозныхъ палачей,
 «Рубили бы головы доносчикамъ,
 60. «Кто доносилъ на Королевишну *)!»

(Новиковскій пѣсенникъ, 1780 г., ч. III, № 58, стр. 60—62; то же у Чулкова, ч. III, № 58, стр. 77—79, и въ «Новѣйшемъ избранномъ пѣсенникѣ» безъ года, стр. 311 № 376, ч. III; изъ обоихъ приведены различія).

*

44.

Сарат. губ.

Я любилъ—то, любилъ дочь Королевскую,
 Я не годъ ее любилъ и не два года,
 Я любилъ ее ровнехонько девять лѣтъ.

- На десятомъ году самъ Король довѣдался,
 5. Приказалъ онъ своимъ слугамъ вѣрнымъ сдѣлать релюшки:
 «Вы слуги ли мои, слуги вѣрные!
 «Сдѣлайте, слуги вѣрные, релю высокія,
 «На релюшки надѣньте петельки шелковыя,
 «Вы повѣсьте-ка моего слугу вѣрнаго Ванюшку!»

*) Въ «Новѣйшемъ избран. пѣсенникѣ»:

«Тѣмъ, которы доносили мнѣ на дочь мою.»—О.

10. Въ первую петельку повѣсяи, — петелька оборвалася;
 Въ другу петельку повѣсяи, — и эта оборвалася;
 Въ третьей петлѣ удушился Вапюшка.

Узнавала его родимая матушка:

- Она плакала — какъ рѣка лилась,
 15. Слезы катятся — какъ ручьи текутъ,
 Возрыдалася — что погоды бѣгутъ.

(Записано гг. Костомаровымъ и Мордочевой, ср. «Литоп. Р. автор. и др.», т. IV).

* *

Князь Румянцовъ.

VII.

1.

(Симбирск. губ.).

У Князя Румянцова былъ слуга вѣрный, нелицезвѣрный:
Похалъ Князь Румянцовъ въ свою [девицію],
Безъ него слуга вѣрный жилъ со Книгиною.

Пріѣхалъ Князь Румянцовъ,

5. Узналъ про свою слугу вѣрнова,

Что онъ живетъ со Книгиною;

Призвалъ Князь Румянцовъ свою слугу вѣрнова,

Ужъ и сталъ Князь Румянцовъ его спрашивать:

«Со котораго числа—времени живешь со Книгиною?»

10. —Я живу съ твоей Книгиной съ января перваго.—

Ударилъ Князь слугу вѣрнаго,

По бѣлому лицу, по румяной щекѣ,

И велѣлъ его вестъ въ присутствіе.

Сталъ губернаторъ его спрашивать:

15. «За что тебя Князь Румянцовъ

«Отдастъ въ солдаты?»»

—За то меня Князь отдастъ въ солдаты.

—Что я жилъ съ его Книгиною.—

* *

Камеръ-лакей.

VIII.

4.

(Оттуда же).

Время проходить, время летить,
Время проводить, ничто не лстить.

Любила Княгиня Камеръ-лакея *)).

Любила она четыре года:

5. На пятомъ году Князь догадался.

На Княгиню прогнѣвился:

«Слуги мои, слуги вы вѣрныя, неллицемѣрные!»

«Вы поймите Камеръ-лакея.

«Вы поймите молодова.

40. «Руки вы ноги свяжите.

«И вы бросьте въ тоѣ рѣку,

«Въ тоѣ рѣку во Смородинку!»

Княгиня догадалась,

Молодая стосковалась;

15. Разболѣла, захотѣла свѣжей рыбы,

Свѣжей рыбы, бѣлужины:

«Слуги мои вѣрныя,

«Слуги мои неллицемѣрные!»

*) И ниже, каждый стихъ повторяется дважды.—O.

- «Возьмите вы шелковый неводъ,
20. «Поймайте мнѣ свѣжей рыбы,
«Свѣжей рыбы, бѣлужины!»»

Сколько ловили,—не изловили,
Только поймали бѣлое тѣло,
Бѣлое тѣло Камеръ-лакея.

25. Камеръ-лакея молодова.
«Не кладите вы на землицу,
«Вы положите на скамьницу,
«Вы несите во свѣтлицу,
«Отворьте—откройте двери, окошки!
30. «Подымитесь вы, буйные вѣтры,
«Вывѣйте изъ Князя душу,
«Вы вложите въ Камеръ-лакея.
«Вы вложите въ молодова!»»

Её вѣтры не послушались,

35. Изъ Князя душу не вывѣвали
И въ Камеръ-лакея не вдували,
Въ молодова не вдували.
«Охъ вы, мои рѣзвыя ноги,
«Знать-то вы ко мнѣ не находились!
40. «Охъ вы, мои бѣлыя руки,
«Знать-то вы меня не наобнимались!
«Охъ вы, мои очи ясныя,
«Знать-то вы на меня не наглядѣлись!
«Охъ вы, мои уста сахарныя,
45. «Знать-то меня не нацѣловались!
«Охъ вы, мои цвѣтныя платья,
«Знать-то мнѣ васъ не носить!
«Охъ вы, мои чѣрныя платья,
«Знать-то мнѣ васъ надѣвати,
50. «Знать-то мнѣ цвѣтное платье скидавати,
«Надѣвать-то мнѣ платье чѣрное!»»

2.

- Любила Книгиня Камеръ-лакея,
 Любила ровно четыре года.
 Увѣдалъ Князь про Книгиню,
 Что любить Камеръ-лакея:
5. «Есть ли у меня вѣрные слуги,
 «Вѣрные слуги, камеръ-лакеи!
 «Берите вы, слуги, тугіе луки,
 «Стрѣляйте вы въ бѣлое тѣло,
 «Въ бѣлое тѣло—въ Камеръ-лакея,
 10. «Бросайте вы тѣло въ быструю рѣку!»

- Увѣдала Книгиня *) про Камеръ-лакея:
- «Есть ли у меня вѣрные слуги,
 «Вѣрные слуги, камеръ-лакеи!
 «Вязите **), вязите шелковы неводы,
 15. «Бросайте вы неводъ въ быструю рѣку,
 «Ловите, ловите бѣлое тѣло,
 «Бѣлое тѣло Камеръ-лакея,
 «Кладите вы тѣло въ золоту гробницу,
 «Несите вы тѣло во свѣтлу свѣтлицу!
 20. «Вадуньте вы, вадуньте, буйные вѣтры,
 «Выньте вы, выньте душу изъ Князя,
 «Душу изъ Князя, изъ моего мужа,
 «Вложите вы душу въ бѣлое тѣло,
 «Въ бѣлое тѣло въ Камеръ-лакея,
 25. «Камеръ-лакея, моего милова!
 «Кого я любила, того бѣ оживила,
 «Кого не любила, того бѣ погубила!»»

(Новик. иѣсен., 1780, ч. III, № 168, стр. 168; то же у Чулкова, ч. III,]
 стр. 216, 217).

* *
 *

*) Подлинникъ: „Книгиня.“—О.
 **) Вязите.—О.

КНЯЗЬ ДАНИЛО.

1.

(Орловск. губ., Маловрк. уѣзда).

- Князь Данило ходитъ,
По дорожничкѣ онъ бродитъ,
На красныхъ *) поглядываетъ,
На нихъ онъ посматриваетъ,
5. Сладки рѣчи говоритъ,
Фаты шелковы сулитъ:
«Ой вы, красныя дѣвицы,
«Ой вы, молодницы!
«Спойте вы мнѣ пѣсенку
10. «Про голову горемышненку,
«Про удалаго молодца
«Про Илью Муромца,
«Да про Егора Царевича **),
«Молодца Молодцевича,
15. «Какъ онъ съ Туркомъ воевалъ,
«Какъ Султана въ полонъ взялъ,
«Какъ его онъ засюлилъ,
«Всю Турещину изрубилъ.»
«Нѣтъ не станемъ
20. «Мы пѣть пѣсенку
««Про голову горемышненку,
««Про удалаго молодца

*) Дѣвухекъ.—О.

**) Егоръ—Святогоръ (см. выш. 4, объ Аникѣ) или Егорій храбрый.—О.

- ««Про Илью Муромца,
 ««Ни про Егора Царевича,
 25. ««Молодца Молодцевича.
 ««А споемъ мы тебѣ пѣсенку
 ««Про Данилу про каналью,
 ««Про разбойника-бусурмана,
 ««Про мерзавца-мехристиана.»»
30. Тутъ Данило взбѣленился
 И велѣлъ онъ всѣхъ казнить,
 Бѣлы головы рубить.

- Тутъ народъ весь подымался
 И стражей гонять пускался:
 35. Разогнали всѣхъ стражей,
 До Данилы добралися
 И его колоть пустилися.

(Записано П. М. Перевѣскимъ).

* * *

КНЯЗЬЯ БОРИСЪ И ГЛЪБЪ.

СМОТРИ «КАЛЪКИ ПЕРЕХОЖЕ,» ВЫПУСКЪ 3.

*
**

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

СМ. ТАМЪ ЖЕ.

*
**

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ.

СМ. ТАМЪ ЖЕ.

*
**

КНЯЗЬ МОСКОВСКІЙ СИМЕОНЪ ИВАНОВИЧЪ.

СМ. ТАМЪ ЖЕ.

*
**

КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ.

СМ. ТАМЪ ЖЕ.

*
**

**КНЯЗЬЯ ФЕДОРЪ, ДАВИДЪ И КОНСТАНТИНЪ
ЯРОСЛАВСКІЕ.**

СМ. ТАМЪ ЖЕ.

*
**

КНЯЗЬЯ ТВЕРСКІЕ.

1.

(Кирша Давидовъ).

- А и дѣлося въ Ордѣ,
Передѣлося въ Большой:
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
5. На червчатой камкѣ,
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Суды рассуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
10. Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ гѣмъ усамъ,
По Татарскимъ гѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
15. Азвякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
Василья на Плесу *),
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамелъ къ Костромѣ.
20. Одного не пожаловалъ—
 Любимаго шурина

*) Въ Плесковѣ, Исковѣ.—О.

Щелкана Дюдентьевича.

За что не пожаловалъ?

И за то онъ не пожаловалъ:

25. Его дома не случилось,
Уѣзжалъ—то младъ Щелканъ
Въ дальнюю землю Литовскую,
За моря синія;
Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
30. Дани—невыходы,
Царски невыплаты,
Съ князей бралъ по сту рублей,
Съ бояръ по пятьдесятъ,
Съ крестьянъ по пяти рублей;
35. У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возметъ;
У котораго жены—то нѣтъ,
40. Того самого головой возметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани—выходы,
Царскія невыплаты,
Вывелъ младъ Щелканъ
45. Коня во сто рублей,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ—цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота:
50. Она тѣмъ узда дорога,—
Царское жалованье,
Государево величество;
А нельзя, дескать,
Тое узды ни продать, ни промѣнять,
55. И друга дарить,
Щелкана Дюдентьевича).

*) Щелкану Дюдентьевичу—нельзя той уздой и друга дарить?—О.

- Проговорить младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичъ:
«Гой еси, царь Азвякъ,
60. «Азвякъ Тавруловичъ!
«Пожаловалъ ты молодцовъ,
«Любимыхъ шуриновъ,
«Двухъ удалыхъ Борисовичевъ,
«Василья на Плесу,
65. «Гордѣя къ Вологдѣ,
«Ахрамея къ Костромѣ:
«Пожалуй ты, царь Азвякъ,
«Пожалуй ты меня
«Тверью старою,
70. «Тверью богатою,
«Двумя братцами родимыми,
«Дву удалыми Борисовичи.»
Проговорить царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
75. —Гой еси, шуринъ мой,
—Щелканъ Дудентьевичъ!
—Заколи-тко ты сына своего,
—Сына любимаго,
—Крови ты чашу нацѣди,
80. —Выпей ты крови тоя,
—Крови горячія:
—И тогда я тебя пожалую
—Тверью старою,
—Тверью богатою,
85. —Двумя братцами родимыми,
—Дву удалыми Борисовичи.—
Втапоры младъ Щелканъ
Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
90. Крови горячія,
Выпилъ чашу тоя крови горячія:
А втапоры царь Азвякъ
За то его пожаловалъ

Тверью старую,
95. Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.

И втѣпоры, младъ Щелканъ,
Онъ судьею насѣлъ
100. Въ Тверь—ту старую,
Въ Тверь—ту богатую.
А не много онъ судьею сидѣлъ:
И вдовы—то безчестити *),
Красны дѣвицы позорити,
105. Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.

Мужики—то старые,
Мужики—то богатые,
Мужики посадскіе,
110. Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ.
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли, съ честными подарками **),
115. И понесли они честные подарки,
Злата—серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли ***) его въ домъ у себя,
Щелкана Дудентьевича:
Подарки принялъ отъ нихъ,
120. Чести не воздалъ имъ.

*) Только и дѣло его было, что вдовъ безчестить, и проч.—О.

**) Стихи должны быть:

Отъ народа они съ поклономъ пошли,
Съ поклономъ пошли, съ честными подарками.—О.

***) Нашли, застали.—О.

Втапоры, младъ Щелканъ,
 Зачванился онъ, загордился,
 И они съ нимъ раздорили:
 Одинъ ухватилъ за волосы,
 125. А другой за ноги,
 И тутъ ево разорвали.
 Тутъ смерть ему случилася,
 Ни на кожь не сыскалося *).

Конецъ пьесы 5-го выпуска.

*) Не сыскалася (смерть)?—О.

ПРИЛОЖЕНІЯ
КЪ 5-МУ ВЫПУСКУ ПЪСЕНЬ,

СОБРАНІЕЪ И. В. КИРЪДСКИНЪ.

THE HISTORY OF THE
CITY OF BOSTON
FROM 1630 TO 1880
BY
JOHN H. COOPER

1.

СКАЗКИ

ПРО ВАСИЛЬЯ БУСЛАВА.

1.

(Периской губерніи).

Жилъ-былъ Буславъ девяносто годовъ; живучи Буславъ, переставился; остается его молода жена Ванильеа Тимоеевна, остается у нее младъ сынъ Василій Буславичъ. И сталъ этотъ сынъ Василій Буславичъ съ маленькими ребятками поигрывать: у кого руку оторвать, у кого голову расколоть. Отдала Ванильеа Тимоеевна своего сына любимаго Старику Угрумищу *) учить—во листы писать: а выучился Василій Буславичъ не во листы писать, а выучился соколомъ летать.

Однажды у Старика Угрумища сдѣлался пиръ и бесѣда: онъ не позовалъ на него своего любимаго Василья Буславича; пришелъ самъ Василій Буславичъ на пиръ на бесѣду; изъ передняго угла гостей повываталъ, со скамеечки повывергалъ, проводилъ на новы сѣни съ чернымъ **) вязомъ. Старша ***) Угрумища осерчалъ на него, на своего любимаго, и сказалъ ему:—Ты не сѣкчи, молодой сѣкунъ! Тебѣ не выпить изъ Оби воды, не выбить изъ граду людей; выпьешь изъ Оби воду, выбьешь изъ граду людей,—вотъ тебѣ пять сотъ рублей.—

*) Иллигримищу.—О.

***) Черленымъ, червленымъ.—О.

***) Старицишша, старичище.—О.

II

Пришелъ Василій Буславичъ домой къ своей матери и говоритъ: «Ахъ, матушка родимая! Я въ молодыхъ лѣтахъ расхвастался, съ Старшомъ Угрумищей разсорился.» Мать взяла его—пьянаго наполнила и въ темную темницу заложила. Вотъ народъ собрался съ нимъ воевать, а онъ спать да спать, ничего не знаетъ. Женщина по воду ходила и ему въ окошко закричала: ««Что, говорить, Василій Буславичъ, спишь, ничего не знаешь? Я, говорить, по воду ходила,—сколько людей коромысломъ прибила!»» Василій Буславичъ, услыхавъ эти слова, вышибъ каменную стѣну и пошелъ силу бить,—народъ *).

Старша Угрумища ему и взмолился: — Гой ли ты еси, Василій Буславичъ! Уходи, говорить, свое сердце ретивое, утоли плеча богатырскія: я тебѣ пять сотъ сулялъ, а теперь отдамъ всю тысячу!— Вотъ Василій Буславичъ смиловался и пошелъ къ своей матери: «Ахъ, говорить, матушка родимая! Я сегодня много крови пролилъ, много народу погубилъ!» Вотъ мать на него осерчала, сдѣлала ему корабль, набрала людей и отправила по морю: сказала ему, чтобы вѣшалъ куда хочеть, и рукой въ слѣдъ махнула.

Василій Буславичъ приплылъ на зеленныя луга: лежитъ тутъ Морская Пучина *), вокругомъ глаза. Онъ вокругъ ее похаживаетъ, сапожкомъ ее попинываетъ, а она ему и говоритъ:— Не пинай меня: и самъ тутъ будешь! — Вотъ послѣ этого рабочіе его расшутились межъ собой и стали скакать чрезъ Морскую Пучину: всѣ перескакали; онъ скокнулъ напоследѣ, и задѣлъ только ее пальцемъ, да тутъ и померъ.

(Записано г. Огаревымъ, доставлено В. И. Ламанскимъ).

*) См. „Замѣтку“ къ 4-му выпуску, стр. IV. и ниже.—O.

Жилъ Богуслаи девяносто лѣтъ; живучи Богуслаи переставился. Оставалось у него малое дѣтище Василей Богуслаевичъ. Когда онъ достигнетъ пятнадцати лѣтъ, выходитъ онъ на улицу на Рогатицу, играетъ онъ не съ малыми ребятами, съ усатыми и бородатыми: котораго изъ нихъ схватить за руку, у того рука прочь; а кого за голову, головы нѣтъ.

Отъ такихъ его наглыхъ шутокъ чернь взволновалася. Собираются посадники Новгородскіе, думаютъ крѣпко думашку; они приходятъ къ его родимой матери и говорятъ громкимъ голосомъ: «Ты гои еси, честная жена Амелеа Тимоеевна! Уйми ты свое мило чадо Василья Богуслаевича, чтобъ онъ не ходилъ на улицу на Рогатицу и не игралъ бы по своему: уже нашъ Великой градъ отъ его шутокъ людьми порѣже сталъ.» Отъ такихъ рѣчей честная жена Амелеа Тимоеевна прикручинилась, общается имъ управу дать, отпускаетъ она посадниковъ съ почестью и призываетъ къ себѣ свое чадо Василья Богуслаевича. Призвавъ его, говоритъ такія рѣчи: —Охъ ты мое чадо милое! Перестань ты ходить на улицу на Рогатицу, полно тебѣ играть съ мужиками Новгородскими! Вижу я въ тебѣ силу богатырекую; но ты еще дитя младое; твои шутки неудачныя: кого ты схватишь за руку, отрываешь изъ могучихъ плечь; а возмешь за буйну голову, остается она въ твоихъ рукахъ. Скорбятъ на тебя посадники и мужики Новгородскіе. Когда они на насъ пойдутся, на кого намъ понадѣяться? Въ сиротствѣ мы съ тобой остались. Хотя твоя сила велика, но стать ли тебѣ на тысячу? А побьешь ты и тысячу, за тысячью ихъ и смѣты нѣтъ. Послушай слова добраго: перестань ходить ты на улицу!—

Сіе выслушавъ Василей Богуслаевичъ поклоняется своей матушкѣ, честной женѣ Амелѣ Тимоеевнѣ до сырой земли; поклонивши-

*) О достоинствѣ этой сказки, не смотря на ея поддѣлки, см. въ „За-мѣткѣ.“ Языкъ изъ народнаго во многомъ переначенъ на книжный ладъ.—О.

ся онъ отвѣтъ держать: «Государыня ты моя матушка! Не боюсь я посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новгородскіе; а боюсь твоихъ рѣчей родительскихъ, мнѣ страшно твое слово доброе. Не пойду я уже на улицу: но чѣмъ же мнѣ позабавиться, съ кѣмъ отвѣдати могуча плеча? Не смѣтъ ты меня породила, не даромъ мнѣ моя звѣзда щастливая дала силу богатырскую. Какъ придетъ моя пора, укрочу я всѣхъ посадниковъ, мнѣ поклонится земля Старо-Славенская и княжество Руское. А теперь я во твоей волѣ; но прикажи ты мнѣ потѣшиться: благослови выбрать товарищей, съ кѣмъ бы было мнѣ слово молвити, съ кѣмъ отвѣдати мнѣ своей руки. Ты вели мнѣ дать зелена вина и наварить пива пьянова: я дамъ почесть всему граду и найду чрезъ то товарищей, чтобъ были они на мою руку.»

Получа позволеніе отъ своей матушки, Василей Богуслаевичъ выставляетъ у своего двора бѣла-каменна, у своихъ широкихъ воротъ, чаны дубовые, наливаетъ въ нихъ зелена вина и пива пьянова по края полны; онъ пускаетъ въ нихъ золоты чары, съ тѣми камнями самоцвѣтными, въ каждой чарѣ вѣсу тридцать пудъ. Посылаетъ онъ биярчей по всѣмъ улицамъ и велитъ имъ кличь кликати: ««Кто хочетъ пожить весело, кто хочетъ въ краснѣ въ хорошѣ походить, тотъ бы шелъ къ Василью Богуслаевичу на широкой дворъ не обсылаючи, но спросяся только съ своей силою, понадѣявшись на буйну голову!»» Биярчи ходятъ день до вечера, они кличутъ громкимъ голосомъ: никто имъ не вызывается. Самъ Василей Богуслаевичъ смотритъ съ высока терема въ окно косящетею: чаны стоятъ непочаты, никто къ нимъ не появляется.

Тогда жилъ-былъ нѣкто Ома Толстой сынъ Ремениковъ. Онъ идетъ къ широкому двору не обсылаючи, подходитъ къ чанамъ не спрашиваючи; онъ беретъ золоту чашу: одной рукой поднимаетъ, другимъ духомъ выпиваетъ. Увидѣвъ то Василій Богуслаевичъ, бѣжитъ съ высока терема, не одѣвшись, безъ чебатовъ, за собою онъ тащить стемляныи вязъ, и этотъ вязъ свинцомъ налить Сарочинскимъ; онъ бьетъ вязомъ Ому по уху по правому: на Омѣ голувушка не трахнется, черны кудри не ворохнутся. Богатырь тому удивляется, а ретиво сердце играетъ въ немъ отъ радости. Обнимаетъ онъ Ому въ бѣлыхъ рукахъ и ведетъ его въ свои теремы

златоверхіе. Приведши его въ свой высокъ теремъ, цѣлуетъ во уста, и тутъ кладутъ они между собою слово крѣпкое—богатырское, чтобъ были имъ братьями, не щадить другъ за друга буйныхъ головъ, чтобы пить имъ изъ одной чары и ѣсти имъ съ одного блюда, носить платье цвѣтное съ одного плеча. Потомъ сажаетъ его за столы дубовые, за скатерти бранныя, за ѣствы сахарныя: пили—ѣли, прохлажались, межъ собой забавлялся.

Между тѣмъ Василью Богуслаевичу лежитъ на сердцѣ дума крѣпкая: онъ поглядываетъ въ окно косящетое и ждетъ, не придетъ ли кто къ дубовымъ чанамъ не спрашиваючи. Появляется тутъ вдоль по улицѣ Новогородецъ Потанюшка: онъ малъ собою, невеличекъ и на одну ногу прихрамываетъ. Приходитъ онъ къ дубовымъ чанамъ, онъ бросаетъ вонъ золоты чары, подымаетъ чашъ зелена вина одной рукой, выпиваетъ его однимъ духомъ до суха, онъ выпивши разбиваетъ чашъ о сыру землю, и того чана не осталось ни щепочки. Увидѣвъ то Василей Богуслаевичъ, вспрыгнувъ онъ изъ окна отъ радости, закричалъ громкимъ голосомъ: «Охъ братецъ мой, Юма Толстой сынъ Ременниковъ! Пойдемъ встрѣтить молодца удалова: вонъ пришелъ къ намъ третій братъ!» Они схватываютъ палицы булатныя, во которыхъ вѣсу по пятидесять пудъ, бѣгутъ съ высока терема въ широки ворота, прибѣгаюгъ они ко Потанюшкѣ, они бьютъ его въ буйну голову: палицы въ части разлетаются, а на Потанюшки головушка не тряхнется. Тогда взяли богатыри Потанюшку подъ бѣлы руки, повели его на широкой дворъ, на крыльцо красное, во теремы златоверхіе. Тамъ они поцѣловались и дали другъ другу клятву крѣпкую, чтобъ были имъ всѣмъ братьями и были ихъ душамъ за единую.

Скоро прошелъ слухъ по всему граду, что Василей Богуслаевичъ выбралъ богатырей сильныхъ, изъ всей земли Старо-Славенскія, что живутъ они съ нимъ безъ выходу, что пьютъ—ѣдятъ съ одново стола, цвѣтно платье *) съ одново плеча. Отъ молвы сей посадники взволновались, собираются они во теремы тайницкіе, начинаютъ большой совѣтъ и думу крѣпкую. Когда всѣ посадники по скамьямъ

*) Носить.—О.

услысь, встаетъ тутъ чуденъ старъ—матѣрь челоуѣкъ, выходитъ онъ на средину горницы, на всѣ четыре стороны поклоняется, онъ поглаживаетъ свою сѣдую бороду, трожды ударяетъ о полъ посохомъ, и начинаеть слово мудрое: «Вы гой еси, мужи Славенскіе и всѣ посадники Новгородскіе! Не стало князя въ нашей области: Богуслай оставилъ намъ мало дѣтище; мы правимъ всюю землей Рускою. Уповаемъ мы на это дѣтище княженецкое: мы ждемъ въ немъ обороны крѣпкія и управы добрая, ждемъ лишь въ немъ ума зрѣлаго, чтобъ поставить его во главу себѣ. Но сіе дѣтище неудалое, пропадаетъ отъ него земля Славенская, опустѣеть княжество Руское: Василей Богуслаевичъ дошелъ едваль лѣтъ пятнадцать, а ужъ замыслы его не робяцкіе и забавы его не обычныя. Прежде онъ своими шутками осиротилъ людей—смѣты нѣтъ: а теперь прибираетъ къ себѣ богатырей изъ всея земли Рускія. Въ чемъ будетъ его такова дума? Онъ хочетъ насъ прибрать во свои руки и владѣть нами своей волею. Пропадетъ наша вся слава добрая! Насмѣется намъ бѣлой свѣтъ, что мы, мудрые посадники, покорилися малому дѣтищу! Оле намъ стыда сего! О вы, посадники могучіе! Соберите вы свое единодушіе, призовите вы свой крѣпкой умъ! Не дѣтищу нами ругатися, подсѣчемъ мы зло въ его корени, поколь оно не утолщено! Мы сдѣлаемъ пиръ на цѣлой мирѣ: призовемъ мы на опой Василья Богуслаевича и учнемъ выштыгивать; поднесемъ мы ему братину вина заморскаго; буде не станетъ пить, инъ онъ зло мыслить; буде вышьеть, во хмѣлю онъ промолвится, и что есть на сердцѣ, онъ все выскажетъ. Колю примѣтимъ мы, что не кормилецъ онъ земли Славенскія, мы сорвемъ ему голову съ могучихъ плечъ. Насъ бѣлой свѣтъ не осудить въ томъ: не одинъ онъ роду княжецкаго на бѣлой Руси, мы промыслимъ себѣ князя по сердцу. Буде жъ нѣтъ, проживемъ мы, братцы, и своимъ умомъ!»»

Сію мудру рѣчь выслушавъ посадники, съ мѣсть своихъ поднимались и до пояса они предъ Чудиномъ поклонялися. Всѣ сказали они однимъ голосомъ: ««Быть по твоему, какъ придумала твоя голова умная!»»

На зарѣ потомъ на утренней, на восходѣ красна солнышка, въ тѣхъ теремахъ тайницкихъ становяты столы дубовые, разстилаютъ скатерти бранныя, готовятъ ѣствы сахарныя, привозяты бадьи зелена

вина и пива сыченого, бросаются по гостямъ торговымъ, покупаютъ вина заморскія, что ни пьяныя, и всѣ посадники собираются. Приѣзжаютъ они въ Старо-Славенской дворецъ и приходятъ къ княгинѣ, честной жентъ Амелѣ Тимосевнѣ съ честію: они просятъ ее въ Великой Новгородъ на почестный пиръ. Имъ (въ) отвѣтъ держитъ честна жена:—Не мое дѣло по пирамъ ходить; погуляла я и натѣнилась, когда живъ былъ мое солнышко, государь Богуслай, наш князь. Вы подите къ моему чаду милому Василю Богуслаевичу: можетъ, онъ печтитъ нашъ пиръ своею молодостію. — Чего ждали, то и сбывалось: идутъ мужики Новгородскіе къ своему княжичу, они просятъ его съ великою честію на свой пиръ въ Великой Новгородъ. Василю Богуслаевичъ идетъ къ своей матушкѣ спрощатися, благословляетъ ево княгиня къ нимъ на пиръ итить, благословляючи наказываетъ своему чаду милому:—Ты пей, мой другъ,—не пропей ума! Мужики Новгородскіе хитры-лихоратливы *), обойдутъ тебя словомъ лестливымъ; но ты, когда до похвалъ дойдешь, не хвались ничѣмъ у нихъ, гѣта твои младыя, не груби ты ни въ чемъ посадникамъ. — Сіе выслушавъ Василю Богуслаевичъ, поклоняется своей матушкѣ, что ево надоумила, и идетъ на пиръ во Новъ-городъ одинъ однехонекъ; оставляетъ онъ въ дому своихъ побратенниковъ, Ому и Потанюшку.

Приходитъ онъ во Новъ-городъ. Посадники ево встрѣчаютъ на улицѣ, принимаютъ подъ бѣлы руки, ведутъ во палаты тайницкія. Тамъ сажаетъ его за столы дубовые въ переднемъ углу. Василю Богуслаевичъ имъ за честь поклоняется и не хочетъ сѣсть во переднемъ углу. Посадники его нудятъ добрымъ словомъ: «Садись ты тамъ, чадо княжее: тамъ сиживалъ твой батюшко, Богуслай, наш князь.» За слово сіе доброе княжичъ ихъ послушался: садится онъ въ переднемъ углу. Ему подносятъ стопу вина заморскова, онъ пьетъ и ѣсть—прокламается, онъ въ полсыта наѣдается и въ полпына напивается, онъ сидитъ какъ красная дѣвушка, ни молвить онъ ни одного слова. Уже посадники на веселѣ, начинаютъ они похвальбу держать. Иной хвалится добрымъ конемъ, иной хвалится молодой женой, иной силою и богатствомъ, иной храбростію и мудростію: одинъ

*) Лихоратливы:—О.

VIII

лишь Василей Богуслаевичъ ни чѣмъ не похваляется. Тутъ встаютъ съ скамьи первые посадники, Чудинъ да Сатко Богатой Гость, они громкимъ вопиють голосомъ: «Ты гои еси, нашъ батюшка, Василей Богуслаевичъ! Что ты такъ приунывъ сидишь? Что ни чѣмъ ты не похвалишься?» Имъ отвѣтъ держалъ молодой княжичъ: «Охъ вы люди почетные, посадники Новгородскіе! Чѣмъ предъ вами мнѣ похвалиться? Я послѣ государя моего батюшки сиротою остался малешенекъ, государыня моя матушка во вдовствѣ живетъ. Хотя есть у меня золота казна, имѣнье и богатство: то не я собралъ, а мой батюшко. Когда буду я въ порѣ-времени, тогда буду я похваляться.»

Таковымъ рѣчамъ посадники удивились, начали между собою перешептывать. Наливаютъ они братину зелена вина, начинаютъ пить приговаривая: «Кто другъ Великому Нову-граду и всей земли Славенскія, тотъ пей братину до суха!» Подаютъ они братину Василью Богуслаевичу. Уже нельзя ему было отговориться: онъ ее въ бѣлы руки принимаетъ и до суха выпиваетъ; и сталъ онъ отъ того на веселѣ. Тогда посадники опять начинаютъ похваляться и опять приставать къ своему княжичу, для чего онъ ни чѣмъ не похвалится. Тогда заиграла въ немъ хмѣлинушка, закипѣла въ немъ кровь молодецкая, взговорилъ онъ имъ таковы рѣчи: «Ой еси вы, посадники Новгородскіе! Се похвала Василья Богуслаевича: что сидѣтъ ему надъ землей Славенскою и княжить надъ Рускою; быть Нову-граду всему за нимъ; онъ будетъ братъ пошляны датошныя со всея земли, съ лову заячья и гоголиного; всѣ посадники предъ нимъ поклонятся, онъ принудитъ всѣхъ своею рукою богатырскою!» Выслушавъ таковы слова, всѣ посадники взволновались и кричали вопреки ему: «Не бывать за тобой Нову-граду, не сидѣтъ тебѣ надъ землею Славенскою и не княжить надъ Рускою! Не доживъ поры ты похваляешься: не стерпѣтъ того намъ посадникамъ! Младъ еще, незрѣлъ твой умъ, намъ нечево отъ тебя дожидаться: на утро ты иди изъ земли нашей; не пойдешь, ияъ погонимъ тебя не съ честію, потеряешь ты буйну голову!» Имъ (въ) отвѣтъ держалъ Василей Богуслаевичъ: «Не боюсь я васъ, посадниковъ: собирайте вы всю силу Новгородскую, я иду съ ней перевѣдаться; не изгнать вамъ меня изъ земли Славенскія; таки быть за мной всему Нову-граду, а вамъ, посадникамъ, у ногъ моихъ!» Сказавъ сіе, встаетъ онъ изъ за стола дубоваго, отдаетъ поклонъ всѣмъ посадникамъ и идетъ къ своей матушкѣ. По-

IX

садники взумилися, дають ему широкой путь. Пропустя его, думу думаютъ, похвалябѣ его насмѣхаются, посылають они собрати всю силу Новгородскую на улицу на Рогатицу, чтобъ убить имъ своего княжича, разметати его косточки по чисту полю. Они мнятъ: «Гдѣ ратовать съ нами малу дѣтищу!» »

Ужъ на вѣтѣ бьютъ въ большой колоколь, волнуется вся страна Старо-Славенская, собирается рать сильная на одного младаго княжича. Въ то время дошла вѣсть къ честной женѣ Амелѣѣ Тимоеевнѣ, что похвалялся ей мило чадо Василей Богуслаевичъ словами неудальши, чтобъ биться ему со всею силою Новгородскою. Отъ трго честна жена прикручинилась; она идетъ со крыльца краснаго къ своему сыну во высокъ терешъ, она укоряетъ его за незрѣлой умъ, что нагрубилъ онъ всѣмъ посадникамъ: — Гдѣ тебѣ, вѣщаетъ она, биться одному противу силы Новгородскія? Погубилъ ты меня въ старости!—Сказавъ сіе, схватываетъ его въ беремечко и мчитъ въ погреба бѣлы-каменные, задвигаетъ двери засовами желѣзными, насыпаетъ ихъ песками сыпучими, оставляетъ его тутъ хмѣль выпати; а сама идетъ въ свою казнохранильницу, беретъ она золото блюдо, насыпаетъ на него каменя самоцвѣтнаго и ѣдетъ въ Великой Новгородъ ко посадникамъ. Она кланяется имъ до пояса, поставляетъ золото блюдо на дубовой столъ, говоритъ имъ рѣчи умилныя, чтобъ простили они ей мило чадо Василья Богуслаевича за слова, что онъ во хмѣлю сказалъ, что нельзя ему стоять противу силы Новгородскія, ибо дѣты его младыя, чтобъ, попомни они Богуслая, своего князя, пощадилъ его дѣтище.

Отъ сего посадники возгордилися, говорятъ они своей княгинѣ невѣжливо: «Поди ты вонъ, баба старая! Не пойдешь, имъ вышлемиъ тебя съ нечестію. Намъ не надобно злата-серебра, ни каменя самоцвѣтнаго, дорога намъ похваляба Богуслайченкова, намъ надобна его буйва голова!» За такое дурно честная жена припечалилась, залилась она горючьми слезы, возвратилась во свой дворецъ бѣлой-каменной, велѣла запереть широки ворота и засѣла въ кручинѣ великой.

На утрей день лишь просіялъ бѣлой день, не гуся и лебеди подымаются съ великаго Иршера озера, идетъ то сила Новгородская

на улицу на Рогатицу; не вежная вода тутъ облезила, окружили то посадники и мужики Новгородскіе широкой дворъ Василья Богуслаевича: выбиваютъ они широки ворота изъ пята, валяются они на обширной дворъ.

Тутъ съ ними встрѣтилась дѣвчонка, чернешенька - малешенька: она шла изъ избы приспѣшныя въ рѣку Волховъ по воду, на плечѣ у ней коромыслицо, не тяжело и не легкое,—всего вѣсу въ немъ триста пудъ. Увидѣвши то невѣжество, вскричала она къ мужикамъ и посадникамъ: — Охъ б... вы дѣти неудалы! Смиѣть ли бы вамъ ходить на широкой дворъ не спрашаючи? Почиваетъ еще нашъ батюшко Василей Богуслаевичъ, а вы сюда гремѣть пришли! Погоню я васъ съ широка двора! — Не дали ей докончить словъ, принялись ее колотить въ дубины вязовыя. За ту шутку дѣвчонка осердилася, бросаетъ она ведры дубовыя, беретъ въ руки свое коромыслицо, гонитъ она ихъ съ широка двора на улицу на Рогатицу. Гдѣ лишь разъ махнетъ, тамо улица, а въ другой хватить,—съ переулочками. Побывала дѣвчонка тысячу, добивалася она до трехъ полковъ. Уже руки ея примахалися, коромыслицо наломалося: бѣжить она на широкой дворъ во теремы высокіе. Прибѣжавъ туда, кричитъ громкимъ голосомъ:—Вы гой еси, богатыри могучіе! Чтѣ вы спите-почиваете? На вашего брата названаго нападаетъ вся сила Новгородская, уже выломали ворота на широкой дворъ, приступаютъ къ погребамъ бѣлымъ-каменнымъ, гдѣ почиваетъ Василей Богуслаевичъ.—Ей въ отвѣтъ сказали Ѳома Толстой сынъ Ременниковъ со Потанюшкой: ««Не сила то Новгородская нападаетъ на нашего брата названаго: налетѣли то комары изъ болотъ Каростанскихъ; пусть пробудятъ они его жужжаніемъ, а нечесть будетъ богатырская намъ боронить богатыря отъ болотныхъ мухъ. Онъ прогонитъ ихъ однимъ замахомъ.»» Сіе молвивши, завернули они буйны головы во подушки пуховыя.

Между тѣмъ Василей Богуслаевичъ отъ крика - вопля народнаго пробуждается: онъ вскакиваетъ на рѣзвы ноги и потряхается, отъ того въ погребяхъ стѣны бѣлы-каменны распадаются, желѣзные засовы ломаются и желты пески разсыпаются; становится онъ среди двора. То увидѣвъ сила Новгородская, бросается на него тысячами. У молодого княжича нѣтъ оружія, ни збруи ратныя. За своимъ стеклянныиъ вазомъ показалось ему далеко мти, ибо тѣ вазы были у

него въ высокомъ теремѣ: онъ схватываетъ ось дубовую необдѣланную; ею гонитъ онъ силу на улицу Рогатицу; побиваетъ онъ людей тысячи. Не успѣютъ посадники подковъ наготовиться. Уже вся сила дрогнула, но онъ гонитъ ихъ на чисто поле, пригоняетъ ихъ къ быстрой рѣкѣ, не даетъ онъ имъ развернуться, не внимаетъ онъ ихъ покорности, молодецка кровь разогрѣлася, онъ хочетъ бить всѣхъ на голову.

Узрѣвши то посадники, приуныли всѣ, буйны головы повѣсили; они бросаются во Новгородъ, насыпаютъ злата-серебра, каменья самоцвѣтнаго на златы блюда; идутъ они въ Старъ-Славенскъ дворецъ ко честной женѣ Амелеѣ Тимошеевнѣ. Они хочутъ на дворъ взойти, анъ широки ворота заперты. Они выходатъ на улицу противъ широка терема, противу оконъ косящетыхъ, преклоняютъ они буйны головы ко сырой землѣ и кричатъ громкимъ голосомъ: «Охъ ты мать наша, честна жена Амелеа Тимошеевна! Прогнѣвали мы тебя, свою осударыню, и своего княжича, твоего мила чада Василья Богуслаевича: онъ побилъ ужъ всю силу Новгородскую. Упроси ты его словомъ родительскимъ, чтобъ оставилъ онъ людей хотя на сѣмена!» Но княгиня, то услышавши, не показала имъ своихъ ясныхъ очей, отослала ихъ съ нечестіемъ. Она лишь велѣла имъ возвѣститъ: —Какъ вы дѣло затѣяли, такъ и оканчивайте; я баба старая, не возмусь за ваши дѣла ратныя.—

Посадники, услышавши свою опалу великую, видятъ бѣду неминуемую, поспѣшаютъ они въ Новгородъ. Тамъ жилъ Старчище Многолѣтище: воевалъ онъ при прежнихъ князьяхъ, побивалъ онъ силы ратныя, раззорялъ грады крѣпкіе; но когда обуяли его лѣты древнія, не выходилъ онъ изъ теремовъ своихъ ровно тридцать лѣтъ. Къ нему припадаютъ посадники и молятъ его спасти свою отчизну, и унять младаго княжича. Долго Старчище не слушалъ ихъ, однако на кручину ихъ умиляется. Поднимается съ дубовой скамьи, идетъ онъ на сборной дворъ: тамъ снимаетъ онъ съ вѣча большой колоколъ, которой колоколъ шести сотъ пудъ; надѣваетъ оной на буйну свою голову вмѣсто шапочки. Оттолѣ шествуетъ во чисто поле, къ той быстрой рѣкѣ, гдѣ Василей Богуслаевичъ остальную рать доколачивалъ. Онъ, подшедь къ нему, закричалъ громкимъ голосомъ:—Ты гей еси, Богуслаевъ сынъ! Не за свои ты шутки принимаешься: перестань ша-

лить при старомъ мужѣ! — Отъ такихъ рѣчей молодой витязъ прогнѣвается, набѣгаетъ онъ на Старчища Многолѣтища, бьетъ рукою крѣпко во тяжелъ колоколь. Красная мѣдь разсыпается, присядаетъ старой мужъ къ сырой землѣ, онъ молить-просить пощады своей: — Охъ ты сильной-могучъ богатырь! Не чаялъ я такой силы въ твоей младости! Я живу на свѣтѣ сто лѣтъ и двадцать, не видалъ я себѣ спорника и поборника: днесь пропала моя слава богатырская, побѣдиль меня молодой юноша. Не убивай ты меня до смерти: много я служилъ Славенской землѣ, ты дай мнѣ жизнь на успокаянье. — Убивать его Василей Богуслаевичъ не держалъ ни въ умѣ въ разумѣ, а хотѣлъ ему лишь острастку дать. Поднимаетъ онъ его отъ сырой земли, обнимаетъ его въ бѣлыхъ рукахъ и отпустилъ домой съ честію.

Въ ту пору, познавъ посадники свою бѣду неубѣжную и завидѣвъ гибель скорую, бросаются въ Новгородъ, во теремы тайницкіе, они пишутъ крѣпкія записи, чтобъ быть Василью Богуслаевичу княземъ надъ всемъ Новымъ-градомъ, землей Славенскою и Рускою, брать пошлины, какъ онъ хочетъ, и владѣть ему своею волею. Написавъ ту записъ крѣпкую, идутъ они ко дворцу Василья Бугуслаевича, умоляютъ его названныхъ братьевъ, Ожму Ременникова со Потанею, чтобы шли они упросить своего князя, перестать проливать кровь Славенскую, пощадити своихъ подданныхъ и оставити людей хотя на сѣмена.

На просьбу ихъ богатыри преклонились, бросаютъ они вязы стемляные, кои держали на готовѣ въ рукахъ своихъ, буде бы ослабѣлъ въ рафи братень ихъ. Они идутъ въ поле со посадники; не дошедъ къ мѣсту побойща, кладутъ на голову записъ крѣпкую и кричатъ громкимъ голосомъ: «Здравствуй, батюшко нашъ, Славенской князь, Василей Богуслаевичъ! Перестань губить свою отчину: покорилась тебѣ земля Славенская и все княжество Руское! Поклонились къ ногамъ твоимъ всѣ посадники: вотъ ихъ записъ крѣпкая, чтобъ владѣть тебѣ по своей волѣ надъ всѣмъ Великимъ Новымъ-градомъ со всѣми землями и областями!» Они, сказавъ сіе, со всѣми посадники у ногъ его повалялися.

Тутъ Василей Богуслаевичъ укротилъ свой сильной гнѣвъ. Онъ простилъ и пожаловалъ всѣхъ, кто остался отъ побойща. Онъ вла-

дѣлъ надѣ Новымъ-градомъ съ мудростью и милостью. Никто не смѣлъ на него подняться, всѣ сосѣди дальніе присылали къ нему мирныхъ пословъ со дарами многими. Вся Чудь платила ему дани съ вѣрностью. Онъ не держалъ рати многія: его рать была въ его братникахъ Оомѣ и Потанюшкѣ. Созывалъ онъ богатырей и витязей со всего свѣта бѣлаго, съ кѣмъ бы силы опровѣдати: но не выискалось ему спорника ни противоборника. Онъ княжилъ лѣты многія, проживалъ годы мирныя. Не оставилъ онъ по себѣ роду-племени: лишь оставилъ онъ свой стемляной вязъ на память Великому Нову-граду.

(Русскія сказки Чулкова, часть IV).

*

3 *).

Во славномъ было въ Великому Новѣ-градѣ, а и жилъ тамъ Буслай девяносто лѣтъ, а и жилъ Буслай съ Новымъ городомъ во миру: съ мужиками Новгородскими **) не перечился, со жителями посацкими поперегъ словечка не говаривалъ; жилъ Буслай и состарѣлся, состарѣлся и переставился. Послѣй его вѣку долгаго оставалось житье-бытье великое, все илѣнье посацкое, да оставалась матера вдова, матера вдова Амелеа Тимошеевна, да оставалось чадо милое, молодой сынъ Василій Буслаевичъ. И будетъ молодой Васька на возрастѣ, отдавала его родимая матушка, матера вдова Амелеа Тимошеевна, грамотъ да пѣнью церковному учить. Грамота и пѣнье Васкѣ въ науку не пошло ***). А и не было такого молодца супротивъ Васьки Буслаева.

А и стало Васкѣ пятнадцать лѣтъ, выходитъ Васька на улицу на Рогатицу, играть со малыши со ребятами. Повадился Васька на

*) Оцѣнку этой сказки см. въ „Замѣткѣ.“—О.

**) Слишкомъ данная для народнаго языка форма.—О.

***) Это уже конечно подправка: изъ пѣсень и народныхъ сказаній знаемъ противное.—О.

улицу на Рогатицу гулять, со удалыми молодцы до пьяну напивати-ся. А и ходитъ Васька съ ними по улицѣ, а и ходитъ—уродуетъ: котораго возьметъ за руку, изъ плеча руку выдернетъ; котораго возьметъ за голову, у того головы не бывало. Пошла по Нову-городу жалоба великая на Ваську Буслаева. Сошлись мужики Новгородскіе и думали думушку крѣпкую. А мужики-то Новгородскіе, все люди посацкіе, богатые, несутъ жалобу великую къ матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимошеевнѣ, а и говорятъ такovy рѣчи: «Ты гой еси, честна вдова Амелеа Тимошеевна! Уйми ты свое чадо милое, Василя Буслаевича: ходитъ онъ на улицу на Рогатицу, водить дружбу со удалыми молодцы, со удалыми молодцы до пьяну напивается, надъ мужики Новгородскіими насмѣхается; котораго возьметъ за руку, изъ плеча руку выдернетъ; котораго возьметъ за ногу, ногу выдернетъ; котораго возьметъ за голову, головы не бывало. Соизволь, честна вдова Амелеа Тимошеевна, сказать свою заповѣдь великую Василю Буслаевичу: не ходитъ на улицу на Рогатицу, не играть по своему. Ужь нашъ Великой Новгородъ отъ его шутокъ порѣже стагъ.» И чинитъ отповѣдь честна вдова Амелеа Тимошеевна мужикамъ Новгородскіимъ, общаетъ надъ Ваською дать управу. И чинитъ почестъ честна вдова Амелеа Тимошеевна мужикамъ Новгородскіимъ. А и стала мать Ваську журить-бранить, журить-бранить, его на умъ учить: — Перестань, Васька, на улицу на Рогатицу ходитъ, не водись со удалыми молодцы, не пей вина до пьяна, не шути шутокъ до смертнаго съ мужиками Новгородскіими. Не въ твои лѣта малыя шутить шутки богатырскія, вынимать руки изъ могучихъ плечъ, сонимать буйны головы со добрыхъ людей. Скорбятъ на тебя мужики Новгородскіе и весь миръ крещеный. Съ твоей ли силой стать на тысячу? Будетъ ты побьешь тысячу, а за тысячью ихъ смѣты нѣтъ. Заповѣдаю тебѣ моимъ словомъ великіимъ: не ходитъ на улицу на Рогатицу, не водитъ дружбу съ удалыми молодцы, не пить съ ними вина до пьяна, не шутить съ мужиками Новгородскіими шутки богатырскія.—Честной вдовѣ Амелѣѣ Тимошеевнѣ, своей родной матушкѣ, Васька поклоняется до сырой земли, а въ отвѣтъ держитъ такovy рѣчи: «Осударыня моя матушка! Не боюсь страху посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новгородскіе, а боюсь твоей великой заповѣди, страшно мнѣ твое слово великое. Не пойду на улицу на Рогатицу, не сведу дружбы со удалыми молодцы, не стану шутить

шутки богатырскія. Не таланъ же мнѣ сидѣть дома, не таланъ же смугу безъ пробы износить. Придетъ пора, укорочу я мужиковъ Новгородскіихъ: придуть съ покорищемъ посадники. Прикажи своимъ словомъ, родимая, накурить зелена вина, наварить меду пьянова, погвѣнить Новгородъ съ мужики Новгородскіими.»

Пошелъ Васька во высокъ теремъ, садился онъ, Васька, на ременчатый стулъ, писалъ ярлыкѣ скорописчаты, а въ ярлыкѣхъ отъ мудрости слово поставлено: «Кто хочеть пить да ѣсть готовое, вались къ Васькѣ на широкъ дворъ, пей, ѣшь до сыта, носи платье разноцвѣтное до вѣку. А шелъ бы на широкъ дворъ не обсылаючи, понадеючись на буйну голову.» Несутъ бюрючи по улицамъ ярлыкѣ скорописчаты, кличуть кличь по улицамъ широкіимъ, по тѣмъ частымъ переулкамъ. Выставляягъ Васька у своимъ бѣлокаменнымъ палатъ, у своимъ широкіимъ воротъ, чаны дубовые, наливалъ въ нихъ зелена вина, меду пьянова съ краями полны, опускалъ въ чаны дубовые золоты чары во тридцать пудъ со камнями самоцвѣтными. Во славномъ было Новѣградѣ, шли люди грамотные, читали ярлыкѣ скорописчаты. Васька сидитъ во своемъ терему, смотритъ въ окошко косячатое: чаны стоятъ непочаты, а повольничковъ по улицамъ нѣтъ. Идутъ къ Васькѣ на широкой дворъ къ тому чану, къ зеленому вину, къ меду пьяному, идетъ Ѳомка Ременниковъ къ широку двору, не обсылаючи: беретъ чару одной рукой, выпиваетъ чару единымъ духомъ. Какъ завидѣлъ то Васька, бѣжить съ высока терема не одѣваючись, за собой тащить червеной вязъ, въсомъ тотъ вязъ во двѣнадцать пудъ, а въ томъ червеномъ вязу въ половику было налито свинца Сорочинскаго *), и тутъ Васька сталъ его Ѳомку опробовать, сталъ его бити червенымъ вязомъ по уху по правому: стоитъ Ѳомка—не шевельнется, на буйной головѣ кудри не тряхнутся. Загорается ретиво сердце у Васьки Буслаева, отъ дѣла руки опускаются. «Гой еси ты, Ѳомка Ременниковъ!» говоритъ Васька Буслаевъ: «а и будь ты мнѣ названой братъ, пуще брата родимого!» Ведеть его Васька во высокъ теремъ, и тутъ они кладутъ промежь себя слово крѣпкое: «Быть одинъ за одинъ, пить изъ од-

*) Это, какъ и въ сказкѣ Чулкава, выдумка, вмѣсто народнаго—„Чебурачкаго.“—О.

дой чары, носить цвѣтно платье съ одного плеча.» И сажаетъ его Васька за столы дубовые, за скатерти бранныя, за ѣства сахарныя, за питья медвяныя. Пьютъ-прохлаждаются отъ утра до вечера, отъ ранней утренней зари до свѣту бѣлаго. Вертится у Васьки ретивое, думаетъ Васька думу крѣпкую, а самъ въ окошечко поглядываетъ: не придетъ ли кто къ дубовымъ чанамъ не спрашаючи? Идетъ-плыветъ по улицѣ удалъ-добрый молодецъ Потанюшка, малъ-малехонекъ, невеличекъ, на одну ногу прихрамываетъ, на головкѣ шапочку охорашиваетъ, на высокѣ теремъ поглядываетъ. Приходитъ онъ, Потанюшка, къ дубовымъ чанамъ, бросаетъ золоту чару за веремюшку, подымаетъ чанъ съ зеленымъ виномъ единой рукой, выпиваетъ зелено вино единымъ духомъ до суха: только и видѣли зелено вино. А выпивши, разбиваетъ Потанюшка дубовой чанъ о сыру землю: и того чана дубоваго не осталось ни полщепочки. А Васька въ окошечко косящатое на удалъ молодецкую посматриваетъ, горько *) поглядываетъ, а завидѣвши его обычаи богатырскія, кричитъ громкимъ голосомъ: «Гой еси ты, братецъ мой, Ѳомка Ременниковъ! Пришелъ къ намъ удалъ-добрый молодецъ, нашъ названой братъ. Бери ты палицу булатную во пятьдесятъ пудъ, бѣги со терема высокова въ широки ворота.» Бѣгутъ Васька съ Ѳомкою въ широки ворота, бьютъ Потанюшку въ его буйну голову: Потанюшка стоять—не шевельется, палицы на щепочки разлетаются, а на Потанюшкѣ головушка не трянется. Берутъ Потанюшку подъ бѣлы руки, ведутъ его на широкъ дворъ, на крыльцо красное, во терема златоверхіе. А и тутъ они цѣловалися, и кладутъ промежъ себя слово крѣпкое: «Быть одинъ за одинъ, пить изъ одной чары, носить цвѣтно платье съ одного плеча.» И сажаетъ они братца названого за столы дубовые, за скатерти бранныя, за ѣства сахарныя, за питья медвяныя. Пьютъ-прохлаждаются отъ утра до вечера, отъ ранней утренней зари до свѣту бѣлаго. А и мало время позамѣшкавши, идутъ къ нимъ гости не спрашаючи, идутъ Дѣги Боярскіи, Лука да Матвей **). Васька молодцамъ сталъ радешенекъ и веселешенекъ. А и мало время позамѣшкавши, пришли мужики Замѣшане; единой сходкой входятъ они на широкъ

*) Зорко?—О.

***) Моксей.—О.

XVII

дворъ, единымъ словомъ говорятъ такovy рѣчи: «А и не было такоу удалаго-добра молодца супротивъ Васьки Буслаевича, а нынѣ во теремѣ потѣшается, названными братцами похваляется, а насъ Васька на встрѣчу не встрѣчаетъ, чановъ не поставляетъ.» Тутъ Васька спохватился, что Потанюшка сокрушилъ чаны, что въ укоръ дался мужикамъ Загъшанамъ. А и говоритъ Васька такovy слова: «Есть про васъ чаны дубовые съ зеленымъ виномъ, есть про васъ меды пьяные во подвалахъ. Коли добръ человекъ есть изъ васъ, иди сюда: пей-ѣшь, прохлажайся, со мной, Васькой, потѣшайся.» И вошли мужики Загъшане къ Васькѣ во высокъ теремъ. Сходились-собирались къ Васькѣ добры молодцы со всѣхъ концовъ, опричь Посацкой. И было всѣхъ тридцать молодцовъ безъ единого, а самъ Васька тридцатой сталъ

Скоро прослышали мужики посацкіе про Ваську Буслаева и про его названыхъ братцовъ, что живутъ они съ нимъ безъ выходу, пьютъ-ѣдятъ съ одного стола, носятъ цвѣтно платье съ одного плеча, грозятъ грозу всему Новгороду. Собирались мужики посацкіе въ терема тайницкіе, собирались—по скамьямъ садились. А и мало время позамѣшавши, встаетъ тутъ чудовъ старецъ, мать человекъ. Мужики Новогородекіе пріосажились, отъ стараго до малаго всѣ блии челомъ. А и сталъ чудовъ старецъ, мать человекъ посередь терема тайницкаго, на всѣ стороны онъ поклоняется, сѣду бороду поглаживаетъ, о посохъ вязовой опирается и говорятъ слово мудрое: «Вы гои еси, мужики посацкіе! Вѣдомо вамъ дѣтище неудалое, Василій Буслаевичъ, вѣдомы вамъ его замыслы небрежцкіе, знаемы вамъ его забавы необычныя: собираетъ онъ названыхъ братцовъ, живетъ съ ними безъ выходу, пьеть-ѣсть съ одного стола, носятъ цвѣтно платье съ одного плеча, грозитъ грозу всему Новгороду. Премъ того шутилъ онъ шутки великія, сиротилъ людей—сирѣты нѣтъ: а теперь задумалъ дѣло злое, прибираетъ насъ подъ свои руки крѣпкія, владѣетъ нами по своей волѣ. Не дѣтищу ругатися мужикамъ посацкіимъ: поживемъ мы, люди посацкіе, своимъ умомъ. Созовемъ пиръ на цѣлой мѣрѣ для Василія Буслаевича: будетъ онъ на пиру, ударимъ челомъ отъ всей поземщины, поднесемъ ему братину вина заморскаго; будетъ станеть пить, во хмѣлю промолвится; будетъ пить не станеть, инъ зло на насъ мыслить. Будетъ не кормилецъ намъ, сорвемъ ему голову съ ногучихъ плечь. Насъ бѣлой свѣтъ не охулитъ, ужъ и онъ намъ

XVIII

остуды не положить. Не одинъ онъ во Новѣгородѣ, промыслимъ добраго молодца по сердцу.» Кланялся чюдець старецъ, матеръ чело-вѣкъ на всѣ стороны. Поднимались мужики посацкіе съ ибѣсть сво-ихъ, кланялись старцу до поясу и говорили всѣ во едину рѣчь: ««Быть по твоему, какъ придумала твоя голова умная!»» На зарѣ-то было на утренней, на всходѣ красна солнышка, подымались му-жики посацкіе, ставовили столы дубовые во тѣхъ теремахъ тайниц-кинхъ, разстилали скатерти браныя, ставили ѣства сахарныя, приво-зили бодья съ зеленымъ виномъ да съ медомъ сыченымъ; приходили гости торговые съ винами заморскими, ни съ пьяными, ни съ по-хмѣльными *). Идутъ мужики посацкіе къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелоѣ Тимошеевнѣ съ честію, просятъ матеру вдову на честной пирѣ и говорятъ таковы рѣчи: ««Гой еси ты, матера вло-ва, честна жена Амелоа Тимошеевна! Иди къ намъ на честной пирѣ.»» И кланялись мужики Новгородскіе до пояса. Возговорить имъ мате-ра вдова, честна жена Амелоа Тимошеевна: — Не мое дѣло по пи-рамъ ходить: было время свѣтлое, погуляла я и натѣшилась, какъ живль-быль мое солнышко, осударь Буслай. Подите вы къ моему дѣтищу, Василью Буслаевичу: онъ почтитъ вашъ пирѣ своею моло-достью. — Идутъ мужики посацкіе къ Василью Буслаеву во высокъ теремъ, просятъ Ваську съ великою честію на великъ пирѣ и гово-рятъ таковы рѣчи: ««Гой еси ты, Василій Буслаевич! Иди къ намъ на честной пирѣ.»» Выслушалъ рѣчи посольскія, идетъ Васька къ матерой вдовѣ, къ честной своей матерн Амелоѣ Тимошеевнѣ, спро-шать благословеніе на пирѣ иттить къ мужикамъ посацкіимъ. Гово-ритъ ему честна вдова Амелоа Тимошеевна: — Ты пей, мое дѣтище, не до пьяна: мужики посацкіе хитры-лихорадливы; не взвидишь ты, мое милое дѣтище, какъ обойдутъ тебя словомъ лестливымъ. Будеть учнутъ хвалеть тебя мужики посацкіе, не хвалсь, мое дѣтище: лѣта твои малыя. Будеть учнутъ тебѣ поминать про шутки молодецкія, не чини отвпѣдь грубую: лѣта твои малыя.—И даетъ ему благо-словеніе матера вдова, честна жена Амелоа Тимошеевна, иттить на пирѣ къ мужикамъ посацкіимъ. И чинилъ Васька отвпѣдь

*) Это что такое? См. „Замѣтку.“—О.

мужикамъ посацкіимъ, быть къ нимъ на честной пиръ одинъ на одинъ. Спровѣдали согласіе мужики посацкіе, собирались въ терема тайницкіе.

Прослышалъ Васька про кавунъ варень—пива ячныя у мужиковъ посацкіихъ, пошелъ въ терема тайницкіе. Встрѣчаютъ Ваську въ теремахъ тайницкіихъ мужики посацкіе, принимаютъ его подъ бѣлы руки, ведутъ въ палаты посольскія, сажаютъ за столы дубовые, въ переднемъ углу. Говоритъ Васька мужикамъ посацкіимъ: «Вы гой еси, люди степенные, честны мужики посацкіе! Велика честь моей молодости: есть постарше меня.» И кланялся Васька за честь мужикамъ посацкіимъ. И нудили Ваську посацкіе ласковымъ словомъ: ««Сядись, дѣтище: тутъ сживалъ твой родимый батюшка, Буслай Довмонтьевичъ *)»» И кланялся Васька за честь мужикамъ посацкіимъ пуще того. Пустились мужики посацкіе на злорадны хитрости, говорили небилы рѣчи: ««Сядись, дѣтище: сидѣть тебѣ будетъ на отнемъ столѣ и править мужиками посацкіими по своей волѣ.»» За сіе слово Васька спохватается, во передней уголъ сажается. И стали чевствовать Ваську мужики посацкіе. Застучали стопы съ зелеными виномъ, понеслись **) ѣтвы сахарныя. Пьютъ-ѣдятъ, прохлаждаются, въ полпьяна напиваются, рѣчи держатъ крушныя. Одинъ Васька сидитъ не пьянъ, сидитъ — не молвить словечушка. Стали мужики посацкіе похвалу держать; Садко ***) молвить: ««А и нѣтъ нигдѣ такого ворона коня супротивъ моего Сокола ****): онъ броду не спрашиваетъ, рѣки проскакиваетъ, доли промахиваетъ, горы перелетываетъ.»» Чурило *****) молвить: ««А и нѣтъ такой нигдѣ молодой жены супротивъ моей Настасьи Апраксѣвны: ужъ она ли ступитъ не ступитъ—по алу бархату; ѣтъ ѣтва сахарныя, запиваетъ сытой медовой; ужъ у моей ли молодой жены очи соколыя, брови соболя, походка павлиная, грудь лебедная, а и краше ея

*) Отчество Буслая присочинено.—О.

**) Не народно.—О.

***) Вотъ и Садко, помянутый Чулковымъ.—О.

****) Соколъ у Садки былъ не конь, а корабль.—О.

*****) Для краснаго слова цопалъ сюда и Чурило, притомъ съ чужою женою—Дуная Ивановича.—О.

нѣтъ нигдѣ во всей околицѣ поднебесной.»» Коста Новоторженниъ молвить: «А и нѣтъ нигдѣ такого богатства супротивъ моего: три корабля плывутъ за синими морями съ крупнымъ жемчугомъ, три корабля плывутъ по лукоморю съ соболями, три корабля плывутъ по морю Хвалынскому со камнями самоцвѣтными, а златомъ и серебромъ потягаюсь со всѣмъ Новымъ-городомъ.»» Ставръ *) молвить: «А и нѣтъ нигдѣ такого удалаго молодца супротивъ Ставра: ѣдитъ ли онъ въ поѣздѣ богатырскомъ—не вѣтры въ поляхъ поднимаются, не вихри буйные крутятъ пылъ черную, выѣзжаетъ сильный-могучъ богатырь Ставръ Путятичъ **) на своемъ конѣ богатырскомъ, съ своимъ слугой Анкудиномъ. На Ставрѣ доспѣхи ратные словно жаръ горять, на бедрѣ виситъ мечъ кладенець, во правой рукѣ копьѣ булатное, во лѣвой шелковая плеть, того ли шелку Шемаханскаго, на конѣ сбруя красна золота. Наѣзжаетъ Ставръ на Чудь поганую, вскрикиваетъ богатырскимъ голосомъ, засвистываетъ молодецкимъ посвистомъ: сыры боры преклоняются, зелены лѣсты съ деревъ опускаются; онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ: богатырской конь осержается, мечетъ изъ-подъ копытъ по сѣнной копнѣ, бѣжитъ въ полѣ—земля дрожить, изъ рта пламя валитъ, изъ ноздрей дышетъ столбомъ. Ставръ гонитъ силу поганую, конемъ вернуть—улица, копьемъ махнетъ—нѣтъ тысячи, мечемъ хватитъ—лежитъ тьма людей.»» Задумался Васька, держать онъ думу крѣпкую, слушаетъ рѣчи мужиковъ посацкихъ, а самъ ни чѣмъ не похвалится. А и тутъ посацкіе догадалися, догадалися-спохватилися, встанутъ со скамьи, а сами молвить: «Ты гои еси, дѣтище, Василій Буслаевичъ! Ты что по что приунылъ сидишь, что ни чѣмъ не хвалишься?»» Встаютъ Васька со скамьи, встаютъ—всѣмъ поклоняется и держитъ отвѣдъ: «На что мнѣ, молодцу, радоватися? Чѣмъ передъ вами похвалитися? Оставилъ меня осударь батюшка во сиротствѣ, а осударыня матушка живетъ во вдовствѣ. Есть у меня золота казна, богатства несиѣтныя, и то я не самъ добылъ: оставилъ мнѣ осударь батюшка; мои лѣта малыя, похвалитися мнѣ не чѣмъ; придетъ пора да время, и я буду похвалитися.» Отъ слова умнаго Васьки Буслаева мужики

*) Сколько набралъ издатель богатырей изъ Кирши, и съ такими рѣчами, какихъ имъ никогда не вложилъ бы народъ!—О.

**) У народа „Годиновичъ.“—О.

посацкіе дивовалися, стали промежь себя перешептывать: «Зло держитъ Васька на сердцаѣ.»» Наливаютъ братину зелена вина, ставятъ на столы дубовые, отошедъ кланяются и всѣ едину рѣчь говорить: «Кто хочетъ дружить Новугороду, тотъ пей зелено вино до суха!»» Садятся мужики посацкіе за дубовы столы усмѣхаючись и ждутъ отповѣди отъ Васьки. Встаетъ Васька—поклоняется, принимаетъ братину во бѣлы руки, выпиваетъ зелено вино единымъ духомъ. И стала братина пуста до суха, а Васька сидитъ въ полъяна. Заиграла хмѣлинушка, закипѣла кровь молодецкая и сталъ Васька похвалятися: «Глупые вы, неразумные, мужики посацкіе! Взять будетъ Василью Буслаевичу Новгородъ за себя, править будетъ мужиками посацкими на своей волѣ, братъ будетъ пошляны даточныя со всей земли, съ лову заячьего и гоголиного, съ заѣзжихъ гостей пошляны мытныя, а мужикамъ посацкіимъ будетъ лежать у ногъ мошхъ!» Нелюбы стали мужикамъ посацкіимъ рѣчи спорныя, закричали всѣ во едино слово: «Младъ еще ты, дѣтище неудалое, незрѣлъ твой умъ: не бывать за тобой Новугороду, потерять тебѣ буйну голову. Не честь тебѣ съ нами жить, нѣтъ про тебя съ нами земли!»» Разгорается сердце молодецкое пуще прежняго, распалается голова буйная: «Не честь мнѣ съ вами жить,»—отповѣдь держитъ Васька—«иду съ вами перевѣдаться!» Встаетъ Васька изъ за стола дубоваго, встаетъ—идетъ, не кланяется. И только видѣли его.

Собираются въ терема тайницкіе мужики посацкіе, думаютъ думу крѣпкую, пишутъ записи поручныя: ««Битися-дратися всею дружиною съ Ваською, а въ великъ закладъ за Новгородъ держимъ дани и выгоды *) по три тысячи на всякъ годъ.»» И на томъ мужики посацкіе руки подписали. Скоро сprovѣдаетъ матера вдова, честна жена Амелеа Тимофеевна, что ея дѣтище похваляется словами неудальныи, хочетъ битися со всѣми мужиками посацкіими; беретъ она золото блюдо, насыпаетъ на него каменья самоцвѣтныя, идетъ къ мужикамъ посацкіимъ и во слезахъ молвитъ рѣчи умильныя:—Нельзя стоять дѣтищу малому противъ всей силы Новгородской.—И кланялась мужикамъ посацкіимъ каменьями самоцвѣтными, а кланявшисъ

*) Выходы.—О.

ставила золото блюдо на дубовый столъ. Зартачались мужики посацкіе: «Намъ не надобно злата и серебра, и каменя самоцвѣтнаго: дорога похвальба Буслайченкова!» На томъ и рѣчь ставили мужики посацкіе.

Не полая вода по лугамъ разлетѣлась, не бѣлы лебеди со водъ чистыихъ подымались: сходились-собирались мужики посацкіе, сходились на улицу на Рогатицу, собирались ратью сильною противъ Васьки Буслаева. Втапоры матера вдова, честна жена Амелоа Тимоѣевна догадалася, схватила Ваську въ беремнше, кидала въ погребъ бѣлокаменны, задвигала двери засовами желѣзными, засыпала песками сыпучими. Стучать мужики посацкіе въ ворота дубовыя, а отповѣди нѣтъ. И выбиваютъ они широки ворота изъ пяты, валятся на широкъ дворъ ко крыльцу рѣшетчату. Втапоры на встрѣчу нѣтъ выходить изъ избы приспѣшная дѣвка чернавка, малешенька-чернешенька, на плечѣ виситъ у ней коромыслицо, не тяжело, не велико — вѣсомъ въ триста пудъ, а сама кричитъ: — Охъ вы, мужики посацкіе, глушые-неразумные! Смѣтъ ли бы вамъ ходить на широкъ дворъ не спрашаючи! Погоню я васъ съ широка двора! — За такое дурно учили мужики посацкіе бить дѣвку чернавку въ дубины вязовыя. За тѣ шутки неумѣстныя дѣвка осержается, бросаетъ ведра дубовыя, хватаетъ въ руки коромыслицо вязовое, гонитъ мужиковъ посацкіихъ съ широка двора на улицу на Рогатицу. Гдѣ разъ махнетъ, тамъ улица; гдѣ два махнетъ, тамъ улица съ переулочками. Побивала дѣвка тысячу, добиралась дѣвка до трехъ полковъ. Бѣлы руки примахались, коромыслицо изломалося, стало дѣвкѣ не въ мочь. Бѣжитъ дѣвка въ терема высокіе, кричитъ дѣвка: — Вы гои еси, богатыри могучіе! Нападаетъ вся сила Новгородская на Василья Буслаевича, разломала широки ворота, приступаетъ къ погребамъ бѣлокаменнымъ, хотять соимать буйну голову съ Василья Буслаевича.—Омжа Ременниковъ со Потанюшкой просыпаются, на всѣ стороны оглядываются, а и говорятъ дѣвкѣ таковы рѣчи: ««Не сила то Новгородская нападаетъ на брата названнаго, на Ваську Буслаева: налетаютъ то комары изъ болотъ. Не честь будетъ богатырская боронить богатыря отъ болотныхъ мухъ.»» А молвивши таково слово, Омжа со Потанюшкой, завернули они буйны головы во подушки пуховыя. Только ихъ и слышали. Завоизла дѣвка пуще прежняго.

Отъ того ли крика Васька пробуждается: онъ встаетъ—подпирается, на рѣзвы ноги опирается, бѣло-каменны погреба распадаются, желѣзны засовы ломаются, желты пески разсыпаются; онъ вскочилъ на широкъ дворъ: на дворѣ вся сила Новгородская. А и не было на Васькѣ сбруи ратныя, не попалась ему палица желѣзная, что показала ему ось телѣжная: гонить ея Васька мужиковъ Новгородскихъ на улицу на Рогатицу. Бьются мужики съ Ваською, хочетъ Васька побить всѣхъ на голову. Махнетъ Васька на право—вся улица пуста; махнетъ на лѣво—въ переулочкахъ пусто. Ужь учалъ побивать Васька третью тысячу. Приуныли мужики посацкіе, повѣсили буйны головы, идутъ въ терема тайницкіе, насыпаютъ злата и серебра, и камня самоцѣтнаго, идутъ къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѣ Тимоѣевнѣ. Клонятъ мужики посацкіе буйны головы предъ окошкани косящатыми и молвятъ во едину рѣчь: «Гой еси ты, матера вдова, честна жена Амелѣ Тимоѣевна! Прогнѣвали мы, люди глупые, тебя, осударыню, нагрубилъ рѣчью грубою твоему дѣтищу, Василью Буслаевичу. Побилъ онъ рать несиѣтнюю, грозитъ извести весь Новгородъ. Упроси ты его словомъ ласковымъ оставить людей на сѣмена.» И кланялись мужики посацкіе златомъ и серебромъ, и камнями самоцѣтными. Отсылала ихъ матера вдова, честна жена Амелѣ Тимоѣевна съ нечестіемъ.

Вспомнили мужики посацкіе про Старчища Многолѣтища. Идутъ мужики посацкіе въ почестной монастырь, буйны головы повѣсили, бьютъ челомъ Старчищу Многолѣтищу и просятъ его во едину рѣчь унять шутки неудалыя Васьки Буслаева. А молвятъ имъ Старчище Многолѣтище:—Гой еси вы, мужики посацкіе! Побивалъ я рати сильныя, разорялъ грады крѣпкіе, а нонѣсь обудли меня лѣта древнія, сижу я во теремѣ нескходно ровно тридцать лѣтъ. Не моеи старости унять шутки неудалыя Васильки Буслаева. — И на томъ ставилъ рѣчь свою Старчище Многолѣтище. И просили мужики посацкіе его пуще прежняго. Старчище съ дубовой скамьи подымается, словно соколъ молодой воздымается, не беретъ онъ ни палицы булатныя, ни сбруи ратныя, а надѣваетъ на голову колоколь во триста пудъ вѣсто шпачки. Идетъ Старчище Малолѣтище *) на улицу на Рогатицу. Добивалъ

*) Многолѣтище.—О.

Васька третью тысячу, а добивши Васька бѣжить по улицамъ широкимъ. Стоять тутъ Старчище Многолѣтище, на могучихъ плечахъ держать колоколь во триста пудъ, безъ сбруи ратныя, безъ палицы булатныя. Кричить тотъ Старчище Многолѣтище:—А и стой ты, Васька, не попархивай, молодой глуздырь не полетывай: изъ Волкова воды не выпити, есть молодцовъ супротивъ тебя! Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ, не шутимъ шутки неудалыя!—Отъ таковыхъ рѣчей Васька разсержается, а молвить таково слово: «А и гои еси ты, Старчище Многолѣтище! А и бился я о великъ закладъ со мужики Новгородскими опречь тебя, Старчища Многолѣтища. Въ задоръ войду, тебя убью!» И ударилъ Васька Старчища во колоколь тою осью телѣжномъ: качается Старецъ, шевелится, ко сырой землѣ клонится. Заглянуль онъ Васька Старцу подъ колоколь: а во лѣвъ глазъ ужъ вѣку нѣту. И просить Ваську Старчище Многолѣтище дать животъ на успокояніе. Поднимаетъ Васька Старчища со сырой земли, обнимаетъ его во бѣлыхъ рукахъ и отпускаетъ на покой съ честію *)).

Пошелъ Васька по Волхвъ-рѣкѣ, по той улицѣ Волковой, завидѣвъ его удали молодцы, Фомка со. Потанюшкой: у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ молодцовъ думушки прибыло. Молодой Васька сталъ выручать ихъ.

Втапоры мужики посацкіе вспомнили бѣду неминуемую, идуть въ терема тайниціе, пишутъ крѣпки записи: ««Быть Новгороду за Ваською Буслаевымъ.»» Насыпають чашу чиста серебра, а другую чашу красна золота со камнями самоцвѣтными, идуть къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѣ Тимошеевнѣ. Пришли они къ терему высокому, бьютъ челомъ — поклоняются: ««Осударыня матушка! Принмай ты дороги подарочки, унимай свое чадо милое, молода Василья со дружиною. А и ради мы платить на всякъ годъ по три тысячи, на всякъ годъ будемъ носить съ хлѣбниковъ по хлѣбику, съ калачниковъ по калачику, съ молодцовъ повѣнчаное, съ дѣвиць повалешное, со всѣхъ людей и со ремесленныхъ, опречь поповъ и дьяковъ.»» И на томъ ставили рѣчь свою мужики посацкіе.

*) Этотъ исходъ у Чулкова и принять Сахаровымъ: Буслаевъ убилъ Старца и это-то обозначено словами—„во лѣвъ глазъ ужъ вѣку нѣтъ.“—О.

Втапоры матера вдова, честна жена Амелеа Тимоосевна опосылает дѣвку чернавку привести Ваську со дружиною. И пошла та дѣвка чернавка по Ваську, а идетъ дѣвка—запыхалася, нельзя дѣвкѣ по улицѣ пройти: полтем по улицѣ валяются отъ мужиковъ Новгородскіихъ. Прибѣжала дѣвка чернавка, схватила Ваську за бѣлы руки, учала ему разсказывать:—Не вѣдаешь ты, малое дѣтище, что пришли мужики Новгородскіе, принесли они дороги подарочки и принесли записи поручныя ко твоей осударынѣ матушкѣ, къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелеѣ Тимоосевнѣ.—И на томъ дѣвка рѣчь свою ставила. Ведеть дѣвка Ваську со дружиною на широкъ дворъ, приводить дѣвка Ваську къ зелену вину.

И сѣли молодцы во единъ кругъ, выпивали по чарѣ зелена вина съ того уразу молодецкаго. Кричить Ѳомка Ременниковъ со Потапюшкой: ««У мота, у пьяницы, у молода Васьки Буслаева не унито не уѣдено, вкраснѣ хорошо не уложено, цвѣтна платья не уношено, увѣчы на вѣкъ залѣчено *)!»» И повелъ Васька молодцовъ ко осударынѣ своей матушкѣ, къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелеѣ Тимоосевнѣ. Втапоры мужики посацкіе клали записи поручныя на буйны головы, приносили дороги подарочки, вдругъ сто тысячей. И съ той поры мужики посацкіе поклонилися, поклонилися—сами покорилися.

(«Русск. нар. сказки», Сахарова, 1841 г.).

* *
* *
* *

*) Такъ, обличая свой источникъ, ошибочно исправляетъ Сахаровъ выраженіе изъ сборника Кирши; см. въ пѣсняхъ.—О.

II.

СКАЗКА

про Новгородца Акундина и Князя Гябза Ольговича *).

Сонзвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя, какъ въ стары годы прежніе жили люди старые. А и то-то, родимые, были вѣки мудрые, вѣки мудрые, народъ все православный. Живали старики не по нашему, не по нашему—по заморскому, а по своему—православному. А житье-то, а житье-то было все привольное да раздельное. Вставали ранымъ раненько, съ утренней зарей; умывались ключевой водой со бѣлой росой, молились всѣмъ святымъ и угодникамъ, кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада, выходили на красенъ крылецъ со рѣшеточкой, созывали слугъ вѣрныхъ на добры дѣла. Старики (судъ рядили,) молодые слушали, старики придумывали крѣпкія думушки, молодые бывали во посылкахъ. Молодые молодіцы правили домкомъ, красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ день. Старыя старушки судили-рядили и сказки сказывали. Бывали радости великія на Великъ день, бывали бѣды со кручинами на велико сиротство. А что было, то былью поросло; а что будетъ, то будетъ не по старому, а по новому. Русскимъ людямъ долгое житье, а родимой сторонѣ долъ того.

Какъ во старомъ было городѣ, братцы, во Новѣгородѣ, какъ во томъ ли во Новѣгородѣ жилъ Акундинъ молодець, а и тотъ ли

*) О значеніи этой сказки, еще болѣе испорченной, чѣмъ предыдущая, см. въ „Замѣткѣ.“—О.

Акундинъ, молодой молодецъ, былъ со посадской стороны, со посадской стороны, со торговой. Ужь и онъ ли, Акундинъ, ни пива не варилъ, ни вина не курилъ, ни въ торгу торговалъ, а ходилъ онъ, Акундинъ, со повольницей, и гулялъ онъ, Акундинъ, по Волгѣ по рѣкѣ на суденышкахъ. Понаскучило ему, Акундину, повольницу водить; вотъ и думаетъ Акундинъ: кабы ему до Кіева дойти, во Москвѣ побывать? Садится Акундинъ на суденышко оснащенное, беретъ весельца кленовыя, кладетъ весельца кленовыя во замки дубовыя, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко по Волгѣ по рѣкѣ, а плыло суденышко ровно тридцать и три дня, и прибило суденышко ко круту берегу. На ту пору Акундинъ пробуждается ото сна, а самъ съ собой думу думаетъ: «А и что то за городъ? А и что то за люди?» Подумавши Акундинъ подымался въ нарядъ со суденышка на крутъ бережокъ. Какъ во ту пору на встрѣчу ему идетъ Калѣчище Перехожій.—Богъ на помочь и добрый путь молодцу заѣзжему!—говоритъ Калѣчище Перехожій. «Спасибо тѣ на ласковомъ словѣ,» молвитъ Акундинъ. И били челомъ другъ другу. А бивши челомъ, спрошалъ Акундинъ его Калѣчища: «А и что то за сторона? А что то за городъ? А и что то за люди?» И молвитъ Калѣчище:—Сторона, то широкая, что отъ Оня рѣки потягла до Дону глубокаго, зовуть Рязанью, а править тою стороной стольный князь Олегъ; а что городъ-то поселенъ по Окѣ по рѣкѣ, то зовуть Ростиславль, а на столѣ княжить Рязанскаго роду князь, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ; а люди-то Рязанцы, его молада князя Глѣба Олеговича слуги исконныя.— «Такъ!» молвилъ Акундинъ, да и задумался, а задумавшись говоритъ себѣ рѣчь невзначай: «А кабы ты широкую сторону Рязань, и со молодымъ княземъ Глѣбомъ Олеговичемъ, и со всѣми его исконными слугами покорить Новугороду?» Во ту пору Калѣчище слушалъ его слова неудалыя, а самъ себѣ держать на умѣ:—Не корыстна сторона для Новгорода: кабы Рязань не полонили злы Татарове, кабы Рязань не обложили данью великою, постояла бь Рязань за себя. Да и Рязань не та чета Новугороду.— А и мало время пошѣшавши, беретъ Калѣчище Акундина за его бѣлы руки, ведетъ его, Акундина, поодаль крута бережка, и ставитъ его, Акундина, на высокъ курганъ, а становивши на высокъ курганъ говоритъ таковы рѣчи:— Погляди-ко, молодой молодецъ, на городъ

Ростиславль, а поглядѣвши повѣдай, что дѣется во городѣ во Ростиславль?—Какъ глянулъ Акундинъ во городъ во Ростиславль, а тамъ бѣда великая: исконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича стоять посередѣ торго, хотять войной городъ отстоять, да силы нѣтъ войной стоять. Какъ загорѣлось у Акундина ретивое сердечушко по исконнымъ слугамъ молода князя Глѣба Олеговича, какъ заходили у Акундина ноженки по курганчику, какъ замоталася головушка буйная по молоду князю по Глѣбу Олеговичу, такъ туту Калѣчище не вспозналъ, что и дѣлать. «Пойду за исконныхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича,» говорить Акундинъ, «войной стоять.» А къ туту молвить Калѣчище Перехожій: — Погляди-ко, молодой молодецъ, на Оку рѣку, а поглядѣвши повѣдай, что дѣется въ Окѣ рѣкѣ?—Глядитъ Акундинъ на Оку рѣку, а въ Окѣ рѣкѣ плыветь чудовище невиданное, змѣй Тугаринъ: длиною-то былъ тотъ змѣй Тугаринъ во триста сажень, хвостомъ бьетъ рать Рязанскую, синною валить круты берега, а самъ все просить стару дань. Какъ загорѣлося у Акундина ретивое сердечушко по исконнымъ слугамъ молода князя Глѣба Олеговича, такъ и знай себѣ говорить: «Пойду за исконныхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича войной стоять!»

Во ту пору Калѣчище беретъ Акундина за его бѣлы руки, везеть его, Акундина, во чисто поле, а приведши во чисто поле ко крутой горѣ, молвить таково слово: — Ты гои еси, доброй молодецъ изъ Новагорода! Ты скажи, какъ звать тебя по имени, какъ величать тебя по изотчеству? — На тѣ ли рѣчи спросныя возговорить Акундинъ: «Родомъ я изъ Новагорода, со посадской стороны; зовутъ меня, молодца, Акундинъ Акундинычъ.» — Тебя-то, Акундинъ Акундинычъ, я ждалъ тридцать и три года, съ крута бережка не сходячи, а и думалъ тебя въкъ не видать.—И туту Калѣчище скидалъ съ себя платье перехожее, надѣвалъ на себя платье посадничье, а самъ вымолвлялъ рѣчи вѣстныя:—Ты гои еси, мое милое дѣтище, Акундинъ Акундинычъ! Спознай своего дядюшку родимаго, Замятню Путятича: а вѣдь и мой-то братъ, Акундинъ Путятичъ, былъ тебѣ родимый батюшка. Не влюбилъ люди Новгородскіе твоего батюшку родимаго, а правилъ, вишь, ими не такъ. Какъ не влюбилъ твоего батюшку родимаго, какъ порѣшили сгубить его съ родомъ съ племе-

неть, такъ и не стало знать Акундина Путятича: сокрушили его со всѣмъ домогъ. Со той поры не взявшилось мнѣ на посадничествѣ сидѣть, и придумалось мнѣ до Кіева дойти; со той поры, во тоскѣ во кручинѣ, горе гореваньищемъ качу, тебя, мое милое дѣтище, дождаючи. А и вотъ тебѣ мечъ кладенець твоего батюшки родимаго, Акундина Путятича; а и вотъ тебѣ калена стрѣла твоего батюшки родимаго, Акундина Путятича; а вотъ тебѣ тугой лукъ твоего батюшки родимаго, Акундина Путятича. — Не домоливши рѣчи вѣстныя, сталъ Замятня Путятичъ кончатися, со бѣлыми свѣтомъ раставатися. Видно на роду ему, братцы, такъ написано, что довелось посередъ поля переставитися. Какъ сталъ Замятня Путятичъ со бѣлыми свѣтомъ раставатися, и учалъ отповѣдь чинить:—А и гои еси ты, мое милое дѣтище, Акундинъ Акундиннычъ! Какъ и будешь ты во славномъ во Новѣ-городѣ, и ты ударь челомъ ему, Новугороду, и ты скажи, скажи ему Новугороду: «А и дай же то Боже, тебѣ ли, Новугороду, вѣкъ вѣковать, твоимъ ли дѣтушкамъ славы добывать, какъ и быть ли тебѣ, Новугороду, во могучествѣ, а твоимъ ли дѣтушкамъ во богатствѣ! — Какъ переставился Замятня Путятичъ, и туто Акундинъ схоронилъ его во сыру землю, а самъ пошелъ войной стоять за исконныхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича.

Во ту пору змѣй Тугаринъ спалъ-почивалъ. А приплылъ онъ, Тугаринъ, отъ Калуги по Окѣ по рѣкѣ, и приплылъ онъ, Тугаринъ, ко городу Ростиславлю за старою данью. Во ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичъ задумалъ женитися, а приговорилъ взять себѣ жену изъ роду князова, у стольнаго князя у Рязанскаго, у Олега Ивановича, его молоду дочь Настасью Олеговну. А и не думалъ и не ждалъ онъ, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, такой бѣды на свой городъ Ростиславль. Да и запросилъ же онъ, злодѣй Тугаринъ, стару дань за всѣ годы старые, а дани-то всей насчитывали стары люди съ три осминыхъ мѣшка съ чистымъ золотомъ, съ чистымъ серебромъ, со камнями самоцвѣтными. Сидитъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ во своемъ терему думу думаючи, бѣду отбываючи. И жаль-то стало ему и молоду княжну Настасью Олеговну, и своихъ исконныхъ слугъ Ростиславичей. Коли дань платить, такъ и свадьбѣ не быть. Во ту пору приходитъ во его высокъ теремъ, ко молоду

князю Глѣбу Олеговичу, старый посадникъ Юрья Микитичъ, и бьетъ ему старый посадникъ большимъ челобитьемъ, а самъ вымолвляетъ такovy рѣчи: «Ты гой еси, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, наше свѣтлое солнышко! Не прикажи рубить-казнить, а прикажи слово вымолвить?» И билъ на томъ челомъ молоду князю старый посадникъ. Какъ возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ:—А и гой еси ты, старый посадникъ Юрья Микитичъ! Не придумалъ ли ты душки, какъ бѣду отбыть? — «Не кручинься, нашъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ,» молвилъ Юрья Микитичъ. «Велика Божья милость до вѣку, сильны твои исконныя слуги по всей землѣ. Отбывали въ старину не тѣ бѣды великія, а эта бѣда не бѣда. Повели только посла снарядить съ хлѣбомъ съ солью да съ ласковымъ словомъ, и дѣло уладится.»—Будь по твоему, какъ придумала голова твоя умная,—молвилъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ. И билъ челомъ молоду князю на ласковомъ словѣ старый посадникъ Юрья Микитичъ. •

Идетъ—не идетъ старый посадникъ Юрья Микитичъ на площадь. Шуба-то на немъ соболіная во сто рублевъ, а то данье стараго князя Олега Одельковича; шапка-то на немъ корабликомъ во двадцать рублевъ, а то данье старой княгини Настасьи Ивановны; какъ на шубѣ-то пуговицы вальшаты серебряны во десять рублевъ, а то данье молода князя Глѣба Олеговича; какъ на стару посаднику, у того ли Юрья Микитича, гривна золотая, что и цѣны ей нѣтъ, а то данье стольнаго князя Рязанскаго Олега Ивановича; какъ на шубѣ-то у Юрья Микитича камка Цареградская, что и цѣна-то ей у молода князя въ казнѣ, а то данье стольнаго князя Московскаго Дмитрія Ивановича; какъ на шубѣ-то у Юрья Микитича обошелъ поясъ узорчатой со камнями, что и цѣна-то ему у молода князя въ казнѣ, а то данье молодой княжны Рязанской Настасьи Ивановны. Какъ сталъ старый посадникъ Юрья Микитичъ посередъ площади во своемъ ли во нарядѣ, а ставши на всѣ стороны поглядываетъ, сѣду бородушку поглаживаетъ, а самъ ни словечка не молвить.

Во ту пору Старчище у княжа двора бьетъ во набать, а пробивши одинъ разъ бьетъ и въ другой, а пробивши въ другой разъ бьетъ и въ третій. Во ту жь пору бирючи кланчъ кланкали по всему городу

по Ростиславлю. Идетъ миръ крещеный, кто на конѣ, кто самъ о себѣ. Какъ увидалъ старый посадникъ Юрья Микитичъ народъ Божій вокругъ себя, такъ и давай кланяться на всѣ стороны, а кланявшихся сталъ слово вѣстное говорить: «А и гой еси вы, исконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича! Вѣдомо вамъ стало, что подъ нашъ столичный градъ Ростиславль пришелъ войной лютый змѣй Тугаринъ за старой данью?» На его-то слово вѣстное, стара посадника Юрья Микитича, били челомъ старъ и младъ, и говорили всѣ во едину рѣчь:—Вѣдаешъ, родимый, бѣду неминучую, и что придумаетъ твоя голова умная, такъ тому и быть.—Туту старый посадникъ Юрья Микитичъ присамился, да и сталъ грозну рѣчь говорить: «А и гой еси вы, исконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича! Ваши-то стары старики силы не спрашивали, сами бѣды отбывали. Да за то и жаловалъ ихъ старый князь. Какъ съѣзъ на столѣ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, такъ вы и головушки не клоните, какъ отбыть бѣду неминучую. Али вамъ лучше въ ордѣ жить полонниками? Не хочу болѣй посадничать и печаловать миромъ крещеными!» И молили люди посадскіе его, стара посадника Юрья Микитича, порады и печаловаться за миръ крещеный. И туту молвилъ имъ Юрья Микитичъ: «Ну, инъ быть такъ! Стану по старому посадничать, отбуду бѣду неминучую. Только слушайте, люди посадскіе: сварялить казну княжую, да пристроить хлѣбъ-соль на поклонъ люту змѣю Тугарину!» На ту-то рѣчь грозную стара посадника Юрья Микитича били челомъ старъ и младъ, и говорили всѣ во едину рѣчь:—Сварядимъ тѣ, родимый, княжую казну, пристроимъ хлѣбъ-соль на поклонъ люту змѣю Тугарину, только отбудь бѣду неминучую!—И на томъ кланялись Ростиславичи.

Бьетъ Старчице у княжа двора во набать, а бивши растворялъ тесовы ворота на обѣ стороны, а самъ сталъ на особицу. Во ту пору вдетъ—не идетъ со красна крыльца княжова старый посадникъ Юрья Микитичъ пословъ радить. Бирючи по городу разбѣгались, а сами кличуть кличъ на княжой дворъ. Идетъ миръ крещеный изъ всѣхъ домовъ, кто на конѣ, кто самъ о себѣ. Идутъ на княжой дворъ послы наряженные съ хлѣбомъ-солью. А молодой князь Глѣбъ Олеговичъ во высококомъ теремѣ сидитъ, думу думючи, бѣду отбывючи: вишь жаль ему стало исконныхъ слугъ. Какъ собрался народъ Божій на княжой дворъ, и старый посадникъ Юрья Микитичъ

посламъ наряженнымъ стать наказъ чинить: «Гой еси вы, послы наряженые! Повелѣлъ вамъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ пойти съ хлѣбомъ-солью челоуъ бити люту змѣю Тугарину и словомъ ласковнымъ миръ урядити. Коли будетъ миръ да любовь со Тугаринымъ, напишите записи поручныя; коли дѣло пойдетъ на брань, киньте грамоты разбитныя. А ино все будетъ по старому, а дани не дадимъ!»»

Бьеть Старчище у княжа двора во набать. Идутъ послы наряженые изъ городу. Во ту пору лютый змѣй Тугаринъ пробуждается, а самъ на городъ посматриваетъ:—Коли чествомъ старой дани не дадутъ, такъ ужъ весь городъ затоплю!—Подходить послы наряженые ко круту бережку, не дошедши до крута бережка бьютъ Тугарину большимъ челобитьемъ, а сами молвать: «Ты гой еси, воевода грозенъ змѣй Тугаринъ! Не топи нашъ стольный городъ Ростиславль, а прійми хлѣбъ-соль отъ молода князя Глѣба Олеговича, да подари словомъ привѣтливымъ пословъ наряженныхъ!»—Давно бы такъ!—возговорить Тугаринъ,—спасибо на хлѣбѣ и на соли молоду князю Глѣбу Олеговичу; спасибо и на большомъ челобитьѣ посламъ наряженнымъ! — И принималъ Тугаринъ отъ пословъ наряженныхъ хлѣбъ-соль молода князя Глѣба Олеговича, а принявши съѣлъ за единъ разъ.—Коли вы послы наряженые,—молвилъ Тугаринъ,—присланы миръ урядити, такъ урядимъ первую рѣчь о старой дани.—Кланялись послы наряженые, а кланявшисъ говорили во едину рѣчь: «Миръ готовы урядити: на то мы и послы наряженые, а дани не вѣдаемъ за собой.»—Какъ вы, смерды Ростиславичи, дани за собой не вѣдаете?—заговорилъ грозну рѣчь змѣй Тугаринъ;—припомните-ка по записямъ поручнымъ, сколько потагло за вами?—И тому-то слову изоймаючи, выступаетъ дьякъ Чоботокъ на особицу, да развернулъ записи поручныя и по тѣмъ записямъ свель, что долъ съ Ростиславичей изстари поконченъ, и отъ дани такожде слобождены на всѣ вѣки грядущіе. И на томъ дьякъ Чоботокъ ставилъ свою рѣчь. Да ту жъ рѣчь опослѣй вымолвляла и послы наряженые.—Ой вы, смерды Ростиславичи! Позабыли все старое,—говорилъ посламъ наряженнымъ змѣй Тугаринъ;—знаю я, сколько за вами приходится старой дани; знаю я, сколько потагло дани за вашими отцами; знаю я, сколько приряжено дани за вашими дѣдами, опричь того старой голдовщины и мостовщины съ Оки рѣки, что идетъ въ Золоту орду.

Ужъ коли миру быть, такъ насыпьте всѣ три мѣшка „съ краями полными“) полны. И вы насыпьте во одинъ мѣшокъ чиста золота, —то дань за себя; и вы во другой мѣшокъ кладите чиста серебра, —то дань за вашихъ отцовъ; и вы во третій мѣшокъ уберите каменья самоцѣтныхъ,—то дань за вашихъ дѣдовъ. Безъ того и миру не быть. Ужъ коли рать поведу, то затоплю вашъ городъ Ростиславль, погублю вашъ родъ со дѣтьми и внучатами, а женъ вашихъ въ орду продамъ! — На тѣ угрозы небывалыя послы наряженные не знали не вѣдали, какой отвѣтъ чинить. Одинъ дьякъ Чоботокъ на ту пору догадавсь былъ, онъ догадавшись просилъ у змѣя Тугарина показать мѣшки во городѣ во Ростиславль: да потомужъ ему нужно вымѣрять, кому сколько придется со двора насыпать въ мѣшки.—А и ты-то посолъ, а и ты-то умная голова, а и тебѣ-то даю мѣшки!—говорилъ Тугаринъ дьяку. На тѣ-то рѣчи посульныя дьякъ и руки протянулъ, и мѣшки прибралъ. «Ладно,» думаетъ дьякъ про себя: «безъ мѣшковъ-то не во что будетъ и дани собирать. Скороуи бы ихъ въ банѣ смечь, да на вѣтеръ пустить.» И спросили послы наряженные его, змѣя Тугарина: коли не хочеть безъ дани миръ урядить, ино бы разиѣняться и грамотами разметными? А змѣя Тугаринъ молвить имъ:—Кабы вы присланы были не послами уряженными, такъ бы васъ всѣхъ съѣлъ за одинъ разъ!—И клали послы грамоты разметныя на круть бережокъ, а клавиши приговаривали: «А будь на порушителя въ записи поручной судъ Божій!» И тѣмъ-то рѣчамъ змѣй вѣры не ималъ: онъ злодѣй держится еретичествомъ.

Идутъ послы ко городу, ворота растворяются, входятъ послы на княжой дворъ, бѣтъ Старчище во набать. А и туто на княжомъ дворѣ встрѣчалъ ихъ, пословъ наряженныхъ, старый посадникъ Юрья Микитичъ. Ему-то послы наряженные били челомъ и повѣдали рѣчи отъ змѣя Тугарина. На ту пору дьякъ Чоботокъ клалъ три мѣшка предъ старинимъ посадникомъ предъ Юрьемъ Микитичемъ, а положивши говорилъ свою рѣчь: «А и выманялъ я тѣ мѣшки у змѣя Тугарина, во что онъ, собака, дань собираеть: а безъ нихъ-то онъ,

*) Полнымъ?—О.

собака, не будетъ знать, сколько со города Ростиславля данн по-
тигло.» И на той своей рѣчи Чоботокъ билъ ему, посаднику, боль-
шимъ челобитьемъ. Какъ глянулъ старый посадникъ на тѣ три
мѣшка, такъ отъ страха и не вѣсть, что съ нимъ содѣялось: вынъ
жалъ ему стало княжой казны. ««А постой ты, дьякъ! А и негоди
ты, дьякъ!»» кричить старый посадникъ Юрья Микитичъ. ««А и
ты то, дьякъ, злой еретикъ, за одно съ Тугаринимъ держишься ере-
тичества; а и знаю я, какъ тебе со бѣда свѣта согнать! А и бе-
рите вы, люди посадскіе, того дьяка за его бѣлы руки, опускайте
вы того дьяка во всѣ три мѣшка, а и несите вы того дьяка ко змѣю
Тугарину!»» По сказанному, какъ по писанному, хватали его, дьяка,
подъ бѣлы руки, опускали его, дьяка, во всѣ три мѣшка, и пе-
несли его, дьяка, ко змѣю Тугарину. Какъ принесли его, дьяка, ко
круту бережку, какъ заглянули Тугарину во глаза, такъ и дай же
то Боже ноги бѣжать. И онъ, дьякъ Чоботокъ, на ту пору догад-
ливъ былъ: давай мѣшки глотать, свѣту Божьяго искать. Какъ про-
ѣдалъ онъ единъ мѣшокъ, два зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ вто-
рой мѣшокъ, три зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ третій мѣшокъ,
всѣ пять сломалъ. И увидалъ онъ, дьякъ Чоботокъ, крутъ бере-
жокъ, а возлѣ бережка змѣя Тугарина, да и давай себѣ молить:
«Гой еси ты, дядюшка, змѣя Тугаринъ молодой! А и выслушай мое
челобитье не мало: а и злой-то посаднице, старой Юрья Микити-
тища, не сонзвояетъ тебѣ платить стару дань; ужъ и онъ ли, ста-
рой Микитища, насмѣячись надъ тобою, завязалъ меня, дьяка, во
всѣ три мѣшка, будто за твою, дядюшка, грѣхи; а и билъ меня, ко-
лотилъ меня, все, родимый дядюшка, за тебя; а ты, де, дьякъ, съ
Тугаринимъ за одно.» И не вѣсть, что дьякъ причитывалъ, а Ту-
гаринъ про то не зналъ, не вѣдалъ. И вставалъ Тугаринъ на крутъ
бережокъ, приподнималъ дьяка во мѣшкѣ, а самъ себѣ молвить:—А
и что то за дань во мѣшкѣ? Ни то чисто золото, ни то чисто серебро,
ни то камня самоцвѣтныя.—Какъ развязалъ Тугаринъ мѣшки да за-
глянулъ туда, а тамъ дьякъ сидитъ, а самъ слезно плачетъ.—А и той
дани не надо мнѣ, а и та дань на смѣхъ мнѣ!—кричить змѣя Ту-
гаринъ. И туто Тугаринъ пыталъ его дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю
правду скажи: сколько у молода князя Глѣба Олеговича золотой ка-
зны?—И на то-то дьякъ молвить: «Ай право скажу, ничего не утаю:
лишь вынъ, дядюшка, изъ мѣшка!»—Туто Тугаринъ вынималъ его,

дьяка, шёл шибка, и ставилъ его на особицу. «Золотой-то казны,» поговорить дьякъ, «у молода князя Глѣба Олеговича смѣты нѣтъ, а те злата казна во високомъ теремѣ, въ золотомъ ларцѣ лежитъ; а ключи отъ того золота ларца на рукахъ у стара посадника у Юрья Микитица; а сколько тамъ золотой казны, про то онъ, дьякъ, не вѣдаетъ.» И туто Тугаринъ пыталъ его, дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у молода князя Глѣба Олеговича каменъевъ самоцвѣтныхъ?—«А и право скажу, ничего не утаю: лишь, дядишка, сойди въ Оку рѣку да уйми крутоярыя волны!» И туто Тугаринъ послушавъ былъ: онъ сходилъ съ крута бережка въ Оку рѣку да уймалъ крутоярыя волны. «Каменъевъ самоцвѣтныхъ у молода князя Глѣба Олеговича,» говорилъ дьякъ, «смѣты нѣтъ; а те каменъевъ самоцвѣтныхъ во високомъ теремѣ, во золотомъ ларцѣ лежатъ; а ключи отъ того золота ларца на рукахъ у стара посадника у Юрья Микитица; а сколько тамъ каменъевъ самоцвѣтныхъ, про то онъ, дьякъ, не вѣдаетъ.» И туто Тугаринъ пыталъ его, дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у молода князя Глѣба Олеговича силы ратной?—«А и право скажу, ничего не утаю: лишь, дядишка, окупись въ Оку рѣку да достань бѣлосыпучаго песку!» И туто Тугаринъ послушавъ былъ: онъ окунался въ Оку рѣку, доставалъ бѣлосыпучаго песку, а доставши подавалъ дьяку. «А и вотъ какова сила ратная у молода князя Глѣба Олеговича:» и учалъ дьякъ бѣлосыпучій песокъ по полю розсыпать, а самъ отъ крута бережка утекаячи, ко городу Ростиславлю убѣгаючи. А змѣй-то Тугаринъ думаетъ не то: онъ чаялъ силу ратную сочестъ, а дьякъ собѣ на умѣ, кабы живу домой уйти. И туто Тугаринъ догадался, что дьяку въ обманъ дался, а догадавшись давай Оку рѣку гонять, городъ Ростиславль затоплять. И дьякъ Чоботокъ ко городу прибѣгалъ, въ тесовы ворота стучалъ, а самъ приговаривалъ: «Ай, братцы, пустите скорѣй! Ай, родимые, растворите ворота! Смилился Тугаринъ злодѣй: хочеть онъ, собака, миръ урядить.» На его ли слова вѣстныя тесовы ворота растворялися. Входить онъ, дьякъ, на княжей дворъ, а и бѣгъ онъ, дьякъ, большимъ челобитьемъ: «Ты гои еси, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! Пошли посломъ стара посадника Юрья Микитица ко змѣю Тугарину: хочеть онъ змѣй миръ урядить.» На ту ли рѣчь неожиданую выходитъ со красна крыльца старый посадникъ Юрья Микитичъ, а самъ грозну рѣчь говоритъ:

«А и зелье ты злое, старый дьякъ! А и тебе-то, дьяна, змѣй не брать!» И молягъ его дьякъ выслушать словеса посольскія, а самъ знай себѣ бьетъ большія челоубыица. И туто воевода пріосамился, а дьякъ Чоботокъ правилъ ему словеса посольскія: «Отъ грознаго воеводы змѣя Тугарина слово милостивое стару посаднику Юрью Микитичу; бьетъ челоубъ змѣй Тугаринъ ему, посаднику, до земли и шлетъ ему, посаднику, слово вѣстное: не надо мнѣ ни чиста золота, ни чиста серебра, ни каменьевъ самоцѣпныхъ; а и знаю я тебя за добра челоубка; а ты ли одинъ славень въ ордѣ! Супротивъ стара посадника Юрья Микитича нѣтъ никого; а и съ нимъ-то я миръ поряжу, стару дань слажу; а и пускай онъ самъ о себѣ принесетъ записи поручныя.» И тому-то старый посадникъ вѣру ималъ. А и не зналъ онъ, старый посадникъ, что то дьякъ его забывалъ. Да и дьяку ли вѣру имать? И волчья снасть у дьяка на зубахъ: пулы беретъ, на суды суды ведетъ.

Вотъ и пишетъ онъ, посадникъ, записи поручныя, а самъ наряжается во большой нарядъ, да и идетъ ко змѣю Тугарину самъ о себѣ. Какъ завидѣлъ его Тугаринъ издавоча, такъ и давай себѣ говорить:—А и знаю я, то старый дьякъ идетъ; а и онъ-то опять хочеть въ обманъ ввести, надо мною, змѣемъ, насмѣхаючись.—Во ту пору приходитъ старый посадникъ Юрья Микитичъ, становится на крутъ бережокъ, а самъ вымолвляетъ словеса посольскія, не бивши змѣю челоубъ: «Отъ стара посадника Юрья Микитича слово великое тебѣ ли, змѣю Тугарину; повѣдалъ ты, змѣй Тугаринъ, дьяку, что придумалось тебѣ, Тугарину, миръ урядить, буде старый посадникъ Юрья Микитичъ придетъ самъ о себѣ. Ино ты доброе дѣло задумалъ. А и я-то, старый посадникъ Юрья Микитичъ, а и я-то принесъ записи поручныя.» На тѣ-то слова посадничьи змѣй вѣры не ималъ; а и онъ-то змѣй знай себѣ говорить:—А и знаю я, что ты старый дьякъ; а и тебѣ въ обманъ не дамъ; а и будетъ того, что на первомъ разу неправдой ушелъ!—И туто его, стара посадника, змѣй Тугаринъ съелъ за одинъ разъ. И дьякъ Чоботокъ на ту пору догадливъ былъ: онъ злодѣй во воротахъ за Старчища стоялъ да на стара посадника глядѣлъ. Какъ, де, завидѣлъ онъ, дьякъ, что змѣй Тугаринъ стара посадника съелъ, то и давай себѣ кричать: «Ай, батюшки, бѣда! Ай, родимые, бѣда! Не стало нашего

стара посадника, Юрья Микитича, на бѣломъ свѣтѣ, ужь его ли, роднаго, змѣй Тугаринъ съѣлъ! А и что мы, сироты, будемъ безъ него?» И его дьячьи слова скоро во высокъ теремъ дошли, ко молодому князю Глѣбу Олеговичу. А никто про то во городѣ не вѣдаетъ, а никто про то не знаетъ, что то дьячья стрепня, стара дьяка Чобота.

Бьетъ Старчище у княжа двора во набать. Бирючи по городу рассыпалися, сами кликали кличь на княжой дворъ. И туто молодой князь Глѣбъ Олеговичъ выходилъ изъ высока терема на свой княжой дворъ рядъ рядить, миромъ править. Какъ сталъ онъ, молодой князь, на свое мѣсто показанное, и во ту пору всѣ князья и бояре и весь миръ крещеный становился въ рады: стары люди къ старикамъ, молодые молодцы къ молодцамъ, а князья и бояре тожь по себѣ. И били князю челомъ. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Гой еси вы, князья и бояре, и весь миръ крещеный! Не стало нашего стара посадника Юрья Микитича на бѣломъ свѣтѣ. Ужь вы сами, князья и бояре, придумывайте, какъ бѣду отбыть.» На его слова, молода князя Глѣба Олеговича, князья и бояре и весь миръ крещеный били челомъ, а бывши челомъ говорили всѣ во одну рѣчь: «Вѣдаешь, свѣтлое наше солнышко, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ, про стара посадника Юрья Микитича, что его на бѣломъ свѣтѣ не стало. Не кручинься и не печалуйся ты, наше свѣтлое солнышко, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! Пойдемъ всѣ войной, отъ стара до мала, на змѣя Тугарина, и положимъ всѣ свои животы за тебя, наше свѣтлое солнышко!» И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Спасибо вамъ, князья и бояре, и весь миръ крещеный! Порадѣю за васъ на своемъ столѣ. Коли войной бѣду отбывать, такъ и я иду съ вами!» И били челомъ всѣмъ миромъ молодому князю Глѣбу Олеговичу.

Бирючи по городу рассыпалися, кликали кличь на большу войну. Напередъ идти ко княжу двору стрѣлецкая дружина, со топорами, со рогатинами, да со большими копыями; а за ними шли стары старики, кто на конѣ, кто самъ о себѣ; а далѣй шли молодые молодцы всѣ во ратныхъ доспѣхахъ: со стрѣлами, со колчанами, да со большими мечами. Какъ на тѣхъ ли, молодыхъ молодцахъ, одно-

рядочки шелковы, всё узорчаты; какъ на тѣхъ ли, молодынхъ молодцахъ, шапочки боярковы, всё корабликами; какъ у нихъ ли, молодыхъ молодцовъ, свѣхи ратны словно жаръ горять. Какъ и тѣ ли, молодые молодцы, головкой помахиваютъ, шапочки побрасываютъ, а сами говорятъ: «А и дай же то Боже, суетата поборать, за молодца князя постоятъ! У насъ ли молодой князь Глѣбъ Олеговичъ воеводою большой, наряжался во походъ со тремя полками. Какъ во первомъ-то полку все дружина удалая, стары копейщики. Какъ и первой-то полкъ ведетъ самъ боярской сынъ, молодой стрѣлецъ; какъ и второй-то полкъ ведетъ самъ княжечекъ сынъ, молодой боецъ; какъ и третій-то полкъ ведетъ старый бояринъ, стрѣлецкая голова. Какъ у тѣхъ ли у полковъ вѣдетъ напередъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ. Порадѣйте, братцы молодцы, суетата поборать, за молодца князя постоятъ!» Сходилася-собиралася рать ко княжу двору. Какъ и ту ли рать уряжалъ старый бояринъ, стрѣлецкая голова. Предъ нимъ дьякъ читаетъ грамоты урядныя, кому быть головой во первомъ полку. Доставалось быть головой сыну боярскому, тому сыну боярскому Данилѣ Ивановичу. Какъ доставалось быть головой во старомъ *) полку сыну княжечекъ, тому Микитѣ Ивановичу, молодому боецу. Какъ во третій полкъ приговорилъ быть себѣ старый бояринъ, стрѣлецкая голова, онъ ли Неждакъ Борисовичъ. И становилъ онъ, старый бояринъ, всё полки на особицу: напередъ урядилъ большой полкъ старинныхъ стрѣльцовъ; далѣй того выводилъ середній полкъ молодыхъ молодцовъ; а послѣй того становилъ сторожевую рать старинныхъ стариковъ. У большева-то полка, что у значечка стрѣлечкова, стоялъ молодой княжечекъ сынъ, то меньшій сынъ стара князя Олега Омельничя. А урядивши рать, во терема высокіе пошелъ старый бояринъ къ молодцу князю Глѣбу Олеговичу вѣтъ подать. Бѣтъ Старчище во большой набатъ. Идетъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ изъ высока терема, садится онъ на крутояраго **) коня. Конь подъ нимъ воздымается выше лѣсу стоячева, выше облака ходячева; а и молодой князь бѣтъ того коня по крутымъ бедрамъ: конь подъ нимъ смиряется, клонитъ голову до земли, а самъ побытомъ въ землю бѣтъ. Какъ на молодцу ли князю на Глѣбу Оле-

*) Во второмъ?—**) Любопытный эпитеъ, нигдѣ у народа не встрѣчающійся.—О.

говичу былъ ратный сбруй, богатырской: колчанъ съ каленой стрѣлой, дѣдовской, да мечъ кладенецъ его батюшки родимаго. И повелъ онъ, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, на войну рать стрѣлецкую, да другу рать молодыхъ молодцовъ; а третью рать старинныхъ стариковъ урядилъ во городѣ сидѣть; а городомъ вѣдать указалъ ли тому старому боярину, стрѣлцкой головѣ Неждану Борисовичу.

Не грозна туча во широкомъ полѣ подымалася, не полая вода на круты берега разливалася: а выводилъ-то молодой князь Глѣбъ Олеговичъ рать на войну. Какъ прочуалъ змѣй Тугаринъ рать немирную, и началъ мутить Оку рѣку широкими хвостомъ. Широка Ока рѣка возмутилася, круты берега рассыпалися, мутна вода разливалася. Нельзя къ змѣю подойти, нельзя змѣя войной воевать. Широко поле Рязанское, а негдѣ рати стать. На широкимъ поляхъ кони не стоять, на круты холмы вода взошла. На ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичъ догадивъ былъ: онъ вынималъ изъ колчана калену стрѣлу, натягивалъ тетивочку шелковую, а самъ приговаривалъ: «Ты лети, лети, моя калена стрѣла, да прямо во Тугарина! Ты угоди, моя калена стрѣла, во его во правой глазъ! Ты прострѣли, моя калена стрѣла, его недобрый глазъ!» Стрѣла была тетивка, взвыла да полетѣла калена стрѣла. И угодила калена стрѣла его, Тугарина, да во правой глазъ. Отъ того ли боя великаго, отъ того ли стрѣла могучаго не стало права глаза у Тугарина, того ли глаза недобраго. — А и знаю я, чья та недобрая стрѣла, а и знаю я, кто ту недобру стрѣлу пускалъ, — возговорить Тугаринъ. — И ты, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, не води рати на меня: погублю тебя во твоей молодости, уведу во полонъ твою молодую княжну Настасью Ивановну во ту ли Золоту орду! — На его-то змѣя слова известныя молодой князь Глѣбъ Олеговичъ ни словечушка не молвить, ни отповѣди не чинить. Только молодые молодцы сабельками помахиываютъ, его Тугарина на смертну рать зовуть. И туто стрѣлецка рать въ обходъ пошла, Тугарина полонить, его, змѣя, живота лишить. На ту пору Тугаринъ догадивъ былъ: онъ Оку рѣку переймалъ, на стрѣлецку рать пускалъ; и стало стрѣльцамъ не въ ночь.

На высоко солнце по поднебесью восходило, не румяная заря въ широкомъ полѣ растилалася: а выходилъ то молодой Акудинъ. И

видитъ онъ, Акундинъ, что Рязанцамъ стало не въ мочь, и припало у него, Акундина, желанье постоять войной за молода князя Глѣба Олеговича. Сомнаеть онъ, Акундинъ, съ крута бедра свой мечь кладенець, беретъ съ могуча плеча свой тугой лукъ, а достаетъ изъ колчана калену стрѣлу. Натягиваетъ тетивочку шелковую, а самъ приговариваетъ: «Ты лети, лети, моя калена стрѣла, да во того ли змѣя Тугарина, да во его ли буйну голову! Ты разбей, разбей, моя калена стрѣла, буйну голову Тугарина!» Спѣла была тетивка, взвыла да полетѣла калена стрѣла. И угодила калена стрѣла его, Тугарина, да во самую буйну голову. И во ту пору онъ, собака Тугаринъ, догадливъ былъ, и онъ учалъ молить: — А и гой еси ты, молодой Акундинъ изъ Нова-города! А и бери ты сколько хошь золотой казны, а и бери ты болѣй того каменьевъ самоцвѣтныхъ, лишь возьми, возьми свою калену стрѣлу: а и твоя-то калена стрѣла сгубила меня, молодца, до вѣку. — И его-то, Тугарина, онъ, Акундинъ, не слушаетъ; и его то, Тугарина, онъ еретичество разрушаетъ, а разрушивши его еретичество, идетъ ко круту бережку. Во ту пору Ока рѣка въ круты берега собиралася, на днѣ Оки рѣки желты пески воздымались. И беретъ онъ, Акундинъ, мечь кладенець, разсѣкаетъ его, Тугарина, на сорокъ сороковъ: и отъ того онъ, еретикъ Тугаринъ, дотолѣ и живъ былъ.

Во ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичъ съ диву дивовалася, а самъ со боярами говорить: «А и что то за невѣдомъ человекъ? А и какъ Ока рѣка въ круты берега собиралася? А и какъ змѣя Тугарина на бѣломъ свѣтѣ не стало? Не ужь-то и бѣда миновала надъ стольнымъ нашимъ городомъ?» И посылаетъ онъ посла къ Акундину, а велитъ ему, послу, спросать: «Ты скажи, невѣдомъ человекъ: откуда родомъ ты? Какъ звать тебя по имени и какъ величать тебя по изотчеству?» А допросивши, молвить: «Молодой князь Глѣбъ Олеговичъ бьетъ тебѣ, молодцу, большіимъ челобитьицею,» а справивши большое челобитьице звать его, молодого молодца, во высокъ теремъ хлѣба-соли кушать да бѣлыхъ лебедей рущать. Идетъ посоль къ Акундину, а не дошедъ поклоняется, а самъ исправляетъ словеса посольскія: «Отъ стольнаго князя Глѣба Олеговича къ тебѣ, молодцу, слово великое; повелѣлъ стольный князь Глѣбъ Олеговичъ тебя спросать: откуда родомъ ты? Какъ звать тебя, молодца, по имени и какъ величать тебя, молодца, по изотчеству?» И на ту

рѣчь посольскую Акундинъ отвѣдь чинить: — А и спасибо стольному князю Глѣбу Олеговичу на его словѣ ласковымъ, а и про его свирость я самъ скажу. — И справляя посольгъ ему, Акундину, большое челобитьице, и звалъ его, молодого молодца, во высокъ теремъ хлѣба-соли кумать да бѣлыхъ лебедей рушать. Идетъ онъ, Акундинъ, ко городу ко Ростиславлю. Тесовы ворота растворяются, а на встрѣчу ему выходитъ весь міръ крещеный да со большими челобитьицемъ. Входитъ онъ, Акундинъ, на княжой дворъ, а туту ему князья и бояре правятъ большое челобитьице отъ молодца князя Глѣба Олеговича, и ведутъ его, Акундина, во высокъ теремъ за его бѣлы руки. Входитъ онъ, Акундинъ, во высокъ теремъ, и туту ему, Акундину, велику славу поютъ. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Ты скажи, скажи скорѣй, молодой молодець: какъ зовутъ тебя по имени и какъ величаютъ по изотчеству?» На то-то слово прѣвѣтливое вымолвляеть Акундинъ: — Родомъ я изъ Новгорода, со посадской стороны; зовутъ меня Акундинъ Акундиннычъ. — А молвивши, бѣгъ Акундинъ князю челомъ. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Отъ всего міра крещенаго, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ быють тебѣ, молодому молодцу, челобитьицемъ.» На тѣ-то слова княженецкія, отъ всего міра крещенаго, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ выходитъ тысяцкій съ хлѣбомъ-солью: ««Ты прійми, прійми, добрый человекъ, большое челобитьице отъ всего міра крещенаго, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ.»» А молвивши тысяцкій подносилъ ему, Акундину, хлѣбъ-соль. И кланялся Акундинъ всему міру крещевому, всѣмъ исконнымъ слугамъ на хлѣбъ на соли. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Отъ всѣхъ князей и боярь, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ быють тебѣ, молодому молодцу, челобитьицемъ.» На тѣ-то слова княженецкія, отъ всѣхъ князей и боярь, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ выходитъ тысяцкій со шубой соболіною: ««Ты прійми, прійми, добрый человекъ, большое челобитьице отъ всѣхъ князей и боярь, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ.»» А молвивши тысяцкій подносилъ ему, Акундину, шубу соболіную. И кланялся всѣмъ князьямъ и боярамъ, всѣмъ исконнымъ слугамъ, на даръ великомъ, на шубѣ соболіной. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «За твои ли услуги великія жалую тебя, молодого молодца, цѣнью золотой со гривною.» На тѣ-то слова княженецкія выходитъ тысяцкій со цѣнью золотой и со гривною: ««Ты прійми,

прійми, добрый человекъ, большое жалованье отъ стольнаго князя Глѣба Олеговича.» А молвивши тысящій подносилъ ему, Акундину, золотую цѣпь со гривною. И кланялся Акундинъ большнмъ чело- битыицемъ на великомъ жалованьцѣ молоду князю Глѣбу Олеговичу, а самъ вымолвлялъ:—Ты гой еси, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! Не вели рубить-казнить, а вели слово вымолвить: велика милость Божья до вѣку, широко твое княженье Рязанское отъ Оки рѣки до Дону глубокаго, вѣрны твои слуги исконныя на всей землѣ, велико твое княженецкое подареньице! Не мнѣ, Акундину, носить цѣпь золотую, не мнѣ, Акундину, носить цѣпь золотую и со гривною. Есть у тебя, стольнаго князя, князья и бояре: и то-то подареньице князь- амъ и боярамъ. — И дивились князья и бояре мудрымъ словесамъ Акундина. И возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Князь- амъ и боярамъ свой почетъ, а тебя, Акундина Акундиныча, чев- ствую почестью великою за твои ли услуги великия.» И на томъ князь положилъ свою рѣчь. И кланялся Акундинъ большнмъ чело- битыицемъ, а самъ вымолвлялъ:—Ты гой еси, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! А и не было у насъ во посадничествѣ такого подарень- ица, а и не было у насъ во всей посадской сторонѣ такого жало- ваньяица; а и слышалъ я, сказывали люди старые, что во каменной Москвѣ жаловалъ стольный князь Дмитрій Ивановичъ на великъ день своего боярина, что наилучшаго. И ты, осударь, понечалулся о моемъ сѣтованьцѣ, и ты, стольный князь, совзволь принять мое худое нежеланьеице. — И сонмалъ молодой князь Глѣбъ Олего- вичъ со правой руки золотъ перстень со камнемъ самоцвѣтнымъ, и жаловалъ его, Акундина, своимъ подареньицемъ, а самъ вымолвлялъ: «Гой еси ты, добрый молодецъ! Ужъ и видно то, что ты со роди- ной земли Русскія, и знать то по всему, что въ твоемъ горячемъ сердцѣ кипить кровь богатырская, того ли Велика Новгорода по- садничья. А и вы-то, мои слуги исконныя, урядите вы варядъ по всей земли Рязанской, чтобы ему ли, молодцу Новгородскому, Акун- дину Акундинычу, пѣли славу вѣчную.» А и тутю всѣ князья под- ходили по себѣ къ Акундину бити челомъ и обниматися, а опослѣи вымолвляли всѣ во едину рѣчь: «А и будетъ тебѣ, молодцу Ново- городскому, Акундину Акундинычу, пѣть славу вѣчную по всей зем- лѣ Рязанской; а и слава та пойдетъ въ роды родовъ, а во той ли слави будемъ пѣть: сослужилъ ли оиъ, Акундинъ Акундинычъ, служ-

бу великую всей землѣ Рязанской, да и избавилъ я оуъ, Акундинъ Акундинъчъ, городъ Ростиславль отъ полоку великаго, отъ люта злѣя Тугарина.»» А и кланялся оуъ, Акундинъ, на всѣ стороны, а самъ вымолвлялъ: — А не я то сдѣлалъ, а не я те урядилъ: то воля Божья была! Спасибо вамъ, люди добрые, за ваши словеса прѣвѣтливыя. А и дай же то Боже, молоду князю Глѣбу Олеговичу во вѣки на столѣ княжить! А и дай же то Боже, вамъ, исконнымъ слугамъ, ему, молоду князю, до вѣку служить! А и дай же то Боже, всей землѣ Рязанской вѣки вѣковать! — И повели его, Акундина, князя и бояре подъ бѣлы руни во грядицы княженецкія, сажали его, Акундина, за столы дубовые, за скатерти бранныя, за ѣства сахарныя, а посадивши его за дубовы столы, прошали хлѣб-соли кушать, бѣлыхъ лебедей рушать. Пошла пирушка великая, столъ богатый на радостяхъ. А и пиръ-то былъ уряженъ на всѣ три дни: во единомъ пиру пировалъ Акундинъ во грядицѣ княженецкой, у молодя князя Глѣба Олеговича; какъ во другомъ пиру пировалъ Акундинъ во палатахъ посадничьихъ, у князей и бояръ; какъ во третьемъ пиру пировалъ Акундинъ на посадской сторонѣ, у всего міра крещенаго. А опослѣй того пира великаго, выходилъ Акундинъ во высокъ теремъ къ молоду князю Глѣбу Олеговичу прощатися. Возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «А и гои еси ты, добрый молодецъ Акундинъ Акундинъчъ! Какъ и жалъ-то мнѣ съ тобой разстатися! Придумалось мнѣ, молоду князю, поселить тебя на усадьбище немалое, во палатахъ посадничьихъ, а за твои ли услуги великія наградить тебя боярствомъ. А и сталъ бы печаловаться ты по всей землѣ Рязанской, по моимъ исконнымъ слугамъ. Соизволь принять мое жалованьице княженецкое, соизволь занять усадьбище немалое, палаты посадничьи.» И билъ челомъ Акундинъ ему, молоду князю Глѣбу Олеговичу, а самъ вымолвлялъ:—Велика твоя милость княженецкая, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! А и далъ я великъ обѣтъ итти во стольный Кіевъ градъ, да каменну Москву посмотреть. — И молилъ его, молодя князя, чтобы отпустилъ его, Акундина, во стольный Кіевъ градъ побывать, каменну Москву посмотреть. И отпускалъ его молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, а на прощаньицѣ велѣлъ одарить его, Акундина, князьямъ и боярамъ казною княженецкою да хлѣбомъ-солью. И провожали его, Акундина, князя и бояре и весь міръ крещеный вплоть до Оки рѣ-

ки, до его суденышка оснащенного. Какъ и мѣръ-то крещеный ему хлѣбъ-соль подносилъ, а люди—то приговаривали: «Ты прійми, прійми, молодой молодецъ, отъ всего міра крещенаго хлѣбъ-соль на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго.» И кланялся Акундинъ міру крещеному, пріималъ хлѣбъ-соль на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго. Какъ и князя-то со боярами молвятъ ему: «Ты прійми, прійми, молодой молодецъ, изъ казны княженецкой золота и серебра и камня самоцѣтнаго сколько хошь, на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго.» И кланялся Акундинъ князьямъ и боярамъ, а изъ казны княженецкой не бралъ онъ ни золота, ни серебра, ни камня самоцѣтнаго, а только молвить: —А и то-то добро мнѣ, молодцу, не надобно!—

Садится онъ, Акундинъ, на свое суденышко оснащенное, беретъ весельца кленовыя, кладетъ весельца кленовыя во замки дубовыя, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко внизъ по Окѣ рѣкѣ, и плыло суденышко ровно тридцать и три дня, и пришло суденышко ко круту бережку. Сидитъ Акундинъ на кормѣ, а самъ дивуется: «А и что то за великъ городъ стоитъ на круту бережку?» Никто ему, Акундину, ни словечка не скажетъ, никто ему, Акундину, вѣсточка не дастъ. Подымался онъ, Акундинъ, во нарядъ, а поднявшись выходитъ на крутъ бережекъ и идетъ ко тому городу великому. Входитъ онъ, Акундинъ, во тотъ городъ великой, а во томъ городѣ великомъ бѣда учинилася: нападали злы Татарове на тотъ великъ городъ Муромъ, полонили они людей посадскіихъ во полонъ, со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной, того ли воеводы Муромскаго дочь названую. Идетъ онъ, Акундинъ, на воеводской дворъ, ко тому ли двору изукрашенному. Входитъ онъ, Акундинъ, на тотъ дворъ, а тамъ молада боярыня, Аеимья Ивановна, плачетъ-возрыдаеть, а сама въ возрыданьицѣ вымолвляетъ:—Гой еси ты, моя ненаглядная дочь, Настасья Ивановна! Ужь воротись ты, моя лебедь бѣлая, ко своему ли ко родимому батюшкѣ, Неждану Ивановичу, ко своей ли родимой матушкѣ, Аеимья Ивановнѣ, ко своей ли родимой сестрицѣ, Авдотѣ Ивановнѣ! Ты взойди, взойди во свой теремъ изукрашенный! Ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, опустѣлъ твой теремъ изукрашенный. Ты взойди, взойди во палаты бѣлокаменныя, ко своему ли батюшкѣ родимому: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во палатахъ бѣлокаменныхъ нѣту радости, нѣту веселія у тво-

его родимаго батюшки. Какъ и онъ ли, твой родимый батюшка, со тоски со кручивушки хлѣба-соли не кушаетъ, день и ночь возрыдаючи, тебя вспоминаючи; Ты взойди, взойди во теремъ брусчатый; ко своей ли матушкѣ родимой: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во теремѣ брусчатомъ нѣту радости, нѣту веселія у твоей родимой матушкѣ. Какъ и она ли, твоя родима матушка, со тоски со кручивушки позабыла свое вѣжество пригожее, позабыла свое бѣло личико сурмить *), позабыла свои дороги нарядушки радить, день и ночь возрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во вышку рѣшетчатую, ко своей ли родимой сестрицѣ: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во вышкѣ рѣшетчатой нѣту радости, нѣту веселія у твоей родимой сестрицѣ. Какъ и она ли, твоя родима сестрица, со тоски со кручивушки позабыла игры дѣвичьи, день и ночь возрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во своей зеленой садъ, ко своей ли нянюшкѣ: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, опустѣла зеленой садъ, опротивѣла твоя нянюшка. Какъ и твоя-то нянюшка слезно плачетъ, возрыдаетъ, а сама въ возрыданьицѣ слово молвить: Ты раступись, мать сыра земля, ты поглоти меня, мать сыра земля, горько-одинокую! Для кого я взлеглая мою бѣлую лебедушку, красну дѣвицу Настасью Ивановну? Ужь досталась она, родимая, злу Татарченку, бесерменну. Ты раступись, мать сыра земля, ты поглоти меня, мать сыра земля, горько-одинокую! Ты взойди, взойди на свой широкой дворъ, какъ и тамъ ли всѣ твои подруженьки: ужь онѣ слезно плачуть-возрыдаютъ, а въ возрыданьицѣ слово молвить: поднимися ты, туча грозная, по поднебесью, ты заслони, туча грозная, путь-дороженьку злу. Татарченку въ Золоту орду! Ты возстань, возстань, вѣтеръ буйной со полунощи, ту умчи, умчи, вѣтеръ буйной, нашу лебедь бѣлую, молодую подруженьку, свѣтъ Настасью Ивановну, во теремъ изукрашенный! Какъ и безъ тебя ли, наша лебедь бѣлая, приутихли игры дѣвичьи, приумолкли тайны бесѣдушки, нѣту радости въ зеленомъ саду, нѣту веселія среди двора широкаго. Ты взойди, взойди, туча грозная, ты возгрянь, возгрянь, громова стрѣла, да во того ли зла Татарченка, бесерменна!—Какъ во ту пору выходилъ Нежданъ Ивановичъ на свой широкой дворъ

*) Эта выдумка уже не совсѣмъ кстати: лицо вышло бы чернымъ, сузить лишь брови.—О.

унижалъ свою молодую жену, свѣтъ Аонью Ивановну. Какъ и онъ ли, Нежданъ Ивановичъ, слезно плачетъ-возрыдаетъ, а въ возрыданьицѣ слово молвить: «Ты не плачь, не плачь, моя молодая жена, свѣтъ Аонья Ивановна! Не руди ты своего бѣла личика, не надсамай своего здоревьца некрѣпкаго. Какъ и безъ того знать по твоему бѣлу личику зау тоску со кручиною; какъ и безъ того знать по твоимъ горячимъ слезамъ бѣду наносную. Сваряжу я рать могучую, опоню ту рать въ Золоту орду немирную, по нашу лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Ты взойди, войди въ извѣчные дома Божьи *): ты пролей, пролей свои горячи слезы ко Создателю!» Какъ и тутъ Нежданъ Ивановичъ подкликалъ сѣнныхъ дѣвушекъ, а самъ приказывалъ: «Ужь и вы ли, сѣнныя дѣвушки! Ведите вы мою молодую жену, свѣтъ Аонью Ивановну, во палаты бѣлокаменны, во теремъ брусчатый. Унижайте вы мою молодую жену отъ слезъ горячихъ, отъ надсадушки великой.» Принимали сѣнныя дѣвушки молодую боярыню Аонью Ивановну подъ ея бѣлы руки и вводили во палаты бѣлокаменны, во теремъ брусчатый, унижали ее, молодую боярыню, отъ слезъ горячихъ, отъ надсадушки великой. Выходилъ Нежданъ Ивановичъ на свой широкой дворъ ко воротичкамъ тесовымъ, ко рѣшеточкѣ золотенькой, а самъ выговаривалъ: «Гой еси вы, добры Муромцы и весь миръ крещеный! Вѣдомо вамъ, добры Муромцы, что на нашъ славный городъ Муромъ напала Золота орда немирная, полонила та Золота орда немирная великъ полонъ изъ людей посадскихъ, со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной.» Какъ и тутъ все добры Муромцы и весь миръ крещеный били ему, Неждану Ивановичу, великіимъ челобитьемъ, а сами во одну рѣчь вымолвляли: — Вѣдаемъ мы, люди посадскіе, про горе великое, про нежданъ полонъ. Какъ и та ли Золота орда немирная полонила нашихъ дѣтушекъ со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной. Ужь и ты ли, нашъ могучъ воевода, славной бояринъ Нежданъ Ивановичъ, придумай-пригадай: какъ воротить изъ полону нашихъ дѣтушекъ? Ужь у насъ ли, людей посадскихъ, не стало ума-разума со великой бѣды; ужь у насъ ли, людей посадскихъ, опустились бѣ-

*) Кажется, сочинитель счелъ эти „извѣчные дома“ за храмы и церкви, между тѣмъ какъ это были богадѣльни и больницы.—0.

лы руки со кручинушки, да и нѣтъ силъ при старости, да и нѣтъ крѣпости во великомъ сиротствѣ. — Какъ возговорить тутъ Нежданъ Ивановичъ: «Порадѣйте, добры Муромцы, взнять изъ Золотой орды мою лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Награжу я того золотой казной, надѣлю я того золотой парчей, кте воротитъ мою лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Будетъ старъ человекъ, — и я того буду чтить во стѣ; будетъ молодой молодецъ, — и я награжу того Настасей Ивановной со великимъ приданымъ.»»

Во ту пору онъ, Акундинъ, стоялъ у воротичекъ тесовыхъ, у той рѣшеточки золотенькой. И жалъ ему стало добрыхъ Муромцовъ, а жалчѣй того воеводы Муромскаго. Со того ли со жалѣнья возговорить онъ, Акундинъ: «Ты гой еси, воевода Муромскій, славной бояринъ Нежданъ Ивановичъ! Прикажи мѣ, молодому молодцу, нагонять Золоту орду немирную, ослободить изъ полону крѣпкаго людей посадскіихъ да твою дочь названую Настасью Ивановну?» Какъ и туто ли возговорить Нежданъ Ивановичъ: ««Нагоняй ты, молодой молодецъ, Золоту орду немирную, выручай ты изъ полону крѣпкаго людей посадскіихъ да мою лебедь бѣлую Настасью Ивановну. Награжу я тебя золотой казной, надѣлю золотой парчей и отдамъ за тебя лебедь бѣлую Настасью Ивановну со великимъ приданымъ.»» И давалъ Акундинъ великъ обѣтъ нагнать Золоту орду немирную, ослободить изъ полону крѣпкаго людей посадскіихъ да названу дочь Настасью Ивановну. Какъ и туто наряжались во нарядъ добры молодцы Муромцы, а съ ними молодой бояринъ Заматня Микитичъ, того ли воеводы Переславскаго сынъ названный. И надѣлялъ его, Акундина, онъ, воевода Муромскій, славный бояринъ Нежданъ Ивановичъ, хлѣбомъ-солью на путь-дороженьку. На восходѣ солнца свѣтлаго, на ранней зарѣ утренней, выходилъ Акундинъ изъ славнаго города изъ Мурома нагонять Золоту орду немирную. Какъ за нимъ ли, Акундиномъ, выходилъ молодой бояринъ Заматня Микитичъ со дружиной Муромской. Подходить онъ, Акундинъ, ко круту бережку, садится на свое суденышко оснащенное, беретъ весельца кленовыя, кладетъ весельца кленовыя во замки дубовыя, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко внизъ по Окѣ по рѣкѣ, а за тѣмъ суденышкомъ плывутъ лодочки Муромски. Ёдетъ онъ, Акундинъ, день, ѣдетъ и другой, а на третій завидѣлъ Золоту орду немирную на круту бережку. Какъ и туто злы Татарове полонъ дѣлать: доставалась ле-

бадь бѣлая Настасья Ивановна злу Татарченку, стару бесерменну. Какъ и она ли, лебедь бѣлая Настасья Ивановна, слезно плачеть-возрыдаеть, а сама во слезахъ слово молвить: — Ужь и ты ли, баюшка родной мой! Не жалѣй золотой казны, выкунай меня изъ Золотой орды немирныя, изъ полоу крѣпкаго. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменну. Ужь и онъ ли, злой Татарченокъ, урядилъ на единъ день три дѣльца дѣлать: какъ и первое-то дѣлцо—ого, стара бесерменна, нонть-кормить; какъ и другое-то дѣлцо—ого, стара бесерменна, качать-прибаюкивать; какъ и третье-то дѣлцо—ого, стара бесерменна, стеречь бѣлоярова *) коня. Ужь и ты ли, матушка родная моя! Не жалѣй золотой казны, выкунай меня изъ Золотой орды немирныя, изъ полоу крѣпкаго. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменну. Ужь и онъ ли, злой Татарченокъ, на единъ день меня по три раза бѣеть за вины небывалыя: какъ и первая-то вина—не велить мнѣ долго спать; какъ и другая-то вина—не велить цвѣтное платье носить; какъ и третья-то вина—не велить русу косу носить. Ужь и ты ли, родная сестрица моя! Не жалѣй ты золотой казны, выкунай меня изъ Золотой орды. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменну. Ужь и онъ ли, злой Татарченокъ, на единъ день по три раза журить-бранить: какъ и первое-то журить-бранить — не велить родимую сторонушку вспоминать; какъ и другое-то журить-бранить—велить отца съ матерью забыть; какъ и третье-то журить-бранить—не велить тебя сестрой называть. — Какъ и тутъ ли онъ, Акундинъ, выходилъ на круть бережокъ, доставалъ калену стрѣлу, натигивалъ тетивочку шелковую и пускалъ свою калену стрѣлу во того ли зла Татарченка, стара бесерменна. Какъ его-то, братцы, калена стрѣла полетѣла въ Золоту орду, и налетѣла, братцы, его калена стрѣла прямо во того ли зла Татарченка, стара бесерменна. Дотогѣ онъ злой Татарченокъ и живъ былъ. Во ту пору злы Татарове осержались, а и хотѣть его, Акундина, съ душой съ животомъ разлучить. Какъ и онъ ли, Акундинъ, вынималъ свой мечъ кладенець, да учалъ рубить Золоту орду немирную. Бѣеть онъ, Акундинъ, Золоту орду единъ день, и той орды кабы на половину стало; бѣеть онъ Золоту орду и дру-

*) Бѣлоярая—у народа пшевица, которой кормить коня; но „бѣлояраго коня“ не слыхано.—О.

гой день, и той орды кабы треть осталась; бьетъ онъ Золоту орду и третій день, и той орды кабы не бывало. А добивши онъ Золоту орду, выручалъ людей, посадскихъ со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной изъ полону крѣпкого и снаряжалъ онъ тѣхъ полоняниковъ во нарядъ ко славному городу Мурому, со тѣмъ ли молодымиъ бояримиъ Замятнею Микитичемъ.

Пошли тѣ Муромцы по круту бережку, а онъ, Акундинъ, садился на свое суденышко оснащенное, да и поплылъ по Окѣ по рѣкѣ, къ тому ли славному городу Мурому. Бьетъ онъ, Акундинъ, день, ѣдетъ и другой, а во ту пору идетъ-плыветъ на встрѣчу ему друга орда немирная. Какъ и туто злы Татарове окружали его суденышко оснащенное, а и требовали они, злы Татарове, дани великой. На ту пору денегъ съ Акундиномъ не случилось: только было съ нимъ сто рублей дробныхъ денежекъ. И спрашалъ Акундинъ ту орду немирную: «А и что та за дань великая? А и кому та дань идетъ? А и кто у васъ большой-набольшой?» И туто злы Татарове промовляли: «Дани-то великой потягло на всѣ лодочки, а и та дань идетъ въ Большу орду Астараканскую, ко тому ли славну Татарину Тугарину.» И на тѣ-то рѣчи отвѣтныя Акундинъ вынулъ свой мечъ кладенецъ, а самъ промовлялъ: «А и та ли Ока рѣка ему въ отчину досталась, и онъ-то, Акундинъ, собираетъ по Окѣ по рѣкѣ со всѣхъ лодочекъ голдовщину и мостовщину.» И туто Акундинъ учалъ со той орды Астраканской насчитывать велику дань за голдовщину и мостовщину: а и той-то дани выходило со сто рублей. А и она-то, злы Татарове, хотять его съ душой съ животомъ разлучить. Не долго думалъ Акундинъ, да и давай рубить ту орду Астраканскую. На право мечешъ махнетъ,—кабы тутъ орды не бывало; на лѣво мечешъ махнетъ,—кабы пусты лодочки червѣются. Билъ Акундинъ ту орду Астраканскую цѣлыхъ три дни, а добивши ставилъ по Окѣ по рѣкѣ заставы крѣпкія. И туто онъ, Акундинъ, поѣхалъ ко тому славному городу Мурому, ко тому ли воеводѣ Муромскому ко Неждану Ивановичу. Прѣѣжалъ Акундинъ ко тому славному городу Мурому, а во ту пору во Муромѣ радость великая учинилась: тотъ ли славный бояринъ Нежданъ Ивановичъ выдавалъ дочь свою названую Настасью Ивановну за того молода боярина за Замятнею Микитича. Входитъ онъ, Акундинъ, во палаты бѣлокамен-

ныя, а и во тѣхъ палатахъ идетъ пиръ княжой, а и туто за дубовымъ столомъ сидятъ князь со княгинею, молодой бояринъ Замятня Никитичъ со своей ли молодой женой съ Настасьей Ивановной. А туто молода боярыня Аѳимья Ивановна подносила ему, Акундину, чару съ зеленымъ виномъ, а Нежданъ Ивановичъ приговаривалъ: «Гой еси ты, добрый молодецъ! Приими чару зелена вина, а вышей ты чару зелена вина за князя со княгинею!» Прималъ Акундинъ чару зелена вина, выщивалъ чару зелена вина за князя со княгинею. И опослѣй того онъ, Нежданъ Ивановичъ, рѣчь вымолвлялъ. «Не знали мы и не вѣдали, что съ тобой содѣялось. А и думали мы, что тебя въ живыхъ не стало: ни то злы Татары полонили, ни то люты звѣри растерзали. А и тотъ ли Замятня Никитичъ при-сватался за нашу Настасью Ивановну; а мы, не вѣдая тебя въ живыхъ, приговорили: отдать свою лебедушку бѣлую за того ли за Замятню Никитича. Будь хочешь ты, за твои заслуги великія награжу я тебя золотой казной, надѣлю я тебя золотой парчей, а на нашей лебедушкѣ не погнѣвайся.» И билъ челомъ Акундинъ на тѣхъ словахъ вѣжливыхъ, а золотой казны не бралъ, а золотой парчи не сирашивалъ, а бивши челомъ вымолвлялъ: «По моимъ счастьямъ бѣда учинилася: напала орда Астараканская. Избываючи ту орду Астараканскую, не думалъ я и не гадалъ другой бѣды. А и дай же то Боже, князю со княжною *) вѣкъ вѣковать, добра наживать да дѣтушекъ возрастать!» И прощался Акундинъ съ воеводою Муромскимъ, а на прощаньицѣ слово молвилъ: «Не дай же то Боже, во вѣкъ въ Муромѣ бывать, того воеводу Муромскаго видать. А и его-то воеводины слова перелетныя: на посулахъ висить.» И за то-то слово изымаючи, возговорить Нежданъ Ивановичъ: «А и бѣгите сюда, добры Муромцы! Вы гоните его, невѣжу, со двора долой, вы гоните его, мужика, и изъ городу вонъ. А и онъ ли, невѣжа, деревенской мужикъ, смѣлъ свататься за боярскую дочь!»

И пошелъ онъ, Акундинъ, изъ Мурома ко круту бережку, садился на свое суденышко оснащенное, да и плылъ внизъ по Окѣ по рѣкѣ ко столярному городу ко Кіеву. Приплывши онъ, Акундинъ, ко столяр-

*) Княгиней, новобрачною.—О.

ному городу ко Киеву, справлялъ поминочки съ сорочиннами по своємъ родномъ батюшкѣ. На тѣхъ ли поминочкахъ съ сорочиннами сѣдѣли за дубовыиъ столомъ сорокъ Каликъ съ Каликою. И шли—ѣли тѣ сорокъ Каликъ съ Каликою канунъ варенъ по всеѣмъ роднымъ. А опослѣ тѣхъ поминочкѣ одѣлялъ Акундинъ тѣхъ сорокъ Каликъ съ Каликою золотой казной на поминъ души по всеѣмъ роднымъ. Во ту пору выходилъ старый Калѣчище на особицу, и билъ ему, Акундину, челомъ: «Спасибо тебѣ на поминочкахъ, на золотой казнѣ! За твою хлѣбъ-соль великую, за твой канунъ варенъ, повѣдаю твою судьбинушку: тебѣ ли, доброму молодцу, на роду счастье написано — жениться на молодой вдовѣ во чужомъ городе. Не умѣлъ ты, добрый молодецъ, изловить бѣлую лебедушку, такъ съумѣлъ же ты, добрый молодецъ, достать сѣру утицу. Вѣдь твоя-то, сѣра утица, распустила крылушки на крутомъ бережку во большомъ городе, гдѣ палатушки бѣлокаменны, гдѣ ворота красны.» И тому слову двинулся Акундинъ: кабы сходить ко тому городу, гдѣ ворота красны, гдѣ палатушки бѣлокаменные, да сѣру утицу достать? Справивши во Киевѣ все поминочки съ сорочиннами, надѣвалъ Акундинъ на себя платье Калики Перехожаго и пошелъ во путь во дороженьку сухимъ сухопутыицемъ, тою дорогою прямоѣзжею, что потагла отъ Києва прямо на Русь. И тою дорогою прямоѣзжею проходилъ онъ велики города съ пригородочками, а нигдѣ не видалъ тѣхъ воротъ красныхъ со палатушками бѣлокаменными. Ни мало, ни много, ходилъ онъ, Акундинъ, тою прямоѣзжею дорогою ровно три года, а на четвертый годъ подходилъ ко круту бережку, ко незнаму городу ко большому. И видитъ Акундинъ тутъ ворота красны со палатушками бѣлокаменными. Не долго онъ думалъ, да и пошелъ искать по городу сѣру утицу. Ходитъ онъ, Акундинъ, день, ходитъ и другой, а на третій съ насадушки у него, молодца, ретиво сердце надрывалось, бѣлы руки опускались, рѣзвы ноги подкашались. И садился Акундинъ посередѣ торгу со Каликами. А тѣ-то Калики Перехожіе были стары старики, а и пѣли они, стары старики, сказаныица немалыя: про стару старину до про Божіихъ людей. И дарилъ онъ, Акундинъ, ихъ, старыхъ стариковъ, золотой казной, а самъ приговаривалъ: «Гой еси вы, Калики Перехожіе! И вы спойте, стары старики, про каменну Москву, и вы спойте, стары старики, про Великъ Новгород!» И двинулись стары старики на великъ подарочекъ, а сами пронежъ

себя говорить: «А и тотъ великъ подарочекъ не посадекой: ни то отъ князя, ни то отъ боярина, ни то отъ торгова челоуѣка.» И молвить туто старый Калика: — Ой вы, глухие старики! Не ужь-то вы не свѣдали дорогой подарочекъ изъ Новагорода? Не ужь-то у васъ ума-разума не стало? — И пѣли стары старики про каменну Москву, а даѣтъ пѣли про Великъ Новградъ. И за тѣ-то рѣчи старыя дарилъ Акундинъ старыихъ стариковъ золотой казной. И за то-то подареньице пѣли стары старики про него Акундина: «Жиль-былъ Акундинъ, удалъ молодець. А и тотъ добрый молодець удалъ изъ Новагорода со посадекой стороны со торговой. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодець удалъ, на суденышкахъ по Волгѣ по рѣкѣ стары бусы разбивать, животы наживать. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодець удалъ, на суденышкахъ по Волгѣ по рѣкѣ стары бусы разбивать, животы наживать. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодець удалъ, на стружечку по Онгѣ по рѣкѣ отъ полону слобожать, Золоту орду разбивать. Ужь и тамъ ли добрый молодець удалъ зитѣя Тугарина побивалъ, отъ полону городъ слобожать. И за то его, удала молодца, жаловалъ стольный князь со правой руки золотымъ перстнемъ. Какъ и онъ ли, добрый молодець удалъ, отъ полону городъ Муромъ слобожалъ, отъ набѣгу красну дѣвицу изымалъ. Какъ и та ли красна дѣвица душа запоручена была; запоручилъ красну дѣвицу душу батюшка родимой ему, удалу молодцу: — Слобожай ты, добрый молодець удалъ, лебедь бѣлую мою; какъ за то я награжу тебя золотой казной, какъ за то я надѣлю тебя золотой парчей; какъ за то я выдамъ за тебя красну дѣвицу душу дочь названую свою. — Какъ доставалась лебедь бѣлая душа не ему, удалу молодцу; какъ и доставалъ лебедь бѣлую душу молодой боярской сынъ. Ужь и та-ли, лебедь бѣлая душа, ровно три годочка лебедушкой жила, а на четвертой сѣрой утицей пощыла.» Не усилъ стары старики свою рѣчь домолвить, какъ туто восплакала-возыдала молода боярыня Настасья Ивановна, а сама въ возрыданьцѣ слово вымолвила: — Гой еси вы, стары старики! Пріймайте отъ меня, вдовой, мало подааньице. И вы скажите, стары старики: живѣ ли добрый молодець удалъ? — Стары старики пріймали подааньице, а сами промежь себя рѣчь говорить: «А и то-то подааньице не посадекое: ни то княженецкое, ни то боярское.» И туто Акундинъ скидалъ съ себя платѣе Каличье, окликалъ себя Акундинымъ да и билъ че-

ломъ: «А и ты-то, молода боярыня Настасья Ивановна, вспознай меня, Акундина!» И вспознала она, молода боярыня, его, Акундина, а вспознавши говорила таковы рѣчи:—Богъ суди родимаго батюшку! Не поставилъ во память твои заслуги великія, не хотѣлъ породниться съ удалымъ молодцомъ. А нонѣсь волею Божею сталося, что ни батюшки родимаго, что ни матушки родимыя, что ни моего Замятни Микитича нѣтъ у меня. Ровно три годочка живу во вдовствѣ сиротой.—

И билъ челомъ онъ, Акундинъ, молодой боярынѣ Настасьѣ Ивановнѣ во своемъ одиночествѣ, а опослѣй засылалъ сваху съ чело-
битьцемъ. И она-то, молода боярыня Настасья Ивановна, припоми-
наючи его заслуги великія, созывала честныхъ людей, старыхъ
стариковъ, на рукобитьце. А и та-то свадьба была на Вязьмѣ, а
и жить стали на Клязьмѣ на рѣкѣ, во селѣ боярскомъ Замятни Ми-
китича. А и онъ-то, Акундинъ, живучи со своей Настасьей Иванов-
ной, состарѣлся и переставился.

(Оттуда же).

* *
* *

Ш.

ЗАМѢТКА.

А.

Былевое творчество Новгорода глубоко отлично и от древнѣйшаго—Кіевскаго, Владимірова, и от дальнѣйшаго—Московскаго. Объемомъ своимъ оно несравненно уже сихъ обонхъ; не столь богато древнѣйшими стихіями поэзіи, истекшими изъ доисторическаго періода, какъ первое и сравнительно съ нимъ гораздо положительнѣе, историчнѣе, ближе къ исторической дѣйствительности и практичнѣе; за то, сравнительно съ Московскимъ, оно богаче влияніемъ отдаленной старины и не выражаетъ тѣхъ элементовъ государственности, которые часто бросаются въ глаза при изученіи характера Московскаго. Складъ Новгородскаго творчества, его стихъ,—все это ближе къ Кіевскому, не столько—говоримъ—прадревними, часто неуловимыми элементами содержанія и образами творчества, сколько формою, отдѣлкой и языкомъ, явленіями опредѣленной исторической поры творчества: Былина его цѣльнѣе, такъ сказать мужественнѣе и рѣже ниспускается до краткаго женскаго склада Старины, господствующей въ творествѣ Московскомъ и здѣсь часто отрывочной, близкой къ пѣснямъ Безъмяннымъ. Начинаясь съ той же эпохи, какъ творчество Владимірово, съ знаменитаго лица посадника Добрыни, связаннаго съ поэтическими преданіями о водвореніи Христіанства въ Новгородѣ, объ изгнаніи Перуна, объ его послѣднихъ дѣяніяхъ и палицѣ, брошенной на Волховскій мостъ,—съ лица Добрыни, извѣстнаго съ другой стороны и въ творествѣ Кіевскомъ между первыми его звеньями; примыкая къ той эпохѣ Владиміровой, къ которой возводится начало нашего положительнаго Былеваго творчества и съ которой изображается въ немъ лучшая пора въ первые прочно сложившагося Русскаго міра-народа,

творчество Новгородское опускает однако всё постепенности и частности этого миро-созиданія, выраженные въ Былинахъ о Кіевскихъ и Владиміровыхъ богатыряхъ, объ этой Земской Дружинѣ, стоявшей за возраставшую Земщину всей Руси. Творчество отдѣльнаго, хотя и Великаго, Новгорода, его отдѣльной области, послѣ нѣсколькихъ поманутыхъ образовъ, связанныхъ съ Добрынею, беретъ дѣло какъ бы уже готовымъ, въ ту минуту, когда Новгородъ со всѣмъ раздѣлялся съ первобытной древностью, сложился, вышелъ на поприще положительной исторіи. Оно столь же *Земское* творчество, какъ и Кіевское, но оно ограничено эпохою болѣе поздней, болѣе тѣсныхъ кружкомъ одного города съ пригородами и областью, если не совершенно вѣ— ибо это была та же Русь,—то особо отъ общихъ интересовъ *всей* Руси, представительство которой бралъ на себя Кіевъ. Татары, общее бѣдствіе всей Руси, лица, замѣшанныя вездѣ и въ Кіевскомъ, и въ Московскомъ творчествѣ, какъ не проникли въ историческій Новгородъ, такъ не попали и въ его творчество Былевое. Однимъ словомъ, главное отличіе сего послѣдняго отъ Московскаго состоитъ въ характерѣ *земства*—по содержанію—и въ *большей древности* цѣльнаго склада, а отъ Кіевскаго въ частности мѣсть, лица и событій, въ *позднѣйшей* близости склада и языка къ опредѣленной исторической эпохѣ, къ положительной дѣйствительности.

Слѣды Новгородскаго Былеваго творчества въ семь видѣ передаются намъ лѣтописями и другими письменными памятниками Новгорода. Послѣ смутныхъ, ему въ особенности принадлежащихъ, полунсторическихъ воспоминаній о призваніи Варяговъ, за отбытіемъ князей на Югъ, взоръ Новгородца не сопровождаетъ ихъ участіемъ, и, тогда какъ они на новомъ поприщѣ дѣйствія вызываютъ множество повѣстическихъ сказаній, жизнь Новгородская знаетъ лишь съ ними борьбу, а творчество Новгородское совершенно къ нимъ холодно, хоть бы какая черта, хоть бы намекъ. Повѣстическія преданія, какъ сказано, появляются въ Новгородѣ по лѣтописямъ лишь при имени Добрыни, при событіи, освѣтившемъ всю Русь, водвореніи Христіанства. Бывшій посадникъ Великаго города, дядя Просвѣтителя, являясь сюда вторично съ духовенствомъ, сокрушаетъ идоловъ, разоряетъ требища, креститъ людей, борется съ Перуномъ и посякаетъ его («Степенная,» ср. Замѣтку при 2-мъ вып.). По другимъ эти подвиги при-

надлежать и первому архіепископу, знаменитому Іоакиму Корсунянину: «Сей Іоакимъ архіепископъ раздруши въ Новгородѣ идола Перуна и потомъ повелѣ его, связавъ ужи (узами, веревками), влещи въ рѣку Волховъ, иныхъ же пристави влекомаго бити... И се чудо дивно явися, яко бѣсъ въ немъ, доселѣ живый, не стерпѣ (не стерпѣвъ) сего поношенія, начать велии жалостно и оболѣзненно велимъ гласомъ вопити: «Увы, увы, горе, горе, яко впадохся въ рудѣ сихъ немилостивыхъ человекъ, иже вчера мя яко бога почитаху, нынѣ же толка ми зла нанесоса! Увы мнѣ, увы мнѣ, что мнѣ прочее сотворю?» Людіе же одиначе (однако, все-таки) влечаху его біюще и, пришедше на мостъ, вринуша его въ рѣку Волховъ, идѣже абіе погрязе во глубину. И по малѣ явися (изъ) воды: единъ же нѣкто человекъ верже на него палицею; онъ же, вземъ палицу, верже нею на мостъ и уби тамо мужей килка (нѣсколько). Порази же слѣпотою Новгородцовъ, яко оттолѣ въ сіе время (въ извѣстное время года) даже до нынѣ, въ каждое лѣто, на томъ мосту люди собираются и, раздѣлшеся на двое, играюще убиваются (Лѣтоп. Густыньская подъ 990-мъ год.)» т. е. къ этому преданію возводилось начало не только народныхъ Новгородскихъ игръ, но и древней судебной расправы, рѣшавшейся на мосту. «И въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ, и нача кричати: «О горе, охъ мнѣ! Достался немилостивымъ снмъ рукамъ!» И вринуша его въ Волховъ. Онъ же, плыва сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою на мостъ, оже и нынѣ безумніи убивающеса, утѣху творять бѣсомъ (Сѣв. Врем.; то же Псковск.).» «Онъ же, плыва сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою и рече: «На семъ мя поминаютъ Новгородскія дѣти!» Еюже и нынѣ безумніи людіе убивающеса, утѣху творять бѣсомъ (Врем.)» За тѣмъ борьба съ Перуномъ горничара, враждебныя рѣчи («до сыти еси ѣлъ и пилъ, а нынѣча поплочи прочь») и проч. Такимъ образомъ древнѣйшее на глазахъ исторіи Былево творчество Новгорода, занесенное слѣдами и въ лѣтописи, зачинается такъ же, какъ и Киевское, со времени Владиміра и его богатырей. Но дагѣ, и цѣликомъ, оно отдало своего Добрыню Киеву. Весь XI-й вѣкъ, вѣкъ самыхъ горячихъ богатырскихъ подвиговъ, воспѣтыхъ въ Киевской Былинѣ, проходитъ для Новгорода и его поэтическихъ преданій безслѣдно. Лѣтописи народа, по преимуществу дѣловаго и пракческаго, не окрашиваются, какъ Южныя, поэтическимъ отцвѣтомъ. Только въ XII вѣкѣ появляются памятники,

происхожденіемъ и содержаніемъ принадлежащія Новгороду, въ конѣхъ завито возникаетъ вновь Былевое творческое настроеніе, и зтотъ вѣкъ, судя по даннымъ, доселѣ извѣстнымъ, есть единственный вѣкъ памятниковъ Былеваго Новгородскаго творчества. Мы разумѣемъ памятники: о Добрынь II-мъ и построеніи Варяжской божницы; объ Антоніи Римлянинѣ; о побѣдѣ Новгородцевъ надъ Суздальцами (Знаменіе); о построеніи Благовѣщенскаго монастыря; о путешествіи Ивана въ Ерусалимъ; о Варлаамѣ; о видѣніи пономаря Тарасія,—памятники, насквозь пропитанные поэтическими преданіями (напечатаны въ «Памятникахъ стар. Р. литер.») по аналогіи можно заключать, что сюда же по происхожденію приимается легенда о посадникѣ Шчлѣ, исторически извѣстнаго позднѣе, но котораго едва ли слѣдуетъ искать въ исторіи). Замѣчательно, что всѣ эти событія и лица современны тѣмъ событіямъ и лицамъ, кои сдѣлались прямымъ достояніемъ поэзіи и о конѣхъ мы сейчасъ скажемъ.

Въ семь же, XII-мъ вѣкѣ, записаны Новгородскими лѣтописями имена лицъ, сдѣлавшихся героями извѣстныхъ намъ Былинъ. Подъ 1118-мъ годомъ (въ Новгород. I-й) *Сотскій Ставръ*, котораго заточилъ Владиміръ Мономахъ: но поэтическія преданія объ немъ, подобно какъ о Добрынь, Новгородъ уступилъ творчеству Кіевскому (см. 4-й выпускъ и Замѣтку при немъ стр. LI). За то другія два лица, помянутыя также въ лѣтописяхъ, сосредоточиваютъ на себѣ все, чтò мы знаемъ лучшаго и главнаго въ устномъ Былевомъ творчествѣ Новгорода, до насъ дошедшемъ. Оба они—исторически—современны: но объ одномъ лѣтописи говорятъ нѣсколько ранѣе, да и Былины обильнѣе чертами, занесенными изъ доисторической древности. Это *Садко* и *Василій Буслаевъ*.

О *Садкѣ* лѣтописи, принадлежащія Новгороду или Новгородскому циклу, говорятъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, то весьма рано, то довольно поздно—въ XII вѣкѣ: но собственно онъ относится, какъ лицо историческое, къ эпохѣ весьма опредѣленной и намъ нужно только выяснитъ сопостановку свидѣтельствъ. Эти свидѣтельства раздѣляемъ мы на три рода. 1) По поводу построенія древнѣйшей Новгородской Софіи, разрушенія ея пожаромъ и потомъ возстановленія въ новомъ видѣ, упоминается Садко, *позднѣе* построившій въ сей же мѣстности

церковь Бориса и Глѣба. Новгород. III-я: «Въ лѣто 6.497 (989) постави владыка епископъ Іоакимъ первую (прежнюю, древнѣйшую) церковь деревянную дубовую Святыя Софіи, имущую верхъ 13; и стояла 60 лѣтъ; и подняся отъ огня (сгорѣла) въ лѣто 6.557 (1.049), Марта въ 4 день, въ субботу, при второмъ епископѣ Лукѣ, въ 13 лѣто. Бысть честно устроена и украшена, а стояла по конецъ (въ концѣ) Пискушли (Епископской) улицы, надъ Волховомъ рѣкою, до каменного дѣтница-града строенія; идѣже послѣди поставилъ Сотко Богатой церковь каменну святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба въ лѣто 6.558 (1.050), яже та церковь (Садкова) стояла въ каменномъ городѣ - дѣтницѣ близъ каменной градной стѣны.» Это показаніе, которое напрасно издатели лѣтописей, Археографической Комиссіи, исправляютъ, заключаетъ въ себѣ, именно тамъ, гдѣ они исправляютъ, весьма вѣрныя данныя, нужно только стать на точку зрѣнія лѣтописца. Онъ жилъ уже поздно: онъ только вспоминаетъ о *столяшей некогда* церкви Садка, при немъ уже не существовавшей; но, поднимаясь въ древность, онъ передаетъ: древнѣйшая, деревянная Софія построена въ 989 году; стояла 60 лѣтъ, отъ 989 до 1.049-го; сгорѣла въ семь послѣднемъ году; потомъ, послѣ, поставилъ въ сей же мѣстности каменную церковь Садко. Вотъ вѣрныя показанія лѣтописца. Но онъ не говоритъ въ этомъ мѣстѣ о томъ, что въ 6.553 г. (1.045) заложена новая, каменная Софія; объ этомъ говоритъ онъ ниже; говорятъ и другіе лѣтописцы: поелику же съ 6.553 (1.045) до 6.557 (1.049) года протекло 4 года, то они показываютъ, что деревянная церковь Софіи стояла 4 года, какъ увидимъ ниже. Ошибка лѣтописца III-й Новгород. лѣтописи не въ томъ обстоятельстве, которое исправлено издателями, а въ томъ, что, не заставъ уже каменной церкви Садка и времени ея строенія, онъ относитъ строеніе ея къ 6.558 (1.050) году, къ тѣмъ годамъ, въ которые, спустя столѣтіе, построена церковь Бориса и Глѣба, только не каменная, а *деревянная*, и не Садкомъ; то есть, встрѣтивши въ старыхъ запискахъ упоминаніе о построеніи церкви Б. и Гл. деревянной, онъ смѣшалъ ее съ каменною. Это сейчасъ мы увидимъ далѣе.

Новгородская II-я: «Въ лѣто 6.497 (989; издатели исправляютъ этотъ годъ ошибочно, какъ увидимъ ниже) постави владыка Іоакимъ церковь деревянную Святую Софію, имущи верховъ 13. И стояла - лѣта, и поднялася церковь Святаа Софіа отъ огня (сгорѣла) мѣсяци

Марта въ 4, въ субботный день, бывше (въ старомъ видѣ) честно устроена и украшена. А стояше конецъ Епископиа улицы, надъ рѣкою надъ Волховомъ, идѣже иныи (иногда, въ другое время; издатели ошибочно исправляютъ *нынѣ* по другимъ лѣтописямъ) поставилъ *Сотко Сотникъ* (при этомъ указаніи встречаемъ позднѣйшія прибавки, которыя уяснимъ ниже: «*Сотко Сытничъ исытмилъ*,» т. е. «и *Сытмилъ*») церковь святыхъ страстотерпецъ князей Рускихъ Бориса и Глѣба.» Такимъ образомъ показанія этого лѣтописца сходятся съ Новгородскою III-ею: Іоакимъ поставилъ деревянную Софію 989 года; объ этомъ пишетъ лѣтописецъ подъ 6.553 (1.045) годомъ, по поводу заложенной тогда новой каменной Софіи; по поводу же ея мѣстоположенія прибавляетъ, что *иныи*, въ другое, послѣдующее время, тутъ же поставилъ свою церковь Садко, но когда, не зная или не входя въ подробности, онъ молчитъ; явно только, что онъ жилъ уже послѣ построения Садковской церкви. Тѣ, позднѣйшіе, лѣтописцы, которые вмѣсто *иныи* поставили *нынѣ*, а за ними и издатели, такъ же исправившіе текстъ, ошиблись, ибо около сего времени построена не Садковская каменная, а деревянная церковь Бориса и Глѣба. Разворѣчіе здѣсь съ Новгородскою III-ю то, что въ сей послѣдней и нѣкоторыхъ другихъ, какъ увидимъ, годъ пожара 6.557-й (1.049), а здѣсь 6.553-й (1.045). И это бы не бѣда; лѣтописецъ считаетъ, что «стояла» деревянная Софія «4 гѣта:» отъ чего и до чего онъ считаетъ? Явно, что отъ 1.045-го до 1.049-го и, стало быть, признаетъ время пожара въ семь послѣднемъ году. Здѣсь одно важно: день пожара указанъ «Марта въ 4, въ субботу,» а 4-е Марта въ субботу приходилось, говорятъ, въ 6.553 (1.045) году. Я не имѣю подъ рукою данныхъ для повѣрки этого расчета (да и некогда сюда пускаться при моемъ дѣлѣ): я знаю лишь, что и въ тѣхъ свидѣтельствахъ, кои укажемъ ниже и въ коихъ пожаръ означенъ подъ 1.049-мъ годомъ, высчитано то же «4 Марта въ субботу.» Если это число съ субботою падаетъ именно на 1.045-й годъ, то остается допустить: Іоакимовская деревянная сгорѣла въ семь году: въ семь же году заложена новая каменная; но такъ какъ послѣдняя кончена постройкою позднѣе, то была конечно поставлена временная деревянная, не стѣнная, чтобы о построеніи ея говорить особо и сгорѣвшая послѣ въ 1.049-мъ году; стало быть, лѣтописцы смѣшивали двѣ деревянные церкви, древнѣйшую и временную, и два

пожара итѣ. Вообще въ описаніяхъ, кои ны разбираемъ, видно сопоставляются и даже смѣшиваются, но самымъ даже годамъ, Софія старая и новая, деревянная и каменная, да церковь Благовѣрныхъ Кинзей старая и новая, деревянная и каменная. Мы надѣемся, что по крайности уясняемъ путь для различенія показаній. Издатели же Археографической Комиссіи, какъ неправильно исправили *мыль* вмѣсто *инлы*, столь же неправильно подставили 6.553 (1.045) годъ вмѣсто 6.497 (989), ибо для лѣтописца это дѣла разные: подъ послѣднимъ годомъ говоритъ онъ о построеніи церкви Іоакимовской, а подъ первымъ объ ея пожарѣ и возстановленіи. Теперь пойдѣмъ далѣе.—Въ Софійскомъ Временникѣ: «Въ лѣто 6.557 (1.049), мѣсяца Марта въ 4 день суботный, сгорѣ церковь святая Софія, баше же честно устроена и украшена, 13 верхи ииуще. А стояла конецъ Пискушии улицы надъ Волховомъ (Волховомъ), ииже ииже постави *Сотко* (въ печати. прежнеиъ *Погагой*, т. е. *Богатой*) церковь камену святаго Бориса и Глѣба.»—Въ Никоновской: «В лѣто 6.557 (1.049) мѣсяца Марта въ 4 день суботныи згорѣ в Новѣгородѣ церковь святыа Софіа, бѣша (бывше, бывши) бо честно устроена и украшена, 13 верхи ииуще. А стояла конецъ Пискушии улицы надъ Волховомъ, ииже нынѣ поставилъ *Сотко* святаго Бориса и Глѣба.» Въ обѣихъ случаяхъ время пожара 1.049-й годъ, а по поводу ииѣстности упомянута церковь Садка, но вставка *мыль*, отвѣда построеніе ея къ 1.045 или 1.049 году, смѣшиваетъ церковь деревянную, бывшую до Садки, съ ея—каменной. *Ииыль* остается вѣрнымъ только съ той точки зрѣніа, если лѣтописцы относятъ это не къ 1.045 или 1.049-му, а ко времени своей жизни, заставившей построеніе каменной церкви Садка. — Слѣдуетъ упомянуть показаніе старѣйшей и надежнѣйшей лѣтописи Новгородской I-й, въ которой пожаръ отнесѣнъ къ 6.553 (1.045) году, по счету чиселъ и дней ииной: «Въ лѣто 6.553 сгорѣ святая Софіа въ *суботу*, по заутрѣнии въ часъ 3, *мѣсяца Марта въ 15*. Въ то же лѣто заложена бѣсть святая Софіа Новѣгородъ Володимиромъ княземъ.» Этотъ счетъ заставляетъ думать, что показаніе о другомъ пожарѣ, 1.049 года, вѣрво указываетъ 4-го числа суботныйи день, ибо, если 15 Марта 1.045 года была суббота, а раньше ея другая 8-го числа, вторникъ 4-го, то въ 1.049-мъ году (безъ высокоснаго) 4-е число точно приходилось въ субботу. Не разнился ли тогдашнійи счетъ отъ позднѣйшаго, ко-

ить нынѣ руководителемъ изслѣдователя?—Остается сказать, что какъ въ приведенномъ мѣстѣ Новгородской I-й, такъ и въ другихъ лѣтописяхъ, подъ 6.553 (1.045) годомъ однообразно приводится свидѣтельство о закладкѣ новой каменной церкви Софіи (освящена позднѣе), о закладкѣ, подавшей лѣтописцамъ поводъ говорить о прежней сгорѣвшей: «Въ лѣто 6.553 заложилъ Володимиръ святую Софію въ Новгородѣ;» «заложилъ князь Володимиръ Ярославичъ и владыка Лука святую Софію каменную въ Великомъ Новгородѣ (при чемъ, по примѣчкѣ, приписано помянутое «*Сотко Сытничъ и Сытимиъ*»).— 2) Любопытны теперь другаго рода свидѣтельства или, лучше, другая сторона ихъ: почему лѣтописи, если не вставляютъ *мыль* или не относятъ его къ годамъ, современнымъ пожару старой и закладкѣ новой Софіи, вставляютъ ими Садки тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, приписывая ему построение церкви, какой онъ вовсе не строилъ? Именно, какъ мы видели, Новгородская III-я указываетъ годъ построения Садковской церкви 6.558 (1.050), годъ (по нѣкоторымъ) освященія каменной Софіи; Новгородская II-я (если читать съ позднѣйшими *не иммиъ*, а *мыль*) приводитъ годъ 6.553-й (1.045), время пожара старой и заложения новой Софіи; Софійскій Временникъ и Никоновская упоминаютъ 6.557-й (1.049), годъ пожара старой Софіи, и т. д.: ясно, что Софія, разными судьбами своими, пожаромъ или возстановленіемъ, по роковому сближенію ея мѣстности съ мѣстностію церкви Садковской, напоминала лѣтописцамъ сію послѣднюю, построенную тутъ же, но время построения коей, отъ нихъ удаленное въ прошломъ, было неизвѣстно имъ въ точности. Лѣтописцы ставили года по старымъ записямъ, приурочивали къ нимъ преданія, но сами уже не застали построения или даже существованія Садковской церкви, и потому сбивались. Но была и другая вѣроятная причина такому смѣшенію: церковь Бориса и Глѣба была точно построена въ Новгородѣ, и именно около тѣхъ же лѣтъ, и въ той же мѣстности, только спустя столѣтіе, *деревянная*, и строилъ ее *со всѣмъ*, оказывается, *не Садко*. А именно. Новгор. I-я: «Томъ же лѣтъ (6.654, 1.146) съдѣлаша 4 церкви: *святую мученику Бориса и Глѣба въ градъ* (дѣтинцѣ), *святого пророка Ильѣ*, и *святую апостола Петра и Павла на Хълмѣ*, и *святую безмезднику Козму и Даміана;*» Новгор. IV: «Въ лѣто 6.654 съдѣлаша 4 церкви: *Бориса и Глѣба въ городъ,*» и проч.; Новгородская же III-я всѣхъ

точнѣе: «Въ лѣто 6.654 сотвориша въ Великомъ Новгородѣ, при епископѣ Нифонтѣ, 4 церкви *древяныхъ*: святыхъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба въ *Околоткѣ*, въ *Каменномъ городѣ*, Козьма и Даміанъ,» и проч. Обстоятельство это усиливалось и вводило еще въ дальнѣйшія заблужденія тѣмъ, что въ то же время и тѣ же самыя церкви поставлены были въ Смоленскѣ. Такое показаніе, какъ на примѣръ въ Воскресенскомъ спискѣ, замѣчалось на полѣ противу событій Новгородскихъ: подъ 6.653 (1.145; ср. выше 6.553—1.045 года) годомъ—«Заложиша въ Смоленску на Смядыни церковь камену Бориса и Глѣба.» Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ Новгородскихъ вошло это и въ текстъ, напр. въ IV-й: «Въ лѣто 6.653 заложиша церковь камену святаго Бориса и Глѣба на Смядыни въ Смоленскѣ.» Въ другихъ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописей извѣстіе Смоленское даже вытѣснило собою Новгородское, напр. въ Никоновской: «Того же лѣта (6.653—1.145) въ Смоленце заложиша церковь камену святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба на Смядыне;» а въ слѣдующемъ году снова: «Того же лѣта (6.654—1.146) здѣлаша четыре церкви камены в Смоленске святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба на Смядыне, а во граде святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла, и святаго пророка Боговидца Ильи, і святыхъ чудотворецъ безребренникъ Козмы и Дамьяна.» Соблазнъ былъ такъ великъ, что, на примѣръ, Новгородская IV-я, говоря о церкви Бориса и Глѣба (деревянной) въ Новгородѣ, приписываетъ: «на Смядыни,» и т. п. Въ самомъ дѣлѣ: тѣ же года (хотя и столѣтіемъ раздѣленные), или, лучше, то же число лѣтъ, бросающіяся въ глаза, тѣ же церкви и имена ихъ святыхъ, упоминаніе—то деревянныхъ церквей сего имени въ Новгородѣ, то тѣхъ же каменныхъ въ Смоленскѣ,—все это непременно заставляло спутывать дѣло Садки, особенно въ глазахъ тѣхъ, кои подлинной церкви его не видали или не застали. И вотъ мы получаемъ его имя, весьма поучительное для насъ, но на такомъ мѣстѣ, гдѣ ему совсѣмъ не слѣдъ: то при Софій по близости мѣстной, то при деревянныхъ церквахъ Новгорода и Смоленска, то отсюда снова, столѣтіемъ выше, при пожарѣ и восстановленіи Софій. Однако исправлѣннѣе по тексту лѣтописи, а нѣкоторыя даже тѣ самыя, только подъ другими годами, болѣе вѣрными, сообщаютъ намъ показанія несомнѣнныя и подлинныя. Именно. 3) Въ Новгородской I: «Въ лѣто 6.675 (1.167) сѣде Мъстиславъ Іаисла-

видъ Кыевъ на столѣ. На ту же весну заложи *Сядко Сытиничъ* (разнор. *Сотко Сытиничъ*) церковь камяную святую мученику Бориса и Глѣба, при князи Святославѣ Ростиславици, при архіепископѣ Иліи;» объ освященіи: «Томъ же лѣтѣ (6.684—1.173) святи церковь Новгородѣ Ілія архіепископъ Новгородскимъ святую мученику Бориса и Глѣба камяную въ градѣ, мѣсяца октября 14.»—Новгородская III-я: «Въ лѣто 6.675 (1.167) въ Великомъ Новѣградѣ, на Софійской сторонѣ, заложи церковь каменную святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба въ Околоткѣ *Сотко Сытиничъ*, въ каменномъ городѣ - дѣтинцѣ, при Іоаниѣ архіепископѣ (ср. выше, какъ тутъ же самый лѣтописецъ, смѣшавъ Софію и другую церковь Бориса и Глѣба деревянную, рассказываетъ о построеніи ея Садкою въ 1.050 году).»—Въ Псковской I-й: «Въ лѣто 6.675 (1.167) заложи *Сотко* святаго Бориса и Глѣба.» И такъ остается несомнѣннымъ, что церковь сію, каменную, заложилъ Садко въ 1.167 году *). Былины приводятъ то же самое обстоятельство, но, подобно лѣтописцамъ, смѣниваютъ храмъ Софій; когда Садко разбогатѣлъ,

И вложилъ ему Богъ желанье въ ретиво сердце:

Шедъ Садко, *Божій храмъ сорудилъ*

А и во имя *Софій Премудрыя*,

Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,

Мѣстны иконы изукрашивалъ,

Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,

Царскія двери вызолачивалъ.

(Ср. у насъ вып. 5, № 3); описаніе отдѣлки храма близко къ тому, что въ лѣтописяхъ о древней деревянной Софій. Былина даже еще приписываетъ ему построеніе двухъ церквей—Стефана Архидьякона и Николая Можайскаго; послѣдняя въ № 2-мъ даже именуется «приходомъ» его:

Взглянулъ Садко онъ на Новгородъ,—

Узналъ онъ церкву, приходъ свой,

Того Николу Можайскаго.

*) Любопытно замѣтить, что отношеніе лѣтописцевъ Новгородскихъ къ дѣлу Садки можетъ повести къ заключенію, когда они жили и писали, какъ составлялись лѣтописи. Это явствуетъ изъ данныхъ, отчасти нами разобранныхъ.

(И вот почему, замѣчали мы при печатаніи текста былины, помѣщенная подъ № 3-мъ собственно предшествуетъ, ибо въ ней говорится только еще о построеніи церкви Николая, а въ № 2-мъ о сей послѣдней какъ уже готовой; но такіа данныя, важныя въ лѣтописяхъ, неважны для былеваго творчества). — Остается намъ сдѣлать выводы. Какъ Садко въ былинахъ гулялъ по рѣкамъ и морямъ, такъ было суждено гулять его имени по лѣтописнымъ числамъ въ теченіе почти двухъ сотъ лѣтъ: имя, стало быть, слишкомъ знакомое Новгородцамъ; не всякому такъ удастся. Церкви, какъ знаемъ изъ лѣтописей Новгорода, ставились часто и другими лицами: но они не стяжали такой славы. Несомнѣнно, что это былъ гость или торговецъ знаменитый, по богатству ли, или по своимъ похождениямъ, а скорѣе по тому и другому. Имя, славное по лѣтописнымъ двухъдѣковымъ записямъ, конечно еще больше жило и въ памяти, и въ устахъ народа, обставлялось рассказами, преданіями: они-то и возбудили народное творчество, породили собою былины и были виною того, что изъ развалинъ исчезшаго Новгородскаго Былеваго творчества сохранились до насъ и занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ былины именно о Садкѣ.—Крестное имя его вѣроятно было (Еврейское по происхожденію) *Садокъ*; но, или осмыслили его по Русски, или даже въ крещеніи дали имя соответственное народному (см. нашу Замѣтку при II-мъ томѣ Пѣсень собр. Рыбниковымъ), только очевидно, что народъ въ этомъ имени представляетъ себѣ *садъ*, уменьшительное *садокъ* (*hortulus*): въ былинахъ герой себя называетъ даже просто *Садъ*. *Садокъ* склоняли *Садка*, *Садкъ*, *Садкомъ*; дальнѣйшая форма, возникшая уже изъ этого склоненія (по формѣ звательнаго, какъ въ Сербскомъ), была *Садко* и—рѣже (см. Рыбникова) *Садке*; наконецъ (откуда и звательная *Садко*)—*Садка*, *Садки*, *Садкъ*, *Садкою*. Отсюда же въ лѣтописяхъ *Сьдко* (Новгородское древнее нарѣчіе отличается полугласными ѣ и ѝ тамъ, гдѣ въ другихъ случаяхъ и позднѣе а, я, о, е), *Сотко*; послѣднему названію помогло также вѣроятно прозвище *Сотникомъ*. *Сотникомъ* названъ онъ лишь въ одной лѣтописи, Новгородской II-й; но это не первый примѣръ для героевъ Новгородскаго творчества: Сотскимъ былъ и Ставръ. Только тотъ былъ изъ бояръ, лучшихъ мужей, почему въ Киевскихъ былинахъ и прозванъ *бояриномъ*: Садко же конечно выборный изъ гестиной, торговой сотни. Далѣе въ лѣтописяхъ онъ

называется *Богатымъ*: таково же постоянное его прозвище и въ былинахъ, чаще всего въ сочетаніи—«Садко Купецъ Богатый Гость.» Наконецъ въ лѣтописяхъ, и лучшихъ, придается ему отчество *Сытиничъ*, *Сытиничъ*, *Сытмичъ* (испорченное «и *Сытинъ*,» гдѣ ъ вѣсто ч): если это дѣйствительное отчество, то отъ народнаго имени (известнаго нынѣ въ фамиліяхъ) *Сытъ*, *Satt*, *Satur*, имя отца, сходное съ народнымъ именемъ и сына—*Садъ*, *Садко*, *Сотко*; это же имя, въ собирательной формѣ, известно какъ бранное, въ выраженіи «волчья *сытъ* (ср. былины прежнихъ выпусковъ);» припомните народныя имена, перешедшія въ прозвища и фамиліи,—*Сытой*, *Сытого*, *Сытыхъ*, *Благъ*, *Благой*, *Благого-Благово*, *Благихъ*, *Сухъ*, *Сухой*, *Сухого-Сухово*, *Сухихъ* и т. п. Мы однако же склоняемся къ мнѣнію, что вѣрно одно изъ двухъ: или *Сотникъ*, или *Сытмичъ*, *Сытиничъ*, т. е. или *Сътникъ*, *Сотникъ* подъ рукою лѣтописцевъ передѣлано изъ *Сътничъ*, *Сытмичъ*, *Сытиничъ*, или на оборотъ. Но довольно.

Другой герой Новгородскаго Былеваго творчества, столь же знаменитый, исторически современный Садкѣ, упомянутый съ нимъ почти рядомъ подъ лѣтописнымъ числомъ, но только въ одной лѣтописи и одинъ лишь разъ, есть *Василій Буславъ*. Никоновская лѣтопись *), спустя три года послѣ извѣстія о заложеніи церкви Садкою, подъ 6.679—1.171-мъ годомъ говорить: «Того же лѣта преставися в Новѣгородѣ *посадникъ Васка Буславичъ*.» Здѣсь стоить обратить вниманіе во первыхъ на то, что онъ названъ *Васкою*, *Васкою*: таково же, въ уменьшительномъ видѣ, любимое употребленіе имени его и въ народныхъ былинахъ, даже любимѣе, чѣмъ *Василій*; оно такъ и идетъ къ удалцу, проказнику, народному любимцу. Если смерть его стоило занести въ лѣтопись рядомъ съ важными событіями, то понятно значеніе этого героя въ Новгородѣ и объясняется также, почему, рядомъ съ Садкою, это любимѣйшій герой уцѣлѣвшихъ Новгородскихъ Былинъ. По году смерти нужно полагать, что лучшая пора дѣятельности Василья, какъ лица историческаго, приходилась въ половинѣ XII-го вѣка. Но въ городской дѣятельности се-

*) И рукописный хронографъ Румянц.

го времени, довольно подробно описанной по Новгородскимъ летописямъ, мы съ этимъ именемъ не встрѣчаемъ *посадника*: можетъ статься, при крестномъ имени *Василья*, какъ это бывало въ старину весьма часто, было другое народное имя, и *Василій Буслаевъ* скрывается отъ насъ подъ какимъ нибудь *Якуномъ*, *Нъжатою* и т. п. Отецъ его *Богуславъ*, чисто-славянское народное имя, какъ «*Богухвалъ*,» «*Богумилъ (Gottlob, Gottlieb)*» и т. п.: отсюда уже сокращенныя формы *Буславъ*, даже *Буслаевъ* (Рыбник. II), *Буславей*, *Бусланей*, *Буславьюшко*, *Буслай*, и, сообразно тому, *Василій* по отчеству *Буслаевичъ*, *Буславьевичъ*, *Бусланеевичъ*, *Буславичъ*, *Буслаичъ*, *Буслаевъ* (переходящее въ прозвище, фамилію), испорченно (Рыбник. I) *Сеславьевичъ*. Наконецъ, какъ летописью записана его смерть, такъ объ смерти же его рассказываетъ и особая былина.

Разумѣется, исторической дѣятельности сихъ двухъ историческихъ лицъ нельзя уже искать въ Былинахъ: здѣсь это типы Новгородскаго Былеваго творчества. Но любопытно замѣтить одно соотношение: въ Былинахъ о Садкѣ сравнительно менѣе историческаго отцвѣта, болѣе преданій и образовъ доисторическихъ, обильнѣе образы народнаго творчества, заслоняющія исторію дѣйствительную; за то, какбы въ замѣнъ, мы видимъ о Садкѣ несравненно болѣе летописныхъ указаний. На оборотъ, о Буслаевѣ въ летописи одно лишь скудное свидѣтельство: за то Былины, посвященные его дѣятельности, вѣщающая сравнительно весьма мало древнѣйшихъ образовъ творчества, прямѣе и ярче очерчиваютъ Новгородскую историческую дѣйствительность, со всѣми ея мелочами, именами окружавшихъ лицъ, улицъ и т. д.

Теперь, забывая исторію внѣшнюю, положительную, дѣйствительную, перейдемъ во внутреннюю, какъ она дается намъ въ Былинахъ о Садкѣ и Буслаевѣ, въ народномъ устномъ творествѣ.

Мы знаемъ, что въ Кіевскомъ творествѣ *Богатыри*—представители *Земщины*, но не *сидячей* и *осѣдой*, а той части, которая ратуетъ на заставахъ, хранить зерно *Земщины*, борется съ врагами ея, расширяетъ предѣлы ея дѣйствій, то есть представители *подвижной Земской Дружины*. Въ Новгородѣ, по условіямъ его торговаго быта,

были своего рода богатыри: это, во первых, Гости, люди Торговые, не тѣ сидячіе лавочники и владѣтели складовъ, которые укрывались за вервами общества и частоколами города, не нынѣшніе дѣтели торговыхъ городскихъ домовъ, представители фирмъ и конторъ, не эта торговая Земщина, а по тому времени предприимчивые удалыцы, добывавшіе золото отважными подвигами, бродившіе по необходимости мѣнковой торговли, водившіе обозы или по водѣ сплавлившіе клады за черту Новгородскихъ владѣній, въ далекіе края; люди бродячіе, переходячіе и переѣзжіе, въ собственномъ смыслѣ *гости*, по необходимости вооруженные и съ вооруженными шайками, доводимые и часто доводившіе какъ чужеродцевъ, такъ и свою метрополию, до отчаянныхъ дракъ, *hostes*, составлявшіе такую же Торговую Дружину и въ тѣхъ же отношеніяхъ стоявшіе къ осѣдлымъ торговымъ общинамъ, какъ Дружина Богатырская къ общинамъ земледѣльческимъ, вообще къ Землѣ и Міру. Это, говоримъ, была Торговая Община въ движеніи (какъ артель), Торговая Дружина, сходная во многомъ съ Кіевскими Богатырями. Она, за предѣлами Новгородской области, первая разнесла въ окрестные и далекіе края имя и славу сей послѣдней, первая высматривала мѣста, приманки, пути и дѣтелей торговли, первая завязывала сношенія, и уже за нею-то послѣ слѣдовала Дружина въ собственномъ смыслѣ, не торговая, а чисто-Военная, та, которая завоевывала страны. Первое завоеваніе Новгорода всегда было Торговое, чрезъ его Гостей, славныхъ отъ Шницбергена и Норманскихъ береговъ до островковъ въ низовьяхъ Волги, до Хвалынскаго-Каспійскаго моря, куда изстари ходили Новгородскіе Гости, а потомъ, на глазахъ исторіи, Дружины Военныя съ Князьями. Образецъ такого своеобразнаго богатыря Торговли, возможнаго лишь въ Новгородѣ, типъ сего рода людей развитъ и возстановленъ въ Новгородскомъ Былевомъ творчествѣ: это *Садко*, съ постояннымъ именемъ и прозвищемъ—*Купецъ, Богатый Гость*. Какъ онъ дошелъ до того, чтобъ быть этимъ типомъ, откуда взялось его богатство, всѣхъ перещеголявшее, какими дѣяніями добылъ онъ себѣ это славное имя, однимъ словомъ—похожденія и приключенія Новгородскаго Гостя, весь его *genesis*, бытіе и ростъ,—вотъ что всего больше должно было занимать воображеніе древняго Новгородца, и вотъ задача, которую взялось выполнить его Былево творчество рядомъ Былинъ о Садкѣ. Беремъ здѣсь Былинны не только

въ этомъ Выпускѣ помѣщенныя, но и отпечатанныя нами при наданіи Пѣсень Рыбникова, изъ которыхъ всего подробнѣе въ I-мъ томѣ подъ № 64-мъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ не отличался Садко какими ни будь ученьемъ, съ молодю былъ бѣднякъ, чуть не голъ кабацкая. Только онъ не поводился съ пьяницы съ безумицы, а лучше, по веселому праву и любви къ искусству, хотѣлъ жить Веселымъ Молодцомъ, Веселюю Скоморошиной: иглъ у себя кое-какія гусли, умѣлъ играть, ходилъ съ ними по пирамъ по бесѣдамъ, тѣшить и занимать слушателей за денежную плату. Разъ его долго не приглашали никуда: захудалъ и оголѣлъ онъ, стоскнулся. Въ кручнѣ своей пошелъ онъ съ гуслими на берегъ Ильмена, къ окраинѣ озера, къ тому привѣтному лону водъ, къ которому издревле, съ античныхъ временъ, каживали раздѣлять тоску всѣ пѣвцы и художники, откуда родилась сама Красота, откуда черпала золото во всѣ вѣка предприимчивые удалцы и торговцы, гдѣ царствовалъ у Грековъ грозный и страшный, но привязчивый, но гостеприимный, грубый и невѣжественный, но любитель искусствъ и богатый покровитель ихъ—Посейдонъ, а въ нашемъ былевомъ творчествѣ *Царь Морской*, *Царь Водяной* или *Поддонной*, *Водовикъ*, *Водникъ*, бурный какъ влага морская, и столь же податливый и расплывчивый какъ всякая влага. Садко сталъ на берегу играть—и не ошибся: три раза ходилъ онъ играть, три раза колыбалася вода въ озерѣ, въ третій разъ появился самъ Царь Морской: «Не знаю, говорить Садкѣ, чѣмъ будетъ тебя пожаловать за твою за утѣхи за великія, за твою—то игру нѣжную. Аль бесчетной золотой казной?» То и нужно было: научилъ Садку поспорить съ кушачи Новгородскими, что въ Ильменѣ есть рыбы съ золотыми перьями, что лоно водъ родятъ золото. Закинулъ въ море неводъ, вытащили рыбъ золотыхъ, рыбы дали еще золото, рыбы сами стали золотомъ: Садко выигралъ большіе заклады, Садко обзавелся домкомъ, устроилъ себѣ палаты по небесному, на небѣ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, въ палатахъ у Садки тоже солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды. Сталъ Садко собирать у себя почестные пиры, принималъ у себя «Настоятелей Новгородскихъ, *Олму Назарьева* и *Луку Зиновьева*,» — о значеніи ихъ мы поговоримъ ниже по поводу Буслаева. Сталъ Садко на пирахъ захвастываться: для него возможно было лишь одно единоборство богатырское,—въ спорѣ, у кого больше денегъ, кто повыкупить товары Новгородскіе. Эта борьба, которою

другія былины кончаютъ, въ настоящемъ случаѣ, по той былинѣ, которой мы пока держимся (Рыбн. Т. I, № 64), не доведена до побѣды: закупаетъ Садко товары Новгородскіе, а на другой день ихъ вдвое больше привезено, вдвое больше принаполнено, на ту на великую на славу Новгородскую подоспѣли товары Московскіе, подоспѣли Заморскіе. Новгородъ поднялся выше своего питомца и вскормленника; смирился торговецъ: «Не я, видно, богатъ, Богатый Купецъ Новгородскій, пегогаче меня славный Новгородъ!» Тогда догадался онъ: снарядилъ свои тридцать кораблей; начинаются его блужданія по водамъ, его походы и приключенія, главное содержаніе всѣхъ былинь. Вотъ куда Садко хаживалъ: 1) «по Волхову, со Волхова во Ладожско, со Ладожена во Неву рѣку, со Невы рѣки во Сине море,» Балтійское; 2) «гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ, со вершины зналъ и до устья ее — а и нижняго царства Астраханскаго;» 3) «бѣгалъ по морю двѣнадцать лѣтъ, по синю морю Хвалынскому (Каспійскому; у насъ № 3);» между прочимъ заворачивалъ и въ «Золоту орду.» Во всѣхъ этихъ поѣздкахъ, въ теченіи *двѣнадцати лѣтъ*, онъ «продавалъ товары Новгородскіе, получалъ барыши великіе, насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,» а самъ «никакой надъ собой притки и скорби Садко не видывалъ, а все молодецъ во здоровьи пребывалъ.» Здѣсь-то, за свои торговые походы по рѣкѣ Волгѣ, а черезъ нее въ Хвалынское море, получилъ Садко прозвище «*Волгскаго* (Волекаго, Волжскаго) *Сура*:» мы объяснили уже смыслъ этого названія въ Запѣткѣ къ 4-му выпуску и доказали, что оно относится къ дѣятельности древнихъ героевъ, представителей—сначала кочевья, потомъ торговаго, перехожаго и мѣноваго блужданія по суху и по морю, въ особенности по морю, откуда и Южное *Сурожское море*, и весь тотъ край *Сурожь*, и названіе славныхъ рѣкъ *Су-рога, Сарога*, и товаровъ заморскихъ, особенно шелковыхъ,—*Сурожскіе, Суровскіе*, и самый шелкъ—*Сырецъ* и *Суровецъ, serisium*, и ряды, въ коихъ продавались сіи товары—*Суровскіе*, наконецъ самые дѣтели сего рода—*Суры, Сурожане* и *Суровцы*. Такъ мы получаемъ въ нашемъ древнемъ Былевои творчествѣ три образа, принадлежащихъ совершенно одинаковому разряду людей, но различающихся мѣстностью и мѣстнымъ отцвѣтомъ: а) въ Новгородскомъ—Садко, типъ гостя порѣчнаго и поморскаго, Волжскій *Сурь*; б) въ Кіевскомъ Патѣнъ, Патѣнко, также Богатый Гость, и съ

богатствомъ несмѣтнымъ, по прозвищу *Сароженикъ*, *Суроженикъ*, знаменитый сыномъ своимъ *Чурилою* (имя одного корня съ *Суромъ*), жившій на рѣкѣ *Сарогъ* или *Черегъ*; в) въ былинахъ Княжескихъ, на переходѣ къ Безымяннымъ, въ области Суздальской, *Суровень*, *Суровець-Суздалецъ*, *Суроженикъ*, по роду города Суздаля, по слою народа—«сынъ отца Гостя Богатаго» и самъ «Богатый», представитель удалцевъ Суздальцевъ, торговцевъ по преимуществу пѣшихъ и сухопутныхъ, ходебщиковъ, Аюевей. Но въ Кіевскомъ творествѣ, рисуемъ все разнообразные слои Земщины и Земской Дружины, такіе дѣятели стоятъ въ ряду другихъ, не занимая исключительнаго вниманія: Пльнь, Дмитрій Гость, даже Чурило, знаменитый не столько своею обиходною практическою торговлею, сколько близостью къ яркому древнѣйшему типу Чура-Гермеса, бога Торговли; въ былинахъ Княжескихъ и Безымянныхъ Суровець идетъ также за урядъ съ другими; Иванъ Гостинный Сынъ, мелькомъ затронутый въ Кіевскомъ творествѣ, принадлежитъ всей Руси, безъ изытанія мѣстныхъ взглядовъ и интересовъ, то есть преимущественно общей Былевой Сказкѣ. Напротивъ для торговли Новгорода Садко, Волжскій Суръ, есть лицо главное, исключительно привлекавшее интересъ и породившее лучшія Новгородскія Былины. Обязанный своею славою и всемъ богатствомъ влагѣ, рѣкамъ и морямъ, онъ долженъ былъ наконецъ чѣмъ ни будь заплатить за то Царю Морскому. Здѣсь-то одно изъ любопытнѣйшихъ приключеній въ Были о Садкѣ, главнѣйшій эпизодъ Новгородскихъ Былинъ объ немъ, и притомъ эпизодъ лучшій, старшій по основнымъ своимъ образамъ, восходившій къ доисторической древности, къ такимъ чертамъ жизни и эпоса, которыя были вынесены Славянами Русскими изъ эпохи еще языческой, до сложившагося міра-народа, изъ времени кочевья и блужданій, изъ обще-Славянской семьи, съ самыхъ старыхъ ея поселищъ въ Европѣ. Все Былины согласны между собою въ томъ, что событіе, о которомъ идетъ рѣчь, имѣло мѣсто *на морѣ*, но по однимъ Былинамъ на Балтійскомъ, за Новою (Рыбник. Т. I, № 64), по другимъ (у насъ № 2) на Хвалынскомъ-Каспійскомъ. Подымалась буря, а корабли, и особенно Садковъ, стали на морѣ: догадался Богатый Гость, что море и Царь его требуютъ дани, старой языческой жертвы, какою умилостивляли античные народы своего Посейдона или Нептуна. Опустить было въ море хлѣба съ солью; опускали бочку чиста серебра, потомъ красна

золота: нѣтъ толку. Царь живой головы требуетъ. Читателямъ извѣстно по былинамъ дѣло съ жеребьями, кому было идти въ море: тить тогдашняго кунца, непременно въ иѣновой торговлѣ жившаго ловкимъ обманомъ. «дѣломъ торговымъ»—какъ говорятъ нынѣ, прототипъ даже и послѣдующихъ Русскихъ торговцевъ. Садко думалъ извернуться отъ жеребья ловкостью, но пришлось идти самому. Онъ дѣлаетъ предсмертное завѣщаніе и отправляется: надѣваетъ шубу, беретъ свои завитыя гусли, первое зачалю своихъ успѣховъ (по одной Былинѣ даже три нисы, съ серебромъ, золотомъ и жемчугомъ), садится на дощечку дубовую, по другимъ на шахматницу, спускается на ней ко дну моря къ Царю или выброшенъ къ нему на далекий берегъ. Замѣчательно еще, беретъ съ собою образъ *Микола* (у насъ № 1): тамъ, гдѣ предстала опасность, не побѣдима человѣческими силами, тамъ въ Христіанское время Былеваго творчества является на помощь сила высшая, обыкновенно Микола, притомъ Можайскій, рѣзной, особенно чтимый въ народѣ. Онъ, знаемъ мы, спасалъ въ крайнихъ случаяхъ другаго богатыря—бродягу, *Потыка*, въ образѣ *Старчища*, *Пилигримшища*, *Кагѣки Перекожаго*; онъ спасъ и Садку въ дѣлѣ съ Морскими Царемъ, являясь ему какъ «Старчище не знай собою (Рыбник. Т. 1),» невѣдомый, грозный *Кагѣка Перекожій*. О томъ, что такое значить споръ Царя съ Царицею, въ которомъ засталъ ихъ Садко, какъ явился онъ туда юнымъ героемъ и вышелъ побѣдителемъ, какъ къ нему склонялась Царица и помагала, какъ за слова его потеряла свою голову отъ грознаго мужа, какъ выводили Садкѣ невѣсть и какъ для спасенія своего онъ долженъ былъ выбирать дѣвку *Чернавку*, *Чернавушку*, иначе *Поваренную* (у насъ № 2), какъ она потомъ исчезла или обманута Садкою, и что она сама за лицо въ нашемъ творествѣ, и какъ все эти образы восходятъ къ отдаленнѣйшей древности обще-славянскаго эпоса, объ этомъ мы говорили уже подробнѣе въ Замяткѣ къ II-му тому Пѣсень Рыбникова. Здѣсь замѣтимъ только, что весь этотъ эпизодъ въ Былинахъ Новгородскихъ раздѣляется на три главныхъ части: а) споръ Царя съ Царицею и участіе Садки въ рѣшеніи; б) игра Садки на гусяхъ и послѣдствія ея; в) выборъ невѣсты и женитьба подъ моремъ на Чернавкѣ. Все три онѣ—отрывки громадной области древнихъ творческихъ воззрѣній, потому именно не совсѣмъ ясны для непривычнаго взгляда, что отрывки. Значеніе спора старыхъ на-

часть или, лучше, старого и грозного, стихійнаго начала въ двухъ его половинахъ, мужской и женской, рѣшеніе сиора началомъ третьимъ, юнымъ, явившимся изъ далека; выходъ и спасеніе непремѣнно черезъ Чернавку или дѣвушку Повзрленную, мотивированные въ Новгородскомъ творествѣ такъ, что эта женидба, неизвѣстно почему именно на Чернавкѣ, а не другой дѣвушкѣ, приказана была явившимся во снѣ спасителемъ—Миколою:—значеніе сихъ творческихъ образовъ уяснено нами въ помянутой Замѣткѣ; остается намъ сказать о третьей части эпизода. Естественно, что грубая и грозная, вѣстѣ невѣжественная стихія, представителемъ коей былъ Морской Царь, поддастся невольно обаянію человѣческаго искусства, игрѣ на гусляхъ, такъ точно, какъ плѣнилась игрою и вывела Садку къ успѣхамъ въ самомъ началѣ его дѣятельности: эти образы извѣстны изъ Греческаго творчества; они тождественны съ тѣмъ, что совершилъ своею игрою Орфей надъ подземнымъ Авдомъ. Но здѣсь есть еще замѣчательная черта, весьма ярко выданная Русскимъ творчествомъ. Разгулъ Царя былъ дикъ и безобразенъ: голова у него какъ стѣнная копна; расплясавшись въ азартѣ, онъ полами бьетъ и шубой машетъ, и шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ. «Въ синемъ морѣ вода всколебалася, со желтымъ пескомъ вода смутилася, стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ, стало много гннуть вѣтвѣнцевъ, стало много тонуть людей праведныхъ (Рыбник. т. 1);» «а сине море всколебалося, а и быстры рѣки разливалася, топятъ много бусы—корабли, топятъ души напрасныя того народу православнаго (у насъ № 2).» Дѣйствіе человѣческаго искусства на міръ буйныхъ стихій, вліяніе юнаго человѣческаго героя на древняго бога, обаяніе духа внутренняго надъ внѣшними космическими силами, все это явилось уже не частнымъ дѣйствіемъ кушца Новгородскаго Садка на Царя, а дѣйствіемъ мировымъ. «Тебѣ кажется, говорить Царица Садкѣ, что скачешь по полатямъ Царь, а скачешь Царь по крутымъ берегамъ, отъ его отъ пляски тонуть-гннуть безповинныя буйны головы (у насъ № 1).» Творчество Былевое, Русское, Новгородское, и притомъ время Христіанскихъ, выходитъ къ разрѣшенію такого столкновенія мировыхъ силъ свойственнымъ себѣ путемъ: оно объясняетъ, что сталъ народъ молиться Миколѣ Можайскому, Садку что-то тронуло въ правое плечо,—очутился «старикъ съдатый», Микола, велѣлъ порвать струны; Царь чинить было своими слесарями, но Садко уперся,

что надо за новыми струнами и гуслями сходить на святую Русь. Въ другихъ Былинахъ Садкѣ открыла глаза на истинное значеніе дѣла склонная къ нему Царьца. Такъ дѣло и порѣшилось. Но для насъ важны, здѣсь, кромѣ ясно проглядѣваемаго, сквозь творческіе образы, древнѣйшаго воззрѣнія на соотношенія міровыхъ силъ, въ особенности стихійной и чисто-человѣческой, важны соотношенія къ другимъ эпизодамъ Русскаго Былеваго творчества. Изъ Голубиной Книги (см. наше изданіе «Калѣки Перехожіе,» вып. 2) мы знаемъ, что колеблется море, а за нимъ и вся земля, и вселенная, отъ поворота міровыхъ существъ, въ образѣ дочеловѣческомъ, животномъ: птицы Стравиля, звѣря Индры и огромнаго Кита, образа также Посейдонова, на коемъ держится вселенная. Объ именахъ и значеніи силъ образовъ смотрите наше изданіе Голубиной Книги и Замятку ко II-му тому Рыбникова. Но замѣчательно, что Стравиль, отъ трепетанія которой, даже однимъ пѣрушкомъ, когда она *разыграется*, все синее море всколебается, потопляеть море корабли гостинные со товарами драгоценными, заморскими, и со православными христіанами, съ тѣми людьми съ Московскими, что Стравиль, говоритъ, живетъ *на синемъ морѣ, на бѣломъ камнѣ—на Латырѣ*, отъ котораго и *Алатырь-морѣ*; Индра звѣрь, когда также *возыграется*, вся вселенная восколыбнется, но онъ также имѣетъ прямое отношеніе къ стихіи воды: когда была на сѣмъ свѣтѣ засушейца, олъ копалъ рогомъ сыру мать землю, выкопалъ ключи глыбокѣмъ, доставалъ воды кипучіи, пускалъ по быстрымъ рѣкамъ, по малинкамъ ручья-виночкамъ, по глыбокамъ большимъ озерамъ, да и теперь, ходя по подземелью, прочищаетъ ручьи и проточины, пропускаетъ рѣки, кладетъ студѣны; куда звѣрь пройдетъ—туда ключъ кипить, и отъ того, когда поворотится, воскипятъ ключи всѣ подземельные; даже самое его имя, безъ носоваго звука, съ придыханіемъ *г* (*h*), *гидра*, наше—съ придыханіемъ *в*—*вьдра*, отходить къ образу Посейдоновскому; и онъ имѣетъ отношеніе къ морю Латырю, такъ что самое имя его *Бѣлый Индрихъ* (см. наше изданіе Голубиной Книги) выводится прямо изъ *Бѣлаго Латыря*; наконецъ, Китъ-рыба, прямой уже образъ Посейдона, содержитъ на спинѣ весь бѣлый свѣтъ, и, когда потронется, вострещется, восколыбнется, тогда мать земля вся поворотится, а когда *разыграется*, все синее море восколыбнется, увесь міръ-народъ прижаснется. Ясно, что всѣ

эти образы сходятся ближе всего къ морю и къ его представителю стихійному, Царю Морскому, ибо, по словамъ Голубиной Книги, Окіянь-море, морямъ мати, обкинуло вокругъ землю всю, бѣлый свѣтъ окинуло, обошло море околѣ всей земли, вокругъ земли, всей подселенныя, всего свѣту бѣлаго, въ немъ, Окіянтѣ, во мори пушъ морской, а «уся рѣки, уся моря, вси хъ Кіяню морю собѣгалися, вси хъ Кіяню морю приклонилися, никуды вонъ не выходили (ср. выше Индру);» «Окіянь-море всколебається, — вси моря ему поклоняются.» Если мы, далѣе, переведемъ эти основныя міровыя воззрѣнія на почву положительной, хотя и древнѣйшей исторіи, на почву мѣстную, Славянскую, то убѣдимся, что это Окіянь-море по Славянскимъ исконнымъ представленіямъ есть *Латырь-море*, названное такъ по хранимому въ немъ *Латырь-камень*, Илектру, Янтарю. Вотъ что говоритъ о томъ Голубиная Книга въ Бѣлорусской редакціи (приближая къ нашему нарѣчію):

Латырь-моря всимъ морямъ отецъ,
 А Латырь-камень камнямъ отецъ.
 Потому Латырь-моря всимъ морямъ отецъ,
 Потому Латырь-камень всимъ камнямъ отецъ:
 Ляжить ѳнъ сиреди моря,
 Сиреди моря, сиреди сныява,
 Идутъ по морю много корабельщиковъ, —
 Гла (возлѣ) того камня останавливаются,
 Яны бяруть много съ яво снадобья (янтара).
 Посылають по всяму свѣту бѣлому...

Или:

Бѣлый Латырь-камень всимъ камнямъ отецъ:
 Съ-подъ камешка съ-подъ Бѣлаго Латыря
 Протекли рѣки, рѣки быстрыя,
 По всей землѣ, по всей вселенную.
 Всему міру на исцѣленіе,
 Всему міру на пропитаніе.

(Ср. «Кал. Перех.» вып. 2 и Замѣтку къ 4-му вып.)

Опять то же отношеніе Латырь-каменя къ источникамъ и питанію людей, какъ въ разсказѣ объ Индрѣ. Мы достаточно объяснили уже въ прежнихъ Замѣткахъ, что Алатырь, Илектръ, Янтарь, глав-

ная приманка и главный предмет древней торговли наших праотцев, источник их питания и обогащения, такой же источник в исторической действительной торговле их, каков источник питания для земли в воде, источник питания для людей в засуху, наконец, дровище, источник того оживления, которое некогда почерпнули Славяне в стихийном начале своего божества среди эпохи жгучаго Дажь-бога. Этот Алатырь далъ имъ и морю, среди коего чаще находилея, Балтійскому: но также точно переведенъ и на море Тёплое-Черное, и на море Хвалынское (см. Замѣтку къ 4-му выпуску), всюду, куда проникали наши Русскіе Славяне съ своею мореходною и рѣчною торговлею. Здѣсь—то сновали наши древніе гости-корабельщики, отсюда-то выносили свои заморскія богатства; здѣсь испытывали всѣ приключенія и подвергались опасностямъ, иногда слагая и голову. Понятно, что даже въ міровыхъ и миеологическихъ воззрѣнїяхъ, гости-корабельщики, а за ними и весь народъ православный, должны были подвергнуться действительному ужасу, реальной, осязательной опасности, когда разыгралось такое море, по однимъ Балтійское, по другимъ Хвалынское (см. выше), а разыгралось оно отъ того, что разыгрался представитель моря, его Царь, а Царь разыгрался отъ игры Садки, отъ дѣйствій этого отважнаго удалца, Богатаго Госта Новгородскаго. Такъ міръ древнихъ доисторическихъ и миеологическихъ воззрѣнїяхъ, міръ, на почвѣ действительности, воплощавшійся въ событіяхъ древнѣйшей Славяно-Русской торговли, переведенъ наконецъ на частную, мѣстную Новгородскую почву, въ удѣлъ героя Садки, и здѣсь сдѣланъ содержаніемъ мѣстнаго былеваго творчества. Такъ, говорить на оборотъ, исторія Садки, переданная въ Былинахъ, возводитъ къ древнѣйшей Славяно-Русской действительности, къ первымъ началамъ ея исторїи, къ торговлѣ по морямъ, а отсюда еще выше, къ древнѣйшимъ міровоззрѣнїямъ и событіямъ, совершавшимся уже въ духѣ слагавшагося народа, при выходѣ изъ періода Дажьбожскаго, въ борьбѣ силъ человѣческихъ и человѣко-образныхъ съ силами стихійными. Въ сферѣ сихъ послѣднихъ самое дѣйствіе игры Садки на гусяхъ, его искусство, это конечное обаяніе, покорившее себѣ стихійную силу, есть уже окончательная побѣда: ею вышелъ челоуѣкъ изъ плѣна, какъ вышелъ Орфей изъ ада. При началѣ наступившаго за тѣмъ творчества, въ міръ его древнѣйшихъ представ-

леній, исходъ побѣдителя изъ власти грознаго и бурнаго начала рисовался конечно какъ выходъ юнаго бога изъ пропасти номощію старой богини, къ нему склонившейся отъ бога стараго, содѣйствіемъ невѣсты—богини юной, страдавшей, терпѣвшей и даже обманутой юнымъ богомъ, а потому представлявшейся въ униженіи, *черною, позаренною*, наконецъ въ силу рѣшенія спора между старымъ богомъ и богинею, рѣшеніемъ ихъ загадки, такой же, какова была загадка Сѣинкса. Да такъ и находимъ въ древнѣйшемъ нашемъ творчествѣ, черты коего мы собрали и наложили въ Заѣткѣ при II-мъ т. Рыбникова, по поводу Саломана и Саламанія. Весь міръ трепеталъ при борьбѣ своего юнаго представителя и въ разгарѣ ея ждалъ гибели и себѣ, и ему. Но человекъ побѣдилъ, и въ настоящемъ случаѣ Славянинъ, Русскій. При началѣ положительной и дѣйствительной исторіи сего послѣдняго, то же самое повторялось во очью при подвигахъ первыхъ нашихъ удалцевъ мореходцевъ, торговцевъ янтаремъ, а послѣ и другими заморскими товарами, по морямъ Балтійскому, Черному, Сурожскому, Хвалынскому: стаи гостей-корабельщиковъ, а за ними весь родъ и племя ихъ, также точно трепетали за себя при всякомъ новомъ, отважномъ и отчаянномъ предпріятіи въ дѣлѣ съ бурною стихіей. Но и они успокоены: побѣдитель возвращался въ лоно земщины съ богатой добычей. Когда сложился окончательно міръ-народъ Русскій и разбѣтлся отдѣльными великими общинами, когда обособился Великій Новгородъ, тѣ же событія, то есть съ тѣми же существенными, а потому и древнѣйшими чертами, нашли мѣсто въ судьбѣ исторической Новгородской торговли по рѣкамъ и морямъ, даже въ судьбѣ историческаго лица Садки, въ XII-мъ вѣкѣ бывшаго представителемъ Богатыхъ Гостей и построившаго церкви послѣ долгихъ блужданій въ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ. Былевое творчество, взявшее его героемъ, перенесло всѣ общія черты на одно частное событіе и лицо, давши намъ тягъ Богатаго Гостя и рассказавши древнѣйшую новѣсть подъ именами Садки, Морскаго Царя и Царицы, Чернавки, друзей-корабельщиковъ. Корабельщики также страдаютъ отъ его подвига, также пугаются за себя и за него, но подъ конецъ принимаютъ съ радостію вернушагося побѣдителя, товарища и начальника. Нельзя не замѣтить, всматриваясь глубже въ эти былинны, что вся побѣда Садки и самый его выходъ на свѣтъ Божій, какъ

въ Кіевскомъ творчествѣ выходъ на свѣтъ Божій Потыка, зависти отъ собственной силы героя, вышедшаго изъ борьбы и пропасти умиа, искусствомъ, ловкостью, умнѣемъ—и вонграть, и рѣшить споръ, и отгадать загадку, и склонить къ себѣ старую Царицу, и воспользоваться юною невѣстой, и во время перестать играть, и сослаться на порыванна струны; прочія лица, Царица, Чернама, только помогали и содѣйствовали. Но Христіанство, въ пору созданія былии уже царившее въ Новгородѣ, придало всему свой мысній облескъ: трепещеть въ ужасѣ народъ православный, онъ молится, его страданія и молебны услышаны, является Микола и руководитъ спасеніемъ. Тако точно, мы видѣли нѣкогда, освящена Христіанствомъ и заключительная исторія Потыка въ Кіевскомъ творчествѣ. Такъ кончается и Голубиная Книга, описавши грозныя образы міровыхъ существъ и тотчасъ ослабляя ихъ космическую силу обадіемъ силъ вышнихъ, духовныхъ, христіанскихъ: подъ вліяніемъ силъ послѣднихъ, Стравалъ побиваетъ уже однихъ только «непріятелей, потопила силу невѣрную, невѣрную силу, безбожную, никакихъ бѣдъ она не дѣлаетъ,» а трепетомъ своимъ даетъ только знать пѣтухамъ—когда запѣвать, солнцу—когда освѣщать землю; Индра поселяется «во стѣняхъ и никто его въ глаза не видячи,» а потому также «никому побѣды онъ не дѣлаетъ» и помѣщается даже «во святой горѣ во Аeonъ-горской, въ горы Сионскія, во Ѡаоръ-горы, онъ и пьетъ, и ѣсть во святой горѣ, онъ и Богу молитъ за святу гору, а хвалу произноситъ самому Христу;» въ этомъ смиренномъ видѣ, когда онъ *возвращается*, только лишь «вся святая горы всколыхаются, вси звѣря земныя къ нему ирвклонятся;» Китъ-рыба до того укротился, что теперь когда «поворотится, вси-ты рыбы ему поклонятся,» а потому уже не страшеть его поворотъ, ибо «основана земля Святымъ Духомъ, а содержана Словомъ Божиимъ;» грозное Окіянь-море переведено потомъ и тою же Голубиною Книгой въ чудесное, но благотѣльное Алатырь-море, Синее, послѣ же просто въ «Теплое,» гдѣ лежитъ Алатырь-камень, въ «Хвалыи-ское,» гдѣ живетъ Стравалъ, гдѣ гуляютъ гости-корабельщики, даже Московскіе; море освятилось тѣмъ, что изъ него выходитъ «соборная церковь;» гости-корабельщики успокоены богатомъ добычею «снадобья,» которое развозять они «по всему свѣту бѣлому;» извѣстный у древнихъ и загадочный «путь морской,» помянутый выше по

Голубиной Книгѣ на Окіанъ-морѣ, переносится потомъ у насъ на землю, — является «пустьъ земной,» какъ у Грековъ въ Дельфахъ подѣ благодѣтельнымъ покровомъ Феба; наконецъ онъ помѣщается въ нашихъ сказаніяхъ на Голгоетѣ подѣ крестомъ. Сюда же перемѣщается прежній чудесный, дорогой, но скользкій и опасный, Алатырь-камень: по нашимъ сказаніямъ, кровь Христа текла на него, черезъ его разсѣлину на голову Адама и на весь земной путь, очищая ихъ. Еще болѣе: какъ въ приведенныхъ выше стихахъ Голубиной Книги изъ подѣ камня Латыря протекли рѣки быстрыя во всю вселенную, такъ въ той же Книгѣ далѣе разсказывается, что на этомъ камнѣ, уже въ Ерусалимѣ, сидѣлъ Христось, отсюда училъ и текли струи его ученья: «на Бѣломъ Латырѣ на камени бесѣдовалъ да опочивъ держалъ самъ Исусъ Христось, утверждалъ онъ вѣру Христіанскую, утвердилъ Онъ вѣру на камени, распушалъ Онъ книги по всей земли, распушала Книгу Голубиную.» — Возвращаясь къ Садкѣ, повторяемъ, что въ сущности разсказали о немъ былины: типъ Гостя Богатаго, игралъ онъ въ игру отважную и опасную, чуть не потерялъ въ ней головы своей, чуть не погибли его товарищи-корабельщики, и чуть не погибъ въ ужасѣ весь тогдашній міръ православный; но онъ отвагою своею и искусствомъ вышель побѣдителемъ, обрадовалъ друзей, сотоварищей торговаго промысла, вернулся на родину, обнялся съ женою-семеюшкой, навезъ богатой добычи, послужилъ ею всему міру православному, настроилъ церквей, между прочимъ своему забавителю — Миколѣ Можайскому; не погибъ изъ за его удали народъ православный, а еще покорыстовался его добычею, добылъ его славное имя въ свою исторію, вставилъ въ былины своего творчества. Окончательный выходъ, послѣдній шагъ изъ пропасти описывается разное: то Садко взялъ дочь Царя съ условіемъ, чтобы доставила его на святую Русь; она и доставила, но Садко «поклонился и распротился съ ей: — Ты прощай, Царевна Морская, я тебѣ женихомъ не пришелъ, а ты мнѣ въ невѣсты не пришла (Рыбник. т. I, № 62),» — это обманъ, весьма впрочемъ свойственный обрисованному типу торговца; то, по вѣщанію Миколы, онъ женился на Чернавѣ, легъ спать, но воздержался отъ дальнѣйшаго и — «проснулся Садке во Новѣ-градѣ о рѣку Чернаву (намѣренное сопоставленіе съ невѣстою) на крутомъ кражу, какъ поглядить — ажно бѣжать свои (его) черленые корабли по Вол-

хову (тамъ же, № 64);» или, по завѣщанію же Микола, чтобъ не обнимать и не цѣловать Морскую дѣвушку Поваренную, Садко «съ молодой женой на подлѣтъ спать,—свои рученьки къ сердцу прижалъ;» въ просонь соблазнился было, двинулъ ногу,—«ото сна Садко пробуждался, онъ очутился подъ Новымъ-городомъ, а лѣвая нога во Волхъ-рѣкѣ (у насъ № 2),» — такъ опасно было его положеніе въ далекомъ торговомъ предпріятіи, такъ онъ на минуту былъ между двухъ міровъ, между жизнью и смертію; или же, заснулъ онъ съ женою, — «какъ проснулся онъ со сна крѣпкаго, и увидѣлъ онъ свѣтъ бѣлый и солнце красное, и увидѣлъ, что встаетъ на крутомъ кружу, у быстрой рѣки, и бочки съ ивнѣиомъ лежатъ подли его, а невѣсты его и въ слуху нѣтъ (у насъ № 1);» наконецъ, и всего хуже, ибо непоследовательно, рассказывается, что Садко, увидавши вокругъ отчаянную пляску и догадавшись, что отъ нея «Окіянь синне море всколыбалоса, кораблики всѣ повылломало, людей-то всѣхъ по-вытопило,» объявилъ, что это пляски «бѣсовскія,» отказался дальше играть и заставилъ Царя воротить гостя домой (Рыбник. т. I, № 63): говоримъ—непоследовательно по ходу творческаго разсказа, но, коли хотите, согласно съ основною мыслию, когда убѣдился Садко въ опасности черезъ чуръ отважной игры своей и, бросивъ дальнѣйшія торговыя предпріятія, рѣшился вернуться домой. Жена, въ этомъ мірѣ, не отплатила Садку за ивнѣиу по ту сторону, въ другомъ мірѣ; товарищи не поступили съ нимъ такъ, какъ хотѣлъ онъ поступить съ ними, высовывая ихъ вмѣсто себя по жеребью на явную опасность: они поминали его, горевали по немъ. Когда Садко очутился въ Новгородѣ по добру по здорову, узналъ онъ церкву — приходъ свой, того Николу Можайскаго, встрѣтилъ плившихъ по Волхову съ Хвалынскаго моря товарищей, выгрузилъ съ нихъ казну (у насъ № 2); по другимъ проснулся—бочки съ ивнѣиомъ лежатъ возлѣ, «съ ивнѣиомъ и домой пошелъ (у насъ № 1);» по третьимъ, встрѣтила его обрадованная жена, мужъ повыгрузилъ богатства съ прибывшихъ кораблей, сооронилъ на нихъ «соборную церкву Микола Можайскому, не сталъ больше ѣздить Садке на синне море, сталъ поживать Садке во Новѣ-градѣ (Рыбник. т. I, № 64);» наконецъ влагаются женѣ слова: «Ай же ты, любимая семейшка! Полно тебѣ ѣздить по синю морю, тосковать мое ретливое сердечушко по твоей по буйной по головущкѣ: у насъ много есть

и гвѣнца — богатства и растеть у насъ малое дѣтине (тамъ же, № 63)!» Все однакоже согласно въ томъ, что послѣдняя отчаянная игра изъ за страсти къ добычѣ рѣшила наконецъ Садку вернуться окончательно въ лоно своей земщины и здѣсь искать успокоенія. Но такое окончательное водвореніе Садки среди города и земьны послужило предметомъ еще особой, и единственной, Новгородской былинны, помѣщенной у насъ подъ № 3-мъ: здѣсь въ основѣ лежитъ собственно то же, что упомянули мы въ началѣ Садковой исторіи,—обогащеніе черезъ рыбу, обратившуюся въ деньги, то есть черезъ тѣ же торговые обороты по рѣкамъ и морямъ, но положительнѣе рассказаны успѣхи Садки среди прочихъ его горожанъ, окончательно побѣда надъ ними всѣми, подробнѣе построеніе церкви, а источники обогащенія—воды получили иной образъ, не Моря и Морскаго Царя, а Волги и Ильмена. Бѣдивши по Волгѣ до самаго устья въ теченіе 12 лѣтъ и заслуживши на ней имя Волжскаго Сура, Садко захотѣлъ побывать въ Новгородѣ и сталъ прощаться съ Волгою тою же благодарственной жертвой, какую мы видѣли выше на морѣ,—опустилъ въ воду хлѣба съ солью. Волга передала ему какъ свое благословеніе, такъ и поклонъ черезъ него брату, славному озеру Ильмену, то есть свое покровительство и благоволеніе къ Садкѣ передала теперь Ильмену, по мѣсту новаго жительства, куда переходилъ торговецъ съ Волги. Садко по указанію ея подѣхалъ по Волхову въ Новгородъ и сталъ подъ башнею проѣзжею (помѣщаяшейся на Волховскомъ мосту, ибо такъ, съ проѣзжими башнями на концахъ, изстари строились у насъ мосты; или при вѣздѣ изъ Волхова въ Ильмень?): здѣсь справилъ поклонъ и челобитье; по рѣкамъ ходить слава до моря, тѣмъ паче должно было дойти челобитье по Волхову къ Ильмену. Отъ Ильмена въ отвѣтъ явился удалой доброй молодецъ, вѣроятно Волховъ: онъ началъ разговоръ отъ имени Ильмена и, узнавши о близкомъ знакомствѣ Садки съ сестрою Волгою, тотчасъ же поспѣшилъ выразить Гостю благоволеніе новаго патрона, научилъ закидывать невода въ Ильмень, въ неводахъ оказалась разная рыба, а на четвертый день въ подвалахъ вмѣсто рыбы—дробныя (мелкія) деньги, червонцы и монеты. Мѣсто моря въ покровительствѣ Богатому Гостю занялъ теперь Ильмень, тотъ же, что и съ перваго начала поставилъ Садку на ноги въ его родинѣ Новгородѣ. Любопытно, что въ некоторыхъ образцахъ Голубиной Книги, исхо-

дивныхъ вѣроятно изъ Новгородской области, мѣсто Окіана-моря, со всеми его помянутыми особенностями, занимаетъ Ильмень: «Ильмень озеро озерамъ мати, озерамъ отецъ,» и, хотя тутъ же прибавлено, что «не тотъ Ильмень, который подъ Новымъ-градомъ, да не тотъ Ильмень, кой у Большой Орды, не тотъ Ильмень, который во Царѣ-градѣ, а тотъ Ильмень, который въ Турецкой земли, стоитъ близъ Ерусалима,» но изъ этого уже видно, что слава Ильменя и имя его простерлись въ древнемъ воображеніи на всѣ воды міра. Любимецъ Алатырь-моря, Балтійскаго, любимецъ Хвалынскаго и рѣки Волги, сдѣлался теперь, по возвратѣ на родину, снова любимцемъ Ильменя, ведя съ нимъ сношенія черезъ удалаго молодца—черезъ Волховъ. Садко сходилъ къ Ильменю поблагодарить за подарокъ и попросилъ еще «поучить жить во Новѣ-градѣ.» Совѣтъ Ильменя былъ практическій, пригодный во всѣ вѣка торговцамъ: повести дружбу съ людьми таможенными, нынѣшними чиновниками и полиціей, а для посадскихъ людей, согражданъ, дѣлать угощенія. Входя мало по малу во всѣ связи съ городомъ, Садко вступилъ членомъ и въ братчину, Никольщину, въ праздникъ и при церкви Николы Можайскаго. На братчинскомъ пиру онъ захвастался, тѣмъ же, чѣмъ и въ началѣ своего обогащенія,—повыкупить всѣ товары въ Новгородѣ: но тогда онъ не выигралъ заклада и долженъ былъ признать превосходство своей метрополи; теперь же, обогащенный долгею торговлей по рѣкамъ и морямъ, онъ дѣйствительно поскупилъ всѣ товары, до того, что остался въ рядахъ одни черепаны, гнилые горшки, а всѣ горшки уже битые. И ихъ поскупилъ все-таки Садко: «пригодятся—ребятамъ черепками играть, поминать Садку, Гостя Богатаго!» Пренія слова свои о богатствѣ Новгорода, приведенныя нами выше, теперь, какъ побѣдитель, Садко оборотилъ уже въ совершенную насмѣшку: «что не я, Садко, богатъ,—богатъ Новгородъ всякими товарами заморскими и тѣми черепанами, гнилыми горшки!» Однако и здѣсь сила роднаго города и христіанства окончательно побѣдила самого побѣдителя,—заключеніе, всюду замѣтное въ нашемъ былевожѣ творчествѣ, въ силу того, что оно развилось въ эпоху уже Христіанскую: богатство свое положилъ Садко на городъ, на церковь, на роду православному; онъ построилъ дивныя три церкви—Стефана Архидьякона, Софіи Премудрыя, связанной въ лѣтоисеяхъ¹ съ именемъ Садки, и Николы Можайскаго, церковь, помянутую выше

какъ готовую, но въ заключеніи и лучшемъ видѣ приписанную все-таки Садкѣ. — Заключимъ тѣмъ, что нигдѣ не выразилась такъ ярко, какъ въ былинахъ о Садкѣ, типъ торговаго Новгорода, не только сложившагося и историческаго, но въ связи и съ древнѣйшими, даже доисторическими преданіями, общими всей Руси и Славянамъ. Отъ того эти былины имѣютъ цвѣтъ преимущественно мѣстный Новгородскій, и отъ того же, ни въ былинахъ Киевскихъ, ни въ Княжескихъ, ни въ Московскихъ не извѣстнѣе и не поминутъ Садко, ни съ однимъ изъ его частныхъ, личныхъ обстоятельствъ, ни въ самихъ былинахъ о немъ не вставлено подробностей и чертъ, какія принадлежали бы извѣстному, исторически сложившемуся творчеству Киева, Княжескихъ удѣловъ, Москвы. Связь съ ними послѣдними только доисторическая — относительно содержанія, только въ языкѣ и складѣ творчества. Равнымъ образомъ, и по тому же, былины о Садкѣ неизвѣстны въ Средней полосѣ Руси, а только на Сѣверѣ, въ Сибири, Архангельской округѣ и Олонецкой, куда шли Новгородскіе выходцы, выходцы изъ метрополиі уже сложившейся и обособившейся.

Въ связи съ Былинами о Садкѣ мы должны рассмотреть Былевую Пѣсню о *Терентьицѣ*: мы не можемъ назвать ее въ строгомъ смыслѣ Былиною, ибо складъ ея болѣе краткій и женскій, то, что въ народѣ называется *Стариною*. Но, съ этой стороны приближаясь къ пѣснямъ Былевыми Безъиманнымъ, она богаче еще ихъ собственными именами и подробными мѣстными чертами, весьма ярко рисующими Новгородъ, а потому старше и можетъ быть сопоставлена съ новгородскими Былинами о Садкѣ и Васильѣ Буслаевѣ. Форма имени героя, не Терентій, а *Терентьице* — по свойству нашего языка принадлежитъ всему или гровному, страшному, или старому, неловкому, неуклюжему, и, съ этой послѣдней точки зрѣнія, идетъ къ старому обманутому мужу. Онъ также *Богатый Гость*, какъ и Садко: но лицо его, какъ героя, а вмѣстѣ обстоятельства, послужившія содержаніемъ пѣсни, слишкомъ частны, мелки и семейны, чтобы возрасти въ полную, мужскаго склада Былину или сдѣлаться общимъ содержаніемъ для творчества Руси; потому опять это содержаніе неизвѣстно ни Киевскому, ни прочему Русскому творчеству, исключая предѣловъ мѣстнаго Новго-

родскаго. Есть однако и здѣсь, если глубже всмотрѣться, черты болѣе древнія и общія остальному творчеству: дворъ Терентьяща описанъ какъ дворъ Пѣнка или Ермы; самое лице его, старика и Богатаго Гостя, сродно съ теми послѣдними лицами; положеніе обманутаго чужимъ молодцомъ мужа напоминаетъ исторію Ермы и Чурилы. Но вся эта основа проткана совершенно новыми цвѣтами и узорами чисто-исключительной мѣстности Новгородской и господствовавшихъ въ ней воззрѣній. Нельзя не остановиться здѣсь на любопытной особенностях: тогда какъ любовь играетъ такую важную роль въ Южномъ творествѣ Кіева и потомъ въ разрозненныхъ частяхъ эпоса повсемѣстнаго—Княжескаго, тогда какъ она тамъ создаетъ для лицъ столько драматическихъ положеній, въ самомъ эпосѣ указывающихъ на зародышъ драмы, а вмѣстѣ вызываетъ столько различныхъ образовъ и красокъ, дышащихъ всею нѣжностью или всею пылостью страсти, до тончайшихъ ея изгибовъ, вызываетъ столько яркихъ выраженій сладостнаго, ревниваго, мстительнаго чувства, создавашаго даже въ языкѣ множество себѣ свойственныхъ названій, словъ, оборотовъ,—вспомните хоть Былины объ одномъ Добрынѣ или въ Княжескихъ о Романѣ, Михайлѣ, Князѣ Волхонскомъ, — ничего этого нѣтъ даже и слѣда въ Былинахъ Новгорода, такъ точно какъ въ его лѣтописяхъ, столь отличныхъ во всемъ отъ Южныхъ, видимъ постоянно лишь практическаго, по преимуществу торговаго дѣятеля, которому, среди многихъ дѣлъ общественнаго устройства и преимущественно торговли, советѣтъ не до положеній драматическихъ, не до яркихъ и длинныхъ разсказовъ и описаній, не до выраженій чувства, который—наконецъ—въ самыхъ важныхъ дѣлахъ и разсказѣхъ объ нихъ до крайности лакониченъ и кратокъ, не договаривая необходимаго—даже для смысла, останавливаясь часто на полусловѣ: на все это ему—*некогда*. Это единственный на Руси второобразъ типа Лаконскаго и Дорическаго. Тѣмъ паче некогда ему распространяться о любви: мы встрѣтили только нѣсколько нѣжныхъ словъ на устахъ жены Садковой, да и то на порогѣ семейнаго дома, при возвратѣ мужа на лоно строгой матроны. Такъ и дѣло Терентьяща, въ подобномъ случаѣ вызвавшее у Кіевскаго творчества страстныя описанія увлеченій жены Ермы, таинственныхъ продѣлокъ и ночныхъ савданій Чурилы, ярости ревниваго и мстительнаго мужа, — дѣло Терентьяща въ Новгородскомъ творествѣ передано какъ простое, хотя

и поэтическая по своему, семейная сцена зажившей купеческой жены, готовой от старика отдаться первому встречному молодцу, потомъ наглое вторженіе разгульныхъ скомороховъ въ укрощеніе заблудившейся жены, самое укрощеніе въ формѣ домашней Русской потасовки, наконецъ угощеніе непрошеннаго гостя ремечатою дубиною. Во всемъ этомъ событіи движется уже никакъ не любовь, не страсть и не чувство, а вопросъ безпорядочной семейной жизни, переданной, для водворенія порядка, на рѣшеніе призванныхъ въ помощь горожанъ и на судъ Новгородскаго общественнаго мѣднѣя. Сцены, готовые повторяться съ давнихъ поръ доселѣ въ любой семьѣ Русскаго купечества: нужна была большая сила творчества и въ основѣ ея глубокое убѣжденіе въ законнось порядкѣ, чтобы отсюда создать очень хорошую Былевую Пѣсню, такъ точно какъ въ наше время для такого дѣла нуженъ талантъ не менѣе Островскаго. Но отнести это важное событіе къ эпохѣ исторической уже нельзя: слѣдъ эпохи, какъ въ Безымянныхъ пѣсняхъ, здѣсь потерянъ; лишь стройный складъ свидѣтельствуетъ о значительной древности, да по крайности, въ отличіе отъ пѣсень Безымянныхъ, сохранены имена лицъ и мѣстностей, мѣстный откликъ Новгородскій. Терентьяще жилъ въ улицѣ *Юрьевской*, въ слободѣ—по его имени—*Терентьевской*. Когда жена, наскучивши старымъ мужемъ, захотѣла его выпроводить подъ предлогомъ нервнаго разстройства и послала за дохтурами, онъ за дверь, а любимый молодецъ въ дверь и на кровать. Бѣдняга мужъ хлопочетъ. По счастью его, у церкви *Воздвиженія*, у *мосту*, близъ распутья, гдѣ въ древнемъ Русскомъ городѣ всегда можно было встрѣтить или Калѣкъ Перехожихъ, или удалыхъ Бойцовъ-борцовъ, или разгульныхъ Скомороховъ, попадаютъ старику сіи послѣдніе:

- вѣжливые, очеставлые, пронырлявые, пройдохи; пѣвцы и игроки, представители народныхъ драматическихъ сценъ съ масками; первые зачалники и надежные товарищи кому погулять, попить, попроказить; всюду — по пирамъ, свадьбамъ, по домашнимъ досугамъ отъ скуки прошеные и званые гости; любившіе брать, но не любившіе и не имѣвшіе откуда давать деньги, потому на складчинахъ и братчинахъ гости всегдашніе, но не званые и не прошеные, ѣвшіе и пившіе сильно; готовые позабавить, но также точно и обокрасть, а за то часто битые, если же послышье они или побольше ихъ, то также охотно и бившіе; въ семьѣ пріятные гости—пока играютъ, а то и

накладные, и обжорливые, и воровскіе; дешевые совѣтники—чтобъ разстроить, дорогіе помощники—чтобы устроить и поправить бѣду; къ частному и общественному быту относившіеся въ родѣ нынѣшнихъ Русскихъ благородныхъ артистовъ: однимъ словомъ, Веселые Молодцы—ихъ прозвище,—другая сторона медали, обратная той, гдѣ стояли «Угрюмые Старики.» Калѣки Перехожіе, ирачные и таинственныя какъ сама слѣпота, такіе же бродучіе, такіе же творцы и пѣвцы, такіе же гости общества и семьи, но другаго сорта, на храмовыхъ праздникахъ до конца обѣдни и обѣда, до начала хороводовъ, на поминкахъ, кормахъ, и прочее, нами не разъ описанное. Скоморохи давно знали Терентьяща, давно разѣвали рты на его угощенья и деньги, да старикъ былъ скряга, поживы отъ него не было, «доселѣва его было слыхомъ не слышать и видомъ не видать;» только теперь объявился онъ, «бродить по чисту полю что корова заблудящая, что ворона залетающая,» да «и не самъ онъ зашелъ, не конь его завезъ, завела нужда.» Передаетъ онъ нужду: пришлось дорого заплатить за помочъ, далъ Скоморохамъ сто рублей, да еще послѣ другое сто рублей «за правду великую.» Скоморохи были настоящіе помощники въ его дѣлѣ, тѣ дохтуры, которыхъ лучше нельзя было желать: они сей часъ смекнули, въ чѣмъ дѣло, какъ вывести на свѣтъ «правду великую» и тотчасъ приступили къ дѣлу. Накупили — на деньги Терентьяща — нужныхъ вещей, мѣшокъ, вязъ, дубину, тогдашній галантерейный товаръ; обычно оборванцы, голъ кабацкая, они теперь, какъ при началѣ своихъ представленій, нарядились, стали въ строй, готовы въ походъ: у однихъ гусли, другіе съ голосами на пѣсни, мѣхоноша съ мѣшкомъ. Въ мѣшкѣ должны бы быть инструменты, орудія—иногда воровскія, куски пироговъ — денное продовольствіе: во въ настоящемъ случаѣ туда посадили старика съ вязомъ и дубиною (мѣшки были у нихъ столь же просторны, какъ можно видѣть донныѣ у Калѣкъ Перехожихъ). Подходятъ къ Терентьеву двору. Жена, по естественной опасливости, нѣтъ, нѣтъ, да поглядывала въ окошко, не вернулся бы мужъ: идутъ Скоморохи. Она было не пускать, хозяйина дома нѣтъ: но Веселые утѣшили вѣстью, что со кручины старикъ валяется у мосту безъ заднихъ ногъ. Тогда женѣ кстати повеселиться: завала, пошли игры и пѣнье, остальное достаточно краснорѣчиво передаетъ сама пѣсня. Наказана жена, наказанъ и Недугъ, прятавшійся подъ собо-

ливымъ одѣломъ. Мужъ, удовлетворенный, не отсѣкъ головы ни измѣнницѣ, ни гостю непрошеному, какъ Ерма въ Кіевскомъ творчествѣ: они прибавилъ лишь скоморохамъ за помощь, получилъ для дальнѣйшаго продолженія жену, да не могъ не радоваться съ точки купеческой, а вмѣстѣ и всей Новгородской, отпечатлѣвшейся въ словахъ былины,—убѣжавшій молодецъ оставилъ въ барышъ дорогой кафтанъ и камзолъ, да денегъ пятьсотъ рублей.—Нельзя однакоже не замѣтить, что весь тонъ этой пѣсни шуточный и сатирическій: какъ въ Гомерическомъ эпосѣ, такъ и во всѣхъ развѣтвленіяхъ нашего, не исключая Кіевского, Княжескаго и Московскаго, всегда возлѣ былинь серьезныхъ, смотрѣвшихъ на предметъ съ серьезной точки зрѣнія, стоятъ хоть одна, иногда двѣ и три шуточныхъ; мы уже отчасти разъяснили происхожденіе такого явленія, говоря о былинѣ «Каково жить птицамъ (Рыбн., т. II).» Такова же въ Новгородѣ, при былинахъ о Садкѣ и Васильѣ, пѣсня о Терентьицѣ, и вотъ разгадка, почему творчество сдѣлало содержаніе ея, ничтожное само по себѣ, достойнымъ своимъ предметомъ, и вышло побѣдоносно: то, что было бы плохо въ былинѣ важной и крупной, то сдѣлалось повтично, какъ скоро направлена сюда сатира, шутка и улыбка; элементъ комическій вывелъ предметъ изъ ничтожества на достойную степень творческаго созданія. Какъ не замѣтить, что тотъ же Новгородъ, который раздѣляетъ участь Терентьица и сочувствуетъ расправѣ скомороховъ, смотреть сатирически и на обманутаго старика скрагу, и на неудачу прикинувшейся жены, и на похищенія молодого парня черезъ окно подъ дубиной? А къ Веселымъ Молодцамъ — нечего и прибавлять, что—творчество относится весело.

Такой же, какъ Садко, любимый герой Новгорода, занявшій собою другой отдѣлъ былинь Новгородскихъ,—*Василій Буслаевъ*. Но это совсѣмъ другой типъ, чѣмъ Садко, выразитель совсѣмъ инаго слоя Новгородской жизни, совсѣмъ другихъ ея воззрѣній. Это представитель уже не мирнаго занятія торговли, даже не древнихъ безпокойныхъ и отважныхъ подвиговъ съ торговой цѣлью, не торговой посадской и не торговой гостинной стороны, а Новгородской *Вольницы* или *Повольницы*. Тамъ, гдѣ есть въ жизни достаточная доля свободы, въ семействѣ ли, или въ общинѣ, въ земщинѣ, даже въ государствѣ, тамъ молодежь, молодые подростки растутъ всегда на просторѣ, полные цвѣтущей—по древнему нашему языку—буйной жиз-

ни, полные всей роскошной силы и красоты юнаго бытія, съ ранней снѣжностью ума, съ неожиданною отцами молодецкою отвагой, какъ горячая надежда на будущее, но, непремѣнно и рядомъ, — съ неудержимымъ разгуломъ, съ задоромъ и дерзостью, съ буйствомъ и насмѣшкою, какъ поводъ невольныхъ опасеній каждому за настоящее. Мужи возраста зрѣлаго, мужья семействъ, составляли въ Новгородѣ крѣпкую и тяжелую Земскую Дружину, защищавшую предѣлы роднаго края, ходившую въ серьезные дѣла съ князьями, отправляли работы на прокормленіе семействъ, вели торговлю внутри, а больше за предѣлами, каковы — ны видѣли — былъ Садно, принимали участіе въ вѣчѣ и во всемъ общественномъ устройствѣ; старики, дѣды семей и главы родовъ, сторона по преимуществу охранительная, нужны были не столько энергическимъ дѣломъ, выходящимъ изъ предѣла ихъ силъ, сколько голосомъ, душою, влияніемъ: но и тѣ, и другіе, не могли не тяготиться крайностию молодежи, ибо это была не свобода, не охрана, а Вольница; они считали необходимымъ и были вынуждаемы необходимостью укрѣпить разгулъ ея незрѣлыхъ силъ, давать ей направленіе, по временамъ куда либо сбывать ее, пока она уходится и вернется на родину зрѣлымъ мужемъ. Такъ сбывали Вольницу — не въ Земскую Дружину, а въ тѣ летучіе отряды Новгорода, которые ежегодно, если не еженедѣльно, дѣлали вылазки къ опаснымъ сосѣдямъ и тревожили врага, которые хаживали въ легкія стычки съ князьями, которые не могли, говорить дѣлопись, драться на конѣ и въ сапогахъ, а спѣшивались, разувались и босые метались въ сѣчу. Эту же Вольницу подзадоривали торговцы, когда прознавши въ иномъ краю добычу и завязавши первыя знакомства, указывали ей на лакомый кусокъ, на предметъ захвата; ее торговцы водили за собой и съ собою. Новгородъ, по своему торговому характеру, никогда не былъ суровымъ завоевателемъ въ строгомъ смыслѣ: его приобрѣтенія въ далекихъ краяхъ добывались Вольницею, и она - то, за торговцами, проникала на послѣднія точки Сѣвера, на устья Волги и въ море Хвалынское. Съ этой стороны Вольница Новгородская сходна съ Богатырями, воспѣтыми въ Кіевскомъ творчествѣ: мы видѣли уже тамъ, какъ тяготилась Земщина проказами Богатырей въ своемъ нѣдрѣ, въ селѣ и городѣ, какъ сбывала ихъ на окраины и заставы, и какъ длились тамъ ихъ ежеминутные богатырскіе подвиги безконечнымъ рядомъ. Потому-то имя Василья Буслаева, представителя

Вольницы,—не так как имя Садки,—перешло даже въ Кіевское творчество, въ Богатырскія Былины, разумѣется не на первыхъ порахъ ихъ склада, а поздѣе, чередовалось тамъ съ именами нѣкоторыхъ Кіевскихъ Богатырей, на примѣръ занимало мѣсто Ивана Годиновича (Рыбник. т. II), а отчество *Буслаевича* является при Вольгѣ вмѣсто «Святославича,» вѣроятно по сходству имени «Вольга» съ Волхонъ и Волховонъ Новгородскимъ (Рыбник. I, № 1); когда же изъ Богатырскихъ пѣсень выродились Безымянныя, имя Василья перенесено на героевъ въ сихъ послѣднихъ (ср. тамъ же, въ былинѣ, выродившейся изъ былины о Дунаѣ Ивановичѣ), наконецъ помѣстилось даже въ ряду витязей, когда, по разсказу былины, они переводились на Русь (у насъ вып. 4; впрочемъ упоминаніе здѣсь Василья Буслаева, по самому происхожденію нѣсколько подправленной былины, намъ подозрительно). И на оборотъ, изъ Кіевскихъ былинъ въ былины о Васильѣ перешли нѣкоторые лица, составлявшія обстановку Богатырей, извѣстные намъ *Мужики Залышена* и *Семь братьевъ Збродовичи* (у насъ № 3). Потому же былины и сказки о Васильѣ Буслаевѣ, подобно Кіевскимъ, болѣе распространены на Русь, чѣмъ, на примѣръ, о Садкѣ. Но этимъ лишь и ограничивается сходство между Кіевскими Богатырями и Новгородскою Вольницей: гораздо больше есть различій. Первые составляли настоящую и зрѣлую Земскую Дружину, была только отборными ея перлами и типами, удостоенными былаго творчества: такъ требовали обстоятельства Южной Руси, славившейся за всю Русь среди безпрестанныхъ отъсюду враговъ, между самыми разнородными сосѣдями, между разнообразнѣйшими, облежавшими племенными вѣтвями, которыя предстояло объединить и сплотить, иногда обсоюзить, иногда обложить данью и даже покорить. Земская Дружина Новгорода, не поставленная самою мѣстностью въ такое положеніе, не доросла до Богатырства, не дала изъ себя Богатырей: заветныя стремленія ея членовъ, послѣ всякой вынужденной войны и стычки, простирались лишь къ торговлѣ и къ охранѣ своей великой торговой общины; богатыри ея были лишь богатыри отважной Торговли. Отъ того на Кіевскихъ Богатыряхъ лежитъ печать характера всеобщности, на Земской Дружинѣ Новгородской и на Вольницѣ—характеръ лишь частности. Тамъ стояли за всю Русь, сложившуюся въ прошедшемъ, наличную и будущую, готовившуюся: здѣсь за мѣстность, за свои интересы, за Новгородъ. Тамъ Богатыри не подрост-

ки, а преимущественно зрѣлые мужи, даже старики, какъ Илья: здѣсь старики вѣтъ всякой Дружины, вѣтъ отважныхъ предпріятій, домоуды сравнительно съ мужами зрѣлыми и болѣе молодою Вольницей; здѣсь Земскіе Дружинники, зрѣлые мужи,—не Богатыри, а по нуждѣ Дружинники Ратные, по охотѣ и любви Торговые; здѣсь Вольница, подрастая, дорастала не до Богатырства, а до тѣхъ же Земскихъ Дружинниковъ Новгородскихъ, до людей рабочихъ, людей вѣча, семьянъ и стариковъ. Богатыри Южные дѣйствовали самостоятельно, силами Землины, но вокругъ Князя; Южная Русь зародила въ себѣ Русь дальнѣйшую и въ нее перешла нажитымъ наследствомъ: Дружинники Новгорода дѣйствовали въ Новгородѣ и вокругъ Новгорода, порою съ своими пережитыми Князьями, но совѣтъ не для идеи, руководившей ими послѣдними, передававшейся искрою отъ Кіевскихъ Князей ко вѣтъ Князьямъ Русскимъ и перешедшей даже къ Князьямъ Московскимъ; тѣмъ паче летучая Новгородская Вольница, хотя и сдѣлала что для всей Руси, но не прямо, а лишь косвенно, черезъ посредство своего Новгорода, куда перешли ближайшіе плоды ея походовъ. Тѣмъ менѣе могла она создать что либо прочное, исторически передавшееся позднѣйшимъ вѣкамъ; Новгородъ какъ жилъ своею жизнью *о собѣ*, особо, такъ и замеръ, и сгнѣ въ этой особой жизни, цѣлкомъ захваченный Москвою какъ добыча, но не передавшійся въ ея плоть и кровь, не переродившійся и послѣ захвата, а либо замороженный, либо самъ замершій въ постепенномъ разложеніи, въ испаденіи до простаго отличія мѣстнаго, географическаго и этнографическаго. Ни Владиміръ, ни Москва не захватывали древняго Кіева (говоримъ *древляго*): а между тѣмъ изъ него все нажитое перешло живѣйшимъ преданіемъ во Владиміръ и Москву, и въ родѣ Князей, и въ самой Землѣ, Мирь—народѣ. Здѣсь-то, можетъ быть, въ прочности и всеобщности началъ, лежавшихъ на одной сторонѣ, въ зыблости и узкости на другой, лежитъ разгадка паденію, и снова зародышу, и востанію, и даже возможнымъ и будущимъ судьбамъ Кіева, сочнаго корня, зрѣлаго и питательнаго плода Русской жизни, здѣсь же конечному паденію и невозможному востанію древняго Новгорода, красиваго отростка, *буйнаго* цвѣта Руси, буйнаго въ помянутомъ выше смыслѣ, какъ говорятъ доселѣ многіе Славяне, полнаго бытіемъ, но скоропреходящаго и на всегда поблекшаго. Въ Кіевѣ не было Вольницы, въ родѣ Новгородской, молодежь зрѣла до Богатыр-

ства и переходила въ творчество какъ типъ Богатыря: въ Новгородѣ неизвѣстны Богатыри въ родѣ Кіевскихъ. Богатыри принадлежали и доселѣ принадлежать всей Руси, какъ типы ея зачала и первобытной жизни: Дружинники Новгородскіе полегли за свой городъ не оставивши славныхъ именъ и типовъ творчеству; типъ Новгородской Вольницы, Василій Буслаевъ, принадлежитъ лишь мѣстности Новгородской, и только лишь черезъ нее, косвенно, остальной Руси. Тамъ Богатырей много: здѣсь героевъ мало, даже одинъ, если не считать торговца Садни; тамъ они выходили изъ всѣхъ слоевъ тогдашней Земщины, и Бояръ, и Крестьянъ, и Поповъ, и Гостей, и Посадскихъ, и т. д.: здѣсь они не различались въ своей густой массѣ по слоямъ, ибо не было различавшихъ крупныхъ чертъ; туда собирались Богатыри изъ всѣхъ краевъ тогдашней Руси, даже изъ Муромъ и Ростова, роднаго брата Новгороду, только лишь не изъ Новгорода: здѣсь выступали дѣятели лишь свои, Новгородцы. Это какъ нельзя лучше отбѣчалось въ послѣдовательной связи Русскаго Былеваго творчества. Старшіе Богатыри, выразители первобытной эпохи только лишь начавшей слагаться Руси, неизвѣстны творчеству Новгорода, а между тѣмъ въ тѣсной связи съ Богатырями Кіевскими, представителями Руси сложившейся, на первой лучшей порѣ Владиміровой; между самими Богатырями Кіевскими замѣтна постепенность отъ болѣе старшихъ къ младшимъ, исторически доводится ихъ существованіе до битвы при Калкахъ и дотягивается даже до Ермана Сибирскаго; изъ пѣсней Былевыхъ Безымянныхъ многія выродились изъ тѣхъ же Богатырскихъ, только съ потерей исторической эпохи, именъ личныхъ и мѣстныхъ, да съ пониженіемъ склада творческаго, выродились также, какъ изъ Княжескихъ и Московскихъ; черезъ то имена и типы Богатырей болѣе или менѣе перешли во всю Русь, даже въ Новгородскую внѣшнюю область, а мотивы творчества, занятые изъ древнѣйшаго содержанія Богатырскихъ Былинъ, проникаютъ собою все дальнѣйшее творчество Русское, видоизмѣняясь на разные лады, такъ что у Москвы, внѣ ея особыхъ, своеобразныхъ Московскихъ Былинъ, есть пѣсни въ народѣ, ведущія начало отъ Кіевскихъ: Новгородское творчество не приняло въ себя всѣхъ этихъ наслѣдій, за исключеніемъ какой ни будь пары менѣе цѣнныхъ именъ (какъ на примѣръ помянутые Залѣшена и Сбродовичи), и осталось особнякомъ внѣ общей Русской связи; бы-

лись объ его Вольницѣ, то есть объ единственномъ типѣ ея — Васильѣ Буслаевѣ, остались чисто-мѣстными Новгородскими выродкомъ, неразлагаемыми ни на какія послѣдствія въ творчествѣ остальной Руси, кристаллизовавшимися и замершимъ въ своей кристаллизаци. Они не ведутъ начала отъ Былинъ о Богатыряхъ Старинныхъ, не связаны съ Кіевскими, за исключеніемъ двухъ-трехъ древнѣйшихъ преданій, исшедшихъ изъ поры доисторической, какъ мы видѣли въ Садкѣ, да обитая въ двухъ-трехъ именахъ, въ силу немянутаго нѣкотораго подобія Вольницы и Богатырства, да вѣщнаго склада творчества, стиха и эпического языка, общаго всей эпической эпохѣ въ творчествѣ Русскомъ; наконецъ отсюда не выродилось ни пѣсенъ Божьяныныхъ, ни другихъ какихъ либо общихъ для Руси мотивовъ творческаго содержанія. После Былинъ, вышедшихъ во времени сложенія ихъ изъ XII вѣка, Новгородъ, сколько мы знаемъ изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ данныхъ, пѣлъ Былины Московскія (нѣкоторыя изъ нихъ записаны въ Новгородѣ), а темеръ поетъ тѣ же пѣсни, какъ вся Русь, прошедшая чрезъ Московскій періодъ, даже безъ крупнымъ отличій мѣстности. — Высказать всю исторію Вольницы въ главномъ ея представителяхъ, возведенномъ въ типъ творческій, исторію этого типа съ рожденія и дѣтства до самой смерти, въ зародышѣ среди Новгорода, въ воспитаніи, въ первыхъ дѣйствіяхъ, въ борьбѣ съ окружающею средой, потомъ внѣ ея, на сторонѣ, до возвращенія на родину или до конца послѣдняго, — вотъ задача, неопытная, нужно сказать правду, превосходно Былинными и отчасти Сказками о Васильѣ Буслаевѣ. Передавая содержаніе, мы получимъ случай непрерывно сравнивать этотъ типъ съ типомъ Садки, чтобы видѣть близость, а еще больше все различіе: только предваряемъ, что все это отнюдь не *людьми* — подвиги были только у нашихъ Богатырей, — а *пожарденія* и *приключенія*.

Объ родѣ-племени Садки и даже объ отчествѣ не стоило говорить: безъ роду-племени, выскочкой вышелъ онъ въ люди усильными трудами; соземъ не то Василій: его отецъ *Вуслай* (см. выше развѣтвленія имени), мать *Людотья Васильевна* или — типическое имя былеваго творчества — *Афимья Александровна*, еще типичнѣе — *Амелѣа Тимофеевна*; дворъ ихъ и нѣгнѣ постоянно называются *дворянскими*, то есть вѣрнѣе, боярскими; они были боярами, конечно не тѣми, комъ подѣ-

даны Князьями изъ ихней дружины, а Земскими. Буслай занималъ въ городѣ видное мѣсто, быть можетъ посадиничество, ибо Былины даютъ замѣтить, что онъ «съ Новымъ-городомъ не споривалъ, со Описковымъ онъ не вадоривалъ, а со матушкой Москвой (позднѣйшая ветавка) не перечился.» Жилъ онъ бездѣтнымъ, обыкновенно рассказывается, до 90 лѣтъ, пока зубовъ во ртѣ нѣтъ: Василій, какъ говорятъ въ народѣ, былъ сыномъ «молённымъ и божённымъ.» Скоро, со смертію отца, остался онъ наследникомъ почетнаго въ городѣ имени и большого богатства: воспитательницею была мать. Садко не былъ «въ грамотѣ поученный человекъ» и вѣроятно на жеребьяхъ писалъ какъ пишутъ нынѣшніе Русскіе торговцы — каракульками, а въ завѣщаніи, хотя и принесли ему богатую «чернилицу вальжаную (Рыби. I, стр. 377),» вѣроятно приложилъ руку въ собственномъ смыслѣ, то есть обмакнувши ее, или выставилъ чернилами крестъ; да высшая образованность торговому Русскому человеку и не полагается нужною: но, какъ Богатыри Кіевскіе, представитель Вольницы обученъ всѣмъ тогдашнимъ наукамъ. Семь лѣтъ выученъ онъ матерью грамотѣ и перомъ писать: то и другое ему въ наукъ пошло. А какъ стали его учить пѣтью церковному, то это до такой степени пошло ему въ наукъ, что Былина прибавляетъ: «а и пѣть у насъ такова пѣвца во славномъ Новѣ-городѣ сопротивъ Василья Буслаева,»—знакъ, что Былина, въ ея уцѣлѣвшемъ видѣ, сложена и пѣлась въ Новгородѣ (да и гдѣ же иначе?). Настоящее его воспитаніе было впрочемъ такое: на улицѣ, среди ребятишекъ, въ дѣтскихъ играхъ, а ребята въ вольномъ Новгородѣ были конечно не только какъ всѣ уличныя мальчишки, а даже какъ Лондонскіе. Прибавьте сюда надежду на имя и богатство, да несомнѣнное баловство матери къ единственному и позднему сыну. Василій сталъ шутить шутки недобрыя, тѣ, которыя рассказываются впрочемъ и объ другихъ герояхъ нашего эпоса, какъ признакъ ранней ихъ силы: особенность Василья была въ томъ, что онъ шутилъ такъ, рвалъ руки, ноги и головы, не только на знаменитой Новгородской улицѣ *Рогатицѣ*, рано извѣстной по лѣтописямъ и перешедшей даже въ другія Былины (собственно это была всякая древняя наша улица, огороженная, вмѣсто тумбъ и троттуаровъ, рогатками), но и на всѣхъ улочкахъ, да сталъ загуливать и на княженицкѣй дворѣ, сталъ пошучивать свои шутки съ дѣтьми боярскими и княженицкими

(Рыбник. т. I). Еще хуже: въ противность скромному Садкѣ, Василій «поводился со пьяницы, съ безумицы, съ Веселыми удалыми-добрыми молодцы,» знакомыми намъ Скоморохами; въ раннихъ лѣтахъ онъ «до пьяна ужъ сталъ напиваться (у насъ № 3).» Вотъ важнѣйшій толчекъ происхожденію Вольницы, необходимо возникавшей въ общественномъ складѣ такого города. Поднялись ропотъ, говоръ, недовольство, дошли они до матери. Былины передаютъ это различно: по однимъ, мужики (т. е. мужи, люди) Новгородскіе только пригрозили Васкѣ—«тебѣ съ зестою удачей молодецкою наквасити рѣка будетъ Волхова,» помочиться въ Волховѣ, побывать въ немъ съ мосту по мірекому приговору! По другимъ стали доходить жалобы и просьбы къ матери, притомъ съ угрозами: «унимай-ка своего чада милаго, а ты не уймешь, такъ мы уймемъ!» Еще, будто съ такою жалобой приходили *отъ князей Новгородскихъ* (Рыбник. т. I); наконецъ, являлись жаловаться прямо и лично люди «посадскіе, богатые.» Частію разсерженный, частію и напуганный угрозами, Василій къ матери; мать отъ баловства перешла къ журьбѣ-бранн, конечно жалѣя сына; сыну избалованному, «журьба Васкѣ не взлюбила.» Нѣкоторыя Былины прибавляютъ, что мать даже перестала пускать его гулять по Новгороду (Рыбник. т. I): еще хуже. Двѣ стороны уже крѣпко расходились въ рознь: но мать еще пособила дальнѣйшему. Слезливая старуха ревѣла надъ сыномъ и, пугаясь за участь его въ предстоящей непременно борьбѣ съ горожанами, начала причитать: отецъ твой «не имѣлъ въ карманѣ сто рублей, а имѣлъ дружину хоробрую,»—пословица, не имѣй въ карманѣ сто рублей, а имѣй сто друзей; «а у тебя нѣту братій и дружины хоробря, не съ кѣмъ тебѣ будетъ поправляться (Рыбник. т. II)!» «Ай же ты, Васильюшка Буславъевичъ! Прибрай-ка собѣ дружину хоробрую, чтобъ никто ти (те, тебя) въ Новѣ-градѣ не обидѣлъ (т. I)!» Садко предпочелъ бы въ этомъ случаѣ сто рублей: но Василью ложились слова въ сердце глубоко и попадали въ желанную имъ самую цѣль. «За эти рѣчи, говорить былина, Василій принимается (т. II).» Онъ и самъ подумывалъ, какъ огородить себя и отъ досадныхъ жалобъ съ угрозами, и отъ докучной журьбы матери. Слѣдуетъ второй, и главный шагъ въ образованіи Новгородской Вольницы, второй періодъ въ воспитаніи Буслаева. Обучаться принялся онъ теперь самъ: «семинадцати лѣтъ обучился Василій на-

уць воинскихъ (даже, прибавляетъ былина, «рыцарскихъ»), ощу- тить въ себѣ силушку великую, и дѣлать себѣ сбрую ратную, па- лицу воинскую и копье мурзаметское, тугой лукъ разрывчатый и саблю вострую (Рыбник. т. I);» любимыиъ однако оружіемъ Ва- силья съ тѣхъ поръ былъ и остался «червленый» или «столяный вязь,» порою ось тележная, — черты эпохи дравной. Тутъ пора бы Василья сбѣтъ въ походы съ прочею Вольницею: да онь, вѣроятно, и хаживалъ, но мать не могла на долго разставаться, воровалася; притомъ одна толпа Вольницы изъ Новгорода убывала, другая оста- валась или прибывала. Это и дало возможность творчеству брать- тицъ ея какъ постоянный элементъ Новгорода, держать здѣсь Ва- силья для дальнѣйшей борьбы и описывать постепенный разгаръ ея съ окружающими враждебными элементами городской общественной жизни. При такомъ порядкѣ вещей и въ такомъ городѣ, какъ Нов- городъ, полный безпрестанно смѣнявшимися гостями и пришельцами, полный удалой молодежи, конечно всегда было много голц кабацкой и праздношатающихся удалцевъ, искавшихъ понагрѣть руки около бо- гатствъ или потѣшить рука борбою: самое устройство общины, разла- гавшее и стакивавшее партіи, требовавшее для партій кричкихъ рукъ и бойцовъ, тому способствовало. Къ такимъ-то молодцамъ обратися Ва- сийдй, набирая себѣ дружину, по свидѣтельству былины рассылая письма съ приглашеніями или—по нашему—прибывая удличныя дѣвши, съ за- зывомъ пить и ѣсть готовое, носить дорогое платье, разгуливаться: дѣвши и писемъ даже было не нужно, дружина Вольницы сама со- бою скопцалася вокругъ надежныхъ предводителей; а чего было на- дежнѣе именитаго и богатаго бадовия? Собираются, по былинамъ, на дворъ къ Василью. Одна былина (Рыбник. т. II) такъ очерча- ваетъ толпу въ общихъ чертахъ: «тати, веры, разбойники, плутъ, мошенникъ.» Впрочемъ нѣкоторые, судя по описанію, были и поря- дочныиъ. Набиралось чернымъ-черно, какъ черна ворона: отобралось лучшихъ 29, самъ Васья сталъ тридцатыиъ. Вотъ главные лица по былинамъ: первый и главнѣйшій *Костя Новоторжанинъ*, изъ Торж- ка, Новгородской области, по одной былинѣ съ оцествомъ—*Костя Никитинъ* (не ошибка ли вмѣсто Новоторжанинъ? У насъ № 4); *Потанюшка* (Потанъ), *Потаня*, съ прозвищами и описаніями — *Малый-упалый*, *Маленькой*, *Хроменькій* или *Хромненькій*, на праву ножку припадываетъ, на лѣву прихрамываетъ, изъ подъ ручки

посматриваетъ,—видно, одно слово, пройдохъ; *Василька Маленькой*; *Ома* или *Омушка*, *Хомушка*, *Горбатенькій*, *Толстъ-благородливый* (уродился во благо, въ добро ему шло, кругленькій, гладенькій, брюшковатый),—толстый да горбатый, приземистый, ражій; *Котельная Пригаринъ*, прожженный, то же, что «Дѣтина Цеваренный», «Тараканка» и т. п., съ давнихъ поръ типъ всякаго довѣкаго помощника, услужливаго чернорабочаго; *Иванщице Сильное*, *Калѣка Перехожій*, извѣстный и въ Кіевскомъ творчествѣ: ему бы собственно здѣсь не слѣдъ и быть, да онъ попалъ потому, что *Калѣки* встрѣчались тогда на каждомъ шагу; знакомые намъ оттуда же *Мужики Залыщеца* и *Семь братьевъ Эбрадовичи*; *Лука и Моисей*, *Дѣти Боярскіе*, заставляющіе поддѣрживать сходство съ *Лукою* и *Петромъ*, «Королевичами изъ Крикова (Кракова; Рыбник. т. I).» Подобныя же лица встрѣтимъ мы и послѣ, въ числѣ бойцовъ на Москвѣ. Своеобразно пробовалъ или испытывалъ пришедшіиъ *Васька*,—вязомъ по головѣ, кто не ворохнется, у кого кудри не тряхнутся и т. п.: кто оказывался годенъ, называлъ братомъ названымъ, угощалъ; мужиковъ *Залышанъ*, страшныхъ и въ Кіевскомъ творчествѣ, до того самъ перепугался, что не посмѣлъ даже къ нимъ и показаться на первое знакомство. Одна стѣнка была такимъ образомъ готова; поводы къ столкновенію также на чеку: познакомимся и съ другою стѣнкою, представителями города, ставшими во враждебное отношеніе къ молодежи. Нельзя не замѣтить, что у *Садки*, практическаго человѣка, вовсе нѣтъ враговъ: стражники *Морской Царь* все-таки ему благодѣтельствуетъ; *Царица* на его сторонѣ; *Чернава* выводитъ его на Русь; *кушцы* и «настоятели» *Новгорода*, временно поспоривши, подъ конецъ все-таки помогаютъ обогатиться; *башлыки*, люди таможенные—то же; еслибы въ то время существовалъ полицеймстеръ *Новгорода*, и онъ явился бы «отцемъ и благодѣтелемъ» *Садки*; нечего уже говорить о *Волгѣ*, *Ильменѣ* и т. п.: напротивъ у *Василья* все, даже родные—какъ крестовый батюшка—все задѣто и гнѣзетъ противъ него на стѣну. Стѣна же эта вотъ какая. Во первыхъ, упоминается въ былинахъ оскорбленный *Васильемъ* «*Княземецкій дворъ*» и «*Князь Новгородскій*,» какъ глава, распорядитель, судья, наказующій и милующій (см. ниже): но это не тотъ *Князь*, какіе бывали въ *Новгородѣ* выпрошенные, назначенные или выбранные изъ извѣстнаго рода *Варяжскаго*. Ближайшее

изученіе Русской исторіи въ связи съ исторіею другихъ Славянскихъ племенъ, особенно Южныхъ, не оставляетъ сомнѣнія, что и прежде сихъ Князей, и при нихъ, кромѣ ихъ, были Князья изъ своего рода, съ достоинствомъ и правами своими, такъ точно, какъ искони было у Славянъ именованіе *Князя*, такъ точно, какъ Князья были всегда и остались доселѣ у Славянъ Южныхъ, не призывавшихъ никого изъ Варяговъ, доселѣ въ достоинствѣ старшинъ и судей надъ общинами, такъ точно, наконецъ, какъ имя и достоинство Князя, хотя въ иномъ смыслѣ, искони придавалось жениху на свадьбахъ. Подобныхъ образомъ и *Бояре*, кромѣ возникшихъ изъ дружины Княжеской, Варажской, на Руси, были искони и здѣсь, и у всѣхъ Славянъ свои собственные; такъ что на оборотъ изъ дружины Княжеской дѣлались Бояре по образцу Земскихъ и, кромѣ Варяговъ, съ самаго начала въ дружинѣ Княжеской, въ Земской и прямо въ Земщинѣ были Бояре Русскіе-Славянскіе. И дѣйствительно, по былинамъ Новгорода, упоминаются въ немъ, и въ одно время, «*три Князя Новгородскіихъ* (Рыбник. т. I).» потомъ «*два Князя*» и просто «*Князья Новгородскіе*,» объясняемые тутъ же—«*Воевода Николай Зиновьевичъ, Старшина Оома Родіоновичъ* (тамъ же).» Тѣ же два лица—одинъ сходенъ и именемъ—видѣли мы въ былинахъ о Садкѣ подъ именемъ «*Новгородскихъ Настоятелей*.» Въ другой былинѣ и въ томъ же совершенно положеніи, какъ лица предыдущія, упоминается «*Городничій Оома Родіоновичъ*,» очевидно то же лицо, что выше названъ Княземъ и Старшиною. Тѣ же *Никола Зиновьевичъ* и *Оома Родіоновичъ* выводятся въ другихъ двухъ былинахъ (унасъ № 1 и 2) просто какъ «*мужики*,» т. е. «*мужи Новгородскіе*;» тамъ, гдѣ въ однихъ былинахъ описывается ширь у «*Князя*,» въ другихъ одно лишь имя «*у Викулы Окулова* (*Викулы*—вѣроятно изъ *Микулы*, *Николая Зиновьевича*; Рыбник. т. II).» Очевидно, что все это простые, обычные мужи Новгородскіе, но облеченные въ достоинство *Князя*, а Князей этихъ могло быть нѣсколько въ одно время и достоинство ихъ, по роду службы, дѣлилось на *Судью* въ строгомъ смыслѣ (см. ниже), *Городничаго* или *Старшину* (городскаго), *Воеводу*. Какъ они выходили изъ Земщины и къ ней относились, и въ нее возвращались послѣ службы, и какой срокъ былъ ихъ службѣ, и какъ рядомъ службъ и служебныхъ лицъ въ роду образовались Служилые люди, какъ относились къ упомянутымъ званіямъ По-

садникъ и Тысящій, подъ какими изъ упомянутыхъ именъ скрывались и когда собственно организовались въ томъ видѣ, въ какомъ мы застаемъ ихъ во лѣтописяхъ, здѣсь входить въ подробности не мѣсто. Не лишне однако прибавить, что показанія былеваго творчества, обыкновенно хранимаго какъ святыня въ памяти и устахъ народа, очень важны въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что ихъ нельзя здѣсь объяснить никакъ ослышкою или искаженіемъ. Равнымъ образомъ, какъ въ именахъ при Садкѣ, *Ома Назарьевъ* и *Лука Зиновьевъ*, такъ и въ упомянутыхъ при Буслевѣ нельзя конечно видѣть лицъ непремѣнно историческихъ, тѣмъ болѣе, что мы ихъ не находимъ во лѣтописяхъ, но нельзя однакоже вовсе оставить безъ вниманія, съ какимъ постоянствомъ въ былинахъ народъ держится именъ *Омы Родионовича* и *Николы* (онъ же, вѣроятно, при Садкѣ, жившемъ въ ту же эпоху, *Лука*) *Зиновьевича*. Скрытое отъ исторіи по лѣтописямъ возстаетъ нерѣдко въ повѣстическомъ творчествѣ: и на оборотъ, дѣянія Садки и Буслева приходились во времена Князей, княжившихъ въ Новгородѣ «изъ рода Варяжска,» съ Посадниками и Тысящими, а творчество, мы видѣли, представляетъ устройство правительства въ своемъ видѣ, то есть типическомъ, можетъ быть старшемъ, даже болѣе самобытномъ и народномъ, чѣмъ устройство, введенное при Князяхъ и Князьями съ чужи, съ далека или изъ иного рода. Какъ бы то ни было, но только Василій Буслевъ съ окружившей его Вольницей, видимъ мы, поставилъ противъ себя все тогдашнее правительство Новгорода. Въ иныхъ былинахъ оно все называется гудомъ «мужиками Новгородскими;» въ другихъ, гдѣ различаются лица правительства, исполнителями его въ борьбѣ съ Васильемъ именуются особо «*господа (бояре)*,» «*мужики Новгородскіе*,» мужики «*и все купцы богатые*,» «*мужики посадскіе*,» наконецъ «*города-Кемскіе*,» подошедшіе къ дѣлу также, какъ Костя изъ Торжка при Буслевѣ: то есть, это все были естественные враги Вольницы, мужи зрѣлаго возраста, стойкіе — посадскіе, дружинники земскіе, гости и проч., за исключеніемъ стариковъ, зрѣлый возрастъ противъ молодежи, горожане въ собственномъ смыслѣ, полноправные дѣтели противъ Вольницы. Былины, обрисовавшія не совсѣмъ красиво дружину Буслевскую, не скупаются и на враговъ ея: они «на питье завидные (см. ниже ссору изъ за пива),» даже «воры (города-Кемскіе),» а все творчество, въ дальнѣйшемъ теченіи разсказа, съ явнымъ со-

чувствіемъ становится на сторонѣ Буслаева; видно, онъ ииѣлъ правду на своей сторонѣ и сторона охранительная поवादѣла народу, по-опротивѣла въ глазахъ его. Предоговъ къ рѣшенію натянутыхъ отношеній съ обѣихъ сторонъ могло быть конечно, замѣчали мы, въ доволь. Нѣкоторыя былины всего проще зачинають борьбу, безъ предлога; «говорить Васильюшка Буслаевичъ:—Есть бы (еслибы) у меня была дружинишка хоробрая, тридцать молодцовъ безъ единого, самъ-то я, Васильюшка, въ тридцатыхъ, такъ ѣхалъ бы я биться со всѣмъ Новымъ-градомъ;» когда же собралось ихъ столько, «туть оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали (Рыбник. т. I).» Но другія наблюдаютъ постепенность и выставляютъ предлоги. Когда собранная Вольница шровала во дворѣ Буслаева, «какой зайдеть, убьютъ его, убьютъ его — за ворота бросать.» Завидные на питье, послѣ аѣишь и приглашеній Буслаева, мужики Новгородскіе собирались къ его чанамъ: но они не могли иподнять чары, только лишь «шатаются день до вечера;» это надоѣло Василью, выбѣжалъ онъ на дворъ и ну ихъ бить. По другимъ, мужики собрались къ Василью, такъ бы и быть, да расхвастались: «Мы теперъ стали на твоємъ дворѣ, всю мы у тя ѣству выѣдимъ, и всѣ напшочки у тя выпьемъ, цѣтно платице повыносимъ, красно золото повытащимъ.» Разумѣется, «этыя рѣчи ему не слюбилися» и онъ зачалъ ихъ валять по двору. Наконецъ, рассказываютъ, что мужики собрались было чество: но Василій кормилъ-поилъ свою дружинну, «а тыхъ мужиковъ Новгородскіихъ не кормилъ не поилъ да не чествовалъ, а посылалъ по въ-зашей да въ сутычъ ихъ. Тутъ-то мужики Новгородскіе видять, что не хорошо то есть: «Осмѣмся (отсмѣмся) мы насмѣшку Васильюшкѣ, сдѣлаемъ мы, ребята, почестенъ пиръ, заведемъ (подадимъ видъ, будто) для Василья для Буслаевича, не позовемъ-ка мы на почестенъ пиръ того Васильюшку Буслаева!»» Каки бы то ни было, только со двора Васильева «пошли мужики — сами заплакали: «были у Васьки на честномъ пиру, не упили мы, не уѣли, а въ безвѣчье (увѣчье) замѣли у Васьки на вѣки!»» Мужики Новгородскіе сдѣлали складчину, Братчину Никольщину (пиръ въ Николинъ день), по нѣкоторымъ у самого Новгородскаго Князя: Василья не пригласили, но онъ отправился незванный съ дружиною, не смотря на предостереженія матери и съ явнымъ желавіемъ добиться рѣшительной борьбы. Пиръ этотъ не могъ обойтись безъ конечной ссоры.

Одна Былина передаетъ, что ссора вспыхнула случайно: староста церковный, казначей Братчины, принялъ отъ Василья и дружины долю складчины, ширь шелъ порядкомъ, но Вольница къ вечеру напилась въ кабакъ; начались игры, кулачная борьба, дошло до драки: Василій бросился разнимать, а тутъ какою-то дуракъ его по уху оплеялъ; Василій крикнулъ—«Уже Ваську меня бьютъ!» Подоспѣли его товарищи и вышло побойще. Въ другихъ былинахъ, послѣдовательноже, названный гость не могъ ожидать радушія: явившись въ буйномъ видѣ, онъ съ товарищами влѣтъ насильно, попихалъ и разогналъ собравшихся. Впрочемъ, не смотря на эти схватки, схватки сравнительно съ послѣдующимъ боемъ, ширь тѣмъ бы и кончилась; но подъ конецъ его пьяная Вольница расхвасталась; Костя говорить: «Нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати, я остался отъ батюшки малешенекъ, малешенекъ остался и зеленешенекъ; развѣ тымъ мнѣ, Костѣ, похвастати: ударить съ вами о великъ закладъ, о буйной головы,» именно что онъ напустится «на весь на Новгородъ, окромѣ трехъ монастырей (не трогая ихъ изъ уваженія)—*Спаса Преображенія, Матушки Пресвятой Богородицы, да еще монастыря Смоленскаго!*» Та и другая сторона взаимно перечегла, а Василій говорилъ еще сильнѣе: «Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичъ, не боюсь я тебя, Ома Родіоновичъ, не боюсь я всего Новгорода!» Это было уже близко къ вызову; мужики возражали: «Загадываешь загадку великую! Когда ты, Василій, удалъ е, пойдешь же драться на мостикъ на Волховскій, на тою на рѣченьку на Волхову: ты со своимъ со дружинамы хоробрима, а мы будемъ драться *всѣмъ народомъ.*» Василій не замедлилъ форменнымъ вызовомъ: «Гой еси вы, мужики Новгородскіе! Бьюсь съ вами о великъ закладъ: напущаюсь я на весь Новгородъ битися-дратися, со всею дружиною хороброю. Только (если) вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ, буду вамъ платить дани-выходы по смерть свою; а буде же я васъ побью, и вы мнѣ покоритесь, то вамъ платить мнѣ такую же дань.» Сдѣлали договоръ письменный за рукоприкладствомъ: «и ударился Васька о великъ закладъ, не о ста рубляхъ, не о тысячѣ, ударился Васька о своей буйной головѣ, за утро (завтра, на другой день утромъ) битися Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ;» «и ударилъ о великъ закладъ со трема Князьями Новгородскими, выходить на мостикъ на Волховскій и битися Василью съ Новымъ городомъ, побить всѣхъ мужи-

зовъ до единого;» «ударилъ они о великъ закладъ, подписали подписа великія, что съ утра още ранымъ рано итти-то па рѣченку на Волхову, на тотъ ли на мосточикъ на Волховскій *)» Вспомните, что такъ точно бился объ закладъ въ Кіевѣ, и раздѣлилъ его на партіи, Иванъ Гостиный Сынъ (вып. 3); что такъ точно съ Новгородцами бился объ закладъ Садко: по для Гостя-Купца единоборство состояло въ лучшемъ товарѣ (какъ у Гостинаго Сына), или (какъ у Садки) въ закупкѣ всѣхъ Новгородскихъ товаровъ; здѣсь же шло дѣло объ единоборствѣ въ собственномъ смыслѣ, на животь и на смерть. И какое неравенство стѣнокъ: съ одной стороны весь Новгородъ опрѣчь женщинъ, дѣтей и стариковъ, опрѣчь монастырей—духовенства, церковниковъ, зрѣлое, испытанное ядро населенія, бывавшее и состоявшее въ Дружинѣ Земской, ходившее въ походы съ Князьями, въ далекіе, чужіе и враждебные края съ купеческими товарами; съ другой Вольница хотя и рыная, но неопытная, большею частію молодежь, и всего тридцать человекъ. Но при этомъ нужно однако вспомнить, что тридцать человекъ, по точному смыслу творчества, было лишь выборныхъ и отборныхъ, друзей Василя, его названныхъ братьевъ, душа въ душу, и это собственно была его дружина; Вольница же расла около дружины конечно сбродомъ и толпою, клубокъ росъ по мѣрѣ движенія. На первый же зовъ Василя пришла къ нему «силушка чернымъ чернѣ:» было изъ чего выбирать, было чѣмъ и пополниться отборному. Приставали къ нему всѣ недовольные, и выходило, что кажущееся неравенство стѣнокъ на самомъ дѣлѣ было не такъ велико. Во всякомъ случаѣ, главное дѣ-

*) Во II-мъ томѣ у Рыбникова все дѣло перенесено въ Кіевъ, Василій дѣлаетъ закладъ побороть весь Кіевъ, каменну Москву, со всѣми и со малыми пригородками, а дерутся мужики городо-Кемскіе: происхожденіе сему было то, что былина начинается описаніемъ пира, „да идетъ-то Василій во почестный пиръ ко князю“ — Новгородскому; но, какъ скоро сказано „ко князю“, нетвердый пѣвецъ, по привычкѣ къ Кіевскимъ былинамъ, продолжилъ—„ко Владимиру“, и пошла писать—„у ласкова у князя у Владимира“ и т. д. Подобныхъ явныхъ искаженій (сравните въ одной Былинѣ, Рыбник. т. II, мостъ *Обуховъ* вмѣсто *Волховскаго*) мы никакъ не должны относить къ помянутому общенію творчества Кіевскаго и Новгородскаго: обшеніе тамъ, гдѣ безъ искаженія есть связь внутренняя, выраженная въ сознательномъ сближеніи лицъ, мѣстъ, именъ и т. п.

ло было въ томъ, на чьей сторонѣ правда и кто долженъ былъ побѣдить по сочувствію и воззрѣнію творчества: а все это было на сторонѣ Василья, а съ этой помощію въ Кіевскихъ Былинахъ и одинъ Богатырь побивалъ тысячи. Василій представлялъ собою юную, притѣсняемую силу, а эта сила, права или неправа, всегда скорѣе встрѣчаетъ въ творествѣ сочувствіе; замѣтьте еще сторону, крайне всегда щекотливую для нашего народа: Василій шелъ противъ служилыхъ и богачей.—И такъ, «ударили о великъ закладъ, и записи написали, и руки приложили, и головы приклонили.» Какъ ни былъ однако же увѣренъ въ себѣ и друзьяхъ Васька, былины прибавляютъ, что когда онъ пошелъ съ ширю домой и хмѣль съ него свалилъ, пошелъ онъ не веселъ не радостенъ, повѣсилъ буйную голову, утупилъ очи ясныя. Къ матери дошла вѣсть о сдѣланномъ закладѣ, рассказала дружина, рассказалъ самъ Василій. Завалился ли онъ самъ съ тяжелой попойки и уснулъ мертвымъ сномъ въ прохладномъ глубокомъ погребѣ, какъ рассказываетъ одна былина (Рыбник. т. I. № 57); или мать съ намѣреніемъ еще напоила его «пѣтѣмъ будицимъ (т. II)» и уложила; или даже сама вывела съ шира и засадила (т. I),—только во всякомъ случаѣ, испуганная вѣстью о происшедшемъ и предстоящемъ, старуха плакала и не нашла сдѣлать ничего лучше, какъ запереть сына всѣми возможными запорами, спрятать все его оружіе, выпустить въ поле коня и т. д. То, чего не смогъ бы весь Новгородъ, сдѣлала мать своею властію: подъ крѣпкими запорами Василій лежалъ безоруженъ, спалъ безъ просыпу да и забывалъ объ дѣлѣ. Одна былина (у насъ № 3) называетъ за это мать «старухою неразмышленною:» но она знала, что дѣлала, сынъ ей былъ дороже всей гражданской и воинской чести. Поспѣшно она «напила (насыпала) чашу красна залота, другую чашу чиста серебра, третью чашу скатна жемчуга, и понесла въ даровья *Князю Новгородскому*, чтобы *простилъ* сына любимаго.» Здѣсь-то особенно выступаетъ одинъ Князь, и притомъ въ качествѣ Судьи, такъ что пѣвецъ къ одной былинѣ прибавлялъ, что Амелю Тимоѣевну «позвали въ Судъ и крѣпко тамъ разобидѣли (Рыбник. т. I):» если гдѣ искать Рюриковича, то конечно вотъ гдѣ: тогда, съ этой точки зрѣнія, «Посадникъ» соответствуетъ помянутому «Князю-Старшинѣ» или «Городничему,» «Тысяцкій» — «Князю-Воеводѣ.» Конечно обида въ Судѣ состояла въ естественномъ рѣшеніи Судьи,—

«говорить Князь Новгородскій: «Тожно (въ такомъ случаѣ) прощу, когда голову срублю!»» Самое живописное лицо Новгородскаго творчества со стороны нравственнаго характера есть конечно мать Буслаева, и нигдѣ такъ вѣрно и послѣдовательно не выражается творчество Новгорода, какъ въ рассказѣ о взаимныхъ отношеніяхъ матери и сына (смотрите еще ниже). Пошла она домой, «закручинилась пошла, запечалилась, рассыяла красно золото, и чисто серебро, и скатень жемчугъ по чисту полю, сама говорила таковы слова: — Не дорого мнѣ ни золото, ни серебро, ни скатень жемчугъ, а дорога мнѣ буйная головушка своего сына любимаго, молода Васильюшка Буслаева!—» Одна осталась у ней надежда—на крѣпкіе запоры и на крѣпкій сонъ сына.—Между тѣмъ мужики Новгородскіе всю ночь готовились къ бою и готовили оружіе: къ чести обѣихъ сторонъ, вытекавшей впрочемъ изъ условій подобнаго боя, нужно замѣтить, что оружія остраго не употребляли, мужики приготавливали молоты и шалыги или шелепуги подорожныя, какія бывали у Калѣкъ Перехожихъ, страшно тяжелыя клюки или длинныя дубины, иногда налитыя свинцомъ, иногда всѣ свинцовыя; Вольница была вооружена также; самъ Василій, не смотря на то, что, какъ мы видѣли, обучился наукамъ воинскимъ и рыцарскимъ, имѣлъ и копье, и саблю, но дерется обыкновенно дубиною, именно вязомъ, по нуждѣ—какъ увидимъ—желѣзною осью телѣжною, при случаѣ—языкомъ отъ колокола. Нельзя одного похвалить у Вольницы и Дружины Буслаева: какъ всякая молодежь и самоувѣренность, какъ типъ Славянина вообще и Русскаго, увѣреннаго въ правотѣ дѣла, они, въ то время, какъ опытные враги готовились и эта черта выставлена ярко въ былинахъ, по молчанію былины—не принимали никакихъ особыхъ мѣръ, ринулись какъ попало и не догадались даже всѣ собраться, дождаться и вызвать своего предводителя. Бой, еще во время роковаго пира и заклада, назначенъ *на мосту Волховскомъ и у моста*: тамъ гдѣ предрекъ будущее плывущій богъ язычества, Перунъ, куда бросилъ свою палицу, куда биться палицами сходились потомъ Новгородцы въ своихъ воинскихъ играхъ, гдѣ преимущественно бились въ городскихъ расприхъ. Въ частности бой размѣренъ былъ въ условіяхъ такъ: куча Новгородцевъ, какъ застава, встрѣтитъ Василья съ дружиною первая *до мосту*, съ той стороны, откуда ему идти; другая *среди мосту*; третья *въ концъ моста*; если хоть на одной Василья побьютъ,

потерялъ онъ свою заложенную голову; но если пробѣтъ заставу третью, то онъ побѣдитъ. Вотъ эти условія по быльнѣ: «Итти Василью съ утра черезъ Волховъ мость; хотъ свалить Василья до мосту,—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; хотъ свалить Василья у моста (та же куча, подвинувшись),—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; хотъ свалить Василья посередъ моста,—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; а ужъ какъ пройдетъ третью заставу, тожно (въ такомъ случаѣ) больше дѣлать нечего (рѣшена борьба, побѣдилъ).» Судьба Василья должна была рѣшиться тамъ же, гдѣ рѣшилась судьба Садки, гдѣ сему послѣднему (подъ мостомъ?) явился Волховъ и передалъ отъ Ильмена средства обогащенія. Рано утромъ, на другой день послѣ договора, сошлись двѣ стороны; мужики Новгородскіе, собравшись на мѣсто, кричатъ: «Ступай-ка, Василій, черезъ Волховъ мость, рушай-ка (рѣшай) завѣты великіе!» Но Василья не было. Впередѣ Вольницы выступилъ *Хомушка Горбатенькій*, на смѣну *Потанюшка Хроменькій*, потомъ *Костя Новоторжанинъ*; по другимъ впередѣ были *Котельная Пригарина* и *Потанюшка*. Они дѣлали все, что могли, были каждый сотнями: но они бились три часа, потомъ цѣлый день, потомъ другой день, третій день и третью ночь; въ каждый срокъ посматривали и поджидали они Буслаева: его нѣтъ какъ нѣтъ. У дружины головы проломаны, кушаками головы завязаны, платками руки перевязаны, не пили они, не ѣли, себѣ отдыху не давали, стоять они по колѣна въ крови, ные отъ мужиковъ уже кушаками исперевязаны и веревками зачутаны. Раздается вопль ихъ: «Что ты, Васька Буслаевичъ, измѣнилъ ты своимъ товарищамъ!» А мужики съ своей стороны насмѣхаются: «Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой? Измѣнилъ, братцы, Васька своимъ товарищамъ, продалъ за дешево, братцы, Васька своихъ товарищей! Трои сутки бьются братаны за Ваську Буслаева, молотами у нихъ головы испроломаны, кушаками у нихъ головы испривязаны, а Васька Буслаева въ явѣ нѣтъ: еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой!» Нѣкоторые былины говорятъ, что Василій проснулся тотчасъ на плачевный вопль товарищей и дѣло приняло новый оборотъ, какъ послѣ Плача Ярославны въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Другія, что онъ слышалъ въ погребу отъ мужиковъ говорю ихъ похвальную, хульную и похвальную: а похвалы, хвастовства, извѣстно въ нашемъ народѣ,

не терпят высшія силы и дѣло ими переворачивается (τὸ θεῖον φθονερὸν, какъ выражаетъ народное мнѣніе Геродотъ). Но большинство былинъ наблюдаетъ еще ступени послѣдовательности. На четвертый день битвы, рано по утру служанка матери Васильевой, *Дѣвка Чернавка* пошла на Волховъ по воду. Мы знаемъ уже это лицо изъ прежнихъ Замѣтокъ: вмѣстѣ съ Котельной Пригарниной это единственное, что досталось изъ древнѣйшихъ доисторическихъ преданій и первобытнаго эпоса въ былинны о Буслаевѣ. Она непременно въ службѣ у старшей госпожи или матроны, какъ Ириса у Геры: у насъ потому иначе она именуется Поваренною, даже, въ переводѣ на языкъ общезнатія, кухарка, хлѣбница и т. п. Она вѣстница, посредница двухъ сторонъ, какъ въ былинахъ о Саломанѣ, Садкѣ, Ермѣ и Чурилѣ, и т. д. Она помощница то одной, то другой сторонѣ, чаще—въ выводѣ—юному герою. Какъ древняя Ириса съ символомъ Радуги, она въ эпическомъ образѣ среди исторіи съ полукруглымъ коромысломъ черезъ плечо, расписаннымъ, изъ разнаго дерева: иногда, какъ въ разбираемыхъ былинахъ Новгородскихъ, коромысло ея металлическое—желѣзное, или кипарисовое, занесенное Русскими еще съ Юга. Древнее происхожденіе ея и бывшее значеніе выражается въ удѣлѣвшей громадной ея силѣ. Къ ней-то обратились побитые товарищи Василья: «Не подай (не выдай) насъ у дѣла ратнаго, у того часу смертнаго!» Чернавка поставила ведра, коромысло въ рукахъ ея начало помахивать, прибила враговъ до пятисотъ. Но этого все-таки было мало. Чернавка бросилась домой, своей силою сорвала замки и запоры, разбудила грознымъ упрекомъ Василья, рассказала о случившемся, выпустила его изъ заперти. Очнувшійся выскочилъ на дворъ, все оружье было прибрано (послѣ уже упоминается въ рукахъ Василья любимый вязъ), схватилъ онъ желѣзную ось тележную и, какъ спалъ, въ однихъ чулкахъ безъ чоботовъ, въ одной рубашкѣ безъ пояса, бросился выручать товарищей. Когда появился онъ «по Волхъ-рѣкѣ, по той Волховой по улицѣ, завидѣли добрые молодцы, а его дружина хоробрая,—у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ-то молодцовъ думушки прибыло.» Подскочилъ Василья: «Вы теперь позавтракали, мнѣ-ко-ва дайте пообѣдать! Идте же, братцы, на отдыху. идте же, братцы, не съ упадкою, а я за васъ поработаю! Садитесь вы, братцы, на лавочку: продамъ васъ не я, добрый молодець, продала васъ моя матушка родимая, измѣнилъ

вамъ не я, добрый молодецъ, изъбѣнила вамъ моя родна матушка! Теперь я съ ними побрѣтаюсь.» Кто могъ еще драться изъ дружины, развязалъ онъ и пустилъ въ дѣло (Рыбникъ. т. II), а самъ впередъ: на часу вся сила мужиковъ была выгублена. Но они помнили, что говорилъ Васька еще на пиру при похвальбѣ: не боюсь, говорилъ онъ, никого, ни всего Новгорода, «лишь боюсь я крестоваго батюшка, *Матераго Старчица Игнатьица*, да боюсь я крестоваго брателка, молада *Григорья Игнатьича*, — имъ отъ меня и честь, и почѣтъ; а что по чему пойдетъ, такъ и всѣхъ не боюсь!» Была правда, что Василій боялся ихъ, была правда, что и съ ними могъ въ крайнемъ случаѣ справиться. Мужикамъ приходилось схватиться за краешекъ. «Мужиковъ Новгородскихъ мало ставится, очень рѣдко и мало ихъ. Видятъ Князя (они въ сторонѣ ожидали конца, какъ старшины) бѣду неминуемую, — прибѣетъ мужиковъ Василій Буславьевичъ, не оставитъ мужиковъ на сѣмена, — приходятъ Князя Новгородскіе, Воевода Николай Зиновьевичъ, Старшина Оома Родіоновичъ, ко его государынѣ ко матушкѣ, сами говорятъ таковы слова: — Ай же ты, честна вдова Мамелоа Тимоеевна! Уговориши свое чадо милое, молада Василья Буслаевича, укротилъ бы свое сердце богатырское, оставилъ бы мужиковъ хоть на сѣмена! — Говоритъ Мамелоа Тимоеевна: — Не смѣю я, Князя Новгородскіе, унять свое чадо милое, укротить его сердце богатырское: сдѣлала я вину ему великую, засадила его во погребѣ глубокіе (я уже сдѣлала одну вину прежде и дала вамъ потачку). Есть у моего чада милаго во томъ во монастырѣ во *Сергѣевомъ* крестовый его батюшка *Старчице Пилигримице*: имѣетъ силу нарочитую. Попросите, Князя Новгородскіе, не можетъ ли унять мое чадо милое? — И такъ Князя Новгородскіе прѣѣзжаютъ къ монастырю ко Сергѣеву и просятъ Старчице Пилигримице, со великимъ просятъ съ униженіемъ: — Послужи ты намъ вѣрой-правдою, сходи ты на мостикъ на Волховскій ко своему ко сыну крестовому, уговори его сердце богатырское, чтобы онъ оставилъ побонще...» — Или прямо, не ходя къ матери и помня слова Василья на пиру, «мужики думу думали (со злобынымъ уже умысломъ): — Во томъ ли монастырѣ во *Кириловскомъ* есть *Старчице-Пилигримице*: пойдете-ка, братцы, подкупите, бываетъ — онъ побѣетъ Ваську Буслаева! — Они ѣхали скорымъ скоро во тотъ ли во монастырь во Кириловскій: — Ай же ты, Старчице-

Пилигринище! Послужи-ка намъ вѣрой-правдою, на тебѣ красна золота, чиста серебра и скатна жемчуга!—» Это новое лицо, крестный отецъ Василья, былъ еще въ родѣхъ ему, ибо передъ походомъ на мость «идеть онъ ко своей сестры, ко Васильевой матушки, говорить ей таково слово, что силушка мужиковъ городо-Кемскѣхъ поразбита и чтобъ она приунала своего сына Васильюшка (Рыбник. т. II).» Наконецъ, онъ называется еще (Рыбник. т. I) *Старчище Елизарище* и опять просто (у насъ № 3) *Старець Пилигринища*. Стало быть, лицо это въ сущности не новое, а весьма старое и намъ уже хорошо знакомое; онъ въ разныхъ монастыряхъ, различны его имена, но типъ одинъ: это Калѣка Перехожій, со всеми обычными своими свойствами, принадлежностями, дѣйствіями. Помянутыя составныя части этаго типа легко намъ уразумѣть: Старець, Старчище, Пилигринище—peregrinus, pielgrzym, т. е. Странникъ, Перехожій,—обычныя прозвища Калѣкъ; даже *дядей* Василью онъ сталъ изъ Польскихъ и Бѣлорусскихъ *Дядовъ*, Югозападныхъ *Дидовъ-Длдовъ*,—имя Калѣкъ. Впрочемъ, онъ могъ быть и по типу дядей Василью, братомъ его матери, въ міру: подъ конецъ пошелъ душу спасать въ монастырь и жилъ тамъ, какъ жили обычно Калѣки Перехожіе при любимыхъ монастыряхъ. На эту прежнюю его исторію въ міру намекаетъ также имя *Игнатьище*, подъ другимъ именемъ *Данило Игнатьевичъ* или *Данилище*, герой, извѣстный намъ изъ Кіевского творчества, прежде сильный богатырь, потомъ ушедшій жить при монастырѣ и спасать тамъ душу, послѣ встрѣчавшійся съ Ильєю на дорогѣ уже въ качествѣ Калѣки Перехожаго, также съ именемъ *дяди* (вып. 3 и 4). Сынъ его также извѣстный въ Кіевѣ *Иванъ* или *Михайло Даниловичъ*: вотъ откуда и въ Новгородѣ взялся сынъ *Григорій Игнатьевичъ*, крестовый братъ Василью; описанный такъ же, какъ отецъ его, и Калѣка, онъ только раздвоился изъ одного лица отцовскаго, мѣшаетъ единству сего послѣдняго и ничего не прибавляетъ къ творчеству, возникши не въ силу творческой необходимости, а случаемъ и по смѣшенію съ лицами Кіевского творчества. Послѣ онъ, до отца, дрался съ Васильемъ, но ничего ровно не пособилъ ни дѣлу, ни творчеству, а только замедлилъ ходъ его и раздвоилъ одно типическое лицо; выгода, лишняя черта отъ него была лишь развѣ та, что, побивши его, Василій получилъ шалыгу или вязъ, дравшись прежде осью те-

лжно. Былины, удивительно вѣрные основному типу, ловко подѣтели именно эту черту, ибо Василій, получивъ въ наследство отъ убитаго шалыгу, говоритъ: «Нѣтъ (не было оружья) на друга на стараго, на того ли на брата крестоваго, — какъ братъ пришелъ, по плечу ружье принесъ (въ основѣ пословица: не было оружья на брата, пришелъ онъ — принесъ шалыгу, пригодилась на него)!» Съ той минуты «и пошелъ Василій по мосту съ шалыгою (Рыбник. т. I).» Потому и мы оставимъ безъ вниманія это вставочное, случайно возникшее лицо: смотримъ на одинъ типъ, на одного Калѣку Перехожаго. Имена его, мы видѣли, одинаковы у творчества Новгородскаго съ Кіевскимъ: такъ и должно быть, ибо эти типическія лица были тамъ и здѣсь общими и, Перехожія, не были исключительныиъ достояніемъ мѣстности; Новгороду принадлежитъ лишь одна ина, доселѣ не встрѣченное въ Кіевѣ, — старчище *Елизарище*. — И такъ, ядро старое, изношенное былыми подвигами, само въ обноскахъ и отощкахъ, вышедшее на Русь изъ старины глубокой, хранившее всегда старину, Былину ли, Стихъ ли, Калѣка Перехожіиъ принадлежалъ весь охранительному началу и теперь долженъ былъ взять его сторону противъ молодежи и вольницы. Кромѣ того, по одной былинѣ, Калѣка, увидавши поднесенныя ему, помянутыя богатства, польстился: «на то Старичище кидается, на то Старичище позывается,» извѣстная приманка Калѣкъ-попрошакъ. Изъ монастыря, опричь коего клялся Костя и Буслаевъ, Старчище былъ для Новгородцевъ послѣднимъ резервомъ, запасомъ, выведенъ какъ крайній оплотъ, въ родѣ тѣхъ Заточниковъ, которыхъ всегда, по памятикамъ Славянской поэзіи (ср. о Саурѣ Ванюдовичѣ, вып. 3, и пѣсни Сербскія), берегли на случай въ тюрьмѣ и выпускали на врага въ отчаянныхъ случаяхъ. На него можно было и понадѣяться: хоть голова Калѣки при старости, нога за ногу запинается, рука за руку заплетается (ср. вып. 4), но этотъ типъ изъ древности отдаленной, эпохи кочевья и стихій, занималъ силу громадную и ужасную, мыкая ее въ бродячихъ переходахъ, но здѣсь же часто и подымая ее до страшной энергіи; не даромъ самъ Илья признавалъ въ немъ силы «два меня (въ двое себя),» не даромъ Амелеа Тимоѣевна отнеслась объ его «силѣ нарочитой,» а мужики надѣялись, «бываетъ—онъ побьетъ Ваську Буслаева.» Ему бы по настоящему достойно сразиться съ Иванцемъ Сильнымъ, Калѣкою, забравшимъ

ся въ дружину Васильеву: но этотъ, какъ случайно забрелъ сюда изъ Кіева, такъ скоро и улизнулъ; къ концу рѣшенія дѣла устранялось въ былинахъ все случайное и оставались только существенные типы. Настоящій Новгородскій Калѣка былъ привязанъ къ мѣстному монастырю, Сергѣеву-Троцкому, Кириллову-Бѣлозерскому; они, питавшіе не одного Калѣку, также типически приурочены Новгороду: судьба его вела на конечную расправу. Откуда бы ни взяли его, его тащили на мостъ Волховскій: здѣсь было настоящее мѣсто его, ибо — не только типически, но и исторически — главное мѣсто Калѣкъ на мостахъ, какъ на прииѣрь на Волховскомъ въ Новгородѣ, на Днѣпровскомъ въ Смоленскѣ, на Спасскомъ вѣкогда въ Москвѣ. Здѣсь, на мосту, непремѣнно и долженъ былъ встрѣтить его Василій, по типу творчества. И въ разсказѣ о былинѣ выдержанъ тотъ же порядокъ: до прихода Василья дружина его была отъ мосту «попачена;» когда же, частію отсторонивъ ее, частію отославъ, а частію ободривъ, Василій рванулся впередъ и порядочно поколотилъ уже мужиковъ, равнымъ образомъ, пока Князя ходили съ поклономъ къ матери и Калѣкъ, а Калѣка пока снаряжался и двигался, Буслаевъ, очищая дорогу и сваливая встрѣчныхъ, дошелъ уже до середины моста Волховскаго. Здѣсь-то и встрѣтилъ его во всеоружіи Старчище. У Старчища упоминается обычный «костыль,» клюка; «шалыга девяноста пудъ,» то же; «клюка въ десять пудъ;» «скопакъ въ двадцать пудъ,»—шляпа земли Греческой; «кафтанъ въ сорокъ пудъ,» — гуня дорожная; недоставало лишь лапотковъ семи шелковъ, да сумы бархатной: но все это нарядъ типическій, а здѣсь былъ случай чрезвычайный. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ Старчище воспользовался тѣмъ, что всего ближе было подъ рукою въ монастырѣ: онъ скочилъ на башню колокольную, сорвалъ колоколь, надѣлъ на голову колоколь, поднимаемый творчествомъ въ разныхъ былинахъ Новгородскихъ съ 12-ти до 40, 90, 150, 300 и 1.000 пудовъ; въ правую руку взялъ оторванный колокольный языкъ во 500 пудовъ. Идетъ онъ на мостъ, языкомъ-то онъ подпирается,—подъ нимъ мостъ нагибается (Рыбник. т. II). На середкѣ загородилъ онъ Василью дорогу и началъ то мягко, а то ужъ и не мягко: «Ай же ты, мое чадо крестное! Укроти свое сердце богатырское, оставь мужичковъ хоть на сѣмена!» «Ай же ты, мое чаделко крестовое! Молодой курень (пѣтухъ), не попархи-

вай, на своего крестоваго батюшка не наскакивай!» А потомъ: «А малый куръ, не запурхивай, а ты, дитя, не заскакивай, а прямоѣжей дорожки не заваливай!» «А стой ты, Васька, не попархивай, молодой глуздырь, не полетывай! Изъ Волхова воды не выпити, во Новѣ-градѣ людей не выбити, есть молодцовъ сопротивъ тебя, стоить мы, молодцы, не хвастаемъ!» «Какъ пурхаль-то ясный соколъ да и допурхаль, ходилъ-то добрый молодецъ да и доходилъ!» Наконецъ прямо: «Я иду — Василью смерть несущу!» Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, и въ отвѣтъ Василья, былины, по разнымъ образцамъ своимъ, выражаютъ въ творествѣ постепенность. Вотъ какиимъ путемъ разгоралось слово и дѣло Буслаева: «Ужъ ты здравствуешь, крестовый батюшка! Ты за чѣмъ идешь, старъ человекъ? На что ты идешь, крестовый батюшка?» «Старца убить—не спасенья залѣзть (найти), а грѣха себѣ на душу: поди-тко ты, Старецъ Преугрюмище, на свое мѣсто, а въ наше дѣло ты не суйся!» «А и гои еси, Старецъ Пилигримища! А и бился я о великъ закладъ со мужики Новгородскии *опричь тебя*, Старца Пилигримища: во задоръ войду — тебя убью!» И вошелъ: «Тебя ли чортъ несетъ во той поры на своего на любимаго крестничка? Головамы, батюшка, играемся!» «Не корись ты, старая шлея бросовая, не корись ты, корзина дертюжная, дертюжная корзина, вѣковалая!» «А не дамъ я ти яичко о Христосьскомъ днѣ (въ Свѣтлое Воскресенье), а дамъ ти яичко о Петровомъ днѣ (бой былъ во время Петровокъ или въ Петровъ день)!» «Колько я тебя хрѣстнымъ ни назывывалъ, на вѣку ты мнѣ яичка не даывалъ, теперъ мы съ тобой похристосуемся: вотъ тебѣ красно яичко—Христось воскресъ!» Яицами чокаются, бьются въ головки: за послѣдними словами Василья слѣдовалъ ударъ по головкѣ батюшки, по колоколу, желѣною осью, по другимъ булатною палицей. Колоколь разлетѣлся въ мелкія черенья, за колоколомъ голова, изъ головы глазные яблоки какъ пивны чаши; Василій заглянулъ еще подъ колоколь, какъ говорить одна былина: «а во лбѣ глазъ ужъ вѣку нѣтъ,» давно ужъ умеръ старикъ, да давно и глазъ не было, потому что вѣроятно Калѣка былъ слѣпой. Спихнулъ его Василій подъ мость Волховскій, задавило тамъ Старика языкомъ колокольнымъ; но Василій черезъ чуръ разъярился, онъ слѣзъ подъ мость, еще издѣвается надъ тѣломъ: «еще сердце въ емъ не уходилося, еще граеть (играеть) надъ тѣломъ Васька Буслаевъ сынъ: — Лежи

ты здѣсь, сучище облязое, вотъ тебѣ яичко, — Христось воскресь! —»

Взявъ Буслаевъ колокольный языкъ и явился опять на мость съ новымъ оружіемъ: «Туть-то Васильюшку червленый вязъ, конь долгомѣрное, туть-то и сабля острая, и палица военная!» Начавши споръ языкомъ, Василій и доканчивалъ его языкомъ же. — Съ паденіемъ Старчища пала послѣдняя застава и послѣдній оплотъ стѣнки мужиковъ Новгородскихъ: бой былъ ими проигранъ окончательно; теперь слѣдуетъ только исторія укрощенія и умиловивленія Василья. Въ ней опять по разнымъ былинамъ есть своя постепенность. Вторично отправляются съ просьбою къ матери: «туть-то два Князя Новгородскіихъ (замѣчательно, что *одинъ* Князь, Судья, вѣроятно изъ Рюриковичей, въ этихъ покорныхъ депутаціяхъ не участвуетъ), Воевода Николай Зиновьевичъ, Старшина Оома Родіоновичъ, приходятъ къ его государынѣ матушкѣ: — Упроси свое чадо любимое, укротилъ бы свое сердце богатырское: мужичковъ въ Новѣ-градѣ рѣдко ставится (мало становится), убилъ онъ крестоваго батюшку, честнаго Старчища Пилегримища.» На этотъ разъ, по свидѣтельству одной былинны (у насъ № 3), мать послала извѣстную намъ Чернавку: едва могла она пройти между убитыми тѣлами, сильная — «сохватила Василья за бѣды руки,» рассказала о покорности мужиковъ, повела Василья со дружиною на широкой дворъ (въ этой былинѣ два раза повторяется одно и то же: Чернавка будто бы и прежде притащила Василья, послѣ чего онъ былъ запертъ въ погребъ; явная путаница отъ пѣвца). Но, или Василій снова вернулся на побоище, или вообще не здѣсь еще былъ конецъ, только въ большей части былинъ продолжаются и драки, и депутація, чтобы вызвать саму мать, которая одна могла укротить сына. Вотъ нѣсколько описаній: «туть мужики видать, что бѣда пришла, бѣда пришла неминучая, бѣжали они скорымъ скоро ко его ко родной ко матушкѣ: — Выручи насъ отъ смерти отъ напрасныя, отъ того Васильюшка Буслаева! —» «Мужики покорилися, покорилися и помирилися, понесли они записи крѣпкія къ матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимошеевнѣ: насыпали чашу чистаго серебра, а другую чашу краснаго золота, пришли ко двору дворянскому, бьютъ челомъ — поклоняются: — Принимай ты дороги подарочки, а уйми свое чадо милое: а и ради мы платить на всякой годъ по три тысячи, на всякой годъ будемъ тебѣ носить съ хлѣбниковъ по хлѣбику, съ казач-

никовъ по калачику, съ молодицъ повѣнчаное, съ дѣвицъ поваленное, со всѣхъ людей со ремесленныхъ, опрѣчь поповъ и дьяконовъ (разряды Новгородскихъ и вообще древнихъ городскихъ податей).—» «И Городничій Оша да Родіоновичъ наклагъ злата-серебра, скатного жемчуга подарками, и приносить къ его къ родной матушкѣ: —Уговори-тка свою чада милаго, не прибѣть-то онъ да весь Новгородъ!» По вѣкоторымъ, старуха бросилась въ однихъ чулкахъ и рубашкѣ; по другимъ болѣе естественная размѣренность дѣйствій: старуха «одѣвала платьица черныя (вдовиныя и смиренныя), одѣвала шубу соболонную (въ Петровки это немного жарко), полагала шоломъ на буйну голову (она шла въ средину побоища: притѣръ Кіевскихъ героинь и Новгородской Мары не единственный), и пошла Мамелева Тимоеевна унимать своего чада любимаго. То выгодно собой старушка догадалась (распорядилась), — не зашла она спереди его, а зашла она позади его и пала на плечи на могучія:—Ай же ты, мое чадо милое! Укrotи свое сердце богатырское, не сердись на государыню на матушку, уброси свое смертное побоище, оставь мужичковъ хоть на стѣна! —» Кого не могъ укrotить весь Новгородъ, того, съ удивительною вѣрностью типическаго творчества, укrotила старуха мать, и мгновенно, какъ электрическимъ ударомъ: «тутъ Васильюшка Буславьевичъ опускаетъ свои руки къ сырой землѣ, выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ на тую на мать сыру землю:—Ай ты, свѣтъ государыня матушка, тая ты старушка лукавая (хитрая, умѣлая), лукавая старушка, толковая! Умѣла унять мою силу великую, зайти догадалась позади меня: а ежелибъ ты зашла впередъ меня, то не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ, убилъ бы за мѣсто мужика Новгородскаго!» «—Никого я не послушалъ бы, а послушалъ тебя, родну матушку: не послушать мнѣ — законъ не даетъ! —» Сравните въ Кіевскомъ творествѣ такое же укrotеніе Ильи Добрынею. Отъ матери по плоти творчество Новгородское шагнуло еще выше; когда Василій, недвольный однимъ побоищемъ, «напустился на дома на каменные,» разбивать ихъ и давать дружинѣ добычу разбоя, тогда конечно взмолился народъ православный, подобно какъ взмолился при наступившей опасности отъ разыгравшагося Садки. Тогда, по молитвамъ народа, «вышла Мать Пресвятая Богородица со того монастыря *Смоленскаго*» и обратилась къ матери Василья со сло-

вами: «—Закличь своего чада милого, милого чада, роженного, хоть бы оставил народу на сѣмена!—» Выходила мать и закликала. Поводомъ къ этому явленію послужилъ конечно выходъ *матери* Василья, отъ которой перенеслись уже къ *Матери Пресвятой*. Такия явленія, какъ замѣчено выше, не составляютъ необходимости въ нашемъ творчествѣ: но въ то же время они здѣсь естественны и случаются нерѣдко, какъ естественно было явленіе боговъ для рѣшенія участи битвъ въ Гомерическомъ творчествѣ или *Deus ex machina* во всемъ творчествѣ античномъ; если же это естественно вездѣ, гдѣ только въ народѣ жива вѣра, даже въ язычествѣ, то тѣмъ естественнѣе въ нашемъ Былевомъ творчествѣ, развившемся въ эпоху живой Христіанской вѣры и уцѣлвшемъ въ устахъ народа, ей преданнаго. — Пока продолжалось побойще Васильево и происходили переговоры депутацій, прошелъ весь четвертый день, съ утра до вечера, и былины согласны въ томъ, что конецъ имѣлъ мѣсто въ вечеру. Василій Буслаевъ побѣдилъ Новгородъ въ единоборствѣ, какъ побѣдилъ Садко съ своей стороны: но Садко удовольствовался торжествомъ и насмѣшкою, а послѣдствія единоборства смертнаго еще должны были продолжаться. Слѣдовало выкупить тѣла убитыхъ чтобы погребсти, подобно Гомерическимъ посольствамъ къ Ахиллу. Передъ ночью того же дня—такъ слѣдуетъ по всему ходу разсказа — «приходятъ Князья Новгородскіе, Воевода Николай Зиновьевичъ, Старшина Ѳома Родіоновичъ, ко тому Васильюшку Буславьеву. Пали ко Василью въ рѣзвы ноги, просятъ Василья во гостебѣице (на пирѣ къ себѣ), сами говорятъ таковы слова: — Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ! Прикажи обратъ тѣла убитыя, предать ихъ матери сырой землѣ; во той ли во рѣченькѣ Волховѣ на цѣлюю на версту на мѣрную вода съ кровью смѣсилася: безъ числа пластина принарублена!—» Какъ Ахиллъ, великодушно и гордо, Василій «приказалъ обратъ тѣла убитыя; не пошелъ къ имъ въ гостебѣице: зналъ, де, за собой замашку великую (что опять не утерпѣть).» Садко послѣ всѣхъ похужденій принять и успокоенъ женою, товарищами: съ дружиною Василій нашелъ отдыхъ у матери. Сюда опять явились Новгородчана и заключили окончательный миръ: «втапоры мужики Новгородскіе приносили Василью подарочки, вдругъ сто тысячей, и за тѣмъ у нихъ мирова пошла, а и мужики Новгородскіе покорилися и сами поклонилися.» Все кончается широмъ, а на пиру раздаются голоса

дружны, Вольницы: въ родѣ хора, какимъ кончались античныя произведенія, а вмѣстѣ какъ выводъ изъ всей исторіи и указаніе предмета, послужившаго содержаніемъ былины. «Сѣли они молодцы во единой кругъ, выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина, вскричать тутъ ребята зычнымъ голосомъ: — У мота и у пьяницы у млада Васютки Буслаевича не упито, не уѣдено, въ краснѣ-хорошѣ не ухожено, а цвѣтнаго платья не уношено, — а увѣчы на вѣкъ залѣзено (всего вдоволь, но вдоволь на вѣки и увѣчыя отъ побойщ)!—» Тѣмъ кончена въ былинахъ исторія Василья Буслаева, а въ ней исторія Новгородской Вольницы, возведенная въ единый цѣльный типъ, рассказанная какъ событіе типическое, только лишь приуроченное известному имену, лицу, мѣсту и времени, ибо это имя, и лицо, и мѣсто, и время—изъ XII-го вѣка—дали творчеству такіе живые образы, такъ возбудили его своими образами, что отсюда оказалось возможно создать цѣльный творческій типъ, цѣльное творческое созданіе.

Когда вы прослушали или прочитали былины о Садкѣ и задаетесь вопросомъ — что же послѣ того дѣлалъ Садко и какова дальнѣйшая его судьба, — вы чувствуете, что отвѣтъ намѣченъ въ былинахъ: жилъ, да поживалъ, да добра наживалъ, больше ничего и не могло быть. Сдѣлался онъ первымъ богачемъ, даже монополистомъ, подчинилъ себѣ Новгородъ въ торговыхъ дѣлахъ, уѣлся дома, съ женой, съ подраставшимъ сыномъ, съ товарищами прежнихъ поѣздокъ, а теперь прикащиками и довѣренными лицами, наконецъ на свою наживу строилъ церкви, украшалъ ихъ, всячески пособлялъ подобными вкладами городу, попалъ за то въ лѣтописи. Но, послѣ поѣзды Василья надъ Новгородомъ, хотя и рѣшительной, былины вамъ оставляютъ его въ первомъ цвѣтѣ молодости и въ пылу страстей, противъ Русскаго обычая — неженатымъ, съ побѣденосною, столь же рыною какъ самъ предводитель, дружиною: что же съ нимъ дальше, какова же была судьба? Отвѣта нѣтъ, ибо былины прибавляютъ: «и стала тутъ—мать—Васильюшка кормить-поить, въ покоехъ хоронить (сберегать) и весело съ нимъ жить;» «и жилъ Васильюшка въ праздности, изгѣчилъ дружинишку хоробрую отъ тыль отъ ранъ кровавыхъ и привелъ дружину въ прежнее здравіе.» То есть, ничего не дѣлалъ: но вы чувствуете, что, судя по всему, этого никакъ не могло быть. Слова былины значатъ, что въ даль-

нѣйшей жизни Буслаева творчество не признаетъ ровно ничего достойнаго былинны, другими словами, что онъ важенъ для творчества и великъ какъ типъ Вольницы, какъ выраженіе известной борьбы, а послѣ борьбы былинны оставляютъ его равнодушно. Но вы узнаете тотчасъ, что, покинутый былиннами, Василій со своею Вольницею продолжалъ похождения: они принадлежатъ исторіи, ищите ихъ по лѣтописямъ, взвѣсивая, что для Новгорода сдѣлала его Вольница, какъ билась съ сосѣдними врагами, какъ проникала въ далекіе края, какъ заводила счастливыя колоніи. Здѣсь мыкались и умыкивались молодая безпокойная сила, пока возвращались въ лоно Великаго Новгорода зрѣлыми, стойкими, осѣдали, давали истинныхъ гражданъ. Если молчатъ былинны, то говорить лѣтопись, что то же было съ Васильемъ: онъ удостоился сдѣлаться Посадникомъ; такимъ именуется его лѣтопись, записавши годъ его смерти. Это не значитъ, что умеръ онъ въ должности Посадника: напротивъ, какъ увидимъ ниже. Значить лишь, когда онъ умеръ, лѣтопись помянула его въ этотъ годъ какъ бывшаго Посадника.

Минуя всю эту жизнь Буслаева, послѣднимъ звѣномъ коей былъ высшій почетъ Посадничества, Былинны обращаются къ его *смерти*, подоспѣвая съ своимъ рассказомъ тамъ, гдѣ оставляетъ насъ лѣтопись. Для творчества Василій существуетъ только какъ отчаянный и побѣдоносный борецъ въ первой молодости, а потомъ какъ умирающій удалецъ. Но въ семъ послѣднемъ случаѣ для былинъ Новгородскихъ существуетъ Василій не какъ Посадникъ, не какъ опытный степенный Новгородецъ, прошедшій бурную жизнь и вышедшій къ успокоенію: для нихъ остался тотъ же Василій, что и въ былой борьбѣ съ Новгородомъ, тотъ же юный и удалый, неженатый, съ тою же матерью, съ тою же дружиною, съ тѣмъ же неизмѣннымъ вязомъ, съ той же отвагою, доходившею до дерзости. При этомъ рассказывается одно изъ походовъ или одинъ изъ походовъ, какіе свойственны были Новгородской Вольницѣ и какихъ не мало было объ ней известно: но не изъ такихъ, которые кончались мирнымъ ея возвращеніемъ или водвореніемъ,—этого, съ послѣдствіями, посадничествомъ, знать не хочетъ творчество, — а напротивъ такихъ, въ которыхъ Вольница складывала свою голову, и не даромъ, за крайнюю предприимчивость и дерзость; дерзость, которой, при по-

стоянномъ ея народненіи, не могъ укротить весь Новгородъ, которая сама побѣждала его, побѣждалась послѣ лишь сама собою, сама въ себѣ получала казнь и смерть.—Говоря объ этомъ событіи, воспоминаніи въ Былинахъ, мы приведемъ прежде Сказку, весьма рѣдкую съ концемъ сего рода и помѣщенную у насъ подъ № 1-мъ въ Приложеніяхъ. Записана она въ Пермской губерніи, вдали отъ Новгорода: обстоятельства подробныя стерлись, выведена рѣка *Обь*, событие само округлялось, потерявши частности, но тѣмъ любопытнѣе намъ уцѣлѣвшія черты главнаго, общаго типа. Сначала сущность та же, что въ приведенныхъ Былинахъ. Есть и дополнительная черта, именно что Василій отданъ былъ обучаться грамотѣ, перомъ писать, известному Старику Угрумищу, т. е. Пилигримищу: на это есть указаніе и въ Былинахъ, гдѣ сынъ Пилигримища наименованъ Василью, — «Помнишь, какъ учился мы съ тобой въ грамоты? Я надъ тобой былъ въ тѣ поры большій братъ (Рыбник. т. I).» Это весьма древняя черта творчества: вспомните (вып. 1), что также Илья учился грамотѣ вмѣстѣ съ Калѣчищемъ; дѣло въ томъ, что это сообразно съ жизнію, ибо въ ней издревле у Калѣкъ были свои училища (да и до послѣдняго времени), особенно когда жили они при монастыряхъ. Вторая черта Сказки сближаетъ Василья съ Вольгою или Волкомъ Сеславичемъ (Рыбник. т. I), а также Княземъ Романомъ, старше же съ Саломаномъ (т. II): «выучился Василій не во листы писать, а выучился соколомъ летать,» приобрѣлъ способность изворачиваться, быть оборотнемъ, проходить въ приключеніяхъ разные виды бытія, выучился высшей премудрости. Но важнѣе особенно конецъ, гдѣ рассказывается именно то, къ чему перешли мы въ разсмотрѣніи творчества Новгородскаго. (Рассказывается, когда Василій побилъ множество Новгородцевъ, мать осердилась на него за пролитіе крови, снарядила ему корабль, набрала дружку, пустила въ море и махнула въ слѣдъ рукой. Начался обычный походъ Вольницы: огъ лежалъ на море, куда ходилъ и Садко, и всѣ удалцы Новгородскіе, гдѣ часто, за излишнюю дерзость, слагали они голову. Всего замѣчательнѣе, что Василій встрѣчаетъ *Морскую Пучину*: въ Замѣткѣ къ 4-му выпуску (стр. IV) мы объяснили уже, что самое имя Пучины значить и Море, Понтъ, и Путь, обыкновенный, главный путь древле-Славянскихъ и Русскихъ удалцевъ. Морская Пучина «лежить,» у нея «кругомъ глаза:» это образъ,

столь известный въ Греческомъ творествѣ подъ именемъ Медусы-Горгоны, столь же страшной и именно морской, любимицы Посейдона, нашего Морскаго Царя; на сушѣ занималъ ту же роль многоглазый, всевидящій Аргосъ. Какъ герои Греческаго творчества, герои наши, и именно типы торговли, далекихъ торговыхъ предпріятій, также точно боролись съ теми чудовищами: Садко, препиравшійся съ Морскимъ Царемъ, нашелъ его въ глубинѣ моря въ томъ же видѣ, какъ Пучину,—онъ «лежитъ (у насъ № 3),» «голова у Царя какъ куча спяная (Рыбник. т. I),» такая точно, какая изображалась у Медусы; Чурило, сынъ Плънка, Гостя Богатаго, Суроженина, и самъ такой же, выродокъ Чура-Гермеса (см. вып. 4), подобно сему послѣднему, «Убійца Аргоса,» былъ губителемъ Ермы, типа стоглазой ревности, и такъ же на сушѣ, уже не на морѣ. То же затѣялъ и Василій,—одолѣть Пучину, перескочить ее: перескакала дружина, Василій палъ жертвою своей дерзостной отваги, онъ погибъ отъ Пучины, не перескочилъ ее, не вернулся изъ мореходства. Любопытно еще, что въ Сказкѣ Морская Пучина, вопреки видимому смыслу, помѣщена «на зеленыхъ дугахъ,» именно чтобы дать Василью, съ позднѣйшей точки зрѣнія, возможность скакать черезъ нее ногами. Но этотъ выводъ на сушу, известный и въ мифѣ о Медусѣ, выразившійся въ сухопутномъ Аргосѣ, дѣйствительно случился для Русскихъ Славянъ въ дальнѣйшее время, при выходѣ ихъ къ положительной исторіи, по мѣрѣ отдаленія отъ морей или развитія дѣятельности на землѣ, среди сложившейся Земщины: съ тѣмъ вмѣстѣ камень Алатырь, янтарь, нѣкогда привлекавшій и питавшій нашихъ отважныхъ мореходцевъ гостей, переведенъ былъ также на сушу, какъ не разъ уже доказали мы и какъ увидимъ сейчасъ, ибо Василій, въ сказкѣ погибшій отъ Морской Пучины, по Былинамъ гибнетъ отъ того, что скакалъ черезъ камень Алатырь.—Переходимъ къ Былинамъ, возникшимъ въ самомъ Новгородѣ, гдѣ всѣ обстоятельства изложены по тому самому подробнѣе и определеннѣе (Рыбник. т. I, II, и нашъ настоящій выпускъ). У Василья есть уже корабль, онъ плаваетъ на немъ по *Ильмену*, съ обычными приключеніями Воляницы, окруженный своею дружиною, тридцатю друзьями, изъ которыхъ держитъ корму *Костя Никитимъ* (Новоторжанинъ), на носу стоитъ *Маленькой Потаня*, намъ уже известные. Они пристають къ Новгороду, для задуманной цѣли: Ва-

силѣй просить у матери благословенія съѣздить съ дружиною въ *Иерусалимъ*, помолиться Богу, приложиться къ Святѣмъ, искупаться въ Ерданѣ, осушиться на Фаворѣ и проч. Для этого они между собою «складываются» особо «на лодочку.» Побужденіе главное, сходное съ показаніемъ приведенной сказки, узнаёмъ далѣе изъ словъ Василья встрѣчнымъ гостямъ-корабельщикамъ: «А мое-то вѣдь гулянье неохотное (ѣду по неволѣ),—съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти.» Это не значитъ, что онъ былъ уже дѣйствительнымъ старикомъ, ибо въ той же Былинѣ называется «молодымъ» и такимъ же описывается, оставаясь для творчества героемъ юнымъ: но онъ помнилъ проказы своей молодости и заготовлялъ подъ старость спасеніе. Въ этихъ видахъ онъ дѣлается Старикомъ, Старцемъ, ибо путешествіе къ Святѣмъ мѣстамъ есть удѣлъ Калѣкъ Перехожихъ, Странниковъ, безъ различія лѣтъ представляемыхъ тишески Старцами. Итакъ Вольница съ своимъ предводителемъ принимаетъ на себя иной типъ—Странниковъ, Перехожихъ, «по водѣ бродящихъ,» и отъ вѣрности этому типу зависить успѣхъ и спасительность ихъ предпріятія. Мать напоминаетъ это, давая благословеніе лишь въ томъ случаѣ, если пойдутъ они «на дѣла добрыя: то коли ты, дитя, на разбой пойдешь (по обычаю Вольницы), и не дамъ благословенія великаго, а и не носи Василья сыра земля!» Поэтому же напоминаетъ она — «побереги ты буйну голову свою,» но, по мягкости материнскаго сердца, какъ замѣчаетъ былина, даетъ на случай и оружья, и боевыхъ снарядовъ; не забылъ Василій и своего вяза, съ которымъ является въ теченіи разсказа. Отправляются они по *Ильмену*, выѣзжаютъ отсюда на Волгу, ибо послѣ оказываются на морѣ *Каспійскомъ*. Первые встрѣчные, каковыхъ тогда вездѣ бывало встрѣтишь,—гости-корабельщики; они первые предостерегаютъ о разбойникахъ впереди, «атаманахъ козачихъ (встрѣчавшихся Ильѣ Муромцу, еще болѣе извѣстныхъ и дѣйствительныхъ на морѣ Каспійскомъ);» и въ первые же Василій высказываетъ буйную самонадѣянность Вольницы: «А не вѣрую я, Васныка, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а и вѣрую въ свой червленой вязъ,—а бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ!» Слѣдуетъ второе предостереженіе или знаменіе. При вѣздѣ въ Каспійское море, Василій замѣтилъ на берегу гору *Сорочимскую* (всѣ высокія горы—Сорочимскія), вышелъ на берегъ поглядѣть. Тамъ лежитъ «пуста голова, че-

ловѣчья кость,» такая же, какъ помянутая голова Медусы, на сунѣ своихъ пророчествами являющаяся у насъ Олегу, Добрынѣ, богатыри Ивану (см. Замѣтку къ 3-му вып. и II т. Рыбник.). Какъ Пучину Василій началъ эту новую Медусу ногою пощипывать: та въ отплату прорекла, что и его голова валяться будетъ тутъ же. Снова Василій отнесся дерзко: «Али, голова, въ тебѣ врагъ говорить, или нечистой духъ?» «Сама ты себѣ спала, себѣ сонъ видѣла!» Плянулъ и пошелъ дальше въ гору, а тамъ лежитъ камень, камень Алатырь, смѣнившій (на сунѣ) Пучину: но его еще увидимъ мы ниже. Молодцы начали поперегъ его скакать, а вдоль не смѣютъ, по угрозѣ надписи; Василій же, прибавлено, опять-таки «тому не вѣруеть.» Сомедни снова на корабль, путешественникъ *на морѣ Каспійскомъ, на островъ Куминскомъ*, нашелъ предсказанныхъ разбойниковъ: слава Василья Буслаева была такъ велика, что они тотчасъ его узнали по полеткѣ соколиной — поступкѣ молодецкой, угостили, дали провожатаго къ Ерусалиму. Прямо съ моря вѣхали они въ Ерданъ и бросили якорь: въ Ерусалимѣ выполнили все, что слѣдовало Странникамъ,—молились, прикладывались, служили заупокойную обѣдню съ панихидою по покойномъ Буслаѣ, заздравную за мать Буслаева и его самого, обѣдни съ молебнами за дружину, «что съ молоду бито много, граблено,» расплачивались съ попями и дьяконами, давали милостыню несчетную Богадѣльнымъ Старцамъ при церкви (въ страннопріимницѣ), и прочее. При купаньѣ въ Ерданѣ Василій опять попортилъ: мать предостерегала его при поѣздѣ не купаться здѣсь «вагимъ тѣломъ,» а въ рубашечкѣ; при случаѣ мы объяснимъ, почему, на основѣ древнѣйшихъ воззрѣній, нѣкоторымъ нашимъ героямъ, на примѣръ Добрынѣ (см. прежніе выпуски наши и Рыбник.), и въ нѣкоторыхъ рѣкахъ нельзя было этого дѣлать; съ христіанской же точки зрѣнія извѣстно, что безъ одежды крестился лишь въ Ерданѣ Иисусъ Христосъ, а богомольцы доселѣ купаются въ рубашкахъ (сохраняя ихъ, чтобъ послѣ лечь съ ними въ гробъ). Василій опять-таки пошелъ на перекоръ, купался нагой, «нарушилъ родительско благословленьеце, не послушалъ государыни матушки.» Этими вызвано новое предсказаніе, — приходила *Баба Зальская*, т. е. Баба Горынишка, она же Алатырка (связанная съ Пучиною и Алатыремъ), намъ извѣстная изъ Кіевского творчества. Она догадалась, что опречь Василья Буслаева некому сдѣлать эту дерзость, купаться

нагому, и за то предрекла дружинѣ: «Потерять его вамъ будетъ, большаго атамана Василья Буслаевича!» И тутъ дружина нашлась сгрубить: «Нашъ Василій тому не вѣруеть, ни въ сонъ, ни въ чохъ!» Впослѣдствіи, когда творчество спустилось въ этихъ былинахъ ступенью ниже, мѣсто Бабы Залѣсной заняла простая «женщина престарѣлая» и Василій обошелся съ ней болѣе положительно: «Кабы ты была, сказалъ онъ, на сей сторонѣ, я бы тебѣ сдѣлалъ двухъ мальчишковъ, двухъ богатырей!» Плюнула женщина и прочь пошла, а между тѣмъ, видите, надъ головой Василья скопилось уже слишкомъ много дурныхъ предзнаменованій (ср. предзнаменованія въ походѣ Игоря) и все-то вызвано было его дерзостью, и сопровождалось дерзостью его новою, а задача странниковъ все нарушалась да нарушалась, и за невыдержку священнаго народа тѣмъ непремѣнно должна была послѣдовать казнь. Вспомните изъ исторіи Потыка и его товарищей, сухопутныхъ странниковъ къ Ерусалиму, какъ странно заклипались они противу грѣховъ, какія страшныя казни выполняли надъ своими членами при малѣйшемъ даже подозрѣніи (вып. 3): тѣмъ грозѣе казни свыше. Но, исполняя своимъ чередомъ вѣншіе обряды, въ кожѣ Странниковъ, внутри той же Вольницы, пошли прибывшіе на послѣднюю святыню, на Фаворъ-гору, гдѣ стояла церковь, стоялъ образъ Преображенья. Голова-Кость богатырская перенеслась съ Каспійскаго моря, съ Сорочинской горы, и сюда, съ тѣмъ же пророчествомъ о гибели (Рыбник. т. I): и естественно, ибо какъ перешелъ, мы видѣли выше, путь морской въ путь земной, а этотъ послѣдній съ теченіемъ времени на Голгоу, такъ и эта древнѣйшая голова въ христіанскихъ преданіяхъ признана «головою Адамовою,» лежавшею съ костью подъ крестомъ; на нее-то, по преданію, текла кровь съ креста, текла и на путь земной, сквозь разсѣлину камня Алатыря; она же владѣла и силою пророческой о суетѣ сей жизни. Но, еще важнѣе, за головою, съ невѣдомой горы Сорочинской, послѣ того какъ народъ сблизился съ христіанствомъ и шелъ въ его глубь, перенесся въ Ерусалимъ и самъ камень *Бѣлый Алатырь*. Потому, тогда какъ въ одной былинѣ Василій гибнетъ на пути возвратномъ изъ Ерусалима, проѣхавши заставу козачью и взошедши на Сорочинскую гору, въ другихъ его постигаетъ эта участь уже въ самомъ Ерусалимѣ: то же движеніе Алатыря, какъ въ Голубиной Книгѣ, съ моря на сушу, на гору

(ср. «Латыгорку,» вып. 4), на путь-дорогу, въ Ерусалимъ. «Поѣхали, говорятъ былина, на Фаворъ гору, *ко тому ко камению ко Латырю*, и ко той ко церкви соборнія, которая стоитъ со двѣнадцатю престоламы, *у того у камня у Латыря*, на которомъ намени преобразился самъ Исусъ Христосъ... Итакъ Васильюшка поѣздъ держалъ ко той ко церкви ко соборнія, *ко тому ко камению ко Латырю*» и т. п. Камень описывается огромный, въ нѣсколько сажень, самою величивою достойный своего великаго значенія. И, какъ мы знаемъ изъ Кіевскаго творчества, когда перешелъ онъ уже на перекрестки богатырскихъ дорогъ и легъ здѣсь, какъ постоянно читались на немъ надписи, пророчившія богатырю судьбу его въ будущемъ, такъ и на Фаворѣ Алатырь имѣлъ разныя надписи того же рода. Прочтемъ ихъ: «Кто на эту гору захаживалъ, тотъ оттуль живъ не выхаживалъ; кто скочитъ черезъ этотъ бѣль-горючъ камень, тотъ буде живъ, а не скочитъ, не бывать живу.» Явно, онъ подзадоривалъ на опасную игру, какъ подзадоривалъ Садку на игру Царь Морской. «Кто перескочитъ трижды черезъ бѣль-камень, тотъ достигнетъ церкви соборнія и тому образу Преображенскому; а кто не перескочитъ черезъ бѣль-камень, тотъ не достигнетъ церкви соборнія и тому образу Преображенскому:» еще вызывательнѣе, особенно послѣ надождныхъ пророчествъ «пустой головы, не сулившей Василью доѣхать до церкви, твердившей о суетѣ жизни и смерти. Наконецъ: «А кто у камня станетъ тѣшиться, а и тѣшиться-забавлятися, вдоль скакать по камению,—слоमितъ будетъ буйну голову.» Это ужъ былъ прямой вызовъ, послѣ коего не утерпѣлъ бы ни одинъ удалецъ: это какъ будто нарочно было рассчитано на Василья, будто знали его характеръ. Виноватъ былъ Василій прежней своей дерзостью въ богомольѣ; не молился народъ православный за личную судьбу его, противъ опасностей игры его; никто не тронулъ его въ плечо, чтобъ удержать во время какъ Садку: Василій новой дерзостью купилъ себѣ гибель. Дружина его, какъ ни была смѣла, рѣшилась скакать только *поперегъ*: Василій пустился *вдоль* (въ долину камень былъ три аршина съ четвертью, поперегъ же только лишь топорокъ подать); дружина перескочила черезъ камень, перескочила и трижды: Василій въ третій разъ придумалъ скакнуть не передомъ, а *задомъ*. И задѣлъ онъ каблучкомъ, ножкой правою, и ударился о жестокъ камень плечами богатырскими, ударился го-

ловушкою. Сталъ онъ умирать, сталъ прощаться, наказывать братіи: «Скажите-ка, братія, родной матушкѣ, что сосватался Василій на Оваторь-горѣ и женился Василій на бѣломъ-горючемъ камешкѣ.» Не довелось ему и въ законъ вступить. Похоронили его, гдѣ валялась прорицательница голова человѣческая.—Поѣхала, пріѣхала дружина въ Новгородъ: не встрѣтила ее, какъ Садкову, жена съ ребенкомъ, не подошелъ нечаянно Василій, какъ спасшійся Садко. Ожидала одна горемычная старуха. Передали ей завѣщаніе сына, подали письмо. Прочитала она, заплакала: «Гой вы еси, удалы-добры молодцы! У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего; подите въ подвалы глубокіе, берите золотой казны не считаячи!» Въ послѣдній разъ явилась знакомая намъ Чернавка, повела въ подвалы: благородная дружина, подвизавшаяся не изъ за денегъ, а изъ за молодости и отваги, брала казны «по малу числу.» Замѣьте эту противоположность, выставленную творчествомъ: первые люди города, благородные, сановные и гордые, оказались, когда пристращали ихъ, послѣдними низкоклонниками, готовыми на подкупъ и всякое подлое дурно; молодежь почти что распутная, тати-разбойники, явились подъ конецъ образцемъ благородства и великодушія. Разсчитавшись, поклонились они вдовѣ: «Спасибо, матушка Амелеа Тимофеевна, что пошла-кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ (таковы были условія содержанія)!» Подвесла еще имъ Чернавка по чаркѣ, «и пошли добры молодцы, кому куда захотѣлося:» у Садки они бы остались въ прищипкахъ. Садко при жизни утѣшался вкладами на церкви: старуха, на концѣ дней своихъ, съ горемъ «собрала все свое имѣнье-богатство, и роздала она по Божьимъ церквамъ, по монастырямъ.» Такъ вѣрно выдержаны типы творчества въ былинахъ о Буслаевѣ до самого конца, такъ вѣрно во всемъ представляютъ они противоположность типамъ былинъ о Садкѣ!

Теперь упомянемъ вкратцѣ о Сказкахъ, помѣщенныхъ нами въ Приложеніяхъ этого выпуска подъ №№ 2-мъ и 3-мъ. Мы ихъ не брали для изложенія дѣла и можемъ брать только для свѣдѣнія: въ основѣ ихъ лежатъ Былины, Сказки и Преданія народныя, но все это передѣлано, болѣе или менѣе. Чулковъ еще лучше. Онъ весьма близко выдерживаетъ основы народныхъ представленій и даже разсказа, допустивши только для украшенія — по его мнѣнію—витіеватость лите-

ратурнаго языка своей эпохи. Но его поправки легко отдѣлать опытному чутью. Главная бѣда его—отъ воззрѣній на Русскую исторію, царствовавшихъ въ его время. У него является Новгородъ не дѣйствительный, а «сія гордая и славная Республика,» долженствующая непокорствовать предъ Князьями, «въ землѣ *Старо-Словенской* и Княжествѣ *Русскомъ*.» Для той же цѣли покойникъ *Богуслай* выставленъ *Княземъ*, не такимъ, каковы Князья въ былинахъ, а настоящимъ Рюриковичемъ; вдова его, мать *Василья*, *Княгиня*; самъ *Василій Княжичъ*, *Витязь* и живетъ съ матерью въ «*Старо-Словенскомъ дворцѣ*.» Въ разсказъ вставлена *интрига*: *Василій* въ тихомолку подумываетъ, какъ бы взять всѣхъ Новгородцевъ въ ежовыя рукавицы и для того въ молодости запасаетъ себѣ надежную дружину, для своего будущаго княженія; «буйные» вожди Республики, именуемые всѣ «*Посадниками* (даже въ выраженіи—«*всѣ Посадники*»),» пользуясь молодостью *Княжича*, дѣлаютъ заговоръ лишить его «престола» подъ предлогомъ проказъ его; послѣ побѣиціи *Посадниковъ*, они подносятъ *Василью* Княжество, *Княжичъ* принимаетъ, править «съ мудростью и милостью,» получаетъ дани съ *Чуды*, и т. д. Подобную щелуху впрочемъ, какъ говорили мы, легко слунуть, и въ основѣ остается все-таки замѣчательный народный разсказъ, любопытный нѣкоторыми чертами, которыя сейчасъ приведемъ мы и которыя то повторяютъ дословно показанія былинъ, то присоединяютъ къ нимъ пополненія и разнорѣчія. Товарищи *Василья*—знакомые намъ *Юма Толстой сынъ Ременниковъ* и *Новгородецъ Потанюшка*, «*малъ собою—невеличекъ*, на одну ногу прихрамываетъ.» Они въ битвѣ не участвуютъ—то единоборство *Василья* съ *Новгородомъ*,—а лишь готовы только на подмогу, на случай.—Первыми именитыми гражданами, а на языкѣ *Чулкова* «первыми посадниками» выставлены: 1) *Сотко Богатой Гость*, весьма естественно, ибо онъ исторически былъ современникомъ *Василья*; 2) общій типъ древняго творчества и вѣчеваго Старца, «*Чуденъ* Старь-матѣрь человекъ.» изъ котораго *Чулковъ* сдѣлалъ лицо *Чудина*, соблазнившись вѣроятно еще названіемъ *Новгородскаго «Чудинова* конца,» названнаго въ дѣйствительности конечно по первоначально жившей здѣсь *Чуди*, участвовавшей—по преданію—и въ призваніи *Князей*, подобно какъ въ томъ же *Новгородѣ* была «сторона *Славянская*,» былъ «конецъ *Славянской*,» мѣсто жительства главной, господствующей части со-

шедшагосѣ въ городъ народонаселенія.—Рѣчь Василья на пиру у Новгородцевъ, что «послѣ государя батюшки остался онъ сиротою малеменекъ, а государыня его матушка во вдовствѣ живетъ» встрѣчается и въ былинахъ, именно въ устахъ Кости: мы даже склонны думать, что тамъ она попала къ Костѣ по сбивчивости, ибо совершенно соответственно,—и эта черта дополнительная,—что Василій говорилъ на пиру сначала весьма скромно и лишь послѣ дошелъ до дерзости.—Знаменитый *Старчище-Многоолътище* (Пилигримище, Калѣка) очерченъ хорошо: только что онъ тридцать лѣтъ не выходилъ «изъ теремовъ своихъ,» это могъ бы Чулковъ оставить про себя,—ибо типъ Старика быть бродячимъ и Василій непремѣнно долженъ былъ встрѣтить его на мосту. Далѣе, что онъ снимаетъ колоколь съ *ельча*, а не съ колокольни, какъ говорятъ былины, это даже естественнѣе былинь. Оставимъ народу то и другое: по типу своему, Калѣки были и звонарями, и первыми лицами при набатахъ, такъ что Викторъ Гюго знаменитаго своего Квазимодо взялъ изъ дѣйствительныхъ, древнѣйшихъ народныхъ преданій. Наконецъ, Василій, порядкомъ поучивъ старика, отпускаетъ ему душу на покаяніе: это есть, какъ видѣли мы, и въ нѣкоторыхъ былинахъ.—Что особенно хорошо у Чулкова, ибо совершенно согласно и съ типомъ Василья, и съ народными преданіями, это то, что Василій умеръ *не оставши роду-племени*, а оставши только на память Новгороду, какъ древнѣйшій Перунъ, какъ второобразъ его, свой *стемляный вязь*.—Прочія подробности, улица *Рогатица*, *Чернавка* и т. п., совершенно вѣрны и согласны съ дѣломъ.

Нельзя того же сказать о г. Сахаровѣ, объ И. П. Сахаровѣ. Мы помѣщали его Былевыя Сказки, помѣщаемъ и будемъ помѣщать, ибо въ ихъ основу положены все-таки рассказы народные. Но—пора же сказать правду, Сахаровъ ихъ обдѣлывалъ, передѣлывалъ, додѣлывалъ и все, что угодно, и какъ ему было угодно, и не такъ наивно, какъ Чулковъ, а съ полной свободою фантазіи личной, съ притязаніями художника въ народномъ жанрѣ, съ образованностью регулятора, съ языкомъ не литературнымъ, а поддѣльнымъ народнымъ, исправленнымъ, вымытымъ, причесаннымъ, разсыпая въ немъ дары своихъ знаній рукою полною, *plein main*. Дивиться этому не слѣдуетъ: Чулковъ по себѣ оставилъ первый Русскій печатный

Пѣсенникъ, нынѣ сдѣлавшійся библиографическою рѣдкостью, и въ рукописи, съ которой печаталъ, не разбирая нѣкоторыхъ словъ, какъ самъ признается, подставлялъ ихъ. Новиковъ, знаменитый Н. И. Новиковъ, перепечатывая Пѣсенникъ Чулкова, не усумнился также кое что переименовать. Это были еще осторожнѣйшіе издатели: имъ въ точности послѣдовали многочисленныя изданія нашихъ Пѣсенниковъ на спекуляцію, въ простотѣ своей не находившія поводовъ къ исправленію. За тѣмъ И. И. Дмитріевъ, въ своемъ «Карманномъ пѣсенникѣ», 1796 г., столь же и даже болѣе рѣзкомъ нынѣ, какъ Чулковскій и Новиковскій, многія пѣсни прямо уже передѣлалъ по своему, соблазнивши и тѣхъ, кто изъ него перепечатывалъ. Нечего уже прибавлять о Макаровѣ, справедливо вызвавшемъ общее негодованіе, но несправедливо понесшемъ всѣ тяжкіе удреки на себѣ одномъ за поддѣлки. Первымъ безукоризненнымъ издателемъ народныхъ пѣсень можетъ быть названъ лишь К. Ф. Каллаидовичъ. Со Стихами духовными и Сказками была у насъ та же исторія. Такъ воспитался Сахаровъ и, хотя умѣлъ сердито критиковать, самъ увлекся путемъ ложнымъ. Вспомните, что даже почтеннѣйшій В. И. Даль, современникъ дѣятельности Сахаровской, пошелъ было также по этому ложному, какъ нынѣ самъ признаетъ, пути: его тактъ не дозволялъ однако ему передѣлывать, а лишь возсоздавать народное творчество, но и то было отчасти уклоненіемъ. Единственный великій художникъ, умѣвшій и записывать у народа, и не передѣлывая, возсоздавать народное творчество, то есть переводить его въ иную область, область посредственнаго искусства, образованнаго сферою высшею, — законная задача для будущихъ писателей-повтовъ, — былъ Пушкинъ. Но доселѣ еще, ни равенство гениальныхъ силъ, ни художническая образованность, ни умѣнье не дали никому другому ни охоты, ни права наследовать въ семъ дѣлѣ Пушкину. Что же случилось бы съ тѣмъ, кто вздумалъ бы не возсоздавать, — на это не хватало силъ, — а передѣлывать народное творчество, подправлять и выдавать за цѣльное, извращать и увѣрять, что такъ творилъ самъ народъ, однимъ словомъ на частное лицо свое надѣвать маску, снятую со всего великаго народа? Сахаровъ поддался этой неблагоприятной роли, доказавъ свою роль тысячею опытовъ. При всемъ томъ, мы не рѣшились бы этого говорить о почтенномъ въ другихъ отношеніяхъ дѣятелѣ, сдѣ-

лавищем все-таки много для словесности народной, не рѣшились бы легкомысленно, если бы предварительно не взяли на себя труда провѣрить есь напечатанные имъ памятники устнаго народнаго творчества съ образцами неподдѣльными, до насъ уцѣлѣвшими. Выводъ нашего безпристрастнаго сличенія оказался крайне неблагопріятенъ для издателя «Сказаній Русскаго народа» и «Русскихъ народныхъ Сказокъ.» Довольно припомнить обдѣланный имъ Стихъ Егорья, помѣщенный у насъ во 2-мъ выпускѣ «Калѣкъ Перехожихъ;» довольно привести пѣсню объ осадѣ Волока и Карамышевѣ, гдѣ Сахаровъ, по минимымъ историческимъ требованіямъ, подставилъ вмѣсто Волока Псковъ, вмѣсто Карамышева—Шуйскаго Ивана Петровича; въ пѣсняхъ болѣе мелкихъ онъ вездѣ почти стеръ особенности мѣстныхъ нарѣчій, укорачивалъ—удлинилъ стихъ по произволу, дѣлалъ тѣ же поправки и вставки. Дошло до необходимости создать уже какой нибудь авторитетъ подобныхъ поправокъ: это и была знаменитая *рукопись Бѣльскаго*, выведенная Сахаровымъ въ ссылкахъ, но не на показъ, ибо она гораздо болѣе сомнительна, чѣмъ Акимовская-Татящевская; и увидать ее въ томъ видѣ, какъ она цитовалась, конечно мы никогда не увидимъ. «Эта рукопись, говоритъ Сахаровъ въ Примѣчаніяхъ къ Сказкамъ, писана въ подлинъ, скорописью, разными руками въ XVIII вѣкѣ. Впередѣ всего были, почти безъ раздѣленія, помѣщены Былины (здѣсь образцемъ послужила Сахарову рукопись Кирина), а послѣ нихъ Сказки. Бѣльскій, постоянный житель города Тулы, какъ самъ сказывалъ мнѣ, получилъ эту рукопись изъ дома Демидова (опять желаніе сродниться съ рукописью Кирина)... Изъ этой рукописи Бѣльскаго всѣ Былины буквально перепечатаны; Сказки же помѣщаю теперь.» Столь точно описанную рукопись познали мы отъ плода ея: Былины, изъ нея напечатанныя, оказались совершенно тѣ же, что у Кирина, но, съ естественными, казавшимися необходимою, исправленіями. Въ Былинѣ объ Ильѣ (у насъ вып. 1), «И начался (начался, показался, но мнѣнію) Добрынь какой сильной могучій богатырь,» рукопись Бѣльскаго объяснила—«показался;» въ другой—«А Спиря встаетъ, то постыриваетъ,» исправлено вѣрно «поспириваетъ;» въ Былинѣ о Добрынѣ (у насъ вып. 2) «Никитль» вмѣсто «Никитичу,»—рукопись Бѣльскаго исправила «Никитичу.»—Тамъ же—«не мнѣ вода грѣтъ,» древнее словосочиненіе, а рукопись Бѣльскаго дала совре-

менше—«не имѣ *воду* грѣть;» тамъ же, гдѣ нужно бы поправить—«сидитъ онъ, ничего, *свѣтъ*, не видитъ,» ошибка рукописи Киршевской *свѣту* перенесена и въ Бѣльскую; неправильное «*зашельщина*» вмѣсто «*засельщина*» оставлено по недосмотру и у Бѣльскаго; въ Былинѣ объ Алешѣ (у насъ вып. 2) древняя форма «*убихъ*» замѣнена болѣе понятною нынѣ «*убиль*;» вмѣсто «*можно*» также точно явилось «*можно*;» вмѣсто сокращеннаго народнаго «*подъ небесью*» болѣе обычное «*по поднебесью*;» вмѣсто народнаго «замочило *Тугарина*—крылья бумажныя,»—«у *Тугарина*;» вмѣсто «*Тугаретинымъ*,»—«*Тугаринимъ*.» Въ Былинахъ о Чурилѣ (у насъ вып. 4), «*другую* сорокъ,» возникшее вѣроятно изъ «*другое*,» «*свѣтлицы-гридни*» вмѣсто «*свѣтлыя*» догадливая рукопись Бѣльскаго исправляетъ «*другой* сорокъ,» «*свѣтлыя*.» Въ Былинѣ о Соловѣ Будимировичѣ (у насъ тамъ же) ошибку пѣвца, появившую въ сборникъ Кирши, «*глухоморья*» вмѣсто «*лукоморья*,» наслѣдовала себѣ рукопись Бѣльскаго; «*свашела* (свах) книжна *Апраксѣевна*» рукопись Бѣльскаго объяснила отъ глагола *свашить*, и потому выразилась «*свашила*,» сватала. Въ Былинахъ объ Васильѣ Буслаевѣ (настоящій нашъ выпускъ), употребительную форму «*хоробрый*» Калайдовичъ читалъ вездѣ въ рукописи «*хорабрый*,» шримѣняясь къ формѣ «*храбрый*;» рукопись Бѣльскаго сочла безопаснѣе остановиться на сей послѣдней; явная ошибка «*такъ*» вмѣсто «*только*» наслѣдована и Бѣльскимъ; рукопись Кирши имѣла «*начается* (полагаетъ онъ, кажется ему, казалось):» рукопись Бѣльскаго должно бы наслѣдовать это правильное чтеніе, тѣмъ болѣе, что она, какъ выше замѣчено, уже замѣнила слово «*начался* (начаялся)» словомъ «*показался*;» но, совсѣмъ неожиданно, она усвоила себѣ неосторожное исправленіе Калайдовича—«*качается*;» исправила она также «*старцу* подъ колоколъ» вмѣсто двусмысленнаго «*старца*.» У Кирши «*увѣче залъзено*,» добыто, и тотъ же глаголъ встрѣчается въ другихъ мѣстахъ Васильевыхъ Былинъ («не спасенья *залъзати*,» Рыбник. т. II), такъ что Калайдовичъ остерегся исправить, указавши примѣръ подобнаго лѣтописнаго употребленія; но слово, употребительное въ одной мѣстности, незнакомо было въ другой, такъ что иныя Былины, объяснивши себѣ «*залъчено*,» выразили свое пониманіе новымъ описательнымъ стихомъ—«*изалъчиль* дружинишку хоробрую (Рыбник. т. II):» рукопись Бѣльскаго,

какъ слѣдовало ожидать, выразилась «зальчено;» но она, какъ и выше замѣчено, не признавая древняго словосочиненія, не допустила выраженія «подъ старость надо душа спасти» и исправила «душу.» Но довольно, перейдемъ къ Сказкамъ. «Всѣхъ Сказокъ, какъ говорить Сахаровъ о содержаніи рукописи Бѣльскаго, было: 1. Добрыня Никитичъ, 2. Василій Буславичъ, 3. Ильѣ Муромецъ, 4. Акундинъ, 5. О семи Семіонахъ, семи родныхъ братьяхъ, 6. Змѣй горынчица, 7. Соловей сынъ гостинной Ивановичъ, 8. Иванъ гостиной сынъ, 9. Алеша поповичъ, 10. Емеля дурачокъ, 11. Шемлякинъ судъ, 12. О семи мудрецахъ и о юношѣ, 13. О чудныхъ и зло умильмыхъ гусяхъ самогудахъ, 14. О Жарь-птицѣ и Иванѣ царевичѣ.» Прежде всего насъ останавливаетъ здѣсь скромность рукописи Бѣльскаго: она сохранила въ себѣ лишь тѣ именованія, лица и предметы, которыя известны изъ другихъ народныхъ преданій и памятниковъ: новаго только Акундинъ, котораго рассмотримъ ниже, да сказаніе о гусяхъ, которое однако въ печати у Сахарова къ сожалѣнію не явилось. Во вторыхъ, удивительна здѣсь вѣрность былиннамъ Кириши: такъ въ нихъ объ Иванѣ Гостиномѣ лишь отрывокъ (мы прежде доказали, что съ этимъ героемъ связана цѣлая область самостоятельнаго творчества), — и Сказка Бѣльскаго, по замѣчанію Сахарова, «не имѣла окончанія,» не откуда ей было достать. Но, если скромна была рукопись Бѣльскаго, то не совѣмъ скромнѣе ея издатель, ибо онъ прибавилъ: «Всѣ эти Сказки, удержавшія вполнѣ нашъ чистый народный языкъ (такъ думалъ издатель), были приняты мною за основаніе текста (выраженіе опасливое, на случай, если бы доказали подправки: только «приняты за основаніе»). По крайней мѣрѣ досель не видалъ ничего лучшаго ни самъ я, ни кто либо другой.» Богъ знаетъ, куда бы повело, еслибъ намъ пришлось это повѣрять на дѣлѣ: но по счастью издатель большей части всѣхъ сихъ Сказокъ не издалъ и успѣлъ напечатать лишь тѣ, кои вытекали прямо изъ имѣющихся народныхъ Былинъ и Сказокъ, — о Добрынѣ, Васильѣ, Ильѣ, Акундинѣ и Семи Семіонахъ. Всѣ онѣ — относятся ли это къ ихъ достоинству или къ естественному происхожденію? — всѣ, за исключеніемъ опять Акундина, о коемъ ниже, суть перифразъ народныхъ Былинъ и Сказокъ. Нельзя потому сказать, чтобы онѣ много прилагали, — для свѣдѣнія мы даже печат-

тасмъ ихъ при настоящихъ выпускахъ, — онѣ довольно осторожны: но осторожность ихъ даже бросается въ глаза, именно заботливость удалить все то, что въ другихъ памятникахъ сего рода есть двусмысленнаго, или искаженнаго, или требующаго поясненія. Есть и наивныя прибавки: такъ про смерть Ильи наше народное творчество съ намѣреніемъ умалчиваетъ, давая лишь разумѣть, что онъ ушелъ изъ Кіева, спустился въ пещеры, окаменѣлъ и т. п.; но Сказка Бѣльскаго обстоятельна: «а живши онъ, Илья, во Кіевѣ состарѣлся, состарѣлся и переставился.» Добрыня по лѣтописямъ воевалъ съ Болгарами, о чемъ впрочемъ молчитъ устное творчество, зная Добрыню совсѣмъ инаго, какъ своеобразный типъ свой: образованная рукопись Бѣльскаго влагаетъ Тугарину, врагу Добрыни, тонкій намекъ, — «прогнѣвилъ князь Кіевскій царя Болгарскаго...., и велѣлъ тотъ царь Болгарскій (Тугарину) привести ему главу Владимірову,» при чемъ Тугаринъ даже немножко обмолвился, заявивши, что царь Болгарскій «живетъ не далече *лукоморья синяго,*» тогда какъ это лукоморье несовсѣмъ умѣстно въ мѣстѣ жительства тогдашнихъ Болгаръ и тогда какъ народъ обыкновенно говоритъ «лукоморья *зеленаго.*» По тѣмъ же причинамъ устное народное творчество Кіева не знаетъ Добрыню въ Новгородѣ, а только въ Кіевѣ: но рукопись Бѣльскаго свѣдущѣ въ лѣтописяхъ и заставляетъ героя увѣрять, — «а пріѣхалъ я къ тебѣ, осударь, изъ Великаго Новгорода.» Къ чести ея нужно также прибавить, что, ивѣя подъ рукою памятники народные, она женить Добрыню на *Настасьѣ Микулишнѣ*, обстоятельство, подтвержденное Былинами: но не къ чести, что отецъ ея, типъ *крестьянина, Микула Селлиновичъ*, вышелъ тутъ «*торгозымъ гостемъ,*» «*воеводою Кіевскимъ*» и *Микитичемъ*. Домовитая и религіозная рукопись Бѣльскаго всѣхъ этихъ богатырей, вопреки установившемуся типу Кіевскаго творчества, непременно, женивши, поселяетъ въ Кіевѣ и здѣсь хоронитъ: такъ и Добрыня «принявши законъ, жилъ призываючи, а живши состарѣлся, состарѣлся и переставился.» Есть и еще кое-какія любопытныя вещи, — онѣ большею частію означены въ Указателѣ, напечатанномъ нами при 4-мъ выпускѣ, замѣткою «сомнительно:» но достаточно. Въ языкѣ также нельзя сказать, чтобы употреблялись слова и обороты, совершенно чуждые народу: но у него они на мѣстѣ, въ мѣрѣ требованія и творчества, а здѣсь

на каждой строчкѣ; это—удлиненные формы—«добрынкъ,» «сладкинкъ (см.: добрыхъ,» «сладкихъ»);» безпрестанное «а и,» «а и то-то,» «а и было,» «ужь и я ли,» «ужь и ты ли,» и т. п.; не просто «слово,» а непременно «словечушко,» или «слово ласковое, великое;» рѣчи «вѣстныя,» рати «сильныя,» руки «крѣпкія,» терема «азатOVERXIE,» «надежа осударь;» «и на томъ рѣчь свою ставили;» «думать крѣпку думушку,» «служить вѣроу и правдоу;» преклоняють «чело до полу,» кланяются «большимъ челобитьцемъ, отъ востока до запада,» кланявшіеся «становятся во единъ рядъ» или «на особину,» просятъ «соизволь выслушать,» и прочее, и прочее. Отражающаяся всюду въ Былевомъ творествѣ, отчасти грубая и суровая, но несомнѣнно простая и честная, развязная и удалая, стойкая и сильная наша древняя Земщина является здѣсь дворницкой челядью XVII вѣка или придворною толпою, съ большими козырями, Китайскими церемоніями; не скажетъ просто слово, все съ ужимками и штуками; поклонъ ея оказывается какимъ-то реверансомъ, слово спичежъ. Впечатлѣніе рѣшительно паточное, послѣдствія для читающаго тошнотныя. — Перейдемъ къ Сказкѣ о Васильѣ Буслаевѣ. Она вся сложена у Сахарова изъ Киршевскихъ Былинъ и Чулковской Сказки, съ пособіемъ можетъ статься еще кое-какихъ народныхъ данныхъ, нами не отрицаемыхъ, но съ тѣми же передѣлками. Вмѣсто народнаго «пѣтье церковное» выставлено безопаснѣйшее «пѣнье;» «въ науку» замѣнено словомъ «въ науку.»—Отринувши показаніе Былинъ, что Василью грамота, письмо и пѣтье въ науку пошли, Сахаровъ не дошелъ до тѣхъ сказочныхъ данныхъ, что Василій вмѣсто того «выучился соколомъ летать,» а увѣряетъ, что «грамота и пѣнье Васькѣ въ науку не пошло.» — Показаніе Былинъ, отразившее мѣстность ея происхожденія, — «а и нѣтъ у насъ такого пѣвца во славномъ Новѣ-городѣ сопротивъ Василья Буслаева,» Сахаровъ счелъ надежнѣе замѣнить словами — «а и не было такого молодца супротивъ Васьки Буслаева.» — Слова Чулковской Сказки «отпускаетъ она посадниковъ съ почестью» изложены красиво: «и чинить почестъ честна вдова Амелеа Тимоѣевна мужикамъ Новгородскимъ.»—У Чулкова подобнымъ образомъ отвѣтъ Василья матери: «не боюсь я посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новгородскіе, а боюсь твоихъ рѣчей родительскихъ, мнѣ страшно твое слово доброе;» у Сахарова: «не боюсь страху посадниковъ, не

страшны мнѣ мужики Новгородскіе, а боюсь твоей великой заповѣди, страшно мнѣ твое слово великое.»—Василій по Былинамъ разослалъ ярлыки съ приглашеніемъ Вольницы, ихъ и читали проходившіе: у Сахарова «бирючи кличуть кличь.» и тогда уже излишней удержанный имъ изъ Былинъ образъ случайнаго прочтенія, — «шли люди грамотные. читали ярлыки скоропечаты.»—Удержано изъ Чулкова неловкое прозвище свинца «Сорочинскимъ,» тогда какъ у народа свинець «Чебурацкій.»—Потанюшка у Сахарова «идеть-плыветь по улицѣ,» — красиво, но забыто, что хрому было трудновато плыть утушкой и лебедушкой, какъ хаживали женщины.—Въ имени Дѣтей Боярскихъ намѣренно вставлено любопытное разнорѣчіе «Матвей» вмѣсто «Моисей.» — Сохранены изъ Былинъ «Мужики Загъшане,» но, что Василій испугался ихъ и не смѣлъ показаться, думалось Сахарову несомвѣстнымъ съ храбростію героя и онъ приправилъ растянутую картину, что Василій ихъ не встрѣтилъ, потому спохватился, бросился угощать. — Собирались, говорить Сахаровъ, къ Василью на пиръ «со вѣсѣхъ концовъ, *опрочь Посацкой:*» это казалось необходимымъ, ибо на сторонѣ Посадской враги; но къ сожалѣнію, по Былинамъ, ихъ-то больше всего и было у Василья, только онъ ихъ не потчивалъ, а прогналъ. — Сборъ Новгородцевъ «въ терема тайницкіе» правился Сахарову и всѣ рѣчи ихъ взяты изъ Чулкова: но сочинитель побоялся выставить Чудина и Садку, замѣнивши перваго «чюднымъ старцемъ» и удаливши изъ рѣчей все, что касалось правъ Василья «на княжескій престолъ.» этого навѣснаго мотива, допущеннаго Чулковымъ. — Старики задумали сподти молодого Василья, и у Чулкова «покупаютъ вины заморскія, *что ни пьяныя,*» то есть что ни самыя пьяныя, самыя какія только были пьяныя, самыя похитѣльныя: не понявши этого, Сахаровъ говоритъ, что «приходили гости торговые (казалось неприлично, что старики посадники сами ходили къ нимъ) съ винами заморскими, *ни съ пьяными, ни съ похитѣльными,*» т. е. совершенно вопреки смыслу. — Въ Былинѣ у Курши, Новгородцы не думаютъ звать къ себѣ Василья и, случайно узнавъ о случайной ихъ братчинѣ Никольщинѣ, онъ идетъ туда безъ всякаго особаго умысла: у Сахарова изложенъ форменный зовъ на пиръ Василью отъ мужиковъ, а между тѣмъ выраженіе Былины, выставившее случайность, удержано: «прослышалъ Васька про кануть варенъ — пива ячныхъ у мужиковъ посацкихъ, по-

шелъ въ терема тайниціе;» да какъ же онъ прослышалъ, когда его нарочно приходили звать и онъ далъ согласіе притти?— У Буслая старика нигдѣ нѣтъ отчества: какъ допустить этотъ пробыль? Рукопись Бѣльскаго должна же отличаться любопытнымъ пополненіемъ, и вотъ очутился «Буслай Довмонтъевичъ.»— Но самого себя превзошелъ Сахаровъ въ описаніи пира: онъ собралъ сюда даже богатырей изъ Кіева и вложилъ имъ въ уста чудовищныя спичи. Первый взятъ изъ Чулкова Садко: онъ, владѣвшій кораблемъ Соколомъ, здѣсь является удалымъ всадникомъ и хвалится «конемъ Соколомъ,»—вѣдь купцы хвалятся же нынче хорошими лошадьми! За тѣмъ Чурило краснорѣчиво описываетъ свою жену, не бывши женатымъ, да еще какую жену! *Настасью Апраксевну*, то есть жену чужую, жену Дуная Ивановича! Ставръ, изъ своего XII вѣка занесенный Былинами Кіевскими къ Владиміру—внѣсто Мономаха—Святославичу, маниемъ Сахарова возвращаетъ въ Новгородъ и отдастъ на время въ сынки къ Владимірову боярину Путять, въ *Путятичи*; у него и слуга *Акундинъ*, ния, которое Сахаровъ старался ввести въ творчество, упоминая и въ воеводахъ Кіевскихъ при Владимірѣ, готова сказку, которую ниже увидимъ. Еще забавнее: стыдливый и даже робкій, вырученный изъ бѣды женою, Ставръ является страшнымъ богатыремъ, наѣзжаетъ на Чудь поганую, кричитъ, свиститъ, гонитъ враговъ, машетъ копьемъ, хватаетъ мечемъ. Мѣстный герой, Костя, бездомный сирота, который въ Былинѣ прямо скорбитъ, что ему «ничѣмъ похвастати,» и у котораго одинъ выходъ—драться съ Новгородомъ, какъ голой Вольницѣ, у Сахарова разбогатѣлъ на диво: «а и нѣтъ нигдѣ такого богатства супротивъ моего,—три корабля плывутъ за синими морями съ крупнымъ жемчугомъ, три корабля плывутъ по морю Хвалынскому со камнями самоцвѣтными, а златомъ и серебромъ потягаюсь со всѣмъ Новымъ-городомъ.» Бѣдняга, по непривычкѣ къ богатству и неопытности въ коммерціи, забылся до того, что, по словамъ его, у него даже «три корабля плывутъ по лукоморью съ соболями:» а лукоморье — лука по морю, глухой берегъ моря. Но онъ по крайности далъ намъ объясненіе, почему лукоморье, въ народномъ творествѣ обычно «зеленое,» покрытое мхомъ и травою, у Сахарова, по недоразумѣнію, которое мы упоминали, явилось синимъ (въ Сказкѣ, выше упомянутой). Богатый негоціантъ-издатель, отсутствовавшій Костя въ

кредитъ à fonds perdus лукошорье, считалъ его «залливомъ!» — Договоръ, особенно письменный и съ залладомъ, бываетъ не менѣе какъ при двухъ сторонахъ: а у Сахарова Василій уже ушелъ съ шира и тогда лишь, собравшись «въ терема тайничкіе (какъ это по-правилось, на каждыи шагъ!), мужики догадались сдѣлать залладъ съ неизвѣстнымъ лицомъ, искомъ, — «битися-дратися всею дружиною съ Васьюкою, а въ великъ залладъ за Новгородъ держиши дани и выгоды (вмѣсто «выходы») по три тысячи на всякъ годъ. И на томъ мужики посадикіе руки подписали.» — Старуха мать Василья, указавшая Новгородцамъ на Пилигримища, сама потомъ вышедшая унимать сына, во всякомъ случаѣ передъ городскими старшинами по своему вѣзливая, поднята Сахаровымъ (по неумѣстной выпискѣ изъ Чулкова) въ трагическое негодование: «отсылала ихъ матера вдова, честна жена Амелеа Тимошеевна съ нечестіемъ.» Но, что позволительно было Василью, могло быть страшновато старухѣ: а еслибы ее побили за нечестіе? — Старчище Многолѣтище, согласно Былинамъ, отведенъ Сахаровымъ «въ почестной монастырь:» но, согласно съ Чулковымъ, проповѣдуетъ, что «сичу я во теремъ неисходно ровно тридцать лѣтъ.» Такъ въ монастыряхъ бывали не кельи, а семейные терема? — Чтобы не дать задателю случая какъ ни будь ошибиться, Старикъ надѣваетъ колоколъ просто, не съ колокольни — по Былинамъ, не съ вѣча — по Чулкову, а вѣроятно изъ кармана. Судьба его самого еще удивительнѣе: согласно съ Былинами, у Сахарова «заглянулъ онъ Васька старцу (исправлено вмѣсто пѣсеннаго «старца») подъ колоколъ, — а во лбѣ глазъ ужъ вѣку нѣту,» — поминай старика, какъ звали; но, согласно съ Чулковымъ, онъ тутъ же и оживаетъ, — «поднимаетъ Васька Старчища со сырой земли, обнимаетъ его во бѣлыхъ рукахъ и отпускаетъ на покой съ честію.» Любопытно еще, какъ Сахаровъ осмыслилъ пѣсенное — «начаетса, старецъ не шевѣлнтся:» «качаетса старецъ, шевелитса, ко сырой землѣ клонитса.» — Мы видѣли у Чулкова, что дружинники Василья, Ома съ Потанюшкой, въ битвѣ не участвовали, держались отъ нея вдали про запасъ, на случай, если ослабнетъ Василій; потому, когда ихъ будила Чернавка, они не захотѣли даже встать и спокойно завернули голову въ подушки: все это, почти до слова, лишь съ прикрасами, переписано Сахаровымъ. Но у Сахарова была еще Былина Кирши, гдѣ дружина выноситъ на себѣ всю тяжесть перваго боя, гдѣ она

взбита и Василій, пробудившись, является выручать ее: непристрастный сочинитель рукописи Бѣльскаго не погнушался и этимъ, онъ выписалъ и отсюда, — «пошелъ Васька по Волхвъ-рѣкѣ, по той улицѣ Волховой; завидѣли его удамы молодцы, Оумка со Потанюшкой, — у ясныхъ соколовъ крылья оторвали, у нихъ молодцовъ душники прибыло, молодой Васька сталъ выручать ихъ.» Завидѣли — со своихъ перинъ, Василій выручаетъ ихъ — изъ просоня! Невольно вспоминается: «солгала неправда себѣ,» себѣ, а не кому другому. — Сбившись здѣсь однажды, Сахаровъ заставляетъ и дагѣе унимать уже не одного Василья, а *оружину*, и *дружина* запинаятъ свои раны, — то есть, какъ попалъ на Былинну, такъ отъ нея и не оторвался сознаниемъ. — Наконецъ, у Чулкова, гдѣ весь вопросъ изъ за Княжества и владѣнія Новгородомъ, разумѣется побѣжденные граждане передаютъ все княжескія права побѣдителю и раздаются возгласы: «Здравствуй, батюшко нашъ, Славенской князь, Василей Богуслаевичъ!» Эту невинную коронацію легко простить наввному Чулкову. Но Сахаровъ вопросъ о Княжествѣ весь вычеркнулъ: какъ же онъ допустилъ рукопись Бѣльскаго выписать послѣдствія битвы изъ Чулкова? Читаемъ: «втапоры мужики посацкіе вспознали бѣду неминуемую, идутъ въ терема тайниціе (безъ этихъ теремовъ ничего у нихъ не дѣлается), пишутъ крѣпки записи — быть Новгороду за Ваською Буслаевымъ! —» Горожане Великаго Новгорода могли уступить побѣдителю въ единоборствѣ часть городскихъ повинностей; могли принести ему и дѣйствительно принесли записи — закладныя, теперь выигранныя: но, поступиться Новымъ-городомъ, а за нимъ всей Новгородской областью, поступиться счастливцу изъ Вольницы, когда не поступались ни одному Рюриковичу, — Сахаровъ въ увлеченіи своего творчества, списавшаго съ одного боку Былинну, съ другаго Сказку Чулкова, не остерегся выставить Новгородцевъ глухими ребятами.

Рукопись Бѣльскаго еще не вся: слѣдуетъ Сказка объ *Акунди-ль* и Князѣ Глѣбѣ Ольговичѣ. Долго было бы намъ по прежнему разбирать языкъ: онъ такой же прѣвый и уснащенный. Только лишь начинается Сказка, — «соизвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя,» — тотчасъ чувствуете съ Гоголемъ, какъ пошла писать расныщенная губернія.

Все вступленіе Сказки пропитано этими сладостями и жалостями; рассказывается, какъ жили въ старину «не по нашему, по заморскому, а по своему православному,» но народъ не описалъ бы такого православнаго житія: вставали, видите, утрошъ рано и «кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада,» — что за безобразіе! Потомъ «созывали слугъ вѣрныхъ на добры дѣла,» — только *слуги* ихъ и дѣлали; «старики судъ рядили,» «старыя старушки судили-рядили,» — мужеско-женскія народоправства; «молодыя молодицы правили домкомъ,» тогда какъ въ народѣ онѣ, именно молодыя молодицы, никогда до этого не допускаются; наконецъ — «красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ день,» «старыя старушки сказки сказывали,» — это то же православіе. Но за рѣчью издателя не угонаешься: мы остановимся на содержаніи. Опять не отрицаемъ, что въ основѣ нашлись кое-какія преданія, подслушанныя или прочитанныя гдѣ-либо Сахаровымъ, въ теченіе лѣтъ, когда онъ всюду интересовался народной словесностью: такъ, на примѣръ, существенныя черты въ образѣ выведенныхъ имъ Каликъ или Калѣкъ весьма замѣчательны и вѣрны, какъ убѣдились мы, долго занимавшись тѣмъ же предметомъ. Но, что изъ этого слѣдена перехитренная мозаика и сшитъ тучный романъ, также не подлежитъ сомнѣнію. Имя Акундина, какъ замѣчали мы, старался нѣсколько разъ уже привести Сахаровъ, подготавливая естественность сказки: и въ Кіевѣ, и при Новгородѣ Ставрѣ. Еще любопытнѣе ближайшій поводъ къ сочиненію сказки. Ѳ. Н. Глинка жилъ въ Олонецкой губерніи, въ этой странѣ были и повѣстическихъ преданій, недавно поразившихъ насъ своей творческой красотой и величавостью въ Сборникѣ П. Н. Рыбникова. То, что могъ собрать путешественникъ, — весьма впрочемъ скудное, — онъ группировалъ около событія — заточенія Марѣы Ивановны Романовой на Выгозерѣ, въ Обонежской пятинѣ, принадлежавшей Новгороду. Преданія Олонеккія, истекавшія изъ массъ, заселившихъ сію мѣстность, перекрещивались въ древности — и доселѣ — съ Новгородскими, ибо, какъ здѣсь были владѣнія древняго Новгорода, такъ изъ него же на глазахъ исторіи шли сюда многочисленные поселенцы, со всѣмъ запасомъ Новгородскаго творчества. Рассказъ, сгруппировавшійся около Марѣы, или, лучше, отрывочныя описанія въ стихахъ, издавъ сочинитель въ 1830 г. подъ именемъ столь известной своей «Карелии,» въ четырехъ частяхъ. При озерѣ

Онегъ, въ Мурскомъ урочищѣ, есть извѣстная обитель, основанная Лазаремъ Мурскимъ. Это былъ выходецъ изъ Рима, Странникъ, жившій послѣ въ Новгородѣ, основавшій монастырь въ урочищѣ, которое и подарено было монастырю въ 1182 году отъ Новгорода, именно однимъ добротнымъ дательемъ, жителемъ Славянскаго Конца. Простодушное житіе, описанное Лазаремъ, о странствованіяхъ, по-
 двигахъ, чудесахъ, получено было Ѡ. Н. Глинкою и дало, какъ видно, ему мысль воспользоваться рассказами, тѣмъ болѣе, что въ мѣстныхъ преданіяхъ имя и вліяніе Лазаря играли значительную роль. Къ Марѣ Ивановнѣ введено съ рассказами таинственное лицо какого-то Отшельника, описывающаго свои странствованія, любовь, разлуку, приходъ издалека на Сѣверъ, водвореніе въ пустыни Оловечкой. Онъ родомъ былъ изъ Греціи, любилъ войну, битвы и походы, плѣнился дѣвой чужеродной и, когда она гнѣвнымъ отцомъ была убита, попалъ самъ въ темницу, освободился, «топилъ свою печаль» въ далекихъ странствованіяхъ, явился въ Италиі, «онъ гробъ Марона посѣтилъ и прочиталъ на немъ Гомера,» и все это, и объ Италиі, «странъ гробовъ неумирающихъ героевъ,» рассказывалъ Марѣ Ивановнѣ. Досужая, послушно она внимала. Далѣе, «онъ всю Германію прошелъ, искалъ чего-то,» онъ «весну проводилъ надъ Рейномъ,» видѣлъ видѣніе Богоматери, такое же какъ Лазарь Мурскій, и призванъ былъ видѣніемъ на Сѣверъ. «Такъ онъ, къ безвѣстному влекомый, все шелъ на Сѣверъ,» и пришелъ, засталъ въ Карелии пожаръ, воспоминавшій «пѣснь Омира въ его стихахъ—*льсной пожаръ*;» пугался дикости сначала, но примирился съ языкомъ, «но сладокъ у лѣсной Карелы ея безшисъменный языкъ; казалось, я (слова расказчика) переселился въ края Авзоніи опять и мнѣ хотѣлось повторять ихъ рѣчь, въ ней слухъ мой веселился игрою звонкой буквы *Л* (ель);» потомъ, для рѣшмы, встрѣтилъ ель, явленье частое въ томъ краѣ и, Промыслъ свой благословляя, вышелъ пристанище въ глуши, усѣлся, въ мирѣ и тиши вѣкъ проводилъ и кончилъ передъ Марою повѣсть разказомъ, какъ страдала совѣсть мечтою грѣшной о быломъ, влетавшею какъ будто птица, «какъ мысль, какъ пылкая зарница,» а тамъ, какъ онъ владелъ собой и «какъ держалъ Духовный бой, и что въ пустынѣ съ нимъ сбывалось.» Сія поэтическія картины, при всемъ ихъ достоинствѣ и живости, не скрываютъ отъ насъ, что образъ Отшельника есть

второобразъ, снятый съ Лазаря Мурманскаго. Благоговѣйный поэтъ не рѣшился никакъ высказать этого прямо: но, что это близко къ дѣлу, мы заключаемъ изъ примѣчаній о Лазарѣ, присоединенныхъ къ стихотворенію, изъ таинственности Отшельника и изъ того, что говорится: «Душей съ земнымъ разставшись прахомъ, онъ небомъ званъ; онъ жилъ въ гѣсахъ близъ Тѳлуви и на скалахъ у Кивача, не знаясь съ страхомъ; у поселянъ онъ слылъ монахомъ; то будь онъ и у насъ монахъ! Ктожь онъ, какой онъ уроженецъ? Наставникъ мирныхъ поселянъ — за чѣмъ? И изъ какихъ онъ странъ въ сей край недавній преселенецъ?» При семъ замѣчаніе прозою: «рассказъ объ отшельникѣ, о его переселеніи съ Востока на Сѣверь, *не есть просто вымыселъ* (вотъ указаніе прямое); но — прибавляетъ скромный сочинитель — здѣсь не мѣсто о семъ распространяться.» Такимъ образомъ, думаемъ мы не безъ основанія, Марѳа Ивановна въ рассказѣ таинственнаго Отшельника выслушала мѣстную повѣсть о Лазарѣ Мурманскомъ. — Теперь сторона другая: къ Царственной Изгнанницѣ входятъ послѣ Отшельника дѣвушка-крестьянка Маша, и полились рассказы уже о преданіяхъ чисто-народныхъ, творческихъ. Тотъ же подвижникъ, котораго видѣли мы въ Лазарѣ — со стороны болѣе нравственной, теперь, по народному представленію, является Богатыремъ подъ именемъ *Заоньги*, — имя вымышленное, просто — поселенецъ Заонежья, уничтожившій въ семъ краю страшилищъ, злыхъ духовъ, Змѣя Тугарина. Почерпнуты ли эти рассказы постомъ изъ рукописнаго Житія, или изъ устъ Олончанъ, — все равно, они близко сходятся и одинаково принадлежать возрѣнію народнаго творчества. «Теперь рассказываетъ Маша все больше про свою страну и говорила дѣва наша про то, что было въ старину: про озеро свое Онѣгу и про Карельца Заонѣгу. А кто же былъ онъ? Богатырь, и славный. Онъ съ дубиной, смѣлый, берегъ Карельскіе предѣлы и славилъ свой гѣсной пустырь.... За чѣмъ тутъ ели вдругъ не стало? Ее унесъ нашъ богатырь. *На Мурму шелъ онъ въ монастырь* (замѣтьте его тожество съ Лазаремъ): вдругъ стадо на него напало, какъ войско цѣлое, волковъ, конечно посланныхъ духами; но въ мигъ управившись съ волками, добрался онъ и до духовъ. И видимыхъ своей дубиной громилъ и билъ онъ какъ пестомъ, *а невидимокъ гналъ крестомъ*, считалъ ихъ козни паутиной; и *силой честнаго креста* онъ ихъ — воздушныхъ скоморо-

ховъ, нтъ не спасла и высота... Мы помнимъ Змѣя Тугорѣва (Тугарина; дѣйствительно, у Олончанъ есть свой Тугаринъ, Шаркъ-великанъ, получившій имя отъ историческаго Шарукана): онъ триста саженъ былъ длиною и горы подымалъ спиною; но Заонѣгива дубина ему далась порядкомъ знать. Мы помнимъ, изъ всей Карелы сошлась какъ туча нашихъ рать: метали камни, копья, стрѣлы, а Змѣй бойцовъ и не слышалъ и, лежа на скалахъ Онѣги, имъ въ уши бурею свисталъ и поль-Онѣги разплескалъ хвостомъ. Но все отъ Заонѣги онъ не ушелъ. Избитый, чуть чертя густою кровью путь, чуть, сонный, въ Укшу дотащился и тамъ у Коссалмы свалился. (Да) онъ лежитъ тамъ и теперь: и съ той поры, огромнымъ тѣломъ загородилъ на Кончу дверь и легъ какъ толстая плотина, его покрыла пыль и тина, на немъ скопилася земля и выросъ лѣсъ.» Это описаніе дѣйствительно прекрасно и конечно не могло возникнуть безъ основы народныхъ разсказовъ, почерпнутыхъ, говоримъ, изъ устъ ли, или изъ рукописнаго Житія. Далѣе слѣдуетъ встрѣча Заонѣги съ Водяникомъ, потомъ съ воздушными духами:... «Заонѣга, послѣ обѣденнаго сна (въ кельѣ?), идетъ путемъ къ лѣсному Уру собирать душистую мамуру,—она въ то время новизна. Все тихо, тихо и сонливо, порой лишь, подѣ овсяной нивой, взреветъ медвѣдь. Но вотъ жужжить и вьется—что такое? Мухи? Но Заонѣга говорить:—Я знаю васъ, воздушны духи!—» Духи начинаютъ искушать Заонѣгу, какъ всегда искушаютъ отшельниковъ: «—Ну полно жъ врать, я не люблю, вы знаете, я васъ не трушу!—Такъ Заонѣга. Но кипить воздушниковъ лихая сила, хохочетъ, дразнить и шумить, ужъ Заонѣгу разсердила... Но—*Лазарь въ Мурмъ зазвонилъ* (угодникъ съ братіей тамъ жилъ),—и духи тотчасъ присмирѣли, и Заонѣга сталъ смирѣнъ: прогналъ враговъ вечерній звонъ, то въ Мурмѣ павечерье пѣли.» Такимъ образомъ Лазарь же прогналъ искушенія духовъ. Ясно, что Марѣа Ивановна въ разсказѣ Маши слышала ту же повѣсть о Лазарѣ, по народнымъ воззрѣніямъ, лишь замаскированную скромнымъ сочинителемъ.—Спросятъ многіе: къ чему это длинное отступленіе къ творенію поэта? Какое его отношеніе къ народнымъ сказкамъ? Да, странно представить, что здѣсь отношеніе есть: а между тѣмъ, спустя 10 лѣтъ послѣ «Карелии,» въ 1841 г. отпечатаны Сказки Сахарова и въ нихъ, изъ рукописи Бѣльскаго, сказка объ Акундинѣ. Акундинъ—житель Новгорода, связаннаго съ

Заонежьемъ и всей Олонецкой областью народными сказаніями; въ эпохи XII вѣка (судя по современности Глѣбу Ольговичу), слѣдовательно современникъ и Лазаря, и Заонѣги. Ходилъ онъ прежде въ походы съ Вольницею, но ему наскучило разгулье, его влечетъ къ новымъ странствіямъ, къ Кіеву и Москвѣ, и пускается онъ по Волхову, одинокимъ Странникомъ, какъ Лазарь, какъ Отшельникъ—второобразъ Лазаря. Какъ эти послѣдніе призваны были къ дальнѣйшимъ подвигамъ чудными видѣніями, такъ мѣсто высшихъ силъ для Акундина занялъ таинственный Калѣчище: онъ беретъ Акундина, ставитъ на высокій курганъ и съ высоты показываетъ обширную Рязанскую область отъ Оки до Дона, городъ Ристиславль, тамошнихъ жителей и совершавшія тамъ событія. Увлеченный дивнымъ видѣніемъ, юный странникъ рвется въ открывшуюся взорамъ страну на подвиги: Калѣчище мгновенно переодѣвается, надѣваетъ на себя платье Посадника (онъ нарочно таскалъ это платье съ собою на случай), является въ величіи посадническомъ, открывается дядею Акундина, передаетъ ему наслѣдіе отъ отца, мечъ кладенець, калену стрѣлу, тугой лукъ (это то же до поры-времени береглось въ каличьей сумѣ), благословляетъ племянника на предстоящіе подвиги и — самъ кончается, преселяется въ вѣчность. Ясно, что Калѣчище есть дивное видѣніе, но не такое, какое описываютъ Житія, подобныя Житію Лазаря, или суевѣрныя народныя преданія о Заонѣгѣ, а живое, съ кровью и плотью дѣйствительности, въ образѣ, какой только могла создать народная сказка. — Что же за подвиги предстояли Акундину? «Глядитъ Акундинъ на Оку рѣку, а въ Окѣ рѣкѣ плыветъ чудовище невиданное, Змѣй Тугаринъ: длиною-то былъ тотъ Змѣй Тугаринъ во триста сажень, хвостомъ бьетъ рать Рязанскую, спиною валитъ круты берега, а самъ все проситъ стару дань.» Читатели узнаютъ грознаго врага Лазарева и Заонѣгина. Изъ Ростиславля пытаются сперва укротить его подарками: здѣсь вставляется юмористическій эпизодъ о *Думномъ Дьякѣ Чоботкѣ*. Но мысль о семъ послѣднемъ, и самый характеръ плута, успѣвшаго обмануть старшину, стараго воеводу и посадника, встрѣчаемъ мы опять у Ѳ. Н. Глинки, въ разговорѣ духовъ съ Заонѣгомъ; желая развлечь подвижника соблазнительными картинками мірской жизни, они говорятъ насмѣшливо: Что у васъ въ міру за люди? «Ихъ судить *Думный Дьякъ* изъ

платы, они другъ друга тянуть въ судъ, другъ друга лишь во снѣ не бьютъ... Подьячій врѣтъ передъ Дьякомъ, Дьякомъ, лукавый, предъ Царемъ перелукавленъ Воевода.» Вотъ вамъ исторія Чоботка и перелукавленнаго Юрья Микитича.—Когда же Тугарина не смогли побѣдить лукавствомъ, встаетъ весь Ростиславль со своимъ юнымъ княземъ Глѣбомъ Ольговичемъ, влюбленнымъ, но изъ за Тугарина теряющимъ невѣсту: тучи ихъ стрѣль, посылавшихся на Тугарина, уже мы видѣли у Ф. Н. Глинки въ описаніи того, какъ встала на Тугарина вся Карелія. Но и рать не успѣла. «Какъ прочуялъ Змѣй Тугаринъ рать немирную, и началъ мутить Оку рѣку широкимъ хвостомъ: широка Ока рѣка возмутилася, круты берега разсыпалася, мутна вода разливалася. Нельзя къ Змѣю подойти, нельзя Змѣя войной воевать: широко поле Рязанское, а негдѣ рать стать, на широкіяхъ поляхъ кони не стоятъ, на круты холмы вода вошла.» Сравните вышеприведенное описаніе въ «Кареліи.» Всю эту бѣду Рязанцевъ видитъ съ высоты Акундинъ; ему такъ хочется въ дѣло, такъ рвется онъ помочь бѣднякамъ, что въ описаніи порыва его Сахаровъ нѣсколько измѣняетъ величественному тону рукописи Бѣльскаго, ибо не можетъ стать, чтобы она рисовала такую картину: «какъ заходили у Акундина ноженьки по курганчику, какъ заматалася головушка буйная по молоду князю по Глѣбу Олеговичу,» —это точь въ точь, какъ рвутся въ удалую присядку. Разумѣется, когда этотъ новый Лазарь и Заонѣга дорвался до Тугарина, онъ его побилъ: «и его-то, Тугарина, онъ еретичество разрушаетъ (уступка воззрѣніямъ Житія), а разрушивши его еретичество, идетъ ко круту бережку. Во ту пору Ока рѣка въ круты берега собиралася, на днѣ Оки рѣки желты пески воздымалася (улегалася?). И беретъ онъ, Акундинъ, мечъ кладенець, разсѣкаетъ его, Тугарина, на сорокъ сороковъ: и отъ того онъ, еретикъ Тугаринъ, дотогѣ и живъ былъ.» Побѣдителя торжественно вводятъ въ городъ Ростиславль, дарятъ, чествуютъ, умоляютъ остаться: но странника влечетъ невѣдомый голосъ—«впередъ,» къ Киеву, въ Москву. Они уѣзжаетъ. Въ этомъ разсказѣ Былины Новгородскія переходятъ въ Княжескія, удалыцы Новгородскіе изъ мѣстной исключительности выводятся на широкія поля другихъ областей Руси: Сахаровъ рѣшился познакомиться насъ съ бытомъ Княжествъ, съ ихъ сказаніями, эпосомъ Кня-

жескимъ. Выѣхавъ изъ Ростислава, Акундинъ является въ соседнемъ, по той же Окъ, Муромѣ, и здѣсь-то развивается снова исторія Лазаря и Отшельника. Вмѣсто урочища «*Муржскаго*» и «*Мурмы,*» является область *Муромская, Муромъ*; вмѣсто роя воздушныхъ духовъ, тревожившихъ Лазаря и Заонѣгу, рой Татарь, обложившихъ городъ, полонившихъ народъ, увезшихъ красавицу Настасью Ивановну. Для Акундина настала пора любви, онъ влюбленъ какъ Отшельникъ *Ө. Н. Глинка*. Онъ мчится, разбиваетъ Татарь какъ мухъ, освобождаетъ дорогую плѣнницу: но, какъ отецъ разрушилъ своею яростью союзъ сердець Отшельника и Турчанки, такъ названный отецъ Настасьи. Нежданъ предательски выдаетъ ее за другаго; какъ Отшельникъ попалъ даже въ темницу, изъ которой едва высвободился, такъ Нежданъ грозитъ Акундину, велитъ пинками гнать его. Разочарованный, неся въ сердцѣ неисцѣльную рану, странникъ убирается по добру по здорову изъ Мурома, стремится къ Кіеву и Москвѣ: въ Москву почему-то онъ уже не попалъ, но въ Кіевѣ очутился. Одна отрада его — молитва. Какъ Буслаевъ въ Ерусалимѣ, такъ Акундинъ справляетъ здѣсь поминанья по батюшкѣ и всѣмъ роднымъ. Таинственные Калѣки, занимающіе во всей сказкѣ мѣсто тѣхъ небесныхъ видѣній, которыя черпалъ изъ Житія или аллегорически рисовалъ *Ө. Н. Глинка*, пророчатъ аллегорически Акундину, что онъ долженъ искать и найти «сѣрую утицу,» прежнюю любовь свою. Теперь вспомнимъ: когда Марѳа Ивановна, прослушавши длинную повѣсть Отшельника объ его странствіяхъ, Авзоніи, Германіи и Рейнѣ, наконецъ о прибытіи въ дикую страну Кареліи, перешла къ его «Духовному бою въ пустынѣ» и задала вопросъ, намекая на прежнюю разочарованную любовь Отшельника, — «покинувъ свѣтъ, не зналъ ли грусти сокровенной?» Отшельникъ въ аллегоріи рассказалъ, что прежняя любовь, милый образъ прилетаетъ къ нему въ пустыню сердца, въ образѣ дивной птицы, такой, какая прилетаетъ и въ пустыню Кареліи: «На дальнемъ Сѣверѣ есть птица. Она, какъ слышно, иногда перелетаетъ и сюда. Какъ мысль, какъ пылая зарница, она мелькаетъ по лѣсамъ. Ее, какъ совѣ, я видѣлъ самъ. Грудь — ахонтъ, и лазурны крылы отливомъ золота горять.» Видите, она похожа на сизую золотистую утку: по крайности у *хростаго марода*, не знающаго райскихъ птицъ, естественно перейти ей въ образъ утки, и такую-то Саха-

ровъ, чутый къ народному творчеству, изобразилъ ее. Тогда какъ Акундинъ горевалъ во образѣ Каалки или, что то же, Странника, явилась ему прежняя возлюбленная, она успѣла уже потерять неправаго своего батюшку, матушку и перваго мужа: на языкѣ Сахарова это выражено въ образѣ, что она «ровно три годочка лебедушкой жила, а на четвертой сврой утицей поплыла.» Разумѣется, Акундинъ соединился съ предметомъ любви, женился на Настасѣ Ивановѣ, потому, какъ всѣ герои у Сахарова, «составляея и переставляея.»—Но, при всемъ этомъ, столь явномъ и даже ребскомъ заимствованіи изъ Карельскихъ или, лучше, Олоонецкихъ преданій, вы спросите все-таки невольно: не ужели это такъ, не ужели можно творить народныя Сказки на основаніи стиховъ поэта, юта бы и Ѡ. Н. Глинки? Признаться, намъ самимъ это не вѣрилось и даже какъ будто не вѣрится до сихъ поръ: а между тѣмъ это такъ. Самъ И. П. Сахаровъ потрудился увѣрить насъ въ томъ; нанечатавъ Сказки, въ Примѣчаніяхъ къ нимъ, въ концѣ, какъ будто мимоходомъ и ненарочно (такъ всегда бываетъ, когда дѣло не сомнѣнъ чисто и ищутъ подкрѣпить свое созданіе авторитетомъ народа), бросаетъ онъ нѣсколько словъ: «Сказка *Акундинъ* взята изъ рукописи Бѣльскаго. *Есть много сходнаго съ нашею Сказкою въ Олоонецкихъ народныхъ преданіяхъ. Любопытные могутъ видѣть замѣтки объ этомъ Акундинъ въ примѣчаніяхъ къ стихотворенію Ѡ. Н. Глинки Карелія.*» А въ этихъ, процитованныхъ, примѣчаніяхъ Ѡ. Н. Глинки нѣтъ ни слова объ Акундинѣ, есть только—сходное—о Лазарѣ Мурискомъ, съ которымъ сближенъ и народный герой Заонѣга. Кто читывалъ «Сказанія Рускаго народа,» тотъ знаетъ, что Сахаровъ вездѣ—иногда очень справедливо—считается надъ прежнимъ обычаемъ выводить нашихъ народныхъ героевъ съ чужи, связывать ихъ съ преданіями церковными или принимать на слово суевѣрныя о нихъ сказанія въ народѣ: все это и вездѣ онъ старается перевести на языкъ простѣйшій, такъ, какъ бы сказалъ по его мнѣнію народъ, а этотъ языкъ и эти образы, возникающіе въ языкѣ, создадетъ самъ на основаніи своей опытности въ языкѣ. Такъ все онъ упростилъ и въ настоящемъ случаѣ: зачѣмъ въ Новгородѣ выходець изъ Рима?—Это просто Новгородецъ; и имя его народное, извѣстное въ Новгородѣ, хоть бы знаменитый *Якунъ*,—только прибавить «*динъ*.» Странникъ по Востоку и Евро-

нѣ—ну откуда ему быть? Это просто Новгородскій переходецъ, исчадіе Повольницы, бродившей по княжествамъ. «Мурма,» «Мурмское урочище,»—это просто Муромъ, искаженный народными преданіями въ Заонежьѣ. Видѣнія, пророчества,—это просто таинственные Калѣки съ ихъ способностью передавать и рассказывать всякія дива. Тугарину мѣсто на Окѣ; любовь романтическая—просто любовь къ Настасьѣ Ивановнѣ. Ѳ. Н. Глинка придумалъ, вѣроятно по народнымъ преданіямъ, залетную птицу, нечаянно прилетавшую: да это сѣрая утица, это и есть Настасья Ивановна. Какіе тамъ духи въ воздухѣ! Это Татары; а указаніе духовъ на Думнаго Дьяка—просто память о Чоботкѣ. Сочинитель опытнымъ взглядомъ расшифровалъ всѣ эти аллегоріи, столь любимыя Ѳ. Н. Глинкою: дай наложу дѣло, какъ оно могло быть у нашего простаго народа, въ сказкѣ! А тутъ рукопись Бѣльскаго съ готовыми сказками: въ ней и есть сказка объ Акундинѣ. Но нужно бы подкрѣпить себя? Сдѣлаемъ сноску на Глинку: ищите, какъ тамъ искажена подлинная сказка объ Акундинѣ.—Ищите: но мы находимъ совсѣмъ другое, мы находимъ *источникъ* и поводъ творенію Сказки! Прочая обстановка не хитра: Глѣбъ Ольговичъ изъ исторіи; Путята и Путятичи есть въ творествѣ Кіевскомъ, были уже вставлены въ сказку о Буслаевѣ; Муромцы изъ Былины и Сказокъ объ Ильѣ; Татары, Калѣки,—ихъ въ древнѣмъ творествѣ и даже въ нынѣшнемъ—бери хоть пригоршнями.

Грустно разоблачать подобныя вещи у всякаго издателя; грустно видѣть, какъ легко разлетаются эти карточные домики, на которые такъ рассчитывалъ безпокойный труженикъ, строилъ, обставлялъ, обгораживалъ, гдѣ замазывалъ, гдѣ законопачивалъ; еще грустнѣе говорить это о литературномъ дѣятелѣ, не мало потрудившемся для народа: но—и отрадно, какъ отраденъ всякій выходъ изъ удушья на свѣжій воздухъ, на чистую истину. И полезно: вкусъ къ народному творчеству воспитывается изученіемъ его произведеній; онъ гибнетъ отъ фальшивыхъ поддѣлокъ; онъ зрѣетъ зрѣлостью мужества, когда рядомъ съ истинными произведеніями народа сопоставляемъ мы для сличенія поддѣлки.

СХLIII

Сказка объ Акулиниѣ, тѣмъ, что есть въ ея основѣ народнаго, хотя переходить къ Княжескимъ, но есть собственно продолженіе Новгородскихъ. Въ первые среди нашей литературы мы выводимъ затерянные между другими Былны *Княжескія*, даже цѣлый *Эпосъ Княжескій*. Вторая половина нашей «Замѣтки» Б, посвящена именно этой новой и громадной области, со всѣми ея особенностями: но, по обстоятельствамъ, мы вынуждены помѣстить ее при выпускѣ слѣдующемъ, какъ вступленіе къ Былнамъ Московскимъ; тамъ же будетъ приложенъ и соответствующій «Указатель.»

П. Б.

1862,
Августъ.

Конецъ 5-го выпуска.

ОГЛАВЛЕНИЕ 5-ГО ВЫПУСКА.

Стран.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ
Общества Л. Р. Сл. I.

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ. I. НОВГОРОДСКІЯ.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ, 1, 2, 3, 4: 2—33.
САДКО КУПЕЦЪ, БОГАТЫЙ ГОСТЬ, 1, 2, 3: 34—53.
ГОСТЬ ТЕРЕНТЬИЩЕ: 54—60.

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ. II. КНЯЖЕСКІЯ.

ДИМИТРІЙ КНЯЗЬ: 63—65.
ВАСИЛІЙ КНЯЗЬ: 66, 67.
КНЯЗЬ МИХАЙЛО, 1, 2, 3, 4, 5: 68—76.
СМЕРТЬ КНЯЗЯ МИХАЙЛА: 77.

Туда же относящіяся—

КОРОЛЬ-КОРОЛЕВИЦЪ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9: 78—87.
КОЗАЧЕНЬКА, 1, 2: 88—91.
КНЯЗЬ РОМАНЪ, 1, 2: 92—99.
КНЯЗЬ РОМАНЪ—ЖЕНУ ТЕРЯЛЪ, 1, 2, 3, 4,
5, 6: 100—112.

Туда же относящіяся—

Донской козакъ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8:	113—122.
Добрый Молодецъ, 1, 2, 3:	123—125.
Молодой Маюръ, 1, 2:	126, 127.

Князь Волконскій и Ваня Ключничекъ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8:	128—140.
То же:	140, 141.
То же, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7:	141—154.
То же, 1, 2, 3:	154—158.
То же, 1, 2, 3, 4, 5:	159—163.

Туда же относящіяся—

Молодецъ у короля въ службѣ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11:	164—178.
Князь Румянцовъ:	179.
Камеръ-лакей, 1, 2:	180—182.

Князь Данило:	183, 184.
Князья—Борисъ и Глѣбъ, Александръ Невскій, Михаилъ Черниговскій, Мос- ковскій Симеонъ Ивановичъ, Димит- рій Донской, Федоръ, Давидъ и Кон- стантинъ Ярославскіе (въ сносахъ):	185.
Князья Тверскіе:	186—190.

Приложенія.—I. Сказки про Василья Буслаева, 1, 2, 3:	I—XXV.
II. Сказка про Князя Глѣба Ольговича и Акундина:	XXVI—LIII.
III. Замѣтка П. А. Безсонова. А) О Нов- городскихъ Былинахъ, Сказкахъ и про- чихъ народныхъ преданіяхъ:	LIV—CXLIII.

При семъ особо: Указатель ко II-й части Пѣ-
сень, собранныхъ П. В. К., къ 5-му выпуску,
а) къ творчеству Новгородскому, составленный П. А.
Безсоновымъ; Отдѣлъ I-й: Лица, Имя Собственное
(съ особымъ счетомъ страниц).

Для имѣющихъ I-ю часть въ 4-хъ выпускахъ, общая
къ нимъ Сорочка.

*

**ЕЩЕ ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ И ПОПРАВКИ
ВЪ I-й ЧАСТИ.**

Вып. 1, Пѣсни, стран. 22, въ разнорѣчіяхъ. Разнорѣчіе Б.) близко сходно съ тѣмъ, что въ Новиковскомъ пѣсенникѣ, 1780 г., ч. III, № 76, стр. 82. Различія слѣдующія:

2) Б.)	Что по синему морю по	— — — — —	Что по синему по морю
	Каспическому	— — — — —	по Каспійскому
5) Б.)	... отнюдь...	— — — — —	... отнюдь...
9) Б.)	... Святогоръ...	— — — — —	... Свѣтогоръ...
	...Подъ-атаманомъ...	— — — — —	... Подъ-атаманъ...
10) Б.)	...въ пять сотъ рублей...	— — — — —	... во пятьсотъ рублей...
	... во сотенку...	— — — — —	... во сотеньку...

Вып. 3, Пѣсни, стран. 87, стихъ 96, стран. 88,
ст. 122 и 148: Слѣдуетъ исправить:

«Есть да пить, — — — — —» «Ѣсть да пить,

Вып. 4. «Замѣтка,» стран.

СХLIII, строка 5 сверху:

обступаютъ Кіевъ; — — — — — обступаютъ городъ;

Строка 19:

заморить Кіевлянъ — — — — — заморить горожанъ

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ИЗДАНИЮ ПЪСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРЪЕВСКИМЪ.

ЧАСТЬ II,
ВЫПУСКЪ 5.

—
Отдѣлъ I.

А) Лица, Имя Собственной.

*

НОВГОРОДЪ *).

193 | 194

Василій: въ V-мъ вып. без-
престанно; **Васья:** V, стр. 3, 4
и ин. др.; **Васинья:** V, стр.
14, 16, 26 и др.; **Васильюшка:**
Рыбн. ч. I, стр. 335 и дал.; **Ва-**
сильюшко: ч. II, стр. 197 и
дал.; **Васютка:** V, стр. 18, 23.—
Вуслаевъ, Вуслаевъ сынъ:
V, стр. 4, 5 и мног. друг.; **Ву-**
слаевичъ, сынъ Вуслае-
вичъ: V, стр. 6, 16, 17 и др.; **Ву-**
сланчъ: V, стр. 11, 13 и др.;
Вуславъевичъ, сынъ Ву-
славъевичъ: V, стр. 23; *Рыбн.*
I, стр. 335 и дал.; II, стр. 197
и дал.; **Вуславъевъ:** *Рыбн.* I,
стр. 364; **Вуславичъ:** V, *При-*
лож., стр. I; **Вогуславичъ**

(сомнительно): V, *Прилож.*, стр.
3 и дал.; **Вусланейчъ, Ву-**
сланеевичъ: *Рыбн.* II, стр. 57,
58.—Переносно по отцу, **Вуслай**
V, стр. 27, ст. 134.

Родныхъ Отца его и Мать,
крестныхъ Отца и Брата, Дя-
дюшку (сомнительно): см. ниже осо-
бо.—Роду дворянскаго: V, стр.
14, 24; княжескаго (вымышлено):
V. *Прилож.*, стр. III и дал.

Молодой, Младъ, Молодецъ,
Удалый, Добрый Молодецъ:
V, стр. 7, 13, 16, 17, 18, 21,
23, 25, 26; *Рыбн.* I, стр. 336,
338, 357 и др.; плечи богатыр-
скія: V, *Прилож.*, стр. II; *Рыбн.*
I, стр. 347, ст. 116; стр. 363,

*) Для полноты Указатель къ творчеству Новгорода заключает сноски на 2 части Сборника Рыбникова, въ сокращеніи «*Рыбн.*» ст. I» или «II.»

ст. 81; СЕРДЦЕ БОГАТЫРСКОЕ: стр. 348, ст. 154, 159 и дал.; одинъ разъ лишь (и то переносно, по сравненію съ Кіевскими) названъ сильнымъ-могучимъ богатыремъ: *Рыбн.* I, стр. 335; СИЛА ВЕЛИКАЯ: *Рыбн.* I, стр. 357, ст. 199; ПОЛЕТКА СОКОЛИНАЯ, ПОСТУПКА МОЛОДЕЦКАЯ: V, стр. 28; СЛАВНЫЙ: *Рыбн.* I, стр. 360, ст. 11; БОЛЬШОЙ АТАМАНЪ, АТАМАНИЩЕ (надъ дружиною): V, стр. 30; *Рыбн.* II, стр. 205, 208.—Имъ съ молодуби то много, гравлено: V, стр. 25, 29; у него замашка великая (драться): *Рыбн.* I, стр. 351; МОТЬ-ПЬЯНИЦА: V, стр. 23; БРАННО МОЛОДОЙ КУРЪ (пѣтухъ), КУРЕНЬ, ГЛУЗДЫРЬ, СВѢТУНЬ: V, стр. 20; *Прилож.*, Периска сказка; *Рыбн.* I, стр. 343, 356; ДИТЯ (крестному отцу?): *Рыбн.* I, стр. 356.—Посадникъ: Лѣтопись, ср. V, *Прилож.*, Замѣтка.—Княжичъ (вымышлено): V, *Прилож.*, стр. VI и дал.

Холостъ, не женать до смерти («сосватался на Оаворъ-горѣ, женился на бѣломъ-горючемъ на камешкѣ,» гдѣ убился): *Рыбн.* II, стр. 208.—Какъ холостой, не разборчивъ на слова и поступки съ женщинами: *Рыбн.* II, стр. 208.

Какъ Добрыня (ср. вып. 2 и Указатель при 4-мъ), особенно любилъ мать и былъ ею лю-

бимъ; вездѣ онъ ей называется съ особой нѣжностью «чадо милое,» «дитя роженое,» «дѣтище любимое,» «сынъ любимый:» V, 14, 19, 21, 25; *Рыбн.* I, стр. 335, 339, 344, 345, 346, 348, 350; II, 201, 202; «какъ вьонъ около ее (матери) увивается:» V, 24; «матерню сердце (передъ нимъ) распущается:» V, 25; «матушка желанная:» *Рыбн.* I, стр. 336; «не дорого ей ни золото, ни серебро, ни скатень жемчугъ, а дорога буйная головушка своего сына любимаго:» I, стр. 341; при появленіи ея, когда Василія не могъ унять весь Новгородъ, «опускаетъ онъ свои руки къ сырой землѣ, выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ;» «никого не послушалъ бы, а послушалъ родну матушку, не послушать—законъ не даетъ:» *Рыбн.* I, стр. 350, 357.

«Не въроваль ни въ сонъ, ни въ чохъ, а въроваль въ свой червленной вязъ:» V, стр. 27, 30, 32.

Оружіе его. «Сбруя ратная, палица воинская, копье шурзаецкое, тугой лукъ разрывчатый и сабля вострая (умѣлъ ими владѣть):» *Рыбн.* I, стр. 345; «палица булатная:» стр. 360; сабля и тесакъ темлячныя, одежда богатырская:» II, стр. 198; «палица желѣзная:» V, стр. 20; но, хотя умѣлъ этииъ владѣть, Василій въ дѣло не упо-

треблялъ; при случаѣ дрался онъ «шалыгою въ 90 пудъ (вырванною у крестоваго брата Калѣки):» *Рыбн.* I, стр. 342 и дал.; случайно же употреблялъ «ось телѣжную,» «осище телѣжное,» «ось телѣжную желѣзную, долиною въ двѣ сажени печатныхъ, а на вѣсъ ось та сорока пудъ (телѣга была великонька и тяжеленька):» V, стр. 7, 13, 20; *Рыбн.* I, стр. 347 и дал., 355 и дал.; II, стр. 199 и дал., 206 и дал.; при случаѣ также дрался «языкомъ колокольнымъ,» отобравъ его отъ Калѣки и пустивъ въ дѣло вмѣсто «червленаго вяза, кошыя долгомѣрнаго, сабли острой и палицы военной:» *Рыбн.* II, стр. 200.—Но главное оружіе и единственный товарищ, въ котораго «вѣровавъ (см. выше),» былъ у Василья червленый, черленый, черненый, черняный (ошибочно черныѣ) вязъ, черненное вязище, «въ половинѣ было налито тяжела свинцу Чебурацкаго, вѣсомъ тотъ вязъ былъ во 12 пудъ» или «въ 40 пудъ:» V, стр. 10, 11, 13, 16, 27; *Рыбн.* I, стр. 337 и дал., 342 и дал., 350 и дал.; II, стр. 198, 203 и дал.; V, *Прилож.* сказка, стр. IV; имъ пробовалъ дружинну, дрался, подпирался въ ходьбѣ: см. означ. мѣста.—Тоже стемляныи вязъ, который Василій оставилъ по себѣ Новгороду на память, какъ Перунъ: V,

Прилож., сказка стр. XIII и «Замѣтка.»

Родился отъ отца и матери въ старости ихъ (см. ихъ), и потому особенно былъ балованъ; еслибъ отецъ подождалъ еще три мѣсяца, «износу дѣтищу не было бы (а то не дозрѣлъ до Кіевскихъ Богатырей):» *Рыбн.* I, стр. 335.—Первое воспитаніе его, семи лѣтъ—грамотѣ, перомъ писать, пѣтью церковному, «не было такова пѣвца во славномъ Новгородѣ сопротивъ В. Б.,» все ему «въ наукъ пошло:» V, стр. 14; учился грамотѣ вмѣстѣ съ крестовымъ братомъ (см. его) въ монастырѣ у Калѣчица (см. его и ср. Илью М.), «выучился не во листы писать, а соколомъ летать:» *Рыбн.* I, стр. 342, 343 и V, *Прилож.*, сказка, стр. I.—Послѣ долгаго вѣку отца, осталось ему большое богатство, имѣніе дворянское, дворъ дворянскій: V, стр. 14, 15, 23, 24, 29, 33; *Рыбн.* I, стр. 341; II, стр. 208 (угощенье дружины, ихъ платье—въ краснѣ-хорошѣ, у матери золото, жемчугъ, и т. п., самъ раздаетъ золоту казну не считаючи, по смерти его раздача казны дружинѣ, монастырямъ и т. д.); во дворѣ у него были терема златоверхіе: *Рыбн.* I, стр. 337, ст. 76.—Первыи (семи лѣтъ) игры недобрыи и знакомства: V, стр. 15; *Рыбн.* I, стр. 335, 336, 344.

345; II, 201, 202.—Второе воспитаніе его (семнадцать лѣтъ) воинское и Дружина (см. ее): V, стр. 3, 4, 8, 9, 10, 11, 15, 16; *Рыбн.* I, стр. 336, 337, 338, 345, 352, 358; II, стр. 202, 203, 204; V, *Прилож.*, сказки.

Отношенія къ прочимъ Новгородцамъ, представителямъ города (см. ихъ), пиръ у Василья для нихъ и у нихъ для Буслаева, сеора, первая стычка, закладъ биться со всѣмъ Новгородомъ, сонъ по стараніямъ матери, дѣйствія дружины, Чернавка (см. ее), пробужденіе и появленіе Василья къ Дружинѣ, бой его при мостѣ, на мосту, по Новгороду, бой съ крестовымъ братомъ и отцемъ, Калѣками (см. ихъ), побѣда, покорство Новгорода, дани отъ него и подарки, участіе матери въ укрощеніи сына (см. ее), явленіе Богоматери (*Рыбн.* I, стр. 344), возвращеніе домой, ширъ и хоръ дружины, похороны убитыхъ, мировая съ Новгородомъ: см. Былныи и Сказки, V, *Прилож.*, *Рыбн.* I и II, подробности въ «Замѣткѣ.»

Жизнь Василья послѣ боя: *Рыбн.* I, стр. 351; II, стр. 201.—Посадничество: Лѣтопись и «Замѣтка.»

Плаваніе по Ильменю на червленомъ кораблѣ съ Дружиною (см. ее), сборы въ Ерусалимъ, прощаніе съ матерью: V, стр. 23—25; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207; V, *Прилож.*, стр. II.

Путешествіе въ Ерусалимъ, по Ильменю, Волгѣ, Хвалынскому-Каспійскому морю, къ Ердани, встрѣча съ гостями-корабельщиками, атаманами казачьими, моленія, купанье въ Ердани, Баба Залѣсная и женщина престарѣлая (см. ее): V, стр. 25—30; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207, 208; V, *Прилож.*, Сказки и «Замѣтка.»

Пророчество Головы, Смерть Василья на горѣ Сорочинской, на камнѣ Латырѣ, отъ Морской Пучины: см. подъ именами, а также V, стр. 26, 27, 31, 32; *Рыбн.* I, стр. 360, 362, 363; II, стр. 208; V, *Прилож.*, стр. II и «Замѣтка.»

Возвращеніе Дружины къ Матери: см. эти лица.

Ошибочно помѣщенъ въ Кіевъ: *Рыбн.* I, стр. 352; тамъ же при Владимірѣ: II, стр. 197 и дал.

Примѣшанъ къ Богатырямъ Кіевскимъ, когда они «переводились на Русь»: вып. IV, стр. 108.

Имя Василья Бусланеевича вставлено вмѣсто «Ивана Годиновича»: *Рыбн.* II, стр. 57 и дал.; то же вмѣсто Безымяннаго «Доброго Молодца»: стр. 260 и дал.; а отчество «Буслаевича» придано «Вольгѣ» вмѣсто «Святославича»: *Рыбн.* I, № 1 и «Замѣтка.»

По лѣтотописи годъ смерти Василья—1174-й: см. «Замѣтку.»

ОТЕЦЬ ВАСИЛЬЯ

Вуслай: V, стр. 14; **Вуславъ:** V, *Прилож.*, Сказка, стр. I; *Рыбн.* I, стр. 335, 344; **Вуславей:** I, стр. 344. ст. 7; II, стр. 197; **Вусланей:** II, стр. 57; **Вуславьюшко, Вуславьюшка:** I, стр. 335, 344; II, стр. 201; **Вуславъ** (переносно отъ сына): II, стр. 201; **Вогуслай:** V, *Прилож.*, Сказка, стр. III и дал.—**Сеславьевичъ** (Святославичъ; отъ Владимира?): *Рыбн.* I, стр. 335; **Довмонтьевичъ** (вымышлено): V, *Прилож.*, Сказка Сахар., стр. XIX.—**Жилъ «вѣкъ долгій,» «деяносто лѣтъ, да и зуба во рти нѣтъ;» «съ Новымъ-городомъ жилъ — не перечился, со мужики Новгородскими поперегъ словечка не говаривалъ;» «съ Новымъ-городомъ не спаривалъ, со Опсковымъ онъ не вздоривалъ, а со матушкой Москвой (позднѣйшая вставка) не перечился;» «поперекъ дорожки не ставился, съ каменной Москвой (позднѣйшее) не перечился, съ Новымъ-городомъ спору не было;» «со городомъ со Кіевымъ (спутано) спору не было, со матушкой каменной Москвой (позднѣйшее) во вѣкъ не бранивался.» V, стр. 14; *Рыбн.* I, стр. 335, 344; II, стр. 57, 197, 201.—**Въ молодые годы «не имѣлъ въ карманѣ ста рублей,****

а имѣлъ дружинну хоробрую:» II, стр. 202.—**Князь** (вымышлено): V, *Прилож.*, Сказка Чулкова, стр. VI и дал.—**Долго не было дѣтей, а когда нетерпѣливо захотѣлъ родить, то получилъ предсказаніе отъ Бабищи Матерой (см. ее), что если бы дотерпѣлъ три мѣсяца, износу дѣтищу не было бы; въ слѣдъ за тѣмъ родилъ Василья:** *Рыбн.* I, стр. 335.—**Оставалось послѣ него богатство, имѣнье дворянское, дворъ дворянскій и проч.: см. Василья.**

МАТЬ ВАСИЛЬЯ.

Амелеа, Мамелеа, Емельеа, Ванильеа Тимоѣевна: V, № 1, 2, 3; *Рыбн.* I, № 56, 58, 60; II, № 33; V, *Прилож.*, Сказки.—

Авдотья Васильевна: *Рыбн.* I, № 55.

Офимья Александровна: *Рыбн.* I, № 57.

(Ср. Мать Добрыни и Кіевское творчество, Указат. при вып. IV).

Честна, МАТЕРА ВДОВА: безпрестанно; ПРЕЧЕСТНАЯ: *Рыбн.* I, стр. 345.—**Княгиня** (вымышлено): V, *Прилож.*, Ск. Чулк.—**Старушка лукавая, толковая, «выгодно собой догадывалась:»** *Рыбн.* I, стр. 350, 351.—**Старуха НЕРАЗМЫШЛЕНА** (за то,

что заперла Василья въ погребѣ): V, стр. 19. — Богатая, дворянская: см. Василья. — Особенно любила и баловала сына: ср. его и Мать Добрыни. — Воспитывала сына на малымъ сиротою послѣ мужа, журила-бранила за проказы; подала мысль о сборѣ дружины; при вѣсти о закладѣ на бой съ Новгородомъ, схватила и заперла сына; униженно просила Новгородцевъ объ отпущеніи боя, но получила грубый отказъ; когда Василій вырвался и дрался, долго не рѣшалось укрощать его, посылала Новгородцевъ къ Калѣкѣ или за сыномъ Чернавку, наконецъ, убѣжденная Новгородцами и Богоматерью, вышла сама, по однихъ въ рубашкѣ безъ пояса, въ чулкахъ безъ чоботовъ, по другимъ въ черномъ платьѣ (какъ вдова и на побойще), собольной шубѣ (лѣтомъ, въ Петровкѣ?), съ шоломомъ на головѣ (ср. Кіевскихъ героинь), хитро зашла къ сыну, укротила его, воротила домой, «въ покояхъ хоронила и весело съ нимъ жила:» Былны, Сказки, V, *Прилож.*, «Замѣтка» съ подробностями, ср. Василья. — Неохотно, по нѣкоторымъ (Сказка) даже съ сердцовъ, пустила Василья на богомолье, предостерегала отъ дурныхъ дѣлъ, особенно отъ купанья въ Ердани «нагимъ тѣломъ,» дала однако, разжалобившись, свинцу-пороху, заперла

сы хлебные и оружье долгомѣрное на дорогу; получивши вѣсть о смерти сына, горько плакала, угостила и обдарила Дружину, раздала все нищѣ по церквамъ и монастырямъ: V, стр. 24, 25, 32, 33; *Прилож.*, Сказка, стр. II; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207, 208; «Замѣтка.»

Братъ ея Калѣка: см. его.

Служанка въ домѣ Василья.

Дѣвка Чернавка, Дѣвушка Черनावушка, дѣвка, дѣвчонка, дѣвчоночка, дѣвушка дворовая, Васильева служительница, служанка, любезная служаночка, кухарка-хлѣвница, удалая портомойница, чернешенька малешенька. — У ней «ведро кленовое,» «ведерочки дубовыи,» «коромысло кипарисово,» «коромысельцо кленовое,» «коромыселко желѣзное,» «на плечѣ у ней коромыслицо, не тяжело и не легкое, — всего вѣсу въ немъ триста пудъ.» — Во время, какъ дружина Васильева билась съ Новгородомъ, вышла утромъ по воду на Волховъ и, на просьбу дружины — не выдать ее, поставила ведро и коромысло и побила Новгородцевъ за сто, до пяти сотъ, тысячу, до трехъ полковъ; уставши, бросилась будить спавшаго Василья, срывала замки

булатные, размахивала двери железныя, пристыдила Василья, выпустила его на свободу. По приказу матери, отправилась укрощать его среди побойща, схватила Василья, притащила домой. По смерти Василья, водила дружину его по погребамъ съ казною и потчивала: V, стр. 19, 20, 22, ст. 164—198, 261—278; *Прилож.*, Сказки Перская и Чулкова, «Замѣтка»; *Рыбн.* I, стр. 342, ст. 231—249; стр. 346, 347, ст. 77—122; стр. 355, ст. 105—119; II, стр. 199, ст. 63—71; стр. 206, ст. 160—169; V, стр. 33, ст. 291—300.

Васильева Дружина.

Дружина, дружинишка хороврая, Васильевы товарищи, братья названные, братаны, братцы, братия (Василій—«большій братъ»), добры молодцы, удалыя ребята, милые друзья, ясные соколы: безпрестанно.—Тати-воры-разбойники, плутъ-мошенникъ: *Рыбн.* II, стр. 203.—Отборныхъ три дружины (по 10 человекъ): *Рыбн.* I, стр. 338, ст. 115; тридцать молодцовъ безъ единого (29), самъ Василій тридцатый: всюду.—Сошлись къ Василью сами, имъ отобраны особыми испытаніями (взюмъ по головѣ, кто больше выпьетъ и т. п.);

кормилъ-поилъ ихъ, одѣвалъ-обувалъ,—и все это отлично,—Василій въ собственномъ дому (отчего послѣ они благодарили за содержаніе его мать); участвовали въ первой схваткѣ съ Новгородцами; въ главномъ боѣ со всемъ Новгородомъ явились первые, не дождавшись Василья; попячены отъ Волховскаго моста, изувѣчены, перевязаны, корятъ Василья за измѣну; прибѣгаютъ къ заступленію Чернавки, когда она на четвертый день вышла по воду; когда же ею выпущенъ Василій, оживились, но удалены съ бою (по крайности Василій одинъ впереди), на сторону, отдохнуть; послѣ побѣды приведены въ домъ Василья, пировали, хоромъ хвалили его; увѣчые добыли до вѣку, въ ранахъ излѣчены; плавали съ Васильемъ по Ильмену, сложились на лодочку въ Ерусалимъ, послушно купались въ Ерданѣ въ рубашечкахъ, осторожно скакали черезъ камень Латырь, уцѣляли, похоронили Василья, принесли вѣсть матери, поблагодарили ее за житье-бытье въ ея домѣ, отказались взять по многу казны, простились и разошлись кому куда захотѣлося: Былины, Сказки, «Замѣтка.»—По сказкѣ Чулкова держались въ сторонѣ отъ бою съ Новгородомъ, на случай ослабленія Василья и спали пока (обратно противъ былинь), а послѣ съ

Новгородцами поднесли Василью княжество (вымышлено): V, *Прилож.*, стр. X—XIII.

Изъ нихъ:

Костя Новоторжанинъ, Новоторженинъ: V, стр. 16 и дал.; *Рыбн.* I, стр. 337 и дал.; **Никитинъ** (ошибка вмѣсто «Новоторженинъ?»): V, стр. 24.— Выдержалъ пробу отъ Василья вязомъ; участвовалъ въ первой нечаянной схваткѣ на пиру; первый же послѣ расхвастался: «а нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати, — я остался отъ батюшки малешенекъ, малешенекъ и зеленешенекъ; развѣ тымъ мнѣ, Костѣ, похвастати,» — и проч., о битвѣ со всѣмъ Новгородомъ; въ бой съ Новгородцами выскочилъ третій; въ плаваніи Василья на кораблѣ «корму держалъ:» V, стр. 16, 18, 24; *Рыбн.* I, стр. 337—340, 342.— У Сахарова выставленъ безобразнымъ богачемъ: Сказка и «Замѣтка.»

Потаня, Потанюшца, Потанюшца, съ прозвищами — **Маленькой, Малый - упалый, Хроменькій, Хромненькій,** Новгородецъ, «малъ собою, невеличекъ, на одну ногу прихрамываетъ,» «на праву ножку припадываетъ, на лѣву ножку прихрамываетъ, изъ-подъ рученьки по

смаатриваетъ;» выдержалъ испытаніе вязомъ; въ бой съ Новгородцами выскочилъ второй; на кораблѣ Васильевомъ, «на носу стоялъ:» V, стр. 4, 5 и дал.; 10 и дал.; 24; *Рыбн.* I, стр. 338, 342, 352; II, стр. 203; V, *Прилож.*, Сказка Чулкова.

Васинька, съ прозвищемъ **Маленькой;** вытерпѣлъ испытаніе вязомъ; при появленіи на пиру къ Новгородцамъ, перелѣзъ ихніе ворота и со двора отворилъ: *Рыбн.* II, стр. 204, 205.

Оома, Оомушка, Хомушка, сынъ Ременниковъ, съ прозвищами — **Горбатенькій, Толстый, Толстъ - благоуродливый;** въ Сказкѣ и Быльнѣ испытанъ вязомъ, въ Быльнѣ другой — такъ хорошо пилъ, что его Василій не шелъ и пробовать; на бой съ Новгородомъ выскочилъ первый, побилъ до няти сотъ: *Рыбн.* I, стр. 338—341, 352; V, *Прилож.*, въ Сказкѣ Чулкова: въ сей послѣдней только онъ съ Потаней, и то въ бою не участвуютъ.

Котельная Пригарина, прозвище, обращенное въ имя, то же, что «Тараканчикъ,» «дѣтина черный, поваренный» и т. п. (ср. «Замѣтку»); испытанъ вязомъ; какъ и Оома, въ битвѣ первымъ: V, стр. 4 и дал., 9 и дал.

Луза и Моисей, Дѣти

Боярскіе, два брата боярченка; ихъ приходу Василій радошень и веселешенекъ; участвовали въ первой схваткѣ: V, стр. 16, 18 (ср. въ Кіевскомъ творествѣ и Указатель «Королевичей изъ Крыкова»). У Сахарова придумано разпорѣчіе **Матвей** вмѣсто «Моисей.»

Иванище Сильное, Калѣка Перехожій, испытанъ вязомъ: *Рыбн.* II, стр. 203 (ср. его въ творествѣ Кіевскомъ).

Мужики Залѣшена, когда пришли къ Василью въ дружину, онъ «не смѣлъ и показатися къ нимъ:» V, стр. 16 (ср. ихъ въ творествѣ Кіевскомъ).

Семь братьовъ Збродовичи, пришли къ Василью въ дружину: V, стр. 16 (ср. ихъ въ Кіевскомъ творествѣ).

—
Враги Василья.

Новгородчана, Господа (бояре, *Рыбн.* I, стр. 337), Мужики Новгородскіе, Мужики и все купцы богатые (V, стр. 18), Мужики Посадскіе, Мужики **Городо-Кемскіе**; воры (последніе изъ нихъ); на питье завидные: безпрестанно.—Какъ съ малолѣтства Василья ссорились съ нимъ, схватились по случаю пира,

сдѣлали закладъ биться всеѣмъ Новгородомъ, побили Васильеву дружину, заважничали, побиты, вызвали Калѣчища, и съ нимъ проиграли, униженно покорились, поступились богатствомъ и данями: ср. Василья, Дружину, всеѣ Былины, Сказки и «Замѣтку.» — На пиру у Князя Новгородскаго упоминаются князья-бояре и даже (переносно отъ Кіева) славные-могучіе богатыри, а въ малолѣтствѣ Василья потерпѣвшіе отъ него Дѣти боярскія и княженецкія: *Рыбн.* I, стр.

338. 345.

У нихъ особенно старшіе:

Князья: *Рыбн.* I, № 55, 56 и «Замѣтка.»—Трое: *Рыбн.* I, стр. 346; двое: стр. 348, 350, 351.

Князь Новгородскій (Рюриковичь?); у него пирь «на многихъ князей и бояръ;» его, до битвы, просить мать Василья о помилованіи сына, въ Судъ, но получаетъ отказъ—«тожно прощу, когда голову срублю:» *Рыбн.* I, № 55, стр. 338 — 341; № 58, стр. 360.

Оома Родіоновичъ, Князь, Старшина, Городничій (Посадникъ?), Мужикъ Новгородскій, впереди другихъ, въ посольствахъ и т. п.: *Рыбн.* I, стр. 346—351; II, стр. 207; V, стр. 4, 5, 6, 11, 12.

Николай, Никола Зиновьевичъ, Князь, Воевода (Тысящій?), Мужикъ Новгородскій: тамъ же. Ср. при Садкѣ Луку Зиновьевича.

Вивула (Микула, Николай—Зиновьевичъ?) **Окудовъ**: *Рыбн.* II, стр. 204, 205.

Прибавленные въ Сказкѣ Чулкова (V, *Прилож.*):

Чудинъ, старецъ (изъ «чудовъ старецъ?»): ср. «Замѣтку.»

Садко, Богатой Гость (съ Чудиномъ будто бы «первые посадники»): ср. ниже Садку и «Замѣтку.» — То же у Сахарова, сдѣланъ лхнимъ всадникомъ.

Придуманные Сахаровымъ въ его Сказкѣ:

Чурило, котораго Сахаровъ женилъ на женѣ Дуная: ср. Киевское творчество и «Замѣтку.»

Ставръ (еще **Путятичъ!**), по лѣтописи изъ Новгорода родомъ, сдѣланный у Сахарова страшнѣйшимъ Богатыремъ: ср. творчество Киевское и «Замѣтку.»

Случайно попавшійся:

Владимеръ, князь, ласковый, Киевскій (по смѣшенію): *Рыбн.* I, стр. 197.

Вызванный Новгородцами противъ Василья:

Матерой, Честной Старикъ, Старецъ, Старчище, Старищице, Старша, Пилигримщице, Пилигримнице, Угрумище, Преугрюмище, Преугрюмый (передѣлано изъ «Пилигримщице»), **Многолѣтище, Калъка Перехожій: Бынины и Сказки.**

Дядька Василью, братъ его матери (это возникло вѣроятно изъ имени «дзѣда,» дѣда): *Рыбн.* II, стр. 199, 200; вѣрнѣе—Васильевъ крестный батюшка: въ Быллинахъ всюду.

По распориченію матери, училъ Василья грамотѣ и во листы писать: V, *Прилож.*, Сказка Периска; *Рыбн.* I, стр. 343. — Передъ тѣмъ, какъ вызванъ на мость драться, жилъ въ монастырѣ Свргъевомъ или Кирилловскомъ: *Рыбн.* I, стр. 348, 349, 356.

Обычная одежда его, «коляпакъ въ двадцать пудъ (шляпа земли Греческой),» кляка или «костыль въ десять пудъ,» то же «шалыга 90 пудъ,» «каптанъ въ 40 пудъ (гуня подорожная):» *Рыбн.* I, стр. 349; V, стр. 7.

Въ закладѣ на весь Новгородъ Василій обошелъ его изъ уваженія и отчасти страха, ибо онъ имѣлъ силу нарочитую; помня то и по особому указанію матери, Новго-

реды, въ крайней опасности, от-
правились къ нему въ монастырь
съ зовомъ «послужить имъ вѣрой-
правдою,» въ надеждѣ, что онъ
«бываетъ — побьетъ Ваську Бу-
слаева;» при этомъ, желая «под-
купить,» поднесли богатые дары;
на это особенно старикъ «кидает-
ся и позывается;» сперва склоняетъ
мать укротить сына, потомъ от-
правляется самъ; въ чрезвычай-
номъ случаѣ, снимаетъ съ коло-
кольни или съ вѣча колоколь,
въ 12, 40, 90, 150, 300 и 1.000
пудовъ, надѣваетъ на голову; отор-
ваннымъ языкомъ, въ 500 пу-
довъ, подпирается; появляется на
месту Волховскомъ, мостъ подъ
нимъ гнется; сперва говоритъ мяг-
ко, и отвѣтъ Васильевъ мягокъ,
— тотъ и другой разгорячаются;
Василій его отсторонилъ; побилъ
и отвелъ; ударилъ по колоколу—
зашибъ, сникнулъ подъ мостъ, из-
лѣзался надъ тѣломъ; со смертию
его сгнбла послѣдняя надежда Нов-
городцевъ: V, стр. 5, 7, 8, 12,
13, 14, 20, 21; *Прилож.*,
Сказки Пермская и Чулкова; *Рыбн.*
I, стр. 343, 344, 348—350,
356; II, стр. 199, 200, 206,
207.

Имя его:

Елизарище: *Рыбн.* I, стр.
360.

Игнатьище: V, стр. 5, 7,
8, 12, 13, 14; ср. въ Кіевскомъ
творчествѣ Данилу Игнатьича,
Данилище и «Замѣтку.»

У него сынъ:

Григорій Игнатьевичъ,
крестный братъ Василью, учив-
шійся съ нимъ вмѣстѣ грамотъ
и тогда бывший большимъ бра-
томъ; появился на мосту, съ коло-
коломъ на головѣ, прежде отца
противъ Василья, хотѣлъ его уда-
рить шалыгой въ голову, но под-
вергся тому же, какъ послѣ отецъ,
а шалыга пошла Василью на оружіе:
V, стр. 5, 7, 12, 13; *Рыбн.* I,
стр. 342, 343; ср. въ Кіевскомъ
творчествѣ Михайлу или Ивана
Даниловича и «Замѣтку (соб-
ственно одно лице раздвоено на
отца и сына).»

Встрѣчныя Василью, лица
и существа особыя, враги не-
чаянные:

Баба Залѣсная, приходила
при Ерданѣ къ дружинѣ Василья
и за дерзость его предсказала ему
гибель на Алатырѣ: V, стр. 30.—
Она же, **Женщина Преста-**

рѣлая, предостерегавшая Василья отъ купанья «нагимъ тѣломъ,» но отъ шутокъ его принужденная плюнуть и прочь пойти: *Рыбн.* II, стр. 208. — Она же **Бабица Матерая**, при бѣгѣ — горючемъ камнѣ (Алатырѣ) предсказавшая Буславу рожденіе Василья (см. ихъ): *Рыбн.* I, стр. 335. — Ср. въ Кіевскомъ творчествѣ Бабу или Бабищу Латыгорку, Латымирку, Горынинку, Мамашину, Ягу и т. п.

Пуста голова, Человѣчья кость, Пуста голова человѣческая, Кость богатырская; прежде это былъ молодецъ не хуже Василья, а потомъ Голова валялась на горѣ Сорочинской, по дорогѣ въ Ерусалимъ, или «не дойдучи до камня до Латыря на раздолѣ широкомъ;» когда Василій вздумалъ ее попинывать и побрасывать, обидѣлася, провѣщала, предрекла ему гибель на Латырѣ, валяться тамъ же, гдѣ и она: V, стр. 26, 27, 31; *Рыбн.* I, стр. 362 (ср. смерть Олега, встрѣчу Добрыни, Ивана по Сказкамъ, «Замѣтка» къ вып. III и къ *Рыбн.* II).

Въ ней, по мнѣнію Василья, **Врагъ** говорилъ или **Нечистой дужь**: V, стр. 26, 27, ст. 104, 105.—Такъ точно:

Чортъ несъ Старчища и его

сына въ пылъ битвы, по словамъ Василья: *Рыбн.* I, стр. 343, ст. 274, 298.

Морская Пучина, «вокругомъ глаза,» лежить «на зеленыхъ лугахъ;» вокругъ ее Василій похаживалъ, сапожкомъ ее попинывалъ какъ Пусту Голову, — предрекла то же, что и Голова; начала скакать черезъ нее, Василій задѣлъ пальцемъ—и погибъ точно такъ же, какъ отъ Камня Алатыря (ср. его): V, *Прилож.*, Сказка Перская, «Замѣтка» при IV и V выпускѣ.

Роковой Камень Латырь, Алатырь и т. п., сгубившій Василья: см. ниже, какъ камень.

Встрѣчные—Гости-Корабелъщики, Атаманы козачіе, Козаки-разбойники (на Волгѣ, на морѣ Каспійскомъ), и т. д.

Прочія Имена и Названія см. ниже, въ заключеніи Указателя.

*

Садъ, Садео, Садве, Съдео, Сотко: V, стр. 43, ст. 46; *Рыбн.* I, № 63 и 64; *Лѣтописи.*—**Сытиничъ, Сытиничъ, Сытничъ**: *Лѣтоп.*; **Бупецъ, Богатый Гость**: безпрестанно; **Богатой**: *Лѣтоп.*

Безродный; молодая жена (въ

Новгородъ) и малое дѣтище: *Рыбн. I, стр. 370, 380.*

Молодецъ, удалый, добрый: часто; Волгской Сурь: V, стр. 54, ср. «Замѣтку.»

Молодецъ былъ играть на гусляхъ, у него были наигрыши нездѣшніи, Сибирскіи, игра изъясная, дѣлалъ ею утѣхи великія: V, стр. 37; *Рыбн. I, стр. 371* и др.; «игралъ въ Новгородъ (бралъ содержаніе), а выигрышь (мотивъ, распѣвъ) вель отъ Царяграда: *Рыбн. I, стр. 369, ст. 71, 72.*

Жилъ онъ въ Новгородѣ, «прежде у Садка имущества не было, одинъ былъ гуселки яровчаты;» съ ними ходилъ онъ по пирамъ; три дня не звали его, обдѣнялъ; три раза съ горя ходилъ на Ильмень и игралъ тамъ, три раза вода колыхалася, въ третій разъ явился Царь Морской (ср. его), научилъ побиться съ Новгородскими купцами объ закладъ, о томъ, что въ Ильменѣ есть рыбы съ золотыми перьями и далъ закладъ выиграть; первое обогащеніе Садки: *Рыбн. I, стр. 370—372.*

Состроилъ себѣ Садко палаты, описаніе ихъ: *Рыбн. I, стр. 372; 363.*

Созывалъ къ себѣ на пиры мужиковъ Новгородскихъ, Насостоятелей (см. ихъ), славныхъ купцовъ; похвастался передъ ни-

ми выкупить всё товары Новгородскіе, не успѣлъ, проигралъ и отдалъ закладъ, призналъ, что «побогаче его славный Новгородъ:» *Рыбн. I, стр. 372—374.*

На свою казну построилъ тридцать кораблей (V, стр. 34, тридцать три) и главный—Соколь (см. его особо).—Его Дружина въ торговыхъ предпріятіяхъ — Гости, Корабельщики, друзья, братья; братцы, цѣловальники любимые, прикащики хорошіе, слуги вѣрныя; иногда—дружина, дружинушка хоробая; на кораблѣ — ярыжки (матросы, гребцы), люди наемные, подначальные: *Рыбн. I, стр. 367* и дал.; V, стр. 41 и дал.; и мног. друг.

Бѣдилъ Садко на корабляхъ «по Волхову, со Волхова во Ладожско, со Ладожска во Неву рѣку, со Невы рѣки во Сине море (Балтійское);» «воротилъ въ Золоту Орду;» по морю «Хвалынскому:» ср. эти имена; *Рыбн. I, стр. 375; V, стр. 43.* — Бѣдилъ двѣнадцать лѣтъ: V, стр. 35, 43; «продавалъ товары Новгородскіе, получалъ барыши великіе, насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра:» *Рыбн. I, стр. 375.*—Ср. V, стр. 34—38, 41—44; *Рыбн. I, стр. 364, 365, 368, 375—377.*

На морѣ «поискала судьбина

Садку,» за неплатежъ дани Царю Морскому, поднялась буря, корабли стали; безъ успѣха опускали въ дань бочку съ серебромъ, Царь требовалъ живой головы; Садко хотѣлъ надуть товарищей жеребьями, но принужденъ былъ спуститься въ море, на дубовой доскѣ или шахматницѣ, съ гусями и образомъ Микола, разписавши предварительно свое имѣніе въ завѣщаніи; попалъ въ царство великое, къ Царю Морскому; разыгрался, удержавъ Миколою; спасся и отъ невѣсты; проснувшись, очутился на берегу рѣки, имѣніе при немъ; очутился подѣ Новымъ-городомъ, лѣвая нога въ Волковѣ, узналъ приходъ свой, встрѣтилъ товарищей, внесъ пошлины въ таможеню; доставленъ на Русь Чернавкою; проснулся во Новѣ-градѣ о рѣку Чернаву на крутомъ кряжу; встрѣченъ женою, убѣжденъ не ѣздить больше по синю морю; сооронилъ церкву соборную Микола Можайскому, не сталъ больше ѣздить на сине море, сталъ поживать во Новѣ-градѣ: V, стр. 34—41, 41—47; *Рыбн.* I, стр. 364—367, 368—370, 374—380. —Ср. особенно Царя Морскаго, Царицу, Чернавку.

Какъ по морю, такъ и по Волгѣ (см. ее особо) гулялъ Садко также двѣнадцать лѣтъ, за что получалъ особое прозвище Волгскаго сура (см. выше); отъѣз-

жая въ Новгородъ, побывать, благодарить Волгу хлѣбомъ съ солью; Волга посылаетъ поклонъ и поручаетъ Садку брату своему Ильмену (см. его особо); когда Садко справляетъ поклонъ, является отъ Ильмена посланный молодецъ (Волховъ? См. его особо) и научаетъ, и даетъ средства разжиться; повторяется то же, что выше, при первомъ обогащеніи черезъ рыбу; Садко приноситъ Ильмену благодарность, получаетъ дальѣйшія поученія, какъ жить; на пару хвастается скупить всѣ товары Новгорода; дѣлаютъ записи закладныя, Садко побѣждаетъ и какъ побѣдитель насмѣвается Новгороду: V, № 3, стр. 47—53.

Тогда же сооружаетъ Церкви (описаніе ихъ богатства), Стефана Архидьякона, Софїи Премудрыя, Николая Можайскаго: V, стр. 52, 53; Бориса и Глѣба, каменную: Летописи, ср. «Замѣтку.» Эта послѣдняя постройка — 1167 года: Садко современникъ Василью Буслаеву.

Онъ же противъ Василья Буслаева въ числѣ главныхъ Новгородцевъ (возможно, если не вымышлено): V, *Прилож.*, Сказка Чулкова.

Въ Сказкѣ Сахарова сдѣланъ лихимъ всадникомъ: см. тамъ же.

Лица окружающія Садку и его Благодѣтели (враговъ въ собственномъ и постоянномъ смыслѣ у него не было, см. «Замѣтку»).

Новгородскіе Настоятели (Старшина и Воевода, Посадникъ и Тысящій? См. «Замѣтку»); говорить на пиру первые; при похвальбѣ Садки, «не усидѣлъ онъ слова вымолвить.»—«ударилъ о великѣ закладъ.» отъ имени всего Новгорода; когда онъ проигралъ закладъ, «денежекъ тридцать тысячей отдавалъ онъ» тѣмъ же «Настоятелямъ Новгородскимъ.» *Рыбн.* I, стр. 372—374.—Ср. соответствующія мѣста въ другой Былинѣ, гдѣ спорившіе названы славными купцами, мѣжками Новгородскими, а рѣчи Садки записывали, дѣлали записи закладныя отъ лица города; тутъ же замѣчено, что Садко «сдѣлалъ обѣдъ про таможенныхъ людей (надсмотрщиковъ таможенъ),» сталъ водиться со посадскими людьми: V, стр. 50—52; ср. при Василѣ двухъ Князей, Старшину—Городничаго и Воеводу; «Замѣтка.»—Имена ихъ:

Оома Назарьевъ: *Рыбн.* I, стр. 373, ст. 97.

Лука Зиновьевъ: тамъ же; ср. при Василѣ, современникъ Садки, Николая Зиновьева.

Царь Морской, Морскій (позднѣйшее **Заморскій**), **Поддонной, Водяникъ:** V, стр. 35—40; 43—46 (здѣсь всюду «Морской,» одинъ разъ «Заморскій»); *Рыбн.* I, стр. 365, 366; 368—370; 371; 375—379.

Живеть въ озерѣ Ильменѣ; отъ его движеній, въ озерѣ вода колебается; выходитъ изъ озера и разговариваетъ съ кѣмъ желаетъ; знаетъ городскія дѣла и людскія нужды; владѣтъ рыбами съ золотыми перьями; награждаетъ ими кого хочетъ: *Рыбн.* I, стр. 370—372.—Живеть въ морѣ, Синемъ (Балтійскомъ), въ синемъ Хвалынскомъ, подъ водою (къ нему спускаются), подо дномъ (Поддонной), на днѣ; у него тамъ царство великое («объявилось на днѣ царство великое»); «на самомъ днѣ, во синемъ морѣ, стоитъ палата бѣлокаменная;» надъ нею къ верху, сквозь воду, можно видѣть «пекучись (какъ печеть) красное солнышко, вечернюю зорю, зорю утреннюю;» тамъ онъ сидитъ въ палатѣ; тамъ, во синемъ морѣ, у него воля своя (у приходящихъ «воля не своя»); тамъ у него бывають пированьяца, почестны пиры, пляски, хоровадь, присядка; царство его противоположно Руси (онъ «доставляетъ» на Русь; отъ него нужно бываетъ «на Русь сходить»):

V, стр. 38, 39; 43; *Рыбн.* I, стр. 365, 366; 368, 369; 375, 377—379.—Гдѣ онъ названъ Заморскимъ, тамъ у него на крутыхъ берегахъ изба великая, во все дерево, а самъ онъ лежитъ на лавкѣ (прочее все сходно): V, стр. 44.

Голова у Царя какъ ручья стѣнная; шуба съ полами, онъ ими машетъ по стѣнамъ; сабля вострая: V, стр. 39, ст. 170, 171; *Рыбн.* I, стр. 377, ст. 277; стр. 366, ст. 48.

Особенный охотникъ слушать игру на гусяхъ; вызываетъ для нея къ себѣ игроковъ, усиленно просить потышить игрою, съ трудомъ отвязывается, если нельзя играть; зная толкъ въ «игрѣ нѣжной» въ этихъ «утѣхахъ великихъ», игрока «не знаетъ чѣмъ пожаловать»; прислушивается къ игрѣ, когда она даже на берегу и т. д. За тѣмъ охотникъ плясать и пляшетъ изо всѣхъ силъ, что есть мочи: V, стр. 38, 39; 44, 45; *Рыбн.* I, стр. 368, 369; 371; 378, 379.

Любить они съ женою задавать другъ другу загадки, споровать, переталивать; въ спорѣ Царь азартенъ и какъ разъ убьетъ: V, стр. 38; *Рыбн.* I, стр. 365, 366.

Имѣетъ Жену, Царицу, Дочерей, Чернавку и прочую обстановку семьи и царства: см. эти лица ниже особо.

Кто ѣздитъ и торгуетъ по его

морю, долженъ благодарить, въ море опускать хлѣба съ солью, какъ дань-ношлянну; опускаютъ также бочку сороковку чиста серебра или красна золота; когда захочетъ, а особенно когда кто неблагодаренъ или требуетъ Царя его къ себѣ, тогда «колеблетъ» воды, напускаетъ «погоду сильную», «волной бьетъ, паруса рветъ», «ломаетъ кораблики», один корабль оставаивается на мѣстѣ, другіе пускаетъ плти и т. п.; вообще данн требуетъ; когда сердитъ, не принимаетъ бочекъ съ серебромъ и золотомъ; при этомъ случаетъ, да и во всякую жестокою бурю или страшное затихье, догадываются, что «Царь Морскій требуетъ живой головы во сине море;» начинаютъ бросать на воду жеревья, съ надписью и имени, «кому изъ нихъ плти на сине море;» вода же, принимая или не принимая жеребий, рѣшаетъ, кого требуетъ Царь; того, говорится, «судбина поискала», тому «бѣда пришла неминуемая», по того «смерть пришла;» тотъ прощается, дѣлаетъ предсмертное завѣщаніе; отпривляется не радѣвшимся, а въ одежѣ и даже шубѣ (жертва въ полномъ нарядѣ); беретъ съ собою подарки (ниси съ серебромъ, золотомъ, жемчугомъ), *знаки отличія* (на прим. гусли, если извѣстенъ игрокомъ) и на какой либо дощечкѣ пускается, идетъ ко дву, на дво;

этотъ спускъ, всѣ превращенія, постигающія человека въ Царствѣ Морскомъ, совершаются и представляются во снѣ, а спасеніе изъ нихъ, выходъ изъ Царства, появленіе опять на Русь—пробужденіемъ («и быдто въ сонѣ заснулъ, ушелъ онъ каменѣмъ ко дну;» «заснулъ на дощечкѣ на дубовой,—проснулся во снѣмъ морѣ на самомъ днѣ;» явленія Николы Садка во снѣ; «отвели Садка во ложню спать, заснулъ во крѣпкой сонѣ, какъ проснулся онъ со сна крѣпко,—и увидѣлъ онъ свѣтъ бѣлый и солнце красное;» «ото сна Садко пробуждался,—онъ очутился подъ Новымъ-городомъ;» «какъ ложился спать Садке,—какъ проснулся Садке во Новѣ-градѣ»); дощечку съ жертвою «принимаетъ» въ море, несетъ, приносить въ Царство Царя; тамъ прибывшему объявляетъ Царь, за что или за чѣмъ его требовалъ; радъ особенно, если это самъ пришелъ,—жертва добровольная; пришлецъ долженъ рассказывать, «что на Русь дѣется,» рѣшать загадки или споры Царя съ Царицей, играть—если умѣетъ; въ последнемъ случаѣ поднимается страшный плясъ; вообще при пляскѣ «кажется, что скачетъ по полатамъ Царь, а скачетъ Царь по крутымъ берегамъ,» «отъ его отъ пляски тонуть-гинуть безпощадныя буйны головы;» «распла-

сался Царь,—а снѣ море всколыбалось, а и быстры рѣки разливались, топятъ много бусы-корабли;» «Окіянъ снѣ море всколыбалось, кораблики всѣ повывомало, людей-то всѣхъ новытопило;» Царь готовъ плясать и *сутки третьи*, а «во снѣмъ морѣ вода всколыбалась, со желтымъ пескомъ вода смутилась, стало разбивать много кораблей на снѣмъ морѣ,» и т. д.; народъ тогда бросается молиться, одно спасеніе въ помощи свыше; игры и пляски оказываются тогда бѣсовскія, нечестивыя; гостя также Царь поитъ питьями разными до пьяна; любить женить на своихъ дѣвицахъ, но нужно знать, какую выбрать и остерегаться въ морѣ ближайшихъ выраженій брака.—иначе очутишься въ морѣ, въ рѣкѣ, вообще не увидишь блага свѣта; Царь даетъ за дѣвицей во приданныхъ три бочки съ серебромъ, золотомъ, жемчугомъ; если невѣста какъ и пропадетъ, «въ слыху нѣтъ,» а гость спасся, эти бочки оказываются и на яву «подлѣ его;» твердостью можно однако добиться отъ Царя, что онъ доставитъ на Русь вѣрнѣе обмануть его; иногда, по приказу отца, доставитъ дочь, и тутъ, по выходѣ на Русь, можно отъ ней отдѣлаться; Царь не убиваетъ гостя, не преслѣдуетъ ушедшаго,—все это въ томъ случаѣ, если гость уго-

девъ или успѣлъ перехитрить; воровнишагося оттуда встрѣчаютъ какъ воскресшаго; уговариваютъ больше уже не пускаться въ море, да онъ и самъ не идетъ: V, стр. 34—46; *Рыбн.* I, стр. 364; 365—367; 368—370; 375—380.

Всей этой участи подвергся Садко: см. его и указанные мѣста.

Ср. въ «Указателѣ» при IV вып. Водянаго Царя и сродныя лица въ творчествѣ.

ЖЕНА ЦАРЯ:

Царица Морская, Поддонная, Водяница: V, стр. 38 и дал.; *Рыбн.* I, стр. 365, 366; 369.—Живетъ съ Царемъ, занимаются съ нимъ рѣшеніемъ загадокъ, споруютъ, перетакиваютъ; безъ устали подъ игру Садки поплясываетъ; беретъ сторону молодого пришельца, растолковываетъ ему, что значать въ самомъ дѣлѣ пляски Царя; научаетъ, какую выбрать невесту, указываетъ на Чернаву, содѣйствуетъ тѣмъ выходу на Святую Русь, на бѣлый свѣтъ: когда споръ ихъ съ мужемъ рѣшенъ былъ гостемъ не по ея словамъ, Царь вскочилъ и срубилъ ей голову саблею: см. тамъ же и ср. Саламанію (на ступени старшей, какъ старую богиню, склон-

ную къ юности), во II ч. *Рыбн.* и «Замѣткѣ.»

ДѢТИ ЦАРЯ:

Двѣ Дочери Прекрасныя: *Рыбн.* I, стр. 366.

Дочь любимая, которую Царь «выдавалъ во тѣе во славно Окнянь-море,» ради которой сдѣлалъ въ царствѣ «почестень пирь:» *Рыбн.* I, стр. 368, 369.

Дочь любимая, большая, **Царевна Морская;** по предложенію Царя, Садко согласилась взять ее за себя, только бы «достаться на Святую Русь;» Царь велѣлъ доставить, она доставила, а Садко «поклонился и распростился съ ей,—ты прощай, Царевна Морская, я тебѣ женихомъ не пришелъ, а ты мнѣ въ невесты не пришла:» — *Рыбн.* I, стр. 366, 367.

Она же—

Чернава, Черनावушка, Дѣвушка Поваренная, дѣвушка похуже всѣхъ, идетъ позади всѣхъ, поменьше и почернѣя всѣхъ, однакоже (въ другой былинѣ) дѣвица красавица; ее научили Садку выбрать и Царица, и Микола; послѣдній указалъ, какъ условіе спасенія, не соеди-

лится съ нею въ морѣ, не обнимать, не цѣловать ее; такъ и сдѣлалъ Садко, когда положили спать новобрачныхъ; проснулся,—«а невѣсты его и въ слуху нѣтъ,» приданое же, три бочки возлѣ; проснулся—«о рѣку Чернаву (одного имени съ дѣвушкой, см. рѣку особливо) на крутомъ кражу;» хотя, во избѣжаніе соблазна, Садко даже «свои рученьки ко сердцу прижалъ,» но со полуночи въ просонья двинулъ было лѣвой ногой,—«ото сна Садко пробуждался, онъ очутился подѣ Новымъ-городомъ, а лѣвая нога во Волхъ-рѣкѣ:» V, стр. 39—41; 45, 46; *Рыбн.* I, стр. 378—380.—На низшей степени, въ рабствѣ, какъ служанку, ср. ее съ Чернавкою при Васильѣ, Саламаніи—*Рыбн.* ч. II и «Замѣтка;» какъ Царевну, дочь, но на степени униженія, страданія, такъ что нельзя было обнимать и цѣловать, можно было оставить, обмануть и т. п., ср. также Саламанію въ видѣ юной невѣсты, Царицы Южской, жену Потыка (вып. IV, «Замѣтка») и т. д.; какъ Царевну, дочь Морскаго Царя, Прекрасную, доставляющую на Русь, хотя еще и не въ концѣ тяжелыхъ испытаній, ср. Василису Грозную, Прекрасную, Премудрую и т. п., вып. IV и «Замѣтка,» *Рыбн.* ч. II, «Замѣтка.»

При Царѣ же:

Красныя дѣвушки хороводъ водятъ: *Рыбн.* I, стр. 369; три триста дѣвицъ красавицъ, готовыхъ въ невѣсты: тамъ же, стр. 379, 380; три толпы такихъ же дѣвицъ: V, стр. 39, 40; тридцать: стр. 45.—Мелкая четъ (чадь, челядь), которая пляшетъ въ присядку: *Рыбн.* I, стр. 369.—Слесаря для починокъ: V, стр. 39.

Еще благодѣтели Садкѣ:

Волга, матка, матушка, славная; сестра Ильмену, а онъ ей братъ (ср. его); задивши по ней, благодарятъ ее, какъ и море (ср. выше), опуская въ воду великой сукрой (краюху) хлѣва съ солью, за то, что оберегаетъ отъ притки-скорби, въ добромъ здоровьѣ; утѣшая съ нею, сказываются, куда ѣдутъ, прощаются, отошедъ кланяются; она со своими Гостями бесѣдуетъ, посылаетъ съ ними поклоны другимъ роднымъ, на приѣздѣ брату Ильмену, поручаетъ любимца въ покровительство (сдастъ съ рукъ на руки); все это было съ Садкою, который гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ и «зналъ

ее со вершины до устья, а и нижняго царства Астраханскаго,» откуда и прозванъ «Волгекимъ Суромъ (ср. выше)»: V, стр. 47, 48. — Ср. и Василья, какъ онъ изъ Волхова и Ильменя въѣзжалъ въ Волгу, по ней въ море Хвалынское, изъ моря въ Ердань.

Ильмень, славной, славное озеро, братъ Волги (см. ее); въ немъ живеть, изъ него показывается Морской Царь (ср. его); въ немъ же три рыбины съ золотыми перьями, приносящія богатство; будучи въ родствѣ съ Волгою (соединялись путемъ), принималъ отъ нея поклоны, на встрѣчу приносящихъ высылалъ молодца (ср. его ниже) и, удостоившись, что присланный точно отъ Волги, награждалъ его ловлею трехъ сортовъ рыбы, которые послѣ оказывались «деньгами дробными, червонцами и монетами (ср. рыбъ съ золотыми перьями);» ему, приходя, билъ челомъ, просилъ поучить жить во Новѣ-градѣ; къ кому онъ благоволилъ, онъ тому говорилъ и того училъ; все это имѣло мѣсто съ Садкою: V, стр. 48—50; *Рыбн.* I, стр. 370—372; ср. какъ плавалъ по немъ Василій, V, стр. 23—25; соеди-

няясь съ Волгою, черезъ нее съ моремъ Хвалынскимъ и Ерданью, Ильмень въ Новгородскомъ творчествѣ встрѣчается не разъ на протяженіи отъ Новгорода до Ерусалима: ср. *Голуб. Книгу* и «Замѣтку.»

Удалой-дворой молодецъ, посланный отъ Ильменя на встрѣчу къ Садкѣ и съ нимъ переговаривавшій отъ лица Ильменя, вѣроятно Волховъ: V, стр. 48.

Высшій помощникъ Садки:

Святитель Ниволоай, Никола, Мискола Можайскій, Угодникъ: его образъ взялъ съ собою въ правую руку Садко, отправляясь по жеребью къ Морскому Царю (ибо Святитель издревле покровительствовалъ мореходцамъ и гостямъ, ср. «Замѣтку» при II ч. *Рыбн.*); онъ же, какъ старчище не знай собою (невѣдомый), старикъ съдатый, вслѣдствіе молитвъ народа, тронулъ Садку въ плечо своей силою, явился ему въ явѣ или во снѣ, остановилъ игру на гусяхъ, научилъ, какъ поступить при выборѣ невѣсты и спастись, а за то, по воз-

вращеніи въ Новгородъ, велѣлъ по-строить соборную церковь Ми-колай Можайскому; проснувшись и очутившись на Руси, подъ Новго-родомъ, Садко «узналъ церкву, приходъ свой, того Николу Мо-жайскаго;» при этой же церкви вступилъ въ братчину, сдѣлалъ закладъ, побѣдилъ, и на свои бо-гатства «Божій храмъ соорудилъ во имя Николая Можайскаго:» V, стр. 37, 39; 45, 46; 54, 53; Рыбн. I, стр. 369; 378—380; ср. при Потыкъ въ Кіевскомъ творчествѣ, а церковь ниже особо.

Прочія имена и названія, встречающіеся при Садкѣ, см. ниже особо.

*

Терентьище, Терентій!, Богатой Гость (ср. Садку), ста-рый, старый мужъ; жилъ въ Новгородѣ, въ улицѣ Юрьевской, въ слободѣ (по его имени) Те-рентьевской; описаніе двора его; у него молодая жена (ср. ее), подъ предлогомъ недуга выпро-водила старика «добывать дохту-ровъ и спрашивать волки;» пре-жде по улицамъ и площадямъ ста-рика было слыхомъ не слышать и

видомъ не видать, а теперь бродилъ онъ «что корова заблудящая, что ворона залетающая;» встрѣтилъ Ско-мороховъ (ср. ихъ), они догада-лись, въ чемъ дѣло, за сто руб-лей согласились помочь, спрятали старика въ мѣшокъ, пришли къ нему во дворъ, заставляли жену высказаться, старика выпустили, онъ вязомъ и дубиною выгналъ жену, а Недуга вонъ погналъ, въ благодарность же далъ Скоморо-хамъ еще сто рублей: V, стр. 54—60; ср. въ Кіевскомъ твор-чествѣ Пльна, Ерму и Чурилу; «Замѣтка.»

ЖЕНА ЕГО:

Авдотья Ивановна, мо-лодая, выпроводившая старика мужа, милостивая къ себѣ Неду-га, обрадовавшаяся лешной вѣсти о гибели старика, поругавшая его, —а онъ слышалъ, — и за то на-казанія: см. *тамъ же* и въ Кіевскомъ творчествѣ Катерицу Припрасну, Пермитику.

Пособники Терентьища:

Скоморохи, Веселые, Ве-селые молодцы, люди въж-ливые, очестливые; встрѣ-

чаются у мосту; играютъ въ гусельцы, поютъ пѣсенку; изъ нихъ одинъ Мѣхоноша; легко догадываются о смыслѣ семейныхъ дѣлъ и—за дорогую плату—возстанавливаютъ «правду великую»; все это случилось съ Терентьшиемъ (ср. его): V, стр. 55—60; ср. ихъ въ Киевскомъ творчествѣ.

Прочія имена и названія, встрѣчающіяся при Терентьшѣ, см. ниже особо.

*

Акундицъ, Заонѣга, Лазарь Мурманскій, Тутаринъ и прочія лица, на сколько есть въ нихъ вѣрнаго: см. Сказку Сахарова и «Замѣтку»; **Князя Глѣба Ольговича** см. въ Указателѣ Былинъ Княжескихъ.

*

Перунъ въ преданіи объ его низверженіи и палицѣ, брошенной на Волховскій мостъ: см. *Льтописи* и «Замѣтку.»

*

Б) Имя Собственное.

Земли, орды, царства, города, церкви, образа, братчины, монастыри, мосты, улицы, слободы, башни, горы, камни, кости, моря, рѣки, озера, болота, острова, корабли, деревья, и т. п.

Русь, Святая Русь, гдѣ упоминается и Новгородъ, противоположно Царству Морскому (см. его): V, стр. 38, 39, ст. 146, 148, 153, 191; стр. 40, ст. 209; *Рыбн.* I, стр. 365, 366, ст. 22, 38, 44, 59.—**Матушка:** *Рыбн.* I, стр. 366, ст. 63.

Залъсье, Залъсье: ср. Мужиковъ **Залъшенъ**.

Орда:

Золотая Орда, куда завозилъ Садко съ товарами Новгородскими: *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 178—180.

Царства:

Астраханское, нижее, куда доплывалъ Садко: V, стр. 48.

Морское, Поддонное, Водяное (судя по Царю и Царце), великое, на двѣ моря: *Рыбн. I*, стр. 368.

—

Города:

Новгородъ: безпрестанно.—
Великій: *V*, стр. 14, ст. 1; стр. 23, ст. 1.—**Славный:** *V*, стр. 3, ст. 15; стр. 14, ст. 1, 25; стр. 16, ст. 62; стр. 23, ст. 1; стр. 34, ст. 2 и др.—
Его слава великая: *Рыбн. I*, стр. 374.—**Стольный:** *V*, стр. 54, ст. 1.—**Богатый:** *V*, стр. 53, ст. 190; *Рыбн. I*, стр. 374, ст. 165.—
Въ немъ рѣка Волховъ, мостъ Волховскій, башня Прѣзжая, Церкви, Монастыри, Улицы, Слободы: см. ихъ ниже особо; его Князь, Настоятели, Воевода, Старшина—Городничій, славные купцы, мужики, посадскіе и т. п.: см. ихъ.

Торжокъ, откуда Костя Новоторженинъ: см. его.

Кемь, откуда Мужики городокемскіе: см. ихъ.

Опсковъ, съ которымъ Буславъ не vzdоривалъ: *Рыбн. I*, стр. 344, ст. 4.

Москва, матушка, каменная, съ ней Буславъ не пере-

чился, не бранивался: *Рыбн. I*, стр. 344, ст. 5; *II*, стр. 197, ст. 4; стр. 201, ст. 5; Московскіе товары въ Новгородѣ: *I*, стр. 374, ст. 158; ошибочно, въ закладъ Василья побороть всю Москву: *Рыбн. II*, стр. 197, 198.

Кіевъ, ошибочно, что у Буслая съ нимъ спору не было, что Василій поспорилъ побороть Кіевъ и жилъ въ немъ: *Рыбн. I*, стр. 352; *II*, стр. 197 и дал

Можайскъ, откуда Микола Можайскій: ср. его, образъ, церковь.

Смоленскъ, откуда монастырь Смоленскій: см. его.

Царь-градъ, его выигрышь (мотивъ, распѣвъ) на гусяхъ: *Рыбн. I*, стр. 369 (такъ умѣлъ играть Сладко, ср. его).

Ерусалимъ, Еросолимъ, Іерусалимъ, святой градъ: *V*, стр. 24, 25, 28, 29, 31; *Рыбн. I*, стр. 361; *II*, стр. 207.

—

ЦЕРКВИ:

Николая, Ниволы, Миволы Можайскаго, соборная, приходъ Садки, гдѣ онъ вступилъ и въ братчину, а послѣ, по повелѣнію Святителя, отстроилъ ее съ особымъ великолѣпіемъ: *V*, стр. 46, 51, 53; *Рыбн. I*, стр.

379, 380; здѣсь же, вѣроятно, въ братчину Никольщину вступилъ Василій: см. его; ср. ниже образъ.

Стефана Архидьякона, по былинѣ построенная также Садкою съ большими великолѣпиемъ: V, стр. 52.

Софїи Премудрыя, то же: *тамъ же*; ср. *Лѣтоп.* и «Замѣтку.»

Бориса и Глѣба, каменная, построенная Садкою въ 1167 году: *Лѣтописи* и «Замѣтка.»

Честна Вадвиженья, также въ Новгородѣ, «у жива моста калинова,» гдѣ встрѣтилъ Терентийше себѣ помощниковъ: V, стр. 55, 56, ст. 45—48.

ОБРАЗА:

Ниволы Угоднива (ср. Церкви), взятый Садкою въ Морское Царство: V, стр. 37, 39.

Преображенскій, на Оаворъ-горѣ, въ соборной церкви съ 12 престолами, у камня Латыря: Василій убился не достигши церкви и образа: *Рыбн.* I, стр. 361—363.

БРАТЧИНА:

Никольщина, Николь-

щина, БРАТЧИНА, БРАТШИННЫ, БРАТОВЩИНЫ. при церкви Николы Можайскаго (ср. его) въ Новгородѣ, подъ начальствомъ «старосты церковнаго,» куда вступали Василій и Садко (ср. ихъ): V, стр. 4, 11, 17, 51.

МОНАСТЫРИ:

Спаса Преображенія, въ Новгородѣ; Костя по уваженію исключилъ его изъ своего заклада: ср. его и *Рыбн.* I, стр. 340.

Матушки Пресвятой Богородицы, въ Новгородѣ и въ томъ же закладѣ Кости: *тамъ же*.

Смоленскій, въ Новгородѣ, то же: см. *тамъ же*; изъ него вышла Богородица къ матери Василья, чтобы унять его: *Рыбн.* I, стр. 344; одно и то же съ предыдущимъ?

Сергѣевъ, гдѣ жилъ Старчище: см. его и *Рыбн.* I, стр. 348, 349.

Кириловскій, гдѣ жилъ тотъ же Старчище: ср. его и *Рыбн.* I, стр. 356.

МОСТЫ:

Волковъ, **Волковскій**, средоточіе борьбы Новгорода съ

Буслаевымъ: безпрестанно. — Перунъ бросилъ на него свою палицу, откуда игры и бои Новгородцевъ на мосту: *Льтоп.* и «Замѣтка;» ошибочно **Обуховъ** (вмѣсто «Волховъ-мостъ»): *Рыбн.* II, стр. 200.

Живой мостъ калиновый, въ Новгородѣ (всякой, на скоро сдѣланный, временный; подобно переходить у насъ часто имя Живаго моста въ имя собственное, т. е. усвоенное извѣстному, тому, а не другому мосту): V, стр. 56.

—
Улицы:

Волхова, вдоль по рѣкѣ Волхову, гдѣ Василій, выскочивши изъ подъ заборовъ, показался выручать своихъ товарищей: V, стр. 21.

Рогатица, поприще первыхъ проказъ Василья: Новгор. *Льтописи* и Сказка Чулкова.

Юрьевская, также въ Новгородѣ, гдѣ жилъ Терентьище: V, стр. 54.

—
Словода:

Терентьевская, по имени жившаго тутъ Богатаго Гостя Терентія: см. его в V, стр. 54.

Башня:

Проѣзжая (при въѣздѣ на мостъ Волховскій или при соединеніи Волхова съ Ильменемъ, имя нарицательное, можетъ стать обращенное въ собственное), подъ которую подѣзжалъ Садко, по приказанію Волги, править отъ нея челобитье: V, стр. 48.

—
Горы:

Сорочинская (кажется при въѣздѣ изъ Волги въ Каспійское море), на ней Пуста Голова и камень Латырь, гдѣ и погребъ Василій въ обратномъ пути изъ Ерусалима: V, стр. 26, 27, 31, 32.

Ѡаворъ-гора, съ тѣмъ же значеніемъ, какъ Сорочинская, но въ землѣ Ерусалимской; славная; выкупавшись въ Ерданѣ, на ней Странники сушились: тамъ же лежалъ камень Латырь, а за нимъ, къ верху, стояла церковь соборная, со 12 престолами (въ честь Апостоловъ, передъ кончи—по нашему творчеству народному въ числѣ 12-ти — преобразился Христосъ) и образомъ Преображенскимъ: здѣсь-то на Латырь погребъ Василій и потому завѣщаль дружинѣ передать матери, «что сосватался на Ѡаворъ-горѣ и же-

нился на блѣзомъ-горючемъ камешкѣ:» *Рыбн.* I, стр. 361—363; II, стр. 208.

Камни:

Датырь, на горѣ Сорочинской (на самой сопкѣ, вершинѣ) и потомъ на **Ѡаворь-горѣ**; въ послѣднемъ мѣстѣ на немъ «преобразился самъ Исусъ Христосъ;» лежалъ онъ не много ниже помѣщавшейся далѣе на **Ѡаворѣ** соборной церкви съ образомъ Преображенія; а еще ниже его, на пути къ нему, лежала **Пуста Голова** (ср. все это выше); **взлѣ-горючій**; «въ вышину три сажени печатныя, а черезъ его (въ ширину) только топоръ подать, въ долину три аршина съ четвертью;» разныя надписи на немъ; **здѣсь-то** погибѣлъ **Василій** (ср. его): V, стр. 26, 27, 31, 32; *Рыбн.* I, стр. 360—363; II, стр. 208; подробнѣе въ «Замѣткѣ;» ср. тождественную **Морскую Пучину** и творчество **Кіевское**.

Яхонтъ, славный камешекъ, вставленъ былъ вмѣсто **оцѣй** въ корабль **Садковъ Соколя** (ср. его): *Рыбн.* I, стр. 364, ст. 34, 35.

Кости:

Пуста Голова, Человѣчья Кость, Кость Вога-тырская: см. выше, какъ лицо пророчествующее.

Рыбій Зубъ, изъ котораго сдѣлана было во дворѣ **Твернѣища** (ср. его) подворотня: V, 54.

Моря:

Ожянь-море, славное, въ которое **Царь Морской** (ср. его) выдавалъ дочь любимую за мужъ (изъ моря **Хвалынскаго** или **Балтійскаго**: по **Олонцкой** мѣстности, гдѣ записана **Былина**, нужно разумѣть **Атлантъ** или **Бѣлое, Ледовитое**): *Рыбн.* I, стр. 369, ст. 65, 66.

Сине море, нужно разумѣть **Балтійское**, по описанію пути изъ **Волхова** въ **Ладожско**, со **Ладожка** въ **Неву рѣку**, со **Невы рѣки** въ **Сине море** (если же здѣсь упоминается, что **Садко** «воротилъ въ **Золоту Орду**», то это или по пути **Нордманновъ** вокругъ **Европы**, или по вліянію другаго разряда **Былинъ**, гдѣ путь **Садки** описанъ по **Волгѣ** и въ море **Каспійское**); здѣсь-то случилось извѣстное приключеніе съ **Садкою** (ср. его), здѣсь подъ водою было царство **Морскаго Царя** (ср.

его) и т. п.: *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 173—178 и далѣе; то же Балтійское море подъ именемъ Синяго должно разумѣть во всѣхъ Былинахъ о Садкѣ изъ Оломоцкой мѣстности, *Рыбн.* I; здѣсь оно именуется иногда славнымъ: стр. 364, ст. 37; стр. 368, ст. 45.

Хвалынское, въ Былинѣ о Садкѣ изъ Сибирской мѣстности (Кирша Даниловъ) занимающее совершенно то же мѣсто и значеніе, съ тѣмъ же описаніемъ приключеній Садки и Морскаго Царства, какъ выше море Балтійское; Хвалынское соединялось воднымъ путемъ (Волжскимъ) съ Волховомъ, ибо изъ него, черезъ Ильмень, въѣзжаютъ корабли въ Волховъ, «отъ того снѣя моря Хвалынскаго по славной матушкѣ Волхъ-рѣкѣ бѣгутъ-побѣгутъ тридцать кораблей» V, стр. 43—46, ст. 46—160. Сравни то же море:

Каспійское, славное море; черезъ него лежалъ «прямой путь въ Иерусалимъ градъ,» седми-недѣльный; изъ Ерусалима также ѣздилъ прямо «по морю Каспійскому къ Нову-городу;» путь описывается—по Ильменю въ Новгородъ (черезъ Волховъ), изъ Новгорода по озеру Ильменю, потомъ (черезъ Волгу) въ Каспійское. отсюда «прямымъ путемъ» въ Ердань-рѣку, въ устье ея, откуда

пѣшкомъ въ Ерусалимъ; это путь Василья (ср. его): V, стр. 23—32, ст. 2, 15, 16, 55, 56, 67, 68, 71—84, 121—184, 199, 200, 214—235, 275—280; ср. выше Волгу, Ильмень и Волховъ, родство ихъ, передачу поклона отъ Волги къ Ильменю въ Новгородъ, переговоры Ильменя черезъ Волховъ съ пришельцемъ отъ Волги, въ Былинахъ о Садкѣ.

—
Рѣки:

Волховъ, Волхъ: безпрестанно, особенно въ Былинахъ о Василья (ср. его).—Славная матушка (вѣроятно перенесено отъ Волги, которою ѣздилъ съ моря Хвалынскаго, ср. ее): V, стр. 46, ст. 158.—Рѣченька (рѣка безпрестанно): *Рыбн.* I, стр. 351, ст. 261; II, стр. 206, ст. 164; рѣченька Волхова: V, стр. 353, ст. 62 и дал.—Здѣсь знаменитый мостъ, памятный преданіями о Петрушѣ; играми, борьбами, судебными расправами; битвою Василья; улѣца, на которой показался Василій своимъ товарищамъ, выскочивши изъ подъ заборовъ; сюда ходила за водою Чернавка; сюда, «наквасить рѣку,» грозилась Василью Новгородцы, но, вмѣсто того, напол-

няли ее своими трущями, такъ что «на цѣлую на версту на мѣрную вода съ кровью смѣсилася;» здѣсь очутилася лѣвой ногою Садко, когда проснулся отъ своихъ приключеній въ Морскомъ Царствѣ: здѣсь же увидалъ плывущими свои корабли съ товарищами и т. п.: ср. имена этихъ лицъ и предметовъ, а также выше Удалаго-добраго молодца, посланнаго для перегоровъ съ Садкою отъ Ильмена.

Обь, занявшая мѣсто Волхова въ Пермской Сказкѣ: V, *Прилож.*

Чернава, въ Новгородѣ, одноименная съ дѣвушкой Чернавой (ср. ее); въ одной быльи лѣвая нога Садки (ср. его), закинутая въ просоны на Чернаву, оказалась въ Волховѣ, а въ другой Садко очутился «о рѣку Чернаву:» V, стр. 46, ст. 150; *Рыбн.* I, стр. 380, ст. 363, 364.

Нева, путь по ней (здѣль и Садко, ср. его) изъ Ладожска, Волхова и Новгорода въ Балтійское море: *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 175, 176.

Волга, ср. ее выше, какъ лице.

Кума, въ названіи острова Куминскаго: см. его.

Иордань, **Ердань** - рѣка, которою отъ моря Каспійскаго (ср. его) подѣзжали въ Ерусалиму и ставились на корабляхъ въ устьѣ; матушка (*Рыбн.* I, стр.

361, ст. 5): въ ней Странники должны были купаться (какъ и нынѣ), чтобы послѣ сунуться на **Фаворъ-гора** (ср. ее): но нельзя было купаться нагишъ тѣломъ, а въ рубашичкахъ, ибо «нагишъ тѣломъ» крестился только Христосъ (ср. также въ Кіевскомъ творчествѣ Пучай-рѣку и купанье Добрыни «нагишъ тѣломъ,» *Рыбн.* I, стр. 121); **Василья** (ср. его) предостерегала о томъ мать, но онъ не послушался и за это, по предсказанію Бавы Валъсной, Женщины престарѣлой (см. ее), послѣ потерпѣлъ: V, стр. 24; 29, 30; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207, 208.

—
ОЗЕРА:

Ильмень: см. его выше какъ лице.

Ладожско, по немъ также здѣль Садко (ср. его): *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 174, 175.

—
БОЛОТА:

Каростанскія, обильныя комарамъ: Сказка Чулкова. V, *Прилож.*

ОСТРОВЪ:

Куминскій, въ устьѣ Кумы, на Каспійскомъ морѣ, гдѣ стояла «застава крѣпкая» стояли «атаманы козачіе, три тысячи» грабили «бусы - галеры» разбивали «червленые корабли» «козакки-разбойники, стары атаманы» гости-корабельщики предостерегали Василья (ср. его) отъ этой заставы, но онъ поѣхалъ, ибо это была прямой путь съ Волги чрезъ Каспійское море въ Ердань, къ Ерусалиму; на этой «заставѣ каравельной» атаманы, противъ ожиданія, скоро узнали Василья по поступкѣ, угостили, одарили, дали въ Ерусалимъ провожатаго; на обратномъ пути изъ Ерусалима Василій опять заѣхалъ къ нимъ, удостовѣрилъ письменнымъ свидѣтельствомъ, что въ Ерусалимѣ за нихъ много трудовъ положилъ, и простился: V, стр. 26—31, ст. 71—84, 121—175, 214—235.

КОРАБЛЬ:

Сокодь, одинъ изъ тридцати (или тридцати трехъ) Садковыхъ,

на которомъ ѣздилъ самъ; Садко (ср. его) самъ себя его строилъ, «корму по гусиному, носъ по орлиному, въ очи вкладывалъ не камешку по славному по ленту:» V, стр. 41—43, ст. 1—6, 72—78; стр. 46, ст. 159, 160; стр. 34, ст. 18—22: *Рыбн.* I, стр. 364, ст. 30—39; впрочемъ и остальные его корабли были «червленые» «великіе» «снасточки шелковыя, кормы висаны по звѣршному, а носъ писанъ по змѣиному:» *Рыбн.* I, стр. 368 и др.—Ср. корабль и у Василья, летѣвшій какъ Соколь: *Рыбн.* II, стр. 207, ст. 219.—Ср. также корабль Соколь въ Кіевскомъ творчествѣ.

ДЕРЕВЬЯ:

Кипарисное, Кипарисово, дерево правое, ибо на немъ «Христосъ распятъ есть:» V, стр. 37; коромысло у Чернавки (ср. Юга, ср. «Замѣтку»): стр. 19.

Яворъ, изъ котораго обычно гусли (яворчаты, яровчаты): безпреставно.

В) Прозвища отъ Имени Собственнаго.

Христовъ, Христовъскій, день (Свѣтлое Воскресенье): *Рыбн.* I, стр. 349, ст. 197; стр. 356, ст. 169; II, стр. 200, ст. 114.— Гробница въ Ерусалимѣ: II, стр. 207, 208.

Господній, гробъ, въ Ерусалимѣ: *Рыбн.* I, стр. 361.

Вожьи, церкви: *Рыбн.* I, стр. 377; II, стр. 208.

Петровъ, день: *Рыбн.* I, стр. 349, ст. 198; стр. 356, ст. 170; II, стр. 200, ст. 115.

Православный, народъ, Русскій: V, стр. 45.

Вѣсовскія, игры, пляски въ Морскомъ Царствѣ: *Рыбн.* I, стр. 369, ст. 88, 89, 97.

Новгородскій, Новгородскій: князья, настоятели, мужики, господа, купцы, башлыки, и т. п., безпрестанно; товары: то же; великая слава: *Рыбн.* I, стр. 374.

Волгской, Суръ, прозвище Садки (ср. его) отъ Волги: V, стр. 51, ст. 113.

Сибирскій. Намгрыши, недѣшніи; камочка: V, стр. 37, ст. 125, 127.

Мурзаметскій. Копье: *Рыбн.* I, стр. 345, 347.

Чебурацкій (?), свинець: V, стр. 16, ст. 72.

Залѣснскій. Баба, прорицательница: V, стр. 30, ст. 203.— Ср. Залѣшенъ, V, стр. 16, ихъ же въ Кіевскомъ творествѣ и Залѣсье, Заолѣсье.

Заморскій. Камочка: V, стр. 37; булатъ: стр. 42; товары: *Рыбн.* I, стр. 374 (то же, что нынѣ «Нѣмецкій,» ния для чужихъ странъ): Царь, вмѣсто «Морской:» ср. его и V, стр. 43.

Можайскій, Астраханскій, Преображенскій, Смоленскій, Сергѣевъ, Кириловскій, Волховъ-Волховскій, Юрьевскій, Терентьевскій, Сорочинскій, Хвалынскій, Каспійскій, Ладожскій, Баростанскій, Буминскій: см. образа, царства, монастыри, мосты, улицы, слободу, гору, моря, озера, болото, островъ.—Также точно **Васильевъ** (на пр. матушка Васильева), **Садковъ** (корабль), **Терентьевъ** (дворъ) и т. п.: см. при именахъ сихъ лицъ.

* * *

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

МОСКВА.

Въ типографіи Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ.
1864.

Одобрено Ценсурой. Москва, Мая 7-го, 1864.

**Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества
Любителей Россійской Словесности *).**

— 1863 года, Мая 22-го, LXXII засѣданіе, пунктъ 4, б). Д. Членъ П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что въ ближайшее за тѣмъ время будутъ печататься: выпускъ 6-й «Грозный Царь Иванъ Васильевичъ» и выпускъ 7-й «Отъ Ивана IV-го до Петра I-го;» тѣмъ кончится II-й томъ издаваемыхъ Обществомъ «Пѣсень.» Положено: по объему выпусковъ, назначить для одного цѣну 50 к., для другаго 1 рубль сер. и поручить П. А. Безсонову, приступить въ свое время къ продажѣ ихъ, не ожидая новыхъ постановленій Общества.

*

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1864-й годъ.

Выпускъ 6.

Пѣсни Вылевыя, Историческія:

Москва.

Грозный Царь Иванъ Васильевичъ.

Оглавленіе, общее для выпусковъ 6-го и 7-го, помѣщено будетъ въ концѣ сего послѣдняго.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

I.

Взята Казань.

1.

Охъ вы гости, гости званые,
Гости званые, гости браные!
Сказати ли вамъ, гости, про диковинку,
Про диковинку такую не про маленьку:

5. Еще какъ государь Царь Казань городъ бралъ.

Онъ въ овражкѣ простоялъ, — онъ и кашку расхлебалъ,
Въ другомъ простоялъ, — онъ другую расхлебалъ;
Онъ подкопы копалъ подъ Казанку рѣку,
Онъ подводъ подводилъ подъ Казань городъ,
10. Онъ подкатывалъ бочки, бочки дубовыя,
Какъ со лютымъ со злымъ ¹⁾ чернымъ порохомъ,
Затеплялъ же онъ свѣчу воску яраго.
Татарки Казанки, на стѣнѣ онѣ стояли,
На стѣнѣ онѣ стояли, ж.ы показали:

15. «Еще вотъ тѣ, государь Царь, Казань городъ взять!»
Государево сердечко разсердитовалось,
Приказалъ онъ пушкаревъ казнить-вѣшать.

Выбиралися въ полку люди умные,
Люди умные, люди разумные:

20. — Охъ гой еси, государь Царь Иванъ Васильевичъ!
— Не приказывай, государь, казнить-вѣшать,
— Прикажи ты, государь Царь, слово выговорить:

¹⁾ Зельемъ.—0.

- На вѣтру свѣча скоро топится,
 — Въ захолустьи свѣча долго теплится. —
25. Не успѣлъ же государь Царь слово выговорить, —
 Еще начало же Казань городъ рвати,
 Рвать-порывать, на всѣ стороны кидать,
 Татарокъ Казанокъ въ рѣку всѣхъ бросать.

(Доставл. г. Варламовымъ).

*

2.

Добрые люди, послушайте,
 А мы, малые ребята, станемъ сказывать
 Про Грозна Царя Ивана Васильевича.

- Какъ Грозный Царь Ивагъ Васильевичъ
3. Къ Казани подходилъ, какъ Казань городъ бралъ,
 Отъ Свияжскаго отъ города подкопъ подводилъ
 Онъ подъ славную подъ рѣчку подъ Казанку-рѣку,
 Со своей силою войскою ¹⁾;
 Онъ и бочечки со порохомъ закатывалъ;
10. Затепляетъ онъ свѣчи воску яраго,
 И поставилъ свѣчи воску яраго.

- На вѣтрѣ свѣчи скоро топятся,
 Въ закутѣ свѣчи долго топятся:
 — Не вели ты, батюшка, казнить,
15. — Вели слово говорить. —
 Не успѣлъ пушкарь слово молвити,
 Правду выговорити,
 Раскидало-разметало стѣну каменную.

(Отъ того же).

*

¹⁾ Военною; отсюда древнее *войска* вмѣсто *войско*, сохраненное и нынѣ въ некоторыхъ Славянъ. — О.

(Москва).

Ужь вы люди ли, вы люди стародавнiе,
 Молодые молодцы, даволь ¹⁾ послушати,
 Еще я вамъ расскажу про царевый про походъ,
 Про Грозна Царя Ивана Васильевича.

5. Онъ подходомъ подходилъ подъ Казань городокъ,
 А подкопы подкопалъ подъ Казанку подъ рѣку.
 Что Татары же по городу похаживали,
 Что Грозна Царя Ивана Васильевича поддразнивали,
 Что и тутъ-то нашъ Грозенъ Царь прикручинился,
10. Онъ повѣсилъ буйну голову на правое плечо,
 Утупилъ онъ ясны очи во сыру мать землю,
 Онъ велѣлъ ли, государь Царь, пушкарей сзывать,
 Пушкарей созывать, зажигающичковъ,
 Онъ велѣлъ, сударь, скоро казнить — скоро вѣшати.
15. Не успѣлъ молодой пушкарь слово вымолвить, —
 Воску яраго свѣча затеплилася,
 Что и съ порохомъ бочка загорѣлася,
 Что побило Татаръ сорокъ тысячей,
 [Сорокъ тысячей] и три тысячи.

(Запис. А. А. Григорьевымъ отъ цыгана Антона Сергѣева; ср. Отеч. Зап. 1860,
 Апрель, Сборн. П. Н. Якушкина).

*

¹⁾ Доволь, изволь, извольте. — 0.

(Саратовъ).

Кто бы намъ сказалъ про царёвъ походъ,
Про Грознаго Царя Ивана Васильевича?

- Какъ онъ, Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ,
Скоплялъ силушку ровно тридцать лѣтъ,
5. Ровно тридцать лѣтъ, еще ²⁾ три года:
Сокоплѣмши свою силушку, воевать пошелъ,
Онъ подъ славное царство Казанское;
Не дошедши до Казани, становился,
Становился нашъ батюшка въ зеленыхъ лугахъ,
10. Въ зеленыхъ лугахъ заповѣдныхъхъ ³⁾.
Какъ онъ, Грозенъ Царь, подъ Казань подступилъ,
Подъ рѣчку подъ Казаночку ⁴⁾ подкопъ подводилъ,
Подъ другую сторону — подъ Булатъ подъ рѣку.
Мы съ порохомъ бочки закатывали,
15. Сорокъ бочекъ закатили ⁵⁾ съ ⁶⁾ лютымъ зельемъ,
[Съ лютымъ зельемъ,] съ ⁷⁾ порохомъ,
Зажигали на бочкахъ воску ярова свѣчи ⁸⁾,
Зажжѣмши свѣчи, сами вонъ пошли ⁹⁾,
Сами вонъ пошли, сами прочь отошли.
20. А злые Татарышки ¹⁰⁾ по стѣпочкѣ похаживаютъ,
Нашего Царя Бѣлаго Ивана Васильича ¹¹⁾ подражни-
ваютъ ¹²⁾...
На то Грозный Царь ¹³⁾ осердился:
«Подавай мнѣ пушкарёвъ казнить-вѣшать ¹⁴⁾!»

1) Разнорѣчія въ Сборн. гг. Костомар. и Мордовц. — 2) «и». — 3) «въ за-
повѣданныхъ.» — 4) «подъ Казанку.» — 5) «закатилъ.» — 6) «со.» — 7) «со.» —
8) «Зажигали мы на бочкахъ свѣчи воску ярова.» — 9) «прочь отошли.» —
10) «Татарченки.» — 11) «Васильевича.» — 12) Добавленъ пропущенный стихъ:
«Ты не городъ пришелъ братъ, пришелъ ж... казаты!» — 13) «Ив. Вас.» —
14) «вѣшати.» — О.

- Вотъ ¹⁾ и выбрался изъ нихъ молоденькій ²⁾ пушкаръ:
25. — Не изволь, государь, насъ вѣшать и казнить ³⁾,
 — Дай ты намъ ⁴⁾ рѣчи сговорить:
 — Наружи-то свѣчи — онѣ скоро горять,
 — Въ подземелья-то ⁵⁾ свѣчи не скоро теплются. —
 Не успѣлъ слова сказать, — стало бочки рвать,
 30. Стало бочки рвать, землю на розно метать ⁶⁾,
 И побило всѣхъ Татаръ каменничкомъ.

(Ср. Извѣст. А. В., т. III; запис. А. И. Паскагозов).

*

5.

(Пермск. губ., с. Новое Усолье).

- По городу Татаринокъ погуливаетъ,
 Надъ нашимъ надъ Царемъ насмѣхается:
 « Не взять тебѣ Казань городъ ни во сто лѣтъ,
 « [Ни во сто лѣтъ,] ни во тысячу годовъ.»»
5. На это нашъ государь приразгнѣвался,
 Приказалъ нашъ государь подъ Казань городъ,
 [Подъ Казань городъ] подкопы подкопати.
 Подъ рѣчку Казанку подкопы подкопали,
 Много бочекъ закатали съ чернымъ порохомъ,
 10. Засвѣтили на нихъ свѣчки воскояровья,
 Молодые пушкарѣ изъ подкопу выходили,
 Свѣчки догорѣли, — бочки не разорвало.
 На то нашъ государь приразгнѣвался и пріосердился,
 Приказалъ нашъ государь пушкарей своихъ казнить,
 15. [Пушкарей своихъ казнить,] саблей головы рубить.
 Всѣ наши пушкарчики задумались — стоять,
 [Задумались — стоять,] ничего не говорятъ,
 Одинъ же пушкарчикъ осмѣлился,

¹⁾ «Какъ.» — ²⁾ «молодой.» — ³⁾ «вѣшать - казнить.» — ⁴⁾ «государь.» — ⁵⁾ «Въ подземельѣ.» — ⁶⁾ Прибавлено: «Какъ стѣны бресало за Булатъ-рѣку.» — 0.

- Къ Царю близко подходилъ, ему рѣчи говорилъ:
20. — Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Не приказывай казнить, прикажи мнѣ говорить:
 — На ходу-то наши свѣчки скоро горять,
 — Во глухомъ же мѣстѣ онѣ тихо горять. —
 Не успѣлъ слова вымолвить, —
25. Свѣчки догорѣли, бочки рѣзорвало.
 Теперь нашъ государь привозрадовался,
 Приказалъ нашъ государь пушкарей своихъ дарить,
 Всѣмъ пушкарямъ по пятидесять рублей,
 Одному пушкарику пятьсотъ ему рублей;
30. За то ему пятьсотъ: къ Царю близко подходилъ,
 [Къ Царю близко подходилъ,] ему рѣчи говорилъ.

(Со словъ прѣзжаго мужика, доставлено 1849 г. Директоромъ Пермскихъ училищъ;
 ср. «Этногр. Сборникъ», вып. V).

*

6 ¹⁾.

Вы, молодые ребята ²⁾, послушайте,
 Чтò мы, стары старики, будемъ сказывать
 Про Грознаго Царя Ивана про Васильевича.

Какъ онъ, нашъ государь-Царь, подъ Казань городъ
 ходилъ,

5. Подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ,
 За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
 А пушки и снаряды ³⁾ въ чистомъ полѣ разставлялъ.
 Ой, Татары ⁴⁾ по городу похаживаютъ,
 И всяко грубянство оказываютъ,
10. Они Грозному Царю насмѣхаются:
 «Ай, не быть ⁵⁾ нашей Казани за Бѣлымъ за Царемъ!»

¹⁾ Былина нѣсколько подправлена. — То же самое въ сборникѣ гг. Костомар.
 и Мордовц., у Сахарова и въ другихъ пѣсенникахъ, откуда приведены раз-
 норѣчія. — ²⁾ *Морд.* и *Сахар.* «ребята.» — ³⁾ *Морд.* «А пушки, снаряды.» —
⁴⁾ *Сахар.* «А Татары;» *Морд.* «А Татарченки.» — ⁵⁾ *Морд.* «Не бывать.» — 0.

Ахъ ¹⁾, какъ тутъ нашъ государь ²⁾ разгнѣвался ³⁾,
 Что подрывъ такъ долго медлится ⁴⁾,
 Приказалъ онъ за то ⁵⁾ пушкарей ⁶⁾ казнить,
 15. Подкопщиковъ и зажигальщиковъ ⁷⁾.

Какъ всё тутъ ⁸⁾ пушкари призадумались,
 А одинъ пушкарь поотважился ⁹⁾:
 — Прикажи, государь-Царь, слово выговорить ¹⁰⁾? —
 Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить ¹¹⁾,
 20. Тогда лишь догорѣли зажигальныя свѣчи ¹²⁾,
 И вдругъ разрывало ¹³⁾ бочки съ порохомъ,
 Какъ стѣны бросать стало за Сулай за рѣку ¹⁴⁾.
 Всѣ Татары ¹⁵⁾ тутъ, братцы, утрашились,
 Они Бѣлому Царю покорилися.

(Пѣсенникъ Новиковскій, «Новое и полное собраніе Россійскихъ пѣсень» М., 1789 г., Ч. I, № 125, стр. 141, 142; то же самое у Чулкова, «Собраніе разныхъ пѣсень» Спб., 1770 г., Ч. I, № 125, стр. 136; почти то же — съ описками — въ Пѣсенникъ Гурьина, 1835, Ч. XIII; разнорѣчія изъ Сборниковъ Сахарова, гг. Костомар. и Мордмц.).

* *

¹⁾ Тамъ же (и ниже): «Ужъ.» — ²⁾ «государь-Царь.» — ³⁾ «прогнѣвался.» —
⁴⁾ Стихъ этотъ опущенъ. — ⁵⁾ «Приказалъ онъ.» — ⁶⁾ «пушкаревъ.» — ⁷⁾ За
 снмъ:

Что лоть нихъ измѣна учинилась,
 Что на полѣ вся свѣча сгорѣла,
 А подрывъ такъ долго медлится.

⁸⁾ «А и тутъ всё.» — ⁹⁾:

Большой за меньшого хоронится,
 А одинъ пушкарь отважился.

¹⁰⁾ «молвить.» — ¹¹⁾ «выговорить.» — ¹²⁾ «Подъ землею свѣча догорала.» —
¹³⁾ «И тутъ разорвало.» — ¹⁴⁾ «Стало стѣны бросать за Сулай-рѣку.» — За снмъ:
 Забросало палаты бѣлокаменны.» — ¹⁵⁾ «Татары.» — 0.

II.

1.

(Кирша Даниловъ).

- Среди было Казанскаго царства,
 Что стояли бѣлокаменны палаты.
 А изъ спальни, бѣлокаменной палаты,
 Ото сна тутъ царица пробуждалася,
 5. [Пробуждалася] царица Елена,
 Симеону царю она сонъ рассказала:
 «А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
 «Что ночесъ мнѣ, царицѣ, мало спалося,
 «Въ сновидѣньицѣ много видѣлося:
 10. «Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
 «Кабы сизой орлице встрепенулся,
 «Кабы грозная туча подымалася,
 «Что на наше вѣдь царство наплывала ¹⁾.)»

- А изъ сильнаго Московскаго царства,
 15. Подымался Великій Князь ²⁾ Московскій,
 А Иванъ, сударь, Васильевичъ, Прозритель ³⁾,
 Со тѣми ли пѣхотными полками,
 Что со старыми славными козаками,
 Подходили подъ Казанское царство,
 20. За пятнадцать верстъ становились,
 [Становились] они подкопью подъ Булатъ-рѣку;
 Подходили подъ другую подъ рѣку—подъ Казанку,
 Съ чернымъ порохомъ бочки зааалти,
 А и подъ гору ихъ становили,

¹⁾ Слѣдующее за сямъ служить объясненіемъ слу; отъ сна былина переходитъ къ разсказу о самомъ событіи.— ²⁾ Ниже объяснено, что онъ сдѣлался Царемъ лишь по взятіи Казани.— ³⁾ Народное прозвище Ивана.—0.

25. Подводили подъ Казанское царство;
 Воску яраго свѣчу становили,
 А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ ¹⁾:
 Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
 А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣя.
30. Возпалился тутъ Великій Князь Московскій,
 Князь Иванъ, сударь, Васильевичъ, Прозритель,
 И зачалъ канонеровъ тутъ казнити,
 Что началась отъ канонеровъ измѣна.

- Что большой за меньшаго хоронился,
 35. Отъ меньшаго ему, Князю, отвѣту нѣту;
 Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
 — Ты Великій, сударь, Князь Московскій!
 — Не вели ты насъ, канонеровъ, казнити:
 — Что на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,
 40. — А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣе.—

Позадумался Князь Московскій,
 Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти собою,
 Еще какъ бы это дѣло оттянути ²⁾.

- Они тѣ-то рѣчи говорили,—
 45. Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
 До той-то бочки съ чернымъ порохомъ:
 Принимались бочки съ чернымъ порохомъ,
 Подымало высокую гору,
 Разбросало бѣлокаменны палаты.
50. И бѣжалъ тутъ Великій Князь Московскій
 На тое ли высокую гору,
 Гдѣ стояли царскія палаты.
 Что царица Елена догадалась,
 Она сыпала соли на ковригу,

¹⁾ Вѣроятно (по складу): «въ лагерѣ на полѣ.»—²⁾ Эти три стиха явная вставка и относятся конечно къ царю Симеону, какъ, послѣ рассказаннаго сна, придумывалъ онъ оттянуть свершеніе событія; къ сожалѣнію этотъ эпизодъ не сохраненъ былинцами.— За снѣмъ слѣдуетъ прерванное, послѣ рѣчи пушкарей.—0.

55. Она съ радостью Московскаго Князя встрѣчала,
 А того ли Ивана, сударь ¹⁾, Васильевича, Прозрителя:
 И за то онъ царицу пожаловалъ,
 И привелъ въ крещеную вѣру,
 Въ монастырь царицу постригли.
60. А за гордость царя Симеона,
 Что не встрѣтилъ Великаго Князя ²⁾,
 Онъ и вынялъ ясны очи косицами ³⁾,
 Онъ и взялъ съ него Царскую корону,
 И снялъ Царскую порфиру,
65. Онъ Царской костью въ руки принялъ.

И въ то время Князь воцарился,
 И насѣлъ въ Московское Царство:
 Что тогда, де, Москва основалася,
 И съ тѣхъ поръ великая слава ⁴⁾.

* *

¹⁾ Т. е. сударя, государя.— ²⁾ Сюда ошибочно отнесено Калайдовичемъ слово «онъ.»— ³⁾ Висками.— ⁴⁾ См. ниже «Замѣтку.»—*О.*

III.

1 *).

(Симбирск. губ., с. Усть-Урень).

Ты куда, куда собираешься,
Православный Царь, изъ Москвы въ Казань ¹⁾?

Не одинъ—то православный Царь собирается,
Береть добраго молодца и меня съ собой.

5. А мнѣ, доброму молодцу, ѣхать не хотѣлося,
Хотѣлося въ Москвѣ пожить,

[Въ Москвѣ пожить,] при дворцѣ служить,

При дворцѣ [служить] государевомъ.

Ничего—то мнѣ въ Москвѣ не пожалилось ²⁾,

10. Да только жалко зелена саду,

Да жалко мнѣ, доброму молодцу,

[Добру молодцу] въ саду три деревца:

Первое деревцо — купарисово,

Другое деревцо — зелена груша,

15. Третье деревцо — сладко яблонько ³⁾.

*) Слѣдующіе образцы переходятъ уже въ отдѣлъ пѣсень Молодецкихъ
и Безымянныхъ. — О.

1) Стихи вѣроятно таковы:

Ты куда, куда собираешься?

Собирается православный Царь,

Православный Царь изъ Москвы въ Казань.

2) Не жалко.— 3) Сладка яблонька? Сладко яблочко? — О.

- Купарисово деревцо — родной батюшка,
 А зелена груша — родна матушка,
 Сладко яблонько — молода жена.
 Гдѣ батюшка плачетъ, тутъ рѣка течеть,
 20. Гдѣ матушка плачетъ, ключи быстры текутъ,
 Гдѣ жена плачетъ, — туманъ съ дождемъ.

(Отъ ратника Картавенко, запис. П. В. Шейномъ).

* *

IV.

1.

- Во славномъ городѣ во Казани,
 Среди торгу на базарѣ,
 Не ручей шумить, то слеза катить
 По бѣлу лицу красной дѣвицы.
 5. Что не трубушка вострубила,
 То возгóворить красавица,
 Молодая Татарушка:
 « Не отецъ не мать разлучили насъ,
 « Разлучилъ насъ Великій Князь,
 10. « Князь Иванъ сударь Васильевичъ:
 « На лету убилъ ясна сокола,
 « А меня, младу, во плѣнь берётъ.»

(Отъ Г-жи Улмышевой).

* *

V.

1 *).

(Орловск. губ., Малоарханг. уѣзда, с. Сабурово).

Соловейко кукушечку уговаривалъ:

- « Полетимъ, кукушечка, во мой зеленъ садъ:
 « Во моемъ ли во садику зеленъ виноградъ,
 « Во моемъ ли во садику молодчикъ гулялъ.
 Б. « Молодецъ молодешенькой, не веселъ онъ былъ.
 « Чего добру молодцу веселому быть?
 « Что журить-бранить батюшка, не зная за что,
 « Нарекъ, нарекъ батюшка во солдаты отдать.
 « — А мнѣ, доброму молодцу, не хотѣлося,
 10. « — Хотѣлось молодцу хоть годокъ дома прожить,
 « — Хоть годокъ дома прожить, во Москвѣ побывать,
 « — Въ Москвѣ, въ Москвѣ побывать, солдатусекъ поглядѣть:
 « — Солдатушки батюшки во строю стоять,
 « — Во строю-строю стоять, по ружью держать.—»

*

2.

(Моск. губ., Звенигор. уѣзда, с. Ильинское).

Соловей кукушку подговариваетъ,

Подговариваетъ, все обманываетъ:

- « Полетимъ, кукушка, во сыры боры,
 « Мы совьемъ, кукушка, тепло гнѣздышко.
 Б. « И мы выведемъ малыхъ дѣтушекъ,
 « Малыхъ дѣтушекъ, куколатушекъ!»
 Ой, у ключика у холоднаго,
 Молодецъ дѣвицу подговариваетъ,

*) Эта пѣсня началомъ своимъ одинакова съ послѣдующими, а концемъ съ выше помѣщенной въ Отд. III-мъ. — 0.

Подговариваетъ, все обманываетъ:

10. « Мы пойдемъ, дѣвица, во Казань городъ:
 « Какъ Казань городъ на красѣ стоитъ,
 « А Казанка рѣчушка медкомъ бѣжить,
 « По горамъ-горамъ да всё камушки,
 « Да всё камушки, всё горючіе,
 15. « По лугамъ-лугамъ да всё травушки,
 « Да всё травушки, всё шелковыя.»
 — Не обманывай, добрый молодець:
 — Я сама знаю про то—вѣдаю,
 — Что Казань городъ на крови стоитъ,
 20. — А Казанка рѣчушка кровью бѣжить,
 — По горамъ-горамъ всё головушки,
 — Всё головушки да всё буйныя,
 — По лугамъ-лугамъ всё черны кудри,
 — Всё черны кудри молодецкія. —

*

3.

(Орловск. губ., Малоарх. уѣзда .

Соловей кукушку подговариваетъ,
 Подговаривалъ, всё обманывалъ:
 « Полетимъ, кукушка, во темны лѣса,
 « Мы совѣмъ съ тобою тепло гнѣздушко.»

5. Молодецъ дѣвицу подговаривалъ:
 « Поѣдемъ, дѣвица, во Казань городъ:
 « Казань городъ на красѣ стоитъ,
 « На красѣ стоитъ, на крутой горѣ,
 « Казаночка рѣчка медовъ течётъ,
 10. « Мелки ключики — зеленѣ вино,
 « По лугамъ-лугамъ трава шелкова,
 « По горамъ-горамъ цвѣты алые,
 « Цвѣты алые, всё лазоревы »

- Не обманывай, добрый молодецъ:
 15. — Я сама давно про то вѣдаю,
 — Что Казань городъ на костяхъ стоитъ,
 — Казаночка рѣка кровава течётъ,
 — Мелки ключики—горючи слезы,
 — По лугамъ-лугамъ всё волосы,
 20. — По крутымъ горамъ всё головы,
 — Молодецкя, всё Стрѣлецкя.—

*

4.

- Соловей кукушку обманывалъ,
 Онъ обманывалъ, подговаривалъ:
 « Полетимъ, кукушка, вы темны лѣса,
 « Вы темны ль лѣса, вы дремучіе,
 5. « Совьемъ, кукушка, съ тобой гвѣздышко,
 « Съ тобой гвѣздышко, съ тобой тёплое,
 « Выведемъ, кукушка, съ тобой дѣтушень.»
 Молодецъ дѣвицу обманывалъ,
 Онъ обманывалъ, уговаривалъ:
 10. « Поѣдемъ, дѣвица, вы Казань городъ:
 « Что Казань городъ вы красѣ стоитъ,
 « А Казанка рѣчка-та медомъ протекла,
 « По лугамъ-лугамъ шелкова трава,
 « По горамъ-горамъ тамъ всё камуши,
 15. « Да всё камушки разноцвѣтные.»
 — Молодецъ, молодецъ, не обманывай,
 — Не обманывай, не подговаривай:
 — Я сама знаю про все—вѣдаю,
 — Что Казань-то городъ во крови стоитъ,
 20. — Что Казанка-та рѣчка кровью протекла,
 — Мелкіе ручьи — горячими слезьми,
 — По лугамъ-лугамъ да всё волосы.

— По горамъ-горамъ да всё головы,
— Да всё головы разноличныя.—

*

5.

- Соловей кукушку подговаривалъ,
Подговаривалъ, все обманывалъ:
« Полетимъ мы, кукушка, во темпы лѣса,
« Мы совьемъ ли, кукушка, тепло гнѣздо,
5. « И мы выведемъ малыхъ дѣтушекъ,
« Малыхъ дѣтушекъ соловьятушекъ.»
Молодецъ дѣвицу подговаривалъ,
Подговаривалъ, все обманывалъ:
« Мы поѣдемъ, дѣвица, во Казань городъ:
10. « Какъ Казань городъ на красіи стоитъ,
« Казанка рѣчка медомъ протекла,
« А малы ручьи зеленымъ виномъ,
« По горамъ-горамъ по высокіимъ
« Лежатъ каменя самоцвѣтные,
15. « По лугамъ-лугамъ по зеленыимъ
« Растетъ трава шелковая.»
— Не обманывай, доброй молодецъ:
— Я сама знаю про то—вѣдаю,
— Что Казань городъ на кровіи стоитъ.
20. — А Казанька рѣчка кровью протекла.
— Малые ручьи горючими слезами;
— По горамъ-горамъ по высокіимъ
— Лежатъ головы молодецкія,
— Молодецкія, все солдатскія;
25. — По лугамъ-лугамъ по зеленыимъ
— Лежатъ кудри молодецкія,
— Молодецкія, всё козацкія.—

(Новик. Пѣсенникъ).

* *

VI.

1.

(Арханг. губ., Кола).

- Шли солдатухи слободой,
 Манять дѣвушекъ за собой:
 «Вы пойдите-ко, дѣвушки, съ нами,
 «Съ нами, добрыми молодцами,
 5. «Не далече, до Казани:
 «Во Казани-то жить привольно,
 «Жить привольно, гулять охотно,
 «У насъ денежекъ предовольно,
 «У насъ домики пребогаты,
 10. «Бѣлокаменные стоятъ палаты,
 «Межъ домами—то текеть рѣчка,
 «Течеть рѣченька медовая,
 «По ней струечка золотая.»
 Что за рѣченькой стоялъ кустикъ,
 15. Стоялъ кустикъ-кустъ раки товъ,
 На кусточкѣ соловейко,
 Соловеюшко сидитъ, громко свищеть,
 Громко свищеть онъ, воспѣваетъ,
 Красныхъ дѣвушекъ унимаеть:
 20. «Не сдавайтесь вы, дѣвки красныя,
 «На солдатскія на обманки:
 «У солдатухекъ дома—горы,
 «Дома—горы каменисты,
 «Межъ домами-то текеть рѣчка,
 «Текеть рѣченька да кровяная,
 «По ней струечка слезеная.»

(Запис. г. Максимовымъ; ср. Сборн. Якушк. 1860 г.).

*

(Вологодск. губ.).

- По Питерской дорожкѣ
 Ъхали обозы ¹⁾,
 За обозами шли матросы ¹⁾,
 Матросики молодые ¹⁾,
- Б. Неженаты, холостые.
 Въ эту пору
 Вышла дѣвушка за водою, 2.
 За холодной, ключевою. 2.
 Матросики дѣвущкѣ говорили: 2.
10. «Ты поѣдемъ, дѣвушка, съ нами,
 «Съ нами, молодцами ²⁾):
 «У насъ жить-то,
 «Дѣвушка, привольно ²⁾,
 «Питья-кушанья довольно ²⁾,
15. «У насъ горы некрутыя ²⁾,
 «У насъ рѣченька Казанка, 2.
 «По ней струйка золотая.»
 Какъ одинъ-то матросъ
 Дѣвущкѣ говорилъ: 2.
20. «Не сдавайся-ко, дѣвушка, на басни, 2.
 «На солдатскіе обманы: 2.
 «У насъ жить-то непривольно,
 «Питья-кушанья-то недовольно, 2.
 «У насъ горы-то крутыя, 2.
25. «Въ горахъ камешки простые, 2.
 «Прошла рѣчка слезеная ³⁾,
 «По ней струйка кровяная.»

(О. Студитскій, 1841 г.).

*

¹⁾ Последнее слово повторяется.— ²⁾ То же.— ³⁾ То же.—0.

3.

Шли матросы,
 За матросами солдаты,
 За солдатами обозы;
 Они шли-прошли слободою,

- Б. Идѣть дѣвушка за водою;
 Зовутъ дѣвушку за собою:
 « Пойдемъ, дѣвушка, съ нами,
 « Съ нами до Казани:
 « Отъ Казани Питеръ ¹⁾ не далече;
10. « У насъ во Питерѣ жизнь—приволье,
 « У насъ горюшки сахарныя,
 « У насъ ключики медовые.»
 — Солдагушки, вы не обманывайте,
 — Я сама, дѣвушка, про то знаю:
15. — У васъ горюшки головныя,
 — У васъ ключики кровавые,
 — У васъ бережки ледяныя.—

(Пѣсня тюльчан).

*

4.

(Тверск. губ.).

Шли-прошли обозы,
 За обозами матросы;
 Они шли-прошли слободою,
 Звали Дунюшку съ собою:

- Б. « Пойдемъ, Дуняшка,
 « Пойдемъ съ нами:

1) Питеръ и другіе города, вмѣсто Казани, вставлены позднѣе.—О.

- « У насъ, Дуняшка,
 « Жить привольно,
 « Работать у насъ охотно,
 10. « У насъ дома всё каменные,
 « Текуть рѣчки медовыя,
 « У насъ горы восковыя,
 « Въ горахъ камни дорогіе.»
 — Не обманывайте, солдаты,
 15. — Я сама про всё про то знаю:
 — У васъ домики—палатки,
 — У васъ горы—земляныя,
 — Въ горахъ камни всё простые,
 — Текуть рѣченьки слезовыя.—

(Запис. г. Туринныя).

*

Б.

(Симбирск. губ.).

- Какъ по Московскои
 Было по дорожкѣ,
 Шли-прошли обозы,
 За обозами шли солдаты,
 Б. За солдатами шли матросы,
 Матросы молодые;
 Звали дѣвокъ за собой:
 « Вы пойдите, дѣвки, съ нами,
 « Съ нами, съ молодцами,
 10. « Со Донскими козаками:
 « Какъ у насъ въ Москвѣ
 « Житье привольно,
 « Золотой казны довольно,
 « Тутъ текуть рѣчки медовыя,

15. « Круты горы золоты,
 « Во горахъ камни золотые.»
 « Не склоняйтесь, дѣвки, на бѣлы,
 « На солдатскіе на обманы!»

(Запис. Дн. А. Валуевымъ).

6.

(Симбирск. губ., Сенгил. уѣзда, въ с. Старомъ Ярматѣ).

Какъ по Питерской было по дорожкѣ,
 Тутъ шли-прошли обозы,
 За обозами шли солдаты,
 Солдатушки молодые, новобранны;

5. Они шли-прошли слободою,
 Звали дѣушекъ съ собою:
 « Вы пойдете, дѣвки, съ нами,
 « Съ нами, добрыми молодцами,
 « Со Уральскими козаками:

10. « У насъ дѣушкамъ жить привольно,
 « Горы-долы у насъ золотые,
 « Во горахъ камни дорогіе,
 « Бѣжить рѣчушка медовѣя,
 « По рѣчушкѣ растеть малина ¹⁾

15. « И сладка ягода малина.»

¹⁾ Калина.—0.

(Бѣлая Русь).

- Ишли-пройшли всё обозы,
 Ишли да пройшли слободою,
 Звали яны дѣвушакъ за собою:
 «Идѣти вы, дѣвушки, всё и зъ нами,
 5. «Всё и зъ нами, за нашими обозами:
 «Въ нашей жа сторонѣ добро жить,
 «У насъ жа то гóрушки грумовыя,
 «По горáхъ камушки золотыя,
 «У насъ жа то рѣчушки мядовыя,
 10. «У насъ жа то травица шоуво́вица!»
 — А ня прѣ́да ваша, соудатушки:
 — У вашей жа сторонѣ худо жить,
 — У васъ жа то гóрушки кулявыя ¹⁾,
 — У васъ жа то по горáхъ камушки круповыя,
 15. — Рѣчушки кривавыя,
 — А по лугáхъ травица всё матица.—

* *
*

¹⁾ Изъ пузь, изъ ядерь. — 0.

Помочь Царю подь Казанью.

I.

1.

(Симбирск. губ., с. Языково).

Не ясные соколики солеталися,
[Не] Персидскіе Мазуры ¹⁾ собиралися,
Они думали—гадали думу крѣпкую,
Думу крѣпкую за единую:

5. «А кому-то намъ, ребята, атаманомъ быть,
«Атаманомъ быть, есауломъ слыть?
«Атаманомъ быть Степанушкѣ,
«Есауломъ слыть Никитушкѣ ²⁾»»

- Есаулъ рѣчь взговорилъ, — во трубу вострубилъ,
10. Атаманъ рѣчь взговорилъ, — во свирѣль разыгралъ:
«Какъ не полно намъ, ребята, на моряхъ стоять,
«Не пора ли намъ, ребяташки, во Россіюшку итти?
«Какъ подь городомъ по Казанью стоитъ Бѣлый Царь,
«Стоитъ Бѣлый Царь, Царь Иванъ Васильевичъ:
15. «Онъ не годъ стоялъ, не два года,
«Онъ стоялъ ровно семь годовъ:
«Не взявши Казань горюеть, хочеть прочь итти.
«Пойдемте-ка, ребяташки, на подмогушку,

¹⁾ Мазуры, Мазурушки — Мурзы, мурзушки: и ниже. — ²⁾ И ниже без-
прерывная смѣна именъ — Ермака, Стеньки Разина и Никиты Романо-
вича. — 0.

- « [На подмогушку] въ Волгу матушку!
20. « Еще какъ-то намъ, ребята, городà пройти?
 « Астраханское славно царство пройдемъ съ вечера,
 « А Царицынъ городочикъ во глухую полночь,
 « А Саратовъ славный городъ на бѣлой зарѣ,
 « Вольской и Хвалынской средь бѣла дня,
25. « Сызрану и Самарѣ не поклонимся,
 « Въ Жегулевскіихъ крутыхъ горахъ остановимся;
 « Мы вобьемъ-ка приколушки пихтовые,
 « Мы чалики зачалимъ шелковыя,
 « Мы сходенки положимъ кипарисовыя,
30. « Мы сойдемте-ка, ребята, на сухой берегъ,
 « Мы взойдемте-ка, ребята, на крутой берегъ,
 « Поглядимъ-ка, ребята, съ горы подъ гору,
 « Разобьемте-ка, ребятушки, три суденушка,
 « Мы пошлемте-ка, ребятушки, записочки
35. « Царю Ивану Васильевичу:
 « Возьму городъ Казань въ три часа!»

*

2.

(Сызрань).

- « Не полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять,
 « Не пора ли намъ, братцы, возвратиться?
 « Подъ Казанью городочкомъ стоитъ
 « Бѣлый Царь Иванъ Васильевичъ:
5. « Мы пойдете-ка на помощь къ нему!
 « Мы Астрахань городочекъ пройдемъ съ вечера,
 « А Саратовъ городочекъ на бѣлой зарѣ,
 « А Самарѣ городочку мы поклонимся,
 « Въ Жигулевскихъ горахъ мы остановимся:

10. « Шатрики раскинемъ шелковые,
 « Приколочки поставимъ дубовые,
 « Сядемте, братцы, позавтракаемте,
 « По рюмочкѣ мы выпьемъ, — поздравствуемъ,
 « По другой мы выпьемъ, — пѣсни запоемъ,
 15. « Погуляемъ да въ путь пойдёмъ
 « Подъ Казань городокъ!»

*

3.

(Саратовъ).

Какъ далеченько, далеченько во чистомъ полѣ,
 Да еще того подалѣй — на синѣмъ морѣ,
 Какъ на синемъ морѣ было на Каспискіимъ,
 Что на славномъ было островѣ на Персидскіимъ,

5. Собиралися музуры, добры молодцы.
 Они думушку гадали всѣ великую,
 Думу крѣпкую гадали за единую:
 « Вотъ кому изъ насъ, ребятушки, атаманомъ быть,
 « Да кому изъ насъ, ребятушки, есауломъ слыть?
 10. « Атаманомъ быть Ермилу Тимоѣичу,
 « Есауломъ слыть Никитушкѣ Романычу.»

Атаманъ-то рѣчь возговорить, что въ трубу трубить,
 Есауль-то рѣчь возговорить, какъ въ свирѣль играть:
 « Не пора ли намъ, ребята, со синя моря,

15. « Что на матушку на Волгу, на быстру рѣку?
 « Еще какъ-то намъ, ребята, города пройти?
 « Астраханское славно царство пройдемъ съ вечеру,
 « А Царицынъ городочикъ во глуху полночь,
 « А Саратовъ на бѣлой зарѣ,
 20. « Мы Самарѣ городочку не поклонимся,
 « Въ Жигулѣвскихъ горахъ мы остановимся:

- « Вотъ мы чалочки причалимъ все шелковыя,
 « Вотъ мы сходенки положимъ все кедровыя,
 « Атаманушку сведемъ двое подъ руки,
 25. « Есаулушка, ребятушки, — онъ самъ сойдетъ.»

- Какъ возговорить нашъ батюшка атаманушка:
 « Еще какъ-то намъ, ребята, Казань городъ брать?
 « Вотъ подъ городомъ Казанью стоитъ Бѣлый Царь,
 « Стоитъ Бѣлый Царь, Иванъ сударь Васильевичъ,
 30. « Онъ не много и не мало стоитъ — семь годовъ,
 « Онъ подкопушки подкапывалъ все на семь верстъ,
 « Калены стрѣлы пускалъ безсчѣтныя:
 « Мы пойдѣмъ-ка же, ребята; на подмогу къ нимъ!»

(Запис. А. Н. Пасхаловою; ср. Изв. А. Н.).

* *

II.

1*).

(Симбирск. губ., с. Головино).

- Далече-далече, во чистомъ полѣ,
 Еще подаль, на синѣмъ морѣ,
 На синѣмъ морѣ, на возморяцѣ,
 Выплывали-выгребали добры молодцы,
 5. Славные мазурушки Персидскіе.
 Становились добры молодцы на зеленый лугъ,
 Сходились добры молодцы во единый кругъ,
 Думали крѣпку думу за единую:
 « Кому-то у насъ, братцы, атаманомъ быть?
 10. « Атаманомъ быть Ермохѣ Тимоеенчу,
 « Есауломъ быть Никитѣ Иванычу.»

*) Слѣдующій за сими отдѣлъ, мало по малу забывая о Казани, Иванъ Васильевичъ и Бѣломъ Царѣ, переходитъ къ простымъ Молодецкимъ и Безимяннымъ пѣснямъ. — 0.

- По кругу Ермакъ похаживаетъ,
 Козакамъ добрымъ молодцамъ приказываетъ:
 «Пойдемте-ка, робята, во Казань городъ;
 15. «Подъ городомъ Казанью стоитъ Бѣлый Царь,
 «Онъ стоялъ семь годовъ,
 «На восьмомъ годочкѣ хочетъ прочь идти:
 «Пойдемте, робята, поклонимся Бѣлому Царю!
 «Казанскому губернатору не покóримся,
 20. «Саратовску губерню съ вечера пройдемъ,
 «Царицынъ городочекъ во глуху полночь,
 «Въ Жегулевскихъ горахъ остановимся,
 «Остановимся, расположимся.»

(Доставл. П. М. Языковымъ).

*

2.

(Тамъ же)»

- Далече-далече, во чистомъ полѣ,
 А еще того подалѣ,—на синемъ морѣ,
 На синемъ морѣ на Каспійскиѣмъ,
 Не ясные соколы солеталися,
 Б. Сходились-собирались добры молодцы,
 Заславные ¹⁾ музурушки Персидскіе.
 Они думали думу крѣпкую за единую,
 Выбирали они атаманушку походнаго.
 Атамана-тъ говорить, какъ въ трубу трубить,
 10. А есаула-тъ говорить, какъ во свирѣль играть.
 «Ой вы гой еси, дружья-братья, товарищи!
 «Надобно намъ, братцы, атаманушку
 «И надобно дороднымъ есаулушку:
 «Атаманомъ быть Никитушкѣ Романычу,

¹⁾ Разславные, преславные. —0.

15. «Есауломъ слыть Ермиль Тимошеичу 1).»

« Не полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять,
 « Не пора ли намъ, дороднымъ, на свѣжѹ воду,
 « На свѣжую воду — на Волгу, на Волгу матушку?
 « И станемъ разбивать бусы-карабли.

20. « Бусы-карабли и лодки легкія.»

(Отъ того же).

*

3.

(Городъ Сямбирскъ).

Какъ далече было—далѣ, во чистомъ полѣ,
 А еще того подалѣ, — на синемъ морѣ,
 Какъ на славномъ морѣ было на Каспійскіемъ,
 Вотъ не ясны тутъ сокблы слеталися,

5. Собиралися морзорушки Каспійскіе,
 Еще стары бродяги безпашпортные,
 Безпашпортные хайлы, да все разбойнички.
 Они думали тутъ думушку за единое:

« Да кому, де, изъ насъ, братцы, атаманомъ быть,

10. « И кому изъ насъ, удалы, есауломъ слыть?
 « Атаманомъ быть Ермакъ — сынъ — Тимошеичу,
 « Есауломъ слыть Никитѣ — сынъ — Иванычу.»»

Атаманъ—то говорилъ, какъ въ трубу трубилъ,
 Есауль—то говорилъ, какъ въ свирѣль игралъ:

15. « Еще полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять,
 « Не пора ли намъ, удалы, воротитися
 « Какъ во славную во нашу мать Россіюшку?
 « Астрахань мы городочекъ съ вечера пройдемъ,

1) Переставлены рѣчи товарищей и атамана.—0 .

- « А Царыцынъ городочекъ на бѣлой зарѣ,
 20. « Мы Самарѣ городочку тутъ поклонимся,
 « Въ Жигулевскихъ мы горахъ жить остановимся.»

(Доставл. П. И. Курьемытъ).

*

4.

(Отъ Самары до Ставрополя по Волгѣ).

- На морѣ стояли разбойнички семь годовъ,
 Разбивали они суда-корабли ¹⁾,
 Что ²⁾ Армянски, Татарски и купечески.
 Они думали-гадали думу крѣпкую за единое ³⁾:
 5. « А кому у насъ, ребята, атаманомъ ⁴⁾ быть?
 « Атаманомъ быть Ивану Тимоеевичу ⁵⁾,
 « Есауломъ быть Никитушкѣ Васильевичу ⁶⁾.
 « А и какъ-то намъ будетъ ⁷⁾ городъ пройти?
 « Слану Астрахань-то мати ⁸⁾ пройдемъ съ вечера,
 10. « А Саратовъ и Дубовку на бѣлой зарѣ,
 « Мы Самарѣ городишку ⁹⁾ не поклонимся,
 « Въ Жигулинскихъ горахъ остановимся;
 « Какъ мы колышки вколотимъ кленовые,
 « А причалами причалимся шелковыми,
 15. « Атаманушка Иванушка ¹⁰⁾ сведемъ подъ руки,
 « Есаулушко Никитушка и самъ сойдеть.»

(«Москов. Вѣдом.» 1861, № 210).

*

1) Разнорѣч. *Варенц.*, «Сборн. Пѣс. Самарск. края» 1862: «судна-корабли.» — 2) *Вар.* пѣтъ. — 3) *Вар.* «за единую.» — 4) *Вар.* «атаману;» и ниже. — 5) *Вар.* «Тимоеичу.» — У *Костомар.* «Степану Тимоеичу.» — 6) *Вар.* «Есаулу... Васильеву.» — 7) *Вар.* «Какъ-то намъ, ребятушки.» — 8) *Вар.* «Астрахань-то, слану мати.» — 9) *Вар.* «городишки.» — 10) «Атаманушку Иванушку.» — 0.

5.

(Сибирск. губ., с. Головино).

Далече-далече, во чистомъ полѣ,
 Еще того далече,—на синѣмъ морѣ,
 На синѣмъ морѣ на Каспійскіемъ,
 На славномъ Черноствѣ, славномъ островѣ,

5. Не ясны соколы солеталися,
 Соходились тутъ удалы-добры молодцы,
 Музурушки Персидскіе.

Они думали крѣпку думушку за единую:

«А пѣ роду мы роду всѣ умны,

10. «А одинъ изъ роду умнѣ всѣхъ:
 «Кому-то у насъ, братцы, атаманомъ быть?
 «Атаманомъ быть Микитушѣ Тимоѣевичу,
 «Есаулошкѣ Ермакѣ Романовичу.»»

Возговорить Микитушка Тимоѣевичъ:

15. «Не пора ли намъ, добрымъ молодцамъ,
 «И не полно ли намъ, добрымъ молодцамъ,
 «На моряхъ стоять?

«Не пора ли намъ, добрымъ молодцамъ,
 «На свѣжѣ воду,

20. «На свѣжую на воду, — Волгу матушку?
 «И сядемъ мы, добры молодцы, во лодки легкія,
 «И станемъ разбивать бусы-карабли
 «И мелки судѣнушки!»

(Доставл. П. М. Языковымъ).

6.

(Той же губ., с. Усть-Урень).

- Какъ далеченько-далеченько, въ чистомъ полечкѣ,
 На синемъ-то на моречкѣ,
 На Черностовскимъ славномъ островѣ,
 Не бѣленькія лебедочки солетались,
 Б. Не ясные соколочки сопорхались,
 Соходилися музурушки Персидскіе,
 Бурлаченъки низовые безпашпортные,
 И собирались они во единый кругъ,
 Они думали-гадали думу крѣпкую за единую:
 0. « Ужъ кому-то изъ насъ, доброму молодцу, атаманомъ быть,
 « И кому-то изъ насъ, доброму молодцу, есауломъ слыть?
 « Атаманомъ быть Матвеешиѣ Тимоеевичу,
 « Есауломъ слыть Никитушиѣ Романовичу.»

- Атаманушка по округѣ похаживаетъ,
 Б. Онъ серебряной своей тростонькой помахиваетъ.
 Атаманъ рѣчь возговорить, — въ трубу струбить,
 Есаулушка слово молвить, — какъ въ свирѣль заиграть.

- « Ужъ какъ-то намъ, ребятушки, протить въ славный Астра-
 хань,
 « Ужъ какъ-то намъ будетъ, ребятушки, по базару гулять,
 10. « Ужъ чего-то намъ будетъ, братцы, на базарѣ закупать?
 « Ужъ мы закупимъ нашему атаманушиѣ коня добраго,
 « Еще купимъ мы ему саблю вострую,
 « Есаулушиѣ мы закупимъ ружье огненно,
 « И поѣдемъ гулять по возморьщцу.»

(Запис. П. В. Шейномъ, отъ Н. Картавенно).

7.

(Тамъ же).

- Какъ далеченько-далеченько, во чистомъ полечкѣ,
 А еще того подалече,—на синемъ моречкѣ,
 Какъ на славнымъ на Черноостовскимъ было островѣ,
 Какъ не бѣлыя лебедочки солеталися,
 5. Какъ не ясные соколочки сопорхалися,
 Сходилися музурушки Персидскіе
 И низовые бурлаченки безпашпортные;
 Они думали-гадали думу крѣпкую за единую,
 Выбирали себѣ атаманушку походнаго:
 10. « Ужъ кому-то у насъ, ребята, атаманомъ быть,
 « Ужъ кому-то, разудалые, есауломъ слыть?
 « Атаманомъ быть у насъ Степану Тимоеевичу,
 « А есауломъ слыть Микитѣ Романовичу.»

- Атаманушка самъ по округу похаживаетъ,
 15. Онъ серебряной своей тросточкой помахиваетъ,
 Атаманушка рѣчь возговорить,—какъ въ трубу струбитьъ,
 Есаулъ рѣчь промолвить,—какъ въ свирѣль заиграть.

- « Ужъ какъ-то намъ будетъ, братцы, пройти въ славу Ас-
 трахань?
 « Мы пройдемъ, братцы, въ славу Астрахань въ глухую пол-
 ночь,
 20. « Ужъ и купимъ-то мы, братцы, атаманушкѣ забавушку —
 коня добраго,
 « А есаулу купимъ забавушку—ружье огненное.»

(Записано тѣмъ же, отъ Цыплова).

* *

III.

1*).

(Той же губ., Корсунск. уѣзда, Александровка).

.
 Атаманушка самъ по округу похаживаетъ,
 На нимъ бархатный кафтанчикъ на распашечку,
 Бобровая его шапочка подъ пазухой,
 Сафьянные сапожечки на босу ногу,

- Б. Онъ серебряной своей тросточкой помахиваетъ;
 Атаманушка рѣчь возговорить, — какъ въ трубу стру-
 бить,
 Есаулъ рѣчь промолвить, какъ въ свирѣль заиграть.

«Ужь какъ-то намъ будетъ, братцы, пройти въ
 славу Астрахань?»

«Мы пройдемъ, братцы, въ славу Астрахань въ глухую
 полночь,

10. «Ужь и купимъ-то мы, братцы, атаманушкѣ забавуш-
 ку — коня добраго,

«А есаулу купимъ забавушку — ружье огненное.»

И возговорить атаманъ Степанъ Тимошеевичъ:
 «Подъ Казань городокъ ¹⁾ стоитъ Бѣлый Царь,
 «Ни много, ни мало стоитъ, — семь годовъ,

*) Начало то же, какъ въ пѣсни предыдущей. — Здѣсь, не смотря на позднѣйшія вставки, важны подробности о взятіи Казани и то, что Былина въ концѣ непосредственно связуется съ Былинами о покушеніи на жизнь сына. Старикъ пѣвецъ пѣлъ все это въ связи, но записать успѣли у него лишь отрывки. — 0.

¹⁾ Подъ Казанью городкомъ. — 0

15. « Не взявши Казань городъ, хочеть прочь итти:
 « Пойдемъ-ка, удалые, на подмогу къ нимъ!
 « Волжскій городокъ съ вечера возьмемъ,
 « Царицынъ городокъ во глуху полночь,
 « Мелкимъ городочкамъ не поклонимся,
20. « Казань-то городокъ на бѣлой зарѣ,
 « Во самую во Микольскую во заутреню.»

.
 « Какъ намъ, братцы, пристать къ пристани?

« « Ежели бокомъ пристать, станутъ палить изъ пушекъ,
 « « Ежели кормой пристать, ловить станутъ,

25. « « Ежели пристать носомъ, примуть подъ руки,—
 « — На подмогу ѣдутъ къ намъ.—»

.
 Вотъ Царь Иванъ Васильевичъ шлетъ посланника:

— Ежели бокомъ пристали, палить изъ пушекъ,
 — Ежели кормой пристали, ловить ихъ,

30. — Ежели жь носомъ пристали, принять ихъ подъ руки.—

И призываетъ онъ атамана:

— Скажись ты мнѣ, кто?—

« Слыхалъ ты? Степанъ Разинъ,
 « Тимошеевъ съ молодцами.»

35. — Много ли у тея посланниковъ?—

« Три ста человѣкъ.»

— Во всѣхъ я тея прощаю,

— Только скажи, какъ Казань городъ взять?—

.
 Подвели подкопъ подъ Казанку подъ рѣку,

40. Пулъ порхву казну, затеплили свѣчи на бочкахъ,

И вышли сами подлѣ стѣны,

Въ рукахъ тоже свѣчи держутъ.

Осердился Царь Иванъ Васильевичъ,—

Свѣчи всѣ дошли, а бочки не рветъ;

45. И хочеть его казнить.

« Царь Иванъ Васильевичъ!

« На верху свѣчка теплится,

« Ее вѣтромъ качаетъ.»

Только переговорили, — и зачалò бочку рвать:

50. И полетѣли стѣны, гдѣ кого,

Гдѣ рука, гдѣ Татарска голова.

.

Приѣзжаетъ Царь Иванъ Васильевичъ въ Москву,

Сдѣлалъ пиръ, съѣхались господа къ ему.

Гдѣ хвалится конями, гдѣ хвалится женами хорошими,

55. Кто хвалится крестьянами богатыми ¹⁾.

.

(Записано отъ 80-лѣтняго старика, тѣмъ же).

См. ниже Былины о помянутыхъ въ семь отдѣлѣхъ лицахъ и вообще пѣсни Козацкія.

* *

*

1) Это уже начало Былинъ о покушеніи на смерть сына, которыя см. ниже и которыя начинаются такъ, непосредственно связуясь съ Былинами о взятіи Казани.—0.

Ермагъ. Сибирь покорена *).

Ср. ЕРМАКА ВЪ ВЫП. I-мъ, IV Прилож. и «УКАЗАТЕЛЬ.»

I.

1**).

Какъ на Волгѣ на рѣкѣ, на Камышенкѣ,
Живутъ казаки, люди вольные,
Донскіе, Гребенскіе со Яицкими.
У казаковъ атамнушка ¹⁾

5. По имени Ермилъ сынъ Тимошеевичъ.

- Не золота его ²⁾ трубочка вострубила,
Ни звонкая, ни громкая его рѣчь возговорила,
Говорилъ-то нашъ Ермилъ Тимошеевичъ:
«Ужь вы слушайте, братцы, послушайте,
10. «Дайте мнѣ, Ермилу, думушку придумати:
«Проходить у насъ лѣто теплое,
«Наступаетъ зима холодная,
«Еще гдѣ же намъ, казакамъ, зиму зимовать?
«Намъ на Волгѣ быть—все ворами слыть,
15. «На Яикъ итти—переходъ великъ,
«Подъ Казань итти—Грозенъ Царь стоитъ,

*) Былины этого отдѣла тѣсно связаны съ предыдущими, Козацкими, потому и ставятся въ промежуткѣ между «Взятіемъ Казани» и «Покушеніемъ на сына.»—Ср. «Замѣтку.»—0.

**) Былина странная и сомнительная; ср. «Замѣтку.»—0.

1) «Атаманушка.»—2) «Его» неумѣстно.—0.

- « Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ:
 « У него много силы-арміи,
 « Не мало, не много,—сорокъ тысячъ.
 20. « Итти ль, не итти ль, братцы, намъ,—
 « На Иртышъ рѣку:
 « Мы возьмемъ, братцы, Тоболь городъ,
 « И пойдѣмъ къ Царю съ повиною,
 « Возьмемъ Упоръ съ никою.»
25. Ловилъ Ермилъ сынъ Тимоѣевичъ
 Своего не лучшаго ¹⁾ коня,
 Вдѣвалъ свою уздечку тесмянную,
 Накладывалъ портники ²⁾ бѣлы бумажны,
 И накладывалъ свое сѣдельцо Черкасское,
 30. Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
 Не для красы, а для крѣпости,
 Садился Ермилъ на своего добра коня,
 И поѣхалъ къ Царю своему съ повинною.
- Пѣшкомъ идетъ Ермилъ—свою силу-ведеть,
 35. Онъ идетъ потихохоньку и почастехоньку;
 Подѣзжаетъ онъ къ широку дворцу,
 Къ широку дворцу къ царскому,
 Ко крылечку окрашенному ³⁾.
 Онъ слѣзъ, Ермилъ, съ добра коня,
 40. Потихохоньку и почастехоньку ⁴⁾,
 Онъ пошелъ, Ермилъ,
 Во царски бѣлыя полатушки,
 Онъ идетъ, Ермилъ сынъ Тимоѣевичъ,
 Потихохоньку и почастехоньку ⁵⁾;
 45. Онъ взомелъ во царски бѣлы во палатушки:
 « Ты здорово, батюшка нашъ, православный Царь,
 « Иванъ сынъ ⁶⁾ Васильевичъ!

¹⁾ Ни лучшаго, самаго лучшаго.— ²⁾ Потники.— ³⁾ Странно (вмѣсто «красному»).— ⁴⁾ Слѣзъ «почастехоньку!»— ⁵⁾ почастехоньку.— ⁶⁾ Народъ сказалъ бы «сударь.»— 0.

- « Я прѣхалъ къ тебѣ, Ермилъ, съ повинною.
 « Я шатался-мотался, Ермилъ,
 50. « По чисту полю и по синю морю,
 « Разбивалъ я, Ермилъ. бусы-корабли,
 « И Таксырскіе, и бусурманскіе,
 « А больше корабли государевы,
 « Государевы карабелички безъ примѣтушокъ,
 55. « Безъ царскаго герба...
 Да возговорилъ нашъ батюшка, православный Царь:
 — Ужь вы гой еси, князья-бояре
 — И думные мои боярушки ¹⁾!
 — Еще что мнѣ дѣлать надъ Ермиломъ:
 60. — Иль казнити, иль вѣшати?—

- Да возговорилъ одинъ думчій бояринъ:
 «« Еще мало намъ Ерила
 «« Казнити-вѣшати!»»
 Да возговорилъ Ермилъ сынъ Тимоѳеевичъ:
 65. « Злодѣй бояринъ, не царскій думчій!
 « Безъ суда хочешь меня казнити-вѣшати!»
 Богатырска его сила подымалася
 И богатырская его кровь разгоралася,
 Вынималъ Ермилъ изъ своихъ ноженъ саблю острую:
 70. Буйна голова отъ плечь могучихъ отвалилася ²⁾
 И по царскимъ палатамъ покатилася.
 Ермакъ въ бѣдѣ сидитъ, бѣдой крутитъ,
 А думчїе боярушки испугалися,
 Изъ царскихъ палатушекъ разбѣжались,
 75. А царская хорантина ³⁾ перемѣнялась.

(Ср. Сахар., «Пѣсни Р. нар.», ч. 4).

Объясненіе этой передѣланной Былины находится въ слѣдующей:

* *

¹⁾ Бояре и боярушки!— ²⁾ Народъ сказалъ бы: «съ плечь повалилася.»—
³⁾ Вѣроятно хорунжіе: но какъ попало сюда это слово?—О.

II.

1 *).

- Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
 Что пониже было города Саратова,
 А повыше было города Камышина,
 Собирались козаки, други, люди вольные,
 5. Собирались они, братцы, во единъ ¹⁾ кругъ,
 Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе;
 Атаманъ у нихъ Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
 Есаулъ у нихъ Асташка сынъ Лаврентьевичъ;
 Они думали думушку всё единую:
 10. « Ужъ какъ лѣто проходить, лѣто теплое,
 « А зима настаетъ, братцы, холодная:
 « Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
 « На Яикъ намъ иттить, — да переходъ великъ;
 « Да на Волгѣ ходить намъ, — всё ворами слыть;
 15. « Подъ Казань градъ иттить ²⁾, — да тамъ Царь стоитъ,
 « Какъ Грозной-то Царь Иванъ Васильевичъ,
 « У него тамъ силы много множество:
 « Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
 « А намъ, козакамъ, быть переловленнымъ,
 20. « Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсоженнымъ.»

- Какъ не золотая трубушка вострубила,
 Не серебряная — рѣчь громко возговорить,
 Рѣчь возговорить Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ:
 « Гей вы, думайте, братцы, вы подумайте,
 25. « И меня, Ермака, братцы, послушайте:
 « Зазимуемъ мы, братцы, всё въ Астрахани,
 « А зимою мы, братцы, поисправимся;

*) Сахаровъ напечаталъ съ измѣненіями, которыя укажемъ. — 0.

1) Сахар. «во единый.» — 2) Сахар. «идти.» — 0.

- « А какъ вскрыется весна красная,
 « Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдемъ,
 30. « Мы заслужимъ предъ Грознымъ Царемъ вину свою:
 « Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
 « Да по синему морю по Хвалынскому,
 « Разбивали мы, братцы, бусы-корабли,
 « Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,
 35. « Мы убили посланничка все царскаго ¹⁾,
 « Какъ того-то вѣдь посланничка Персидскаго.»

- Какъ во славномъ было городѣ во Астраханѣ ²⁾,
 На широкой на ровной было площади,
 Собирались козаки, други, во единый кругъ,
 40. Они думали думу крѣпкую,
 Да и крѣпкую думушку единую:
 « Какъ зима-то проходить всё холодная,
 « Какъ и лѣто настанетъ ³⁾, братцы, лѣто теплое:
 « Да пора ужь намъ, братцы, въ походъ иттить.»

45. Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимофеевичъ:
 « Ой вы гой еси, братцы, атаманы молодцы!
 « Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
 « Забивайте вы кочета ⁴⁾ еловые,
 « Накладайте бабаички ⁵⁾ сосновые,
 50. « Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью ⁶⁾,
 « Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣ
 « Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
 « Доберемся мы до царства бусурманскаго,
 « Завоюемъ мы царство Сибирское,
 55. « Покоримъ его мы, братцы, Царю Бѣлому,
 « А царя-то Кучума во ⁷⁾ полонъ возьмемъ:
 « И за то-то государь Царь насъ пожалуетъ;

¹⁾ Сахар. «не царскаго.» — ²⁾ Сахар. «Астрахани.» — ³⁾ Д. б. «настаетъ.
⁴⁾ Вбитые въ бортъ колышки, на которые надѣваютъ весло. — ⁵⁾ Весла
⁶⁾ Сахар. «помощью.» — ⁷⁾ Сахар. «въ.» — 0.

- « Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
 « Я надѣну тогда шубу соболиную,
 60. « Я возьму куницу шапочку подъ мышечку,
 « Принесу я Царю Бѣлому повинную:
 « — Ой ты гой еси, надежа, православный Царь!
 « — Не веди меня казнить, да веди рѣчь говорить:
 « — Какъ и я-то, Ермакъ сынъ Тимоеевичъ,
 65. « — Какъ и я-то, воровской Донской атаманушка,
 « — Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
 « — Что по синю морю по Хвалынскому,
 « — Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы-корабли,
 « — Какъ и тѣ-то корабли всё не орленые;
 70. « — А теперича, надежа, православный Царь,
 « — Приношу тебѣ буйную головушку
 « — И съ буйной головой царство Сибирское ¹⁾!—»

Рѣчь возговорить надежа православный Царь,
 Какъ и Грозной-то Царь Иванъ Васильевичъ:

75. « Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Тимоеевичъ,
 « Ой ты гой еси, войской ²⁾ Донской атаманушка!
 « Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
 « Я прощаю тебя да за твою службу,
 « За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
 80. « И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный-тихой Донъ!»

(Изъ «Русск. Старинъ» Карпиловича).

* *

¹⁾ Отселъ рѣчь забывается и переходитъ въ самое дѣло, какъ будто Ермакъ уже пришелъ и сказалъ. — ²⁾ Выше «воровской.» — 0.

III.

1.

(Орловск. губ.).

Какъ было при старомъ при Царѣ при Иванѣ Ва-
сильевичѣ,

Было время нехорошее, время нездоровое:
Только слышишь брани-драки, всё-то буйныя дѣла!
Вотъ настало времечко счастливое:

5. Ужь и сталь-то Грозный Царь Россеюшку любить,
Сталь Россеюшку любить, чужи страны съ ней сводить.

Проявился въ Сибири славный-крѣпкій казакъ,
Славный-крѣпкій казакъ, по прозванію Ермакъ.

- Ужь какъ этотъ-то Ермакъ, онъ сражался—не робѣлъ,
10. Онъ сражался—не робѣлъ, всей Сибирью завладѣлъ.
Завладѣвши всей Сибирью, онъ Царю послалъ поклонъ:
« Ты прими, де, Грозный Царь, ты поклонъ отъ Ермака,
« Посылаю тѣ въ гостинецъ всю Сибирскую страну,
« Всю Сибирскую страну: дай прощенье Ермаку!»

(Отъ раскольника старика).

* *

IV.

1*).

(Кирша Даниловъ).

- На славной Волгѣ рѣкѣ, на верхней изголовѣ ¹⁾,
 [На верхней изголовѣ,] на Бузанѣ островѣ,
 На крутомъ-красномъ берегу,
 На желтыхъ-разсыпныхъ пескахъ,
 б. А стояли бесѣды, что бесѣды дубовыя,
 Изподернуты ²⁾ бархатомъ;
 Во бесѣдочкахъ тутъ сидѣли атаманы козачіе,
 Ермакъ Тимоѣевичъ, Самбуръ Андреевичъ,
 [Самбуръ Андреевичъ,] Анофрій Степановичъ:
 10. Они думушку думали за единою,
 Какъ про дѣлю ратное, про добычу козачую.

Что есаулъ ходитъ по кругу, по Донскому, Яшцко-
 му,

Есаулъ кричитъ голосомъ, во всю буйну голову:

«А и вы гой еси, братцы, атаманы козачіе!

15. «У насъ кто на морѣ не бывалъ,

«[На морѣ не бывалъ,] морской волны не видалъ,

«Не видалъ дѣла ратнаго, человекъ кроваваго,

«Отъ желанья тѣ Богу не маливались:

«Останьтесь таковы молодцы на Бузанѣ островѣ!»

*) Слѣдующія двѣ Былины, хотя и пѣлись въ рознь, на разный голосъ, но составляютъ одно цѣлое, въ которомъ первая половина ближе къ пѣснямъ предыдущимъ, а вторая отличается особыми подробностями и полнотою, доходя до смерти Ермака; ср. «Замѣтку».—О.

¹⁾ Въ головахъ, сверху.—У Калайдовича раздѣлены стихи иначе.—²⁾ Должно быть прибавлено: «бесѣды.»—О.

20. И сѣдѣлися молодцы во свои струги легкіе,
Они грянули, молодцы, внизъ по матушкѣ,
[Внизъ по матушкѣ] Волгѣ рѣкѣ ¹⁾,
По протокѣ по Ахтубѣ;
А не ярые гоголи на сине море выплыли,
25. Выгребали тутъ козаки среди моря синяго;
Противъ Матицы ²⁾ острова легки струги выдерживали,
И веселчки разбрасывали, майданы ³⁾ разставляли,
Ковры раздергивали, ковры тѣ Сорочинскіе,
И бесѣды дубовыя, подернуты бархатомъ;
30. А играли козаки золотыми тавлеями,
Дорогими вальящатыми ⁴⁾.
Посмотрятъ козаки, они, на море синее,—
Отъ того зеленаго отъ дуба крековистаго,
Какъ бы бѣль забѣлѣлася, будто чернь зачернѣлася,
35. Забѣлѣлися на корабляхъ парусы полотняные
И зачернѣлися на морѣ тутъ двѣнадцать кораблей:
А бѣгутъ тутъ по морю
Славны гости ⁵⁾ Турецкіе. со товары заморскими.
А увидѣли козаки тѣ корабли червленныя,
40. И бросалися козаки на свои струги легкіе,
А хватали козаки оружье долгомѣрное
И три пушечки мѣдныя,
Напущалися козаки на двѣнадцать кораблей,
Въ три пушечки гунули, а ружьемъ вдругъ грянули:
45. Турки, гости богатые,
На корабляхъ отъ того испужалися,
Въ сине море металися,
А тѣ товары заморскіе
Козакамъ доставалися,

¹⁾ Это одинаково значить и «гребнули,» грянули веслами, и грянули пѣсно «Внизъ по матушкѣ»: то и другое тѣсно соединяется въ самой этой пѣсни («Гринемте, братцы! Дунь, грянь!»); — ср. Былины выше. — ²⁾ Это можетъ быть и нарицательнымъ именемъ, — середняя верхушка, середина поверхности. — ³⁾ Помѣщенія для сборища, на стоянкѣ. — ⁴⁾ Ср. прежніе выпуски. — Выше показанъ образецъ, какъ дополнять эти короткіе стихи. — ⁵⁾ Торговцы.—О.

50. А и двѣнадцать кораблей.
 А на тѣхъ корабляхъ одна не пужалася,—
 Душа красная дѣвица,
 Молода Урзамовна, мурзы дочь Турсаго.
 Что сговорить дѣвица:—Не троньте меня, козаки,
55. — Не губите моей красоты,
 — А и вы везите меня, козаки,
 — Къ сильну царству Московскому, государству Рос-
 сійскому,
 — Приведите, козаки, меня въ вѣру крещеную.—
 Не тронули козаки душу красну дѣвицу,
60. И посадили во свои струги легкіе.

- А и будутъ козаки на протокѣ на Ахтубѣ,
 И стали козаки на крутомъ-красномъ бережку,
 Майданы разставляли, майданы тѣ Терскіе,
 Ковры Сорочинскіе, а бесѣды разставляли,
65. А бесѣды дубовыя, подернуты бархатомъ,
 А столы—дорогъ рыбій зубъ ¹⁾;
 А и кушали козаки тутъ они кушанье разное,
 И пили питья медвяныя, питья все заморскія.
 И будутъ козаки на великихъ на радостяхъ,
70. [На великихъ на радостяхъ] со добычи козачія,—
 Караулы ставили, караулы крѣпкіе, отхожіе,
 Сверху матки Волги рѣки,
 И съ низу таковыя жь стоятъ,—
 Запилися, молодцы, а всѣ они до одинаго.
75. А втапору и во то время на другой сторонѣ
 Становился стоятъ Персидской посольъ,
 Коромышевъ Семенъ Константиновичъ ²⁾,
 Со своими солдаты и матросами.
 Козаки были пьяные, а солдаты не со всѣмъ умомъ,
80. Напущалися на нихъ драться, ради корысти своя.

¹⁾ Ср. прежніе выпуски.— ²⁾ См. это лицо въ Былинахъ ниже, и въ дру-
 гихъ выпускахъ.—0.

- Вѣдалъ ли, не вѣдалъ о томъ Персидской посоль,
 Какъ у нихъ драка сочинилася,—
 Въ той было дракъ Персидскаго посла
 Солдатъ пятьдесятъ человекъ,
 85. Тѣхъ козаки прибили до смерти,
 Только едва остались три человекъ,
 Которые могли убѣжать на корабль,
 Къ своему послу сказывати.
 Не разобралъ того дѣла Персидской посоль,
 90. О чемъ у нихъ драка сочинилася,
 Послалъ онъ сто человекъ,
 Всю ту правду распрашивати.
 И тѣмъ солдатамъ показались ¹⁾,
 Что тѣ люди стоятъ недобрые:
 95. Зачали съ козаками драться.
 Втапоры говорилъ имъ большой атаманъ,
 [Большой атаманъ] Ермакъ Тимофеевичъ:
 «Гой вы еси, солдаты хорошіе, слуги Царя вѣрные!
 «Почто съ нами деретеса, корысть ли отъ насъ полу-
 чите?»
 100. Тутъ солдаты безумные на его слова не славались,
 И зачали драться боемъ-то смертнымъ,
 [Боемъ-то смертнымъ,] что дракою некорыстною.
 Втапоры доложилъ о томъ большой есауль,
 [Большой сауль] Ставѣй Лаврентьевичъ:
 105. «Гой вы еси, атаманы козачи!
 «Что намъ съ ними дѣлати?
 «Солдаты упрямые лѣзутъ къ намъ,
 «[Лѣзутъ къ намъ] съ дракою въ глаза?»
 И на тѣ его слова большой атаманъ,
 110. [Большой атаманъ] Ермакъ Тимофеевичъ
 Приказалъ ихъ до смерти бити
 И бросати въ матку Волгу рѣку.
 Зачали козаки съ ними драться,

¹⁾ Показалось? — 0.

- И прибили ихъ всѣхъ до смерти,
 115. Только изъ нихъ единъ ушелъ капралъ островской,
 И прибѣжавши на свой корабль къ послу Персидскому,
 Семену Константиновичу Коромышеву,
 Сталъ обо всемъ ему рассказывать,
 Кака у нихъ съ козаками драка была.
120. И тотъ Персидской посолъ не размыслилъ ничего,
 Подымался онъ со всею гвардіею своею
 На тѣхъ Донскихъ козаковъ;
 Втапоры жь подымались атаманы козачіе,
 Ермакъ Тимофеевичъ, Самбуръ Андреевичъ,
125. [Самбуръ Андреевичъ] и Анофрій Степановичъ:
 И стала у нихъ драка великая и побоище смертное.
 А атаманы козачіе, сами они не дралися,
 Только своимъ козакамъ цыкнули:
 И прибили всѣхъ солдатъ до смерти,
130. Ушло ли, не ушло—съ десятокъ челоувѣкъ,
 И въ той же дракѣ убили самого посла Персидскаго,
 Семена Константиновича Коромышева.
 Втапоры козаки всѣ животы посла Персидскаго
 Взяли себѣ, платье цвѣтное,
135. Клади въ гору Змѣевую.

- Пошли они, козаки, по протокѣ по Ахтубѣ,
 Вверхъ ¹⁾ по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ;
 А и будутъ козаки у царства Астраханскаго,
 Называется тутъ Ермакъ со дружиною
140. Купцами заморскими;
 А явили въ таможи тѣ товары разные,
 И съ тѣхъ товаровъ платили пошлину
 Въ казну государеву,
 И тѣми своими товарами
145. Торговали безъ запрещенія.

Тѣмъ Старина и кончилась.

*

¹⁾ Должно быть: «внизъ.» — Прим. К. Θ. Калайдовича.

- Во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани,
Противъ пристани матки Волги рѣки,
Сходилися тутъ удалы-добры молодцы,
Донскіе славны атаманы козаціе,
5. Ермакъ Тимоѳеевичъ, Самбуръ Андреевичъ,
[Самбуръ Андреевичъ] и Апофрій Степановичъ.
И стали они во единой кругъ,
Какъ думати думушку за единое,
Со крѣпка ума, съ полна разума.
10. Атаманъ говорилъ Донскимъ козакамъ,
По имени Ермакъ Тимоѳеевичъ:
«А и вы гой еси, братцы, атаманы козаціе!»
«Некорыстна у насъ шутка зашучена:
«Гуляли мы по морю синему
15. «И стояли на протокѣ на Ахтубѣ,
«Убили мы посла Персидскаго
«Со всѣми его солдатами и матросами,
«И всѣмъ животомъ его покорыстовались;
«И какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?»
20. «Въ Астрахани — жить не лзя,
«На Волгѣ жить — ворами слыть,
«На Яикъ итти — переходъ великъ,
«Въ Казань итти — Грозенъ Царь стоитъ,
«Грозенъ Царь осударь Иванъ Васильевичъ;
25. «Въ Москву итти — перехватаннымъ быть,
«По разнымъ городамъ разосланнымъ
«И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ ¹⁾.
«Пойдемте мы въ Усоля ко Строгоновымъ,
«Ко тому Григорью Григорьевичу,
30. «Къ тѣмъ господамъ къ Вороновымъ:
«Воземъ мы много свинцу-пороху и запасу хлѣбнаго.»

1) Вѣроятно «разсоженнымъ», какъ и въ предыдущихъ Былинахъ. — 0.

- И будутъ они въ Усольѣ у Строгонова,
 Взяли запасы хлѣбные, много свинцу-пороху,
 И пошли вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
 35. Гдѣ бы Ермаку зима зимовать ¹⁾.
 И нашли они пещеру каменну,
 На той Чусовой рѣкѣ, на висячемъ большомъ каменю;
 И зашли они сверхъ того каменю,
 Опускалися въ ту пещеру козаки,
 40. Много не мало ²⁾ — двѣсти человекъ;
 А которые остались люди похужѣе, на другой сторонѣ,
 Въ такую жь они пещеру убиралися.
 И тутъ имъ было хорошо зима замовать.

Та зима проходить, весна настаетъ:

45. Гдѣ Ермаку путя искать?
 Путя ему искать по Серебряной рѣкѣ;
 Сталъ Ермакъ убиратися со своими товарищами.
 По Серебряной пошли, до Жаровля дошли,
 Оставили они тутъ лодки коломенки:
 50. На той Баранченской переволокѣ,
 Одну тащили, да надѣлися, тамъ ее и покинули.
 И въ то время увидѣли Баранчу рѣку, — обрадовались,
 Подѣлали боты сосновые и лодки набойницы,
 Поплыли по той Баранчѣ рѣкѣ.
 55. И скоро ³⁾ они выплыли на Тагиль-рѣку,
 У того Медвѣдя камня, у Магницкаго горы ⁴⁾, стано-
 вился;
 А на другой сторонѣ было у нихъ плотбище ⁵⁾:
 Дѣлали большія коломенки,
 60. Чтобъ можно имъ совсѣмъ обратися.
 Жили они тутъ, козаки, съ весны до Троицева ⁶⁾ дня:
 И были у нихъ промыслы рыбные,
 Тѣмъ они и кормилися.

¹⁾ Древнее словосочиненіе. — ²⁾ Не много, не мало, ровно. — ³⁾ Какъ скоро, когда. — ⁴⁾ У Магницкія горы? — ⁵⁾ Мѣсто постройки судовъ. — ⁶⁾ До Троицева; обыкновеннѣе «Тройцннъ.» — О.

- И какъ имъ путь надлежалъ,
65. Совсѣмъ въ коломенки убѣралися,
И поплыли по Тагиль-рѣкѣ;
А и выплыли на Туру рѣку,
И поплыли по той Турѣ рѣкѣ въ Епанчу рѣку:
И тутъ они жили до Петрова дня.
70. Еще они тутъ управлялися,
Подѣлали людей соломенныхъ,
И нашили на нихъ платье цвѣтное:
Было у Ермака дружины триста человекъ,
А стало уже со тѣми больше тысячи.
75. Поплыли по Тоболь-рѣкѣ,
Въ Мяденски юрты приплыли:
Тутъ они князька полонили небольшого,
Дабы показалъ имъ путь по Тоболь-рѣкѣ.
Во тѣхъ устьяхъ Тобольскіихъ,
80. На изголовѣ становилися,
И собиралися во единой кругъ,
И думали думушку за едино:
Какъ бы имъ приплыть къ горѣ Тобольской той?
Самъ онъ, Ермакъ, пошелъ устьемъ верхнимъ,
85. Самбуръ Андреевичъ устьемъ среднимъ,
Анофрій Степановичъ устьемъ нижнимъ,
Которое устье впадо противъ самой горы Тобольск
И выплыли два атамана козачіе,
Самбуръ Андреевичъ и Анофрій Степановичъ,
90. Со своими товарищами на Иртышь-рѣку,
Подъ саму високу гору Тобольскую.
И тутъ у нихъ стала баталія великая
Со тѣми Татары Котовскими:
Татары въ нихъ бьютъ со крутой горы,
95. Стрѣлы летятъ какъ часты дожди,
А козакамъ взять не можно ихъ.
И была баталія цѣлой день,
Прибили козаки тѣхъ Татаръ не мало число.
И тому Татары дивовалися, —

100. Каковы Руски люди крѣпкіе,
 Что ни одинаго убить не могутъ ихъ:
 Каменьхъ стрѣлъ въ нихъ какъ въ снопики налѣплено,
 Только козаки всѣ невредимы стоятъ ¹⁾;
 И тому Татары дивуются наипаче того.
105. Въ то же время пришелъ атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ,
 Со своею дружиною, тою лукою Соуксанскою;
 Дошелъ до устья Сибирки рѣки,
 И въ то время полонилъ Кучума царя Татарскаго;
 А перваго князька, пойманнаго,
110. Отпустилъ со извѣстіемъ
 Ко тѣмъ Татарамъ Котовскимъ,
 Чтобы они въ дракъ съ козаками помирились:
 «Ужь, де, цари вашего во полонъ взяли
 «Тѣмъ атаманомъ Ермакомъ Тимофеевымъ.»
115. И таковы слова услыша, Татары сократились,
 И пошли къ нему, Ермаку, съ подарочками,
 Понесли казну соболиную и бурыхъ лисицъ Сибирскі-
 ихъ:
 И принималъ Ермакъ у нихъ не отсылаючи;
 А на мѣсто Кучума царя утвердилъ Сабанака Татарина,
120. И далъ ему полномочіе владѣть ими.
 И жилъ тамъ Ермакъ съ Покрова
 До зимняго Николина дня:
 Втапоры Ермакъ шилъ шубы соболиныя,
 Нахтармами ²⁾ вмѣстѣ сшивалъ,
125. А теплые мѣхи на верхъ обоихъ сторонъ;
 Таковымъ манеромъ и шапки шилъ.
- И убравши Ермакъ со всѣми козаки ³⁾,
 Отгѣзжалъ въ каменну Москву,
 Ко Грозному Царю Ивану Васильевичу.
130. И какъ будетъ Ермакъ въ каменной Москвѣ,

¹⁾ Дѣло идетъ о соломенныхъ чучелахъ. — ²⁾ Мездрами, пепушистой стороной, выворотами. — ³⁾ Или «убравшись», или «убравши (нарядивши) совсѣмъ козаки (козаковъ).» — О.

- На канунъ праздника Христова дня ¹⁾,
 Втапоры подкупилъ въ Москвѣ
 Большаго боярина Никиту Романовича,
 Чтобы доложилъ объ немъ Царю Грозному.
135. На самой праздникъ—Христовъ день,
 Какъ изволилъ Царь государь итти отъ заутрени,
 Втапоры доложилъ объ нихъ Никита Романовичъ:
 «Что, де, атаманы козаchie,
 «Ермакъ Тимофеевъ съ товарищи,
140. «Къ твоему Царскому Величеству съ повинностью при-
 шли,
 «И стоять на Красной площади.»
 И тогда Царь государь
 Тотчасъ велѣлъ предъ себя привести
 Того атамана Ермака Тимофеева,
145. Со тѣми его товарищи.
 Тотчасъ ихъ ко Царю представили
 Въ тѣхъ шубахъ соболонныхъ;
 И тому Царь удивляется,
 И не сталъ больше спрашивать,
150. Велѣлъ ихъ разослать по квартирамъ,
 До того часу, когда спросятъ.
 Втапоры Царю праздникъ radoшенъ былъ,
 И было пированіе почестное,
 На великихъ на радостяхъ,
155. Что полонилъ Ермакъ Кучума царя Татарскаго
 И вся сила покорилася тому Царю Грозному,
 Царю Ивану Васильевичу.
 И по простествіи того праздника,
 Приказалъ Царь государь
160. Того Ермака предъ себя привести.
 Тотчасъ ихъ собрали
 И ко Царю представили.
 Вопрошаетъ тутъ ихъ Царь государь:
 «Гой ты еси, Ермакъ Тимофеевъ сынъ!

¹⁾ Свѣтлаго Воскресенья. — 0.

165. «Гдѣ ты бывалъ, сколько по волѣ гулялъ
 «И напрасныхъ душъ губилъ,
 «И какимъ случаемъ Татарскаго
 «Кучума царя полонилъ,
 «И всю его Татарскую силу
170. «Подъ мою власть покорилъ?»
 Втапоры Ермакъ предъ Грознымъ Царемъ на колѣни
 палъ,
 И письменное извѣстіе обо всемъ своемъ походе
 подавалъ ¹⁾,
 И при томъ говорилъ такыя слова:
 — Гой еси, вольной Царь, Царь Иванъ Васильевичъ!
175. — Приношу тебѣ, осударь, повинность свою:
 — Гуляли мы, козаки, по морю синему,
 — И стояли на протокъ на Ахтубѣ;
 — И въ то время годилося мимо итти послу Персид-
 скому,
180. — Коромышеву Семену Константиновичу,
 — Со своими солдаты и матросами;
 — И они напали на насъ своею волею,
 — И хотѣли отъ насъ поживитися;
 — Козаки наши были пьяные, а солдаты упрямые,
185. — И тутъ Персидскаго посла устукали
 — Со тѣми его солдаты и матросами.—
 И на то Царь государь не прогнѣвался,
 Но и паче ²⁾ умилосердился,
 Приказалъ Ермака пожаловати.
190. И посылалъ его въ ту сторону Сибирскую,
 Ко тѣмъ Татарамъ Котовскимъ,
 Брать съ нихъ дани-выходы въ казну государеву.
 И по тому приказу государеву,
 Поѣхалъ Ермакъ Тимофеевичъ

¹⁾ Въ Былинѣ не только перебито стихосложеніе, не только она ниспускается до такъ называемой «бабьей Старины», но даже и до простаго Сказанія.—²⁾ Напаче, напаче?—0.

195. Со своими козаками въ ту сторону Сибирскую.
И будетъ онъ у тѣхъ Татаръ Котовскіихъ,
Сталъ онъ ихъ больше ¹⁾
Подъ власть государеву покарятъ,
Дани-выходы безъ запущенія выбирать.
200. И годъ-другой тому времени поизойдучи,
Тѣ Татары взбунтовалися ²⁾,
На Ермака Тимоеева напущалися,
На той большой Енисей-рѣкѣ.
Втапоры у Ермака были козаки разосланы
205. По разнымъ дальнымъ странамъ,
А при немъ только было козаковъ—
На дву коломенкахъ.
И билися-дралися съ Татарами время не малое.
И для помощи своихъ товарищевъ,
210. Онъ, Ермакъ, похотѣлъ перескочити
На другую свою коломенку,
И ступилъ на переходню обманчивую,
Правою ногою поскользнулся онъ,
И та переходня съ конца верхняго
215. Подымалася и на его опуцалася,
Разшибла ему буйну голову
И бросила его въ тое Енисей-быстру-рѣку:
Туть Ермаку такова смерть случилась ³⁾.

При Былвахъ этого отдѣла ср. другія Былны ниже, въ другихъ выпускахъ, и вообще
Цѣли Козацкія.

* *
*

¹⁾ Набольшихъ?— ²⁾ Свобода словосочиненія («поизойдучи—взбунтовалися»), весьма часто встрѣчаемая въ народномъ творествѣ.— ³⁾ «Случилась» или «случилася», судя по стихосложенію и напѣву.—О.

Царь хочетъ убить сына *).

I.

1.

(Владимірск. губ., Константиновская волость).

У насъ было во матушкѣ въ каменной въ Москвѣ,
У Царя было Ивана Васильевича,
Былъ у него почетный пирь,
Было у него столованія великое:

5. Свѣзжались князья и боляра,
Сильные-могучіе богатыри,
И вся поленица ¹⁾ удалая.

Пирь на полу-пирь,
А столъ на полу-столъ,

10. Поль-сыта бояры наѣдались,
Поль-пьяна боляры напивались,
Грозный Царь Иванъ Васильевичъ распотѣшился,
Самъ по палатупкамъ похаживаль,
Во красное окно поглядываль,

15. Черныя кудри разчесываль частымъ гребешкомъ,
Самъ говоритъ таковыя словеса,
Онъ сказалъ боярамъ: «Пейте и проклажайтеся,

*) Какъ сказано, Былины слѣдующаго разряда, о покушеніи на жизнь сына, непосредственно связываются со «взятіемъ Казани.» Въ промежуткѣ поставлены у насъ Былины «О помочи подъ Казанью и Ермакъ,» потому, что и эти послѣднія, съ другой стороны, также связаны съ Казанью. — 0.

¹⁾ См. прежніе выпуски. — 0.

- «Ничѣмъ собою не похвалитесь ¹⁾);
 «Вывелъ я измѣны изъ своей земли,
 20. «Вывезъ Перфила ²⁾ изъ Царя-града!»
 Да иной о немъ дрогнули ³⁾,
 И царство ужаснулись ⁴⁾,
 Не знаютъ отвѣта дать:
 Большой за малаго хоронится,
 25. А малаго за большимъ давно не знать.
 Выходить-выступаетъ Великій Князь,
 Молодой Иванъ Ивановичъ,
 Самъ говорить такія словеса:
 — Отселя ⁵⁾ мой родной батюшка,
 30. — Грозной мой Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Поизволите ль слово молвить,
 — Не вели за слово повѣсить,
 — Не будь опалить ⁶⁾ за мои словеса:
 — Помнишь ли и памятуешь ли,
 35. — Какъ стояли подъ городомъ и по Дѣвонскія ⁷⁾?
 — Много мы силы потратили:
 — Была у насъ измѣнушка великая
 — Отъ твоего сына порожденнаго,
 — Отъ молода Оѣдора Иванова.—
 40. Грозенъ Царь опалается
 На своего сына порожденнаго Оѣдора Ивановича:
 «У мене ли не стало ли грозныхъ полачей?»
 Сходилось полачей всё десятками,
 Сходилось полачей и полуторами,
 45. Не знаютъ полачи, какъ отвѣту дать:
 Большой за малаго хоронится,
 А малаго за большимъ давно не видать.
 Выходить-выступаетъ малая Малютка, Скураткинъ
 сынъ,
 Говорить такія слова:

¹⁾ Не похваляйтесь (за чѣмъ не похваляетея? ср. другія Былны).—
²⁾ Порфиру. — ³⁾ Дрогнули, дрогнули. — ⁴⁾ Такъ, подобно: «народъ гово-
 рили» и т. д. — ⁵⁾ Вѣроятно вмѣсто «гой еси.» — ⁶⁾ Не опались, не распа-
 лись. — ⁷⁾ Испорчено вмѣсто «подъ Псковомъ.»—0.

50. « У меня ли руки подымутся
 « На ваши ли роды на царскіе,
 « Не дрожить моя рука со вострой саблей!»
 Взялъ онъ Федора Ивановича за бѣлыя руки,
 За тѣ ли перстни позолочоныя,
55. Скоро повелѣ за Москву рѣку,
 Ко этому мѣсту ко Лобному,
 Ко этой плахѣ ко липовой,
 Грозными казнити казнями ¹⁾,
 Очи вынимать косицами ²⁾,
60. Языкъ вырѣзать изъ темени.
 По сѣнямъ по новымъ по косящатымъ,
 Не красное солнышко покатилося на земли,
 Проходила тутъ Царица благовѣрная
 Ко своему брату любезному,
65. Къ молодцу къ Микитѣ Романовичу:
 « Вотъ мой милой братецъ,
 « Микита Романовичъ!
 « Чтò спишь — не прòснешься,
 « Ничего ты не знаешь ли?
70. « Какъ упала звѣзда поднебесная,
 « Погасла свѣча мѣстная,
 « Не стало у насъ Царевича
 « Федора Ивановича:
 « Сей часъ повели за Москву рѣку,
75. « Ко тому ли мѣсту ко Лобному,
 « Ко той плахѣ ко липовой,
 « Разными казнити казнями.»
 Скоро вставалъ на рѣзвыя ноги,
 Сапоги надѣвалъ на босыя ноги,
80. Шубу надѣвалъ рукавомъ на плечо,
 Шапку надѣвалъ блиномъ на голову,
 Садился на коня не на сѣдланого,
 Скоро поскакалъ за Москву рѣку,
 Ко тому ли мѣсту ко Лобному,

¹⁾ Въ подлинникѣ пропущено: «казнити.» — ²⁾ Висками. — 0.

85. Ко той ли плахъ ко липовой,
 Самъ скричалъ громкимъ голосомъ
 И шапкою машеть:
 — Богъ того помиловаль,
 — Царь государь его жаловаеть!
90. — И ты, малая Малютка, Скураткинъ сынъ,
 — Не за свой ты кусъ принимаешься,
 — Этимъ кусомъ самъ подавишься! —
 Ткнулъ онъ Малютку во бѣлую грудь,
 И Малютка на ногахъ не устояла,
95. И живъ не бываль.
 Взялъ онъ Федора Ивановича за бѣлыя руки,
 И повелъ онъ на широкій дворъ,
 Во свою палату бѣлую каменную:
 Посадилъ на стулъ позолоченой.
100. Не долгое время помѣшкавши,
 Ударили къ обѣднѣ ко ранней.
 Иде тутъ батюшка,
 Грозный Царь Иванъ Васильевичъ,
 На немъ платье жъ троворное и нерадошное;
105. Богу молится и покланяется,
 А самъ горючимъ слезы заливається.
 Вдетъ тутъ свѣтлѣйшій князь,
 Молодой Микита Романовичъ,
 На немъ платье паратное;
110. Молится, покланяется, и самъ улыбается,
 Говоритъ Царю на усобинку ¹⁾:
 — Здрастуй, нашъ государь,
 — Царь Грозной Иванъ Васильевичъ!
 — Поздравляю васъ съ двумя сынами:
115. — Съ первымъ — Иванъ-Ивановичемъ,
 — Съ другимъ — Федоромъ Ивановичемъ! —
 Грозный Царь опаляется
 На своего шурина Микиту Романовича:
 « Или ты мною насмѣхаешься,

¹⁾ На особицу. — 0.

120. « Или ты не знаешь и не вѣдуешь,
 « Что упала звѣзда поднебесная,
 « Угасла свѣча мѣстная,
 « Не стало молода царевича
 « Ѳедора Ивановича?»
125. « Скоро повели за Москву рѣку,
 « Ко мѣсту ко Лобному,
 « Ко той ли плахѣ ко липовой,
 « Грозными казнити казнями,
 « Очи вынимать косицами,
130. « Языкѣ вынимать изъ темени!»
 Возговоритъ свѣтлѣйшій князь,
 Молодой Микита Романовичъ:
 — Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Твой сынъ у меня сидитъ,
135. — Во моихъ палатахъ бѣлыхъ-каменныхъ,
 — Жалобу творитъ на своего брата любезнаго,
 — На молода Ивана Ивановича,
 — « Что привелъ меня къ смерти напрасной!»—

Грозенъ Царь возрадовался:

140. « Ой еси, свѣтлѣйшій князь!
 « Чѣмъ тебя жаловать?
 « Ой ¹⁾ тебя пожаловать — треть земли,
 « Или золотой казной, или городомъ,
 « Или крестьянами, или Москвою?»
145. — Не надобно мнѣ ни треть земли,
 — Ни каменной Москвы,
 — Пожалуй мене трими улицами,
 — Первою улицею Арбатскою,
 — Второю улицею Никитскою,
150. — Третью улицу — Месницкую:
 — Кто взойдетъ въ нихъ,
 — Не было ²⁾ не взыску, ни вынемки ³⁾. —

* *

¹⁾ То есть: «ой ли, ои.» — ²⁾ Не было бѣ. — ³⁾ Не вынимали бы тамъ по иску или на судъ), не обыскивали и не захватывали. — 0.

II.

1.

(Симбирск. губ.)

- У насъ было на святой Руси,
 На святой Руси, въ каменнóй Москвѣ,
 Стояли палаты бѣлокаменные:
 Полы во палатахъ бѣлорыбицывые ¹⁾,
 5. Столы во палатахъ бѣлодубовые,
 Разостланы скатерти бранья,
 Поставлены яства сахарныя.
 За тѣми столами за дубовыми
 Сидитъ же нашъ батюшка Грозный Царь,
 10. Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
 Онъ и пьётъ и ѣсть—прохлаждается,
 Онъ и хвалится-восхваляется:
 «Сдержалъ же я землю Свято-русскую!
 «Скрѣпилъ же я мать каменнѹ Москву!
 15. «Я вынулъ измѣну изъ Нова-города,
 «Изъ Новаго Города Низовскаго!»
 Возгóворитъ царевичъ его:
 — Ахъ ты батюшка нашъ, Грозный Царь!
 — Ты пьёшь и ѣшь—прохлаждаешься,
 20. — Ахъ ты хвалишься-похваляешься:
 — «Сдержалъ же я землю Свято-русскую,»
 — Скрѣпилъ ты мать каменнѹ Москву,
 — Вынулъ измѣну изъ Нова-города;
 — Не вынешь измѣны изъ палатъ своихъ!—

1) Изъ рыбаго зуба, мамонтова, или моржовой кости.—0.

25. На то сударь Царь осержается;
 Выходилъ же онъ на красѣнь крылецъ,
 Закричалъ же онъ громкимъ голосомъ:
 «Вы пошлите моихъ грозныхъ палачѣвъ,
 «Берите царевича за бѣлыя руки,
 30. «Ведите его ко новымъ рѣлямъ 1),
 «Ко новымъ рѣлямъ, къ пеглѣ шёлковой!»
 Упала звѣзда поднебесная,
 Угасла свѣча воску яраго:
 Не стало мово царевича,
 35. Царевича Оёдора Ивановича 2)!

(Доставл. Языковымъ).

* *

III.

1.

(Сибирск. губ., с. Станичное).

- Середь было царства Россійскаго,
 Середь государства Московскаго,
 Стояли палаты бѣлокаменные
 Вѣдь нашего батюшки, Грознаго Царя.
 5. Собиралось пированьицо честное
 Про всѣхъ про князей-бояръ,
 Про сильныхъ—могучихъ богатырей:

1) Висѣлицѣ (качалымъ). — 2) Это собственно отрывокъ изъ рѣчи Царя, когда онъ жалѣеть о погибшемъ по его жвѣнію сынѣ: но здѣсь имѣеть смыслъ совершившейся казни.—0.

Они пили-ѣли-проклажались,
Промежду себя похвалялися;

10. Богатое-тъ хвалится богатствомъ,
А сильное-тъ силушкою.

Возговорить нашъ Грозный Царь,
Царь Иванъ Васильевичъ:

« Ой вы еси, князи-бодре,

15. « Сильные-могучіе богатыри!

« Чѣмъ-то вы это хвалитесь,

« Чѣмъ-то это вы прехвалаетесь?

« Богатство-то вамъ отъ меня пришло,

« А силушку-то вамъ Богъ далъ!

20. « Вы бы похвалились своей мудростью,

« Своей мудростью, перемудростью!

« Какъ я, государь, подъ Казань подходилъ,

« Подкопъ подводилъ подъ Булатъ-рѣку,

« Подкопъ подводилъ подъ Казань подъ рѣку,

25. « Подъ самую стѣну бѣлокаменную,

« Подъ угольну башню, порховную казну,

« Закатывалъ бочки дубовенькія,

« Со зѣлемъ со лютымъ, со зѣлемъ со порохоми,

« Затепливалъ свѣчки воскуяровыя:

30. « Догарали свѣчки до бочечекъ вплоть,

« Разрывало бочечки дубовенькія,

« Разметало стѣны бѣлокаменныя!

« Казанскихъ Татаръ со стѣны всѣхъ пометалъ,

« Симеона царя во полонъ себѣ взялъ,

35. « Вывелъ измѣнушку изо всей земли,

« Вывелъ измѣну изъ Казани города,

« Вывелъ измѣнушку изъ каменной Москвы,

« Всѣ селы-деревни ко своимъ рукамъ привелъ!»

Возговорить молодой царевичъ,

40. Молодой царевичъ Федоръ Ивановичъ:

— Охъ ты гой еси, батюшка,

— Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!

— Не прикажите меня скоро казнить,

— Прикажите слово вымолвить:

45. — Не вывелъ ты измѣну изъ всей земли,
 — Не вывелъ ты измѣну изъ Казани города!
 — Измѣнщика—тѣ твой предѣ тобой стоить,
 — Съ тобой рѣчи говоритъ,
 — Хлѣбъ твой—соль кушаетъ,
50. — А лихо на тебя думаетъ.—
 Воскликнулъ—возгаркнулъ Грозный Царь,
 Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
 «Есть ли у меня злые палачи,
 «Злые палачи, немилостивые?»
55. «Берите молода царевича,
 «Феодора Ивановича,
 «За его за ручушки за бѣлыя,
 «За кудерушки за русые,
 «Ведите далече въ чисто поле,
60. «Во Кочково—то ¹⁾ и во Куликово—то,
 «На то озеро зыбучее,
 «Снимите съ него буйну голову долой,
 «По самыя плечи по могучія,
 «И воткните на вострой [штыкъ],
65. «Поставьте передъ окошками царскими,
 «Передъ моими очами ясными!»
 Тутъ всѣ палачи перепугалися,
 Всѣ грозные разбѣжалися.
 Одинъ, де, б. сынъ,
70. Малютка Скурлюткинъ сынъ,
 Беретъ молода царевича
 За ручушки бѣлыя,
 За кудерушки за русые,
 Онъ хочеть съ него буйну голову снять,
75. По самыя плечи по могучія.
 Возговоритъ молодой царевичъ,
 Молодой царевичъ Феодоръ Ивановичъ:
 «Охъ ты гой еси, Малютка Скурлюткинъ сынъ!
 «Не за свой ты кусъ принимаешся,

¹⁾ Кучково.—О.

80. « Самъ ты этимъ кусомъ подавишься,
 « Самъ ты этимъ кусомъ поперхнешься!
 « Есть у меня скорые послухи!
 « Кидайтесь—бросайтесь къ дѣдушкѣ моему,
 « Къ любимому царскому дядюшкѣ,
85. « Къ модѣ ¹⁾ Никитѣ Романовичу!»
 Скоро тутъ послухи кидалися,
 Докладывали дядюшкѣ,
 Модѣ Никитѣ Романовичу.
 Модѣ Никита Романовичъ
90. Выходилъ изъ палатъ бѣлокаменныхъ
 На крылечушко на высокое,
 Въ одной тоненькой сорочушкѣ безъ поясу,
 Въ однѣхъ шолковыхъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
 Воскрикнулъ своимъ громкимъ голосомъ:
95. — Ой вы гой еси, конюхи, подконюшнички!
 — Давайте два коня что не лучшія!—
 Онъ бралъ съ собой клюшничка-ларешничка,
 Поѣхалъ онъ въ далече-чисто поле,
 Во Кочково-то, во Куликово-то,
100. На то озеро зыбучее.
 Онъ крикомъ-то кричить—не докричивается,
 А свистомъ-то свиститъ—не досвистывается:
 — Охъ ты гой еси, лютой палачъ,
 — Малютка Скурлюткинъ сынъ!
105. — Не за свой ты кусъ принимаешься,
 — Этимъ кусомъ самъ подавишься,
 — Этимъ поѣлицомъ поперхнешься!—
 Отдаетъ своего клюшничка-ларешничка,
 Онъ съ клюшничка-то буйную голову снялъ,
110. По самбія плечи могучія,
 И воткнулъ на вострый [птыкъ],
 Поставилъ передъ окопками царскими,
 Передъ его очами ясными.

¹⁾ Модѣ вѣроятно есть *молодѣ*, согласованное съ «Никита.»—0.

[Illegible text]

[Illegible text]

[Illegible text]

Есть на востоке,
Есть в античной Греции
в Грозный Царь,

Влачи?
В не чести,

а),

(а,
каменной
осквы!»

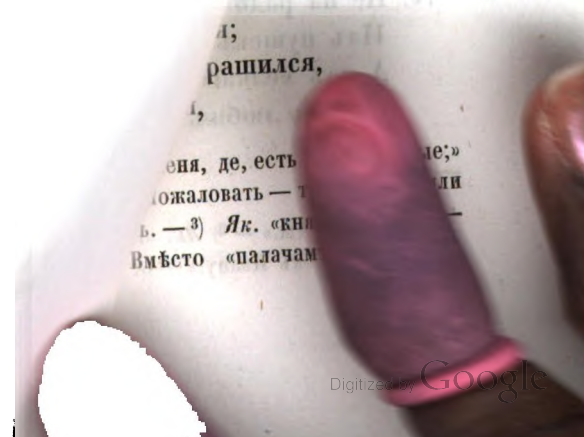
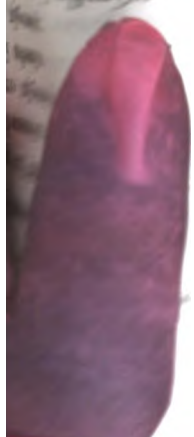
Ъ,

, осержается,

о,

мъ,

Власти Блаженныи!
В. Давыдов

и;
рашился,
ея, де, есть...
пожаловать — ...
в. — 3) Як. «кни...
Вместо «палачам

«Горя великаго, кручинушки царской?»

Возговорилъ дядюшка,

Модà Никита Романовичъ:

— Охъ ты гой еси, Грозный Царь,

155. — Царь Иванъ Васильевичъ!

— Не прикажи ты скоро меня казнить,

— А прикажи слово выговорить:

— Твоя кручина у моей бѣлой груди лежитъ.—

Тутъ воскликнулъ нашъ Грозный Царь,

160. Царь Иванъ Васильевичъ:

«Есть у меня лѣкари и доктурь?»

«Лѣчите дядюшкѣ ногу правую,

«А съ Малютки Скурлюткина

«Снимите съ живаго шкуру!»

(Запис. А. М. Языковымъ).

*

2 *).

(Поется въ Новгород. и Пермск. губ.).

Прикажи, Господи, намъ Старину сказать,

Старину сказать да стародавнюю,

Стародавнюю Старинушку—бывалую,

Про того Царя Ивана да Васильевича.

Б. У того Царя Ивана да Васильевича,

Заводилася бесѣда тиха-смирная,

Собиралися князи-бояра ¹⁾ да со всѣхъ сторонъ,

Князи-бояра да вся удалая поляница.

Они пьютъ-то да хлѣба кушаютъ,

*) Эта же Былина, какъ сообщенная А. А. Григорьевымъ, помѣщена П. И. Якушкинымъ въ Отеч. Зап. 1860, Апрель, откуда мы приведемъ отрывки.—О.

¹⁾ Якушк. «бояре,» и ниже.—О.

10. Во полу-пирѣ да хлѣба рушаютъ,
 Во полу-пирѣ да прирасхвастались,
 Иной хвастаетъ — да кони добрые ¹⁾,
 Другой хвастаетъ да золотой казной,
 Третій хвастаетъ да молодой женой.
15. А Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ
 По полатушкѣ похаживаетъ:
 «Ужь вы гой еси, князи и бояра!
 «Ужь вы хвастаете небылью-небылицею!
 «Ужь чѣмъ я, Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ ²⁾,
20. «Чѣмъ же я, добрый молодець, похвастаю?
 «Я похвастаю да я измѣною:
 «Ужь какъ выведу я измѣнушку изъ Кіева,
 «Ужь какъ выведу я измѣнушку изъ Нова-города,
 «Ужь я выведу измѣнушку изъ матушки каменной
 Москвы!»
25. Тѣ князи-бояре ³⁾ да ему рѣчь говорятъ:
 «Ужь не вывести тебѣ измѣнушки изъ Кіева,
 «И не вывести измѣнушки изъ Нова-города,
 «Да изъ матушки да каменной Москвы!
 «А тотъ выведетъ ту измѣнушку,
30. «Кто за однимъ съ тобой столомъ ⁴⁾ сидитъ,
 «[За столомъ сидитъ] да хлѣба кушаетъ,
 «Милой сынъ твой Федоръ Ивановичъ!»

На то Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ осержается,
 И выходилъ ⁵⁾ онъ да на Красно крыльцо,

35. И кричитъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ,
 Своимъ пилатамъ ⁶⁾ да немилостивымъ.
 И тѣ пилатушки да испужались,
 По каменной Москвѣ да разбѣжались;
 Одинъ Малюта Скуратовъ да не утрашился,
40. Онъ бѣжитъ къ нему скоро на очи,

¹⁾ Кони добрыми, или другой оборотъ — «у меня, де, есть кони добрые;» ср. выше въ Былинахъ согласованіе глагола «пожаловать — треть земли или золотой казней.» — ²⁾ Як. этого стиха нѣтъ. — ³⁾ Як. «князья бояре.» — ⁴⁾ Як. «за столомъ.» — ⁵⁾ «восходитъ.» — ⁶⁾ Въмѣсто «палачамъ.» — О.

Прибѣжавъ къ нему низко кланялся:

— Ужь ты гой еси ¹⁾, Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ!

— На что ты горы-гаркаешь,

— На что меня кликъ-кликаешь? —

45. « Ужь ты гой еси, Малюта Скуратинокъ!

« Возьми моего сына милаго за бѣлы руки его,

« За бѣлы руки, за златы перстни,

« И поведи его на то поле на Куликово,

« Ко той ямѣ да кровавыя,

50. « Ко той доскѣ да ко ²⁾ дубовыя,

« Снеси ему да буйну голову,

« Принеси мнѣ сабельку кровавую!»

И онъ взявъ его за бѣлы руки,

И повель его во ³⁾ чисто поле да во Куликово.

55. Увидалъ его любезный шуринъ Никита Варламовичъ,

Онъ садился на добра коня,

И посадилъ за себя молодаго клюшничка,

Погналъ на то поле на Куликово

И кричитъ онъ зычнымъ голосомъ:

60. — Ужь ты гой еси, Малюта Скуратинокъ!

— Не твой кусъ, да не тебѣ и кушати!

— Ужь ты на-тко да насытися

— Моимъ молодымъ клюшничкомъ! —

Онъ взявъ ему, клюшничку, срубилъ буйну голову,

65. И понесъ-то ⁴⁾ сабельку кровавую

Ко тому Царю Ивану ⁵⁾ Васильевичу.

А у Грозна Царя Ивана Васильевича,

И пиръ пошелъ да не на веселѣ,

Въ барабаны били да не на радости,

70. Не на радостяхъ, да не по старому,

Изъ пушекъ палать да не по прежнему,

А изъ мелкаго оружія — да обѣкается.

А у его любимаго шурина Никиты Варламовича,

¹⁾ Як. «Ужь ты.» — ²⁾ Як. «къ.» — ³⁾ Як. «въ чисто поле да въ.» — ⁴⁾ Як. ту.» — ⁵⁾ Як. «къ Ивану.» — О.

- У него пирь-то идетъ да по веселому,
 75. Въ барабаны бьютъ да все по старому,
 А изъ пушекъ палать да все по прежнему,
 А изъ мелкаго оружія утиху нѣтъ.
 Посылаетъ къ нему Грозенъ Царь
 Иванъ Васильевичъ скорыхъ пословъ:
80. «И приведите мнѣ любезнаго шурина Никиту Варла-
 мовича!»
 И привели его, Никиту Варламовича, къ нему на дворъ:
 — На что же ты меня, любезный зятюшка,
 — Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ, требуешь?—
 «Къ чему радошень, да къ чему радъ,
 85. «Мой любезный шуринъ, Никита Варламовичъ?
 «Моему-то развѣ безвременьцу?
 «У меня одна была жемчужина, и та скатилася:
 «И пирь у тебя идетъ по веселому,
 «Въ барабаны у тя бьютъ да все по старому,
 90. «Изъ пушекъ-то палать все по прежнему,
 «Изъ мелкаго оружія не утихается!»
 — Уж ты гой еси, Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Есть въ гостяхъ небывалый гость,
 — Небывалый гость — Федоръ Ивановичъ. —
 95. «Гой ты еси, мой любезный шуринъ,
 «[Мой любезный шуринъ,] Никита Варламовичъ!
 «Обратилъ ты мое да ретиво сердце,
 «Взвеселилъ мою да буйну ¹⁾ голову,
 «Воротилъ ты мнѣ мою жемчужину!»
 100. И пошелъ у него ²⁾ пирь да по веселому,
 Въ барабаны били да все по старому,
 Изъ пушекъ палать да все по прежнему,
 Изъ мелкаго оружія не утихается ³⁾.

(Запис. Ст. П. Кораблевыхъ).

*

¹⁾ Як. «мою буйну.» — ²⁾ Як. «у нихъ.» — ³⁾ Як. «не утихаются.» — 0.

3*).

(Кирша Даниловъ).

- Да въ старые годы, прежніе,
 Во тѣ времена первоначальныя,
 Когда воцарился Царь государь,
 А Грозной Царь Иванъ Васильевичъ,
5. Что взялъ онъ царство Казанское,
 Симеона царя во полонъ полонилъ
 Съ царицею со Еленою,
 Выводилъ онъ измѣну изъ Кіева,
 Что вывелъ измѣну изъ Нова-города,
10. Что взялъ Рязань, взялъ и Астрахань.
 А нынѣ у Царя въ каменной Москвѣ,
 Что пиръ идетъ у него на веселѣ,
 А пиръ идетъ про князей—про бояръ,
 Про вельможи, гости богатые,
15. Про тѣхъ купцовъ про Сибирскіихъ ¹⁾.
 Какъ будетъ лѣтніе-тѣ день въ половинѣ дня,
 Смиренна бесѣдушка на веселѣ,
 А всѣ тутъ князи и бояра
 И всѣ на пиру напивались,
20. Промежь собой они разхвастались:
 А сильной хвастаетъ силою,
 Богатое-тѣ хвастаетъ богатствомъ.
 Злата труба въ царствѣ протрубила,
 Прогласилъ Царь государь, слово выговорилъ:

*) Заглавлено: «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское.»—0.

1) Отношеніе къ Ермаку и покоренію Сибири.—0.

25. « А глупы бояра вы—неразумные!
 « А всё вы бездѣлицей хвастаетесь!
 « А смѣю я, Царь, похвалитися,
 « Похвалитися и похвастати:
 « Что вывелъ измѣну я изъ Кіева,
30. « Да вывелъ измѣну изъ Нова-города,
 « А взялъ я Рязань, взялъ и Астрахань!»
 Въ палатахъ злата труба протрубила,
 Прогласилъ въ палатахъ царевичъ молодой,
 Что меньшей Ѳедоръ Ивановичъ:
35. — А Грозной Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Не вывелъ измѣны въ каменной Москвѣ:
 — Что есть у насъ въ каменной Москвѣ,
 — Что три большіе боярина,
 — А три Годуновы измѣнники.—
40. За то слово Царь спохватается:
 « Ты гой еси, чадо мое милое,
 « Что меньшей Ѳедоръ Ивановичъ!
 « Скажи мнѣ про трехъ ты бояриновъ,
 « Про трехъ злодѣевъ измѣнниковъ:
45. « Перваго боярина въ котлѣ велю сварить,
 « Другаго боярина велю на колъ посадить,
 « Третьяго боярина скоро велю сказнить.»
 Отвѣтъ держитъ тутъ царевичъ молодой,
 Что меньшей Ѳедоръ Ивановичъ:
50. — А Грозной Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Ты самъ про нихъ знаешь и вѣдаешь,
 — Про трехъ большихъ бояриновъ,
 — Про трехъ Годуновыхъ измѣнниковъ:
 — Ты пьешь съ ними—ѣшь съ одного блюда,
55. — Единую чару съ ними требуешь ¹⁾.—

То слово Царю не влюбилось,
 То слово не показалось,—
 Не сказалъ онъ измѣнниковъ по имени;

¹⁾ Потребляешь, употребляешь.—0.

- Ему туто за бѣду стало,
 60. За великую досаду показалоя;
 Скричалъ онъ, Царь, зычнымъ голосомъ:
 «А есть ли въ Москвѣ немилостивы палачи?
 «Возмите царевича за бѣлы ручки,
 «Ведите царевича со царскаго двора,
 65. «За тѣ за ворота Москворѣцкія,
 «За славную матушку за Москву за рѣку,
 «За тѣ живы мосты калиновы,
 «Къ тому болоту поганому,
 «Ко той ко лужѣ кровавыя,
 70. «Ко той ко плахѣ бѣлодубовой ¹⁾!»
 А всѣ палачи испужалися,
 Что всѣ въ Москвѣ разбѣжались;
 Единъ палачъ не пужается,
 Единъ злодѣй выступаетя,
 75. Малюта, палачъ, сынъ Скурлатовичъ:
 Хвата онъ царевича за бѣлы ручки,
 Повелъ царевича за Москву за рѣку.
 Перепахнула ²⁾ вѣстка нерадошна
 Во то во село въ Романовское,
 80. Въ Романовское, во боярское,
 Ко старому Никитѣ Романовичу,
 Нерадошна вѣстка—кручинная:
 «А и гой еси, сударь мой дядюшка ³⁾,
 «Ты старой Никита Романовичь!
 85. «А спишь-лежишь, опочивъ держишь:
 «Али тѣ, Никитѣ, мало можется?
 «Надъ собою ты невзгоды не вѣдаешь:
 «Упала звѣзда поднебесная,
 «Потухла во соборѣ свѣча мѣстная,
 90. «Не стало царевича у насъ въ Москвѣ,
 «А меньшаго Ѳедора Ивановича.»»

1) Читайте «бѣлодубовой.»— 2) Обыкновеннѣе: «перепахнула, перенала.»—
 3) Изъ другихъ Былинъ видно, что это вѣсть изъ устъ царевича, а дагѣе—
 вообще вѣсть со стороны.—0.

- Много Никита не выпрашиваетъ,
 А скоро метался на широкой дворъ,
 Скричалъ онъ, Никита, зычнымъ голосомъ:
95. — А конюхи мои, приспѣшники!
 — Ведите наскорѣ добра коня,
 — Не сѣдланаго, не узданаго!—
 Скоро, де, конюхи метались,
 Подводятъ наскорѣ добра коня:
100. Садился Никита на добра коня,
 За себя онъ, Никита, любимаго конюха хватилъ,
 Поскакалъ за матушку Москву за рѣку;
 А шапкой машеть, головой качаетъ,
 Кричитъ онъ—реветъ зычнымъ голосомъ:
105. — Народъ православной, не убейтеса,
 — Дайте дорогу мнѣ широкую!—

- Настигъ палача онъ во полу-пути,
 Не дошедъ до болота поганаго;
 Кричитъ на его зычнымъ голосомъ:
110. — Малюта, палачъ, сынъ Скурлатовичъ!
 — Не за свойской кусъ ты хватаешься,
 — А этимъ кусомъ ты подавишься:
 — Не переводи ты роды царскіе!—
 Говоритъ Малюта, немилостивой палачъ:
115. «Ты гой, Никита Романовичъ!
 «А наше-то дѣло повелѣнное:
 «Али палачу мнѣ самому быть сказзену?
 «А чѣмъ окровенить саблю острую?
 «Что чѣмъ окровенить руки бѣлыя?»
120. «А съ чѣмъ приттить къ Царю предъ очи,
 «Предъ его очи царскія?»»
 Отвѣчаетъ Никита Романовичъ:
 — Малюта, палачъ, сынъ Скурлатовичъ!
 — Сказни ты любимаго конюха моего,
125. — Окровени саблю острую,
 — Замарай въ крови руки бѣлыя свои:
 — А съ тѣмъ поди къ Царю предъ очи,

- Передъ его очи Царскія!—
 А много палачъ не выпрашиваетъ,
 130. Сказнилъ любимаго конюха его,
 Окровенилъ саблю острую,
 Замаралъ руки бѣлыя свои,
 А прямо пошелъ къ Царю предъ очи,
 Подмастерье его голову хватилъ.
135. Идутъ къ Царю предъ очи его царскія,
 Въ его любимую Крестовую ¹⁾.
 А Грозной Царь Иванъ Васильевичъ,
 Завидѣвши сабельку острую,
 А острую саблю, кровавую,
140. Того палача немилостива,
 Потомъ же увидѣлъ и голову у нихъ,—
 А гдѣ-ко стоялъ, онъ и туто упалъ:
 Что рѣзвы ноги подломилися,
 Что царски очи замутились,
145. Что по три дня ни пьеть, ни ѣсть.
 Народъ-Христіане православные
 Положили любимаго конюха
 На тѣ на телѣги на Ордынскія ²⁾.
 Привезли до Ивана Великаго,
150. Гдѣ кладутся цари и царевичи,
 Гдѣ ихъ роды, роды царскіе,
 Завсегда звонятъ во Царь-колоколь.
 А старой Никита Романовичъ,
 Хватя онъ царевича,
155. На добра коня посадилъ,
 Увезъ во село свое Романовское,
 Въ Романовское и боярское.
 Не пива ему варить, не вина курить ³⁾:
 А пиръ пошелъ у него на радостяхъ,
160. А въ трубки трубятъ по ратному,
 Барабаны бьютъ по воинскому.

¹⁾ Палату. — ²⁾ Обыкновенное прозвище, притомъ телѣгъ большихъ. —
³⁾ Т. е. всего вдоволь запасено.—О.

- У той у церкви соборныя
Сбирались попы и дьяконы,
А всѣ вѣдь причетники церковные,
165. Отпѣвали любимаго конюха.
А втапоры пригодился Царь,
А Грозной Царь Иванъ Васильевичъ:
А трижды земли на могилу бросилъ,
Съ печали Царь по царству пошелъ,
170. По тѣмъ широкимъ по улицамъ.
А тѣ бояра Годуновыя
Идутъ съ Царемъ, сами подмолвились:
«Ты Грозной Царь Иванъ Васильевичъ!
«У тебя кручина несносная:
135. «У боярина пиръ идетъ на веселѣ,
«У стараго Никиты Романовича.»
А Грозной Царь, онъ и крутъ добрѣ,
Послалъ посла немилостиваго,
Что взять его, Никиту, нечестно къ нему:
180. Пришелъ посолъ ко боярину въ домъ,
Взялъ Никиту, нечестно повелъ,
Привелъ ко Царю предъ ясны очи.
Не дошедъ Никита, поклоняется
О праву руку до сырой земли.
185. А Грозной Царь Иванъ Васильевичъ
А во правой рукѣ держитъ царской костьюль,
А въ лѣвой рукѣ держитъ царско жезло,
По нашему Сибирскому ¹⁾ остро копые:
А ткнетъ онъ Никиту въ праву ногу,
190. Пришилъ его ко сырой земли;
А самъ онъ, Царь, приговариваетъ:
«Велю я Никиту въ котлѣ сварить,
«Въ котлѣ сварить, либо на колъ посадить,
«На колъ посадить, скоро велю сказнить:
195. «У меня кручина несносная,

1) Одинъ изъ признаковъ, что Былины, помѣщенные въ сборникѣ, названномъ по имени «Кирши Данилова», записаны въ Сибирь.—0.

- « А у тебя, боярина, пирь на веселѣ!
 « Къ чему ты, Никита, въ домѣ добръ радошень?
 « Али ты, Никита, какой городъ взялъ?
 « Али ты, Никита, корысть получилъ?»
 200. Говорить онъ, Никита, не съ упадкою ¹⁾:
 — Ты Грозной Царь Иванъ Васильевич!
 — Не вели меня казнить, прикажи говорить:
 — А для того у меня пирь на веселѣ,
 — Что въ трубочки трубятъ по ратному,
 205. — Въ барабаны бьютъ по воинскому,—
 — Утѣшаютъ млада царевича,
 — Что меньшаго Ѳедора Ивановича.—

- А много Царь не выспрашиваетъ,—
 Хвата Никиту за праву руку,
 210. Пошелъ въ палаты во боярскія.
 Отворяли Царю на пету ²⁾,
 Пошелъ въ палаты во боярскія:
 Поднебесна звѣзда ужъ высоко взшла,
 Въ соборѣ мѣстна свѣча затеплялася,—
 215. Увидѣлъ царевича во большомъ мѣстѣ,
 Въ большомъ мѣстѣ, въ переднемъ углѣ,
 Подъ мѣстными иконами;
 Беретъ онъ царевича за бѣлы ручки,
 А Грозной Царь Иванъ Васильевичъ,
 220. Цѣловалъ его во уста сахарныя.
 Скричалъ онъ, Царь, зычнымъ голосомъ:
 « А чѣмъ боярина пожаловати,
 « А стараго Никиту Романовича?
 « А погребъ тебѣ злата-серебра,
 225. « Второе ³⁾ тебѣ питья разнаго,
 « А сверхъ того грамота тарханная ⁴⁾:
 « Кто церкву покрадетъ, мужика ли убьетъ,
 « А кто у жива мужа жену уведетъ,

¹⁾ Безъ страха, не робѣя.— ²⁾ Отворяли двери на распашку, ср. прежніе выпуски.— ³⁾ Во вторыхъ погребъ.— ⁴⁾ Бережная, оберегательная, льготная.—0.

- « И уйдетъ во село во боярское,
 230. « Ко старому Никитѣ Романовичу,—
 « И тамъ быть имъ не въ выдачѣ ¹⁾»

А было это село боярское:
 Что стало село Преображенское,
 По той по грамотѣ тарханья;
 235. Отнынѣ оно слыветъ ²⁾ и до вѣку.

* *

IV.

1 *).

(Нижегор. губ., Ардатовск. уѣзда).

- Грозенъ былъ воинъ ¹⁾ Чарь ²⁾ нашъ батюшка,
 Первый Чарь Иванъ Васильевицъ:
 Сквозь дремуцій лѣсъ съ войскомъ-силою ³⁾
 Онъ прошелъ въ страну Татарцкую,
 5. Себѣ ⁴⁾ чарство взялъ Казаньское,
 Государство ⁵⁾ Астраханьское,
 Вывелъ Перфила ⁶⁾ изъ Нова-города,
 Не вывелъ измѣну въ каменной Москвѣ.
 То чарское ⁷⁾ сердце разгоралося
 10. Пусче огня, пусче полдыма.

1) Оттуда не выдавать ихъ по иску и не вынимать, не брать.— 2) Слыветъ такимъ же, въ славѣ по своему значенію и льготамъ.— О.

3) То же самое напечатано въ «Этнограф. Сборникѣ», вып. V, съ прибавкою, что записано «въ селѣ Кужендѣвѣ», а *Ш. И. Якушкинымъ* въ «Отеч. Зап.» 1860, Апрель, какъ записанное «Книгининскаго уѣзда, с. Спѣшьева» изъ обонхъ мѣстъ приведемъ разнорѣчія. — О.

1) Вонъ, онъ?— 2) *Як.* «царь», вообще нѣтъ измѣненій ч въ ч, ч въ ц, и т. п.— 3) Древнее: «съ войскою силою», ср. выше. — 4) *Як.* «Сеѣ.» — 5) *Этн.* «Государство.» — 6) Ср. Былины выше. — 7) *Як.* «царско.»— О.

- Вотъ сказалъ онъ рѣчью громкою:
 «У меня есть, дзе ¹⁾, всяки мастера,
 «Есть такіе разны дохтуры ²⁾!»
 Но всѣ прячутся ³⁾, старый за малаго,
 15. И хоронятча ⁴⁾ малый за стараго;
 А одинъ изъ нихъ лишь не прятсется ⁵⁾,
 То Малютка, палаць, то Гурбатовъ сынъ:
 «Ну пойди-ка сюда, гой, Гурбатовъ сынъ!
 «Сослужи-ка, не бось, службу вѣрную,
 20. «Службу вѣрную, неизмѣнную:
 «Во палаты ⁶⁾ ступай въ чарски каменны,
 «Взявъ чаревница тамъ за черны ⁷⁾ кудри,
 «Распоясни съ него шелковой поясъ,
 «Золотой перстень ⁸⁾ сними съ ⁹⁾ правой руки,
 25. «Отведзи самого на Москву на рѣку ¹⁰⁾,
 «Впрямь на мѣсто на то—мѣсто Лобное,
 «И на плаху на ту на липову ¹¹⁾,
 «И сними тамъ съ него буйну голову,
 «А мнѣ къ явкѣ подай саблю вострую ¹²⁾,
 30. «Саблю вострую въ горюцій ¹³⁾ его рудзѣ ¹⁴⁾!»
 И увидзѣлъ то Ѳедоръ Ивановичъ,
 Ѳедоръ Ивановичъ Пожарской сынъ ¹⁵⁾,
 Изъ косясчита изъ окошечка;
 Пропустивши Чаря вдоль по улицѣ,
 35. Вдоль по улицѣ, вдаль отъ церема,
 Какъ воскликнетъ онъ ко Гурбатову:
 — Ой, ты гой ¹⁶⁾, Гурбатовъ палаць!

¹⁾ Де, говорить. — *Як.* «дзе-есть.» — ²⁾ Искусники, воззваніе къ палачамъ, недокошечное. — *Этн.* «розвы.» — ³⁾ *Як.* «прячутся.» — *Этн.* «прячютча.» — ⁴⁾ *Як.* «хоронются.» — ⁵⁾ *Як.* «не прятсется.» *Этн.* «не прятсечта.» и т. п. разнорѣчія далѣе, въ сочетаніяхъ, иногда вовсе непрошносимыхъ. — ⁶⁾ *Этн.* «во полаты.» — ⁷⁾ *Этн.* «за цѣрны.» — ⁸⁾ *Як.* «перстенежъ.» — ⁹⁾ *Як.* «со.» — ¹⁰⁾ *Як.* «на Москву рѣку;» *Этн.* «на рѣку.» — ¹¹⁾ *Этн.* и *Як.* «что на липову.» — ¹²⁾ *Як.* «острую.» — ¹³⁾ *Этн.* «въ горюцей.» — ¹⁴⁾ Крови. — ¹⁵⁾ Явно, что имя царевича перенесено на избавителя, а вмѣсто того царевичъ самъ оставленъ здѣсь безыменнымъ. — ¹⁶⁾ *Этн.* прибавлено «еси,» *Як.* «ешш.» — 0.

- Не за свой ты кусъ принимаешся,
— Самъ кусомъ ¹⁾ такимъ подавишься! —
40. И Пожарской позвалъ слугу вѣрнаго,
Слугу вѣрнаго, свою стряпчаго,
Свою стряпчаго, что не лудцава ²⁾,
Что не лудцава, свою ключника ³⁾:
— На, сними, — онъ пробавль ⁴⁾, съ него голову,
45. — Снеси саблю къ Чарю въ горюцій рудзѣ,
— А къ чаревницу не прицастуйся ⁵⁾. —

- Вотъ на утро Чарь Иванъ Васильевичъ
На поминки собралъ поголовно народъ:
Онъ бояръ повелѣлъ во медвѣжны вшивать,
50. Во медвѣжны вшивать, по Москвѣ рѣкѣ пускать ⁶⁾,
А потомъ ⁷⁾ приказалъ во кули зашивать,
Во кули зашивать, по Москвѣ жь ⁸⁾ рѣкѣ пускать,
Что чаревница не засѣняли ⁹⁾.
- Вотъ съѣзжаются всѣ въ плацѣъ чернымъ ¹⁰⁾,
55. Въ плацѣъ чернымъ, во печальнымъ,
А ѣдетъ одинъ ¹¹⁾ Федоръ Ивановичъ,
Федоръ Ивановичъ Пожарской сынъ,
Пожарской сынъ во нарядзѣ чвѣтномъ,
Во нарядзѣ чвѣтномъ, въ яркомъ золоцѣъ,
60. И кони его всѣ обряжены,
Всѣ обряжены, что не лудція,
А веселье въ самомъ такъ и свѣтитча ¹²⁾.
Вотъ увидзѣлъ его ¹³⁾ Чарь Иванъ Васильевичъ,
Какъ воскликнетъ онъ громкимъ голосомъ:
65. «Ой ты гой еси ¹⁴⁾, Федоръ Ивановичъ,

¹⁾ *Этн.* «кусомъ.»—²⁾ Что ни самого лучшаго. — ³⁾ *Як.* «ключничка;» *Этн.* «ключничка. — ⁴⁾ Пробавль, проговорилъ; *Як.* «На, сними (?) онъ пробилъ.» — ⁵⁾ Не виѣй доли, не прикасайся, не твое дѣло. — ⁶⁾ Пущать; *Як.* «пускать;» *Этн.* «пускаются.»—⁷⁾ *Як.* и *Этн.* «А поповъ,» важное разнорѣчіе. — ⁸⁾ *Як.* «по Москвѣ.» — ⁹⁾ Не застѣняли, не защищали, не печаловались о немъ; *Як.* «не засѣюняли;» *Этн.* «не засѣюняли.»—¹⁰⁾ *Як.* «черпаянъ;» *Этн.* «цѣрнымъ.»— ¹¹⁾ *Як.* и *Этн.* «лишь.»—¹²⁾ *Як.* «пе кровтєся.»—¹³⁾ *Этн.* «то.»—¹⁴⁾ *Як.* «еши.»— *О.*

«Федоръ Ивановичъ Пожарской сынъ!
 «Аль объ горѣ моемъ ты не свѣдался ¹⁾,
 «Что срядитча посмѣлъ ²⁾, словно въ радостный пирь?»
 А Пожарской сынъ отвѣчаетъ Чарю:

70. — Я ³⁾, батюшка Чарь, все въ отлукѣ ⁴⁾ гулялъ,
 — Все въ отлукѣ гулялъ за охотою,
 — И поймалъ сокола, цто не лудцава,
 — Цто не лудцава, цеѣ ⁵⁾ ближняява,
 — То ⁶⁾ сына цеѣ рѣднаго. —

75. И возрадовался Чарь, и отвѣтилъ ⁷⁾ ему:
 «Ужь ты гой еси ⁸⁾, Федоръ Ивановичъ,
 «Федоръ Ивановичъ Пожарской сынъ!
 «Вѣдь не мнѣ бы Чаремъ, а цеѣ должно быть ⁹⁾:
 «Ты умѣлъ соблюсти чарски сѣмены!»

(Отъ В. И. Дала, записалъ г. Реймерсъ, со словъ крестьянина; у Якушкина: «Доставили»).

* *

V.

1*).

(Саратовск. губ.).

Въ старые годы, прежніе,
 При зачинѣ каменной Москвы,
 Зачинался тутъ и Грозный Царь ¹⁾,
 Грозный Царь Иванъ сударь Васильевичъ.

¹⁾ Як. «не извѣдался.»—²⁾ Як. «срядитца посмѣлъ.»—³⁾ Як. «А я.»—⁴⁾ Як. «въ отлукѣ;» Этн. «въ отлудкѣ.»—⁵⁾ Тебѣ.—⁶⁾ Як. «Ты.»—⁷⁾ Этн. «отвѣтилъ (отвѣцалъ);» Як. «отвѣтствовалъ.»—⁸⁾ Як. «еши.»—⁹⁾ Этн. «бытъ (быць).»—О.

^{*} Въ этомъ отдѣлѣ Былинъ, связанномъ съ предыдущимъ, совсѣмъ затеряно имя царевича.—О.

¹⁾ О смыслѣ этого ср. «Замѣтку.»—О.

5. А втапоры ¹⁾ у Царя былъ почестный столъ,
 Почестный столъ, пированье великое
 Про всѣхъ про князей про бояръ,
 Про гостиныхъ людей, купцовъ Сибирскихъ ²⁾.
 А и столъ былъ во полу-столъ,
10. А и пиръ былъ во полу-пиръ,
 Гости царскіе на вѣселъ,
 Стали они промежду себя похвалятся:
 Сильный хвалится своею силою,
 Богатый хвалится своимъ богатствомъ.
15. Не золотая трубонька вострубливала,
 Не серебряна сиполица ³⁾ возъигрывала,
 Возговорилъ Грозный Царь,
 Иванъ сударь Васильевичъ:
 « Ужь какъ я ли могу похвалятся,
20. « Что и взялъ я Казанское царство,
 « Рязань городъ, славу Астрахань,
 « Ужь и я ли вывелъ измѣну изъ Пскова,
 « Изъ Пскова и изъ Нова-города!»
 Какъ возговорить молодой царевичъ:
25. — Ой ты гой еси, государь, Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Что и взялъ ты царство Казанское,
 — Рязань городъ, еще Астрахань,
 — Ужь ты вывелъ измѣну изъ Пскова,
 — Изъ Пскова и изъ Нова-города,
30. — Да не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы:
 — Еще есть у насъ въ Москвѣ измѣнникъ,
 — Во твоихъ ли государевыхъ палатахъ,
 — Онъ и ѣсть съ тобой съ одного блюда,
 — Съ одного плеча носить платье цвѣтное!—
35. Какъ и тутъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ до-
 гадается,
 Онъ гнѣвомъ великимъ воспаляется,

¹⁾ Тогда, когда покорилъ себѣ царства и города (пропущено; ср. другія Былины).— ²⁾ Ср. выше изъ Кириш.—³⁾ Сиповица, сиповочка, сопѣль.—0.

- Закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
 «А и кто есть у меня слуги вѣрные!»
 «Берите царевича за бѣлы руки,
 40. «Ведите царевича за Москву рѣку,
 «Ко тому ли болоту стоячему,
 «Ко той ли лужѣ кровавой,
 «Ко той ли плахѣ поганой!»
 Какъ тутъ всѣ князя-бояре испужались,
 45. Всѣ вѣрные слуги по Москвѣ разбѣжались.
 Оставался одинъ злодѣй Малюта,
 Что Малюта злодѣй Скурлатовичъ:
 Онъ беретъ царевича за бѣлы руки,
 И ведетъ его за Москву рѣку,
 50. Ко тому ли болоту стоячему,
 Ко той ли лужѣ кровавой,
 Ко той ли плахѣ поганой.
 Распровадалъ про то большой бояринъ,
 Что честной Никита свѣтъ Романычъ;
 55. Онъ садится на добра коня,
 На добра коня неѣзжаннаго,
 И онъ скачетъ за матушку за Москву рѣку,
 И онъ машетъ шапкой бархатной,
 Самъ кричитъ зычнымъ голосомъ:
 60. — Ой, народъ православный, разступися,
 — Люди добрые, сторонитесь,
 — Давайте мнѣ, боярину, дорогу!—
 Прискакалъ Никита свѣтъ Романычъ
 Ко тому ли болоту стоячему,
 65. Ко той ли лужѣ кровавой,
 Ко той ли плахѣ поганой,—
 Вырываетъ царевича у Малюты,
 У Малюты злодѣя Скурлатовича,
 Онъ беретъ его за бѣлы руки,
 70. Приводитъ его на царскій дворъ.
 А тутъ Грозный Царь,
 Иванъ сударь Васильевичъ вразодался,
 Онъ на шеюшку царевичу кидался,

- А Никитѣ свѣтъ Романычу поклонялся:
 «А и чѣмъ мнѣ тебя, Никита, жаловать,
 75. «А и какъ мнѣ тебя, Романычъ, чествовать?
 «Ты бери у меня, что вдумашь,
 «Со конюшни ли что ни лучшаго коня,
 «Съ царскихъ плечъ моихъ шубу куню,
 «Золотой ли казны сколько надобно!»
 80. Какъ возговорить честной бояринъ,
 Что честной Никита свѣтъ Романычъ:
 — Ой ты гой еси, государь, Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Мнѣ не надобенъ твой добрый конь,
 — Мнѣ не надобна твоя шуба куня,
 85. — Не хочу я твоей золотой казны:
 — Дай ты мнѣ только Малюту Скурлатова,
 — Повели мнѣ его, сударь, казнити ¹⁾!—

(Ср. Сборн. гг. Костомар. и Мордовц.)

2*).

Когда зачиналася ¹⁾ каменна Москва,
 Тогда зачинался и Грозной Царь,
 Что Грозной Царь Иванъ сударь Васильевичъ.
 Какъ ходилъ онъ подъ Казань городъ,
 5. Подъ Казань городъ и подъ Астрахань:

¹⁾ Былина эта въ языкѣ и складѣ своемъ замѣтно нѣсколько подправлена — 0.

²⁾ Эта Былина, съ нѣкоторыми измѣненіями взятая въ Новиковскій пѣсенникъ изъ Чулковскаго (мы ихъ отмѣтимъ), и въ семъ послѣднемъ замѣтно была уже нѣсколько подправлена противу народнаго склада и языка. — 0.

¹⁾ Чулк. «зачиналася.» — 0.

- Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ,
 Полонилъ царя и съ царицею;
 Выводилъ измѣну изъ Пскова ¹⁾,
 Изъ Пскова и изъ Нова-города.
10. И тутъ ли Царь похваляться сталъ,
 Что вывелъ измѣну изъ Пскова,
 Изъ Пскова и изъ Нова-города:
 «Ахъ, какъ бы вывести измѣну изъ каменной Москвы!»
 Что взговорить Малюта злодѣй Скурлатовичъ:
15. «Ахъ ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичъ!
 «Не вывести тебѣ измѣнушки до вѣку:
 «Сидитъ супротивникъ супротивъ тебя,
 «Онъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда,
 «Цвѣтное платье носить съ одного плеча!»»
20. И тутъ Царь догадается,
 На царевича злобно осержается,
 Что взговорить ²⁾ Грозной Царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ахъ вы гой еси, князья и бояра!
 «Вы берите царевича подъ бѣлы руки,
25. «Поведите во палату ³⁾ особую,
 «Вы снимайте съ него платье цвѣтное,
 «Надѣвайте на него платье черное,
 «Поведите его на болото жидкое ⁴⁾,
 «На тое ли лужу поганую,
30. «Вы предайте его скорой смерти!»
 Всѣ бояре испугалися,
 Изъ палаты вонъ разбѣжались,
 Большой за меньшова хоронятся ⁵⁾;
 Одинъ остался Малюта злодѣй:
35. Онъ бралъ царевича за бѣлы руки,
 Повелъ во палату особливую ⁶⁾,
 Снималъ ⁷⁾ съ него платье цвѣтное,
 Надѣвалъ на него платье черное,

¹⁾ Читайте: «изъ Пскова.»—²⁾ Чулк. «взговорить.»—³⁾ Чулк. «палату.» Вездѣ такъ.—⁴⁾ Передѣлка вмѣсто первоначальнаго: «Жидкое.»—⁵⁾ Чулк. «хоронятся.»—⁶⁾ Чулк. «особую.»—⁷⁾ Чулк. «снималъ.»— О.

- Повелъ на болото на жидкое,
 40. Что на ту ли лужу поганую.
 Провѣдалъ слуга Никиты Романыча,
 Садился на лошадь водовозную,
 Скоро скакалъ къ Никитѣ Романычу,
 Какъ кричалъ онъ громкимъ голосомъ:
 45. «Гой еси, батюшка, Никита Романовичъ!
 «Ты пьешь и ѣшь—прохлажаешься ¹⁾,
 «Надъ собой кручинушки не вѣдаешь:
 «Упадетъ звѣзда поднебесная,
 «Угасаетъ свѣча воску ярова,—
 50. «Не становится у насъ млада царевича!»
 Никита Романовичъ испугается,
 Садится на лошадь водовозную,
 Скоро скачетъ на болото жидкое,
 Что на ту ли лужу поганую;
 55. Ударилъ онъ Малюту по щекѣ:
 — Ты Малюта, Малюта Скурлатовичъ!
 — Не за свой ты кусъ примаешься:
 — Ты этимъ кусомъ подавишься!—
 Онъ бралъ царевича за бѣлы руки
 60. И повелъ его куда надобно ²⁾.
 Что возговорить ³⁾ Грозной Царь:
 «Ахъ вы гой еси, князья мои и бояре!
 «Надѣвайте на себя платье черное,
 «Собирайтесь ко заутренней ⁴⁾,
 65. «Слушать по царевичѣ понихиду:
 «Я васъ, бояре, всѣхъ въ котлѣ сварю.»
 Всѣ бояре испугалися,
 Надѣвали они платье черное,
 Собирались ко заутренней,
 70. Слушать по царевичѣ понихиду.
 Приѣхалъ Никита Романовичъ,
 Нарядился въ платье цвѣтное,

¹⁾ Чулк. «прохлажаешься.»— ²⁾ Вотъ стихъ очевидно уже венародный.—

³⁾ Чулк. «возговорить.» И ниже. — ⁴⁾ Чулк. «ко заутреней.» И ниже. — 0.

Привель съ собой млада царевича
И поставилъ за дверьми сѣверныи.

75. Что взговорить Грозной Царь:

«Ахъ ты гой еси, Никита Романовичь!

«Что въ глаза ли ты мнѣ насмѣхаешься?

«Какъ упала звѣзда поднебесная,

«Что угасла свѣча воску яраго:

80. «Не стало у меня млада царевича!»

Что возговорить Никита Романовичь:

— Ахъ ты гой еси, надежда ¹⁾, православный Царь!

— Мы не станемъ пѣть по царевичѣ понихиду,

— А станемъ пѣть молебень заздравный мы ²⁾! —

85. Онъ бралъ царевича за бѣлу руку,

Выводилъ изъ за сѣверныхъ дверей.

Что возговорить Грозной Царь:

«Ты Никита, Никита Романовичь!

«Еще чѣмъ мнѣ тебя пожаловать?

90. «Или тебѣ полцарства дать,

«Или тебѣ золотой казны сколько надобно?»

— Ахъ ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичь!

— Не надо мнѣ полцарства, ни золотой казны.

— Только дай ты мнѣ злодѣя Скурлатова:

95. — Я сведу на то болото жидкое,

— Что на ту ли лужу поганую. —

Что возговорить Царь Иванъ Васильевичь:

«Еще вотъ тебѣ Малюта злодѣй,

«И дѣлай съ нимъ, что хочешь ты ³⁾!»

Новик. Пѣсен., 1780 г., ч. II, № 191, стр. 135 — 138; то же у Чулкова, 1770 г., ч. II, № 121, стр. 167 — 171; то же повторено въ пѣсенникахъ Гурьянова и Сахарова.

*

¹⁾ Чулк. «надежа.» Такъ и должно быть — ²⁾ Не народный складъ. — ³⁾ Стизь не народный. — О.

3*).

При зачинѣ каменной Москвы,
Зачинался тутъ и Грозный Царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ.
Онъ два царства покорилъ себѣ,

Б. Астраханское и Казанское:

Казань городъ многоходомъ взялъ,
Покорилъ ¹⁾ царя съ царцею,
Онъ измѣну вывелъ лютую
Изъ Нова-града, изъ Пскова.

10. И тутъ имъ ²⁾ Царь похваляться сталъ:

«Ахъ, когда бы мнѣ измѣнушку
«Истребить и въ каменной Москвѣ!»

Тутъ Малюта рекъ Скурлатовичъ:

«Ой ты гой еси, великій Царь!

15. «Не выведешь ³⁾ ее до вѣку:

«Твой измѣнникъ супротивъ тебя,

«Онъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда,

«Парчу носить съ одного плеча.»

«Гой еси, князья-боярева,»

^{*}) На основаніи предыдущихъ образцовъ, изъ Чулковскаго и Новиковскаго Пѣсенника, помѣщаемая здѣсь Былина передѣлана и исправлена И. И. Дмитриевымъ. Онъ помѣстилъ ее въ своемъ «Карманномъ Пѣсенникѣ» 1796 г. (рѣдчайшая книга), ч. III, пѣсни «Былевыя,» № 1. Оттуда заняли: «Новѣйшій, полный и всеобщій пѣсенникъ,» Спб., 1818 г., ч. III; «Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ,» П. III., Спб., 1819, ч. III; «Новѣйшій избранный пѣсенникъ (безъ года; того же времени),» ч. III. Мы приведемъ отсюда расплодившіяся далѣе подражки.—Въ Пѣсен. 1818 г. Былина заглавлена: «Постоянная вѣрность и постыдное вѣроломство, получившія достойную цѣну отъ Іоанна Грознаго. Пѣсня древнихъ временъ Россіи. Голось по содержанию.»—О.

¹⁾ *Нов. избр. пѣсен.* и 1818: «полонилъ.»—²⁾ П. III. «И тогда ль.»—³⁾ П. III. «Ты не выведешь.»—О.

20. Царь воскликнулъ грознымъ голосомъ!
 « Поведите вы царевича
 « Во полатушку ¹⁾ особую,
 « Вы стащите золоту парчу
 « И надѣньте платье черное,
25. « И свершите надъ нимъ смертву казнь!»
 Всѣ бояре ужаснулись,
 Изъ палаты разбѣжались,
 Большой причется за малаго;
 Остается лишь Малюта врагъ:
30. Онъ беретъ млада царевича,
 Совлекаетъ золоту парчу,
 Надѣваетъ платье черное,
 На болото ведѣтъ жидкое,
 Чтобъ исполнить надъ нимъ смертву казнь.
35. Весь народъ Божій волнуется:
 Жаль ему млада царевича!
 Лишь Никита нашъ Романовичъ
 Не вздыхаетъ, не кручинится:
 Онъ у друга на пиру сидитъ.
40. Скачетъ, скачетъ къ нему вѣрный рабъ,
 Воскликаетъ запыхавшись:
 «« Онъ ты гой еси, нашъ батюшко ²⁾,
 «« Никита сударь Романовичъ!
 «« Ты пьешь и ѣшь, прохлаждаешься ³⁾,
45. «« А бѣды нашей не вѣдаешь:
 «« Падеть звѣзда поднебесная,
 «« Гаснетъ свѣча ⁴⁾ воску яраго,
 «« Не становится царевича!»»
 Ужаснулся тутъ бояринъ нашъ,
50. Онъ вскочилъ на лошадь рабскую,
 Лошадь рабску, водовозную ⁵⁾,
 Поскакалъ на мѣсто Лобное,

¹⁾ Всюду: «во полатушку.» — ²⁾ Всюду: «батюшка.» — ³⁾ *Нов. избр. пмс.* и 1818: «прохлаждаешься.» — ⁴⁾ *П. Ш.* «свѣчка.» — ⁵⁾ *П. Ш.* Этого стиха нѣтъ. — *О.*

- Ухватилъ Малюту за воротъ
И воскликнулъ ¹⁾ гнѣвнымъ голосомъ:
55. — Не за свой ты кусъ принимаешься ²⁾,
— Этимъ кусомъ ты подавишься! —
А потомъ взялъ за бѣлы руки
Неповиннаго царевича,
Увелъ его въ красный теремъ свой.
60. Между тѣмъ великій Грозный Царь
Говоритъ своимъ бояревамъ:
« Гой еси, князя-боярева!
« Надѣвайте платье черное,
« Собирайтесь ³⁾ ко заутрени,
65. « Слушать вмѣстѣ со Царемъ вашимъ
« Панихиду по царевичѣ:
« Послѣ жь ⁴⁾ всѣ мнѣ отвѣчать должны!»
Задрожали всѣ боярева,
Облекались ⁵⁾ въ платье черное
70. И явились ко заутрени ⁶⁾.
А Никита нашъ Романовичъ
Пришелъ въ церковь во цвѣтномъ платьѣ,
Онъ привелъ съ собой царевича
И поставилъ позади дверей,
75. Дверей сѣверныхъ, на крыльчикѣ.
Грозный Царь ему возговорилъ:
« Ой ты гой еси, бояринъ мой!
« Ты въ глаза мнѣ насмѣхаешься ⁷⁾!
« Или ты того не вѣдаешь,
80. « Что упала звѣзда ясная ⁸⁾,

¹⁾ Нов. избр. мѣс. и 1818: «И воскликнулъ.» — ²⁾ 1818: «принимаешься.» II. III. «хватаешься.» — ³⁾ 1818. «Собирайтесь.» — ⁴⁾ 1818: «послѣ » — ⁵⁾ 1818: «Облакались.» — ⁶⁾ Всюду за симъ прибавлено:

Слушать вмѣстѣ со Царемъ своимъ
Панихиду по царевичѣ
И со ужасомъ готовились
Ко тому отвѣту страшному.

⁷⁾ Всюду: «насмѣхаться сталъ.» — ⁸⁾ II. III. Этого стиха нѣтъ. — 0.

- « Что угасла свѣча бѣлая,
 « Что не стало, ахъ, царевича?»
 — Повели не панихиду пѣть,
 — А заздравное молебствіе, —
85. Отвѣчалъ ему усердный рабъ,
 И привелъ млада царевича.
 Царь возрадуясь возгворилъ:
 « Онъ ты гой еси, бояринъ мой!
 « Чѣмъ, скажи, тебя пожаловать?
90. « Золотою ли казною моею?
 « Или мнѣ тебѣ полцарства дать?»
 — Не давай мнѣ золотой казны, —
 Говорить ему бояринъ нашъ,
 — Ни полцарства мнѣ не надобно,
95. — Только дай ты мнѣ Скурлатова:
 — Повели ты мнѣ казнить его! —
 « Предаю тебѣ животь его,»
 Грозный Царь ему отвѣтствуетъ,
 « И ты дѣлай съ нимъ, что вздумаешь!»

(Дмитр., ч. III, Быльсмы, № 1).

*

4*).

(Сибирскъ).

- При началѣ каменной Москвы,
 Начинался тутъ нашъ Грозный Царь.
 Царь Иванъ сударь Васильевичъ.
 Овъ два царства покорилъ себѣ,
 Б. Астраханское, Казанское,
 Казань городъ мимоходомъ взялъ,
 Полонилъ царя съ царицею.

*) Это уже обратная передѣлка сочиненія Дмитріева среди народа. — 0.

Туть Царь Грозный похвалиться сталъ:

«Еще кто бъ вывелъ измѣнушку

10. «Изъ матушки каменной Москвы?»

Какъ возговоритъ Малюта врагъ:

«Въ вѣкъ не вывести измѣнушки

«Изъ матушки каменной Москвы:

«Твой измѣнникъ супротивъ тебя,

15. «Пьетъ и ѣстъ онъ съ одного стола,

«Парчу носить съ одного плеча!»

Какъ возговоритъ нашъ Грозный Царь,

Царь Иванъ сударь Васильевичъ:

«Вы князья мои и бояре!

20. «Вы подите во высокъ теремъ,

«Во палаты мои царскія,

«Вы возьмите тамъ царевича,

«Совлеките золоту парчу,

«Отведите во чисто поле

25. «И предайте его злой смерти!»

Всѣ бояре испугалися,

Другъ за друга хоронилися;

Малый прячется за старого,

Старый прячется за малаго.

30. Какъ одинъ только Малюта врагъ

Не пугается, не прячется:

Онъ идетъ въ палаты царскія,

Береть за руку царевича,

Совлекаетъ золоту парчу,

35. И ведетъ его въ чисто поле,

Гдѣ онъ хочетъ его злѣ казнить.

Какъ на ту пору бояринъ нашъ,

Князь Романъ сударь Романовичъ,

Онъ сидитъ, князь, во честномъ пиру,

40. Пьетъ и ѣстъ онъ — проклажается.

Прискакалъ къ нему скорой посоль:

«Охъ ты гой еси, бояринъ нашъ,

«Князь Романъ сударь Романовичъ!

«Ты сидишь здѣ во честномъ пиру,

45. « Пьешь и ѣшь ты — проклажаешься,
 « А того, сударь, не вѣдаешь:
 « Упадетъ звѣзда восточная,
 « И угаснетъ свѣчка бѣлая,
 « Не станеть у насъ царевича, —
50. « Врагъ Малюта его злѣ казнить.»
 Какъ возговорить бояринъ нашъ,
 Князь Романъ сударь Романовичъ:
 — Приведите клячу тощую,
 — Клячу тощую, водовозную! —
55. Приѣзжаетъ во чисто поле,
 Береть за воротъ Скуратова:
 — Охъ ты гой еси, Малюта врагъ!
 — Не за свой ты кусъ примаешься,
 — Этимъ кусомъ ты подавишься! —
60. Онъ беретъ съ собой царевича
 И отвозитъ его въ свой терѣмъ.
 Какъ на утрѣ нашъ Грозный Царь,
 Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
 Отдавалъ вездѣ строгой приказъ,
65. Чтобы всѣ князья и бояре
 Одѣвались въ платье черное,
 Собирались во большой соборъ,
 Слушать утреннее пѣніе,
 Панихиду по царевичѣ.
70. Всѣ бояре испугалися,
 Въ черно платье наряжалися,
 Во большой соборъ собиралися.
 Какъ одинъ только бояринъ нашъ,
 Князь Романъ сударь Романовичъ,
75. Надѣвалъ онъ платье цвѣтное,
 Приѣзжалъ онъ во большой соборъ,
 Привель за руку царевича
 И поставилъ на правой крылось.
 Увидалъ его нашъ Грозный Царь,
80. Царь Иванъ сударь Васильевичъ:

- « Охъ ты гой еси, бояринъ мой,
 « Князь Романъ сударь Романовичъ!
 « Иль ты хочешь гнѣва царскаго,
 « Той оналы государевой?
85. « Всѣ князья мои и бояре
 « Въ черно платьѣ наряжались,
 « Во большой соборъ собирались,
 « Слушать утреннее пѣвнѣ,
 « Панихиду по царевичѣ:
90. « Только ты одинъ, Романовъ князь,
 « Не послушалъ воли царскія,
 « Наряжаешься во цвѣтно платьѣ!
 « Или ты того не вѣдаешь:
 « Упала звѣзда восточная,
95. « И угасла свѣчка бѣлая,
 « Не стало у насъ царевича?»
 Какъ возговоритъ бояринъ нашъ,
 Князь Романъ сударь Романовичъ:
 — Охъ ты гой еси, нашъ Грозный Царь,
100. — Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
 — Прикажи не панихиду пѣть,
 — А заздравное молебствіе:
 — Твой царевичъ еще цѣлъ и здравъ! —

Какъ возговоритъ нашъ Грозный Царь.

105. Царь Иванъ сударь Васильевичъ:
 « Охъ ты гой еси, бояринъ мой,
 « Князь Романъ сударь Романовичъ!
 « Чѣмъ за вѣрность наградить тебя?
 « Или мнѣ тебѣ полцарства дать?»
110. Какъ возговоритъ Романовъ князь:
 — Не изъ злата я служу тебѣ
 — И полцарства мнѣ не надобно:
 — За мою ли службу вѣрную
 — Мнѣ предай въ руки Скуратова! —

(Запис. П. И. Юрьевымъ).

* *

VI.

1*).

(Арханг. губ., Шенкурск. уѣзда).

Какъ у насъ было въ каменной Москвѣ,
У Грознаго Царя Ивана Васильевича,
Столованье было—пированьице, почестный пиръ
На многіе князья—на бояра.

- ѝ. Бѣлой день идетъ къ вечеру;
Батюшко Грозный Царь веселье сталъ.
Говоритъ же Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
«Чтожь у меня въ бесѣдѣ никто ничѣмъ не хвас-
туеть?»

- Одинъ бояринъ хвастуетъ чистымъ серебромъ,
10. Другой похвасталъ чистымъ бисеромъ,
Третій похвасталъ скатнымъ жемчугомъ.
Говоритъ Царь Иванъ Васильевичъ:
«Злато—серебро не откупа,
«Чистый бисеръ не оборона,
15. «Скатень жемчугъ не заступа.
«Чѣмъ я, Грозный Царь Иванъ Васильевичъ, похвастую?
«Вывелъ я измѣну изъ Обска ¹⁾,
«Вывелъ измѣну изъ каменной Москвы,
«Казанское царство мимоходомъ взялъ,
20. «Царя Семѣна подъ миръ ²⁾ склопиль,
«Снялъ съ царя порфиру царскую,
«Привезъ я порфиру въ каменную Москву,
«Крестилъ я порфиру въ каменной Москвѣ,

*) Въ этомъ отдѣлѣ выведенъ царевичъ Дмитрій. — 0.

¹⁾ Изъ Пскова.—²⁾ Писано по скобленному; обыкновенно: «подъ мечь.»—0.

- «Эту порфиру на себя положилъ,
25. «Послѣ того я сталъ Пресвитерь-Царь,
«Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!»

Тутъ проговоришь его родимый сынъ:

— Ахъ ты батюшко, Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!

— Гдѣ тебѣ вывести измѣну изъ Обска,

30. — Гдѣ тебѣ вывести измѣну изъ каменной Москвы!

— Можетъ быть, измѣна за столомъ сидеть,

— Пьѣтъ-ѣстъ-кушаетъ съ одного блюда.—

Говорить же Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:

«Говори мнѣ, гдѣ измѣна за столомъ сидеть?»

35. Отъ молодаго царевича на то отвѣта нѣтъ.

Говорить же Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:

«Ой вы гой еси, палачи Московскіе!

«Скажите молодаго царевича,

«Выньте сердце съ пѣченью,

40. «Принесите мнѣ на показанье!»

Всѣ палачи приужаснулись,

Одинъ Алѣша ¹⁾ Малютинъ,

Скурлатовъ сынъ не ужаснулся,

Вскочилъ Алѣша изъ за стола,

45. Выводилъ молодаго царевича.

Говорить Алѣша Малютинъ сынъ:

«Много казнилъ я князей-бояръ,

«Не казнилъ рода царскаго:

«Пойти, сказать молодаго царевича!»

50. Снималъ съ него платье цвѣтное,

Надѣвалъ на него платье черное,

Посадилъ его на добра коня:

Младой царевичъ напередъ ѣдетъ,

Алѣша Малютинъ позади ѣдетъ,

55. Вострый палашъ на плечѣ везеть.

Перепаала скорая вѣсточка

Дядѣ Никитѣ Романову:

¹⁾ Тутъ примѣшанъ Алѣша Поповичъ, въ Былинахъ Кіевскихъ на оборотъ смѣшиваемый съ Малютою. — 0.

- Дядюшка былъ трудёнъ-болёнъ,
Трудёнъ-болёнъ,—объ одной ногъ.
60. Бросился онъ скоро на конюшной дворъ,
Обсѣдлалъ своего добра коня,
Ухватилъ скоро конюха любимаго,
Поѣхалъ скоро на чисто полѣ,
И кричить зычнымъ-громкимъ голосомъ:
65. — Воръ, собака, Малюта Скурлатовъ сынъ!
— Отдай мнѣ-ка младаго царевича,
— Сказни конюха любимаго,
— Вынь сердце у его съ печенью,
— Свези Царю на показанье! —
70. Алѣша Малютинъ послушался,
Отдалъ онъ молодаго царевича,
Сказнилъ конюха любимаго,
Вынялъ сердце у его съ печенью,
Повезъ къ Царю на показанье.
75. Отъ тоски встаетъ Царь Иванъ Васильевичъ,
Своего сына онъ хватается,
Своего сына Дмитрія царевича;
Прознавъ дѣло, рвѣтся-мѣчется,
И говоритъ таковы рѣчи:
80. « Ой вы слуги мои вѣрныя!
« Вы за чѣмъ меня не уняли,
« Вы за чѣмъ попустили на дѣло окаянное?»
Отвѣчаютъ его слуги вѣрныя:
« Ой ты батюшка нашъ, Грозный Царь,
85. « Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ!
« Не посмѣли мы перѣчить тебѣ,
« Не посмѣли разговарить твои рѣчи Царскія,
« Убоялися мы твоего гнѣва скорого.»
Онъ услышалъ радость, веселіе,
90. У дяди у Никиты Романова:
Грозному Царю за бѣду стало,
За бѣду стало за великую;
Ухватилъ онъ копье острое,
Бѣжить къ дядѣ Никитѣ Романову.

95. Въ хоромахъ у Никиты Роман овича
Пиръ на весело.
Учулъ онъ у своихъ гостей:
«Бѣжить,» говорятъ, «Грозный Царь Иванъ Васильевичъ,
« Въ рукѣ держать копье востроё,
100. «Бѣжить прямо къ ему, къ Никитѣ Романову.»
Не досугъ Никитѣ гостей чествовать:
Онъ бросился на крыльцо стекольчато,
Въ стрѣту ладить Царю Ивану Васильевичу.
Говорить Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
105. «Аль ты радъ, Никита Романовичъ,
« Моему несчастью великому?
« Аль ты веселишься,
« Что я сказнилъ своего сына любимаго?»
Замахнулъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ
110. Свое копьё востроё,
Тяпъ въ ногу Никитѣ Романовичу.
Отвѣтъ держать Никита Романовичъ:
— Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!
— Погляди-ко ко мнѣ въ большой уголъ? —
115. Поглядѣлъ онъ въ большой уголъ,—
Увидалъ сына своего Дмитрія царевича:
Сидитъ здравъ и невредимъ у дяди въ большомъ углу.

И нашельъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ
Въ этомъ радость великую.

(Запис. Адмир. Кузинцевымъ).

*

Съ этою Вышшою ближайше сходна слѣдующая:

2.

(Танъ же).

Какъ у насъ было въ каменной Москвѣ,
У Грознаго Царя Ивана Васильевича
Столованище было—пированье, почестный пиръ
На многіе князи и бо́ира.

5. Бѣлый день идетъ къ вечеру,
Батюшка Грозный Царь весель сталъ.
Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
«Что же у меня въ бесѣдѣ никто ничѣмъ не хвастаетъ,
«Не хвастаетъ, не похвалится?»
10. Одинъ бояринъ хвасталъ чистымъ серебромъ,
Другой бояринъ хвасталъ краснымъ золотомъ,
Третій бояринъ хвасталъ скатнымъ жемчугомъ.
Не золота трубочка вострубила,
Не серебряна сиповочка возыграла,
15. Грозный Царь Иванъ Васильевичъ слово вымолвилъ:
«Не дѣломъ вы, братцы, хвастаетесь,
«Не добромъ вы, братцы, похваляетесь:
«Злато-серебро не откупа,
«Скатенъ жемчугъ не оборона,
20. «Чистый бисеръ не заступа.
«Какъ я, Грозенъ Царь, чѣмъ похвастаю:
«Вывелъ я измѣну изъ Пскова,
«Вывелъ я измѣну изъ каменной Москвы,
«Казанское царство мимоходомъ взялъ,
25. «Царя Семіона подъ миръ склонилъ,
«Снялъ я съ царя порфиру царскую,
«Привезъ порфиру въ каменну Москву,
«Крестилъ я порфиру въ каменной Москвѣ,

- «Эту порфиру на себя наложилъ,
30. «Послѣ этого сталъ Грозный Царь!»

Тутъ проговорилъ его родимый сынъ:

- Ахъ ты батюшка, Грозный Царь,
— Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ!
— Гдѣ тебѣ вывести измѣну изъ Пскова,

35. — Гдѣ тебѣ вывести измѣну изъ каменной Москвы?

- Можетъ быть, измѣна за столомъ сидитъ,
— Пьетъ-ѣстъ съ тобой съ одного блюда.—

Говоритъ же Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:

«Покажи мнѣ, гдѣ измѣна за столомъ сидитъ?»

40. Отъ молода царевича на то отвѣта нѣтъ.

Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:

- «Ой вы гой еси, палачи Московскіе!
«Вы сказните младаго царевича,
«Выньте изъ груди сердце съ печенью,

45. «Принесите мнѣ на показанье!»

Всѣ палачи приужахнулись;

- Одинъ Алешка Малютинъ,
Скурлатовъ сынъ не ужахнулся,
Скочилъ Алешка изъ застольица,

50. Выводилъ младаго царевича,

Причиталъ Алешка Скурлатовъ сынъ:

«Много казнилъ князей и бояръ,

«Не казнилъ рода царскаго:

«Пойти, сказнитъ младаго царевича!»

55. Снималъ съ него Алешка платье цвѣтное,

Надѣвалъ на него платье черное,

Посадилъ его на добра коня;

Младый царевичъ напередъ ѣдетъ,

Алешка Скурлатовъ позадъ ѣдетъ,

60. Острый палашъ на плечѣ держитъ.

Перепаала скорая вѣсточка

Дядь Никитѣ Романову.

Дядюшка былъ трудѣнь-болѣнь,

Трудѣнь-болѣнь,—объ одной ногѣ.

65. Разійся ¹⁾ онъ скоро на конюшій дворъ,
Обсѣдлалъ своего добра коня,
Ухватилъ съ собой конюха любимаго,
Поѣхалъ скоро на чисто поле,
И кричить-зычить громкимъ голосомъ:
70. — Воръ, собака, Малюта Скурлатовъ сынъ!
— Отдай мнѣ-ка младаго царевича,
— Сказни конюха моего любимаго,
— Выщъ изъ груди сердце съ печенью
— И свези Царю на показанье!—
75. Алешка Скурлатовъ послушался,
Отдалъ ему младаго царевича,
Сказнилъ конюха его любимаго,
Вынялъ изъ груди сердце съ печенью,
И привезъ Царю на показанье.
80. Ото сна встаетъ Царь Иванъ Васильевичъ—пробу-
жается,
Своего сына онъ хватается,
Своего сына Дмитрія царевича.
Прознавъ дѣло, рвется и мечется,
И говоритъ таковы рѣчи:
85. « Ой вы, слуги мои вѣрныя!
« Вы за чѣмъ меня не ўняли,
« Вы за чѣмъ пустили на дѣло окаянное?»
Отвѣчаютъ ему слуги вѣрныя:
« Ой ты батюшко, Грозный Царь,
90. « Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ!
« Не посмѣли мы перечить тебѣ,
« Убоялися мы твоего гнѣва скорого!»
Услышалъ Царь Иванъ Васильевичъ
Радость-веселіе у Никиты Романова:
95. Грозному Царю за бѣду стало,
За бѣду стало за великую;
Ухватилъ онъ копье острое,

¹⁾ Бросался.—0.

Бѣжить къ дядѣ Никитѣ Романову.

Во хоромахъ у Никиты Романовича пиръ на вѣсело.

100. Учѣлъ онъ у своихъ гостей:

«Бѣжить,» говорятъ, «Царь Иванъ Васильевичъ,

«Во рукѣ держитъ копье острое,

«Бѣжить прямо къ нему, къ Никитѣ Романову.»

Не досугъ Никитѣ гостей чевствовать:

105. Бросился онъ на крылечко стекольчато,

Въ стрѣту ладитъ Царю Ивану Васильевичу.

Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:

«Аль ты радъ, Никита Романовичъ,

«Моему несчастью великому,

110. «Аль ты веселишься кáзни сына моего любимаго?»

Замахнулъ онъ копье острое,—

Тялъ ¹⁾ въ ногу Никитѣ Романовичу.

Отвѣтъ держитъ Никита Романовичъ:

— Грозный, Царь Иванъ Васильевичъ!

115. — Погляди-ко ко мнѣ во большой уголъ!—

Поглядѣлъ Царь во большой уголъ,—

Увидѣлъ сына своего, Дмитрія царевича:

Сидитъ веселъ и здоровъ во большомъ углу.

Царь нашелъ въ томъ радость великую,

120. Закурили на радостяхъ зелена вина,

Заварили на радостяхъ меду пьянаго,

Пировали на радостяхъ почестный пиръ.

(Отъ В. И. Даля, запис. А. Харитоновымъ).

* *

¹⁾ Ударилъ.—0.

VII.

1*).

(Звенигор. узда, Ворони).

Грозный Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ,
Созывалъ онъ почётный пиръ,
Всѣхъ князьевъ и господъ бояръ,
И хвалился Грозный Царь,

5. Иванъ, сударь, Васильевичъ:

«Взялъ я Казань, взялъ и Астрахань,
«Взялъ Великій скобы Новгородъ ¹⁾),
«Вывелъ измѣну изъ каменной Москвы!»

Его сынъ и возговорить:

10. — Ты родимый мой тятинька,

— Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!

— Не во гнѣвъ бы твоей милости!

— Не хвались ты, мой тятинька:

— Взялъ ты Казань, взялъ и Астрахань,

15. — Взялъ Великій скобы Новгородъ, —

— Не вывелъ измѣну изъ каменной Москвы.

— Что измѣна-то съ тобой за однимъ столомъ,

— За однимъ столомъ пьётъ и кушаетъ,

— Бѣла лебедя рúшаетъ,

20. — Съ одного блюда, съ одной ложечки! —

*) Эта Былина, составляя особый отдѣлъ, непосредственно соединяется съ «Женядьбою Царя.» — 0.

¹⁾) Это сочетание, по недослышкѣ, образовалось изъ словъ: «Взялъ великъ Опскѣвъ и Новгородъ.» — 0.

Грозный Царь Иванъ Васильевичъ 1):

«Ужь и какъ же намъ своё сына извѣсть?»

Выходилъ онъ на новое крыльцо,

Закричалъ онъ громкимъ голосомъ своимъ:

25. «Ино есть ли у меня палачи,
«Палачи-то удалы молодцы,
«Чтобъ срубили сыну голову
«Да по самыя по плечики,
«По его бы по могучія,
30. «Положили бъ на серебряно блюдо,
«Принесли бы къ государю во дворецъ!»
Не успѣлъ онъ слова молвити,
Ужь гдѣ нѣ взялся стремённый стрѣлецъ,
Онъ сѣдился на несѣдлаго коня,
35. Онъ и гонить Никитской улицей
Ко Никитѣ ко Романычу:
«Вы раздайтесь, люди добрые:
«За мной дѣло государево!»
Онъ идѣтъ—отъ дверей отпихиваетъ,
40. Всѣхъ слугъ-прислугъ отпыхиваетъ,
Отъ дверей отдвигиваетъ:
«Отойдите, слуги вѣрные:
«За мной дѣло государево!»
Онъ стойтъ—то 2) — Богу молится,
45. Богу молится, самъ рѣчь говорить:
«Ты Никита Романовичъ!
«Что ты крѣпко спишь—не прѣснешься?
«Ты не знаешь горя великаго:
«Что потухла воску яраго свѣча,
50. «Что померкло солнце красное,
«Что померкли звѣзды восточныя,
«Что не стало твое крестничка,
«Нашего младаго царевича!
«Повезли—то его на Болотичко,

1) Т. е. разсуждаетъ, думаетъ. — 2) Становится вошедши. — 0.

55. « На Болотичко, на Житный дворъ,
 « Чтобъ срубить-то ему голову
 « Да по самыя по плечики,
 « По его ли по могучія!»
 А Никита Романовичъ,
60. Онъ скорѣхонько просыпается,
 Въ лёгку одѣжу одѣвается,
 На босы ножки въ сапожки обувается,
 Онъ садится на несѣдлаго коня,
 Онъ и гонитъ Никитской улицей
65. На Болотичко, на Житный дворъ:
 — Вы раздайтесь, люди добрые:
 — За мной дѣло государево! —
 Никто за топоръ не примается ¹⁾,
 У всѣхъ руки отымаются;
70. Ужь какъ взялся-принялся Малютушка,
 Что Малюта Разкурлатовъ ²⁾ сынъ.
 Онъ ³⁾ ударилъ его по бѣлу лицу:
 — Ты Малюта Разкурлатовъ сынъ!
 — Не за свой ты кусъ хватаешься,
75. — Этимъ кусомъ ты подавишься!
 — Ино кто хочеть за Царя умереть?
 — Того Господи избавить отъ грѣховъ,
 — Отъ грѣховъ, отъ муки вѣчныя! —
 Ужь и выискался стремѣнный стрѣлецъ:
80. « Я хочу за Царя умереть!»
 Тутъ срубили ему голову
 Да по самыя по плечики,
 По его ли по могучія;
 Положили на серебряно блюдо,
85. Понесли къ государю во дворецъ.
 Грозный Царь Иванъ Васильевичъ,
 Выходилъ онъ на Красное крыльцо:

¹⁾ Т. е. на мѣстѣ казни. — ²⁾ Производство осмыслено: *curva ty razcurva.* —
³⁾ Т. е. Никита. — 0.

« Что собакъ собачья смерть 1)!»

Во Свѣтлое Воскресеньице

90. Разослалъ указъ по всей Москвѣ,
По всѣмъ городамъ, по всѣмъ деревнямъ:
Что заўтра, въ Свѣтло Воскресеніе,
Приходили бѣ люди добрые,
Приходили бы ко заўтренѣ,
95. Они всѣ бы въ платьяхъ чѣрныхъ,
Они всѣ бы во кручинныхъ.
А Никита Романовичъ,
Ужъ онъ поцвѣтигѣ всѣхъ надѣлѣ.
Онъ стоитъ — Богу молится.
100. Что выходятъ отъ заўтрени,
Поздравляетъ его 2) съ праздничкомъ
И со млáдымъ царевичемъ.
« Охъ ты кумъ, кумъ любезный мой!
« Что жъ ты мною насмѣхаешься,
105. « Надо мною наругаешься?
« У меня послѣ обѣденки
« Всѣмъ боярамъ переборъ будетъ,
« Стану казнить, стану вѣшати:
« А тебѣ, кумъ, перва пѣтелька!»
110. Послѣ заўтрени разослалъ онъ указъ
По всей Москвѣ, по всѣмъ городамъ,
По всѣмъ городамъ, по всѣмъ деревнямъ,
Приходили бѣ люди добрые,
Приходили бѣ въ платьѣ чѣрнымъ,
115. Они всѣ бы во кручиннымъ:
А Никита Романовичъ
Еще поцвѣтигѣй того надѣлѣ.
Онъ стоитъ — Богу молится,
Млáдаго царевича подъ полóй держать.
120. Какъ выходятъ отъ обѣденки,

1) Слова Ивана, съ Краснаго крыльца, куда онъ вышелъ взглянуть на припесенное. — 2) Царя. — 0.

Поздравляетъ его съ праздникомъ
И со млáдымъ царевичемъ.

« Охъ ты кумъ, кумъ любезный мой!

« Ужь и какъ же мнѣ тебя назвать будеть?»

125. « Али дядюшкой, али батюшкой?

« Ино будь же ты мнѣ бóльшій братъ ¹⁾!»

*

Созывалъ онъ почётный пиръ,
Созывалъ онъ князьёвъ-бояръ,
Не позвалъ Кострюкà-Мастрюкà,

130. Свово шурина любезнаго.

Приходилъ шуринъ попóслъ всѣхъ,

Онъ садился повыше всѣхъ;

Онъ не пьётъ и не кушаетъ,

Бѣла лебеда не рушаетъ,

135. Онъ сидитъ — думу думаетъ.

Государя-тъ похаживаетъ,

Онъ на шурина поглядываетъ:

« Охъ ты шуринъ, ты шуринъ мой,

« Охъ ты шуринъ любезный мой!

140. « Чтò ты не пьёшь и не кушаешь,

« Бѣла лебеда не рушаешь?

« На Царя ли лихо думаешь,

« На царевну ль благовѣрную,

« Али на весь на крещённый мёръ?»

145. — Ни на кого я лихо не думаю,

— Ни на Царя, ни на царевну благовѣрную,

— Только думаю объ своей буйной головѣ:

— Что я семдесятъ семь земель изошóлъ,

— По себѣ я борца не нашóлъ,

150. — По себѣ борца, удалова молодца!—

Выходилъ-то Грозный Царь,

Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ,

¹⁾ Слѣдуетъ, какъ сказано, другой отдѣлъ Былинъ: названіе его см. ниже.—0.

- Выходилъ онъ на новое крыльцо,
Воскричалъ онъ громкимъ голосомъ своимъ:
155. «Ино есть ли у меня борцы,
«У меня борцы, удалы молодцы?
«Приходили бѣ къ государю во дворецъ,
«Побороться съ Кострюкомъ-Мастрюкомъ,
«Съ моимъ шуриномъ любезнымъ!»
160. Изъ села-то Кулебакина,
Изъ деревни изъ Опальшиной,
Выходили-то два братца,
Да два братца, два родимые,
Два Андрея два Андрейча:
165. Одѣвались въ одѣженьку лёгонькую,
Обувались они въ портяночки тоненькія,
Во лапотки частенькія,
Въ балахоньчики лёгонькія.
Они идутъ путёмъ-дорогою,
170. Они шуточка пошучиваютъ,
Они другъ другу пошкиваютъ.
Приходили къ государю во дворецъ,
Воскричали громкимъ голосомъ своимъ:
«Ино гдѣ у тебя борцы,
175. «Ино гдѣ борцы, удалы молодцы?»
Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
«Вотъ пришли борцы, удалы молодцы!
«Охъ ты шурикъ, ты шурикъ мой,
«Охъ ты шурикъ любезный мой!
180. «Ино вотъ тебѣ хлѣбъ-соль на столѣ,
«Ино вотъ тебѣ борцы на дворѣ ¹⁾,
«Ино вотъ борцы, удалы молодцы!»
Ужъ Кострюкъ-Мастрюкъ бросается,
Онъ бросался—семь столовъ повалилъ,
185. И онъ семдесятъ господъ задавилъ.
Какъ съ большимъ братомъ схватилися,

¹⁾ Т. е. выбирай любое, или сиди, или иди бороться.—0.

- Они три часа водилися;
 Низёхонько поклонилися,
 Честнёхонько расхватилися 1):
190. « Охъ ты братецъ, ты братецъ мой,
 « Охъ ты братецъ родимый мой!
 « Хоть ты родомъ-то повыше меня,
 « Да ты силкой-то пониже меня 2)!»
 Какъ съ меньшимъ братомъ схватилися,
95. Они часу не водилися,
 Не честнёхонько расхватилися,
 Не низёхонько поклонилися:
 Ужь онъ первую пошибочку пошибъ,—
 Съ Кострючишка колпачишко сшибъ;
200. Онъ другую-то пошибочку пошибъ, —
 Съ Кострючишка сапожишки сшибъ.
 Ужь и бился онъ — рубился
 Не объ ста рубляхъ, не объ тысяцѣ,
 Они билися-рубился
205. Объ своихъ буйныхъ головушкахъ:
 Кто кого сможетъ, того рвать-щипать,
 Того рвать-щипать, до нагà обдирать.
 Ужь онъ третью-то пошибочку пошибъ,—
 Подымалъ-то онъ повыше себя,
210. Опускалъ-то онъ пониже себя;
 Ужь онъ началъ его рвать-щипать,
 Его рвать-щипать, до нагà обдирать:
 « Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!
 « Не во гнѣвъ бы вашей милости,
215. « Что деру штаны атласныя 3)!»

Что глядитъ-то государыня
 Изъ косящета окошечка:
 — Ты крапива, ты крапива б....,

1) Выпустили другъ друга изъ охвата. — 2) Слова борца Кострюку. —
 3) Слова борца.—О.

- Вы крапивныя сѣмены!
 20 — Много васъ было пасѣяно,
 — Да не много уродилось!—
 Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
 « Охъ ты баба, ты баба б....,
 « Охъ ты баба, ты бабья знать!
 25. « Чтò глядишь ты въ косящето окно,
 « Да не чортъ ли тебя спрашиваетъ?»

Защекотала сороченькой,
 Полетѣла съ каменной Москвы.

(Записано 1833, Августа 90).

* *
 *

Царь еще женится.

2*).

(Сибирск. губ.).

- « Чтò сидите, богатырики,
 « И чѣмъ же вы похваливаетесь?
 « Ваша силушка буде отъ Бога,
 « А имѣнне отъ меня, Царя ¹⁾.»
 5. Задумалъ нашъ Грозный Царь жениться.
 Онъ бралъ не у насъ, а въ Москвѣ ²⁾,

*) Эта, хотя весьма испорченная, Былина присоединяется къ предыдущей потому, что также, правда—на оборотъ, соединяетъ непосредственно стрюка съ Малютой, женидбу съ покушеньемъ на сына.—0.

¹⁾ Это отрывокъ рѣчи Ивана: см. предыдущія Былины.— ²⁾ Ошибка; должно быть: «не у насъ въ Москвѣ (Сибирскій пѣвецъ естественно могъ къ выразиться, противопологая свой край Москвѣ).»—0.

- И не у князя, и не у барина,
 Онъ брать у Черкашенина,
 А имямъ назвать ее—Марія Демругъевна;
10. Онъ брать за ней много приданого:
 Тридцать Татариновъ, полтора ста бояриновъ,
 Семьсотъ Донскихъ казаковъ.
 И дѣлалъ онъ про нихъ почетный пиръ:
 Сжалъ онъ ихъ за столы дубовые,
15. За скатерти клѣтчатыя ¹⁾,
 За чашечки, за ложечки корѣльчатыя ²⁾.
 Кострюкъ хлѣба-соли не кушаетъ,
 А Местрюкъ бѣла лебедя не рушаетъ,
 А на нашего Царя лихо думаетъ:
20. — Пойду въ Москву, стану на бѣломъ камушкѣ ³⁾,
 — И стану я со всѣхъ брать пошлину,
 — Со дымовъ подымовное,
 — Съ красныхъ дѣвушекъ почередное ⁴⁾,
 — А со молодушекъ повѣнешное!—
25. И вышелъ Микита Романовичъ, царскій дядюшка,
 На свой на новъ—красенъ крылецъ,
 Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:
 «Еще есть ли на царскомъ дворѣ богатырики?»
 На тотъ разъ ихъ не случилось,
30. Они же всѣ поразѣхались.
 «Чтобы шли они, никого бы не спрашивались
 «И никому бы не докладывались ⁵⁾!»
 Прошли ⁶⁾ два брата родимые,
 Изъ села Ивановскаго,
35. По имя ихъ Иванъ-Иванычи,
 По прозванью Кашинины.

¹⁾ Камчатныя.— ²⁾ Корѣльской березы.— ³⁾ Могло быть передѣлано изъ «Москвы бѣлокаменной.» Но «сидѣть на бѣломъ камнѣ» въ нашемъ древнемъ творчествѣ однозначуще съ «судомъ:» судить—рядить, устанавливать или брать пошлины, учить и т. п. Ср. Быливы ниже и Стихи, особенно о Голуб. Книгѣ, «Калѣки Перехожіе.»— ⁴⁾ Вѣроятно: съ нарядовъ.— ⁵⁾ Продолженіе словъ Никиты.— ⁶⁾ Пришли.— 0.

- По царскому двору похаживаютъ,
 Полки ¹⁾ заварачиваютъ,
 Рукавчики позасучиваютъ,
 40. Усы за уши закладываютъ.
 « Вы послушайте» — что возговорить
 Царскій дядюшка Микита Романовичъ —
 « Вотъ вамъ, Местрюкъ, хлѣбъ-соль на столѣ,
 « А борцы на дворѣ:
 45. « За что вы, свѣтъ, ухватитесь ²⁾?»
 Местрюкъ бросился, — три стола уронилъ,
 Кострюкъ бросился, — всю силу помялъ,
 Тридцать Татариновъ, полтора ста бояриновъ,
 Семсотъ Донскихъ казаковъ.
 50. Ну, выходилъ Местрюкъ на царскій дворъ,
 Бралъ Иванъ Ивановичъ поперегъ его,
 Поджималъ ³⁾ повыше себя,
 А опускалъ пониже себя.
 Первой пошибкой пошибъ, —
 55. Одежду долой съ него сшибъ;
 А другой пошибкой пошибъ, —
 Рубашку долой съ него сшибъ:
 Оставался Местрюкъ, въ чемъ мать его родила;
 Онъ соромъ свой зажалъ,
 60. И подъ крылецъ побѣжалъ.
 Да увидала его сестрица родимая,
 Марія Демругьева:
 — Ты дуракъ, — говоритъ, — дуракъ, мужичій сынъ!
 — Поборолъ бы его какъ полехише ни будь ⁴⁾! —

*

65. «Послушайте, Марья Демругьева!
 «Теперича я вывелъ измѣнушку изъ всей земли,
 «А Казанское царство къ себѣ приклонилъ.»

¹⁾ Полы у платья. — ²⁾ Т. е. выбирай, Местрюкъ, любое. — ³⁾ Подымалъ. —
⁴⁾ Отсельъ начинается другая половина, о покушеніи на сына, и слѣдуютъ рѣчи Царя. — 0.

- А былъ у ихъ единъ чадо милый, Федоръ Ивановичь:
 — Охъ ты еси, Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
- 70 — Хоша ты вывелъ измѣну изъ всей земли,
 — А не вывелъ измѣнушку изъ своа дому:
 — Твоя измѣнушка предъ тобою стоитъ,
 — Съ тобою рѣчи говорить,
 — Единое платье носить однотѣтное
75. — И единое кушанье кушаетъ сахарное.—
 На то же Грозный Царь прогнѣвался,
 И бралъ же своо сына за праву за руку,
 И вывелъ онъ его на новъ-красенъ крылецъ,
 Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:
80. « Да есть ли здѣсь грозные палачики?
 « Взяли бы моего сына,
 « И повели бы его на поле Кулическое ¹⁾,
 « Привязали бы его ко плахѣ дубовое,
 « И сняли бы съ него буйну голову!»
85. Всѣ палачики испужались,
 Со царскаго двора разбѣжались,
 Оставался одинъ Малютка, Скурлатовъ сынъ;
 И бралъ его сынъ ²⁾ за руку,
 Повелъ его на поле Кулическое.
90. И увидѣлъ его царскій дялюшка, Микита Романовичь:
 — Охъ ты Малютка! Не за тѣ ты столы сажаешься,
 — Не за тѣ кушанья принимаешься:
 — Сходи же, Малюта, на псарный дворъ,
 — И возьми-ка же пса немалаго,
95. — И сними съ него голову,
 — И принеси имъ въ кровѣ ³⁾ саблю вострую ⁴⁾!—
 « Охъ вы есть ⁵⁾, мои сенаторы,
 « Да князья и бояре!
 « Приѣзжайте вы въ соборъ, церковь Божью,

¹⁾ Куликовъ. — ²⁾ Его, сына царскаго, или: бралъ его, царевича, Скурлатовъ сынъ. — ³⁾ Въ крови. — ⁴⁾ За симъ слѣдуютъ рѣчи Царя. — ⁵⁾ «Гой вы еси или есте.»—0.

100. «И служите вы молебны обчіе, печальныя,
 «О моемъ сынѣ Федорѣ Ивановичѣ,
 «И надѣвайте черную одежду печальную!»
 Всѣ пріѣхали [министры,] князья и бояре,
 И въ соборъ, церковь Божию,
105. И въ одежѣ всѣ въ черную—печальную,
 И служили всѣ молебны обчіе, печальныя.
 А царскій дядюшка, Микита Романовичъ,
 Надѣвалъ одежду [форменну],
 И приказалъ служить молебны за здравіе.
110. Обернулся намъ ¹⁾ Грозный Царь:
 «По чему же ты, свать, радоваешься,
 «За чѣмъ ты заказывалъ молебны за здравіе?»
 — По тому-то я заказывалъ молебны за здравіе,
 — Что представляю вамъ сына въ живности.—
115. И бралъ онъ [за ефесь] саблю вострую,
 Протикалъ онъ ему ногу правую ²⁾.
 Возговорить громкимъ голосомъ:
 «Подайте мнѣ перваго дохтура,
 «Залѣчалъ бы ему ногу въ три часа!»

(Записано П. В. Шейномъ).

* * *

¹⁾ Нашъ?—²⁾ См. предыдущія Былины, какъ Царь проткнулъ ногу Никитѣ.—О.

II.

1*).

(Арханг. губ.).

- Приутихло-приуныло море синее,
 Глядучись-смотрячись со черныхъ кораблей,
 И со тѣхъ марсовъ карабельныхъ,
 И со тѣхъ трубочекъ подзорныхъ
5. И на тѣ на круты-красны бережки.
 Приутихли-приуныли круты-красны бережки,
 Глядючись-смотрячись съ черныхъ кораблей,
 И со тѣхъ марсовъ карабельныхъ,
 И со тѣхъ трубочекъ подзорныхъ
10. И на тѣ на горы высокія,
 И на тѣ на поля зеленыя.
 Приутихли-приуныли поля зеленыя,
 Глядючись-смотрячись на государевъ дворъ:
 Преставляется Царица благовѣрная,
15. Молодая Софья дочь Романовна;
 Въ головахъ сидятъ два царевича,
 Въ ногахъ сидятъ млада двѣ царевны,
 Супротивъ стоитъ самъ Грозенъ Царь,
 Грозный Царь Иванъ Васильевичъ.
20. Говоритъ Царица таковы рѣчи:
 « Ужь ты слушай, Царь, послушай-ко,
 « Чтò я тебѣ, Царица, повыскажу:

*) Эти двѣ Былины, весьма искаженныя и испорченныя въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, помѣщаются здѣсь, въ особомъ отдѣлѣ, потому лишь, что начинаютъ раньше прочихъ—со смерти первой Царицы.—0.

- « Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
 « До своихъ до младыхъ двухъ царевичевъ:
25. « Когда будутъ они во полномъ умѣ
 « И во твердомъ будутъ разумѣ,
 « Тогда будетъ оборона отъ новыхъ 1) земель.
 « Еще слушай, Царь, ты послушай-ко:
 « Когда будутъ дѣвицы во полномъ умѣ,
30. « Во полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
 « Ты тогда отдавай дѣвицъ за мужъ.
 « Еще слушай, Царь, ты послушай-ко,
 « Чтò я тебѣ, Царица, повыскажу:
 « Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
35. « До своихъ до князей, до думныхъ бояръ,
 « И до того ты до дядюшки любимаго,
 « И до своего ты до крестнаго батюшки,
 « До того Богдана Сирскаго:
 « И тутъ твоя дума крѣпкая.
40. « Еще слушай, Царь, ты послушай-ко:
 « Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
 « До своихъ солдатушекъ служащихъ:
 « И тутъ твоя сила вѣрная.
 « Еще слушай, Царь, ты послушай-ко:
45. « И не будь ты яръ, будь ты милостивъ
 « До всего народу православнаго.
 « Еще слушай, Царь, ты послушай-ко,
 « Чтò я тебѣ, Царица, прикажу,
 « Прикажу и повыскажу:
50. « Когда я, Царица, преставлюся,
 « Не женись ты, Царь, въ проклятой Литвѣ
 « На той ли Марьѣ Темрюковнѣ,
 « А женись ты, Царь, въ каменной Москвѣ,
 « На той Сунавѣ 2) Татарскіе:
55. « Хоша есть у ней много приданаго
 « Пановой-улановой и злыхъ поганыхъ Татаровой,

1) «Новый» въ мѣстномъ нарѣчїи значить «иной». — 2) Ошибка вмѣсто «Купавѣ»: см. Былны ниже.—О.

- «Есть у ней брателко родимое,
«Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ ¹⁾»
И тутъ Царица просыпалась ²⁾,
60. Тутъ Царицѣ славу поютъ ³⁾.
 Прошло времени три мѣсяца,
 Похотѣлъ сударь Грозенъ Царь,
 Грозный Царь Иванъ Васильевичъ,
 И покатился онъ во ту ли матушку прокляту Литву,
65. Покататися и женитися
 На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
 Онъ не слушалъ своего крестнаго батюшки,
 И того Богдана Сирскаго,
 Пріѣзжалъ онъ скоро въ прокляту Литву
70. И брать онъ Марью Темрюковну,
 И со тѣмъ со брателкомъ родимымъ,
 Кострюкомъ Темрюковичемъ.
 Отправлялся онъ изъ проклятой Литвы.
 Не дошедъ онъ матушки каменной Москвы,
75. Равномѣрныхъ верстъ пятисотныхъ,
 За сто верстъ становилъ онъ свою силу-армію
 И сходилъ онъ скоро со добра коня,
 И брать онъ чернильницу вольянскую ⁴⁾,
 И брать перо лебединое,
80. И брать бумагу ⁵⁾ листь гербовыя
 И писалъ онъ скоро посолень листь,
 И посолень ⁶⁾ листь на золотъ столъ
 Своему дядюшкѣ любезному,
 И крестному батюшку Богдану Сирскому:
85. «Дядюшка Богданъ ты мой Сирскій!
 «Стрѣнь ты меня съ честью и съ радостью,

¹⁾ Перебиты стихи, а должно быть: «Не женись ты на той Купавѣ, хоша есть...., а женись ты въ каменной Москвѣ.»— Различены двѣ невѣсты, Литовская и Татарская, о коихъ см. ниже.— ²⁾ Вѣроятно ошибка вмѣсто «преставилась.»— ³⁾ Обыкновенная прибавка, когда говорится о смерти героя или героини: см. Былины въ прежнихъ выпускахъ.— ⁴⁾ Вальянскую: ср. прежніе выпуски.— ⁵⁾ Бумаги.— ⁶⁾ И посылалъ.— О.

«И со тѣмъ пѣтьемъ Божьимъ-церковнымъ,
«И со тѣмъ со звономъ колокольнымъ,
«Со той пальбой пушечной.»

90. Оправлялся его скорой гонецъ,
Скорой гонецъ и скорой посоль:
Не стрѣтилъ его дядюшка любимой за сто версть.
 Не дошелъ онъ ¹⁾ матушки каменной Москвы,
 Равномѣрныхъ версть пятисотныхъ,
95. За двадцать за пять становилъ онъ свою силу-армію,
Отправлялъ скоро гонца,
Скора гонца и скоро посла,
Чтобъ чистить улицы широкія,
Исправить фатеры дворянскія,
100. «Гдѣ стоять моей силѣ-арміи.»
И приваливалъ онъ во матушку каменную Москву:
И не стрѣтилъ его любезной дядюшка,
И тотъ Богданъ Сирскій,
Не съ пѣтьемъ Божьимъ-церковнымъ,
105. И не съ тѣмъ звономъ колокольнымъ,
Не съ той пальбой пушечной.
Заѣзжалъ сударь Грозенъ Царь,
Грозный Царь Иванъ Васильевичъ,
И во ту церковь Божію,
110. Принималъ златы вѣнцы
И со той Марьей Темрюковной.
 На той на радости великія
 Заводилъ онъ почестенъ пиръ
 На всѣхъ на князей, на думныхъ боярь,
115. На сильныхъ-могучихъ богатырей.
Солнышко идетъ къ западу,
И къ западу идетъ—ко закату,
А почестенъ пиръ на весело,
И всѣ въ пиру пьяны-веселы.
120. Говорятъ ему шуринъ любимой,
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ:

¹⁾ Царь.—0.

- Ай ты, мой затюшко любезный,
 — Грозенъ ты Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Есть ли у васъ въ каменной Москвѣ
125. — Борцы-молодцы приученые,
 — Кабы мнѣ съ ними поборотися?—
 Требовалъ сударь Грозенъ Царь,
 Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ:
 Борцей-молодцей не случилось.
130. Только случился Васенька Хромоногенькой:
 На лѣву онъ ножку припадываетъ,
 По двору прихрамываетъ,
 И ко двору государеву придвигается,
 И входитъ въ палаты царскія.
135. И говорить Кострюкъ сынъ Темрюковичъ
 Своему зятелку любезному:
 — Чортъ у васъ, не борцы-молодцы,
 — [Не борцы-молодцы] и не приученые!—
 Говорить Вася Хромоногенькой:
140. « Ай же ты, сударь-таки Грозенъ Царь!
 « Ежели Богъ пособить, Никола поможетъ
 « Кострюка побороть:
 « Изъ платья вонъ его вылупить
 « И подвору его нага спустить?»»
145. Говорить сударь Грозенъ Царь,
 И Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ:
 « Ежели бы тебѣ Богъ помогъ
 « И Микола пособилъ Кострюка побороть,
 « Изъ платья вонъ его вылупить
150. « И по двору нага спустить, —
 « Пятьдесятъ рублей тебѣ жалованья!»
 На лѣвую ножку онъ, Вася, припадывалъ,
 А правой ножкой подхватывалъ,
 И металлъ Кострюка о кирпичной полѣ:
155. На брюхѣ его кожа трѣснула,
 На хребтѣ его кожа лопнула.
 Изъ платья онъ его ногой ¹⁾ вылупилъ:

¹⁾ Нагоро.—0.

- Не Кострюкъ былъ Темрюковичъ,
 Да и не брателко-то ей ¹⁾ былъ родимое:
160. Была поляница удалая ²⁾.
 Бралъ Царь свою Марью Темрюковну,
 И велъ онъ въ далече-чисто поле,
 Стрѣлялъ онъ ей въ ретиво сердце:
 Тутъ ей и славу поютъ.
165. Тогда слушалъ онъ своего дялюшку любезнаго,
 И Богдана того Сирскаго:
 И женился онъ въ каменной Москвѣ,
 Въ каменной Москвѣ на Святой Руси.

(Записано г. Максимовымъ; ср. Сборн. Ялушк., Отчет. Зап.).

*

2 *).

(Тамъ же).

.
 Преставляется Царица благовѣрная,
 Молодая Софья дочь Романовна.
 При смерти она наказываетъ,
 Наказываетъ и доспрашиваетъ:

5. « Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!
 « Будешь ли послѣ меня жениться,
 « Али ты, надѣжа-Царь, будешь холость ходить,
 « Холость ходить, неженатой слыть?»

Говорить Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:

10. « Я не буду послѣ тебя жениться,
 « Надѣжа-Царь буду холость ходить,

¹⁾ Царицѣ.— ²⁾ Поляницею назывались древніе богатыри (ср. прежніе выпуски); но здѣсь пѣвецъ полагалъ, что это женщина, сама передѣтая царица; ср. Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, гдѣ Кострюкъ по нѣкоторымъ преданіямъ, и вѣроятно по тому же поводу, является женщиной.—0.

«Холость ходить, неженатой слыть.»

Говорить Царица благовѣрная:

«Ай же ты, Грозный Царь Иванъ Васильевич!

15. «Не мани меня, не оманывай:

«Будешь послѣ меня жениться

«Во той ли матушкѣ проклятой Литвѣ,

«На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.

«Принесетъ она рубашки красна золота;

20. «Не могли надѣть на двухъ ясныхъ соколовъ,

«Надѣнь на двухъ псовъ ядовитыхъ:

«Увидишь тутъ чудо великое!

«За тѣмъ будь добръ да милостивъ

«До тѣхъ до двухъ ясныхъ соколовъ, до царевичей;

25. «Будь ты добръ, будь ты милостивъ

«До тѣхъ до слуговъ вѣрныхъ,

«До того народу христіанскаго.»

За тѣмъ представилась Царица благовѣрная,

Молодая Софья дочь Романовна.

30. За тѣмъ женился Царь въ проклятой Литвѣ,

На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.

Принесла она рубашки пасынкамъ красна золота:

Надѣли какъ на псовъ ядовитыхъ,

Тѣхъ псовъ разорвало.

35. За тѣмъ сталъ Грозенъ Царь,

Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ.

Сталъ его дядька спрашивать:

«За чѣмъ исхудаль?» — Не могу поляницей удалой владѣть:
руку-ногу закинетъ на меня жена, — не могу духу пере-
вести ¹⁾.....—

(Оттуда же).

* *

¹⁾ Тутъ пѣвшая старуха спуталась и не хотѣла продолжать дальше, «стыдно, де, нехорошее такое поется.» Къ сожалѣнію, записывавшій не добился конца: но этотъ конецъ извѣстенъ изъ другихъ Былинъ о Полянцахъ и сказокъ, см. прежнія «Замѣтки.»—0.

III.

1*).

(Симбирск. губ., с. Станично?).

- Какъ у насъ было на Русѣ,
 На Русѣ было, въ каменной Москвѣ,
 Задумалъ Царь жениться,
 Царь Иванъ сударь Васильевичъ:
5. Онъ усваталъ невѣсту за себя,
 [Невѣсту за себя] не у насъ въ Москвѣ,
 Онъ усваталъ во иной землѣ,
 Не у князя, не у боярина,
 Онъ усваталъ у Татарина,
10. У того ли Черкешанина,
 Марью Темрюговну:
 Черезъ большую дочь онъ среднюю беретъ,
 Марью Темрюговну.
 Собирался почестной пиръ,
15. И всѣ гости съѣхались, и всѣ сохотилися,
 Всѣ гости пьютъ и ѣдятъ,
 И всѣ гости кушаютъ,
 Бѣлаго лебедя рушаютъ.
 Одинъ гость хлѣба-соли не ѣстъ,
20. Хлѣба-соли не кушаетъ,
 Бѣлаго лебедя не рушаетъ,
 Зеленаго вина въ ротъ не беретъ, —
 Кастрюкъ-Мастрюкъ Темрюговичъ,
 Любимый царской шуринуска.
25. Онъ думаетъ думушку, съ кѣмъ поборотися,
 За прокладъ поводитися:

*) Это отдѣлъ Былинъ самый полный и самый употребительный. — 0.

- Онъ хочеть каменну Москву въ полонъ себѣ взять,
 Онъ хочеть взойти во Кремль городокъ,
 Онъ и хочеть съ насъ пошлины брать,
30. Съ воротъ поворотныя,
 А съ дымовъ подымовныя,
 Съ молодицъ повалешныя ¹⁾,
 А съ дѣвицъ повѣнешныя.
 Князь Никита Романовичъ,
35. Входитъ онъ въ палаты бѣлокаменныя:
 «Охъ ты гой еси, Грозный Царь,
 «Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
 «Всѣ у насъ гости съѣхалися,
 «Всѣ гости сохотилися,
40. «Всѣ гости пьютъ и ѣдятъ,
 «Всѣ гости кушаютъ,
 «Бѣлаго лебедя рушаютъ.
 «Одинъ гость у насъ хлѣба-соли не ѣсть,
 «Хлѣба-соли не кушаетъ,
45. «Бѣлаго лебедя не рушаетъ,
 «Зеленаго вина въ ротъ не беретъ,
 «На Царя лихо думаетъ,
 «Кастрюкъ-Мастрюкъ Темрюковичъ,
 «Любимой царской шуринашка.
50. «Думаетъ думушку онъ, думаетъ крѣпкую,
 «Съ кѣмъ поборотися,
 «За прокладъ поводитися:
 «Онъ и хочеть каменну Москву нашу
 «Во полонъ себѣ взять,
55. «И хочеть во Кремль городъ взойти,
 «И хочеть съѣсть на камешкѣ ²⁾,
 «И хочеть съ насъ пошлины брать.»
 И возговоритъ нашъ Грозный Царь,
 Царь Иванъ Васильевичъ:
60. «Охъ ты гой еси, дядюшка,

¹⁾ Ср. вып. 5, стр. 22. — ²⁾ Ср. Былины выше. — 0.

- « Князь Никита Романовичъ!
 « Взойди-ты на крымечушко,
 « Взойди-ты на Красное,
 « Вскричи ты громкимъ голосомъ,
 65. « Вскричи-ты въ первый разъ,
 « Вскричи-ты въ другой разъ,
 « Вскричи-ты въ третій разъ,
 « Чтобы слышно было по всей Москвѣ,
 « Чтобы шли таковы борцы,
 70. « Не спрашивавши и не докладывавши,
 « На мой на царской дворъ,
 « На мой на почетной пирь!»
 Въ то время не случилось въ Москвѣ борцовъ:
 Разъѣхались по торгамъ по ярморкамъ.
 75. Услыхали изъ Нова-города
 Два братца два рѣдныя,
 Два Ивана два Ивановича,
 По прозванью Кашинины:
 Приходили на царской дворъ,
 80. На его на почетный пирь..
 Они по двору дохаживали..
 Шапочки заламывали,
 Чулочки подтягивали,
 Усы за уши закладывали,
 85. Борцовъ поспрашивали:
 « Есть ли у васъ борцы, добры молодцы?
 « Подавайте намъ ихъ!»
 Князь Никита Романовичъ
 Входилъ въ нову горенку:
 90. — Охъ вы гости мои, полюбовны мои!
 — Вотъ у насъ хлѣбъ-соль на столѣ,
 — А пришли борцы на дворѣ:
 — За что вы приметесь-ухватитесь,
 — За хлѣбъ за соль, за бѣлаго лебедя,
 95. — Иль за добраго мѡлодца?—
 Кастрюка-тъ кинулся,
 Онъ всѣ столы повалилъ

- И все придано подавилъ:
 Выходилъ на крылечушко,
 100. Выходилъ онъ на Красное.
 Принимаетъ его малый братъ,
 Малый братъ Иванушка:
 Онъ по двору похаживаетъ,
 Кастрюка поваживаетъ;
 105. Онъ перву-то пошибочку пошибъ,—
 Съ Кастрюка черну шляпу сшибъ;
 А другую-то пошибочку пошибъ,—
 Съ Кастрюка сапожки долой сшибъ;
 А третью пошибочку-то пошибъ,—
 110. Съ Кастрюка-то всю одежку сшибъ:
 Въ чемъ мать родила, на свѣтъ пустила ¹⁾.
 Кастрюкъ-то соромъ зажалъ,
 Да подъ крылецъ побѣжалъ.

- Увидала его сестра,
 115. Марья Темрюговна,
 Изъ высокаго терема,
 Изъ косящатаго окошечка:
 — Ты мужикъ-то, мужикъ, мужичій сынъ,
 — Крапивныя твои сѣмена!
 120. — На что ты Кастрюка поборолъ,
 — На что ты съ него платье сшибъ,
 — [Платье сшибъ,] нага пустилъ?—
 Возговоритъ нашъ Грозный Царь,
 Царь Иванъ Васильевичъ:
 125. « Охъ ты баба, баба б....,
 « Татарскія твои сѣмена!
 « Не то-то мнѣ дорого,
 « Что Татаринъ хвалится,
 « А те дорого, что крестьянинъ тѣшится!»

(Запис. А. М. Языковымъ).

*

¹⁾ Въ другихъ: пустилъ его, въ чемъ мать родила.—0.

2.

(Той же губ., Селгилевск. уѣзда, въ селѣ Стар. Ярмалѣ).

- Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
 Содержатель онъ всей Руси,
 Сберегатель каменной Москвы,
 При блаженной его памяти,
 5. Поизволилъ Царь жениться:
 Онъ беретъ не у насъ въ Москвѣ,
 Онъ беретъ во иной землѣ,
 У тово ли Темрюка-Мастрюка,
 Молодаго Черкешенина,
 10. Тоё малую сестру,
 Да свѣтъ Марью Темрюковну.
 Онъ и много приданова берётъ:
 Двѣсти Татариновъ,
 Полтора ста бояриновъ
 15. И семь сотъ Донскихъ казаковъ,
 Что ни лучшихъ добрыхъ мѡлодцевъ.
 Еще всѣ гости съѣхалися,
 Всѣ любимы солетѣлися,
 Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ,
 20. Нѣтъ гостя милаго,
 Того шурина родимова,
 Ево ли Темрюка-Мастрюка,
 Молодаго Черкешенина.
 Еще вонъ ѣдетъ милой гость:
 25. Сажаютъ его выше всѣхъ,
 Пошелъ пиръ на́ веселѣ,
 А смиренныя ¹⁾ на радостяхъ.

¹⁾ Здѣсь «пиръ»; обыкновеннѣе «смиренная бесѣдушка.» — 0.

- Пили-ѣли, проклажались,
 Между собой похвалялися,
 30. Сильной своею силою,
 А богатой богатствомъ своимъ,
 Убогой Божьей милостию,
 Какъ Бога-тъ насъ милуетъ,
 Государь Царь пожалуетъ,
 35. И будемъ мы всѣ ровны ¹⁾.
 Похваляется Темрюкъ-Мастрюкъ,
 Онъ хвалится своей силою:
 — Я Москву вашу насквозь пройду,
 — Не найду я себѣ спорщика ²⁾,
 40. — Съ кимъ бы могъ я поборотися! —

- Услыхалъ же про то Царь-государь,
 Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
 Содержатель онъ всей Руси,
 Сберегатель каменной Москвы;
 45. Выходилъ она на Красно крыльцо,
 Говорилъ онъ громкимъ голосомъ:
 « Эй вы гой еси, мои слуги вѣрные!
 « Вы подите въ каменнѣ Москву,
 « Прокличьте кличь скорую,
 50. « Есть ли у насъ, у нашего Царя,
 « Бойцы-борцы, молодые охотнички?
 « Шли бы на царской дворъ,
 « Безъ доклада государева,
 « Безъ допроса безо всякого!»
 55. За Москвой стоитъ деревнишка,
 Что деревнишка Онихина ³⁾.
 Во той ли во деревнишкѣ
 Жили два брата родныхъ.
 [Два брата родныхъ,] два калашничка,
 60. Два Андрея Андреича.

¹⁾ Это уже нравственная добавка, по поводу того, что «убогій—у Бога въ милости (словопроизводство).»—²⁾ Соперника.—³⁾ Онихина; ср. Анику.—0.

- Встають они ранёхынько,
 Умываются бѣлѣхынько,
 Обуваются гладѣхынько,
 Чулочки подвязывали,
 65. Башмачки на ноги надѣвывали,
 Свои усы завивывали,
 За уши усы закладывали,
 Приходили на государевъ дворъ,
 Безъ доклада государева,
 70. Безъ доклада безо всякого,
 Безо всякого вѣдѣнья ¹⁾,
 Становились у Красна крыльца.
 Услыхалъ про то Темрюкъ-Кастрюкъ,
 Молодой Черкешенинъ;
 75. Зашипѣлъ онъ по змѣиному,
 Заревѣлъ онъ по звѣриному,
 Переломалъ пятьдесятъ скамей,
 Передавиль онъ приданство всё,
 Двѣсти Татариновъ,
 80. Полтораста бояриновъ
 И семьсотъ Донскихъ казаковъ,
 Что ни лучшихъ добрыхъ мѳлодцевъ.
 Выходиль онъ на Красно крыльцо,
 Сохватился съ большимъ братомъ,
 85. Со Андреямъ Андреевичамъ.
 Они водѣться поводѣлися,
 Межонной день ²⁾ до вечера
 И всю ночь до бѣлой зари:
 Никто у нихъ не поборолъ;
 90. Расходѣться расходѣлися,
 Между собой поклонилися.
 Схватилися со мѣншимъ братомъ:
 Тотъ его беретъ за лѣвой воротокъ,

¹⁾ Не спрашивая ни о чемъ и не давая объ себѣ вѣсти, безъ вѣдома, не освѣдомляясь, безобсмыслочно.—²⁾ Долгий; полуденный, южный; лѣтний.—0.

- Поднимаетъ на правой на носокъ,
 95. Онъ приподнялъ повыше себя,
 Ударилъ о сыру землю,
 По колѣни его въ землю вшибъ,
 По колѣни, чуть не по поясъ;
 Онъ и цвѣтное платье съ него сшибъ,
 100. Пустилъ его косо на босо ¹⁾,
 Пустилъ его, въ чемъ мать родила.
 Услыхала про то малая сестра,
 Свѣтъ Марья Темрюковна,
 Выходила на Красное крыльцо,
 105. Говорила громкимъ голосомъ:
 — Ты крапива, крапивной сынъ!
 — Не много васъ посѣяно,
 — Да много уродилось!
 — Хотя бы ты и силёнъ,
 110. — И хотя бы тебѣ Богъ пособилъ,
 — На что ты такъ наругаешься
 — И на что насмѣхаешься?
 — Пустилъ ты его, въ чемъ мать родила?—
 Сказалъ тутъ Царь-государь,
 115. Царь Иванъ сударь Васильевичъ:
 « Ты баба, ты бабѣ знай!
 « Не то-то намъ дорого,
 « Что Татаринъ похваляется,
 « А то-то намъ дорого,
 120. « Что Русакъ насмѣхается!»

*

¹⁾ Босо на босо, а это уже дальнѣйшая игра воображенія и рѣчи.—0.

3.

(Сарат. губ., Петровск. уѣзда, с. Давыловка).

- У насъ было при прежнемъ Царѣ,
 При Иванѣ Васильевичѣ,
 Сбережатель каменной Москвѣ,
 Царь Иванъ сударь Васильевичъ
5. Поизволилъ жениться.
 Не беретъ онъ у насъ въ Москвѣ,
 Беретъ во иной землѣ,
 Во иной землѣ Черкасской,
 У Матрюка большу сестру,
10. Князю ¹⁾ Марью Темрюговну.
 Онъ и много за ней приданого беретъ,
 Онъ и два ста бояриновъ,
 Полтора ста Татариновъ,
 Пятсотъ Донскихъ казаковъ,
15. Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ;
 Еще за ней приданого беретъ
 Ея брата мѣньшаго,
 Матрюка Темрековича.
 Царь Иванъ сударь Васильевичъ
20. И дѣлалъ пиръ на веселѣ
 Про любимаго про шурина
 Матрюка Темрековича.
 Въ полопьяна напивалися,
 Въ полосыта наѣдалися,
25. Промежду собой похвалялися:
 А богатые хвалятся богатствомъ,

¹⁾ Княжу, княжну. — 0.

А сильные силою,
 А Иванъ Васильевичъ
 Младую княгинюю.

30. А Матрюка-тъ хвалится,
 Молодой похваляется:
 — Я, де, всю Москву изошоль,
 — По себѣ борцовъ не нашоль,
 — Борцовъ, удалыхъ молодцовъ:
35. — Борцовъ не случилось,
 — Молодцовъ не годилось!
 — Какъ я сяду на калиновомъ мосту,
 — Да буду брать пошлину:
 — Съ стариковъ похоронное,
 40. — Со старухъ повивальное ¹⁾,
 — Съ бабъ повалешное ²⁾,
 — Съ красныхъ дѣвокъ повѣнешное! —

Борцы въ разѣздочкахъ,
 Молодцы въ разсылочкахъ.

45. Только, де, случилось, —
 Два брата родимые,
 Два шута, Гришута съ Мишутюю.

- Царь Иванъ сударь Васильевичъ
 Выходилъ на Красенъ крылець,
 50. Воскричалъ громкіимъ голосомъ:
 «Есть, де, у насъ въ Москвѣ
 «Борцы, удалые молодцы?
 «Они бѣ шли на сударевъ на дворець,
 «Ко крылечушку ко Красному,
 55. «Ко окошечкамъ косящетымъ,
 «Ко стекольчикамъ стекольчатымъ
 «И къ анбарамъ государевымъ!»

И идутъ два шута,
 Гришута со Мишутюю:

¹⁾ За повивальное искусство. — ²⁾ Ср. прежнія Былины. — 0.

60. Они шуточки пошучиваютъ,
Они шапочки заламываютъ,
Чулочки потягиваютъ,
Сапожки подправливаютъ:
Мастрюка-то подражниваютъ.
65. Мастрюкъ разгорается,
Молодой похваляется,
Онъ и хлѣба не кушаетъ,
Бѣла лебеда не рушаетъ.
Кидался Мастрюкъ государь
70. Черезъ скатерти бранныя,
Черезъ яства сахарныя,
Черезъ пойло медвяное:
Онъ и лѣвой ногой зацѣпилъ, —
Триста скамей повалилъ,
75. И триста бояръ задавилъ,
Пятьсотъ Донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ.
Выбѣгаетъ и Мастрюкъ государь
Ко крылечку ко Красному
80. И къ анбарамъ государевымъ.
Въ первую пошибочку,
Съ Мастрюка сбили шапочку;
А въ другую-то пошибочку,
Съ Мастрюка сбили сапожечки;
85. А въ третью-то пошибочку,
И зипунъ-то сорвали.
Онъ ужъ забивается
Подъ крылечушко подъ Красное,
Подъ анбары государевы.
90. Марья Темрюковна
Выходила на Красенъ крылецъ,
Закричала громкимъ голосомъ:
— А ужъ мужикъ ты, мужикъ,
— Мужичій сынъ,
95. — Крапивныя сѣмены!

- Не поля, де, васъ посѣяно,
 — Не кулика насѣяно ¹⁾!
 — Хоть бы у васъ сила, де, была,
 — Вы бы его, Мاستрюка,
 100. — На стыдъ не давали и не безчестили!—
 Царь Иванъ сударь Васильевичъ
 Закричалъ громкіимъ голосомъ
 На Марью Темрюковну:
 «Посѣди-ко ты на дѣничкѣ ²⁾,
 105. «Поверти веретѣничкомъ!
 «У насъ, де, такъ Москва любитъ:
 «А коли у него силы-то не было,
 «Онъ бы, де, не хвастался ³⁾!»

(Запис. Ст. П. Шевыревымъ).

*

4*).

(Арханг. губ., Шенкурск. у.).

- У насъ было на святой Руси ¹⁾,
 На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
 Былъ-жилъ тутъ Царь Иванъ Васильевичъ.
 Поизволилъ Царь Иванъ Васильевичъ жениться ²⁾,
 5. Какъ во той ли земли да во Татарской,
 Какъ у того ли у короля Татарскаго,
 На дочери его на Марѣ на Темрюковнѣ.

¹⁾ Не поле (не много) васъ посѣяно, не Куликово (поле) насѣяно, да много уродилось (ср. другія Былины).—²⁾ Донце, при пражѣ.—³⁾ Въ другомъ спискѣ: «не хвалился.»—О.

^{*)} Тамъ же, и почти то же самое, записано Н. Борисовымъ въ Декабрѣ 1845 г.: приведемъ небольшія разнорѣчія.—О.

¹⁾ «Русь.»—²⁾ «женится.»—О.

- Собиралъ ли онъ силу свою могучую,
 Похóдитъ онъ во землю во Татарскую,
10. Отбираетъ онъ Марью Темрюковну;
 А король ли тотъ Татарской
 Отдаетъ ему во приданое
 Триста Татаровей,
 Двадцать пять удалыхъ молодцовъ.
15. Поѣзжалъ еще въ провожатые,
 Поѣзжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ,
 Темрюковъ сынъ, молодой ¹⁾ Черкашенинъ.
 Приѣзжали они въ каменну Москву,
 Заводилъ ли Царь Иванъ Васильевичъ
20. Про шурина почестный пиръ,
 Про Кастрюка-Мастрюка, сына Темрюкова,
 Кастрюкъ-Мастрюкъ за столомъ сидитъ,
 Хлѣба-соли не ѣстъ, пива-мѣду ²⁾ не пьётъ,
 Зеленà вина не кушаетъ,
25. Бѣлой лебеди не рушаетъ:
 На кого ³⁾ лихо думаетъ.
 Говоритъ Царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
 «Ой ты гой еси, Темрюковъ сынъ,
30. «Молодой ⁴⁾ Черкашенинъ!
 «За чѣмъ ты хлѣба-соли ⁵⁾ не ѣшь,
 «Меду-пива не пьешь,
 «Зеленà вина не кушаешь,
 «Бѣлой лебеди не рушаешь?
35. «На кого лихо думаешь?»
 Отвѣчаетъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
 — А за тѣмъ я хлѣба-соли ⁵⁾ не ѣмъ,
 — Пива-меду не пью,
 — Зеленà вина не кушаю,

¹⁾ «младой.»— ²⁾ «пива съ медомъ.»— ³⁾ «На кого-то.»— ⁴⁾ «Ты младой еси.»— ⁵⁾ «хлѣбъ-соль.»—*О.*

40. — Бѣлой лебеди не рушаю:
 — На тебя лихо думаю.
 — Я хочу у тебя спрашивать ¹⁾:
 — Есть ли у тебя въ каменнѣй Москвѣ
 — Таковы умильны ²⁾ борцы,
 45. — Съ Кастрюкомъ поборѣтися,
 — Съ Машрюкомъ по Татарскому,
 — Съ царевымъ со шуриномъ?—

Говоритъ Царь Иванъ Васильевичъ:

- « Ой ты гой еси, дядюшка,
 50. « Никита Романовичъ!
 « Ты поди-ко, дядюшка,
 « На крылечко на Красное,
 « Привздыни́сь-ко ³⁾ ты, дядюшка,
 « На сѣръ на горючь камень,
 55. « Закрычи-ко ты, дядюшка,
 « Во всю буйную голову,
 « Чтобъ услышали ⁴⁾ въ каменнѣй Москвѣ:
 « Борца ты спрашивай,
 « Борець намъ надобно,
 60. « Съ Кастрюкомъ поборѣтися,
 « Съ Машрюкомъ по Татарскому,
 « Со царевымъ со шуриномъ.»
 Пошелъ дядюшка
 На крылечко на Красное,
 65. Привздыну́лся дядюшка
 На сѣръ-горючь камень,
 Закричалъ дядюшка
 Во всю буйну голову ⁵⁾.
 Изъ избѣнушка маленькаго,
 70. Изъ дворѣнушка ху́денькаго,
 Бѣжать два молодчика:
 Васинька Маленькой
 Да Потанюшка Хроменькой.

¹⁾ «спрашивать.»— ²⁾ Искусные (умѣющіе).— ³⁾ Поднимись.— ⁴⁾ «уцѣли.»
⁵⁾ Прибавлено: «Борца спрашивалъ.»—0.

- Бѣжать они, ребяташки,
 75. Ко дворцу государеву,
 Ко крыльцу ¹⁾ ко Красному.
 Говорить тутъ Васинька,
 Говорить тутъ Маленькой:
 « Ой ты гой еси, дядюшка,
 80. « Никита Романовичъ!
 « Чтò, дядя, надобно,
 « Чего, дядя, спрашиваешь ²⁾?»
 — Ой ты гой еси, Васинька,
 — Ой ты гой еси, Маленькой!
 85. — Борець намъ надобно,
 — Съ Кастрюкомъ поборотися,
 — Съ Машрюкомъ по Татарскому,
 — Со царевымъ со шуриномъ.—
 Отвѣчаетъ ³⁾ Васинька,
 90. Отвѣчаетъ Маленькой:
 « Ой ты гой еси, дядюшка,
 « Никита Романовичъ!
 « Каковò съ имъ борòтися?
 « Онъ вѣдь шуринъ царевъ ⁴⁾:
 95. « Надо, Царь винь не полòжилъ ⁵⁾.»
 Отвѣчаетъ ⁶⁾ дядюшка:
 — Лишь бы какъ Богъ пособилъ:
 — Не будетъ вина на тебѣ!—
- Сказали Кастрюку за столомъ,
 100. Сказали Машрюку за столомъ:
 « На улицѣ борець у Царя.»
 Кастрюкъ изъ за стола вскочилъ,
 Побѣжалъ онъ на улицу,
 Побѣжалъ онъ боротися,
 105. Скамью ногой потнóлъ ⁷⁾.

1) «Ко крылечку.»— 2) Прибавлено: «Отвѣтъ держать дядюшка, Ник. Ром.»— 3) «Говорить ему.»— 4) «царской.»— 5) «Чтобъ Царь не положилъ въ томъ вини; разнор. «не положить.»— 6) «ему.»— 7) Ударилъ, задѣлъ.—О.

- Говорить ему сестрица
 Марья Темрюковна:
 — Ой ты гой еси, брѣтелко,
 — Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
 110. — Младой ¹⁾ Черкашенинъ!
 — Не ходи ты на улицу,
 — Не ходи ты боротися:
 — Тебѣ первое несчастье ²⁾,—
 — Ты не ладно за скамью скочилъ,
 115. — Скамью ногой потнулъ.—
 Побѣжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ,
 Побѣжалъ Темрюковъ сынъ,
 Побѣжалъ онъ на улицу,
 Побѣжалъ онъ боротися.
 120. Со крыльца ³⁾ онъ спускается,
 Боротися сряжѣется.
 Тутъ Васишка похаживаетъ,
 Маленькой погуливаетъ:
 « Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
 125. « Ой ты гой еси, Темрюковъ сынъ,
 « Младой ⁴⁾ Черкашенинъ!
 « Мы какъ станемъ боротися:
 « На свои буйны головы,
 « Или на платье цвѣтное?»
 130. Говорить Кастрюкъ-Мастрюкъ:
 — Мы станемъ боротися
 — На свои буйны головы!—
 Говорить ему Васишка,
 Говорить ему Маленькой:
 135. « Не хочу съ тобой боротися
 « Черезъ буйныя головы,—
 « Ты вѣдь шуринъ царевъ:
 « Надо—Царь вины не полѣжилъ;

¹⁾ «Молодой.»— ²⁾ Принята несчастная.— ³⁾ «Со крылечка.»— ⁴⁾ «Молодой.»—О.

- « Станемъ боротися
 140. « Черезъ платье цвѣтнѣе;
 « Кого бы кому ¹⁾ одолѣть,—
 « До нитки платье снять,
 « Того и на срамъ пустить.»
 Васька Кастрюка прихватилъ,
 145. Васька его о землю бросилъ,
 Къ землѣ Васька его колѣнцемъ прижалъ,
 До нитки платье снялъ,
 Нагого на срамъ пустилъ.
 Побѣждалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ
 150. Ко двору государеву,
 Ко крыльцу ко Красному:
 Отъ сраму онъ, горе, прикрывается.
 Бѣжитъ въ стрѣту сестрица
 Марья Темрюковна,
 155. Несетъ платье цвѣтное;
 Кастрюкъ оболочается,
 Изъ Москвы вонъ сряжается.
 — Царь Иванъ Васильевичъ!
 — У насъ этакъ не водится,
 160. — У насъ этакъ не бѣрются,—
 — Кому бы кого одолѣть,
 — До нитки бы платье снять,
 — Да того на срамъ пустить
 — Чѣстнымъ людямъ на посидѣшище ²⁾!—
 165. « Ой ты, Марья Темрюковна!
 « Да не мною приказано:
 « Приказано дядюшкой
 « Никитой Романовичемъ.»
 — Спасибо тѣ, зятюшко,
 170. — Царь Иванъ Васильевичъ,
 — На твоей каменнѣй Москвѣ:

¹⁾ «Кому бы кого.»— ²⁾ Слова Марьи.— О.

— Не дай миѣ Богъ бывать,
— Не только миѣ, да и дѣтямъ моимъ ¹⁾! —

(Запис. адмир. Кузьмищевымъ).

*

5*).

(Тамъ же).

- У насъ-то было на святой Русь,
На святой Русь, въ каменнѣй Москвѣ,
Быль-жилъ Царь тутъ Иванъ Васильевичъ.
Поизволилъ Царь Иванъ Васильевичъ жениться,
5. Во дальней землѣ, во Литовской,
У того ли короля у Литовскаго,
На дочерѣ его на Марьѣ Демрюковнѣ.
Собиралъ онъ свою силу могучую,
Посылалъ во землю во Литовскую.
10. Похѣдитъ сила во землю во Литовскую,
Отбираетъ сила Марью Демрюковну,
На придатокъ беретъ триста Татаровой;
Поѣзжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ,
Поѣзжалъ Демрюковъ сынъ,
15. Молодой Черкашенинь.
Пріѣзжали ребята въ каменнѣй Москву,
Заводилъ ли Царь Иванъ Васильевичъ
Про шурина почестный пиръ,

¹⁾ Слова Кастрюка.—0.

^{*}) Ближайше сходна съ предыдущей. — 0.

Про Кастрюка-Мастрюка, сына Демрюкова.

20. Кастрюкъ-Мастрюкъ за столомъ сидитъ,
Хлѣба съ солью не ѣстъ, пива съ медомъ не пьеть,
Зеленà вина не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ:
На кого лихо думаетъ.
25. Говоритъ Царь Иванъ Васильевичъ:
«Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
«Ой ты гой еси, Демрюковъ сынъ,
«Молодой Черкашенинъ!
«Ты за чѣмъ хлѣба съ солью не ѣшь,
30. «Ты за чѣмъ пива съ медомъ не пьешь,
«Зеленà вина не кушаешь,
«Бѣлой лебеди не рушаешь?
«На кого лихо думаешь?»
Отвѣчаетъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
35. — Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ!
— А за тѣмъ хлѣба съ солью не ѣмъ,
— А за тѣмъ пива съ медомъ не пью,
— Зелена вина не кушаю,
— Бѣлой лебеди не рушаю:
40. — На тебя лихо думаю.
— Я хочу у тебя, Царя, спрашивати:
— Есть ли у тебя въ каменнóй Москвѣ
— Таковы умѣльны борцы,
— Съ Кастрюкомъ поборотися,
45. — Съ Мастрюкомъ по Татарскому,
— Со царевымъ со шуриномъ?—
Говоритъ Царь Иванъ Васильевичъ:
«Ой ты гой еси, дядюшка,
«Свѣтъ Никита Романовичъ!
50. «Да поди-ко ты, дядюшка,
«На крылечко на Красное,
«Стань на сѣрѣ на горючь камень,
«Закричи-ко ты, дядюшка,
«Во всю буйну голову,

55. «Чтобъ учѣли ¹⁾ въ каменной Москвѣ:
 «Борца ты спрашивай,
 «Борець намъ надобно,
 «Съ Кастрюкомъ поборотися,
 «Съ Машрюкомъ по Татарскому,
60. «Съ моимъ со шуриномъ.»
 Похóдитъ дядюшка,
 Свѣтъ Никита Романовичъ,
 На крылечко на Красное,
 Привздымáлся ²⁾ дядюшка
65. На сѣрь на горючь камень,
 Закричалъ дядюшка
 Во всю буйну голову,
 Чтобъ учѣли въ каменной Москвѣ.
 Изъ избѣнышка маленькаго,
70. Изъ дворёнышка худенькаго,
 Бѣжать два молодчика:
 Васинька Маленькій
 Да Потанюшко Хроменькій.
 Бѣжать они, ребятушки,
75. Ко дворцу государеву,
 Ко крылечку ко Красному.
 Говорить тутъ Васинька,
 Говорить Маленькій;
 «Ахъ ты гой еси, дядюшко,
80. «Свѣтъ Никита Романовичъ!
 «Что, дядя, надобно,
 «Чего, дядя, спрашиваешь?»
 — Ой ты гой еси, Васинька,
 — Ой ты гой еси, Маленькій!
85. — Борець намъ надобно,
 — Съ Кастрюкомъ поборотися,
 — Съ Машрюкомъ по Татарскому,
 — Со царевымъ со шуриномъ. —

¹⁾ Услышали. — ²⁾ Приподнимался. — 0.

«Никита Романовичь!

90. «Каковò съ нимъ боротися?
«Онъ, вѣдь, шуринъ царевъ:
«Надо, Царь вины не положилъ.»
Отвѣчаетъ дядюшка,
Свѣтъ Никита Романовичь:
95. — Лишь бы какъ Богъ пособилъ,
— Не будетъ вина на тебѣ!—

Сказали Кастрюку за столомъ,

Сказали Мاستрюку за столомъ:

«На улицѣ борець у Царя!»

100. Кастрюкъ изъ застѣлья вскочилъ,
Побѣждалъ онъ на улицу,
Побѣждалъ онъ боротися,—
Скамью ногой поткнулъ.
Говорить ему сестрица,
105. Марья Демрюковна:
— Ой ты гой еси, брателко,
— Ой ты гой, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
— Ой ты гой, Демрюковъ сынъ,
— Молодой Черкашенинъ!
110. — Не ходи ты боротися:
— Тебѣ перво несчастьеце,—
— Ты не ладно за скамью скочилъ,
— Скамью ногою поткнулъ. —
Не вѣдываетъ ¹⁾ Кастрюкъ-Мастрюкъ,
115. Побѣждалъ онъ на улицу,
Побѣждалъ онъ боротися.
Тутъ Васинька похаживаетъ,
Маленькій погуливаетъ:
«Ой ты гой, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
120. «Ой ты гой, Демрюковъ сынъ,
«Молодой Черкашенинъ!
«Мы какъ станемъ боротися:
«На свои буйны головы,

¹⁾ Не внимаеть. — 0.

- «Иль на платьѣ цвѣтное?»
125. Говоритъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
— Мы станемъ боротися
— На свои буйны головы!—
Говоритъ ему Васинька:
« Не хочу съ тобой боротися
130. « Черезъ буйныя головы:
« Ты, вѣдь, шуринъ царевъ,—
« Надо, Царь вины не положи́ль,
« Станемъ боротися
« Черезъ платьѣ цвѣтное:
135. « Кому бы кого одолить,
« До нитки платьѣ снять,
« Того ли на срамъ спустить.»
Васька Кастрюка прихвати́ль,
Васька Кастрюка о землю броси́ль,
140. Къ землѣ Васька колѣнцемъ прижалъ,
До нитки съ Кастрюка платьѣ обра́ль,
Нагого на срамъ спусти́ль.
Побѣждалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ
Ко дворцу государеву:
145. Отъ срама онъ, горе, прикрывается.
Бѣжитъ ему въ стрѣту сѣстрица,
Несетъ платьѣ цвѣтное:
Кастрюкъ оболочается,
Изъ Москвы вонъ сряжается:
150. — Царь Иванъ Васильевичъ!
— У насъ этакъ не водится,
— У насъ этакъ не борятся:
— Кому бы кого одолить,
— До нитки бы платьѣ снять,
155. — Да того на срамъ спустить,
— Честнымъ людямъ на посмѣшище!—
Говоритъ Грозный Царь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
« Не сердись, Кастрюкъ-Мастрюкъ:
160. « То не мною приказано,

- « Приказалъ то дядюшка,
« Свѣтъ Никита Романовичъ.»
— Спасибо тѣ, зятюшко,
— Царь Иванъ Васильевичъ,
165. — На твоёй каменнѣй Москвѣ!
— Да не дай Богъ мнѣ больше бывать
— Во твоёй каменнѣй Москвѣ,
— А не то бы мнѣ, да и дѣтямъ моимъ!—

(Отъ В. И. Дала; запис. А. Харитовымъ).

*

6^a).

(Кирша Даниловъ).

- Въ годы прежніе,
Времена первоначальныя,
При бывшемъ вольномъ Царѣ,
При Иванѣ Васильевичѣ,
5. Когда холостъ былъ государь,
Царь Иванъ Васильевичъ,
Поизволилъ онъ жениться.
Береть онъ, Царь государь,
Не у себя въ каменной Москвѣ,
10. А беретъ онъ, Царь государь,
Въ той Золотой Ордѣ,
У того Темрюка царя,
У Темрюка Степановича,

*) Стихи раздѣляемъ иначе, чѣмъ у К. Θ. Калайдовича: это уже не Былина, даже не Побывальщина, а такъ называемая Старина (Баба), въ коей каждый древній стихъ раздѣлился на двѣ малыя половины. — 0.

- Онъ Марью Темрюкову,
 15. Сестру Матрюковну,
 Купаву ¹⁾ Крымскую,
 Царицу благовѣрную.
 А и царскаго поѣзду
 Полторы было тысячи:
20. Князи-бояра, могучіе богатыри,
 Пятьсотъ Донскихъ козаковъ,
 Что ни лучшихъ добрыхъ молодцовъ.
 Здравствуетъ ²⁾ Царь государь
 Черезъ рѣки быстрыя,
25. Черезъ грязи Смоленскія,
 Черезъ лѣса Брынскіе,
 Онъ здравствуетъ, Царь государь,
 Въ той Золотой Ордѣ,
 У того Темрюка царя,
30. У Темрюка Степановича;
 Онъ понялъ ³⁾, Царь государь,
 Царицу благовѣрную,
 Марью Темрюковну,
 Сестру Матрюкову;
35. И взялъ въ провожатые за ней
 Триста Татаринцовъ,
 Четыреста Бухариновъ,
 Пять сотъ Черкашениновъ
 И любимаго шурина,
40. Матрюка Темрюковича,
 Молодаго Черкашенина:
 Ужь царскаго поѣзду
 Безъ малаго три тысячи,

¹⁾ *Купава* и *упава*, Юго-Слав. *xubava*, Санскритск. *шуб'а*, есть нарицательное—красавица (блестящая, свѣтлая); оно переходитъ въ прозвище и даже имя (какъ здѣсь, и ср. ниже), равно какъ *Запава*, осмысленное *Забава*, *Зыбава*, *Зыбата* и т. п., ср. нашъ 4-й выпускъ.— ²⁾ Всѣ эти «здравствуетъ» значать постепенно: въ здоровьѣ отираывается и переѣзжаетъ, въ здоровьѣ пребываетъ, наконецъ въ здоровьѣ возвращается и снова является.— ³⁾ Взялъ за себя.—0.

- Везуть золоту казну
 45. Ко Царю въ каменну Москву.
 Переѣхалъ Царь государь,
 Онъ рѣки быстрыя,
 Грязи Смоленскія
 И лѣса Брынскіе.
50. Онъ здравствуетъ, Царь государь,
 У себя въ каменной Москвѣ,
 Во палатахъ бѣлокаменныхъ,
 Въ возлюбленной Крестовой своей ¹⁾:
 Пирь на веселѣ,
55. Повелъ столы на радостяхъ.
 И всѣ ли князи-бояра,
 Могучіе богатыри,
 И гости званые,
 Пятьсотъ Донскихъ козаковъ,
60. Пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются,
 Зелено вино кушаютъ,
 Бѣлу лебедь рушаютъ.
 А единъ не пьетъ да не ѣстъ,
 Царской гость дорогой,
65. Матрюкъ Темрюковичъ,
 Молодой Черкашенинъ.
 И за чѣмъ хлѣба-соли не ѣстъ,
 Зелена вина не кушаетъ,
 Бѣлу лебедь не рушаетъ?
70. У себя на умѣ держитъ:
 Изошелъ онъ семь городовъ,
 Поборолъ онъ семьдесятъ борцовъ,
 И по себѣ борца не нашель;
 И только онъ думаетъ,
75. Ему вѣра поборотися есть
 У Царя въ каменной Москвѣ,
 Хочетъ Царя потѣшити
 Со Царицею благовѣрною,

¹⁾ Палатъ.—О.

- Марьею Темрюковною;
80. Онъ хочетъ Москву загонять,
Сильно Царство Московское.

- Никита Романовичъ
Объ томъ Царю доложилъ,
Царю Ивану Васильевичу:
85. — А и гой еси, Царь государь,
— Царь Иванъ Васильевичъ!
— Всѣ князи-бояра,
— Могучіе богатыри
— Пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются
90. — На великихъ на радостяхъ;
— Одинъ не пьетъ не ѣстъ,
— Твой Царской гость дорогой,
— Мاستрюкъ Темрюковичъ,
— Молодой Черкашенинъ:
95. — У себя онъ на умъ держитъ,
— Вѣра поборотися есть,
— Твое Царское Величество потѣшити
— Со Царицею благовѣрною.—
Говоритъ тутъ Царь государь,
100. Царь Иванъ Васильевичъ:
« Ты садися, Никита Романовичъ,
« На добра коня,
« Побѣги по всей Москвѣ,
« По широкимъ улицамъ
105. « И по частымъ переулочкамъ.»

- Онъ будетъ дядюшка,
Никита Романовичъ,
Середь Юрья Повольскаго,
Слободы Александровы ¹⁾;
110. Два братца родимые
По базару похаживаютъ,
А и бороды бритыя,

¹⁾ Любимое мѣстопробываніе Ивана представляется въ Москвѣ.— 0.

- Усы торженные ¹⁾,
 А платье Саксонское,
 115. Сапоги съ раструбами ²⁾;
 Объ ручку-то дядюшкѣ челомъ ³⁾:
 «А и гой еси ты, дядюшка,
 «Никита Романовичъ!
 «Кого ты спрашиваешь?
 120. «Мы борцы въ Москвѣ похваленые.
 «Молодцы поученые, славные.»
 Никита Романовичъ
 Привелъ борцовъ ко дворцу.
 Говорили тутъ борцы-молодцы:
 125. «Ты Никита Романовичъ,
 «Ты изволь объ томъ Царю доложить:
 «Смѣтъ ли нога ступить ⁴⁾
 «Съ царскимъ шуриномъ
 «И смѣтъ ли его побороть?»
 130. Пошелъ онъ, Никита Романовичъ,
 Объ томъ Царю доложилъ,
 Что привелъ борцовъ ко дворцу.
 Злата труба протрубила ⁵⁾
 Во полатѣ бѣлокаменной,
 135. Говорилъ тутъ Царь государь,
 Царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ты Никита Романовичъ,
 «Веди борцовъ на дворъ,
 «На дворецъ государевой,
 140. «Борцовъ ученыхъ,
 «Молодцовъ похваленныхъ,
 «И въ томъ имъ приказъ отдавай:
 «Кто бы Матрюка поборолъ,
 «Царскаго шурина,

¹⁾ Поднятые къверху, закрученные.—²⁾ Одежда какъ у Скомороховъ: ср. платье Латинское у Добрыни, передѣвавшагося скоморохомъ, въ прежнихъ выпускахъ.—³⁾ Кланяются какъ скоморохи, «люди вѣжливые и очестливые.» ср. вып. 5.—⁴⁾ Нога въ ногу сосунуться въ борьбѣ.—⁵⁾ Т. е. какъ труба протрубила, что не труба протрубила.—О.

145. «Платье бы съ плечь снялъ ¹⁾,
 «Да нагаго съ круга ²⁾ спустилъ.
 «А нагаго—какъ мать родила,
 «А и мать на свѣтъ пустила.»
 Послышалъ Матрюкъ борцовъ,
150. Скачетъ прямо Матрюкъ
 Изъ мѣста большаго ³⁾,
 Изъ угла передняго,
 Черезъ столы бѣлодубовы,
 Черезъ яства сахарныя,
155. Черезъ питья медвяныя:
 Лѣвой ногой задѣлъ
 За столы бѣлодубовы,—
 Повалилъ онъ тридцать столовъ,
 Да прибилъ триста гостей;
160. Живы да негодны,
 На корачкахъ ползаютъ
 По палатѣ бѣлокаменной:
 То похвальба Матрюку,
 Матрюку Темрюковичу.
165. Выбѣжалъ тутъ Матрюкъ
 На крылечко Красное,
 Кричить во всю голову,
 Чтобы слышалъ Царь государь:
 — А свѣтъ ты, вольной Царь,
170. — Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Что у тебя въ Москвѣ
 — За похвальные молодцы,
 — Поученые, славные?
 — На ладонь ихъ посажу,
175. — Другой рукою раздавлю!—
 Съ борцами сходится
 Матрюкъ Темрюковичъ;
 Борьба его ученая,

¹⁾ Тотъ платье бы съ плечь снялъ. — ²⁾ Съ поля, арены борьбы. — ³⁾ Читайте: «большаго.»—0.

Борьба Черкесская:

180. Колесомъ онъ бороться пошелъ.
 А и малой выступаетя,
 Мишка Борисовичъ:
 Смотрить Царь государь,
 Что кому будетъ Божья помочь,
185. И смотрятъ ихъ борьбу князи-бояра,
 И могучіе богатыри,
 Пятьсотъ Донскихъ козаковъ.
 А и Мишка Борисовичъ,
 Съ носка бросилъ о землю
190. Онъ царскаго шурина;
 Похвалилъ его Царь государь:
 «Исполать тебѣ, молодцу,
 «Что чисто борешься!»
 А и Мишка къ сторонѣ пошелъ,
195. Ему полно бороться.
 А Потанька бороться пошелъ, —
 Костылемъ поднирается,
 Самъ впередъ подвигается,
 Къ Матрюку приближается:
200. Смотрить Царь государь,
 Что кому будетъ Божья помочь.
 Потанька справился,
 За плеча сграбился,
 Согнетъ корчагою,
205. Воздымалъ выше головы своей,
 Опустилъ о сыру землю, —
 Матрюкъ безъ памяти лежитъ;
 Не слыхалъ, какъ платье сняли:
 Былъ Матрюкъ во всемъ,
210. Сталъ Матрюкъ ни въ чемъ;
 Ожерелье въ пятьсотъ рублей
 Безъ единыя денежки,
 А платья Саксонскаго
 Снялъ на три тысячи:
215. Со стыда и сорома,

Окорачкахъ подь крылецъ ползеть.

- Какъ бы бѣла лебедушка,
 По зарѣ она прокликала,
 Говорила Царица Царю,
220. Марья Темрюковна:
 — Свѣтъ ты, вольной Царь,
 — Иванъ Васильевич!
 — Такова у тебя честь добра
 — До любимаго шурина?
225. — А дѣтина наругается,
 — Что дѣтина деревенской:
 — Почто онъ платье снимаетъ?—
 Говорилъ тутъ Царь государь:
 « Гой еси ты, Царица во Москвѣ,
230. « Да ты Марья Темрюковна!
 « А не то у меня честь во Москвѣ,
 « Что Татары-тѣ борются;
 « То-то честь въ Москвѣ,
 « Что Русакъ тѣшится!
235. « Хотя бы ему голову сломилъ,
 « До любви ¹⁾ бы я пожаловалъ
 « Двухъ братцовъ родимыхъ,
 « Двухъ удалыхъ Борисовичевъ ²⁾!»

*

7*).

(Сибирск. губ., Семилеевск. у.).

Какъ у насъ было, братцы, на святой Русѣ,
 Во матушкѣ каменной Москвѣ,
 Поизволилъ Царь жениться,

¹⁾ До любви—до любви, съ полной любовью; у Калайдовича ошибочно:
 «Долюбилъ бы я, пожаловалъ.»—²⁾ Ср. вып. 5, «Князья Тверскіе.»—О.

³⁾ Разнорѣчія, которыя мы приведемъ, приписаны карандашемъ.—О.

- Еще Царь государь,
 5. Царь Иванъ сударь Васильевичъ.
 Онъ беретъ не у насъ во Русь,
 А беретъ въ проклятой Литвѣ,
 У того ли у Татарина,
 У мурзы, дочь, у боярина,
 10. У того ли Кострюка-Мострюка,
 Кострюка Темрюковича ¹⁾,
 Черезъ бѣольшую меньшю беретъ,
 Онъ ²⁾ Марью Темрюковну.
 Онъ за тѣмъ черезъ большую
 15. Меньшую беретъ ³⁾,—
 Она много приданого даетъ:
 Она двѣсти Татаринновъ,
 Пятьдесятъ бояриновъ,
 Пятьсотъ Донскихъ казаковъ,
 20. Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ.

- И пошелъ ⁴⁾ пиръ на веселѣ,
 И бесѣдушка на радости.
 Ужь всѣ гости пьютъ-ѣдятъ-кушаютъ,
 Онѣ пьютъ-ѣдятъ-кушаютъ,
 25. Бѣла лебедя рушаютъ,
 На Царя лиха не думаютъ.
 Одинъ гость не пьетъ—не ѣстъ—не кушаетъ,
 Бѣла лебедя не рушаетъ,
 На Царя лихо думаетъ:
 30. Ужь тотъ же гость Кострюкъ-Мострюкъ,
 Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,
 Молодой Черкашенинъ ⁵⁾.
 Онъ и проситъ у Царя борцовъ,
 Что борцовъ—удалыхъ молодцовъ ⁶⁾,
 35. Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ.

¹⁾ «У того ли у Темрюковича.»—²⁾ «Онъ и.»—³⁾ «Не большую, а меньшую онъ беретъ.»—⁴⁾ «И пошелъ тутъ.»—⁵⁾ «Ужь и тотъ ли гость—К. М., Онъ К. М. Темрюк., Молодой, братцы, Черкашенинъ.»—⁶⁾ «Что борцовъ-удальцовъ.»—0.

- И лучился тутъ дядюшка,
 Князь Никита Романовичъ:
 — Я пойду, Царю, братцы, скажу,
 — Я пойду, государю доложу:
40. — Ты о еси ¹⁾, Царь государь,
 — Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
 — Уже всѣ гости пьютъ и ѣдятъ,
 — Они пьютъ-ѣдятъ-кушаютъ.
 — Бѣла лебеди рушаютъ,
45. — На Царя лиха не думаютъ.
 — Одинъ гость не пьетъ — не ѣстъ — не кушаетъ,
 — Бѣла лебедя не рушаетъ,
 — На Царя онъ лихо думаетъ:
 — Еще тотъ же гость — Кострюкъ-Мострюкъ,
50. — Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,
 — Молодой Черкашенинъ.
 — Онъ и просить у Царя борцовъ,
 — Борцовъ, удалиныхъ молодцовъ,
 — Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ. —
55. Ужъ и тотъ же Царь государь,
 Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
 Онъ выходитъ на Красенъ крылецъ,
 Выговорилъ какъ въ трубу затрубилъ:
 «Уже нѣтъ ли въ Москвѣ борцовъ,
60. « Борцовъ, удалиныхъ молодцовъ,
 « Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ?
 « Онѣ шли бы на царскій дворъ,
 « Безъ всего безопасьшино,
 « Безъ всего бездокладышно ²⁾!»
65. Не лучилося въ Москвѣ борцовъ,
 Борцовъ, удалиныхъ молодцовъ,
 Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ:
 А случилися два брата родныхъ,

¹⁾ «Ужъ ты гой еси.»—²⁾ «Они шли бы беспосыльно, Они шли бы безкладочно, Онѣ шли бы на царской дворъ.»—0.

Два Василія Васильевича.

70. Они же со Низовой стороны,
Уроженцы веселà гóрода,
Александровской Слободы.
Они шли же на царской дворъ,
Безъ всего безопасишно,
75. Безъ всего бездокладышно;
Они полы-ты затыкивали,
А сапожки потягивали ¹⁾,
Они шапочки заламывали,
Усы за уши закладывали.
80. Тотъ же Царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь,
Взговорилъ таковыя словеса:
«Ты о еси, дядюшка,
«Князь Никита, ста, Романовичь!
85. «Ты поди-ка, попотчивай гостей,
«Ты поди-ка, покланяйся!»
И пошолъ къ нимъ дядюшка,
Князь Микита, ста, Романовичь,
Онъ и сталъ гостей потчивать,
90. Онъ и сталъ гостемъ кланяться:
— О вы о еси, гости званые,
— О вы, гости, ста, бранья!
— Вы пожала-ста покушайте,
— Бѣла лебедя порушайте,
95. — На Царя лиха не думайте!
— О ты о еси, Кострюкъ-Мострюкъ,
— Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичь,
— Молодой Черкашеникъ!
— Еще вотъ тебѣ и хлѣбъ да и соль,
100. — И вотъ къ тебѣ борцы пришли,
— Борцы, удалые молодцы,
— Что ни лучши добры мѡлодцы!—
Еще кинулся Кострюкъ-Мострюкъ,

¹⁾ Подтягивали — 0.

- Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,
105. Молодой Черкашенинъ:
 Онъ и семь скамей поломилъ,
 Онъ много людей подавилъ,
 Онъ двѣсти Татаринновъ,
 Пятьдесятъ бояриновъ ¹⁾,
110. Пятьсотъ Донскіихъ казаковъ.
 Онъ пошолъ же на царскій дворъ.
 Да и тотъ же Васильюшка,
 Что Васильюшка Маленькой,
 Онъ сдѣлалъ съ нимъ схватычку,
115. Еще съ тѣмъ же Кострюкомъ-Мострюкомъ,
 Съ Кострюкомъ-Мострюкомъ Темрюковичемъ,
 Съ молодымъ Татарченкомъ.
 Онъ стали боротися,
 Онъ стали водитися.
120. Ужь Васильюшка,
 Что Васильюшка Маленькой,
 Онъ и самъ на себя попустилъ:
 Уже стала пошибычна
 Того ли Кострюка-Мострюка,
125. Кострюка-Мострюка Темрюковича.
 Онъ всталъ, да и самъ похваляться сталъ:
 — Уже я заперъ землю Шведску,
 — Я заперъ Литовскую,
 — Я запру каменну всюю Москву!—
130. Ужь и тотъ Васильюшка,
 Что Васильюшка Маленькой,
 Взговоритъ таковыя словеса:
 « О ты о еси, Царь государь,
 « Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
135. « Не можно ли Кострюка поборотъ,
 « Не можно ли нагого пустити,
 « Нагого, въ чемъ мать родила?»
 Взговоритъ тутъ Царь государь,

¹⁾ «большихъ бояриновъ.»—0.

Царь Иванъ сударь Васильевичъ:

140. « Ты о еси, Васильюшка,
 « Что Васильюшка Маленькой!
 « Ты пожалуй, побори мнѣ Кострюка,
 « Ты пожалала-ста потѣшь меня, Царя,
 « Какъ тебя мочь взяла!»
145. Еще тотъ Васильюшка,
 Что Васильюшка Маленькой,
 Онъ сдѣлалъ опять схватычку,
 Съ тѣмъ же Кострюкомъ-Мострюкомъ,
 Кострюкомъ-Мострюкомъ Темрюковичемъ,
150. Молодымъ Черкашенинымъ.
 Онѣ стали боротися,
 Онѣ стали водитися.
 Тотъ же Васильюшка,
 Что Васильюшка Маленькой,
155. Онъ и взялъ крѣпко за бѣлы его руки,
 Онъ ударилъ объ сыру его землю:
 Что у него пуговики лопнули,
 Да и петелки треснули.
 Онъ и спибу съ него платье цвѣтное,
160. И взялъ — да подъ пазуху поджалъ,
 Онъ понесъ на царевъ на кабакъ:
 « Изъ того-то я, братцы, Царю служилъ,
 « Изъ того-то государю работалъ!»
 Тотъ же Кострюкъ-Мострюкъ,
165. Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,
 Молодой Черкашенинъ,
 Онъ и всталъ, да самъ шататься сталъ,
 Онъ сорома-тъ ладонью зажалъ,
 А самъ въ подклѣтъ побѣжалъ.
170. Увидала его сестрица,
 Марья Темрюковна:
 — Ты крестьянинъ, крестьянинъ, б.....
 — Деревяшныя, б....., рогатины,
 — Крапивны, б....., сѣмены!

175. — Не надо бы Кострюка такъ бороть,
 — Не надо бы нагого пускать,
 — Нагого, въ чемъ мать родила!—
 Взговорить Царь государь,
 Царь Иванъ сударь Васильевичъ:
180. « Ужь ты баба
 « Ты бабѣе и знай!
 « Татарина-тъ бѣсится,
 « А Русака-тъ тѣшится!»

(Записалъ Н. С. Ржевтинновъ).

*

8.

(Арханг. губ., Шенкурск. у.).

- Во матушкѣ было въ каменной Москвѣ,
 При Грозномъ Царѣ Иванѣ Васильевичѣ,
 Были годы тѣ недолгие, времена были студенныя ¹⁾
 Задумалъ Царь Иванъ Васильевичъ жежитися,
3. Благовѣрный обручитися,
 Онъ не въ матушкѣ въ каменной Москвѣ
 И не въ матушкѣ славной Вологдѣ. —
 Во той во землѣ во Польскія,
 У короля у Церконовскаго, у Литовскаго.
10. У того у Кастрюка на меньшей сестрѣ.

¹⁾ Разнорѣч. «потрусилыва», съ землетрясеніемъ, а также съ военными безпокойствами, заставлявшими робѣть.—О.

Еще скоро по скору, скоро на скоро,
Тутъ поѣхалъ Иванъ Васильевичъ жениться.

Ему стрѣлу ладить ¹⁾ Кастрюкъ съ барабанной музыкою:

— Ужь ты здравствуй, Царь Иванъ Васильевичъ!

15. — Еще ты ли ко мнѣ пріѣхалъ торгомъ торговать,

— Еще ты ли ко мнѣ пріѣхалъ собирать пошлину,

— Сбирать пошлину за двѣнадцать лѣтъ? —

Отвѣчаетъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:

« Я пріѣхалъ къ тебѣ не торгомъ торговать,

20. « Я пріѣхалъ къ тебѣ не за пошлиной:

« Я пріѣхалъ къ тебѣ жениться,

« На твоей жениться на меньшой сестрѣ.»

Еще скоро по скору, скоро на скоро,

Сряжаетъ Кастрюкъ свою сестру.

25. Снимается ²⁾ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ

Во свои зѣмли во Русскія,

Во свою во матушку въ каменну Москву.

Пошло красное солнышко ко западу,

Пошелъ честень пиръ, всѣ на веселъ,

30. Всѣ на пиру сидятъ — пьютъ-ѣдятъ,

Пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются.

Кастрюкъ сидитъ — не пьетъ, не кушаетъ,

Бѣлой лебеди не рушаетъ.

На кого лихо думаетъ?

35. Еще или онъ на Царя на православнаго,

Еще или онъ на сестрицу на любимую,

Еще или онъ на князей — на бояръ,

Еще или онъ на торговыхъ на гостей,

Еще или онъ на прислужащихъ всѣхъ.

40. Что возговоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:

« Ужь ты гой еси, Никита Романовичъ!

« Ты иди-ко, поспроси его:

« Ужь ты что, скажи, Кастрюкъ молодой,

¹⁾ Готовится на встрѣчу, съ готовностью встрѣчается. — ²⁾ Сряжается, отправляется. — 0.

- «Что сидишь, не пьешь—не кушаешь,
 45. «Бѣлой лебеди не рушаешь?
 «На кого лихо думаешь:
 «Еще или на Царя на православнаго,
 «Еще или на сестрицу любимую,
 «Еще или на князей-бояръ,
 50. «Еще или на торговыхъ гостей.
 «Еще или на прислужащихъ всѣхъ?»
 Отвѣчаетъ Кастрюкъ молодой:
 — Ужь я той думы не думаю,
 — Я тѣхъ мыслей не примысливаю.
 55. — Ужь я всѣ города ходоми прошель,
 — Ужь я всѣхъ славныхъ борцовъ приобороль;
 — Я теперъ во Москву вступилъ,
 — Въ ту же матушку въ славу въ Вологду ¹⁾:
 — Изъ твоей изъ матушки каменной Москвы
 60. — Я хочу честь-честь свою и славу унести. —

Походилъ Никита Романовичъ

Ко Царю Ивану Васильевичу:

«Ужь ты гой еси, Царь Ивапъ Васильевич!

«Молодой Кастрюкъ той думы не думаетъ:

65. «Ужь онъ всѣ города прошель,

«Онъ всѣхъ сильныхъ борцовъ приобороль;

«Онъ приѣхалъ теперъ въ каменну Москву:

«Хочетъ изъ Москвы честь-славу унести.»

На это Грозный Царь отвѣтъ держитъ:

70. «Ужь ты гой еси, Никита Романович!

«Ты бери-ко трубу золоту свою,

«Выходи на крылечко на Красное,

«Ты труби-ко въ трубу золоту свою,

«По тому переулочку Косяцетому ²⁾,

¹⁾ Какъ и выше, это предвѣстие, что Бялина цѣлась въ Вологдѣ и занесена оттуда. — ²⁾ Разнорѣчье:

«Ты труби-ко во всю голову,

«Чтобы слышно всему городу!»—0.

75. « Кабы шли борцы на царскій дворъ!»
 Бралъ Никита золоту трубу,
 Выходилъ на крылечко на Красное,
 Онъ трубилъ въ трубу золоту свою.
 По этому переулочку Косяцету ¹⁾
80. Идетъ два борца, два молодца:
 Одинъ идетъ Илеюшко Хроменькій,
 На одну ножку припадываетъ,
 На другую ножку подковыливаетъ,
 Костылькомъ онъ подпирается;
85. Другой борецъ идетъ Иванушка Маленькій ²⁾.

« Ужь ты здравствуй, Грозный Царь Иванъ Василь-
 евичь!

« У тебя хлѣбъ-соль всегда на столѣ,
 « У тебя борцы всегда во дворцѣ!»
 Что на это Грозный Царь отвѣтъ даетъ:

90. « Ужь ты гой еси, Никита Романовичъ!
 « Ты поди-ко, поспрошай его:
 « Не во хмѣлю ли у него слово молвилось,
 « Не во хмѣлю ли онъ призахвѣстнулся?»
 Тутъ пошелъ Никита Романовичъ:
95. « Ужь ты гой еси, Кастрюкъ молодой!
 « Ты за чѣмъ сидишь—не пьешь, не кушаешь,
 « Нашей лебеди не рушаешь?
 « Наша хлѣбъ-соль всегда на столѣ,
 « Наши борцы всегда при дворцѣ.
100. « Не во хмѣлю ли у тебя слово молвилось,
 « Не во хмѣлю ли ты призахвѣстнулся?»
 Скакалъ Кастрюкъ на рѣзвы ножки,
 Онъ скакалъ черезъ столики дубовые,
 Черезъ тѣ ли скатерти бѣрчаты ³⁾,

¹⁾ Разворѣчіе:

Изъ за улка изъ за Глинникова,
 Изъ за улки изъ за Пирожниковой.

²⁾ За снѣгъ слова Никиты, исполнившаго порученіе. — ³⁾ Бранил. — 0.

108. Черезъ тѣ кушанья сахарныя,
 Черезъ тѣ напитки черезъ наливные:
 Онъ стопталъ сто князей со боярами,
 Онъ стопталъ другое сто Донскихъ казаковъ.

- Выходилъ Кастрюкъ на новы сѣни,
 110. Онъ самъ говоритъ таковы рѣчи ¹⁾):
 — Ужь ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Миѣ-ка не съ кѣмъ итти здѣсь боротися,
 — Миѣ-ка не на комъ здѣсь бѣлыхъ рукъ патрять ²⁾! —
 Тутъ пошелъ Кастрюкъ на широкій дворъ,
 115. Онъ пошелъ съ Илеюшкой со Хроменькимъ:
 Тутъ пошелъ Кастрюкъ въ большѣ колесо ³⁾,
 Тутъ пошелъ Илеюшко въ маленькое;
 Кастрюкъ побилъ Илеюшку Хромага.
 Выходилъ Иванушка Маленькій,
 120. Онъ самъ говоритъ таковы рѣчи:
 «Ужь ты гой еси, Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!»
 «Еще какъ миѣ-ка съ нимъ итти боротися:
 «Еще или намъ рука-нога вонъ выворотить,
 «Еще или намъ буйна голова выставить ⁴⁾,
 125. «Изъ рубашки ли повылупить?»
 Что на это Грозный Царь отвѣтъ несетъ:
 «Ты борись, не печалься, лишь бы Богъ пособилъ!»
 Походилъ Кастрюкъ въ большѣ колесо.
 Походилъ Иванушка побольше того:
 130. Еще былъ Кастрюкъ на рѣзвыхъ ножкахъ,
 Очутился Кастрюкъ на буйной головѣ.

¹⁾ Разнорѣчіе:

Выходилъ Кастрюкъ на бѣлодубовъ дворъ,
 По двору-то онъ похаживаетъ,
 На борцовъ Кастрюкъ посматриваетъ.
 Онъ самъ говоритъ таковы рѣчи...

²⁾ Марать, грязнить. — ³⁾ Видъ борьбы, крутятся въ большой кругъ. —
⁴⁾ Вывихнуть, выломить. — 0.

Хваталъ Иванушко съ жего платье цвѣтное;
Убѣгалъ Кастрюкъ на конюшій дворъ,
Гдѣ собаки щенками щѣняются ¹⁾.

(Отъ В. Ш. Дала; записано А. Харитоновымъ, а разпорѣчіе нѣже отъ болѣе искусныхъ пѣвцовъ).

* *

IV.

1*).

(Владимірск. губ.).

Какъ у насъ на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Какъ женится православный Царь,
Православный Царь Иванъ Васильевичъ.

3. Онъ беретъ въ Турецкой землѣ
Молоду княжну Марью Темрюкову.
А за ней три посла пришли:
А и триста Татаринцовъ,
Полтораста Черкашеновъ,
10. Пять сотъ Донскихъ казаковъ,
Удалыхъ-добрыхъ молодецвъ.
А еще-то посоль пришелъ,—
Мастрюкъ Мастрюковичъ,
Молодой князь Темрюковичъ,
15. Родной братъ Марьи Темрюковны.

По палатамъ расхаживаетъ,
И кушанья разставляетъ,
Дорогихъ гостей потчуетъ:

¹⁾ Разпорѣчіе прибавляетъ: «Гдѣ свиньи лѣсатся.» — 0.

*) Этотъ отдѣлъ отличается краткостью состава и отрывочностью. — 0.

- Вы покушайте, дороги гости,
 20. — Ужь вы триста Татариновъ,
 — Пять сотъ Донскихъ казаковъ,
 — Удалыхъ-добрыхъ молодцевъ!—
 А они ему въ отвѣтъ говорятъ:
 «А что ты, князь, не пьешь—не кушаешь?»
 25. «На насъ ли ты думу думаешь,
 «На царство Московское,
 «На Ивана Васильевича?»
 — На васъ то я думу думаю ¹⁾,
 — На Ивана Васильевича,
 30. — На Царя православнаго.
 — Ужь я семь городовъ прошелъ,
 — По себѣ я бойца не нашель!—

- Какъ идетъ тутъ Ивашечка съ крошечку,
 Онъ на ножку припадаетъ,
 35. На языкъ пришепетываетъ:
 Сталъ съ Матрюкомъ боротися.
 Онъ на перву пошибку пошибъ,—
 Съ Матрюка черну шляпу сшибъ;
 А другую пошибку пошибъ,—
 40. Съ князя цвѣтно платье сшибъ;
 А и третью пошибку пошибъ,—
 А и князя съ ногъ долой сшибъ.

- Увидѣла княжна Марья Темрюковна
 Изъ високова терема:
 45. — Ты мужикъ, мужицкій сынъ,
 — Ты крапивны сѣмена!
 — Не за свой кусъ принимаешься,
 — Этимъ кусомъ подавишься!—
 Тутъ Матрюкъ со стыдомъ побѣжалъ.
 50. ладонью зажалъ.

(Ср. «Москвит.» 1832 г.).

*

¹⁾ Не думаю?—О.

2.

(Симбирск губ., с. Станичное).

Какъ у насъ было въ каменной Москвѣ,
 У Царя Ивана Васильевича,
 Поизволилъ онъ жениться.
 Онъ беретъ сестру меньшую черезъ большую,
 Ъ. Не у князя, не у барина,
 У того ли у Черкашенина,
 Василису Темрюковну,
 Молодую Черкашенину.

И сдѣлалъ онъ пречесной пиръ,
 0. И созвалъ всѣхъ князей-бояръ,
 [Князей-бояръ] и сильныхъ богатырей.
 Кто во бесѣдѣ чѣмъ похвалится,
 Возговоритъ Кастрюкъ-Мастрюкъ,
 Молодой Черкашанинъ:
 Ъ. — Царь Иванъ Васильевичъ,
 — При блаженной своей памяти ¹⁾!
 — Есть ли борцы-молодцы
 — На государскимъ дворцѣ?—
 Какъ возговоритъ Царь государь,
 0. Царь Иванъ Васильевичъ:
 « Ой ты гой еси, лядюшка,
 « Никита Романовичъ!
 « Выходи ты на Красенъ крылецъ,
 « Закричи ты своимъ громкимъ голосомъ,
 Ъ. « Чтобы слышно по всей Москвѣ!»

) Привычка относиться такимъ образомъ въ Былинахъ къ покойному
 рю перешла и въ самый рассказъ.—0.

- Во Ондревской славной улицы,
 Въ Москвѣ борцовъ не случилось,
 Удалихъ не годилося:
 Солучились два братца родимыя,
 30. Два Андрея два Андрейча,
 Одинъ прихрамывать,
 А другой приволакивать ¹⁾.
 Со первымъ братомъ схватился,—
 Онъ ²⁾ золотъ стулъ повалилъ,
 35. Полтораста бояръ задавилъ,
 Пять сотъ Донскихъ козаковъ:
 Нѣ которой ни которова не пошибъ,
 Они братьями назвались,
 Крестами побраталися ³⁾.
 40. Какъ возговорить меньшей братъ Андреюшка:
 « Охъ ты гой еси, Царь государь,
 « Ища смѣть ли мнѣ Кастрюка побороть?»
 Какъ возговорить Царь государь:
 « Бей ты Кастрюка по ногамъ,
 45. « Чтобы у тебя былъ Кастрюкъ въ рукахъ!»
 Первую пошибку пошибъ, —
 Цвѣтное платье съ Кастрюка сшибъ.

- Увидала ево сестрица,
 Василиса Темрюковна:
 50. — Охъ ты б...кой сынъ, б...ки сѣмины!
 — Ужь ты смѣшь ли Кастрюка побороть?
 — Мало вась насѣяно, а много расплодилось!—

(Язык.).

*

¹⁾ Ногою, волочётъ ногу. — ²⁾ Кастрюкъ. — ³⁾ Это невозможно относительно Кастрюка, но перенесено сюда изъ обычая древнихъ богатырей и борцовъ.—О.

3.

(Той же губ., с. Головино).

- Ой ты гой еси, Царь государь,
Царь Иванъ сударь! Васильевичъ,
При блаженной сударь памяти,
Поизволил Царь жениться.
5. Онъ беретъ не у насъ въ Москвѣ,
Онъ беретъ во иной землѣ,
Молодѣ Марью Темрюковну.
Не много съ ней приданова берётъ:
Пять сотъ Донскихъ казаковъ,
10. Полтора́ста Черкашениновъ,
Еще́ триста уланищевъ ¹⁾;
А еще-то онъ приданова беретъ—
Любимова шуринушку,
Кострюка Темрюковича.
15. А Кострюкъ-то къ нему въ гости не йдетъ,
Молодой въ гости не жалуе́тъ;
Онъ на третій годъ загуля́лъ,
Онъ къ Царю-то въ гости побывать:
Кострюково было счастьеце,
20. Царю-то бещастьеце ²⁾.
Тутъ возговоритъ Кострюкъ-Мострюкъ,
Молодой Темрюковичъ:
— Ой ты гой еси, Царь государь,
— Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
25. — Какъ бывало я съ измолоду,

¹⁾ Уланъ—молодецъ, малой. — ²⁾ Относится къ тому, что въ Москвѣ не случилось борцовъ (ср. стихи ниже). — 0.

- То-то мое-тъ круговой поскокъ ¹⁾,
 — То-то весь разумъ верченый!
 — Я охотничекъ боротися былъ,
 — Съ борцами поборотися,
 30. — Съ молодцами поводитися. —

- Царь-бесѣда солучилася,
 Въ Москвѣ борцовъ не случилося;
 Только двое солучилося,
 Двое братцы родимые,
 35. Мишута со Гришутюю:
 Кострюково было счастьеце,
 Царево-то бещастьице.
 Свѣтъ Микита Романовичъ
 Поскорѣхонько на ножиньку прыгнулъ,
 40. За скамейку своей ножинькой задѣлъ,
 Пять сотъ козаковъ задавилъ,
 Полтораста Черкашениновъ
 И триста уланищевъ ²⁾.
 Тутъ идутъ борцы-молодцы,
 45. Гришута съ Мишутюю:
 Сапожки натягиваютъ,
 Усы за уши закладываютъ;
 Они идутъ на царской дворъ:
 «Еще есть ли у васъ борцы-молодцы,
 50. «Есть ли удалые удалцы?»»
 Со Мишутюю у нихъ схваточка была,—
 Кострюку-то много Богъ помогаль,
 Со Мишуты онъ сапожнишки сшибъ.
 Со большіимъ со Гришутюю было,—
 55. Тутъ Гришутѣ много Богъ помогаль,
 Съ Кострюка-то онъ портчишки сшибъ,
 Пучинушка пукнула ³⁾,
 Шелковыя петли треснули:
 Кострюка-тъ ногѣшкой ⁴⁾ сталъ,

¹⁾ То-то я молодець былъ въ кругу скакать. — ²⁾ Такъ все это перебито: ср. Былины выше. — ³⁾ Лопнуло все, что было натянуто, связано, застегнуто. — ⁴⁾ Нагишомъ. — О.

0. Сороматъ ладонью зажалъ,
Онъ самъ подъ заходъ побѣжалъ.

- Увидѣла сестрица,
Молода Марья Темрюговна:
— Ты мужикъ, ты мужичей сынъ,
5. — Крапивные сѣмяны!
— Не много васъ насѣяно,
— Только много васъ порожено!—

(Язык.).

*

4.

(Сибирскъ).

- Какъ у насъ было во святой во Руси,
Во матушкѣ каменной Москвѣ,
Какъ задумалъ Царь жениться,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ.
1. Онъ беретъ не у насъ во Руси,
Онъ беретъ во иной землѣ,
Не у князя, не у барина,
У того мурзы Татарина,
Онъ беретъ его родну сестру,
2. Катерину Темрюговну.
Братъ не много съ ней приданого даетъ:
Только два братца родимые,
Два молоденьки Черкасина.

- Они вышли на улицу гулять,
3. Меньшой братъ похваляться сталъ:

- Какъ запру я землю Шведскую,
 — Затворю я каменну Москву,
 — Государевы всѣ промыслы,
 — Съ государя стану пошлину брать,
 20. — Съ борольщиковъ поборное,
 — Съ кулашниковъ покулачное,
 — Съ молодыхъ бабъ побанное ¹⁾,
 — Съ красныхъ дѣвокъ подвѣнчное ²⁾!—

- Большой братъ осержается,
 25. Подошелъ къ нему тихохонько,
 Взялъ его легохонько,
 Ударилъ объ сырѹ землю:
 Онъ разбилъ его всѣ косточки,
 Раздробилъ его суставчики.

30. Увидала государыня,
 Закричала громкимъ голосомъ:
 — Ахъ вы злые-злые сѣмяны!
 — Не поле васъ насяно,
 — Только два братца родимые,
 35. — Два молоденьки Черкасіна ³⁾!—

(Запис. 1838 г.).

*

5.

(Симбирск. губ., Самарь).

Слушай-послушай, старики,
 Стародавніе разбойнички:
 Ужь какъ я вамъ стану сказывати,
 Еще какъ стану разсказывати.

¹⁾ Съ бани, когда сводятъ туда молодыхъ.— ²⁾ Повѣнчное, съ вѣнц~~ами~~, съ брака.— ³⁾ Такъ, по сбивчивости, осмыслено: Царица этии слова жалѣеть братьевъ, «злая Татарскія сѣмяна,» что не много ихъ всего был~~а~~, да и то одинъ другаго убилъ (ср. Былины выше).—0.

5. У насъ было при прежнемъ Царѣ,
 При Иванѣ при Васильевичѣ,
 Онъ думалъ, Царь, жениться,
 Онъ беретъ не у насъ на Русь,
 Онъ беретъ во иной землѣ,
10. Не у князя, не у барина,
 У того мурзы Татарина,
 Онъ беретъ его родну сестру,
 Екатерину свѣтъ Темлюговну.
 Онъ не много съ ней приданого беретъ:
15. Только два братца родимыхъ,
 Два молоденькихъ Черкасиновъ.

Меньшій братъ, похваляться больно сталъ:

- Затворю я землю Шведскую,
 — Затворю я каменну славну Москву,
20. — Государевы всѣ промыслы,
 — Стану съ Царя пошрины брать,
 — Съ молодыхъ бабъ побанное,
 — Съ старушённокъ постряпушное,
 — А съ молодыхъ подвѣщечное ¹⁾!—
25. Большой братъ разсержаться сталъ,
 Выходилъ онъ на красёнъ-Красной крымецъ,
 Закричалъ онъ громкимъ голосомъ,
 Молодецкимъ своимъ посвистомъ:
 «Еше есть ли въ каменной славной Москвѣ
30. « Борцы-бойцы-кулачнички,
 « Разудалы-добры молодцы,
 « На кулачно покулашнички,
 « Поборотся поборошнички?»

Выходилъ тутъ младъ одинъ тутъ человекъ,

35. Темрукъ Темруговичъ,
 Матрюкъ Матрюковичъ.
 Онъ и первую пошибочку пошибъ,—

¹⁾ Ср. выше.—0.

- Съ Темрюгалова сапожки спишь;
 А другую пошибочку ношибь,—
 40. Съ Темрюгалова сорочку спишь,
 Оставилъ его, въ чѣмъ матушка родила,
 Сударыня въ чѣмъ бабушка повила.

(Яамв.).

*

6.

(Калужск. губ., Боровск. уѣзда, с. Слобода).

- Какъ у насъ было при старомъ при Царю,
 При Ивану-то Васильевичу,
 Онъ задумалъ жениться,
 Онъ беретъ изъ иной земли,
 5. Онъ и Марью Диміорьевну.

- Онъ и всѣхъ гостей созвалъ,
 Одного гостя не звалъ,—
 Свово шурина любимова,
 Кастрюка-то Диміорьевича.
 10. Пріѣзжалъ онъ опослѣ всѣхъ,
 Онъ садился повыше всѣхъ,
 Хлѣба-соли не кушаетъ,
 Бѣла лебеда не рушаетъ,
 Борца попрашиваетъ.
 15. Ино вышли два братца,
 Два Андрея два Андреевича,
 Ужъ собою они малѣшеньки,
 У нихъ ноги коротѣшеньки,
 У нихъ бороды до пояса висятъ,
 20. Усы за уши закладываютъ,
 Борца попрашиваютъ.
 Ухватилися, водилися

- Со вечеру до полуночи,
 Съ полуночи до бѣла свѣта:
 25. Ужь я ли взялъ его въ охачку,
 Ударилъ объ сырѹ землю,—
 Мать сыра земля дрогнулася,
 Свѣтло платьице раздернулося,
 Бѣло тѣлецо разлопалося.

(Отъ семидесятилтней старухи).

*

7.

(Сибирск. губ., с. Головино).

- Было, братцы, не у насъ въ Москвѣ,
 А было во иной землѣ,
 Производитъ Царь сударь
 Иванъ Васильевичъ жениться.
 5. Онъ беретъ Марью Темрюковну,
 Молодую королевишну;
 Приданова много за ней:
 А приданова три земли,
 Перва земля Польская,
 10. Другая Литовская,
 Третья Черкасская.
 7. Его шуринъ осержается,
 Къ Царю на пиръ не жалуетъ;
 На третій годъ загулялъ,
 15. Къ Царю на пиръ пожаловалъ.
 Входитъ во палатушку,
 Во палату бѣлокаменну:
 Сажали его за дубовые столы,
 За скатерти шелковыя....

(Лыл.).

* *

V.

1*).

(Вологодск. уѣзда).

- Собиралася купавушка ¹⁾,
 Собиралася не Русская,
 И царица Крымская,
 Во мать каменну Москву,
 5. Ко тому ли ко Царю
 Ко Ивану Васильевичу,
 Со своимъ ли сынкомъ
 Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ.
 По плечу ему своя матушка
 10. Поколачивала,
 На ушко ему своя матушка
 Наговаривала:
 « Ужь ты кланяйся по низешеньку,
 « А слова говори по гладешеньку,
 15. « А кресты веди по писанному.»

- И пришла же купавушка,
 И пришла же не Русская,
 И царица Крымская,
 Во мать каменну Москву,
 20. Ко тому ли ко Царю
 Ко Ивану Васильевичу,

* Это, о прїѣздѣ Купавы, отдѣлъ совершенно особый: см. въ пѣсняхъ собр. Рыбниковымъ.— По складу *Бывальщина*, близкая впрочемъ къ «Старинѣ» не пѣлась, а рассказывалась на распѣвъ.—О.

¹⁾ Ср. выше о значеніи.—О.

Со своимъ ли сынкомъ
Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ,
Искать сопротивника

25. Поборотися.

« Ужь ты Царь Иванъ Васильевич!

« Ужь ты что же призадумался?

« Не за чѣмъ я пришла,

« Не за пошлиною:

30. « Ужь ли нѣтъ у васъ,

« Во всей каменной Москвѣ,

« Сопротивника поборотися

« Со моимъ ли сынкомъ

« Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ?»»

35. Возговорилъ же Царь Иванъ Васильевичъ

Своему ли слугѣ вѣрному,

Неизмѣнному:

« Ужь ты слуга мой, вѣрный мой,

« Незимѣнный мой!

40. « Ужь ты выйди на Красно крыльцо,

« Воструби же въ золоту трубу,

« Чтобы сбѣрались всѣ

« Князья и бояре,

« И всѣ гости гостишныя,

45. « И малые дѣтушки ¹⁾!»

Говорила же купавушка,

Говорила же не Русская,

И царица Крымская:

« Ужь ты Царь Иванъ Васильевич!

50. « Ужь ты что же призадумался,

« Ужь ты что жъ призапечалился?

« Ужь ли нѣтъ у тебя,

« Во всей каменной Москвѣ,

« Сопротивника поборотися

55. « Со моимъ ли сынкомъ

¹⁾ Это первый вызовъ, послѣ котораго никто не явился.—0.

« Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ?»
 Возговорилъ же Царь Иванъ Васильевичъ
 Своему ли слугѣ вѣрному,
 Неизмѣнному:

60. « Ужь ты слуга мой, вѣрный мой,
 « Неизмѣнный мой!
 « Ты сходи на задвореньки:
 « На задворенькахъ живетъ вдовушка,
 « А у вдовушки есть два сына,
 65. « Два родныя брателка,
 « И два молодца хорошіе ¹⁾.»
 По плечу имъ своя матушка
 Наколачивала,
 На ушко имъ
 70. Наговаривала:
 « Ужь вы кланяйтесь по низешеньку,
 « А слова вы говорите по гладешеньку,
 « А кресты ведите по писанному.»»

Кострюкъ, молодой человекъ,

75. Ужь онъ съ ножки на ножку поскаживаетъ,
 На послѣднюю ступеньку стаетъ:
 — Ужь ты Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Ужь ли нѣтъ у васъ,
 — Во всей каменной Москвѣ,
 80. — Сопротивника поборотися ²⁾?—
 Что пришли же два брателка,
 Что пришли же два родные,
 И два молодца хорошіе,
 Ко тому ли ко Царю
 85. Ко Ивану Васильевичу:
 « Ужь ты Царь Иванъ Васильевичъ!
 « Ужь ты что же призадумался,
 « Ужь ты что жь призапечалился?

¹⁾ Второй вызовъ, послѣ коего мать снаряжаетъ сыновей. — ²⁾ Вызовъ третій, послѣ коего являются сами борцы.—0.

« Говори же съ Кострюкомъ,

90. « Ты не робь же съ нимъ:

« На одинъ ли разъ,

« Али на три разà

« Ходить поборотися?»»

И пошолъ же Кострюкъ на три разà

95. Поборотися.

И пошолъ съ нимъ

Старшій братъ Семенушко.

Ужь какъ на первый-то разъ

Повалилъ Кострюкъ Семенушка:

100. А во другой-то разъ Семенушко

Кострюка Бирюковича

Поднялъ выше древа стоячаго,

Выше ¹⁾ облака ходячаго:

Куда рука, куда нога раскатилася,

105. Куда буйная головушка покатилася.

И пришла же купавушка,

И пришла же не Русская,

И царица Крымская,

Ко тому ли ко Царю

110. Ко Ивану Васильевичу:

« Ужь ты Царь Иванъ Васильевичь!

« Ты довелъ же ²⁾ чада милаго,

« Кострюка Бирюковича!»»

И ушла же кушавушка,

115. И ушла же не Русская,

И царица Крымская,

Со уклонкою, со ласковымъ словомъ.

* * *

¹⁾ Должно быть: «ниже.» — ²⁾ То же, что «извелъ:» довелъ до конца, до погибели.—0.

VI.

1*).

(Кирѣвская Слобода).

Люди вы, люди мои,
 Люди вы старые мои,
 Старички стародавние,
 У васъ бороды широкія,
 5. У васъ разумы расхожіе!
 Раздоборы раздабарывали,
 Разговоры разговаривали
 Про Ивана Царя Васильевича.

Какъ Иванъ Царь Васильевичъ
 10. Сколько селъ проѣзжалъ,
 Сколько городовъ происходилъ,—
 По себѣ борца не нашель,
 Кто бы Кострюка поборолъ,
 Да кто бы Темрюльевича.

15. Какъ выискались два брата,
 Два брата, два братеника,
 Два Андрея два Андреевича,
 Они дѣти-то Кулашниковы.
 Они по двору похаживали,
 20. Они полы заворачивали.
 Какъ схватился съ нимъ большій братъ,
 Они возилися осенній день,
 Изъ утра да и до вечера:

*). Въ этомъ отдѣлѣ Былины, совершенно сбитаго содержаніемъ: сравните ихъ перепутанныя части съ прежними образцами.— 0.

- Какъ никто никого не одолѣлъ,
 25. Какъ никто никого не оборолѣ.
 Какъ схватился съ нимъ мѣншій братъ,
 Онъ ударилъ объ сырѹ землю:
 Какъ сырая земля стогнула ¹⁾,
 Какъ на ѣмъ шкура лопнула,
 30. Сапожки-то съ ногъ свалились,
 Чулочки-то съ ногъ скатились.

- Какъ увидѣла сестрица-то его,
 Да Марья Темрюльевна,
 Выходила она на новое крыльцо,
 35. Закричала громкимъ голосомъ своимъ:
 — Ты мужикъ, ты мужичій сынъ,
 — Ты мужикъ, кровопивцовъ сынъ ²⁾!
 — Хотя бы ты Кострюка поборолъ,
 — Хотя бы ты Темрюлевича,
 40. — Ты бѣ его не до смерти билъ:
 — Я бѣ тебя пожаловала
 — Городами съ пригородочками,
 — Еще селы-то съ приселочками,
 — Пятьдесятъ бы бояриновъ дала,
 45. — Шестьдесятъ бы Татариновъ дала,
 — Шестьсотъ бы Донскихъ козаковъ,
 — Что ни лучшихъ удалыхъ молодцовъ.—

- Захотѣлося жениться ему,
 Онъ и бралъ изъ иныхъ городовъ,
 50. Онъ и бралъ изъ иной земли,
 Молодую Черкашенку,
 Марью Темрюльевну.
 Какъ и слѣлалась пирушичка,
 Пирушичка немалинькая.
 55. Какъ и всѣ гости съѣхались,
 Одного гостя нѣту-ти,

¹⁾ Застовала, издала стовъ (однократное).— ²⁾ Передѣлано изъ «крапивныя сѣмена.»—0.

Какъ и нѣту гостя милаго,
 Моего шурина любимаго,
 Братца-то родимаго.

60. « Какъ Иванъ Царь Васильевич!
 « Ты пожалуй намъ Степные города,
 « Чтобъ намъ пить-ѣсть безденежно,
 « Торговать бы намъ безошлинно.»
 Какъ Иванъ Царь Васильевич:
65. « Не позорь ты ни меня, ни себя,
 « Ни молодецкой бодрости своей.»
 Онъ садится повыше всѣхъ,
 Наѣдается попрежде всѣхъ,
 Онъ ни пьетъ—ни ѣстъ—ни кушаетъ,
70. Бѣла лебеда не рушаетъ.
 На Ивана Царя гнѣвъ держить....

(Отъ Нивятушки).

*

2.

(Лужскій уѣздъ, Городецскій погостъ, дер. Чернь).

- Какъ во матушкѣ въ каменной Москвѣ,
 У того-то было Царя-богатыря,
 У Ивана-то свѣтъ Васильевича,
 Отдавалася за мужъ дочь бóльшая
5. За Кострюка-Мастрюка,
 Молодова Севрюковича.
 Дѣлалъ Царь-богатырь для князей-бояръ
 Почетный пиръ, гостей потчивалъ.
 Гости пили-ѣли, проклажались,
10. А молодой-то Кострюкъ-Мастрюкъ
 На пиру сидѣлъ призадумавшись.

- Говорилъ ему Царь-богатырь:
 «Что жъ ты, Кострюкъ, призадумался,
 «Моего хлѣба-соли не кушаешь,
 15. «Бѣлаго лебеда не рушаешь?
 «Аль на меня ты лихо думаешь,
 «Али на дочь мою большую?»
 Отвѣчаетъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
 Молодой нашъ Севрюковичъ:
 20. — Ой же ты, Царь-богатырь,
 — Свѣтъ Иванъ Васильевичъ!
 — Ты тѣмъ меня все потчиваешь,
 — Чего я, Кострюкъ, не ѣмъ:
 — У тя нѣтъ, вѣрно, на кулакъ бойца,
 25. — На кулакъ бойца, на ногу борца? —

- Выходилъ тутъ Царь-богатырь
 На крылечко на дубовое,
 Ко периламъ ко точенымъ,
 Ко медвѣдку ко черному ¹⁾.
 30. Закричалъ онъ зычнымъ голосомъ,
 Свиснулъ богатырскимъ посвистомъ:
 «Гой еси вы, борцы-хватцы,
 «Борцы-хватцы, славны молодцы!
 «Приходите ко крыльцу ко дубовому,
 35. «Ко периламъ ко точенымъ,
 «Ко медвѣдку ко черному,
 «Побороться съ Кострюкомъ-Мастрюкомъ,
 «Со молодымъ-то Севрюковичемъ!»

- На ту пору въ каменной Москвѣ
 40. Борцовъ-молодцовъ не случилось:
 Только случилось два брата,
 Два брата, два Вологжанина ²⁾,
 Они города Кашенина:

¹⁾ Изображенію медвѣди при ступеняхъ Краснаго Крыльца. — ²⁾ Признакъ того, какъ и въ нѣкоторыхъ образцахъ предыдущихъ, что Былина пѣлась въ Вологдѣ и оттуда перенята. — 0.

- Одинъ Ванюшка Маленькой,
 45. Да Поташка Небытенькой ¹⁾,
 Что на ножку припадываетъ,
 Костылькомъ подпирается.
 Они полы затаркивали ²⁾,
 Рукава позадергивали,
 50. Приходили къ крыльцу ко дубовому,
 Ко периламъ ко точенымъ,
 Ко медвѣдку ко черному,
 Закричали они громкимъ голосомъ:
 «Ой же ты, Кострюкъ-Мастрюкъ,
 55. «Молодой нашъ Севрюковичъ!
 «Ты ѣшь-пьешь, проклажаешься,
 «А борцы-то давно у крыльца стоятъ!»
 Побѣжалъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
 Молодой нашъ Севрюковичъ,
 60. Зацѣпилъ онъ чернымъ башмачкомъ,
 Зацѣпилъ за скамеечку:
 Повалилъ онъ тою скамьей
 Кабы триста Татаринцовъ,
 Да полтораста бояриновъ,
 65. Да семьсотъ Донскихъ казаковъ.

- Выходилъ на крылечко на дубовое,
 Ко периламъ ко точенымъ,
 Ко медвѣдку ко черному,
 Говорилъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
 70. Молодой нашъ Севрюковичъ:
 — Да что это за борцы-хватцы,
 — Что за славны это молодцы,
 — Что мнѣ неково и въ руки-то взять! —
 Закричалъ тутъ Ванюшка Маленькой
 75. Да Поташка Небытенькой:
 «Ой же ты, Кострюкъ-Мастрюкъ,
 «Молодой нашъ Севрюковичъ!

¹⁾ Плохенькой, увѣчный (хромой), калѣка. — ²⁾ Затыкали, подтыкали.—0.

« Не хвались-ко ты въ городъ ѣхавши,
« А похвастай-ко выѣхавши!»

80. Схватился онъ съ Вѣнющкой,
Что съ Вѣнющкой съ Маленькимъ.
Ужъ какъ тотъ Кострюка-Мастрюка,
Молодова Севрюковича,
На головку поставливалъ,
85. Безъ рубашки снаряживалъ.
И кричитъ Кострюку-Мастрюку,
Молодому Севрюковичу,
Кричитъ теща любимая:
« Ахъ ты, нашъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
90. « Молодой нашъ Севрюковичъ!
« Былъ ты какъ маковъ цвѣтъ,
« А сталъ теперь какъ мать родила!»
Закричалъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ:
— Ахъ ты, теща любимая!
95. — Ты какъ пыль толоконная,
— Какъ затычка оконная!
— Вѣдь не то мнѣ-ка дорого,
— Что чистое золото,
— А то мнѣ-ка дорого, —
100. — Похвала молодецкая! —

- Брался тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
Молодой нашъ Севрюковичъ,
Со Поташкой съ Небытенькимъ.
Какъ тутъ-то Кострюка-Мастрюка
105. Забиралъ онъ поперегъ живота,
Поднималъ онъ повыше себя;
Какъ ударилъ объ сыру землю:
Тутъ-то Кострюкъ-Мастрюкъ
Съ отцомъ съ матерью прощается,
110. Съ душою разстается.

(Со словъ крестьянина Енина Пареенова Быкова, запис. г. Гуляевымъ; ср. «Нѣв. А. В.»
Отд. II, т. II).

*

3*).

(Саратовъ).

- Ой вы люди-людюшки мои,
 Ужь вы людюшки умненькіе,
 Старички вы стародавненькіе!
 Вы повѣдайте, что встарь было,
5. Что встарь было, на Руси слыло,
 Какъ женился православный Царь,
 Православный Царь Иванъ Васильевичъ.
 Да и бралъ же онъ много приданаго:
 Коробамъ съ добромъ счету не было,
10. Злату-серебру вѣсу ¹⁾ не было,
 [Крупну жемчугу мѣры не было ²⁾],
 На придачу ³⁾ молоду жену].

- Вотъ и гости къ Царю съѣхалися,
 Всѣ князья-бояре, люди ратные.
15. Да боярскихъ дѣтей до полутораста.
 Да посадскихъ людей четыреста:
 Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ,—
 Удальца-бойца, славна витязя,
 [Самого ⁴⁾ князя Черкаскаго],
20. Мамстрюка ли Ермолаича [Мамстрюковича].
 Загрѣбло на дворѣ государевомъ,
 Какъ пріѣхалъ давно жданный гость,
 Князь Черкасскій Мамстрюкъ Ермолаевичъ [Мамстрю-
 ковичь],

*) Одинъ изъ двухъ списковъ (этого образца) полнѣе; этотъ списокъ здѣсь и печатается; стихи, которыхъ недостаетъ въ другомъ списокѣ, поставлены въ скобкахъ. *Прим. 1—10 изд.*—То же самое напечатано въ Сборникѣ гг. Костомар. и Мордовц., откуда приведемъ разнорѣчія.—Складъ кое-гдѣ отзывается искусственною подправкой.—О.

¹⁾ *Морд.* «мѣры.»—²⁾ *Морд.* «Бѣлу жемчугу вѣсу не было.»—³⁾ *Морд.* «На прибавку.»—⁴⁾ *Морд.* «Самого ли.»—О.

- Со храброю своею со дружиною,
 25. Со своею молодою княгинею,
 Еще съ братцемъ ее рѣднымъ,
 Удальцомъ-бойцомъ, славнымъ витяземъ,
 И со храброю своею дружиною.
 Какъ пріѣхалъ ¹⁾ князь опослѣ всѣхъ,
 30. А сядилса онъ повыше всѣхъ.
 Хлѣба-соли онъ не кушаетъ,
 Гуся-лебедя не рушаетъ,
 Зелена вина въ ротъ не беретъ;
 А глядитъ онъ на бояръ-дворянъ [на князей-бояръ].
 35. Царску гридню златомъ убрану ²⁾:
 Ищетъ онъ себѣ борца-бойца,
 Добра молодца кулашничка ³⁾.
 Не нашель себѣ поборничка ⁴⁾,
 Что поборничка-супротивничка.
 40. Какъ возговорилъ ⁵⁾ Черкасскій князь:
 — Ой вы гой еси [есте], добры молодцы!
 — Вы напрасно землю топчете,
 — У Царя дарма ѣдите хлѣбъ,
 — Зелено вино распиваете,
 45. — На боку лежа дары получаете!—
 Тутъ всѣ гости призадумались.... ⁶⁾.

- Отколь взялся тутъ крестьянскій сынъ:
 Съ ноги на ногу прихрамываетъ,
 Съ ноздри на ноздрю присапываетъ,
 50. Языкомъ пришепѣтываетъ.
 Какъ возговорить крестьянскій сынъ:
 «Охъ ты гой еси, Черкасскій князь!
 «Великъ ростомъ уродился ты,
 «Златомъ-серебромъ украсился,
 55. «Не пытавъ силы похваляешься;

¹⁾ *Морд.* «пріѣхалъ-то.»—²⁾ *Морд.* «Царску гридницу златомъ убрану.»—
³⁾ *Морд.* «кулашничка (что кульки дѣлаетъ!).»—⁴⁾ *Морд.* «Да изъ этихъ
 князей-бояръ (дворянъ-бояръ) Не нашель...»—⁵⁾ *Морд.* «возговорить.»—
⁶⁾ *Морд.* «Всѣ князья-бояре призадумались, Со стыда носы повѣсили.»—0.

- « Да гляди, рано не радуйся,
 [« Я хотя и крестьянскій сынъ,]
 « На бѣду ¹⁾ слово вымолвлю:
 « Не пытай силу съ крестьяниномъ ²⁾!»
60. Закипѣлъ сердцемъ Черкасскій князь,
 Во гнѣву изъ за стола выскочилъ,
 На бѣгу за столъ зацѣпилъ,
 Девяносто скамей повалилъ,
 Полтораста гостей подавилъ.
65. И схватилъ крестьянина за воротъ.

- Долго съ нимъ они возилися
 По широкому ³⁾ двору государеву;
 Одолѣлъ князя крестьянскій сынъ,
 Приподнялъ выше могучихъ плечъ
70. И ударилъ объ сыру землю:
 Золоты кольца ⁴⁾ у князя съ рукъ скатилися,
 Сапожки сафьянные съ ногъ свалилися,
 Растянулся князь Черкасскій за мертво.... ⁵⁾.

- Молодая княгиня расплакалася ⁶⁾,
75. Въ слезахъ по двору побѣгивала,
 Бѣлы рученьки заламывала,
 Слугамъ вѣрнымъ приказывала:
 — Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
 — Вы схватите сына крестьянскаго.
80. — Вы убейте вора безъименнаго,
 — Разорвите его тѣло на мелки части,
 — Бросьте ⁷⁾ тѣло псамъ на съѣденіе!—
 Какъ возговоритъ православный Царь,
 Православный Царь Иванъ Васильевичъ:
85. « Не судить тебѣ, княгиня, во моей землѣ,
 « Не мѣшаться ⁸⁾ бабѣ въ дѣла царскія!»

¹⁾ *Морд.* «На бѣду я.» — ²⁾ *Морд.* «съ крестьяниномъ.» — ³⁾ *Морд.* «По широку.» — ⁴⁾ *Морд.* «Золотые перстни.» — ⁵⁾ *Морд.* Прибавлено: «Что князь-боiare (боiare-дворяне) разъахалися.» — ⁶⁾ *Морд.* «его.» — ⁷⁾ *Морд.* «Да и бросьте.» — ⁸⁾ *Морд.* прибавлено: «тебѣ.» — 0.

«Пусть другой кто съ нимъ попокуетъ,
• Покуетъ ¹⁾ силу богатырскую!»

Какъ и всталъ княгининъ родной братъ,

90. Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:

— Ой ты гой еси, крестьянскій сынъ!

— Выходи скорѣи на борьбу со мной,

— На борьбу со мной послѣднюю,

— Что послѣднюю ²⁾, драку смертную! —

95. И сцѣпилися они за воротъ,

И возилися вплоть до вечера:

Одолѣлъ крестьянина младъ княгининъ братъ,

Разорвалъ его тѣло синее,

Разбросалъ—разметалъ по широку двору,

100. По широку двору, псамъ на съѣденіе.]

(Записано А. Н. Паскалову, ср. «Изв. А. Н.»).

* *

VII.

1*).

Собралъ Чарь Иванъ Васильевичъ поцестный пиръ, похвальный пиръ. Всѣ сидятъ, пьютъ-ѣдятъ, калацика кушаютъ и бѣлаго лебеда рушаютъ: а одинъ гость не пьетъ и не ѣстъ, калацика не кушаетъ и бѣлаго лебеда не рушаетъ. «Ужь ты гой еси, мой любимый гость! Что ты не пьешь—не ѣшь, калацика не кушаешь и бѣлаго лебеда не рушаешь? Не зло ли ты думаешь, не лихо ли складываешь?»—«Не лихо я думаю, не зло я складываю: у меня съ молода охотичка была, съ молодыхъ дѣнь то ли бѣшеная, съ борчами поборотчя бы мнѣ, съ удальцами поводитчя бы?»—

¹⁾ *Морд.* «Покутатъ.» — ²⁾ *Морд.* «На послѣднюю.» — *О.*

^{*}) За языкъ, правильно ли выдержаны особенности нарѣчія въ правописаніи, очевидно здѣсь нельзя отвѣчать.—*О.*

Въ Москвѣ борчовъ не годилося и лихихъ удалчовъ не лудцалося ¹⁾. Посылаѣ Чарь Иванъ Васильевицъ во всѣ города [во губерніи], отыскать удалчовъ, разудалыхъ бойчовъ. То и ѣдутъ къ селу два брата рѣдные, два Андрея два Андреевица: то везутъ на сеѣ лубы свѣжія, словно лошади. То ихъ нагнали удалыя молодчи, вишь на тройкѣ, и говорятъ имъ, што Чарь Иванъ Васильевицъ проситъ васъ въ гости къ сеѣ.

То они пріѣхали ко широкому дворцу чарскому, стали сапожки потягивать, цюлоцьки поправлявать. То увидѣлъ изъ косясцита окошицька Темрюкъ Темрюковицъ, молодой Церькасовицъ: кинулся—бросился, триста скамей повалилъ, семь сотъ гостей задавилъ, да двѣсти удалыхъ молодчовъ. То и схватился еще боротча съ малымъ братомъ: и былъ Темрюкъ на рѣзвыхъ ногахъ, а оцотился Темрюкъ на буйной головѣ.

То увидѣла Марья Темрюковна, молодая Церькасовна: —Ужь ты гой еси, мужикъ—мужицїи сынъ, крапивны твои сѣмены! На сколько бы ты не ¹⁾ боролся, на сколько бы ты не ²⁾ воѣлся, на страмъ бы ты тѣда не давалъ!—То изволилъ говорить Чарь Иванъ Васильевицъ: «Ужь ты гой еси, Марья Темрюковна, молодая Церькасовна! Впрядь Темрюкъ пусть не хвалитчя!»

(Ср. «Вѣногра». Сборн.» вып. V).

* *
*

¹⁾ Не лудцалося?— ²⁾ Нв.—О.

Осада Пскова.

1*).

(Сырань, Симбирск. губ.).

Копилъ-то король, копилъ силушку,
 Копилъ-то онъ, собака, двѣнадцать лѣтъ,
 Накопилъ-то онъ силушки—смѣты нѣтъ,
 Много, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячь полковъ.

- Б. Накоплѣвши онъ силы, на Русь пошѣлъ,
 Онъ на Русь пошѣлъ, на три города,
 На три города, на три стольные:
 На первый на городъ—на Полотскій,
 На другой-то на городъ—Велики Луки,
 10. На третій—на батюшку на Опсковъ градъ.

Онъ и Полотскій городъ мимоходомъ взялъ,
 А Велики Луки онъ насквозь прошѣлъ:
 Подходилъ онъ подъ батюшку подъ Опсковъ градъ.
 Становился, собака, въ зелѣныхъ ¹⁾ лугахъ.

15. Садился онъ, собака, во зѳлотъ стулъ.
 Смекалъ-то силушку по три дни,
 По три дни и по четыре:
 Много ли силушки убыло,
 А много ли силушки прибыло?
 20. Убыло силушки сорокъ ротъ,
 А прибыло силушки сорокъ полковъ.
 Тутъ-же онъ, собака, возрадуются:

*) Эта Былина, объ осадѣ Пскова Баторіемъ, совпадаетъ въ своемъ теченіи съ Былиною объ осадѣ Волока Ламскаго Сигизмундомъ: ср. «Замѣтка.»—Первоначально она была напечатана П. В. Кирѣевскимъ въ «Деницѣ» 1834 года. И. П. Сахаровъ ее подправилъ и дополнилъ чертами изъ эпохи Ивана: мы приведемъ эти поддѣлки.—О.

¹⁾ Въ рукописи П. В. К. «въ зелѣныхъ.»—О.

- « Охъ вы гой еси, мои скорые хожатели,
 « Скорые хожатели и скорые поспѣшатели!
 25. « Мечитесь скоро въ зеленые луга,
 « Въ зеленые луга государевы ¹⁾!

 « Бери своѡ коня Бахмута ²⁾,
 « Поѣзжай во батюшку во Опсковъ ³⁾ градъ:
 30. « Во городъ въѣзжай—не спрашивай,
 « Ко двору подѣзжай—не докладывай,
 « Во палаты восходи—не бей челомъ,
 « Клади ярлыки на дубовы столы.»

За столами сидитъ Воевода Царѣвъ,

35. Карамышевъ Семѣнь Константиновичъ ⁴⁾:
 « Охъ ты гой еси, Воевода Царѣвъ,
 « Карамышевъ Семѣнь Константиновичъ!
 « Отдай городъ Волокъ ⁵⁾ бѣзъ бою,
 « Безъ бою и безъ драки великія,
 40. « Безъ того уголовія смертнаго!
 « Я на первомъ часу возьму Опсковъ ⁶⁾ градъ,
 « На другомъ часу стану чистити,
 « На третьемъ часу стану столъ становить,
 « Стану пить, веселиться, прохладитися ⁷⁾;
 45. « Князей твоихъ—бояръ всѣхъ въ полонъ поберу,

¹⁾ «Здѣсь долженъ быть пропускъ.» *Прим. П. В. К.*—Здѣсь-то, по нашему мнѣнію, надламывается Былина и переходитъ въ другую, объ осадѣ Волока (хотя и вставлено имя Пскова, Ходкевича и т. п., т. е. смѣшаны двѣ Былины).—*Сахар.* такъ дополнилъ пропускъ:

Посылаетъ онъ воеводу своего,
 А самъ крѣпко наказываетъ.

²⁾ Малорослая крѣпкая лошадь.—³⁾ *Сахар.* «во Псковъ.»—⁴⁾ Ср. это имя выше, въ дѣлѣ съ Ермакомъ; *Сахар.* сообразно съ примѣчаніемъ П. В. Кир. исправилъ (и ниже): «Шуйскій князь Иванъ Петровичъ.»—⁵⁾ «Названіе *Волока*,» какъ замѣчалъ П. В. К., «вмѣсто *Пскова*, здѣсь очевидно взято изъ другой пѣсни, вѣроятно похожей на эту содержаниемъ и напѣвомъ (ср. ее ниже и «Замѣтку»).» *Сахар.* исправилъ: «Опсковъ.»—⁶⁾ *Сахар.* «Псковъ.»—⁷⁾ *Сахар.* «прохлажатися.»—*О.*

« Донскихъ козаковъ всѣхъ подѣ мечь преклоню,
 « А тебя, Воеводу, казнить буду!»»

Возгóворитъ Воевода Царёвъ,
 Карамышевъ Семёнъ Константиновичъ:

30. — Блудёнъ ¹⁾ сынъ, король съ королевичемъ,
 — Съ паномъ гетманомъ Хотенóвичемъ ²⁾
 — И съ воинскимъ конёмъ Вороновичемъ!
 — Не отдамъ я тебѣ города ³⁾ бѣзъ бою,
 — Безъ бою и безъ драки великія,
 35. — И безъ того уголовія смертнаго!—

Какъ со вечера солдаты ⁴⁾ причащались,
 Со полуночи ружья чистили.

Ко бѣлой зорѣ, какъ кúры пропѣли ⁵⁾,
 Не туча съ тучей соходилася ⁶⁾,

60. Не зоря съ зорей ⁷⁾ сомыкалася,

Сходилилися два войска, два великія,
 Бѣлаго Царя съ Королевскимъ.

Тутъ ѣздитъ-разѣзжаетъ удалый-добрый мóлодецъ,
 Еще тотъ ли же воевода Царёвъ.

65. Карамышевъ Семёнъ Константиновичъ.

Кому у насъ на бою, братцы, Божья помощь?

Помогъ Богъ Воеводѣ Московскому,
 Карамышеву Семёну Константиновичу:

Побилъ ⁸⁾ силу королевскую,

70. Всѣхъ лѣтничковъ, сипóвщичковъ,
 Кольчужничковъ, барабанщичковъ.

На силу король самъ-третей убѣжалъ,

¹⁾ Въ рукописи съ переменою у на л, ё на и.—²⁾ Такъ въ рукописи, съ замѣткою П. В. К., что это «очевидно испорченное имя Хотковича;» въ печати стоитъ сіе послѣднее; у Сахар. «Хотковичемъ.»—³⁾ Въ рукописи и у Сахар. «городъ.»—⁴⁾ У Сахар. исправлено: «ратные.»—⁵⁾ Въ рукоп. «попеллись,» а въ печати исправлено уже по догадкѣ П. В. К. («пропѣлись»). Сахаровъ печатаетъ «пропѣли»: доказательство, что его пѣсня не особая, а передѣлка напечатанной.—⁶⁾ Сахар. «сходилася.»—⁷⁾ Такъ и у Сахарова, а въ рукоп. «съ зорёю.»—⁸⁾ Сахар. «побить.»—О.

Бѣгучи онъ, собака, заклинается:
 « Не дай, Боже, мнѣ во Русѣ бывать,
 75. « Ни дѣтямъ моимъ и ни внучатамъ,
 « И ни внучатамъ, и ни прѣвнучатамъ!»

(Язык.; напечатано «въ Девницѣ» 1834 г.).

Ср. ниже, въ другихъ выпускахъ, Былины объ осадѣ Волока Ламскаго и о Карамышевъ.

Такъ точно и слѣдующая Былина примѣшивается Краснощочкова, о которомъ см. подробности ниже, въ другихъ выпускахъ.

* *
 *

Царь въ Серпуховѣ.

1*).

(Село Павлово, Нижегород. губ.).

Царь Иванъ Васильевичъ
 Копилъ силушку ровно тридцать лѣтъ,
 Накопилъ силы сорокъ тысячей,
 Накопилъ силушку, самъ въ походъ пошелъ ¹⁾.

5. Черезъ Москву рѣку переправился,
 Не дойдши города Серпуха
 Становился онъ въ зеленыхъ лугахъ,
 При алыхъ свѣтахъ, при лазоревыхъ;
 Сталъ онъ силушку переглядывать:
10. Князьямъ-бояромъ переборъ пришолъ
 [Енераламъ всѣмъ, Федьмаршаламъ].
 Одново изъ нихъ тутъ не лучилося,
 Што ни лучьшево, слуги вѣрново,
 Максима, сына казачьево,

¹⁾ Начало такое же, какъ въ предыдущей Былинѣ.—0.

15. По прозванью-ту Красношшокова ¹⁾:
 Сказали Царю про Мишиньку:
 « Измѣнилъ тебѣ, Царю Бѣлому,
 « Придался онъ къ хану Турецкому,
 « Ко шишиморѣ деревенскому,
20. « Онъ прельстился на ёво золоту казну,
 « На то ли на платьѣ на свѣтное,
 « На тѣхъ ли на Сорочинычокъ,
 « По нашему—на красныхъ дѣвущекъ.»

По утру-ту было, на зоринькѣ.

25. На восходѣ красново солнышка,
 Не ясенъ соколъ по горамъ леталъ,
 Ни бѣлой кречать перепархивалъ,
 Наша-тѣ Мишенька съ полону ѣдетъ,
 На Турецкомъ чѣрномъ шахматѣ ²⁾,
30. Везетъ съ собой двѣ сумы переметныя,
 Въ сумахъ-ту сидятъ Сорочиночки,
 Турецкаго хана двѣ дочери.
 Не доѣхавши до шатра, самъ съ коня слѣзалъ,
 Не дошедши до Царя, сталъ низко кланяться:
35. « Здравствуй, батюшка, православный Царь!
 « Не вели меня скоро казнити,
 « Прикажи мнѣ слово молвити:
 « Здравствуй, батюшка, православный Царь,
 « Грозный Царь Иванъ Васильевичъ,
40. « Со славнымъ городомъ со Серповымъ!
 « Возми ты у меня двухъ подоянычекъ,
 « Турецкаго хана двухъ дочерей!»

(Запис. свящ. Фаворский; ср. «Иван. А. Н.» т. I).

* *
 *

¹⁾ Ср. этого героя ниже, въ другихъ Былинахъ и выпускахъ.— ²⁾ Ошибка въѣсто «бахматъ», ср. предыдущую Былину.—0.

Гнѣвъ на Вологду.

1.

(Вологда).

- Что на славной рѣкѣ Вологдѣ,
 Во Насонѣ было городѣ ¹⁾,
 Гдѣ доселѣ, было, Грозный Царь
 Основать хотѣлъ ²⁾ престольный градъ
 5. Для свою ли для величества
 И для царскаго могущества ²⁾,
 Укрѣпилъ стѣной градъ каменный
 Со высокими со башнями,
 Съ неприступными бойницами ²⁾,
 10. Посреди онѣ града церковь склалъ,
 Церковь лѣпую, соборную,
 Что во имя Божьей Матери,
 Ея чистаго ³⁾ Успенія:
 Образецъ онѣ взялъ съ Московскаго
 15. Со собору со Успенскаго.
 Стѣны града поднималися:
 Христіане утѣшалися.
 Ужъ какъ стали послѣ сводѣ сводить.
 Туда ⁴⁾ Царь самъ не коснѣлъ ходить ⁵⁾.
 20. Надзиралъ онѣ надъ наемники ⁵⁾,
 Чтобы Божій крѣпче клали храмъ,
 Не жалѣли бѣ плинѣы красныя ⁵⁾
 И той извести горючія.

¹⁾ «Вологда имѣть или имѣла еще другое названіе — Насонъ. И теперь отъ сторожиловъ вы часто услышите поговорку:—Городъ Насонъ, рѣка Вологда.—Названіе это произошло отъ того, что крѣпость, основанная Грознымъ, была заложена 28 Апрѣля (1566), въ память св. Насона (въ просторѣчій Насона).» *Примѣчаніе 1-ю изд.*—Ср. пословицу: «Городъ Галивѣтъ (Галичъ), озеро Неронъ, а люди Кривича.» Вологда упоминается и выше въ Былинахъ о Грозномъ.— ²⁾ Не народно.— ³⁾ Обыкновенно: «честиво.»— ⁴⁾ Тута?— ⁵⁾ Не народно.— О.

Когда Царь о томъ кручинился ¹⁾,

25. Въ храмѣ Божиємъ похаживалъ:
 Какъ изъ свода туповатова ²⁾
 Упадала плина красная
 Во головушку во буйную,
 Въ мудру голову во царскую.
30. Какъ нашъ Грозный Царь прогнѣвался,
 Взволновалась во всѣхъ жилахъ кровь ³⁾,
 Закипѣла молодецка грудь ⁴⁾,
 Ретивó сердце възгралося;
 Выходилъ изъ храма новаго,
35. Онъ садился на добра коня,
 Убѣжалъ онъ въ каменну Москву,
 Насонъ городъ проклинаячи ⁵⁾
 И съ рѣкою славной Вологдой.

Отъ того проклятья царскаго

40. Мать сыра земля трехнулась
 И въ Насонъ-градѣ гористоемъ ⁶⁾
 Стали блата быть ⁷⁾ топучія,
 Рѣка быстра славна Вологда
 Стала быть рѣкой стоячею ⁸⁾,
45. Водой мутною, вонючею,
 И покрытая ⁹⁾ все тиною,
 Скверной зеленью со плесенью.

(Въ «Русскомъ Словѣ» 1859 г. № 1 приведено съ объясненіями г. Н. Бунаковимъ, а нѣтъ какъ сказано, взято изъ записокъ «одного знакомаго, врученныя г. Бунакову въ полное

¹⁾ Въ смыслѣ «заболѣлся», не хорошо. — ²⁾ Придуманно въ противоположность стрѣльчатому, острому, остроконечному. — ³⁾ Не народно. — ⁴⁾ Закипѣла—грудь! — ⁵⁾ Не народно, хотя и видно старанье поддѣлаться. — ⁶⁾ При этомъ неестественномъ прозвищѣ, употребленномъ для стиха, издатель г. Бунаковъ справедливо замѣчаетъ: «Сомнительно, чтобы Насонъ—градъ (т. е. Вологда) когда ни будь былъ гористымъ, — онъ, кажется, всегда стоялъ въ болотѣ.» — ⁷⁾ «Стали быть» не народно; у народа въ-этомъ случаѣ «быть» могло означать лишь «будто, быть-то.» — ⁸⁾ Народу потребовалось бы слишкомъ много усилій, чтобы вообразить *рѣку стоячую.* — ⁹⁾ Придуманъ именительный падежъ вмѣсто творительнаго во избѣжаніе совпаденія съ творительнымъ слѣдующимъ. — 0.

владѣніе;» этотъ «знакомый» въ предисловіи къ пѣсни говорить, что записалъ ее «въ Вологдѣ и слышалъ отъ старожиловъ, что лѣтъ 70 тому назадъ она пѣлась въ народѣ.»— Вторая Былина, помѣщавшаяся въ сѣхъ «Замискахъ» и также отпечатанная г. Бунаковымъ, объ Алкѣ, оказалась перепискою изъ «Современника» 1849 г.: см. объ ней вып. IV, стр. 124—129). Языкъ и складъ во многомъ отличаются ненародною подправкою.

* *
*

Правезжь.

I.

1.

(Сызрань, Симбирск. губ.).

- Что у насъ было на святой Руси,
 На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
 Середи-то торгу, братцы, среди площади,
 Тутъ бьютъ добраго молодца на правезжь,
 5. Нагого-босаго и разутаго.
 Поставили его на бѣль-горючъ камень:
 Стоитъ молодець—самъ не трѣхнется,
 Русы его кудри не ворохнутъся,
 Лишь изъ глазъ горючи слёзы.
10. Лучилося тутъ ѣхати
 Самою Царю православному,
 Грозному Царю Ивану Васильевичу.
 Какъ возговорить Царь Иванъ сударь Васильевичъ:
 «Охъ вы гой еси, бурмистры-цѣловальнички!
15. «За что вы пытаете добраго молодца,
 «Нагого-босаго и разутаго,
 «Поставя его на бѣль-горючъ камень?
 «Стоитъ молодець—самъ не трѣхнется,
 «Русы его кудри не ворохнутъся,
20. «Только катятся изъ глазъ горючи слёзы
 «По бѣлому лицу по румяному?»
 Тутъ возговорятъ бурмистры-цѣловальнички:
 «Охъ ты гой еси, нашъ батюшка, православный Царь,

« Грозный Царь Иванъ сударь Васильевичъ!

25. « Пытаемъ мы съ него золоту казну,
« Золоту казну, платье цвѣтное,
« Не много, не мало, — сорокъ тысячь ¹⁾»»

Возговорить тутъ православный Царь:

« Охъ ты гой еси, добрый мѡлодецъ!

30. « По чему тебѣ золотà казна доставалася
« И какъ она тебѣ приходила?»

Возговорить добрый мѡлодецъ:

— Охъ ты гой еси, нашъ батюшка, православный Царь,

— Грозный Царь Иванъ сударь Васильевичъ!

35. — Была у меня дубиночка вязбвенькая,
— И клалъ я дубиночку на плечико,
— Ходилъ я, добрый мѡлодецъ, по чисту полю,
— По чисту полю, по темну лѣсу:
— Нашелъ я воровъ-разбойниковъ.

40. — Тутъ-то они дуванъ дуванили ²⁾,
— Золотую казну дѣлили мѣрою,
— А цвѣтное платье дѣлили ношами:
— Тутъ-то я ее отбилъ у нихъ. —

Возговорить православный Царь,

45. Грозный Царь Иванъ сударь Васильевичъ:

« Куда ты дѣвалъ эдаку золоту казну?»

Возговорить добрый мѡлодецъ:

— Точилъ я ее все по домамъ по питейнымъ,

— А поилъ я все голь кабацкую,

50. — А цвѣтное платье — одѣвалъ все нашихъ босыхъ. —

Возговорить православный Царь:

« Охъ вы гой еси, бурмистры-цѣловальнички!

« Заплатите ему за каждый ударъ по пятидесяти ³⁾ рублей,

« А за безчестіе заплатите ему пять сотъ рублей.»

(Зык.)

*

¹⁾ Вѣроятно: «тысячей.» — ²⁾ Дѣлали привалъ и дѣлили добычу. — ³⁾ Вѣроятно «по пятидесять.» — 0.

2.

Какъ у насъ-то было въ матушкѣ каменной Москвѣ—
 Что пымали добраго молодца безвиннаго ¹⁾, безъ по-
 личнаго.

Повели добраго молодца на бѣль-горючъ камень,
 И стали бить добраго молодца безвиннаго, безъ по-
 личнаго.

5. Стоитъ добрый молодець—самъ не тряхнется,
 Его русые кудерюшки не ворóхнутся,
 Только катятся у молодца горючї слезы
 По его лицу по румяному.

Лучилось тутъ вхать самому Царю Ивану Василье—
 вичу.

10. Какъ не золотая трубонька вострубила,
 Что возгóворить нашъ батюшка православный Царь:
 «Охъ вы гой еси, бурмистры—цѣловальнички,
 «Большіе головушки, ларечнички!
 «За что вы добраго молодца пытаете?»

15. Что возгóворять бурмистры-цѣловальнички:
 «« Ой ты гой еси, нашъ батюшка, православный Царь!
 «« Требуемъ мы съ него золотую казну,
 «« Не много, не мало,— сорокъ тысячь рублей.»»

Какъ возгóворить надѣжа православный Царь:

20. « Ой ты гой еси, удалый-добрый молодець!
 « По чему эта казна тебѣ доставалася
 « И по чему причиталася?»
 Что возгóворить удалый-добрый мóлодецъ:
 — Это, батюшка, казна не царская и не барская,
 25. — А эта казна монастырская,
 — Того ли монастыря Соловецкаго.

¹⁾ Безъ виннаго, безъ вины.—0.

- Я охочь былъ, батюшка, гулять по чисту полю.
 — И была у меня, багюшка, дубиночка,
 — Не мала, не велика,—ровно въ тридцать пудъ;
 30. — Заходилъ я, батюшка, во темны лѣса Соловецкіе,
 — И вышелъ я, батюшка, на полянушку:
 — Тутъ добрые молодцы дуванъ дуванили.
 — Поднялъ я, батюшка, дубинушку выше себя,
 — И ударилъ выше себя объ зелёной дубъ:
 35. — То они съ шуму съ грому разбѣжались,
 — А со звуку, батюшка, раскидалися.
 — По тому эта казна мнѣ, батюшка, доставалася
 — И по тому причиталася.—

Что возговорить надѣжа православный Царь:

40. « Ой вы гой еси, бурмистры—цѣловальнички!
 « Заплатите доброму молодцу за увѣчице,
 « Заплатите за безчестьице.
 « И отдайте доброму молодцу сорокъ тысячь рублей.»

*

3.

(Заводы Лоптевскій и Сузунскій).

- Ишло сколько я, добрый молодець, не гуливалъ,
 Что не гуливалъ я, добрый молодець, не нахаживалъ ¹⁾,
 Такова я чуда-дива не нахаживалъ,
 Какъ нашелъ я чудо-диво въ градѣ Кіевѣ:
 5. Среди торгѹ-базару, середь площади,
 У того было колодичка глубокова,
 У того было ключа—то подземельнова,
 Что у той было конторушки Румянцовой,
 У тово было крылечка у перильчата,
 10. Ужъ какъ быють—то добра молодца на правежѣ,

¹⁾ Ни хаживалъ. — 0.

Что на правежѣ ево бьютъ,
 Что нагова бьютъ—босова и безъ пояса,
 Въ однихъ гарусныхъ чулочкахъ-то, безъ чеботовъ.
 Правятъ съ молодца казну да монастырскую.

15. Изъ за горъ-то, было,—горъ, изъ за высокихъ,
 Изъ за лѣсу-то, было,—лѣсочку, лѣсу темнова,
 Что не утренняя зорюшка знаменуется,
 Что не праведное ¹⁾ красно солнышко выкатается:
 Выкаталась бы тамъ карета красна золота,
20. Красна золота карета, государева;
 Во каретушкѣ сидѣлъ православный Царь,
 Православный Царь Иванъ Васильевичъ.
 Случилось ему ѣхать посередь торгю.
 Ужъ какъ спрашивалъ надѣжа православный Царь,
25. Ужъ какъ спрашивалъ доброва молодца на правежѣ:
 « Ты скажи, скажи, дѣтина, правду-истину,
 « Ишшо съ кѣмъ ты казну крадъ, съ кѣмъ разбой держалъ?»
 « Если правду ты мнѣ скажешь, я пожалую,
 « Если ложно ты мнѣ скажешь, я скоро сказую:
30. « Я пожалую тя, молодецъ, въ чистомъ полѣ,
 « Что двумя тебя столбами да дубовыми,
 « Ужъ какъ третьей перекладинкой кленовою,
 « А четвертой тебя петелькой шелковою.»
 Отвѣча'тъ ему удалый-добрый молодецъ:
35. — Я скажу тебѣ, надѣжа православный Царь,
 — Я скажу тебѣ всю правду и всю истину:
 — Что не я-то казну крадъ, не я разбой держалъ,
 — Ужъ какъ крали-воровали добры молодцы,
 — Добрые молодцы, казаки.
40. — Случилось мнѣ, молодцу, итти чистымъ полѣмъ,
 — Я завидѣлъ въ чистомъ полѣ—сырой дубъ стоитъ,
 — Сырой дубъ стоитъ въ чистомъ полѣ, крековистый;
 — Что пришолъ я, добрый молодецъ, къ сыру дубу,

¹⁾ Вставлено изъ Стиховъ о праведномъ солнцѣ—Христѣ.—0.

- Что подь тѣмь, было, подь дубомь подь крековис-
тымь,
45. — Что казаки, онѣ, дѣлъ дѣлать.
— Они дѣлъ дѣлили, дуванъ дуванили;
— Подошелъ я, добрый молодець, къ сыру дубу.
— Ужъ какъ бралъ-то я сырой дубъ посередь его,
— Я выдергивалъ изъ матушки сырой земли,
50. — Какъ отряхивалъ коренья о сыру землю:
— Ужъ какъ тутъ-то добры молодцы испугалися,
— Со дѣлу они со дувану разбѣжались,
— Одному мнѣ золота казна досталася,
— Что не много и не мало, — сорокъ тысячей.
55. — Я не въ кладъ-то казну клалъ, животомъ не звалъ¹⁾,
— Ужъ я клалъ тоѣ казну во большое-тъ домъ,
— Во большое-тъ домъ, во царевъ кабакъ. —

(Доставлено С. Е. Гуляевымъ; ср. «Изв. А. Н.» т. III).

* *

II.

1.

(Курской губ.).

- Мимо лѣсу мимо темнаго,
Мимо садику зеленаго.
Пролежала путь-дороженька,
Широка, торна, пробойная.
3. Ой, по той ли по дороженькѣ,
Тамъ идутъ-идутъ солдатушки,
Они ведутъ-ведутъ удалаго мѡлодца, .

¹⁾ Не звалъ имѣншемъ, не берегъ какъ имѣнье на прожитокъ. — 0.

Удалаго молодца-разбойничка:

Рѣзвы ноженьки закованы.

10. Назадъ рученьки завязаны.

Ясны оченьки заплаканы.

Они ведутъ его въ каменну Москву,

Въ каменну Москву, ко Грозному Царю ¹⁾).

Сталъ Царь молодца допрашивати:

15. « Ты скажи мнѣ, вдалый молодецъ,

« Съ кѣмъ воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,

« Ой, и кто твои товарищи?»

— Я скажу тебѣ, православный Царь,

— Съ кѣмъ я воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,

20. — Ой, и кто мои товарищи:

— Какъ и первый то товарищъ—

— Да и темная ночь;

— А другой ли мой товарищъ—

— Да и воронъ конь;

25. — Какъ и третій мой товарищъ—

— Да и вострый ножъ.—

(Записано Н. Ст. Кохановской; ср. «Русск. Вес.» 1860. 1).

* *

III.

1.

(Тамъ же).

Что во горенкѣ, подъ окошечкомъ.

Что позднымъ-поздно, поздно ²⁾ вечера,

Что сидѣла тамъ душа-дѣвица:

Что руса коса порастрѣпана,

5. Ясныя оченьки заплаканы....

Не сиди, душа, поздно ²⁾ вечера,

¹⁾ Конечно — Ивану. — ²⁾ Поздна?—0.

Ты не жги свѣчи воску ярова,
 Не кручинь, дѣвка, родна батюшки,
 Не печаль свою родну матушку:

10. Ты не плачь, не плачь по своемъ горю,
 По миломъ другу ¹⁾!
 Что и Царь молодца пожалуетъ....

Повели младца въ каменну Москву.
 Ко Грозну Царю.

15. Какъ и сталъ Царь младца спрашивати
 И допрашивати:
 «Ты скажи, скажи, вдалый молодець,
 «Ты за что убилъ ²⁾ мово подручника,
 «Молодаго мово опричника?»
20. — Я скажу тебѣ, православный Царь,
 — Я за что убилъ зла Татарченка,
 — Молодаго твоео опричника:
 — Я убилъ его за дурны дѣла,
 — За худы слова.
25. — Поносилъ онъ нашу святую Русь:
 — Тебя узывалъ кровопійцею;
 — Еще поносилъ православный людъ:
 — Урекалъ онъ насъ быть христьянами
 — И холопами,
30. — Татаръ величалъ людьми вольными,
 — Никому какъ быть не подручными.
 — А славенъ—то былъ онъ тобою, Царь,
 — Твоей милостью!—
 «Исполать тебѣ, вдалый мѳлодець,
35. «На добромъ словѣ, на честномъ дѣлѣ!»

(Оттуда же).

Другія Выины того же происхожденія и близкаго содержанія см. ниже, во времена Петра
 1-го и въ Молодецкихъ Безмяннхъ.

* *
 *

¹⁾ Это начало изъ другихъ мелкихъ пѣсней, которыя см. послѣ. —
) Убилъ. — 0.

Царь сослалъ Царицу въ монастырь.

1.

(Сызрань, Симбирск. губ.).

- Ужь что это у насъ въ Москвѣ приуныло,
 Заунывно въ большой колоколъ звонили?
 Ужь какъ Царь на Царицу прогнѣвился,
 Онъ ссылаетъ Царицу съ очей далѣ,
 5. Какъ въ тотъ ли во городъ во Суздаль,
 Какъ въ тотъ ли монастырь во Покровскій.

- Какъ Царица по палатушкамъ гуляла,
 Жалобиѣхонько Царица причитала:
 «Охъ вы гой еси, каменные палаты,
 10. «Бѣлы-каменны палаты, грановиты ¹⁾!
 «Ужь, знать, мнѣ по васъ, палатушкамъ, не гуляти,
 «За кипарисными столами не сидѣти,
 «Мнѣ сахарнаго кушанья не кушати
 «И мнѣ бѣлаго лебеда не рѣшати!»
 15. Выходила тутъ Царица на крылечко,
 Закричала своимъ громкимъ голосочкомъ:
 «Охъ вы гой еси, конюхи молодые,
 «Младые конюхи, ѣздовыя!
 «Вы закладывайте [карету]—не спѣшите,
 20. «Поѣзжайте Москвою—не спѣшите:
 «Ужь авось государь Царь умилился,
 «Не прикажетъ ли назадъ воротиться!»
 Какъ взговорютъ конюхи молодые:
 ««Охъ ты гой еси, наша матушка Царица,
 25. ««Марѳа Матвѣвна!
 ««Ужь гдѣ жь Царю умилился,
 ««Ужь гдѣ жь ему васъ назадъ воротити?»»

¹⁾ Старинная «гридня;» гранная, угольчатая палата, названіе, сдѣлавшееся въ Москвѣ собственнымъ; ср. вып. V, стр. 71.—0.

- Какъ встрѣчали Царицу со звономъ,
Выходила тутъ игуменья,
30. Что съ своими монашенными,
Принимала её за ея руки бѣлыя,
Повела въ свои кельи.

(Язык.).

*

2.

(Село Павлово, Нижегород. губ.).

- Ахтѣ, во Москвѣ у насъ, братцы, не здорово!
Заунывно во Царь-колоколъ благовѣстѣли:
Видно, Царь на Царицу прогнѣвилса
И хочетъ сослать её въ ссылку,
5. Во славной Суздаль городочикъ,
Во пречёсной монастырь во Петровской.

- Тутъ заплакала благовѣрная Царица,
Во слезахъ говорить такое слово:
«Охъ вы гой естя, мое бѣлокаменны палаты!
10. «Ужь мнѣ въ васъ, полатушки, не бывати,
«Отъ свова Царя ласкова слова не слыхати!»

- Собиралъ-та Царь возочикъ,
Высылалъ Царицу въ городочикъ.
Тутъ возговорить благовѣрная Царица:
15. «Охъ вы гой естя, извошнички мое молодые!
«Вы потише поѣзжайте—не свишите ¹⁾:
«Авось ли Царь да на меня не умилѣтса,
«Не велить ли мнѣ назадъ воротиться!»

¹⁾ Не свишите.—0.

- Подъѣзжаютъ онѣ къ Петровскиемъ воротямъ,
 20. Встрѣчатъ её игуменья съ сестрами.
 Тутъ возгóворить благовѣрная Царица:
 « Отойдись ты прочь, игуменья съ сестрами:
 « Не на часъ я къ вамъ пришла часовати,
 « Ни на ёдну тёмну ночку ночовати,
 25. « Я пришла къ вамъ вѣки вѣковати!»

(Запис. свящ. Фаворскимъ; ср. «Изв. А. Н.» т. I).

*

3.

(Орловск. губ.).

- По палатушкамъ Царица ходила,
 Она жалобно говорила:
 « Охъ вы слуги мои, слуги вѣрные,
 « Заложите мнѣ карету золотую,
 5. « И ступайте Москвою—не спѣшите:
 « Авось Царь до Царицы умилится,
 « Онъ велитъ мнѣ, Царицѣ, воротиться ¹⁾!»

*

- « Охъ вы кумушки, голубушки мои!
 « Вы которому Святителю молили,
 10. « Вы которымъ Чудотворцамъ обѣщались,
 « И у васъ мужья молодые?
 « У меня ли у младеньки старичища.
 « Не пуцайтъ старичища на игрища...»

И прочее, см. послѣ.—Былины сего же рода, относимыя къ Петру I-му, равно какъ Безымянны, см ниже.

* *
 *

¹⁾ Доселѣ начало древней Былины, а отселѣ переходъ въ позднѣйшую мелкую женскую пѣсню.—0.

Смерть Грознаго Царя Ивана Васильевича.

1.

(Тульск. губ., Чернского уезда).

Охъ вы горы, горы крутыя!

Охъ вы головы златыя православныхъ церквей!

Охъ косящеты окошки царскихъ теремовъ!

Какъ во теремѣ живётъ православный Царь.

5. Православный Царь Иванъ Васильевичъ:

Онъ грозёнъ, батюшка, и милостивъ,

Онъ за правду милуетъ, за неправду вѣшаетъ.

Ужъ настали годы злые на Московскій народъ,

Какъ и сталъ православный Царь грознѣй {прежняго:

0. Онъ за правду—за неправду дѣлалъ кóзни лютыя.

Какъ восплачется народъ Рускій на Грознаго Царя:

Переставился Грозный Царь на восьмидесятомъ году,

А сынъ его Оѣдоръ сталъ Русью управлять.

(Отъ старухи).

* *

1.

(Сибирск. губ., Буинск. уѣзда, дер. Козловка).

Какъ ударили въ Москвѣ въ большой колоколь,

Только слышно то было по всей каменной Москвѣ

[И по всей арміи, и по всей конной гвардіи]:

Еще померъ-то у насъ православной Царь,

5. Православной Царь Иванъ Васильевичъ.

«Сдѣлаемъ ему гробокъ купарисовой,

«Саванокъ-то сошьемъ миткалиновый,

«Мы схоронимъ Царя за Москвой рѣкой!»

(Запис. П. В. Шейномъ, отъ Максима Щербачова).

* *

III.

1*).

(Саратовъ).

- Ужь ты батюшка свѣтель мѣсяцы
 Чтò ты свѣтишь не по старому,
 Не по старому, не по прежнему,
 Изъ за облачка выкатаешься,
 5. Черной тучей закрываешься?
 У насъ было на святой Руси,
 На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
 Въ каменной Москвѣ, въ золотомъ Кремлѣ,
 У Ивана было у Великаго,
 10. У Михайлы у Архангела,
 У собора у Успенскаго,
 Ударили въ большой колоколь.
 Раздался звонъ по всей матушкѣ сырой землѣ:
 Соѣзжались всѣ князья-бояре,
 15. Собиралися всѣ люди ратные,
 Во Успенскій соборъ Богу молитися.
 Во соборѣ-то во Успенскимъ,
 Тутъ стоялъ новъ кипарисовъ гробъ 1):
 Во гробу-то 2) лежитъ православный Царь,
 20. Православный Царь, Иванъ Грозный Васильевичъ.
 Въ головахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
 У креста лежитъ корона его царская,
 Во ногахъ его вострый, грозный мечъ 3).
 Животворящему кресту всякій 4) молится,
 25. Золотому вѣнцу 5) всякой кланятся,
 А на грозенъ 6) мечъ взглянетъ,—всякъ ужахнется.
 Вокругъ гроба горять 7) свѣчи восковыя,

*) То же напечатано у гг. Костомар. в Мордовц., откуда приведемъ мелкія разнорѣчія.—0.

1) «Тутъ стоялъ кипарисовъ гробъ.» — 2) «Во гробу.» — 3) «Въ головахъ у него стоитъ крестъ серебряный, Во ногахъ его корона царская.» — 4) «всякъ.» — 5) «Золотой царской коронѣ.» — 6) «На грозенъ.» — 7) «стоятъ.» — 0

- Передъ гробомъ стоятъ все попы-патріархи ¹⁾,
 Они служатъ-читаютъ ²⁾, память отпѣвають,
 30. Отпѣвають память Царю православному,
 Царю Грозному Ивану Васильевичу.

(Запис. А. Н. Паскаловъ, ср. «Изв. А. Н.»).

* *
 *

Плачь Царицы по умершемъ Царѣ.

1.

(Москва).

- Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго.
 Изъ за горъ было высокіихъ,
 Не ясно солнце выкаталося,
 Выходила тутъ благовѣрная Царица,
 5. Благовѣрная Царица Марѳа Матвѣвна,
 По мосту-мосту по калинову,
 По сукну-сукну багрецовому:
 Ужь какъ шла Царица благовѣрная,
 Благовѣрная Царица Марѳа Матвѣвна,
 10. Приходила она къ церкви соборной,
 Закричала она громкимъ голосомъ:
 «Ужь и есть ли у церкви церковнички?
 «Отпирали бы церковь соборную,
 «Что впускали бѣ Царицу благовѣрную!»
 15. Что входила Царица въ церковь соборную,
 На три стѣроны помолилася;
 На четвѣртую она только взбрѣла,
 Какъ увидѣла гробницу бѣлу-каменную;
 Закричала Царица громкимъ голосомъ:

¹⁾ «стоятъ попы, патріархи.»—²⁾ «и читаютъ.»—0.

20. « Охъ ты гой еси, благовѣрный Царь,
 « Благовѣрный Царь Иванъ Васильевичъ!
 « Чтò ты спишь крѣпко—не прòснешься?
 « Безъ тебя всё царство помутилося,
 « Всѣ Стрѣльцы-бойцы взволновалися,
 25. « Всѣхъ князей-бояръ во тынахъ рубють,
 « А меня-то, Царицу, не слушаютъ!»
 « Ахъ ты гой еси, Царица благовѣрная,
 « Благовѣрная Царица Марѳа Матвѣвна!
 « Ужь и мы-то тебя слушаемся,
 30. « Ужь и мы-то тебѣ повинуемся!»

(Отъ мѣщанки Татьяны Андреевны, запис. 7 Сентября 1839 г.).

*

2.

(Тамъ же).

- Что по сукну, по сукну ли багрецовому,
 По тому ли сукну что по красному,
 Ужь какъ шла тутъ Царица благовѣрная,
 Благовѣрная Царица Марѳа Матвѣвна,
 5. Въ Успенскій соборъ Богу молитися,
 Своему Царю поклонитися.

Подошла она къ гробницы бѣлой-аспидной,
 Стала она плакать и рыдать,
 И жалобно причитать.

10. « Встань ты—пробудись, Грозный Царь,
 « [Грозный Царь] Иванъ Васильевичъ!
 « И ты што жь крѣпко спишь и не прòснешься?
 « При тебѣ ли, при Царѣ, войны не было,
 « Безъ тебя ли, Царя, учинилася:
 15. « Стрѣльцы-бойцы поднимаются,
 « А меня ли, Царицу, не слушаютъ.»
 Ужь стали унимать Царицу князья-бояры:
 « Ты не плачь, наша Царица благовѣрная,

- «Благовѣрная Царица Марѳа Матвѣевна!
 20. «Ужь тебѣ ли горемъ поле не насѣяти,
 «Горючьми слезми море не наполнити:
 «Ужь Царя-та тебѣ не поднять будетъ,
 «Ужь какъ Грознаго Царя Ивана Васильевича!»»

(Отъ старика 70-ти лѣтъ, Московскаго мѣщанина).

*

3.

(Тульск. губ., Алексинск. уѣзда).

- По крыльцу-то, по крыльцу-крыльцу Красному,
 По сукну-то, по сукну-сукну багрецовому,
 Шла-прошла наша матушка государыня,
 Во соборную церковь молитися,
 5. Ко святымъ мощамъ приложитися,
 Государя Царя причитать стала:
 «Охъ ты, Грозный Царь, Иванъ Васильевичъ!
 «Безъ тебя-то народъ взбунтовался,
 «А на меня, Царицу, взъѣдѣлся!»

*

4.

(Арханг.-губ.).

- Выходила Царица Марѳа Михайловна
 На крутой Красный крылецъ,
 Шла по атласу, по бархату,
 Приходила она ко соборной церкви,
 5. Становилась она на паперти.
 Не бѣлая лебедь воскликнула,
 Что возговорить наша матушка,
 Православная государыня:

- «Еще есть ли у меня слуги вѣрные?
10. «Отпирали бѣ церковь Божию!»

Она въ церковь входила,
Вошедъ Богу помолилася,
На всѣ стороны поклонилася,
На праву руку становилася:

15. «Ахъ ты батюшка, православный Царь!
«Ничего-то ты не знаешь—не вѣдаешь,
«Что у насъ въ Москвѣ учинилося:
«Стрѣльцы въ Москвѣ збунтовалися,
«Меня, Царицу, не слушаютъ!»

20. Унимають её князья-бояра:
«Ты не плачь, не плачь, наша матушка:
«Ужъ и такъ сердце надорвалось,
«Царя-государя не поднять будетъ!»»

(Доставлено адмирал. Кузьминцевымъ).

* *
*

Плачь войска.

1.

(Самбирск. губ.).

- У Ивана было у Великаго,
У собора было у Успенскаго,
У честной-славной заутрени,
Молодой сержантъ на часахъ стоять,
5. На часахъ стоять, Богу молится,
Горючми слезми заливается:
«Ты возмой—возмой, туча грозная,
«Ты пролей-ка часть-силень дождичекъ.
«Примочи-ка ты мать сыру землю!
10. «Разступись-ка ты, мать сыра земля,
«На четыре ты на всѣ стороны!
«Раскройся-ка, гробова доска,
«Распахнись-ка ты, бѣль-тонкой саванъ,

- « Ты возстань, возстань, православный Царь,
 15. « Царь Иванъ Васильевич!
 « Погляди-ка ты на свою силу:
 « Твоя силушка утомлённая,
 « Утомлённая, некормлёная,
 « Твой любимый полкъ во походъ пошёлъ,
 20. « Во походъ пошёлъ подъ Казань городъ ¹⁾»

- Подъ Казанью мы подъ городомъ,
 Мы стояли подъ нимъ восемь лѣтъ,
 А копали мы земляной подкопъ,
 Земляной подкопъ ужъ мы семь годовъ.
 25. Ужъ мы другъ дружку тутъ обманывали
 Со Татарами мы незнамыми.
 Выходилъ-то изъ городу младъ Татарченокъ,
 Онъ указывалъ, гдѣ подкопъ копать,
 Гдѣ подкопъ копать подъ Казань рѣку,
 30. Подъ тоё казну подъ порховую.
 Подкопали мы подкопы подъ тѣ бочечки,
 Подъ тѣ бочечки и подвалики,
 Гдѣ стойтъ у нихъ порховъ казна;
 Мы закатывали подъ свой подкопъ
 35. Сорокъ бочекъ ужъ мы пороху;
 И хотѣли мы Татарченка повѣсить,
 Мы за тѣ слова за глупыя;
 Ужъ мы думали, что Татарченокъ насъ обманываетъ;
 Мы зажгли свѣчу воску яраго аршинную,
 40. А фитиль зажгли на бочечкахъ поларшинный;
 А Татарченокъ умаливалъ:
 « Вы постойте-ка, не вѣшайте:
 « Я вамъ сказывалъ правду-истину.»
 Не успѣлъ онъ всѣхъ словъ сказать, Казань начало
 рвать:
45. Ужъ и начали Татарченка казной жаловать.

(Язык.).

*

1) Отсегъ рѣчь сержанта переходить въ рассказъ пѣвца.—0.

(Самбирск. губ., с. Усть-Урень):

Ужь ты батюшка, свѣтель мѣсяцъ!
Ужь ты свѣтишь, мѣсяцъ, во всю темную ночь:
Освѣти-ка, мѣсяцъ, каменну Москву!

- Въ каменной-то Москвѣ, во святой Русѣ,
5. У собора было у-во ¹⁾ Спенскаго,
Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
На часахъ-то стоитъ, Богу молится,
Богу молится, самъ слезно плачетъ:
«Понесите съ горь, буйны вѣтры,
10. «Разнесите, вѣтры, всѣ желты пески!
«Разступись, матушка сыра земля,
«Вскройся, гробова доска,
«Распахнись-ка, бѣль-тонкой саванъ,
«Ты возстань, возстань, православный Царь,
15. «Православный нашъ Царь, Иванъ Васильевичъ!
«Ужь вся-то Москва на потрясъ пошла,
«Ужь всѣ-то полки во походъ пошли ²⁾
[«Ужь первый-то полкъ пошелъ Семеновскій,
«А другой-то полкъ пошелъ Измайловскій,
20. «Третій пошелъ Петропавловскій.
«Ужь всѣ-то купцы перепугадися,
«На синее моречке разбѣжались,
«На легкія лодочки побросались ³⁾].»

(Запис. П. В. Шейномъ, отъ Н. Картавенка).

* *
*

Многочисленныя разнорѣчія этой пѣсни, въ примѣненіи къ позднѣйшимъ царямъ и царицамъ, см. ниже въ другихъ выпускахъ.

Конецъ пѣсень 6-го выпуска.

¹⁾ Такъ исправляемъ вмѣсто явной опечатки: «у ко.»—²⁾ Отселе слѣдуетъ прибавка изъ болѣе новыхъ пѣсень того же рода.—³⁾ А это, о купцахъ, прибавка еще дальнѣйшая (изъ Былинъ объ Ильѣ Муромцѣ и Соколѣ кораблѣ?).—0.

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

МОСКВА.

Въ Типографіи П. Вахметова, на Срѣтенкѣ, д. Карлони.

1868.

Дозволено Ценсурой. Москва, Августа 16-го, 1868 г.

Выписка из протоколовъ заведеній Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1865 года, Января 9-го, ССІ заведеніе, пунктъ 4. — Д. Ч. П. А. Безсоновъ прочелъ отчетъ по изданію первыхъ шести выпусковъ пѣсень изъ собранія П. В. Кирѣвскаго и планъ дальнѣйшаго изданія этихъ пѣсень. При чемъ объявилъ, что онъ увѣжаетъ изъ Москвы въ Вильну и слѣдовательно не можетъ заниматься изданіемъ пѣсень. При этомъ онъ представилъ приготовленный имъ совершенно къ печати 7-й выпускъ пѣсень.... Опредѣлено: приготовленный къ изданію 7-й выпускъ пѣсень изъ собранія П. В. Кирѣвскаго передать для печатанія Д. Ч. А. Н. Аванасьеву, съ просьбою принять на себя трудъ по означенному изданію.

*) Отпечатанъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ

Выпускъ 7.

Пѣсни Вылевыя, Историческія:

Москва.

Отъ Грознаго Царя до Петра I-го.

1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900
1901
1902
1903
1904
1905
1906
1907
1908
1909
1910
1911
1912
1913
1914
1915
1916
1917
1918
1919
1920
1921
1922
1923
1924
1925
1926
1927
1928
1929
1930
1931
1932
1933
1934
1935
1936
1937
1938
1939
1940
1941
1942
1943
1944
1945
1946
1947
1948
1949
1950
1951
1952
1953
1954
1955
1956
1957
1958
1959
1960
1961
1962
1963
1964
1965
1966
1967
1968
1969
1970
1971
1972
1973
1974
1975
1976
1977
1978
1979
1980
1981
1982
1983
1984
1985
1986
1987
1988
1989
1990
1991
1992
1993
1994
1995
1996
1997
1998
1999
2000
2001
2002
2003
2004
2005
2006
2007
2008
2009
2010
2011
2012
2013
2014
2015
2016
2017
2018
2019
2020
2021
2022
2023
2024
2025

— — — 15: разудалыи	разудалыи
— — — 16 и 17: не	ни
<i>Пр.</i> — <i>стр.</i> 13 сверху: дѣтинуш- ка	дѣтинка
— — — 27 — : Чей та- кой, дѣтинушка,	Чей такой, дѣтинушка: ты, по Камѣ по рѣкѣ *)
<i>Т., стран.</i> 38, <i>ст.</i> 20: по Камѣ порѣкѣ,	<i>Пр.</i> Съ этого стиха начинается дру- гая половина, по инымъ образцамъ отдѣленная какъ особая Былинка.
<i>Пр.</i> — <i>стр.</i> 10 сверху: Да час- тенько	Да частешенько
— — — 11: Я не съ Дону..	Я не со Дону
— — — 16: Алканки	съ Алканки
— — — 19: по кирпичку ...	по кирпичику
— — — 26: Тимошеевъ	Тимошеевъ.
— — — : Я съ матушки Волги	Я съ матушки съ Волги
<i>Т., стран.</i> 39, <i>ст.</i> 27: не сѣрме (гуси?) привозгакнули	не сѣрме гуси возгакнули, козачиѣ
— — — 33: казачиѣ	
<i>Пр.</i> — <i>стр.</i> 5 снизу: веселому бытъ?	веселому больно бытъ?
<i>Т., стран.</i> 40, <i>ст.</i> 7, 8: поймаанный, пойманъ	поймаанный, пойманъ
— — — 8 и дальѣ: Стенька	Сенька
<i>Пр.</i> — <i>стр.</i> 4 снизу: Приколоч- ки	<i>Пр.</i> Коль съ крюкомъ: къ нему при- чалываютъ лодку и привязываютъ.
<i>Т., стран.</i> 41, <i>ст.</i> 5: насадику;	<i>Пр.</i> Судно, съ набоями для сидѣнья сѣдоковъ, кромѣ гребцовъ.
— — — 7: молодцевъ	молодцовъ
— — — 17: «По прозванью	«По прозванію
<i>Т., стран.</i> 42, <i>ст.</i> 8: «А на что	«Ахъ на что
— — — 29: разбойничка ...	разбойничка
<i>Т., стран.</i> 44, <i>ст.</i> 30: На часовеньку	30. На часовеньку
— — — 2 и ниже: Чтѣ ...	Что
— — — 5: Наряжается ...	5. Наряжается
	<i>Пр.</i> И ниже, во всей Былинѣ, цѣфы 10, 15, 20, 25.
<i>Т., стран.</i> 45, <i>ст.</i> 5: что	что
— — — <i>ст.</i> 8: платье цвѣтное	платьи цвѣтныя
<i>Пр.</i> <i>стран.</i> 48, <i>стр.</i> 4 сверху: (При- бавленія къ выпуску 5-му,	(Прибавленіе къ выпуску 5-му, 19

- — стр. 1 снизу: званіе Терента. званіе Терента. — О.
- Г.*, стр. 50, ст. 45: трясётъ. трясётъ.—
- Пр.*, — стр. 1 снизу: мѣшокъ.. мѣшокъ.— О.
- Стран.* 54: III. (а)..... *Пр.* Пѣсня, помѣщенная на стр. 54-й подѣ Отдѣломъ III-мъ, должна слѣдовать за Отд. I-мъ, послѣ 51-й страницы, съ такимъ заголовкомъ:
- II (а).
- (Прибавленіе къ тому же 5-му выпуску. Былинамъ Новгородскимъ).
- Стран.* 54, *Пр.*, строка 1-я снизу: (а) Ср. выше кругъ пѣсень Новгородскихъ..... (а) Ср. выше кругъ пѣсень Новгородскихъ: II-й отдѣлъ Былинъ о Васильѣ Буслаевѣ.
- *Г.*, ст. 7: «Поразольется....» Поразольется
- Стран.* 52: II. (а)..... *Пр.* Пѣсня, помѣщенная на стр. 52-й подѣ Отдѣла II-мъ, должна слѣдовать за означенною, тою, которая поставлена нами подѣ Отд. II-мъ (о Васильѣ Буслаевѣ или Кувечскомъ смнѣ), съ заголовкомъ:
- III (а).
- (Прибавленіе къ тому же, 5-му выпуску, къ Былинамъ Книжескимъ).
- Стран.* 52, *Пр.*, стр. 1-я сверху: (а) Ср. выше кругъ пѣсень Владиміра. (а) Ср. выше кругъ пѣсень Книжескихъ: *Князь Романъ жену теряла*, отд. II, стр. 100 и дал., а потомъ отд. IV, *Добрый молодецъ (жену теряла)*, стр. 123 и дал.
- Стран.* 52, *Г.*, ст. 1: Владиміра,.... Владиміра,
- — ст. 2: У солнышка у числа-время, *Пр.* У перекатнаго солнышка, того, что ходя и играя указываетъ *число-время*, откуда похаживанье Владиміра по гриднѣ и угощеніе гостей сравнивается по другимъ Былинамъ такъ: «Не красное солнце *чилосьалося*.» Ср. у насъ вып. III, стр. 28.

- *Пр., стр. 5* снизу: похва-
ляется похвалялся
- Стран. 53, Пр., стр. 7* снизу: одну
голову, буйну голову,
- Стран. 54, Т., стр. 8* снизу, *ст. 2:*
бузовали *Пр.* Положили, грабили, обирали.
- — *ст. 5* (и далее 12):
чечью жемчуга; чечью-жемчуга;
- — *ст. 7:* Шамелью *Пр.* Чечуй-жемчуга, чечь-жемчуга:
зернистый, крупный, что идёт въ
подвязи, низаны ожерелья, цѣпоч-
ки и нитки. Ср. стихъ 12.
- — *ст. 7:* Шамелью *Пр.* Амелю, любимое женское имя
въ старшихъ нашихъ Былинахъ.
- Стран. 55, Т., ст. 22:* надъ ней. . . надъ нею
- — — *2, стр. 8* снизу:
Съ палатъ Съ палатъ
- — *ст. 7:* И не такъ дѣв-
ка стонъ: И не такъ дѣвка стонъ,—
- Стран. 56, Т., ст. 12:* Бѣлопомянка! *Пр.* Бѣлая помянка.
- — *ст. 13:* конью шубу.. *Пр.* Кунью?
- Стран. 61, Т., ст. 5:* Направили. . . 5. Направили.
Пр. И ниже цѣфы 10, 15, 20.

* *
*

1877

1878

1879

1880

1881

1882

1883

1884

1885

1886

1887

1888

1889

1890

1891

1892

1893

1894

1895

ОГЛАВЛЕНИЕ 1-е,

ВЪ ПОРЯДКѢ ПРЕДЛЕЖАЮЩАГО РАВНОИМЕННО ВЫПУСКА.

ВЫПУСКА 6-го.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ ОБЩЕСТВА.

ПѢсни Вылевыя, Историческія:

Москва

Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

	<i>Стран.</i>
Взятъ Казань.	1 — 22
Помощь царю подъ Казанью.	23 — 35
Ермакъ. Сибирь покорена.	36 — 51
Царь хочетъ убить сына.	35 — 109
Царь еще женится.	109 — 186
Осада Пскова.	187 — 190
Царь въ Серпуховѣ.	190 — 191
Гнѣвъ на Вологду.	192 — 194
Правежъ.	194 — 201
Царь сослалъ царицу въ монастырь.	202 — 204
Смерть Грознаго царя Ивана Васильевича.	205 — 207
Плачь по умершемъ царѣ.	207 — 210
Плачь войска.	210 — 212

ВЫПУСКА 7-го.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ ОБЩЕСТВА.

ПѢсни Вылевыя, Историческія:

Москва.

Отъ Грознаго Царя до Петра I-го.

Убіеніе царевича Дмитрія. Борисъ Годуновъ.	1 — 3
Григорій Отрепьевъ и Марина.	3 — 6
То же и Михайло Скопинъ.	7 — 9

ХП

	<i>Стран.</i>
Смерть Скопина	9 — 16
Василій Шуйскій	17
Проконъ Липуновъ	17 — 18
Смутное время	19 — 21
Козьма Мининъ и князь Пожарскій. Освобожденіе Москвы. Избраніе Михаила Феодоровича	21 — 23
Избраніе Михаила Феодоровича Романова	24 — 25
Князь Семенъ Романовичъ Пожарскій	25 — 30
Московскій пожаръ	30 — 32
Царствованіе Алексѣя Михайловича. Стенька Разинъ	32 — 41
Сынъ Стеньки Разина	42 — 43
Смерть стрѣлцаго воеводи	43 — 44
Подъ Ригою	44
Смерть царя Алексѣя Михайловича	45 — 47

Прибавленія.

Терентій гость	48	31
Къ кругу пѣсень Владиміра	52	53
— — — Новгородскихъ	54	
Татарскія	54	62

ВЫПСКА ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ ОБЩЕСТВА.

Приложенія

къ 7-му выпуску и

Дополненія

къ первымъ двумъ частямъ пѣсень Бѣливыхъ, Историческихъ. 1 — 214.

Погрѣшности,

замѣченныя при пересмотрѣ первыхъ четырехъ листовъ 7-го выпуска. I — IX.

* *
*

ОГЛАВЛЕНИЕ 2-е *)

КАКЪ ДОЛЖНЫ РАЗМѢЩАТЬСЯ ПРИВЕДЕННЫЯ ВЫШНИ СООБРАЗИО ИХЪ СОДЕРЖАННО
И ВРЕМЕНИ ВОСПЫТАГО СОБЫТІА.

ВЫПУСКЪ 7-й.

ВЫПИСКИ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ ОБЩЕСТВА Л. Р. СЛ.

ПѢСНИ ВЫШНЯ, Историческія:

Москва.

Отъ Грознаго Царя до Петра I-го.

- Федоръ Ивановичъ и Борисъ Годуновъ: Неудача Крым-
скаго царя..... *Доп.* стр. 56, 57.
- Убіеніе царевича Дмитрія, смерть Феодора, царство
Годунова..... *Т.* стр. 1—3, №№ 1 и 2.
- Плачь Ксенія..... *Доп.* 58—61, №№ 1 и 2.
- Григорій Отрешевъ и Марина..... *Доп.* 62—72, № 1; *Т.* 5,
6, № 2; *Доп.* 75, 76, № 1; *Рыбн.* Ч. I, № 69 и III № 45; *Т.* 3, 4, № 1;
- Тѣже и Михайло Скопинъ..... *Т.* 7—9, № 3.
- Смерть Скопинца..... *Доп.* 113, 114, № 3;
Т. 9—11, № 1; *Доп.* 107—111, №№ 1 и 2; *Т.* 11—16, № 2.
Рыбн. Ч. I, № 70; книжная передѣлка изъ Вышнѣ въ прозу:
«Памятн. стар. Р. литер.» вып. 2.
- Первыя покушенія на Азовъ (съ именемъ Скопинна). *Доп.* 116, 117, № 1.
- Тушинскій Воръ..... *Доп.* 118, 119, № 1.
- Василій Шувокін..... *Т.* 17.
- Проконъ Лапуновъ..... *Т.* 17, 18.
- Смутное Время. Цопъ Емеля..... *Т.* 19—21, №№ 1—3;
Доп. 119—121, №№ 1 и 2.
- Нападеніе на Волокъ Ламскій..... *Доп.* 121—123, №№ 1 и 2.
(Туже Вышню, въ испорченномъ видѣ и въ искаженіи, см. въ драмѣ
Федоръ Ивановичъ, въ «Вѣстникѣ Европы» 1868 года).

*) Сокращеніе — *Т.* значитъ Текстъ первыхъ 4-хъ листовъ 7-го вып., *Пр.* первыя
Прибавленія къ нему, *Доп.* вторичныя Приложенія и Дополненія, *Рыбн.* собраніе П. Н.
Рыбникова.

XIV

- Козьма Мининъ и Князь Пожарскій. Освобожденіе
 Москвы. Избраніе Михаила Теодоровича. Т. 21—23.
- Смерть Шуйскаго и избраніе Михаила..... Т. 24.
- Пріѣздъ Филарета Никитича и Шенна въ Москву... *Дол.* 124, 125, № 1.
- Битва подъ Астраханью..... Т. 24, 25.
- Московскій пожаръ..... Т. 30—32, №№ 1 и 2.
Дол. 126, 127, №№ 1 и 2.
- Убить Карамышевъ..... *Дол.* 129—132, №№ 1—4.
- Князь Семень Романовичъ Пожарскій, битва подъ Котопомъ..... Т. 25—30, №№ 1—3.
- Земскій Соборъ при Алексѣѣ Михайловичѣ..... *Рыбн. Ч. II* № 40, ч. III
 №№ 46 и 47.
- Донской козацкъ въ плѣну Азовскомъ..... *Дол.* 135—137, № 1.
- Стенька Разинъ: породился и проявился..... Т. 32—33, №№ 1 и 2.
- Переходъ Разина на Волгу..... *Дол.* 138, 139, № 1.
- Разинъ на Соколѣ кораблѣ..... Выпускъ I, стр. 22, 23,
 № 7; Приложенія къ 1-му Вып. стр. 34; *Рыбн. Ч. II* стр. 317,
 318, № 61; „Лѣтоп. Р. Литер. и др.“ Сборн. гг. Костом. и Мор-
 довц. № 1, стр. 9, 10; *Дол.* стр. 9 и 139.
- Стоянка Разина..... *Дол.* 140, 141, № 1.
- Искушеніе и опасность Разину въ Астрахани..... *Дол.* 141—143, № 1.
- Сынъ Разина и его любовница..... Т. 42, 43.
- Сынъ (соглядатай) Разина: попытка проникнуть въ
 Астрахань..... *Дол.* 144, 145, № 1.
- То же и сборы Разина въ Астрахань..... Т. 34—40, № 4 (по мно-
 гимъ вариантамъ); *Дол.* 143, вар. Костомарова; 144, № 1; Т. 33, 34, № 3.
- Соколъ и Орелъ (сочиненіе Н. П. Сахарова)..... *Дол.* 146, 147.
- Астраханское дѣло Разина. Буйство въ Астрахани.
 Убить Прозоровскій..... *Дол.* 148, № 1.
- Убить Астраханскій Воевода (Губернаторъ)..... *Дол.* 149, 150, № 1.
- То же..... *Дол.* 151, 152, № 2.
- Пѣсни Разинцевъ..... *Дол.* 153—155, №№ 1 и 2.
 Новиковск. пѣсенникъ Ч. III; Стѣховича „Собр. Р. нар. пѣсенъ“
 1854 г. и друг.
- Пѣсня Разина..... Т. 40, 41, № 5; *Дол.*
 156—160, №№ 1, 2 и 3.
- Смерть Разина и Плачь по немъ Разинцевъ..... Т. 41.
- Взятіе Астрахани..... *Дол.* 161—163, № 1.
- Осада Соловецкаго монастыря..... *Дол.* стр. 165, „Кагѣки
 Перехожіе“ выпускъ III, стр. 675—680, № 157 и далѣе (по
 тремъ образцамъ).
- Смерть Михаила Черкашенина..... *Дол.* 164, № 1.
- Смерть Стрѣлецкаго Воеводы..... Т. 43, 44.

Убіеніе царевича Димитрія. Борисъ Годуновъ.

1.

- Не вихрь ¹⁾ крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится;
То орелъ летитъ ²⁾ поднебесью,
Зорко ³⁾ смотритъ онъ на Москву рѣку,
5. На палатушки бѣлокаменны,
На сады ея зелѣные ⁴⁾,
На златой дворецъ стольна города.
Не лютая змѣя воздыбалася,
Воздыбалася собака булатный ножъ,
10. Упалъ онъ ни на воду, ни на землю,
Упалъ онъ царевичу на бѣлу грудь,
Да тому ли царевичу Димитрію;
Убили же царевича Димитрія,
Убили его на Углищи,
15. На Углищи на игрищи, ⁵⁾
Ужь какъ въ томъ дворцѣ черной ноченькой.
Коршунъ свилъ гнѣздо съ коршунятами!
Ужь какъ тотъ орелъ Димитрій царевичъ ⁶⁾,
Что и коршунъ тотъ Годуновъ Борисъ;
20. Убивши царевича, самъ на царство сѣлъ,
Царилъ же онъ, злодѣй, ровно семь годовъ ⁷⁾.
Не вихрь ⁸⁾ крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится,
То идетъ грозный Божій гнѣвъ ⁹⁾
25. За православную Русь ¹⁰⁾:

¹⁾ Что не вихрь. ²⁾ То летитъ орелъ. ³⁾ Быстро. ⁴⁾ На зеленые ⁵⁾ 8—15 ст. *нѣтъ*. ⁶⁾ Димитрій русской царь. ⁷⁾ 20—21 ст. *нѣтъ*. ⁸⁾ Что не вихрь. ⁹⁾ То идетъ грозой православный царь. ¹⁰⁾ На святую Русь, свою отчину.

И погибъ коршунъ на гнѣздѣ своемъ ¹⁾,
Его пухъ прошелъ по поднебесью,
Проточилась кровь по Москвѣ рѣкѣ.

(Два варианта: 1-й присланъ В. И. Далемъ; 2-й г. Милославинъ; 1-й принять за текстъ).

*

2.

(Тульской губ., Чернск. у. село Соголы).

Охъ, было у насъ, братцы, въ старыя гóды, въ дав-
ніе вѣки,

Въ давніе вѣки, при старыхъ при царяхъ,
Было время злое, пагубное.

Ужь настало то время злое при старомъ при царѣ
Оѣдорѣ Ивановичѣ;

Б. Какъ преставился-то нашъ православный царь Оѣдоръ
Ивановичъ,

Такъ досталась-то Россѣюшка злодѣйскимъ рукамъ,
Злодѣйскимъ рукамъ, боярамъ-господамъ.

Появилась-то изъ бояръ одна буйна голова,
Одна буйна голова, Борисъ Годуновъ сынъ;

10. Ужь и этотъ Годунъ всѣхъ бояръ-народъ надулъ.
Ужь и вздумалъ полоумный Россѣюшкой управлять;
Завладѣлъ всею Русью, сталъ царствовать въ Москвѣ.
Ужь досталъ онъ и царство смертію царя,
Смертію царя славнаго, святого Димитрія царевича.

15. Какъ собралъ-то себѣ разбойникъ Годуновъ сынъ,
Собралъ проклятыхъ людей, злыхъ разбойниковъ;
Собравши ихъ, прокляту рѣчь имъ взгворилъ:
«Вы, разбойнички, удалые молодцы!

«Вы подите, вы убейте Димитрія царя!

20. «Вы придите и скажите: убили-ли царя?

«Сослужите вы мнѣ эту службу, сослужу я вамъ златомъ-сѣребромъ.»

¹⁾ На своемъ гнѣздѣ.

- Ужь пошли прокляты люди, злы разбойнижи,
 Пошли во святое мѣсто въ Угличь славный градъ,
 Ужь убили тамъ младаго царевича Дмитрія святого;
 25. Ужь пришли-то и сказали Борису Годуну.
 Какъ услышалъ-то Борисъ, злу возрадовался.
 Ужь и царствовалъ Борисъ ровно пять годовъ;
 Умертвилъ себя Борисъ съ горя ядомъ змѣйнымъ,
 Ядомъ змѣйнымъ, кинжаломъ вострымъ.

(Шла старушка, 1834 г.).

*

Григорій Отрепьевъ и Марина.

1.

(Тульской г., Червслага у. с. Соколим).

- Что у насъ было на святой Русі,
 На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
 Въ каменной Москвѣ, въ старомъ Симоновомъ мона-
 стырѣ:
 Ужь и въ этомъ монастырѣ много братіи жилó,
 5. Много братіи, всё монахи, Богу вѣрные.
 Что не знали всё монахи, чтобъ случилось съ ними то:
 Оказался между ними одинъ невѣрный монахъ.
 Ужь и этотъ-то монахъ царю, Богу измѣнилъ,
 Царю Богу измѣнилъ, свою душу въ адъ пустилъ;
 10. Какъ и вздумалось монаху злое дѣло сотворити,
 Злое дѣло сотворити, свою душу погубити.
 Какъ и выгнали монаха изъ святого монастыря:
 «Ты поди, поди отъ насъ, недостойнъ жить у насъ!
 «Поди вонъ изъ монастыря, и поди хочешь куды!»
 15. Какъ и вышелъ-то Трепушкинъ изъ святого-то жилья,
 Какъ ходилъ-то Григорій по большому городу,

1*

Какъ и сказывалъ всему народу: Димитрій царь-атъ
живъ,
Что Димитрій царь-атъ живъ, что онъ самъ-то онъ и
былъ.

- Обманувши весь народъ, боясь кóзни онъ отъ нихъ,
20. Удалился отъ Москвы во Польскія стороны,
Во Польскія стороны, ко вельможѣ къ сатанѣ.
Ужь и взгóворить ему вельможа:
«Ты скажи, скажи дѣтина, отъ коей страны пришёлъ,
«Отъ коей страны, пришёлъ, чьего роду-племени?»
25. —Я пришёлъ отъ славной страны, отъ святой Русі,
Отъ святой Русі, у тебя помочи просить;
А родъ мой и племя Россійскій славный дворъ,
А отецъ мой былъ славный грозный царь Иванъ Ва-
сильевичъ,
А матушка-то моя царица Настасья Романовна,
30. А я сынъ ихъ Димитрій, Россійскій князь. —
Какъ повѣрилъ-то вельможа его ложнымъ словамъ,
И призналъ его вельможа Россійскимъ царёмъ,
И хотѣлъ отдать дочь свою Маринку замужъ за него,
И далъ ему вельможа въ помощь войска своегó.
35. Получивши-то Трепушкинъ въ помощь войска отъ По-
лякъ,
Онъ вступилъ-то съ Польскимъ войскомъ во святую
Русь;
А народъ-то безумный, устрася войска его,
Устрася войска его, призналъ его своимъ царёмъ.
Ужь немного-то Трепушкинъ поцарствовалъ въ Москвѣ:
40. Образумился народъ Московскій,
Сталъ искать себѣ настоящаго царя;
Сыскали настоящаго царя Василя Ивановича,
А разбойника Гришку стали мучить и казнить;
Мучили, казнили, буйну гóлову съ плечъ срубили.

(Кирша Давидовъ).

- Ты, Боже, Боже Спасъ милостивый!
 Къ чему рано надъ нами прогнѣвался —
 Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
 Злаго Разстригу Гришку Отрепьева;
5. Ужели онъ Разстрига на царство съѣлъ?
 Называется Разстрига прямымъ царемъ,
 Царемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ.
 Недолго Разстрига на царствѣ сидѣлъ,
 Похотѣлъ Разстрига жениться;
10. Не у себя-то онъ въ каменной Москвѣ,
 Братель онъ Разстрига въ проклятой Литвѣ —
 У Юрья пана Сендомірскаго
 Дочь Маринку Юрьевну,
 Злу еретицу, безбожницу.
15. На вешній праздникъ Николинъ день,
 Въ четвергъ у Разстриги свадьба была,
 А въ пятницу праздникъ Николинъ день.
 Князи и бояра пошли къ заутрени,
 А Гришка Разстрига онъ въ баню съ женой;
20. На Гришкѣ рубашка кисейная,
 На Маринкѣ саянъ хрущатой камки.
 А часть-другой поизойдучи,
 Уже князи и бояра отъ заутрени,
 А Гришка Разстрига изъ бани съ женой.
25. Выходить Разстрига на красный крылецъ,
 Кричить-реветъ зычнымъ голосомъ:
 «Гой еси, ключники мои, приспѣшники!
 «Приспѣвайте кушанье разное,
 «А и постное и скоромное;
30. «Заутра ко мнѣ будетъ гость дорогой,
 «Юрья панъ со паньею.»
 А втапоры стрѣльцы догадалися,
 За то-то слово спохватилися,

- Въ Боголюбовъ монастырь металися
 35. Къ царицѣ Марѣ Матвѣевнѣ:
 «Царица ты, Марѣ Матвѣевна!
 «Твое ли это чадо на царствѣ сидить,
 «Царевичъ Димитрій Ивановичъ?»
 А втапоры царица Марѣ Матвѣевна заплакала,
 40. И таковы рѣчи во слезахъ говорила:
 «А глупы стрѣльцы вы, недогадливы!
 «Какое мое чадо на царствѣ сидить?
 «На царствѣ у васъ сидитъ
 «Разстрига Гришка, Отрепьевъ сынъ;
 45. «Потерянъ мой сынъ царевичъ Димитрій Ивановичъ
 «На Угличѣ отъ тѣхъ отъ бояръ Годуновыхихъ;
 «Его мощи лежать въ каменной Москвѣ
 «У чудной Софїи премудрыя;
 «У того-ли-то Ивана-Великаго
 50. «Завсегда звонять во царь-колоколь,
 «Соборны попы собираются,
 «За всякіе праздники совершаютъ панихиды,
 «За память Царевича Димитрія Ивановича,
 «А Годуновыхъ бояръ проклинають завсегда.»
 55. Тутъ стрѣльцы догадалися,
 Всѣ они собиралися,
 Ко Красному царскому крыльцу металися,
 И тутъ въ Москвѣ взбунтовалися.
 Гришка Разстрига догадается,
 60. Самъ въ верхни чердаки убирается
 И накрѣпко запирается;
 А злая его жена, Маринка безбожница,
 Сорокою обернулася
 И изъ палатъ вонъ она вылетѣла.
 65. А Гришка Разстрига втапоры догадливъ былъ,
 Бросился онъ со тѣхъ чердаковъ на копьѣ острия
 Ко тѣмъ стрѣльцамъ, удалымъ молодцамъ;
 И тутъ ему такова смерть случилася.

*

Тоже и Михайло Скопинъ.

3.

(Осташковъ).

Было у насъ въ Миколу во пятницу
 Во пятницу, во скоромный день,
 Всѣ князи, бояре къ обѣдни ѣдутъ
 И думцы и подьячіе,

5. Крѣпкіе воеводы Московскіе,
 А Стрѣжка-ярышка у баню идѣтъ
 Съ свѣей ли йонъ молодѡй женѡй,
 Съ Маріною королѣвичной;
 На Стрѣжкѣ камзолъ да во сто рублѣй,
10. На Марішкѣ сорѡчка во тысяцу.
 Восхѡдилъ йонъ на высѡкъ крылецъ,
 Ускрѣкивалъ грѡмкимъ гѡлосомъ:
 «А ой же вы, князи, бѡяры!
 «Запирѣйте ворѡта ширѡкія,
15. «Засыпѣйте пескѣми швырцѡвыми!
 «Въ семѡмъ цасу, въ осьмѡй цѣтьверти,
 «Навалитъ Литва нехресцѡная,
 «Побѣдитъ Москву просвѣсцѡную
 «И домъ пресвятѣя Богорѡдицы.»
20. Они Стрѣжку-ярыжку не послухали,
 Ворѡтъ ширѡкихъ не затѡрили,
 Пескѣми швырцовыми не засыпали.
 Въ семѡмъ цасу, въ осьмѡй цѣтьверти,
 Навалила Литва нехресцѡная,
25. Побѣдила Москву просвѣсцѡную
 И домъ пресвятѣя Богорѡдицы.
 Михайло Скопинъ да Васильевиць
 Онъ пѣтъ да ѣсть, прохладѣется,
 На себѣ бѣды не надѣется.

30. Восхóдилъ йонъ на высóкъ крылѣцъ,
Ускрѣивалъ грóбкимъ гóлосомъ:
«А ой же Литвá нехресцóная!
«Есть ли у васъ хотъ одѣнъ такóй,
«Кто вѣпьеть мою винную цару́,
35. «Кто вѣпьеть мою пивную стопу́?
«Винная царá полтора пудá,
«Пивная стопá полтретья пудá;
«Кто вѣпьеть еѣ за едѣнный разъ,
«За едѣнный разъ, не дыхáющи?»
40. Михáйло Скопѣнъ да Васильевицъ
Выхóдилъ далѣце въ цистó поле,
Садѣлся на лáтырь на кáмушекъ,
Писалъ ярлыкѣ скоропѣсныя;
Не перóмъ писалъ, не чернѣлами,
45. Писалъ ярлыкѣ горюцѣм' слезам',
Послалъ йонъ посѣлочку скóрую:
«Бѣгѣ, бѣгѣ, посѣлочка скóрая!
«Бѣгѣ день, бѣгѣ ноцъ, не дыхáющи!
«Не пытай у ворóтъ приворóтницковъ,
50. «Не пытай у дверѣй да придверѣницковъ,
«Мецѣсь прáмо королю́ во палáтушки,
«Кладѣ ярлыкѣ на дубóвый столъ.»
Корóль самъ ярлыкѣ распецáтывалъ,
Корóль самъ ярлыкѣ переглáдывалъ,
55. Королю́ ярлыкѣ полюбѣлися:
«Михáйло Скопѣнъ да Васильевицъ!
«Будь—ко ты мнѣ назвáнный братъ,
«Назвáнный братъ—лúцше рóднаго;
«Берѣ, берѣ сѣлушки нá-помощь,
60. «Сколько тебѣ сѣлушки нáдобе!»
Михáйло Скопѣнъ да Васильевицъ
Не дождался посѣлочку скóрую,
Усгрѣбъ теснѣцку дубóвую,
Поцáлъ теснѣцкой помáхивать:
65. Кудѣ махнѣтъ—гудѣ úлица,
Кудѣ отмахнѣтъ—переулоцѣкъ.

У три часа́, у три цетьверти
 Прибѣлъ всю Литву́ нехресцоную,
 Оцѣстилъ Москву́ просвѣсцѣнную
 70. И домъ пресвятыя Богородицы.

*

(Пѣли два нищихъ мальчика и одна дѣвочка отъ 10 до 12 лѣтъ; родина ихъ деревня
Гришино при селѣ *Хитмыкаль*, Осташковскаго уѣзда).

Смерть Скопина.

1.

Какъ у князя было у Владиміра, ¹⁾
 Пированьице было почестное, ²⁾
 Честно, хвально, больно ³⁾ радощно;
 Крестили они тутъ ⁴⁾ млада вьюноша, ⁵⁾
 Б. Того ли Алексѣя Алексѣича. ⁶⁾
 Какъ кумъ-атъ былъ князь Михайло Скопинъ, ⁷⁾
 А кума была подокстовая — ⁸⁾
 Акулина княгиня дочь Малюткина,
 Того-ли же рода Шуйскаго-Воротынскаго. ⁹⁾
 10. Они пили, ѣли, прохладжались, ¹⁰⁾
 Между собой ¹¹⁾ похвалялися;
 Сильный хвалится своей силою, ¹²⁾
 А богатый хвалится богатствомъ своимъ, ¹³⁾

¹⁾ У Шуйскаго-Воротынскаго. ²⁾ Случилось пированьице. ³⁾ Очень.
⁴⁾ Тутъ—*нѣтъ*. ⁵⁾ Юношу. ⁶⁾ *Эт. ст. нѣтъ* ⁷⁾ А кумъ-то былъ князь Михайло Скопинъ, сынъ Васильевичъ. ⁸⁾ Кума была подксталая. *Подокстовая*, т. е. подкрестовая, отъ *кститъ*, *кстины*. ⁹⁾ *Этого ст. нѣтъ*. ¹⁰⁾ Пили, ѣли они, прохладжались. ¹¹⁾ Промежду себя. ¹²⁾ *Эт. ст. нѣтъ*. ¹³⁾ А и своимъ—*нѣтъ*.

Послѣ 13-го ст. этотъ вар. оканчивается такъ:

Князья-бояре своими вотчинами.
 Одинъ изъ нихъ добрый молодець
 Не ѣсть, не пьеть, не кушаетъ,
 Про то про все лихо думаетъ.

- Убогой хвалится божьей милостью,
 15. Бояре хвалятся крестьянами,
 А купцы хвалятся товарами.
 Похваляется князь Михайло Скопинъ:
 «Я Шуйской родъ весь въ полонъ возьму,
 «Воротынской родъ весь выжгу-вырублю!»
20. На то ли кума осердилася,
 Изъ бесѣды вонъ поднималася:
 «Еще есть ли у меня лакеи, мои слуги вѣрные,
 «Слуги вѣрные, сѣнны дѣвушки!

Какъ возговорить молодець
 Таковую рѣчь:
 «Вы слушайте-послушайте мою рѣчь:
 «Когда Москва за Литвою была,
 «Я въ то время подъ Литву подходилъ,
 «Я въ то время всю Литву разорилъ,
 «Я Шуйской родъ
 «Воротынского хана
 «Во полонъ къ себѣ взялъ.»
 Кумѣ это не стерпѣлося,
 За досаду это показалось,
 Закричала она громкимъ голосомъ:
 «Охъ вы, няньки мои-мамки!
 «Вы берите поскорѣе
 «Золотые ключи,
 «Вы мечитесь въ новы выходы,
 «Отпирайте вы нѣмецкіе замки,
 «Наливайте вы зеленого вина,
 «Мѣшайте вы зелье лютое,
 «Подносите вы моему куму!»
 — Изволь, куманѣкъ, пить,
 Изволь выкушать! —
 «Ты пей, кума, напередъ сама.»
 — У насъ, куманѣчекъ, такъ не водится! —
 Какъ вынимаетъ кумъ саблю острую,
 Онъ срубилъ кумѣ буйву голову.

- «Вы берите скоро золоты ключи,
 25. «Пойдемте со мной въ темны выходы.»
 Брала кума меду сладкова,
 Подбавляла она зелья лютова,
 Подносила она своему куму подокстовому:
 «Испей, кумонѣкъ, изволь выкушать!»
 30. — Испей-ка, кума, напередъ сама! —
 «Коли кумъ прежде кума пьетъ!»
 Того ли кумъ испугалася,
 Изъ рукъ чара выкаталася,
 Отъ чары земля загоралася,
 35. Въ огнѣ земля заметалася.
 Вынимаетъ кумъ саблю вострую,
 Снимаетъ съ кумы буйну голову.

Два варианта: 1-й записанъ въ с. Яраклѣ Ямковимъ, 2-й въ г. Сибирскѣ Д. А. Валугеымъ;
 1-й принять за текстъ.)

2.

(Кирша Давидовъ).

- Какъ-бы во сто двадцать седьмомъ году,
 Въ седьмомъ году осьмой тысячи,
 А и дѣялось, учинилось:
 Кругомъ сильна царства Московскаго
 5. Литва облегла во всѣ четыре стороны,
 И съ нею сила, Сорочина долгополая,
 И тѣ Черкесы Пятигорскіе,
 Еще ли Калмыки съ Татарами,
 Со Татарами, со Башкирцами,
 10. Еще Чукша, со Люторами.
 Какъ были припасы многіе,
 А и царскіе и княженецкіе,
 Боярскіе и дворянскіе;
 А нельзя ни пройти, ни проѣхать,
 15. Ни конному, ни пѣшему,
 И ни сокодомъ вонъ вылетѣти

- Изъ сильна царства Московскаго
И великаго государства Россійскаго.
А Скопинъ князь Михайло Васильевичъ,
20. Онъ правитель царству Московскому,
Оберегатель міру крещоному
И всей нашей земли свѣто-Русскія,
Что ясѣнь соколъ вонъ вылѣтывалъ,
Какъ-бы бѣлой кречеть вонъ выпархивалъ;
25. Выѣзжалъ воевода Московскій князь Скопинъ,
Князь Михайло Васильевичъ,
Онъ походъ чинилъ ко Новугороду.
Какъ и будетъ Скопинъ во Новѣградѣ,
Пріѣзжалъ онъ Скопинъ на стѣзжіи дворъ,
30. Походилъ во избу во стѣзжую,
Садился Скопинъ на ременчатъ стулъ,
А и беретъ чернилицу золотую,
Какъ-бы въ ней перо лебединое,
И беретъ онъ бумагу бѣлую,
35. Писалъ ярлыки скорописчаты
Во Свицкую землю, Саксонскую,
Ко любимому брату названому,
Ко Свицкому королю Карлосу.
А отъ мудрости слово поставлено:
40. «А и гой еси, названный братъ,
«А ты Свицкой король Карлусъ!
«А и смилуйся, смилосердися,
«Смилосердися, покажи милость,
«А и дай мнѣ силы на подмочь;
45. «Наше сильно царство Московское
«Литва облегла со всѣ четыре стороны,
«Приступила Сорочина долгополая,
«А и тѣ Черкесы Пятигорскіе,
«А и тѣ Калмыки со Башкирцами,
50. «А и тѣ Чукши со Люторами,
«И не можемъ мы съ ними управиться:
«Я закладываю три города Русскіе»
А съ ярлыками послалъ скорога почтаря,

Своего любимаго шурина —

5. А того Митрофана Фунтосова.
 Какъ и будетъ почтарь въ Половецкой Ордѣ
 У честна короля, честнаго Карлуса,
 Онъ въѣзжаетъ прямо на королевской дворъ,
 А ко Свицкому королю Карлосу;
0. Среди двора королевскаго
 Скочилъ почтарь со добра коня,
 Вязалъ коня къ дубову столбу,
 Сумы подхватилъ, самъ во палаты идетъ;
 Ни за чѣмъ почтарь ни замѣшкался,
5. Приходить во палату бѣлокаменну,
 Разковыривалъ сумы, вынималъ ярлыки,
 Онъ кладетъ королю на круглый столъ.
 Принимавши, король распечатываетъ,
 Распечатавъ, самъ просматриваетъ,
0. И печальное слово повиговорилъ:
 «Отъ мудрости слово поставлено
 «Отъ любимаго брата названаго,
 «Скопина князя Михайлы Васильевича,
 «Какъ просить силы на подмочъ,
5. «Закладываетъ три города Русскіе.»
 А честной король, честной Карлусъ
 Показалъ ему милость великую,
 Отправилъ силы со трехъ земель:
 А и первыя силы-то Свицкія,
0. А другія силы Саксонскія,
 А третія силы Школьскія —
 Того ратнаго люду ученаго,
 А не много, не мало — сорокъ тысячей.
 Прибыла сила во Новгородъ,
5. Изъ Новагорода въ каменну Москву.
 У ясна сокола крылья отросли,
 У Скопина князя думушки прибыло.
 А по утру рано-ранѣшенько
 Въ соборѣ Скопинъ онъ заутреню отслужилъ,
0. Отслужилъ—самъ въ походъ пошелъ,

- Подымавши знаменье царское,
 А на знаменьи было написано
 Чуденъ Спасъ со Пречистою,
 На другой сторонѣ было написано
95. Михайло и Гаврило архангелы,
 Еще вся туто сила небесная.
 Въ восточную сторону походомъ пошли,
 Они вырубил Чудь бѣоглазую
 И ту Сорочину долгополюю;
100. Въ полуденную сторону походомъ пошли —
 Прекрошили Черкесь Пятигорскіихъ,
 А немного дрались, скоро сами сдались,
 А еще ноне тутъ Малороссія;
 А на сѣверну сторону походомъ пошли —
105. Прирубил Калмыковъ со Башкирцами;
 А на западну сторону и въ ночь пошли,
 Прирубил Чукши со Люторами;
 А кому будетъ божья помощь —
 Скопину князю Михайлѣ Васильевичу:
110. Онъ очистилъ царство Московское
 И великое государство Россійское
 На великихъ тѣхъ на радостяхъ
 Служили обѣдни съ молебнами,
 И кругомъ города ходили въ каменной Москвѣ;
115. Отслуживши обѣдни съ молебнами,
 И всю литургію великую,
 На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ,
 И пиръ пошелъ и великой столъ
 И (У?) Скопина князя Михайлу Васильевича
120. Про весь православный міръ,
 И велику славу до вѣку поють
 Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
 Какъ-бы малое время замѣшавши,
 А во той же славной каменной Москвѣ,
125. У того ли было князя Воротынскаго —
 Крестили младаго княжевича,
 А Скопинъ князь Михайло кумомъ былъ,

- А кума была дочь Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
130. У того-то князя Воротынского
Какъ будетъ и почестный столъ,
Туту было много князей и бояръ и званыхъ гостей;
Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
Княженецкой столъ во полу-столѣ,
135. Какъ пьяненьки тутъ разхвастались:
Сильной хвастаетъ силою,
Богатой хвастаетъ богатствомъ.
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ
А и не пилъ онъ зелена вина,
140. Только одно пиво пилъ и сладкой медъ,
Не съ большаго хмѣлю онъ похвастается:
«А вы глупый народъ, неразумные,
«А вы всѣ похвалаетесь бездѣлицей!
«Я Скопинъ Михайло Васильевичъ,
145. «Могу князь похвалитися,
«Что очистилъ царство Московское
«И велико государство Россійское;
«Еще ли мнѣ славу поють до вѣку,
«Отъ стараго до малаго,
150. Отъ малаго до вѣку моего.»
А и тутъ боярамъ за бѣду стало,
Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали;
Поддернули зелья лютаго,
Подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе,
155. Подавали кумѣ его крестовыя,
Малютиной дочери Скурлатовой.
Она знавши, кума его крестовая,
Подносила стаканъ меду сладкаго
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
160. Примаеть Скопинъ, не отпирается,
Онъ выпилъ стаканъ меду сладкаго,
А самъ говорилъ таково слово:
«Услышалъ во утробѣ неловко добръ!
«А и ты съѣла меня, кума крестовая,

165. « Малютина дочь Скурлатова;
 « А знаючи мнѣ стаканъ со зельемъ подала —
 « Съѣла ты меня змѣя подколодная!»
 Голова съ плечь покатилася,
 Онъ тутъ Скопинъ скоро со пиру пошелъ,
170. Онъ садился Скопинъ на добра коня,
 Побѣжалъ къ родимой матушкѣ;
 А только успѣлъ съ нею скоро проститися,
 И матушка ему пѣнять стала:
 «Гой еси, мое чадо милое,
175. «Скопинъ князь Михайло Васильевичъ!
 « Я тебѣ приказывала,
 « Не велѣла ѣздить ко князю Воротынскому;
 « А и ты меня не послушался.
 « Лишила тебя свѣту бѣлаго
180. « Кума твоя крестовая,
 « Малютина дочь Скурлатова!»
 Онъ къ вечеру Скопинъ и представился.

- То старина, то и дѣянье,
 Какъ-бы синему морю на утишенье,
185. А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
 Какъ-бы добрымъ людямъ на послушанье,
 Молодымъ молодцамъ на перениманье,
 Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
 Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
190. Испиваючи медъ, зелено вино;
 Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
 Тому боярину великому
 И хозяину своему ласкову.

*

Василій Шуйскій.

(Рязанской г., Зарайскаго у. с. Змѣйки).

- Какъ не изъ-за лѣсовъ-то дремучихъ стая вороновъ
слеталася,
Соходился весь Московскій народъ на площадь Красную,
На тою ли площадь Красную, на Ивановскую.
Ужь на той ли на высокой колокольнѣ
5. Въ большой колоколъ звѣнили.
Охъ, и братцы, что-то у насъ дѣлается,
Ужь не чудо ли какое совершается?
Во дворцѣ что-то всѣ взволновались,
Всѣ лакеи, всѣ прислужнички всуетились!
10. Ужь не бояре ли взбунтовались,
Ужь не злыя ли собаки повзбѣсились,
Ужь и живъ ли нашъ православный царь,
Православный царь Василій Ивановичъ?
Ужь и что, братцы, во дворцѣ его не видно,
15. Что косящеты окошечки всѣ завѣшаны?
Какъ и взгѣворить въ народѣ удалой молодець:
«Охъ, вы братцы, вы не знаете бѣды-горести,
«Что царя нашего Василья злы бояре погубили,
«Злы собаки погубили, во Сибирь его послали;
20. «А ужь сдѣлали царемъ какова басурмана,
«Что Петрушку самозванца злаго боярина!»
Ужь всѣ люди перьпугались,
Въ разны стороны побросались.

Прокопъ Ляпуновъ.

(Тульск. г., Чернск. у. с. Соколы).

- Какъ было-то у насъ на святой Русі,
На святой Русі, въ каменной Москвѣ.
Было время военное, времячко мятежное,
Заполонила-то Москву погана Литва,
3. Погана Литва, проклѣта Польшка сторона.
Какъ ужь жилъ тутъ поживалъ нечестивый Гужмундъ;

Жилъ онъ во святѣихъ мѣстахъ,
 Во святѣихъ мѣстахъ, въ царскихъ Русскихъ теремахъ.
 Недолго продолжалась его Москóвска весёлая жизнь,
 10. Недолго продолжалась, только много гóря намъ на-
 качалось.

Многи Русскіе бояре нечестивцу отдались,
 Нечестивцу отдались, отъ Христовой вѣры отреклись:
 Ужь одинъ-то бояринъ, думный воеводушко, крѣпко
 вѣру защищаль,
 Крѣпко вѣру защищаль, измѣнниковъ отгоняль:

15. Ужь какъ думный воевода былъ Прокóфій Ляпуновъ.
 Какъ Прокóфій-то Петрови́чъ разосла́лъ своихъ гонцовъ.
 Какъ Прокóфій Ляпуновъ рóздалъ письма гонца́мъ,
 Рóздалъ письма гонца́мъ, и приказъ имъ приказалъ:
 «Поѣзжайте вы, гонцы, на всѣ Русскіе концы,

20. «На всѣ Русскіе концы, во большіе города!
 «Вы просите воево́дъ итти съ войскомъ сюда,
 «Свободить гóродъ Москвú, защищать вѣру Христа.»
 Какъ узналъ-то Гжмундъ отъ своихъ измѣнниковъ
 бо́ръ,

Что разосла́лъ-то Ляпуновъ гонцовъ въ города́,
 25. Гонцовъ въ города́, просить воево́дъ съ войскомъ сюда́,
 Разсердился, распалился нечестивый Гужмундъ;
 Распалившись, велѣлъ воеводушку убить,
 Того́-ли воево́ду Прокóфья Ляпунова.
 И убили злы измѣнники воеводушку.

30. Какъ и двинулись думны воево́ды со большіхъ городо́въ:
 Всѣ большіе города́ — Каза́нь, Нижній — пришлі съ
 войскомъ сюда́,
 Какъ и начали Русакі погану Литвú колóть-рубить,
 Погану Литвú рубить, нечестиваго Гужмунда верёвкой
 душить;
 Удушили, все нечестивое плѣмя изъ Москвú повѣ-
 гнали (а).

(Пѣя старуха).

(а) Ср. *Націон. пѣснопѣвнѣ*, ч. I, М., 1809 г., изд. Львовымъ, о битвѣ съ Литвою: «Ай ты безгодье, ты безгодье зло!»

Смутное время.

1.

(Орловск. губ., Малоарх. у.)

- Послѣ Покрова на первой недѣлѣ
 Выпала пороша на талу землю;
 По той по порошѣ ѣхала свадьба:
 Семеро саней, по семеро въ сáняхъ,
 5. Семеро верхами, всѣ съ бердышами,
 Семеро пѣшками, всѣ съ палашами.
 Встрѣчу той свадьбы шѣлъ попъ Семѣнъ —
 Крестъ на ремени, полутора сажени.
 «Богъ же вамъ въ помощь, духовные дѣти,
 10. «Красть-воровать, на разбоѣ стоять!»

2.

- Съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ-за Дунаю!
 Какъ ѣхала свадьба на семерыхъ саняхъ,
 На семерыхъ саняхъ, по семеро въ саняхъ.
- Съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ-за Дунаю!
 5. А попъ-атъ Емея, крестъ у него на ремени,
 Крестъ у него на ремени, въ полторы сажени;
- Съ Дону...
 Онъ по полю ѣдитъ, имъ благословляетъ,
 Имъ благословляетъ, кнутомъ погоняетъ!
10. Съ Дону...
 «Дѣти мои, дѣти, давай свадьбу пѣти,
 «Давай свадьбу пѣти, ступай, тетка, въ клѣти!
- Съ Дону...
 «Коли Богъ поможетъ — меня не забудьте,
 15. «Коли чортъ порушитъ — меня не клепите.»
 Съ Дону...

(Зап. г. Селивановскимъ).

3.

(Г. Симбирскъ).

Выпала порошица
 На талую землю.
 Ой, съ Дону, съ Дону!

3. По той по порошицѣ
 Ишелъ тутъ обозецъ
 Ой, съ Дону, съ Дону!

Не малъ, не величекъ —
 Да семеро саней,
 Ой, съ Дону, съ Дону!

10. Да семеро саней,
 По семеро въ саняхъ.
 Ой, съ Дону, съ Дону!

Во первыхъ-то саняхъ —
 Атаманы сами;
 15. Ой, съ Дону, съ Дону!

Во вторыхъ-то саняхъ—
 Есаулы сами;
 Ой, съ Дону, съ Дону!

А въ четвертыхъ саняхъ —
 20. Разбойники сами;
 Ой, съ Дону, съ Дону!

А въ пятыхъ-то саняхъ —
 Мошенники сами;
 Ой, съ Дону, съ Дону!

25. А въ шестыхъ-то саняхъ —
 Дерники сами.
 Ой, съ Дону, съ Дону!

А въ седьмыхъ-то саняхъ —
 Самъ попъ-атъ Емея,
 30. Ой, съ Дону, съ Дону!

Самъ попъ-атъ Емея,
 А крестъ на ремени,
 Ой, съ Дону, съ Дону!

А крестъ на ремени,
 35. Въ четыре сажени;
 Ой, съ Дону, съ Дону!

Рукой благославляетъ.
 Крестомъ надѣляетъ:
 Ой, съ Дону, съ Дону!

40. « Охъ вы, дѣти, дѣти!
 « Пользайте въ клѣти,
 Ой, съ Дону, съ Дону!

« Головы рубите,
 « А душъ не губите.

45. Ой, съ Дону, съ Дону!

« Если Богъ поможетъ,
 « Попа не забудьте;
 Ой, съ Дону, съ Дону!

« Если-жъ чортъ обрушитъ,
 « Двора мово не зна(ва)йте!»
 Ой, съ Дону, съ Дону!

**Козьма Мининъ и князь Пожарскій. Освобожденъе
 Москвы. Избраніе Михаила Ѳедоровича.**

(Калужской губ., Боровскаго у. с. Слобода).

Какъ въ старомъ-то было городѣ,
 Во славномъ и богатомъ Нижніемъ,
 Какъ ужъ жилъ тутъ поживалъ богатый мѣщанинъ,
 Богатый мѣщанинъ Кузьма Сухорукій сынъ.

5. Онъ собралъ-то себѣ войско изъ удалыхъ молодцовъ,
Изъ удалыхъ молодцовъ Нижегородскихъ купцовъ;
Собравши ихъ, онъ рѣчь имъ взгворилъ:
«Охъ, вы гой еси товарищи, Нижегородскіе купцы!
«Оставляйте вы свои дома,
10. «Покидайте вашихъ жёнъ, дѣтей,
«Вы продайте все ваше злато-серебрó,
«Накупите себѣ вострыхъ копіевъ,
«Вострыхъ копіевъ, булатныхъ ножей,
«Выбирайте себѣ изъ князей и бояръ удалова молодца,
15. «Удалова молодца воеводушку;
«Пойдемъ-ко мы сражаться
«За матушку за родну землю,
«За родну землю, за славный городъ Москву:
«Ужъ заполонили-то Москву проклятые народы Поля-
ки злы!
20. «Разобьемъ ихъ, много перевѣшаемъ,
«Самогó-то Сузмунда короля ихъ въ полонъ возьмёмъ:
«Освободимъ мы матушку Москву отъ нечестивыхъ
Жидовъ,
«Нечестивыхъ Жидовъ, Поляковъ злыхъ!»
Ужъ какъ выбрали себѣ солдатушки, молодые рат-
нички,
25. Молодые ратнички Нижегородскіе купцы,
Выбрали себѣ удалова молодца,
Удалова молодца воеводушку,
Изъ славнаго княжескаго роду—
Князя Димитрія по прозванію Пожарскаго.
30. Ужъ повелъ ихъ славный князь Пожарскій
За славный Москву-городъ сражаться,
Съ нечестивыми Жидами-Поляками войной бранитися.
Ужъ привелъ-то славный князь Пожарскій своихъ
храбрыхъ воиновъ,
Привелъ ко Московскимъ стѣнамъ;
35. Становилъ-то славный князь Пожарскій своихъ
добрыхъ воиновъ
У Московскихъ у крѣпкихъ стѣнъ;

- Выходилъ-то славный князь Пожарскій передъ войско
свое,
Какъ ужь взгóворилъ онъ своимъ храбрымъ воинамъ:
«Охъ, вы гой еси храбрые солдатушки,
40. «Храбрые солдатушки, Нижегородскіе купцы!
«Помóлимся мы на святыхъ на врата на Спаскія,
«На пречистый образъ Спасителя!»
Помолившись, дѣло начали.
Какъ разбили-проломилы святыхъ врата,
45. Ужь взопли-то храбрые солдатушки въ бѣлокамен-
ный Кремль,
Какъ и начали солдатушки Поляковъ колоть, рубить,
Колоть, рубить, въ большія кучи валить;
Самогó-то Сузмунда въ полонъ взяли,
Въ полонъ взяли, руки-ноги ему вязали,
50. Руки-ноги вязали, буйну голову рубили.
Собралися всѣ князья, бояре Московскіе,
Собралися думу думати.
Какъ и взгóворють старшіе бояре, воеводы Московскіе:
«Вы скажите, вы бояре, кому царёмъ у насъ быть?»
55. Какъ и взгóворють бояре, воеводы Московскіе:
«Выбираемъ мы себѣ въ цари
«Изъ бояръ боярина славнаго —
«Князя Дмитрія Пожарскаго сына.»
Какъ и взгóворить къ боярамъ Пожарскій князь:
60. «Охъ, вы гой еси бояре, воеводы Московскіе!
«Не достоинъ я такой почести отъ васъ,
«Не могу принять я отъ васъ царства Московскаго.
«Ужъ скажу же вамъ, бояре, воеводы Московскіе:
«Ужъ мы выберемъ себѣ въ православные цари
65. «Изъ славнаго, изъ богатаго дому Романова —
«Михаила сына Ѡѣдоровича.»
И выбрали себѣ бояре въ цари Михаила сына Ѡѣдо-
ровича.

(Пѣла 70-лѣтняя старуха).

Избраніе Михайла Ѳedorовича Романова.

(Калужской губ., Боровскаго у.)

Что-же вы, ребятушки, призадумались,
 Призадумались, прикручинились?
 Или вы, ребятушки, какú слышали печаль?
 Какъ и взгóворить дѣтина добрый молодець:

5. «Иль не знаешь ты, дѣтина, горя нашего?
 «Переставился во полуночи Василій царь,
 «И не знаемъ топёръ и не вѣдаемъ — кому́ царемъ у
 нашь быть!»

Какъ взгóворить дѣтина добрый молодець:
 «Позабудьте, братцы, горе общее!

10. «Не возвратить намъ царя бѣлаго,
 «Не оплакать его дúшу добрую!
 «Но скажú вамъ, братцы, вѣсточку новую:
 «Ужь бояры воеводы намъ выбрали царя
 «Изъ славнаго, богатаго роду Ромáнова —
 15. «Михайла сына Ѳedorовича.»

Битва подъ Астраханью.

(Тамб. губ., Моршанск. у. с. Соколкина).

Снаряжался православный царь Михайло во дорожку,
 Какъ во дальнюю дорожку въ Астраханску;

Снарядился онъ со воинствомъ,
 Все съ полками со стрѣлецкими;

5. Распростился онъ съ царицею,
 Благословилъ онъ малыхъ дѣтушекъ.
 Распрощавшись, царица горько всплакала,
 Всплакавши, слово молвила:
 «Воротися, православный царь Михайло, поскорѣ!»
 10. «Привези свое здоровье малымъ дѣтушкамъ,
 «Привези ты мнѣ царицѣ жизнь долговѣчную!»
 Распростился царь Михайло со боярами,

- Распростился со всѣмъ причетомъ,
И поѣхалъ православный царь Михайло на воеваньце,
15. Что къ тому-ли ко большому городу ко Астрахани.
Подъѣзжаетъ царь Михайло къ крѣпкимъ каменнымъ
стѣнамъ,
Какъ увидѣлъ царь Михайло сила-рать большій стоитъ;
Посылаетъ царь Михайло въ силу ратную гонца:
« Ты ступай, гонецъ, въ силу ратную, узнай —
20. « Ужь и чѣё это войско подь стѣнами стоитъ? »
Воротился гонецъ со ратной стороны,
Какъ и взговорить гонецъ православному царю:
« Эта сила-рать недобрая —
« Все злодѣи бунтовщики Буруцкіе. »
25. Какъ и двинулось войско православное;
Ужь какъ билися, рубилися трое сутокекъ,
На четвертые они въ городъ взошли,
Свободили славный градъ отъ злыхъ буйныхъ враговъ,
Отъ злыхъ буйныхъ враговъ, все Буруцкихъ бунтов-
щиковъ.

Князь Семень Романовичъ Пожарскій.

1.

(Тульск. губ.)

- Подъ Конотоповымъ было городомъ,
За рѣкою было Переправую,
Не черные вороны слетались, —
Татары поганые засвистали и захат(х)али,
5. И захватили, заплонили боярина Семена Романовича,
По прозванію Пожарскаго,
Воеводу Московскаго;
Сковали скорыя ноги въ желѣзы нѣмецкія,
Связали бѣлыя руки петлями шелковыми,
10. Очи ясныя завязали камкою г(х)руцатою,
Повезли боярина ко тому царю Крымскому

Ко ево шатру бѣлому.

Какъ взговорить Крымской царь, деревенской ши-
шимора:

«Воръ, ой еси ты бояринъ князь Семень Романовичь!»

15. «Послужи ты мнѣ вѣрою-правдою,

«Какъ царю къ бѣлому.»

Взговорить князь Семень Романовичь:

«Какъ у меня были скоро ноги не связаны

«И бѣлыя руки не скованыя,

20. «Какъ была у молодца въ рукахъ сабля вострая,

«Послужилъ я тебѣ вѣрою и правдою —

«На(дѣ) твоею шею толстою!»

Какъ возговорить Крымскій царь,

Деревенскій шишимора-воръ:

25. «Повезите боярина въ чистыя поля,

«Изрубите боярина на мелкія части, на куски пи-
рожные,

«Размечите *морешма* по чистому полю!»

(К. Д. Кавелинъ).

2.

(Ставишное, Симб. губ.)

Далече во чистомъ полѣ,

Что на дальнихъ на рубежахъ,

Полонили Пожарскаго Татары-Улавины;

Они взяли Пожарскаго за его руки бѣлыя,

5. За его руки бѣлыя, за перстни золотныя;

Повели же Пожарскаго ко тому князю Крымскому.

Еще сталъ его Крымскій князь много спрашивать:

«Ты скажи мнѣ, мѡлодецъ, всею вѣрою-правдою,

«Какъ служилъ царю бѣлому, царь Ивану Васильевичу?»

10. «Послужи ты мнѣ, мѡлодецъ, какъ служилъ царю
бѣлому,

«Какъ служилъ царю бѣлому, царь Ивану Васильевичу!»

- Послужилъ бы я тебѣ мѡлодецъ всею вѣрою-правдою,
 Кабы у меня мѡлодца была збруя вся цѣльная,
 Ружьё было цѣльное, копьё мержавецкое,
15. Еще бы у мѡлодца была сабелька вострая:
 Я бы снёсъ съ собаки голову по твои могучі плеча!—
 Закідался, забросался собака Крымскій князь:
 «Есть ли у меня у князя у воротъ приворотнички,
 «У воротъ приворотнички, а у дверей придвернички?»
20. «Вы возьмите Пожарскаго за его руки бѣлыя,
 «За его руки бѣлыя, за перстни золѡтныя,
 «Поведите Пожарскаго далече во чисто поле,
 «Изрубите Пожарскаго въ кусочки пирожныя,
 «Раскидайте Пожарскаго по тому полю чистому,
25. «По тому полю чистому, по раздольямъ широкімъ!»
 Изъ-за лѣсу изъ тѣмнаго, изъ-за горъ изъ высокіхъ,
 Что не красное солнышко выкатѡлося,
 Выѣзжали тутъ два братца, два князя Пожарскіе,
 Собирали бѣло тѣло во камѡчку хруч(щ)атую;
30. Повезли тѣлое бѣлое во матушку каменнѡ Москову;
 Хоронили бѣло тѣло всѣ соборы Московскіе.

(А. М. Измаковъ).

3.

(Кирша Даниловъ).

- За рѣкою-переправою, за деревнею за Сосновкою.
 Подъ Конотопомъ подъ городомъ, подъ стѣною бѣло-
 каменной,
 Въ лугахъ, лугахъ зеленыхъ,
 Тутъ стоятъ полки царскіе,
 Б. Все полки государевы,
 Да и роты были дворянскія.
 А изъ далеча изъ чиста поля,
 Изъ того ли изъ раздолья широкаго,
 Кабы черныя вороны табуномъ табунились,

10. Собирались, съѣзжались Калмыки со Башкирцами,
Напуцались Татарове на полки государевы;
Они спрашиваютъ Татарове
Изъ полковъ государевыхъ себѣ сопротивника.
А изъ полку государева сопротивника
15. Не выбрали ни изъ стрѣльцовъ, ни изъ солдатъ мо-
лодцовъ.
Втапоры выѣзжалъ Пожарскій князь,
Князь Семень Романовичъ;
Онъ бояринъ большой словеть — Пожарскій князь.
Выѣзжалъ онъ на вылазку
20. Спротивъ Татарина и злодѣя-наѣздника;
А Татаринъ у себя держитъ въ рукахъ копье острое,
А славный Пожарскій князь
Одну саблю острую во рученькѣ правыя.
Какъ два ясные соколы въ чистомъ полѣ слетались,
25. А съѣзжались въ чистомъ полѣ
Пожарскій бояринъ съ Татаринемъ.
Помогай Богъ князю Семену Романовичу Пожарскому!
Своей саблей острою онъ отводилъ остро копье Та-
тарское,
И срубилъ ему голову, что Татарину-наѣзднику.
30. А злы-ли, злы Татарове поганые:
Убилъ у нихъ наѣздника, что ни славнаго Татарина!
А злы Татарове Крымскіе, они злы да лукавые,
Подстрѣлили добра коня у Семена Пожарскаго;
Падаеть его окорачь добрый конь.
35. Воскричитъ Пожарскій князь во полки государевы:
«А и вы солдаты новобраные, вы стрѣльцы государевы!
«Подведите мнѣ добра коня, увезите Пожарскаго,
«Увезите во полки государевы.»
Злы Татарове Крымскіе, они злы да лукавые,
40. А метались грудю, полонили князя Пожарскаго,
Увезли его во свои степи Крымскія
Къ самому хану Крымскому — деревенской шишиморѣ;
Его сталъ онъ допрашивать:
«А и гой еси, Пожарской князь,

46. «Князь Семень Романович!
 «Послужи ты мнѣ вѣрою, да ты вѣрою-правдою,
 «Заочью неизмѣнною;
 «Еще какъ ты царю служилъ, да царю своему бѣлому,
 «А и такъ-то ты мнѣ служи, самому хану Крымскому;
50. «Я вѣдь буду тебя жаловать златомъ и серебромъ,
 «Да и женки прелестными и душами красными дѣ-
 вицами.»
- Отвѣчаетъ Пожарской князь самому хану Крымскому:
 «А и гой еси, Крымской ханъ—деревенской шипимора!
 «Я бы радъ тебѣ служить, самому хану Крымскому;
55. «Кабы не скованы мои рѣзвы ноги,
 «Да не связаны бѣлы руки во чембуры шелковые,
 «Кабы мнѣ сабелька острая,
 «Послужилъ бы тебѣ вѣрою на твоей буйной головѣ,
 «Я (бѣ) срубилъ тебѣ буйну голову.»
60. Скричитъ тутъ Крымской ханъ, деревенской шипимора:
 «А и вы, Татары поганые!
 «Увезите Пожарскаго на горы высокія, срубите ему
 голову,
 «Изрубите его бѣло тѣло во части во мелкія,
 «Разбросайте Пожарскаго подалече чисту полю.»
65. Кабы черныя вороны закричали, загайкали,
 Ухватили Татарове князя Самена Пожарскаго,
 Повезли его Татарове они на гору высокую,
 Сказнили Татарове князя Семена Пожарскаго,
 Отрубили буйну голову,
70. Изсѣкли бѣло тѣло во части во мелкія,
 Разбросали Пожарскаго подалече чисту подю;
 Они сами уѣхали къ самому хану Крымскому,
 Они день-другой нейдуть, никто не провѣдаетъ.
 А изъ полку было государева козаки двое выбрались;
75. Эти двое козаки молодцы,
 Они на гору цѣшкомъ пошли,
 И взойшли тудо на гору высокую,
 И увидѣли тѣ молодцы-то вѣдь тѣло Пожарскаго:
 Голова его по себѣ лежитъ, руки-ноги разбросаны,

80. А его бѣло тѣло во части изрублено
И разбросано по раздолью широкому.
Эти козаки молодцы его тѣло собрали,
Да въ одно мѣсто складывали;
Они сняли съ себя липовый лубъ,
85. Да и тутъ положили его,
Увязали липовый лубъ накрѣпко,
Понесли его Пожарскаго Конотопу ко городу.
Въ Конотопѣ городѣ пригодился тамъ епископъ быть,
Собиралъ онъ епископъ поповъ и дьяконовъ
90. И церковныхъ причетниковъ,
И тѣмъ козакамъ удалымъ молодцамъ
Приказалъ обмыть тѣло Пожарскаго.
И склади его бѣло тѣло въ домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою бѣлодубовою;
95. А и тутъ люди дивовалися,
Что его тѣло въ мѣсто срасталося.
Отпѣвавши надлежащее погребеніе,
Бѣло тѣло его погребли во сыру землю,
И пропѣли пѣтье вѣчное
100. Тому князю Пожарскому.

Московскій пожаръ.

1.

(Ставшинное, Сиб. губ.)

- Отъ чего, братцы, наша каменна Москва загоралася?
Загоралася отъ большихъ господъ,
Отъ большихъ господъ, отъ большихъ домовъ,
Отъ того ли господина Шереметева двора.
- Ѫ. Выходила его вѣрна ключница въ темны выходы его,
Зажигала вѣрная ключница воску яраго свѣчу,
Заронила вѣрная ключница въ порохову его казну;
Отъ того наша каменна Москва загоралася.

(А. М. Языковъ).

2.

- Что не дорого-то у хозяина пиво пьяное, ¹⁾
 Дорога его смиренная бесѣдушка. ²⁾
 Во бесѣдушкѣ ³⁾ сидятъ люди добрые, ⁴⁾
 Говорятъ они рѣчь хорошую: ⁵⁾
5. Отъ чего наша матушка
 Каменнѣ Москва загоралася? ⁶⁾
 Отъ того она загоралася, ⁷⁾
 Что жила-была у Шереметева
 Вѣрна ключница; ⁸⁾
10. Ходила она въ нижни выходы, ⁹⁾

¹⁾ 2) Намъ не дорого, хозяинъ, твое пиво пьяное. 3) Намъ не дорого, хозяинъ, пиво пьяное твое. 4) Намъ не дорого, хозяинъ, пиво пьяное, и не дорого намъ зелено вино. 5) *Эт. ст. нѣтъ.*

²⁾ 2) Дорога-то намъ, хозяинъ, пирь-бесѣдушка твоя. 3) Дорога-то намъ бесѣдушка смиренная твоя. 4) Дорога-то намъ бесѣдушка смиренная. 5) Прекрасная наша бесѣдушка.

³⁾ 2) 3) 4) 5) Во бесѣдѣ.

⁴⁾ 4) сидятъ люди-гости добрые. 5) добрые люди сидятъ.

⁵⁾ 2) Они баютъ—разсуждаютъ, рѣчи хороши говорятъ. 3) рѣчь хорошу *с.м.* рѣчи хороши, *какъ въ вар. сторомъ.* 4) Они баютъ—разсуждаютъ рѣчь хорошую. 5) рѣчь хорошу говорятъ.

⁶⁾ 2) Отъ чего-то у насъ, братцы, каменна Москва загоралася? 3) 4) Отъ чего, братцы, каменна Москва загоралася? 5) Отъ чего-же наша, братцы, каменна Москва загорѣлась?

⁷⁾ 2) 3) 4) 5) *Эт. ст. нѣтъ.*

⁸⁾ *В.м. 8-10 и 9 ст.* 2) Загорѣлась каменна Москва отъ большихъ господъ, Отъ большова-то боярина Шереметева. 3) Загоралася Москва отъ большихъ господъ, Отъ большого господина Шереметьева. 4) Загоралася каменна Москва отъ большихъ господъ Шереметевыхъ. 5) Загорѣлась мать каменна Москва Отъ большихъ господъ, Отъ большого господина Шереметева, Отъ его же отъ вѣрныя ключницы.

⁹⁾ 2) Его вѣрная ключница зажигала воску яраго свѣчу, И ходила его ключница въ темныя выходы. 3) Выходила вѣрна ключница въ темны выходы. 4) Выходила ихъ дѣвка, вѣрна ключница, въ темны выходы. 5) Ходила вѣрная ключница Во новые выходы.

Заронила она огню іскорку; ¹⁾
 Отъ того наша матушка
 Каменнá Москва загоралася!²⁾

(Пять вариантовъ, записанныхъ въ Симбирской губ.: четыре А. М. Языковымъ и одинъ Д. Валугевымъ. Одинъ изъ Языковскихъ принять за текстъ.)

Царствованіе Алексѣя Михайловича. Стенька Разинъ.

1.

(Г. Симбирскъ).

- Разливалася въ зеленыхъ лугахъ вода поляя,
 Потопляла у казачиньковъ теплы лагери.
 Среди моря было Каспицкова
 Стоялъ тутъ Лиманъ-островъ,
 5. На этомъ на островѣ стоялъ воровской корабль,
 На этомъ на корабличкѣ муравлинъ чердакъ,
 Въ этомъ чердачкѣ золотой бунчукъ,
 Въ этомъ бунчукѣ царски значечки,
 У этихъ у значечковъ часовой стоитъ;
 10. Передъ нимъ передъ молодцемъ раздвижной стулъ,
 На стулу сидитъ воровской атаманъ,
 По имени атаманушка Степанушка,
 Па батюшкѣ Степанушка Тимошеевичъ,
 По великому по фамильицу Степанъ Разинъ.
 15. Съ старшинами онъ думушку не думаетъ,
 Къ казакамъ онъ Степанъ Разинъ въ кругъ не ха-
 живаетъ;
 Онъ думаетъ крѣпку думушку съ своей буйной голо-
 вушкой.

(Записаль. Д. А. Валугевъ).

1) 2) Зажигала его вѣрная ключница порховую казну. 3) Заронила огня искру въ порховую она казну. 4) Заронила отъ сальной свѣчи съ огнемъ искору 5) Заронила въ порховую казну.

2) 2) Отъ того, братцы, загоралась каменная Москва. 3) Отъ того, братцы, каменная Москва и загоралася. 4) Она тлѣла и горѣла ровно три часа. 5) Отъ того наша мать каменная Москва загоралася, Отъ того господскіе дома разорилися.

2.

(Нов. П.)

У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
 На тихомъ Дону, во Черкасскомъ городу,
 Породился удалый добрый молодець,
 По имени Степанъ Разинъ Тимоеевичь.

5. Во казачей кругъ Степанушка не хаживаль,
 Онъ съ нами казаками думу не думываль;
 Ходиль-гуляль Степанушка во царевъ кабакъ,
 Онъ думаль крѣпку думушку съ голудбою:
 «Судари мои, братцы, голь кабацкая!
10. «Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять,
 «Разобьемте, братцы, бесурмански корабли,
 «Возьмемъ мы, братцы, казны сколько надобно,
 «Поѣдете, братцы, въ каменну Москву,
 «Покупимъ мы, братцы, платье цвѣтное,
15. «Покупивши цвѣтно платье, да на низъ поплывемъ.»

3.

На маткѣ Волгѣ
 Не бѣлымъ забѣлѣлось,
 Не чернымъ зачернѣлось:
 Зачернѣлись на Волгѣ,

5. Зачернѣлись на маткѣ
 Черногорскіе стружечки;
 Забѣлѣлись на Волгѣ,
 Забѣлѣлись на маткѣ
 Полотняны парусочки.
10. На стружечкахъ сидятъ ребята,
 Удалы добры молодцы;
 Атаманомъ у нихъ Стенька,
 По прозванью Степанъ Разинъ.
 Возговоритъ Стенька,

15. По прозванью Степанъ Разинъ:
 « Охъ! вы гой еси ребята,
 « Удамы, добры мѡлодцы!
 « Работайте, не робѣйте,
 « Бѣлыхъ ручекъ не жалѣйте.
20. « Во полночь бы намъ, ребята,
 « Астрахань-городъ проѣхать;
 « Никто бы насъ не (у)видѣлъ,
 « Да никто бы насъ не услышалъ.
 « Одинъ-то насъ увидѣлъ
35. « Астраханскій губернаторъ,
 « У заутрени стоя
 « У Николы-чудотворца,
 « Изъ окошечка глядя. »

4.

Какъ во славномъ было городѣ во Астраханѣ ¹⁾
 Очутился, проявился тутъ незнамый человекъ —
 Онъ незнамый—незнакомый и не вѣдано отколъ. ²⁾
 Чисто щепетко по городу погуливаетъ: ³⁾

5. Черный бархатный кафтанчикъ на могучихъ плечахъ,

1) 2) 10) 12) Во славномъ во городѣ во Астрахани 3) Посмотрите-ка, ребяташки, на сторонку на свою, На своей сторонкѣ жарко и тепло! Во городѣ было въ Астрахани 4) Какъ во матушкѣ во Астрахани 5) Какъ во славной во деревнѣ во Коломенскомъ селѣ 6) Какъ во городѣ во Астрахани 7).... во славнымъ.... 8) Во славномъ было во городѣ во Астраханѣ 9) Какъ у нашемъ славномъ городѣ въ Астрахани. 11) Во славнымъ....

2) 2) 6) 7) 8) 9) 10) Проявился тутъ [9] тамъ] дѣтинушка незнамый человекъ. 3) Проявился разудалый молодецъ. 4)... всѣмъ незнамый человекъ, Незнамый, незнакомый, онъ невѣдомо чей. 5) Проявился добрый мѡлодець, удалый мѡлодець. 11) Проявился дѣтинушка невѣдомо какой 12) Проявился дѣтинушка незнакомый человекъ. 13) Шель—прошелъ дѣтинко Незнамый кто такой.

3) 2) 6).... по Астрахани похаживаетъ 4) Баско-щепетко.... 5) И онъ ходитъ, больно щепетко похаживаетъ. 7) 9) 13) *Эт. ст. нѣтъ.* 8) Больно щепетко по Астрахани.... 10) Онъ по городу по Астрахани погуливаетъ 11) Шибко, щепетко по Астрахани погуливаетъ 12).... по Астрахани погуливаетъ.

Черна шляпа съ позументомъ на его русьхъ кудряхъ. ¹⁾

Съ Астраханскими купцами онъ не знается,
Астраханскому губернатору челомъ не бьетъ ²⁾.

Какъ увидѣлъ молодца губернаторъ со крыльца: ³⁾

^{1) 2)} На немъ черной бархатный кафтанчикъ, Зеленъ сафьянъ сапожки, Черна шляпа со репьемъ и рукавички съ серебромъ. ³⁾ На распашечку черной бархатный кафтанъ, Во бѣлыхъ рукахъ златъ Персидскій кушачокъ. ^{4) 7) 10) 12)} *Эт. ст. нѣтъ.* ⁵⁾ Черна шляпа пуховая на русыхъ его кудряхъ, Черны бархатны сапожки на босую его ногу. ⁶⁾ Смуръ кафтанчикъ, черной запанчикъ, на распаску гуляетъ, Платъ Персидскій кушачекъ во правой рукѣ несеть, Черну шляпу съ прозументами на русьхъ кудряхъ, Вострой сабелькой булатной подпирается—идѣтъ. ⁸⁾ Въ бархатномъ кафтанчикѣ на распасочку, А шелкову свою поясочку во правой рукѣ несеть, Черна шляпа съ прозументомъ на русыхъ его кудряхъ, Касандревска рубашечка—косой былъ воротокъ, Во правой рукѣ тросточка камышевая; Онъ и тросточкой разудаленькй подпирается — идѣтъ. ⁹⁾ Въ черномъ бархатномъ кафтанѣ на опашку въ немъ, Тонкой шелковой кушачекъ во рукахъ несеть; Онъ по городу дѣтнушка погуливаетъ. ¹¹⁾ въ однѣмъ ситцевомъ халатѣ на распашечку. *Эт. ст. помя 8-ю.* ¹³⁾ На немъ бархатный кафтанчикъ, Персидскій кушачекъ, Во правой рукѣ несеть Бѣлые чулочки сафьяные башмакы; Онъ идеть улицей, не торопится.

^{2) 2)} Онъ со штатами и съ офицерами не кланится, Астраханскому губернатору подъ судъ неидеть. ³⁾ Астраханскимъ купцамъ онъ не кланится, офицерамъ господамъ онъ челомъ, челомъ не бьетъ, Астраханскому губернатору онъ подъ судъ ему неидеть. ⁴⁾ Астраханскимъ обывателямъ не кланяется, Астраханскому... ^{5) 7-ю ст. нѣтъ.} ^{6) 12)} Никому зтотъ [12] ни съ кѣмъ—то онъ] дѣтнушка не кланется, Ни штабамъ, ни офицерамъ челомъ не бьетъ, Къ [12] къ — *нѣтъ*] Астраханскому губернатору подъ судъ неидеть. ⁷⁾ Идеть городомъ дѣтнушка—не кланится ни съ кѣмъ, Онъ ни съ низемъ, ни съ бояриномъ челомъ, братцы, не бьетъ, Къ Астраханскому губернатору подъ судъ, братцы, неидеть. ⁸⁾ Никому онъ добрый молодецъ не кланется, Онъ ни шефамъ, ни маюрамъ подъ судъ неидеть, Астраханскому губернатору челомъ не бьетъ. ⁹⁾ Онъ и штабамъ, офицерамъ не кланяется, генераламъ и фельдмаршаламъ челомъ не бьетъ. ¹⁰⁾ Онъ и штапамъ—офицерамъ мало кланяется, Астраханскому... ¹¹⁾ Астраханскимъ обывателямъ не кланяется... Самому губернатору челомъ не бьетъ. ^{13) 7-го и 8-го ст. нѣтъ.}

^{3) 2)} Выходяъ жа губернаторъ на высокъ красенъ крылецъ, Воскричалъ жа губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ. ³⁾ Какъ увидѣлъ губернаторъ изъ косящета окна, Закричалъ ли губернаторъ громкимъ голосомъ

10. «Ахъ вы гой еси, солдаты, слуги вѣрные мои!
 «Вы подите-приведите удалаго молодца;
 «Какъ мы станемъ его крѣпко спрашивати: 1)

своимъ. 4) Какъ случилось мнѣ ли молодцу Вдолъ по городу пройти; Вдолъ по городу прошелъ, Во царевъ кабакъ зашелъ; Увидалъ же меня молодца губернаторъ изъ окна, Закричалъ же губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ. 5) Какъ увидѣлъ молодца воевода изъ окна, Закричалъ онъ болѣе шибко громкимъ голосомъ своимъ. 6) Увидалъ же его губернаторъ изъ высокаго окна, Закричалъ онъ, губернаторъ, своимъ голосомъ. 7) Увидалъ же губернаторъ изъ высокаго терема, Изъ косячета окна, Сквозь французскаго стекла; Посылалъ же губернаторъ своихъ вѣрныхъ слуговъ. 8) Увидалъ его губернаторъ изъ косячетаго окна, Закричалъ онъ, губернаторъ, своимъ вѣрнымъ слугамъ. 9) Какъ подходитъ дѣтинушка къ воеводскому двору; Какъ увидѣлъ дѣтину воевода изъ окна, Закричалъ воевода громкимъ голосомъ своимъ. 10) Гризетовый балахонъ на распашечку на немъ, Черной шляпою пуховой онъ помахиваетъ. Какъ увидѣлъ — усмотрѣлъ губернаторъ молодца, Губернаторъ молодца съ круглаго краснаго крыльца. 11) *Нить*. 12) Увидалъ Губернаторъ изъ окна молодца, Закричалъ губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ. 13; Увидалъ же молодца губернаторъ изъ окна.

1) 2) «Есть ли, братцы, слуги вѣрные при мнѣ?» «Вы подите приведите удалова молодца». — Взяли, подхватили удалова молодца, Повели же молодца къ губернаторскому крыльцу. Ужь и сталъ же губернаторъ крѣпко спрашивати его. 3) «Да вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои, Вы подите-приведите, вы удалова молодца.» Какъ и взяли молодца во царевомъ кабакѣ, Приводили-жъ молодца къ губернатору на дворъ, Становили-жъ молодца супротивъ краснова крыльца. Выходилъ ли губернаторъ съ губернаторшей своей, Какъ и сталъ губернаторъ его спрашивати. 4) «Уже есть ли кто при мнѣ, Слуги вѣрные мои? Вы подите, приведите удалаго молодца Изъ царева кабака.» Ужь какъ взяли, подхватили Къ губернатору на дворъ. Становили молодца противъ краснаго крыльца. Выходилъ же губернаторъ на новый красенъ крылецъ. 5) «Ужь вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои, Вы подите, приведите удалова молодца!» Вотъ приводятъ молодца на парадное крыльцо, На парадное крыльцо, къ воеводѣ на лицо; Ужь и сталъ его воевода, сталъ выпрашивати. 6) «Охъ гой еси, ребята, мои вѣрные слуги! Вы подите, приведите удалаго молодца.» Они взяли, подхватили на высокой горѣ, На высокой на горѣ, во царевомъ кабакѣ, Приводили же дѣтинушку къ губернатору на дворъ. Выходилъ же губернаторъ на высокое крыльцо, И сталъ же губернаторъ дѣтинушку выпрашивати. 7) «Вы подите, приведите—ка ко мнѣ.» Выходили же слуги вѣрные его: Поидемъ, добрый молодецъ къ губернатору во дворъ. Подходилъ же добрый моло-

«Ты скажи, скажи, дѣтина, чей, откудава незнамый
человѣкъ —

«Съ Дону ли ты казакъ, или казачій сынъ,

15. «Или съ матушки Москвы разудалый молодець?» ¹⁾

— Я не съ Дону казакъ, не казачій сынъ,

Я не съ матушки Москвы, не разудалый молодець,

Я изъ Астрахани Стеньки Разина сынъ;

Ты изволь-ко его встрѣчать, изволь подчивати! ²⁾ —

дець ко высокому крыльцу. Выходилъ же губернаторъ на высокъ красевъ крылець. 8) «Подите, приведите его удалова молодца, Постановьте удалова у паратнаго крыльца.» Сталь его губернаторъ крѣпко спрашивати. 9) «Ужь вы, слуги мои вѣрные, солдатухи военные! Вы подите, приведите разудалова молодца.» Какъ приходитъ дѣтвиушка къ воеводѣ на лицо; Тутъ сталь воевода у него спрашивати. 10) 10-го, 11-го и 12 ст. нѣтъ. 11) 10-го ст. нѣтъ. Еще сталь его губернаторъ спрашивати. 12) «Есть ли кто въ передней, слуги вѣрные мои! Выподите, приведите удалова молодца, Не честию, не лестию, за русы кудри его.» Привели же молодчика къ губернатору, Сталь губернаторъ его спрашивати. 13) «Пошлите молодца.»

¹⁾ 2) Ты скажи, скажи, молодець, коего роду удалецъ: Съ Москвы ли ты купецъ, или съ Казани удалецъ, Съ тиха ли Дону козакъ, или козачій сынокъ? 3) Ты скажи, скажи, бродяга, ты откуда, чей такой: Или съ Дону ты казакъ, или казачій сынъ, Или казачій ты сынъ, или низовскій купецъ? 4) Ты скажи, скажи, дѣтина, всѣмъ незнамой человекъ! Чьего роду, чьего дому, Какъ по имени назвати? 5) Ты не съ Дону ли казакъ, или не съ Польши ли Полякъ, или со матушки Москвы ты купеческій сынокъ? 6) Ты скажи, скажи, дѣтвиушка, незнамый человекъ: Али Питерскій, Казанскій, или Астраханскій? 7) Чей такой, дѣтвиушка, незнамый человекъ, Чьего дома, чьего рода, какъ по имени назвати? 8) Ты скажи, скажи, дѣтвиушка, незнамый человекъ, Ты незнамый, незнакомый, невѣдомо какой: Ты не царь ли, не царевич ли, не царской ли сынокъ, Ты не съ Дону ли казаченька, не казачій ли сынокъ? 9) Ты скажи, скажи, дѣтвиушка, незнамый человекъ, Чьего дому, чьего роду, какъ по имени зовуть? Или съ Дону казакъ, или казачій сынъ? 10) Ахъ, ты чей такой дѣтвиушка, незнамый человекъ? Ты Казанскій, или Московскій, или Астраханскій? 11) Ты скажи, скажи, дѣтвиушка невѣдомо какой, Чьего роду, чьего дому, чьего матери-отца? *Эт. вар. оканчивается.* 12) Ты скажи, скажи, дѣтвиушка, незнакомый человекъ, Когораго ты города урожденице? Казанскаго, или Рязанскаго, или Астраханскаго? 13) Ты скажи-ко, молодець, Чьего роду ты сынокъ: Или царскій, или барскій, Или купеческій сынокъ?

²⁾ 2) Отвѣтъ держигъ молодець губернатору на крылець: «Не изъ Москвы я купецъ, не изъ Казани молодець, Не съ тиха Дону казакъ, ни ко—

20. Ужь какъ внизъ-то было по Камѣ по рѣкѣ,
Какъ плыла тутъ-выплывала легка лодочка косна,

зачѣй сынокъ; Я со Камы со рѣки Стеньки Разина сынъ!» Тутъ взяли, подхватили удалова молодца, Посадили молодца ево въ темную тюрьму, Во засаду крѣпкую. 3) «Не тебѣ бы, губернаторъ, меня спрашивать, Не тебѣ ли было мнѣ сказывать! Со рѣки, рѣки Камышки Сеньки Разина я сынъ. Мой батюшка хотѣлъ въ гости побывать, Хотѣлъ въ гости побывать, ты умѣй его принять, Ты умѣй его принять, умѣй подчивать; Если умѣешь ты принять—кунью шубу подарю, а не умѣешь ты принять—на оброкъ посажу. Закричалъ ли губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ: Ужь вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои! Вы подите, оъведите удалова молодца Въ бѣлу каменну тюрьму. Какъ и душечка-молодчикъ онъ посиживаетъ, Да частенько въ окошко онъ посматриваетъ, На рѣку, рѣку Камышку онъ поглядываетъ. 4) Я не съ Дону казакъ, Не казачѣй я сынокъ, Я со матушки со Камы Сеньки Разина сынъ! — «Отведите молодца Въ нову каменну тюрьму.» Тутъ сказалъ ему Иванъ: Погляди-ко, губернаторъ! 5) И не съ Дону я козакъ, и не съ Польши я Полякъ, Я не съ матушки Москвы, не купеческѣй сынокъ; А я съ матушки Алканки Стеньки Разина сынокъ.—Тутъ велѣлъ его губернаторъ во тюрьму посадить. «Ты послушай, губернаторъ, что я буду тебѣ говорить: Ужь какъ завтра на разсвѣтѣ родной батюшка придетъ; Ты умѣй его принять, умѣй подчивать, то я крѣпкую твою тюрьму по кирпичку размечу. А младу твою жену на воротахъ разстрѣлю, А тебя я воеводу на Алканку уведу. *Эт. вар. конч.* 6) Я не Питерскѣй, не Казанскѣй и не Астраханскѣй, Я со матушки рѣки Камы Сеньки Разина сынокъ. Ужь какъ ты, губернаторъ, меня смѣлъ спрашивать? Заутро мой батюшка къ тебѣ въ гости будетъ. 7) Ужь я города Камышенки Степана Разина сынокъ, А заутра мой батюшка къ губернатору въ гости придетъ, Мой батюшка по прозванью Степанъ Разинъ Тимофеевъ. *Эт. вар. конч.* 8) Я съ матушки Волги Сеньки Разина сынокъ; Хотѣлъ мой батюшка къ тебѣ въ гости побывать; еще чѣмъ ты моего батюшку будешь подчивать? «Есть у насъ пироги—въ Тулѣ печены, А есть сухари — въ Петербургѣ крошены, Въ Петербургѣ крошены, въ Москвѣ высушены, Есть легкая похлебочка — у солдата на бедрѣ: Рѣдко имъ падаютъ, низко кланяются, Изъ ружей палить—много силушки валать.» *Эт. вар. конч.* 9) Отвѣтъ держалъ дѣтинушка-незнамый человекъ: Я не съ Дону казакъ и не казачѣй сынъ, И не изъ матушки вашей каменной Москвы разудалый молодецъ; По Камышеняѣ рѣкѣ красна лодочка плыветъ, На этой на лодочкѣ пятьсотъ гребцовъ, Пятьсотъ гребцовъ, все удалыхъ молодцовъ; Надо всѣми-то я атаманчикъ былъ. *Эт. вар. конч.* 10) Я со матушки со Камы Стеньки Разина сынокъ; Заутра мой батюшка я самъ въ гости прѣидетъ. *Эт. вар. кон.* 12) «Я изъ города изъ Камышенки Стеньки Разина сынокъ; Заутра мой батюшка будетъ въ гости къ вамъ: Вы умѣйте его принять, умѣйте его уподчивать.» — Готовъ давно десертъ

Какъ во лодочкѣ во той немало людей
И немало-немного — пятьдесятъ человекъ;
Среди лодочки косной сидитъ нашъ воровской ата-
манъ; ¹⁾

25. Онъ повѣсилъ головушку на правую сторонушку,
Онъ потупилъ очи ясныя во мать во сыру землю. ²⁾
Какъ не сѣрые (гуси?) привозгакнули,
Какъ возговорять-промолвятъ добры молодцы ему: ³⁾
«Ты не плачь-не тужи, нашъ воровской атаманъ!» ⁴⁾
30. — Ничево вы-то, братцы, не знаете, не вѣдаете:
Какъ мой-атъ сынъ во поиминѣ (поиманы) сидитъ —
Онъ во славномъ городѣ во Астраханѣ! ⁵⁾
«Ты не плачь, не тужи, нашъ казачій атаманъ!
«Ужь мы сына твоего мы выручимъ,

во всемъ городѣ ему! *Эт. вар. конч.* 13) Я и не царскій, я и не барскій, Я и не купеческій сынокъ. Ты взволилъ звать Стеньку Разина; Я его сынокъ. Осердился-жъ губернаторъ На такого молодца, Отсылаетъ Стеньку Разина Прочь отъ себя *Эт. вар. конч.*

¹⁾ 2) Только внизъ было ужъ по матушкѣ по Волгѣ по рѣкѣ, Туль плыветь-выплываетъ съ веру лодочка на низъ, У лодочки снастычки всѣ шолоковыя. Парусы на лодочкѣ коноватны, Посередѣ лодки сидитъ воровской атаманъ, По нашестычкамъ сидятъ удалые молодцы. ³⁾ По рѣкѣ, рѣкѣ Камышкѣ тамъ суденушко плыветь. «Вы ребята, вы ребята, удалые молодцы Посмотрите-тка, ребята, то мой батюшка идетъ.» ⁴⁾ Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ Косна лодочка плыветь, Въ этой лодочкѣ косной Двѣсти двадцать снѣдять человекъ, Посреди лодки косной Сидитъ батюшка родной Семень Федоровичъ. ⁶⁾ По утру-то ранымъ-ранехонько сверху лодочка бѣжитъ, На той ли же на лодочкѣ немного людей — На счетъ полтораста человекъ.

²⁾ 3) 4) 6) *этихъ двухъ стиховъ нѣтъ.*

³⁾ 2) Ужь не гуси гогочуть, добры молодцы говорятъ, Говорятъ добры молодцы атаману своему. ³⁾ 4) 6) *эт. ст. нѣтъ.*

⁴⁾ 2) Что же ты, нашъ батюшка, не весель сидишь? ³⁾ 4) 6) *эт. ст. нѣтъ.*

⁵⁾ 2) Какъ-то мнѣ, ребятушки, веселому быть? Сынъ-атъ мой любезнай во засадушкѣ сидитъ, Во засадушкѣ сидитъ, онъ во темной во тюрьмѣ. ³⁾ Вы ребята, вы ребята, вы товарищи мои! Вы не знаете, ребята, про несчастъице мое: какъ и мой дити Ванюша въ бѣлой каменной тюрьмѣ. ⁴⁾ 6) *эт. ст. нѣтъ.*

35. « Астраханскаго губернатора мы выучимъ:

« Да гдѣ мы его найдемъ — тутъ въ огнѣ сождемъ! (1)

(13 вариантовъ: 1) Саратовской губ., Петровск. у. с. Даниловка, зап. С. П. Шевыревъ; 2) Сибирской губ. с. Станнишово, зап. А. М. Языковъ; 3) Костромской губ.; 4) и 5) Московской губ. и у. село Коломенское; 6) 7) и 8) Сибирской губ., Сызрань, зап. А. М. Языковъ; 9) Тульской губ., Чернск. у.; 10) Симб. губ.; 11) и 12) Орелъ; 13) Сибирскъ, записалъ Д. А. Валуевъ.

Первый принять за текстъ).

5.

(Калужс. губ., Лихвинск. у., д. Андровское).

Вы лѣса мои лѣса, братцы, лѣсочки, лѣса темные!
Вы кусты ли мои, братцы, мои кусточки, кусты ча-
стые!

Вы станы ли мои—вы, мои братцы, станочки всѣ пы(о)-
разорены!

Какъ и всѣ мои, братцы, лѣсочки, всѣ порублены;

5. Какъ и всѣ—то мои, братцы, кусточки всѣ повыжжены,

Какъ и всѣ—то мои, братцы, товарищи, всѣ половлены!

Какъ одинъ изъ насъ, братцы, товарищей не пойман-
ный,

Не пойманъ изъ насъ, братцы, товарищъ нашъ Стень-
ка Разинъ сынъ;

Выходилъ же тутъ Стенька Разинъ сынъ на Дунай-
рѣку,

1) 2) Вы гребите, добры молодцы, изъ рукъ веселье не пушай! Мы Саратовъ городочекъ поутру мы прогребемъ, А Царицынъ городочекъ ввечеру мы прогребемъ, Въ Астраханскую губерню ко бѣлу свѣту поспѣемъ, Чтобы Астраханскаго губернатора у заутрени застать, И съ живова кожу снять. 3) Мы до походу дойдемъ, до походу дойдемъ, Бѣлу каменну тюрьму мы по камню разберемъ, Съ самого ли губернатора мы шкуру сдеремъ! 4) Какъ сказалъ же Семень Громкимъ голосомъ своимъ: Ужь вы грань-лате, ребята, Вы грядте молодцы! Подъ Астрахань подгребемъ, Всю Астрахань разобьемъ, Астраханскія тюрьмы По кирпичику разберемъ, Своего сынка Иванушку повыручимъ, Астраханскаго губернатора повыучимъ. 5) Приворачивайте—ка, ребята, въ городу Астрахани, Приколочки ударимъ пихтовья, Причалимъ мы лодочку причалами шелковыми, Мы остроги и тюрьмы всѣ по камню разберемъ, Съ Астраханскаго губернатора съ живомъ кожу сдеремъ.

10. Закричалъ же тутъ Стенька Разинъ сынъ своимъ громкимъ голосомъ:
 «Какъ и всѣ-то вы, мои братцы товарищи, всѣ половлены!
 «Вы возьмите-тко, мои братцы товарищи, свой тугой лукъ,
 «Натяните-тко, братцы мои товарищи, калену стриг(ѣ)лу
 «Прострелите-тко, братцы товарищи, грудь мою бѣ-бѣлю!»

6.

(Нов. П.)

- На зарѣ-то было, братцы, на утренней,
 На восходѣ краснаго солнышка,
 На закатѣ свѣтлова мѣсяца,
 Не соколъ леталъ по поднебесью,
 5. Ясаулъ гулялъ по насадику;
 Онъ гулялъ, гулялъ, погуливалъ,
 Добрыхъ молодецвъ побуживалъ:
 «Вы вставайте, добры молодцы,
 «Пробужайтесь, козаки Донски!
 10. «Нездорово на Дону у насъ,
 «Помутился славной тихой Донъ,
 «Со вершины до черна мѣря
 «До черна моря Азовскова,
 «Помѣшался весь козачей кругъ;
 15. «Атамана больше нѣтъ у насъ,
 «Нѣтъ Степана Тимоѣевича,
 «По прозванью Стеньки Разина;
 «Поимали добра молодца,
 «Завязали руки бѣлыя,
 20. «Повезли во каменну Москву,
 «И на славной Красной площади
 «Отрубили буйну голову.»

Сынъ Стеньки Разина.

(Тамбовской губ., Моршанскаго у. село Соголовна).

Какъ не буйные вѣтры въ чистомъ полѣ бушевали,
 Бушевала бѣла грудь красной дѣвицы,
 Раздиралось ретивѣ сердечко у молодушки,
 Тосковала красна дѣвица по любовничку,

5. Возрыдала еще я, голубушка, по обманцику;
 Въ возрыданьицѣ она рѣчи молвила:

«Ахъ, на что меня родители порѣдили,

«А на что меня на свѣтъ пѹстили?

«Для того ли, чтобъ кручиниться,

10. «Для того ли, чтобъ мнѣ вѣкъ печалиться?

«Какъ и былъ у меня милъ сердечный другъ,

«Онъ любилъ меня и жаловалъ,

«Много злата, серебра обѣщивалъ,

«Онъ частѣхонько говаривалъ:

15. «Я куплю тебѣ, дѣвица, цвѣтно платье,

«А на шею твою бѣду жемчужны жерѣлья, ¹⁾

«На головушку твою золотой повойникъ,

«Я сострою те⁽²⁾, дѣвица, каменны палаты,

«Я поставлю во палатахъ кровать тесовую,

20. «На кроватку положу перину пуховую,

«Я покрою постелюшку одѣяломъ соболинымъ;

«Я частенько буду, дѣвица, къ тебѣ ѣзжати

«И со Волги со разбою буду отдыхати.

«А уѣхалъ злой разбойникъ — со мной не простился.

25. «Ужъ и съ той поры злодѣй со мной не водился.

«И не вѣдала я дѣвица ровно десять лѣтъ,

«Гдѣ злодѣй живетъ, гдѣ разбойничаетъ?

«Услыхала я дѣвица на одиннадцатый годъ,

«Что поймали разбойничка на большой Волгѣ рѣкѣ,

1) Ожерелья. — 2) Тебѣ.

30. « Допросили разбойничка изъ какого роду - племени
онъ былъ?
« Показалъ злодѣй-разбойникъ, что онъ Стеньки Разина
на былъ сынъ. »

Смерть стрѣлцаго воеводѣ.

(Г. Симбирскъ).

- Царя бѣлаго, царя Русскаго
Алексѣя Михайловича
Тридцать три полка стрѣльцовъ —
Въ барабаны бьютъ стрѣльцы
5. По унывному,
Они пѣсенки пропѣли
По веселому.
Во второмъ отрядѣ стрѣлческомъ
Уронъ сдѣлался,
10. Уронъ сдѣлался у молодчиковъ —
Воевода ихъ померъ.
Воеводы конечка
Въ поводу вели,
А самага-то воеводу
15. На головахъ несли —
На тѣ горы воеводу
На Сионскія,
Къ синему морю.
Ужь вы ройте-ко могилу
20. Глубокую,
Въ головахъ-то поставьте
Часовеньку,
Во ногахъ-то вы поставьте
Дубовый столпъ,
25. Къ нему привяжите
Ворона коня.
Кто ни пройдетъ,

На конечка подивуется;
Кто ни пройдетъ,
На часовеньку поклонится.

(Зап. Д. А. Валуевъ).

Подъ Ригою.

(Кирша Даншлогъ).

А подъ славнымъ было городомъ подъ Ригою
Что стоялъ царь государь по три годы —
Еще бывшій Алексѣй царь Михайловичъ.
Изволилъ царь государь наряжаться,
Наряжается царь государь въ каменну Москву
А и бывшій Алексѣй царь Михайловичъ.
Что по утру было рано-ранёшенько,
Какъ на свѣтлой зарѣ на утренней,
На восходѣ было краснаго солнышка,
Какъ-бы гуси-лебеди воскикали,
Говорили солдаты новобраные:
« А свѣтъ-государь, благовѣрной царь,
« А и бывшій Алексѣй царь Михайловичъ!
« Ты изволишь наряжаться въ каменну Москву,
« Не оставь ты насъ бѣдныхъ подъ Ригою;
« Ужь и такъ намъ де Рига наскучила,
« Она скучила намъ Рига, напрокучила:
« Много холоду, голоду приняли,
« Наготы, босоты вдове того.»
Что злата труба подъ Ригою протрубила,
Прогласилъ государь благовѣрный царь:
« А и дѣтушки, вы солдаты новобраные!
« Не однимъ вамъ Рига-то наскучила,
« Самому мнѣ государю напроскучила;
« Когда Богъ насъ принесетъ въ каменну Москву,
« А забудемъ бѣдность, нужу великую,
« А и выставлю вамъ погребы царскіе,
« Что съ пивомъ, съ виномъ меды сладкіе.»

Смерть царя Алексѣя Михайловича.

1.

- Не сами тутъ двери растворилися,
 Ужь какъ шла тутъ царица со царевичемъ,
 Со царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ;
 Что плачетъ она, какъ рѣка льется,
5. Возрыдаетъ она, что волны бьются.
 Ужь какъ возговоритъ царица:
 «Охъ, ты гой еси, батюшка нашъ православный царь,
 «Православный царь Алексѣй Михайловичъ!
 «На кого ты оставляешь свое величество?»
10. «Кому ты вручась царство Московское?»
 Въ головахъ тутъ стояли попы, дьяконы,
 Не сами тутъ свѣчи загоралися,
 Читали тутъ отходную;
 Въ ногахъ стояли все бояра.
15. Ужь какъ взговоритъ православный царь
 Алексѣй Михайловичъ:
 «Оставляю свое величество
 «Я царевичу Петру Алексѣевичу,
 «Вручаю я царство Московское
20. «Я боярину князю Голицыну.»
 Ужь тутъ православный царь переставился.

2.

(Ураль).

- Во славной во старой во крѣпости, каменной Москвѣ,
 Тутъ шли-прошли два игумена, два монаха;
 Дивовалися они, сумнѣвалися:
 Что за чудо въ каменной Москвѣ, что за диковина?
5. Приуныли всѣ въ каменной Москвѣ князья и бояре,
 Купцы, братцы, богатые, всѣ вельможи;
 Знать-то у насъ въ каменной Москвѣ нездорово,

- Точно у насъ въ каменной Москвѣ неблагополучно,
Знать-то у насъ государя царя въ живѣ нѣту!
10. Случилось имъ идти мимо дворца государева:
Съѣзжаются къ государю царю князья, бояре,
Купцы, братцы, богатые, всѣ вельможи;
Строятъ ему гробницу золотую,
Унизанную крышечку жемчужну,
15. По уголошкамъ кладутъ камни драгоценны.
Въ унывный большой колоколъ зазвонили,
Понесли государя царя хранити;
Во передъ несутъ гробницу золотую,
За гробницей идутъ попы, дяки,
20. За попами идутъ архиереи,
За ними ведутъ милосерду государыню;
Подъ праву руку ведетъ большой сынъ,
А подъ лѣву ведетъ меньшей сынъ,
Утираетъ ей горючи слезы мила доченька.

(Дост. В. И. Даль).

3.

- У насъ было, братцы, во святой Руси,
Во святой Руси въ каменной Москвѣ
Заунывные большіе колколы зазвонили;
У насъ знать-то въ каменной Москвѣ
5. Нездорово за стѣной, стѣной бѣлокаменной.
Ужъ и дѣлаютъ драгуны гробницу золотую,
Багрецовыми сукнами укрывали,
Полужонными гвоздями убивали.
Бѣлокаменная палата отворялась:
10. Напередъ-то идутъ попы, дяконы и архиереи,
За ними несутъ гробницу золотую,
За гробницей идетъ молодой юноша царевичъ,
Во слезахъ-то онъ слова не промолвить.

(Стаяншное, Симб. губ.)

Что это у насъ, братцы,
 Въ каменной Москвѣ приуныло,
 Что это приумолкло?
 Заунывно зазвонили

5. У Ивана у Великаго въ большой колоколъ,
 Языкъ-атъ увивали чернымъ бархатомъ.
 Всѣ князья, бояре догадались:
 Они всѣ съ себя платье цвѣтное скидали,
 Наряжались во платьице черное, печальное.
0. И что это у насъ, братцы,
 Въ каменной Москвѣ приумолкло?
 Знать не стало у насъ въ каменной Москвѣ
 Самодержавца батюшки царя бѣлаго.

(Зап. А. М. Языковъ).

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I.

Терентій гость.

(ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ ВЫПУСКУ 5-МУ, КЪ БЫЛИНАМЪ НОВГОРОДСКИМЪ).

2 *).

(Симбирск. г., с. Головино).

Ой ты гой еси, Терентій гость,
Славенъ ты—богаты ¹⁾ человекъ!
У тебя, дискать, жена молода
Оленушка Клементьевна,
5. Клементьевна-Дементьевна.

Ее съ вечера недуги берутъ,
Къ полуночи ее немочь бьетъ,
Къ бѣлой зарѣ лихорадка трясеть,
Немочь-то черная,

*) Мы отмѣчаемъ эту былинку *вторую*, послѣ *первой*, помѣщенной въ 5-й выпускѣ, стр. 54—60. Читатели не посѣтуютъ на насъ, что мы передаемъ имъ такую драгоценность нѣсколько поздно, только что нашедши ее въ бумагахъ покойнаго П. В. К. Съ этимъ вмѣстѣ одинокой образецъ, извѣстный до сихъ поръ лишь изъ Кирши Данилова, дополняется превосходнымъ другимъ, въ которомъ мы получаемъ новое имя Терентьевой жены—*Олена Клементьевна-Дементьевна*, въ Новгородѣ «крестъ *Востанійскій*» и т. п. черты, которыя благоволятъ читатели прибавить въ «Указатель», составленный для Новгорода при 5-мъ выпускѣ. — О.

¹⁾ Богатыи гость, прозвище, званіе Терентья.

10. Лихорадка красная:
 Пухотá, подживóтна скорбь. ¹⁾
 Тутъ возговорить жена молада
 Оленушка Клементьевна:
 «Ой ты гой еси, Терентій гость,
 15. «Ты славень-богатъ человекъ!
 «Что ты мастерóвъ не спрашиваешь,
 «Подмастерьевъ ²⁾, не допытываешь?»

- Тута Терентій гость
 Встаетъ п'утрú ранёхонько,
 20. Обувается гладёхонько,
 Умывается бълёхонько,
 Надъваетъ шубу новую;
 Онъ пошелъ по Нову-городу,
 Онъ сталъ противо хреста,
 25. Протí хреста, противъ чуднова,
 Протí чудна Остаеѣйскова ³⁾.
 На встрѣчу ему скоморохи,
 Скоморохи, люди вѣжливые,
 Люди вѣжливы-очестливые;
 30. Они взглянутся—улыбнутся,
 А отвернутся—разсмѣхнутся.
 Тутъ возговорить Терентій гость:
 — Ой вы гой еси, скоморохи,
 — Скоморохи, люди вѣжливые,
 35. — Люди вѣжливы-очестливые!
 — Вы много по землѣ ходокí,
 — Вы много всѣмъ скорбíамъ знатокí,
 — Вы скорби ухаживате,
 — А недуги уговаривате:
 40. — У меня, братцы, жена скорбнá», ⁴⁾
 — Оленушка Клементьевна,

¹⁾ О смыслѣ этой болѣзни см. 5-й выпускъ. — ²⁾ «Мастеровъ, подмастерьевъ» — дохтуры, волхвы; ср. 5-й выпускъ. — ³⁾ См. 5-й выпускъ. — ⁴⁾ Больна — О.

- Клементьевна—Дементьевна;
 — Ее съ вечера недуги берутъ,
 — Въ полночь черна немочь бьетъ,
 45. — Къ бѣлой зарѣ лихорадка трясётъ.
 Инъ тута скоморохи
 Сглянутся — улыбнутся,
 Отвернутся — разсмѣхнутся:
 «Ой ты гой еси, Терентій гость,
 50. «Славенъ-богатъ человекъ!
 «Ты поди-ка во холщевой рядъ,
 «Купи холщевой мѣхъ,
 «Ты не дорого — три денежки дай,
 «А мочалище ¹⁾ полденежки:
 55. «Стало — безъ полушки грошъ;
 «Садися въ холщевой мѣхъ!»
 Пошли они къ Терентью старому,
 Къ Оленушкѣ Клементьевнѣ,
 Клементьевнѣ-Дементьевнѣ.
60. Встрѣчатъ ихъ молода жена
 Оленушка Клементьевна:
 «Ой вы гой еси, скоморохи,
 «Скоморохи, люди вѣжливые,
 «Люди вѣжливые-очестливые!
 65. «Не видали ли немѣлаго мово
 «Терентья стараго,
 «Терентья богатаго?»
 И тутъ скоморохи
 Взглянутся — улыбнутся,
 70. А отвернутся — разсмѣхнутся:
 «Мы видѣли немѣлаго твою
 «Терентья стараго
 «Противъ хреста, проти чуднова,
 «Проти чудна Остаеѣйскаго;
 75. «Его вороны потаскивають,

¹⁾ Которымъ завязать мѣшокъ.

- «Черныя кабелі поволакивають.»
 Возговорить жена молода
 Оленушка Клементьевна:
 «Избыла де я немѣлаго своѣ
 80. «Терентья стараго,
 «Терентья богатаго,
 «Нажила я свою волюшку!»
- Туть возговорять скоморохи,
 Скоморохи, люди вѣжливые,
 85. Люди вѣжливы-очестливые:
 «Ты слышишь ли, мѣшокъ,
 «Ты слышишь ли, холщѣвъ,
 «Что прѣ тебя говорятъ,
 «Про твою буйну головушку?»
 90. Онъ сталъ въ мѣшкѣ потягиваться,
 Сталъ поволакиваться;
 Холстинушка разѣрвалась,
 А мочалище пѣрвалось.
 Встаетъ туть Терентій гость
 95. На свои на рѣзвѣ ноги,
 Онъ беретъ трость жимолосну,
 Половина свинцу налита;
 Онъ сталъ скорби ухаживати,
 Сталъ недуги уговаривати.
 100. Туть возгѣворять скоморохи,
 Скоморохи, люди вѣжливые,
 Люди вѣжливы-очестливые:
 «Ой ты гой еси, Терентій гость!
 «Ты самъ скорби ухаживаешь,
 105. «А недуги уговариваешь!»

(Доставл. Н. М. Языковымъ 1838 года, мая 25).

Н. (а).

- У князя Володимира,
 У солнышка у числа-время, ¹⁾
 Было пированьице ²⁾ честное,
 Честное и радочно,
 5. И радочно и порядочно; ³⁾
 Пили, ъли прохлажались,
 Промежь себя похвалялися:
 Сильный хвалится силою,
 А богатый хвалится богатствомъ, ⁴⁾
 10. Молодецъ похвалился конемъ добрымъ:
 « У меня, братцы, конь-добра лошадь; ⁵⁾
 « Еще, братцы, молода жена—
 « И умная, и разумная: ⁶⁾
 « Спусти мужа, пиво варила,
 15. « Пиво варила, вино курила,
 « Звала гостей полюбимыхъ,
 « Князей, бояръ — безъ боярыней, ⁷⁾
 « Поповъ, дяковъ—все безъ дякониць. ⁸⁾
 Во глаза тутъ молодцу насмѣялися: ⁹⁾
 20. « У тебя да молода жена
 « Умная и разумная:
 « Спусти мужа, пиво варила,
 « Пиво варила, вино курила,
 « Звала гостей полюбивныхъ:
 25. « Князей, бояръ—безъ боярыней,
 « Поповъ, дяковъ—все безъ дякониць! ¹⁰⁾
 За досаду молодцу показалось, ¹¹⁾
 Садился онъ ¹²⁾ на добра коня,

(а) Ср. выше кругъ пѣсень Владимира.

¹⁾ Этою ст. нѣтъ. ²⁾ Пированьице было. ³⁾ Честно, хвалено, болѣе радочно. ⁴⁾ 9-й ст. послѣ 8-го. ⁵⁾ 10-го и 11-го ст. нѣтъ. ⁶⁾ Одинъ похваляется молодой женой: У меня братцы, жена умная, Умная—разумная. ⁷⁾ Звала въ гости князей бояръ—безъ боярынь. ⁸⁾ безъ дякониць. ⁹⁾ Тутъ въ глаза молодцу насмѣялися. ¹⁰⁾ 20—26 ст. нѣтъ. ¹¹⁾ Послѣ 27-го ст. Пошелъ молодецъ на конюшій дворъ, обратывалъ коня добраго. ¹²⁾ Молодецъ *ем.* онъ.

- Во стремечью не ступаючи,
 30. За сѣдельну луку не хватаючи; ¹⁾
 Поѣхалъ онъ со пиру домой; ²⁾
 Подѣзжаетъ къ своему широку двору, ³⁾
 Пнулъ столбы своимъ чоботомъ → ⁴⁾
 Столбики пошатилися,
 35. Воротички растворилися. ⁵⁾
 Встрѣчаетъ его молода жена
 Среди своего широка двора. ⁶⁾
 Вынимаетъ молодежь свою востру саблю, ⁷⁾
 Онъ снёсъ съ неѣ буйну голову, ⁸⁾
 40. Самъ пошелъ молодець по выходамъ,
 По выходамъ и по погребамъ;
 Всѣ выходы были заперты,
 Погребницы запечатаны. ⁹⁾
 Пошелъ молодець во свою горницу,
 45. Свою горницу; во высокъ теремъ: ¹⁰⁾
 Въ терему виситъ колыбелушка, ¹¹⁾
 Въ колыбелушкѣ родно дитятко, ¹²⁾
 Родно дитятко, чадо милое.
 Онъ сталъ качать-прибаюкивать:
 50. «Баю, баю, родно дитятко, ¹³⁾
 «Баю, баю, чадо милое! ¹⁴⁾
 «Ушибъ-то я твою матушку,
 «Себѣ возьму молоду жену,
 «Тебѣ возьму лиху мачиху!» ¹⁵⁾

(Два варианта, записаны въ Сиб. г., въ с. Головинѣ А. М. Демидовичъ),

¹⁾ 29-го и 30-го ст. *нѣтъ*. ²⁾ Поѣхалъ молодець вдаль по улицѣ. ³⁾ Подѣзжалъ молодець къ широкому двору. ⁴⁾ Уткнулъ копы въ дубовы столбы. ⁵⁾ *Вм.* 34-го и 35-го ст. Дубовы столбы пошатилися, Сосновы доски развалилися. ⁶⁾ *Вм.* 37 ст. Въ однихъ чулочкахъ безъ чоботовъ, Въ одной орочкѣ безъ понёвы. ⁷⁾ Береть молодець саблю вострую. ⁸⁾ Срубилъ же-
 тѣ одну голову, Покатилась головушка ея Къ коню подъ ноги, подъ ко-
 мытечко, Подъ правое, водъ передшее. ⁹⁾ 25—28 ст. *нѣтъ*. ¹⁰⁾ *Вм.* 39-го
 40-го ст. Кинулся молодець въ палатучку, Въ палату бѣлокаменну. ¹¹⁾ Въ
 палатучкѣ колыбель виситъ. ¹²⁾ Въ колыбели лежитъ чадо милое. ¹³⁾ Баю,
 баю, чадо милое! ¹⁴⁾ *Эт. ст. нѣтъ*. ¹⁵⁾ *Вм.* 47—49 ст. Не стало у тебя
 одной матушки, У меня молодца молодой жены! Хоть возьму молоду
 жену, И будетъ она тебѣ не родная мать, Не родная мать — лиха мачиха.

III. (а).

(Новгородъ).

- Ты любовь, моя любовь, любовь двѣушкина!
 Ты когда, моя любовь, побываешь у меня?
 — «Я бы рада побывать, дороженьки же спознаю.
 «Дороженьки не спознать, товарищей не созвать.
 8. «Побываю у тебя, когда выростеть трава, »
 «Когда выростеть трава среди твогѣ двора,
 «Поразольется Нева со крутымъ бережкамъ рожна!»
 По синю морю корабличекъ бѣжить, таки бѣжить
 Къ Нову-городу корабличекъ спѣшить, таки спѣшить:
 10. По кораблику Васильюшко погуливаетъ,
 Онъ во звонкія гусѣльчики поигрываетъ:
 «Ахъ, вы гусли, вы гусли, гусѣльчики мои,
 «Заиграйте вы, гусли, при мнѣ, таки при мнѣ,
 «При мнѣ, таки при мнѣ, при Васильѣ-молодцѣ,
 15. «При Васильѣ-молодцѣ, при купеческомъ сынкѣ!»

Татарскія.

1.

(Симб. губ.)

- Было во городѣ во Черниговѣ —
 Воевали, бузовали три Татарченка,
 Они били, разбивали нашъ Черниговъ-градъ,
 Намного они брали золотой казны,
 3. А еще того побольше чечью жемгуга;
 Полонили они душу-ли красну двѣицу,
 Тоё ли они Шамельфу дочь Никитичну.
 Выводили они собаки во чисто поле,
 Разставляли собаки шатры бѣлые,

(а) Ср. выше кругъ пѣсень Новгородскихъ.

10. Разстилали они ковры шелковые,
 Разсыпали они, собаки, казну на три вороха,
 А чечуй жемчугъ на три жеребья,
 А души красной дѣвицы жеребья нѣту.
 Что возгóворить собака, младъ Татарченкокъ:
15. « Охъ, вы гой еси два брата, два названные!
 « Вы возьмите мой жеребій золоту казну,
 « А въ замѣнъ отдайте душу красну дѣвицу.»
 Злы Татарченка казнѣ обрадовалися,
 И душой красной дѣвицей поступалися.
 Онъ беретъ бусурманъ за праву руку,
 Онъ беретъ бусурманъ за праву руку,
20. И повелъ ее злодѣй въ особливъ шатѣръ;
 Онъ и сталъ надъ ней, собака, надругатися,
 И сталъ надъ ней насмѣхатися:
 Онъ взялъ ее, собака, за русу косу
 И ударилъ ее бусурманъ о сыру землю.
25. Закричала же дѣвица громкимъ голосомъ:
 « Охъ, вы гой еси братцы-рыболовщички!»
 Услыхалъ же то дородный добрый молодецъ,
 Онъ и скачетъ ко бѣлу шатру полотняному,
 Онъ снимаетъ съ собаки буйну голову,
30. А душу красну дѣвицу съ собой беретъ.

(Дост. Языковъ).

2.

(Рязанской губ.)

- Не буйны вѣтры подымались,
 Съ палатъ верхи посметало,
 Въ теремахъ двери растворяло,
 На столахъ кушанья расплескало;
5. За столомъ сидитъ злой лихой Татаринъ,
 Передъ нимъ стоитъ красная дѣвица,
 И не такъ дѣвка стоитъ:
 Она стоитъ — слезно плачить.
 Злой лихой Татаринъ дѣвицу унималъ,

10. Платкомъ слезы утирагь:
 « Ты не плачь-кась, красная дѣвка,
 « Русская бѣлопольнянка!
 « Я сошью тебѣ конью шубу.»

(Зап. г. Грубинковъ).

3.

(Сибирск. губ.)

- Изъ Крыму было, Крыму, изъ Нагаю,
 Бѣжалъ тутъ младъ невольничекъ изъ неволи,
 Изъ той ли изъ Орды, братцы, изъ поганой.
 Подходить младъ невольничекъ ко Дунаю,
 3. Изыскивалъ песчаного переходу.
 Безсчастыицо на молодца приходило:
 На тое время тихой Дунай становился,
 Онъ тоненькимъ ледочкомъ покрывался,
 Молоденькимъ снѣжечкомъ засыпался,
 10. Лютыми морозами укрѣплялся.
 Слѣзеть молодець со добра коня,
 Запѣлъ-то онъ съ горя пѣсню:
 « Сторона-ль ты, моя сторонушка,
 « Сторона-ль ты родимая,
 13. « Родимая, прохладливая!
 « Знать-то мнѣ на тебѣ не бывати,
 « Отца съ матерью не видати.»

(Зап. Вязковъ).

4.

Какъ за рѣчкою,
 Да за Дарьею,
 Злы Татарове
 Дуванъ дуванили.

5. На дуваницѣ
 Доставалася,
 Доставалася
 Теща зятю;

Какъ повезъ тещу зять

10. Во дикую стень,
 Во дикую стень
 Къ молодой женѣ.

«Ну и вотъ, жена,
 «Тё работница —

15. «Съ Руси Русская
 «Полоняночка.

«Ты заставь ее
 «Три дѣль дѣлати:
 «Ужь какъ первое —

20. «То куделю прядь,

«А другое дѣло—
 «То гусей стеречь,
 «А и третье дѣло
 «То дитё качать.»

25. Ахъ, ручками я
 Кудель пряду,
 А глазками
 Гусей стерегу,

А глазками

30. Гусей стерегу,
 А ножками
 Дитё колышу.

Охъ, качаю дитё,
 Прибаюкиваю:

35. «Баю-баю,
 «Боярскій сынъ!

« Ты по батюшкѣ
 « Золъ Татарченокъ,
 « А по матушкѣ
 40. « Ты Русеночекъ,

« А по матушиѣ
 « Ты Русеночекъ,
 « А по роду мнѣ
 « Ты внученочекъ,

45. « А по роду мнѣ
 « Ты внученочекъ:
 « Вѣдь твоя-то мать:
 « Мнѣ родная дочь,

« Вѣдь твоя-то мать
 50. « Мнѣ родная дочь;
 « Семи лѣтъ она
 « Во полонъ взята;

« На правой груди
 « У ней родинка,
 55. « На лѣвой ногѣ
 « Нѣтъ мизинчика.

« Мнѣ и бить тебя —
 « Такъ грѣхъ будетъ,
 « А дитѣй назвать —
 60. « Мнѣ вѣра не та!»

Услыхали то
 Дѣвки сѣнныя,
 Прибѣжали онѣ
 Къ своей барынѣ:

65. « Государыня,
 « Наша барыня,
 « Наша барыня,
 « Милосердная!

- « Полоняночка.
70. « Съ Руси Русская
 « Качаетъ дитѣ,
 « Прибаюкиваетъ:
- « Баю-баю,
 « Боярскій сынъ!
75. « Ты по батюшкѣ
 « Золъ Татарченкокъ,
 « Ты по батюшкѣ
 « Золъ Татарченкокъ,
 « А по матушкѣ
80. « Ты Русеночекъ,
 « А по роду мнѣ
 « Ты внученочекъ:
 « Вѣдь твоя-то мать
 « Мнѣ родная дочь,
85. « Вѣдь твоя-то мать
 « Мнѣ родная дочь;
 « Семи лѣтъ она
 « Во полонъ взята;
- « На правѣй груди въ ней —
90. « У ней родинка,
 « На лѣвѣй ногѣ
 « Нѣтъ мизинчика.
- « Мнѣ и бить тебя —
 « Такъ грѣхъ будетъ.
95. « А дитѣй назвать —
 « Мнѣ вѣра не та!»
- Охъ, стучить-гремятъ,
 По снѣгамъ бѣжить,
 По снѣгамъ бѣжить
100. И дрожма дрожить

- Дочка къ матери;
 Повалилася,
 Повалилася
 Во рѣзвы ноги:
105. « Государыня,
 « Моя матушка!
 « Не спознала я
 « Тебя, рѣдная!
- « Ты бери ключи,
 110. « Ключи зѣлоты,
 « Отмыкай ларцы,
 « Ларцы кованы,
 « Отмыкай ларцы,
 « Ларцы кованы,
115. « Ты бери казны :
 « Сколько надобио;
- « Ты поди, поди
 « На конюшенку,
 « Ты бери коня
120. « Что ни лучшаго,
 « Ты бѣги, бѣги,
 « Моя матушка,
 « Моя рѣдная,
 « На святую Русь!
125. — Охъ дитѣ-ль мое,
 Мое милое!
 Не поѣду я
 На святую Русь,
 Не поѣду я
130. На святую Русь;
 Я съ тобой, мой другъ,
 Не разстануся:

(Елецкій у., Орловской губ.)

Ужь и чей это теремъ
Златымъ серебромъ украшень?

Подвилья,
Подвиль яблонь,
Направили противъ-или на-филя
Штрафиль-пѣфиль,
Подфиль Филимонъ,
Лебада пале,
Приклонь яблонь
Прилегла. 1)

Ужь во томъ ли теремѹ
Убранá кровать стоитъ,

Ужь на той ли на кровати
Самъ турецкой царь лежитъ;

Передъ этимъ королемъ
Полоняночка стоитъ,

Полоняночка стоитъ
Красна дѣвица-душа

Изъ Россійской стороны,
Обливалася слезми.

«Ты не плачь, не плачь, дѣвица,
« Не плачь, душечка моя!

« Я отдамъ тебя, дѣвица,
« За любимаго пажа.»

рицѣвъ повторяется послѣ каждого двустишія.

— Не хочу я за пажка!
Отпусти меня домой,

Отпусти меня домой
Къ моей матушкѣ родной.

(Зад. М. А. Стаховича).

ОГЛАВЛЕНИЕ 6-го ВЫПУСКА.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

	<i>Стран.</i>
Взята Казань	1 — 22
Помочь царю подь Казанью	23 — 35
Ермакъ. Сибирь покорена	36 — 54
Царь хочеть убить сына	55 — 109
Царь еще женится	109 — 186
Осада Пскова	187 — 190
Царь въ Серпуховѣ	190 — 191
Гнѣвъ на Вологду	192 — 194
Правежь	194 — 201
Царь сослалъ царицу въ монастырь	202 — 204
Смерть грознаго царя Ивана Васильевича	205 — 207
Плачь по умершемъ царѣ	207 — 210
Плачь войска	210 — 212

ОГЛАВЛЕНИЕ 7-го ВЫПУСКА.

Убіеніе царевича Дмитрія. Борисъ Годуновъ	1 — 3
Григорій Отрепьевъ и Марина	3 — 6
Тоже и Михайло Скопинъ	7 — 9
Смерть Скопина	9 — 16
Василій Шуйскій	17
Прокопъ Липуновъ	17 — 18
Смутное время	19 — 21
Козьма Мининъ и князь Пожарскій. Освобожденіе Москвы. Из- браніе Михаѣла Ѳедоровича	21 — 23
Избраніе Михаѣла Ѳедоровича Романова	24 — 25
Князь Семенъ Романовичъ Пожарскій	25 — 30
Московскій пожаръ	30 — 32
Царствованіе Алексѣя Михайловича. Стенька Разинъ	32 — 41

II

	<i>Стран.</i>
Сынъ Стеньки Разина	42 — 43
Смерть стрѣлецкаго воеводы	43 — 44
Подъ Рнгою	44
Смерть царя Алексѣя Михайловича	45 — 47

Прибавленія.

Терентій гость	48 — 51
Къ кругу пѣсень Владимира	52 — 53
— — — Новгородскихъ	54
Татарскія	54 — 62

ВЫПИСКА ИЗЪ ПРОТОКОНОВЪ ЗАСЪДАНІЙ ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ *).

—1867 г. Января 13, ССХХІХ засѣданіе, пунктъ 3.—Д. Ч. А. Н. Аванасъевъ напечаталъ, по переданнымъ ему рукописямъ, четыре листа, но долженъ былъ на этомъ остановиться, потому что дальнѣйшихъ рукописей Кирѣвскаго у него не было.—Общество постановило: просить Д. Ч. П. А. Безсонова (возвратившагося въ Москву) докончить напечатанный уже Д. Ч. А. Н. Аванасъевымъ текстъ пѣсень своими примѣчаніями и выпустить оный.

—Во исполненіе протокола, изъ письма Г. Предсѣдателя Общества Н. В. Калачова къ Д. Чл. П. А. Безсонову отъ 16 Октября 1867 года: «М. Г. Общество Л. Р. Сл. въ засѣданіи 13 Января (ст. 3) опредѣлило просить Васъ, взять на себя трудъ докончить напечатанный уже Д. Ч. А. Н. Аванасъевымъ текстъ 7-го выпуска Пѣсень Кирѣвскаго и дополнить оный Вашими примѣчаніями.... Сообщая Вамъ, М. Г., объ этихъ постановленіяхъ Общества и въ надеждѣ, что Вы не откажете въ дальнѣйшемъ содѣйствіи своемъ этому изданію, столь много уже Вамъ обязанному, я имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, увѣдомить меня предварительно о томъ, согласны ли Вы принять на себя означенный трудъ»... Отвѣтъ Г. Предсѣдателю Д. Чл. П. А. Безсонова отъ 19 Октября съ изъявленіемъ совершенной готовности.

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

ПРИЛОЖЕНІЯ
КЪ 7-му ВЫПУСКУ ПѢСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢВСКИМЪ,

и

ДОПОЛНЕНІЯ

КЪ ПЕРВЫМЪ ДВУМЪ ЧАСТЯМЪ ПѢСЕНЬ ВЫЛЕВНЫХЪ И ИСТОРИЧЕСКИХЪ,

При концѣ двухъ первыхъ частей предполагалось въ дополненіе напечатать все, что открыто въ томъ же родѣ послѣ ихъ появленія. Но по обстоятельствамъ, выше изложеннымъ, и происшедшему отсюда перерыву въ изданіи, предположеніе это выполняется здѣсь *историческими* Приложеніями, въ порядкѣ, который уясненъ вполне Оглавленіемъ на концѣ сего выпуска.

Часть I.

Выпускъ 1 и 4.

Илья Муромецъ.

1.

(Губ. Воров., Земляск. у.).

- Какъ то было за Днѣпромъ рѣкой:
Стояли заставы не малыя,
Заставушки не малыя, великія;
Быль на заставахъ: старой козакъ Илья Муромецъ,
5. Быль Алеша Поповичъ,
Еще были два брата родимые,
Лука да Матвей, Дѣти Боярскіе.
Утромъ то было ранѣмъ рано,
На зарѣ то было на утренней,
10. Выходилъ Илья Муромецъ изъ бѣла шатра
На свои (балконы) широкіе;
Онъ смотрѣлъ во чисто поле
На всѣ четыре стороны:
Ничего нѣтъ въ полѣ хорошаго,
15. Ни худаго, ни добраго,
Все въ полѣ по старому,
Подъ востокомъ лишь морочить *) стало.

*) Меркнуть, заволакивать; по другимъ развортчаніямъ: увидалъ на ногѣ вдали чернизику.

- Спускается старой Илья Муромецъ
 Къ быстру Дибѣру,
 20. Изъ быстра Дибѣра умывается,
 Шитой ширинкой утирается,
 Самъ смотреть во чисто поле.
 Видить, ѣдетъ богатырь, торопится
 Ко старому козаку Ильѣ Муромцу.
25. Вхалъ то Добрыня Никитичъ младъ.
 Подъѣзжаетъ онъ къ Ильѣ Муромцу,
 Говорить ему таковыя слова:
 «Ой ты гой еси, старѳй Илья Муромецъ,
 «Проѣхалъ богатырь мимо меня,
30. «Мимо меня, мимо моей заставы.
 «Подъ нимъ добрый конь, что лютый звѣрь
 «Самъ богатырь на конѣ храбрѳ сидитъ,
 «На правомъ плечѣ тяжка палица,
 «На лѣвомъ плечѣ сидитъ бѣлъ кречеть,
35. «По стременью бѣгутъ сѣры выхлоки »).»
 Говорить Добрынѣ Илья Муромецъ:
 —Поѣзжай ты, Добрыня, за богатыремъ,
 —Не бери съ собой тяжкой палицы,
 —Не бери съ собой сабли вострыя,
40. —Сабли вострыя, копя мурземецкаго;
 —Спроси ты богатыря про дѣдину,
 —Про дѣдину, про отчину,
 —Коего города, какой земли.—

- Вдетъ Добрыня Никитичъ за богатыремъ,
 45. Наѣзжаетъ Добрыня на богатыря,
 Сталъ кричать ему зычнымъ голосомъ,
 Говорить ему языкомъ Русскимъ:
 «Гой ты еси, добрый молодець,
 «Сильный, могучій богатырь!
50. «Ты скажи мнѣ про дѣдину, про отчину,

*) См. въ прежнихъ выпускахъ.

«Коего города, какой земли?»

Отвѣчаетъ ему добрый молодець,

Сильный, могучій богатырь:

«Отлейся ты, какъ вода вешняя,

«Отъѣзжай, мужикъ, деревенщина,

«Отлети, ворона перелетная,

«Не хочу я съ тобой рѣчей вести,

«Не хочу съ тобой слова говорить.»»

Отворачивалъ Добрыня своего коня,

1. Ъхалъ къ старому Ильѣ Муромцу,

Говорилъ ему Добрыня таковы слова:

«Богъ тебя суди, старой козакъ,

«Богъ тебя суди, Илья Муромецъ,

«Не велѣлъ ты мнѣ брать тяжку цалицу,

1. «Сабли вострыя, копья мурзаметнаго;

«Обзывалъ меня богатырь:

«Отлейся ты, какъ вода вешняя,

«Отъѣзжай, мужикъ, деревенщина,

«Отлетай, ворона перелетная,

«Не хочу я съ тобой рѣчей вести;

«Не хочу съ тобой слова говорить.»»

За бѣду стало старому Ильѣ Муромцу,

За великую досаду показалось,

Его сердце разгоралось,

Его кровь раскипалась,

Говорилъ Добрыня Ильѣ Муромецъ:

—Ой ты гой еси, Добрыня Никитичъ младъ!

—Я поѣду за богатыремъ,

—Ты же поѣзжай въ стольный Киевъ градъ

—На улочку на съѣзжую,

—На площадку на схожую;

—Ни къ чему ты коня не привязывай,

—Ни кому ты его не приказывай,

—Самъ ступай во Божій храмъ,

—Ко свѣтлой Христовой заутрени,

—Ставь свѣчи мѣстныя

—Исусу Христу, Божьей Матери,

- Третью свѣчу Михаилу Архангелу,
—Стой, молися Богу милостивому,
90. —Клади поклоны до сырой земли,
—Проси у Бога милости:
—Когда свѣчи стануть обливатися *),
—По ту пору стану я воеватися.—
Скрутно **) они тутъ сражались,
95. На добрыхъ коней сѣдлись,
Другъ съ дружкой распростились:
Добрыня поѣхалъ въ стольный Кіевъ градъ,
Илья Муромецъ во чисто поле.
^ Не стукъ стучить во чистомъ полѣ,
100. Не громъ гремитъ во раздольицѣ,
Бѣдетъ старый Илья Муромецъ, торопится,
Его вѣрный конь разсержается,
По чисту полю разстилается,
Мелкіе лѣса промежду ногъ бросаешь,
105. Мелкія рѣчки—ручьи пескомъ засыпалъ.
Услыхалъ тутъ добрый молодецъ,
Сильный, могучій богатырь,
Топоту конинаго, голосу богатырскаго,
Подъ нимъ добрый конь сталъ спотыкаться:
110. «Что ты, конь мой, спотыкаешься?
«Аль не слыхивалъ топоту конинаго,
«Аль не слыхивалъ голосу богатырскаго?»
Спускалъ добрый молодецъ
Съ лѣва плеча бѣла кречета:
115. «Полети, бѣль кречеть, во чисто поле,
«Побѣгите, сѣры выхлоки, во темны лѣса,
«Мнѣ теперь не до васъ пришло.»
Наѣзжалъ на богатыря старой Илья Муромецъ,
Сѣзжались они во чистомъ полѣ,

*) Пока порядочно уже сгорать.

**) Послѣшно. Прим. 1-го изд. — Нарядно, какъ слѣдуетъ сражаться, сражались.

120. Стали биться—рубиться.
 Долго билися богатыри,
 Тяжки палицы поломалися,
 А другъ дружку не поранили.
 Съѣзжались они въ другой разъ,
125. Долго билися—рубилися,
 Сабли вострыя призабилися,
 А другъ дружку не поранили.
 Съѣзжались они въ третій разъ,
 Сочили съ добрыхъ коней
130. И схватилися въ рукопашную.
 У богатыря была уложка не добрая:
 Онъ бралъ Илью Муромца на косой носокъ *),
 Бросалъ его на сырую землю,
 Разстегалъ его груди бѣлыя,
135. Выдергивалъ чингалище **), булатный ножъ,
 И хотѣлъ вспоротъ его бѣлу грудь:
 Какъ въ локтѣ рука застоляся;
 Онъ заноситъ ее въ другой разъ,
 Но въ локтѣ рука застоляся;
140. Онъ заноситъ ее въ третій разъ,
 Но рука опять застоляся.
 Говоритъ тутъ добрый молодець:
 «Что жь это за диковина,
 «Не могу я вспоротъ груди бѣлыя!
145. «Аль ты въ родствѣ, али въ племени?
 «Скажи мнѣ про дѣдину, про отчину,
 «Коего города, какой земли?»
 Въговорилъ старой Илья Муромецъ:
 —Охъ Ты, Боже мой милостивый,
150. —Иисусъ Христось, Матерь Божія!
 —Я стоялъ всегда за вѣру православную.
 —Православную Русь, христіанскую,

*) Въ борьбѣ «подъ ножку.»

***) См. прежніе выпуски.

- Былъ я на семи бояхъ,
 — На семи бояхъ на семидесяти,
 155. — Все мнѣ старому удавалось,
 — А нынѣ Господь Богъ прогнѣвался:
 — Сидитъ богатырь на моей груди
 — И не можетъ вспороть груди бѣдня!
 — Когда бы я былъ на его грудяхъ,
 160. — Не спросилъ бы про дѣдину и отчину.—
 Спускались съ неба два ангела,
 Шептали Ильѣ Муромцу во правое ухо:
 ««Встрепенись, встрепенись, старой Илья Муромецъ,
 ««Какъ трепещется на синемъ морѣ сизой орелъ!»»
 165. Встрепенулся старой Илья Муромецъ,
 Онъ сбрасывалъ богатыря съ бѣлой груди,
 Улеталъ богатырь выше дерева стоячаго;
 Взбѣгалъ на богатыря старой Илья Муромецъ,
 Не разстегивалъ его груди бѣдня,
 170. Выдергивалъ чингалище, булатный ножъ,
 Хватилъ богатыря во бѣлую грудь:
 Но сгибался булатный ножъ до черена.
 Удивлялися тутъ, что жъ это за диковина?
 Разстегалъ у богатыря грудь бѣлую.
 175. Увидалъ на немъ крестъ серебряный,
 Сталъ спрашивать про дѣдину, про отчину:
 — Ты скажи мнѣ, удалой молодецъ,
 — Коего города, какой земли,
 — Какого отца и матери?—
 180. «Матери Польки *) я, отца Илья Муромца»
 Бралъ старой богатыря за бѣлы руки,
 Становилъ его на ноги рѣвья,
 Цѣловалъ въ уста сахарныя:
 — Ужь ты здраствуй, дитя мое милое,
 185. — Я отецъ твой Илья Муромецъ!—
 Садились они тутъ на добрыхъ коней,

*) Это разнорѣчіе, неизвестное по другимъ образцамъ.

Вхали въ стовный Кіевъ градъ,
Ко солнышку ко Владимиру.

Встрѣчалъ ихъ солнышко Владимиръ являъ

190. Съ честію, радостію,

Выкатилъ, солнце, бочку вина сорокъ ведръ,

Наливалъ чашу въ полтора ведра,

Подносилъ ее (къ) Ильѣ Муромцу.

Были всѣ тутъ веселы, радостны,

195. Богатыри храбрые, поляница удаляя,

Гуляли они, потѣшались,

Не много, не мало, два мѣсяца.

(Со словъ крестьянина, ср. „Воронежск. Сборникъ“ 1861 г., а въ I-й Чести выд. 1, разр. I №№ 1—6, Разр. IV №№ 1—2; выд. 4 №№ 2 и 3).

2.

(Сарат. губ.).

Какъ далече-далече во чистомъ полѣ,

Не ковыль-трава въ полѣ шатается,

Зашаталъ-загулялъ старъ-матеръ человекъ,

Старъ-матеръ человекъ, Ильѣ Муромецъ,

5. На своемъ на добромъ конѣ,

На войлочкѣ на бумажнымъ *),

На сѣдельцѣ на черкасскимъ.

У старого денегъ не водилося,

Только было при немъ сорокъ тысячъ,

10. А коню подъ нимъ цѣны не было:

Конь-то былъ подъ нимъ, что лютой звѣрь,

*) Войлочекъ—бумажный: противорѣчіе и бессмысленное сочетание.

- А самъ онъ на конѣ, что ясашь соколъ.
 Какъ наѣхали на него станишнички,
 По русскому сказать, воры—разбойнички,
 15. Хотятъ они старого ограбити,
 Хотятъ его добра молодца убить—срубить,
 Убить—срубить, душу погубить.
 Возговорилъ тутъ Илья Муромецъ:
 «Ужъ вы братцы мои станишнички!
20. «Убить вамъ меня, старого, не за что,
 «А взять—то вамъ у меня нечего,—
 «Только есть на мнѣ безсермяжечка *),
 «Безсермяжечка—она въ сто рублѣвъ,
 «Кушакъ да штаны—пятьсотъ даны,
25. «Шапочка моя—во всю тысячу,
 «А добру мому коню и цѣны нѣту:
 «Отъ того мому коню цѣны нѣту,
 «Что онъ броду не спрашивать,
 «А котора рѣка и цѣла верста,
30. «Онъ скачетъ съ берегу на берегъ.»

- Вынималъ тутъ Илья Муромецъ свой крѣпкій лукъ,
 Накладалъ онъ калену стрѣлу,
 Онъ стрѣлялъ по сыру дубу,—
 Угодила стрѣла въ кряковистый дубъ,
 35. Ищепала дубъ въ черепья **) въ ножевыя.
 А станишнички испужались
 Что того ли грому богатырскаго,
 Всѣ съ добрыхъ коней попадали,
 Безъ ума часовъ пять лежатъ.
40. А и стали станишники пробужатися:
 Встаётъ Сема, пересёмываетъ,
 Встаётъ Спиря, поспириваетъ,

*) Обыкновенно, по другимъ образцамъ, сермяжечка: здѣсь, вѣроятно, принаровнено къ слову «бесермень» по сходству звуковъ.

**) Черепья.

Да и бьютъ челомъ Ильѣ Муромцу:

«Ты старой козакъ Илья Муромецъ,

б. «Илья Муромецъ, свѣтъ Ивановичъ!

«Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное,

«Станемъ тебѣ служить вѣрой—правдою

«Отнынѣ и до вѣку.»»

Отвѣчасть Илья Муромецъ Ивановичъ:

в. «Ужь вы гой есте, братцы станишнички!

«Вы ступайте во чисто поле,

«Вы скажите Олѣшкѣ Поповичу,

«Что каковъ есть старой казакъ Илья Муромецъ.»»

(Ср. „Лѣтоп. Р. Л. и Др.“ т. IV, изъ сборн. гг. Костомарова и Мордочевой, гдѣ вбавлено еще нѣсколько разнорѣчій, а въ Части I-й вып. 1, отд. II, № 8-й, близше сходный).

*

Въ «Лѣтописяхъ Р. Литер. и Древн.» изд. Н. С. Тихонрава, т. IV, 1862 г., изъ сборника гг. Костомарова и Мордочевой, стр. 9—10, помѣщено ближайшее разнорѣчье къ нашему изданію, Ч. I, вып. 1, отд. I, № 7, объ Ильѣ Муромцѣ на околѣ кораблѣ; другой «вариантъ,» тамъ же помѣщенный, ятъ изъ Пѣсенника Новиковскаго; а третій, объ Алѣшѣ Поповичѣ на Соколѣ кораблѣ, ср. у насъ въ Ч. I, вып. 4-мъ, въ «Замѣткѣ,» съ образцемъ, помѣщеннымъ на стр. XXIII—XXVII.— помѣщенная же въ сборн. гг. Костомарова и Мордоч. былина, ко бы изъ круга Владимірова, о Лукоянѣ Берендѣевичѣ, соинена по тому же образцу, какъ Сахаровскія былевья сказки м. «Замѣтку при 5-мъ вып.) съ невозможными въ нашемъ родномъ творествѣ выраженіями и несбывальнымъ языкомъ.

ВЫПУСКЪ 2.

Добрыня Никитичъ.

1.

(Сарат. губ.).

Матушка Добрынюшкѣ наказывала:

«Ты Добрынюшка, добрый молодецъ!

«Не садися ты на добра коня,

«Не ѣзди гулять въ зелены луга,

5. «Въ зелены луга, въ батюшкины займища,

«Не подѣзживай, Добрынюшка, къ быстрой рѣкѣ,

«Не смахивай рубашечку миткадиновую,

«Не бросайся, Добрынюшка, во быстру рѣку.»

Добрынюшка матушки не послушался,

10. Осѣдловалъ Добрынюшка ворона коня,

Поѣхалъ же Добрынюшка въ зелены луга,

Въ зелены луга, въ батюшкины займища,

Подѣзжалъ Добрынюшка ко быстрой рѣкѣ,

И смахивалъ рубашечку миткадиновую,

15. Бросался купаться во быстру рѣку.

Онъ половину рѣки переплылъ,

А другую половину пернырнулъ,

Очутился Добрынюшка на той сторонѣ.

И сталъ Добрынюшка шуточки шутить,

20. Во круту гору камушки бросать.

Увидѣла же Эмѣица-Горынища,

И бросилась на Добрынюшку.

Въ тѣ поры Добрынюшка не робокъ былъ,
 Поймалъ же Добрынюшка Змѣицу за жабрица,
 Ударилъ же Змѣицу объ сыру землю.
 Тутъ-то Змѣица возмолилася,
 Добрынюшка покорилася
 И въ ноги ему поклонилася.

Ср. тамъ же, сборн. г. Костом. и Морд., а у насъ Ч. I, вып. 2, отд. II, № 1, п. 3, №№ 1 и 5).

Въ «Лѣтоп. Р. Литер. и Др.» другая былина о Добрынь и энѣ его, выпедшеѣ за Алѣшу Поповича, составляетъ почти словное повтореніе съ былиной, напечатанной у насъ Ч. II, п. 2, Отд. I, № 8, и записанной также въ Саратовѣ, съ нѣмъ лишь отличіемъ, что въ сборникѣ г. Костомарова и Мордовцевой прибавлено въ концѣ:

Создадася Добрыня со Поповичемъ на смертный бой,
 И отсѣкъ ему буйну голову съ богатырскихъ плечъ.

Къ помѣщеннымъ въ Ч. I, вып. 3 и 4-мъ, былинамъ о Суздаль-Суздальцѣ, относится напечатанная въ «Лѣтоп. Р. Лит. Др.» изъ сборника г. Костомарова и Мордовцевой, № стр. 1—14, съ замѣткою, что «списана отъ холщевника — верхого мужика.» Она дословно сходна какъ съ помѣщенною въ овиковскомъ Пѣсенникѣ, такъ и съ перепечатанною у насъ въ выпускѣ 3-мъ, стр. 110—112, № 2.

По всѣмъ былинамъ, доселѣ извѣстнымъ, Добрыня только наказалъ ешу, но не убивалъ: смерть Алѣшѣ была другая. См. «Указатель къ 1-й сти при 4-мъ выпускѣ.

Былины, соответствующия I-й части Цѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, явились за тѣмъ въ отличномъ собраніи П. Н. Рыбникова, коего I-я и II-я Части, изданы въ Москвѣ 1861 и 1862 года П. А. Безоновымъ и Дм. А. Хомяковымъ, III-я самимъ Собираателемъ въ Петрозаводскѣ 1864-го и IV-я въ С.-Петербургѣ 1867 года г. О. Миллеромъ.—Тамъ помѣщены Былины, Побывальщины и Старины: Илья Муромецъ, Ч. I, №№ 9—22; II, 2, 3, 62—64; III, 4—14, 35, 36; IV, 2—4.—Добрыня Никитичъ: Ч. I, 23—28; II, 4—9; III, 15—19.—Алѣша Поповичъ: I и II (см. Добрыню); III, 20.—Василій Казимировичъ или Игнатьевичъ: I, 27, 29; II, 10, 11, 65; III, 37.—Иванъ Гостинный сынъ: III, 34; IV, 7.—Иванъ Годиновичъ: I, 33, 34; II, 13, 14; III, 23.—Данило Игнатьевичъ съ сыномъ: III, 22.—Дунай Ивановичъ: I, 30, 31 (№ 32, Двѣпра Королевична и Донъ Ивановичъ); II, 12; III, 21; IV, 5.—Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ и Сорокъ каликъ со каликою: I, 35—40; II, 15—18; IV, 12.—Ставръ Годиновичъ: I, 41, 42; II, 19—21; IV, 6.—Хотень Блудовичъ: I, 43, 44; II, 22; III, 28; IV, 7 и 8.—Чурило Пленковичъ: I, 45, 46; II, 23, 24 и (съ Шаркомъ великаномъ) 25; III, 24—27.—Дюкъ Степановичъ: I, 47—52 (и съ Шаркомъ); II, 26—30; III, 29—31; IV, 9 и 10.—Соловей Будимировичъ: I, 53, 54; II, 31; III, 32 (въ печати ошибка 31), 33; IV, 11.—Аника Воинъ: I, 81; II, 48.—Кромъ того, неизвѣстныя изъ собранія П. В. Кирѣевского, вновь открытыя, изъ времени до Владиміра, о лицахъ и богатыряхъ Старшихъ: Олегъ или Вольгъ и Микулъ Селяниновичъ, съ дочерьми Микulichнами, Суханъ или Сухманъ, Самсонъ и Святогоръ (съ переходомъ къ Ильѣ Муромцу), I, №№ 1—8; II, 1, 60, 61; III, 1, 2; IV, 1.—Равно възвѣ времени Владимірова, изъ области Сказочной и древнѣйшаго былевого творчества Черноморскаго и Придунайскаго: о Царѣ Саламанѣ, царицѣ Саламаніи и Васильѣ Акульевичѣ, о Ванькѣ Удовкинѣ сынѣ и царѣ Волшанѣ Волшанскомъ, I, 76; II, 52—55; III, 54—56; IV, 18; ср. III, 57, 58.—И нѣк. друг.

Часть II.

Выпускъ 5.

При изданіи былевыхъ пѣсень Новгородскихъ вышли уже I-я и II-я часть собранія П. Н. Рыбникова, а потому изъ сихъ послѣднихъ введены разнорѣчія въ «Указатель» при 5-мъ выпускѣ.—За тѣмъ, въ III-й и IV-й части Рыбникова помѣщены соответственные былевые пѣсни: о Васильѣ Буслаевѣ, III, №№ 39, 40; О Садкѣ, III, 41, 42; о Терентѣ, III, 43.

На семь мѣстѣ, какъ дополненіе къ былинамъ Новгородскимъ, о Васильѣ Буслаевѣ, въ отдѣлѣ II-мъ (5-й вып., стр. 23 и далѣе), должна бы помѣститься, напечатанная здѣсь выше, на стр. 54 (III), пѣсня, хотя перешедшая въ Безъимянные Молодецкія, но записанная П. В. Кирѣевскимъ въ Новгородѣ, о кораблѣ, плывущемъ къ Новгороду, а на кораблѣ о «Васильѣ, Купеческомъ сынѣ,» конечно по отдаленной памяти Василья Буслаева. Дальнѣйшія, еще болѣе испорченныя, разнорѣчія ея таковы:

Бъ Василью Буслаеву.

1.

(Садка).

Какъ по морю, по моречку,
Черной корабль плыветъ,
Гостинный сынъ Василій
По кораблю идетъ,
Б. Во звончатые гусельцы
Поигрываетъ,
Подаетъ онъ голосокъ
(Садкѣ милой) въ теремокъ:

- «Чтобы милая моя
 10. «Не дремала, не спала,
 «Не дремала, не спала,
 «Дорога гостя ждала,
 «Дорога дружка, дружечка,
 «Дружка миленькаго.»
15. Какъ и солнце на закатѣ,
 Свѣтелъ мѣсяцъ взошелъ:
 Гостиный сынъ Василій
 За охотою пошелъ,
 За охотою такой,
20. За дѣвичьей красотой.
 Увидала изъ окна
 Его маменька родна:
 —Полно, полно, сынъ Василій,
 —Ты дурачить перестань,
25. —Прочь отъ дѣвицы отстань...—

(Ср. Сборн. Самар. В. Варенцова).

*

2.

(Холмогоры).

- По морю корабличекъ бѣжалъ таки, бѣжалъ,
 Ай люли, ай люли, онъ бѣжалъ ^),
 Во кораблюшкѣ Василій гулялъ таки, гулялъ:
 «Поиграйте, гусли-мысли, вы теперича при мнѣ,
 5. «Вы теперича при мнѣ, при Васильѣ молодомъ ^»).»
 Васильева мать Ирина таки рѣчи говоритъ:
 —Полно, Вася, ты гулять, ко вдовушкѣ не бывай,

) Такъ повторяется послѣ каждого стиха.

**) По складу ожидается: «При Васильѣ молодомъ, при Купеческомъ (или Гостиномъ) сынкѣ.»

—У вдовушки дочь хорошая, люби таки, люби *)» —

«Родимая мать, тебѣ меня не унять,

- Д). «Тебѣ меня не унять, за быстру рѣчку гулять,
«За быстру рѣчку гулять, ко вдовушкѣ побывать,
«У вдовушки дочь хорошую любить таки, любить:
«Брови свободны, очи соколины,
«Ей походочка павлина, тиха рѣчь лебедина;
Д). «Она баеть—разсыпаеть,—сверхъ погодой посыпаеть **).»
Хоть погодой посыпаеть, Васѣ ***) мать не потакаетъ.

(Запис. С. В. Максимовичъ, ср. „Р. пѣсни“ изд. Якушкина, 1865 г., стр. 208).

* *
*
* *
*

Садко.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Во славномъ во городѣ во Царѣ-градѣ *),

Во Царѣ-градѣ, во царскомъ кабакѣ,

Пьетъ—то Садко, напивается,

Во глупомъ—то хмѣлю похваляется:

- Б). «Какъ нѣту Садка богаче его,

«Богаче его, тороватѣй его,—

«Всю Россейку я повыкупаю,

«Чисто на чисто вѣничкомъ повымету!»

Да бѣда на Садка,—рядочки горшечные,

- В). Скоро жгутъ да скорѣй того и дѣлаютъ **).

*) Очевидно подлинный складъ таковъ: «Полно, Вася, ты гулять,—У вдовушки дочь хорошую любить таки, любить.»

***) Т. е. словно сверхъ погодой посыпаетъ.

****) Въ подлинникѣ ошибка: «Ванѣ.»

*) Вместо: «во Новѣ-градѣ.»

*) Всѣ ряды съ товарами онъ выкупилъ, только бѣда ему съ рядами горшечными: скупилъ горшки, а ихъ еще скорѣй нажгутъ новые.

- Нагружаетъ Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей и одинъ карабль.
Пуцался Садко въ Океанъ—море,
Въ святое озеро Яльинское *)).
15. Всѣ кораблики въ море поплыли,
Но Садковъ—то карабль на морѣ становится,
Знать на камушку, знать на бѣлому **).
- Воскричитъ—то Садко громкимъ голосомъ:
«Вы братцы мои, гости—корабельнички!
20. «Ну вы рѣжьте жеребочки кугинные ***),
«Пущайте ихъ въ сине море.»
Ну, всѣ жеребы въ море поплыли,
Ну, Садковъ—то жеребъ какъ ключъ ко дну.
Воскричитъ Садко громкимъ голосомъ:
25. «Вы друзья мои, гости—корабельнички!
«Не бранилъ ли изъ васъ кто отца—матери
«И не клялся ли изъ васъ кто родомъ—племенемъ?
«Ну, вы рѣжьте жеребы всѣ таволжаные ****),
«Вы пущайте ихъ въ Океанъ—море.»
30. Ну, всѣ жеребы въ море поплыли,
Ну, Садковъ—то жеребъ какъ ключъ ко дну.

(Ср. Сборн. А. Савельева, Спб. 1866, а у насъ въ Ч. II вып. 5-мъ 1-й отдѣлъ быльи о Садкѣ).

* *
*

За симъ по порядку должна бы слѣдовать Побывальщина о Гостѣ Новгородскомъ Терентѣ, отпечатанная выше на стр. 48—51, замѣчательная по рѣдкости образцовъ сего рода и по нѣкоторымъ подробностямъ, кои, вмѣстѣ съ отличіями Побывальщины Рыбниковской, слѣдуетъ прибавить къ «Указателю» при 5-мъ выпускѣ.

*) Не Хвалынское (Каспійское), а Ильменское, Ильмень, какъ знаетъ по другимъ Новгородскимъ образцамъ. — **) На алатырѣ, чудодѣйномъ камнѣ. — ***) Чугунные; стальные, булатные. — ****) См. прежніе выпуски.

Послѣ появленія знаменитыхъ сборниковъ былинъ Кириши Данилова, П. В. Кирѣевского и П. Н. Рыбникова, изданныхъ К. Ѳ. Калайдовичемъ, нами, гг. Рыбниковымъ и Миллеромъ, не менѣе важное открытіе, которое должно стать рядомъ со всѣми означенными и занять мѣсто въ ряду печатныхъ или почетныхъ «народныхъ памятниковъ», представляетъ обширная статья г. Стасова «о происхожденіи Русскихъ былинъ», помѣщенная въ трехъ первыхъ книжкахъ «Вѣстника Европы» за сей 1868 годъ и еще продолжающаяся. Вотъ что между прочимъ говорится касательно содержанія былинъ о Садкѣ: «Во всемъ этомъ разсказѣ, кромѣ нѣкоторыхъ, совершенно внѣшнихъ подробностей обстановки (напр. самый Новгородъ, Волховъ, Ильмень, и т. п.), нѣтъ ничего не только Новгородскаго, но даже вообще Русскаго, по коренному происхожденію и по деталямъ. Тутъ нечего искать ни Новгородскаго, ни Волхова, ни Русскаго моря, ни русскихъ купцовъ, ни русскихъ вообще людей. Все чужое, все пришло въ нашу пѣсню съ Востока.» Все сочинитель находитъ въ Гариванзѣ, въ сборникѣ Сомадевы, въ буддійскихъ пересказкахъ. «Пѣсня о Садкѣ создалась не въ нашемъ отечествѣ, а на Востокѣ;» «она не оригинальное созданіе Русскаго народнаго творчества, она разсказъ древнихъ легендъ, издревле ходившихъ по Востоку въ разнообразныхъ видахъ и редакціяхъ. Нашъ Новгородскій купецъ Садко есть ничто иное, какъ являющійся въ русскихъ формахъ индѣйскій царь Яду, индѣйскій богатырь-брахманъ Видушака, тибетскій брахманъ Джинпа-Ченпо, тибетскій царевичъ Гедонъ, индѣйскій монахъ Самгха-Ракшита.» За тѣмъ сочинитель видитъ уже разсказъ сей у дикихъ обитателей острова Борнео и наконецъ у прочихъ дикарей Америки. «Никола Можайскій русской былины—кормчій Дзанглуна, брахманъ легенды о Самгхѣ-Ракшитѣ,» а у дикарей Борнео «человѣкъ, который подаетъ полезные совѣты.» О другихъ пѣсняхъ касательно Садки сочинитель прибавляетъ: «Имѣю въ рукахъ доказательства ихъ чужеземнаго, и вовсе не мѣстнаго, Новгородскаго происхожденія.» Это

оказывается Индѣйская легенда о купцѣ *Шурль*. Садко строитъ церкви? «Церкви нашего разсказа выражаютъ собою не Новгородскія, не Русскія, даже не христіанскія церкви, а тѣ храмы, которые упоминаются въ восточныхъ первообразахъ.» «Гусли нашихъ сказокъ и пѣсенъ—это лютия и «вина» (родъ арфы) индѣйскихъ и тибетскихъ разсказовъ.»—Всѣ эти данныя очевидно составляютъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ вариантовъ къ былинамъ Новгородскимъ и вообще къ былевому Россійскому пѣснотворчеству, а потому должны стоять въ ряду пѣсенъ и цѣликомъ войти въ «Указатель.»

В ы п у с к ъ 5.

Б ы л и н ы К н я ж е с к і я .

Былины «Княжескія,» въ первые выдѣленные нами въ сей особый отдѣлъ и даже первый разъ въ литературѣ названные такимъ именемъ, съ каждымъ шагомъ открытій въ дѣлѣ народнаго былеваго творчества и съ каждымъ новымъ приѣмомъ изслѣдованія выигрываютъ себѣ всё болѣе обширную область и широкое значеніе. Сюда относятся, между прочимъ, изъ собранія П. Н. Рыбникова: Ч. I, №№ 72—75, о двухъ королевичахъ Краковскихъ, о двухъ братьяхъ, Литовскихъ королевичахъ или князьяхъ, потомъ о нихъ же въ Ч. III. № 51 и въ Ч. IV № 17: то есть собственно о Литовскихъ древнихъ князьяхъ и судьбѣ ихъ при столкновеніи съ Романомъ, сперва, по исконному происхожденію былинъ, съ Романомъ Галицкимъ и Волынскимъ, потомъ позднѣе, по вліянію событій Московскихъ, съ Романомъ Московскимъ и даже съ любимымъ героемъ Московскихъ былинъ, Никитою Романовичемъ. Такимъ образомъ, это существенное, важнѣйшее пополненіе къ I-му отдѣлу былинъ о Князѣ Романѣ, помѣщенныхъ у насъ въ 5-мъ выпускѣ на стр. 92—99, подъ №№ 1 и 2-мъ.

Далѣ въ I-й Ч. собранія П. Н. Рыбникова № 79 былина, ближайше сходная съ нашей Княжеской о Князѣ Димитрѣ въ вып. 5-мъ стр. 63—65.

Еще болѣе былинъ о Князѣ Михайлѣ, соответственнo нашимъ въ вып. 5-мъ на стр. 68—76 и далѣе замѣчательное содержаніе ихъ послужило основою для художественнаго воспроизведенія Д. Чл. Общества Н. А. Чаева. У Рыбникова, съ именемъ Князя, въ Ч. II №№ 46, 47 и въ Ч. III № 64 (гдѣ подъ именемъ «княгини Михайловны» разумеется «Михайлова, Михайлова,» жена Михайлы).—Вотъ еще тѣ же пѣсни; въ коихъ собственное имя постепенно переходитъ въ «королевича,» «козака» и простаго «молодца (въ вып. 5-мъ стр. 78—91):»

Князь Михайло.

1. «Князь Михайло, королевичъ»

(Орловск. губ.): «Князь Михайло, королевичъ»

Какъ поѣхалъ Князь Михайло

Во царскую во службу,
Во царскую во службу,
На великую нужду.

5. Покидалъ свою Княгиню,
Молоду Катерину;
Онъ приказывалъ Княгинѣ,
Своей матушкѣ родной:
«Охъ ты матушка родна!
10. «Береги молодую Княгиню,
«Береги ты мою Княгиню,
«Молодую Катерину;
«Ты корми мою Княгиню
«Крупичатыми калачами,

15. «Ты пой мою Княгиню
«Сыгюю медовою.»

Не успѣлъ Князь со двора съѣхать,
Его добрый конь споткнулся,
Съ него бархатная шапочка

20. Свадилась,
Ужъ какъ тутъ—то Князь Михайло
Онъ вспомнилъ,

Какъ вспомнилъ ли,
Горько Князь восплакнулъ:

25. «Ахти, дома у меня не здорово,
«Моей матушки родной не стало,
«Либо моей молодой Княгини,
«Молодой Княгини Катерины!»

Его матушка родная

30. Жарко банюшку топила,
Горючь камень разжигала,
Молодую Княгиню погубила:
Бѣлы груди ей разрѣзала,
Молоденца вынимала,

35. На горючій камень клала.

Какъ прѣѣхалъ Князь Михайло,

Его матушка встрѣчаетъ,
За бѣлы руки примааетъ,
За дубовый столъ сажаетъ:

40. «Ахъ ты матушка моя родная,
«Гдѣ моя молодая Княгиня?»
—Молодая твоя Княгиня
—Пошла Богу молиться.—

(Ср. Якуши. Сиб., 1865, стр. 125, 126).

*

(Оттуда же).

Поѣхалъ Королевичъ
 На разгуляньице,
 Оставилъ онъ Королеву
 На гореваньице.

5. Пускалъ своего добра коня
 Въ зеленые луга,
 А самъ пошелъ Королевичъ
 На круту гору;
 На крутенькой на горушкѣ
10. Раскинулъ бѣлъ шатерь,
 Ложился спать Королевичъ
 Подъ бѣлымъ шатромъ.
 Пригрезился Королевичу
 Дивнахонекъ сонъ:
15. Изъ-подъ правой изъ-подъ ручки
 Соколикъ вылетѣлъ,
 Изъ-подъ лѣвой изъ-подъ бѣлой
 Сѣрая утушка.
 «Пойду, пойду, Королевичъ,
20. «Ко старушенькѣ:
 «Скажи, скажи, старушенька,
 «Про мой дивной сонъ?»
 —Твоя жена Королева
 —Сына родила,
25. —На утренней на зорюшкѣ
 —Сама померла.—

Ворочался Королевичъ
 Къ своему двору;
 Не дошедши до своего двора,

30. Тяжело вздохнул;
Широкіе ворóтчки
Растворены стоятъ,
Щекольчаты *) окошечки
Повыставлены;

35. Всѣ (солдаты, офицеры)
Въ черномъ платьицѣ.
«Королева, моя жена,
«Въ бѣломъ убрана.
«Пойду, пойду, Королевичъ,

40. «Въ нову горенку,
«Вдарюсь, вдарюсь, Королевицѣ,
«Объ дубовый столъ:
«Бывало ты, дубовый столъ,
«Приубранный стоишь,

45. «А нынѣ ты, дубовый столъ,
«Разубранный **) стоишь!»

*

3.

(Оттуда же).

Поѣхалъ Королевичъ

На полеваньице,

Оставилъ Королеву

На гореваньице.

5. Недоѣхавши Королевицѣ,

Ложился онъ спать;

Привидѣлся Корóлюшкѣ

*) Стекольчаты. — **) Разобранный.

- Нерадостный сонъ:
Изъ-подъ правой толи
10. Изъ подъ рученьки
Сърая утица *).
- Всташи-то, Королюшко
Къ старушенькѣ помель:
«Бабка ты, отгадай ты,
15. «Мой сонъ отгадай?»
—Королюшко ты, батюшко,
—Твой сонъ нехорошь;
—Поѣжай ты, Королюшко,
—Къ своему двору:
20. —Жена твоя, Марусенька,
—Сына родила,
—Породя сына, Марусенька,
—Сама померла.—

*

4.

(Малая Русь).

Ой поихавъ Королевичъ на погулянье,
Тай покинувъ Марусеньку на гореванье.

- Взыхавъ Королевичъ на круту гору,
Пустивъ коня вороного въ шевкову траву,
5. Въ шевкову траву на попасанье,
Самъ лигъ Королевичъ на спочиванье.
Ой приснився Королевичу дивнесенскій сонъ:
Съ-пидъ правой-то рученьки вылетивъ соколъ,
Съ-пидъ ливой съ-пидъ билой сира утинка.

*) Вылетала.

10. Ой погнавъ Королевичъ до бабусеньки:
 «Бабусенько, матусенько, скажи про сій сонъ,
 «Съ—пидъ правой—то рученьки вывѣстивъ соколъ,
 «Съ—пидъ ливой съ—пидъ бѣлой сира утника?»
 —Скажу, скажу, Королевичу, скажу, не таюся:
15. —Твоя жена Марусенька сына родила,
 —Найшла мамку, найшла няньку, сама померла,—
 Якъ принхавъ Королевичъ до своего двора,
 Пустивъ коня вороного въ ёго ставницю *),
 А самъ пѣшовъ Королевичъ въ нову свѣтлицю.
20. Сидятъ ёго сосидоньки вси по застѣлю **),
 А на столѣ лежить мѣла, якъ бумага бѣла.
 Ударився й Королевичъ о дубовый столъ:
 «Нижки мои ризвѣнъкин, чомъ ***) не выбѣгали?
 «Очи мои карѣнъкин, чомъ не выглядали?
25. «Ручки мои бѣлѣнъкин, чомъ не обнимали?
 «Губки мои пышнѣнъкин, чомъ не цалували?»

(Ср. „Воронежск. Бѣсѣду“ 1861 г., сообщ. Н. Ст. Котловской).

*

5.

(Воронежск. и Курск. губ.).

Отъѣзжаетъ Козаченько на разгуляньице,
 Покидаетъ Марусеньку на гореваньице.

Нустилъ своего ворона коня въ зелѣны луга,
 А самъ лежить въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.

*) Въ стайню, стойло, конюшню.

**) По застолью.

***) Къ чему, за чѣмъ.

5. Привидѣлся Козаченьку дивнѣшенекъ сонъ:
 Будто на его праву руку соколъ прилетѣлъ,
 Улетала съ—подъ лѣвой съра утица.
 На ту пору Марусенька сына родила,
 На третій день Марусенька сама померла.
10. Подъѣзжаетъ Козаченько къ своему двору:
 Широки его ворѣтки раствѣренны,
 Хрустальны стеколечки повывбиты.
 Вскрываетъ Козаченько на высокъ теремъ:
 Стоять попы и дьяконы, погребенье поютъ,
15. А дѣточки—малюточки какъ пчелки гудутъ,
 А жену Марусеньку во гробъ несутъ.
 Ударится Козаченько о дубовый гробъ:
 «Ой свѣтъ моя Марусенька, жена молода!
 «Бывало твои рѣзвы ноги устрѣнутъ меня,
20. «Бывало твои бѣлы руки обнимутъ меня,
 «Уста твои сахарныя цалуютъ меня!»

(Ср. тамъ же).

* *
 * *

Слѣдующія Молодецкія или Безъимянные пѣсни, разложившіяся Побывальщины или Старины, изображая Молодца самого убійцею жены, хотя и невольнымъ, составляютъ переходъ отъ Князя Михайлы и сродныхъ ему былинь ко П-му, помѣщенному у насъ 5-мъ выпускъ, отдѣлу былинь о Князѣ Романѣ, какъ онъ «жену терять:»

1.

(Орловск. губ., Малоарханг. у.).

- Исходилъ я, Молодецъ, день до вечера,
 Никакой я охоты не наживалъ,
 Что нашолъ я—набрѣлъ на рябинушку:
 Что безъ вѣтру рябинушка мается,
 5. Но безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.

- Я пришель домой; сълъ на лавочку,
 Ужь я сталъ своей матери рассказывать,
 Что безъ вѣтру рябинушка да шатается
 И безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.
10. —Ты бери, сынъ, топоръ, ты бѣги туда,
 —Ты руби, сынъ, рябинушку кудрявую.—
 Ужь я разъ сѣкнулъ,—руда *) пошла,
 Другой сѣкнулъ,—она обхнула,
 Ужь я третій сѣкнулъ,—слово молвила:
15. «Не рябинушку рубишь ты,—свою жену.»
 Я пришель-то домой, сълъ на лавочку:
 «Охъ, ты съѣла меня, мать, погубила меня мать,
 «Не рябинушку рубилъ я,—жену свою!»

(Запис. М. А. Стаховичемъ; ср. Якуш. 1865 г.).

*

2.

(Тамъ же).

- Какъ у насъ было въ-воскресенье-день,
 Какъ свекровь пошла ко заутренѣ,
 Сноху послала во чисто поле:
 —Ты стань, сноха, тамъ рябиною,
 5. —Тамъ рябиною да кудрявою,
 —Отростками малы дѣтушки.—

- На ту пору мужъ отъ службы шелъ,
 Пришелъ домой, сталъ онъ сказывать:
 «Ужь и сколько я ни каживалъ,
 10. «Такой дивушки не наживалъ:»

*) Кровь.

«Ужь и что это за рябинушка,
 «За рябинушка за кудрявая,
 «Что безъ вѣтру она да качается,
 «Ко сырой землѣ приклоняется!»

15. —Ахъ ты, сынъ ты мой, сынъ возлюбленный!

—Ты возьми свою саблю острую,

—Сруби эту ты рябинушку.—

Онъ разъ сѣкнулъ,—она вздрогнула,

Онъ другой тюкнулъ,—кровь ли брызнула,

20. Онъ третій тюкнулъ,—слово молвила:

«Не рябину сѣчешь ты,—молоду жену,

«Не кудрявую,—съ малыши дѣтками.»»

Пришелъ домой, сталъ онъ спрашивать:

«А гдѣ моя молода жена?»

25. —Твоя жена, она гулять пошла.—

«А гдѣ мои малы дѣтушки?»

—Малыхъ дѣтушекъ съ собой взяла.—

«Не мать ты мнѣ, не рѣдная,

«Змѣя ты мнѣ, змѣя лютая,

30. «Ты мышъ ли, мышъ подкопѣнная!»

(То же).

*

3:

(Малая Русь).

Женила удивонька своего сыночка,

Узяла невесточку не до любви,

Не билое личенко, ни черніи брови.

Понхавъ сыночичъ у Крымъ у дорогу,

5. Послала невестку въ полѣ братъ лѣну:

—Не выберешь лѣну, и не йди до дому,

—И не йды до дому, стаць въ поли тополя.—
 Пишла невестонька того лёну браты,
 Брала—не добрала, тополею стала.

10. Ой прикавъ сынъ же изъ Крыма—дороженьки,
 Выйшла ёго маты ворить, отчиняты *),
 Винъ же своей матинки въ нмженъки склонивсь:
 «Ой ты, моя матинка! Де я не бувавъ,
 «Таком тополи нигдѣ не выдавъ,
 15. «Що витерь не вие,—колыхается,
 «Солнечко не грею,—сокрушается.»
 —Ой выгостри, сыну, гострую сокиру,
 —Изрубай же, сыну, у поли тополею.—

Пишовъ же сыночекъ тополи рубаты.

20. Тая тополя стала промовляты:
 «Ой, не рубай мене, бо я твоя жинка,
 «Оце—жъ твоя матинка такъ наробила,
 «Шо насъ молодесенькихъ тай разлучила,
 «Малесенькихъ диточекъ посиротила!»»

4.

(Тамъ же).

- Оженьяла мати неволею сына,
 Тай взяла невестку та не до любви,
 Не билое личко, не чорни брови.
 Тай послала сына у путь у дорогу,
 5. Молоду невестку въ полѣ браты лёну,
 Та якъ посылала, та ще й приказала:
 —Не выберешъ лёну, тай не йды до дому.—
 Не выбрала лёну,—не пишла до дому,
 У чистому поли тай заночувала **),

*) Отворять ворота. — **) Въ подлинникѣ ошибка „заночувам.“

10. До билого свита тополею стала,
Тонка та висока, та листомъ широка,
Безъ сонечка сьєе, безъ витроньку має.
- Ой вернувся жъ сыне изъ пути-дороги,
Вклонився матуси низенько у ноги:
5. «Ой, ты жъ маты, маты! Щось маю казаты:
«Объиздивъ я, маты, усю Украйну,
«Не бачивъ я тополи якъ на нашомъ поли,
«Тонка та висока, та листомъ широка,
«Безъ сонечка сьєе, безъ витроньку має.»
0. —Ой, возьми жъ ты, сыне, гострую сокиру,
—Тай зрубай тополку, що на нашимъ поли.—

Якъ ударивъ въ перше, вона захиталась,
Якъ ударивъ въ друге, вона похилилась,
А ударивъ въ третє, тай заголосила:

5. «Ой, не рубай, мильй, бо я твоя мила,
«Се жъ твоя матуся намъ такъ наробила,
«Якъ тебя послала у путь у дорогу,
«А мене послала въ полъ браты лєну,
«Та якъ посылала, та ще й приказала:
0. «—Не выберешъ лєну, тай не йды до дому.—
«Не выбрала лєну, не пишла до дому,
«У чистому поли тай заночувала,
«До билого свита тополею стала,
«Тонка та висока, та листомъ широка,
1. «Безъ сонечка сьєю, безъ витроньку маю.»»

(Ср. „Ворон. Бєсѣду.“ записано Н. Ст. Кохановской).

Это знаменитая Малорусская *Тополя*.

Какъ о Князѣ Михайлѣ, и подобныя тому былины, по происхожденію Княжескія, принадлежать одинаково общей или Великой Руси и Руси Малой, такъ точно о Князѣ Романѣ, первоначально,, сказали мы, Галицкомъ и Волынскомъ. Потому разложившіяся былины о семъ послѣднемъ, какъ онъ жену терялъ, хотя и усвоены своеобразно Москвою, но въ ближайшихъ разнорѣчіяхъ своихъ сопоставляютъ Князя еще съ Южною или Юго-западною Русью, съ Владиміромъ и кругомъ былинь Кіевскихъ. Такова именно Молодецкая или Безъимянная былина, изображающая вокругъ Владиміра бытъ Княжескій, и помѣщенная выше, по двумъ разнорѣчіямъ, на стр. 52 и 53, подъ числомъ П-мъ: ея подлинное мѣсто было бы здѣсь. Другія разнорѣчія, потерявъ уже имя, Княжескіе оттѣнки и черты Южной или Югозападной мѣстности, выводятъ опять простаго Молодца и Козака, но принадлежать также и общей Россіи, и части ея — Малой (вып. 5, Отд. II о Князѣ Романѣ, потомъ Козакъ и Молодецъ, стр. 100—127). Все это первоначально «Князь Романъ», а потомъ уже—

Донской Козакъ.

1.

(С. Мышенское).

Изъ-подъ камушка, изъ-подъ бѣлаго,
Течеть рѣчушка, рѣчка быстрая.
На той рѣчушкѣ дѣвка мылася,
Дѣвка мылася, набѣдилася,
5. Набѣдившись нарумянилась,
Нарумянивши на гору пошла,
На горѣ спать легла,

- На горѣ легла, во снѣ снилося,
 Какъ Донской Козакъ коней поилъ,
 10. Коней вороныхъ поилъ, жену губилъ.

Задумалъ Козакъ свою жену губить,
 А жена его догадалася:

- «Не губи меня, мужъ, съ вечера,
 «А загуби меня, мужъ, за полночь,—
 15. «Наши дѣти малыя спать поляжутся,
 «Они пробьнутся и матушки спрѣются:
 ««Родной батюшка, гдѣ наша матушка?»»
 —Ваша матушка въ новой горницѣ,
 —Въ новой горницѣ умывается,
 20. —Шелковѣмъ платкомъ утирается.—

Стали дѣти по матери плакать,
 Отецъ сталъ дѣтей унимать:

- Не плачьте вы дѣтушки милыя,
 —Я вотъ срублю горенку новую,
 25. —Нагоню притолки косны^{*)},
 —Собью дверь дубовую,
 —Солью цѣпь золотую,
 —Приведу вамъ мачиху младую.—
 «Родной батюшка, родной батюшка!
 30. «Зогорись наша горенка новая,
 «И разскочись, наши притолки косны,
 «Расколись, наша дверь дубовая,
 «Расцѣпись, наша цѣпь золотая,
 «Умри, наша мачиха младая,
 35. «Встань, наша матушка родная!»

(Запис. Петерсовъ).

*

*) Косищетыя, съ косиками.

- Изъ-подъ камушка изъ-подъ блага,
 Изъ-подъ кустика изъ-подъ ракитова,
 Тамъ текла-текла рѣчка,
 Рѣчка быстрая, бережистая.
3. Какъ во той рѣчкѣ дѣвка мылася,
 Вышла, набѣдилася,
 Набѣливши она нарумянилась,
 Нарумянивши въ зеленъ лугъ пошла.
 Въ зеленомъ лугу, тамъ Донской Козакъ,
10. Тамъ Донской Козакъ коня поилъ,
 Напоивши коня сталъ думу думати,
 Думу думати, думу крѣпкую:
 —Охъ и какъ же мнѣ быть,
 —Молоду жену сгубить?
15. —Загублю жену не рано, съ вечера,
 —Схороню жену ближе къ полуночи.—

- Его большая дочь рано просыпалася,
 Къ батюшкѣ у ножки кидалася:
 «Государь ты нашъ, родной батюшка,
 20. «Родной батюшка, идѣ наша матушка?»»
 —Ваша матушка въ новой горницѣ,
 —Умывается ключевой водой,
 —Утирается бранымъ полотномъ.—
 «Государь нашъ батюшка! Не правда твоя:
 25. «Наша матушка въ желтомъ песку,
 «Въ новой горницѣ она закопанала!»»

(Ср. Ялушк. стр. 107, 108).

* *
 *

Добрый Молодецъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

На зорѣ было на зорюшкѣ,
 На зорѣ было на утренней,
 На восходѣ было солнца яснаго,
 На восходѣ денечка прекраснаго,
 Случилося Младцу мимо саду ѣхати,
 Мимо садику зеленаго, мимо терему высокаго,
 Да случилось Младцу въ саду голось слышати,
 Какъ мужь—то жену бранилъ,
 Бранилъ и убить грозилъ,
 Какъ жена—то мужа уговаривала:
 «Ты мужь мой, мужь, ты законный другъ!
 «Ты не бей меня рано съ вечера,
 «Ты убей меня во глуху полночь,
 «Наши дѣточки будутъ крѣпко спать,
 «Ничего—то они не будутъ знать.»

По утру рано дѣточки проснулись,
 Про родимую матушку встрѣнулись *):
 «Наша матушка есть убитая,
 «Гробовой доской есть закрытая!
 «Найдите же, тучи грозныя,
 «Гряньте же, громы громкіе,
 «Разбейте вы гробову доску,
 «Встань, проснись, родимая матушка!»»

(Ср. Сборн. Г. Савельева, Слб. 1866).

* * *

Снохваталися.

2.

(Губ. Орловской, Сабурово).

- Летѣла пава черезъ три двора,
 Уронила перо на подворьецо.
 Мнѣ не жаль пера, а жаль Молодца,
 Мнѣ и жаль Молодца,—одинъ сынъ въ отца),
5. Одинъ сынъ въ отца, и тотъ въ службу идетъ.
 Онъ и годъ служить и другой служить,
 На третій годъ сынъ домой пришелъ.

- Сустрѣла его мать среди поля,
 Сестра встрѣла среди двора,
 10. Жена встрѣла, сѣнцы ѳперла.
 Повела его мать къ себѣ въ горницу,
 Ну, и стала ему мать все рассказывать:
 —Твоя жена распутная,
 —Твоя жена шельма-пьяница,
15. —Меды-вины всѣ распропила,
 —Коней твоихъ всѣхъ распродала,
 —Соловей твоихъ всѣхъ выпустила.—
 Взялъ-то сынъ саблю вострую,
 Срубилъ женѣ, женѣ голову.
20. Голова ль моя съ плечъ свалилася,
 Къ коню въ ноги покатилася.

- Пошелъ-то сынъ у холодный погребъ:
 Меды-вины всѣ цѣлы стоять.
 Пошелъ-то сынъ ву конюшенку:
25. Кони стоять, сѣно-овесъ ѣдятъ.

) У отца.

Пошелъ—то сынъ во зеленый садъ:
Соловья сидятъ—вычищаются,
Женой его выхваляются.

Пошелъ—то сынъ къ сыну въ горницу:

30. «Молчи, баю, мое дитячко!
«Теперь у тебя матери нѣтути,
«У мене, Молодца, молодой жены;
«Только есть у тебе одна бабушка,
«Да и та змія, змія лютая.»

(Ср. Якушк. 1865 г.).

*

3.

(Губ. Харьк.).

Летѣла пава черезъ улицу,
Ронила пава павино перо:
Ой, не жаль пера, жаль мнѣ павушки.
Ой, мнѣ жаль Младца, одинъ сынъ въ отца.

5. Одинъ сынъ въ отца, добрый Молодецъ,
Онъ на службу идетъ государеву.
Онъ и годъ служилъ, и другой служилъ;
А на третій годъ ко двору идетъ.

- Его мать встрѣла среди поля;
10. А сестра встрѣла среди села;
А жена встрѣла среди двора.
Ой, и мать сыну поразжилилась:
—А твоя жена увесь домъ снесла,—
—Что коней твоихъ пораспродала,
15. —Соколовъ твоихъ пораспустила,
—А меды твои поразвыпила.—
Вынулъ Молодецъ саблю вострую,
Онъ и снесъ женѣ буйну голову:

Голова жены покатилася
20. Ворону коню подъ праву ногу.

- Пошелъ Молодецъ во конюшенку:
Коня стоять, сѣно—овесъ ѣдятъ;
Пошелъ Молодецъ во соколенку:
Соколы сидятъ, почищаются,
25. И меду стоять не починены *).
Пошелъ Молодецъ на новы сѣни:
На новыхъ сѣняхъ колыбель виситъ,
Колыбель виситъ, тамъ дитя кричитъ.
«Ты, баю, баю, мое дятятко,
30. «Ты, баю, баю, мое милое!
«У тебя, дитя, нѣту матери,
«У меня, Младца, молодой жены!»
Пошелъ Молодецъ на высокъ теремъ,
Какъ ударился о дубовый столъ:
35. «Что не мать ты мнѣ и не матушка,
«А змѣя же ты подколотная!»

(Ср. „Воронежск. Бес.“ Запис. Н. Ст. Козановской).

Въ сихъ двухъ послѣднихъ пѣсняхъ еще ближе видно переходное родство между былинами о Князѣ Михайлѣ и Князѣ Романѣ.

Къ помѣщеннымъ въ выпускѣ 5-мъ, стр. 128—163, отдѣламъ I—V, съ извѣстными уже намъ переходами разлагавшихся былинъ, нашлись еще разнорѣчія:

*) Не початы.

Князь Волхонскій и Ваня Ключничекъ.

1.

(Москва).

Какъ на улицѣ было, на улицѣ Дмитровкѣ,
Живеть—поживаетъ, живетъ Волхонскій Князь.
Какъ въ его домѣ, въ его теремѣ
Живеть—поживаетъ Ванька Ключничекъ

5. Съ молодой его Княгиней, со его соперницей.
Онъ не годъ съ нею живетъ,
Живеть—ужь другой пошелъ;
Какъ на третій годъ самъ Князь доведълся,
Что отъ той ли дѣвушки, отъ той ли сѣнной,
10. Отъ той самой послѣдницы.
Побравилась она съ Ванькомъ Ключничкомъ,
И взошла она ко Князю въ комнату,
И воспѣла громкимъ голосомъ:
«Ужъ ты батюшка, Волхонскій Князь!
15. «Ты не знаешь и не вѣдаешь,
«Какъ живетъ твоя Княгиня съ Ванькой Ключничкомъ,
«Ужъ не годъ живетъ она, ужь другой пошелъ,
«Какъ на третій годъ Князю объясняю я.»»

Какъ вскочилъ Волхонскій Князь

20. Со кресла своего любимаго,
Онъ скричалъ—згаркалъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы слуги мои, слуги вѣрные!
«Вы подите—приведите шельму Ваньму Ключника.»

Какъ идетъ Ванюша, идетъ широкимъ дворомъ,

25. Какъ на Ванюшкѣ рубашка новополотняная,
Какъ на Ванюшкѣ сапожки новыя козловые,
Его кудри черныя раздушонныя и разчесаныя.

- Тутъ сказалъ ему Волхонскій Князь:
«Ты скажи всеё правду мнѣ,
30. «Ты который годъ живешь со Княгинею?»
Отвѣчалъ ему:—Не знаю и не вѣдаю.—
Тутъ скричалъ опять самъ Волхонскій Князь
Громкимъ своимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
35. «Вы тешите и рубите столбики дубовые,
«Ужь вы ройте и копайте ямушки глубокия,
«Вы вяжите и плетите шнуры шелковыя,
«Вы вдѣвайте и винтите колечки серебряны
«И вѣшайте поскорѣ шельму Ванька Ключника.»
40. Какъ приводятъ Ванюшу нашего
Къ самому Князю, Князю Волхонскому,
Какъ надѣваютъ ему на шею петлю шелковую;
Тутъ воспѣлъ онъ громкимъ своимъ голосомъ:
—Ты позволь мнѣ, Князь, предъ послѣднимъ концомъ
45. —Всеё правду сказать?
—Много было въ твоёмъ теремѣ
—Попито и поѣдено
—И на твоихъ добрыхъ коняхъ
—Много было поѣжено.—
50. Захлестнули Ванюшѣ шелковыя петли,
И виситъ Ванюша, виситъ—качается:
Молода Княжьа жена во теремѣ кончается.

(Запис. отъ пѣвицы 1862 г. П. А. Г.).

*

Къ № 1-му, помѣщенному у насъ въ 5-мъ выпускѣ, слѣдуетъ прибавить важное разнорѣчіе, записанное въ Воронежѣ А. В. Кольцовымъ, гдѣ Князь постоянно называется «Русинскій» вмѣсто «Волхонскій.»

Переходомъ къ другимъ разнорѣчямъ служить слѣдующее, гдѣ Молодецъ называется еще Ключничкомъ, но уже служить у Короля (разумѣется Литовскаго):

2.

(Харьк. губ.).

Ой, неволя, неволя—боярскій дворъ!
Во боярскимъ дворѣ жить не хочется;
Во крестьянство пойтить—много надобно;
Пойду я, Молодецъ, Королю служить.

5. Король Молодца любилъ—жаловалъ,
Съ одного блюда онъ пивалъ—ѣдалъ,
Съ одного плеча платье нашивалъ.

А сказали про Младца небывальщину,
Ой и складъ приложили—съ Королевою.

10. Король на Младца да прогнѣвался,
Закричалъ Король громкимъ голосомъ:
«Пошлите мнѣ млада Ключничка!»

Идетъ Ключникъ на новы сѣни,—
Зеленъ кафтанъ на плечахъ надѣтъ,

15. Черну шляпу во рукахъ несетъ,
Сафьяны сапожки натянуты,
Его русые кудри по плечамъ лежатъ,
Его ясныя очи огнемъ горятъ.
Идетъ Ключникъ со новыхъ сѣней,
20. Зеленъ кафтанъ у рукахъ несетъ,
Сафьяны сапожки опущены,

Его русые кудри растрепаны,
Его ясныя очи заплаканы.

Закричалъ Король грознымъ голосомъ.

25. «Ой, вы слуги мои, слуги вѣрные!
«Идите жь въ чисто поле,
«Ой и ройте вы двѣ ямы глубокія,
«Поставьте вы два столба высокіе,
«Перекладину положите кленовую,
30. «Ой и петельку придѣньте шелковую,
«Повѣсьте вы млада Ключничка,
«Королевина полюбовничка!»

Ой и Ключникъ во полѣ качается:
Королева во теремѣ кончается.

(Ср. „Ворон. Бес.“ Запис. Н. Ст. Кохановской).

* *

Отселѣ начинаются равно многочисленные образцы, помещенные у насъ въ 5-мъ выпускѣ стр. 164—178, въ отдѣлѣ VI-мъ, гдѣ то же самое содержаніе возводится къ Кіевскимъ былинамъ о Дунаѣ и гдѣ, съ другой стороны, идетъ дѣло уже у Короля Литовскаго, къ которому загулялъ Безъимянный Молодецъ, а Королева или Королевна въ замѣнъ того приобретаетъ определенное имя Настасьи Литовской или Политовской. Сюда изъ собранія П. Н. Рыбникова относятся: въ Ч. I-й № 77 (собственно о Ванѣ Ключничкѣ № 74) и въ Ч. III-й № 52. А за тѣмъ уже другія разнорѣчія:

Молодецъ у Короля въ службѣ.

1.

Охъ ты поле мое, поле чистое,
 Ты раздольице широкое,
 Ты крапива стрекучая!
 Какъ гулялъ тутъ Добрый Молодецъ,

5. Что гулялъ онъ тутъ ровно тридцать лѣтъ,
 Ровно тридцать лѣтъ и три года:
 Загулялъ онъ къ Королю въ Литву.

Король его любилъ—жаловалъ,
 Цвѣтно платьице носили съ одного плеча,

10. На коняхъ они ѣздили съ одного стремя.

Ужь и сталъ Молодецъ упиватися,
 Во хмѣлю онъ сталъ похвалятися:
 —Какъ и нынѣшнюю ночку, Добрый Молодецъ,

- Я спалъ—ночевалъ у царя въ гостяхъ,
 15. —У царя въ гостяхъ, во высокомъ терему,
 —Во высокомъ терему съ красной дѣвицей,—
 —Я ли спалъ, цаловалъ красну дѣвицу,
 —Распрекрасную Елену Королевишну.—

Ужь какъ были на Молодца доносчики,

20. Донесли они Королю на Молодца,
 А Король—то велѣлъ Молодца пожаловать,—
 На высокихъ ремешкахъ повѣсити.

Повели Молодца впереди двorca,
 А Царевна Кричитъ:» «Не ведите Молодца,

25. ««Не ведите Молодца впереди двorca,
 ««Поведите Молодца позади двorca,»»

Добрый Молодецъ на петелькѣ качается..
 Красна дѣвица во теремѣ кончается.

(Запис. А. А. Григорьевымъ; ср. Якушк. 1865 г.).

* *

Вмѣстѣ съ симъ образцомъ, былина, разлагаясь въ Безымянную Молодецкую, съ одной стороны перерождается въ такъ-называемую «О Добромъ Молодцѣ и Женѣ Неудачливой,» гдѣ виною гульбы Молодца первоначально представляется сама жена, но потомъ Молодецъ возвращается изъ гульбы въ нѣдра семейства; съ другой стороны, по мѣрѣ наступившей безличности, былина возвращается къ общимъ чертамъ древнѣйшаго, Черноморскаго или Придунайскаго пѣснотворчества, заимствуя отсюда и прадревнія, общеславянскія имена лицъ, Елены Прекрасной, Ивана, и т. п., въ связи со старшими нашими Былевыми Сказками. — Къ первому разряду относятся изъ собранія П. Н. Рыбникова въ Ч. I-й № 78, въ Ч. II-й №№ 49 и 50, въ Ч. III-й № 53. — Ко второму разряду принадлежатъ отсюда же въ Ч. I о Ванькѣ Удовкинѣ сынѣ и Царѣ Волшанѣ № 76, въ Ч. II № 54 о Дворянинѣ Безсчастномъ (въ связи его съ Кіевомъ и Владиміромъ), въ Ч. III совершенно уже Сказочныя произведенія — Похожденія Ивана и Царство Подсолнечное (въ Сказкахъ — «Три Царства»), №№ 57 и 58. — Въ прежнихъ нашихъ «Замѣткахъ» къ изданію пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ и П. Н. Рыбниковымъ, мы имѣли уже случай пояснить, и даже, думаемъ, доказать, что въ близкой связи съ этими произведеніями стоитъ и нашъ знаменитый Данило Безсчастный или Заточникъ; а съ тѣмъ, и другимъ, и третьимъ близко еще старшее, простирающееся до Ветхаго Завѣта, но болѣе сосредоточенное и опредѣленное, сказаніе о Саламанѣ и Саламаніи, Китоврасѣ и Ивашкѣ Поваренномъ, которое, прошедши сотню разныхъ ступеней и вліній; дошло до насъ со складомъ Былинъ, помѣщенныхъ также у П. Н. Рыбникова въ Ч. II №№ 52—55, въ Ч. III №№ 54—56, въ Ч. IV № 18, и болѣе подробно разсмотрѣнныхъ нами въ «Замѣткѣ» ко II-й Части Рыбниковаго собранія. — Въ III-й Части сего послѣдняго, одна изъ Сказочныхъ Былинъ подъ № 58-мъ, О Подсолнечномъ Царствѣ, убѣждаетъ насъ, что творчество извѣстными путями своими успѣло примѣшать

сюда даже позднѣйшую, совершенно уже историческую, Былину о Грозномъ и покушеніи его на сына, благодаря между прочимъ имени самого «Ивана», матери его «Елены» и сына также «Ивана». — Наконецъ, есть ступень и еще, послѣдняя: судьбы блуждающаго горемыки и похождения его по бѣлому свѣту, постепенно теряя черты личныя и мѣстныя, отвлекались уже въ общее представленіе о «Горѣ» и создали цѣльный, особый, разительный образъ, воспѣтый рядомъ совершенно особыхъ нашихъ Былинъ и Стиховъ «о Горѣ-Горюшкѣ Сѣромъ.» Превосходные образцы того предложены въ I-й и II-й Ч. собр. Рыбникова, въ «Горѣ-Злочастіи» и нами въ «Русской Бесѣдѣ:» они будутъ сопоставлены въ томъ мѣстѣ, гдѣ дойдетъ очередь до подобныхъ произведеній изъ собранія П. В. Кирѣевскаго. Пока же, продолжая изданіе памятниковъ народнаго творчества, мы стараемся не столько ихъ сближать и сводить (а тѣмъ менѣе смѣшивать и смѣшивая путать, какъ это случилось съ г. Стасовымъ въ знаменитыхъ статьяхъ его о происхожденіи Русскихъ былинъ), сколько по возможности различать, распредѣлять и разграничивать, указывая каждому своё мѣсто.—Потому и здѣсь прибавляемъ только «ближайшія» разнорѣчія, въ родѣ слѣдующаго, гдѣ Королевна Елена является спасительницей Молодца, высвобождаетъ его; а Король крутымъ поворотомъ творчества обращенъ въ суроваго отца горемыкѣ, подобно какъ это извѣстно въ помянутыхъ былинахъ о Саламанѣ, о Царствѣ Подсолнечномъ и о Грозномъ:

2.

(Холмогоры).

Вы морозы, морозы вы Крещенскіе,
Заморозили морозы Добра Молодца,
Стоючи у стѣны бѣлокаменной.

Караульщички, братцы, они крѣпко спятъ:

5. Не спала, не дремала красная дѣвица,

- Распрекрасная Елена дочь Королева;
 Что брала со стола золоты ключи,
 Отпирала у города воротыцы,
 Выпускала Добраго Молодца вонь изъ города:
10. «Ты поди же, Добрый Молодецъ, потихоничку,
 «Чтобъ не вслышалъ, не увидѣлъ родной батюшка.»»

- Что отецъ-то на сына распрогнѣвался,
 Высылаеть своего сына вонь изъ городу:
 «Ты поди, сынъ, пройди жь чужу сторону,
15. «Какова есть на свѣтѣ чужа сторона.»

- Что большая сестра коня вывела,
 А середняя сестра сѣдло вынесла,
 А меньшая плѣтку подала;
 А большая сестра брата спрашивала:
20. «Ужь когда же ты, нашъ братецъ, на 'бороть будешь?»
 —Ужь тогда я къ вамъ на 'бороть буду,—
 —Есть у батюшки у матушки суха яблынька,—
 —Ужь когда эта яблынька разцвѣтатъ будетъ,
 —Ужь тогда я къ вамъ, сестры, на 'бороть буду.—

(Запис. С. В. Максимовымъ, ср. Янужк. 1865 г.).

Конецъ этой пѣсни связалъ ее со множествомъ мелкихъ Бытовухъ, кои будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ.

Послѣ этого у насъ въ 5-мъ выпускѣ, стр. 185—190, приведены или упомянуты былевья пѣсни собственно о Князяхъ, уже исторически извѣстныхъ и опредѣленныхъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что въ старину объ нихъ ходило въ народѣ много былинъ: но, такъ какъ здѣсь изображались болѣе или менѣе судьбы всё-таки частнаго, хотя и крупнаго, лица, то былинамъ

легко было разложиться на простые Молодецкія и Безземляныя. Разбирая внимательно сіи послѣднія (имѣть будетъ свое мѣсто ниже), иногда очевидно весьма древнія по складу и содержанию, конечно представляется возможность возстановить ихъ Княжескій первообразъ, по крайности, въ воображеніи. Но здѣсь столь же необходима величайшая осторожность, дабы не попасть въ ошибку, подобно какъ это случилось съ даровитѣйшею Русскою писательницею Н. Ст. Кохановскою, въ статьѣ ея о «Боярскихъ пѣсняхъ (Русская Бесѣда 1860, II, и потомъ отчасти Воронежская Бесѣда 1864 г.).» Безспорно, въ высшихъ слояхъ древне-русскаго общества, пока оно не измѣнило своему корню и не передѣлалось на иностранный ладъ, пѣсни пѣлись лучше, обработаннѣе, краше, отборнѣе языкомъ, отчасти богаче и содержаніемъ, согласно высшему образованію и лучшимъ, обильнѣйшимъ средствамъ, чему образцы—записанные своевременно для бакалавра Ричарда Джемса при Московскомъ Дворѣ (см. ихъ ниже). Понятно также, что, уцѣлѣвши нынѣ въ одномъ только простомъ народѣ, крестьянствѣ, слояхъ иноплеменныхъ, пѣсни эти, если прошли сюда тѣ же или равнозначущія, измѣнились здѣсь, поиспортились, такъ сказать обѣднались или, по древнему выраженію, захудали, но что есть же возможность отличить нѣкоторые отборныя, лучшія, какія могли одинаково принадлежать въ старину общественному высшему слою, или прямо оттуда заняты, судя по извѣстнымъ признакамъ. Съ этой стороны мысль писательницы нашей весьма счастлива, плодотворна и одновременна съ нашей первой въ литературѣ попыткою—выдѣлать пѣсни «Княжескія.» Но дѣло въ томъ, что г-жа Кохановская, къ сожалѣнію, привела образцы почти исключительно изъ пѣсней «свадебныхъ:» а въ нихъ, какъ извѣстно, «боярами» и «боярскими дѣтьми» сплошь называются члены свадебнаго торжества и поѣзда, извѣстные сваты, а отчасти отсюда и женихъ, какъ главный членъ торжества и поѣзда (такъ что даже, на примѣръ, въ гадальной пѣсни «Не груздочекъ скачетъ, боярскій сынтъ,»—значить просто женихъ).

Такимъ образомъ «боярснiя» пѣсни г-жи Кохановской оказываются просто «свадебныя.» И нужно прибавить, что въ нихъ даже «Дворянство, Дворянинъ, Дворяночка, Дворянскiй,»—все это не больше, какъ хозяинъ, хозяйскiй сынъ, хозяйская дочь, о хозяйствѣ двухъ земскихъ дворовъ, между коими въ свадьбѣ происходитъ сочетанiе, а ужъ никакъ не Дворъ Государевъ и не служилые при немъ люди.—Еще опаснѣе «Князь, Княгиня, Княжескiй» какъ извѣстно, это повсюду у насъ (и у Славянъ другихъ) значить жениха, невѣсту, свадебное торжество (откуда это названiе,—дѣло другое, болѣе древнее). И такъ вотъ какою опасностью должны счастливо миновать мы, если хотимъ отдѣлать Пѣсни «Княжескiя.» Потому мы рѣшаемся въ исполненiе ихъ привести здѣсь пока только одну пѣсню, и то съ оговоркою. Вторая половина ея видимо переходитъ въ простыя свадебныя и въ этомъ значенiи такъ или иначе пѣется. Но 1) дѣло идетъ «середь Царства Московскаго, Государства Россiйскаго;» 2) герой—«государь» и опредѣленно «Семiонъ Ивановичь;» 3) нравъ его «тяжелый;» снискавшiй извѣстному Московскому Князю прозвище «Гордаго;» а главное, 4) о томъ же Князѣ именно мы имѣемъ уже другую Билну, или вѣрнѣе, Стихъ (Кир. вып. 5-й и «Калѣки Перехожие» вып. 3). А потому рѣшаемся заглавить:

Князь Московскiй Симеонъ Ивановичь.

1.

(Москва).

Какъ середь Царства было Московскаго,
Государства Россiйскаго,

- Стояли палаты бѣло-каменны.
Во тѣхъ во палатахъ бѣло-каменныхъ
- 5. Наставлены столы всѣ дубовы,
Разостланы скатерти Нѣмецки,
Разставлены кушанья сахарны.

За тѣми за столами за дубовыми,
За тѣми кушаньями сахарными,

- 10. Сидѣль тутъ Семіонъ Государь:
Играеть во цынбалы въ золотыя,
Выигрываетъ волю батюшкину,
Наигрываетъ нѣгу матушкину.

Подошедши Анна послушала,

- 15. Отошедши она заплакала:
«Какъ привыкати къ обычью Семіонову,
«Ко тяжелому нраву Ивановичеву!»

(Запис. П. В. Кур.).

*

За симъ слѣдуетъ выпускъ 6-й и съ нимъ начинаются Бы-
дны *Московскія*.

* * *

Выпускъ 6.

Помочь Грозному Царю подь Базанью.

1.

(Земля Войска Донскаго).

- «Пойдемте мы, братцы, на Куму рѣку:
 «На Кумѣ рѣкѣ зимовать будемъ,
 «Мы подѣлаемъ балаганы камышевые,
 «Разъѣзды имѣть будемъ дальніе,
 5. «До того-то мѣстечка до урочнаго,
 «До того-то кургана високаго,
 «Мы будемъ бить, братцы, купиць-лисиць,
 «Купиць-то, лисиць и черныхъ соболей *)»

- Погодя немножко на единый часъ,
 10. Не буря шумить и не громъ гремитъ,
 Отъ Царя къ Ермаку (курьеръ) бѣжить,
 Прибѣгаетъ къ Ермаку Тимофеевичу,
 Подаетъ онъ указы государевы.
 Принималъ Ермакъ указы, самъ вычитывалъ,
 15. Прочитавши указы, рѣчь возговорилъ:
 «Я тебя, посланничка, не слушаю,
 «А я самъ къ Царю на отвѣтъ пойду.»

- Надѣваетъ Ермакъ свою кунью шубу,
 Подпоясываетъ сабельку булатную,
 20. А шапочку вздѣваетъ, молодецъ, трухмѣночку **).
 Идетъ Ермакъ вдоль по улицѣ,

*) Это слова Ермака или вообще атаманскія въ козацкомъ кругу.

**) Передѣлано изъ древняго—мурманочку, мурманку.

- У куньей шубы полы развѣваются *),
 Князя-то бояры удивляются,
 Что хорошь-пригожь молодець уродился.
25. Тутъ сталъ государь его спрашивать:
 — Не ты ли Ермакъ сынъ Тимошеевичъ,
 — Не ты ли воровской Донской атаманушка?
 — Не ты ли гулялъ тамъ по синю морю,
 — Не ты ли разбивалъ мои корабли?—
30. Тутъ отвѣтъ держалъ добрый молодець:
 «То-то я-то Ермакъ сынъ Тимошеевичъ,
 «То-то я-то казачій атаманушка,
 «То-то я-то гулялъ по синю морю,
 «То-то я-то разбивалъ корабли:
35. «Но корабли были не орлёные,
 «Не орлёные были, не таврѣные **),
 «Не платили государю дани-пошлины.»
 — За всѣ загадочки, за всѣ прошлыя,
 — И за эту бѣду тебя Богъ простить:
40. — Заслужи ***) ты, Ермакъ, мнѣ службу вѣрную,
 — Возьми ты, Ермакъ, мнѣ Казань городы!—

(Ср. Сборн. г. Савельева 1866 г., а у насъ Отдѣлы I—III, стр. 23—35 и далѣе).

*

Былины сего рода тѣсно связаны со всѣми прочими былинами объ Ермакѣ и покореніи Сибири, какія слѣдуютъ у насъ въ 6-мъ выпускѣ со стр. 36 до 54-й въ 4-хъ отдѣлахъ: такое же разнорѣчіе у Рыбникова въ Ч. II № 38. Но, какъ самъ

*) Въ 1-мъ изд. «развиваются.»

**) Безъ царскаго орла и безъ всякой определенной и таможенной мѣтки.

***) Конечно: «Сослужи.»

Ермакъ, сдѣлавшись любимымъ лицомъ гѣснотворчества у нашего народа, перенесенъ имъ во всѣ почти старшія былины, изображающія нашу борьбу съ Татарами и прочими Восточниками, а чрезъ это близко связанъ и съ Ильей Муромцемъ, и кругомъ Владиміра (ср. прежніе выпуски и собраніе П. Н. Рыбникова): такъ на оборотъ, спускаясь въ исторіи ниже и позднѣе, въ былины объ Ермакѣ обыкновенно вставляются неразлучно имена и прочихъ, дальнѣйшихъ удалцовъ, хотя бы и «воровскихъ» лицъ, запечатлѣнныхъ въ народной памяти изъ козацкаго круга,—Разина, Каина, Пугачева, даже Мазепы и т. п. Потому, какъ образъ Ермака можемъ встрѣтить еще и ниже, въ другихъ былинахъ изъ ряду Козацкихъ, такъ обратно судьбы Разина, Пугачева и подобныхъ описываются отчасти и въ Былинахъ Ермаковскихъ; выпускъ 7-й и дальнѣйшіе должны въ этомъ случаѣ возвращаться часто къ 6-му.

Съ покореніемъ Казани и пріобрѣтеніемъ Сибири, въ былевомъ народномъ изображеніи Грознаго, связываются постоянно, какъ послѣдующее, покушеніе Царя на убійство сына. Но поелику поводомъ къ тому выставляется закравшееся первое подозрѣніе въ измѣнѣ, то переходомъ промежуточнымъ служить народное сказаніе, помѣщенное у г. Рыбникова во II-й Части подъ № 39-мъ, о томъ, «Отчего на Руси завелась измѣна» и что самъ Царь былъ первой ея виною и образцемъ. За симъ, соотвѣтственно 54—101 страницамъ нашего 6-го выпуска, помѣщены у Рыбникова о покушеніи на сына: Ч. I, №№ 65,—67; Ч. II, 34; Ч. IV, 44, а въ III-й, какъ помянуто выше, въ образцѣ подъ №№ 57, 58 и особенно подъ послѣднимъ 58—событіе это возведено въ сказочную область или въ область древнѣйшаго, Придунайскаго и Черноморскаго былеваго творчества, гдѣ и связано съ тамошними героями.

Былина, помѣщенная у насъ въ 6-мъ выпускѣ, Отд. VII-мъ, стр. 102—109, служить уже переходомъ, въ тѣмъ, въ кѣихъ изображается смерть первой супруги Грознаго, повторенія же

нитьбы и вмѣстѣ борьба **Московскихъ борцовъ съ Царскимъ** новымъ шуриномъ, **Мамстрюкомъ Темрюковичемъ**, который прѣ обращенъ народомъ въ прихотливый имена отъ «**Кострыка**» до «**Севрука**» вып. 6, стр. 109—186. У Рыбникова: Ч. I, № 68; Ч. II, 35—37; Ч. III, 44; Ч. IV, 15 и 16. Вновь можемъ присоединить только слѣдующее разнорѣчье:

Царь Грозный еще женится.

Кастрюкъ—Севрукъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

А кто бы то дозналъ,
Когда бѣлый свѣтъ насталь,
Праведно солнце взошло,
Ясенъ мѣсяць восходилъ *)?

3. Севрукъ тое дозналъ,
Когда бѣлый свѣтъ насталь,
Праведно солнце взошло,
Ясенъ мѣсяць восходилъ.

—А вы люди стародавнѣ (**),

10. —А давно вы живете,
—Ничего не смыслите:
—Либо мнѣ хлѣба—соли ставьте,
—Либо мнѣ борцовъ дайте,

*) Начало это есть обобщеніе извѣстнаго начала Быливъ о Грозномъ Царѣ:

Когда зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозный Царь.

**) Это слова Севрука, а за тѣмъ Московскихъ людей и борцовъ.

- Либо мнѣ голову срубите.—
15. «Вотъ тебѣ хлѣбъ—соль на столѣ,
«И бойцы на дворѣ:
«А головушки не будемъ рубить.»»
Распился Севрукъ,
Разгулялся Севрукъ,
20. Семьсотъ казаковъ заборолъ,
Восемьсотъ Татариновъ,
Девятьсотъ удалыхъ—добрыхъ молодцевъ.

- Что идуть—пройдуть Донцы,
Добры—удалы молодцы,
25. На бокъ колпаки поскривляючи,
Подъ бокъ кулаки зазымляючи *),
Своего Бога похваляючи:
«А дай намъ, Боже, Севрука подолѣтъ
«И съ кореньями повывертѣтъ!»»
30. Пришли они, подивилися **),
За бѣлыя груди взялися:
Какъ подымуть Севрука
Вонъ повыше себя,
Какъ ударять Севрука
35. Объ сыру землю,—
Севрукъ глаза вытращилъ,
Севрукова кожа лопнула,
Всѣ ребрушки посыпались,
Всѣ косточки повыломались.
40. А Севрукова мать
По новымъ сѣнцамъ похаживаетъ,
Бѣлыя ручки поламиваетъ:
—А скурвій сынъ,
—А проклятый сынъ!

*) Подштраа.

***) Посмотрѣли на Севрука, другъ на друга.

3. —И на что было заводиться *);
—И на что было зазымливаться **)!—

Пошла слава по всему Сѣверу ***)
Очутлася и въ Кіеву.

(Ср. сборн. г. Савельева 1866 г.).

*

Разнорѣчія къ «Осадѣ Пскова,» перенесенныя къ осадѣ Воюка, см. въ Дополненіяхъ къ слѣдующему 7-му выпуску.

Еще при изданіи II-й Части собранія П. Н. Рыбникова, замѣчено было, что былина, помѣщенная тамъ подъ № 42-мъ, отя и отнесена пѣвцомъ къ Петру 1-му, «Объ удаломъ-добромъ молодцѣ и ограбленной имъ казнѣ,» но по складу и числѣтѣ языка очевидно не подлаживается подъ такое опредѣленіе и восходитъ древнѣе: дѣйствительно, въ 6-мъ выпускѣ, стр. 194—201, приведены нами былины того же самаго рода, «Правежъ,» выставлющія Грознаго Царя Ивана Васильевича. Такимъ образомъ, хотя изъ времени Петра 1-го повторяется въ былинахъ тотъ же, близкій рассказъ (см. Ч. III, вып.), но всѣ разнорѣчія, пусть перешедшія въ Безымянныя и Колодецкія, получаютъ основу старшую, куда мы и относимъ:

*) То же, что ссориться, старинное *вада*, *вазь*, Серб. *валадити се*.

**) Подпираться, гордиться, набираться духу, надмеваться.

*) Здѣсь разумѣется известная «Сивера,» промежутокъ между Русью Великой и Малой, съ Сѣверскимъ Козачествомъ.

Правежь.

1.

(Сахарский нрав).

Изъ-подъ цвѣтика *) да каменной Москвы,
Каменной Москвы да земляной тюрьмы,
Какъ изъ той ли тюрьмы да ведутъ молодца,
Ведутъ молодца да вѣдъ ко вѣшанью.

5. Идетъ молодецъ—да самъ не качнется,
Его буйная головушка не тряхнется,
Его русые кудерки не шелобхнутся,
Во рукахъ-то онъ несеть да воскову свѣчу,
Бѣлы рученьки да воскомъ залило.

10. Какъ на встрѣчу ему да православный Царь **);

Еще сталъ государь его спрашивать:

«Ты скажи-но, скажи мнѣ, добрый молодецъ,

«Скажи, съ кѣмъ ты воровалъ,

«Съ кѣмъ разбой держалъ?»

15. —Ужь ты батюшка да благовѣрный царь!

—Я не самъ-то воровалъ, не самъ разбой держалъ:

—Воровали-то твои да Донски казаки,

—Донски казаки да все казаченьки,

—Все казаченьки дуванъ дуванили ***),

20. —Дуванъ дуванили да казну дѣлили,

—Казну дѣлили да казну-денежки;

—Ужь какъ я ли, молодецъ, при томъ случьѣ былъ.

—При томъ случьѣ былъ да все паю просилъ;

*) Безобразная обстановка, выродившаяся изъ выраженія старшихъ былии того же рода: «бѣла-горюча каменн, колодича, ключа» и т. п.

**) Въ старшихъ Былиихъ къ этому прибавлено: «Грозный Царь Иванъ Васильевичъ».

***) Положили полонъ и дѣлили его:

- Ужь какъ мнѣ-то, молодцу, да паю не дали *)....
25. —Всѣ казаченьки да испугалися,
 —По низкимъ мѣстамъ да разбѣжались,
 —По низкимъ мѣстамъ да по болотичкамъ:
 —Одному-то мнѣ казна досталася.—

(Ср. сборн. г. Варенцова, Сиб. 1861 г.).

Соответствующія сему Безъимянные, Молодецкія пѣсни, кои см. ниже въ изданіи на своемъ мѣстѣ, развили отвѣтъ молодца съ особымъ лирическимъ характеромъ.

Отселѣ слѣдуетъ уже настоящій выпускъ 7-й, по обстоятельствамъ, изложеннымъ и не разъ помянутымъ выше, отпечатанный въ первыхъ четырехъ листахъ не съ тою полнотою, какъ предполагалось при его черновомъ изготовленіи. Ошибки, оказавшіяся на сихъ листахъ и перечисленныя ниже подробно въ Погрѣшностяхъ, нисколько не завися отъ печатавшаго, произошли большею частію отъ того, что, не имѣя подъ руками подлинныхъ листочковъ оригинала, онъ въ точности слѣдовалъ копіямъ, рукописи П. И. Ялушкина, а у сего пошлядняго, какъ не разъ мы замѣчали и какъ теперь представляется во очію, при всѣхъ заслугахъ, оказанныхъ народу собраніемъ пѣсенъ по порученію и при пособіи П. В. Кирѣвскаго, — гдѣ только коснется дѣло дальше черновой тетрадки, записанной со словъ, нигдѣ уже нельзя достовѣрно положиться почти ни на одну строчку.—Потому мы теперь пойдемъ уже шагъ за шагомъ, страница по страницѣ, пополняя всюду отсутствующее на первыхъ четырехъ листахъ и разъясняя связь между отдельными образцами.

*) За сими пропущено рассказанное въ старшихъ быльяхъ, какъ обдѣленный и разсерженный молодецъ схватилъ вязь или дубину и перепуталъ грабителей.

ВЫПУСКЪ 7.

Федоръ Ивановичъ и Борисъ Годуновъ.
Неудача Крымскаго царя.

1.

(Москва).

- А не сильная туча затучилася,
 А не сильнии громы грянули:
 Куда ѣдетъ собака Крымской царь?
 А ко сильному царству Московскому *):
8. «А нынѣчи **) мы поѣдемъ къ каменнѣй Москвѣ,
 «А назадъ мы пойдѣмъ, Рѣзань возьмемъ.»
 А какъ будутъ онѣ (у) Оки рѣки,
 А тутъ онѣ стануть бѣлы шатры роставливать ***):
 «А думайте вы думу съ цѣла ума ****),
10. «Кому у насъ сидѣть въ каменнѣй Москвѣ,
 «А кому у насъ въ Володимерѣ,
 «А кому у насъ сидѣть въ Суздалѣ,
 «А кому у насъ держать Рѣзань старая *****),
 «А кому у насъ въ Звенигородѣ,
15. «А кому у насъ сидѣть въ Новѣ-городѣ?»

*) За снѣгъ слѣдуютъ слова и предположенія Крымскаго царя.

**) Въ другомъ спискѣ: «нѣчи.»

***) Послѣ сего опять слова хана и одинаковый приемъ, въ предположительномъ дѣленіи добычи, какъ въ бышнѣ о Татаряхъ и Князяхъ Тверскихъ, у насъ въ 5-мъ выпускѣ, стр. 186—190.

****) Хорошенько.

*****) Обыкновенный въ вѣснотворствѣ видѣть Рязани, соотвѣтственный и тому, что дѣйствительно поидѣе отстроилася Рязань Новая, на новомъ мѣстѣ, новый «городъ.»—Употребительный въ древности надежъ при неокончи. наклоненіи.

Выходитъ Диви-Мурзы сынъ Улановичъ *):

- А еси государь нашъ, Крымской царь!
 —А тобѣ, государь, у насъ сидѣть въ каменнѣй Москвѣ,
 —А сыну твоему въ Володимерѣ,
 20. —А племеннику **) твоему въ Суздаля,
 —А сродичу въ Звенигородѣ,
 —А боярину конюшему держать Рѣзань Старая,
 —А меня, государь, пожалуй Новымъ-городомъ:
 —У меня лежать тамъ свѣтъ добры-дни ***) батюшка,
 25. —Диви-Мурза сынъ Улановичь.—

Прокличеть съ небесъ Господень гласъ ****):

- «Ино еси собака, Крымской царь!
 «То ли тобѣ царство не свѣдомо?
 «А еще есть на Москвѣ семьдесятъ Апостоловъ,
 30. «Оприщено *****) Трехъ Святителей;
 «Еще есть на Москвѣ православной царь!»»

Побѣжалъ еси, собака, Крымской царь,
 Не путемъ еси *****)—не дорогою,
 Не по знамени не по черному *****)!

(Изъ бумага Ричарда Дженса, записано въ Москвѣ 1619 года, привезено К. А. Коссовичемъ, отпечатано въ 1-мъ году Изв. А. Н. II отд.; ср. у насъ 7-й выд. стр. 1—3).

*

*) То есть одинъ изъ мурзъ и улановъ, совѣтниковъ и молодцовъ ополченія, называемыхъ у насъ по гѣснямъ собирательно «дивьи мурзы-улановья.» *Диви, diviâ*,—осмыслено, дикой: по вѣроятю это *дали*, удалецъ.—По друг. списку: «улановы.»

**) По друг. списку: «племеннику.»

***) Покойный, блаженной памяти (противоположно «злы-дни»): съ этимъ согласовано «лежать».

****) Прелесть и достоинство сихъ былинь состоитъ именно въ этой мастерской краткости и во внезапности оборотовъ.

*****) Опречь, кромѣ еще.

*****) Т. е. побѣжалъ.

*****) Не стройно, не въ рядахъ и не въ ротахъ подъ знамемъ чернымъ знаменемъ.

Былины сии, чѣломъ 5, ш. 6-я. прозя. он. блуждѣ. служилыхъ людей, составляющія истинные перлы нашего народнаго пѣснотворчества, въ то же время старше и важѣе всѣхъ другихъ, какъ потому, что записаны отъ современниковъ тогдашнихъ (слѣдующій за тѣмъ Кириша Даниловъ позднѣе), по самой свѣжей памяти, тотчасъ послѣ событій, непосредственно за годами, въ кои были сложены, такъ и потому, что записаны на самомъ мѣстѣ событій. Записаны прежде, чѣмъ успѣли разойтись далеко по Русской землѣ и широко въ устномъ употребленіи, прежде, чѣмъ могли измѣниться или исказиться. Оксфордскій бакалавръ Ричардъ Джемсъ, священникъ при Англійскомъ посольствѣ, бывшемъ въ Россіи 1618—1620 гг., въ Москвѣ 1619 г., воспользовался досугомъ, чтобы ознакомиться съ Русскимъ языкомъ, и вывезъ съ собою книжечку означенныхъ пѣсень, конечно по его желанію записанныхъ для него въ Москвѣ. Открывъ въ Англии Академикъ г. Гамель, списокъ его вмѣстѣ съ другимъ, вновь сдѣланнымъ, привезъ К. А. Коссовичъ, получилъ и отпечаталъ въ «Извѣстіяхъ» Предсѣдательствовавшей во II-мъ Отд. А. Н. И. И. Давыдовъ. — Печата ближайше и другія былины, мы дозволили себѣ только выставить ударенія, разставить стихи, приведенные сплошь, а при этомъ знаки препинанія.

Плачь Весеніи.

1.

(Москва).

Спачетца мала птичка,
Бѣлая пелепелка:
«Охте мнѣ молоды *) горевати!

*) Молодѣ: ы и ы вм. ѡ, какъ и въ другія мѣстахъ.

«Хотятъ сырой дубъ зажигати,

5. «Мое гнѣздышко разорити,
«Мои малыи дѣти побити,
«Меня пелепелку поимати.»»

Спачетца на Москвѣ Царевна:

- «Охте мнѣ молоды горевати,
10. «Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникѣ,
«Ино Гриша Отрепьевъ Рострига,
«Что хочеть меня полонити,
«А полонивъ меня, хочеть постритчи,
«Чернеческой чинъ наложити!»

15. «Ино мнѣ постритчи ся не хочеть **),
«Чернеческого чину не здержати:
«Отворити будетъ темна келья ***),
«На добрыхъ молодцовъ ****) посмотри»

«Ино охъ, мылыи наши переходы *****!»

20. «А кому будетъ по васъ да ходити,
«Послѣ царского нашего житья,
«И послѣ Бориса Годунова?»

«Ахъ, мылыи наши теремы *****!»

- «А кому будетъ въ васъ да сѣдѣти,
25. «Послѣ царского нашего житья,
«И послѣ Бориса Годунва?»»

(Оттуда же, запис. 1619 г.).

*

*) Сравнительное Вступленіе, съ коимъ составлено положеніе Царевны: и вступленіе, и дальнѣйшіе приемы въ описаніи горя: нѣютъ сходство съ другими Великорусскими Заплачками, отчасти свадебными Причитаніями, а всего ближе съ Купальскими и нѣкоторыми древнѣйшими пѣснями Бѣлой Руси.

***) Ся относится къ обонимъ глаголамъ: не хочется постритчѣся.

****) Древній падежъ при неокончателномъ.

*****) Въ спискахъ «молодцовъ.»

*****) Галлерей, крытыи стѣны по бокамъ дома.

*****) Вѣроятно «теремы.»

(Москва).

А сплachtetца на Москвѣ Царевна *)
Борисова дочь Годунова:

«Ино Боже, Спасъ милосердой!

«За что наше царство загло,»

5. «За батюшково **) ли согрѣшенье,

«За матюшкино ли немолье?»

«А свѣты вы, наши высокiе хоромы!

«Кому вами будетъ владѣти

«Послѣ нашего царскаго житья?»

10. «А свѣты, бранныи убрусы ***)!

«Береза ли вами крутити ****)?

«А свѣты, золотыи пирилки *****)!

«Лѣсы ли вами дарити?

«А свѣты, яхонты—сережки ******)!

15. «На сучье ли васъ задѣвати,—

«Послѣ царскаго нашего житья,

«Послѣ батюшкова преставленья,

«А свѣта Бориса Годунова?»

«А что ѣдетъ къ Москвѣ Рострига ******),

20. «Да хочеть теремы ломати,

*) Это такое же продолженiе послѣ Вступленiя, какъ въ предыдущемъ образцѣ со стиха 8-го: доказательство, что даже и тогда былина раздѣлилась уже на два разнорѣчiя, изъ коихъ оба здѣсь записаны.

**) По друг. списку: «За батюшкино;» вѣроятно по влiянiю сего нѣтъ «матюшкино» вм. «матушкино.»

***) Полтенца.

****) Нараять: надежь при несокончателномъ какъ выше.

*****) Платки, ручки, вышитыя золотомъ.

*****) Въ спискѣ: «серешки.»

*****) Въ предыдущемъ образцѣ это мѣсто въ средѣ былинн.

- «Меня хочеть, Царевну, поимати,
 «А на Устюжну на Желѣзную отослати,
 «Меня хочеть, Царевну, постритчи,
 «А въ рѣшетчатой садѣ засадити *)»
 25. «Ино охте мѣѣ горевати:
 «Какъ мнѣ въ темну келью ступити,
 «У игумени **) благословитца?!»

(Оттуда же, запис. 1619 г.).

*

Такъ какъ оба эти образца очевидно сложены (а тѣмъ болѣе записаны) уже *послѣ* совершившагося, оплаканнаго здѣсь событія, то есть, послѣ смерти Бориса, пріѣзда Лжедмитрія, поруганія Ксеніи и ссылки ея, то Плачь, исчисляя послѣдовательность событій, является не лирическимъ (женскимъ), какъ другія подобныя Заплачки и Причитанья, а дѣлается настоящею Былиной (подобно какъ выше, въ 6-мъ выпускѣ, Плачь Царицы и вообще Плачь по Царѣ; ср. и ниже). Отъ того же, по мотивамъ и складу, онъ близко сходится съ Купальниками, пѣснями о роковой потерѣ дѣвичьяго вѣнца и счастья подъ нагиемъ Купалы въ Купальскую ночь.

Отпечатанная у насъ, въ семъ выпускѣ, вслѣдъ за Годуновымъ, стр. 3—4, 1-я былина о Лжедмитріѣ отличается, кромѣ спутанности, сильнымъ влияніемъ книжности и письменнаго языка, такъ, какъ, замѣчательно, отличаются симъ весьма многія былины Московскія: ср. выше, въ 5-мъ вып., о Симеонѣ, Невскомѣ, о Годуновѣ № 2, и т. д. Это даже болѣе Стихи, чѣмъ Былины. Собственно народная былина слѣдуетъ изъ

*) Въ засаду, заключеніе за рѣшоткой.

**) У игуменьи.

Кирши, № 2, стр. 5—6. Но прежде ея мы поставимъ здѣсь старшую, чрезвычайно драгоценную и имѣющую полное право на мѣсто тотчасъ послѣ Джемсовыхъ и раньше Кирши: къ величайшему счастью, мы успѣли ее извлечь изъ бумагъ незабвеннаго К. Θ. Калайдовича (напечатавшаго и Киршу), разбирая сіи послѣднія. Она написана на листѣ старой бумаги, безъ раздѣленія стиховъ, почеркомъ и правописаніемъ XVII вѣка; поправлена и дополнена другою позднѣйшею рукою и другими чернилами; но эта послѣдняя рука и этими позднѣйшими чернилами надписала: «въ 196^м году въ 7^н тысяче,» то есть, 1688 года. Слѣдовательно, первая, непоправленная рукопись старше 1688 года и, по всѣмъ признакамъ, современна, по крайности, близка періоду Самозванцевъ.

Мы печатаемъ ее вдвойнѣ: 1) точь въ точь съ рукописи, раздѣляя только на стихи, но соблюдая правописаніе (кромя надстрочныхъ знаковъ) и знаки препинанія, а вмѣстѣ, въ примѣчаніяхъ, упоминая, какія сдѣланы перемѣны рукою 1688 года; 2) съ ббльшею свободой расположенія словъ и нынѣшняго правописанія, а вмѣстѣ съ добавочными разнорѣчіями изъ ближайшей быины у Кирши, что напечатана у насъ выше подъ № 2-мъ, обозначая ее буквой а), и изъ сходной быины, записанной въ Нижегородской губерніи, обозначая ее б). И такъ:

Григорій Отрепьевъ и Марина.

1.

Ты боже мой боже спась милостивой,
владыко царю вседержителю ¹⁾,
за что на насъ господь богъ прогневался,
какъ ²⁾ спустилъ на насъ великъ ташкой грѣхъ ³⁾,

¹⁾ Богъе поздней рукою поставлены ударенія: «Боже, Спась, царю, вседержителю.» — ²⁾ Зачеркнуто. — ³⁾ Исправлено въ два стиха: «Спустилъ на насъ господи Великъ ташкой грѣхъ.»

5. 1) вора гришку ростригу атрепшева;
 прелстиль онъ воръ сабака три земли,
 первого прелстиль караля в литве,
 другаго прелстиль землю полскую,
 третье силно царство московское.
10. не успель воръ сабака на царство сесть,
 поизволилъ воръ сабака жениться 2):
 ни у князя онъ беретъ не у боярина:
 не у нась онъ беретъ в комянной москве,
 беретъ воръ сабака в проклятой литвѣ:
15. проклятой литвѣ 3), у юрья пана стредомирского 4),
 беретъ онъ маринку дочь юрьеву,
 а свадьба была на вешней праздникъ,
 николинъ день былъ в пятницу 5),
 а у гришки свадьба в четвертокъ была:
20. стали благовестить к 6) заутрине,
 у святаго михайла архангела,
 где кладутся цари благоверныя,
 благоверныя 7) благочестивыя,
 бояра пошли ка 8) заутринѣ,
25. ко святому михайлу архангелу:
 а гришка рострига в баню пошелъ,
 с своею маринкою дочь юрьевой 9),
 бояря идуть от заутрини,
 а гришка рострига из бани идетъ,
30. шуба на немъ сабалнная,
 на маринке саянъ краснаго 10) золота,
 входитъ 11) на крылечко на красное,
 вскричить онъ взвопить громкимъ голосомъ 12),

1) Прибавлено: «того ли вора.» Удареніи: «воръ сабака.» — 2) Удареніи: «воръ, жениться;» послѣ «воръ» поставлена запятая. — 3) Оба слова зачеркнуты. — 4) Исправлено: «сендомирского.» — 5) Исправлено такъ: «На вешней праздникъ, Николинъ день, Николинъ день былъ въ пятницу.» — 6) «Ко.» — 7) Вставлено: «благоверныя цари благочестивыя.» — 8) «Ко.» — 9) Исправлено: «дочерей юрьевной.» — 10) Зачеркнуто го. — 11) Исправлено: «онъ возходитъ.» — 12) Удареніи: «голосомъ», а выше «золота.»

- есть ли у меня пушкарн ¹⁾,
35. свезите снарядъ ²⁾ пушки за городъ,
за те ли ворота серпуховския ³⁾,
завтре у меня пирь будетъ,
для ради тестя любимого,
какъ пошелъ на крылечко на заднѣе,
40. скрычить онъ возвопилъ громкимъ голосомъ,
есть ли у меня поворы ⁴⁾, .
мои батюшковы приспешнички,
варите вы яству скоромную, и посную,
скоромную еству гуси лебеди,
45. а посную еству рыбу бѣлюю,
завтре у меня пирь будетъ,
ради тестя любимова,
про юрья пана стредомирскаго ⁵⁾,
скоромную еству самъ кушаетъ,
50. а посну еству роздачей даіють ⁶⁾,
а местные иконы под себя стелеть,
а чюдны кресты под пяты кладетъ:
и тутже бояра домышлялися,
и думны дьяки догадалися.
55. брасалися кидалися в девичей монастырь:
ко иноке к марфе ивановѣ,
ты свѣтъ наша матушка
інака марфа ивановна,
прямой ли царь на царстве сидитъ,
60. твое дитя рожденное ⁷⁾,
что дмитри царевичъ углицкой,
толко дѣлаеть не по царскому,
скоромную еству самъ кушаетъ,
а посную еству в роздачи даіють,

¹⁾ Третьею, новою рукою, но только не Калайдовича, прибавлено: «и зати-
щки.» — ²⁾ Исправлено: «снарядъ.» — ³⁾ Прибавлено: «за серпуховския.» — ⁴⁾ Т. е
повары, но исправлено не понявши: «поворы,» то есть, воры, которые поворо-
вывають. — ⁵⁾ Оставлено несправленнымъ. — ⁶⁾ Писавшій хотѣлъ выразитъ
«даеть». — ⁷⁾ Исправлено: «порожденное.»

65. а местные иконы под себя стелеть ¹⁾,
а чюдны кресты под пяты кладють,
что зговорить наша матушка,
инока марфа ивановна,
вы глупы бояря неразумные,
70. вестима богу ²⁾ всей земли,
что потерянь князь дмитрей на угличе,
ево моши лежать в комянной москвѣ,
у светаго михайла архангела,
гдѣ кладутца цари благоверные:
75. благоверныя благочестивыя,
что зговорить наша матушка,
что инока марфа ивановна,
приезжаетъ с угрозою,
привозить ³⁾ нагало саблю вострую,
80. велить называти своимъ сыномъ,
княземъ дмитриемъ царевичемъ угличкимъ.
и тутже бояря догадалися,
и думныя дьяки домъшлялися,
выбирали себе дьяка думнова:
85. того ли петрушку басманикова,
посылають в полаты во царские,
ведять говорить не с упаткою,
помнишли гришка спомятуешли,
вместе мы грамоте с тобой училися,
90. во томъ монастыре во чюдове,
ты былъ гришка чернымъ дьякономъ,
а я былъ на крылосе псаломщикомъ,
видить же гришка не минучею,
пошелъ в полаты во набережны,

¹⁾ Поставлены, какъ и въ другихъ мѣстахъ, ударенія особенныя: «Кушаѣтъ. стелѣтъ.» — ²⁾ Здѣсь перегибъ бумаги посередѣ въ четверо, отъ того образовалась скважина и конечно вытерто: и. — ³⁾ «привозить.»

95. из набережныхъ на житной ¹⁾
*идь онъ упалъ и самъ пропалъ,
 отмыль и проклятъ до вѣку.*

Конецъ.

*

Такимъ образомъ, очевидно, первая рука, главная, хотя не совсемъ грамотна, но совершенно народна и, судя по всему, писала со словъ, съ устнаго пѣнія или пересказа.—Вторая, исправлявшая, судя по мѣсту удареній, по видимому принадлежала Малоруссу или Бѣлоруссу, никакъ не Великоруссу и не Москвичу. Проверила ли она образецъ по своей собственной памяти, или по новымъ слышаннымъ образцамъ, или же прямо исправляла по собственному соображенію, во всякомъ случаѣ видно, что была знакома съ народнымъ творчествомъ, именно изъ повторяющихся концовъ стиха стремилась сложить новый цѣлый стихъ, или укорачивала его, или удлиняла по требованію размѣра; притомъ образованнѣе первой, какъ на примѣръ исправила «Сендомирскаго.»—Третья, новая, нашего вѣка, по видимому женская, пробы французскихъ словъ, а на полѣ: «Наталья Волк...» Волкова или Волконская; вставка «и затинщики» обличаетъ знаніе; приписанный конецъ остается недостоверенъ.—Теперь вотъ какъ возстановляемъ мы нынѣшними средствами:

¹⁾ Здѣсь кончается листочекъ; на слѣдующемъ конечно продолжалось: «дворъ.» За симъ напечатанное курсивомъ приписала уже третья, помнутаея новая рука: списала ли она со слѣдующаго листочка конецъ былины, или придумала отъ себя, не можемъ рѣшить; по крайности она пропустила слово *дворъ*; а въ вариантѣ былины конецъ другой.

1.

Ты Боже мой, Боже, Спасъ милостивой,
Владыко Царю Вседержителю ¹⁾!
За что на насъ Господь Богъ прогнѣвался,
Какъ спустилъ на насъ великъ тяжкой грѣхъ,

5. а) Сослалъ намъ, Боже, прелестника ²⁾,
Вора Гришку Ростригу Отрепьева ³⁾?
Предстилъ онъ, воръ-собака, три земли,
Первого прелстилъ Короля въ Литвѣ,
Другаго прелстилъ—землю Полскую,
10. Третье сильно царство Московское ⁴⁾.

- Не успѣлъ воръ-собака на царство съѣсть ⁵⁾,
Поизволил воръ-собака жениться:
Ни у князя онъ беретъ, не у боярина,
Не у насъ онъ беретъ въ каменной Москвѣ,
15. Беретъ воръ-собака въ проклятой Литвѣ ⁶⁾,

¹⁾ Этотъ стихъ есть и въ б), имъ и начинается. — ²⁾ Этотъ стихъ варианта а) не лишній; въ б) «послалъ намъ, Господи, прелестника.» — ³⁾ б) „Того ли Гришку,“ доказательство, что вторая рука приписала это слово не даромъ.—

⁴⁾ Очевидно, на сколько хуже и позднѣе современный вариантъ б):

Онъ прелстилъ собака цѣлы три орды,
Перва орда—проклята Литва,
А друга орда—Хана Крымсково,
Третья орда—басурманы Запорожскіе.

Вариантъ а), тоже какъ болѣе поздній, нашелъ здѣсь уже нужду въ поясненіи:
Называется Разстрига прямымъ царемъ,
Царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ Углецимъ.

⁵⁾ Въ вар. а) это выражено уже двумя стихами: „Ужели онъ Разстрига на царство съѣлъ? Не долго Разстрига на царствѣ сидѣлъ.“ — ⁶⁾ Слѣдующіе стихи короче, какъ на примѣръ въ вар. а); то есть до настоящей мѣры должны быть пополнены концомъ предыдущихъ, какъ и есть у насъ въ главномъ текстѣ. Кромѣ того напѣвъ былинны, сохраненный у Кириши, показываетъ, что конецъ стиха каждаго повторялся: этотъ повторяемый отрѣзокъ и есть въ настоящемъ случаѣ „проклятой Литвѣ.“

- Проклятой Литвѣ, у Юрья пана Стредомірскаго ¹⁾,
 Беретъ онъ Маринку дочь Юрьеву.
 А свадьба была на вешней праздникъ,
 а) На вешней праздникъ Миколинъ день ²⁾:
20. Миколинъ день былъ въ пятницу,
 А у Гришки свадьба въ четвертокъ была ³⁾;
 Стали благовѣститъ къ заутринѣ,
 У святаго Михайла Архангела,
 Гдѣ кладутся пари благовѣрныя,
25. Благовѣрныя, благочестивыя ⁴⁾,
 Бояра пошли ко заутринѣ,
 Ко святому Михайлу Архангелу,
 А Гришка Рострига въ баню пошелъ
 Съ своею Маринкою дочь-Юрьевой ⁵⁾;
30. Бояря идутъ отъ заутрини,
 А Гришка Рострига изъ бани идетъ,
 Шуба на немъ соболиная ⁶⁾,
 На Маринкѣ саянъ ⁷⁾ краснаго ⁸⁾ золота.

¹⁾ Осмыслено, подобно словамъ „средокрестный, средопостный;“ показываетъ народное употребленіе былинны; б) „Сендофорсково.“ — ²⁾ Это повтореніе, сохраненное вариантомъ а), непременно было; но, какъ повтореніе, не записано въ нашемъ текстѣ, тѣмъ болѣе, что слѣдующій стихъ опять начинается словами: „Миколинъ день.“ — Вар. б), какъ позднѣйшій, современный намъ, обобщилъ: „не въ удобной день.“ — ³⁾ Вар. а) обратно: „Въ четвергъ у Разстриги свадьба была, А въ пятницу праздникъ Николинъ день.“ — ⁴⁾ Всѣ эти мѣстныя черты объ Архангельскомъ соборѣ уже опущены въ вар. а), записанномъ вѣроятно въ Сибири, между сѣверовосточными украинцами, и въ вар. б), записанномъ въ Нижегородской губ. — ⁵⁾ Этотъ старый оборотъ, мы видѣли, уже въ концѣ XVII вѣка потребовалъ исправленія. — ⁶⁾ Вар. а) добавляетъ: „рубашка кисейная,“ особенность женственная, странная нашимъ предкамъ: барокъ накрахмаленный, тогда употреблявшійся въ Польшѣ и Литвѣ. — ⁷⁾ Обыкновенно объясняется словомъ восточнымъ: но мы убѣдились, по Бѣлорусскимъ и Польскимъ памятникамъ, что это отъ матеріи, привозившейся съ юга, Итальянская *Сол* или *Сал*, травчатая, шелковая; такъ и называлась у насъ одежда, обыкновенно женская, а самая матерія—извѣстная *камка*; отъ того въ вар. а), какъ и въ другихъ пѣсняхъ, „соянъ хрущатой камки,“ а у насъ „краснаго золота,“ протканая золотомъ; легче парчи, пополамъ съ шелкомъ, или легкая, не чисто-металлическая парча. Сравнительно

Входить на Крылечко на Красное,

35. Вскричитъ онъ—взопитъ громкимъ голосомъ:

«Есть ли у меня пушкари!

«Свезите снарядъ—пушки ¹⁾ за городъ,

«За тѣ ли ворота Серпуховскія:

«Завтрѣ у меня пиръ будетъ,

40. «Для ради тестя любимого ²⁾»

Какъ пошелъ на крылечко на заднее,

Скричитъ онъ—возвопилъ громкимъ голосомъ:

«Есть ли у меня повары ³⁾,

«Мои батюшковы приспѣшнички!

45. «Варите вы яству скоромную и посную,

«Скоромную яству—гуси—лебеди,

«А посную яству—рыбу бѣдную:

«Завтрѣ у меня пиръ будетъ,

«Ради тестя любимова,

50. «Про Юрья пана Стредомірскаго ⁴⁾»

Скоромную яству самъ кушаетъ,

А посну яству роздачей даѣтъ ⁵⁾;

А мѣстные иконы подъ себя стелеть,

А чюдны кресты подъ пяты кладѣтъ ⁶⁾.

же съ прочими шелковыми матеріями, она была плотнѣе, хрустѣла, производила шелестъ, откуда названіе „хрущатой.“ Впослѣдствіи названіе перешло и на бумажныя матеріи, и шерстяныя травчатые, а нынче это у простаго народа по нѣкоторымъ губерніямъ всякая исподница и крашенниный сарафанъ; вар. б) обобщаетъ: „рытово бархата.“ Восточное, извѣстное Сербамъ, „Дмба и Кадиба.“ — ⁸⁾ Для размѣра, вторая рука исправилъ „красна.“

¹⁾ *Снарядъ, нарядъ*, техническое имя для древней артиллеріи. — ²⁾ Эти послѣднія подробности, извѣстныя изъ исторіи Лжедмитрія и знакомыя Москвичу, уже опущены въ вар. а) и б). — У насъ же, судя по слѣдующему, опущено дополнение: „Про Юрья пана Стредомірскаго.“ — ³⁾ Вар. б) счелъ уже полезнымъ прибавить и пояснить: „кушари и повары.“ — ⁴⁾ Вар. а) помнитъ еще, что „Юрья панъ — гость дорогой;“ а новый б) представляетъ его уже незванымъ: „незваной гость.“ — ⁵⁾ Прочимъ Русскимъ, за столомъ и на домъ въ жалованье. — ⁶⁾ Доказательство народнаго склада былинны: такова была молва въ народѣ, распушенная сверху.

55. И тутъ же бояра домышлялися,
И думны дьяки догадалися ¹⁾.
Бросалися—кидалися въ дѣвичей монастырь ²⁾
Ко инокъ къ Марѣ Ивановнѣ ³⁾:
—«Ты свѣтъ наша матушка,
60. «Инока Марѣа Ивановна!
«Прямой ли царь на царствѣ сидитъ,
«Твое дитя рожденное,
«Что Дмитрій Царевичъ Углицкой?
«Только дѣлаеть не по царскому ⁴⁾:
65. «Скромную ѣству самъ кушаетъ,
«А посную ѣству въ роздачи даеть,
«А мѣстные иконы подъ себя стелеть,
«А чюдны кресты подъ пяты кладеть.»»
Что зговоритъ наша матушка,
70. Инока Марѣа Ивановна ⁵⁾:
—Вы глупы бояря—неразумные!
—Вѣстимо ⁶⁾ Богу (и) всей Земли,
—Что потерянь ⁷⁾ князь Дмитрей на Угличѣ ⁸⁾

¹⁾ Опять доказательство современности и Московскаго мѣсторожденія нашей былины въ старшей редакціи: перечислены неподобныя дѣйствія Разстриги, и какъ слѣдствіе, догадки бояръ и дьяковъ; въ вар. а) вмѣсто того уже „стрѣльцы“, а въ б) „князь и бояря“, притомъ они испугались единственно *архидіа Юрьева*: „За то-то слово спохватилися;“ „всѣ князья и бояря ислужились.“—²⁾ Опять: вар. а) поставилъ „Боголюбовъ“, любимый, такъ сказать, „техническій“ въ нашихъ былинахъ; а б) еще хуже—„Чудовъ.“—³⁾ Вар. а) „Марѣа Матвѣевна“, вар. б) „Олѣна Михайловна.“—⁴⁾ Вар. б) „А ведеть сея не по царскому;“ подробности же, чѣмъ не по царскому, въ обоихъ вариантахъ уже затеряны.—⁵⁾ Позднѣйшіе варианты ввели уже черту мелодраматическую: „заплакала, горючи слезы, во слезахъ.“—⁶⁾ Слово, уцѣлѣвшее доселѣ въ простонародь: вѣдомо, извѣстно.—⁷⁾ Убить: „Князь Романъ жену *терля*.“—⁸⁾ Здѣсь кончается первая, старшая редакція былины, современная событію: даянѣйшая прибавка о мощахъ въ соборѣ принадлежитъ уже эпохѣ послѣ Шуйскаго и потому вставлена нами въ скобки. Ту же прибавку вставляютъ оба варианта а) и б), а вар. а), по отдаленности мѣста, гдѣ записана былина, предполагаетъ соборъ „у чудной Софїи Премудрой,“ какъ въ Новгородѣ, и дополняетъ еще болѣе позднія подробности, распространенныя въ народѣ,

- (—Ево мощи лежать въ комяной Москвѣ,
 75. —У святаго Михайла Архангела,
 —Гдѣ кладутца цари благовѣрные,
 —Благовѣрныя, благочестивыя).—
¹⁾
 Что зговорить наша матушка,
 80. Что инока Марѳа Ивановна:
 —Прѣзжаетъ съ угрозою,
 —Привозитъ наголо саблю вострую²⁾,
 —Велитъ называти своимъ сыномъ,
 —Княземъ Димитріемъ Царевичемъ Углицкимъ.—
 85. И тутъ же бояря³⁾ догадалися
 И думныя дѣяки домышлялися.
 Выбирали себѣ дѣяка думнова,
 Того ли Петрушку Басманикова⁴⁾,
 Посылають въ полаты во царскіе,
 90. Велятъ говорить не съ упадкою⁵⁾:
 —Помнишь ли, Гришка, спомятуешь ли,
 —Вмѣстѣ мы грамотѣ съ тобой училися,

о томъ, что Царевичъ потерявъ „отъ бояръ Годуновыхъ,“ о томъ, что въ соборѣ каждый праздникъ панихиды и Годуновымъ проклятія, столь долго, какъ извѣстно, длвшіяся.

¹⁾ Тутъ очевидный перерывъ и пропускъ: въ вар. б) былина знаменательно здѣсь и кончается, а вар. а) пропускаетъ стихи, у насъ въ старшей редакціи еще уцѣлвшіе. Именно, въ ней уцѣлѣлъ еще отвѣтъ Марѳы Ивановны, доказывающій, по былинѣ, что ее, послѣ признанія, естественно спрашивали: „За чѣмъ же прежде назвала ты его своимъ сыномъ?“ Но такая историческая подробность была уже слишкомъ тонка и мела для памяти народнаго творчества: уцѣлѣлъ отрывкомъ только „отвѣтъ“ Марѳы Ивановны, а слѣдующій по времени вар. а) потерялъ и самый отвѣтъ. — ²⁾ То есть: „Что же мнѣ было дѣлать, когда онъ прямо прѣзжаетъ ко мнѣ съ угрозою, грозитъ вострой саблей, велитъ называть сыномъ,“ и т. д.? — ³⁾ Вар. а) опять „стрѣльцы.“ — ⁴⁾ Конечно вмѣсто „Басманинова,“ по недослышкѣ записавшаго былинку или опискѣ. — ⁵⁾ Безъ страха, смѣло: обычное выраженіе въ нашихъ былинахъ.— Вся эта подробность совершенно потеряна въ вар. а). Но она, сколько мы знаемъ, неизвѣстна и въ исторіи по памятникамъ, а между

—Во томъ монастырѣ во Чюдовѣ ¹⁾?
 —Ты былъ, Гришка, чернымъ дякономъ ²⁾,
 95. —А я былъ на крылосѣ псаломщикомъ ³⁾?—

Видитъ же Гришка (бѣду) неминучею ⁴⁾,
 Пошелъ въ Полаты во Набережны,
 Изъ Набережныхъ на Житной (дворъ) ⁵⁾
 ⁶⁾

*

тѣмъ необыкновенно важна. Съ одной стороны она свидѣтельствуесть, что во-
 пала въ былинну уже нѣсколько поздѣе, послѣ Шуйскаго и при Романовыхъ.
 когда второе по Самозванцѣ поколѣвіе стало забывать, кто былъ Петръ Бас-
 мановъ; во вторыхъ ясно показывается, какіе слухи были пущены тогда въ
 народъ сверху. Это вариантъ къ извѣстному провозглашенію: „винится, самъ
 повинился!“

1) Выраженія и складъ сихъ трехъ стиховъ совершенно такіе же, какіе
 извѣстны по другимъ нашимъ Былинамъ и Стихамъ: а по содержанію, тотъ
 же мотивъ повторяется въ старшихъ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ и его
 ученищомъ товарищѣ Калѣчищѣ, см. вып. 1 и 4. — 2) Иеродіакономъ. — 3) Не-
 зависимо отъ сей вымышленной обстановки, нѣкоторыя основанія къ ней
 могли быть тѣ, что конечно Басмановъ могъ пѣвать на крылосѣ и—якобы—
 видать Гришку, и—якобы—потомъ уличить его. — 4) Считаеь себя совершенно
 въ правѣ вставить опущенное слово „бѣду“, по смыслу и подобнымъ приѣмъ-
 рамъ другихъ былинъ. — 5) Также очевидно, что за прерваннымъ листикомъ
 слѣдовало здѣсь „дворъ“, нами и вставленное. — 6) Ничто не замѣнить намъ
 отсутствія конца этой драгоценной былинны, хотя конечно нѣсколькихъ только
 словъ: новой приписки, нами выше помянутой, мы не признаеь достоверною,
 а вариантъ а), по отдаленности мѣста и времени, ударился въ образы совер-
 шенно произвольные; у него Гришка „въ верхни чердаки убирается и на
 крѣпко запирается,“ потомъ „догадливо былъ, бросался онъ со тѣхъ чердаковъ
 на копы острыя (вмѣсто „бросецъ“),“ а про Марину, какъ она обернулась въ
 сороку и вылетѣла, рассказано то же, что про знаменитую соблазнительницу
 Добрыни, и на оборотъ въ былинны о Добрычѣ вставлена *Маринка* Сандомір-
 ская (см. у насъ вып. 2-й и Рыбниковское собраніе).

*

При всей той важности, какую мы придаемъ устному народному творчеству и памятникамъ его, уцѣлѣвшимъ въ устахъ доселѣ, при всей самобытной и самостоятельной подлинности его, авторитетъ которой столь извѣстенъ и постоянно доказывается нашими изданіями, тѣмъ не менѣе и даже тѣмъ болѣе придаемъ мы важность, вѣроятно теперь очевидную и читателямъ, когда тѣ же памятники устнаго творчества *записаны* и уцѣлѣли до насъ въ извѣстныхъ, болѣе или менѣе старинныхъ *рукописяхъ*, съ явными признаками времени ихъ, мѣста и происхожденія. Рукописи эти 1) убѣждаютъ насъ, что былины слагались въ народѣ, цѣломъ народѣ, непосредственно въ слѣдъ за событіями, тотчасъ же или близко къ нимъ, и столь же быстро распространялись: все равно, слагались ли въ слояхъ высшихъ, — отсюда шли по всѣмъ направленіямъ, и къ низшимъ слоямъ, по однородности народной жизни съ сими послѣдними, до самаго простанародья, которое въ старину отличалось лишь *степенью* образованія, развитія и средствъ; слагались ли внизу, — отпечатлѣвали въ себѣ всѣ черты и образы жизни, шедшей по видимому или, съ нашей точки зрѣнія, въ области высшей, въ области политической, государственной, привилегированной, крупной, рѣшавшей всѣ судьбы государства, судьбы общества, народа, быта. 2) Рядами послѣдовательныхъ рукописей и потомъ сравненіемъ съ современными памятниками въ устахъ народа, указывается путь, какъ и въ чемъ былины измѣнялись, смотря по отдаленности мѣста и времени, а съ другой стороны, какъ многое и сохранялось, сохранялось столь бережно, что на примѣръ, по приведеннымъ выше образцамъ, Сибирь прошлаго вѣка и Нижегородская область нашихъ дней повторяетъ точъ въ точъ многія слова и выраженія (не говоря уже о содержаніи и складѣ общемъ), имѣвшія мѣсто и записанныя въ Москвѣ лѣтъ за сто и за двѣсти. 3) Рукописи этого рода, опредѣленнаго времени, въ пособіе къ разъясненію нынѣ поющихъ былинь и прочихъ пѣсней, даютъ неопровер-

жимыя данныя языка, чтобы видѣть, какъ онъ—отчасти—измѣнялся, а гораздо еще болѣе, какъ онъ уцѣлѣлъ доселѣ почти цѣликомъ, видоизмѣняясь лишь по областнымъ нарѣчіямъ, а въ сущности, на нѣсколько сотъ лѣтъ, составляя единый, особенный *Эпическій* языкъ, языкъ Былеваго народного творчества, съ своеобразными приемами, складомъ, формами, оборотами, даже удареніями слова. Тутъ конечно замѣтны послѣдовательныя эпохи, своего рода періоды: но именно *своего рода*, въ одномъ и томъ же эпическомъ, былевомъ или былинномъ языкѣ, и объ сихъ измѣненіяхъ мы отчасти упомянемъ вкратцѣ еще ниже. За то теперь столько уже данныхъ для науки, что всякій, чуть не ребенокъ, можетъ отличить языкъ древней Былины отъ позднѣйшей, языкъ Былины и Стиха отъ другихъ Пѣсней, языкъ чисто-устнаго творчества отъ примѣси книжнаго, а тѣмъ болѣе подправки или поддѣлки въ родѣ конца прошлаго вѣка, въ родѣ Державинскихъ и Дмитриевскихъ, въ родѣ Макаровскихъ и Сахаровскихъ, вплоть до самаго Лукояна Берендѣевича и до извращенія въ Стихахъ и Сказаніяхъ Старообрядческихъ или вообще раскольничьихъ. Неопровержимыя данныя, о коихъ мы говоримъ, конечно послужать отрезвленіемъ и для тѣхъ нашихъ критиковъ, кои, сами нѣкогда издававши (хотя и съ ошибками, и опечатками) народные памятники, не усумнились голословно, въ печати или громкой рѣчи, заявлять, по мѣрѣ появленія изданій, что языкъ собранія Кирѣвскаго и Рыбникова измѣненъ, подправленъ и поддѣланъ, что такъ же ненадеженъ языкъ «Калѣкъ Перехожихъ,» что присочиненъ языкъ въ Толковомъ Словарѣ нашего ветерана В. И. Даля, что измѣненъ языкъ памятниковъ въ изданіяхъ О. М. Бодянскаго. Изъ одной и той же избы шли и идутъ онѣ, однѣ и тѣ же вѣсти: другіе издатели отвѣчали на нихъ столь же открытыми возраженіями и вызовами на указаніе фактовъ; мы полагаемъ, что даже признавать такія сомнѣнія серьезными значило бы ронять собственное достоинство, и достоинство подлинниковъ, и достоинство сомнѣвающагося; просто—

такому языковѣду и ученому, по цѣху и привилегіи, должно быть стыдно передъ лицомъ науки.

Теперь приведемъ цѣликомъ помянутый выше вариантъ былинны о Лжедмитріѣ изъ современнаго намъ устнаго употребленія:

1.

(Село Памово, Нижегород. губ.).

Владыко Царю Вседержителю!

Да за што Ты на насъ, Господи, прогнѣвилса,
Послалъ намъ, Господи, прелѣсника,
Тово ли Гришку Отреплева?

5. Онъ прелстилъ собака цѣлы три ѳрды:

Перва ѳрда—проклятá Литва,
А друга ѳрда—хана Крымсково,
Третья ѳрда—басурманы Запорожскіе;
Онъ взмутилъ собака православну Русь.

10. Не успѣлъ онъ собака воцарѣтиса,

Захотѣлъ собака женитиса:

Не у насъ—та онъ, братцы, беретъ въ каменнóй Москвѣ,
Онъ беретъ—же, братцы, въ проклятóй Литвѣ,
У тово ли у Юрья пана Сендофорсково,

15. Ту ли Маринку дочь Ю'рову.

Онъ и дѣлать сварьбу не въ удобной день,
На тотъ ли на празникъ на Николинъ день:

Всѣ князья—бойря къ заутренѣ пошли,
А Гришка съ Маринкой въ баню пошолъ;

20. Всѣ князья—бойря отъ заутрени идутъ,

А Гришка съ Маринкой изъ бани идеть,
На Гришкѣ одѣжа чѣрново соболя,

- На Маринкѣ одѣжа рытово барката.
 Онѣ восходитъ собака на Красенъ Крылецъ,
 25. Онѣ воскрикнетъ собака громкимъ голосомъ.
 «Ишша есь ли у меня кухари и повары!
 «Стряпали бы посно и скоромное:
 «Приѣдетъ ко мнѣ незваной гость,
 «Незваной гость, любимой теть.»
30. Всѣ князья и бояря испужалиса,
 Во Чудовъ монастырь набросалиса *)
 Къ той ли нашей государынѣ:
 ««Ужь ты матушка наша государыня,
 ««Православная Олёна Михайловна!
 35. ««Твоя-тъ сынъ на Царство съль:
 ««А ведеть сея не по царскому.»»
 Тутъ заплакала государыня горючїи слезы:
 —Ужь вы глупые бояря—неразумные!
 —Моя-тъ сынъ на Угличѣ убить,
 40. —Лежать ёво мѡшши въ каменной Москвѣ,
 —Въ тѣмъ ли соборѣ Михайла Арханъела.—

(Запис. свящ. Оаворскнмъ; ср. Изв. А. Н. т. 1).

Ничто не вознаградитъ насъ за тотъ уронъ въ Русской литературѣ, что древнїя наши Былины, преимущественно изъ круга Владимірова и области Кїевской, вообще Юго-западной, а также Новгородскїя и отчасти древнѣйшія Княжескія, не записаны *современно* ихъ происхожденію, по крайности *благовременно*, по рукописямъ, и остались только въ современном устномъ употребленїи простаго народа нашихъ дней: знаменитое «Слово о Полку Игоревѣ,» изложенное «по Былинамъ» то

*) Вѣроятно опечатка вмѣсто „побросалса.“

го времени, все-таки есть *сочиненіе*, а не самыя Былины, и притомъ дошло къ намъ въ рукописи относительно младшей; «Сказаніе о Мамаевомъ Побойцѣ» и всѣ «Слова» того же рода, возникшія на томъ же основаніи народнаго творчества, представляютъ еще болѣе книжную обработку; записанное Киршей Даниловымъ слишкомъ опоздало передъ этой до-Московской древностью. «Горе-Злочастіе» долею Стихъ, а что есть въ немъ мірскаго Былиннаго, служитъ родоначаліемъ конечно старшихъ, но всё же Безъимянныхъ или Молодецкихъ пѣсень, въ родѣ помянутыхъ нами выше Былинъ о Горѣ и Безвременномъ Молодцѣ, притомъ носить на себѣ печать той же книжной обработки и уцѣлѣло въ рукописи XVII вѣка. Стихи духовные, между коими иные близки къ Былинамъ, записывались конечно въ большемъ обиліи, но также не раньше: намъ неизвѣстно сборника ихъ старше XVII вѣка по рукописи, а въ нашемъ частномъ собраніи сосредоточено все, что есть въ семь отдѣлѣ самаго старшаго. Наконецъ изъ Владиміровыхъ, Богатырскихъ Былинъ напечатана нами въ 4-мъ выпускѣ, изъ «Памятн. старин. русск. литер.», одна совершенно разрушившаяся въ Побывальщину и даже Сказку, а потому и названная «Сказаніемъ о семи русскихъ богатыряхъ», по рукописи не старше конца XVII вѣка.

Итакъ, *рукописная* документальность выпала на долю лишь *Московскихъ*, сравнительно младшихъ, Былинъ: въ этомъ отношеніи онѣ всѣхъ счастливѣе.—Изъ нихъ немногіе отрывки до Грознаго относятся еще къ особому разряду Княжескихъ Былинъ о Грозномъ, коими начинаются Московскія, напечатанныя въ нашемъ 6-мъ выпускѣ, дышатъ всею современностію сложенія ихъ, шагъ за шагомъ событія: но также еще ни однимъ образцемъ не записаны по рукописямъ XVI вѣка. Собственно первая Московская былина, здѣсь выше помѣщенная и документально записанная въ старой рукописи, о нашествіи Крымскаго хана, восходитъ по событію къ 1594-му, по времени рукописи къ 1619 или не дальше какъ 1620-му году. Распро-

страненіе ли книжности, или поспѣшность уберечь остатки народнаго творчества среди наступившаго и долго длившагося тогдашняго разгрома и переполоха, только отселъ рукописи уже не покидаютъ народнаго былеваго творчества на превратности единственнаго устнаго употребленія. Послѣ рукописи Ричарда Джесса, вскорѣ намъ сберегается рукопись, съ коей печатали мы выше текстъ о Лжедмитріѣ, не моложе, по происхожденію, время Михаилъ Федоровича. Она пересматривается, рукописно же, въ 1688 году. Слѣдующій за тѣмъ собиратель былинъ, записавшій намъ ихъ, Кирша Даниловъ жилъ конечно въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, судя по тому, что сборникъ его кончается былинами о свѣжихъ событіяхъ конца XVII вѣка, о Разинѣ, рожденіи Петра 1-го, атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ и т. п. Рукопись его, съ которой печаталъ Якубовичъ, потомъ К. Ѳ. Калайдовичъ «Древнія Россійскія Стихотворенія,» по несчастнымъ судьбамъ нашей литературы, нынѣ всё-таки пропала (изъ Имп. Публ. Библіотеки, при директорствѣ, какъ говорятъ, незабвеннаго А. Х. Востокова). Мы можемъ предполагать съ вѣроятностью, что подлинникъ ея восходилъ къ концу XVII вѣка. Та, съ которой печаталось, отнесена самовидцемъ К. Ѳ. Калайдовичемъ къ половинѣ XVIII вѣка. Изъ нея-то впервые познакомилась образованная и изучающая Русь съ драгоценнымъ наслѣдіемъ своего древнѣйшаго былеваго народнаго творчества: стало быть, по рукописи, съ половины XVIII, по печати съ 1804 и 1818 года, если не считать здѣсь нѣсколькихъ образцовъ въ старшихъ печатныхъ пѣсенникахъ. Такимъ образомъ, послѣ рукописи «о семи Русскихъ богатыряхъ,» для старшихъ своихъ Былинъ, Владиміровыхъ, Богатырскихъ, Кіевскихъ, Новгородскихъ и отчасти Княжескихъ (изъ сихъ послѣднихъ замѣтна основа и въ Сл. о П. И.), нынѣшняя Русь имѣетъ *рукописную* основу съ половины XVIII вѣка: Московскія Былины опять счастливѣе и старше своимъ *рукописнымъ* возрастомъ. Онѣ и у Кирши несравненно свѣжѣе, яснѣе чертами близкой современности, и даже опредѣленнѣе, ибо съ Грозна-

го идти шагъ за шагомъ до Петра I-го и даже выражаютъ стремленіе творчества опредѣлить свою эпоху юдами. Такъ въ Былинѣ о Скопинѣ, напечатанной у насъ выше на стр. 11—16 изъ Кирши, хотя и ошибочно въ отношеніи лица Скопина, опредѣляется время—«во сто двадцать седьмомъ году осмой тысячи,» 1619 года,—замѣчательно, того же самага, съ котораго начинается Джемсова рукопись былинъ. Немаловажнымъ обстоятельствомъ служить и то, что въ рукописи Кирши, хотя бы она была и копія съ подлинника, впервые получили мы моты для нашихъ Былинъ. Для Стиховъ есть старше, кромѣ XVII вѣка и даже собственноручная музыкальная рукопись знаменитаго знатока нашей древней музыки, Александра Мезенца (въ нашемъ собраніи; см. Предисловіе въ 6-му вып. «Кавыгъ Перехожихъ»). Но для Былинъ, для напѣва ихъ, опять первая данная въ рукописи Кирши, съ половины XVIII-го. И, хотя аккуратнѣйшій К. Ѡ. Калайдовичъ допустилъ, что въ печатномъ изданіи Шпревичъ «исправилъ (!) азбучныя ошибки» подлинника, тѣмъ не менѣе главный характеръ напѣвовъ не оставляетъ сомнѣваться въ высокомъ достоинствѣ ихъ и глубокой древности, по крайности въ существенныхъ, *неисправленныхъ* частяхъ. Какъ бы то ни было, только въ слѣдъ за Рукописью собранія Кирши, тотчасъ же, съ половины же XVIII вѣка, начинаются у насъ уже Печатныя изданія Пѣсень, Чулкова, Трутовскаго, Новикова и т. д., притомъ также съ нотами, каковы пѣсенники Трутовскаго, Герстенберга, Прача (лучшіе и старшіе всѣ появились въ Петербургѣ, съ половины до конца прошлаго вѣка). Здѣсь, какъ извѣстно, отпечатано, и до второй четверти нашего вѣка неизмѣнно перепечатывалось, между прочимъ нѣсколько Былинъ: замѣчательно—не Кіевскихъ, не Новгородскихъ и Княжескихъ, а именно Суздальскихъ и Мосювскихъ, о Суровцѣ, Грозномъ и Скопинѣ; потомъ изъ времени Алексѣя Михайловича, а съ Петра 1-го уже шагъ за шагомъ, въ слѣдъ за событіями. Этимъ доказывается, да и безъ того извѣстно, что собранія сіи, преданныя печати, составля-

лось именно въ Россіи срединной, Московскои, Царственной и Императорскои. Притомъ, какъ извѣстно, издатели всѣхъ первыхъ, старшихъ нашихъ печатныхъ ꙗѣсенниковъ, за исключеніемъ весьма немногихъ образцовъ, при случаѣ ими записанныхъ и вставленныхъ; сами изъ устъ народа не собирали, не добывали по разнымъ краямъ Россіи, а напротивъ печатали съ *готовыми рукописными сборниками*, составленными, несомнѣнно по всѣмъ признакамъ, въ срединной Россіи, особенно въ Москвѣ и, по радіусамъ ея вліянія, преимущественно въ окрестныхъ помѣстьяхъ. Такихъ рукописныхъ сборниковъ, изъ конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, дошло много и до насъ, хотя, правду сказать, противъ печатныхъ изданій, дѣлавшихся со многими рукописей, сборники сіи представляютъ мало особеннаго. (они есть въ собраніи П. В. Кирѣевского, Н. С. Тихонравова и у насъ). Замѣчательно было, между прочимъ, рукописный сборникъ, конца прошлаго вѣка, *Сопиковскій*, отчасти давший содержаніе 1-му изданію Сопиковскаго ꙗѣсенника, а потомъ затерянный, снова найденный С. А. Соболевымъ, переданный имъ П. В. Кирѣевскому и въ библиотекѣ сего послѣдняго снова для насъ затерянный. Слѣдовательно и здѣсь опять, въ эпоху уже болѣе позднюю, счастье послужило преимущественно, почти исключительно, Бѣлинымъ Московскимъ: сберегло для нихъ рукописную и печатную документальность.— Такъ длилось до второй четверти нашего вѣка: съ тѣхъ поръ, въ обратномъ отношеніи къ громадному обилію печатныхъ изданій, ꙗѣсенники наши, крайне бѣдные относительно содержанія, не подновлялись—и даже доселѣ не подновляются—ни заимствованными изъ рукописей, ни новою запискою изъ устъ народа, изъ неподдѣльнаго (хотя конечно и измѣнчиваго) источника. Изданія Сахарова и Терещеники (послѣднее крайне почтенное) въ дѣлѣ Бѣлеваго творчества или только перепечатали старое, или скрыли свои источники, то есть бумаги, мѣсто, лицъ записавшихъ и т. п., такъ что все это нынѣ исчезло безъ слѣда и—документальности нѣтъ. Новая же эпоха собира-

нія и записыванія, — говоримъ здѣсь преимущественно о памятникахъ Былеваго Творчества, — началась для Россіи со 2-й четверти нашего вѣка, съ трудовъ П. В. Кирѣвскаго. Его собраніе отличается тѣмъ, что 1) исключительно обратилось къ устному современному употребленію, записавъ только то, что сохранилось доселѣ въ устахъ народа; 2) совершенно, черезъ самого собирателя или содѣйствовавшихъ лицъ, по всѣмъ главнымъ краямъ Россіи; 3) по тому самому между прочимъ вошли сюда по возможности всякаго рода Былины, гдѣ либо уцѣлѣвшія, и Кіевскія, и Новгородскія, и Княжескія, что только разнесено было по разнымъ краямъ изъ главныхъ средоточій древней жизни. Московскія Былины, какъ можно видѣть изъ 6-го и 7-го выпуска, нашли здѣсь себѣ также важныя пополненія или дотолѣ неизвѣстные образцы. Послѣ явилось уже много собирателей въ томъ же родѣ, хотя и не столь счастливыхъ, или не столь обширнаго объема. Счастливѣе другихъ оказался новѣйшій, П. Н. Рыбниковъ: печальный, но благословенный случай перенесъ его въ уголокъ, невѣдомый Кирѣвскому, но въ коемъ именно, въ глуши, по мхамъ и болотамъ, уцѣлѣли перлы нашего древнѣйшаго Былеваго Творчества, Владимірова-Кіевскаго, Новгородскаго и Княжескаго. Московскія Былины по отдаленности потеряли тамъ много своихъ историческихъ подробностей, даже перещли, какъ помянуто, въ Сказки или связались съ отдаленнѣйшимъ, Черноморскимъ и Придунайскимъ эпосомъ: но за то, рядомъ съ симъ эпосомъ и другими старинными былинами, во многомъ уберегли древній характеръ Былеваго склада и стиха. Однимъ словомъ, изъ всѣхъ прочихъ собраній, болѣе отрывочныхъ или не столь ясныхъ по способу изданія, собраніе Кирѣвскаго и Рыбникова, да еще собраніе, издаваемое неразрывно при сихъ обоихъ или же особо въ «Калѣкахъ переходящихъ», — вотъ что нынѣ остается преимущественно документальнымъ: взятое прямо изъ устъ народа, оно бережется въ массѣ рукописей, кои, по мѣрѣ изданія, предназначаются или прямо переходятъ въ Музеи и другія публичныя учрежденія, гдѣ будутъ

во убѣжденіе всѣмъ и на глаза каждому храниться какъ письменный документъ народнаго устнаго творчества.

Изъ всего этого должно быть ясно всякому, что Московскія Былины составляютъ нѣчто особое въ ряду другихъ: и по содержанію своему, и по относительно-позднѣйшему явленію, а потому и по близости къ событіямъ, ими воспѣтымъ, еще не такъ давнимъ для насъ самихъ; и по той послѣдовательности, съ какою сопровождаютъ онѣ теченіе нашей исторіи непрерывно шагъ за шагомъ; и по особенно-счастливымъ судьбамъ собиранія на собственномъ мѣстѣ ихъ происхожденія; и по документальности непрерывныхъ почти рукописей и печатныхъ изданій, въ коихъ уцѣлѣли онѣ или увѣковѣчены; и по срединности, общеизвѣстности, общепонятности и общепитересности, какую имѣетъ Московское средоточіе для всей Россіи,—однимъ словомъ, по тѣмъ подробностямъ, кои слагаютъ характеръ въ подлинномъ смыслѣ *историческій*. П. В. Кирѣевскій называлъ еще «Историческими» всѣ вообще Былевыя пѣсни или Былины: мы достаточно имѣемъ данныхъ и образцовъ для сравненія, чтобы это названіе утвердить на всегда, какъ преимущество, за Былинами «Московскими.» Въ этомъ смыслѣ и ввели мы, и установили, и продолжаемъ поддерживать названіе,—всѣ другія произведенія Былеваго творчества, какъ старшія, Кіевскія, Новгородскія, Княжескія, такъ и младшія, Козацкія, Солдатскія, Безъимянныя, Молодецкія и т. п., именуя въ тѣсномъ смыслѣ *Былинами* или *Пѣснями Былевыми*, а Московскія именуя столь же тѣсно и собственно «*Былинами Историческими*» или «*Пѣснями Былевыми—Историческими.*»

Вмѣстѣ съ симъ главнымъ отличіемъ, историческимъ характеромъ, легко выступаютъ наружу и другія тѣсно связанныя отличія Московскихъ былинъ: послѣ первыхъ шести выпус-

ковъ, къ заключенію Московскихъ былинь, именно мѣсто напомнить и вкратцѣ перечислить сіи отличія.—Здѣсь рукопись, спасающая отъ забвенія былину, стоитъ близко къ живому устному творчеству, съ коего снята какъ копія; устное творчество, по самому времени происхожденія, особенно близко къ воспѣтому событію; событіе сравнительно близко къ намъ, и оно же, какъ событіе срединной Русской жизни, Московской, одинаково близко всей Руси, еще многимъ памятно, а еслибы и нѣтъ, то живеть во очью въ тысячѣ уцѣлѣвшихъ другихъ памятниковъ или продолжается доселѣ по своему вліянію и послѣдствіямъ. Уже этимъ самымъ устанавливается громадное отличие отъ былинь о событіяхъ и явленіяхъ, или отдаленныхъ по мѣсту и времени, или поглощенныхъ Московскою жизнію (которая много отшибла памяти у старины до-Московской), или слишкомъ отрывочныхъ и частныхъ, узко-мѣстныхъ или узко-личныхъ, а потому не столь общепонятныхъ, общедоступныхъ и общественноинтересныхъ въ наше время. Судьбы эти конечно ближе всего отражаются на самомъ языкѣ Московскихъ былинь. Старшая, до-Московская былина, хотя бы была записана со словъ сегодня и какъ бы ни была близка къ народу, всегда почти вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько словъ, выражений и даже цѣлыхъ реченій или стиховъ, далекихъ отъ современнаго употребленія языка, мало понятныхъ или даже вовсе непонятныхъ, вообще требующихъ поясненія и примѣчанія. Какъ ни вѣрно преданіе, то есть послѣдовательная, бережная передача изъ устъ въ уста, но, по отдаленности времени, при случайно или невольно проникшей ошибкѣ, недомолвкѣ, перемолвкѣ, пропуску и излишеству, сама стойкость преданія заставляла часто поющаго съ косою повторять непонятное, утратившее современный смыслъ, или же на оборотъ выходить изъ сей трудности крутымъ поворотомъ къ произвольной передѣлкѣ, къ рѣзкой вставкѣ, портящей старину. Совѣмъ противоположное съ Московскими былинами. Какъ ни родственны онѣ со старшими, по одному и тому же въ сущности, былевому (эпическому) языку,

какъ, невольно или даже намѣренно, ни стараются поддержать сіе родство, а съ другой стороны, какъ ни окрашены идиотизмами нынѣшнихъ мѣстныхъ Русскихъ нарѣчій,—языкъ ихъ вообще такъ простъ, ясенъ и близокъ къ нашей современности, что легко и повторяется въ устахъ, не плодя ошибокъ, и до ступень устамъ и уму каждаго современнаго Русскаго чело-вѣка, лишь бы онъ былъ народенъ. Идиотизмы нарѣчій легко объясняются, вкравшіяся ошибки слишкомъ замѣтны, подлинность удобно и безъ особеннаго труда восстанавливается. За то въ нихъ есть другая особенность: до-Московскія Былины сами въ себѣ не имѣютъ рѣшительно нигдѣ признаковъ и слѣдовъ стараго книжнаго языка, отчасти и потому, что древнѣйшая книжность не столько дѣлилась отъ господствовавшаго народнаго говора. Если онѣ записаны и вставлены въ *сочиненіе*, то замѣтно отъ него отдѣляются языкомъ, и сейчасъ вездѣ видно книжное вліяніе, какъ это случилось со Словомъ о полку Игоревѣ, а еще болѣе въ позднѣйшихъ, о Димитріѣ и Мамаѣ. Въ собственныхъ же Московскихъ Былинахъ, весьма во многихъ и притомъ *внутри* самихъ былинъ, хотя бы онѣ употреблялись нынѣ устно, весьма замѣтно вліяніе языка *книжнаго*, и даже именно языка Московскихъ лѣтописей. Помянутые образцы и весь почти подлежащій 7-й выпускъ до очевидности въ томъ убѣждаютъ. Тутъ безъ труда убѣждаемся, что Былина возникла *рядомъ* съ прочими письменными памятниками, легко могла составляться подъ вліяніемъ ихъ, еще легче переходить въ нихъ, и отъ того, почти съ самаго начала, эти былины записываются, переходятъ постепенно въ печать, и даже указываютъ намъ путь, какъ изъ нихъ могли выродиться позднѣйшія Военныя, Солдатскія, Петербургскія, съ вычурными книжными выраженіями, а наконецъ и произведенія отдѣльныхъ сочинителей въ этомъ родѣ. Вліяніе личности, съ ея образованіемъ, книжнымъ и письменнымъ, здѣсь вообще замѣтнѣе въ творчествѣ, по самому языку.—Это какъ нельзя соответственнѣе согласуется и съ *характеромъ* самого *содержанія*, съ воззрѣніемъ, его проникаю-

щимъ. Содержаніе ближе отвѣчаетъ лѣтописямъ, а вмѣстѣ съ ними извѣстному историческому ходу событій: здѣсь же весь тотъ характеръ, который отличаетъ рѣзко событія Московскія, все Московское и вмѣстѣ съ тѣмъ Обще-Русское, позднѣе Россійское и Всероссийское. Нѣтъ мѣста той кажущейся широтѣ Кіевскаго періода, которая, имѣя свои отличія и притязая на объединеніе Руси, не исключала однако такихъ особенностей, какъ Новгородскія и Суздальскія, рѣзко-мѣстныя. При Московскихъ былинахъ не мыслимы рядомъ мѣстные отдѣлы: все постепенно сливается къ общему единству; развѣ только Литва упоминается еще, и то не на долго, самостоятельнымъ цѣлымъ, противувѣсомъ Москвѣ. Современное Югозападное, послѣ общей Старой Руси Кіевской, отдѣляется какъ нѣчто особое, Малорусское, съ кругомъ своихъ козацкихъ пѣсень и съ особымъ варьчіемъ: то и другое не заходитъ въ Московскія былины. Но лишь только простерлось туда общее Московское объединеніе съ конца XVII вѣка,—и въ новомъ періодѣ Руси Малороссія является, по былинамъ Московскимъ, не какъ Малороссія, а какъ поприще явленій и поступательныхъ шаговъ Московскаго государства. Конечно уже не мыслимы древніе богатыри и представители старыхъ мѣстностей, стараго состава Руси: они смѣняются, не теряя героизма, лицами историческими, дѣятелями, сосредоточенными около Московскаго центра, со стороны ли его государства, общества или народа. Князья, давшіе намъ особый разрядъ былинъ Княжескихъ, также точно поглощаются постепенно въ государствѣ Московскомъ, и вотъ почему скоро потомъ затериваются въ Безымянныхъ удалцахъ и молодцахъ. Однимъ словомъ, *государственность* на первомъ планѣ, съ Московскимъ царемъ и цѣлымъ царствомъ. Конечно при семъ не исчезаетъ народъ, ни общество и его отдѣльныя лица: но все это, и самый образъ ихъ, и даже драматизмъ, получаютъ свое значеніе и характеръ лишь по отношенію къ главному средоточію, къ господствующему воззрѣнію творчества. Прежде, въ Старшихъ былинахъ другихъ отдѣловъ, цѣ-

лый народъ извѣстной области можно созерцать и слѣдить по
 всѣмъ эпическимъ переходамъ независимо отъ Князя, свобод-
 но отъ Кіева, такъ что имя Князя, общее Владимірово, или
 имя Кіева является часто одной обстановкой, декорацией; столь
 же свободно и независимо тамъ проходить передъ нами яв-
 леніе извѣстнаго героическаго лица, со всею его былевой жив-
 нію, иногда достигающей драматизма, но исключительно при-
 ковывающей къ себѣ наше вниманіе; въ Княжескихъ былинахъ
 еще болѣе мы въ состояніи забыть все внѣ положенія част-
 ныхъ, хотя и крупныхъ, лицъ; за Новгородскими готовы не
 видать остальной Руси. Въ Московскихъ же, явнo, выиграна
 уже одна главняя сфера, одна господствующая постановка, все
 къ себѣ привлекающая въ извѣстныя отношенія, все обуслов-
 ливающая, на все кладущая свою единую печать. Пожалуй,
 здѣсь даже яснѣе распредѣляются разные слои общества, и
 даже что-то похожее на своего рода сословность, и земство,
 отличаемое отъ царства-государства, и народъ, близко совпа-
 дающій съ земствомъ, а скоро отдѣляемый въ простанародіе,
 и судьбы лицъ, отдѣльныхъ личностей: но именно, потому это
 и отдѣляется для взора, и распредѣляется, что въ основѣ
 выработано нѣчто общее, по Московскимъ воззрѣніямъ глав-
 ное, государство съ его интересами. Только эта, государствен-
 ная, централизующая сфера, опредѣлившись сама, дала воз-
 можность опредѣлять точнѣе и различать другія части Рус-
 скаго организма. Не мѣсто здѣсь судить, на сколько это было
 успѣшно, хорошо или худо. Только очевидно, что лишь въ
 эту эпоху наступила пора сознанія болѣе яснаго, распредѣ-
 ленія и разграниченія сферъ, не разлучнаго съ окрѣпшимъ со-
 знаніемъ общаго, политически связующаго начала. Можетъ
 быть и политическое еще далеко было да своего полнаго объ-
 единенія, можетъ быть и терпѣли отъ первыхъ наступатель-
 ныхъ шаговъ его другія части организма: только ясно уже,
 что этого политическаго ничѣмъ теперь не заслонишь, а оно
 еще не успѣло заслонить собою область общественную, народ-

ную и личную. Это всего виднѣе по слѣдующему признаку: съ одной стороны явно, что начинается особый, второй послѣ Киевскаго и Новгородскаго, эпическій періодъ; но онъ не дошелъ до исключительности, до того, чтобы поглотить въ себя другія проявленія творчества, или повиснуть надъ ними деспотической апофеозой. Нѣтъ прежней плодovitости, безграничной широты, расплывчивости, цвѣтистости, яркихъ юго-западныхъ картинъ, богатырскихъ образовъ, мѣстныхъ или индивидуальныхъ рѣзкостей, подобныхъ Новгородскимъ или Княжескимъ: однако не менѣе выразительности, не менѣе силы изображенія, величавыхъ подвиговъ, опредѣленно очерченныхъ лицъ. Довольно уже сказать, что, не только не менѣе, а еще болѣе является здѣсь драматизма: прежнія былины, исключительнѣе выдерживающія отличія эпоса, даютъ конечно возможность *извлекать* изъ нихъ положенія, образы и черты драматическія; Московскія напротивъ сами *преисполнены* драматизма, дышать имъ, ихъ появленіе—первый рѣшительный шагъ изъ эпоса къ Русской драмѣ. И вотъ почему конечно всѣ наши нынѣшнія драмы, подъ перомъ Чаева, Островскаго и Толстаго, начинаютъ *отсюда*; вотъ объясненія превосходной попыткѣ Чаева, его *Пьесы въ лицахъ* о Грозномъ царѣ и покушеніи на сына. Только отсюда мы начинаемъ пока свою драму, и только съ точки зрѣнія сей эпохи стали намъ раскрываться драматическія стороны въ эпохахъ старшихъ, въ родѣ Чаевской «Свекрови» основанной на Княжескихъ былинахъ. Былины до-Московскія представляютъ богатое содержаніе Русской оперѣ, вообще сценической постановкѣ съ музыкой и пляскою: Московскія прямо приводятъ къ самостоятельной Русской драмѣ, готовятъ намъ на первый случай Еврипидовъ, и только на ихней почвѣ способны приготовить въ далекомъ будущемъ Софокловъ и Эскиловъ, тѣхъ художниковъ, кои сочетаютъ драматизмъ съ эпическими обликами древнѣйшихъ богатырей. Нужно лишь помнить, что въ Московскихъ былинахъ драматизмъ *лицъ* есть всегда драматизмъ

не частнаго быта, не безграничной, неопредѣленной массы и не исключительной мѣстности, а всегда и вмѣстѣ—драматизмъ извѣстнаго *событія*, и притомъ событія *историческаго*, составляющаго звено въ ходѣ общей, центральной и главной, политической Русской исторіи. Одно лишь *Козачество*, начинающееся въ Московскихъ предѣлахъ и въ предѣлахъ Московскихъ былинъ собственно съ Грознаго и Ермака (см. 6-й выпускъ), какъ будто представляетъ что-то въ родѣ отдѣльной, самостоятельной области, отчасти даже несродной и враждебной съ главною. Но, стоить только сравнить сію область съ Малороссійскою, съ Былинами или Думами Малорусскими, чтобы видѣть все отлічіе. Когда, по запустѣніи прежней Югозападной или Кіевскою государственной области, обращенной въ становище Восточныхъ выходцевъ, старожилы, одного племени и языка съ общимъ Русскимъ или Великорусскимъ, ушли отсюда на всегда и размѣстились вокругъ занятаго уже Московскаго ередоточія, по окраинамъ его, болѣе или менѣе отдаленнымъ, гдѣ и сберегли былины богатырскаго періода,—ихъ смѣнили новые поселенцы, того племени и нарѣчія, которое съ тѣхъ поръ понинѣ отличается болѣе узкимъ именованіемъ *Мало-Русскаго*. Подвинувшись въ старую область, по мѣрѣ ослабленія Восточниковъ, изъ Волыни и Подолія, а еще далѣе изъ нынѣшней Галиціи и Карпатъ, они ничего не знали, какъ не знаютъ доселѣ, изъ былинъ о древнемъ Кіевскомъ періодѣ: ихъ Думы прямо начинаются съ *Козачества*, не старше его, не выше и не иначе, съ Козачества Малорусскаго, Украинскаго, потомъ Запорожскаго. Начало ихъ—не старше XVI вѣка, языкъ—нынѣшнее Малорусское нарѣчіе, содержаніе—подвиги Козачества, главные герои, около коихъ сосредоточены лучшія Думы,—герои того же козачества, гетманы, предводители полковъ. Главная идея, все проникающая,—конечно Русь и Вѣра Православная, но безъ опредѣленности политической или, лучше, съ одной опредѣленностью—Козаческою. Даже Земство, а съ нимъ собственно и Народъ, поглощаются Козачествомъ: это зем-

ство и народъ въ подвижномъ военномъ составѣ, въ формѣ дружинной, въ формѣ Краишниковъ или, что тоже, Козаковъ. Общества разумѣется нельзя и искать. Все сосредоточено на Козацкой дружинѣ и герояхъ ея, *лицахъ*. Бѣдствія или благо дружины, а чрезъ то бѣдствія или благо всѣхъ обитателей. Борьба за Русскую народность, племенную и языковую, да за Вѣру, величавые образы главныхъ героевъ борьбы, со многими личными и частными ихъ особенностями, да богатые картины богатой природы,—вотъ и все, хотя конечно совершенно достаточно и даже много для отдѣльной области, отрѣзавшейся въ Украину или Краину, для нарѣчій, для пѣвцовъ на семь нарѣчій. Думы или былины сего рода отчасти повторяются и собираются понинѣ: общая, срединная, Великая Русь, какъ сказано, не принимаетъ въ нихъ участія, не вѣдаетъ ихъ, да и образованный слой узналъ объ нихъ сравнительно лишь недавно, черезъ печатныя собранія, съ начала нынѣшняго вѣка. То Козачество, нѣсколько болѣе позднее, которое, въ отличіе отъ Малорусскаго, слѣдуетъ вообще назвать Великорусскимъ или даже Московскимъ,—Донское, Яицкое и Гребенское, Сибирское, со всѣми его развѣтвленіями, конечно по происхожденію, а въ началѣ и характеромъ своимъ, довольно близко связывается съ Юго-Западнымъ, Малорусскимъ, и потому же сходны ихъ старшія Былины: такіе же подвиги дружинъ, выражающихъ или, по нуждѣ, смѣняющихъ мѣстное земство и народъ, по извѣстнымъ, требовавшимъ того, украинамъ; тѣ же главные герои, атаманы, смѣнявшіе гетмановъ, и около нихъ весь главный интересъ Былинъ; тѣ же картины круговъ, вольницы, вольнаго раздолья, степей, рѣкъ и моря; всего болѣе—тотъ же элементъ неопредѣленности, подвижности, расплывчивости, не совпадавшихъ ни съ государственнымъ средоточіемъ, ни съ интересами ослагаго земства, ни съ выгодами развивающагося общества, и потому, сказали мы, въ творествѣ нѣкоторая особенность отъ собственныхъ Московскихъ Былинъ, особенность, дѣлающая изъ Козацкихъ былинъ нѣсколько отличный отдѣлъ. Но за то въ семь, Москов-

скомъ періодѣ, приобрѣтено уже и вездѣ выражено главное средоточіе, а потому и Козачество, съ его Былинами, поставлено къ сему средоточію въ болѣе ясныя, а постепенно и совсѣмъ *опредѣленныя отношенія*: это оказываются то слуги и помощники, то рѣзкіе враги Московской исторіи, ея государства, общества, земства, народа. Самый первый представитель, Ермакъ, является, какъ мы видѣли въ 6-мъ выпускѣ, сперва врагомъ, загулявшимъ и даже заворовавшимся удалцомъ, потомъ поставленъ творчествомъ въ услуги и пособіе Царю подѣ Казанью, въ службу ему и въ покореніе ему цѣлаго новаго Края; въ смутное время Козачество разноситъ въ рознь Московскіе интересы; потомъ оно періодически покоряется, и Разинъ, сколько ни выражалъ собою подвижныхъ интересовъ мѣстныхъ, — относительно главнаго средоточія опредѣленно выставленъ врагомъ; за тѣмъ Флоръ Минаевъ снова выступаетъ пособникомъ, и съ нимъ, при началѣ Руси Новой, преобразованной, исчезаетъ почти всякая отдѣльность, независимость и такъ сказать прекословность Козачества, ибо остальные, позднѣйшіе, такъ называемые «бунты,» суть уже чисто «народныя мѣстныя возстанія,» только *связанныя* съ Козачествомъ. Потому и Былины Козацкія, до известнаго предѣла времени, видѣли мы и видимъ, дополняютъ собою прочія и главные «Московскія,» привходятъ къ нимъ, вставляются какъ отдѣльныя части общаго «Московского» состава. Московскія Былины XVI вѣка не полны, даже не мыслимы безъ пополненія, — безъ былинъ объ Ермакѣ, XVII вѣка — безъ Былинъ о козацкихъ смутахъ, безъ повѣсти о Карамышевѣ, безъ Разина, а подѣ конецъ безъ Флора; языкъ же ихъ, въ самомъ началѣ рѣзко отдѣлившійся отъ Малорусскаго нарѣчія, есть Обще-Русскій или Великорусскій, съ отгѣнками мѣстныхъ подрѣчій, и то вскорѣ теряющимися. Такимъ образомъ Московское Былевое или Историческое пѣснотворчество постепенно вобрало въ себя Козацкую область, до того предѣла, когда, съ Петра 1-го, совершенно уже разложило всѣ Козацкія особенности подѣ одинъ общій уровень Русскихъ пѣсень. То

же, замѣтили мы, совершила Московская Русь, съ конца XVII вѣка вступивши державною стопою своею на Югозападъ: съ тѣхъ поръ, на тамошней почвѣ и мѣстности, въ Русскомъ языкѣ, а не въ Малорусскомъ нарѣчїи, движется содержаніе «Московскихъ Былинъ» со всею ихъ особенностью. Подвиги Петра 4-го и Полтава изображены на юго-западной почвѣ совершенно тѣми же чертами и тѣмъ же языкомъ, какъ прочія Московскія Былины. За этимъ-то господствомъ Москвы въ Былевомъ творествѣ, стерлись въ Малороссїи старыя Козаческія, Гетманскія Думы, или снисшедши глубоко внизъ, къ слѣпымъ, нынѣ вымирающимъ пѣвцамъ, или отъ всего цвѣтущаго періода, по всемъ признакамъ обильнаго образцами творчества, оставивши намъ одни отрывки. Самостоятельное Былево творчество съ тѣхъ поръ совершенно тамъ подорвано: Думы разложились на мелкія Козацкія пѣсни, отчасти еще Былевыя, но совершенно уже такія же, какъ у насъ Безъимянныя и Молодецкія, съ козаками и козачками безъ имени. Когда позднѣе такъ называемая Литва подверглась той же политической и общественной участи, Московская или Общая, Великая Русь не нашла уже тамъ Былинъ о древнемъ періодѣ самостоятельной жизни: ихъ гораздо болѣе уцѣлѣло частями въ нашемъ же, Княжескомъ и Московскомъ творествѣ, гдѣ столько разъ видѣли мы и Литву вообще, и Литовскихъ Королевичей, Князьковъ и Королей, и Настасью Полятовскую, и т. п. Нынѣ въ устномъ Былевомъ творествѣ Сѣверозападный Бѣлорусскій Край представляетъ лишь размельчавшія «Козацкія пѣсни,» одинакія съ Малорусскими помянутыми и съ нашими Безъимянными или Молодецкими. Такимъ образомъ, съ прошлаго вѣка, весь сей послѣдній отдѣлъ совершенно облизился, и въ Малорусскихъ, и Бѣлорусскихъ, и Великорусскихъ, образцахъ: вездѣ Безъимянный герой, Козакъ или Молодецъ. Тутъ еще можно, путемъ изслѣдованія, вскрывать черты и слѣды старыхъ атамановъ, гетмановъ, князей и даже богатырей; есть еще мелкія особенности, опредѣляющія отдѣлъ пѣсень «Быле-

ныхъ,» и мы даже особенно поставимъ его послѣ Московскихъ Историческихъ: но все это уже образцы *разложившагося* былаго творчества. А то, что ихъ разложило, а то, что продолжаетъ надъ ними господствовать, составляя для нихъ уясняющее средоточіе и опредѣленную мѣрку,—все это тѣ же Былины «Московскія,» о коихъ ведемъ мы рѣчь. Сюда же впоследствии, изъ самой области Московской, перешли многіе, хотя поблѣднѣвшіе и потерявшіе имя образы Московскихъ Бояръ и Дворянъ, и здѣсь—то упомянутые нами слѣды пѣсенъ «Боярскихъ». Итакъ, все сводится къ тому, что Московскія Былины начали, и опредѣлили, и создали совершенно отличный отъ прежняго періодъ Русскаго Былеваго Пѣснотворчества. Течение сего творчества располагается въ слѣдующей постепенности:

Отдаленнѣйшее начало нашего Былеваго Творчества, Эпосъ Черноморскій или Придунайскій, нѣкогда несомнѣнно весьма развитой, но, при нашимъ расселеніи въ нынѣшней мѣстности, отодвинувшійся въ памяти народа слишкомъ далеко, перешедшій въ область Сказочную, и оставившій намъ либо Сказочныя Былины, либо чисто—Сказки (см. о немъ выше и въ нашихъ «Замѣткахъ» къ прежнимъ выпускамъ, особенно же ко 2-й части собранія Рыбниковскаго).

Былины, или, лучше, одни скудные отрывки ихъ, связующіе упомянутое начало съ Кіевомъ и Владиміромъ, какъ вступленіе къ симъ послѣднимъ: о богатыряхъ «Старшихъ,» стихійныхъ или космическихъ.

Въ *собственномъ* смыслѣ *Первый*, Старшій періодъ нашего Былеваго пѣснотворчества, неотъемлемый спутникъ и выразитель слагавшейся и сложившейся Руси въ нынѣшнемъ ея мѣстопребываніи, со складомъ, языкомъ, стихомъ и напѣвомъ, опредѣлившимъ все дальнѣйшее Эпическое течение Русскаго пѣснотворчества: собственно *Былины* (съ разложившимися Побывальщинами и Старинами), круга Владимірова, Богатырскія, Юго-западныя, Кіевскія (въ собирательномъ смыслѣ), рядомъ Новгородскія, начало Суздальскихъ и отчасти Княжескія.

Второй періодъ, Былины *Историческія*, Московскія (и собирательно, и въ тѣсномъ смыслѣ): періодъ, начинающійся съ Грознаго; неизмѣнно, хотя и съ поступательнымъ развитіемъ, продолжающійся до XVIII вѣка, а отчасти и понынѣ, ибо послѣ него еще ничего новаго не порождено въ области Былеваго, народнаго, устнаго, общерусскаго пѣснотворчества. Сюда, сказали мы, какъ неотъемлемая часть, входятъ и современные двумъ вѣкамъ былины Козацкія, примыкающія къ «Московской» области творчества.

Былины Новой Руси, съ Петра, 1-го, составляютъ или послѣдовательное ихъ продолженіе, или же, въ образцахъ Военныхъ и Солдатскихъ, постепенное искаженіе, мельчаніе и извращенія, до новаго, книжнаго уже сочиненія «поэмъ» и до произведеній искусства «посредственнаго,» до художественныхъ поэмъ въ родѣ «Полтавы.»

«Безымянные» или «Молодецкія» относятся къ обоимъ главнымъ періодамъ, какъ разложеніе Былинъ до простой *Пѣсни*, съ героемъ безъ имени и опредѣленной мѣстности, хотя и съ наслѣдованными отъ древности, былевыми чертами. Мѣсто имъ въ изданіи само собою указывается послѣ Историческихъ новѣйшихъ, Военныхъ и даже Солдатскихъ.

Малорусскія Думы стоятъ отъ сего теченія пѣснотворческой общерусской исторіи совершенно въ сторонѣ, какъ особнякъ: онѣ только роднятся позднѣе, когда, за одно съ Бѣлорусскими, входятъ въ общую область Русскихъ пѣсень Козацкихъ, Безымянныхъ и Молодецкихъ, занимая съ сими послѣдними одно мѣсто.

Новый относительно перваго, Второй періодъ былинъ, Московскій, разумѣется долженъ былъ выразить и отпечатлѣть свои особенности въ самомъ складѣ, стихъ и напѣвъ.

Сколько можемъ судить по дошедшимъ къ намъ образцамъ, древнѣйшій, самый главный и лучшій нашъ Былевой или Былинный Складъ, согласно Сербскому творчеству, продолжающемуся доселѣ, основывался и покоился у насъ на десяти-

сложныхъ Стихахъ. Вотъ образцы изъ всѣхъ эпохъ творчества, даже до художественной, книжной поэзи:

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ.

Ужь ты батюшка, Ярославль городъ,
Ярославль городъ на красѣ стоитъ.

На Васильевскомъ славномъ островѣ
Молодой матросъ корабли снастилъ.

Ужь какъ палъ туманъ на сине море.

Сяду я за столъ да подумаю.

Каждый такой стихъ видимо дѣлится на *два* половины замѣтнымъ *переломомъ* (нѣсколько похожимъ на цезуру), по срединѣ, но совершенно свободно, при слогѣ съ удареніемъ или безъ ударенія (что равняется древнему, долгому и краткому, слогу), до того свободно, что переломъ допускаютъ на себя всѣ четыре середнихъ слога, и отъ того въ разныхъ стихахъ, иногда рядомъ, переломъ случается на любомъ изъ сихъ слоговъ, слѣдовательно движется по разнымъ мѣстамъ, а въ подвижности своей и бѣглости не рѣзокъ, расплывчивъ, едва слышимъ въ цѣломъ произведеніи. Цѣльность десятисложнаго стиха сямъ ни сколько не надрѣзается, не надсѣкается: стихъ *единый*, не смотря на свои, иногда ровныя, иногда неровныя половины. Половины образуются въ 5+5, въ 4+6, въ 3+7 слоговъ: но въ каждой повышеніе голоса или удареніе (равное древней долготѣ) приходится непременно на *третій* слогъ съ обоихъ концовъ, и это уравниваетъ ихъ, сдерживаетъ цѣльность стиха, не смотря на разное мѣсто перелома:

Всякое изменение въ семь основномъ складѣ есть, когда еще не нарушение, то по крайности колебаніе, водненіе Былеваго или Былиннаго покоя. Впрочемъ, еще не выходя изъ Былеваго Склада, творчество допускаетъ протяженіе или сокращеніе Стиха, до *опредѣленной мѣры*; еще любимымъ и законнымъ остается размѣръ съ одной стороны въ 9, съ другой въ 11 и *особенно въ тринадцать* слоговъ:

Ты тулупъ ли мой, тулупчикъ, шуба новая....

Что не бѣлая берѣза къ землѣ клонится.

Кто не слыхивалъ у насъ таковыя славы?

Рѣже размѣръ въ 8, плохъ уже въ 15 слоговъ.

Но, при всякомъ удлинненномъ противу основнаго размѣрѣ, и, какъ водится, именно отъ того, что въ концѣ его образуется отрѣзокъ, слуху пѣвца и чутью слагателя представляющійся какъ бы излишнимъ противу основнаго размѣра въ 10 слоговъ, отрѣзокъ сей повторяется изъ конца предыдущаго стиха въ началѣ слѣдующаго. Образуются *повторенія*, впрочемъ еще не нарушающія главнаго типа:

Вы скажите мнѣ про старое,
 Про старое про бывалое,
 Про того ли Илью Муромца,
 Илью Муромца сынъ Ивановича.

По этому образцу, одному изъ тысячи, видно, что *Повторенія*, первоначально, какъ думаемъ, происшедшія изъ отрѣзковъ отъ стиха удлинненнаго, перешли потомъ и въ стихи сокращенные (противу основнаго склада), въ стихи по 9 и 8 сло-

говъ. Повторенія сіи привились къ Эпическому Складу: они сдѣлались принадлежностью Былеваго Стиха. Къ сожалѣнію, они же послужили ближайшимъ началомъ или явнымъ поводомъ къ разстройству склада и къ порчѣ стиха: по мѣрѣ ослабленія творчества и творческой силы, забвенія основныхъ приѣмовъ и напѣвовъ, исчезанія былевыхъ (струнныхъ) инструментовъ, развитія пѣсень другого разряда, бытовыхъ и женскихъ, по мѣрѣ всего этого, постепенно складъ портился, гармонія цѣлаго ослаблялась и подрывалась. Прибавка въ концѣ стиха слишкомъ удлинняла его; съ перенесеніемъ ея въ другой стихъ, трудно было соблюсти соразмѣрность; повтореніе оконечности предыдущаго стиха удлинняло и отягчало послѣдующій; изъ послѣдующаго приходилось переносить въ третій, изъ третьяго въ четвертый и такъ далѣе; отрѣзки плодились, то повтореніемъ прибавляясь къ началу слѣдующаго стиха, то занимая весь слѣдующій стихъ; стихи выходили неровные, одинъ въ 9, 10, 11, 13 слоговъ, другой короче или длиннѣе. Примѣровъ тому тысяча: это такъ называемая въ народномъ языкѣ, техническимъ терминомъ нашего пѣснотворчества, *Побывальщина*, гдѣ страдаетъ основной складъ, равенство стиховъ и однообразіе напѣва, примѣняющагося то къ длинному, то къ короткому стиху, а вмѣстѣ открывается широкое поле утратъ старинны, забвенію древнихъ частей и вставкамъ новымъ, для пополненія или по произволу.

Быль еще другой путь измѣненія, конечно нарушавшій собою складъ основной, но за то дававшій начало образованію новыхъ видовъ творчества; это не одно уже разложеніе древней Былины: а вмѣстѣ и созиданіе новыхъ ея формъ, и приближеніе къ другимъ родамъ творчества.—Когда удлинненіе стиха совершалось въ одну мѣру, на примѣръ до 13, и отрѣзки приходились одинакіе, на примѣръ въ 4 или 5 слоговъ: тогда они могли не переноситься къ началу слѣдующаго стиха, не вызывали необходимыхъ повтореній, а просто *прибавлялись* къ каждому стиху. Однообразно являлся стихъ *главный*

съ неизмѣннымъ его переломомъ (цезурою) и двумя половинами, а рядомъ *добавочный*, какъ его продолженіе, болѣе краткій; главный, на примѣръ, въ 8 и 9, добавочный въ 5 и 4. Такіе стихи можно располагать и мы въ изданіи Кирѣевскаго, Рыбникова, Калѣкъ Перехожихъ, приняли за правило писать слѣдующимъ образомъ:

Какъ изъ дѣлеча далѣча
 Изъ чистѣ поля,
 Изъ того было раздольица
 Широкаго,
 Что не грозная бы туча
 Накаталася,
 • Что не буйные бы вѣтры
 Подымалися:
 На передь-то выбѣгаетъ
 Лютой Скимень-звѣрь.

(Второй, добавочный стихъ можно печатать и малою, не заглавною буквою). Очевидно, здѣсь образуется уже такъ называемая *строфа*: одинъ стихъ, однообразно, болѣе длинный, другой, столь же однообразно, болѣе короткій. Однообразіе прибавки, слагая однообразную, но уже *новую* мѣрку, симъ самымъ, относительно *древняю* основнаго склада, порождаетъ разнообразіе, появленіе *новыхъ* формъ творчества.

Новыя же формы раздражаются все болѣе и обильнѣе слѣдующимъ способомъ. *Напѣвъ* Былинъ, сколько мы знаемъ его по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, Былинъ старшихъ и лучшихъ, однообразенъ: изъ всѣхъ Русскихъ напѣвовъ сего рода можно извлечь развѣ только три-четыре главныхъ образца, а построже разбирать, даже какихъ ни будь два; у Сербовъ для *всѣхъ* Былинъ доселѣ *одинъ*. Разнообразіе допускалось лишь *внѣ* самой былины, во Вступленіи или (музыкально) въ Прелюдіи, да потомъ, когда, пропѣвши нѣсколько стиховъ до извѣстной точки, пѣвецъ и игрокъ вставлялъ варіаціи уже

безъ словъ, одною струнной игрой (такъ поють и играютъ доезды Малорусскіе бандуристы). Соответственно основному складу стиха, и въ напѣвѣ (мелодіи) есть *два колѣна*: но это, какъ и въ стихѣ, два колѣна *одного* ствола, одного цѣлаго, какъ «повышеніе» и «пониженіе» (греческое «протасисъ» и «апотасисъ»). Теперь же, когда къ двумъ половинамъ основнаго стиха прибавилась третья—добавка, то и напѣвъ нарастаетъ: къ двумъ колѣнамъ прибавляется третье, обыкновенно какъ пониженіе обоихъ первыхъ, или новая варіація изъ обоихъ, или уже повтореніе послѣдняго колѣна. Вотъ начало такъ называемаго *Прилива*: онъ выражается и въ стихѣ, какъ помянутая, удлиняющая, прибавка, или же повтореніе оконечности главнаго стиха; выражается и въ напѣвѣ, ибо къ одному главному напѣву въ его двухъ колѣнахъ присоединяется болѣе краткое третье колѣно или, иначе, второй *добавочный* напѣвъ, хотя бы только повторяющій собою второе колѣно. Такъ въ приведенномъ выше примѣрѣ,— *Изъ чиста поля, Широкаю, Накаталася*, и т. п., можно разсматривать какъ отдѣляющійся припѣвъ, можно напѣтъ—и обыкновенно напѣвается уже—особо. Еще болѣе видно это на другихъ, особенно «Московскихъ» Былинахъ, гдѣ конецъ стиха повторяется, и повторяется съ тѣмъ же напѣвомъ, какъ второе колѣно главнаго стиха или какъ пониженіе обоихъ колѣнъ:

Ты Боже, Боже, Спасъ милостивый,
Милостивый,
Къ чему рано надъ нами прогнѣвался,
Прогнѣвался,
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Прелестника,
Злаго Разстригу Гришку Отрепьева,
Отрепьева?

Напечатанное курсивомъ—припѣвъ.—Еще шагъ,—и припѣвъ въ Былину можетъ вставляться *со стороны*, иной, какъ дѣй-

ствительно и видимъ нѣкоторыя Былины (см. прежніе выпуски и выше 7-й):

Здунинай, най!

или:

Съ Дону, съ Дону, съ-за Дунаю! и т. п.

Это уже вставка со стороны, припѣвъ въ *собственномъ* значеніи, который есть ничто иное, какъ отрѣзокъ отъ пѣсни, или сама коротенькая пѣсня, сложившаяся еще въ дѣтствѣ чело-вѣка или народа, а потомъ вставляемая особо въ болѣе длин-ную, развитую и позднѣйшую (см. объ этихъ элементахъ въ нашемъ изданіи «Дѣтскихъ пѣсень»). Конечно, съ такими при-пѣвами Былины уже немногія и худшія: болѣе древнія, въ лучшемъ складѣ, далеко здѣсь не зашли. Но всё же и онѣ въ самихъ себѣ зародили уже возможность и показали путь къ формамъ инымъ. Это путь, сближающій Былины съ прочи-ми *Пѣснями вообще*, путь разнообразія, но путь уже болѣе поздній, выводящій къ *иному* полю, и все дѣло въ томъ, да-леко ли извѣстная Былина ушла по сему пути, гдѣ остано-вилась, еще не переставая быть Былиной.

Третій видъ измѣненія въ складѣ, стихѣ и напѣвѣ Былинъ, есть опять, какъ и первый, путь разложенія, а не созиданія. Именно, вмѣсто прежняго перелива или плавнаго перелома, не нарушающаго цѣлости, образуется переломъ рѣзкій, дѣлятся рѣзко двѣ половины и въ собственномъ смыслѣ является *це-зура*, притомъ однообразная, въ одномъ мѣстѣ между двухъ одинакихъ половинокъ, въ каждой же половинѣ болѣе или менѣе одинаково количество слоговъ. Это уже не прежній перегибъ, а скорѣе надломъ, даже *расколъ* стиха и склада. Впро-чемъ сначала онъ еще держится однообразной мѣрки, и вотъ складъ, вотъ стихъ, который мы вездѣ въ изданіяхъ подъ на-шей редакціей технически именовали *двойнымъ*. Можно такой стихъ писать и печатать сплошь, подъ рядъ, какъ одинъ:

Въ гридню идетъ незнамъ чловѣкъ,
Шуба на немъ струйчатой камки.

Праведное солнце въ раю просвѣтилось,
Расплакался Адамъ, передъ раемъ стоя:
«Ты раю мой, раю, прекрасный мой раю!»

и т. п.

Или же пополамъ, двумя стихами:

Въ гридню идетъ
Незнамъ чловѣкъ,
Шуба на немъ
Струйчатой камки.

Праведное солнце
Въ раю просвѣтилось,
Расплакался Адамъ,
Передъ раемъ стоя:
«Ты раю мой, раю,
«Прекрасный мой раю!»

Но здѣсь, хотъ и писать, и печатать порознь, единство цѣльнаго стиха еще не совсѣмъ утратилось, можетъ быть возстановлено, и самый напѣвъ держится еще одинъ, хотя въ двухъ уже расходящихся рѣзче колѣнахъ.

Можетъ быть еще ступень: когда единство утрачено безвозвратно, когда двухъ половинокъ ни чѣмъ уже не скленишь въ одну, когда онѣ разной величины, потянули врознь, и нельзя ихъ ни пѣть, ни читать, ни писать, ни печатать иначе, какъ порознь. Это такъ называемая въ народѣ, технически, *Старина*, выродившаяся изъ *Былины*:

Какъ далече ли далеченько
Во чистомъ полѣ....
Какъ кланяется сынъ
Своей матери:
«Не прошу я у тебя
«Не злата и не серебра,
«Ты пожалуй мнѣ

«Великое благословеньицо,
 «Какъ поѣду я, поищу
 «Своего брата названого,
 «Какъ стараго казака,
 «Илью Муромца»....

Напросили они
 Душу красную дѣвицу,
 Князей родную сестрицу.

Увѣжалъ—то младъ Щелканъ
 Въ дальнюю землю Литовскую,
 За моря синія,
 Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
 Дани—невыходы,
 Царски невыплаты,
 Съ князей, бралъ по сту рублей,
 Съ бояръ по пятидесять,
 Съ крестьянъ по пяти рублей.

При нынѣшнихъ при царяхъ,
 При досюльшнихъ короляхъ,
 При блаженныя памяти,
 Царица—то Крымская,
 Паленица удалая,
 Татарка упалая,
 Съ Кострюкомъ сговорилася.

И пришла же купавушка,
 И пришла же не Русская...
 Со своимъ ли сынкомъ
 Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ,
 Искать сопротивника
 Поборотися...
 Возговорилъ же Царь
 Иванъ Васильевичъ

Своему ли слугѣ вѣрному,
 Неизмѣнному:
 «Ужь ты слуга мой,
 «Вѣрный мой,
 «Неизмѣнный мой!
 «Ужь ты выйди
 «На Красно крыльцо,
 «Воструби же
 «Во золоту трубу,
 «Чтобы собирались всѣ,
 «Князя и бояре.»

Бесѣда ли, бесѣда,
 Смирная бесѣда,
 Во той во бесѣдѣ
 Сидѣли тутъ два брата,
 Два брата родные,
 Хвалились сестрою,
 Своей сестрой родною.

И т. п.

Тутъ уже не можетъ быть и рѣчи о струнной игрѣ, ухотыкло отъ напѣва, напѣвъ оставалось бы приладить къ напѣву другихъ Пѣсень, не Былинъ: напѣвъ совершенно исчезаетъ, образуется скороговорка, лишь съ плавной интонаціей, похожей на сказочную. Былинѣ не переродиться въ иную пѣсню; остается ее забыть, утратить, какъ именно симъ путемъ и совершается, или остается перевести ее въ Сказку, сказывать,—какъ именно и сложились нами Былевая Сказки изъ древнѣйшаго, Черноморскаго и Придунайскаго, Эпоса; или, наконецъ, является за симъ проза,—такъ называемая «Сказанія,» каковы и есть о Мамаевомъ побоищѣ съ его товарищами. Это по видимому краше, какъ-то опредѣленнѣе спутанной Побывальщины: но въ самомъ дѣлѣ хуже, ибо утрачиваются самыя слѣды древности въ складѣ и напѣвѣ, упраздняются да-

же повторенія, кои разлагають цѣльную Былину, но въ раз-
жившейся указываютъ еще на первобытныя черты и позво-
ляютъ даже искусственно воссоздавать отдѣльныя части перво-
образа. Побывальщина еще напѣвается, а если уже связы-
вается, то все-таки больше мужчинами: Старина же перехо-
дитъ въ удѣлъ женщинѣ, отъ того въ народѣ именуется
Бабьей, и въ женскихъ-то устахъ, при другихъ любимыхъ
«женскихъ» пѣсняхъ, совершенно исчезаетъ.

Вотъ главные періоды въ исторіи нашихъ Былинъ, относи-
тельно склада ихъ, стиха и напѣва, сколько позволило намъ
коснуться того мѣсто и время, не входя подробно въ связь
Былинъ съ другими Пѣснями и въ судьбы сихъ послѣднихъ.
По всѣмъ означеннымъ путямъ, относительно Старшихъ на-
шихъ, до-Московскихъ Былинъ, слѣдуетъ замѣтить, что 1) мно-
гія изъ нихъ держатся еще основнаго, главнаго, древнѣй-
шаго состава и стиха, но, дошедши до насъ большею частію
въ современномъ устномъ употребленіи, а не въ тогдашнихъ
рукописяхъ, почти вездѣ представляютъ собою ослабленіе и
паденіе основы своей; 2) вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе или менѣе,
онѣ разложились уже на Побывальщины и Старины; 3) крѣп-
че еще другихъ своимъ складомъ и стихомъ Кіевскія, круга
Владимірова, потомъ Новгородскія: но Княжескія, по изложен-
нымъ выше причинамъ, почти всѣ уже разложились, и больше
на Старины; 4) по мѣсту, уцѣлѣла болѣе основа ихъ по от-
даленнымъ краямъ, въ захолустьѣ; 5) но, при видимыхъ судь-
бахъ разложенія, весьма рѣдки, почти незамѣтны приемы того
пути, который поставили мы вторымъ: то есть признаки, что-
бы изъ древнихъ формъ переродились новыя, чтобы развился
припѣвъ, чтобы явилась строфа, наступило разнообразіе. От-
живаютъ или уже отжили онѣ вѣкъ свой безвозвратно, не оста-
вивъ прямого наслѣдія, которое продолжало бы ихъ дѣло *по*
тому же самому способу. Судьба ихъ—гибнуть и исчезать:
чтобъ переродиться во что ни будь иное, слишкомъ много въ
нихъ неподдающей упругости и однообразнаго своеобразія,
недостаточно уступчивости, податливости и ковкости. Сoder-

жаніе ихъ еще во многомъ вошло въ Пѣсни Безъимянныя, Молодецкія: но складъ и стихъ, можно сказать, совершенно и безслѣдно бы сгибъ, какъ сгибъ почти напѣвъ, еслибы на смѣну ихъ не явились Былины *Московскія*.

Какое же отношеніе сихъ послѣднихъ къ Старшимъ, какія особенности и отличія въ складѣ, стихѣ и напѣвѣ? Постараемся указать вкратцѣ: провѣрить наши указанія можно данными на лицо.

Глядя на *Московскія Былины*, начинающіяся Грознымъ, можно бы съ перваго раза сказать, что онѣ составляютъ неизмѣнное *продолженіе* Старшихъ и лучшихъ Кіевскихъ: такъ онѣ тѣсно примыкаютъ туда по складу и стиху, такъ цѣльны, полны и крѣпки составомъ. Но мы сейчасъ же должны вспомнить, что *Московскія Былины*, съ половины XVI вѣка, дѣлятся отъ Кіевскихъ и Владимірова круга по крайности двумястами лѣтъ (ибо происхожденіе тѣхъ во всякомъ случаѣ приходится до господства Татарскаго). Новгородскія, слишкомъ исключительныя и мѣстныя, не могли служить образцомъ и посредствующимъ звѣномъ. Промежутокъ вѣковъ въ творествѣ и зарожденіи Былинъ могъ наполняться только Былинами Княжескими: а мы знаемъ, еслибы имъ служили *Московскія* непосредственнымъ продолженіемъ, то это была бы лишь исторія крайняго разложенія и паденія. Между тѣмъ въ *Московскихъ Былинахъ*, даже изъ Смутнаго Времени, имѣемъ такіе превосходные, цѣльные образцы творчества, такая видна сила, такъ крѣпокъ еще основной стихъ въ 10 слоговъ съ двумя половинами, такъ своеобразны приемы всѣ и языкъ, такъ далеко отъ Сказки и Сказанія, даже отъ Бабьей Старины (изъ времени Грознаго въ Старину разложились лишь Былины о Кастрюкѣ), что остается принять твердо одно: дѣйствительно, *Московскій періодъ Былинъ* есть *второй*, есть *новый* періодъ Былеваго общерусскаго творчества послѣ старшаго Владимірова; творчество не продолжалось только, а *воспрянуло* съ новыми силами и средствами; Москва явилась тѣмъ же, что для древ-

ности Кіевъ, Грозный своего рода Владиміромъ, а историче-скіе герои—наслѣдниками старыхъ богатырей.

Мало того, что творчество восприняло: оно облеклось *новы-ми* образами, оборотами и приѣмами, пошло *дальше*, открыло себѣ *новые* пути. Такъ, на примѣръ, Кіевскія всё широки, пло-довиты, даже растянуты: посмотрите же на лучшія Москов-скія, на примѣръ записанныя для Ричарда Джемса или о Лже-димитріѣ,—неизвѣстная прежнему творчеству *краткость, точ-ность* и *законченность*; въ этой сжатости и опредѣленности сжатая могучая сила; характеръ сей силы драматическій, блещущій драматизмомъ въ нѣдрѣ творчества еще эпического. Языкъ, складъ, стихъ, напѣвъ примѣняются къ симъ внутрен-нимъ свойствамъ. Лагонизмъ Новгородскихъ Лѣтописей не оправдался подобною краткостью и сжатостью въ Нѣвгород-скихъ Былинахъ: дѣло другое лагонизмъ обиходной рѣчи, дѣло другое краткость, точность, выразительность въ созданіи твор-ческомъ. Былины Княжескія, большею частію Побывальщины и Старины, почти та же семейная и женская Пѣсня, бытовая дума: Былина Московская, являясь превосходнымъ и особымъ образцомъ Былины, зараждаетъ въ себѣ Драму, обильна дви-женіемъ, столкновеніемъ (конфликтomъ), завязкою и развязкою, хотя еще пока и связанной крѣпко эпическимъ узломъ.

Согласно тому, впервые является разнообразіе *напѣва*: что былина, то особый напѣвъ, и притомъ различный по харак-теру; впервые обозначается различіе напѣва протяжнаго и ско-раго, заунывнаго и веселаго. Является *припѣвъ*, какъ повторе-ніе окончности стиха, или втораго колѣна, или даже припѣвъ *особый*, вставочный. А такъ какъ Старшія Былины изъ другихъ періодовъ дошли къ намъ большею частію черезъ руки Мос-ковской области, чрезъ потокъ Московскаго времени, то самое разнообразіе ихъ, если гдѣ замѣчаемъ въ складѣ, стихѣ и на-пѣвѣ, вѣроятно есть дѣло главнымъ образомъ Московскаго вміянія.

Лучшія Старшія Былины дали основу сочиненію Слова о Полку Игоревѣ; Княжескія, ослабѣвшія, породили Сказанія, Ста-

рины и Слова о Дмитріѣ и Мамѣ; Новгородскія остались безъ слѣда въ книжныхъ и прозаическихъ сочиненіяхъ; инныя Былины выродили изъ себя Сказку, какъ на примѣръ объ Ильѣ Муромцѣ: Московскія Былины породили не Сказку, не книжныя Сказанія, а во первыхъ, въ той же художественной области, цѣлый рядъ Историческихъ Пѣсень, съ постепенными переходами Былеваго творчества, отъ Петровскихъ до Александровскихъ и даже Николаевскихъ; цѣлый рядъ Безъимянныхъ и Молодецкихъ; вообще цѣлый разрядъ всякихъ *Пѣсень*, болѣе или менѣе съ Былевыми чертами, съ разнообразіемъ формъ въ складѣ, стихѣ и напѣвѣ, но вездѣ съ замѣтнымъ, заданнымъ однажды на всегда пошибомъ Московскимъ. Еще болѣе: онѣ послужили очевиднымъ переходомъ къ созданію *художественныхъ эпопей* новаго времени, къ *поэмамъ* искусства вторичнаго, посредственнаго. Онѣ-то, смѣло скажемъ, привели насъ къ Борису Годунову, Полтавѣ, даже къ Мертвымъ Душамъ. И онѣ же отчасти уже породили, а еще больше конечно породятъ Русскую народную драму.

Наконецъ, отличаясь общеповятностью, общедоступностью и такъ сказать обязательностью для всей Россіи, если она желаетъ исторически развиваться далѣе, Московскія Былины, со всѣми ихъ порожденіями, въ то же время, говоря нынѣшнимъ способомъ, чрезвычайно локальны, разумѣя подъ симъ, что онѣ запечатлѣны единымъ главнымъ характеромъ и налагаютъ свой типъ рѣзкою печатью. Вотъ почему, если онѣ заходятъ на отдаленныя края и тамъ отчасти забываются въ подробностяхъ, то не остается пѣвцамъ ничего болѣе, какъ восполнить пробѣлы чертами Старшихъ, Кіевскихъ Былинъ. Вотъ почему, возвращаясь къ прерванному, видимъ, что Былина о Лжедмитріѣ и Маринѣ въ окраинѣ Сибирской (у Кириши) перешла своимъ концомъ въ Былину о Добрынѣ, а у Рыбникова, въ двухъ сходныхъ образцахъ, въ Ч. I-й № 69 и въ Ч. III-й № 45, пѣвецъ прямо сознается въ своемъ невѣдѣніи по отдаленности поприща воспѣваемаго историческаго событія: «Скажутъ (говорятъ, есть слухъ), Дмитрія убили въ каменной Мо-

сквы, Его мощи схоронили подъ Божью церкву, Гришка Разстрижка въ тюрьмы сидитъ», и т. п. Но и при этомъ, историческія черты творчества такъ выразительны, обязательность ихъ столь сильна, что, не смотря на отдаленность, пѣвецъ Бутылка такъ опредѣлялъ въ Петрозаводскѣ г. Рыбникову эпоху Годунова, въ началѣ Былины о Лжедмитріѣ:

Во стѣ было во седьмомъ году,
 Во седьмомъ году въ восьмой тысячѣ,
 Не было въ Москвѣ содержатая,
 Содержатая въ Москвѣ, сбережатая.

То есть въ 1599 году: спрашиваемъ, гдѣ, кромѣ Московскихъ Былинъ, возможна такая историческая опредѣленность?

Пойдемъ далѣе.—Былины о Скопинѣ, одномъ изъ любимѣйшихъ народныхъ героевъ Московскихъ, начинаютъ еще связью его съ исторіей Лжедмитрія: такова напечатанная выше, подъ № 3, стр. 7—9. Но гораздо обильнѣе Былины объ его трагической смерти. Изъ нихъ 1-я (стр. 9—11) имѣетъ при себѣ очень хорошее разнорѣчіе въ Новиковскомъ Пѣсенникѣ, въ части Ш-й:

Смерть Скопина.

1.

У князя было у Владиміра,
 Было шированье почетное *),
 Ой кстили дитя княженецкое.
 Ахъ, кто кумъ-тотъ **) былъ, кто кума была?

*) Почетное.

**) Вѣроятно, какъ и ниже, „кумо-тъ.“

5. Ай кумо-тъ былъ князь Михайла Скопинъ,
Князь Михайла Скопинъ сынъ Васильевичъ,
А кума-та была дочь Скурматова.
Они пили-ѣли, проклажались,
Пивши-ѣвши похвалялися.
10. Выходили на крылечко на красное,
Ужь какъ учили похвалу чинить князья-бояра:
Одинъ скажетъ, «У меня много чистаго серебра;»
Другой скажетъ, «У меня больше красна золота.»
А что взговорить князь Михайла Скопинъ,
15. Михайла Скопинъ сынъ Васильевичъ:
«Еще что вы, братцы, выхваляетесь?
«Я скажу вамъ не въ похвалу себѣ:
«Я очистилъ Царство Московское,
«Я вывелъ вѣру поганскую,
20. «Я сталъ за вѣру христіанскую *)»

То слово кумѣ не показалось,
То крестовой не похвалилось:
Наливала она чару водки крѣпкія,
Подносила куму крестовому.

25. Самъ же онъ не пилъ, а ее почтилъ **):
Ему мнилось, она выпила,
А она во рукавъ вылила.
Наливала еще куму крестовому:
Какъ выпилъ князь Михайла Скопинъ,
30. Рѣзвы ***) ноги подломидися,
Бѣлы руки опустилися.
Ужь какъ брали ево слуги вѣрныя,
Подхватили ево подъ бѣлы руки,
Повезли ево домой къ себѣ.
35. Какъ встрѣчала ево матушка:
—Дитя мое, чадо милое!

*) Эта похвала одинакова съ тою, какая влагается Грозному: см. 6-й выпускъ.

**) Почтивалъ, поднесъ.

***) Въ печати ошибочно: „Трезвы.“

—Сколько ты по пирамъ не ѣжжаль,

—А таковъ еще пьянъ не бываль.—

«Ахъ ты гой еси, моя мать родная!

40. «Сколько я по пирамъ не ѣжжаль,

«А таковъ еще пьянъ не бываль:

«Съѣла меня кума крестовая,

«Дочь Малюты Скурлатова!»

(Вопросъ къ сов. изд. 2, М. 1783 г., ч. III, № 159).

Въ «Лѣтоп. Р. лит. и др.» т. IV, въ сборн. гг. Костомар. и Мордовц., этотъ образецъ, безъ замѣтки впрочемъ, откуда взять онъ, приведенъ въ качествѣ двухъ *вариантовъ*, а сама Былина восстановлена съ помощію того образца изъ Кириши Данилова, какой напечатанъ у насъ выше подъ № 2, стр. 11—16. Однако Былина такъ подробно и тщательно восстановлена сочинителями, что ее можно здѣсь привести изъ любопытства:

2.

У насъ было въ каменной Москвѣ,

У князя было Воротынскаго,

Было пированье великое,

Кстили дитя княженецкое.

5. Кумомъ былъ князь Михайло Скопинъ,

Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ,

А кумою была дочь Скурлатова.

Много было тутъ князей—бояръ,

Князей—бояръ, гостей званыхъ,

10. Они ѣли—пили, прохлаждалися.

Напивалися гости до пьяна,

Выходили на красенъ крылецъ,

И учали они хвастатися:

Сильный хвастается силою,

15. Богатый богачествомъ;

- Одинъ скажетъ: «у меня много чиста сѣребра.»
 Другой скажетъ: «у меня больше красна золота.»
 Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ
 Онъ и не пилъ зеленá вина,
 20. Не пригубливалъ пива крѣпкаго ^{*)},
 Только пилъ одни меду сладкіе.
 А и съ мѣду князь захмѣлѣлъ ^{**)},
 Во хмѣлю онъ похваляться сталъ:
 «Да и што-й-то больно, братцы, вы расхвастались!»
 25. «Полно, есть ли вамъ чѣмъ хвастать-то?
 «А ужъ я ли могу похвалитися:
 «Я очистилъ Царство Московское,
 «Я вывелъ вѣру поганскую,
 «Я сталъ за вѣру христіанскую,
 30. «И за то мнѣ князю слава до вѣку.»

- И то слово кумѣ не полюбилося,
 То слово крестовой не показалося.
 Втапоры она дѣло сдѣлала:
 Наливала чару зеленá вина,
 35. Подсыпала въ чару зелья лютаго,
 Подносила чару куму крестовому.
 А князь отъ вина отказывался,
 Онъ самъ не пилъ, а куму почтилъ:
 Думалъ князь, она выпила,
 40. А она въ рукавъ вылила.
 Брала же она стаканъ меду сладкаго,
 Подсыпала въ стаканъ зелья лютаго,
 Подносила куму крестовому.
 Отъ мѣду князь не отказывается,
 45. Выпиваетъ стаканъ меду сладкаго:

^{*)} Пиво называется у насъ не «крѣпкимъ», а «пьянымъ.» Въ другихъ Былинахъ: «Только одно пиво пилъ и сладкой медъ.»

^{**)} Въ другихъ, *народныхъ*, Былинахъ на оборотъ: «Не съ большаго хмѣлю онъ похваляется.» И ниже въ этомъ состоитъ трагизмъ противоположенія: мать сочла его хмѣльнымъ, когда онъ вовсе не былъ такимъ.

Какъ его тутъ рѣзавы ноженьки подломилса,
Его бѣлыя рученьки опустилися.

Ужъ какъ брали его тутъ слуги вѣрные,
Подхватили подъ бѣлы руки,

50. Увозили князя къ себѣ домой.

Какъ встрѣчала его матушка:

—Дитя ты мое, чадо милое!

—Сколько ты по пирамъ не ѣзжалъ,

—А таковъ еще пьянъ не бывалъ.—

55. «Охъ ты гой еси, матушка моя родимая!

«Сколько я по пирамъ не ѣзжалъ,

«А таковъ еще пьянъ не бывалъ:

«Съѣла меня кума крестовая,

«Дочь Малюты Скурлатова!»

(„Лѣтоп. Р. л. и др.“ сборн. Костомар. и Морд.)

Подобнымъ образомъ и Сахаровъ, перепечатывая означенную Былину изъ Кириши, искусился сдѣлать нѣкоторыя, по его мнѣнію и обычаю необходимыя, поправки и дополненія (означимъ ихъ курсивомъ):

Стихъ 11: «Какъ были въ *Москвѣ* припасы многіе.» — 18: «Изъ великаго государства Россійскаго.» — 22: «И всей нашей земли *свѣтло*-Русскія (вмѣсто «свѣто-Русскія,» «свето-Русскія,» т. е. «свято-Русскія»).» — 23: «*Какъ* (вмѣсто «Что») ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ.» — 28: «во *Новгородѣ* (вм. «во Новѣградѣ»).» — 30: «*Входилъ* (вм. «Походилъ»).» — 32, 33: «А и беретъ чернилицу золотую, *А и въ ней-то* (вм. «Какъ бы въ ней») перо лебединое.» — 36: «Во *Свицкую* землю, *заморскую* (вм. «Саксонскую»).» — 42: «А и *смилуйся, смилосердуйся* (вм. «смилосердися»).» — 53: «А съ ярлыками послалъ скорого *ямщика* (вм. «почтаря;» почтъ тогда, думалъ Сахаровъ, не было, это Нѣмецкое слово).» — 55: «А того *Ивана Ивановича* (вм. «Митрофана Фунтосова;» Сахаровъ не понималъ искаженнаго имени Деллагарди).» — 56, 57:

«Какъ и будетъ *ящичикъ* (вм. «почтарь») въ *Свицкой земль*,
 У честна короля, честнаго Карлуса (вм. «въ Половецкой Орды»
 какая, дескать, тамъ Орда? Правильнѣе Швеція).»—84: «А
 третія силы *Шкодскія* (то есть, полагалъ И. П. Сахаровъ,
 Скоттскія, Шотландскія; онъ не догадался, что въ подлинникѣ
 «Школьскія» значить, по нашему древнему, «Стокольскія,
 Штокгольмскія»).»—89: «Въ соборѣ Скопинъ онъ заутреню
отслушалъ (вм. «отслужилъ») служить, дескать, попы, а Ско-
 пинъ былъ князь).»—101: «*Прекрашали* Черкесъ (перекроши-
 ли, вм. «прекратили», укротили, усмирили).»—Сказавши о
 Черкесахъ или Черкасахъ, Былина справедливо прибавила за-
 мѣчательный стихъ (103): «Еще нонѣ тутъ Малороссія»; Са-
 харовъ этотъ стихъ выпустилъ: какая, де, Малороссія у Чер-
 кесовъ на Кавказъ?—106: «А на западну сторону *походомъ*
 пошли (вм. «и въ ночь», т. е. на сѣверъ: они, дескать, шли
 конечно днѣмъ, къ чему же тутъ ночь?).»—126: «Крестили
млада княжевича (вм. «младаго князевича;» стремленіе гра-
 матики Греча и забота о претвореніи звука).»—157, 158:
 «Она-то, кума его крестовая, Подносила стаканъ меду слад-
 каго (вм. «Она *знавши*», т. е. съ вѣдома, съ сознаниемъ, что
 это ядъ; эту замѣчательнѣйшую черту призналъ Сахаровъ
 неловкою по грамматикѣ Греча).»—160: «*Принимаетъ* (вм. *сумь-
 арнаю* «примаетъ»).»—Стихъ 168 въ подлинникѣ: «Голова съ
 плечъ покатиася,» то есть отъ дѣйствія яду свалилась на
 грудь, повисла; И. П. Сахаровъ счелъ это за то, будто сруб-
 ленная голова покатиася на землю: какая несообразность!
 Потому онъ исправилъ, и прекрасно: «Голова *на плечахъ*
зашаталася.» Запрыгала на плечахъ, разгулялась!—172 въ
 подлинникѣ: «А только успѣлъ съ нею (матерью) скоро про-
 ститися,» какъ скоро, какъ только успѣлъ проститися.—«И
 матушка ему пѣнять стала.» Какъ, думалъ г. Сахаровъ, за-
 чѣмъ онъ прощася *скоро*? Разумѣется, выпустилъ это слово.—
 Очевидно, эти поправки не такъ ловки, какъ въ сборникѣ гг.
 Костомар. и Мордовц. при свѣтѣ *нынѣшней* науки.

Другое разнорѣчіе къ сей же Былинѣ, именно въ началу ея, гдѣ разсказывается о подвигахъ Скопина, представляется въ Сборникѣ Рыбникова, Ч. I, № 70, къ сожалѣнію безъ конца: какъ Скопинъ возведенъ во времена Владиміра, такъ здѣсь онъ отнесенъ къ эпохѣ Грознаго и поставленъ въ товарищахъ съ такимъ же любимымъ народнымъ героемъ, Никитой Романовичемъ.

Но перлъ народнаго нашего пѣснотворчества и лучшій образецъ Московскаго, съ особымъ складомъ въ 10 и 12 строгвъ стиха, съ необычайной художественной сжатостію, находимъ въ той же книжкѣ Ричарда Джемса, въ рукописи по горячимъ слѣдамъ событія:

3.

(Москва).

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося,

Съ полуночи у насъ въ колоколь звонили?

А роспачютца гости Москвичи *):

«А тепере наши головы загибли,

Въ «Что не стало у насъ воеводы,

«Васильевича князя Михаила!»»

А съѣзжались князи-бояре супротиво къ нимъ,

Мыстисловской **) князь, Воротынской,

И между собою онѣ слово говорили ***),

*) Торговцы, торговавшіе въ Москвѣ, мѣстные, приписные и заѣзжіе, но особенно тогда собранные съ разныхъ краевъ подъ предводительство Скопина.

**) Въмѣсто «Мыстиславской».

***) Стихи по происхожденію вѣроятно таковы:

А съѣзжались князи-бояра,

Супротиво къ нимъ становилися,

Мыстиславской князь, Воротынской,

Межь собою онѣ слово говорили:

10. А говорили слово, усмѣхнулись *):
 «Высоко соколъ поднялся **),
 «И о сыру-матеру землю ушибся!»

А расплачютца Свѣцкіе ***) Нѣмцы:
 «Что не стало у насъ воеводы,

15. «Васильевича князя Михаила!»
 Побѣжали Нѣмцы въ Новъ-городъ,
 И въ Новъ-городъ заперлися,
 И многой мѣръ-народъ погубили,
 И въ Латынскую землю превратили ****).

(Изъ запис. Рич. Дженса, Изв. Ак. Н. Т. Д.)

* *

Былины о Скопинѣ замѣчательны еще въ томъ отношеніи, что подтверждаютъ еще разъ, какъ въ Москвѣ слагались тогда Былины тотчасъ за событіями, или, по техническому народному выраженію, документально идущему отъ Слова о Полку Игоревѣ, «пѣли славу» извѣстному героическому лицу, славили его Былиной о подвигахъ его, величали. Послѣ разсказа о подвигахъ Скопина, послѣ духовныхъ торжествъ Москвы, прибавлено, что тотчасъ «На великихъ на радостяхъ пѣръ пошелъ — У Скопина князя Михайлу Васильевича—и велику славу до вѣку (таково опять техническое выраженіе,—Былину

*) Это, плохо сдержанная, радость бояръ-князей, изъ зависти къ Скопину, выражена и въ предыдущей Былинѣ, гдѣ заготовленіе яду приписывается имъ, а Екатерина является лишь орудіемъ: «А и тутъ боярамъ за бѣду стало — они дѣло сдѣлали—подавали кумъ его».

**) Стихъ въ 8 слоговъ совершенно соотвѣтствуетъ господствующему смыслу въ 10 и 12; таковъ же и стихъ 8-й; таковъ же долженъ быть 6-й:

Васильевича князь-Михаила.

***) Свѣцкіе, Шведскіе.

****) Отторгли къ западнымъ странамъ; стихъ долженъ быть:

И въ Латынску землю превратили.

слагають, дабы увѣковѣчить событіе и подвиги) поютъ Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.» Этимъ же хвалится и самъ Скопинъ, перечисливши свои подвиги: «Еще ли мѣть славу поютъ до вѣку, Отъ стараго до малаго (всѣ поющіе); Отъ малаго до вѣку моего (на всю мою жизнь).» Это же представляется и главной виной ненависти къ нему: «А и тутъ боярамъ за бѣду стало.» Погибъ Скопинъ, и тотчасъ же опять сложена Былина, какъ предыдущая, сейчасъ приведенная, такъ и та самая, гдѣ упомянуто о «славѣ» въ честь Скопина; ее также пѣли пѣвцы, гуслиры («веселые молодцы»), и также на пиру, что явствуетъ изъ припѣвки въ концѣ:

То старина, то и дѣянье—

Еще намъ, Веселымъ Молодцамъ, на потѣшенье,

Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,

Испиваючи медъ, зелено вино:

Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ

Тому боярину великому (можетъ быть Скопину)

И хозяину своему (у кого на пиру пѣли) ласкову:

То же самое извѣстно о Ксеніи: по однимъ историческимъ извѣстіямъ прямо говорится объ ней, что она любила «воспѣваемые гласы (книжное выраженіе вмѣсто простаго—«пѣсни»);» по другимъ, она «причитала,» когда Шуйскій переносилъ тѣла Годуновыхъ; эти самыя «Причѣты» и облечены въ форму, они-то, какъ Былины, съ рассказомъ о всей уже судьбѣ Ксеніи, и записаны въ 1619 году, они-то и приведены нами выше какъ памятникъ творчества.

Вѣроятно къ тѣмъ же подвигамъ, какъ Скопинскіе или Ляпуновскіе противу Литвы, или же къ осадѣ Волока (см. ниже), относится Былина, съ началомъ «Ай ты безгодье, безгодье зло,» напечатанная въ «Национальномъ Пѣснопѣннѣ,» Ч. I: изданія этого, впрочемъ бывшаго нѣкогда у насъ въ собственности, но утраченнаго, къ сожалѣнію теперь не могли мы достать и не имѣли подъ руками. Конечно тамъ была книжная подправка.

Такой же, къ сожалѣнiю, подправкою досужаго книжника конца прошлаго вѣка отличается записанная въ наши гѣсенники Былина о Скопинѣ, гдѣ ему приписывается руководство первыми нашими покушенiями на Азовъ, подобно какъ, мы видѣли, отнесено его имя, въ качествѣ любимаго народнаго героя, и къ эпохѣ Грознаго, и даже Владимира:

Первыя покушенiя на Азовъ.

1.

У насъ было во Кремлѣ во городѣ,
У того у собора Успенскаго,
Соѣжжались князья и бояра,
Всѣ сильные воеводы Московскiе.

5. Ужъ какъ Царь говорить, какъ въ трубу трубить:
«Охъ вы гой еси, князья-бояре!
«Какъ намъ, братцы, на приступъ итти,
«Какъ намъ взять будетъ Азовъ городъ?
«Азовъ городъ во крѣпи *) стоитъ,
10. «Нельзя къ нему подойти, ни подѣлхати.»
Какъ тутъ ли бояре испужались,
Большой за меньшова хоронится,
А меньшихъ за большими давно не знать **).
Ахъ что взговоритъ Михайла Скопиня:
15. —Охъ ты гой еси, грозный Царь!
—Благослови мнѣ слово молвити
—Или цѣлу рѣчь выговоритъ:
—Дѣлайте телѣжки бурмицкiя ***),
—Убивайте телѣжки кунами собольими ****),

*) Укрѣпленъ, крѣпко.

***) И подавно не видать, не узнаешь.

****) Бурмистровскiя, большiя, въ какихъ ѣздить Головы.

*****) Кунами-собольими.

20. —Сукнами багренowymi и гвоздми полужоньми,
 —Сажайте въ телѣжки по пяти человекъ,
 —Я поѣду въ тотъ городъ—могучій гость *),
 —Я возьму тотъ городъ во единъ **) часть.—

Приѣхали они къ синему морю,

25. Кричить онъ ***) перевозчикамъ:
 —Перевезите гостя могучаго
 —Что во тотъ ли во Азовъ городъ!—
 Стали бурмистры и головы,
 Стали пошлины спрашивать;
 30. —Ахъ вы гой еси, бурмистры и головы!
 —Погодите вы до утрія:
 —Дамъ вамъ по таксъ полную.—

Со полуночи до вечера могучій гость

Черезъ сине-море переправился,

35. Осмотрѣлъ крѣпость Азовскую,
 И донесъ Царю о возможности ****).

(Пѣсенникъ Новик. 2-е изд. 1783 г. ч. III, № 158, Кузнецовскій 1822 г. № 624 и друг.).

Если исключить отсюда вставленное имя Сюпина, то происхождение Былины скорѣе можно отнести къ послѣдующему собору объ Азовѣ, и даже къ знаменитымъ Азовскимъ походамъ, а самый способъ соглядайства и приближенія къ городу, правильнѣе на лодкахъ, чѣмъ на телѣжкахъ; одинаково рассказывается въ другихъ Былинахъ и объ Астрахани, и объ разныхъ козацкихъ подвигахъ (см. ниже).—Прочія Былины объ Азовѣ, хотя по видимому и раншія Петровскихъ, приведемъ при сихъ послѣднихъ, въ началѣ ихъ.

*) Поѣду туда какъ богатый гость, торговецъ.

**) Въ другихъ пѣсенникахъ: «во единый».

***) Въ другихъ: «Кричать онъ вопить».

****) Стихъ о возможности—невозможный въ устахъ народа.

Былина о Тушинскомъ Ворѣ известна намъ только въ одномъ образцѣ, каковъ ни есть онъ:

Тушинскій Воръ.

(Саратовск. губ.).

Изъ-за Шведскія, изъ Литовскія изъ земелюшки,
Въѣзжаетъ воръ-собачушка на добромъ конѣ,
На добромъ конѣ во чисто поле.

Становился воръ-собачушка подъ столицею,

5. Подъ столицею въ славношъ Рубежѣ.

Онъ разставлятъ бѣль-тонкой шатеръ,
Разстилаетъ во шатрикѣ шелковой коверъ,
Разсыпаетъ на коврикѣ золоты бобы,

По бобамъ сталъ воръ-собачушка угадывать:

10. «Не казнять-то насъ и не вѣшаютъ,

«Ужъ и много насъ жалованьемъ жалуютъ.»

Садился воръ-собачушка на добра коня,

Онъ поѣхалъ воръ-собачушка во чисто поле,

Изъ чиста поля во царевъ дворецъ.

15. Подъѣзжаетъ онъ ко цареву дворцу,

Прѣзжаетъ онъ на широкій дворъ,

Слѣзаетъ воръ-собачушка со добра коня,

Онъ свою коня не привязывать,

Не привязывать, никому не приказывать.

20. Восходилъ воръ-собачушка на красенъ крылецъ,

Входилъ онъ воръ-собачушка во царевъ дворецъ,

Онъ самимъ боярамъ не кланятся

И самой государынѣ челомъ не бьетъ.

Онъ садился воръ-собачушка за дубовый столъ,

25. Вынимаетъ воръ-собачушка ярлыки на столъ,

По ярлыкамъ воръ-собачушка сталъ расписываться:

«Я самихъ же то бояръ во полонъ возьму,

«А съ самою царицею обвинчаюся.»

(„Литов. Р. Литер. и Др.“ изъ Сбора. гг. Костонар. и Мордов.).

Слѣдующія за тѣмъ и выше отпечатанныя, стр. 17, 18, Былины о Шуйскомъ и Ляпуновѣ, крайне драгоценныя, весьма впрочемъ пострадали, испорчены и извѣстны доселѣ по одному лишь образцу. Гораздо болѣе сохранилось разнорѣчій изъ Смутаго Времени о попѣ Емельѣ. Къ напечатаннымъ на стр. 19—21, подъ №№ 1—3, приведемъ слѣдующія:

Смутное Время. Попъ Емеля.

1.

(Тверск. губ.).

- Бхала свадьба, семеры сани,
 Семеры сани, по семеру въ саняхъ,
 Семеро пѣшками, а всё съ бердышкани,
 Семеро верхами, а всё съ мѣшками.
5. На встрѣчу той свадьбѣ попо-тъ Емеля,
 Попо-тъ Емеля, крестъ на ремени,
 Крестъ на ремени полуторы сажени:
 «А Боже *) вамъ въ помочь, духовныя дѣти,
 «Духовныя дѣти, въ чужія-то клѣти,
 10. «Въ чужія-то клѣти, молебны пѣти:
 «Добро-то берите, а душъ не губите.»

(Запис. Туринск.).

2.

(Тверск. губ., Старицк. у.).

Какъ во полѣ-полѣ,
 Во чистомѣ во полѣ,
 Ай ли, да ой ли,
 Во чистомѣ во полѣ,

*) А Богъ же.

5. Во чистомъ во полѣ
Сбиралися воры,
Ай ли да ой ли,
Сбиралися воры *)),
Сбиралися воры,
10. Воры не чужіе,
Ближніе сосѣди.
Не много, не мало,
Ихъ семеро саней.
Во первыхъ—то саняхъ
15. Атаманы сами **) .
Во седьмыхъ—то саняхъ
Сидитъ пошъ Емея,
У попа Емели
Крестъ на ремѣни,
20. Крестъ на ремѣни
Въ полторы сажени.
Батька благославляетъ,
Крестомъ ограждаетъ:
«Поѣзжайте, дѣти,
25. «Во чужія клѣти,
«А что ни до будете,
«Поца не забудете.»
Попадья Олена
На воду смотрѣла ***),
30. Ворами говорила:
—Не ѣздите, дѣти,
—Во чужія клѣти,—
—Будеть вамъ невзгода,
—Будеть непогода!—
35. Не слушались воры

*) Такъ идетъ припѣвъ и каждый слѣдующій стихъ поется трижды.

**) Далѣе перечисленіе саней и сѣдоковъ забыто.

***) Гаданья такого рода упоминаются въ Былинахъ Смутаго Времени часто и о Самозванцахъ, и Сигизмундѣ.

Попалъ Олѣны,
Сѣли—засвитали,
Коней нахлытали.

(Записано нами отъ А. А. Павина 1868 года).

На стр. 21—23, драгоценная, по единственному образцу ея, Побывальщина о Мининѣ, Пожарскомъ, освобожденіи Москвы и избраніи Михаила, къ большому горю едва уцѣлѣла въ устахъ 70-лѣтней старухи и весьма разрушена.

Чтобы покончить со временемъ и событіями Смуты, съ битвами противу Поляковъ и Литвы, приведемъ здѣсь въ отрывкахъ уцѣлѣвшія Былины о нападеніи на Вологъ Ламскій. Въ 6-мъ выпускѣ, на стр. 187—190, приведена нами, еще прежде печатанная самимъ П. В. Кирѣевскимъ, Былина объ осадѣ Пскова, къ которой примѣшана осада Волока и вставлено имя Карамышева. Тогда же, послѣ подробныхъ замѣчаній о происхожденіи и составѣ Былины, обѣщали мы привести позднѣйшія ея разнорѣчія, что и исполняемъ:

Нападеніе на Вологъ Ламскій.

1.

(Сибирск. губ., с. Станншное).

Собирался Король на святую Русь,
Не дошедши Москвы остановился за пятьсотъ верстъ,
За пятнадцать верстъ городу Волоку,
Во уздѣ, селѣ Федоровскинѣ,
5. Во любиманѣ дворцѣ государевомъ.
Писалъ ерлыки скорописные,
Отсылалъ ерлыки въ каменну Москву
Ко тому ли къ воеводѣ Московскому,

- Корамышину Семіону Костентиновичу:
10. «Охъ ты гой еси, воевода Царевъ,
«Корамышинъ Семіонъ Костентиновичъ!
«Ты отдай мнѣ Москву *) безъ бою,
«Безъ тово ли кроволитья великаго.»
Что отвѣтъ держитъ ему воевода Царевъ:
15. —Ты б.... сынъ, Король и съ Королевою!
—Не дошедши Москвы ты похвалиться сталъ:
—Я силу твою конемъ потопчу,
—Кольчужниковъ и латниковъ всѣхъ въ полонъ возьму.—
- За досаду Королю показалось,
20. Взволновался Король, самъ боемъ пошолъ:
Да на силу Король самъ-третей ушолъ.
Бѣгучи Король заклиналъ самъ себя:
«Не дай, Боже, ходить на святую Русь,
«Ни мнѣ Королю, ни брату мому!»
25. И еще этимъ Король обещистилъ самъ себя **).
- Дворянамъ-боярамъ—имъ выслуга,
А служивымъ солдатамъ—имъ жалованье,
Донскимъ казакамъ сукна на ковтанъ,
А намъ, молодцамъ, по стакану пивца:
30. Кто бы намъ поднесъ, мы бы выпили,
Хозяина съ хозяйошкой проздравствовали!

(Запис. А. М. Ямковичъ).

*

2.

(Оттуда же).

Собирался Король на святую Русь,
Всѣмъ панамъ, всѣмъ пановичамъ ***),

*) Въ Былинѣ 6-го выпуска: «Волокъ».

**) Отселѣ начинается припѣвка пѣвцовъ, величавшихъ Былинною воеводъ, служилыхъ людей и козаковъ, передъ слушающими хозяевами.

***) Со всѣмъ панамъ-пановичамъ: т. е. со всѣми панами-пановичами.

- Со любезнымъ своимъ шуриномъ съ Вороновичемъ *).
- По утру спать ложился,
5. Ко полуночи пробудился;
Онъ со вечера рососою умывался,
Онъ кавтанною полою утирался,
А Московскому Чудотворцу, Богу молился,
И на всѣ четыре стороны поклонился:
10. «Вы здорово ли, мои братцы, спали-ночевали?
«Одинъ-то я, доброй молодець, не здоровъ спать **):
«Будто я хожу, доброй молодець, по край синя моря,
«Я правою ногою въ море оступился,
«А лѣвою рукою за древо схватился,
15. «За скропкое ***) древо, за крушину;
«Спасибо, мое скропкое дерево крушина,
«Да на томъ спасибо, что въ море не пустила!»

(Запис. тѣмъ же).

Эти Былины, о подступѣ къ Волоку, поются доселѣ въ Волоколамской области. См. описаніе Волоколамскаго уѣзда въ Моск. Губернск. Вѣдомостяхъ 50-хъ годовъ.

Послѣ прекрасной, хотя и немного книжной по языку, Былины о смерти Василя Шуйскаго и избраніи Михаила (стр. 24), наиболѣ замѣчательная слѣдуетъ о пріѣздѣ Филарета Никитича и Шеина. Она записана также для Ричарда Джемса въ 1619 году, слѣдовательно тотчасъ при самомъ событіи, на которое и сложена. Потому же она представляетъ набы набросанный очеркъ, еще не успѣвшій развиться и разукраситься, а вмѣстѣ, какъ это бываетъ, и попортиться:

*) Въ Былинѣ 6-го выпуска это имя воронаго коня; но кажется это передѣлано изъ «Хотеновича», а послѣднее изъ «Ходкевича».

**) И видѣль во снѣ...

***) Хруское, круское (откуда и имя крушины), что крошится и крушится (у Южныхъ Славянъ «крѣшко»).

Прїѣздъ Филарета Никитича и Шенна въ Москву.

1.

(Москва).

- Зрадовалоя Царство Московское
 И вся земля свято-Руская:
 Умолилъ государь, православной царь,
 Князь великій Михайло Федоровичь.
3. А что скажутъ, вѣхалъ батюшка *),
 Государь Филареть Микитичь,
 Изъ невѣрной земли изъ Литовской;
 Съ собою онъ вывезъ много князей-бояръ,
 Еще онъ вывезъ государева **) боярина,
10. Князя Михайла Борисовича Шенна.
 Съѣхалися многіи князя-бояря,
 (Князя-бояря) и многіе власти,
 Ко сильному Царству Московскому:
 Хотятъ встрѣчать Филарета Микитича.
15. Изъ славнаго града каменной Москвы,
 Не красное солнце катилося,
 Пошелъ государь православной царь,
 Встрѣчати своего батюшка,
 Государя Филарета Микитича;
20. Съ государемъ пошелъ его дядушка ***) ,
 (Его дядушка) Иванъ Микитичъ бояринъ ****):
 «Дай, Спири *****), здоровъ былъ государь мой батюшко,
 «А батюшко государь Филареть Никитичь!»

*) А отъ того радость, тѣмъ умолилъ царь, что, говорятъ, прїѣхалъ его батюшка.

**) Вѣроятно «государь» и тогда стихъ не нарушается въ размѣрѣ.

***): Дядушка.

****) Слѣдуютъ прїѣзственные слова Михаила отцу.

*****) Господи.

- А какъ будутъ онѣ въ каменной Москвѣ,
 25. Не пошли онѣ въ хоромы въ царскіе,
 А пошли онѣ къ Пречистой соборной *).
 А пѣти чесныхъ молебеновъ.
 Благословлялъ своего чада милаго **):
 —И дай Господи, здоровъ былъ православной царь,
 30. —Князь великій Михаилъ Ѳедоровичъ,
 —А ему здержати Царство Московское
 —И вся земля свято-Руская ***)!—

(Извѣст. Ак. Н. Т. Д.).

Текущій складъ Былины, только что сложенной и не успѣвшей ни окрѣпнуть, ни опредѣлиться, выразился тѣмъ, что стихи ея состоятъ то изъ 9, 11 и 13-ти, то изъ 10 и 12-ти слоговъ.

Былина на стр. 24, 25, о битвѣ подъ Астраханью, съ именемъ Царя Михаила, имѣетъ при себѣ еще другую, о взятіи Астрахани, которую однако считаемъ мы умѣстнѣе въ эпохѣ Раина, гдѣ и помѣстимъ ее.

На стр. 25—30, три Побывальщины о князѣ Пожарскомъ и о дѣлѣ подъ Ковотопомъ должны бы, разумется, помѣститься ниже, а въ печати нашли себѣ теперешнее мѣсто по особому недоразумѣнію и обстоятельствамъ 7-го выпуска, о коихъ сказано выше. Но онѣ кромѣ того имѣютъ при себѣ довольно похожихъ произведеній о другихъ герояхъ, на примѣръ Краснощокоевъ и простыхъ, Безъимянныхъ Козакахъ.

Коротенькія, въ духѣ Московскомъ, Былины о Московскомъ пожарѣ, стр. 30—32, по древности склада своего отнесены

*) Въ Успенскій соборъ.

***) Слѣдуютъ слова благословлявшаго Филарета, при встрѣчѣ сына.

***) Извѣстныи древній падежъ при неокончательномъ наклоненіи.

нами къ Московскимъ пожарамъ Романовской эпохи XVII вѣка, хотя не скроемъ, что случаи, увѣковѣченные Былиною, имѣли мѣсто и позднѣе, даже въ XVIII вѣкѣ, особенно съ домомъ Шереметева на Никольской улицѣ. При нихъ есть еще разнорѣчія:

Московскій пожаръ.

1.

(Тульск. губ.).

Ты хозяинъ, ты хозяинъ,
Своему дому господинъ!

Намъ не дорого, хозяинъ,

Пиво пьяное твое,

5. Дорога намъ, хозяинъ,

Пирь-бесѣдушка твоя *).

Во бесѣдѣ сидятъ люди,

Люди добрые сидятъ,

Они баютъ-разсуждаютъ,

10. Рѣчь разумну говорятъ:

«Отчего это, братцы,

«Каменна́ Москва загоралась?»»

Загоралась отъ князей отъ бояръ,

Отъ большого господина

15. Шереметьева:

Ходила его вѣрная ключница

Вы новы́ подвалы,

Заронила она, заронила

Воску яраго свѣчу.

20. Отъ того каменна́ Москва

Загорѣлась.

*

*) Это запѣвъ, обращеніе пѣвцовъ къ хозяевамъ на пиру, какъ и въ предшлющихъ нѣкоторыхъ Былинахъ.

У Сахарова въ «Сказаніяхъ» еще нѣсколько иначе:

2.

Мнѣ не дорого, хозяинъ,
Пиво пьяное твое,
Дорога мнѣ, хозяинъ,
Смирная бесѣдушка твоя.

5. Во бесѣдѣ у насъ, хозяинъ,
Люди добрые сидятъ,
Они говорятъ—разсужаютъ,
Рѣчь хорошую говорятъ:
«Отчего наша каменна Москва

10. Загоралась?»

Загоралась каменна Москва
Отъ большихъ господъ,
Отъ большаго господина
Графа Шереметева:

15. Выходила его ключница

Во новые выхода,
Зоронила она искру
Воскояровой свѣчей.

Оттого у насъ каменна Москва

20. Загоралась.

За симъ у Сахарова непосредственно присоединяется совѣтъ уже другая Былина изъ временъ Елисаветы.

Изъ эпохи Михаила Федоровича, по Былинамъ, всего болѣе посчастливилось *Семену Константиновичу* (Ивану) *Карамышеву*. Это самое любимое, самое народное имя той поры, второй половины XVI и первой XVII вѣка. Народныя имена любимѣйшихъ героевъ, воспѣваемые Московскими Былинами и вставляемые при всякомъ удобномъ случаѣ, на перечетъ. Кроме государей и вообще царскихъ особъ, неизмѣнно привлекаю-

цихъ вниманіе сихъ Былинъ по ихъ особому, государственному или державному характеру, какъ-то *Грозный Царь Иванъ Васильевичъ*, *Борисовая дочь Годунова*, *царь и князь великій Михайло Ѳедоровичъ*, *православный царь Алексѣй Михайловичъ* и *государь Петръ Алексѣевичъ*, кромѣ сихъ, говоримъ, царственныхъ именъ, таковы въ Московскихъ Былинахъ всюду любимѣйшія народныя: *Никита Романовичъ* и, какъ злодѣй, *Малюта Скурлатовъ сынъ*; *Ермакъ Тимоѣевичъ* и, опять какъ злодѣй, но весьма привлекательный удалю, *Степанъ*, *Степыка Разинъ Тимоѣевичъ*; князь *Скопинъ Михайло Васильевичъ* и злой *Разстрига Гришка Отрепьевъ сынъ*; князь *Голицынъ* (Василій Васильевичъ) и *графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ*; *Краснощочковъ* и *Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ*, наконецъ *Платовъ генералъ* и тому подобныя, менѣ важныя или болѣе новыя. Именно таковъ же точно *Карамышевъ Семѣнъ Константиновичъ*. (всѣ имена сіи замѣтно укладываются въ стихъ съ большимъ удобствомъ, а иныя цѣлкомъ составляютъ цѣлый стихъ и размѣромъ своимъ опредѣляютъ размѣръ въ теченіи всей Былины). Какъ скоро въ старшихъ Московскихъ Былинахъ, XVI и XVII вѣка, попадаетса выраженіе (и дѣйствующее лицо) «воевода Царѣвъ» или «большой бояринъ», такъ ужъ всегда ожидайте, что пѣвецъ по привычкѣ прибавитъ имя — «Карамышевъ Семѣнъ Константиновичъ.» Онъ является какъ Персидскій (въ Персію) посолъ, убійство котораго послужило Ермаку и товарищамъ его поводомъ къ завоеванію Сибири; онъ же является Воеводой при осадѣ Пскова Баторіемъ (см. 6-й вып.); онъ же при подступѣ къ Волоку; онъ же наконецъ, историческій (Иванъ), при Михайлѣ Ѳедоровичѣ, какъ извѣстно, убитъ Донскими козаками. Можно полагать, что имя его (Семѣна) перешло въ Московскія Былины еще изъ Княжескихъ, изъ исторіи Тверскихъ князей, Борисовичей, и унаслѣдовано еще съ тѣхъ поръ народной памятью. Московскихъ же Былинъ о немъ много, и всѣ онѣ, какъ сейчасъ убѣдимся, дѣлятся, въ рассказѣ объ убіеніи

его, на двѣ главныхъ редакціи: въ одной событіе передано точнѣе и опредѣленнѣе, съ ясными чертами лица и мѣстности; въ другой рѣзкіе признаки стерты, мѣстность, поприще событія передвигается, и на Камышенку, и Самару, и общѣе на Волгу, и подѣ Астрахань. Первые Былины явно объ историческомъ лицѣ и событіи 1630 года, на Дону; вторыя же, должно думать, связуются именно съ преданіями о старшемъ героѣ, Персидскомъ послѣ, а отчасти видимо переходятъ даже въ эпоху Разина, чему поводомъ вѣроятно была извѣстная судьба воеводы, сходнаго по имени, *Семена Беклемишева*. Разумѣется, мы сначала помѣстимъ 1-ю, потомъ 2-ю редакцію:

Убить Карамышевъ.

1.

- Ужь не травушка въ чистомъ полѣ зашаталась,
 Не муравая ко сырой землѣ приклонялась,
 Подымается съ Москвы большой бояринъ,
 Онъ на Тихой Донѣ на Ивановичъ гуляти.
5. Не доѣхавши онъ Тиха Дону становился:
 Похвалялся онъ козаковъ всѣхъ тамъ перевѣшать.
 Во единой кругъ козаки тотчасъ собирались,
 Посередь круга становился царевъ бояринъ:
 Онъ началъ читать государевы для нихъ указы.
10. Дочитался онъ до царскаго только титула,
 Козаки тотъ часъ всѣ шапки тутъ снимали,
 А большая—тѣ царевъ бояринъ шляпы не снятъ;
 Отъ того—то всѣ козаки тотчасъ взволновались,
 Разъярившись они на боярина вдругъ бросались,
15. Буйну голову отъ бѣла гѣла отрубили,
 А бѣло гѣло во Тихой онѣ Донѣ бросали;
 А убивши, они ево гѣлу говорили:
 «Почитай ты, большой бояринъ, государя,
 «Не гордися ты передъ нимъ, бояринъ, и не славься!»

20. Ко царю они съ повинною приходили:
 «Ты гой еси, нашъ батюшка, православной царь!
 «Ты суди, государь, насъ праведной расправой,
 «Поведи надъ нами дѣлатъ, что изволишь,
 «Ужь ты воленъ надъ нашими головами *)»»

(Старшій пѣсенникъ Трутовскаго, ч. II.; повторилась и въ нѣкоторыхъ повѣстныхъ).

*

2.

(Симбирск. губ.).

- Подымался съ Москвы большой бояринъ,
 Онъ на Тихой Донъ Ивановичъ гуляти.
 Не доѣхавши Тиха Дона становился:
 Похвалялся всѣхъ козаковъ перевѣшать.
5. Козаки, братцы, тотчасъ догадалися,
 Во единой кругъ они собиралися,
 Среди круга становился царевъ бояринъ:
 Онъ сталъ читать государевы указы.
 Дочитался онъ до царскаго титула.
10. Козаки всѣ шапки снимали,
 А большой царевъ бояринъ шляпы не снйалъ;
 Отъ тово козаки взволновалися,
 На боярина они бросалися,
 Буйну голову ево срубили,
15. А бѣло тѣло въ Тихой Донъ бросили.
 И убивши, тѣлу говорили:
 «Почитай ты, баринъ, государя,
 «Не гордись ты передъ нимъ и не славься.»»

*) Такъ, извѣстно исторически, козаки извинили убіеніе Карамышева, съ своей точки зрѣнія; но могъ быть правъ съ своей стороны и Карамышевъ: при послѣ Андрѣй Савинъ и Кантакузинъ, онъ собственно былъ Воеводою царскаго войска, и слѣдовательно, какъ воевода, могъ оставаться въ шпшагѣ.

Ко царю они съ повинной приходили:

20. «Ты гой еси, батюшка православной царь!
 «Ты суди насъ праведной расправой,
 «Повели надъ нами дѣлать, что изволишь,
 «Ты воленъ надъ нашими буйными головами.»»

(Запис. Языковъ).

* *

Въ слѣдующемъ образцѣ на концѣ есть книжная подправка издателей старшихъ нашихъ пѣсенниковъ: не зная хорошенько подлиннаго событія, они хотѣли и смягчить поступокъ козаковъ, и вывести нравственное поученіе касательно «гордости» Карамышева.

3.

- Еще внизъ то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
 Сопротивъ тово *) было устьяца Самары рѣки,
 Что плыветъ тутъ, выплываетъ лёгкая лодочка,
 Лёгкая лодочка выплываетъ, братцы, коломенка;
 5. Хорошо больно лёгкая лодочка изукрашена,
 Серебромъ-златомъ лёгкая лодочка изнасъбчена;
 Посередѣ стоитъ лёгкой лодочки знамя царское,
 Что во лодочкѣ сидитъ молодой посланникъ царевъ,
 Карамышевъ князь Семень сынъ **) Константиновичъ.
 10. Во правой рукѣ держитъ онъ государевъ указъ,
 Во лѣвой рукѣ онъ держитъ саблю вострую.
 Приставаетъ ***) опъ ко крутому красному берегу,
 Ко сыщучему ко крупному ли желту песку.

*) Разнорѣчіе: «Супротивъ-то.»

**) «сударь.»

***) «пристаеть.»

- Козаки всѣ собираются во единой кругъ,
 15. Становится младъ посланничекъ среди *) круга,
 Козакамъ читаетъ посланничекъ **) государевъ указъ.
 Козаки всѣ для указа шапки сняли,
 Младъ посланничекъ не снимаетъ шляпы черныя.
 Козаки тутъ всѣ въ минуту ***) взволновались,
 20. И со всею его гордостію изъ стану выгнали ****).

(Старшія пѣсенникъ Трутовскаго, ч. I.; разнорѣчія изъ 1-го изданія Прага 1791 г.;
 то же повторяется и въ некоторыхъ другихъ пѣсенникахъ).

* * .

Въ слѣдующемъ образцѣ еще болѣе стираются черты и, хоть
 удержано имя, но передвигается поприще событія, дѣло идетъ
 на лодкахъ, щекотливыя обстоятельства убіенія обойдены:

4.

(Самбарск. губ.).

- Внизъ то было *) по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
 Супротивъ то была устьица Самары рѣки,
 Что плыветъ тутъ легка лодочка коломенка:
 Что въ лодонки **) сидитъ младъ посланникъ царевъ,
 5. Карамышевъ князь Семень сударь ***) Константиновичъ,
 Въ лѣвой онъ рукѣ держитъ государевъ указъ,
 А во правой рукѣ держитъ саблю острую.

*) «посреди.»

**) «Что читаетъ имъ посланникъ.»

***) «всѣ удалые.»

****) «И за его гордость изъ стану его выгнали.»

*) Разнор. «Ужь какъ внизъ-то было.»

**) «Что въ той лодочкѣ.»

****) «сударь» опущено.

- Что по крутому, по красному берегу,
 Что по желтому сыпучему песочку,
 10. Что *) ходили тутъ—гуляли добрые молодцы,
 Добрые молодцы гуляли, все Донскіе казаки,
 Все Донскіе, Гребенскіе, Запорожскіе,
 Да и славны казаки, братцы **), Яницкіе.
 Они думали крѣпку думушку за едино ***),
 15. Что сказали всѣ словечушко во единый гласъ,
 Становили они пушку, братцы, мѣдную,
 Закатили въ нее ядрушко чугунное,
 Что палили они въ лодочку коломенку:
 Никого они въ лодочкѣ не ранили,
 20. Только убили одного царскаго посланника.

(Отъ Ямкова; разнорѣч. въ Кузнецовскаго мѣсенника 1822 года, то же есть
 и въ другихъ).

Другія тогѣ же рода Былины мы относимъ къ эпохѣ, къ
 которой вслѣдъ за симъ и переходимъ.

Ко времени царя Алексѣя Михайловича, кромѣ приведен-
 ныхъ выше Былинъ о Семенѣ Пожарскомъ, въ собраніи Рыб-
 никова, Ч. II № 40 и III №№ 46 и 47 (въ печати ошибкою
 42), относятся три замѣчательныхъ Былины о Земскомъ Собо-
 рѣ, держать ли за собою Смоленскъ. Хотя мы имѣли бы пра-
 во относить ихъ къ царствованію Михаила, но въ семъ случаѣ
 слѣдуемъ опредѣленію, выраженному съ точностію въ самихъ
 Былинахъ.

*) «Какъ.»

**) «Еще славные казаки.»

***) «Они думали за едино крѣпку думушку.»

Главнымъ героемъ, занявшимъ народное вниманіе Былинъ, слѣдуетъ за симъ при Алексѣ Михайловичѣ Стенька Разинъ. Превосходная, извѣстная монографія г. Костомарова, «Бунтъ Стеньки Разина,» гдѣ расположено въ порядкѣ и нѣсколько Былинъ, сюда относящихся, можетъ служить хорошою нитью и помощью въ нашемъ собственномъ дѣлѣ. Нужно только прибавить, что сочинитель относитъ сюда нѣкоторыя Былины по догадкамъ, тогда какъ онѣ не имѣютъ при себѣ опредѣленнаго имени Разина или имя это вставилъ Сахаровъ. Потому здѣсь необходима въ пользованіи нѣкоторая осторожность. Исторія Козачества въ «Московской» области Былинъ начинается собственно съ Ермака: но мы имѣли случай уже достаточно убѣдиться, что многое тамъ, при Ермакѣ, покореніи Сибири и взятіи Казани (см. 6-й выпускъ), вставлено изъ эпохи Разина, даже имя сего послѣдняго. Очевидно также, что кое-что и изъ времени Ермака, и царствованія Михаила, перенесено потомъ на Разина, какъ мы упомянули при Карамышевѣ и еще увидимъ сейчасъ при разсказѣ о самыхъ первыхъ судьбахъ Разина. Съ другой стороны конечно и въ Безъимянныхъ Козачихъ Былинахъ много дошло до насъ такого, что собственно истекаетъ изъ эпохи Разина, хотя и потеряло его имя. Поэтому надежнѣйшій путь въ дѣлѣ изданія Былинъ представляется намъ слѣдующій: отъ Былинъ о Разинѣ читателямъ приходится непремѣнно и часто восходить за подробностями въ 6-й выпускъ и во все предыдущее сему въ выпускѣ 7-мъ; за тѣмъ Былины безъ имени и опредѣленнѣйшихъ признаковъ, хотя здѣсь и было бы много сходства съ Разинскими, приходится въ изданіи оставить и отложить до болѣе удобнаго, своего имѣя мѣста, развѣ только кое-гдѣ прибѣгая къ сличенію; наконецъ, избирать въ настоящемъ случаѣ лишь тѣ Былины, гдѣ есть имя Разина и прочіе несомнѣнные его признаки, не выводя притомъ историческихъ выводовъ, кои составляютъ предметъ критикующаго историка, а болѣе слѣдуя воззрѣнію самого творчества, какъ оно понимаетъ и распредѣляетъ ту эпоху, какъ даетъ о ней свои собственныя показанія.

Плѣнъ въ Азовѣ, чѣмъ начинается г. Костомаровъ преданія Разинѣ, по Былинамъ относится къ Ермаку; назовемъ это

**Донской козакъ
въ плѣну Азовскомъ.**

1.

(Кирша Даниловъ).

- А и по край было моря синяго,
 Что на устьѣ *) Дону-то Тихаго,
 На крутомъ-красномъ бережку,
 На желтыхъ-разсыпныхъ пескахъ,
 5. А стоитъ крѣпкой **) Азовъ городъ
 Со стѣною бѣлокаменною,
 Земляными розкатами и ровами глубокии,
 И со башнями караульными ***).
 Среди Азова города
 10. Стоитъ темная ****) темница,
 А злодѣйка—земляная тюрьма;
 И во той было темной темницѣ
 Что двери были желѣзныя,
 А замокъ былъ въ три пуда.
 15. А пробои были булатные,
 Какъ засовы были мѣдныя;
 Что во той темной темницѣ
 Засажень сидитъ Донской козакъ
 Ермакъ Тимофеевичъ.
 20. Мимо той да темной темницы
 Лучилося царю итти, самому царю,
 Тому Турецкому Салтану Салтановичу.

) Разморѣчїе: «А на устьѣ.» — **) «тутъ славной.» — ***) «Со стѣной бѣлокаменной, И со башнями наугольными, И со рвами глубокии, Съ земляными розкатами, И съ рогатками желѣзными.» — ****) «Тутъ стоитъ темна.»

- А кричить Донской козакъ
Ермакъ Тимофеевичъ:
25. «А ты гой еси, Турецкой царь
«Салтанъ Салтановичъ!
«Прикажи ты меня поить—кормить,
«Либо казнить, либо на волю пустить.»
Постоялся *) Турецкой царь
30. Салтанъ Салтановичъ:
—А мурзы, вы, улановья!
—А вы згаркайте изъ темницы
—Того тюремнаго старосту.—
А и мурзы—улановья металися черезъ голову,
35. Привели его, улановья они, старосту тюремнаго;
И сталъ онъ, Турецкой царь,
У тюремнаго старосты спрашивать:
—Еще что за человекъ сидитъ?—
Ему староста рассказываетъ:
40. «А и ты гой еси, Турецкой царь
«Салтанъ Салтановичъ!
«Что сидитъ у насъ Донской козакъ
«Ермакъ Тимофеевичъ.»»
И приказалъ скоро Турецкой царь:
45. —Вы мурзы—улановья!
—Ведите Донскаго козака
—Ко палатамъ моимъ царскимъ.—
- Еще втапоры Турецкой царь
Напоилъ—накормилъ добраго молодца
50. И тожно **) сталъ его спрашивать:
—А ты гой еси, Донской козакъ!
—Еще какъ ты къ намъ въ Азовъ поцалъ?—
Разказалъ ему Донской козакъ:
«А и я посланъ изъ каменной Москвы
55. «Къ тебѣ, царю, въ Азовъ городъ,

*) Остановился.

**) Въ слѣдъ за тѣмъ.

- «А и посланъ былъ скорымъ посломъ,
 «И гостинцы дорогіе къ тебѣ везъ:
 «А на заставахъ твоихъ меня всего ограбили,
 «И мурзы—улановья моихъ товарищей
60. «Разсадили, добрыхъ молодцовъ,
 «И по разнымъ темнымъ темницамъ.»
 Еще втапоры Турецкой царь
 Приказалъ мурзы—улановьямъ
 Собрать добрыхъ молодцовъ,
65. Ермаковыхъ товарищей.
 Отпускаетъ добрыхъ молодцовъ,
 Ермака въ каменну Москву;
 Снарядилъ добраго молодца
 Ермака Тимофеевича,
70. Наградилъ златомъ—серебромъ,
 Еще питьями заморскими.

- Отлучился Донской козакъ отъ Азова города,
 Загулялся Донской козакъ
 По матушкѣ Волгѣ рѣкѣ,
 75. Не явился въ каменну Москву.

*

Рукопись Кириши Данилова оканчивалась началомъ такой же Былины (откуда мы выше привели разнорѣчія), со словъ «А и по край» до «Тутъ стоитъ темна темница.» Было ли въ рукописи при ней заглавіе, или отъ себя, К. О. Калайдовичъ замѣтилъ, что это «начало пѣсни о *Стенькѣ Разинѣ.*» Впрочемъ на семь основаніи, исправивъ, какъ водится, Былину, перепечаталъ ее въ «Сказаніяхъ» г. Сахаровъ, поставивши вездѣ вмѣсто «Ермакъ Тимофеевичъ» имя «Степанъ Тимофеевичъ.» Это подѣйствовано и на г. Костомарова. Но такія же точно Былины являются о другихъ, Безъимянныхъ Козакахъ, и даже о Краснощокѣ, о Чернышевѣ, при чемъ вмѣсто Султана Пруссій Король, а вмѣсто Азова Кистринъ или Берлинъ (см. ихъ ниже). Потому собственно началомъ Былинъ о Разинѣ мы

признаемъ только тѣ, кои и напечатаны у насъ выше, на стр 32, 33, подъ №№ 1 и 2-мъ, о томъ, какъ породился, проявился и къ другимъ козакамъ относился Разинъ. Ко 2-й изъ нихъ маленькія разнорѣчія у г. Костомарова.

Слѣдующая за тѣмъ у г. Костомарова, Былина о переходѣ на Волгу, не имѣетъ при себѣ имени Разина и относится вообще ко всѣмъ прочимъ Козацкимъ.

Былина, отнесенная г. Костомаровымъ къ возвращенію Разина изъ Персіи на Волгу, опять не всегда имѣетъ при себѣ имя сего послѣдняго, напротивъ ставитъ старше имя Ермака, отсюда ведетъ его на помощь Грозному Царю подъ Казань, а также вставляетъ всевозможныя козацкія имена. Нѣсколько образцовъ ея уже напечатано нами въ выпускѣ 6-мъ, стр. 23—35, потомъ 36 и 39. Впрочемъ мы прибавимъ здѣсь разнорѣчіе Костомаровское (въ Сборн. глѣс. Самарскаго края, 1862 года, приведенъ вариантъ одинаковый съ нашимъ въ 6-мъ вып. стр. 29, № 4, съ именемъ *Ивана Тимошеева*):

Стенька Разинъ.

Переходъ на Волгу.

1.

Какъ далеченько-далеченько во чистомъ полѣ,
 Да еще какъ подалѣй на синемъ морѣ,
 Какъ на синемъ морѣ было на Хвалынскомъ,
 Что на славномъ было островѣ на Персидскомъ,
 Ѣ. Собирались музуры *) , добры молодцы.
 Они думушку гадали всѣ великую,
 Думу крѣпкую гадали за единую:
 «Вотъ кому изъ насъ, ребяташки, атаманомъ быть,
 «Да кому изъ насъ, ребяташки, есауломъ слыть?

*) См. вып. 6-й.

10. «Атаманомъ быть Степану Тимоѣевичу,
«Есауломъ быть Василью Никитичу.»
Атаманъ рѣчь возговорить, какъ въ трубу трубить,
Есаулъ—то рѣчь возговорить, какъ въ свирѣль играть:
«Не пора ли намъ, ребята, со синя моря,
15. «Что на матушку на Волгу на быстру рѣку?»

*

Гораздо дѣйствительнѣе выводъ г. Костомарова, что извѣстная Былина о Соколѣ кораблѣ, а на немъ о Разинѣ съ Ильей Муромцемъ (она напечатана у насъ по нѣсколькимъ разнорѣчьямъ въ вып. 1-мъ, 1-го и 2-го изд., стр. 22, 23, № 7), имѣеть очевидное отношеніе къ исторіи Разина, ибо, извѣстно, корабль его носилъ имя Сокола, а врагами являются Восточные народы (противъ Разина Персіяне). Вариантъ, который при семъ приводитъ г. Костомаровъ, есть тотъ самый, что напечатанъ въ «Лѣтопис. Р. Литер. и др.» изъ сборник. гг. Костомар. и Мордовц., подъ № 1-мъ, и уже упомянутъ нами выше, въ Приложеніяхъ стр. 9. Къ сожалѣнію только, во всѣхъ образцахъ сей Былины врагами Сокола являются «Татары съ *Калмыками*,»—такъ и по сборнику г. Костомарова въ «Лѣтопис.»: а въ монографіи о бунтѣ Стеньки Разина совершенно неожиданно явились вмѣсто того «Татары съ *Персіянами*.» Признавая всѣ права за симъ вариантомъ, подходящимъ къ исторіи Разина, мы въ замѣнъ того имѣемъ право прибавить, что въ лучшихъ, очевидно старшихъ, образцахъ, вмѣсто Разина стоитъ Святогоръ и Цолканъ, что главная роль во всей Былинѣ отдана Ильѣ, а не Разину, что, независимо отъ Разина, есть особья преданія о подвигахъ Ильи на Соколѣ, а на Соколѣ же является и другая, древнѣйшая героиня, Настасья Никулична (см. Приложенія къ нашему 1-му вып. стр. 34 и во II-й части собр. Рыбникова стр. 317, 318, № 61). Ошибкѣ же Сокола съ Орломъ см. ниже.

Присутствіе Настасьи Никуличны на Соколѣ кораблѣ могло бы послужить для монографовъ выгоднымъ поводомъ къ объясненію, что здѣсь разумѣется Персіянка, извѣстная любовница Разина, имъ послѣ убитая. И вѣроятно изслѣдователямъ неизвестно, что у насъ есть цѣлая куча, конечно Безъимянныхъ и позднѣйшихъ, Былинъ, гдѣ именно, въ плаваніи, при атаманѣ выставляется дѣвушка любовница, которая то горюетъ, то кается въ разбояхъ, то пророчить другу своему спасеніе отъ бѣды, то сама спасаетъ его, или же, наконецъ, варварски убита имъ. Не отрицаемъ, что сюда вѣроятно проникли нѣкоторыя черты изъ судебъ Разина: но, зная, что это все обычно бывало и у другихъ козаковъ, особенно атамановъ, и притомъ не имѣя нигдѣ прямого имени *Разина*, мы всѣ такіе образцы отлагаемъ до будущаго, къ Безъимяннымъ.

Въ теченіе всѣхъ переходовъ Разина, съ Волги къ Персіи и оттуда обратно, извѣстны разныя затруднительныя стоянки его на островахъ и даже зимовка. Къ сей конечно эпохѣ относится Былина, неизвѣстная г. Костомарову:

Стоянка Разина.

1.

Тихокошько синє море становилєся,
Ничѣмъ намє Каспійское не шевальнулося,
Что осеннимъ ледочкомъ покрывалосєя:
Замерзъ—то нашъ воровской стружокъ.

5. Что на томъ ли на стружкѣ атаманъ сидитъ,
Что по имени Степанъ Тимоѣевичъ,
По прозванью Стенька Разинъ сынъ.
Онъ рѣчь говоритъ, братцы, какъ въ трубу трубить:
«Ахъ вы гой еси, удалы—добры молодцы!
10. «Вы берите еловчатя *) веселечки,
«Вы бейте—пробивайте тонкой осевней ледъ:
«Ахъ, какъ бы намъ добиться до тихихъ мѣсть,

*) Испорчено ви. яровчатя, яворчатя, изъ явора (обычное прозвище гусей).

- «Что до той ли до вротчинки Червоныя,
 «Что до славнаго до острова Кавалерскаго!
 15. «Ахъ, тамъ ли вамъ, братцы, дуванъ *) дѣлать,
 «Намъ отласу и бархату по размѣру всемъ,
 «Золотой парчи по достоинствамъ,
 «Жемчугу по молодечествамъ,
 «А золотой казны сколько надобно.»

(Ср. Волковскій пѣснопѣвъ, ч. III).

*

Первоначальныя отношенія Разина къ Астрахани и искушенія или опасности, коимъ онъ подвергался съ сей стороны, прекрасно изображены въ Былинѣ, которую приводитъ г. Костомаровъ:

Искушеніе и опасность Разину въ Астрахани.

1.

- Ужь вы горы мои, горы!
 Прикажете-ка, вы, горы,
 Подъ собой намъ постояти:
 Намъ не годъ-то годовати,
 5. Не недѣлюшку стояти,
 Одну нѣчку вочевати,
 И тою намъ всю не спати,
 Легки ружья зарядати,
 Чтобы Астрахань намъ городъ
 10. Во глуху полночь проѣхать,
 Чтобы никто насъ не увидѣлъ,
 Чтобы никто насъ не услышалъ.

*) Полонъ, добычу.

Какъ увидѣлъ и услышалъ
Астраханскій воевода.

15. Приказалъ же воевода
Сорожъ пушекъ заряжати,
Въ Стеньку Разина стрѣляти:
«Ваши пушки меня *) не вѣзъмутъ,
«Легки ружьица не прѣймуть»;
20. «Ужь какъ вѣзъметъ ли, не вѣзъметъ,
«Астраханска дѣвка Маша.»

По бережку Маша ходитъ,
Шелковымъ платкомъ машеть;
Шелковымъ платкомъ махала,

25. Стеньку Разина прельщала:
Стеньку Разина прельстила,
Къ себѣ въ гости заманила,
За убранный столъ посадила,
Пивомъ—медомъ угостила
30. И до пьяна напоила,
На кровать спать положила
И начальству объявила.

Какъ пришли къ нему солдаты,
Солдатушки молодые,

35. Что сковали руки—ноги
Желѣзными кандалами,
Посадили же да Стеньку
Во желѣзную во клѣтку:
Три дни по Астрахани возили,
40. Три дни съ голоду морили.
Попросилъ же у нихъ Стенька
Хоть стаканъ воды напиться
И во клѣткѣ окатиться:

*) Судя по складу, въ пѣсни должно стоять «насъ», и это совершенно согласуется со всею пѣснейю, очевидно пѣтою отъ лица козаковъ.

Онъ во клѣткѣ окатился—
45. И на Волгѣ очутился.

*

Начало сей Былины сходно съ помѣщенной у насъ выше на стр. 33, 34, подъ № 3: она кончается именно тѣмъ, что Астраханскій воевода узналъ подступившаго Разина.

Но съ нею тѣсно связана другая, гдѣ изображается судьба подосланнаго Разинымъ въ Астрахань передоваго чловѣка, агента или шпіона, какъ полагають историки, *сыма*,—какъ единогласно увѣряють народныя Былины. Если въ самомъ дѣлѣ у Разина не было такого сына, то онъ могъ явиться въ Былинахъ, полагаемъ, вслѣдствіе частаго повторенія одного и того же выраженія—«Стенька Разинъ сынъ,» «Стеньки Разина сына,» откуда не трудно было уже сдѣлаться «сыну Стеньки Разина.» Первая Былина, которую о немъ приводитъ г. Костомаровъ, одинакова съ нашею, помѣщенной выше подъ № 4-мъ на стр. 34—40, по многимъ вариантамъ; развѣ только остается замѣтить отличія: «Да во нанковомъ халатѣ на распашечку;» «Астраханскимъ купчишкамъ (!) онъ не кланяется, Господамъ ли да боярамъ онъ челомъ не бьетъ;» «Увидалъ же воевода со параднаго крыльца, Приказалъ же воевода къ себѣ его привести;» «Вы подите, поймайте;» «Поимали, соковали удалова молодца, Привели ко воеводѣ незнамова на глаза (!);» «Ужъ и чей такой дѣтинка, чей удалой молодецъ? Ты какого поведенья (!), чьего матери—отца?»—Къ тому же самому, на первую половину приведенной у насъ Былины, помѣщенъ весьма близкій вариантъ у Рыбникова въ Ч. III, стр. 273, № 49.—Вторая половина нашей Былины, начинающаяся со стиха 20-го (стр. 38), представляетъ сборы Разина въ Астрахань, какъ послѣдствіе задержки сына и желаніе отмстить воеводѣ. Эта половина отдѣлена у г. Костомарова какъ особая Былина и мы приведемъ ее какъ разнорѣчіе къ нашей:

Сборы Разина въ Астрахань.

1.

Какъ по матушкѣ по Волгѣ легка лодочка плыветь,
 Какъ во лодочкѣ гребцовъ ровно тридцать молодцовъ,
 Посередь лодки сидитъ Стенька Разинъ самъ *).

Какъ возговорить онъ, Стенька, ко товарищамъ своимъ:

- Б. «Ужь и что-й-то это, братцы, мнѣ тошнымъ тошнó,
 «Мнѣ сегодняшній денечекъ да грустнехонько?
 «Какъ и знать-то мой сынокъ во неволюшку попалъ!
 «Ужь я въ Астрахань зайду,—выжгу—вырублю,
 «Астраханскаго воеводу я подь судъ возьму.»

(Стихъ двойного склада: можетъ быть дѣлать и на двѣ половинны, впрочемъ вторая половина нѣсколько меньше и отдѣляется какъ припѣвъ. Этотъ складъ—самый употребительный въ Былинахъ о Разинѣ).

Другая Былина того же содержанія, приведенная у г. Костомарова, весьма испорченная, представляетъ сбивчивое смѣшеніе той же исторіи Разинова сына съ еудьбою прочихъ козаковъ, проникавшихъ въ Астрахань:

Сынъ Разина. Попытки проникнуть въ Астрахань.

1.

Изъ славнаго изъ устьяца синя моря,
 Тутъ плыветь—выплываетъ нова выкладна **),
 Хорошо кладна **) изукрашена.

Она плыветь—подплываетъ къ Астрахани,

- Б. Къ тому ли царству Астраханскому.
 Добры молодцы въ городѣ во Астрахани

*) Стихъ дурень.

**) Расшива, верховое судно.

Погуляли, поцарствовали,
 Попили—поѣли, на отваль пошли.

Увидали молодцы воеводу изъ окна *),

10. Закричалъ воевода громкимъ голосомъ:
 «Заловите, поймите добрыхъ молодцовъ!»
 Добрый молодецъ **) противности не чинилъ,
 Во дворецъ самъ подскочилъ.
 Сталъ воевода его спрашивать:
15. «Ты скажи, скажи, добрый молодецъ,
 «Не утай самъ себя.»
 —Я самъ тебѣ расскажу, всею правду объявлю:
 —Я со Камы со рѣки, Стеньки Разина сынъ.
 —Завтра хотѣлъ къ тебѣ батюшка въ гости побывать:
20. —Чѣмъ будешь батюшку потчивать?—
 «Я пивушка не кушаю, винца въ ротъ не беру;
 «Есть у меня наготовлены сухари,
 «Они въ Москвѣ крошены, въ Казани сушены:
 «То я встрѣчу его, буду потчивать.»
25. Испугался добрый молодецъ,
 Отъ него прочь бѣжалъ.

И подбѣгаетъ къ своей выкладной,

Закричалъ громкимъ голосомъ:

—Охъ братцы мои, товарищи!

30. —Пригряньте ко мнѣ выкладну,
 —Не оставьте меня при бѣдности:
 —На насъ воевода осердился ***).—
 Добры молодцы ужаснулись,
 Заторопились, отгрянули ко крутому берегу ****).

(Къ сожалѣнію не замѣчено, гдѣ и изъ какого источника взята или записана сія Былина).

*

*) Конечно на оборотъ: воевода увидалъ молодцовъ.

**) Крутой поворотъ отъ молодцовъ къ молодцу.

***) Хоть бы «прогнѣвался?» Былина замѣтно сложена изъ двухъ частей: одна о казакахъ вообще, въ другую хотѣли прилѣпять Разина, самого или сына.

****) Эти два послѣднихъ стиха вовсе не народны и никуда не годятся.

Наконецъ помянутое отношеніе любовницы къ атаману изложено въ формѣ особой Былины, напечатанной у насъ выше на стр. 42, 43, гдѣ опять выведенъ «Сынъ Стеньки Разина.»

*

Теперь, прежде чѣмъ перейдемъ къ Астраханской катастрофѣ, упомянемъ еще одинъ эпизодъ. Извѣстно, что Разинъ, взвѣсивъ на *Соколъ*, сжегъ *Орла*, старшее наше судно: сопоставленіе само по себѣ разительное и вызывающее поэтическіе образы. Съ другой стороны, можетъ быть не безъ вліянія сего случая, существуютъ преданія о плаваніи Ильи Муромца на *Соколъ* и также шибкѣ съ *Орломъ*, отъ коего на силу ушли (см. конецъ нашего 4-го выпуска). Именно все это конечно и возбудило И. П. Сахарова, вообще склоннаго къ передѣлкѣ пѣсенъ по разнымъ тенденціямъ, составить и помѣстить въ «Сказаніяхъ» слѣдующую драматическую сцену:

Соколъ и Орелъ.

(№ первый и послѣдній).

- Дотолѣва ¹⁾ про окіанъ море не слыхано,
 А нынѣ на окіанъ море собираются ²⁾:
 Собирался на окіанъ море Новоторженинъ ³⁾,
 Убиралъ ⁴⁾ онъ тридцать кораблей безъ единого ⁵⁾,
 5. Украшалъ себѣ Соколъ корабль:
 Ужь онъ деревцы ⁶⁾ становилъ кипарисовы,
 Снасточки, бичевочки ⁷⁾ шелковыя,

¹⁾ Якобы народное: по смыслу нужно «доселѣва.» — ²⁾ Сочинитель предпологалъ, что это не проза, а народная поэзія. — ³⁾ Взятъ изъ Новгородскихъ Былинъ, потому что управлялъ кораблемъ Буслаева: но зачѣмъ поналъ на Каспійское море, неизвѣстно. — ⁴⁾ По народному «снаряжалъ.» — ⁵⁾ Это въ пѣсняхъ употребляется потому, что тридцатый обыкновенно—самого героя или хозяина: а здѣсь всего 29. — ⁶⁾ Какіе это Божьи «деревцы» и за чѣмъ? — ⁷⁾ Бичевокъ шелковыхъ не слыхано.

- О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Бѣлыхъ, полотняныхъ ¹⁾.
10. Онъ на корму сажалъ Илью Муромца,
На носу Стеньку Разина ²⁾.
Отваливали они Соколъ корабль
Отъ бережку отъ крутаго,
Отъ песочку сыпучаго,
15. Отъ камышку ³⁾ зеленаго.
Плыли они по синю морю,
И несчастьице случилось ⁴⁾:
Билъ ихъ Соколъ корабль
Сизою Орель ⁵⁾, и отъ духу его
20. Соколъ корабль чуть не залился ⁶⁾.
Стенька Разинъ возговорить:
«Ужь ты обшій ⁷⁾ большой братъ,
«Илья Муромецъ!
«Ты подай-ко мнѣ лукъ ⁸⁾»
25. «Во пятнадцать пудъ.»
Натягивалъ Степанушка
Свой тугой лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу,
Убивалъ сиза Орла
30. Во право крыло, въ ретиво сердце ⁹⁾.

Это такая мастерская Былина, что ее не помѣстилъ при своемъ изслѣдованіи даже г. Костомаровъ.

*

¹⁾ Изъ пѣсни: «Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ.» — ²⁾ Молодецъ Новоторженникъ, купеческій сынъ, является хозяиномъ надъ Ильею и Разинимъ, какъ мальчиками. — ³⁾ Это по народному значить то же, что *камышку* сочинитель вѣроятно хотѣлъ выразить *камышъ, камышикъ, камышичекъ*. —

⁴⁾ Обычное по ловкости выраженіе въ словарѣ г. Сахарова. — ⁵⁾ У народа это значило бы — безъ смысла, или что пловцовъ билъ собою корабль Соколъ, онъ же Орель; у Сахарова это значить, что ихній корабль Соколъ былъ битъ Орломъ. — ⁶⁾ Отъ чьего-то *духу* чуть не захлебнулся: у сочинителя предъ взоромъ носится образъ парящаго державнаго орла. — ⁷⁾ Илья почему-то сдѣлался *общимъ* (*gemein*) и посаженъ, чтобъ подать лукъ Стенькѣ. — ⁸⁾ Въ эпоху Стеньки стрѣляютъ изъ лука. — ⁹⁾ Выходить сердце подъ *правымъ* крыломъ.

Астраханское дѣло Разина и убіеніе Прозоровскаго, съ замѣчательными подробностями о *раскатѣ* и судьбѣ *дѣтей*, изображено въ слѣдующей Былинѣ, къ сожалѣнію неизвѣстной г. Костомарову и примыкающей, какъ заключеніе, къ помѣщеннымъ нами выше:

Буйство въ Астрахани.

Убить Прозоровскій.

1.

Что да на матушкѣ на Волгѣ не чернымъ да зачернѣлось,
Не чернымъ да зачернѣлось, не бѣлымъ да забѣлѣлось,
Зачернѣлися на Волгѣ Черноярскіе стружечки,
Забѣлѣлися на мачтахъ тонкіе-бѣлые парусочки.

5. Что нѣ черной воронъ гаркнулъ, что возговоритъ Стенька

Разинъ:

«Охъ вы гой еси, козачье наше вольное собранье!
«Вы гребите не робѣйте, бѣлыхъ ручекъ не жалѣйте,
«Намъ бы Астрахань городъ ополноче бы пробѣжати,
«Черноярской городочикъ что на утренней на зорѣ,

10. «Чтобъ никто насъ не увидѣлъ и никто бы не услышалъ.»

Какъ одинъ, братцы, увидѣлъ и одинъ, братцы, услышалъ,
Господинъ большой бояринъ, Черноярской Воевода: .

Шоль отъ раннія отъ обѣдни, велѣлъ въ колоколь звонити,
Велѣлъ въ колоколь звонити во большой во набатной,

15. Чтобъ стрѣльцы да собирались, пушкари бы снаряжались,

Они пушки бы заряжали и по Стенькѣ бы стрѣляли.

Што возговоритъ Стенька Разинъ городскому да Воеводѣ:

—И вы пороху не теряйте и снарядовъ не ломайте,

—Меня пулечка не тронетъ, менѣ ядрышко не возьметъ.—

20. Что метался Стенька Разинъ на угольную на башню,

Со великова раскату Воеводу долой збросилъ,

Ево маленькихъ дѣтокъ онъ всѣхъ за ноги повѣсилъ.

(Старшій лѣсенникъ Трутовскаго, ч. III: въ другихъ эта Былина не повторилась).

*

Вмѣсто Астрахани поставленъ здѣсь Черный Яръ конечно потому, что и онъ игралъ во всемъ тогдашнемъ дѣлѣ важную роль. Вообще, какъ извѣстно, по всемъ сосѣднимъ мѣстностямъ, крупныхъ жертвъ падало не мало, то обесчещенныхъ, то мученныхъ, Унковскій, Тургеневъ, Семень Беклемишевъ, Семень Львовъ, и т. д. Вотъ почему, какъ, выше мы видѣли, черты Разинскихъ дѣлъ связались съ исторіей Карамышева, такъ сюда же примыкають и другія убійства, помянутыя Былинами, хотя бы имена, въ нихъ вставленные, были изъ другихъ эпохъ, или обстоятельства были только *положи* на Разинскія.

Чтобъ не возвращаться послѣ для сравненій, мы кстати приведемъ здѣсь сія Былины:

Убить Астраханскій Воевода (Губернаторъ).

1.

- Что пониже было города Саратова,
 А повыше было города Царицына,
 Протекала рѣка матушка Камышенка,
 Что веда-то за собою берега круты,
 5. Круты-красны берега, луга зеленые,
 Она устьищемъ впадала въ Волгу матушку.
 Какъ по той ли рѣкѣ матушкѣ Камышенкѣ
 Выплываютъ ли стружечки есаульскіе,
 На стружечкахъ тѣхъ сидятъ гребцы бурлацкіе:
 10. Все бурлаки, все молодчики Заволжскіе.
 Хорошо всѣ удалыи были наряжены:
 На нихъ шапочки собольи, верхи бархатны;
 На камкѣ *) у нихъ кафтаны однорядчны;

*) «Изъ камки» или «на плечахъ.»

- Канаватные *) бешметы въ нитку строчены;
15. Галуножь рубашки шелковы обложены;
Сапоги на всѣхъ на молодцахъ сафьяновы;
Они веслами гребли да пѣли пѣсенки.
Къ островочку среди Волги становилися:
Они ждали—поджидали Губернатора,
20. Губернатора ли ждали Астраханскаго.
Какъ возгóворятъ бурлаки тутъ удалые:
«Еще что́ то на водѣ у насъ бѣлѣтся?
«Забѣлѣлися тутъ флаги губернаторски:
«Кого ждали—поджидали, того лядь **) несеть.»»
25. Астраханскій Губернаторъ догадался тутъ:
—Ой вы гой еси, бурлаки, люди вольные!
—Вы берите золотой казны, что надобно,
—Вы берите цвѣтно платье губернаторско,
—Вы берите всѣ диковинки заморскія,
30. —Вы берите всѣ вещицы Астраханскія.—
Какъ возговорятъ удалы люди, вольные:
«Какъ твоя не дорога намъ золота казна;
«Намъ не дорого ни платье губернаторско;
«Намъ не дороги диковинки заморскія;
35. «Намъ не дороги вещицы Астраханскія:
«Дорога намъ твоя буйная головушка.»»
Буйну голову срубили съ Губернатора,
Они бросили головку въ Волгу матушку;
Сами молодцы ему тутъ насмѣхалися:
40. «Ты добръ, вѣдь, Губернаторъ, къ намъ строгонекъ былъ,
«Ты, вѣдь, билъ насъ, ты губилъ насъ, въ ссылку ссыльвалъ,
«На воротахъ женъ, дѣтей нашихъ разстрѣливалъ!»»

(Обстоятельства напечатано, съ напѣвомъ, у Кашина, ч. II, изд. 1-е 1834 г.; воспроизведено Бернадомъ и другими).

*

*) Старая узорочная ткань: *кавафос*, *саппавис*, наше конопы, конопель (а не шелковая, какъ въ Словарѣ В. И. Даля).

**) Пустой, кромѣшный (то же, что «чортъ», но по употребленію нѣсколько мягче). «Лядь его возьми,»—то же, что «пусто ему!»

Эту-то Былину, не допечатавъ конца, какъ помянуто выше, привелъ г. Костомаровъ о первомъ переходѣ Разина на Волгу: конецъ ея показываетъ другое, прямое примѣненіе къ Астраханскому дѣлу.

Такова же и слѣдующая: *

2,

(Кирша Давыдовъ).

- Промежь было Казанью, промежь Астраханью,
 А пониже города Саратова,
 А повыше было города Царицына,
 Изъ тоя ли было нагорной сторонушки,
 ѓ. Какъ бы прошла—протекла Камышевка рѣка,
 Своимъ устьемъ она впала въ матушку Волгу рѣку.
 А по славной было матушкѣ Камышевкѣ рѣкѣ
 Выгребали—выплывали пятьдесятъ легкихъ струговъ,
 (Пятьдесятъ легкихъ струговъ) воровскихъ козаковъ;
 10. А на всякомъ стружечку по пятьдесятъ *) гребцовъ,
 По пятьдесятъ гребцовъ, воровскихъ козаковъ.
 Заплывали—загребали въ Коловинскіе острова,
 Становились молодцы во тихихъ заводяхъ,
 Выгулять **) они на зеленые дуга.
 15. Разставили майданы ***) Терскіе,
 И раздернули ковры Сорочинскіе;
 А играли казаки золотыми они тавлеями,
 Кто, де, костью, кто, де, картами, всѣ удамы молодцы.
 Посмотрятъ молодцы внизъ по Волгѣ рѣкѣ,—
 20. Какъ бы чернь—то на Волгѣ зачернѣется,

*) Стихъ требуетъ: «по пятьдесятъ.»—Передъ сѣмъ «стружечку:» конечно опечатка.

**) Выходили, вышли гуляты вѣроятно опечатка.

***) Сборныя палатки, крытыя площадки (собственно майданъ—наше «поле»).

- А идутъ гребные изъ Астрахани.
 Дожидались козаки, удалые молодцы,
 Губернатора изъ Астрахани Репнина,
 Князя Данилу Александровича:
25. А на что душа рождена, тогда Богъ и далъ.
 Подошли тѣ гребные въ Коловинскіе острова,
 И бросали козаки они потѣхи всѣ,
 И бросалися во свои легоньки стружки,
 Напущалися козаки на гребные струги,
30. Они всѣ *) тутю торговыхъ перещупали,
 Они спрашиваютъ Губернатора изъ Астрахани:
 «А то коли онъ съ вами, покажите его намъ,
 «А до васъ до купцовъ, удалыхъ молодцовъ, и дѣла нѣтъ»
 Потаяли купцы Губернатора,
35. У себя они спрятывали подъ товары подъ своимъ.
 Говорили молодцы, воровскіе козаки:
 «А вы сами себѣ враги, за что его спрятывали!»
 Обыскали подъ товарами Губернатора,
 Репнина князя Данилу Александровича:
40. Изрубили его во части мелкія,
 Разбросали по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ;
 А его—то госпожу, губернаторску жену,
 И со малыми дѣтушками,
 Они всѣ *) молодцы, воровскіе козаки, помиловали;
- 45: А купцовъ—молодцовъ ограбили,
 Насыпали червонцами легки свои струги,
 Пошли по Камышевкѣ рѣкѣ.

(Ср. Ар. Росс. Стихотвор.).

* *

Путь Разина къ Симбирску изображень у г. Костомарова
 отрывкомъ той же Былины, которая напечатана у насъ по въ-

*) Всѣхъ?

сколькимъ образцамъ въ 6-мъ выпускѣ (стр: 25—35 и далѣе), относится по старшимъ образцамъ къ помощи Грозному подѣ Казанью и дѣйствительно кончается, какъ и у г. Костомарова, Казанью. Не споримъ, что въ ней могутъ быть и черты Разинскія, какъ мы уже и говорили объ ней выше: но по крайности въ приведенномъ у г. Костомарова и въ сродныхъ, у насъ напечатанныхъ, образцахъ, говорится, что Астрахань «пройдутъ мимо» и притомъ тихонько, а это уже не было нужно послѣ завладѣнія Астраханью, и самъ г. Костомаровъ вынужденъ замѣтить здѣсь анахронизмы.

По мѣрѣ распространѣнія шаекъ и сообщниковъ Разина, у нихъ должны были непременно сложиться *свои*, Круговыя или Хоровыя пѣсни, объ ихъ собственныхъ выгодахъ или подвигахъ, помимо Разина, имя коего только вставлялось для цвѣту и являлось на второмъ планѣ. Вообще у вольницы, козаковъ, это обычай, и конечно многія изъ помянутыхъ Былинъ сего же происхожденія, такъ что черты самого Разина попадали въ нихъ только вставкою. Такова Былина, или, лучше, помянутая Пѣсня Круговая, средоточіе которой составляетъ «построеніе церкви,» обстоятельство, именно въ Черкасскѣ, не безызвѣстное изъ исторіи Разина. У г. Костомарова напечатанъ прекрасный образецъ того:

Пѣсня Разинцевъ.

1.

(Не извѣстно, гдѣ записана).

Ахъ туманы вы мои, туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Какъ печаль-тоска ненавистные!
Не подняться вамъ, туманушки, со синя моря долой,

5. Не отстать тебѣ, кручиннушка, отъ ретива сердца прочь *)
 Ты возмой, возмой, туча грозная,
 Ты пролей, пролей, часть—крупенъ дождикъ,
 Ты размой, размой землю тюрьму,
 Чтобъ тюремнички, братцы, разбѣжались,
10. Во темномъ бы лѣсу собиралися.
 Во дубравушкѣ во зелененькой **)
 Ночевали тутъ добры молодцы,
 Подъ березонькой они становилися,
 На восходъ Богу молилися,
15. Красну солнышку поклонилися:
 «Ты взойди, взойди, красно солнышко,
 «Надъ горой взойди надъ высокою,
 «Надъ дубравушкой надъ зеленою,
 «Надъ урочищемъ добра молодца,
20. «Что Степана свѣтъ Тимоѳеевича,
 «По прозванью Стеньки Разина ***).
 «Ты взойди, взойди, красно солнышко,
 «Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныхъ,
 «Добрыхъ молодецъ, людей бѣглыхъ:
25. «Мы не воры, не разбойнички,
 «Стеньки Разина мы работнички,
 • «Есауловы все помощнички.
 «Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ,
 «Кистенемъ махнемъ—корованъ собьемъ,
30. «Мы рукой ****) махнемъ—дѣвицу возьмемъ.»

*

Покойный М. А. Стаховичъ записалъ эту пѣсню не мудрствуя; она отличается необычайно широкимъ, характеристическимъ напѣвомъ; вотъ она:

*) Последніе три стиха не считаемъ мы принадлежностью сей пѣсни: потому, что 1) они черезъ чуръ злегичны; 2) подлаживаются къ сочиненной пѣснѣ „Ужь какъ палъ туманъ;“ 3) последніе два стиха не согласуются ни со складомъ, ни съ извѣстнымъ напѣвомъ пѣсни; 4) вносятъ необычное удареніе „отъ ретива“ и т. п. —**) Эти соседніе два стиха не ладятся и усильно сопоставлены.—***) Отсюда-то и начинается за симъ собственно пѣсня, на сколько мы знаемъ ея подлинность. —****) Вымышлено и прозаично.

2. 1.

(Орловск. губ.).

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою да надъ высокою *)
надъ высокою;

Надъ дубравою надъ зеленою,

5. Надъ долиною надъ широкою,
надъ широкою!

Освѣти ты насъ, добрыхъ молодцевъ:

Мы не воры да не разбойнички,
не разбойнички,

10. Мы не воры да не разбойнички,
Стеньки Разина мы помощнички,
мы помощнички.

Какъ мы строили церковь славную,

Церковь славную, седмглавную,
седмглавную...

(Записано М. А. Стаховичемъ, потомъ напечатано имъ съ вариантами и съ музыкою въ „Собр. Р. нар. пѣсенъ,“ 1854 г.).

Та же самая пѣсня помѣщена въ Новиковскомъ пѣсенникѣ, Ч. III, а покойнымъ А. В. Кольцовымъ записана въ Воронежѣ и отдана для изданія Бѣлинскому. Но въ обоихъ сихъ образцахъ, послѣ того же, и прекрасно развитого, начала, изображается атаманова любовница, то въ кручинѣ по родныхъ, то какъ убійца ихъ, особенно брата. Это, повторяемъ, хотя и безъ имени Разина, весьма подходитъ къ образу его любовницы Персіанки (она была невольною виною убійства брата): однако, по принятому правилу, мы помѣстимъ ее, съ другими сродными образцами, ниже, въ Козацкихъ, Безъимянныхъ, Молодецкихъ.

* *

*) Последнее слово въ каждомъ изъ двухъ стиховъ сперва надламывается наглаголомъ по поламъ, а потомъ выпѣвается цѣликомъ уже въ пригвѣвѣ.

Г. Костомаровъ приводитъ пѣсню, которую, говорить, по преданію, Стенька сложилъ' сидя въ темницѣ: «Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ» и т. д. Но это только отрывокъ, и въ семъ видѣ онъ извѣстенъ изстари до новѣйшаго времени въ устахъ всѣхъ Козаковъ и Безъимянныхъ Молодцевъ. Ежели здѣсь и стоитъ въ концѣ имя Разина, то это *прибавлено* къ общей пѣснѣ, или же Разинъ примѣнилъ къ себѣ опять эту *общую* пѣсню. По образцамъ болѣе достовѣрнымъ, изъ губерній Пермской, Симбирской, Калужской, и другихъ, ближайшихъ къ поприщу дѣяній Разина, пѣснью его собственно нужно считать ту, которая напечатана у насъ выше на стр. 40, 41, подъ № 5-мъ, и начинается словами «Вы лѣса ль мои, лѣсочки.» Въ ней, напротивъ, и естественно, Разинъ выставляется еще «не пойманнымъ,» на волѣ, и оплакиваетъ гибель своихъ товарищей, своего всего дѣла. Тогда то конечно онъ и сложилъ ее, при отчаянномъ исходѣ подвиговъ, но во всякомъ случаѣ до тюрьмы и заключенія, ибо иначе кто же въ тюрьмѣ, за грозными сторожами, подслушалъ бы, запомнилъ и распространилъ пѣсню? Изображая конецъ всего дѣла, Разинъ могъ пѣть о себѣ и въ третьемъ лицѣ. Вотъ еще разнорѣчія сей пѣсни:

Пѣсня Разина.

Гибель его товарищей и его самого.

1.

(Симбирск. губ.).

Не рябинушка со березенькой совивается,
 А не травенька съ травенькой соплетается:
 Какъ не мы ли, добрые молодцы, совыкались.
 Какъ лѣса ли мои, лѣсочки, лѣса темные,
 Б. Вы куста ли мои, кусточки, кустики таловые *)

*) Изъ таволги.

- Вы станы ли мои, станочки, вы станы мои Тедды!
 И еще ли вы, мои лѣсочки, всѣ порубленые,
 Всѣ куста мои, кусточки, всѣ поломаные,
 Всѣ друзья мои, братцы-товарищи, переловлены,
 10. По разнымъ тюрьмамъ всѣ посаженые:
 Оставался одинъ товарищъ, Стенька Разинъ сынъ.

*

2.

(Оттуда же).

- Вы лѣса наши, лѣсочки, лѣса наши темные,
 Вы кусты ли наши, кусточки, кусты наши великие ^{*)},
 Вы станы ли наши, станочки, станы наши Теплые,
 Вы друзья ли наши, братцы-товарищи!
 5. Лѣса наши всѣ порублены,
 А куста наши всѣ поломаны,
 Всѣ станы наши разорены,
 Всѣ друзья наши товарищи переловлены,
 Во крѣпкія тюрьмы наши товарищи посажены,
 10. Рѣзвы ихъ ноженьки въ кандалахъ заклепаны,
 У воротъ-то стоятъ грозные сторожи,
 Грозные сторожи, brave солдатушки:
 Ни куды-то намъ ^{**)}, добрымъ молодцамъ, ни ходу, ни вы-
 пуску,
 Ни ходу, ни выпуску изъ крѣпкой тюрьмы.

(Запис. П. В. Шейномъ: ср. „Чтенія“ 1859 г.).

*

Такимъ образомъ необходимо раздѣлить слѣдующее: 1) Пѣсню самого Разина; 2) ту же пѣсню, гдѣ говоритъ онъ о себѣ въ третьемъ лицѣ; 3) ту же пѣсню, когда она пѣлась уже его, оставшимися, товарищами и послѣдователями, и конечно уже

^{*)} Тутъ, вѣроятно, опечатка.

^{**)} Здѣсь уже очевидно пѣсня *Разина* пѣта оставшимися въ живыхъ его товарищами и послѣдователями.

отъ лица ихъ, а объ Разинѣ въ третьемъ лицѣ; наконецъ 4), когда уже казнь и смерть совершилась, а дѣло стало прошлымъ, наступила возможность сложить изъ пѣсни и разсказа, или лучше изъ всего теченія событій, цѣлую Былину, подобно какъ, мы видѣли, Плачь самой Ксеніи, сложенный и пѣтый сначала ею самою, обращенъ послѣ нея въ Былину, съ разсказомъ о судьбѣ героини. Въ этомъ отношеніи крайне замѣчательна Былина, напечатанная нами во II-й части собранія П. Н. Рыбникова, стр. 239, 240, № 41, записанная въ Пермской губерніи. Она только одна, изъ сего разряда, и заслуживаетъ имя *Былины* въ собственномъ смыслѣ, а не простой Пѣсни, ибо послѣдовательно передаетъ теченіе *событій*, а вмѣстѣ вскрываетъ передъ нами способъ, какъ слагаются въ народѣ произведенія сего рода. Нужды нѣтъ, что тутъ, какъ и въ собраніи Кирѣевскаго, въ напечатанномъ выше образцѣ, черты нѣсколько разукрашены, вставленъ *Дунай* и т. п.: дѣло само очень ясно.

Былина начинается именно 1) Пѣсней Разина; 2) потомъ разсказывается о подвигахъ Разина, отъ лица его самого; 3) далѣе его Завѣщаніе, приведенное, какъ говорили мы выше, г. Костомаровымъ; 4) за тѣмъ Плачь товарищей надъ могилой и погребеніе; наконецъ 5) ихъ распрощанье между собою и рѣшеніе разойтись. Впрочемъ мы обязаны цѣликомъ привести здѣсь этотъ замѣчательный образецъ:

3.

(Пермск. губ., Екатеринбург. уѣзда).

Вы лѣса ль мои, лѣсочки, лѣса темные,
 Вы станы ль мои, станочки, станы Теплые!
 Ужь какъ вы ль, мои станочки, поразломлены,
 Всѣ товарищи, всѣ пріятели поразловлены,
 5. По злодѣйкамъ по тюрьмамъ поразсожены.
 Только я то ли, добрый молодець, не пойманъ былъ,
 По прозваньюцу меня звали Стенька Разинъ сынъ.

- Я не годъ гуляль, я не два года,
Я гуляль-то ровно тридцать лѣтъ.
10. Какъ пошелъ-то я ко синю морю,
Ко синю морю, ко Дунай-рѣкѣ;
У Дунай-рѣки перевозъ кричалъ:
«Перевезите-ка меня, добра молодца,
«На ту сторону, на бѣлый камешекъ!»
15. На бѣломъ камешкѣ сталъ скончатися,
При кончинушкѣ сталъ наказывать,
Сталъ наказывать и выговаривать:
«Ахъ вы милые сотоварищи!
«Похороните меня, добра молодца,
20. «Промежду трехъ дорогъ, первой [Питерской],
«Другой Владимірской, третьей Кіевской.
«Вовъ правую ручку дайте саблю вострую,
«Вовъ лѣвую ручку калену стрѣлу,
«Въ головахъ поставьте чуденъ-дивенъ крестъ,
25. «Вовъ ногахъ поставьте воронá коня.
«Кто ни идетъ, кто ни ѣдетъ мимо молодца,
«Мимо молодца, всякъ помолится:
«—Что не воръ ли лежитъ тутъ, не разбойничекъ,
«—Тутъ лежитъ-то Стенька Разинъ сыгы!—
30. Приходили тутъ сотоварищи,
Помоллися на чуденъ-дивенъ крестъ,
Тому-то братцы сдивовалися,
Стенькѣ Разину поклонялися:
—Ужь ты выстынь-ка, сотоварищъ нашъ,
35. —Ты возьми-ка въ руки саблю вострую,
—Вовъ лѣву руку калену стрѣлу,
—Ты ударь-ка буйной палицей
—По бедрамъ нашимъ широкимъ *)!
—Кабы знали мы ужъ вѣдали,
40. —Выручили бы съ бѣла камнѣ,

*) За то, что не спохватились и не выручили Стеньки Разина.

—Съ бѣла камня, со Дунай-рѣки,
 —Со Дунай-рѣки, со широконой.
 —Покажи-ка намъ златы латы тутъ,
 —Златы латы тутъ серпентинныя!—

45. Погрузили во Дунай-рѣку
 Сотоварищи Стеньку Разина.
 Со Дунай-рѣки сотоварищи
 На Амуръ пошли думу думати;
 У Амуръ-рѣки крута гора,

50. Крута гора высокая;
 На той горѣ распрошались,
 Другъ другу покланялись:
 —Ужь мы, братцы, разодемтесъ-ка,
 —Разодемтесъ-ка по дикимъ мѣстамъ!—

(Отъ востыяннѣ; ср. II ч. собр. П. И. Рыбникова).

* *

Что касается до *пѣсни*, которую г. Костомаровъ ставитъ при разсказѣ о заключеніи Разина брата *Флора*, какъ будто ему принадлежащей, то она, еще болѣе Разинскаго *завѣщанія*, принадлежитъ одинаково любому Флору и Лавру, рѣшительно всѣмъ Безъимяннымъ Молодцамъ и Козакамъ, а поетсѣ вообще какъ олицетвореніе тюремнаго заключенія и пѣсня о подвигахъ заключеннаго, въ сотнѣ видовъ и редакцій.

Теперь идетъ уже *воспоминаніе* о Разинѣ, въ видѣ столь знакомаго намъ *Плѣчи*, какъ поютъ его, на примѣръ, о смерти всѣхъ замѣчательныхъ лицъ, съ Ивана Грознаго до Александра I-го, и какъ могутъ видѣть читатели всюду у насъ, начиная съ 6-го выпуска. Въ настоящемъ 7-мъ выше напечатанъ у насъ образецъ (стр. 41, № 6) изъ Новиковскаго пѣсенника, съ замѣтною книжною придѣлкою на концѣ: «И на славной Красной площади Отрубили буйну голову.» То же, короче, изъ другихъ пѣсенниковъ напечатано и у г. Костомарова, съ началомъ:

Помутился славный-тихий Донъ

Отъ Черкаска до Чернаго моря,

Помѣшался весь козацкій кругъ, и т. д.

* *

Какъ взятіе Казани, какъ Астрахань при Михаилѣ (ср. выше), такъ конечно не могло миновать народнаго вниманія послѣдовавшее взятіе и очищеніе Астрахани послѣ Разина. Вѣроятно событіе это отозвалось въ слѣдующей Былинѣ, хотя не скрываемъ, что она можетъ относиться и къ другимъ завоеваніямъ, и не только Астрахани, а даже и другихъ городовъ, какъ, на примѣръ, весьма сходно поется о взятіи Азова (ср. похожій примѣръ обмана при взятіи его выше, о Скопцѣ). Мы считаемъ не лишнимъ привести эту Быдину здѣсь, въ старшемъ для нея по времени мѣстѣ; имя *Никиты Феодоровича* согласовалось съ тѣмъ, что послѣ Милославскаго прибылъ въ Астрахань Яковъ *Никитичъ Одоевскій*, а въ исторіи Одоевскихъ народу особенно памятно имя *Никиты*.

Взятіе Астрахани.

1.

(Задовскій уездъ).

Собирался князь *Никита*

Сынъ *Феодоровичъ*,

Онъ во путь во дороженьку,

Въ Астрахань городъ.

5. Вотъ онъ двѣдалъ тележки

Астраханскія,

А не мало и не много—

Сорокъ восемь тысячь.

Обивалъ онъ тележки

10. Дорогимъ сукномъ,

Дорогимъ такимъ *) сукномъ,

Чернымъ бархатомъ.

*) Тонкимъ?

- Онъ сажалъ на тѣ тележки
 По семи человекъ,
 15. По восьмому онъ сажалъ
 По кучеру,
 По девятому онъ сажалъ
 Кашеварому,
 По десятому онъ сажалъ
 20. Провожатому.
 Напередъ онъ послалъ
 Своего гонца:
 «Ты гони, гони, гонецъ,
 Въ Астрахань-городъ!
 25. «Ты воскликни, ты возгари
 Громкимъ голосомъ:
 «—Ужь вы гой-еси, купцы
 Астраханскіе!
 «—Отворяйте-ка ворота
 30. . Вы широкіе,
 «—Мы пріѣхали къ вамъ, купцы
 Черноморскіе,
 «—Привезли мы вамъ товары
 Все заморскіе:
 35. «—Черныхъ соболей
 Со кунницами,
 «—Съ чернобурими
 Со лисицами.—»

- Отворяли имъ купцы
 40. Свои ворота,
 Становили купцы гонца
 Во гостинницу.
 Но тамъ гонецъ
 Не оставился;
 45. Очищали для гонца
 Три площади,
 Просили со гонца
 Три пошлины:

- Заплачú я вамъ, братцы,
 50. Всѣ три пошлины.—
 Какъ съ перваго часу,
 Со полуночи,
 Выходилъ нашъ гонецъ
 На высокъ балконъ,
 55. Онъ воскликнулъ—возгаркнулъ
 Громкимъ голосомъ:
 —Ты вставай, вставай,
 Живой товаръ!
 —Ты съ перваго конца
 60. Жги—пали,
 —А съ другаго конца
 Сѣки—руби,
 —А съ третьяго конца
 Во полонъ бери,
 65. —На каждаго молодца
 Цѣпь тяжелую клади!—
 Закричали купцы, купцы
 Астраханскіе:
 «Какъ ни честь, ни хвала
 70. Царю Бѣлому,—
 «Какъ не взяли Астрахань
 Городъ въ тридцать лѣтъ,
 «А теперъ взяли его
 Ровно въ три часа!»»

(Ср. Воронежск. Бесѣду 1861 г.).

Кстати, говоря о Былинахъ, оплакивающихъ смерть народныхъ героевъ, благодѣтелей или враговъ, укажемъ на Былину у Кирши Данилова о смерти *Михайлы Черкашена*. Не ручаемся, чтобы она была сложена именно для этого лица: она похожа на весьма многія такія же Безъимянные. Но по крайности мы имѣемъ здѣсь *имя* и образецъ того, какъ и съ какого времени Московское пѣснотворчество обратилось съ учас-

тѣмъ къ представителямъ и событіямъ козачества. «Можетъ быть» даже и сложена она современно, въ одну эпоху съ Ермакомъ. Тогда мы для XVI и XVII вѣка Московскихъ Былинъ получаемъ *Ермака, Михайлу, Стеньку, и Флора Миная*, съ ними Донъ, Волгу и Сибирь, Казань, Астрахань и Азовъ, однимъ словомъ главные лица, поприща дѣйствія, черты и событія тогдашняго, «не-Малорусскаго» козачества.

Смерть Михайлы Черкашенина.

1.

(Кирша Дангловъ).

- За Зарайскомъ городомъ, за Рязанью за Старою,
Изъ далеча изъ чиста поля, изъ раздолья широкаго,
Какъ бы гнѣдаго тура привезли убитаго,
Привезли убитаго атамана Польскаго,
6. Атамана Польскаго, а по имени Михайла Черкашенина.
А птицы ластицы кругъ гнѣзда убиваются:
Еще плачутъ малы его дѣти надъ бѣлымъ тѣломъ;
Съ высокаго терема зазрѣла молодая жена,
А плачеть—убивается надъ его бѣлымъ тѣломъ,
10. Скрозь слезы свои она едва слово промолвила,
Жалобно причитаючи ко его бѣлу тѣлу:
«Козачья вольная *) по здорову прѣехали,
«Тебя, свѣта моего, привезли убитаго,
«Привезли убитаго атамана Польскаго,
15. «А по имени Михайла Черкашенина!»

*) Вольница, козакъ вольные, отчего и согласовано во множественномъ числѣ.

За Козачествомъ Московскаго періода Былинъ ближайше важное мѣсто принадлежитъ Былинѣ объ осадѣ Соловецкаго монастыря: по тремъ образцамъ она напечатана нами въ изданіи «Калѣкъ Перехожихъ», вып. 3, стр. 675—680, № 157 и далѣе.

Съ симъ связаны: судьба стрѣльцовъ, переживавшихъ при Алексѣ Михайловичѣ послѣднюю годину, и первыя волненія въ средѣ ихъ; но у насъ выше, на стр. 43, 44, напечатана Былина о смерти Стрѣлецкаго Воеводы, *одна*, ибо одна съ именемъ Алексія. Другія же, собственно о возстаніяхъ и гибели, хотя несомнѣнно по многимъ частямъ своимъ истекаютъ изъ эпохи того же царствованія, но, или именемъ вѣщениосца, или общимъ характеромъ прямѣе принадлежать времени Петра I-го, гдѣ читатели и найдутъ ихъ, даже съ развѣтвленіемъ Безымянныхъ.

Былина «подъ Ригю», помѣщенная у насъ выше на стр. 44, представляетъ собою уже начало простыхъ Пѣсней, такъ называемыхъ Военныхъ или Служилыхъ: такого же рода, хотя безъ всякихъ именъ, помянутая пѣсня о зимовой и весновой службѣ, № 5 въ тетради Ричарда Джемса. Это даже начало, хотя и отдаленное, послѣдующихъ пѣсень *Солдатскихъ*, Руси Новой.—Она же перепечатана въ сборникѣ г.г. Костомарова и Мордовцевой, стр. 27, 28, подъ буквою В, съ нѣсколькими, не совсѣмъ удачными, перемѣнами словъ. Другой тамошній вариантъ, на стр. 27, подъ буквою А, по своимъ *солдатскимъ* оборотамъ и *фельдмаршалу*, какъ пѣсня Безымянная, находитъ непремѣнное мѣсто въ Новой Россіи, гдѣ и можетъ свободно воспѣвать о любыхъ сборахъ подъ Ригу,—много, много, если въ эпоху Петра. Почтеннымъ собирателямъ *показалась* эта пѣсня *началомъ* той, которая напечатана подъ буквою В, и вотъ почему конечно сочли они нужнымъ замѣтить, что «нѣкоторыя (женщины?) поютъ, послѣ «православный царь»,— «бывшій царь Алексѣй Михайловичъ.»»

За симъ, на стр. 45—47, помѣщены у насъ послѣднія Былины Древней Россіи, о смерти Алексѣя Михайловича, въ 4-хъ нумерахъ, изъ коихъ 1-й съ именемъ, три съ подходящими чертами: собственно повтореніе, съ малымъ разнообразіемъ, того же, что начинается въ Московскихъ Былинахъ съ Грознаго и нѣсколько разъ еще повторится предъ читателями въ дальнѣйшихъ выпускахъ, о послѣдующихъ государяхъ и государыняхъ.

Остается намъ сказать о тѣхъ, уже не столько Былинахъ, сколько простыхъ Пѣсняхъ, кои напечатаны въ первыхъ «Прибавленіяхъ» сего выпуска, на стр. 54—62, въ 5-ти образцахъ, и названы *Татарскими*. Ихъ нельзя обойти при заключеніи *Древней Руси*, и мы можемъ здѣсь еще прибавить къ нимъ нѣсколько любопытныхъ образцовъ или разнорѣчій.

Но прежде считаемъ нужнымъ напомнить то, что говорили уже не разъ въ «Замѣткахъ» къ разнымъ выпускамъ, при разныхъ собраніяхъ Пѣсень и Стиховъ нашего изданія. — Съ самыхъ первыхъ годовъ Русской исторіи, а потому и съ первыхъ Былинъ, огласившихъ начало и развитіе Руси въ ея государствѣ и земствѣ, Восточные выходцы, вторгаясь въ наши предѣлы, жизнь и исторію, на промежуточномъ пути между Азіей и Западной Европой, конечно должны были, хотя подъ разными именами и въ разной обстановкѣ, войти эпизодически въ народное пѣснотворчество, какъ лица, обстоятельства и единичныя части въ *содержаніи* Былинъ. Послѣдующее, сравнительно сильнѣйшее, преобладаніе полчищъ Татарскихъ сообщило и всѣмъ старшимъ Восточникамъ, и позднѣйшимъ развѣтвленіямъ ихъ, по преимуществу окликъ, характеръ и колоритъ *Татарскій*. Съ этой только стороны можно и пѣсни, гдѣ они встрѣчаются, именовать, въ узкомъ смыслѣ, *Татарскими*: и только. На само творчество наше, на складъ, стихъ, напѣвъ, приѣмъ, языкъ и т. п., Татарскаго

вліянія нѣтъ и смѣшно его предположить. Да и въ содержаніи, нужно помнить, что это только вставныя части, эпизоды, при главномъ содержаніи—Русскихъ лицъ, событій и положеній: а потому съ этой общей, широкой стороны, называть пѣсни такія Татарскими, — значило бы по праву называть другія пѣсни Литовскими, третьи Шведскими, четвертыя Французскими, смотря потому, съ какой *стороны* были *на насъ* частныя нашествія или вторженія, какія лица и черты выведены въ *Русскихъ*, Русскихъ самихъ по себѣ, Былинахъ. Не имѣя возможности не видать вліянія на Русь съ Востока, изъ Азіи, между прочимъ и отъ Татарщины, всѣ наши историки, отъ Карамзина до послѣдняго, старались пояснить это *вліяніе*, дать ему настоящее по принадлежности мѣсто и — всегда отдѣлить отъ самой *Русской* жизни и исторіи, какъ отдѣляется всякое внѣшнее наслоеніе, всякая чуждая сторона и все по стороннее, какъ отличается полчище отъ строя, кочевое племя отъ земства и народа, орда отъ государства, безграмотность и дикость отъ образованія, просвѣщенія и цивилизаціи, нагроможденіе случаевъ и толковъ отъ исторіи, сѣверныя и восточныя слитныя языки отъ индо-европейскаго и съ тѣмъ вмѣстѣ отъ славянскаго, стадовое накопленіе и безслѣдное исчезаніе среди груды грубыхъ развалинъ отъ органическаго развитія, отъ лѣтописей исторіи, отъ литературы, созданий творчества и вѣковѣчныхъ его памятниковъ. Идя тѣмъ же, общимъ путемъ, путемъ общей науки, еще покойный П. В. Кирѣевскій положительно заявилъ касательно нашего пѣснотворчества: «Особенно замѣчательно совершенное почти отсутствіе пѣсенъ объ эпохѣ такъ называемаго Татарскаго ига. По крайней мѣрѣ въ моемъ Собраніи. Пѣсенъ (а оно, безъ преувеличенія, должно быть названо очень многочисленнымъ), нѣтъ ни одной, которую бы можно было несомнѣнно отнести къ этому времени. Такое отсутствіе воспоминаній объ этой эпохѣ можетъ служить сильнымъ свидѣтельствомъ противъ лицъ, называющихъ это несчастное время эпохою Татарскаго влады-

чества, или ига, а не апохою Татарскихъ опустошеній, какъ было бы справедливо. Иноземное владычество, особенно долго-временное, необходимо проникаетъ во всё отношенія внутренняго быта, глубоко уничтожаетъ и искажаетъ народный духъ и не можетъ не оставить воспоминаній неизгладимыхъ. Могло бы оно вовсе истребить пѣсни въ Русскомъ народѣ; но, при осуществленіи такого огромнаго богатства народныхъ пѣсенъ и преданій, не могло бы стереть подобныя воспоминанія (1-й выпускъ нашего изданія).» И мы держимся того же воззрѣнія, а, на основаніи очевидныхъ данныхъ пѣснотворчества, отчасти успѣди развить даѣе ту же положительную истину, о доѣ участія, какую занимаетъ Татарщина въ содержаніи нашихъ Быдинъ, отчасти приведемъ ниже еще съ пятокъ пѣсенъ того же значенія.—Послѣ сего, честь внести въ Русь Татарщину, и не только внести, но и поставить на мѣсто Руси, честь внести въ нашу исторію и пѣснотворчество Татарскій смыслъ и Татарское воззрѣніе, принадлежитъ единственно, впервые и навсегда, знаменитымъ статьямъ «о происхожденіи Русскихъ Быдинъ» г. Стасова въ «Вѣстникѣ Европы.» Мы не писали возраженій и, говоря о семъ теперь, никоимъ образомъ не пускаемъ въ разборъ и критику: достоинство такихъ изслѣдованій, какъ г. Стасова, состоитъ именно въ томъ, что они высказываются, дабы собственнымъ изложеніемъ до конца исчерпать себя и навсегда уничтожить. Остается спокойно выжидать, пока договорятся, что все это говорили ради препровожденія времени. До того дошла, нѣкогда господствовавшая у насъ, Скандинавоманія или погомъ привычка черпать объясненія изъ Нибелунговъ и Эдды, выводить Русскія формы языка изъ Западныхъ грамматикъ. Лучшее, искреннѣйшее корифей сего, весьма впрочемъ естественнаго и понятнаго, увѣченія, открыто нынѣ признались въ немъ и отступили отъ него: поворотъ къ народности довершилъ дѣло, навсегда отлучивъ насъ отъ корней, цвѣтовъ и плодовъ Запада въ ихъ исключительности Западной и обративъ къ своему родному. Здѣсь же,

въ семь родномъ, признано нынѣ наукой за правило, искать и черпать объясненія всеѣхъ самобытныхъ нашихъ явленіямъ, изучать законы, выводить практическія указанія, и, лишь только порою, прибѣгать къ сравненію, которое не перестаетъ быть сравненіемъ и притомъ на первой периперіи обязано ограничиваться областью *Славянской*. Совсѣмъ напротивъ, поманутія статьи, зачиная новую эру, съ такою же ревностію устремились отъ Запада на Востокъ, и поставили сей послѣдній, даже еще ужь, — Татарщину на мѣсто Руси: конечно предстолить имъ та же судьба, — потянуться въ двухъ-трехъ слабыхъ подражаніяхъ и умереть, подняться *ut lapsu graviori quant*, чтобы исчезнуть съ тѣмъ вящимъ самоотреченіемъ, ибо Западъ имѣетъ еще сравнительно съ нами все торжество и обаяніе Западной цивилизаціи, а восточный Востокъ остается однимъ лишь поприщемъ для занятія Западными и собственными нашими шагами цивилизаціи, Татарщина же давно или стерта, или поглощена Русью безслѣдно для прошлаго, безнадежно для Татарскаго будущаго. Слѣдовательно, въ такомъ безспорномъ дѣлѣ не остается мѣста критикѣ, а затрогивается лишь справедливое любопытство: какъ можно выйти на такой мудреный путь, какъ пройти по немъ, куда подготовить себѣ выходы и какъ добровольно создать изъ литературы и науки невѣданный монстръ? Мы вкратцѣ постараемся промѣрять эту курьезную бездорожку. — Статья, для сравненія съ нашими Вышнами, берутъ сначала памятники поэтическаго Индо-персидскаго творчества, созданные на Санскритѣ, Зендѣ, языкѣ Персидскомъ или разныхъ, оттуда же возникшихъ, подрвчскихъ: берутъ по тому поводу, что для сихъ памятниковъ явились нынѣ *нѣмецкіе переводы*. Сравниваютъ по симъ переводамъ, и открываютъ удивительныя открытія: даже не предполагая, что изслѣдователи прежніе, обличаемые ими въ легкомысліи, давно читали сіи памятники въ *подлинникъ*, и однако не открыли Восточныхъ открытій. Прародина наша общая, убежденія слѣды глубокаго, давняго по корню, племеннаго, язы-

коваго и бытоваго родства со всѣми нами, Индо-европейцами, была и всегда остается образцемъ для сравненія, матеріаломъ для сравнительнаго языковѣдѣнія и сравнительной этнографіи, для всей Западной, Славянской, Русской Европы. Не эти однако, общія и сродныя, основы привлекають собою любопытство и изслѣдованіе неологическихъ статей. Сравненіе предполагало бы различіе сравниваемыхъ сторонъ: а этого-то различія неологи тщательно и избѣгаютъ. Въ насъ видятъ они не дальнѣйшее развитіе корня и плода, содержанія и формы, въ новую органическую жизнь, не самостоятельное продолженіе и поступательное историческое видоизмѣненіе, однимъ словомъ не Европейскую зрѣлость послѣ общей колыбели Востока: напротивъ, слабѣющее, безсознательное, лепетомъ младенца или передразниваньемъ фигляра повтореніе Индо-персидскаго Востока. Сей послѣдній пустѣетъ на собственномъ своемъ, оригинальномъ урочищѣ и мѣстопребываніи: мы переносимъ его на себя, въ насъ своего ничего нѣтъ, мы есмы искаженіе сего Востока, въ насъ онъ исказился, и, вскрывая сіе искаженіе, мы изучаемъ, говорятъ, дѣйствительную исторію. Замѣчая носъ и губы, шапку, одежду и палку, мужской и женской полъ, именованіе лицъ и предметовъ, существованіе жилищъ и отправленія физической жизни, замѣчая подобныя рѣдкія вещи въ Индо-персидскомъ Востокѣ, неологія съ торжествомъ открываетъ тѣ же характерныя признаки у насъ. А такъ какъ и эти отличія все-таки въ насъ видимо поизмѣнились или въ мелочахъ рознятся, то это значить, — мы исказили ихъ. Мы тѣ же Индо-Персы, только пороченные. Весь міръ Индо-европейскій, а особенно Славянскій и Русскій, занимается тѣмъ, что беретъ чужое, чужое присвоиваетъ, чужимъ живетъ и во всей своей исторіи судорожными кривляньями передразниваетъ, передразнивая повторяетъ, повторяя искажаетъ Востокъ. Не имѣя своего, живетъ чужимъ: но это не чужое, ибо мы себя ничѣмъ производительнымъ не отличаемъ; стало быть это намъ свое: но это свое однако намъ не свое, не нами порожденное и возрожденное, а

украденное и перенятое. Замѣчая и выводя такія данныя въ помянутыхъ низшихъ сферахъ, въ основахъ племенныхъ, язычныхъ, бытовыхъ, неологія *предполагаетъ*, что то же самое *конечно* повторилось и въ высшихъ: въ сферѣ мысли и интеллектуальнаго развитія, во всякой жизни исторической, въ высшемъ проявленіи исторической жизни — въ творествѣ, въ высшихъ созданіяхъ творчества, въ творествѣ словесномъ, въ гѣснотворствѣ, въ созданіи Былинъ, въ мірѣ Эпическихъ образовъ. По коренному сродству конечно и эти высшія проявленія у Индо-европейскихъ народовъ, а тѣмъ паче, по срединному мѣсту, у насъ, Славянъ и Русскихъ, должны имѣть съ Индо-персидскимъ Востокомъ много сроднаго въ пріемахъ, чертахъ, даже цѣлыхъ образахъ: но не то опять, не это сравненіе занимаетъ неологію, ибо при сравненіи опять открылись бы отличія. Напротивъ: и здѣсь мы переняли чужое усвоили себѣ какъ свое, своимъ самобытнымъ ничѣмъ не замѣнили, изъ себя раздѣлись и передѣлись въ чужака, который и есть никто иной, какъ мы сами. Стоить замѣтить, что въ томъ и другомъ творествѣ, у тѣхъ и у насъ, попадаютъ люди, имена, руки, ноги, обувь, оружіе, собака, дерево, и т. п.: сейчасъ выходитъ, что все содержаніе нашего творчества занято и есть ничто иное, какъ перефразировка, притомъ портящая, искажающая первообразъ; полнота, существенная мысль, правильность образа восстанавливается и вскрывается лишь тогда, если мы обратимся къ подлиннику, то есть къ Индо-персидскому Востоку, то есть къ нѣмецкимъ переводамъ съ Индо-персидскихъ памятниковъ. А какъ же всё-таки замѣтно несходство, откуда оно? Мы исказили. А если въ искаженіи не доберемъ подлинныхъ чертъ Индо-персидскихъ? Тогда ищите ихъ у другихъ Восточныхъ народовъ, Монголовъ, Калмыковъ, Киргизовъ, Татаръ, Минусинскихъ Татаръ, Байкальскихъ старожилловъ. Неологи ведутъ насъ туда и водятъ, водятъ, всё ищутъ тамъ подлинника. Какъ съискать? Опять недавно вышли *изданія* тамошнихъ памятниковъ, *переводы*. А если и тамъ нѣтъ? Для объясненія Ильи Муромца, Доб-

рыни, Буслаева, Садки, и т. д., ведутъ насъ къ дикарямъ Америки, къ туземнымъ жителямъ Борнео (не шутя, à la lettre). Какъ будто всѣ эти господа, совсѣмъ другихъ уже расъ или племень, языковъ, бытовъ и исторій, чѣмъ Индо-персидскій Востокъ, имѣють болѣе правъ вѣрно сберечь его, сохранить или воспроизвести въ себѣ его первообразъ и подробности, уяснить намъ типъ и подлинникъ,—гораздо болѣе, чѣмъ мы, по всѣмъ корнямъ ближайше сродные! Тѣ сливаются съ Востокомъ, они тотъ же Востокъ, что Индо-Персы, они возобновляютъ въ себѣ его типы: а мы потеряли нити для сличенія, связь наша возобновляется только черезъ это посредство; тѣ не жили исторической жизнью или извержены изъ нея, какъ племена, не дошедшія до исторіи и въ нее не поступающія, и однако они унесли съ собою и развили послѣдовательно основы, весьма ярко отпечатлѣвшіяся въ ихъ образахъ, въ созданіяхъ ихняго творчества, мы же, непрерывной исторіей наслѣдовавшіе сродный намъ по всему Востокъ, тотъ Востокъ, который былъ отдаленнымъ зачаломъ Индо-европейской жизни, — мы не создали ничего самостоятельнаго, а первообразъ свой лишь повторяемъ, повторяя искажаемъ и для уясненія искаженій нуждаемся въ свѣтѣ со стороны Алтая, Оренко и Борнео. А чтó, когда у сихъ благодатныхъ краевъ и племень даже нѣтъ литературы, да нѣтъ и изданій, нѣтъ и переводовъ? Нужды нѣтъ: клочки ихъ памятниковъ дороже для возобновленія первообраза; клочками сими, отрывочнымъ лепетомъ или гугнивымъ шампаньемъ дикаря, сколько лишь можно уловить его, разъясняется величавое зданіе нашего пѣснотворчества, разъясняется и даетъ понять, что мы переняли Востокъ и исказили, тѣ же, благодатные дикари, первообразомъ своимъ уличаютъ наше искаженіе. Засовомъ и долотомъ разъясняется происхожденіе и устройство паровой машины, механизма часовъ, движенія телеграфа; поскобью и дерюгой—узоры атласа и кружевъ; воемъ волка и ревомъ медведя—потрясающая рѣчь народнаго вѣтіи, жаркая диатриба публи-

циста, блестящая мысль философа. Но мы еще къ сему воротимся.—Очевидно, для такого всеблудящаго воззрѣнія не существуетъ постепенности исторической, идеи поступательнаго прогресса, интерваловъ времени и пространства, наполняемыхъ историческою жизнью, преемства, въ коемъ народы слѣдуютъ одинъ за другимъ. Мы, за неимѣніемъ своего, похищаемъ у Индо-Персовъ: завистливыя очи, долгорукая кража, при томъ огромномъ пространствѣ мѣста и промежуткѣ времени, которые насъ отдѣлили въ исторіи. Мы черезъ всѣ эти пропасти тянемся за чужимъ и не хотимъ создавать своего: близорукой разсчетъ, при томъ глубокомъ сродствѣ, которое лежитъ внутри насъ самихъ на днѣ сердца, въ основахъ племени, языка и быта, при томъ родникѣ, изъ коего только черпайте, и создадите свое, и это свое будетъ непремѣнно сродно съ роднымъ намъ Индо-персидскимъ Востокомъ. Мы сродны: какъ будто чужими, а не своими собственными силами, кои развиваемъ по своему; мы отличны: какъ будто тѣмъ, что искажаемъ, а не тѣмъ, что идемъ далѣе въ развитіи. Неологія забываетъ, даже по видимому не предполагаетъ, что еще во время нашей жизни во Фракіи, при Черномъ морѣ и на Дунаѣ, въ цвѣтущій періодъ Греціи, мы уже отделились отъ сроднаго намъ Индо-персидскаго Востока тысячами стадій, годовъ, развитій: было довольно досуга и повода забыть подробности Былинъ, Сказокъ и Пѣсней, если ихъ и унесли мы съ отческаго Востока. Если же все это нами помнилось, то лишь на основахъ глубокаго сродства; а если эти основы были сродны, были одинаковы, то мы сами могли отъ себя и для себя создать и воссоздать ничѣмъ не хуже. Нѣтъ, говорятъ, мы только твердили старое, переименовывали да искажали до безмыслицы: положимъ, по недостатку производительности самобытной. А сосѣдняя, тѣсно-связанная исторія, а эта, широко раскинувшаяся въ мысли, образъ, словъ и творчествѣ, Греція? Она на насъ не повѣяла, при тысячѣ бытовыхъ, торговыхъ, военныхъ, промышленныхъ связей? Къ ней-то мы остались глухи, не захотѣли перенять и замѣнить

перенятымъ старую проказу Востока, бродившую въ нашей крови и въ нашихъ сокахъ. А между тѣмъ мы имѣемъ цѣлый міръ Черноморскаго или Придунайскаго Эпоса, ближайше сходный съ Греческимъ; а между тѣмъ Греція оставила намъ тысячи созданий, братски родныхъ со Славянскими, и по складу, и по стиху, и по напѣву: это что? То же, перефразировка, искаженіе Востока, и Греція за одно съ нами ничего не произвела, лишь проглотила и отрыгнула? Мѣстная исторія тѣхъ краевъ, кипучее развитіе той эпохи не наложили своеобразной печати, года прошли безслѣдно, Эпосъ Греческій и нашъ, нашъ тогдашній и тамошній по сосѣдству, все это пересказка Востока? Но Грецію опаслась затронуть неологія: мы одни пострадали. Мы одни отсюда ничего не вынесли, ни самобытнаго, ни даже перенятаго у Грековъ, мы одни пробавлялись по старому, пережевывая Востокъ: мы, у которыхъ доселѣ ходить въ устахъ народа, и даже записано изъ сей области древнѣйшаго, Придунайскаго и Черноморскаго Эпоса, во сто разъ болѣе, чѣмъ у всѣхъ дикарей отъ Борнео до Байкала, отъ Минусинскихъ Татаръ до Московскихъ ходебщиковъ съ халатами. Весь этотъ интервалъ между древней нашей прародиной и нынѣшнимъ поприщемъ нашей исторіи, между періодомъ за тысячу лѣтъ до Рождества и періодомъ тысячи лѣтъ по Рождествѣ Христа: интервалъ игнорируется, не наполняется ничѣмъ, мы всё жуёмъ Индію и Персію. Допустимъ и это.—Двинулись мы отъ Чернаго моря, съ Дуная, передвинулись на нынѣшнюю территорію: хоть по крайности въ передвиженіяхъ и переходахъ не было ли причинъ перезабыть Восточную старину? Да, говорятъ перезабыли, то есть исказили въ устахъ своихъ. Хорошо: но въ новыхъ обстоятельствахъ, въ явленіяхъ небывалой дотолѣ жизни, среди иной, чѣмъ прежде, природы, въ средѣ новыхъ сосѣдей, лицомъ къ лицу съ новыми врагами, при этомъ сложеніи государства, при паденіи родовыхъ началъ, организациі земства, и такъ далѣе, при всемъ этомъ и во всемъ этомъ не было ли хоть искры для возбужденія

дѣятельности самобытной, для созданій собственныхъ, для творчества новаго? И дѣйствительно, сей часъ же видимъ наступившій въ творчествѣ новый эпическій періодъ: величавые образы Старшихъ Богатырей; обильные образы, многочисленныя Былины круга Владимірова, Руси, бывшей главною и общюю на тогдашнемъ Югозападѣ, въ округѣ Кіевской; рядомъ въ области Новгородской и Ростовской, Псковской и Полоцкой, Муромской, Рязанской, Суздальской; тогда же бывшеся творческіе образы Руси Карпатской, Галицкой, Волынской, или же Заморскихъ гостей. Увы, это оказывается опять повтореніемъ и искаженіемъ Востока. Но уже въ неологическую голову замѣтно прокрадывается сомнѣніе: не слишкомъ ли далеко, по времени и мѣсту, отъ старой Индіи и Персіи? Точно ли все это унесено нами оттуда изстари? Является догадка, что это въ новыхъ нашихъ жилищахъ *перенято* *черезъ сношенія съ Востокомъ*. Носъ, руки, подошвы, вѣротъ, луки, стрѣлы, двери, дома; божницы, драка со врагами, и т. п., все вѣдь это въ творчествѣ у насъ одинаково, какъ въ старой Индіи и Персіи: значитъ, перенято оттуда черезъ сношенія, перешло къ намъ, и даже понятно, почему нами искажено въ подробностяхъ,—слишкомъ далеко путь. Прежде, чѣмъ поймемъ, *какъ* это перенято и перешло, вспомнимъ маленькое обстоятельство, ускользнувшее отъ вниманія неологовъ: поэтическія произведенія Индіи, а тѣмъ паче Персіи, въ той редакціи, въ какой они утвердились по рукописямъ, въ томъ видѣ, какъ записаны документально и переведены нынѣ Нѣмцами, *на нѣсколько сотъ лѣтъ* позднѣе нашего Черноморскаго и Придунайскаго Эпоса, даже позднѣе тѣхъ началъ Былеваго творчества Кіевскаго-Владимірова, кои развиты у насъ на новомъ, доселѣ пребывающемъ, поприщѣ исторіи (даже наше Слово о П. И., изложенное по Былинамъ, если смотрѣть на его *рукописную документальность*, поспорить еще съ этимъ «древнѣйшимъ» на примѣръ Персидскимъ, Востокомъ). Стадо быть, если сродство непремѣнно объяснять заѣмомъ и пе-

реймомъ, то столько же означенный Востокъ могъ занять *отъ насъ*. Если же мы, забывъ или утративъ старое, перенятое нѣ, когда у Востока, на новыхъ жилищахъ своихъ перенимали вновь, то конечно не чрезъ чтеніе Санскритскихъ и тому подобныхъ рукописей, не чрезъ изданія, коихъ еще не было и коихъ мы не умѣли читать, не чрезъ переводы, коихъ еще не дѣлали Нѣмцы, не чрезъ статьи, коихъ еще не писали въ «Вѣстникъ Европы:» перенимали *черезъ живыя сношенія*. Какія же это были сношенія наши, примѣрно съ V-го по XIII-й вѣкъ? Торговья, караванныя, шедшія черезъ нашъ край между Востокомъ и Западомъ, а отчасти, гораздо меньше, военныя, въ сшибкахъ на Восточной границѣ. Сямъ путемъ кое-что перешло отъ насъ, отрывочными извѣстіями, въ лѣтописи Востока: *отъ насъ и объ насъ, но не отъ Востока* къ намъ, ибо наши древнія лѣтописи и прочіе памятники умолчали о дальнемъ Востокѣ и границахъ его, считая все сіе не слишкомъ важнымъ въ исторіи самобытной Русской жизни. Это исторія, лѣтописи, событія и случаи *дѣйствительности*: а неологія предполагаетъ еще перенесеніе цѣликомъ Восточнаго *творчества*. Здѣсь конечно посредниками могли быть всего болѣе Арабы, дѣйствительно воспринявшіе и отчасти воссоздавшіе творчество остальнаго Востока: неологи готовы, хотя по правдѣ менѣе, чѣмъ бы слѣдовало, искать первообразовъ нашего творчества и у Арабовъ. Но Арабы дѣйствительно въ другихъ краяхъ, даже въ Европѣ, жили и дѣйствовали, писали и сочиняли, оставили груду памятниконъ: къ намъ они (или подъ ихъ фирмою) только заходили и черезъ край проходили, были гостями «по дорогѣ.» Были купцы, торговцы, людъ не ученый, не грамотный, ничѣмъ кромѣ торговли не занятый; были у насъ, когда мы сами еще не умѣли писать, записывать, переводить: и никакихъ *памятниковъ* обмѣна творчества не осталось письменныхъ. Тѣмъ лучше, думаютъ: общеніе происходило народное, въ устномъ творствѣ, въ употребленіи живаго слова. Но, чтобы состоялось это общеніе, нужно было, дабы Арабы, или какіе ни есть Восточники подъ ихъ фирмою, ихъ поры и характера, объятые тогдаш-

нимъ движеніемъ торговли, способные при томъ носить съ собою лучшее творчество Востока, пришедши къ намъ присѣли у насъ, выучились не десятку словъ для мѣновой торговли, а всему нашему народному языку, передали намъ по Арабски (положимъ еще по Персидски, и т. п.) свои Сказанія или напѣли Былины, потомъ перевели намъ, обучили насъ, распространили между народомъ; или, на оборотъ, мы бы выучились языку ихъ, до такой тонкости, что переняли бы все лучшее творчество, усвоили его, распространили у себя. Не смѣшно ли это? Но, положимъ, это случилось: однако все содержаніе нашихъ старшихъ Былинъ, Владиміровыхъ-Кіевскихъ, Новгородскихъ и т. п., не имѣетъ въ себѣ ни одного событія подъ собственными именами или красками Востока; все окрашено своимъ цвѣтомъ, своими именами, обстоятельствами и подробностями своей, Русской жизни, всѣмъ тѣмъ, что бы долго и пересчитывать. Что за дѣло, говорятъ неологи: тутъ только Кіевъ, Черниговъ, Новгородъ, Владиміръ, Илья, Добрыня, Христіанство, церкви, города, улицы, рѣки, и т. д., и т. д., а остальное *всѣ не-русское, всѣ цѣликомъ взято съ Востока* (не шутимъ: прочитайте статьи) Какъ будто все это именно не составляетъ особенности, не условливаетъ самобытности, не формируетъ содержанія? Пусть такъ говорятъ, это все обстановка, мелочи, а *содержаніе-то* чужое: народъ беретъ цѣликомъ содержаніе отъ другаго народа, и даже не народа извѣстнаго, съ коимъ сносится, а коллективно и отвлеченно отъ всѣхъ народовъ Востока! Возможно ли такое воззрѣніе въ наукѣ второй половины XIX вѣка? Увы, оказывается возможно. Оказывается въ нашемъ всемъ творествѣ миражъ или даже сознательная насмѣшка надъ собою: «все это», говорить, у насъ «не оригинальное произведеніе, а копія или передѣлка чужаго оригинала.» Кажется, что Добрыня, а собственно это Индійскій Кришна; Потыгъ, Иванъ Гостиный сынъ, Ставръ бояринъ, Соловей Будиміровичъ, — только такъ названы и поставлены, а въ сущности это герои Магабъараты и Рамааны; Илья Муромецъ плутуетъ своимъ именемъ и образомъ:

онъ просто герой разсказовъ Магаванзй и поэмы Шахъ-намэ; Садко Новгородскій имѣетъ настоящее свое мѣсто въ Гариванзѣ, въ сборникѣ Сомадевы, въ Буддійскихъ сказкахъ, это Индійскій Яду, брахманъ Видушака, Тибетскій Джинпа-Ченпо и Гедонъ, монахъ Самгха-Ракшита, купецъ Пурна; «Никола Можайскій русской быliny—кормчій Дзанглуна, брахманъ легенды о Самгхѣ-Ракшитѣ; церкви наши—это храмы Востока;» Новгородъ, Волховъ, Ильмень, и т. п.,—«совершенно внѣшнія подробности обстановки;» тутъ, въ Новгородскихъ на примѣръ Былинахъ, «нѣтъ ничего не только Новгородскаго, но даже вообще Русскаго, по коренному происхожденію и по деталямъ. Тутъ нечего искать ни Новгорода, ни Волхова, ни Русскаго моря, ни русскихъ купцовъ, ни русскихъ вообще людей (на Руси!). Все чужое, все пришло въ нашу пѣсню съ Востока (см. подлинныя статьи и выше наши извлеченія).» Договорились: дальше, кажется, нельзя уже идти. Нѣтъ, еще можно. Арабскіе, Персидскіе и прочіе купцы, ремесленники и солдаты, новой эры, плохонько насъ обучили Магабъаратъ, Рамаянъ, Шахъ-намэ, и тому подобнымъ созданіямъ лучшаго Восточнаго творчества: многое, бѣлая часть, масса образовъ у насъ несходны. Позднѣе же и эти гости перестали къ намъ жаловать: вѣка спустя послѣ новаго нашего эпоса, христіанской поры и слагавшагося государства, общества и земства, проникло на Индійскій, Персидскій и прочій старшій Востокъ, хранившій яркое творчество, нѣсколько человекъ нашихъ гостей или купцовъ, оставившихъ даже, какъ извѣстно, и описаніе путешествій. Вѣроятно они-то тамъ всему и выучились, а выучившись сами, по возвратѣ обучили тому же нашъ народъ, передавъ ему и распространивъ тѣ Быliny, кои у него сложены были четырьмя, пятью вѣками раньше? Какъ это ни естественно, какъ ни вѣроятно, но, замѣчая у насъ въ творествѣ отличія или, лучше, искаженія слишкомъ рѣзкія, неологи приходятъ далѣе къ тому, что представителями сихъ сношеній нашихъ съ древнимъ Востокомъ, посредниками въ заимствованіи творчества, передатчи-

ками, переводчиками и учителями, явились позднѣйшіе народцы съ Востока: то есть, тѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе дикіе, Хазары, порѣчные Болгары, Печенѣги, Половцы, Татары, Монголы. А пуще Татары, сильнѣе на насъ напиравшіе; они-то, они насъ научили; они намъ передали творчество Востока, они создали намъ эпосъ: то есть съ XIII вѣка, когда большинство старшихъ Былинъ въ нашемъ народѣ уже было создано и распространено. Нужды нѣтъ, что мы не знали ихъ языка, а они плохо разумѣли нашъ; нужды нѣтъ, что дикіе ратники полчищъ, грабители или наѣзники, по большей мѣрѣ позднѣйшіе торговцы, не имѣли задачей пересаживать къ намъ народное творчество, ни учиться нашему; нужды нѣтъ, что обратно, кое-чему, и ужъ никакъ не позвѣи, обучаясь у насъ, поглощались они совершенно въ нашей жизни, не давши однако примѣра, чтобы Русскій сдѣлался Печенѣгомъ, Половцемъ и Татариномъ; нужды нѣтъ до этихъ, «совершенно внѣшнихъ подробностей обстановки:» дѣло сдѣлано, мы обучились и еще болѣе исказили въ своемъ творествѣ скопированный Востокъ. Гдѣ же памятники тому? Конечно въ Былинахъ, и, если мы брали въ нихъ содержаніе съ Востока чрезъ сихъ дикихъ выходцевъ, то конечно ближе всего воспѣли ихъ самихъ. Гдѣ же въ нашихъ Былинахъ исторія хановъ, картины ордынской жизни, событія ея и драматизмъ, удалство, подвиги, образы героевъ, имена? Нѣсколько историческихъ именъ, въ родѣ Мамай и Батыя, большинство искаженныхъ названій, коллективные образы дикарей, да наѣзды ихъ, да стычки, и все это *со стороны*, какъ части, какъ эпизоды, занесенные въ Былины на второмъ, третьемъ, десятомъ, сотомъ планѣ, съ ролью служебной, въ положеніи болѣею частію осмѣянномъ или комическомъ, подъ снисходительной ироніей; какъ и подобаешь высшему, старшему, болѣе цивилизованному, историческому народу передъ дикаремъ. Не ближе ли предположить, если у сихъ дикарей, оторванныхъ отъ древняго Востока съ его первичной цивилизаціей и гран-

діознымъ творчествомъ, сохранилось кое-что порядочное въ сказаніяхъ и легендахъ, не ближе ли допустить, что они переняли у насъ нѣкоторыя черты и къ себѣ занесли ихъ? Дѣйствительно, отдаленное или мелкое сходство съ нашими образами, основанное на единствѣ человѣческой природы и истекающаго изъ нея творчества, попадаетъ въ уцѣлѣвшихъ, записанныхъ легендахъ и пѣсняхъ сихъ народцевъ. Но, замѣчательно, какъ мало было у насъ съ ними сближеній въ этомъ отношеніи: не перенято отъ насъ ничего крупнаго и послѣдовательнаго, не попадаетъ у нихъ образовъ и именъ нашихъ, хотя бы искаженныхъ, за исключеніемъ событій мелкихъ и именъ новѣйшихъ. Какъ же поступаютъ неологи? Замѣчая мелочи, сходныя съ нашими и такъ сказать натуральныя, физическія, они не трудятся показать у сихъ народцевъ или даже племенъ, еще не выросшихъ до народа и изверженныхъ изъ прогрессивной исторіи, не трудятся разъяснить отношеніе ихъ творчества, конечно весьма отдаленное, къ древнему Востоку, чуждому для нихъ по племени, языку, быту, цивилизаціи и исторіи. Напротивъ, пропуская безъ вниманія сей пробѣлъ, они и продолженіе Магабъараты съ Рамаіаюу, и Гариванзы съ Шахъ-намъ, открываютъ въ *мыльшникъ* сказаніяхъ и пѣсняхъ сихъ ордъ, а вмѣстѣ открываютъ здѣсь первообразы нашего Русскаго творчества, у дикарей уцѣлѣшіе во всей свѣжести, у насъ искаженныя. Такъ, слѣды Индо-персидскаго творчества, а вмѣстѣ наши Былины о Владимірѣ, Ильѣ Муромцѣ, Добрынь, Пѣтыкѣ, Садкѣ и т. п. находятъ г. Стасовъ съ первообразной цѣлостію, прототипомъ, въ пѣсни Минусинскихъ Татаръ и Сибирскихъ Киргизовъ, въ одной пѣсни «чернолѣсныхъ Татаръ у Телецкаго озера,» въ одной легендѣ Телеутской, въ отрывкахъ Монголо-Калмыцкой поэмы «Джангаріада,» въ пѣсняхъ Томскихъ Шоровъ, въ сказаніяхъ Алтайскихъ Татаръ, и т. д. (см. подлинныя статьи). Это даже не тѣ ужь господа, которые были и жили у насъ: съ ними мы познакомились спустя сотни лѣтъ послѣ нашествій и еще болѣе послѣ нашихъ старшихъ Бы-

лингъ, познакомились со стороны Москвы, чтобы покорить ихъ, наложить ясакъ, и, доселѣ хорошенько не зная ихъ, дивиться понынѣ въ Музеяхъ, на выставкахъ и рисункахъ, дикимъ или одичалымъ ихъ образамъ. Ужь и Московскія Былины наши не объяснить ли передѣлкою творчества сихъ господъ? Грозный Царь и Ксенія не изъ Минусинскихъ ли Татаръ и Томскихъ Шоровъ? Или не подождать ли дѣтъ двѣсти, какъ мы наложимъ на нихъ свою цивилизацію, они переймутъ кое-что изъ нашего новѣйшаго творчества, и сими произведеніями, на примѣръ «тройкой» и «сарафаномъ,» объяснить Илью Муромца и Василья Буслаева? Это было бы лучшее; а на дѣлѣ явилось худшее: г. Стасовъ находитъ первообразы нашимъ Былинамъ у дикарей Америки и обитателей острова Борнео. Вся бѣда въ томъ, что ребяческій лепетъ или одичалый говоръ сихъ дикарей изучается Западными учеными, обломки или зачатки творчества переводятся по Нѣмецки и издаются, книжекъ можно купить рублей за пятнадцать на всю эту богатую литературу, а тысячи своихъ собственныхъ народныхъ твореній мы не видимъ и не слышимъ, даже не знаемъ, изданнаго не изучаемъ, изучить не хотимъ и не умѣемъ, много, если читаемъ ради «процесса чтенія,» какъ извѣстный герой у Гоголя. И вотъ, снисходительно перебирая прежнія легкомысленныя изслѣдованія, какія есть, неологъ кладетъ руку на книжку переводовъ, добытую въ магазинѣ, и съ торжествомъ восклицаетъ о нашихъ Былинахъ: «имѣю въ рукахъ доказательство ихъ чужеземнаго, и вовсе не мѣстнаго происхожденія.» Нужно полагать, что новыя, уступленные нами, владѣнія Американцевъ поведутъ еще къ новымъ книжкамъ въ семь родѣ, а слѣдовательно къ новымъ открытіямъ, кои имѣютъ пролить Алеутскій свѣтъ на Русское пѣснотворчество. Если же позволено провидѣть, то конечно та же судьба наступитъ для нашихъ народныхъ напѣвовъ, а кто знаетъ, и для Глинки: шаманы съ бубнами, тазы дикарей, а тѣмъ болѣе историческая, организованная музыка Китайскаго оркестра, сообщать обильный матеріалъ для обь-

ясненія нашей музыки изъ Восточныхъ первообразовъ. Въд сказка объ Ерусланѣ Лазаревичѣ, зашедшая въ наши рукописи, а черезъ рукописи въ народъ съ Востока, вѣроятно Кавказскаго или сопредѣльнаго Кавказу, сказка, давно объислѣдованная и разъясненная въ семъ значеніи нашими изслѣдователями, была же главнымъ, какъ кажется, поводомъ, по крайности послужила первымъ вступленіемъ къ знаменитымъ статьямъ «о происхожденіи Русскихъ Былинъ?»—Читатели не посѣтуютъ, что мы, набросавъ вкратцѣ и на-скоро яркія черты новой науки, не были иногда строго послѣдовательны въ ея изложеніи, а излагая ее, наблюдали совершенно особенную логическую послѣдовательность. Если кто пишетъ *мыслете* (м), то трудно разъяснить его движенія теоріей прямыхъ линій: нужна кривая. Мы желали только въ рядѣ Русскихъ памятниковъ, печатающихся въ нашемъ изданіи, занести еще новый Россійско-Петербургскій памятникъ *на вѣчную память*.

Возвращаясь къ такъ называемымъ пѣснямъ «Татарскимъ», мы должны замѣтить, что г. Рыбниковъ въ Ш-й части собранія, имъ самимъ изданной, отдѣлилъ и отнесъ въ сію особую рубрику во первыхъ тѣ, не многія, Былины, въ коихъ болѣе говорится о вторженіи къ намъ Восточниковъ, именно Калива и Батыги (Батыя), отчасти Тугарина и т. п. (стр. 205—206); во вторыхъ тамъ же напечаталъ вновь найденную, пока въ единственномъ образцѣ, объ *Авдотья Рязаночкѣ*, попавшейся къ Бахмету Турецкому (вѣроятно одному изъ хановъ, нападавшихъ на Рязань). Былину эту, столь рѣдкую, мы находимъ умѣстнымъ перепечатать здѣсь:

Авдотья Рязаночка.

1.

(Кенозеро, Пудожскаго уѣзда).

Подступалъ тута царь Бахметъ турецкій,
И раззорялъ онъ старую Казань-городъ *) подлѣсную,

*) Дѣло идетъ, вѣроятно, о Рязани, потому что жена называется Рязаночкой.—Примѣч. г. Рыбникова.

- И полонилъ онъ народу во полонъ сорокъ тысячей,
Увелъ весь полонъ во свою землю.
5. Оставаласи во Казанѣ одна женка Рязаночка.
Стосковаласи женка, сгореваласи:
У ней полонилъ три головушки,
Милаго—то братца родимаго,
Мужа вѣнчальнаго, свекра любезнаго.
10. И думаетъ женка умомъ—разумомъ:
«Пойду я во землю турецкую,
«Выкупать хотя единыя головушки
«На дороги хорошіе на выкупы.»
Царь Бахметъ турецкій,
15. Идучи отъ Казани отъ города,
Напустилъ все рѣки—озера глубокія,
По дорогамъ поставилъ онъ все разбойниковъ,
Во темныхъ лѣсахъ напустилъ лютыхъ звѣрей,
Чтобы никому ни пройти, ни проѣхать.
20. Пошла женка путемъ да дорогою:
Мелкіе—то ручейки бродомъ брела,
Глубокія рѣки плывомъ плыла,
Широкія озера кругомъ обошла,
Чистыя поля разбойниковъ о полночь прошла
25. (О полночь разбойники опочинъ держатъ),
Темныя лѣса лютыхъ звѣрей о полдень прошла
(О полдень люты звѣри да опочинъ держатъ).
Она такъ прошла да путемъ да и дорогою,
Пришла, де, во землю турецкую,
30. Къ царю Бахмы турецкому,
По низешеньку ему поклонилася:
«Ты батюшка, царь Бахметъ турецкій!
«Когда ты раззорялъ старую Казань—городъ подлѣсную,
«Полонилъ ты народа сорокъ тысячей,
35. «У меня полонилъ три головушки:
«Милаго—то братца родимаго,
«И мужа вѣнчальнаго, свекра любезнаго.
«И пришла я къ тебѣ выкупати хоть единыя головушки
«На дороги ли хоть на хорошіе на выкупы.»

40. Отвѣчалъ ей царь, отвѣтъ держалъ:
 —Ты Авдотья женка Рязаночка!
 —Какъ ты прошла путемъ да и дорогою?
 —У меня напущены были все рѣки—озера глубокія,
 —И по дорогамъ были поставлены разбойники,
45. —А во темныхъ лѣсахъ были напущены люты звѣри,
 —Чтобы никому ни пройти, да ни проѣхать.—
 Отвѣтъ держитъ ему Авдотья женка Рязаночка:
 «Батюшка, царь Бахметъ турецкій!
 «Я такъ прошла путемъ да и дорогою:
50. «Мелкія—то рѣчушки бродомъ брела,
 «А глубокія рѣчушки пльвомъ пльла,
 «Чистыя поля разбойниковъ о полночь прошла
 «(О полночь разбойники опочинѣ держать),
 «Темные лѣса лютыхъ звѣрей о полдень прошла
55. «(О полдень люты звѣри опочинѣ держать).
 «Я такъ прошла путемъ да и дорогою.»
 Говоритъ ей царь Бахметъ турецкій:
 —Ты Авдотья женка Рязаночка!
 —Когда ты умѣла пройти путемъ да и дорогою,
60. —Такъ умѣй—ка попросить и головушки
 —Изъ трехъ единыя;
 —А не умѣешь ты попросить головушки,
 —Такъ я срублю тебѣ по плечь буйну голову.—
 Стоючись женка пораздумалась,
65. Пораздумалась женка—порасплакалась:
 «Ужъ ты батюшка, царь Бахметъ турецкій!
 «Я въ Казани—то была женка не послѣдняя,
 «Не послѣдняя я была женка, первая.
 «Я за мужъ пойду, такъ у меня и мужъ будетъ,
70. «Свекра стану звать батюшкомъ;
 «Приживу я себѣ сына любезнаго,
 «Такъ у меня и сынъ будетъ;
 «Приживу я себѣ дочку любезную,
 «Воспою—скормлю, за мужъ отдамъ,
75. «Такъ у меня и зять будетъ.
 «Не видать мнѣ буде единыя головушки,—

- «Мнѣ милаго брата родимаго,
«Да не видать вѣкъ да и по вѣку.»
Сыжучись, де, царь пораздумался,
80. Пораздумался царь, порасплакался;
—Ты Авдотья женка Рязаночка!
—Когда я разорялъ вашу сторону *) Казань—городъ под—
лѣсную,
—Тогда у меня убили милаго—то брата родимаго:
—Не видать буде вѣкъ да и по вѣку.
85. —За твои—то рѣчи разумныя,
—За твои—то слова за хорошія,
—Ты бери полону, сколько надобно:
—Кто въ родствѣ, въ кумовствѣ, въ крестномъ братовствѣ.—
Начала женка ходить въ землѣ турецкія,
90. Выбрати полонъ во свою землю.
Она выбрала весь полонъ земли турецкія,
Привела, де, полонъ во свою Казань—городъ подлѣсную,
Разселила Казань—городъ по старому,
По старому да по прежнему.

(Отъ Порожскаго старика; ср. Рыбник. ч. III, стр. 227—2.9, № 38).

*

Былина это конечно относится еще къ разряду старшихъ, кои мы ставимъ передъ Московскими. Татары, смѣнившіе бо-
лѣе раннихъ, а въ творествѣ нашемъ заслонившіе своимъ
именемъ и прочихъ Восточниковъ, попадаясь въ Былинахъ
старшихъ, Кіевскихъ или Юго—западныхъ, за исключеніемъ
однако Новгородскихъ, отчасти и Княжескихъ (см. 5-й выпускъ
о Тверскихъ Князьяхъ), переходятъ, согласно съ исторіей, и
въ Московскія. Но здѣсь, при описаніи вторженій, постепенно
начинають уже замѣняться разными Сибирскими народца-
ми (съ Ермака), даже Персіанами (при Стенькѣ), съ кѣмъ

*) Старую?

голько изъ нихъ мы сталкивались, а всего болѣе, позднѣе, Турками, начиная съ Крыму вообще до Азова, съ Азова до нашихъ временъ. Это не особья, это тѣ же Московскія Былины, въ коихъ Восточники выступаютъ по тому или другому поводу, событію или случаю изъ исторіи Московскаго государства, Московской жизни. Такого рода Былины мы имѣемъ въ семь 7-мъ выпускѣ и будемъ еще встрѣчать во всѣхъ послѣдующихъ, до нашихъ дней.

Совсѣмъ инаго характера другіе два разряда Былинъ. сюда же по мѣсту изданія примыкающихъ: именно, безъ отношенія къ событіямъ Московской и новѣйшей нашей положительной исторіи. Въ первомъ изъ сихъ разрядовъ, весьма впрочемъ отрывочномъ и относящемся къ Молодецкимъ или Безымяннымъ, Былина изображаетъ бѣгство Молодца изъ Татарскаго, Турецкаго, вообще Восточнаго плѣна. Здѣсь довольно вариантовъ, и нѣкоторыхъ весьма позднихъ: но мы начинаемъ печатать ихъ довольно рано и—по мѣсту—высоко, потому, что первообразъ ихъ освѣщенъ еще именемъ *Ильи Муромца*. Образецъ тому напечатанъ нами въ 4-мъ выпускѣ, стр. 91, 92, № 3, гдѣ Илья бѣжитъ отъ Турецкаго хана: такой же анахронизмъ, и по тому же поводу, какъ, въ напечатанныхъ у насъ тамъ же образцахъ, стр. 90, 91, № 1 и отчасти 2, Илья въ качествѣ козака (богатырь старый былъ отчасти прототипомъ послѣдующихъ козаковъ) переведенъ на Донъ въ атаманы и есаулы.—Другой образецъ того же рода помѣщенъ у насъ выше, въ первыхъ «Прибавленіяхъ», стр. 56, № 3, гдѣ уже Безымянный Молодецъ бѣжитъ изъ Крыму, изъ Нагаю, черезъ Дунай.—Къ сему же образцу, по крайности началомъ своимъ, примыкаетъ пѣсня изъ Кирши, гдѣ изъ Крыму изъ Нагаю бѣгутъ уже два брата и несчастьемъ одного даютъ поводъ къ лирическому развитію пѣсни. Подобныхъ мы послѣ увидимъ довольно, а пока помѣстимъ эту ближайшую:

Вѣгство изъ Крыму изъ Нагаю

1.

(Кирша Давидовъ).

А изъ Крыму ли, братцы, изъ Нагаю
 (И стояли Орды бусурманскія)
 А ѳхали два братца родимые.
 Подъ большимъ—то братомъ конь устаетъ,

5. А меньшей за большаго умираетъ:
 «А и гой еси, мой братецъ родимой!
 «А я тебя, братецъ, посверстнѣе,
 «А пѣша ту дороженьку повыду *).»

Когда было добру молодцу время,

10. Народъ—господа его почитали;
 А стало доброму молодцу безвременье,—
 Никто, де, молодца не почитаетъ,
 А самъ се **) молодець размышляетъ:
 «Соколь ли то на семь свѣтъ не птица,—
15. «На его—то ***) безвременье бываетъ:
 «Онъ пѣшь да по чисту полю гуляетъ;
 «Худая—то птичка куличонко,—
 «И та надъ соколомъ насмѣялась,
 «Напередъ—то его залетѣла.»

*

Другой рязрядъ, имѣющій характеръ Былины въ собственномъ мыслѣ, изображаетъ полонъ Русской женщины или дѣвушки у Татаръ или Турокъ, при чемъ во вражемъ стану сходятся Русскіе родные, отыскиваютъ, узнаютъ другъ друга.

*) Отселе начинается лирическое развитіе, совпадающее съ другими пѣснями.

**) Де?

***) Даже и на него.

Онъ также начинается Муромцемъ (вып. 1, стр. 92—94, №№ 4, 5, и другіе подобныя выше, а равно въ выпускѣ 4-мъ), который творчествомъ, какъ извѣстно, заносится въ Царьградъ, а потому (предупрежденіемъ) къ Туркамъ или, еще чаще, въ битву съ другими Восточниками, между коими узнаеть то сына своего, то сестру, то просто Русскую полонянку или бѣглянку, которую и спасаетъ.—Помянутая Авдотья Рязаночка того же, въ сущности, происхожденія.—Далѣе, въ первыхъ «Прибавленіяхъ» къ сему выпуску, стр. 54—56, 61 и 62, развивается основное содержаніе такъ, что въ № 2-мъ и 5-мъ (гдѣ изъ Турецкаго царя сдѣланъ Король, а пѣсня со скоморошымъ припѣвомъ) изображается самый полонъ, потомъ грусть Русской дѣвушки, утѣшенія со стороны полонившаго ее Татарина, но не смотря на то просьбы ея, отпустить домой.—Тамъ же въ № 1-мъ опредѣляется уже мѣстность, Черниговъ, и имя полоненной дѣвушки, Шамельфа Никитична (одна изъ типическихъ, любимыхъ, Мамелфа или Амелфа Никитична, Тимошеевна), а съ тѣмъ вмѣстѣ Былина возвращается снова къ старшимъ, Киевскимъ, и точно, Татаринъ издѣвается надъ дѣвушкой, а ее освобождаетъ Молодецъ, въ родѣ Ильи Муромца.—Всѣ эти образцы имѣютъ при себѣ и разныя позднѣйшія разнорѣчія, кои увидимъ въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же къ означенному № 5-му приведемъ лучшее и старшее:

Татарскій полонъ.

1.

(Орловск. губ.).

Во высококомъ терему
Убрана кровать стоимъ.

Подвилья,
Подвилья яблонь,

5. Направили, противили на фили,

Срафимъ, нафимъ,
Подфимъ, Фиммонъ,
Лебаданафъ,
Приклонъ яблонь, прилегла *).

10. Какъ на той ли на кровати
Самъ Татарской князь лежитъ,
Передъ этимъ передъ княземъ
Полоняночка стоитъ,

● Изъ Московской стороны,

15. Обливалася слезымъ.

«Ты не плачь, не плачь, дѣвица,

«Не плачь, душенька моя.

«Ужь я самъ тебя, дѣвица,

«Возьму за мужъ за себя.»

(Записана тѣмъ же, какъ № 5, М. А. Стаховичемъ, но образецъ лучше, и напечатанъ въ его „Собр. Р. нар. пѣсень“ тетр. 3).

*

То же самое содержаніе далѣе развивается въ цѣльную Былину, гораздо полнѣе, и мотивируется слѣдующими главными чертами: Татаринъ полонилъ сіерва Русскую дѣвушку, женился на ней, прижилъ дитя; потомъ досталась ему и мать жены, тѣща, но ея не знали сначала ни зять, ни дочь; пропѣтая новою плѣнницей колыбельная пѣсня ребенку раскрыла все дѣло. Сей прекрасной, яркой и весьма распространенной Былины множество есть также разнорѣчій. Одно изъ нихъ напечатано уже въ первыхъ Прибавленіяхъ къ сему выпуску, стр. 56—60, № 4, и повторено г. Якушкинымъ въ изданіи его (безъ укаванія, откуда), со слѣдующими перемѣнами: ст. 9 «Вотъ новезъ;» 19—24: «Первое дѣло—Кудвялю прясть, Другое дѣло—Лебедей стеречь, А и третье дѣло—Дитю качать;» потомъ, вмѣсто 1-го, въ 3-мъ лицѣ, 25—35: «Поло-

*) Припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

няночка, Съ Руси Русская, Она глазами Лебедей стережетъ,
 А ручками Кудель придесть, А ножками Колыбель колыхать
 (колыхать?), Охъ качаетъ дитя, Прибаюкиваетъ;» послѣ 46-го:
 «И моихъ черевъ Ты урывочекъ;» 111: «Отмыкай ларцы;» 117,
 118: «Ты ступай-ко, мать, Во конюшенку;» 131: «Я съ тобой,
 дитя, Не разстануся;» кромѣ того, при 119 и 120 ст. варианты:
 «Ты бери-ко, мать, Укрючныхъ коней.»—Эта отличная Был-
 на, обладающая и живымъ драматическимъ движеніемъ, и
 вмѣстѣ теплымъ лиризмомъ, дошла до насъ, по разнорѣчію,
 въ замѣчательной цѣльности склада, именно *двойною*, съ дву-
 мя легко дѣлимыми половинами стиха, кои можно писать и
 сплошь, и порознь; это лучший образецъ нашей «женской
 Старины:» и очень естественно, ибо по содержанію своему
 конечно служила она лучшимъ достояніемъ и занятіемъ семей-
 ныхъ кружковъ, любимую пѣсню матерей, бабушекъ, нянекъ.—
 Приведемъ разнорѣчія еще, печатая то въ двѣ половины, то
 въ сплошной стихъ:

2.

(Арханг. губ., Шенгурск. у.).

Не шумъ шумить, не громъ гремить,
 Молодой Турчанъ свой плѣнь дѣлать:
 Досталася зятю тѣща.

Еще зять тещѣ три дѣла далъ:

3. Первое дѣло—гусей пасти,
 Другое дѣло—постелька стлать *),
 Третье дѣло—дитя качать.

«Баю, баю, бай, молодой Турчанъ!

«Мнѣ бить тебя—мнѣ грѣхъ будѣтъ,

10. «Бранить тебя—мнѣ жаль будѣтъ

«Дитей назвать—той вѣры нѣтъ **):

*) Извѣстный намъ падежъ при неокончательномъ.

** Не могу назвать своимъ дитя, а другой вѣры.

«Твоя-то мать мнѣ дочь была,
«Семи годовъ во плѣнъ взята,
«Тридцатой годъ въ плѣну живетъ.»

15. Услышала Турчаночка,
Услышала молодая:
—Ахъ ты матушка, мать родимая!
—Не твое дѣло гусей пасти,
—Не твое дѣло постелька стлать,
20. —Не твое дѣло дитя качать:
—Твое дѣло по саду гулять.
—Скидывай шубу сыромятную,
—Надѣвай шубу соболиную,
—Поди по двору княгинюю.—
25. «Не сниму я шубы сыромятныя,
«Не пойду по двору княгинюю:
«Отпустите меня на волюшку,
«Что на волюшку—на Бѣлую Русь,
«На Бѣлую Русь, къ Царю Бѣлому,
30. «Къ Царю Бѣлому, Петру Первому.»

(Записано г. Ворсовымъ).

Этотъ образецъ замѣчателенъ тѣмъ, что, судя по концу, пѣть
былъ уже во время Петра 1-го.

*

3.

(Самбирск. губ.).

Не шумъ шумить,
Не громъ гремить,
Молодой Турчанъ
Полонъ дѣлать:

5. Теща зятю досталася.

Береть ее за рученочки,
Ведеть ее къ Турчаночкѣ,
Къ полоняночкѣ:

- «Жена ли моя, сударыня!
10. «Привель къ тебѣ служаночку,
«Служаночку, полоняночку:
«Ты заставь ее
«Три дѣла дѣлати,
«Первое дѣло—
15. «Дитя качать,
«Второе дѣло—
«Гусей пасти,
«Третье дѣло—
«Постелю стлать.»
20. «Ты бай, бай, бай,
«Молодой Турчанъ!
«Бранить тебя—
«Мнѣ грѣхъ будетъ,
«А родней назвать—
25. «Той вѣры нѣтъ.
«По Турчанину
«Турчанъ будешь,
«А по матери
«Мнѣ внукъ будешь:
30. «Твоя мать—
«Моя дочька,
«Семи годковъ
«Въ плѣнъ взята,
«А семнадцатый годъ
35. «Во плѣну живеть.»
- Услышала Турчаночка:
—Родимая моя
—Магушка!
—Не твое дѣло
40. —Дитя качать,

- Не твое дѣло
 — Гусей пасти,
 — Не твое дѣло
 — Постелю стлать:
 45. — Ты снимай шубу
 — Кожуриную,
 — Надѣвай шубу
 — Соболиную,
 — Мы пойдемъ съ тобой
 50. — Во зеленый садъ,
 — Во зеленый садъ
 — Виноградъ щипать.—

(Доставлено П. М. Ямковичъ).

*

4.

(Орловск. губ.).

- Не шумъ шумить, не громъ гремитъ,
 Молодой Турчинъ полонъ дѣлать:
 Да и кто кому достанется?
 Досталася сестра брату *),
 5. Сестра брату, тѣща зятю:
 А братъ сестру на Русь пустилъ,
 А зять тещу въ полонъ узалъ,
 Заставилъ ее три дѣла дѣлать:
 Первое дѣло—кудели прастъ,
 10. Второе дѣло—лебедей стеречь,
 А третье дѣло—дитю качать.

«Я ручками кудели пряду,
 «Я глазками лебедей стерегу,

*) Это указываетъ на друга, упомянутыя выше, Былины того же отдѣла, гдѣ братъ узналъ въ полону сестру.

- «А ножками дитю качаю:
 15. «Баю, баю, боярской сынъ,
 «По-батюшки злой Татарченокъ!
 «Дитѣй назвать—мнѣ вѣра не та,
 «А бить тебя—мнѣ грѣхъ будетъ:
 «Твоя ли мать мнѣ дочь была,
 20. «По матери ты внукъ и ') мнѣ.»»

- Ахъ мать моя родимая!
 —Ты снимай шубу сырмятную,
 —Надѣвай шубу соболиную.—
 «Не хочу я шубу соболиную:
 25. «Отпусти меня въ свою сторону.»»

(Записано М. А. Степановичемъ и помѣщено, съ напѣвомъ, въ 4-й тетр. его „Собранія Р. нар. пѣсенъ“).

Съ такимъ же началомъ помѣщена эта Былина у Вильбоа («Русск. нар. пѣсни,» тетр. 2), а продолженіе близко сходно съ приведеннымъ выше разнорѣчьемъ у г. Якушкина, съ новыми отмѣнами:

.....
 Молодой Турчинъ полонъ дѣлать.
 Ну да кто жъ кому достанется?
 Доставалася теща зятю.
 Какъ повезъ тещу зять во дикую степь,
 Во дикую степь къ молодой женѣ.....
 А ножками колыбель колышетъ,
 Ахъ, качаетъ дитю—прибаюкиваетъ...
 Что стучить-грючить, по снѣгамъ бѣжить,
 По снѣгамъ бѣжить и дрожмя дрожить...

*

*) Вѣроятно: «ты внучекъ.»

5.

(Тульская губ.).

- У колодца у холодного,
 Какъ у ключика у гремучаго,
 Красная дѣвушка воду черпала.
 Какъ наѣхали злы Татаревы *),
5. Полонили они красную дѣвушку,
 Полоня её за мужъ выдали,
 За младого за Татарченка **).

- Какъ прошло тому ровно три года,
 Полонили они старую женщину,
10. Полоня ее стали дѣлать ***),
 Кому она достанется:
 Какъ досталася тѣща да зятю.

- Онъ заставилъ ее три дѣла дѣлать:
 Бѣлыми руками тонкой кужель пряхъ,
15. Ясными очами лебедей стеречь,
 Рѣзвыми ногами дитя качать.

- Качанть дитя—прибаюкавантъ:
 «Ты, баю, баю, моё дитетко,
 «Ты, баю, баю, моё милое!
20. «Ты по-батюшки младъ Татарченокъ,
 «А по-матушки родной внучекъ мнѣ.»

- Какъ услышалъ зять тещины слова,
 Онъ сбѣжить къ молодой женѣ:
 —Ты послушай-ка, молода жена,
25. —Какъ работница дитя качантъ,
 —Качантъ дитя—прибаюкивантъ:
 —«Ты, баю, баю, моё дитетко,

*) Разговорѣи, тамъ же записанныя: «злые Татары.» — **) «Татарина.» —
 ***) «стали дѣлать дѣлать.»

- «Ты, баю, баю, моё милое!
 —«Ты по-батюшки младъ Татарченкокъ,
 30. —«А по-матушки родной внукъ мнѣ *)»—

Бѣжить, бѣжить молода жена,
 Въ одной сорочкѣ безъ пояса:
 «Государыня моя матушка!
 ««Для чего жь ты мнѣ давно не сказала?
 35. ««Ты бѣ пила-ѣла съ одного стола,
 ««Носила бѣ платье съ одного плеча **)!»»:

(Записано К. Дм. Кавелынымъ).

*

Какъ этотъ образецъ особенно отличается началомъ съ обстоятельными подробностями, такъ слѣдующій при немъ любопытенъ особымъ запѣвомъ, весьма картиннымъ (и весьма сходнымъ съ Былинами Сербскими о послѣдствіяхъ Косовскаго побоища, ср. Караджича т. II):

6.

- Тутъ летѣль-летѣль сизой орелъ,
 У когтяхъ несеть руку бѣлую,
 Руку бѣлую молодецкую;
 У погонь гонить младъ-ясмень соколъ:
 8. «Ты постой, постой, ты сизой орелъ,
 «Гдѣ жь ты былъ, гдѣ побывалъ?»
 —Я былъ-побылъ на побоищу,
 —На побоищу, на кровавищу:
 —Тамъ бьютърубютъ, въ полонъ берутъ.—
 10. Какъ братъ сестру—онъ на Русь пустиль,
 А зять тещу у полонъ взялъ.

*) «мудучекъ.»

**) «Мы бѣ пила-ѣла—Носила бѣ»...

Онъ привезъ тѣщу къ молодой женѣ.

«На жь тебѣ, молода жена,

«На жь тебѣ полоняночку!

15. «Ты заставь её трёхъ дѣлъ дѣлать:
«Перво дѣло—да кожелу.»*) прѣсть,
«А другó дѣло—да гусей стеречь,
«Третье дѣло—дитѣ качать.»

««Да баю—баю, моё дитятко,

20. ««Да люю жь, люю, моё милое,
««По батюшкѣ злой Татарина,
««А по матушкѣ мой внучена.»»

Какъ слышала дочь изъ терема:

—Ты кинь, кинь, мать, дитѣ качать,

25. —Ты поди жь ко мнѣ на высокъ терѣмь!—

(Запис. П. В. Кир.; ср. «Девяцку»; гдѣсь *палгольман*.)

*

Слѣдующій прекрасный образецъ, весьма обстоятельный, во
всѣхъ подробностяхъ возстановляетъ опять мѣстность совер-
шившаго полона, «за Дарьей рѣкой,» какъ у насъ въ пер-
выхъ Прибавленіяхъ и въ помянутомъ разнорѣчїи у г. Якуш-
кина:

7.

(Тулск. губ.).

Какъ за той-то, за той за Дарьей рѣкой,

Татары-то полонъ дѣлать.

Кому злато, кому сѣребро досталось:

Доставалась тещей зятюшкѣ.

5. Онъ привезъ ее на дикую степь,
На дикую степь къ молодой женѣ:

*) Кужелю, кудель.

- «Еще вотъ тебѣ, молода жена,
 «Вѣковѣчная работница,
 «А вагъ, дѣтушки, нянька—мамушка.
 10. «Ты заставь ее, жена, три дѣла дѣлать:
 «Перво дѣло—дитю качать,
 «Друго дѣло—бумагу *) прядь,
 «Третье дѣло—гусей пасти.»

- Полоняночка ногами—то дитю качать,
 15. Руками бумагу прядеть,
 Глазами—то гусей пасеть.
 Дитю качать да прибаукивать:
 ««Ты, баю, баю, мое дитятко,
 ««Ты, баю, баю, мое милое!
 20. ««Ты по батюшкѣ Татарчѣночекъ,
 ««А по матушкѣ Русѣночекъ,
 ««Мои хъ черевъ урывочекъ:
 ««Твоя—то матушка мнѣ родна доченька,
 ««У нее на правой груди родимо пятношко.»»

25. Услыхали няньки—мамушки,
 Доложили онѣ своей барынѣ:
 —Охъ барыня, сударыня!
 —Полоняночка дитю качать,
 —Дитю качать, прибаукивать:
 30. —««Ты, бау, бау, мило дитятко,
 —««Ты по батюшкѣ Татарчѣночекъ,
 —««А по матушкѣ Русѣночекъ,
 —««Мои хъ черевъ урывочекъ.»»—

- Стучить—бренчить, по сѣнямъ бѣжить,
 35. По сѣнямъ бѣжить дочь рѣдная,
 Упала она ей во рѣзвы ноги:
 «Охъ матушка, сударыня!
 «Что ты мнѣ давно не скажешься?

*) Уже вставка позднѣйшая.

- «Не заставила бы я тебя три дѣла дѣлать,
 40. «Ни дитю качать, ни гусей пасти,
 «Ни гусей пасти и ни бумагу прять.
 «Вотъ тебѣ золоты ключи,
 «Отмыкай—ко ты дубовы ларцы,
 «Бери себѣ золотой казны,
 45. «Золотой казны сколько надобно.
 «Ступай—ко ты на конюшную,
 «Бери себѣ коня добраго,
 «Поѣзжай на святую Русь,
 «На святую Русь къ малымъ дѣтускамъ.»
 50. ««Дитя ли мое, дитя милое!
 ««Не надо мнѣ золотой казны,
 ««Не ѣду я на святую Русь:
 ««Съ тобой, мой другъ, не расстануся!»»

(Запис. Г-жею Улыбышевой).

Ср. при этомъ образецъ, запис. въ Оренб. губ. В. Н. Далежъ („За Дарьей“), и три образца, однакъ съ именемъ Петра 1-го (Тул. и Саратов. губ.), въ собр. П. В. Шейна, въ только что вышедшей 1-й кн. „Чтеній“ 1868 г.

* *

За симъ слѣдуютъ разнорѣчія, не имѣющія имени «Дарья рѣки,» какъ въ указанныхъ нами трехъ образцахъ (въ Прибавленіяхъ первыхъ, у Якушкина и сейчасъ изъ Тульской губерніи); не отличаются они и тѣмъ своеобразнымъ началомъ, какъ другія предъидущія; вмѣсто «не шумъ шумить,» они отличаются въ началѣ своемъ словами—«Не огни горятъ,» «Огни горятъ» и т. п.

8.

(Самарскій край).

За горами—то
 За высокими,
 За лѣсами—то
 За дремучими,

5. Тамъ горять огни
Негасимые:
Злы Татары тамъ
Свой полонъ дѣлать.
Еще кто къ кому
10. Во полонъ пощель?
Доставалася
Теща зятюшкѣ.

Онъ привелъ ее

Къ молодой женѣ:

15. «Еще вотъ тебѣ,
«Жена, нянюшка!
«Ты заставь ее
«Дѣлать три дѣла:
«Дѣло первое—
20. «Шелковъ *) кужель пряхь,
«А друго дѣло—
«Гусенячь пасти,
«Дѣло третье—
«Что дитю качать.»
25. Она качать дитю,
Прибаюкивать:
«Баюшки, баю,
«Баю, дитятко **)!
«Ты по батюшкѣ
30. «Злой Татарченкокъ,
«А по матушкѣ
«Милѣ внученочекѣ:

*) Новое видоизмѣненіе.

**) При этомъ началѣ разнорѣчіе:

По горамъ—горамъ по высокимъ:
Туть огни горять негасимые,
Злы Татаровы туть полонъ дѣлать.
Доставалася теща зятю въ плѣнъ,
Онъ отвезъ ее къ молодой женѣ.....

- «Твоя матушка
 «Моя дочь была,
 35. «Какъ семи-то лѣтъ
 «Во полонѣ взята;
 «И у ней-то есть
 «Двѣ примѣточки:
 «На бѣлой грудѣ *)
 40. «У ней родинка,
 «На правой рукѣ
 «Нѣтъ мизинчика.»»

Услыхали то

- Мамки-нянюшки,
 45. Побѣжали онѣ
 Къ молодой паньѣ **)
 —Еще что это
 —За старушенька,
 —Что качать дитю—
 50. —Прибаюкивать:
 —«Ты, баю, баю,
 —«Дитя милое!
 —«Ты по батюшкѣ
 —«Злой Татаренокъ,
 55. —«А по матушкѣ
 —«Милѣ внученочекъ?» —

Побѣжала панья

На фабричный **) дворъ,

«Ты заставь ее три дѣла дѣлать:
 «Дитя качать, тонкій кушель прать,
 «А и третье дѣло—цѣплять пасты»...
 «Ты, баю, баю, мое дитячко.....»»

разсказа, приведенное г. Варенцовымъ, взято имъ изъ «Сказаній»
 Арза, о чемъ см. ниже.

) Весьма неупотребительная форма.

) Черты искаженія.

- Она бросилась
60. Къ своей матери:
«Государыня
«Моя матушка!
«Что же прежде ты
«Не сказалася?
65. «Если хочешь ты,
«У меня живи;
«А не хочешь жить,
«Не могу держать:
«Ты бери казны,
70. «Сколько надобно,
«И поди домой
«На святую Русь.
«А какъ мнѣ молодой
«Ужь такъ Богъ велѣлъ:
75. «Что связали меня
«Дѣти малыя,
«Не видать-то мнѣ
«Милой родины,
«Оставаться вѣкъ
80. «Во неволюшкѣ *)!»

(Ср. Сборникъ г. Варенцова 1862 г.).

*

Уже здѣсь довольно порчи: панья, фабричный, сладковатый лиризмъ. Еще больше въ слѣдующемъ разнорѣчии, разукрашенномъ и такъ сказать «кудрявомъ»:

*) Это все, со словъ «А какъ мнѣ молодой,» какъ-то слишкомъ сладко для народнаго творчества: въ другихъ вариантахъ нигдѣ этого нѣтъ; тамъ всадъ героизмъ или самопожертвованіе не дочери, а матери; и проще, естественнѣе, ибо народъ не заставитъ героическую мать говорить, что ее «связали дѣти;» вся Былина основана на томъ, что дѣти и внучата дороги, что для нихъ и жертвуетъ собой бабушка.

(Саратовск. губ.).

- Какъ за рѣченькой за быстрою,
 Не огонь горитъ, а полымья:
 Злы Татарченки города берутъ,
 Города берутъ, по себѣ дѣлать ¹⁾,
5. Да кому что достанется,
 Кому золото, кому серебро,
 Кому добрый конь, кому платье цвѣтное,
 Кому платье цвѣтное, кому Русска нянюшка ²⁾.
 Доставалася теща зятюшкѣ.
10. Зять беретъ тещу за бѣлы руки,
 Посадилъ ее во колясочку ³⁾.
 Подвозилъ тещу къ широку двору,
 Вскрикнулъ—возгаркнулъ громкимъ голосомъ,
 Громкимъ голосомъ молодецкимъ ⁴⁾:
15. «Ты встрѣчай меня, молода жена!
 «Я привезъ тебѣ Русску нянюшку ⁵⁾,
 «Русску нянюшку, полоняночку.
 «Ты заставь ее дѣлать три дѣла:
 «Первое дѣльце—ковры вышивать ⁶⁾,

¹⁾ Нигдѣ въ образцахъ сей Былины не говорится, что Татары берутъ города: «огни горятъ, котлы кипятъ»,—картина кочевниковъ въ полѣ, а сочинитель сего варианта создалъ погромы и пожары городовъ.—²⁾ Словомъ «серебро» кончаются другіе варианты, а эти послѣдніе два стиха, возникшіе изъ желанія сдѣлать подробный перечень, къ сожалѣнію не подходятъ подъ разнѣръ Старинн и нарушаютъ ея складъ; Русская же нянюшка положительному никому не доставалась: Татарамъ была она ненужна, какъ Русская, и только случайно особымъ, въ чемъ и завязка драмы, Русская полонянка пошла въ эту роль.—³⁾ Порча: у кочевниковъ едва ли и были коляски.—⁴⁾ Этотъ стихъ напрасель: это не старшая Былина, а Старина, въ разрядѣ «женскихъ».—⁵⁾ Вотъ ужъ этого-то Татарины не придумалъ бы сказать.—⁶⁾ Хотя это конечно характерно для Восточнаго народа, но въ другихъ вариантахъ сего нѣтъ.

20. «Другое дѣльце—гусей стеречи,
«А третіе—дѣтей качати.»

—Я руками ковры вышила,
—Я глазами гусей стерегла,
—Я ногами дитю качала:

25. —«Ты, качу-баю, мое дитятко!
—«Ты по батюшкѣ злой Татарченкокъ,
—«Ты не крещеной, не молитвенный ¹⁾,
—«А по матушкѣ мой боярченкокъ,
—«Мой боярченкокъ, Русска косточка ²⁾»»

30. Услыхала молода княжна:
«Почему знаешь, моя нянюшка,
«Что по батюшкѣ злой Татарченкокъ,
«А по матушкѣ боярченкокъ?»»
—Какъ мнѣ не знать, моя доченька:

35. —Ты семи дѣтъ во полонѣ взята.

(Ср. сборы. гт. Костомар. и Мордовц. въ „Лѣтоп. р. литер. и др.“).

*

Есть еще образецъ, крайне уже испорченный, гдѣ Былина или даже Старина разложилась въ Побынальщину: нарушивши весь складъ; вошла и другая порча, но совершенно уже народная и потому отличная отъ помннутыхъ приращъ:

10.

(Симбарск. губ., с. Голосино).

Не огни горять, не котлы кипятъ,
Во чистомъ полѣ все Татары;
Все Татары полонѣ дѣлятъ:
Доставалася дочь съ матерью.

¹⁾ Уже конечно, если Татаринъ: сравните въ другихъ образцахъ превосходную простоту, — «вѣра не та.» — ²⁾ Характерно, но чрезвычайно въ этой Старинѣ, судя особенно по другимъ образцамъ.

5. Приводють ее къ молодой княгинѣ:
 «Вотъ тебѣ, молодая княгиня,
 «Я привелъ работницу.»
 Она говоритъ ему:
 —Чортъ ли это за работница!
10. —Ты заставь ее утять пасти
 —И еще заставь ее дитю качать.—
 Вотъ она дитю качать, прибаукивать:
 «Ты, бау, бау, Татарскій сынъ!
 «Ты по батюшкѣ Татарскій сынъ,
15. «А по матушкѣ внученочекъ:
 «Твоя матушка во полонъ взята,
 «На вашей матушкѣ есть примѣточка,
 «На правой щекѣ бородавочка.»
- Ну посылаетъ же молодая княгиня
20. Нянекъ—мамушекъ:
 —Вы подите же, мамки-нянюшки,
 —Вы послушайте, какъ дитю качаетъ,
 —Какъ (дитю качаетъ) полоняночка.—
 Тутъ приходятъ няньки-мамки,
25. Сказываютъ молодой княгинѣ:
 «Хорошо дитю качаетъ полоняночка,
 «(Хорошо дитю качаетъ) и прибаукиваетъ,
 «Называетъ его по батюшкѣ
 «Татарскій сынъ,
30. «А по матушкѣ, говорить,
 «Ты мнѣ внученочекъ,
 «Ваша мать во полонъ взята,
 «На твоей матушкѣ есть примѣточка,
 «На правой щекѣ бородавочка.»
35. Побѣжала же молодая княгиня
 Ко своей ко матери,
 Испугалась и обрадовалась:
 —Сударыня ты моя матушка!
 —Ужь ты что мнѣ не сказалася?
40. —Ужь ты брось дитю,
 —Пушай онъ поплачется;

- Ты брось шелковъ кужель прастъ,
 —Пушай его куры путають;
 —Ужь ты брось утятъ пасти,
 45. —Пусть птицы таскають!—

(Отъ Ямкова).

*

Въ пѣсни этой, по всѣмъ образцамъ, такъ много лирически-драматическаго, и трогательнаго, и затрогивающаго, что, понятно, она болѣе другихъ вызывала на добавки и прикрасы: такъ и казалось охотникамъ,—вотъ, вотъ бы еще хорошенькій стишокъ. И безъ того склонный къ этому, г. Сахаровъ въ «Сказаніяхъ» разумѣется, напечаталъ ее въ «очищенномъ» и подкрашенномъ видѣ (для краткости мы означимъ такіе приемы *курсивомъ*):

11.

- По горамъ—горамъ
 По высокіимъ,
 По раздольицамъ
 По широкіимъ,
 5. Тутъ огни горять
Незасимы:
 Злы Татарове
 Тутъ полонъ дѣлать.
 Доставалася
 10. Теща зятю въ плѣнъ.

- Онъ отвезъ ее
 Къ молодой женѣ:
 «Ахъ и вотъ тебѣ,
 «Молода жена,
 15. «Полоняночка
 «Съ Руси Русская!
 «Ты заставь ее
 «Три дѣла дѣлать:

- «Что и первое—
 20. «То дитя качать,
 «А другое-то—
 «Тонкий кужель прясть,
 «Что и третье—
 «То цыплятъ пасти.»
25. —Ты, баю, баю,
 —Мое дитятко!
 —Ты по батюшкѣ
 —Злой Татарченкокъ,
 —Ты по матушкѣ
30. —Милъ внученочекъ:
 —Видь твоя-то мать
 —Мнѣ родная дочь,
 —Семи лѣтъ она
 —Во полонъ взята,
35. —На правой рукѣ
 —Нѣтъ мизинчика.
 —Ты, баю, баю,
 —Мое дитятко!—

Какъ услышала

40. Тутъ Татарочка (?),
 Она кинулась,
 Она бросилась
 На бѣлы руки
 Къ своей матушкѣ:
45. «Ахъ, родимая,
 «Моя матушка!
 «Выбирай себѣ
 «Коня лучшаго:
 «Мы бѣжимъ съ тобой
50. «На святую Русь,
 «На святую Русь,
 «Нашу родину!»»

(„Сказан. Р. нар.“).

Всякой видитъ изъ приведенныхъ образцовъ, что въ Былинѣ, насъ занимающей, вставлена «колыбельная пѣсня,» то есть, собственно, три-четыре строчки изъ обычной, извѣстной Русской Колыбельной пѣсни; но какъ она именно *оставлена*, съ расчетомъ творчества или, лучше, требованіемъ содержанія, дабы чрезъ нее открыть мать передъ дочерью, то къ ней пѣвшая прибавляетъ нѣсколько *задачныхъ* словъ, «по батюшкѣ Татарченокъ, по матушкѣ боярченокъ» и т. п., словъ, которыя именно поражаютъ прислужницъ, заставляютъ задуматься жену Татарина или вдругъ разгадываются ея дочернинымъ сердцемъ. Все это, отвѣчая можетъ быть дѣйствительному случаю, въ творествѣ необыкновенно тонко задумано, искусно проведено, кратко и просто выражено. Нѣтъ тутъ никакой *Татарской* пѣсни, нѣтъ *Татарской колыбельной*, то есть такой, которая особенно пѣлась бы Татарамъ или у Татаръ, а тѣмъ болѣе вся пѣсня, въ цѣломъ составѣ, не есть ни сколько *Колыбельная Русская*, напротивъ Былина, не дошедшая до насъ, а статья можетъ и не существовавшая, въ строгомъ складѣ Былины, напротивъ, и особенно по лиризму, по драматизму содержанія, явившаяся *Стариною*, перешедшая къ семьямъ, къ женщинамъ, и въ семь складѣ, съ извѣстными намъ особенностями, дожившая до нашихъ дней. Но, послѣ первыхъ покушеній на прикрасы, Сахаровъ не могъ устоять предъ завлекательностью произведенія: онъ, въ «Сказаніяхъ,» прямо заглавилъ «Русскія *Колыбельныя* пѣсни,» и, не довольствуясь *единственною*, у насъ извѣстною («баю, баюшки, баю»), помѣстивъ подъ ними Былину или Старину, передѣланную въ въ двѣ Колыбельныя Пѣсни съ припѣвами. Здѣсь онъ наскзалъ просто чудесь: поющая поѣтъ про страшные погромы, про злыхъ Татаръ, и припѣваетъ «баю (какое усладительное содержаніе для успокоенія и усыпленія ребенка!);» рассказываетъ про полонъ, рисуется картину его на Руси, ту, въ коей она сама взята плѣнницей,—у Татаръ поетъ то, что совершилось раньше съ ней самой на Руси; даже, оказывается, поетъ

уже не у Татаръ, а просто на Руси, своему, Русскому ребенку, и примучиваетъ ребенка—«коли, руби, сѣки, кроши губителей!» Потомъ, разыгравшись не на шутку, какъ Сивилла и Кассандра, пророчить уже о низверженіи Татарскаго ига (не доживши до того и не читавши еще Карамзина), увѣрять, что у ребенка взяты уже въ плѣнъ и отецъ, и мать (значить, поетъ нянька какой-то сиротѣ: вѣроятно такихъ плачѣй и сочинительницъ нарочно тогда нанимали осиротѣвшія по селамъ дѣти, качать ихъ и возбуждать), нудить ребенка спасти ихъ и вывезти изъ орды на святую Русь, въ заключеніе же доходить до того, что налагаетъ на ребенка обязанность, кстати вывезти себѣ оттуда же, изъ орды, молоду жену, то есть Татарку, и помѣстить ее въ изукрашенномъ теремѣ. Приведемъ эти курьёзы, какъ будто страницу изъ статей «О происхожденіи Русскихъ былинъ:»

(Безъ №).

- На горѣ, горѣ, да крутой,
Огни горять, да все свѣтлые,
Баю, баюшки, баю!
- Вокругъ огней, да свѣтлыихъ,
5. Котлы кипятъ, да кипучіе,
Баю, баюшки, баю!
- Вокругъ огней, да свѣтлыихъ,
Сидятъ Татары, да все злые (какіе страшные!),
Баю, баюшки, баю!
10. Сидятъ, дѣлятъ да все животы
Твоего отца, да родимаго.
Баю, баюшки, баю!
- Встань, пробудись (вмѣсто того, чтобъ спать), да дитятко,
Сонмай (не просто „снямай“) со стѣны сабельки,
15. Баю, баюшки, баю!

Сонмай со стѣны сабельки,

И *всп-то* (!) мечи булатные (и мечи, и сабли вѣсть, вопреки
разграниченію Нестора);

Баю, баюшки, баю!

Ты *коли*, руби сабельками („коли—саблями“)

20. Злыхъ Татаръ съ Татарченками;

Баю, баюшки, баю!

Ты *спки*, *кроши* (все это долженъ сдѣлать ребенокъ) губителей
Все мечами да булатными.

Баю, баюшки, баю!

25.

Баю, мое дитятко!

*

(Опять безъ №).

Спи, усни, мое дитятко!

Покуль гроза пройдетъ,

Покуль бѣда минетъ.

Баю, баюшки, баю!

5.

Баю, мое дитятко!

Спи, усни, мое дитятко!

Гроза пройдетъ страшная,

Бѣда минетъ наносная (будутъ изложены Татары).

Баю, и т. д.

10. Спи, усни, мое дитятко (ибо—),

Твоя матушка поляночка (!),

Твой батюшка поляночикъ (!).

Злы Татарове набѣгали,

Домы, теремы сожигали,

15. Старыхъ стариковъ убивали,

Молодыхъ въ полонь полонили (ужасная картина!),

Животы по себѣ дѣлили:

Разлучили тебя, дитятко,

Съ родимой ли матушкой,

20. *Отогнали прочь* (!), дитятко,

Твоего ли батюшку родимаго.

- Ты расти, расти, дитятко,
Во крѣпости и во младости (!).
Ужь у тебя ли на дворѣ
25. *Состоитъ (!) теремъ одиначочикъ (!)*
 Безъ батюшки и безъ матушки
 (А гдѣ же лежитъ ребенокъ? *Mon père est à Paris, ma mère est à Versailles...*),
 • *Безъ твоей молодой жены* (она у младенца также отведена или ее отогнали прочь);
- Ты сѣдай коня вороного,
 Ты скачи въ *Орду Золотую* (какая точность!),
30. Вывози батюшку роднова (народная форма),
 На святую ли Русь;
 Вывози матушку родину
 На широкой ли дворѣ;
Вывози молодую жену (вотъ она гдѣ: въ ордѣ; дѣйствительно была увезена у младенца)
35. Во теремъ изукрашенный.
 Баю, баюшки, баю!
 Баю, мое дитятко!

*

Читаешь, и не вѣришь глазамъ своимъ. Однако г. Сахарову повѣрили. Г. Варенцовъ въ «Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края (1862 г.)» перепечаталъ эти «колыбельныя» пѣсни, даже съ нѣкоторыми вариантами, напр. вм. «сабелекъ и всѣхъ-то мечей булатныхъ» нашелъ вариантъ проще—«Соимай со стѣны саблю вострую;» вм. «коли, руби, сѣки, кроши губителей,» приводитъ проще—«коли, руби, злыхъ Татаровей», вм. «покуль»—«поколѣва,» вм. «во крѣпости»—«въ силѣ-крѣпости,» вм. «состоитъ одиначочикъ»—«стоитъ одиначенекъ,» вм. «вывози»—«вызови» и т. п. Самарскій край такимъ образомъ очень успѣшно поправилъ слишкомъ рѣзкіе промахи Сахарова, а издатель справедливо, основываясь конечно на томъ, что самъ слышалъ въ народѣ, увѣряетъ, что пѣсня эта «очень распро-

странена, особенно въ *формѣ колыбельной.*» Мы, правду сказать, такой колыбельной пѣсни не слыхивали и даже не видали, кромѣ какъ на страницахъ Сахарова, не слыхивалъ и не зналъ Кирѣевскій, ни Рыбниковъ, ни Якушкинъ, ни, вѣроятно, Русскій народъ. Тѣмъ не менѣе мы признаемъ въ ней весьма обаятельную силу, ибо послѣ Сахарова многіе, особенно наши дамы, говаривали и писали объ «ужасныхъ» колыбельныхъ древнихъ пѣсняхъ на Руси, а одной даровитой нашей писательницѣ это вдохнуло нѣсколько теплыхъ и энергическихъ строкъ: «Эта пѣсня чрезвычайно замѣчательна тѣмъ, что она *колыбельная пѣсня.* Сердце разрывается представить себѣ, что было время, когда наши русскія дѣти убаюкивались—и какую же пѣсню!... Эта пѣсня имѣетъ много вариантовъ и во всѣхъ ихъ остается *колыбельною.*»

Въ «Воронежской Бесѣдѣ (1861 г.)» Н. Ст. Кохановская приводитъ замѣчательный случай, какъ одна молодая дама, въ ея присутствіи, укачивая ребенка, пѣла именно ту Былинну или Старину, которую мы выше напечатали, о Татарскомъ полонѣ. «На дняхъ, молодая дама, разговаривая со мною, упомянула, что она знаетъ эту пѣсню. Я попросила ее пересказать мнѣ. «Я такъ не съумѣю, ошибусь,» отвѣчала она. «А вотъ подождите, я скоро стану убаюкивать мою маленькую дочь и вы услышите.» И точно, черезъ полчаса дама взяла на руки свою малютку и начала ее убаюкивать, напѣвая.»

Вотъ эта пѣсня, одинъ изъ вариантовъ къ предыдущимъ:

12.

(Губ. Харьковской?).

Не пылъ пылить по дорогѣ:
Татарѣ мѣдутъ, огонь кладутъ,
Подъ грушею кашу варять,
Подъ яблонью обѣдаютъ,

5. Пообѣдавши полонѣ дѣлать.
 Досталася сестра брату
 Сестра брату, теща зятю:
 А братъ сестру на волю пустиль,
 А зять тещу домой узль.
10. Домой узль, жещѣ отдалъ:
 «На тебѣ, жена, половяночку,
 «Полоняночку, служаночку!
 «Заставь ее три дѣла дѣлать:
 «Первое дѣло—дитя качать,
 15. «Другое дѣло.—кудель прядь,
 «Третье дѣло—гусей стеречь.»
- Я глазками гусей гляжу,
 —Я ручками кудель пряду,
 —Я ножкою дитя качну;
20. —Дитя качну, сама скажу:
 —«Баю, баю, мое дитятко,
 —«Моли, моли *), мое милое,
 —«По матушкѣ унучина,
 —«По батюшкѣ Татарщина.»—

(Запис. Н. Ст. Кохановской. „Воров. Бес.“ 1861).

Совершенно справедливо, что пѣсень нельзя записывать съ пересказа, и нарочно безъ повода пересказывать пѣсню—трудно. А пѣть, убаюкивая дитя, можно что угодно, особенно кто мало знакомъ съ народными обычаями и приѣмами. Дамамъ же вообще мы имѣемъ честь предложить Колыбельныя и прочія «Дѣтскія» пѣсни въ нашемъ недавнемъ изданіи. Тамъ можно найти, что въ извѣстныхъ случаяхъ поѣтся среди народа, а также легко провѣрить, чего *никогда не поѣтся*.

Конецъ Пѣсень 7-го выпуска и II-й части,
 Замятокъ къ нимъ и Приложеній.

*) Не понимаемъ, что это значить. Не опечатка ли вмѣсто «люли, люли?»

Вслѣдъ за симъ мы помѣщаемъ «*Порѣшности*,» происхожденіе коихъ уже объяснено нами выше, а за тѣмъ два «*Оглавленія*»: первое въ томъ порядкѣ, какой случайно получили Былины въ 7-мъ выпускѣ, при двухъ перерывахъ, а второе въ томъ, какъ дѣйствительно должны бы онѣ размѣститься съ точностію строгой и какія сюда относятся дополненія, указанныя нами, изъ прочихъ изданій. При 7-мъ же выпускѣ помѣщено Оглавленіе и 6-му, въ заключеніе II-й Части изданія.

* *

*

ПОГРѢШНОСТИ,

замѣченныя при пересмотрѣ первыхъ четырехъ листовъ *).

Слѣдуетъ исправить или дополнить:

<i>Т.</i> , <i>стр.</i> 1, <i>ст.</i> 8 и 9.....	<i>Пр.</i> Въ оригиналѣ: возвычалася, возвычался.
— — <i>ст.</i> 14.....	<i>Пр.</i> На Угличѣ: по непониманію сдѣлано «углице», гдѣ жгутъ уголья.
— — <i>ст.</i> 15: на игрищи,.....	на игрищи.
— — — 17: съ коршунятами.	съ коршунятами:
<i>Т.</i> , <i>стр.</i> 2, <i>ст.</i> 27: прошегъ.....	прошегъ *)
— — — 5: преставился.....	переставился
— — — 6: Россѣюшка.....	Росеюшка
— — — 8: Появилась.....	Проявилась
— — — 10: этоть.....	эоть-то
— — — 11: Россѣюшкой.....	Росеюшкой
— — — 14: Дмитрія.....	Дмитрія
<i>Пр.</i> — <i>стр.</i> 1 снизу:.....	<i>Пр.</i> 2) пошегъ (вариантъ).
<i>Пр.</i> , <i>стр.</i> 3, <i>стр.</i> 9 сверху: (Шѣла старушка, 1834 г.).....	(Шѣла старушка, 1834 г., Генваря 22).
<i>Т.</i> , — <i>ст.</i> 9: Царю Богу.....	Царю, Богу
— — — 14: «Подя.....	«Выди
— <i>стр.</i> 4, <i>ст.</i> 17: народу: Дмитрій	народу, что Дмитрій
— — — 23: скажи дѣтина,...	скажи, дѣтина,
— — — 24: «Отъ коей страны, пришегъ,.....	«Отъ коей страны пришегъ,
— — — 28: грозный.....	Грозный

*) Произошли онѣ главнымъ образомъ отъ того, что печаталось не точно съ копій, переписанныхъ П. И. Якушкинымъ: но копія сія оказались не точны при послѣдовавшемъ сравненіи съ подлинниками.—Сокращеніе *Т.* значить текстъ страницы, а *Пр.* примѣчанія; *Стр.* строка, *Стран.* страница, *Ст.* стихъ.

— <i>стр.</i> 5, <i>ст.</i> 1: Боже Спась.....	Боже, Спась
— — — 4: Отрепьева;.....	Отрепьева?
— — — 7: Димитріємъ.....	Димитріємъ
— — — 13: Юрьевну,.....	Юрьеву,
— — — 21: саянь.....	соаянь
	<i>Пр.</i> См. прежніе выпуски и ниже въ Дополненіяхъ.
— — — 25: красный.....	красной
<i>T.</i> , <i>стр.</i> 6, <i>ст.</i> 34: Въ Боголюбовъ монастырь.....	<i>Пр.</i> Любимый въ Былянахъ, техническое имя: ср. друг. выпуски.
— — — 45: Потерянь.....	<i>Пр.</i> Убитъ; ср. «Князь Романъ жену терля.»
— — — 48: премудры;.....	Премудры;
— — — 57: крыльцу.....	крылечку
— — — 66: Бросисд.....	Бросиса
— <i>стр.</i> 7, <i>ст.</i> 6: Стрижка-арышка	Стрижка-арышка
	<i>Пр.</i> Разстригъ Отрепьеву придаю насмѣшливое прозвище арыжка. подъячихъ и вообще подначальныхъ людей, которые изстари стриглись какъ хохлы, рабы, а со времени Западнаго вліянія одни изъ перытъ, послѣ бояръ и дворянъ, начали стричься по Нѣмцки.
— — — 15: швырцовыми!...	<i>Пр.</i> Швырковыми, то же, что «смуччыми.»
— — — 29: На себѣ.....	На себе (на себя)
<i>T.</i> , <i>стр.</i> 8, <i>ст.</i> 42: латырь.....	<i>Пр.</i> См. прежніе выпуски.
— — — 46: посылочку.....	посылочку
<i>Пр.</i> , <i>стр.</i> 9, <i>стр.</i> 6 сверху: Хитичкаль, Осташковскаго уѣзда.....	<i>Хитичахъ</i> , Осташковскаго уѣзда; 1834, Мая 22).
— — <i>стр.</i> 9 снизу: подкстала.....	подокстала.
<i>T.</i> въ <i>Пр.</i> , <i>стр.</i> 10, <i>стр.</i> 14 снизу: няньки мон-мамки!.....	няньки мон, мамки!
— — — <i>стр.</i> 11: въ новы выходы,.....	во новы выходы,
<i>T.</i> , <i>стр.</i> 11, <i>ст.</i> 32: Того ли кума..	Того ли же кума
— — <i>ст.</i> 2: году осьмой....	году, въ осьмой
— — — 5: во всѣ.....	со всѣ
— — — 6: И съ нею.....	А и съ нею
— — — 10: Чукша,.....	Чукши,
— — 12, <i>ст.</i> 21: крещеному.	крещеному
— — — 22: свѣто-Русскія, ..	свѣто-Русскія.

— — — 25: Московскій.....	Московской
— — — 40: названнй	названной
— — — 52: Русскіе.....	Русскіе.»
<i>Т., стран. 13, ст. 59:</i> Карлосу;.....	Карлусу;
— — — 61: Скочилъ.....	Скочилъ
— — — 64: ни замѣшкался,	не замѣшкался,
— — — 67: круглый.....	круглой
— — — 78: Отправилъ.....	Отправляетъ
— — — 81: Швольскія.....	<i>Пр. Стекольскія, Штокгольскія.</i>
— — — 83: не мало.....	ни мало —
<i>Т., стран. 14, ст. 101:</i> Превроинли ..	Прекротили
	<i>Пр. Укротили; пользуются словопроиз-</i>
	<i>водствомъ и образамн въ словѣ того</i>
	<i>же корня, творчество выводитъ и</i>
	<i>враговъ «долговѣлыхъ,» которыхъ</i>
	<i>наши «укорачиваютъ.»</i>
— — — 102: дрались,.....	дрались,
— — — 103: А еще ноне ..	Еще новѣ
— — — 106: въ ночь.....	<i>Пр. На сѣверъ.</i>
— — — 108: божья помощь—	Божья помощь?
— — — 111: великое госу-	
дарство Россійское.....	велико государство Россійское.
— — — 120: православный	православной
— — — 126: княжевича,...	князевича,
<i>Т., стран. 15, ст. 131:</i> почестный....	почестной
— — — 133: пыненьки.....	пыльнички
— — — 150: Отъ малаго...	«Отъ малаго
— <i>стран. 16, ст. 166:</i> «А знаючи мнѣ	
стаканъ со зельемъ.....	«А зазнаючи мнѣ со зельемъ стаканъ
— — — 167: меня змѣя....	меня, змѣя
— — — 172: А только ус-	<i>Пр. Только—скоро: какъ скоро, какъ</i>
пѣлъ съ нею скоро.....	только успѣлъ.
— — — 188: веселымъ мо-	<i>Пр. Гуслирамъ, пѣвцамъ Былинъ по</i>
лодцамъ.....	<i>занятію (профессіи); позднѣ—ско-</i>
	<i>морочамъ и гудочникамъ, удерж-</i>
	<i>ившимся у насъ долге гуслировъ</i>
	<i>и замѣнявшимъ не рѣдко сихъ по-</i>
	<i>слѣднихъ.</i>
<i>Т., стран. 17, ст. 14:</i> во дворцѣ его	его во дворцѣ
— — — 20: басурмана,...	басурманина,
— — — 6, <i>стр. 1-я</i> снѣ-	
зу: Гужмундъ;.....	<i>Пр. Жигмундъ, Сигизмундъ.</i>
<i>Т., стран. 18, ст. 21:</i> воеводъ.....	воеводѣ

Пр., <i>страх.</i> 19, <i>стр.</i> 2-я сверху: (Орловск. губ. Малоарх. у.).....	(Сибирскъ).
— — послѣ 10-го стиха:....	Пр. (Запис. П. В. Кир. 1838 г.)
Т., — ст. 2: талу.....	талую
— — — 12: ступай, тетка, въ кѣтн!.....	ступайте-ка въ кѣтн!
— — — 15: не клешите».....	не клешите.»
Т., <i>страх.</i> 20, послѣ стиха 18-го....	Въ третѣхъ-то саняхъ Урядники сами;
— — — ст. 26 (29): Дѣрники ..	Ой, съ Дону, съ Дону!
— <i>страх.</i> 21, <i>ст.</i> 37 (40): благословля- еть,.....	Пр. За снѣгъ исправитъ счетъ стихомъ. Да ёрники
— — — 50 (53): не зна(ва)й- те!».....	благословляеть, не знайте!»
— — — ст. 1, <i>стр.</i> 4 снизу: въ старомъ-то.....	въ старомъ-то «Разобьемъ мы ихъ,
— <i>страх.</i> 22, <i>ст.</i> 20: «Разобьемъ ихъ, — — 23, <i>ст.</i> 48: Самого-то Суз- мунда.....	Самого-то короля Сузмунда изъ богатаго роду Какъ и взговоритъ бояры-воеводы
— — — 65: изъ богатаго дому	Пр. (Отъ старухи).
Т., <i>страх.</i> 24, <i>ст.</i> 8: Какъ взговоритъ	Снарядился
— — — 13: бояры воеводы	малыхъ
Послѣ стиха 15-го:	Восплакавши,
— — — ст. 1, <i>стр.</i> 12 снизу:	малымъ
Снарядился.....	Михайло, сила-ратъ
— — — ст. 6: малыхъ.....	буйныхъ
— — — 8: Восплакавши,...	Подъ Контоповымъ
— — — 10: малымъ.....	было—Переправомъ,
— <i>страх.</i> 25, <i>ст.</i> 17: Михайло сила- ратъ.....	Пр. Было за рѣкою-переправомъ. Ср. стр. 27, № 3.
— — — 28 и 29: буйныхъ..	боярина князя
— — — ст. 1, <i>стр.</i> 11 снизу:	прозванью
Подъ Контоповымъ.....	царю Крымско-
— — — ст. 2: было Перепра- вомъ,.....	му.....
— — — ст. 5: боярина.....	
— — — 6: прозванію.....	
— — — 11: царю Крымско-	

<i>Т.</i> , <i>стр.</i> 26, <i>ст.</i> 12: бѣлому.....	ко бѣлому.
— — — 13: взговорить.....	возговорить
— — — : шишимора:.....	вшморѣ:
	<i>Пр.</i> Вѣроятно «шишимора» въ 24-мъ стихѣ «шморѣ.»
— — — 14: бояринъ.....	бояринъ
— — — 17: Взговорить....	Возговорить
— — — 27: <i>морешма</i>	<i>Пр.</i> Ключьями, отрешьями, по мелкимъ частямъ, обрывкамъ: старое, общеславянское <i>моръь</i> , <i>морха</i> , <i>мрха</i> , у насъ еще съ перестановкой <i>мохръ</i> , <i>мохръ</i> . Образовано какъ <i>лашмя</i> , <i>весьма</i> и т. п.
— — — ст. 1: во чистомъ....	въ чистомъ
— — — 3: Татары—Улавни;.....	<i>Пр.</i> Улановья.
— — — 9 и 11: Васильевичу	Васильичу
— <i>стр.</i> 27, <i>ст.</i> 14: мержавецкое,...	<i>Пр.</i> Мурзавецкое, мурзинское.
— — — <i>ст.</i> 1, <i>стр.</i> 9 снизу: за Сосновкою,.....	Сосновкою,
— — — 3: Въ лугахъ,....	На лугахъ,
<i>Т.</i> , <i>стр.</i> 28, <i>ст.</i> 11: Напущались...	Напущались
— — — 16: Пожарскій.....	Пожарской
— — — 22: славный.....	<i>Пр.</i> И ниже исправить то же. славной
— — — 28: Своей.....	<i>Пр.</i> И ниже исправить: «доброй, лановой.» Своею
— — — 29 и 31: что.....	что
— — — 30: А звыли-ли звы Татарове.....	А завыли звы Татарове
— <i>стр.</i> 29: 46.....	45.
— — — <i>ст.</i> 47: «Заочью неизмѣнною;.....	«Заочью не неизмѣню;
	<i>Пр.</i> Въ глазахъ вѣрой-правдою, а заглазно не неизмѣною (параллелизмъ, въ родѣ древняго Еврейскаго).
— — — <i>ст.</i> 56: чембуры.....	<i>Пр.</i> См. прежніе выпуски.
— — — 59: «Я (бъ) срубилъ	«Я срубилъ
— — — 65: черные.....	черные
— — — 78: молодцы-то....	молодцы то

— — — 79: по себѣ.....	<i>Пр.</i> Здѣсь то относится къ слову «гѣло.»
<i>Т.</i> , <i>стран.</i> 30, <i>ст.</i> 96: въ мѣсто.....	<i>Пр.</i> Особенно, отдѣльно.
— — — <i>ст.</i> 6 и 7: вѣрная.....	<i>Пр.</i> Вмѣстѣ: цѣлкомъ, цѣлымъ.
<i>Пр.</i> (варианты), <i>стран.</i> 31, <i>стр.</i> 10 снизу: Загорѣлась.....	вѣрна
— — — <i>стр.</i> 9 и 8: отъ большіихъ господъ.....	Загоралась
— — — <i>стр.</i> 8: Загоралась.....	отъ большіихъ отъ господъ,
— — — <i>стр.</i> 1: Во новые выходы.....	Загоралася
<i>Т.</i> , <i>стран.</i> 32, <i>ст.</i> 11: огню искорку;.....	Во новые выхода (Во новыѣ выходи).
— — — 6: На этомъ.....	огня искору;
— — — 7: бунчукъ.....	На этомъ
— — — 7: У этихъ у знамечковъ.....	<i>Пр.</i> Извѣстный пукъ, служившій у Восточныхъ народовъ знаменемъ и знакомъ отличія, потому перешедшій къ козакамъ въ видѣ булавы или жезла у гетмана или атамана; здѣсь ставка, стойка со знаменами.
— — — 10: молодцемъ.....	У этихъ знамечковъ
<i>Пр.</i> — <i>стр.</i> 1 снизу: разорился.....	молодцомъ.
<i>Т.</i> , <i>стран.</i> 33, <i>ст.</i> 3: удалый добрый.....	разорился.
— — — 8: голудбою.....	удалой доброй.
— — — <i>ст.</i> 10, <i>стр.</i> 5 снизу: ребята,...	<i>Пр.</i> Голдыба, иначе по нашимъ пѣснямъ «голь кабацкая», голыш, гуляки.
— <i>стран.</i> 34, <i>ст.</i> 15: По прозванью.....	ребята,
— — — 16 и 20: ребята,...	Возговоритъ
— — — 22: не (у)видѣлъ,...	ребята,
— — — 35.....	не видѣлъ,
— — — <i>ст.</i> 4: щепетко.....	25.
<i>Пр.</i> — <i>стр.</i> 5 снизу: Баско.....	<i>Пр.</i> Щегольски (Болгарск. «манеть»)
— <i>стран.</i> 35, <i>ст.</i> 15 и 16 сверху: Касандревска.....	<i>Пр.</i> Красно.
— — — <i>стр.</i> 22: сафьяны.....	<i>Пр.</i> Александрійская, изъ Александрійки (по народному Касандрійка).
— <i>стран.</i> 36, <i>стр.</i> 8 и 9 снизу: Ужь и сталь его воевода,.....	сафьяны
<i>Т.</i> , <i>стран.</i> 37, <i>ст.</i> 14: «Съ Дону.....	Ужь и сталь его тутъ воевода.
— — — 14 и 16: казакъ, казачій.....	«Со Дону
	казакъ, казачій

- Подъ Рогою..... Т. 44.
 Смерть царя Алексѣя Михайловича..... Т. 45—47, №№ 1—4

*

Набѣги и походы Восточныхъ выходцевъ.

- Авдотья Ризаночка..... *Дол.* 182—185; *Рыбл.* III.
 Бѣгство изъ Крыму изъ Нагаю..... Т. 56, № 3; *Дол.* 187,
 № 1; ср. Вып. I, стр. 91, 92, № 3.
 Татарскій пологъ..... Т. 54—56, №№ 1 и 2;
 61, № 5; *Дол.* 183, 189, № 1; ср. Вып. I, стр. 92—94, №№ 4, 5; Вып. IV.
 То же, въ особой цѣльной Былинѣ..... Т. 56—60, № 4, *Дол.*
 190—213, №№ 2—11 и 12-я (безъ №№ двѣ сложенныя Саха-
 ровымъ пѣсни); ср. три образца въ собр. П. В. Шейна, въ 1-й кн.
 „Чтеній“ 1868 г. (Тульск. и Саратов. губ.) и запис. В. И. Далемъ
 въ Оренбург. губ. (въ Сочинен. его т. VII, изд. 1861 г. Спб.).

* *

- Примоченія къ 7-му выпуску и Дополненія къ первымъ двумъ
 частямъ Пѣсень Былевыхъ, Историческихъ..... 1—214.
 Погрѣшности..... I—IX.
 Два Оглавленія..... XI—XV.

ЦѢНА 7 ВЫПУСКА 1 РУБЛЬ.

ВЫПУСКИ 5-И И 4-И ПО 1 Р.; 6-И, 3, 2 И 1-И ПО 50 К.; ВСѢ СЕМЬ ВЫПУСКОВЪ ИЛИ
ДВѢ ПЕРВЫЯ ЧАСТИ ИЗДАНІЯ ЛѢТЬ РУБЛ. СЕР.

497

ЦЕНА 7 ВЫПУСКА 1 РУБЛЬ.

ВЫПУСКИ 5-И И 4-И ПО 1 Р.; 6-И, 3, 2 И 1-И ПО 50 К.; ВСЯ СЕМЬ ВЫПУСКОВЪ ИЛИ

ДВА ПЕРВЫХЪ ЧАСТИ ИЗДАНІЯ ЛАТЬ РУБЛ. СЕР.

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C006107287

